

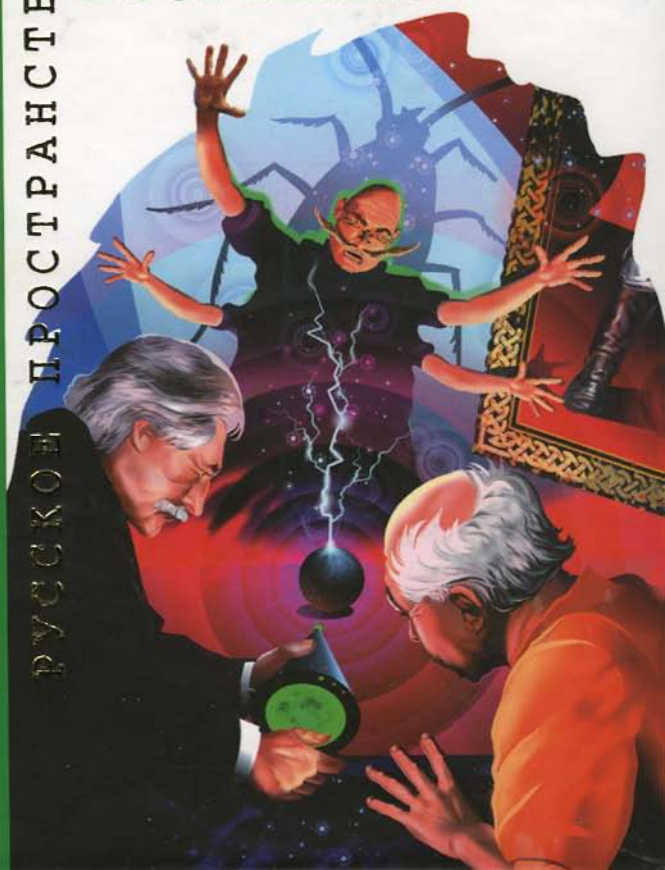
Кур БУЛЫЧЕВ

ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО



Қар
БҰЛЫЧЕВ

Кар
БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УВИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА
КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кар
БУЛЫЧЕВ

**ЖЕРТВА
ВТОРЖЕНИЯ**

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Жертва вторжения: Фантастические повести и рассказы / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2006. — 800 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-19078-3

Великий Гусляр... Этот город невозможно найти ни в одном, даже самом подробном географическом атласе, но на карте русской фантастики он выглядит заметнее иных столиц. Кир Булычев с присущим ему неподражаемым юмором, мудрой иронией и язвительным сарказмом поведал нам о нравах и порядках Великого Гусляра, о его жителях и необычайных происшествиях, то и дело приключаящихся с ними. И пусть описываемые события порой выглядят совершенно невероятными, нетрудно заметить, что вымышленный городок отразил в себе многие черты нашей родной действительности.

Любимое детище Кира Булычева, «Гуслярские хроники» создавались на протяжении четырех десятилетий и включают более 100 повестей и рассказов. Автор всегда хотел собрать их воедино. «Жертва вторжения» — вторая часть первого полного двухтомного издания знаменитого цикла.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-19078-3

© Булычев К., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Часть I

ГУСЛЯР-2000

...НО СТРАННУЮ ЛЮБОВЬЮ

Корнелий Иванович Удалов шел со службы домой. День был будничным, прохладный, вокруг города толпились тучи, но над Великим Гусляром ярко светило солнце. Виной тому был космический корабль зефиров, который барражировал над городом, не давая тучам наползать на него.

У продовольственного магазина «Эльдорадо» продрогший зефир из мелких покачивал детскую коляску, чтобы успокоить младенца, которого мамаша оставила на улице, уйдя за покупками. Младенец попискивал, но плакать не смел.

Удалов испугался, что зефир опрокинет коляску.

— Ты поосторожнее, — сказал он.

— Я очень стараюсь, — ответил зефир, — хотя ребенок выведен из душевного равновесия. Но в любом случае я благодарен вам за совет и внимание, Корнелий Иванович.

«Они всех нас по именам знают. Никуда от них не денешься!» — подумал Удалов.

Свернув на Пушкинскую, он увидел еще одного зефира, постарше, который собирал пыль и собачий помет в пластиковый мешок.

— А где дворник? — спросил Корнелий.

— Фатима Максудовна кормит грудью своего младшенького, — ответил зефир. — Я позволил себе ей помочь.

Зефир сам уже был покрыт пылью. Работал он старательно, но неумело.

— Ты что, никогда улиц не подметал? — спросил Удалов.

— Простите, — ответил зефир, — у нас давно нет пыли.

— Ну и тоскливо, наверно, у вас.

— Почему вы так считаете?

— Во всем у вас порядок, всего вы достигли.

— Нет предела совершенству, — возразил зефир.

— И чего тогда к нам примчались?

— Мы несем совершенство во все части Галактики.

— Ну-ну, — вздохнул Удалов.

— А жаль, — сказал зефир, — что мы кое-где порой сталкиваемся с недоверием.

Удалов пошел дальше и возле двери своего дома обогнал не-
большого зефира, который тащил сумки с продуктами.

— Это еще для кого? — спросил Удалов.

— Надо помочь, — ответил зефир, втаскивая сумки на крылеч-
ко и открывая упрямой головкой дверь. — Профессор Минц зане-
мог. Мы встревожены.

Зефир обогнал Удалова в коридоре. Ловко открыл ноготком
дверь к Минцу и, подбежав к столу, закинул туда сумки с продук-
тами и лекарствами.

— Ей-богу, не стоило беспокоиться, — хрипло произнес
Минц. Он сидел в пижаме на диване. Горло было завязано поло-
тенцем. Профессор читал журнал. Шмыгнув носом, Минц вино-
вато сообщил Удалову: — Простуда вульгарис. Прогноз благопри-
ятный.

— Это ты его в магазин посылал? — спросил Удалов.

— Не совсем так, — ответил Лев Христофорович. — Один зе-
фир забегал ко мне днем узнать, как выглядит подвенечное пла-
тье...

— Чего?

— Подвенечное платье, — повторил Минц. — Они решили
сделать подарок невесте Гаврилова.

— Ну уж это перебор! Гаврилов третий раз женится. Пускай у
предыдущей жены позаимствует.

— Ты живешь старыми ценностями, — возразил Минц. —
Нынче молодежь серьезнее относится к атрибутике. Они решили
венчаться и полагают, что память об этом событии, включая под-
венечное платье, сохранится на всю жизнь.

— Значит, этот, — Удалов кивнул на зефира, — получил ин-
формацию, потом проникся сочувствием и пошел в аптеку и в ма-
газин?

— Разумеется, — сказал зефир. — А как бы вы поступили на
моем месте, Корнелий Иванович?

— Я бы вызвал врача, — буркнул Удалов.

— Но вы же знаете, Корнелий Иванович, — в голосе зефира
прозвучал легкий укор, — что скажет врач. А я сделаю все то же
самое, но лучше.

И тут Удалова прорвало:

— Какого черта?! Какого черта вам нужна вся эта благотвори-
тельность?

— Корнелий, — попытался остановить его Минц. — Откуда
такая агрессивность?

Зефир подождал, пока в комнате поутихло, и ласково произнес:

— Мы решили все проблемы у себя на родине и теперь несем

добро на другие планеты. Мы всех любим, мы хотим счастья всем
существам в Галактике.

Удалов уже не раз слышал эти слова и не мог понять, ну поче-
му же они его так раздражают? Другое дело — был бы в них под-
вох. Но за последний месяц все жители Великого Гусляра убеди-
лись, что подвоха нет. Как назло — нет.

Удалов сдержанно вздохнул, наблюдая за тем, как ловко зе-
фир, взобравшись на стул, режет на тарелке огурчики и помидо-
ры, готовя салат для больного профессора, которому нужны вита-
мины.

Дома у Корнелия тоже было несладко.

Ксения сидела у телевизора, один зефир занимался стиркой, а
другой, незнакомый, пылесосил большую комнату.

— Ксения, — сказал Корнелий Иванович. — Ну нельзя так все
пускать на самотек!

— Я их что, просила, что ли?

— Ты не возражала, — упрекнул Удалов.

Зефир выключил пылесос, чтобы не мешать беседе супругов,
и, вскинув лысенькую головку, произнес:

— Мы же рады помочь.

— Есть мнение, — сказал ему Удалов, — что потом вы предья-
вите нам счет за услуги. Такой, что вовек не расплатиться.

— Ах, Корнелий Иванович! — Зефир сложил лапки на пузе. —
Вы же взрослый, умный и опытный человек. Ну чем вы смогли бы
нам заплатить?

— Сама постановка вопроса некорректна, — послышался дру-
гой голос, и, запрокинув голову, Удалов увидел третьего зефира,
который как муха ползал по потолку, протирая его белоснежной
тряпкой.

— Мы давно уже унитазы делаем из золота, — сообщил пер-
вый зефир.

— А вот некоторые говорят, — сказала невестка Удалова, вер-
нувшаяся с занятий в речном техникуме, — что бесплатный сыр
бывает только в мышеловке.

За невесткой, подобно африканскому невольнику, плелся зе-
фир, который тащил на голове куль вещей из химчистки.

— Не нагружала бы ты его так, — сказал Удалов. — Ты посмот-
ри, он уже посинел.

— Он сам хотел, — возразила невестка.

— Я сам... — пискнул зефир и упал, придавленный поклажей.

— Меня возмущает, — сказала невестка, — как они нас мо-
рально порабащают.

Удалов с трудом поднял куль с вещами. Зефир был неподви-
жен, из полуоткрытого ротика вырывались приглушенные стоны.

— Этого еще не хватало! — Ксения оторвалась от телевизора, потому что серия кончилась.

— Я сам... — прошептал зефир.

Его товарищи вынесли из комнаты уже безжизненное тело.

— Эх, нехорошо получилось, — сказал Удалов.

— Нормально, все нормально, — ответил зефир, который держал сгинувшего собрата за ноги и потому покидал комнату последним. — Когда мы идем делать добро, мы знаем, насколько это опасный и неблагодарный труд.

— Неправда! — крикнула вслед ему Ксения. — Я каждый раз вам спасибо говорю.

Небольшой зефир протиснулся в форточку и, закрыв ее за собой, радостно сообщил Ксении:

— Я достал сухую мяту!

— Иди тогда на кухню, там один из ваших обедом занимается.

— Ксения, это эксплуатация! — возмутился Удалов.

— Я только помогаю им выполнять их желания.

Удалов хлопнул дверью и побежал к профессору Минцу.

Там картина изменилась. Хотя Минц все еще сидел на диване, теперь перед ним стояла шахматная доска, а напротив него, с другой стороны доски, сидел немолодой зефир.

— Плохи мои дела, — сказал зефир.

— А вы не поддавайтесь мне, — ответил Минц.

— Не поддаваясь, я рискую испортить вам настроение, а в вашем физическом состоянии это недопустимо.

Удалов от двери сказал:

— Слушайте, мне все это смертельно надоело! — И тут же отпрыгнул в сторону, потому что из коридора подкрался еще один зефир, который принялся чистить ему ботинки.

— Все прочь! — приказал Удалов. — Вы хоть человеческий язык понимаете?

— Уходим, — ответил зефир-шахматист, и все зефиры немедленно испарились.

Удалов сбросил со стула пачку журналов, уселся и спросил Минца:

— Скажи мне, скажи, что происходит?

— Оптимальный вариант вторжения из космоса, — ответил Лев Христофорович.

— Кто же так вторгается?! — воскликнул Удалов. — Почему они нас не угнетают, не уничтожают? Почему все происходит наперекосяк? Я о таком не читал!

— Мы настолько привыкли к тому, что наша история состоит из вторжений, уничтожений и угнетений, — ответил Минц, глядя в окошко, где все еще летал кругами космический корабль, — что

не допускаем мысли об ином поведении и иных целях. Хотя именно об этом много лет назад талдычили советские писатели-фантасты.

— На то они и есть советские фантасты, — возразил Удалов.

— Мы вас воспитываем добрым примером! — приоткрыв дверь, крикнул изгнанный зефир.

— Вы думаете, что нам нужны добрые примеры?

— Они всем нужны.

Удалов сжал виски ладонями. Нет, это не укладывалось у него в голове. И он не был исключением. С тех пор как над Великим Гусяром появились космические корабли зефиrow, многие задавались вопросом: «Зачем нам такое счастье?»

В первые дни после высадки инопланетян горожане нарадоваться не могли на гостей — и помощники, и добровольцы, и спасатели! Все помнили о том, как, сорвавшись с высокого тополя, погиб зефир, который пытался снять оттуда глупого котенка.

— Пожалуй, — заговорил Минц, шмыгая носом и похрипывая, — им надо было брать за все плату. Хотя бы символическую. Мы бы легче к ним привыкли. Зря они упорствуют в том, что добрые дела — цель их существования. У добра должен быть предел. — Минц имел в виду ужасную историю, случившуюся вчера. Один пенсионер, ветеран, придушил зефира, который принес ему перед сном шлепанцы.

С утра город затаился, опасаясь репрессий. Но репрессий не последовало.

Руководство зефиrow принесло искренние извинения пенсионеру за то, что покойный зефир спровоцировал его на резкие действия, и подарило новый холодильник «Филипс» с доставкой на дом.

— Чувствую я, — сказал Удалов, — что надвигается роковой момент.

— Вы уверены? — спросил из коридора зефир-шахматист.

— Улетайте от нас, по-хорошему прошу, — сказал Удалов. — Не можем мы отвечать добром на добро. Не умеем. Не приучены.

— Нет, — возразил шахматист. — Мы согласны на жертвы. Но мы верим в добро.

Удалов вздохнул и вышел на улицу.

Темнело.

За столом сидело несколько соседей Удалова. Они держали в руках костяшки домино, но игру не начинали. Вокруг — на траве, в кустах, на ветках тополя — расположились зефиры-болеельщики.

— Давайте, друзья, начинайте! — крикнул один из них.

— Гру-бин чем-пи-он! — закричал другой зефир из группы поддержки.

— Нет, я так больше не могу! — завопил Грубин и, вскочив, метнул костяшки в своих болельщиков.

— Да гнать их надо в шею! — закричал Синицкий. — Они моему внуку все уроки делают и даже на контрольных подсказывают. Школа уже достигла стопроцентной успеваемости!

И тогда могучий Погосян тоже кинул в пыль костяшки, обернувшись, неожиданно подхватил под мышки двух зефиров и выбежал на середину двора. Одного за другим он швырнул их в вечернее небо, где завис космический корабль.

— И чтоб не возвращались! — крикнул Погосян им вслед.

Взлетев на небо, зефиры включили ранцевые двигатели и направились к своему кораблю.

И тут, словно поддавшись единому порыву, все жители города от мала до велика стали хватать зефиров и закидывать их в небо, приговаривая:

— И чтобы не смели возвращаться!

Через полчаса корабль зефиров полыхнул белым огнем из своих дюз и взял курс на неизвестную звезду.

...С тех пор прошло три недели.

Удалов возвращался с работы в автобусе и случайно подслушал такой разговор:

— А может, зря мы их повыкидывали? — спросил один мужчина другого. — Теперь и придаться не к кому.

— Я уж вчера своей благоверной врезал. Так, для порядка, чтобы суп не пересаливала.

— При них суп никто не пересаливал, — вздохнул первый.

Тут в разговор вмешался третий, постарше:

— Хрен с ним, с супом. А вот у меня сосед еврейской национальности, все на скрипке играет.

— И больше не к чему придаться? — спросили его из другого конца автобуса.

— В том-то и дело, — ответил мужчина.

ПЕРЕРОЖДЕНЕЦ

Удаловы купили дешевый круиз в межсезонье. Над Средиземным морем хлестали дожди, непогодило даже над островом Капри, где творил когда-то писатель Горький, у которого, говорят, недавно отняли в Москве улицу и передали гражданке Тверской. Удалов о такой революционерке даже не слышал.

Ксения ждала, когда будет мальтийский порт Ла-Валетта, по-

тому что там есть кожаные куртки: сыну и внуку нужны качественные изделия. Удалов дождливые дни просиживал в салоне или у пустого бассейна. Изредка позволял себе пропустить по маленькой с Василием Борисовичем, который отдыхал в каюте полулюкс. Василия Борисовича конкуренты звали Питончиком и всё ждали, когда его пристрелят. Может, потому он и потянулся к простому пенсионеру из города Великий Гусляр.

Сидя у бассейна, они переговаривали на многие темы. Питончик все больше ругал демократов. За что — непонятно, потому что при коммунистах был таким мелким чиновником, что брал трешки в подворотне, а в демократическую эпоху смог завести себе женщину-референта с ногами, которые начинались от бюста, а о ее бюсте один певец сочинил песню «Как я трогал горы Гималаи».

Удалов, налетавший по галактикам, тяготел к демократам, так как полагал, что демократы ратуют за демос. Питончику он о своем тайном убеждении не говорил — зачем расстраивать руководящего работника?

На теплоходе «Память «Нахимова» было пустынно, как на пляже в Сухуми в разгар сезона. В бассейне резвилась только Дилемма Кофанова — известная рок-певица, которую Удалов раньше не знал. Все думали, что ее имя — псевдоним. Только Питончик, который знал все про всех — почему и оставался до сих пор в живых, сообщил Удалову, что Дилемма — ее настоящее имя. А вот фамилия ее — Вагончик. Именно фамилию она и скрывала.

Василий Борисович долго смеялся, прикрыв губы ладонью, — он был человеком смешливым, но знал, как это опасно. Имея телохранителя, Дилемма тем не менее тянулась к Питончику, потому что у нее была замечательная интуиция, которая подсказывала, что Питончик при желании может заглотить всех ее поклонников, не поморщившись.

И такой человек, по мановению руки которого к борту подъезжал «Мерседес» и которому послы бывшего Советского Союза наносили визиты в черных фраках, имел слабость! Он был жертвой современных суеверий — верил в астрологию, летающие тарелочки, телепатию, колдовство, черную и белую магию, заряженную воду и переселение душ. Переселение душ занимало Питончика более всего. Вытянув вперед волосатые ножки, так что чистые пяточки нависали над бассейном, и потягивая сок гуайявы, Василий Борисович рассуждал:

— Оказывается — подумай, Корнелий, — мы с тобой уже жили на этом свете, но совсем в другом качестве. Может, был ты рабом при постройке древнеегипетских пирамид, а я, скажем, советником фараона. И все время приходилось мне тебя, прости, пороть за нерадивость.

Василий Борисович раздул ноздри и сощурил махонькие желтые глазки. Видно, у него было своеобразное воображение: в нем жил несостоявшийся тиран и диктатор.

— А рассказывают, — произнесла Дилемма Кофанова, — что человек при перерождении сохраняет свои способности.

Она подплыла к бортику бассейна. Ее купальная шапочка была оклеена небольшими резиновыми райскими птичками, и грима на лице почти не наблюдалось, отчего только очень близкие знакомые могли бы угадать, с кем имеют дело.

— На этом основан принцип выбора далай-ламы, — развил тему Василий Борисович. — По самым отдаленным населенным пунктам Тибета рассылают курьеров, чтобы выяснить, не родился ли там мальчик в момент смерти предыдущего далай-ламы. При чем он должен обладать рядом особенностей.

— Родинкой на лбу, — сказала Дилемма.

— Родинкой, размерами, формой носа и так далее. Если все совпало, то мальчика берут в монастырь и воспитывают. Пока не подойдет время его настоящей инаугурации. Понятно?

Василий Борисович спрашивал строго, как с подчиненного, и потому Удалов отвечал покорно, как подчиненный.

— Понятно, — сказал он. — Мальчика воспитывают.

— Конечно, не все тебе понятно, — вздохнул Питончик. — Это уже не мальчик, а новое воплощение далай-ламы.

— Главное не это, — сказала Дилемма и подплыла так близко, что Удалов испугался, как бы Питончик не ткнул ее пяткой в лобик. — Главное, — сказала она, — в том, что каждый из нас уже жил и наслаждался природой и различными ласками.

— В прошлой жизни ты сидела дома и не каталась по морям, — строго сказал Дилемме Питончик.

— О нет! Я была маркизой! За мою честь благородные люди — дворяне, графы — обнажали шпаги, лилась кровь... Море крови!

Пришел бармен, черненький, завитой. Спросил, что принес-ти. Даже у Корнелия спросил, ибо был выучен в новых традициях, когда деньги решают все. Так как было прохладно, заказали согревающих напитков, и Василий Борисович продолжил интересный разговор:

— У меня есть знакомый, директор института, не будем говорить какого...

Он сделал паузу, и остальные поняли, насколько секретный этот институт.

— Он мне точно сказал, что там открыли, как угадать, кем человек был раньше.

— Ой! — сказала Дилемма и чуть не выронила бокал в бассейн.

— Но это теория? — спросил Удалов.

— Что я, на теоретика похож, что ли? — обиделся Василий Борисович. — Точно уже разработано. Закладывают все данные в машину, считают двадцать секунд, и вот тебе ответ: настоящий тип уже проживал триста лет назад и провел свою жизнь в тюрьме «Кресты» за карманные кражи и грабежи приютов.

— Это вы о ком? — испугалась Дилемма. Она даже оглянулась, опасаясь, что жулик-перерожденец пробрался в бассейн.

— Уже есть программа опытов, — сообщил Василий Борисович полупшепотом. — Для ведущих государственных чиновников. В Японии это принимает массовый характер.

— Говорите, говорите! — умоляла его Дилемма.

— Больше ни слова, — ответил Питончик, как отрезал. — Здесь всё имеет уши.

Бармен тут же высунулся из своей дверцы — уши у него были тонкие, прозрачные. Но имелись в виду другие уши.

Разговор продолжился вечером, когда Дилемма отпела три песни в концерте для немногочисленных обитателей салона «Малахов редут», отмахнулась от липучих поклонников и велела телохранителю принять водки и идти в каюту. Так что они остались в углу салона втроем, сильно выпивши, и Василий Борисович был весел. Кошачьи глазки Питончика сверкали непринужденным весельем, и, предвкушая неудержимый интерес собеседников к его тайне, он заранее наслаждался тем, как помучает их, прежде чем раскроет ее...

Сдался он только в половине двенадцатого.

— Ребята из ФСБ мне нашептали, — сказал Питончик. — Есть новые результаты. Опровергают все самые неожиданные ожидания... Хуже не придумаешь.

— Василий Борисович, — посмел перебить Удалов, — а с какой целью проводится эта государственная программа? Ведь кто есть, тот есть. Не сажать же его в тюрьму за преступления его предыдущей оболочки?

— Ах, как сказал! — обрадовалась Дилемма. — Предыдущая оболочка! У меня тоже была.

— У тебя была шкура, — грубо ответил Василий Борисович, потому что чувствовал свою силу и мог поизгаляться над ближними. — А программа проводится с понятной целью. Чтобы знать, чего в будущем ждать от ответственного товарища.

— Все равно я не понимаю, — вставила Дилемма. — Мало ли у кого какой характер?

— На большом посту последствия могут быть роковые.

— И как же комиссия...

— Вот в этом вся штука. — Питончик налил из бутылки «Белой лошади» себе в фужер, добавил шампанского, потому что лю-

бил гулять изысканно, хлопнул и заел омарчиком. — Комиссия на самом высоком уровне. Если наш перерожденец неуправляемый, опасный, то его стараются тихо подвинуть, пока парламентская Дума не узнала и не предложила в президенты. Вы омаров пробовали? Очень советую, велите принести, если с валютой свободно.

— Я могу себе позволить! — окрысилась Дилемма.

Люди познаются в мелочах. А в мелочах Василий Борисович производил впечатление прижимистого гражданина.

— Простите, — спросил Удалов, — а какой-нибудь пример можно узнать?

— Я тебе пример, а ты — в «МК», и там сенсация. А потом меня нечаянно машиной инкассатора переедут. Это бывает...

— А мы — никому! — сказала Дилемма. — Ни слова.

— Вы имен личных не употребляйте. Так, чтобы только пример, — просил Удалов. — Например, один товарищ или одна гражданка...

— Эх, все равно рискую, ох, рискую...

Питончик помолчал. Хлопнул еще стакан виски с шампанским. Золотой перстень с изумрудом загадочно сверкнул, кинув лазерный луч по салону. Дилемма подобралась, как пантера, — за таким изумрудом можно прыгнуть и с десятого этажа.

— Привожу пример, — сказал Питончик негромко. — Есть один человек в столице. На руководящем посту. И стал он вызывать опасения специалистов своей гигантоманией.

— Как так? — удивилась Дилемма, которой такое выражение было неизвестно.

— В масштабах столицы он начал баловаться Днепротэсами. И чем дальше, тем больше. За пределами разумного. Ну, допустим, есть в столице триста разрушенных церквей. А он строит на пустом месте собор выше Эйфелевой башни. Гору сроет — поставит на ее месте пику, которая пронзает Луну. Даже зоопарк превратил в бетонный готический замок на десять кварталов. А в центре города сделал яму...

— Знаю, знаю, — сказала Дилемма. — Вы имеете в виду...

— Ни слова! — прошептал злобно Питончик. — Мне за клевету пропадать не хочется.

Он собственноручно влил в глотку певицы стакан виски с пивом. «Конотопская лукавая» — так именуется этот коктейль в кругах теневого бизнеса. А Удалов, чтобы замять неловкую паузу, спросил:

— Ну и какие результаты?

— Собралась комиссия, взяли у него волосок. И обнаружили, что он и на самом деле перерожденец...

— А кем он был раньше? — задыхнулась от нетерпения Дилемма.

— Фараоном Хеопсом, — ответил Питончик, глядя в потолок, по которому бегали цветные пятна от прожектора.

— Кем? — спросила еще раз Дилемма.

— Египетским фараоном. Соорудил пирамиду рабским трудом сограждан, не обращая внимания на царившую вокруг нищету и угнетение трудящихся.

— Он врёт, да? — спросила Дилемма Удалова. Но Корнелий Иванович не был в том убежден и потому с сомнением покачал головой. Где-то он слышал про такого жестокого фараона.

— Вы не отвлекайтесь, — приказал Питончик. — Что от меня узнали, больше нигде не скажут. Топ-секрет!

— Ну и что? — спросил Удалов. — Предположили...

— Дурак! Не предположили, а доказали! Убедительно доказали. Теперь эти разработки японцы у себя пускают. У них даже дворника не возьмут на службу, пока не выяснят, кем он был в предыдущем рождении.

— А конкретно? — спросила Дилемма.

— Конкретно — собрали Совет безопасности, вызвали туда человека и сказали: «Ты можешь храмы и автостоянки сооружать, крупнейшие в мире. Но учти, что мы ждем от тебя угрозы. Так что отныне тебе, товарищ хороший, запрещено возводить в Москве пирамиды и усыпальницы. Чуть что — мы тебя, как Хеопса, замуруем в твою пирамиду, и доживай там свой срок».

— И что? Что? — Карие глаза Дилеммы ярко пылали.

— Поплакал он. Все же натура у него хеопсовская. Потом смирился. Важнее должность сохранить. Ей соответствует погребение на Новодевичьем.

Василий Борисович помахал пальцами, призвал официанта и заказал еще бутылку виски и побольше пепси-колы.

— А кого еще проверяли? — спросила Дилемма.

— Мы политиков не трогали, — сказал Питончик с лукавой пьяной усмешкой.

— А если из правительства? — спросила Дилемма.

Но Питончик повернулся, захватив недопитую бутылку, потому что не могло быть у него такого пьяного состояния, чтобы он своего не взял, и побрел к себе в каюту. Так что Удалов узнал в тот вечер много, но недостаточно.

Больше к разговору о перерождениях не возвращались, так как у Питончика появились интересы, связанные с дочкой одного министра из соседнего полулюкса, которая спала с телохранителем Дилеммы. В результате разразился скандал с мордобоем, а Удалова никто больше не замечал и с ним почти не здоровались.

Корнелий верил и не верил информации, сообщенной ему Питончиком, и в нем роились дополнительные вопросы. Только задать их было невозможно.

До самого последнего дня.

В последний же день, когда лайнер гордо подошел к причалу Одесского порта, судьба в последний раз столкнула бывших собеседников на трапе. Как в трагедии, где в последней сцене выходят все жертвы и мерзавцы, чтобы выяснить отношения.

Первой спускалась Дилемма в оранжевых волосах и зеленом плаще. Пограничники при виде нее сделали под козырек. Телохранилище пронзил их волчьим взглядом. Затем спускался Удалов с супругой. Уже на набережной он догнал Дилемму и негромко сказал ей вслед:

— До свидания, Дилемма Матвеевна. Рад был с вами познакомиться. Спасибо от публики за ваш талант.

Дилемма обернулась на голос. В момент расставания что-то дрогнуло в ее сердце. Она улыбнулась, сверкнула карими глазами, взмахнула ресницами и сказала:

— А славно мы с вами надрались в тот вечер!

Ксения ахнула: Удалов ей не во всем признается.

— Не бойтесь, мамаша, — сказала ей Дилемма. — У нас с вашим мужем доверительные отношения, но не интим.

— Вот именно! — раздался голос сверху. Там спускался Василий Борисович. Сам Питончик. — Мы славно посидели.

Оказывается, и он мог быть сентиментальным. Удалов расплылся в улыбке.

— Рад с вами попрощаться! — крикнул он.

Они все остановились у трапа на причале. Синий «Мерседес» медленно двигался вдоль борта.

— Ну вот, за мной уже приехали, — с некоторой ностальгией в голосе сказал Питончик.

— Тогда скажите скорее, а то всю жизнь буду мучиться, — страстно взмолилась Дилемма. — Скажите, чей перерожденец тот человек, который так грубо с женщинами обращается? Я буквально торчу, когда его по телику показывают!

— Все в жизни не так просто, кошечка, — сказал Василий Борисович, ласково, но твердо хватая короткими пальцами эстрадную звезду за подбородок и поворачивая ее к себе с намерением, видно, впиться на прощание губами в розовые губки гражданки Вагончик. — Ты думаешь, если человек заявляет, что намерен вымыть свои сапоги в Индийском океане, значит, он в предыдущем рождении был Александром Македонским?

— Да, — прошептала Дилемма, не пытаясь вырваться.

— А когда проверили на генетическом уровне, оказалось, что в предыдущем рождении наш с тобой герой был чукчей!

— Ах! — вырвалось у Удалова.

— Вот именно. И этот товарищ чукча всю жизнь мечтал вымыть ноги в теплой воде. А так как советская власть дала чукче начальное образование и поведала о стране Индии, а вот горячую воду в те края не провела, то и образовалась у чукчи мечта, не реализованная ввиду ранней гибели чукчи на клыках моржа.

Сказав так, Питончик страстно впился устами в губы певицы, и Ксения Удалова резким движением оттащила мужа к таможене и пограничному контролю.

А синий «Мерседес», на котором, как подумал Питончик, приехали за ним, притормозил возле целующихся Дилеммы с Питончиком, бесшумно и быстро опустились тонированные стекла, и изнутри засверкали ярко-белые вспышки. Оказывается — стреляли. Оказывается, за Василием Борисовичем приехали не друзья, а враги.

Питончик опустился на мокрый холодный асфальт, увлекая за собой Дилемму. Которой, впрочем, было все равно, потому что погибла и она.

Закричала Ксения, ахнул Удалов — к счастью, в тот момент они уже были в нескольких шагах от места трагедии.

На похороны Удаловы не попали — у них уже были заказаны на тот день билеты до Вологды.

У Корнелия осталась на сердце тяжесть.

Многое пришлось ему в жизни видеть, но такого зверства — ни разу.

Поэтому можно понять, почему он ни с кем из друзей не поделился сведениями о перерожденцах. Словно возникла черная шторка в памяти — а за ней прятались беседы, которые он вел на теплоходе.

А приподнялась эта шторка в тот неприятный день, когда Усищев предложил гражданам Великого Гусляра избрать в каждом подъезде по доносчику, чтобы он информировал правительство города о настроениях и неправильных словах.

В тот день Удалов пошел с профессором Минцем погулять по набережной. Многие жители города пошли в тот день погулять по набережной или даже в парк. Наиболее осторожные уехали в лес, к озеру Копенгаген. Усищева все принимали всерьез.

Удалов с Минцем гуляли себе по набережной, раскланивались со знакомыми, но разговаривали вполголоса. И тут Минц неожиданно дал толчок размышлениям своего друга.

— Иногда мне кажется, что Усищев в прошлой жизни был унтером Пришибеевым. Был такой герой в сатирическом рассказе Чехова. Любил все запрещать и пресекать. А при том — жулик и пройдоха, если я не путаю его с каким-то другим унтером.

— Ты хочешь сказать, что он жил раньше? — вырвалось у Корнелия, и тут же с кристальной ясностью перед его внутренним взором предстала сцена в салоне теплохода «Память «Нахимова», пьяный взгляд Василия Борисовича и горящие карие глаза несчастной Дилеммы.

— Есть такая теория, — сказал Минц и запустил в речку Гусь плоский камешек. Надвигалась зима, и ближе к берегу река уже начала покрываться ледком, отчего камешек подпрыгнул, звякнул по льду и только потом сгинул в черной ноябрьской воде. — Но научно не подкрепленная.

— Значит, может, мы с тобой уже пожили свое?

— Не исключено, — улыбнулся печально профессор. — И даже померли.

— А мне один покойный человек говорил, что в одном нашем институте уже измерительная аппаратура работает, а японцы даже на работу без проверки не берут.

— Какой еще проверки? — воскликнул Минц.

— Чтобы избежать опасности. Если человек в предыдущем рождении был партизаном, то его ни за что нельзя брать на работу стрелочником. Рано или поздно происхождение скажет свое, и он подорвет вверенный ему поезд.

— Где ты набрался этой чепухи?

— Я же говорю — целые институты этим занимаются. А мы здесь прозябаем!

Удалов не хотел обидеть профессора, но, конечно, обидел. Тот замолчал и стал смотреть на седые облака.

— В Москве даже опыт с одним большим начальником провели, — сказал Удалов, дотрагиваясь до рукава своего друга. — Он отличается гигантизмом за народный счет. То собор, то монумент, а людям жрать нечего...

— И что же? — спросил Минц.

— А то, что он оказался перерождением египетского фараона Хеопса.

— Маловероятно!

— Что маловероятно? Есть постановление правительства — ему запрещено впредь возводить на территории России пирамиды иobelisks.

Минц усмехнулся. Он все еще был настроен скептически.

— А еще один человек, который хотел ноги в Индийском океане вымыть, оказался... — заговорил Удалов.

— Только не говори, что он перерожденец Александра Македонского.

— Нет, он перерожденец чукчи, который по теплой воде тосковал.

— Почти смешно.

— А вы проверьте. Вы ученые, вам все карты в руки.

— А что? Вот я направлюсь на той неделе в Барселону на конгресс по генной инженерии, там и поговорю с кем надо.

На том они и расстались, а ночью Удалову кошмарно снилась несчастная Дилемма Кофанова, распростертая у его ног на мокром и холодном асфальте одесского причала.

Возвратившись вскоре из Барселоны, профессор Минц сразу заглянул к Удалову. Он был возбужден, капельки пота блестили на склонах лысины, дыхание было неглубоким, но частым.

— Идем ко мне! — повелительно сказал он, едва поздоровавшись.

Ксения хотела было велеть Удалову сначала доесть компот, но по виду соседа поняла, что случилось Нечто. И промолчала.

Внизу Минц, раскрыв портфель, вывалил из него не только бумаги, кассеты и перфокарты, но и несколько разного вида приборов.

— Мы живем в утробной глуши! — закричал он тонким голосом. — Вокруг люди открывают и закрывают Америки, а мы не знаем, кто из нас перерожденец!

— А они знают?

— Ты был прав, Корнелий, и мне стыдно, что я так провинциален.

— Значит, он и впрямь из Хеопсов? — спросил Корнелий.

Минц не сразу вспомнил, потом хлопнул себя по лысине и засмеялся:

— Хеопс, точно Хеопс. Но это еще цветочки...

— Лев Христофорович, а как о других?

— Корнелий, возьми себя в руки. Конференция международная. Их интересуют свои персонажи. Мадам Тэтчер, например...

— И кто она?

— Ну, сам должен был догадаться. Конечно же, королева Елизавета Первая.

— Ага, — согласился Удалов, который не представлял себе, чем прославилась королева Елизавета Первая. — А другие?

— Скажем, президент Клинтон...

— Да плевал я на президента Клинтона... в переносном смысле.

— А больше не помню... Да, мне говорили о режиссере Михалкове.

— И что?

— Забыл. Что-то иностранное, но — забыл.

— Сейчас ты скажешь, что и Аллу Пугачеву забыл?

— Нет сведений. Да отстань ты от меня с мелкими конкретными примерами! Ты, видно, не до конца осознал суть открытия. Ведь каждый человек может родиться не один раз и не два, а может, даже десять. В истории человечества был не один Наполеон. Но в большинстве своем они не успевали взобраться на вершину власти, и их кушали другие соперники. Так что и пирамида у нас одна, а не сто...

— Понял, — сказал Удалов. — Первую Аллу Пугачеву надо искать в образе Шахерезады.

— Умница! — похвалил его Минц. — А теперь скажи, как у нас в Гусляре. Что нового, что плохого?

— Ой, не говори! Боюсь, что до выборов не доживем. Лютует Усищев, забирает власть. А как его выберем — сожрет.

Минц сочувственно кивал головой.

Потом он положил на стол тяжелый черный шар размером с крупное яблоко.

— Это генератор, — сообщил он. — От него исходит энергия, соединяющая поля.

— Какие поля?

— Между перерожденцами существует общее поле. Чтобы отыскать его и расположить в нем перерожденных, требуется этот шарик.

— Понятно, — сказал Удалов. — Значит, ты раздобыл ту самую машинку?

— Ту самую, — согласился Минц. — Вот ее вторая часть.

Вторая часть представляла собой конус, с широкой стороны которого помещался овальный экран чуть больше ладони; на узкой части горел зеленый огонек.

— А вот это, — сказал Минц, — способ увидеть того, чьим перерожденцем ты, Удалов, являешься.

— Меня не трожь! Ничего интересного, — возразил Удалов.

— А я и не надеялся увидеть в твоём прошлом еще одного путешественника по Галактике, обыкновенного героя Вселенной.

Видно, Минц шутил. Во всяком случае, Удалов предпочел счесть его слова за шутку.

— Значит, будем разыскивать, чей ты перерожденец, Лев Христоворович, — нашелся Удалов.

— Ах, оставь, Корнелий, — отмахнулся профессор.

— Почему же, ты личность известная, можно сказать, гениальная.

— Это все в прошлом.

— А мы прошлым и интересуемся.

— Нет-нет, от меня проку не будет, — взъерился профессор.

— Но может быть, ты перерожденец самого Леонардо да Винчи! У меня на этот счет почти нет сомнений, если не считать шишки.

И Удалов не без лукавства, хотя и безобидного, указал на небольшую шишку, которая испокон веку виднелась над правым ухом профессора.

— Я тебя не понял, — насторожился профессор.

— В это самое место, как говорит наука, — ответил Удалов, — Исааку Ньютону угодило яблоком.

Минц попытался рассмеяться, но получилось неубедительно. И Корнелий понял, что себя профессор Минц проверять на перерожденчество не станет. А если и станет, то тайком от общественности. Потому что после неудачной шутки Корнелия Минцем овладел ужас: а вдруг он — перерожденец какого-то совершенно неизвестного и даже неинтересного человека, как бы подкидывш Истории?

— А вот такая проблема меня волнует, — сказал неожиданно Минц, — так это будущее родного нашего городка.

Удалов даже рот открыл от удивления. Будущее родного городка к проблеме перерожденных отношения вроде бы не имело.

— Удалов, Удалов! — вздохнул профессор. — Несмотря на твои подвиги и жизненный опыт, дальше собственного носа ты посмотреть не в состоянии. А я мыслю масштабно. Меня сейчас не интересует, кем были в прежней жизни Франсуа Миттеран или Алла Пугачева. Это банально. Мне не столь важно, падало ли яблоко на голову мне или другому Ньютону. Это тоже лежит на поверхности. Это подобно старой детской шутке.

— Какой?

— Назови часть лица.

— Нос.

— Поэт?

— Пушкин.

— Десянесто шесть процентов людей отвечают точно так же — берут то, что лежит на поверхности мозга, и предлагают человечеству. Моя же гениальность заключается в том, чтобы отыскать новые пути.

— И сказать «ухо» и «Лермонтов»? — спросил Удалов.

— Нет, голубчик. Чтобы сказать «бровь» и «Сафо».

Тут Удалову пришлось сложить оружие, потому что он не знал, кто такой Сафо.

— Каждое изобретение, — продолжал Минц, расхаживая по тесному кабинету, заложив руки за спину и выпятив и без того круглый живот, — должно служить человечеству. И если мы с тобой сейчас увидим в этом приборе, что я — перерожденец Ломоносова, это ничего нового никому не даст. Я и без того известный ученый. Однако если нам удастся заглянуть в прошлое товарища Усищева, то это может спасти наш город.

— Конечно, — прошептал Удалов и кинул опасливый взгляд на окно.

Для тех, кто не в курсе, можно пояснить, что до выборов в Великом Гусляре оставалось шесть дней. А на власть в городе претендовал некто Усищев, существо, рожденное новой жизнью, возникшее в городе неизвестно откуда в качестве владельца ларька у базара, затем проникшее в городскую управу, а потом оказавшееся во главе «Гуслярнеустройбанка», основателями которого стали некоторые из отцов и матерей города, а вкладчиками — обитатели. Собрав все деньги, Усищев заявил, что расплачиваться не в состоянии ввиду антинародной политики московского правительства в Боснии и Герцеговине. Народ Гусляра сильно шумел и писал на Усищева письма в разные инстанции. Но местные инстанции в большинстве случаев свои деньги не потеряли, а возместили их с прибылью, что же касается горожан попроще, то Усищев придумал для них достойное развлечение. Он доступно объяснил народу по радио, что во всем виноваты демократы и когда мы с ними окончательно расправимся, доходы всех жителей Гусляра утроятся. И все на радостях забыли о том, что их доходы лежат в сейфе у товарища Усищева.

Как и в каждом русском сообществе, не все дружно выступали за то, чтобы Усищев стал господином Великого Гусляра. Некоторые даже возмущались и называли его жуликом. Так что товарищу Усищеву пришлось выписать охрану из подмосковных Люберец, чтобы оградить себя от демократического террора, а кроме того — перетянуть на свою сторону городскую милицию, обещав построить для милиционеров плавательный бассейн, а для их детей школу фигурного катания. Не говоря уж о материальной поддержке. К тому же в город прибыли, но пока затаились шестнадцать воров в законе кавказской национальности, которые должны были помочь в день выборов, чтобы не допустить к урнам провокаторов.

Усищев, конечно же, не шутил. Корреспондент «Гуслярского знамени» Миша Стендаль напечатал статью «Если ты украл железную дорогу...». В ней говорилось о нравах в США, где большие бандиты неподвластны закону. И вот уже третий день Миша лежит в больнице с переломанными ребрами, а Усищев в той же га-

зете «Гуслярское знамя» выступил с отповедью одному хулигану, который поднял руку на нечто святое...

Из города началась эмиграция. Но эмиграцию Усищев пресекал — он не желал править пустым городом. Для этого он мобилизовал посты ГАИ.

Вот в какую обстановку попал Удалов по возвращении из круиза по Средиземному морю, а Минц — с барселонского конгресса.

— Для меня твое сообщение, Корнелий, — сказал Минц, — стало важным толчком. Оно возродило во мне надежду на то, что мы сможем разузнать, чей же перерожденец наш бандит, грабитель и будущий уничтожитель города Великий Гусляр.

— Ты с ума сошел! Он же нас в зубной порошок сотрет.

— Если народ себя спасти не может и не хочет, в дело вступаю друзья народа. Мне нужен волос Усищева.

— От усов?

— С любого места.

Удалов задумался. Задание было бы невыполнимым, если бы не одна тонкость, вспомнившаяся Корнелию: выходя по утрам из «Мерседеса» у здания «Гуслярнеустройбанка», занимавшего бывшую детскую музыкальную школу имени Римского-Корсакова (он проходил некогда в этих краях морскую практику и за это соорудил крепкое двухэтажное здание на свои кровные деньги), господин Усищев, прежде чем приступить к своим обязанностям, заходил в парикмахерскую № 1, расположенную в соседнем доме, и брился с одеколоном «Кристиан-бруталь» у старого мастера Терзибашьянца.

— Иди отдыхай, набирайся сил перед акцией, — посоветовал Минц.

Но Удалову не хотелось отдыхать. К себе-то он пошел, но не спать, а думать: вот, к примеру, удастся им узнать, что в предыдущем рождении товарищ Усищев был Иваном Грозным. А дальше что? Обнародовать? Или в Москву писать? А из Москвы возьмут и ответят: «Срочно направляйте. Нужен Родине!»

На следующий день в 10.25 Удалов без стука вбежал в лабораторию профессора.

Вбежав, он раскрыл ладонь. На ней лежала парикмахерская бумажная салфетка, в которой содержалось немного подсохшей пены со щетиной.

Минц, занятый подготовкой визита к Усищеву, спросил:

— Ошибки быть не могло?

— Наблюдал из угла, — ответил Удалов. — Лично подобрал в бумажку.

— Ну тогда иди на улицу гуляй, а я попытаюсь узнать, с кем мы имеем дело.

Удалов погулял по соседству, дошел до музея, вернулся, посидел на скамеечке и тут услышал голос друга:

— Сколько времени?

— Половина третьего.

— Я почти догадался! — крикнул профессор.

— Так из каких он будет?

— Не могу сказать. Слишком страшно.

— Неужели Гитлер?

— Интереснее... Но и страшнее.

— А что делать будем? — Удалов не был трусом, но тут его охватила предстартовая дрожь.

— Если не боишься, пойдем со мной, — предложил Минц.

— Пошли.

Через минуту вышел Минц со своим толстым портфелем. Он шутил, что возьмет его с собой, когда поедет за Нобелевской премией.

По дороге Удалов несколько раз пытался выпытать у профессора, что за тайну тот несет в себе, но профессор был загадочен, задумчив и печален.

— Ужасно! — повторял он время от времени. — Ужасно!

Мурашки пробегали по телу Удалова.

Они так решительно подошли к «Гуслярнеустройбанку», что Люберецкие молодцы, которые охраняли вход, еле успели скресть перед пришельцами автоматы.

Удалов в удивлении посмотрел на фасад.

Фасад школы был такой же, как прежде, только профиль Римского-Корсакова сбили, а вместо него поместили профиль Усищева. Подпись же пока оставили старую: «Великий русский композитор».

— Нам к товарищу Усищеву, — строго сказал Минц.

Люберецкие потому и приехали на охрану Усищева, что не знали никого в Гусляре. Неужели в городе нашелся бы житель, который осмелился остановить, не пустить Минца и Удалова? Не было такого жителя...

— Гуляй, папаша, — сказал охранник.

Возмущенный Минц, которого никогда еще не встречали так в Гусляре, рассердился и хлопнул хама портфелем по руке. Автомат упал, а второй охранник развернулся, чтобы прошить очередь двух старых хулиганов.

К счастью, тут на шум распахнулось окно на втором этаже, выглянула усатая рожа главного разбойника и сказала:

— Отставить пальбу! Пропустить ко мне глубокоуважаемых товарищей ветеранов, моих дорогих избирателей. А вот ты, Василий, считай себя уволенным. Если любой старый еврей может у тебя автомат вышибить — твое место на кладбище...

— Шеф, я же не ожидал!

— Тогда твое место на помойке, — сказал Усищев и выстрелил в своего охранника со второго этажа. Охранник упал бездыханным, и его алая кровь оросила автомат, а также ботинки Удалова, который кинулся внутрь музыкальной школы.

Потрясенные случившимся, старики поднялись на второй этаж. Усищев их не встретил, но они узнали, что он всегда сидит в голубой гостиной, в классе арф. Большинство арф уникальной работы было уже продано им в Бангладеш, но одна — правда, без струн — осталась для интеллигентного антуража.

Толстый, гладкий, усатый, тонкорукий Усищев сидел за столом, уставленным его коллекцией — изображениями обнаженных девушек работы советских фарфоровых заводов.

Присесть гостям Усищев не предложил, но Минц, уже преодолев потрясение, подошел к столу, поставил на угол портфель и сказал:

— У нас к вам, товарищ Усищев, важная проблема, которая касается вашего происхождения.

— Мое происхождение не обсуждаем! — вдруг испугался Усищев.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал Минц. — Мы знаем, что такая выдающаяся личность, как вы, уже жила на свете...

И он популярно изложил завтрашнему диктатору Великого Гусляра теорию перерождения душ. О перерождении душ диктатор раньше не слышал, и если бы не солидность профессора Минца, он бы в нее не поверил. Но когда Минц произнес:

— Может, среди ваших предшественников и Наполеон попадется, — Усищев клюнул на это заявление, расплылся и спросил:

— А что, можно уточнить?

— Это непростое, — ответил Минц.

— Сколько просите за Наполеона? — спросил Усищев.

— Аппаратура зарубежная, настройка тонкая...

— Сто баксов? — спросил Усищев.

— Послушайте, Усищев, — рассердился Минц, — мы с вами не на базаре. Какие могут быть сто баксов, если вы получите с завтрашнего дня право писать на табличке: «Бывший Наполеон, а ныне товарищ Усищев»?

— Ладно, можно и без товарища, — смирился Усищев. — А сколько?

— Завтра Всероссийское телевидение сообщит: «Городом Великий Гусляр с недавнего времени руководит новый Наполеон». Как вы думаете, не появятся ли здесь руководители некоторых партий с предложением вам баллотироваться в президенты?

— Да ладно! — отмахнулся Усищев. Его руки, неловко приделанные к тугому телу, были тонкими и ломкими, а пальцы — словно когтитыми.

— Так что обойдется это вам в двенадцать тысяч долларов чехом на швейцарский банк, а также по новой квартире нам с Удаловым, как только вас изберут всеобщим благодетелем.

— Не пойдет!

Начался торг. Он продолжался минут десять. Минц и Усищев вспотели. Спорили они искренне, отчаянно, а Удалову все хотелось крикнуть: «Лев Христофорович, да обдурит он вас, по глазам видно! Посмотрите в эти черные точки! Ни копейки не даст!»

Наконец сошлись на трех тысячах и двух квартирах.

Минц вынул из портфеля и расставил на столе приборы. Усищев смотрел со смешанным чувством страха и надежды. Ему хотелось быть Наполеоном, но он опасался подвоха и боялся, не слишком ли много обещал заплатить за сомнительную тайну.

Середину стола занял черный шар. Ближе к себе Минц поставил конус, обратив его острым концом к Усищеву, а экранчиком к себе.

— А это не опасно для здоровья? — спросил Усищев.

— К здоровью ваша наследственность отношения не имеет, — отрезал Минц. — Но должен предупредить, что у перерожденца существует тесная внутренняя связь с его предшественником. Насколько тесная, мы еще не знаем.

— А что я Наполеон, это уже точно?

— Проверим — будет точно.

— Ну давайте! — приказал Усищев и поправил буденновские усы. — Время не ждет. Чем черт не шутит... Может, и Александр Македонский... Чувствую я в себе иногда Александра, прости, Македонского.

— Замрите, закройте глаза, — велел Минц.

На экране конуса Удалов увидел вовсе не Усищева и даже не Наполеона... Там было нечто туманное.

— А нельзя так сделать, чтобы я из себя стал как Наполеон? — спросил Усищев, не открывая глаз. — Мне это по телевизору хотелось бы показать. Постарайся, накину!

— Это мы и постараемся сделать. Если есть ваше желание.

— Ясное дело — хочу, чтобы стал как этот самый... с которого я произошел.

Изображение на экранчике стало принимать все более отчетливую и устрашающую форму.

Удалов открыл рот, чтобы закричать, но Минц зашипел на него, как кобра.

Жужжание в конусе и черном шаре усилилось.

И тут Усищев начал приподниматься над столом, упершись в него тонкими лапами. Он уменьшался, причем скорее прочего уменьшалась голова, вернее, уже головка... Черные точки глаз сверкали отчаянно и злобно, и все более ссыхался он, все быстрее уменьшался...

— Он этого хотел, — мрачно сказал Минц.

Большой черный таракан немного постоял, озираясь, в центре стола, а потом кинулся в атаку на Минца. Нападение было столь яростным, что Минц с Удаловым прыгнули в стороны, а таракан Усищев, не рассчитав сил, упал со стола и, осознав, видно, что придется переносить свою деятельность в иной мир, шустро кинулся в угол.

— Вот и все, — сказал Минц, отключая приборы. — Человеком меньше, тараканом больше...

— Что ты наделал! — закричал Удалов. — Ты же убил городского руководителя!

— Никто не погиб, ничто не погибло. Сейчас он организует выборы в тараканьем царстве... А мы с тобой давай поспешим отсюда, а то какой-нибудь лакей с «калашниковым» заглянет и удивится.

Они вышли из музыкальной школы беспрепятственно. И пошли домой.

А по дороге Удалов попросил объяснений. Он не все понял.

— Мы все, все ученые, допустили ошибку, о которой нас уже предупреждал Будда, — сказал Минц. — Мы почему-то решили, что перерожденцы всегда были людьми. Был Наполеон — стал Гитлер. Был Ломоносов — стал Капица. А почему? Любая живая тварь может переродиться в иное существо... Вот и я попался. Насколько часов изучал волоски — щетинку кандидата Усищева, но никакой человек из них не получался. Молчит экран и показывает какие-то полоски...

Минц остановился, поглядел, как летят с криками на ночной покой вороны, раскачивая голые ветви деревьев и роняя на землю снег.

— К счастью, я гениален, — продолжил Минц. — А раз так, я решил посмотреть, а точно ли мы имеем дело с перерождением человека? Но тут одного волоска было недостаточно. Мне приш-

лось усовершенствовать установку, наладить более тесную связь между перерожденцем и оригиналом, чтобы исключить любую ошибку... Остальное ты видел.

— Но почему он превратился в таракана?

— Ах, Удалов, наука имеет еще столько тайн! Но он так хотел стать Наполеоном, что я не смог отказать ему в этой мечте. Кто мог подумать, что он — Наполеон, но среди тараканов?

Они дошли до ворот.

Попрощались.

— Ты что-то печален, друг мой, — сказал Минц.

— Да нет, пустяки...

— Лучше откройся мне.

— Тараканов жалко. Жили они, размножались — и тут получили тирана. Представляешь, какой он там среди них порядок наведет?

— Удалов, ты меня удивляешь. А людей тебе не жалко?

— Жалко, но бессловесных тварей больше.

— Не печалься, — сказал на прощание Минц. — Вырастет у нас еще другой диктатор. Похуже прежнего. Так что — потерпи...

РОКОВАЯ СВАДЬБА

Август завершался солидно, как в старые времена. Листва еще не пожелтела, но помутнела и пожухла, зато небо было бирюзовым, нежным, а по нему плыли облака пастельных тонов.

В понедельник Удалов возвращался с садового участка, без сумку огурцов, два кабачка, банку собственноручно засоленных помидоров. Еще на конечной автобус заполнился такими же огородниками, у рынка многие сошли, вместо них втекал городской, в основном молодой народ. Этот народ не обращал внимания на прелести августа и не хотел единения с природой, он хотел единения друг с дружкой.

Мускулистый от щиколоток до шеи парень ограждал свою спутницу от других пассажиров. Девушка ему досталась фарфоровая, ясноглазая, вроде бы задумчивая, хотя ясно было, что задумываться ей нечем.

В годы удаловской молодости таких девиц еще не рожали и не разводили. Главной частью девушки были ноги, сооружения архитектурной ценности. На них уже можно было вешать дощечку: «Памятник архитектуры конца XX века. Охраняется общественностью». Над ногами, на уровне удаловского подбородка начинались прочие детали тела — талия, наглая грудь, а потом нечто розовое, голубое и золотистое.

Удалова покачнуло на девушку, и парень на него зарычал. Он был коротко стрижен, и, наверно, в стрижке отрезали ему затылок, но обошлось без кровотечения, там была сплошная кость.

Автобус остановился у парка. Парень подтолкнул девушку, та спрыгнула с подножки, пошатнулась на своих колоннах, но устояла. Парень тут же подхватил ее за талию и прижал к себе. Так они и ушли.

Удалов сошел на следующей остановке.

Навстречу шагал соседский мальчонка. Он вырос на глазах, два раза уже развелся. Так быстро бежит время. Было бы преувеличением назвать Колю Гаврилова умственно отсталым, но у него было в жизни одно желание — постоянно доставлять себе удовольствие. Это сужало его горизонты.

Сейчас Гаврилов получал удовольствие. Даже усы шевелились. Он вел под руку длинноногую блондинку. В ее прозрачных голубых глазах отражалось небо. Удалов представил ее на освещенной сцене с лентой через плечо: «Мисс Кандалакша».

Где-то Удалов эту блондинку уже видел.

Ага, в автобусе. Только на ней должна быть другая надпись... Что-то о памятнике архитектуры. Когда же она успела перебежать к Гаврилову от мускулистого парня?

При виде Удалова Гаврилов крепче прижал к себе блондинку, а та потерлась грудью о плечо кавалера. Красиво потерлась. У нее все получалось красиво.

Наверное, она — близняшка той, что была в автобусе...

Удалов хотел было свернуть во двор, но тут его внимание привлекло зрелище куда необычнее прежнего.

По той стороне гулял старик Ложкин, пенсионер районного значения, на поводке он вел тигра средних размеров. Тигр был настоящий — иначе бы с его пути не разбегались нечаянные кошки и собаки. Удалов хотел было поздороваться, но раздумал, потому что понимал: если Ложкин отзовется своим пронзительным голосом, тигр обязательно сорвется с поводка и набросится на Удалова.

Удалов обратил взор к облакам и принялся бочком-бочком продвигаться к воротам дома № 16.

И тут пронзительный голос Ложкина все же догнал Корнелия Ивановича.

— Куси его! — кричал Ложкин. — Пришел Удалову конец!

Удалов оглянулся и в ужасе присел. Потому что тигр был готов к прыжку.

Длинное осиное тело хищника прижалось к пыльному асфальту, глаза сузились, пасть была чуть приоткрыта, чтобы розовому языку было сподручнее облизывать клыки. Тигр усмехался. Тигр

уже представлял себе, как он разорвет пополам, растерзает тело Корнелия Ивановича.

— Ты чего, охренел, что ли, сосед? — послышался голос с неба. Словно архангел Гавриил затрубил в медные трубы.

И в самом деле — сверху пришло спасение.

Супруга Корнелия Удалова Ксения спускалась оттуда медленно и неотвратно.

Радость спасенного Удалова была столь велика, что он не сразу сообразил, каким же образом его жена научилась летать, причем не махая руками, так как в руках у нее были сумки с покупками.

Ксения опустилась как раз между тигром и мужем.

— Кыш! — приказала она ужасному хищнику.

Тигр пополз задом наперед, норовя спрятаться за Ложкина.

— Ксения, — сказал Ложкин, — ты не права. Я же только пошутил.

— Он сожрать меня хотел, — сказал Удалов. Он увидел наконец, как же летает его жена, — оказывается, у нее к спине был прикреплен небольшой пропеллер. Где-то он читал о таком средстве. Но где — забыл.

— Найдется на тебя правый суд, наперсник разврата, — пригрозила Ксения.

— Но кто же мог подумать, что он испугается? — оправдывался Ложкин.

— Мой Корнелий возвращается с приусадебного участка, — сообщила Ксения. — Мой Корнелий не совсем в курсе, как у нас развиваются события. Ты что, не заметил? Его же неделю как не было.

Тигр лежал за Ложкиным, отвернувшись к стене, и делал вид, что его там и не лежало.

— Пошли, — приказала Ксения мужу.

Корнелий пошел за женой. Он не оборачивался, хотя тигр мог и прыгнуть. Но тигр не прыгнул. И Ложкин больше не смеялся. Ксению он побаивался. Да кто Ксению не побаивается?

Во дворе никого не было. Перед дверью Ксения завела руку назад и отстегнула пропеллер. Не дожидаясь вопроса, пояснила:

— Называется «Малыш Карлсон».

— Ага! — вспомнил Удалов. — Не страшно?

— Третий день летаю. Привыкла. Удобно. Сумки таскать не надо.

Только дома, разувшись, Удалов собрался с духом и спросил жену:

— Докладывай, Ксения, что без меня происходило?

— Да как тебе сказать...

Удалов прошел на кухню за женой. На кухне стояла новая ма-

шина, видно, комбайн. Правда, Ксения раньше такими вещами не баловалась.

— Это еще что такое? — спросил Удалов.

— А ты руки мой, не спрашивай, — ответила Ксения резко, словно чувствовала себя виноватой.

— Это же, наверное, бешеных денег стоит, — сказал Удалов.

Ксения не ответила. Она открыла сверху этой хромированной машины отверстие чуть побольше среднего размера кастрюли. Кинула внутрь несколько нечищенных картофелин. Машина уютно заурчала.

— Иди, иди, — сказала Ксения.

Удалов не шел, смотрел.

В нижней части кастрюли распахнулась стенка, и изнутри одна за другой выехали две тарелки с супом. Суп был наваристый, густой, от него пахло мясом.

— Когда ты руки наконец вымоешь! — закричала Ксения, и Удалов пошел в ванную, ломая голову над тем, где в кастрюле скрывались другие продукты.

— Я видел, — сказал он, возвратясь, — что ты клала картофель.

— Остальное синтезировалось, — ответила Ксения.

— И мясо?

— И мясо.

— Из картошки?

— Конечно, из картошки. Не из капусты же!

Ксения даже покраснела от гнева. Вот-вот сорвется с орбиты.

Удалов поспешил сменить тон.

— Ксюша, — попросил он, — ты мне расскажи, если можешь, что в городе случилось, пока меня не было?

Ксения посмотрела на мужа недоверчиво. Почему не спрашивается? Почему не укоряет за траты?

— Меня многое удивляет, Ксюша, — продолжал в том же духе Удалов. — Наличие девушек, тигров и пропеллеров. А вот теперь и эта... картофелечистка.

Ксения подобрела. Пошла в прихожую, принесла оттуда газету «Гуслярское знамя».

— На, смотри.

Удалов прочел объявление.

ДЕЛОВОЙ ОТДЫХ В СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ!

Туристическое агентство «Голден гууз» организует шоп-туры с отдыхом в Великий Гусляр светлого будущего. Автобусные экскурсии, полупансион, осмотр достижений, обед в трехзвездочном ресторане. Посещение собственной могилы, а также мест погребения ближайших родственников за отдельное вознаграждение.

Стоимость краткого тура 100 долларов США или по эквиваленту. Удовлетворение гарантируется. Звонить по телефону 2-34-57 с 10 до 17, кроме субботы и воскресенья. Адрес агентства: ул. Шарлотты Корде (бывшая Большая Маратская), 2.

— Этого быть не может! — воскликнул Удалов. — Путешествие в будущее недопустимо!

— Почему же недопустимо? — спросила Ксения.

— Потому что будущего еще нет. Куда ты полетишь?

— Они лучше знают. Организаторы.

— Что-то ты путаешь, Ксения.

— Корнелий, ты меня не раздражай. То тебе расскажи, то ты верить не желаешь. А что я по небу летаю, это нормально? А бабы надувные — это нормально? А тигр надувной — это нормально?

— Как так надувные?

Такого удара Корнелий вынести не смог. Пошатываясь, он добрал до двери и спустился к соседу, профессору Минцу, за консультацией. Ксения его не удерживала.

Минц сидел дома, решал головоломку — как сложить из тысячи кусочков латиноамериканский пейзаж. Третьи сутки сидел, не разгибаясь.

— Лев Христофорович, — позвал его Удалов, войдя в незапертую дверь. — Что происходит? Дай мне объяснение.

Минц кивнул, но внимание его оставалось прикованным к облачному небу на головоломке. В пальцах он держал кусочек облака и примерял его к разным местам.

— Лев Христофорович, — продолжал Удалов. — Ты знаешь, что в нашем городе шоп-туры в будущее продают?

— Да, читал, — ответил Минц. — Но это антинаучно. В будущее путешествовать нельзя. В прошлое — пожалуйста. В будущее — нельзя.

И он положил на место кусочек облака.

— Но если нельзя, — сказал Удалов, — тогда почему надувные существа? И вообще, разве это возможно? Я сам видел, как они обнимались.

Другой, может, и не понял бы Удалова, но Минц умеет читать в душах между строк.

— Меня это тоже смутило, — сказал Минц. — Я наблюдал. И твоя жена на базар сегодня летала. А девушки производят впечатление, но уж про Ложкина с тигром я и не говорю.

— Нельзя город на неделю оставить! — рассердился Удалов. — Совершенно распустились. А не может это оказаться провокацией?

— И чьей же провокацией, коллеги?

— Есть враги у свободной России. От Латвии до НАТО.

— И они нам надувных женщин подсовывают?

— Вот именно!

— Говорят, много предметов оттуда привезли. На площади Землепроходцев толкучка образовалась.

— Ты думаешь, что Ксения там не была?

— И Ксения не была, и Ложкин ста долларов свободных не имеет. Тигры и прочие копии хищников и других животных по полсотни идут, девушки подороже... погоди, Удалов, давай я президенту Академии наук позвоню.

— А поможет?

— Вряд ли.

— А если тряхнуть стариной?

— Сами разберемся?

— Сами.

Минц совершил было движение к двери, но остановился.

— Нет, — сказал он. — У меня головоломка не догадана.

— Из-за головоломки ты отказываешься от научного расследования?

— Но ведь путешествие в будущее невозможно!

— Тогда я пойду один, — сказал Удалов.

Уже во дворе Удалов услышал сзади тяжелую поступь грузного Минца.

— Не беги так! — окликнул Минц Удалова. — В мои годы приходится быть солидным.

Удалов улыбнулся. Нет, его друг еще не потерял для науки и для человечества. Странная и подозрительная история будет раскрыта.

Они вышли на улицу.

— Куда сначала? — спросил Удалов. — В туристическое агентство?

— Нет, — ответил Минц. — Гуси подождут.

— Какие гуси?

— У агентства, что характерно, английское название, — сказал профессор. — И означает оно — «Золотой гусь». Подозрительно?

— Не знаю, — сказал Удалов.

Они направились на площадь Землепроходцев, где, по словам Ксении, располагалась толкучка товаров из будущего.

Но опоздали.

Площадь была почти пуста, лишь у гостиных рядов таился в прохладной тени мужик с большим полосатым баулом. Перед ним стояли, принимая красивые позы, две девицы — те самые. У ног лежал крокодил. Несколько мальчишек глазели на крокодила, а

пенсионер Пупыкин норовил заглянуть девушкам под туники, чем их веселил.

— Вы из будущего? — спросил Удалов.

— А что, не видно? — обиделся мужик. — Купи женщину. У меня последний автобус уходит.

— Я там куплю, — сказал Удалов. — Завтра отправлюсь и куплю.

— Блондинок там уже не осталось, — уверенно сказал мужик. — Там только брюнетки. Блондинок еще вчера разобрали.

— Послушай, сто рублей дам! — взвыл пенсионер Пупыкин.

— Она мне самому в двести обошлась, — отмахнулся мужик. — Бывают же такие скопидомы!

Пупыкин протянул руку к бедру девушки. Та хихикнула, но отодвинулась.

— А крокодилы почему? — спросил Удалов.

— Крокодилов по полсотни баксов отдаю. А вы животными интересуетесь? У меня слон есть, недорого. Если у вас садово-огородный участок, то оказывает большую помощь. Хотите посмотреть?

— Хочу, — сказал Удалов и огляделся — где же мужик прячет слона?

Мужик вытащил из полосатой сумки темный шарик размером с теннисный мяч.

— Посторонись! — велел он зрителям.

Все послушно отшатнулись.

Мужик уронил шарик на землю, возникло дрожание воздуха. Оно сгустилось и посерело. Потом оказалось, что перед ними стоит средних размеров слон, очень грустный, неподвижный, лишь кончик хобота покачивается над упавшей на землю надувной девушкой, которая не успела или не сообразила отскочить.

Пупыкин и Удалов кинулись поднимать девушку, хотя, конечно, опасались слона. Но мужик слона потянул за хобот, и тот легко и послушно отошел в сторону и встал над крокодилом.

— Ну что, берешь слона? — спросил мужик.

— И почему у вас теперь слоны? — спросил Минц.

— Триста рублей, за такие деньги вы теперь курицу не купите.

К ним спешил милиционер.

— Гражданин, гражданин! — укоризненно кричал он. — Ну что же мне с вас, штраф, что ли, брат? Сказано же, что рынок закрыт, а слонов водить не разрешается.

Мужик щелкнул пальцами, слон растворился в воздухе и покатился мячиком под ноги Минца.

— И правда, — сказал мужик. — Последний автобус уйдет, я до своей деревни не поспею.

— Сто двадцать, — сказал Пупыкин. Он вытащил из кармана несколько десятков и тряс ими перед носом у мужика.

— Эх, себе в убыток торгую! — закручинился мужик, но деньги взял и стал пересчитывать, словно это играло роль. А Пупыкин начал метаться между двумя одинаковыми девушками, не зная, какую выбрать.

— Быстрее соображай, пенсионер, — сказал мужик. — Ты левую бери, она постарше.

Мужик засмеялся и щелкнул пальцами. Одна из девушек превратилась в мячик.

— Мою тоже упакуйте, — потребовал Пупыкин. — Я же не могу прийти в мой дом в такой компании.

— Это дело пустяковое. Ты сам учись.

Мужик показал Пупыкину, как щелкать пальцами. Удалов тайком тоже щелкнул и, сам того не желая, превратил в мячик чужого крокодила. Пупыкин побежал прочь, пошатываясь на кри-вых ножках.

Тогда Минц с Удаловым пошли в бывший Маратовский переулок. И в самом деле, над одной из дверей двухэтажного барака была приколот картонка с надписью: «Голден гууз».

Молодая женщина с невыразительным длинным лицом и ярко нарисованными губами сказала:

— А я уж закрываться хотела. Вы насчет кризиса?

— Мы хотели бы побывать в будущем, — сказал профессор Минц. — Согласно объявлению.

Женщина громко вздохнула, опускаясь на стул.

— Паспорта с собой?

— Нет. А можно без паспорта?

— Ну подумайте: пожилой человек, а такую ахинею несет! Вы же отправляетесь за рубеж, за вас обязуются. Вам известно, что в будущее допускаются лишь лица с гуслярской пропиской?

— А из района можно? — спросил Удалов, вспомнив мужика.

— Из района можно. Попрошу явиться завтра к десяти. Паспорт, сто долларов наличными, одеться прилично, но скромно. Вот список товаров, допущенных к вывозу.

Женщина протянула Удалову отпечатанный на машинке лист бумаги.

— А теперь идите, — сказала она. — Мы закрываемся.

Вернувшись домой, Минц все же позвонил президенту Академии наук.

Президент как раз ехал с совещания и говорил из машины по радиотелефону.

— Толя, — сказал Минц, — здравствуй, тебя Лев беспокоит.

— Узнаю, узнаю, беспокойное сердце, взволнованный голос! Что тебя сегодня тревожит, старый конь?

— Скажи мне, Толя, только честно, — попросил Минц, — путешествие в будущее возможно?

— Теоретически?

— И практически.

— Вряд ли, — сказал президент Академии, — а что, у тебя уже получилось?

— Значит, ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать?

— А то, что у нас в Великом Гусляре туристическая контора организует туры в будущее.

— Смешно, — сказал президент. Но голос у него был серьезный.

— Причем это не просто туры, — сказал Минц. — Это шоп-туры. Понимаешь?

— Теперь уже с трудом, — признался президент.

— Я сегодня наблюдал, какие товары привозят из будущего мои земляки. И это впечатляет.

— Ты меня пугаешь, Лев.

— Толя, неужели в других городах это явление не наблюдается?

— Не только в других городах, но и в других странах. Нигде в мире.

— Провокация?

— Но чья? Кому выгодно отправлять в будущее жителей Великого Гусляра?

— Может быть, нас хотят отравить? — произнес Минц, но тут же сам себе возразил: «Если они нас отравят, то как же они родятся на свет?»

— Что за товары? — спросил президент.

— Станный набор. Надувные женщины...

— С какой целью?

— Может, с эротической.

— Для мастурбации?

— Прости, Толя, но они такие убедительные, что даже разговаривают. Кроме того, в нашем городе появились надувные слоны и тигры.

— Прости, но это какой-то детский сад.

— Индивидуальные средства для полетов под кодовым названием «Малыш Карлсон»...

— Кухонные комбайны, которые картошку в мясо превращают, — подсказал Удалов.

— Кухонные комбайны, — повторил Минц. — И многое другое, о чем мы еще не успели узнать.

— Ясно, — сказал президент. — А что им нужно?

— Молодец, — одобрил вопрос президента Минц. — Нас тут снабдили списком вещей, которые рекомендуется брать с собой в шоп-тур для обменных операций. Погоди, погоди... «Фрукты и овощи свежие, кедровые орешки... ткани хлопчатобумажные и шелковые...» Не вру я! Слушай, не перебивай... «Драгоценные и полудрагоценные камни, янтарь, нефрит, агат...» Хорошо, пойдем дальше: «Книги с иллюстрациями в хорошем состоянии, выпуска до 1945 года, изделия из натурального меха...» Да тут больше ста позиций!

— Любопытно, — заметил президент. — Судя по твоему чтению, практически каждый житель города, независимо от благосостояния, может набрать дома материалов для шоп... для обмена, для бартера! Лев, ты должен будешь сделать для меня лично и для науки одну вещь...

— Мы с моим другом Корнелием Ивановичем Удаловым завтра с утра берем паспорта и отправляемся.

— И сколько стоит путевка?

— Не надо, Толя, я знаю, что на науку у нас дают скудно.

— На науку — скудно, а на разведку — сколько надо. У меня есть один академик во внешней разведке.

— По сто долларов, — сказал Минц.

— Двести долларов перевозжу сегодня телеграфом, тебе и товарищу Удалову. Завтра жду от тебя звонка. На всякий случай с утра будем держать в боевой готовности парашютную бригаду.

— Только не это! — взмолился Минц. — Мы не знаем, кого спугнем и во сколько это нам обойдется.

— В зависимости от твоего доклада, Лева, — сказал президент. — Россия не забудет твоего подвига.

— Пока еще я ничего не совершил, — скромно ответил Минц.

Он попросился с президентом и объяснил Удалову, что был у Толи научным руководителем на кандидатской диссертации. Много лет назад.

Вечером Удалов отведал пищи из кухонного комбайна. На этот раз Ксения набрала на кнопках рагу из зайца под бургундским вином и омаров под майонезом. И все из той же картошки.

Омары Удалов понравились. Наевшись, он взял у Ксении пропеллер, попробовал полетать по квартире, ушиб голову о люстру — к счастью, люстра осталась цела. Удалов упал, но не огорчился. Только сказал:

— К Максимкиному приезду спрячь эту штуку.

Ксения не ответила, но поняла, что Удалов беспокоится, как бы «Малыш Карлсон» не попал в руки внуку, который отдыхал с родителями на острове Кипр.

Удалов долго не засыпал, сидел у окна. По улице брели парочки, возвращались из парка. Удалову казалось, что многие девицы не настоящие, а надувные, но из-за плохого освещения он не был уверен в своих наблюдениях.

Ксения мирно спала — русские женщины быстрее привыкают к необычности судьбы. Ну где бы вы увидели в Европе, чтобы женщина на шестом десятке, купив на толкучке пропеллер, стала бы летать с ним над городом? А у нас это бывает.

Взгляд Удалова упал на хозяйственную сумку, которую Ксения собрала ему в шоп-тур. Когда она узнала, что Удалов отправляется в будущее с государственным заданием и на государственные деньги, как бы в командировку, она обрадовалась и надавала ему поручений, записала их под номерами на бумажке — оказывается, Ксении было отлично известно состояние рынка будущего и знакомы цены. Она еще и не побывала там — и может, не побывает, — но разбиралась в особенностях экономики будущего лучше любого футуролога.

Удалов старался следить за ее инструкциями, но голова была переполнена информацией, и потому он мало что запомнил из поучений жены. Даже бумажку затерял. А Ксения так старалась! Сложила в сумку отрез крепдешина, палехскую шкатулку, хохломские ложки, пепельницу из малахита, янтарные бусы и множество вещей, которые не очень нужны дома, но выбрасывать их нельзя.

Заснул Удалов перед рассветом и во сне высоко летал, погружаясь в облака.

Минц вышел с портфелем.

— Боюсь, — сказал он, — что у меня никуда не годный бартер.

— Я поделюсь, — пообещал Удалов.

Перед агентством «Голден гууз» былолюдно. Отправляли группу. Вчерашняя женщина проверяла сумки, а нервный кавказец, сидевший в конторе, собирал деньги и шустро прятал их в сейф. На паспорта Минца и Удалова он взглянул мельком, словно они его на самом деле не интересовали.

— На улице ожидай, — говорил каждому кавказец. — На улице ожидай.

Получалось словно песня.

Выходя, они столкнулись с Мишей Стендалем.

Миша Стендаль — сотрудник газеты «Гуслярское знамя», раньше органа горкома, а теперь — владения коллектива редакции из шести человек во главе с товарищем Малюжиным.

Миша склонился к уху Удалова и громко прошептал:

— Никому ни слова. Я выполняю редакционное задание.

— Слушаюсь, — ответил Удалов.

— Миша! — воскликнул Минц. — А вы что здесь делаете?

— Конспирация! — прошептал Удалов. — Он тоже на задании.

Женщина со скучным лицом появилась рядом, хотела о чем-то спросить, но Минц ее опередил своим вопросом:

— В какой год вы намерены нас отправить?

— В отдаленное будущее! — ответила женщина так, словно ее обидели.

— А год вам неизвестен?

— Говорят, что лет через сто, — сказала женщина. — Точнее меня не информировали. И попрошу на улицу, на построение!

На улице, у дверей в агентство, женщина выстроила всех шоп-туристов. Одиннадцать человек. Два или три лица Удалову были знакомы, не более того.

Женщина прошла вдоль строя.

— Участники шоп-тура, — сообщила она, — должны строго соблюдать правила поведения в чужом обществе. Запрещается вступать в разговоры с жителями будущего, навязывать им свои товары и услуги за пределами вещевого рынка. Любая попытка остаться в будущем или продлить срок своего тура будет наказываться денежным штрафом в десятикратном размере. Всем ясно?

— Простите, — сказал профессор Минц, вытирая платком вдруг взопревшую лысину, — а в десятикратном размере от чего?

— От максимума, — ответила женщина.

Алый рот ее совершал куда больше движений, чем следовало или было необходимо.

Кавказец выглянул из дверей и сказал:

— Можно запускать, Чикита.

— В какой год нас отправляют? — спросил у него Минц.

— Главное, — ответил кавказец, — живым вернуться, не заблудиться. Будешь слушаться, будешь живой и богатый.

Удалов тем временем смотрел на своих спутников. Семь мужчин, четыре женщины. Женщины все деловые и профессиональные на вид. Это было видно по джинсам и крепким объемистым сумкам. Из мужчин трое были молоды, Миша Стендаль в расцвете сил, а трое, включая Удалова и Минца, приближались к закату жизни.

Больше разглядеть Удалов не успел, они быстро шли по полутемному коридору, кавказец возглавлял шествие, а длиннолицая дама его замыкала. Потом в глаза ударил свет — они оказались в зале, похожем на актовый зал типовой школы. В углу были свалены стулья. Они были покрыты красным ситцем с выцветшими белыми буквами лозунгов.

Посреди зала стоял автобус Павловского завода. Кавказец занял место за рулем, женщина подталкивала, торопила туристов, повторяя, что времени в обрез, если опоздаем, придется возвращаться несолоно...

Обшивка с сидений была сорвана, некоторые сели на пружины, другие на голую фанеру.

— Крепче держитесь, — приказал кавказец.

Женщина с красным ртом прошла к двери в зал, возле которой был выключатель. Она повернула его, и свет в зале погас. Стало почти совсем темно. Автобус взревел и начал покачиваться. Поехал. Иногда его подбрасывало на колдобинах.

Удалов с трудом удерживался на сиденье, так что вглядываться в темноту не было возможности.

Затем стало светло, даже ярко. Оказалось, автобус выехал на залитый солнцем луг. Ласковое солнце катилось по бирюзовому небу. Пели птицы, хотя в августе они у нас молчат.

— Вылезает! — приказал кавказец.

Женщина с длинным лицом ждала их внизу, снаружи. От этого создавалось ощущение какого-то розыгрыша, дурной шутки. Правда, перемену с окружающим пейзажем объяснить было не легко.

— Скорее, товарищи, скорее, господа! — звала женщина. — Мы теряем драгоценное время.

— Корнелий, запоминай, все запоминай! — прошепел Минц.

— Говорят, американским шпионам выдают кинокамеры размером в горошину, — сказал Миша Стендаль. — Жалко, что я не шпион.

Туристы, волоча сумки, поспешили за женщиной по утопанной тропинке, которая провела их сквозь кусты и влилась в улицу. Улица была чистой, широкой, дома прятались в зелени. По мостовой неслись машины неизвестной конструкции, по тротуарам шли люди, большей частью в широкополых шляпах, в длинных плащах или халатах.

Удалов рассматривал этих людей, жителей отдаленного будущего, но жители не обращали на него никакого внимания.

Он обратился к встречному жителю будущего и спросил:

— Вы не скажете мне, какой сегодня у нас год?

— Две тысячи ноль девяносто шестой, — ответил житель и прошел, не останавливаясь.

— Запрещено! Запрещено задавать вопросы! — шипела Чикита. — Вы что, хотите, чтобы всю программу нам прикрыли? Вы не представляете, с каким трудом мы на этот контракт вышли! И никто раньше вопросов не задавал. Сказано — не задавать, и не задавали. А вы почему задаете?

— Потому что я любознательный.

— Без пяти минут любознательный? — съязвила Чикита, которой к тому времени удалось отеснить Минца внутрь группы, и по ее знаку остальные шоп-туристы взяли Минца и Удалова в кольцо, чтобы скрыть от встречающих и облегчить экзекуцию.

— Но почему нельзя спрашивать? — вел арьергардный бой Удалов.

— А потому, что сейчас ты про год спрашиваешь, а потом спросишь, чего нельзя.

— А чего нельзя?

— Нельзя узнавать, будет война или не будет, когда ты помрешь и какой смертью... Мы...

— Но вы же сами в проспекте обещали нам могилы показать!

— Там проведена соответствующая подготовка. Там все схвачено. А вот самодеятельности мы не допустим.

— Не допустим, — поддержал Чикиту ее помощник.

Впрочем, и туристы были солидарны с начальством, потому что, конечно же, приехали сюда не из-за места на кладбище, а за товаром.

— И какая вам радость, — сказала уже спокойнее Чикита, чувствуя, что бунт на борту утихает, — какая радость узнать, что помрете через три дня?

— Почему я умру через три дня? — заинтересовался Минц.

— Да не вы, Минц, а обыкновенный без пяти минут человек!

Но Минц тут закручинился и отошел на последнее место в группе, опустив голову, словно услышал смертный приговор. Удалов счел необходимым ободрить его.

— Крепись, друг, наша кукушка еще продолжает куковать, — сказал он.

Постепенно Минц успокоился, и группа восстановила темп движения.

Улица становилась оживленнее и уже. Народу встречалось много, некоторые искоса поглядывали на туристов.

— Впрочем, можно понять, — сказал Минц, и Удалов услышал его. — Мы им надоели. Если путешествие во времени такое обычное дело, что уже проводят шоп-туры, то, значит, местные жители этих туристов видели тысячами!

— Минц, разговорчики! — прикрикнула женщина.

— По-моему, она в охране служила, — сказал Удалов.

Кавказец свернул на узкую грязную улицу. Здесь дома сдвинулись тесно, кое-где через улицу тянулись провода и шнуры. Наполовину надутый слон сидел, прислонившись к стене дома. Перед туристами раскрылась небольшая площадь. Площадь была пуста, на ней стояло множество столиков.

— Можете расхватывать, — сказала женщина. — И раскладывайте свое барахло.

На площади появилось три человека в униформе, вернее всего полиция. Удалову захотелось спрятаться или сдать властям. Но полицейские не обратили на него внимания. Они прошли вдоль столов, глядя, что выкладывают на них туристы. Подобно прочим прохожим, полицейские были одеты в длинные, до земли, плащи, на головах — широкие шляпы конусом, закрывающие не только голову, но и плечи.

Некоторые предметы полицейские брали в руки, разглядывали, проверяли непонятными приборчиками, прикрепленными к их пальцам. С крайнего стола полицейский схватил нечто темное и заявил:

— Конфискуется.

— Как конфискуется? — возмутилась владелица. — Это же в списке было!

— Выдать компенсацию, — сказал полицейский семенившей за ним краснотелой женщине.

— Будет сделано, — откликнулась та. Потом погрозила кулаком шумевшей туристке.

Удалов разложил на столике свой товар. Минц смог подложить в общий котел лишь янтарные запонки и банку маринованных грибов.

Когда проверка и раскладка завершились, появились и покупатели.

Покупали в основном мужчины, одетые в различного рода форменные мундиры. Были они деловиты, словно пришли не на базар, а на тактические учения. Впрочем, обнаружилось, что и наши туристы готовы к такому разговору и знают не только набор товаров, которые можно получить, но и их ценность. Так что споров и не возникало.

За шелковый халат с драконами, который Ксения почти не надевала, Удалову сразу предложили надувную девушку — на выбор.

Удалову стало любопытно. Не то чтобы он хотел получить девушку — вы же представляете, что бы случилось, если бы он привел такую домой, — но все же сама возможность обзавестись юной красавицей была соблазнительна.

— Посмотреть можно? — спросил он.

Покупатель бросил на землю несколько мячиков, из них, как в сказке, выросли три брюнетки, все три полногрудые, с ямочками на щеках, курчавые.

Они одинаково улыбались Удалову.

Одежды на брюнетках почти не было — так, нечто вроде кулечиков цыганского образца.

Конечно, Удалов хотел получить брюнетку. Он все же был мужчиной. Конечно, он немного завидовал холостяку Пупыкину, который отнес домой мячик и играет теперь им в меру своих сил. Но брюнетку брать нельзя. Ни в коем случае.

Удалов краем глаза уловил усмешку, посетившую лицо его друга, и неожиданно для себя спросил:

— А мужчины у вас есть?

— Такие же? — удивился покупатель.

— О нет! — хором воскликнули брюнетки и полезли к Удалову обниматься. — Мы лучше! — уверяли они. — Не нужны тебе мальчики, наш повелитель.

— Эй! — крикнул покупатель своему знакомому, который торговался возле столика, где держали оборону две гусярские женщины. — У тебя тринадцатого-бис не найдется?

Тут Удалов увидел, что возле того столика стоит мускулистый спортсмен в одних трусиках. Гусярка критически осматривает его.

— Нет! — остановил покупателя Удалов. — Это я так, узнать хотел. Мне бы лучше чего-нибудь из животного мира.

— А мы? — спросила брюнетка. Она нежно погладила Удалова по руке.

— Богом прошу, — обратился Удалов к покупателю, — уберите их, а то соблазняются.

— Соблазнься.

— Нельзя. Жена убьет. У нас в семье с этим строго.

— Почему строго? — Покупатель так удивился, что в мгновение ока превратил галдящих девиц в черные мячики. И так ловко, что мячики подпрыгнули по очереди точно ему в руки. Рассовывая их по карманам френча, покупатель повторил вопрос: — Почему строго?

— Да потому что ревнует она. Не поверите, шестой десяток разменяла, а все равно ревнует. Ей кажется, что я еще ой-ой-ой!

— А вы не ой-ой-ой? — спросил покупатель.

— Свое в основном отлетал, — признался Удалов.

— Господин! — окликнул покупателя Миша Стендаль. — Вы ко мне не подойдете?

— Сейчас, минутку, — ответил тот. Шелковый халат притягивал его, как магнит. — А удава вы не желаете? Есть крупный удав очень красивой расцветки. Последний экземпляр наблюдается в Лондонском зоопарке.

Удалов не успел ответить, как услышал сверху голос:

— Как там Ксения? Все еще ревнует тебя к каждой березке?

Он поднял голову.

На фоне серого неба, пользуясь пропеллерами системы Карл-

сона, летали отдельные горожане. Одна из женщин помахала Удалову рукой и тут же пропала за коньком крыши.

Покупатель в форме забыл об удаве. Он вытащил из кармана портативную рацию и начал в нее шептать.

Буквально через четыре секунды над площадью возник полицейский на реактивном стуле. Полицейский принялся барражировать на небольшой высоте.

— Чего вы испугались? — спросил Удалов.

— Да поймите вы, чудака-человек, — задушевно заговорил полицейский. — Нельзя нашим людям с вами общаться. Каждая минута пребывания вас здесь ставит под угрозу нашу цивилизацию. Что, если вы повредитесь или погибнете? Что за судьба ждет тогда ваших нерожденных внуков?

— А кто со мной отсюда разговаривал?

— Наверное, кто-то из правнуков. Мы проверим и примем строгие меры.

И он улетел — видно, принимать меры.

— Возьмем удава? — спросил Удалов.

— А что ты с ним будешь делать?

— Вместо собаки пускай дом охраняет. Тихо. Стремительно.

— Ох, загадит он тебе квартиру, — предупредил Минц.

— Обижаете, — сказал покупатель. — Удав тоже надувной, синтетический. У нас окружающая экология больше не гадит.

Удалов отдал халат, а Минц заодно спросил у покупателя:

— И давно у вас путешественники во времени появились?

— Да уж вторую неделю, — ответил покупатель.

— И раньше не было?

— Раньше возможностей к этому не имелось.

— Тогда странно мне, — заметил Минц, — равнодушие, с которыми ваши жители к нам относятся. Словно давно привыкли.

— Это наши проблемы, — отрезал покупатель. Почему-то отвечать на этот вопрос ему не хотелось.

— Не совсем ваши, — возразил Минц. — По сути дела, вы — наши потомки. Не чужие люди.

— Не знаю, не слышал, — отмахнулся покупатель.

— Мне нужен настоящий информант, — сказал Минц шепотом. — Пока что я вижу в этом заговор. Но чей?

— Эй! — окликнул уходящего покупателя Удалов, желая помочь профессору. — Скажите, вас Америка случайно не покорила?

— Это еще почему? — удивился покупатель.

— Ну, может быть, покорила вас Америка и теперь через вас хочет нас покорить.

— И что же она будет тогда с вами делать? — отозвался другой покупатель, пожилой, с заостренной бородкой и в черных очках.

— Угнетать, — сказал Удалов. — Высасывать соки.

— А что, дома этим заняться некому? — спросил старик.

— Дома желающие есть, — согласился Удалов. — Но мы к ним привыкли.

Старик предложил Удалову купить у него конусообразную шляпу. Сказал, что очень помогает от озоновых дыр. Удалов сказал, что в Великом Гусляре дыр пока не замечено.

— Не сегодня-завтра, — пообещал старик. Ему хотелось приобрести у Корнелия палехскую шкатулку, и потому он отдал ему очередной мячик. На этот раз мячик превращался в палатку с надувным матрасом и подушкой. Идеальное средство отдохнуть на рыбалке.

Тем временем центр событий переместился к Мише Стендалю. А так как его столик стоял совсем рядом, то Удалов был в курсе дел.

Миша принес с собой бочонок меда, но отдавать его дешево не намеревался. Уже несколько человек подходили к нему, предлагали животных, технику и девушек, но Миша сказал, что ему требуется флаер, то есть летательный аппарат из фантастического фильма.

К его меду приценивались разные люди, но флаера они предложить не могли, может, и не было у них флаеров. И тут к Мише подошла пожилая женщина, скромно одетая, без шляпы. Она сказала, что мед ей нужен как лекарство, но флаера у нее отродясь не было, единственное, чем она может пожертвовать, это своей служанкой. Она вынула из сумочки очередной мячик, и тот, стукнувшись о мостовую, превратился в скромного вида девушку. Она была не столь красива и длиннонога, как те близняшки, что уже шастали по Великому Гусляру, но ее тихое очарование не осталось незамеченным Удаловым.

— Вот это совсем другое дело, — сказал Удалов. — Такую и я бы взял... в служанки.

— Ты что несешь! — возмутился Минц. — Ты подумал о реакции твоей семьи?

Миша хлопал голубыми глазами. Снял очки, протер их. Девушка глядела на него робко и преданно.

— Боюсь, что он провалит редакционное задание, — сказал Минц.

— Интересно, а каким оно было? Неужели он обещал Малюжину самолет привезти?

Пожилая женщина, которая намеревалась расстаться со служанкой, была сообразительна. Она перехватила взгляды Стендаля.

— Конечно, — сказала она, — Галочка мне все равно как дочка. Я только пошутила, что с ней расstaюсь.

— Я готов отдать вам мед! — воскликнул Миша.

— Вашего меда не хватит на один ноготок Галочки, — произнесла подлая старуха.

И не успел Стендаль возразить, как старуха жестко и решительно шелкнула пальцами, Галочка ахнула и превратилась в мячик. Стендаль ринулся было за мячиком, но мячик отпрыгнул от него и покотился в руки к владелице.

— Но может быть, вы возьмете что-нибудь еще? — спросил Стендаль.

— Ах, что мне у тебя взять, молодой человек? — спросила старуха. — Нечем тебе меня соблазнить.

— Но у меня есть оренбургский платок из чистой шерсти, можете его в обручальное кольцо продеть.

— Не поняла, — сказала старуха. — Где вы увидели на мне кольцо?

— А вот моржовый клык с вырезанным на нем узором охоты на полярных медведей в исполнении неизвестного чукотского мастера.

— Ах, оставьте! — И старуха пошла прочь.

— Погодите!

Тут в дело вмешался Минц. Он широко шагнул и схватил Стендаля за рукав.

— Миша, — сказал он, — эта женщина более тебя заинтересована в сделке. Не спеши и не суетись.

— А если она уйдет домой? — Миша весь дрожал и был бледен.

— Потерпи. Она вернется, если ты не будешь за ней носиться.

Старуха дошла до конца рынка, притормозила и посмотрела на Мишу через плечо. Миша тянулся к ней, но Минц держал его крепко.

Старуха остановилась, словно в нерешительности. Тут появился один из милиционеров, только переодетый в штатское. Удалов узнал его по родинке на правой ноздре. Переодетый милиционер сказал Стендалю:

— Могу помочь.

— Сколько? — спросил Минц, не отпуская Стендаля.

— Моржовый клык, — ответил милиционер. — Собираю моржовые клыки.

— Согласен! — воскликнул Стендаль раньше, чем профессор успел его остановить.

— Эй, госпожа Аникина! — воскликнул милиционер. — Пожалуйста назад.

Старуха резко подбежала к Стендалю и, словно все было оговорено заранее, схватила бочонок с медом, кинула в Стендаля мя-

чиком, а милиционер унес моржовый клык, расписанный охотничьими сценами из жизни чукчей.

— Ну что ж, давай возвращай красотку к жизни, — сказал Удалов, видя, как робеет, внутренне дрожит Миша Стендаль. — Пальцами сможешь шелкнуть?

С другой стороны, где за столиком стоял человек с лицом отставного полковника ДОСААФ, донесся хриплый голос:

— Если бы не возраст, сам бы женился и всем посоветовал. Это же надо жену иметь, которую можно двумя пальцами на полку отправить, а когда соскучился или проголодался, так же вернуть.

— Это неэтично, — отозвалась женщина, стоявшая через стол, — мы вам не мячики, чтобы в кармане носить.

— Так то ж игрушка надувная! — откликнулся молодой парень, бритый, в черной майке. — А нам, русским людям, подавай женщину мясную, плотную, энергичную.

В этой дискуссии никто не заметил, как Стендаль шелкнул пальцами и служанка Галочка материализовалась рядом с ним. Не только материализовалась, но вступила в разговор, так как явно отличалась умом и сообразительностью, не то что девицы для утех, которых привезли в Гуслияр раньше.

Она быстро освоилась и подошла к профессору Минцу.

— Мне приятно познакомиться с моими будущими современниками, — звучным глубоким голосом произнесла она. — И вы, в частности, производите на меня благоприятное впечатление. Мне хотелось бы сблизиться с вами на интеллектуальной почве. Я надеюсь многое у вас почерпнуть.

Стендаль сначала побледнел от ревности, потом покраснел от стыда.

— Ты ее недооцениваешь, — прошептал ему Удалов. — Можно сказать, что тебе наконец повезло.

У девушки оказался замечательный слух.

— Я согласна с вами, уважаемый...

— Корнелий Иванович.

— Вот именно! Корнелий Иванович! Мне хочется надеяться, что моему потенциальному возлюбленному и даже, не боюсь этого слова, супругу со мной повезло. Но я должна предупредить заранее — других жен я в доме не потерплю. Даром что меня считают надувной.

Эта тирада одних заставила улыбнуться, других рассердила.

— Вот именно, что надувная! — воскликнула одна из шоп-туристок. — Надувают нашего брата почем зря. Потом захватят у нас власть и будут помыкать. Смотреть на них противно!

Торговка сплюнула, но надувная девушка не обиделась, а возразила ей:

— Скажите, пожалуйста, чем я хуже вас? Или очи мои не сияют, словно звезды? Или груди мои не округлы и упруги, словно антоновские яблоки? Или бедра мои не столь круты, как хотелось бы моему возлюбленному? Или лоно мое не привлекает взоров? Или ноги мои не прямые, как у скаковой лошади?

Торговка была толстой, корявой, неухоженной женщиной, и потому она сразу обиделась.

— Кукла надувная, за десять копеек! — возопила она. — Вы только поглядите, люди добрые, кто на меня нападает! Кто меня, мать двоих детей, оскорбляет при людях! Ты хоть знаешь, что такое ребенок?

— Если мой будущий муж или возлюбленный захочет, — скромно возразила Галочка, — я немедленно рожу ему богатыря.

— Синтетического! — догадалась торговка. — Пластмассового! Галочка отвернулась от противницы и положила руку на плечо Мише.

— Миша, не слушай наветов. В нашем времени все равны. Неважно, как человек произошел на свет, главное, чтобы он был хорошим человеком и достойным членом общества. Ты меня понимаешь?

— Еще как понимаю, — ответил Миша.

Галочка потянулась к щеке Миши и ласково, нежно поцеловала его.

Миша даже побледнел от счастья.

— И если ты хочешь, — прошептала надувная девушка так громко, что слышал весь рынок, — то пойдем со мной в трехзвездочный отель «Гусь», потому что я страстно мечтаю тебя любить и ласкать!

Девушка часто дышала...

Миша позволил увести себя. Минц пытался было окликнуть его, но Удалов сказал:

— Пускай идет. Его счастье или его беда... Он взрослый. Вышел из комсомольского возраста.

Торговка громко издевалась и хохотала вслед возлюбленным. В конце концов к ней подошел местный милиционер и предупредил о правилах поведения в общественных местах. Торговка замолчала.

— Она свое дома возьмет, — сказал Удалов.

Местный народ лениво заходил на рынок, лениво бродил от столика к столику, кое-что брали. Милиционеры — те, что сначала приходили, — теперь уже все переоделись в штатское. Ходили,

как покупатели, как бы направляли действие, помогали вести ченч, то есть обмен.

Удалов выменял себе зонтик, который становился меньше грецкого ореха, у Минца хорошо ушел однотомник Белинского издания начала века с золотым тиснением по переплету. Стендаль не возвращался, — интересно, куда его повела надувная кукла?

Минц старался заговорить с покупателями и зеваками из будущего, но люди отвечали ему односложно, словно побаивались гостя. Но тем не менее даже такие скупые ответы представляли интерес.

— Скажите, пожалуйста, какой у вас общественный строй? — слышал Удалов голос профессора.

— Свободный, — отвечал один покупатель.

— Демократический, — отвечал второй.

— Меня он устраивает.

— Сколько было мировых войн? — спрашивал Минц.

— На провокационные вопросы не отвечаем, — говорил покупатель.

День приближался к обеду.

Бритый молодой парень из шоп-группы долго выбирал себе подругу, наконец ему понравилась губастая, глазастая, рыжая, курчавая, она его возбудила. Он даже не стал доторговываться, а понес купленный мячик в гостиницу.

Без пяти два на площади появился полицейский командир. За ним двигалась повозка, нагруженная разного цвета и размера мячиками и шариками.

За повозкой шествовали вереницей полицейские, переодетые покупателями. Командир загребал с повозки несколько мячиков, вываливал их на стол продавцу, в обмен безмолвно забирал привезенный товар. Все молчали. Во-первых, с местной полицией не спорят, это закон шоп-туриста, во-вторых, каждый понимал, что любой обмен в пользу гостей. Десять мячиков — это десять солидных предметов из далекого будущего. Каждый можно толкнуть в Вологде долларов за двести как минимум. Поездка окупилась.

Вываливая на столик мячики, командир говорил каждому продавцу одинаково:

— Благодарю за визит. Попрошу в гостиницу, где вас ждет вкусный обед с прохладительными напитками.

Туристы потянулись к автобусу. Они оживленно беседовали и стоваривались в гостинице обменяться товарами, если кому чего не подходит.

Дама с красным ртом уже ждала в автобусе.

— После обеда полчаса личного времени, — сообщила она, — затем экскурсия на кладбище. Для желающих.

— Зачем? — не понял Минц.

— Посмотреть на свое захоронение и захоронения ближайших родственников и соседей.

Удалов закручинился. Ему не хотелось смотреть на свою могилу, но отказаться от визита он не посмел.

— У нас не хватает одного молодого человека, — сказал Минц. — Но вернее всего, он ушел в гостиницу поиграть с мячиком.

— Ничего с ним не случится, — равнодушно ответила дама. — Здесь нет преступности.

Обед оказался сытным, но скучным, недосоленным и пресным. Прохладительные напитки были чуть теплыми, чай — просто теплым.

Потом они поднялись в двойной номер. Удалов вывалил мячики и шарики на кровать.

— Может, не стоит их сейчас оживлять? — спросил Минц. — Если тебе достался слон, то получится трагедия.

— Но на удава я могу полюбоваться? — спросил Удалов.

— Любуйся, — согласился Минц. — Только осторожно.

Удалов стал рассматривать шарики в надежде угадать, какой из них содержит в сложенном виде удава. Даже легонько мямл их руками. Шарики были тяжелыми, словно сделанными из каучука. Один прохладнее прочих. Может, в нем змея?

Под дверь в комнату вполз листочек бумаги.

— Смотри, — сказал Корнелий. — Выходят на связь. Может, это Миша Стендаль просит помощи?

— Осторожнее, — предупредил Минц. — Мы в чужой стране.

— В своей, — возразил Удалов. — Но изменившейся.

— И мы знаем о ней не больше, чем о Бангладеш, — сказал Минц.

— Прочтем? — Удалов сделал шаг к листку бумаги.

— Давай, — согласился Минц. — Читай вслух.

Сам отошел к окну и стал выглядывать наружу — но что увидишь с шестого этажа, кроме зеленого парка и пролетающих над землей средств передвижения неясного вида?

Удалов подобрал листок.

— «Могу поговорить за умеренное вознаграждение, — прочел он вслух, — расскажу тайны. Если согласны, то на кладбище у могилы Корнелия Удалова буду стоять за деревом. Доброжелатель».

— Ох не нравится мне это, — сказал Удалов, в сердцах отбрасывая листок, который полетел над кроватью и приземлился в руки Минцу. — И на кладбище я идти не хотел. Какого черта мне смотреть на свою могилу? Мазохизм это какой-то! Ну кто в наши дни смотрит на свои могилы?

— А я пойду, — сказал Минц. — Я думал убежать от них, прой-

ти по улицам, заглянуть тайком в библиотеку. Для этого и шляпу выменял. Чтобы от них не отличаться. Но боюсь, что моя акция была обречена на провал, так как мы буквально окружены их агентами и переодетыми полицейскими. Теперь же у меня появился просвет. Что у тебя осталось из ценных вещей?

— Янтарное ожерелье, — сказал Удалов. — Я его спрятал.

— А у меня... — Минц залез двумя пальцами в верхний карман пиджака. — Где же мамино колечко? Ага, здесь! И царская десятичка! Думаю, за этот ченч мы с тобой узнаем все, что нужно.

— Иди без меня, — упрямылся Удалов. — Мне еще пожить хочется.

Но конечно же, Минц его уговорил. В каждом человеке таится любопытство перед лицом собственной смерти. Скажите мне: «Хочешь ли узнать, какого числа и какого года ты померешь?» — я закричу: «Ни в коем случае! Подарите мне неизвестность!» А тебе скажут: «А подглядеть хочешь?» Ты ничего не ответишь, но, внутренне содрогаясь, пойдешь и станешь подглядывать в скважину.

Удалов сказал себе, что только дойдет до кладбища, погуляет там, посмотрит на могилы соседей — может, даже им поклонится... хоть и это не очень красиво. Живут твои соседи, зла против тебя не таят, а ты цветок несешь к ним на могилу...

Вошел кавказский человек из агентства и велел выходить на экскурсию. Удалов положил в карман мячик с предполагаемым удавом и спустился вниз.

Остальные тоже стояли у автобуса, были они настроены мрачно, бледны и смущены неправильностью своего поведения перед лицом вечности. А когда подошла дама с длинным лицом, неся девять букетиков из искусственных цветов, и раздала их, все брали букетики с благодарностью.

— А где Стендаль? — спросил Удалов. — С ним все в порядке?

— А что может быть не в порядке с молодым человеком, который купается в море любви? — искренне ответила женщина.

— А когда выкупается? — спросил Минц.

— Присоединится к группе.

Залезли в автобус.

Минц велел внимательно смотреть по сторонам, чтобы доложить Академии наук, но Удалов все забывал, потому что мысли возвращались к скорой встрече с собственной кончиной.

Дорога на кладбище вела через городские окраины. Они были различными. Кое-где сохранились старые гусларские дома, ведь сто лет для хорошего дома — срок небольшой. Кое-где поднимались дома новые. Как ни странно, они производили впечатление запущенности и заброшенности. И народу было немного, и дети не шалили на детских площадках. Может быть, подумал Удалов,

эти люди отвезли с утра малышей по детским садикам, а сами углубились в созидательный труд?

Большую лужайку подстригала машина. За то время, пока проезжали мимо, Удалов успел полюбоваться, как она ровно стрижет траву, складывает сено в кубики, а кубики завязывает в пластиковые пакеты. Только Удалов хотел похвалить машину, как заметил, что на следующем газоне стоит такая же машина, сломанная. Сломанная, потому что из ее выходного отверстия до половины высунулся куб сена, но так и не вышел до конца. Словно не состоялись роды. Сено пожелтело, как пожелтели и кубы сена, разбросанные по газону. Некому было их собирать.

— «Только не сжата полоска одна», — сообщил Удалов.

— По моим наблюдениям, — сказал Лев Христофорович, — наш с тобой, можно сказать, родной городок значительно вырос за последние сто лет, но затем пришел в упадок.

— Вы тоже так думаете?

— Посмотри на дорожки. Трава между плит. Посмотри на стены домов. Когда их красили в последний раз? Посмотри на детскую площадку — она заросла крапивой. Сомнений нет — эта цивилизация переживает упадок.

— Но как же тогда их достижения? — спросил Удалов.

— Достижения... А ты уверен, что это достижения современные, а не успехи вчерашнего дня?

Удалов не был уверен.

Автобус остановился у ворот кладбища. Ворота были приоткрыты. Туристам велели слезать и расписаться в книжечке кавказца, что каждый должен фирме «Голден гууз» десять долларов либо в рублевом эквиваленте за посещение кладбища и ознакомление с родными могилами.

Расписывались без спора, и каждый думал: «Черта с два я тебе отдам эти деньги, грабитель проклятый!»

У ворот стоял сторож в черном фраке и конической шляпе.

— Из какого периода прибыли? — спросил он, блеснув глазом из-под шляпы.

— Разве не видишь? — озлобилась женщина с красными губами. — Плановая группа.

— Сейчас проверим.

— А разве не всем сюда можно ходить? — спросил Удалов.

По дорожке навстречу шла местная семья, все в шляпах, очках, с лопаточками и граблями. Сразу понятно, что совершали уход за могилой.

— Туристы из прошлого только в организованном порядке, — ответил сторож. Он отыскал в черной потрепанной книге группу из Великого Гусляра образца августа 1996 года. Но что удивило

Удалова — отыскал ее не в конце, а где-то в недрах книги. И до, и после списка шли другие фамилии, другие группы. Можно подумать, что записали гусянцев весьма заранее. Минц тоже обратил на это внимание.

— Возможно, всё предопределено, — сказал он тихо, — только мы с тобой остаемся лопухами.

Столь крепкое словцо для Минца — исключение. Но он тоже оказался взволнован, и если бы...

— Если бы не информант, — произнес он грустно, — никогда бы на кладбище не поперся.

Эти слова примирили с ним Удалова.

Первой шла женщина с красными губами. Она повторяла:

— Участок тридцать четыре и далее до тридцать восьмого, второй поворот налево, а оттуда направо до большой аллеи.

К счастью, день был приятным, не жарким, солнце катилось к закату, золотые косые лучи резали листву и замирали на верхушках крестов. Сначала кладбище показалось Удалову незнакомым — а оказывается, это ихнее, родное городское кладбище, только безумно разросшееся за последние сто лет.

Через двадцать минут они перешли к погребениям начала двадцать первого века.

Здесь деревья были выше, и стояли они гуще.

В целом там царило запустение, словно некому было заходить сюда с цветами или просто посидеть.

Сначала шли могилки незнакомых людей, потом вдруг... — как удар молнии!

Небольшая плита, каменная, серая — видно, из гранита. На ней надпись:

«Удалов Максим Корнелиевич».

А чуть дальше — как взгляд метнулся! — словно за грибами пошел Удалов — чуть дальше две могилы рядом:

«Удалова Ксения Сергеевна»...

«Ложкин Николай Иванович»...

«Нет, тут я должен быть!»

А неподалеку кто-то завопил как резаный — это был отставной полковник ДОСААФ.

— Брат мой! — кричал он. — Братишка Василий! На кого ты меня оставил!

Этот крик заставил Удалова отрезветь и прийти в себя.

«Ничего особенного, — сказал он себе. — Ксения на самом деле жива, и я к ней вернусь... Но где же место моего погребения? Что случилось со мной?»

— Простите, — Минц обратился к сторожу. — Вы не посмот-

рите в своем списке, есть ли здесь моя могила? Меня зовут Минцем, профессор Минц, Лев Христофорович.

— Не может быть! — откликнулся сторож. — Неужели мне довелось лично лицезреть нашего знаменитого земляка? Разрешите пожать вашу руку!

Сторож снял коническую шляпу и склонился к руке Минца. Тот смутился, руку вырвал, чтобы старик не смог ее поцеловать.

— Ну что вы, — сказал он, багровея, — я обыкновенный естествоиспытатель. Не более выдающийся, чем Павлов или Менделеев...

На звук его голоса остальные туристы оборачивались, даже забывали о своих могилах.

— О нет! Выше берите, выше, вы наш Фарадей! — громыхал сторож.

— Нет, только не Фарадей! — Почему-то сравнение смутило и даже потрясло Льва Христофоровича. — Я только хотел узнать, где я похоронен?

— В Пантеоне. Разумеется, в Пантеоне Свободной Земли! — сообщил сторож. — Не здесь же, на этом заброшенном провинциальном кладбище...

— А я? — спросил Удалов.

— А вы, простите, кто будете?

— Удалов Корнелий Иванович.

Сторож принялся водить пальцем по странице, перевернул... И Удалов вдруг вспыхнул странной тщеславной надеждой: сейчас сторож сообщит, что захоронения Корнелия Удалова на этом кладбище не наблюдается, а похоронен он в Галактическом центре в районе звезды Сириус как ведущий во Вселенной специалист по межпланетным отношениям... А разве не так? Разве он не положил жизнь ради дружбы разных цивилизаций?

— Есть Удалов Корнелий Иванович, — обрадовался сторож. — Вон там, за кустами должен пребывать.

Удалов огорчился. Не с чего было огорчаться, а огорчился.

Прошел за куст и увидел свою могилу.

— А когда я умер? — спросил он.

— Ну как вам не стыдно об этом спрашивать? — обиделся сторож. — Мы же все даты заклеили, как только узнали, что путешествие во времени к нам открыто. Неужели мы имеем право выступать в роли Господа Бога?

И тут Удалов понял, что сторож не лжет — под фамилией была наклейка, замазанная под цвет плиты.

Тут, видно, не выдержали нервы у полковника. Он тоже догадался, что самую жгучую тайну от него скрывают, — потому рванулся к своему скромному, с красной звездой над профилем, чер-

но-мраморному памятнику и стал сдирать ногтями наклейку. Но начал не с той стороны — слева. Из-за этого показались цифры даты его рождения, а узнать о смерти турист не успел. Из-за кустов выскочили два милиционера. Видно, ожидали подобного инцидента, поэтому и затаились. Полковнику заломили руки назад и потащили — не грубо, но уверенно — к выходу. Полковник почти не сопротивлялся. Как военный человек он догадался, что бой проигран, но не проиграна кампания.

Остальные стояли и глядели на сражение.

Минц прошептал Удалову:

— Пошли посмотрим дальше.

И они согласно шагнули в кусты.

Их не сразу хватились — сначала надо было утихомирить полковника.

Минц с Удаловым сначала быстро шли по тропинке, потом Минц углядел проход в кустах за старым монументом, с детства знакомым Удалову, только сильно одряхлевшим, который принадлежал жене купца Якимова. Собственный же монумент Якимова был снесен еще в тридцатые годы XX века.

— Ты думаешь, он нас найдет? — спросил Удалов.

— Он должен за нами наблюдать.

— Я и наблюдаю, — сказал кладбищенский сторож. Как-то он успел их обогнать и спрятаться за кустом. — Времени у нас в обрез. Показывайте, что можете предложить.

Минц и Удалов показали остатки сокровищ.

— Мало, — сказал сторож. — Пиджаки тоже отдадите.

— Если ваш рассказ нас заинтересует, — сказал Минц.

— А как же не заинтересовать? — удивился старый сторож. — Я вам готов тайну выдать. Я же головой рискую.

Они присели за памятником, так чтобы их не видно было с дороги.

Сторож рассматривал трофеи, но отвечал охотно. Хотя неизвестно, насколько правдиво и насколько исчерпывающе.

Первый вопрос Минца прозвучал для Удалова странно:

— Когда появились путешествия во времени, кто их устроил и кому они нужны?

— Путешествие во времени существует только в городе Великий Гусляр, — ответил сторож. — Начались путешествия на той неделе, и не сегодня-завтра их прикроют. А устроили их наши городские власти.

— Почему? Почему их прикроют?

— Потому что путешествия во времени категорически запрещены, и если бы не крайняя нужда, наш город никогда бы не пошел на нарушение вселенского запрета.

— Но путешествовать в будущее нельзя! — повысил голос Минц. Сторож прижал палец к губам и ответил шепотом:

— А кто сказал, что это путешествие в будущее?

— Я. Потому что еще вчера я жил за сто лет до вас.

— Чепуха. Эти путешествия организованы нами, проводятся нами, значит, они — путешествия из будущего в прошлое, что, как известно, и теоретически, и практически возможно и даже широко практиковалось в городе Великий Гусляр.

— Значит, они только для нас — путешествия в будущее? — повторил Минц. — Славно придумано.

— Так и доложите своему другу президенту Академии наук, — заметил сторож, чуть усмехаясь.

— А это вы откуда знаете?

— Из библиотеки, — смиренно ответил кладбищенский сторож. — Из вашей желтой и продажной прессы. Со страниц ваших газет, сообщивших о якобы имевших место в Великом Гусляре контактах с будущим. Но учтите, что вы будете разоблачены и поставлены на место.

— В это я верю, — сказал Минц. — Так зачем вам нужны путешествия во времени? Зачем было устраивать эти так называемые шоп-туры?

— Для торговли, — коротко ответил сторож, и Удалов понял, что на этот вопрос он почему-то не желает отвечать. Тогда он сам спросил:

— Расскажите, какой у вас общественный строй.

— Нормальный, — сказал старый сторож.

— И в самом деле свобода?

— Своего рода демократия.

— Почему своего рода? — уцепился за сторожа Минц.

— Потому что живем мы небогато, ресурсы, разграбленные вами и вашими детьми, восстанавливаются с трудом, а кое в чем и не восстанавливаются.

— А с нашей помощью вы хотите восстановить?

— Можно и так сказать.

— А эти... агентство «Голден гууз»? — спросил Удалов.

— За деньги на вашей Земле можно сделать многое. Это самое обычное агентство, оно получает процент и честно исполняет свои обязанности.

— И их не удивляет, что они возят людей в будущее?

— Они неплохо работают, — сказал сторож. — Мы ими довольны.

Тут вмешался Минц. Он молчал — видно, формулировал очередной серьезный вопрос, так что сторож, который чувствовал уг-

розу со стороны лысого толстяка и совершенно не опасался Удалова, сразу насторожился.

— Но можно ли отправиться в более отдаленное будущее? — спросил Лев Христофорович. — Допустим, через двести, триста лет... Ведь там тоже могут потребоваться наши товары?

— Нет, — сказал сторож. — Все наши попытки заглянуть в будущее были прерваны. Там стена.

— Значит, только к вам, в Великий Гусляр, и только сегодня...

— Кстати, — улыбнулся кладбищенский сторож. — Это тоже будет небезынтересно узнать господину президенту Академии наук и всему военно-промышленному комплексу, который, Лев Христофорович, после вашего необдуманного звонка в Москву уже сутки стоит на ушах и не знает — то ли ждать третьей мировой войны, то ли всеобщего и полного разоружения.

— Но этого не будет?

— Ни того, ни другого.

Удалов старался не слышать приближавшиеся с разных сторон крики и шуршание в кустах. Видно, их хватились и искали.

— Минц, — сказал он профессору, — задавай последний вопрос и будем сдаваться — нас уже почти настигли.

— Что вам от нас нужно? — спросил профессор. Он так смотрел на сторожа, словно хотел загипнотизировать его. Но тот укрывшись от Минца под своей конической шляпой.

— Ответить я вам не смогу, — сказал он. — Это равносильно выдаче государственной тайны, но вы догадаетесь обо всем через два дня.

— Но намекнете?

— Пиджак отдадите?

Минц начал снимать пиджак.

— Поторапливайтесь, — сказал сторож, — я их нюхом чую! Мои же сотрудники.

Сторож подхватил пиджак, спрятал его под плащ и сказал:

— Отгадку ищите в моей конической шляпе.

И он разразился дьявольским хохотом.

На хохот из кустов выпрыгнули милиционеры, но при виде сторожа вытянулись во фронт и первый из них сказал:

— Простите, господин генерал-майор, но мы искали шоп-туристов из прошлого.

— Ничего страшного, — с доброй улыбкой ответил генерал-майор, он же кладбищенский сторож, — получайте моих милых гостей, пускай отдыхают и возвращаются к себе домой. Удовлетворенными и обеспеченными всем необходимым. Как вы видите, друзья, мы, к сожалению, не смогли сохранить те дары природы, которые были истрачены, погублены или проиграны вами, но

в имитации природы мы достигли больших высот. Все у нас имеется в копиях. Практически все. Иначе бы не выжить...

Сторож грустно засмеялся, и милиционеры вторили ему.

С кладбища заехали в гостиницу, за молодыми людьми.

Те вышли усталые, но довольные, как туристы после похода. Их спутницы — рыжая хохотушка у лысого бритого парня и очаровательная скромница у Миши Стендаля — шли рядом и на полшага сзади, как стреноженные и усмиренные кобылки.

Остальные туристы встретили их шутками, но шутки были незлыми, потому что все были удовлетворены путешествием.

Автобус провожали сторож, переодевшийся в форму генерала милиции, и несколько покупателей в штатском, в том числе бабушка, расставшаяся со своей служанкой Галочкой.

Кавказец сидел за рулем, женщина с алым ртом уселась на свободное место рядом с Удаловым. Тот решил, что и от нее можно узнать чего-нибудь полезное. Для себя и для Академии наук.

— Устали? — спросил он сочувственно.

— Сегодня день был спокойный, — ответила женщина, — без скандала.

— И вас устраивает этот договор?

— С местными властями? Конечно, устраивает, тем более что мы не отчитываемся налоговому управлению.

Удалов смотрел на Стендаля и Галочку. Нежно обнявшись, они сидели по ту сторону прохода. Стендаль учил Галочку петь песню о желтой подводной лодке. Галочка во всем слушалась его. Как грустно сознавать, подумал Удалов, что она — всего-навсего надувная копия человека... И Мише никогда на ней не жениться.

— И надолго у вас контракт? — спросил Удалов у женщины из агентства «Голден гууз».

— Кончается, — призналась женщина. — А жалко. Я сама бы кое-что себе приобрела, но с вами разве успеешь? Как глупо на кладбище ездить...

— Это не вы придумали?

— Это ихний генерал придумал, который сторожем на кладбище служит. Ну тот, с которым вы в кустах шептались. Я думаю, что он нарочно эту экскурсию провел, чтобы с вами пошептаться.

— А вы раньше на кладбище были?

— Вчера. Осваивали площадку.

Удалов вздохнул. Не хотел спрашивать, но язык сам спросил:

— Вы случайно не заметили, в каком году я умру?

— Там уже вчера все было заклеено, — ответила женщина.

— Разумеется, — согласился Удалов.

Все было неправильно. И сторож в чине генерала, и тайные беседы под сенью памятника Якимовой от неутешных детей, и выдача товаров перед обедом — словно кто-то хотел сказать: «Ну, поторговали, а теперь сворачивайте свои игрушки, берите что дадут и отправляйтесь домой».

Минц, сидевший сзади, вздохнул так тяжело, что звук донесся до Удалова.

— Тоже так думаешь? — спросил Удалов, обернувшись.

— Как и ты, — сказал Минц.

— И что скажешь президенту?

— Посоветую не вмешиваться, — ответил Минц. — Чувствую, что нам их не достать.

— А что он про шляпу говорил?

— Его слова требуют внимательного анализа, — ответил Минц.

Полковник запел песню «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц». Песня была бравая, военная, может, даже довоенная.

Некоторые стали подпевать. Кавказец, который сидел за рулем, тоже стал подпевать.

Сошли у агентства. Было уже темно.

Удалова охватила тревога.

Нечто чужое, как при инопланетном вторжении, присутствовало в воздухе Великого Гусляра. Пошатывались тени за заборами и кустами, пробежала собака служебной масти, далеко-далеко слышался шум танкового мотора... Когда Удалов с Минцем отошли от агентства шагов на пятьдесят и распрощались на углу с полковником и бритым парнем, который увлекал к своему ложу рыженькую девушку, в щели штакетника блеснул фонарь, уперся лучом в лицо Удалова, затем переметнулся к Минцу.

— Сдаемся, — сказал Удалов. — Конечно же, сдаемся, желательно получить пощаду.

— Получите, — засмеялся президент Академии наук, выходя из-за фонарного столба. Он был в маскхалате, на голове фуражка с государственным гербом. — Как дела, орлы? А то нас тут комары закусали.

— У вас машина есть? — спросил Минц.

Из кустов и из-за забора слышался смех. Возможно, давно уже президенту Академии наук не задавали такого нетактичного вопроса.

— Подожди здесь, сейчас мы закончим операцию, — сказал президент.

— Зачем, Толя? — спросил Минц. — Мы же все выяснили.

— Мне хотелось бы сначала изолировать всех, кто там побывал, а особенно организаторов.

— Организаторы ничего не знают, — ответил Минц. — Работали на проценте. Туристы тем более не виноваты.

— Надо изъять товары, — просто сказал президент.

— Погоди до завтра, Толя, — попросил Минц.

— Но они их пустят...

— Не пустят. Поверь мне, ничего не пустят. Все не так, как ты себе представляешь.

— Ты можешь ошибаться, Лева, а мне уже три раза из Минобороны звонили, из аппарата президента, спать не дают.

В кустах послышался прерывистый звонок.

— Вот видишь, — сказал президент. — Опять волнуются.

— Если ты веришь в мою гениальность, — скромно сказал Минц, — то придется тебе отозвать омововцев. Пускай отдыхают.

Президент заскрипел зубами.

Потом сказал:

— Выходите, молодцы.

Из разных щелей и укрытий выскочили молодцы в бронежилетах и черных чулках на рожах.

Из-за церкви Параскевы Пятницы выехал бронетранспортер, в который попрыгали черные чулки, а президент Академии наук пригласил Минца в джип «Чероки», который выскочил из недавнего выкопанного блиндажа.

— Мы вдвоем с товарищем, — решительно сказал Минц.

— Товарищ погуляет, — ответил президент. — Есть вопросы, которые я не имею права обсуждать даже с лучшими твоими товарищами.

Минц успел перегнуться, высунуться из дверцы и крикнуть Удалову:

— Побеседуй с Мишей Стендалем. Это обязательно! Не упустить Мишу Стендаля.

Удалову хотелось домой. Он устал путешествовать на туристическом автобусе, стоять на базаре и глядеть на собственную могилу с заклеенной датой. Он хотел домой, хотел присесть посреди двора и посмотреть, что в тех мячиках и шариках, которые ему подсунула тамошняя полиция.

Но Удалов не стал возражать. Ведь Минц просит. Да еще так сильно просит, значит, беседа с Мишей Стендалем может открыть глаза на какие-то важные тайны, о которых Удалов по простоте своей не додумался.

Так что Удалов с тоской поглядел вслед красным огонькам джипа и стал ждать.

И ждать пришлось совсем недолго. Через минуту подошел Стендаль. Он вел за руку оробевшую Галочку.

— Что за шум? — спросил он.

— Академия наук интересуется, — ответил Удалов.

Это Стендаля не удивило. Словно Академии наук давно пора было заинтересоваться шоп-турами.

— А мы задержались, — сказал Стендаль. — Мы в подъезде целовались.

— Простите, — сказала Галочка. — Мужчины вашего времени — это просто сладостное открытие!

— Вы меня тоже простите, — ответил Удалов. — Но мне давно уже хочется спросить: вот у вас много разных... извините, надувных женщин и животных. Вас что, выдумывают, в компьютерах выводят или как?

— Или как, — лукаво улыбнулась Галочка. — Честно скажу, все у нас по-честному, все копируется. И даже моя копия существует на самом деле.

— Но можно сделать много копий?

— Разве это так важно?

— Это неважно, — поддержал Галочку Миша. — Я полюбил одну женщину. Только одну. Я ее обнимаю. Я на ней завтра намерен жениться.

— О нет! — вырвалось у Корнелия. — Нельзя же.

— Почему? — спросила Галочка, и голос ее зазвенел, как лист кровельного железа.

— Потому что вы ненастоящая! Вы надувная... Вы кукла, в конце концов.

— А вам не приходило в голову, гражданин Удалов, — сказала Галочка, — что вы тоже надувная кукла? Как вас надули при советской власти, так и забыли выпустить воздух после ее завершения.

— Галочка! — упрекнул невесту Миша.

— Две недели и двадцать лет как Галочка, — ответила надувная девушка из будущего. — И цену человеческой натуре знаю. Вы бы только посмотрели, что у нас расхватавали — шарики с так называемыми надувными женщинами! Потому что все вы стремитесь к дешевым удовольствиям. Если не удастся затащить во двор слона или бегемота, то дайте мне крокодила. Но учтите, что крокодилы кусаются, а мы, надувные куклы, можем подарить страстные ласки, а можем дать пощечину или даже рубануть топором по черепу. Не верите — проверьте! Вы забываете, мой дорогой Корнелий Иванович...

«Откуда она знает, как меня зовут? Неужели это все Миша?

Глупый, глупый Миша, ты попал в руки к провокаторше из будущего...»

— Не отворачивайтесь, Корнелий Иванович! Я и мои подруги — детища высокой цивилизации, не вашему пещерному уровню чета. Даже в копиях мы дадим сто очков вперед самой прекрасной вашей красавице. И учтите, ваш Миша будет со мной счастлив, и я рожу ему немало детей — сколько он захочет. У меня внутри все для этого предусмотрено.

— Вот так-то, Корнелий Иванович, — сказал Миша. — Приглашаю вас завтра на свадьбу.

— Миша!

— Вот именно. Я уже позвонил домой Марии Тихоновне, нашей директорше загса. Она сказала, что ждет нас к двенадцати.

— Не может быть! — удивился Удалов. — Должен быть проверочный срок.

— Мария Тихоновна меня уже пятнадцать лет мечтает на ком-нибудь женить и образумить. Станет ли она рисковать проверочным сроком?

— А документы?

— А документы существуют для того, чтобы их исправлять.

— Адье, — сказала Галочка и умудрилась лизнуть Удалова в щечку. Язык у нее оказался в меру шершавым и в меру мокрым. «А черт их знает, может, и рожать будут... Порода нам улучшат».

— Мы в вашем Гусляре породу улучшим! — крикнула Галочка, обернувшись на ходу. — Хватит рожать кривоногих!

— Это у кого кривоногие? — произнес Удалов.

Подумал: у Максимки ноги как ноги, и вообще у них в семье никто не жаловался. Может, коротковаты немного...

Удалов пошел домой.

У Минца горел свет. Перед подъездом в кустах таились два воина в черных чулках на рожах, но Удалов не стал их замечать. Только сказал им:

— Спокойной ночи, ребята.

Те кашлянули в ответ, в разговор им вступать не положено.

Удалов пошел спать — все равно в темноте трофеи на дворе не испытает. А завтра могут и конфисковать. Так что Удалов тщательно запрятал шарики и мячики, включая удава, в нижний ящик Максимкиного письменного стола, которым сын ни разу не пользовался с тех пор, как окончил школу двадцать лет назад.

На столе стояла тарелка и лежала записка:

«Котлета в холодильнике. Ушибла ногу о колокольню. К.».

Удалов решил было, что жена пошутила, и когда ложился, а Ксения заворочалась, забормотала во сне, то спросил:

— А с ногой что?

— Хотела напрямик пролететь в молочный, — сонно ответила Ксения. — Не рассчитала. Но ведь не упала, и то слава богу.

— И то слава богу, — согласился с женой Корнелий.

В доме царила тишина, во всем мире царила тишина, только слышно было, как далеко и таинственно прогревают моторы танки, как дышат в кустах и на крыше военизированные сотрудники Академии наук, а снизу от Минца доносятся голоса. Идет совещание...

Утром все обошлось.

Минцу каким-то образом удалось уговорить президента и сотрудников покинуть город или затаиться так, что их не было слышно и видно.

Удалов проспал и поднялся только в одиннадцать. Он покормился из комбайна, к которому уже стал привыкать, потом спустился к Минцу.

Минц встретил его в халате.

Он спросил:

— Что же ты свои цапки не притащил? Может, испытаем?

— Не хотел при Ксении. А вдруг там девушка?

— Если девушка, отдашь Ксении, пускай на рынок снесет.

— Стыдно девушками торговать. Среди них такие интеллигентные встречаются.

И Удалов рассказал Минцу о вчерашней беседе с Мишей и о приглашении на свадьбу.

— Во сколько свадьба? — спросил Минц.

— В двенадцать.

— Тогда я предлагаю тебе, Корнелий, не спешить с игрушками и трофеями. Сходим на свадьбу, посмотрим, как она пройдет. У меня с ней связаны особые интересы, тем более после твоего рассказа о Галочке.

— Черный костюм надевать? — спросил Удалов.

— Не думаю. Мише приятнее, если свадьба пройдет непринужденно.

Так и не переодевшись, они пошли к загсу, чтобы присутствовать.

Ясно было Удалову, что Минц не случайно повел его на свадьбу, эта свадьба была связана с тайными ночными перемещениями войск в Гусляре, потому он и спросил напрямик:

— Лев, о чем вы с президентом договорились?

— По моим расчетам, все решится через час, — сказал Минц. — И если я прав, то все наши попытки воспользоваться путешестви-

ем во времени в интересах государственной безопасности бессмысленны.

— Не понимаю.

— А вот дойдем до загса, поймешь.

Они дошли до желтого государственного особняка без десяти двенадцать, раньше новобрачных.

Но вскоре появились и новобрачные. Галочка была в белом платье. Очаровательна и свежа. У Миши видны синяки под глазами — наверное, очень бурной выдалась предсвадебная ночь.

И тут же с другой стороны переулочка появилась целая процессия.

Шел бритый парень, его рыжая подружка, их мамаша, отец, друзья, только не было, естественно, родителей невесты. За ними медленно следовала машина «Волга» с двумя обручальными кольцами на крыше.

А вот Николай Гаврилов, бывший подросток из дома № 16, привез свою невесту на мотоцикле. За мотоциклом бежала мать Гаврилова, которая была недовольна очередным браком сына, потому что после очередного развода приходилось оставлять бывшей жене одну из комнат или покупать кооператив — Гавриловы из-за этого жили в бедности.

К двенадцати накопились три пары, и если, кроме Удалова и Минца (не говоря о женихах), кто-то и знал, что эти невесты вовсе не люди, а надувной товар из будущего, хоть у них неплохо подвешен язык и сексуальные приметы на месте, то никто и виду не подавал.

К загсу подошла Мария Тихоновна, яркая блондинка неопределенного возраста, разговорчивая и доброжелательная.

— Ого! — воскликнула она. — У нас большой день! Полная площадь народу!

Удалов оглянулся. И впрямь народу прибавилось, подтягивались зрители, привлеченные слухами и сплетнями.

В толпе зевак Удалов увидел и президента Академии наук, перодегет цыганкой, и двух его охранников, изображавших негритянскую правительственную делегацию.

Значит, все же поглядывают, наблюдают. Впрочем, так и надо.

Мария Тихоновна сняла замок с дверей, зашла первой, остальным велела ждать в приемной и пока заполнять анкеты.

Все расселись за столы и принялись писать.

Правда, как выяснилось, невестам пришлось придумывать себе фамилии, но они это сделали быстро и с шутками.

Только мать Гаврилова плакала.

Кого-то послали за шампанским, кто-то спохватился, что нет

цветов, и нарвали золотых шаров в саду у Савичей, за что заплатили Ванде в долларах.

В помещении загса набилось человек тридцать.

Подошел торжественный момент, когда анкеты сданы, взносы уплачены, в зале наступает тишина и даже перешептывания смолкают.

Три пары стояли перед столом Марии Тихоновны.

На часах было без минуты час.

— Сегодня, граждане, выдающийся день в жизни Великого Гусляра, — сказала Мария Тихоновна. — Сразу три очаровательные пары подошли к моему так называемому алтарю... — Тут она смутилась, потому что в наши дни шутки с религией вряд ли допустимы, и добавила: — Хотя я надеюсь, что после гражданской церемонии вы обвенчаетесь и церковным браком.

По тесно и душно набитому помещению пронеслось шуршание полностью согласных гостей и новобрачных.

— Но закон есть закон! — продолжала Мария Тихоновна. — И я попрошу подходить ко мне пары по алфавиту. Первыми к столу подойдите Гаврилов с невестой и их свидетели.

Мать Гаврилова продолжала тихо плакать.

Профессор Минц вытащил видеокамеру и снимал церемонию. Камера была новая, японская, маленькая, но профессиональная. Точно такой же камерой снимал и президент Академии, только он стоял в другой точке зала.

Слон сунул хобот в открытое окно и торжественно затрубил. Никогда еще Удалову не приходилось слышать, как трубят слоны. Звук был утробным, но не страшным. Все засмеялись, благодаря слона за участие в церемонии.

— По доброй ли воле вы вступаете в брак? — спросила Мария Тихоновна у Гаврилова и длинноногой красавицы.

— По доброй, — сказал Гаврилов.

— Ой, по доброй! — воскликнула красавица. — Вы не представляете, вы просто не представляете, как он это умеет!

Фраза осталась нерасшифрованной, хотя допускала разные толкования. Кто-то в задних рядах хихикнул. Стало уже так шумно, что хотелось скорее перейти или за свадебный стол, или в просторную церковь.

— Тогда я вас попрошу поставить свои подписи под этим документом, — попросила Мария Тихоновна, широко улыбаясь.

Гаврилов предоставил это право своей невесте.

Часы над головой Марии Тихоновны, занимавшие место смеявшихся друг дружку портретов разных государственных деятелей прошлого, пробили один раз.

И тут невеста Гаврилова натужно проговорила:

— Ах, мне дурно... Не надо...

И на глазах стала съеживаться, уменьшаться, но не так, как раньше, когда надувная девушка превращалась в мячик, а как-то более грустно и натуралистично — из нее словно и на самом деле выпускали воздух, оставляя лишь шкурку. А нет ничего более ничтожного и прискорбного, чем шкурка красивой девушки длиной в метр восемьдесят.

— Ты что, погоди! — закричал Гаврилов. — Да вы здесь все с ума посходили!

Мишнц рванулся, расталкивая зрителей, к девушке, продолжая снимать трагедию на пленку.

— Мама! — закричал Гаврилов. — Верни мне невесту. Я люблю ее!

Миша Стендаль, заподозрив неладное, вцепился в руку своей невесты и крикнул ей:

— Бежим отсюда!

— Куда бежать? — зарыдала невеста. — Мы с тобой жертвы низкой политики!

И она показала дрожащим пальчиком на вторую блондинку-невесту, которая покорно сложилась и превратилась в тряпочку с белыми волосами. Лишь ее туфли, купленные утром в Гусляре, да белое подвенечное платье, вытасненное из семейного шкафа, остались нетронутыми этим ужасным превращением.

Ноги бритого жениха подкосились, и он упал на колени перед своей суженой.

Этого и следовало ожидать, подумал Удалов. И почти наверняка Мишнц догадался о том, что все подарки из будущего — не более как фикция. «Они получили от нас то, что хотели, и не желали делиться с прошлым слишком передовыми для него технологиями. Явный исторический эгоизм, можно сказать, цинизм, столь свойственный любой цивилизации. Но почему я, с моим житейским и космическим опытом, при всем моем незаурядном уме так и не смог догадаться, что же надо от нас будущему? В чем беда нашего времени? Мы — время неопределенности. Мы не знаем, от чего избавились, и не знаем, к какому берегу пристать. Даже не исключено, что к берегу, от которого мы отплыли, нас тянет еще сильнее, чем в открытое бурное море. Мы и в будущее отправлялись, клонув на привычное название — шоп-тур, это значит — можно прибархлаться. Но зачем нам прибархлаться, да и чем прибархлаться, мы не подозревали. И решали проблемы по мере их поступления. Подкинули нам девиц, взяли девиц и стали придумывать, к какой койке их приспособить. Пожертвовали нам слона, взяли слона... Так заслуживаем ли мы снисхождения?.. Ведь даже я, человек в принципе честный и бескорыстный, так и

не удосужился проверить, что хранится в шариках и мячиках, полученных в будущем. Я откладывал эту процедуру, якобы боясь, что там окажется слон или крокодил, который повредит мне мебель, хотя никто не мешал мне выйти во двор... А на самом деле я боялся неожиданности. Я боялся получить девушку, в которую влюблюсь или которая влюбится в меня, я боялся получить какие-нибудь роковые яйца или нечто невообразимое, что принесет нашей планете гибель. Но почему я должен ждать гибели от собственных внуков?»

Удалов задумался глубоко и, как всегда, не вовремя. Пока он витал в облаках, погибла и Галочка — чего и следовало ожидать. А из-за окна донеслись крики. Те, кто был ближе к окну и смог выглянуть наружу, сообщили, что могучий слон превратился в серую шкуру. И ребятишки начали было кромсать шкуру и растаскивать по домам, но тут из-за угла выскочили люди в черных чулках и унесли шкуру слона в свой танк, который стоял в кустах.

«Ну что ж», — вздохнул Удалов, стараясь не слушать страшные крики и причитания толпы. Он решил увести рыдающего Мишу Стендаля, который только что потерял смысл жизни...

Он сделал шаг к нему и даже протянул руку, но сказать ничего не успел...

— О боже! — раздался чей-то возглас. Но возгласом не остановишь неизбежности...

Миша Стендаль начал съеживаться, уменьшаться, и через несколько секунд обнаружилось, что Удалов смотрит на лежащий возле его ног вполне приличный черный костюм, рубашку, галстук... Десантники из окружения президента уже прибежали с лопаткой и ванной-носилками для переноски сильно кровоточащих тел. На эти носилки они положили тела Миши, Гаврилова и бритого жениха — из чего следовало, что, пока Удалов глазел на гибель Миши Стендаля, остальные женихи растворились тоже.

— Это выше моего понимания, — сказал Удалов. — Куда выше.

Вокруг выли, кричали, ругались, требовали прокурора и намекались жаловаться в газету.

Удалов же пробыл с Мишнцу, который как раз кончил снимать свой фильм. Он засунул камеру в сумку, что висела на плече, и пошел к президенту, который тоже закончил съемки и отступал, пробиваясь сквозь толпу, к выходу. Путь ему прокладывали могучие десантники с носилками-ваннами, в которых было на удивление мало жидкости — лишь пустые оболочки молодоженов.

А когда все они вышли на улицу, то Удалов увидел, что и оболочки людей исчезли, словно испарились. И хоть президент и

приказал взять на анализ одежду погибших, ясно было, что он не надеется научно поживиться.

— Пленку отдашь? — спросил президент, когда они уже стояли вне толпы под августовским нежгучим солнцем.

— Сам просмотрю сначала, — сказал Минц.

— Только копий не снимать, — велел президент.

— Ты думаешь, что все забудут?

— Завтра забудут.

— А предметы?

Президент поднял бровь.

Минц смущенно улыбнулся.

— Извини, старческий маразм, — сказал он.

— Но проверить не мешает. Я сейчас пошлю людей по всем адресам. Всех, кто побывал в будущем, мы зафиксировали, ввели в компьютер, теперь они и шагу не сделают... Впрочем, я не сомневаюсь, что предметов и покупок из будущего уже нет, не существует, они растворились в воздухе.

— И ты не боишься, что в нас вживили жучки, что нас отравили вирусом шпионажа?... — спросил Минц.

— Не нужны ваши души и головы, никому вы не нужны, паршивые гусярцы! — закричал тут президент, как человек, глубоко разочарованный в собеседнике, а может быть — в деле, которому посвятил слухом много сил.

Прокричав последнюю фразу, президент полез в джип «Чероки» и сел рядом с шофером.

— Погоди! — позвал его Минц. — Ты же собирался довезти нас до дома. А я тебя чаем напою.

Президент перегнулся назад и открыл дверцу.

— Чай я с тобой распивать не намерен, — сказал он, — а до дома довезу.

Джип рванул с места.

— Толя, — сказал Минц, — когда тебя будут допрашивать на Совете безопасности, когда тебя возьмет за жабры военно-промышленный комплекс за то, что ты упустил такой рынок сбыта гранатометов, скажи им, что мы для них померли! Понимаешь, сто лет как померли вместе с нашими гранатометами!

— Что ты понимаешь! — в сердцах ответил президент.

И в это мгновение джип замер у дома № 16.

Минц отдал президенту камеру и кассету.

— Не буду я смотреть, — сказал он. — Потому что знаю, что это все пропаганда. Агитация и пропаганда!

Минц захохотал.

Джип уже помчался дальше, к столице, к большим делам. За

ним, показавшись на мгновение из тучи пыли, вылетел танк сопровождения и скрылся из глаз.

— С наукой покончено, — сказал Минц. — Осталась лишь человеческая трагедия. Скоро домой вернется мать Гаврилова...

— Какая ужасная смерть! — сказал Удалов.

Он последовал за Минцем к нему. Не хотелось идти домой и отвечать на вопросы Ксении. Все равно хорошим все это уже не кончится.

— Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, — сказал Минц, словно подслушав мысли Удалова.

— Нельзя быть таким жестоким, — упрекнул друга Удалов. — Дети погибли, молодые мужчины... на пороге семейного счастья.

— Да? — Минц поставил на плиту чайник. — Мне Толя чудесный жасминовый чай из Москвы привез. Наконец-то побалуемся.

— Я к тебе зашел не чай пить...

— А объяснение получить? Как доктор Ватсон от Шерлока Холмса?

— Толстоват ты для Шерлока Холмса, — упрекнул Минца Удалов.

— И лысоват, и староват. Но свое дело еще знаю. И отправлялся в будущее со своей теорией, которая там получила замечательное подтверждение. Конечно, печальное, конечно, пессимистическое — но разве история не пессимистична, разве она нас не учит тому, что люди ничему не учатся?

— С какой еще теорией?

— Что требуется путешественнику во времени? Если он едет из прошлого в будущее — достижения человеческого ума, вещи, предметы, радости жизни, которые в конце концов обернутся не радостями, а испытаниями, если залезут в жалкую цивилизацию, подобную нашей. А если он отправился из будущего в прошлое?

— Я знаю, — сказал Удалов, — я думал. Им нужны естественные предметы, шелк и хлопок, янтарь и огурцы, мед и кедровые орешки — они истратили все, что есть на Земле, и теперь тоскуют.

— А тебе не кажется, что это наша вина? Что это мы истратили то, что есть на Земле, а внукам оставили только озоновые дыры и необходимость всюду ходить в широких шляпах и плащах, чтобы меньше подвергаться действию космических лучей?

Удалов отставил чашку с кофе.

— Ты хочешь сказать, — испугался он, — что они нам так мстили за погубленные леса и нивы, отравленные реки и испоганенный воздух?

— Корнелий, не говори красиво, — отмахнулся Минц. — Какого черта внуки будут мстить дедушкам? Истреблять их?

— Вот именно! Они нас начали истреблять.

— Не мели чепухи. Еще на кладбище я задумался, а как же наши мальчики женятся на ихних красотках? Ведь им суждено было жениться на наших современницах?

— А я не догадался!

— Потому что так и не ответил на вопрос: что нужно человеку будущего от своего дедушки? Чего он не имеет?

— Не знаю, не знаю, не знаю!

— Им нужны были молодые силы. Понимаешь, им нужны были здоровые отцы для своих детей.

— Какие еще отцы?

— Сегодня наш город недосчитался шестнадцати молодых людей. Как исчезли трое из них, ты видел. Но то же самое произошло и в других районах города.

— Убийцы!

— Не убийцы, нет! Наши с тобой земляки — и Стендаль, и Гаврилов, и неизвестные нам люди — все они живы и сегодня празднуют свои свадьбы с оригиналами тех кукол, которые исчезли из загса.

— Они улетели в будущее?

— Как же ты не понял! Они получили от нашего времени то, чего были лишены из-за экологической катастрофы — космические лучи убили в людях способность размножаться... Неужели ты не заметил, что в будущем нет детей?

— Ты говорил, но я думал, что дети в школе.

— Будущее — трагическое общество, и виноваты в этом мы с тобой, потому что губили Землю, а Земля отомстила человеку. И ничего нет удивительного в том, что мы должны платить по счетам. Подобно тому как самых прекрасных греческих девушек отправляли в лабиринт к Минотавру, так и мы отправили, сами того не подозревая, своих молодых людей в будущее, чтобы они стали отцами нового и, может быть, более славного поколения гуслярцев.

Со двора слышался отчаянный плач гражданки Гавриловой. Она оплакивала погибшего без следа сына.

— Ты ей объяснишь? — спросил Удалов.

— Есть основания полагать, что со временем для нее и других матерей будет организовано свидание с внуками. Но, сам понимаешь, не сейчас...

— Так что они, с куклами будут жить?

— Они подсылали к нам копии девочек — так, чтобы молодые люди могли выбрать себе спутницу по вкусу.

— Так кого мы женили?

— Мы женили копию на копии.

— А настоящие?

— А настоящие сейчас гуляют свадьбу в конце двадцать первого века.

Вроде бы не стоит расстраиваться, но Удалов ушел к себе удрученный. Ксения встретила его бранью — почему-то она решила, что Удалов замешан в похищении ее покупок из будущего. Пропеллер и кухонный комбайн испарились.

Удалов как смог объяснил Ксении, что виноваты в том правнуки.

Ксения поверила не до конца.

Дождавшись, пока останется один, Удалов выдвинул нижний ящик письменного стола. Понимал он, конечно, что ничего там нет и быть не может, но все же полез — обидно было, что остался без удава.

Ящик был пуст.

Удалов запустил руку вглубь. И вдруг нащупал мячик.

У него захолонуло сердце. Неужели забыли? Забыли отобрать?

Но что это?

А вдруг все же провокация?

Удалов вышел во двор, затем на улицу и прошел до сквера. Не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, какое у него обнаружилось сокровище.

Там, в интимном месте, где собирались курильщики, сбежавшие из стоявшего неподалеку туберкулезного диспансера, он положил мячик на горку окурков и щелкнул пальцами.

Вместо слона или особы женского пола на месте мячика появился конверт официального вида, толстый, тугой и гладкий.

Удалов отнес бумаги Минцу, а тот сдал их президенту Академии.

Обнаружилось, что в конверте находились документы на уплату пенсии в швейцарских франках родителям и близким всех молодых людей, которые остались в будущем, чтобы цепь поколений человечества, вернее, той части его, что обитает в Великом Гусляре, никогда не прерывалась.

МЕЧТА ЗАОЧНИКА

Профессор Минц глядел в окно. За окном сыпал мелкий дождь, не подумавшись, что середина декабря.

Но не очевидные и отрицательные изменения климата тревожили в тот момент Льва Христофоровича, а перемены в общественном сознании.

Как раз напротив деловитый, как жук, бульдозер ровнял с зем-

лей руины чудесного особняка XVII века, занесенного в списки ЮНЕСКО.

В середине того века купец Дениска Перламутров, по происхождению из Любека, разбогатевший на торговле рухлядью, то есть мехами соболей и куниц, посылавший экспедиции открывать Аляску и Калифорнию, вознамерился построить себе резиденцию, чтобы можно было принимать столичных и заграничных гостей.

Для этой цели Дениска Перламутров послал в Париж своего пасынка Савелия и его губернатора китайца Ли Бо посмотреть, что нового творится в зодчестве, и принять меры, чтобы самое лучшее внедрить в Великом Гусяре.

Савелий и Ли Бо искренне полюбили недавно отстроенный Версаль, в котором жил французский король. Они прогулялись по паркам и вокруг фонтанов, потом узнали, где проживают создатели Версаля, и одного из них, немолодого Франсуа Леруа, сманили на временную работу авансом вдвое большим, чем тот получил за всю работу от Людовика, а второго мастера, молодого Франсуа д'Орбе, который боялся ехать в ледовые просторы Московии, связали и уложили в длинный ящик на мягкие подушки.

С победой они возвратились в Великий Гусяр.

Леруа с воодушевлением чертил планы и учил гусярских ребяташек тонкостям западной архитектуры, а д'Орбе, измученный путешествием, бастовал, не принимал никакой пищи, кроме черной икры, и ругался по-французски.

В 1666 году началось строительство дворца Дениски Перламутрова, но успели построить лишь небольшой флигель для хранения фарфора. Соседи и конкуренты донесли в Москву о безобразиях Перламутрова, из Москвы приехала комиссия, заковала Перламутрова в железа, вывезла в Пустозерск, где купца два года томили в грязной холодной яме. Потом его пасынок Савелий, что само по себе является материалом для историко-авантюрного романа, смог подменить отца китайцем Ли Бо, добровольно пожертвовавшим жизнью ради своих добрых русских господ, и вместе с отчимом ушел через Северный полюс в Америку. Там они возглавили сопротивление апачей американскому вторжению и оставили о себе добрую память среди индейцев.

Все это дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, но является историческим фоном. Во-первых, всегда полезно напомнить, какие чудачки жили в Великом Гусяре в прошлые века, во-вторых, следует протянуть ниточку из прошлого в наши дни.

В конце XVII века местный помещик откупил у казны флигель для фарфора и попытался перевезти чудо французской архитектуры к себе на Сухону. Архитектор д'Орбе, забытый в Гусяре после

драматического исчезновения Перламутрова и обитавший на паперти церкви Параскевы Пятницы, при виде армии крепостных, которые уже размотали канаты, чтобы вывозить из города изящный флигель, кинулся им наперерез. Он проклинал крепостных по-французски, и эти проклятия вкупе с видом архитектора привели разрушителей к мысли о том, что перед ними страшное иноземное привидение.

Крепостные разбрелись по лесам и вскоре разделились на разбойничьи шайки. К одной из них примкнул архитектор д'Орбе.

Но помещик, имени которого история не сохранила, не мог расстаться с флигелем и поселился там с любимой цыганкой, которая играла на клавесине и собственноручно порола дворню. Через несколько лет они довели флигель до безобразного состояния, и, может, он бы погиб, если бы не Петр Великий.

Его величество направлялся в Архангельск строить флот. По дороге он посетил Белозерск, Вологду, Потьму и Великий Устюг.

Предупрежденные о приезде государя и зная о его странной склонности к иноземным предметам, руководители города откупили у цыганских наследников безымянного помещика флигель и привели его в порядок.

Петр Первый, увидев в Великом Гусяре малый Версаль (а он знал толк в Версалях), пролил скупую мужскую слезу и решил, что город населен искренними сторонниками его реформ. Что было не так.

Петр на радостях дал Великому Гусяру права вольного города и разрешил ему вступить в Ганзейскую лигу. Отныне гусярские корабли могли торговать в Европе беспомешно.

Флот в Гусяре был невелик, но все же гусярские ладьи плавали в Лиссабон и Гамбург, а одна из ладей даже открыла Австралию.

Но это тоже дело восьмое, к рассказу отношения не имеет, хотя является историческим фоном.

Далее судьба версальского флигеля складывалась по-разному. Одно время его держали пустым как памятное место в надежде на то, что иной государь решит посетить Великий Гусяр. Государи не появлялись.

В XIX веке во флигеле располагалось епархиальное училище, а с упразднением епископства в Гусяре там пытались устроить городской музей, но отказались от затеи, потому что во флигеле бесчинствовал дух архитектора д'Орбе.

Потом в доме поселился архиерей, который смог постом и молитвами изгнать француза.

В феврале 1930 года городской совет Великого Гусяра постановил снести дом № 19 по Пушкинской улице, с целью избавить-

ся от напоминаний о кровавом угнетателе трудящихся Людовике XV, а также о Петре Первом. Но средств на снос не нашлось, хотя в Москву отапортовали о выполнении решения.

В Москве в каких-то реестрах было записано, что флигель разрушен.

Так прошло много лет.

Однако в конце сороковых годов, когда поднялась волна отечественного патриотизма, из Москвы прибыла экспедиция в поисках фундамента утраченного здания, которое уже было объявлено в газете «Правда» «нашим, русским Версалем», послужившим прототипом французскому дворцу. Ни больше ни меньше.

Экспедиция отыскала по плану место, где некогда стоял флигель, и начала сносить накопившиеся за сто лет ветхие деревянные строения, чтобы приступить к раскопкам.

И каково же было удивление археологов и искусствоведов, когда обнаружилось, что в груде строений скрывается вполне сохранившееся, если не считать колонн, здание русского Версаля.

Было немало статей в газетах, диссертаций и иностранных делегаций. Колонны восстановили, сделали их на две больше, чтобы показать преимущество советского образа жизни. Флигель объявили Домом приемов, но снова никто не приехал, и тогда его присвоил себе зампред Нытиков. Нытикова отправили на повышение в область, во флигеле остались его родичи, родичи вмешались в борьбу за власть, их посадили, и под влиянием момента флигель отдали под детский сад. Так прошло еще десять лет. Они привели к дальнейшему запустению. Каждый новый главгорт клялся, что восстановит памятник французской архитектуры, но когда приходил к власти, как-то становилось недосуг.

До наших дней флигель дожил в виде жалкой дворовой собаки благородного происхождения. А вокруг него располагалась помойка, с одного краю которой гуляли дети, с другого царили бомжи.

Теперь в Великом Гусляре наступило некоторое оживление. Приехал Кара-Мурзаев Николай Ахметович. Основал банк. Купил участок. Строит офис банка в тринадцать этажей с гранеными теремками из черного стекла.

И надо же так случиться, что этот самый версальский флигель попал под западный угол банковского небоскреба.

Общественность с запозданием засуетилась, две бабушки выходили с плакатами, учитель Авдюшкин устроил послеобеденную голодовку. Новый городской голова дал клятву корреспонденту «Гуслярского знамени» Мише Стендалю версальский флигель сохранить для потомства, но потом имел беседу с Николаем Ахметовичем, президентом «Гуслярнеустройбанка». После беседы на строение городского головы изменилось, и он стал сторонником

прогресса. Хватит, сказал он старушкам и Стендалю, держаться, хвататься за прошлое. Дорогу свежему ветру с океана!

И вот теперь перед печальным взором Льва Христофоровича бульдозер сгребает в сторону остатки флигеля, который пережил и царский режим, и даже советские годы.

«Этот флигель, — размышлял профессор, — не только свидетель, но и участник русской жизни последних столетий. А что это означало для изысканного иммигранта? Он появляется на нашем балу, надушенный и напомаженный, вокруг слышны голоса восхищения, но и ропот недовольных. И стоит случайному покровителю сгнать, как начинается эпоха пренебрежения и гонений. Версаль помнит все — шик и блеск королевского бала, шум революции и музейное благолепие. Жизнь флигеля была жизнью в страхе — вот-вот с тобой что-то сделают, сожгут, загубят, и лучше спрятаться среди хибар и быть такой же хибарой, как остальные. Чем ничтожнее, тем больше шансов выжить!»

Ну что же это за страна такая! Как возможен в ней прогресс?»

...По улице прошел Гаврилов. Колю уже трудно было назвать молодым человеком, но он остался Колькой. И если не займет в жизни добротного места, то оставаться ему Колькой до алкогольной старости. Мать, что тащила его до тридцати лет, совсем состарилась, а Коля периодически брался за ум и начинал новую жизнь. Вот и сейчас, как слышал Минц от Удалова, он поступил в Заочный университет технико-гуманитарных перспектив имени Миклухо-Маклая. Хотел получить специальное финансовое образование и основать фирму. В Великом Гусляре немало фирм, в основном маленьких, торговых, даже есть свои рэкетирские, все как у больших.

Коля, проходя мимо окон профессора, кинул равнодушный взгляд на строительство. Судьба соперника Версаля его не беспокоила. Он нес с почты большой пакет. Интересно, кто же вступил с этим оболтусом в переписку?

Коля пропал, и Минц возвратился к печальным мыслям.

«Раньше, — размышлял он, — наше общество было подобно пирамиде. Наверху находился царь или генсек — неважно, как его называть. А далее в строгой последовательности располагались жильцы государства различных категорий. Была эта пирамида мафиозной, однако жила по строгим правилам. Если ты живешь в слое секретарей райкомов, то не дай тебе дьявол воровать, как секретарь обкома! Да тебе голову снесут! А вот если некто обижал обитателя нижнего яруса, тот мог пойти в партком, а то и в райком. Неизвестно, получил ли бы он защиту и опору, но ответ из вышестоящей организации получил бы наверняка... Он был бесправен, боялся воров, но куда больше — властей... А теперь мы

живем на поле, покрытом пирамидками — то ли кроты баловались, то ли собак там выгуливали. И каждая пирамидка живет по своим законам, никто никого не боится, потому что есть соседняя пирамидка, куда можно переметнуться. Всем, но не нижнему слою, который вынужден ждать и терпеть».

Минц подумал, не заморозить ли ему строительство — в буквальном смысле этого слова. Опустить температуру в котловане до минус сорока градусов. Но возраст не позволяет заниматься такими рискованными экспериментами. Еще заморозишь кого-нибудь живьем! Или получится наводнение... Пора покупать компьютер! Лучший в мире компьютер — мозг Льва Христофоровича — стал сбывать. Уже не может решать одновременно больше шести-семи проблем.

Минц незаметно для себя задремал. Пожилой организм требовал отдыха.

И тут в дверь постучали.

Минц не откликнулся, он продолжал спать.

Дверь раскрылась. Коля Гаврилов, который, как и все в доме, знал, что профессор никогда не запирает двери, вошел в кабинет, зажег верхний свет и стал смотреть на профессора. Он думал, что сдал старик за последние годы — и венчик волос вокруг лысины стал совсем белым, живот не таким упругим.

— У тебя трудности с математикой? — спросил профессор.

— Я думал, что вы спите, — сказал Гаврилов.

— Спать — самое непроизводительное занятие. Мхи не спят никогда. А человек — мыслящий мох, лишайник, плесень...

— Лев Христофорович, можно совет получить?

— Это не первый совет, — сказал Минц. — И ты не будешь ему следовать.

— А вдруг последую?

Минца развеселила такая возможность.

— Ну выкладывай, — сказал он.

— Я тут учиться начал, — сказал Коля.

Он присел на стул и сгорбил, показывая свою печаль.

— Весь дом знает, что ты в очередной раз чего-то начал, — согласился Минц.

— Но на этот раз я всерьез начал, — признался Гаврилов. — Я два задания выполнил, но ведь надо и деньги зарабатывать.

Гаврилов зарабатывал деньги спасателем на реке Гусь. Он подменял в зимние месяцы по очереди всех остальных четверых спасателей, которые уходили в отпуск. А весной он сам уходил в от-

пуск до ноября. Вот и сейчас, под Новый год, ему приходилось сидеть на вышке с биноклем, кутаясь в служебную доху.

— А что же случилось с третьим заданием? — спросил профессор.

— Не могу понять, — сказал Коля. — Все просмотрел, а не понимаю. Ведь считается, что я его написал, а я человек, как понимаете, гордый.

— То есть написал и не понимаешь?

— Вот именно.

— Значит, ты гений, — сказал Минц. — Так только с гениями бывает. Вот, рассказывают, Эйнштейн написал свою бессмертную формулу и два дня думал: «Что же я это накалякал?»

— Вот именно, — сказал Гаврилов. — У меня то же самое.

— Показывай, Эйнштейн.

— Сначала я должен признаться, — сказал Гаврилов и извлек из кармана мягкую газетную вырезку. — Должен признаться, что воспользовался. Ведь я спасателем работаю, времени в обрез.

Минц прочел объявление, вырезанное из газеты:

«Международный университет экономики и искусства сообщает:

Проанализировав выполненные курсовые и дипломные работы, предлагаем заочникам, которым не хватает времени или профессионального уровня для грамотного выполнения курсовых и дипломных работ и у которых есть финансовая возможность оплатить выполнение данных услуг:

1. За курсовую работу по учебному плану или по теме, выданной институтом (объем 30 машинописных страниц), — 50 условных единиц США.

2. За дипломную работу в двух экземплярах (объем 60—80 машинописных страниц) — 110 условных единиц.

При этом посещать институт не требуется»¹.

— Такого я еще не видел, — сказал Минц. — Вы только подумайте! За сто баксов — полноценное высшее образование! Неужели ты не соблазнился?

— Я сначала на курсовые соблазнился. По полсотни за раз.

— И как, удалось?

— Засчитали. Я тогда решил — чего тянуть? Закончу университет за год! Как Ленин.

¹Это объявление не плод моего воображения. Оно было опубликовано в «Агрономе Поволжья». — *Примеч. автора.*

— А Ленин им тоже по полсотни платил? — ахнул Минц.

— Они в проспекте намекали, что он тоже. Только я сомневаюсь. Он, говорят, давно умер.

— Молодец! А в чем теперь у тебя проблема?

— Мне они следующую курсовую прислали. По математике. Завтра сдавать пойду, а вдруг чего спросят по ней? А я — не секу, кем мне быть — не секу! Я и в школе уравнений не выносил.

— А я при чем?

— Посмотрите, дядя Лева, а вдруг чепуха?

— А долларами со стариком поделишься? — пошутил Минц.

К сожалению, Гаврилов принял его слова всерьез.

— Много не отстегну, дядя Лева. Не больше десятки. Большие расходы, понимаешь.

— Десятка — тоже деньги, — не обиделся Минц. — Истрать их на мороженое, бездельник. Где твоя писулька?

Гаврилов, стеснясь (потому что так и не понял, будет брать профессор с него десятку или пожалеет), протянул папку, на которой было типографским способом напечатано: «ДЕЛО №.....».

Минц вздохнул и взялся за чтение, заранее содрогаясь от того бреда, который ему придется прочесть.

Но когда он пробежал глазами первый абзац, то подумал о другом: видно, аферисты в Международном университете экономики и искусства пошли по наипростейшему пути. Они брали уже опубликованные работы и перепечатывали их на машинке, в расчете на то, что экзаменаторы в соседнем с ними университете читать ничего не будут.

«Но я их сейчас ухайдакаю, — с тайной радостью подумал профессор. — Они же не думали, что эти копии попадутся на глаза человеку с феноменальной памятью».

Минц прочел в своей жизни несколько тысяч чужих статей и монографий, и все они лежали в его мозгу, словно выжженные на фанерке.

Профессор принялся читать.

И чем дальше он читал, тем большая растерянность охватывала его.

Да, общая тема статьи была ему чем-то знакома, но не более того. И уравнение, которое пытался решить автор, то есть заочник Гаврилов, гнездились на периферии памяти. Что такое... $x^n + y^n = z^n$ при $n = 2$? Почему сердце Минца гложет совершенство этого уравнения? Где, черт побери, он его встречал?

— Где же я, черт побери, его встречал? — спросил Минц у Гаврилова, уткнув палец в уравнение.

— А где? — спросил Гаврилов.

— Вот именно, — сказал Минц.

И догадался.

Все оказалось просто.

Речь шла всего-навсего о теореме Ферма.

Триста пятьдесят лет назад французский математик по фамилии Ферма сообщил миру, что это уравнение не имеет целых положительных решений для $n = 2$. «Ну и что?» — ответили ему современники. Равнодушие современников настолько травмировало математика, что он забыл сообщить, как же он дошел до такой мысли и как можно доказать такую простую и забавную теорему.

Гаврилов даже в носу ковырять перестал, так его испугали перемены в облике профессора. Тот покраснел, лысина запотела и заблестела, на носу тоже выступили капельки пота, губы беззвучно шевелились, а глаза остекленели.

— Что с вами, дядя Лева? — спросил Гаврилов. — Трудная математика? Не по зубам?

Минц словно не услышал вопроса. Он сурово сдвинул брови и задал вопрос:

— Ты чего натворил?

— А че? — оробел Гаврилов.

— Если все это ты сам написал, то лучше сразу сознаться.

— Кем мне быть — не я! Я только баксы отстегнул. Говорю же, что не понимаю этих уравнений! В чем дело, дядя Лева?

— А в том дело, — торжественно произнес Лев Христофорович, — что человечество может вздохнуть с облегчением. Теорема Ферма доказана!

— Ну и слава богу, — откликнулся Гаврилов. — Я рад за человечество. Давайте папочку, я пошел.

— Никуда ты не пошел. И ничего ты не понял. Ты обязан сообщить мне имя и адрес автора этой работы.

— Откуда мне знать?

— Напрягись!

— А мне это без разницы.

— Ты знаешь, сколько стоит эта курсовая?

— Думаю, что и пятидесяти баксов не стоит.

— Она стоит... — Минц вскочил с кресла, подбежал к книжным стеллажам, вытащил с полки какой-то пузатый справочник на иностранном языке и принялся его листать.

Гаврилов замер. Сейчас что-то случится.

Минц отыскал нужную страницу и перевел на русский:

— Доказательство теоремы Ферма ныне оценивается с превышением суммы в двести тысяч долларов США. Эту сумму готовы заплатить Американская Академия наук, Британское королевское общество, Фонд Сороса, а также муниципалитет города Ли-

он во Франции, который также обещает предоставить победителю звание почетного гражданина Лиона.

— Почетного гражданина? — понял Гаврилов. Прочие награды по причине грандиозности не отпечатались в его сознании.

— Не тебе, — сказал Минц. — Не тебе, бездельник.

— А мне? Мне же причитается!

— Молчать! — рявкнул Минц. — Дай-ка мне адрес Международного университета!

Случилось чудо. Теорема, которая не давалась величайшим математикам мира, покорила безвестному сотруднику сомнительного университета.

Не задавая больше вопросов, но тяжело дыша и даже покашливая, Гаврилов пошел с Минцем к себе и отдал ему конверт от реферата. С этим пакетом Минц и отправился в университет, который, оказывается, располагался в доме купца Пиренеева, как раз перед речным техникумом.

Университет занимал не все двухэтажное здание, а только две комнаты в подвале, вход со двора. Дверь разбухла от зимней влаги, звонка на ней не было.

С большим трудом Минц отворил дверь. Она визжала, будто ее убивали.

В первой комнате никого не было. Во второй оказалась молодая женщина с наглым советским торговым лицом. Она сидела за ученическим письменным столом и распечатывала письма.

Минц простоял с минуту в дверях, девица его не заметила. Она вынимала из конвертов письма. Если обнаруживала в конверте купюру, то клала письмо направо, а если денег не было, то кидала в помойную корзину.

— Здравствуйте, — сказал Минц. — Можно ли увидеть вашего ректора?

— Нет у нас лекторов, — ответила девушка, — у нас обучение заочное. — Она накрыла стопку денег широкой ладонью и сдвинула их по столу к себе так, чтобы можно было свалить стопку на колени. — А вам чего? Если поступать, то по пятницам, а можно по переписке.

— Я именно по переписке, — сказал Лев Христофорович.

— Если претензии, то деньги не возвращаются.

Лев Христофорович подпал под влияние этой наглой девицы и говорил с ней так же отрывисто и быстро, как она сама.

— Деньги не нужны, — сказал Минц.

— Что нужно?

— Адрес.

— Адресов не даем.

— Конкурентов боитесь?

— Не говорите! У нас в Гусяре из трех университетов наш самый клевый.

— Мне надо поговорить с вашим человеком, — сказал Минц. — С тем, кто заочно курсовые пишет по пятьдесят долларов.

— Ну вот, блин! Придется гнать его в три шеи! — рассердилась девица, хотя Минц ни сном ни духом не собирался подводить автора курсовых.

— Вы кого имеете в виду? — осторожно спросил Минц.

— Кого-кого? Кого и вы! Бруно Васильевича, черта старого! Я ему сколько раз говорила — не умничай! Не выкобенивайся, не будь других умнее! У нас в писателях достойные люди работают. Один кандидат ветеринарных наук, кем мне быть! У всех высшее образование, понимаешь? Третья жалоба за неделю! Нет, я Боре прямо скажу — гнать его, или потеряем клиентуру!

— А может, я другого имею в виду?

— Нет, — твердо сказала девица. — Дайте мне фамилию заочника, и вы увидите, что я права. Гнать его будем.

— Заочника?

— Бруно паршивого.

— Гаврилов, — сказал профессор. — Николай Гаврилов. Первый курс.

— А у нас до второго еще никто не дотянул, — зловеще произнесла девица, словно призналась, что второкурсников приносили в жертву кровавым богам науки.

Толстые, украшенные вишневыми ногтями пальцы шустро пробежались по картотеке на углу стола.

— Гаврилов, — сказала она, — послано две курсовых. За одну еще не плочено. Вы деньги принесли?

Девица вдруг резко обернулась к дверям. Видно, у нее было развито чутье — ждала удара в спину?

— А вот и он, — сказала она почти радостно. — Явился не запылился. Тебя уже с милицией ищут. Шут гороховый!

В подвале было не очень светло, вошедший не сразу разглядел Минца, да и Минц его разглядеть не успел.

— С милицией? — прошептал голос от двери, и тут же послышались легкие неверные шаги, спешившие прочь.

— Сбежал, блин, — сообщила девица. — Даже денег просить не стал. Напугали мы его с вами!

Она дробно рассмеялась, а Минц кинулся вверх по лестнице.

Конечно, консультант Бруно Васильевич далеко не ушел. Был он немолод, куда старше Минца, худ и плохо одет. На ногах у него были валенки с калошами, совсем уж редкая в наши дни обувь.

А выше — черное узкое пальто и лыжная шапочка, вроде бы голубая.

— Стойте, — сказал Минц.

Бруно Васильевич припустил прочь.

Пришлось, скользя и чуть не падая, бежать за ним по переулку.

Старик оказался шустрее, чем думалось, но все же возраст взял свое. Минц, уже разозленный от прыти беглеца и оттого, что ему не желают подчиниться, разогнал, прижал старика к высокому забору и сердито заговорил:

— Не бегите, я вам вреда не причиню. Только ответьте на один вопрос.

Старик дышал часто и быстро.

Он был невелик ростом, расплющенный нос и выпяченные губы выдавали негритянскую кровь — впрочем, каких только кровей не найдешь у наших соотечественников. Может, потому русский расист всегда не уверен в себе, требует паспорт у идеологического противника, но избегает показывать свой. Ох, не блюли себя наши предки!

— Только один вопрос, — сказал Минц. — Вам говорит что-нибудь имя Ферма, Фер-ма, ударение на последнем слог?

— Французский математик семнадцатого века, — ответил старик.

Он замолчал и поднял лицо к серому безнадежному небу, из которого вываливались снежинки и, подлетая к земле, превращались в холодные капельки дождя.

— Правильно, — сказал Минц. — И он, в частности, известен теоремой, названной в его честь... Где бы мы могли поговорить?

— Не о чем нам разговаривать, Лев Христофорович, — сказал старик.

Минц не удивился. Преимущество, как и недостаток, жизни в небольшом городке заключается в том, что тебя знают. И ты обязан всех знать.

— Можем пройти ко мне, — сказал Минц. — На Пушкинскую. Угощу вас чаем с морошкой. Прислали из Норвегии. Мой аспирант всегда присылает бочонок к годовщине смерти Пушкина.

— Нет, — отказался старик. — Мне не о чем с вами говорить. Я устал.

— Мне ничего от вас не надо, — сказал Минц. — Я хотел бы лишь засвидетельствовать вам мое расположение.

— Ах, не надо шуток! — отрезал Бруно Васильевич. — Немало людей в моей жизни обещали расположение и даже деньги. Однако заканчивалось это очередным разочарованием. Вы хотите использовать меня? Не удастся. Я бесполезен.

— А это? — спросил Минц, поднося к носу Бруно Васильевича курсовую работу Гаврилова.

— Это — свидетельство моего бессилия, — уверенно ответил Бруно Васильевич.

— Если вы не хотите идти ко мне, — сказал Минц, — я вас провожу.

— Ах, зачем вам это? — почти плакал старик. — Побалуетесь, посмеетесь над стариком, а мне потом еще хуже станет! Зачем вам, профессору, к которому академики приезжают, из Норвегии морошку присылают, ну зачем такому человеку марать руки о мое ничтожество?

— Хватит! — прикрикнул Минц, который мог быть решительным и жестким, если к этому склоняли жизненные обстоятельства. — Вы не идете ко мне, тогда мы идем к вам.

— Ко мне нельзя, — сказал Бруно Васильевич, — у меня соседка злая.

— Я тоже злой, — сказал Минц.

Бруно Васильевич совсем оробел и более не возражал. Он молчал до самого дома. Минц тоже молчал. Ему было неловко за то, что напал на беззащитного человека.

Они остановились перед черным от времени двухэтажным бревенчатым баракком. Когда-то в Великом Гусляре построили целый район этих домов — десятка три. Решили развивать лесную промышленность за счет ссыльных. Было то в начале тридцатых годов. Район называли Бревнами.

С тех пор многое изменилось. И народ уехал, и бараки снесли почти все.

— Вы с тех пор здесь живете? — догадался Минц.

— Нет, — ответил Бруно Васильевич, — мы не местные.

В сенях было совсем темно, Бруно Васильевич шуршал, водил пальцами по стенке, отыскивая ручку своей двери.

— Я не запираю, — сказал он.

В его комнате было полутемно, окно завешено шторой. Из разных темных углов к ним двинулись кошки, они не мяукали, а только сверкали глазами.

— Они тоже знают, какое к ним отношение моей соседки Марины Семеновны, — прошептал Бруно Васильевич. — Она уже неоднократно обещала вызвать милицию.

Кошки пропустили людей внутрь комнаты. Они стояли вокруг, подняв мордочки и ударяя по полу хвостами; их было больше полудюжины.

— Вы чувствуете, какие они голодные? — спросил Бруно Васильевич.

— Да, — сказал Минц.

Кошки смотрели на него, как дети в приюте, которые понимают, что плакать — безумие. Побьют и не накормят.

— Я сейчас, — сказал Минц.

Он хотел побежать на угол, там был продуктовый магазин. Но бежать не пришлось, потому что из-под лестницы вышла наглого вида бабка в норковой шубе. Она несла большую коробку, на которой была изображена кошка и написано «Вискас».

— Деньги принес? — спросила она.

— Познакомьтесь, — сказал Бруно Васильевич. — Мария Семеновна. Наша соседка и спасительница. Однако, к сожалению, я должен вас, Мария Семеновна, разочаровать. Не дали мне денег в университете. Не дали, просили завтра зайти.

— Сколько стоит? — спросил Минц.

— Плюс пятнадцать процентов, — сказала Мария Семеновна. — Но и меня понять можно — пенсия у меня не человеческая, а кошачья. А желудок, простите, человеческий.

Минц купил коробку с кошачьим кормом, Мария Семеновна ушла, пересчитывая деньги, Бруно Васильевич и кошки смотрели на Минца не отрываясь. Минц почувствовал, что и Бруно Васильевич готов отведать кошачьего корма.

Комната была бедной, захлавленной, заставленной рассыпающимися вещами, как будто ее специально сделали такой, чтобы кошкам было удобнее играть в прятки.

Бруно Васильевич поставил коробку на пол, а кошки начали остервенело рвать картон.

Комната была надвое разделена занавеской. Из-за нее донесся глухой, задыхающийся голос:

— Ты получил гонорар?

И непонятно было, мужской это или женский голос.

Бруно Васильевич обернулся к профессору, приложил палец к губам, а затем сказал:

— Гонорар за лекции обещают заплатить к концу недели. Сегодня в кассе денег не было.

— Ты всегда так! Лентяй! — сердились за занавеской. — Пошел бы раньше, тебе бы досталось.

Кошки шуршали оберткой «Вискаса». Шарик рассыпался по полу, кошки подхватывали их и хрумкали.

— Садитесь. — Бруно Васильевич показал на стул, сам сел на продавленный диван.

— Я готов вам одолжить, — сказал Лев Христофорович. — Сколько вам нужно?

Бруно Васильевич не успел ответить, как из-за занавески слышалось:

— Кто там у тебя? Почему незнакомый голос?

— Это мой коллега, мама, — сказал Бруно Васильевич. — Профессор Минц.

— Не имею чести, — сказала мама Бруно Васильевича.

Резким движением она откинула занавеску и вышла к гостю.

Мать Бруно Васильевича, немолодая черноволосая губастая женщина, находилась в инвалидной коляске. Одета она была в черное, расшитое стеклярусом платье. Колени мамы были покрыты пледом, давно превратившимся в невнятную тряпку. Руки, лежавшие на тряпке, были усыпаны перстнями. Кошки перестали есть и уселись в ряд, демонстрируя уважение к хозяйке.

— Вот так и живем, — сказал Бруно Васильевич.

— Я рад с вами встретиться, — сказал Минц матери консультанта. — К сожалению, я не был знаком с вами раньше.

Мама прикрыла яркие карие глаза.

— Вы состоятельный человек? — спросила она.

— Относительно.

— Распространяется ли ваше благосостояние на бутылку шампанского?

— Разумеется, — сказал Минц.

— Тогда докажите это, — сказала мама.

Минц достал бумажник, открыл его, вытащил купюру с видом концлагеря в Соловках.

— Мама, мне стыдно за вас, — сказал Бруно Васильевич.

Минц подумал, что старик сохранился хуже, чем его мама. Впрочем, с женщинами восточного типа это случается. Они как бы консервируются.

Мама нажала на кнопку в ручке инвалидного кресла.

Тут же в дверях, словно поджидала сигнала, появилась Мария Семеновна. Она держала поднос с четырьмя бокалами и открытой бутылкой шампанского «Новый свет».

— Отечественное, — сказала она и поставила поднос на овальный столик, для чего пришлось сбросить на пол несколько книг. Кошки зашипели.

Мама первой подъехала к столу. Остальные тоже взяли бокалы.

— Брют, — сказала мама. — Спасибо тебе, Мария Семеновна. Хотя ты и сволочь, но иногда в тебе что-то просыпается.

— Это от жадности, — призналась Мария Семеновна.

Она вытащила из пальцев Минца купюру и сказала:

— Сдачи не жди, Христофорович.

— Мы знакомы? — спросил профессор.

— Ты соблазнил меня, когда учился на втором курсе, — сказала Мария Семеновна и, звонко расхохотавшись, убежала из комнаты. Только тут Минц сообразил, что не удосужился рассмотреть соседку.

Мама пила медленно, глоточками. Бруно высосал шампанское, не отрывая губ от бокала.

— Что вас к нам привело? — спросила мама.

— Счастливый случай, — ответил Минц. Шампанское приятно ударило в голову, чего не могло случиться от обычного вина.

— Профессор увидел у одного из заочников статью, то есть курсовую о теореме Ферма, — пояснил Бруно Васильевич.

— Господи, — сказала мама, — это позавчерашний день!

— Мама, вам вредно так много пить, — сказал Бруно.

Мама протянула руку с пустым бокалом. Рука не дрожала. Бруно отрицательно покачал головой. Минц подумал, что тезка консультанта так же качал головой на требования инквизиторов отказать от идеи множественности миров.

Мама повернулась к профессору и протянула бокал в его направлении.

Минц взял со стола бутылку и налил маме шампанского. Бруно Васильевич был недоволен.

— Спасибо, — сказала мама, — но, надеюсь, вы не выдадите нас? Вы производите впечатление порядочного молодого человека.

Минц вопросительно взглянул на Бруно Васильевича.

— Мама, — попросил тот, — допейте до конца и идите отдыхать.

— Ах, — произнесла мама, — покой нам только снится! Если бы я не работала, то давно бы состарилась.

Держа бокал, как флажок на прогулке, мама уехала за занавеску. Бруно Васильевич закрыл дверь в коридор. Коты хрустели шариками корма.

— Моя беда в том, — сказал Бруно Васильевич вполголоса, — что мама здесь не прописана. Эта история берет начало в том трагическом периоде нашей истории, когда я был выслан сюда как сын врага народа. Папа был расстрелян как враг народа, а мама сидела в лагере как жена врага народа. Я не мог получить образования...

Неожиданно Бруно Васильевич всхлипнул и вытер рукавом щеку.

— Я помню, как принес своему мастеру изобретение. Тот его одобрил. И велел забыть. «Как только попадешь на вид, ссылкой не отделаешься».

— Кстати, — послышалось из-за занавески, — я испытала этот страх еще до революции. Я пришла на кафедру химии к господину Столетову. Ему нечего было сказать по сути дела, но он и не стал читать. «Что может принести немытая цыганка? Где швейцар? Кто пустил ее в стены?»

— Mamочка, сколько раз вам говорить! Это был не Столетов, а академик Бах. Столетов никогда бы себе не позволил таких слов.

— Может быть, память играет со мной жестокие шутки. Но Василий Генрихович, бывший анархист, — на какие уловки он ни шел, чтобы скрыть свои способности! Но ведь не удалось!

— Василий Генрихович — мой папа, — сказал Бруно. — Папа командовал дивизией у командарма Егорова. Он делал вид, что почти неграмотный. Но ведь проговорился...

— А что Васе оставалось делать? Дивизия попала в холеру. Пришлось придумать сыворотку для лечения. Когда все выздоровели, шестьсот больных, не считая гражданских лиц, то, конечно же, об этом сообщили Троцкому. А Троцкий вызвал Василия в Москву. К счастью, не расстреляли, а дали лабораторию.

— А судьба сыворотки от холеры? — спросил Минц. — Ведь таковой и сегодня не существует.

— Лабораторию Васи чекисты расстреляли из пушек, — слышался голос из-за занавески. — Это совпало с репрессиями против анархистов в армии.

Минц осторожно спросил:

— А кто из вас... Я имею в виду вас или вашего батюшку... Кто из вас интересовался математикой?

— Вы все о теореме Ферма? — спросила мама из-за занавески.

— В частности.

— Я вам многим обязана, профессор, — сказала мама, — я давно не могла позволить себе даже рюмку этого зелья... Понимаете, мы с Бруно столько лет боялись, столько лет таились, что начали записывать некоторые результаты своих размышлений лишь недавно, с начала девяностых годов. Кое-что осталось от папы...

— Я не получил настоящего образования, — сказал Бруно. — Приходилось самому проходить университеты.

— А ваш отец?

Дверь из коридора открылась, сунулась рожа Марии Семеновны, женщины пожилой и толстолицей.

— Я вам сама скажу, они от страха врать будут, — заявила она. — Василий Генрихович — чистой души человек. Он всегда здесь жил, еще с тех времен...

Бруно Васильевич кинулся к двери и захлопнул ее, чуть не прищемив нос соседке. И уже сквозь дверь закричал:

— И не смейте вмешиваться в нашу жизнь!

— А сколько можно трепетать? — слышалось из-за двери. — Времена у нас другие пошли!

Из-за занавески послышался стрекот пишущей машинки.

Это настолько удивило Льва Христофоровича, что он сделал

шаг и заглянул за занавеску. Он увидел, что мама поставила на колени старинную портативную машинку и строчит на ней.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Бруно. — Это у нее рефлекс. Это у нее от волнения и от шампанского.

— А нельзя ли мне ознакомиться...

— Ничего интересного вы не найдете, — сказал Бруно Васильевич. — Не надо копаться в прошлом.

Мама оторвалась от машинки.

— Я вечно воюю с мальчиком, — сказала она. — Но он у нас кормилец. Куда мне без него? Возьмут в приют, машинку отнимут. Вот я и помру.

— Времена изменились. — Минц повторил слова соседки. — Чего вы боитесь? При удачном стечении обстоятельств доказательство теоремы Ферма принесет вам сотни тысяч долларов.

— Вы думаете, что мы — выжившие из ума анахореты! — закричала мама. — Мы не хуже вас знаем, что времена изменились. Мы уже семь лет как посылаем наши статьи и заметки в серьезные журналы. Нам даже не отвечают.

— Но почему?

— Что бы вы сделали на месте редактора журнала «Природа», если бы получили статью о практических проблемах бессмертия с обратным адресом «Великий Гусляр, улица Кривобокая»? Не пожимайте плечами, у них там тоже есть мусорная корзина. Так что для нас нет разницы между террором и демократией...

— Вы преувеличиваете! — возмутился Минц. — Я сегодня же напишу письмо главному редактору журнала «Природа», кажется, там Александр Федорович. Чудесный человек, большой ученый...

— И подпишетесь: «профессор»?

— Разумеется.

— У вас мафия похлеще уголовной, — вздохнул Бруно.

Из-за занавески донесся мамин голос:

— Сынуля, напомни постоянную Планку. Совсем склероз заел.

— Мама, не позорь наше семейство! — воскликнул Бруно Васильевич. — Энергия равна аш эф, где эф — частота осциллятора...

— Аш и будет постоянной Планка. — Минц поддержал Бруно Васильевича.

— Спасибо, мальчики, — откликнулась мама.

На этажерке громоздилась кипа машинописных листов.

— Это все ваши... опусы?

— Никому ни слова! — прошептал Бруно. — У нас отнимут комнату. Мы живем как пенсионеры-инвалиды...

— А меня отдадут в богадельню, — сказала из-за занавески мама. — У меня паспорт просрочен.

— У меня тоже, — сказал сын.

— Отдадут, каждый день жду, когда участковый придет и освободит помещение. — Мария Семеновна вошла с подносом, на котором стояла вторая бутылка шампанского. — Я уж на них всюду написала. Только теперь все так распустились, что на сигналы не реагируют.

— Маме нельзя больше пить, — сказал Бруно. — Вы же знаете, что в ее возрасте...

— Ах, оставь, живем лишь дважды, — ответила мама, выезжая из-за занавески. — Разливайте, профессор.

— Как же это началось? — спросил Минц, отхлебывая из бокала. — Я имею в виду эти курсовые?

— Это я посоветовала, — сказала Мария Семеновна. — Негде повернуться от бумаги.

— Мы получаем в университете списки адресов, — сказал Бруно. — Раскладываем по конвертам никому не нужные статьи. И рассылаем.

— Значит, Гаврилов не исключение?

— Он один из сотни. Каждая статья приносит нам не меньше двадцати рублей чистого дохода.

— Нужда, — вздохнула мама. — Она чему хочешь научит.

— И вы не боялись разоблачения?

— Ну кто будет читать курсовые заочников, если они напечатаны без правки через два интервала? — спросил Бруно.

— Я замечательная машинистка, — похвалилась мама. — Я даже пыталась зарабатывать так деньги. Но случилась беда: с середины второй страницы я начинала печатать собственный текст. Меня выгнали.

Бруно поставил на стол пустой бокал и обернулся к Минцу:

— Ваше появление — тревожный сигнал. Это должно было случиться. Рано или поздно.

— Мое появление — замечательный сигнал! — возразил Минц. — Ваш талант вернется к людям.

— Не только людям плевать на наш талант, — отозвалась мама, — но и мы сами в нем разочаровались.

Но Минц был настойчив.

— Я вам гарантирую славу и благополучие! У вас остались вторые экземпляры так называемых курсовых?

— Мы никогда не тратим лишнюю бумагу, — сказал Бруно. — Надо экономить.

Минц подошел к этажерке и стал по очереди поднимать листы. Он стряхивал с них пыль и моль... Он зачитался.

Через полчаса он произнес:

— Я не нахожу слов. Каждая строка — шаг человечества в будущее, а вас — в бессмертие.

— Я тебя предупреждала, — сказала мама. — Он нас подведет под монастырь.

— Он утверждает, что времена изменились!

— Как бы они ни менялись, но вечный закон российской жизни остается прежним: не высывайся!

Сын с матерью поссорились, в ссору вмешалась Мария Семеновна.

Минц временно раскланялся. Он спешил в Международный университет. Ему нужны были адреса заочников, которые получили свои курсовые и дипломы. Надо было спасать многолетний труд странного семейства.

К сожалению, поход Минца не дал результатов. На двери университета висел амбарный замок, а у входа маялись кредиторы.

Огорчению Минца не было границ. Он ринулся обратно на Кривобокую улицу.

У дверей барака его ждала Мария Семеновна.

— Не спеши, Лев Христофорович, — сказала она. — Только что они собрались и ушли.

— Куда? Зачем? Ведь я же сказал, что эпоха непризнания завершилась.

— А они говорят, что им еще пожить хочется. Машинку в рюкзак, бумаги в мешок, а кошки за ними сами побежали.

— Вы должны знать, куда они уехали.

— Мне, Лев Христофорович, дорога память об их папе Василии Генриховиче д'Орбе. Не дам тебе их координатов, хоть пытай, хоть убей. Своей любовью ты их погубишь.

— Можно хоть заглянуть в их комнату? — упавшим голосом произнес Минц.

— Заходи, сделаю для тебя такое одолжение в память о твоих горячих ласках. Но я все равно ее на свое имя перепишу, а что осталось — на помойку.

Минц смутился. Он прищурился, разглядывая Марию Семеновну, но в этой полновесной пожилой женщине не смог угадать своей юношеской жертвы.

Комната была почти пуста. На этажерке лежал забытый конверт с надписью: «Курсовая работа курсанта 2-го года обучения Речного техникума». В нем обнаружилась сжатая скрепкой статья под таким названием: «К вопросу о выведении токсинов из организма».

Минц по привычке заглянул на последнюю страницу. Кончалась статья так:

«Пользуясь нашим методом вывода из организма токсинов с

помощью энзима «Ф», можно продлить человеческую жизнь до бесконечности. К моменту завершения настоящего исследования продолжительность жизни подопытных добровольцев Бруно д'О. и его матери Э. С. достигла соответственно двухсот восьмидесяти лет и трехсот двух, что, разумеется, не является пределом».

Больше Минц не видел этих людей и не слышал о них.

Проблемой выведения токсинов из человеческого организма по методу д'Орбе занимаются два открытых и шесть закрытых институтов. Достигнуты обнадеживающие результаты.

Версальский флигель напротив дома № 16 по Пушкинской снесли окончательно. Здание банка поднялось на тринадцать этажей сплошного черного стекла.

СКАНДАЛ

Самый громкий скандал за всю историю города Великий Гусляр случился по причине мягкого характера профессора Минца. Уж кому-кому, но профессору пора знать, что любое изобретение, а тем более великое, влечет неприятные последствия. Подобно сильному лекарству от чесотки, которое вызывает ангину, гипертонию и глухоту. Мне вообще кажется, что в современной медицине доктор обязан лечить не от болезней, а от лекарств. Продолжительность жизни, может, и не увеличится, но мучиться будут меньше. Иначе получишь кирпичом в окно.

Удаловская жена Ксения нередко пользовалась добротой профессора в корыстных целях. Вот и в тот лазоревый с золотом последний день лета она пришла к нему с тайным умыслом урвать что-нибудь от профессорского таланта. Поэтому, прежде чем постучать к соседу, она натерла луком глаза.

Профессор играл с компьютером в шахматы и поэтому не сразу сообразил, почему Ксения стоит в дверях, смотрит на него красными глазами, держит в руке детскую курточку и притом от нее сильно несет луком.

— Что случилось? — спросил профессор. — Что-нибудь с Корнелием? С сыном? С внуком?

— С внучком, Максимкой, — всхлипнула Ксения. Получилось очень натурально.

— Заходите, что же вы. — Профессор посторонился и убрал с дороги тугой живот. — Рассказывайте.

Ксения втиснулась в дверь, но дальше не пошла, оробела перед компьютером, потому что тот незнакомым басом прорычал:

— Время, профессор! Не сделаешь хода, считай, что у тебя упал флажок.

Минц кинул взгляд на партнера и снова обернулся к Ксении. Он пребывал в нерешительности.

— Да выключите вы эту железу! — приказала Ксения. — Никуда от них не деться! Скоро власть захватят.

— По крайней мере порядка будет больше, — огрызнулся компьютер. Тут Минц его выключил.

— Садитесь, — попросил он Ксению.

— Некогда. У меня проблема, другими словами, беда...

— Говорите! — остановил Минц готовую зарыдать соседку.

— Вот, трагедия моя, — сказала Ксения, протягивая курточку.

— А что в ней плохого? Отлично сшита.

— Отлично. Ясно, что отлично, сама шила. Да мала оказалась! Такой материал подсунули, импортный. Как постирала — курточка сразу в два раза уменьшилась.

— Но чем я могу помочь?

— Максимке вот-вот в школу, — сообщила Ксения. — А курточки нет. Не в чем идти в школу моему малышке, моему сладенькому внучонку.

— Но может, найдете что-нибудь...

— Убью, — по-соседски предупредила Ксения профессора. — И не думайте увильнуть! Сколько раз спасали, еще раз спасете.

— Но я не знаю, как увеличивать куртки.

— Ученый должен все знать.

И тогда Минц сдался. Он всегда сдавался, если в бой шла Ксения.

— Я придумаю что-нибудь, — сказал он.

— Когда?

— Завтра, послезавтра! — вскипел Минц. — Не могу же я контролировать творческий процесс.

— Хорошо, — смилостивилась Ксения. — После обеда ждите.

Так, наверное, разговаривала статуя Командора со всякими донжуанами.

Ксения покинула профессора и оставила курточку на спинке стула, словно шпиона в лагере врага.

Минц включил компьютер, но быстро проиграл ему. Мысли его так и не вернулись к спокойным играм. Минц получил вызов. Он его принял. Теперь надо было решить задачу.

Решать ее придется неординарно. Ординарно ее давно бы решили. Расшивать, расширять, дошивать, ставить заплатки... это все не для нас.

А что для нас?

Минц шагнул по комнате, и пол вздрагивал от его тяжелых шагов.

— Стоп! — сказал он вслух.

Подождал к телефону, набрал номер небольшого городка на острове Сулавеси в стране Индонезия. В этом городке жил ботаник и путешественник доктор Сударито, статью которого Минц прочел в прошлом году, заинтересовался ею, но никак не мог придумать, куда бы приспособить открытие индонезийца. А вот теперь забрезжило...

Ксения пришла вечером, как обещала. Минц ее обнадежил и выгнал. Сказал, что ждет авиапосылку с острова Сулавеси. Как только произведет над ней нужные манипуляции, Ксения получит свое средство для исправления неудачных предметов одежды.

Посылка пришла через четыре дня, а последующие сутки Ксения в основном провела под дверью профессора.

Время от времени она спрашивала через дверь:

— Ну как наши дела?

А подученный профессором компьютер отвечал ей:

— Иди спать, соседка!

Наконец Минц впустил женщину.

— Садитесь, Ксения, — велел он. — Я вам сразу расскажу о принципе моего открытия, чтобы вы потом не ссылались на невежество.

Ксения уселась на шатучий стул и схватилась за угол стола, потому что была женщиной полной, тяжелой и боялась падений.

— На острове Сулавеси, в прибрежных мангровых зарослях, доктор Сударито отыскал странный лишайник, названный им Охролахия пассивулифера. Пассивулифера характерен тем, что у него имеется выразительный налипший мелкозернистый таллом. Апотации небольшие, вогнутые, бледно-желтые, слоевищный край апотации тонкий... Вам неинтересно?

— Ой как интересно! — ответила Ксения.

— Впрочем, я не буду тратить время на ботанику.

— Ну и правильно, бог с ней, с ботаникой.

— Главное то, что пассивулифера обладает удивительной способностью как бы обволакивать растения и затем, в снятом виде, сохранять форму растения. Скорость роста этого лишайника умопомрачительная! Но для нас это лишь полуфабрикат.

Минц достал с полки флакончик из-под духов «Арамис» и поболтал.

— А это, — сказал он, — конечный продукт. Наша с вами революция в швейном деле.

— А как нам ее совершить? — спросила Ксения.

— Для этого вам бы неплохо раздеться...

— Чего?!

— Нет, вы не подумайте, Ксения, я понимаю ваше смущение, хотя должен признаться, что как женщина вы не вызываете во мне эмоций.

— Лев Христофорович, я человек терпеливый, но можешь и по роже лица схлопотать! — грубо ответила обиженная Ксения. Этот возглас не означал, разумеется, какой-либо особой склонности Ксении к соседу.

— Переходим к демонстрации, — быстро сказал Минц и закатал рукав своей рубашки.

Затем он взял со стола лоскуток клетчатой ткани, впрок заготовленный для опыта, и приложил к обнаженному локтю. Потом открыл флакон и капнул несколько раз на ткань.

Тут же на глазах лоскуток стал расти, расплзаться по руке, и через минуту изумленная Ксения увидела, что на руке профессора образовался рукав, как бы третий рукав рубашки. Правда, он был длинноват и продолжал удлиняться, но Минц другой рукой протянул Ксении ножницы.

— Пожалуйста, укоротите!

Ксения — существо сообразительное. Недаром столько лет прожила рядом с Минцем. Она взяла ножницы, хотела было отстричь лишнее, но замерла... и спросила:

— А ей не больно?

— Лишайникам не больно, — ответил Минц.

Тогда Ксения аккуратно отрезала лишнюю ткань и принялась ее мять между пальцев и даже нюхать. Но ничего подозрительного не обнаружила.

— Спасибо, — сказала она. — Я все поняла.

И, не дав профессору отказать в даре или выразить сомнение, она схватила флакон. И пошла к двери.

— Но вы хоть поняли принцип действия пассивулиферы? — крикнул ей вслед Минц.

— Не поняла бы, не стала брать, — ответила Ксения. — Паразит ваш лишайник, Лев Христофорович. Понимаю, что он будет мой соки сосать.

— Ах, как точно! — обрадовался Минц. — Образно и точно в переносном смысле.

— В переносном?

— Разумеется, он паразит, но паразит особенный. Этот лишайник питается энергией других живых существ, их теплом, их эмоциями. Пока пассивулифера обитала в мангровых зарослях Сулавеси, она ограничивалась тем, что высасывала энергию у де-

ревьев, чего они, кстати, и не замечали. Но я здесь пошел на шаг дальше, чем позволяет эволюция. Я приспособил метаболизм лишайника к тому, чтобы питаться теплом и иными видами энергии представителей фауны, в первую очередь человека. Я далеко двинул вперед этот лишайник по пути эволюции, в сущности, мы имеем дело не с пассивулиферой, а с его отдаленным потомком. Понятно?

— По мне, что энергия, что соки, что кровушка моя — все равно. У меня на всех хватит!

И Ксения громко рассмеялась. Она была женщиной широкой в кости, крепкой и не то чтобы толстой, но упитанной.

Но как заблуждались профессор и Ксения!

Они полагали, что подопытным кроликом избрали странный тропический лишайник. На самом-то деле оказалось, что на роль кроликов попали люди.

Если ты ставишь опыты над живыми существами и с помощью геной инженерии толкаешь вперед их эволюцию, всегда задумайся, не будут ли потомки судить тебя суровым и безжалостным судом?

К счастью, трагедии в масштабе Земли не произошло. Но для Гусляра происшедшее вполне можно назвать трагедией.

Ксения возвратилась домой первой. Остальные члены семьи еще обретались в других местах. Корнелий Иванович был в конторе, его сын Максим у себя в парикмахерской, Маргарита пошла погулять с Максимкой-младшим. По-нашему — с Максим Максимумом, по-ихнему — с Максимом-джуниор.

И так как свободного времени было в обрез, Ксения спешно начала проводить эксперименты с затравкой лишайника, обработанного по методу профессора Минца.

Она достала из-под швейной машинки мешок с лоскутами и заплатами и принялась сочинять себе платье.

Получилось буквально с первого раза.

Достаточно было нескольких капель из флакона мужских духов «Арамис», чтобы лоскуток начал превращаться в одежду. Он превращался до тех пор, пока в нем были силы, содержащиеся в затравке, затем Ксения с помощью ножниц и той же швейной машинки доводила одежду до ума.

Она успела сообразить себе три платья и неплохую кофточку, у которой был один недостаток — слишком прилегала к телу. Но и с этим недостатком Ксения справилась — догадалась, что если оттягивать ткань, пока она растет, то она оттянутой и останется. Так что можно соорудить себе хламиду или балахон. Была бы мода.

Потом Ксения догадалась, как с помощью лишайника делать плиссе-гофре, и когда домой пришел Удалов, Ксения уже утомилась, истощила нервную систему.

Она сидела на стуле, а на трех стульях, повернутых к ней спинками, висели новые платья. Склонив голову набок, Ксения любовалась ими, как кошка новорожденными котятками. Была бы воля — стала бы их облизывать.

Удалов, как положено глупому мужу, спросил:

— Ты чего платья развесила? Стирала, что ли?

Он и не сообразил, что у жены таких платьев отродясь не было. Зато когда пришла Максимкина жена, она с порога взвыла.

— Это еще что такое, мамаша? — кричала она. — Что это вы на старости лет решили деньгами разбрасываться?

На что Ксения ответила с достоинством:

— Не твои деньги трачу!

Не было согласия в семье Удаловых.

Ксения хотела было вообще не рассказывать невестке о своих возможностях, крепилась часа два, только после ужина не выдержала. Пусть знает!

Но Маргарита умела быть овечкой, сусликом, бабочкой, когда ей это было выгодно. Так что еще через полчаса женщины уже соорудили ей два платья и один модный плащ по выкройке из «Бурды».

Странности с пассивулиферой начали наблюдаться именно тогда.

Женщины трудились в комнате Ксении, а мужчины смотрели телевизор, но в комнату не заглядывали. Максимка крутился возле женщин и радовался, потому что весь пошел в Корнелия и рос независливым.

— Ах, мама, — произнесла Маргарита. — Как мне нравится вон тот материалчик, на синем платье. У вас еще лоскутка не найдется?

— Кончилось, — сказала Ксения. — Возьми другой цвет.

— Нет, мне такой же хочется, — возразила Маргарита и подошла к вешалке, на которой висело новое платье свекрови. Капнула на подол из бутылочки в расчете на то, что платье удлинится и она сможет оттяпать от него лишний лоскут.

Но платье не пожелало расти без человеческого тела. О чем, кстати, Минц Ксению предупреждал.

Догадавшись об этом, Маргарита сладким голосом попросила свекровь:

— Мама, можно я ваше синее платьице немножко примерю?

Ксения была доброй. К тому же она знала, что раз Маргарита в два раза ее тоньше, то вряд ли платье будет от нее порча.

Маргарита схватила платье и стала надевать его перед зеркалом.

Платье наделось быстро, словно скользкое, обняло молодую женщину и прильнуло к ней — Маргарита особым женским чутьем поняла, что она понравилась платью.

Она хотела было попрыскать на подол лишайниковым соком, чтобы потом отрезать себе лоскуток, но медлила, словно внутренний голос подсказывал, что лучше платья ей не отыскать. И не надо лоскутки тратить.

И в этот момент Ксения, обернувшись, увидела, что синее платье сидит на невестке в обтяжку, как влитое. Платье-то, оказывается, уменьшилось, а об этом Минц не предупредил.

— Это еще что такое? — спросила Ксения грозно. Не от жадности, но потому, что любила во всем порядок. — А ну вылезай из моего платья. Оно у меня выходное!

О, как не хотелось Маргарите подчиняться этому приказу, но что поделаешь — она принялась снимать платье.

А платье, как в сказке — прилипло. Не снимается.

Ксения кинулась к ней на помощь. Женщины с шумом и сопением сдирали платье с Марго. Удалов было сунулся на шум — Ксения его отогнала, как лвица от выводка.

Платье треснуло и распоролось.

Только таким образом удалось его снять с Маргариты.

— Как же так! Ты мне лучшее платье погубила! — сердилась свекровь.

А Маргарита села на стул и принялась плакать и гладить рваную тряпку, которая покорно лежала у нее на коленях.

— Дай-ка, — велела Ксения. Она приложила к себе лоскуты, побрызгала из флакона, платье начало залечивать свои раны, но на полпути словно передумало и, так и не залечившись, соскользнуло на пол.

Перед сном Удалов еще раз заглянул к Ксении, но атмосфера там была так напряжена, что Удалов стукнулся о нее, словно о стеклянную стенку, и пошел досматривать передачу для детей-полуночников.

Ах эта деликатность Корнелия Ивановича! Ну что ему стоило преодолеть себя и строго спросить у женщин, что же, наконец, происходит? Они бы признались, Удалов бы встревожился и кинулся к профессору Минцу. Он рассказал бы ему, что эволюция загадочного лишайника продолжается немыслимыми темпами. Что лишайник уже проявляет симпатии и антипатии, а платье хочет сосуществовать с одной носительницей, а другую презирает.

Тогда бы и Минц опомнился.

Взял бы эксперимент под жесткий контроль...

Я написал эти слова и подумал, а как бы Лев Христофорович это сделал? Велел бы Ксении расстаться с новыми платьями, раздел бы Маргариту? И кто бы его послушался?

Видно, генетическому ускорению было суждено начаться именно в Великом Гусляре. Там же и закончиться...

Когда Маргарита ушла укладывать Максимку, Ксения закрыла к себе дверь и аккуратно развесила все пять сделанных за вечер платьев в большом шкафу, где уже висел праздничный костюм Корнелия и ее собственные вещи. Перед сном ей чудилось, что в шкафу что-то шуршит, словно тараканы или мыши, но Ксения не стала подниматься, потому что уже поняла: даже если мыши сгрызут новое платье, она его тут же восстановит. Теперь оставалась только одна проблема: как заставить этого скрягу Минца дать ей еще флакончик затравки. Ведь ей предстоит и сына одеть, и мужа, а это непросто. Причем неизвестно, умеет ли этот лишайник делать карманы и подкладку для мужской одежды.

А флакон-то был в тот момент у Маргариты, потому что она изготавливала Максимке костюмчик, завтра в первый класс идти. Бабка-то о внуке за эгоистическими развлечениями, конечно, за была!

Примерно в два часа ночи Удалов совершил еще одну непростительную ошибку, но опять же не сообразил, что это — непростительная ошибка.

Он проснулся, потому что его во сне потянуло сходить по-маленькому. Босиком он медленно пошел к двери, стараясь держать перед собой вытянутую руку, глаза отказывались открываться.

И тут его нога натолкнулась на что-то мягкое, податливое, но вполне подвижное.

Ощущение было настолько необычным и даже пугающим, что Удалов мгновенно открыл глаза и посмотрел себе под ноги.

Свет луны и уличного фонаря, падавший в окно, был вкупе настолько силен, что Удалов мог разглядеть, на что же он чуть не наступил.

И увидел, что по полу медленно ползет, держась ближе к стене, о которую Удалов только что опирался, женское платье темного цвета с белым воротником и отделкой.

Удалов замер, понимая, что это — сказочный сон, который обязательно нужно досмотреть. И главное — нельзя мешать платью ползти в соседнюю комнату, к молодым. В конце концов, у любого платья могут быть вполне житейские причины ползти в другую комнату. Вот, например, он, Удалов, поднялся же среди ночи, чтобы дойти до сортира!

Чтобы не повредить платье, Удалов остановился и подождал,

пока оно втиснется в узкую щель прикрытой двери к молодым. Удалов толкнул дверь, чтобы платью было легче.

Затем сам повернул направо и по коридору пошел в уборную.

И там, совершая туалет, он сообразил, что история с платьем ему лишь приснилась. На всякий случай, возвращаясь к себе, он поглядел на пол — никаких следов платья он не нашел.

Тогда он вернулся спать. И ночью ему ничего больше не снилось, если не считать деловых рассуждений, связанных с приватизацией. А когда Удалов проснулся рано утром, он уже был убежден, что история с платьем — странный ночной кошмар, который вытекал из вчерашних разговоров.

Утром был еще один скандал, и опять Удалов не отреагировал на него должным образом.

Он хотел спать, когда Ксения поднялась с кровати. Ей тревожно не спалось. Сердце требовало еще раз поглядеть на платья, не случилось ли что-нибудь в шкафу.

Открыв шкаф, Ксения тоненько взвизгнула, как будто вновь превратилась в юную девочку, обнаружившую, что ее шоколадные конфеты сожрал потихоньку какой-то гадкий мальчишка.

— Не мешай спать, — сказал Удалов, кладя на повернутое к потолку ухо подушку.

— Нет, ты только посмотри! — просила Ксения.

Но Удалов так и не посмотрел.

И не увидел того, что ночью пять новых платьев устроили битву в шкафу с праздничным костюмом Удалова, Ксениным свитером и двумя юбками. Впрочем, надо сказать, что прежние обитатели шкафа не сопротивлялись, ибо не обладали разумом даже на том примитивном уровне, каковой был дан природой лишайнику пассивулифере.

Так что кукушата Ксении растерзали старые вещи в лоскуты и сами заняли весь шкаф, вроде бы даже гордясь своим преступлением.

Ксения же, которой был свойственен антропоморфизм, полагала, что все преступления такого рода могут совершать только люди. Она поняла, что подлая Маргарита, пользуясь темнотой и Ксениным сном, пробралась к шкафу и сама лично разорвала хорошие качественные носильные вещи из патологической злобы к свекрови.

И самое главное — за ночь исчезло кое-как восстановленное синее платье. И тут уж Ксения не сомневалась, что платье было похищено невесткой.

С желанием разоблачить и уничтожить Маргариту Ксения во-

рвалась в комнату к молодым, но обнаружила там лишь крепко спящего Максима, который на грозный материнский вопрос, где его жена, пробурчал:

— Мать, не возникай!

Ксения хлопнула дверью. Простучала по лестнице каблуками.

Ей хотелось заглянуть к Минцу, разбудить его и скалкой поблагодарить за сомнительный подарок, но пришлось отложить торжество справедливости на завтра. Сейчас надо было разыскать, догнать и уничтожить невестку — нельзя иметь врага в собственном доме.

Маргарита повела сына Максимку в школу. Максимка был очень хорош в новом синем костюмчике. Его мама шла в синем платье, которое вчера было Ксениным, но не захотело оставаться во владении свекрови. И потому в ночной темноте переползло в комнату к Маргарите, надеясь, что утром его увидят и обрадуются.

Платье было право.

Маргарита мгновенно поняла, что это платье всегда принадлежало ей, и только ей.

Ксения настигла невестку с внуком лишь возле школы.

Как раз начиналось торжество. Праздник знаний, первое сентября, первое сентября, первый день календаря, потому что в этот день все мальчишки и девочки городов и деревень... Учили в детстве?

Маргарита пробилась в первый ряд. Максима от нее уже увели в общий строй первоклашек, и там он стоял, краснел, поглядывал со страхом на маму, а мама думала, что у сынишки самый лучший костюмчик.

Когда Ксения увидела толпу и вспомнила о празднике, она поняла, что не сможет начать скандал при таком скоплении народа. Она притормозила и стала искать взором внука в шеренге новичков.

Тут заиграл школьный оркестр, и под его звуки вперед вышла Анна Леонидовна, завуч младших классов и депутат городского парламента, вождь женского движения за равноправие и просто красивая женщина, самая красивая в городе.

— Дорогие друзья! — звонко воскликнула она, и оркестр послушно умолк. — Сегодня у нас праздник!

И вдруг Ксения почувствовала, что платье на ней затрепетало, стараясь соскочить с тела.

Ксения не сразу сообразила, что происходит, и стала вертеть головой в поисках зловредной Маргариты.

Маргариту она не нашла, потому что ее невестка в двадцати

шагах справа испытывала то же тревожное чувство — синее платье буквально рвалось, ища способ слезть с ее тела.

Маргарита решила сначала, что это проделки Ксении, но той не увидела.

Разумеется, обе несчастные женщины не могли подозревать, что лишайник Охролахия пассивулифера, не будучи, разумеется, разумным существом, тем не менее развил в себе начатки сильных чувств. Именно это уникальное свойство лишайника позволило ему выжить в лесах острова Сулавеси, ибо в процессе эволюции он научился в считанные секунды обволакивать своими мелкокозернистыми талломами наиболее полюбившиеся ему растения. Причем, помимо излучаемой растением теплоты, для пассивулиферы играла роль и форма ствола — лишайник предпочитает растения стройные и нежные на ощупь.

Попав в Россию, лишайник под талантливыми руками профессора Минца перестроился с деревьев на людей и соответственно подсознательно перестроил свои симпатии и антипатии... Но кто мог подумать, что до такой степени!

Первой завершилась трагедия Ксении Удаловой.

Платье покинуло ее и, развеваясь, как красное знамя над рейхстагом, взлетело выше толпы.

Мало кто увидел, что Ксения осталась в нижнем белье, — зато все увидели, как летит над головами красное платье.

И тут пронзительный женский крик всколыхнул воздух.

Кричала Маргарита.

Ибо ее положение было худшим, чем Ксенино. Ведь с помощью лишайника она не только платье себе изготовила, но и полный комплект нижнего белья, включая лифчик.

И это все улетело...

Над толпой взрослых и детей, над цветами, принесенными учительницами, и трубами школьного оркестра летели два платья — красное и синее, летели трусики и лифчик, и, догоняя их, взметнулись в небо детская курточка и детские штанишки... А это означало, что и невинный первоклассник Максим Удалов остался без одежды.

Не шарахнулась лишь прекрасная Анна Леонидовна. Во-первых, она была отважной женщиной, и ее железный характер был выкован в борьбе с учениками младших классов, а жизненной энергии в ней было столько, что от страсти к ней обезумел лишайник пассивулифера.

В мгновение ока на прекрасную Анну Леонидовну наделось платье Ксении Удаловой и нежно облегло фигуру завуча.

Тут же примеру красного платья последовало синее платье, ушедшее от Маргариты, а поверх платья, опоздав к дележу добы-

чи, попытались надеться трусики и прочие интимные предметы. Наконец на Анну Леонидовну набросилась и одежка Максимки. Все это смешалось, перепуталось, и в результате Анна Леонидовна, подобно древнегреческой царице, оказалась замотана в разноцветную тогу или хламиду, ниспадающую до земли.

Тут выскочила совершенно обнаженная и обезумевшая Маргарита Удалова и попыталась стащить хламиду с Анны Леонидовны, что ей не удалось. Из толпы к Маргарите кинулись мужчины разного возраста и под предлогом спасения ее от психического расстройства стали хватать ее руками и гоготать. Но на помощь невестке прорвалась Ксения, кое-как прикрытая комбинацией и чулками. Ксения подхватила одной рукой ревущего Максимку, второй потянула за собой трясущуюся Маргариту и потащила их домой.

Они бежали, не останавливаясь, до самого дома, а когда вбежали во двор, Ксения подобрала из пыли половинку кирпича и метнула ее в окно Минца.

Окно — вдребезги!

Минц высунулся в окно, но ничего не увидел, потому что пострадавшие Удаловы уже скрылись внутри дома.

Анна Леонидовна выставила свою кандидатуру в Государственную думу. Одевается она разнообразно, сдержанно, но необычно. Лишайники не оставляют ее лаской и любовью.

КЛИН КЛИНОМ

Петро Поганини унаследовал однокомнатную квартиру после смерти своей бабушки Василисы Феокистовны Поганкиной в двухэтажном кирпичном доме на улице Пушкинской у ее слияния с улицей Советской.

Наследство было кстати, так как квартиру в Виннице ему пришлось оставить второй жене Одарке, а полученную от Союза истинно русских писателей мансарду в Москве не удалось оттяпать у третьей и неблагодарной жены Валерии. Обнаружилось, что звездочке российской массовой литературы придется ночевать на вокзалах, так как приятелям и любовникам он надоел настолько, что даже даровая бутылка «Гжелки», с которой он приходил на ночевку, их с ним не примиряла. Все равно сам все выпьет, а потом будет приставать к дочке хозяина или хозяйке дома, бить посуду и кричать, что он Толстого читал, но Толстой ему не показался.

С деньгами тоже было неладно, потому что за «Схватку в районе Сатурна» и «Любовницу робота» так и не заплатили.

Вот в этот период кризиса и душевного безденежья померла

бабушка Василиса, которую Поганини с детства не видел, и он поехал в Великий Гусляр в надежде продать квартиру за приличные доллары и приобрести на них жилплощадь в Москве.

Петро вступил во владение квартирой жилой площадью восемнадцать метров и расклеил объявления. Больше тридцати долларов ему за нее не предложили, да и то с условием, что он починит текущую крышу.

Петро не нашел ничего лучшего, как влюбиться в Дарью Гофф, дочь заведующего ветеринарной аптекой, а когда отступать было некуда, женился на этой женщине и понял, что следующий этап его жизни и творчества будет неизбежно связан с городком Великий Гусляр. Но ведь и на малых делянках вырастают колоссальные арбузы!

Утром Петро Поганини надевал по погоде шлепанцы или валенки и шел в молочную и за солеными огурцами. Первое для Даши, которой он подавал кофий в постель, второе для себя — чтобы прочистить мозги перед посадкой за рабочий стол.

Пожалуй, больше о Петре Поганкине ничего не скажешь. Сидит, работает, выпивает, кушает огурцы, пишет роман. Ни пользы, ни вреда от него нет.

А тем временем в Великом Гусляре начали происходить события.

Возвращаясь из школы в осенних сумерках, второклассники и второгодники Семен Лишаев и Ритка Полякова столкнулись с черным драконом, который медленно плыл над улицей, периодически выпуская из ноздрей яркое пламя и белый дым.

Второклассники кинулись бежать.

Дракон неся за ними, еле касаясь земли когтями, и так как гонка происходила в полной тишине, детям было еще страшнее, чем ежели бы он рычал, стучал и топал.

Дети выбежали на площадь к Гостиному двору и там были замечены гулявшим с собакой стариком Ложкиным.

Затем Ложкин увидел и самого дракона, который ударился грудью о край крыши Гостиного двора, но прошел ее насквозь, будто она была нематериальной.

В тот момент Ложкин, который подхватил собачку на руки и убежал следом за детьми, не подумал, что бестелесным может быть сам дракон. Уж очень убедительно из него хлестало пламя.

С утра следующего дня город оказался во власти фантомов, о которых далеко не сразу догадались, что они фантомы. Поэтому, когда толпа гномов, вооруженных алебардами, выскочила на мостовую перед автомобилем «Москвич» Миши Стендаля, он так рубанул по тормозам, что врезался в липу у тротуара. Гномов видели многие, но куда они делись, не знали. Зато мимо столовой № 1

прошли несколько космонавтов в странного вида скафандрах. Космонавты устроили отчаянную перестрелку со злобешего вида зелеными существами, которые были буквально обвешаны оружием инопланетного происхождения. Этот бой привлек массу народа, потому что происходил в обеденный перерыв у самого Гордома. Сначала люди смотрели, но, когда раздалась первая очередь и зеленые лучи смерти стали разить противников, кинулись врассыпную. Некоторых помяли, оцарапали и ранили. Но травмы происходили, следует признать, не от оружия космических бойцов, а от страха и страшной давки. Правда, гусярцы с вами не согласятся. Им кажется более почетным пасть от руки пришельца, чем быть ушибленным локтем Матрены Ложкиной.

С тех пор город изнемогал под игом чудовищ.

Даже самый краткий и неполный список фантомов, поселившихся на улицах, а порой и в домах обывателей, может привести в ужас наших читателей.

На улицах появлялись, растворялись в воздухе или лопались, как воздушные шары, гонялись за детьми, собаками и прохожими, дрались между собой, пугали бабушек, осаждали родильный дом, лезли в больницу драконы, змеи, жабы размером с паровоз, русалки в шортах и с бластерами, пришельцы одноногие, двуногие, пятиногие и на гусеницах, а также ползучие гномы, прыгающие тролли, скелеты разных животных и негодяев, князя тьмы в черных плащах и роботы отвратительного вида, не говоря о вампирах.

Уже на второй день жители города сообразили, что напавшие на город чудовища навредить не могут. Они были бестелесными и непостоянными. Порой на глазах у перепуганных зрителей с ними происходили удивительные трансформации. Дракон мог лишиться головы, пришелец — ноги, а полуобнаженная красавица с тремя пистолетами за лифчиком вдруг выступала совершенно обнаженной, лишь пистолеты в ее трех руках заменяли одежду.

Но как ты ни размышляй, как ни разубеждай себя, вид этих чудовищ был ужасен, поведение нахально, беременным женщинам, старикам и детям смотреть на них было страшно, а некоторым вредно, потому что они обучались на этих образцах насилию и враждебной нам эротике.

Нельзя сказать, чтобы профессор Минц, главный ученый города Великий Гусяр, не обратил внимания на феномен, который обрушился на город. Да и как не обратишь внимания, если в ванной сидит рогатая жаба размером с тебя самого, из-за кухонной плиты в Ксению Удалову целится одноглазый космический пират, а когда профессор Минц пытается отыскать статью из журнала «Нейчур», он видит, что на его письменном столе сидит истин-

ный дьявол с гранатометом в руках и намеревается выстрелить профессору в лицо, а профессор не до конца уверен, что имеет дело с фантомом, а не с нашествием из космоса.

— Разумеется, мы столкнулись с персонажами из массовой фантастики, — сказал Минц. — Источник ее — отечественная халтура.

— Почему же отечественная? Говорят, что эту дрянь нам из ЦРУ напустили. Многие так думают, — откликнулся заглянувший к Минцу сосед Удалов.

— ЦРУ, — возразил Минц, — обязательно воздвигло бы американский флаг над нашим сельсоветом. Не могут они без флага.

Тут через стену в комнату вошел мускулистый дикарь в трусах и с пулеметом в руке. Он направил оружие на Минца и выпустил беззвучную очередь. Друзья кинулись под стол. Оттуда были видны лишь босые ноги дикаря.

— Знаешь, как я их отличаю? — спросил Удалов.

— Знаю, — ответил Минц. — Их не слышно. Но лучше сначала спрятаться, а уж потом прислушиваться.

Дикарь пропал в противоположной стене. Друзья поднялись. Было унижительно прятаться в собственном доме.

— Что же ты, профессор, локатора не изобретешь? — спросил Удалов. — Если это не ЦРУ, то источник в нашем городе!

Минц только махнул рукой...

Сквозь дверь прошла совершенно обнаженная женщина сказочной толщины, облаченная лишь в корону.

— Где-то я читал о подобном феномене, — размышлял Минц. — Где же литературный персонаж путешествует по истории литературы и из окошка машины времени наблюдает образы литературных героев?

— Может, братья Стругацкие надумали? — спросил Удалов.

— Почему ты так решил?

— Они все уже надумали, — сказал Удалов. Он помолчал и добавил: — Им хорошо, у них сказки, а у нас реальная жизнь районного центра!

— Но если мы имеем дело с плодами воображения писателя, — произнес профессор, — то шерше ле экривен, то есть писателя!

— Нет у нас писателей, — вздохнул Удалов. — Не сподобились. Краеведы водятся, литсотрудники в газете, а писателя нет...

— Газета! — подхватил слово Минц. — Звони Мише. Нет ли у нас приезжего писателя?

Миша Стендаль тут же ответил, что в «Гусярском знамени» готовится интервью с писателем-фантастом Петро Поганини, работающим сейчас над тремя романами в жанре крутой фантастики. Ведущие герои его романов — боевые роботы, телохранители, наемные убийцы драконов и драконы наемных убийц. Опус По-

ганини «Последняя пуля в драконе» заинтересовал издательство в Сызрани... А настоящее имя автора Петр Поганкин, и адрес его Стендаль предоставил по первому требованию.

Они пошли к Поганини сразу. Вокруг дома реяли фантомы. Открыла им Дашенька, которую Удалов качал еще малюткой. Теперь она стала женщиной с бюстом и низким голосом.

— Ой, как я рада, дядя Корнелий! — заголосила Дашенька. — Пошли на кухню, я там ленч разогреваю. Мой-то творит, творит, а потом себе ленч требует.

На кухне было тесно, фырчал кофейник, под потолком покачивались полупрозрачные вампиры.

— Над чем работаем? — спросил Минц.

— Вы не поверите, он ей голову отрезал, сделал чашу и пьет пиво из любимой женщины.

— Кто же это такой?

— Ах, это ж Корнюшон, понимаете?

— А привидения вам не досаждают? — спросил профессор.

Дашенька побледнела, но ответить не успела.

— Это кто же к нам пожаловал? — звонким дискантом запел от двери короткий массивный мужчина в черном парике и с нафабранными тараканьими усами. Одет этот мужчина был по-писательски, в бархатную домашнюю куртку и джинсы. — Вижу, вижу, представители общественности пришли пригласить меня на встречу с читателями?

Петро протянул руку. Они познакомились. От Петро пахло одеколоном.

— Мы к вам, — сказал Минц, — по поводу материализации духов.

— Не понял! — Петро отступил в комнату.

Комната была невелика, в ней стояла двуспальная кровать под атласным, простроченным ромбами одеялом (видно, из приданого), а также письменный стол с креслом перед ним. Разглядеть все это было нелегко, потому что комната была полна привидениями. Но привидения еще не сформировались, они были почти прозрачны, они меняли позы и форму, они готовились стать фантомами, а пока были лишь дымом...

— Вот, — сказал Петро. — Пишу гусиным пером, как мой учитель Сашко Пушкин.

Атмосфера в комнате была неприятная. Хотя образы писательского творчества не вошли еще в более плотное состояние, Удалову показалось, что он вступил в воду, полную лягушачьей икры.

— Ну вот, — сказал Минц. — Это мы и имели в виду. Здесь они зарождаются.

— Не понял, — ответил писатель, приподнимая сбоку парик, чтобы почесать висок. — Что за претензии?

— Вы заплотонили весь город своими драконами и роботами! — не выдержал Удалов. — Детей на улицу люди боятся пускать. И мы просим, чтобы вы держали их при себе.

— Это что же такое? — удивился писатель. — Получается, что вы надеваете оковы на мое вдохновение? Ну, это так не пойдет! Я в ПЕН-клуб буду жаловаться!

Но форточку он раскрыл, и привидения потянулись наружу.

— Ну, так получше, — сказал Минц.

Петро окинул взглядом комнату и произнес:

— Да, курить мне надо меньше. Туманно становится.

— Или дурак, или притворяется, — прошептал себе под нос Минц, и все сделали вид, что этого отчетливого шепота не слышали.

— Я же честный, но бедный писатель, даже на пишущую машинку денег не хватает. — Усы дрогнули, по щеке покатилась слеза.

— Они же безвредные! — пискнула из коридора Дашенька.

Петро обернулся, увидел жену, прищурился и гаркнул:

— Мечи ленч на стол! — А обратившись к Минцу с Удаловым, он спросил: — Еще вопросы есть? А то я пойду. Надо силы поддерживать. А вы заходите, не стесняйтесь.

По улице они брели удрученные, пронзили насквозь полосатого василиска, обошли разбитую летающую тарелочку. Они молчали и мыслили — раз уж это им было свойственно.

«Сила воображения? — думал Минц. — Но почему тогда у других писателей так не получается? Ну творят себе, воображают, и хоть бы что! Ты только представь себе — по Петербургу летают Носы или бегают Раскольниковы с топорами!»

— Здесь имеет место быть взаимодействие, — сказал Удалов. — Так совпало. Гусиное перо, ленч, бумага, забота женщины и, главное, специфика творчества.

— Без предела, — согласился Минц. — Разнузданное воображение.

— Неужели мы бессильны? — спросил Удалов.

— Будем думать, — ответил Минц.

Они вошли в свой двор.

— Может, его отправить на Канарские острова? — спросил Удалов. — Соберемся всем городом, купим ему путевку. А там, на Канарах, ко всему привыкли.

— И что же мы так устроены! — вдруг возмутился Минц. — Как нам чего не годится, сразу за границу! А потом их же будем упрекать, почему нечисть развели? Нет, сами породили, сами...

— И убьем? — подсказал Корнелий.

— Кто сказал о смерти? — И с этими словами Минц скрылся за дверь своей квартиры.

А вместо него из двери выпорхнул крупный птеродактиль, и Удалов присел на цыпочки, хоть и понимал умом, что птеродактили в Гусляре пока не водятся.

Назавтра Минц к соседу не зашел. Удалов же, подойдя к окну, увидел, что Минц спешит по улице прочь от дома.

За ним гнался неандерталец с дубинкой.

А еще через полчаса к Удалову стала стекаться информация о движении и действиях профессора. Не зря же Удалов прожил в Гусляре всю свою жизнь. Не хочешь, а будешь знать все о соседях и знакомцах.

Сначала невестка пришла с рынка и сказала, что видела Минца выходящим из городской библиотеки со стопкой книг под мышкой.

Потом Ксения рассказала, что Минц посетил комиссионку, а заглянувшая к Ксении Гаврилова добавила, что Минц вышел из комиссионки, купив там несколько старых платьев, веер из страусиных перьев и зонтик парасоль.

Наибольшее удивление Удалова вызвала информация о визите Льва Христофоровича в магазин «Иная юдоль», где продавались предметы похоронного инвентаря. Там он купил букет искусственных цветов.

Все это Минц оттащил в дом Поганкина. И просидел у Поганкина до самого вечера.

Удалов в очередной раз подошел к окну, когда Минц возвращался домой.

Вид у Минца был усталый, но довольный.

Как у человека, только что завершившего выполнение нелегкого, но обязательного долга чести.

Удалов выглянул в окошко и спросил нарочито обыкновенным и вовсе не обиженным голосом:

— Как успехи, коллега?

Тут Минца скрыла от взоров Удалова стая гигантских вампиров, промчавшихся над улицей.

Потом Минц возник вновь.

— Дело пойдет на лад, — сказал он.

— В каком смысле?

— Рано обещать, — ответил Минц.

На следующее утро в городе полегчало.

Частота появления чудовищ сошла почти на нет.

Люди выходили из домов, вдыхали свежий воздух, шурились от детской радости и понимали, что дождик снова идет для них,

солнце светит для человечества и ветер завывает для людей, а не для привидений.

И вот над опустевшей улицей пролетело, вернее, медленно и торжественно проплыло нечто сказочно красивое, как пирожное безе или клубничный мусс.

Почуввав неладное, Удалов кинулся вниз.

Он ворвался в комнату профессора и с порога спросил:

— Ты что сделал, Лев Христофорович?

— Как всегда. Средство придумал.

— Ну говори, говори! — Удалов переминался на пороге, не входил, потому что еще не завтракал, но и уйти не мог.

— Сам догадаешься, — загадочно улыбнулся профессор.

Удалов обиделся и собрался уходить. Минц его не видел. Он бился бритвой «Жиллетт» и гляделся в зеркало.

Вскоре Удалов пошел на улицу.

Драконов там не наблюдалось.

Город был тих, благостен, дети резвились в песочницах и бежали по скверу.

Вдруг они прервали свои игры и испуганно замолчали.

По дорожке сквера бежала незнакомая Удалову красивая молодая женщина в чуть-чуть разорванном длинном белом платье. На ее лице застыло изображение тревоги и душевной боли.

Удалов посторонился.

Проходя мимо дома, в котором обитал писатель Петро Поганнини, Удалов остановился и поглядел наверх. Из окон не выскакивали птеродактили и пришельцы. Но доносилось женское пение. Дарья Гофф напевала романс Алябьева.

Что происходит?

Неожиданно сквозь стену дома просочилась черноволосая женщина средних лет, упитанная, но несчастная. Она прижимала к глазам батистовый платочек. За ней показался мужчина военной выправки, но в костюме для верховой езды второй половины прошлого века. Мужчина протягивал руки к женщине.

Не доходя до женщины нескольких шагов, мужчина передумал ее останавливать и замер, скрестив руки на груди. Женщина же продолжала свой путь.

Удалов не стал досматривать тревожную сцену. Ему захотелось домой.

Когда он свернул на Пушкинскую, то увидел, что под ногами у него тянутся рельсы, хотя по Пушкинской сроду не ходили трамваи.

Что еще за новая напасть? Может, драконы лучше?

Удалов, ускоряя шаг, мчался к Минцу.

И чуть не попал под поезд.

Старинный паровоз с длинной трубой тянул за собой несколько небольших зеленых вагонов. Вагоны были эфемерны и, наверное, относились к творчеству Поганини. Но зрелище было внушительным.

Поезд несся туда, где стояла печальная брюнетка, а на нее глядел мужчина в костюме для верховой езды.

Удалов вбежал в кабинет Минца.

— Что творится, сосед? — грозно спросил он. — Лучше уж признавайся.

Минц широко улыбнулся. Он сидел в кресле-качалке и ласкал черного кота Лумумбу, которого завел и полюбил совсем недавно.

— Мы избавили город от чудовищ, — сказал Минц.

— Но к нам какие-то новые лезут.

— Люди, а не чудовища! И это ненадолго. Скоро писатель нас покинет.

— Объясни.

— Если ты не можешь избавиться от болезни, то проще всего вышибить клин клином.

— Какой клин каким клином?

— Я принес Поганини несколько незнакомых ему произведений литературы. И убедил этого молодого человека, что куда больше шансов прославиться, если следовать заветам великих писателей прошлого. Я дал ему слово, что суммарный тираж романа нелюбимого им писателя Л. Толстого достиг за последние сто лет шести миллиардов экземпляров.

— И что он сказал? — заинтересовался Удалов.

— Он вынул карманный калькулятор и принялся считать, сколько он бы получил на месте Л. Толстого при расчете рубль пятьдесят с каждого экземпляра.

— И что же?

— Остался доволен результатами. А сегодня я к нему заглядывал.

— И что же?

— Пишет. Разве ты не видал вокруг его дома всяких персонажей?

— Эврика! — воскликнул Корнелий Иванович. — Он пишет «Анну Каренину»! То-то поезд по Пушкинской ехал.

— Ах, мой милый Удалов, — усмехнулся профессор Минц. — Все в жизни не так просто, как кажется. Роман Поганини называется «Маня Каледина». Как видишь, он никогда не опустится до прямого плагиата.

— Но под поезд она бросится?

— Куда ж ей деваться!

Удалов задумался. Потом обратился к Минцу круглое, просто-душное лицо.

— Нет, — сказал он. — Ничего у нас не выйдет. Не сегодня-завтра снова драконы попрут.

— Почему же?

— Да завернут издатели Поганини с его Маней. Неужели они в школе не учились?

— Некоторые издатели в школе учились. Но плохо, — вздохнул Минц. — А богатенькие забыли, чему учились. Наконец, самые богатые отличались слабым здоровьем и болели, когда проходили «Анну Каренину». Кстати, Корнелий, никто в школе не надеялся, что дети прочтут роман Толстого. Потому его и не читали, а проходили. А проходят как?

— Мимо?

— Вот именно. Проходят мимо.

— Ничего, — сказал Удалов. — Если я прав, то Поганини вернется к драконам, если ты прав, то придется нам иметь дело с изысканными чувствами.

— Если я прав, то Поганини заработает столько денег, что сможет купить квартиру в Москве.

Удалов улыбнулся и пошел домой. Ему хотелось посидеть в мягком кресле и почитать газету.

Но не пришлось.

На кухне сидела Татьяна Ларина (судя по одежде и выражению лица), читала письмо от Онегина и тихо плакала.

А Ксения, которая как раз вошла туда, стояла в дверях, скрестив руки на груди и убийственно глядя на непрошеную девицу.

Удалов вздрогнул и хотел прошмыгнуть мимо, но Ксения схватила его за рукав.

— Уже в дом таскаешь? — спросила она Удалова.

— Кого таскаешь?

— Шлюх таскаешь!

— Я ее в первый раз вижу. А вообще она — воображаемое видение Александра Сергеевича Пушкина.

— Если видение, почему она не у Пушкина на кухне, а у меня?

— А ты проверь, — предложил Удалов. — Она сквозная.

Эта идея пришлась Ксении по душе. Она схватила сковороду и метнула ее в Татьяну Ларину.

Сковорода пролетела сквозь тело гостьи и разбила на полке три любимых чашки.

— Ах, она еще посуду бьет! — закричала Ксения и вторую сковородку метнула в мужа.

Через месяц видения прекратились.

Гусляр опустел.

Затем куда-то пропал и сам Петро Поганини.

А уже осенью Минц как-то постучал половой щеткой в потолок, призывая Корнелия.

Корнелий сбежал вниз.

У Минца был включен телевизор. Вот что говорила дикторша:

— Новый роман известного бестселлера Петро Поганини «Маня Каледина», ставший всероссийской сенсацией и экранизированный режиссером Спилбергом, выдвинут на Букеровскую премию. Достоверность исторических деталей падения и трагедии попавшей под поезд знатной женщины царского Петербурга вызвала повышенное внимание к оригинальному творчеству прозаика. Наш корреспондент встретился с писателем, который недавно купил пятиэтажную виллу на Канарских островах. Первым вопросом корреспондента...

На экране появилась вилла.

Возле виллы в шортах и с теннисной ракеткой стоял Петро. На нем повисли две темнокожие от морского загара испанские красавицы. В окно кухни выглядывала осунувшаяся Дарья Гофф.

— Как вам удалось придумать такой удивительный сюжет? — спросил корреспондент.

— Непросто, — ответил Петро.

— Как вы относитесь к вашим шансам получить Букера?

— Букера возьмем, — ответил Петро. — А Оскар не за горами.

И он засмеялся, уставившись в экран, будто догадался, что профессор Минц, избавивший Великий Гусляр от плодов буйного воображения Петро, не отрываясь глядит в экран телевизора.

ВИРУСЫ НЕ ОТСТИРываются

У профессора Минца было своеобразное чувство юмора.

В прошлом году оно спасло Землю от страшной опасности, хотя с таким же успехом могло ее погубить.

Началось это невинно, на стадионе.

С недавнего времени Минц и его друг Корнелий Удалов зачастили на футбол. Начали болеть за команду «Речник» и сами посмеивались над своим увлечением, называя его старческой причудой.

Ксения эти походы не одобряла. Несмотря на солидный возраст, она продолжала ревновать Корнелия. К тому же рыбалка и грибная охота приносили дому прибыль, а стадион — разорение.

— Мы с тобой теперь на хозрасчете, — объяснила она свою по-

зицию мужу. — Будем жить по замкнутому циклу. Что съел — возврати в хозяйство!

Удалов был поражен такой житейской хваткой Ксении и скромно предложил:

— Давай тогда туалет на дачу перевезем.

— Зачем? — не поняла Ксения.

— Ну, не горшки же полные на автобусе возить! Если приспичило — едем на дачу...

Развить свою мысль он не успел, потому что ему пришлось, прихрамывая от радикулита, бежать прочь из дома от скалки. Впрочем, и это входило в интересы хитроумного Удалова. Он попросил политического убежища в квартире Льва Христофоровича, откуда они потом вместе отправились на стадион.

Именно там на профессора Минца, гениального изобретателя и без пяти минут лауреата Нобелевской премии, снизошло озарение.

Озарение было вызвано опустившимся на стадион туманом, который плавал над полем так, что некоторые игроки бежали по пояс в белой гуще, а от других вообще были видны только ноги.

— Куда ж он бьет? — кричал Удалов. — Куда же он бьет, если ворот не видно?

— Так и вратарь его не видит, — ответил разумный Саша Грубин, сидевший рядом с Корнелием. — Они равны. Но на уровне анекдота.

И тут Минц воскликнул:

— Вот так и поступим! То-то будет смешно!

Закричал он громко, но не то, что принято кричать на стадионе. Туда приходят смотреть и просто кричать, а не выступать.

Однако ругаться на Минца никто не стал, люди сидели свои, из тех, что приходят на стадион и в солнце, и в непогоду. Мест на «Речнике» было всего две тысячи, но и половины не заполнялось. Не очень-то теперь в Великом Гусляре увлекаются футболом. То ли дело в пятидесятые годы!

На крик Минца люди обернулись, но, увидев, что это вопит лысый профессор с Пушкинской улицы, сразу отвернулись. Пусть себе вопит.

— Ты чего? — спросил Удалов.

— Нашел решение, — просто ответил Минц.

— Отложи его в мозжечок, — посоветовал Удалов. — Футбол кончится, тогда и займешься наукой. Каждому овощу свое время.

Тут начал накрапывать сентябрьский дождик. Зонтика у друзей не было, они растянули на троих грубинский плащ и смотрели из-под него, как с правительственной трибуны. Слава богу, дож-

дик прибил туман, и стало видно, что происходит на поле и почему наши опять проигрывают.

После матча они медленно побрели с толпой к выходу из парка, потом, так и не опуская плаща, направились к Пушкинской, к дому № 16. Дождь припустил вовсю, и приходилось перепрыгивать через лужи. В такой обстановке не особенно поговоришь, так что дотерпели до дома, где Минц позвал друзей побаловаться чаем.

Еще чайник не закипел, как Удалов первым спросил:

— Признавайся, Лев Христофорович, что ты на этот раз готовил человечеству в подарок?

— Не в подарок, а в наказание! — ответил профессор и рассмеялся. — Они еще пожалеют, что хотели устроить у нас соревнования чекистов!

— Проще, Лев Христофорович, — попросил Грубин. — А то мы, простые труженики, вас не понимаем.

— Куда уж проще! Савичей знаете?

— Еще бы не знать!

— Они меня рассмешили. Сначала приходит ко мне Ванда и просит... знаете о чем? Просит установить на ее любимом муже подслушивающее устройство.

— Это еще зачем?

— А затем, что он, по ее подозрениям, завел себе любовницу из числа продавщиц ее супермаркета и даже намеревается улететь с этой продавщицей на Багамские острова.

— И в самом деле смешно, — сказал Грубин. — Савичу уже седьмой десяток...

— Возраст не помеха, мой юный друг, — ответил Минц, и Удалов не сдержал улыбки, потому что Грубину тоже было не двадцать лет.

— Так что же тебя так рассмешило? — настаивал Удалов.

— А то, что муж Ванды, Никита Савич, побывал у меня на следующий день и спросил, не могу ли я установить подслушивающее устройство на его жене.

— Неужели тоже взревновал?

— Хуже! Ему не дает покоя ее богатство. Он уверен, что она заработанные в супермаркете деньги прячет от него и транжирит, устраивая оргии. Смешно?

— Очень смешно, — согласился Удалов, но не засмеялся, и Грубин тоже смеяться не стал.

Минц вздохнул и заметил:

— Чувство юмора у вас плохо развито.

— Не в этом дело, — сказал Грубин.

— Мы их знаем практически с детства, — пояснил Удалов. — Я с Савичем в школу ходил.

— Что вы мне хотите доказать? — удивился Минц. — Что люди не меняются или что все, кто ходил с тобой в школу, застрахованы от ошибок и лишены недостатков?

Удалов не стал спорить. Спор получился бы пустым. Из класса Удалова вышел один полковник, один секретарь обкома в Томске, а двое отсидели в тюрьме. Это о чем-то говорит? Ни о чем.

— Так какая идея посетила вас на стадионе? — спросил Саша Грубин.

— Очень смешная, — признался Минц. — Чудесная идея. Я решил удовлетворить обе просьбы.

— Два магнитофона поставишь? — спросил Удалов.

— Что мы видели на стадионе? Мы видели недостаточно, — начал объяснять Минц. Он стоял перед ними, выставив живот, сплетя пальцы рук за спиной и покачивая лысой головой. — Мы видели туман и части человеческих тел. И я вспомнил, что подобная картина привиделась мне сегодня утром в этом кабинете. Я тогда работал с вирусом «Н-5», генетическим уродец, который мне удалось выделить во время поездки к небольшому озеру Чистому в районе закрытого города Малаховка-18. В это озеро в течение последних сорока лет сбрасывали атомные отходы несколько секретных заводов и военно-исследовательских институтов. Тем не менее в этом озере смогли выжить три типа вируса «Н-5». Понятно я рассказываю, дорогие друзья?

— Непонятно, зачем ты нам это рассказываешь, — признался Удалов. — А в остальном понятно.

— Сейчас объясню. Обнаружилось, причем совершенно неожиданно для меня, что предметы, обработанные этим вирусом, в значительной степени теряют... теряют... — Минц подошел к большому рабочему столу и принялся шарить по нему, как слепой. — Так я и думал! — воскликнул профессор, нащупав нечто невидимое и подняв это нечто двумя пальцами. — Видите?

— Нет, — ответил Грубин.

— Что и требовалось доказать! Этот платок сегодня утром был обыкновенным. Днем, когда мы уходили на стадион, он частично потерял видимость, как футболист в тумане. Сейчас же он стал совершенно невидимым.

— Не может быть! — воскликнул Удалов. — Значит, теперь разрешена загадка невидимости, над которой бились несколько тысяч лет лучшие умы планеты?

— Не так громко, мой друг, не так громко. Лучшие умы бились над чем угодно, но не над культурой вируса «Н-5», что означает «Невидимка, пятый штамм». Над ней бился ваш покорный слуга.

— Надо скорее поделиться этим открытием с человечеством!
 — Зачем? — Минц приподнял левую бровь. — Зачем, коллега?
 — Чтобы невидимость стала... — Удалов осекся. Ему в голову приходили различные способы использования невидимости в быту и общественной жизни, но были они в лучшем случае неправильными. В воображении Корнелия возник невидимый шпион, подкрадывающийся к советскому заводу, невидимый враг, переползающий границу, невидимый вор, вторгающийся в мирный дом... Но если наоборот?

— Наоборот? — прочел мысли Удалова Минц. — Пускай наш вор ползет в ночи и грабит дома? Пускай наш невидимый шпион или наш невидимый сержант... Так тебе думать приятнее?

— Как патриоту — приятнее, — признался Удалов. — Но как нормальному человеку — не по себе.

— Вот и я не спешу выпустить джинна из бутылки, — сказал Минц. — Надо еще очень крепко подумать. А пока пускай у меня появятся подопытные кролики...

— Савичи?

— Савичи. По крайней мере вреда не будет. Вместо магнитофонов предложим им шапки-невидимки.

— А они навсегда останутся невидимыми? — спросил Грубин.

— По моим расчетам, продолжительность жизни вируса на свежем воздухе — трое суток. Так что Савичи и испугаться не успеют.

— За трое суток может многое произойти, — тихо промолвил Грубин.

О, как он был прав!

Но, охваченные весельем, представляя себе, в каком смешном положении окажутся подозрительные супруги Савичи, как будут они наказаны за недоверчивость, друзья Грубина не прислушались к предупреждению Кассандры.

На следующий день Минц позвонил Савичу и назначил ему встречу на двенадцать часов дня.

Тот примчался — потный, несмотря на то что день был прохладен, ветер принес с севера холод наступающей осени, а птицы спешили к югу, летя зигзагами, чтобы не подстрелили.

— Где? — спросил он с порога. — Она опять пришла в двенадцать! И от нее пахло мужскими духами «Арамис»! Где микрофон?

Савич все еще работал фармацевтом, и потому у него сохранилось профессиональное обоняние.

— У меня есть для вас средство получше, Никита, — сказал Минц. — У меня есть для вас шапка-невидимка.

И он протянул Савичу пустую раскрытую ладонь.

— Шутки в сторону! — возмутился фармацевт. — Я переживаю душевный излом и не намерен подвергаться...

— Возьмите и наденьте.

В голосе Минца звучала сталь. Савич сразу поскучнел и сласся. Он протянул веснушчатую руку и неожиданно обнаружил, что его пальцы коснулись материи. Невидимой материи!

— Наденьте! — повторил Минц.

Савич расправил невидимую шапку и надел на голову. И тут же обернулся в поисках зеркала.

— Не ищите, — остановил его профессор. — Невидимость наступит через некоторое время. И тогда вы сможете всюду незаметно следовать за своей якобы неверной супругой. Но я вас в последний раз предупреждаю: слезка за близкими людьми еще никого не доводила до добра. Лучше поговорите с женой, обнимите ее, покайтесь.

— Никогда! — отрезал Савич и, забыв поблагодарить профессора, пошел прочь.

Минц не расстроился. Он знал цену человеческой благодарности. Он лишь печально улыбнулся и начал вырезать из второй половины невидимого платка круг, а затем сшил его в виде ермолки. Он ждал клиентку.

Клиентка, то есть Ванда Казимировна Савич, директор супермаркета, прибежала, как только ее магазин закрылся на обед. Она пришла не с пустыми руками — принесла две банки зеленого горошка и пачку жевательной резинки без сахара «Стиморол». И с порога сказала, что жвачка очень помогает от кариеса.

— Слушайте, Ванда Казимировна, — остановил ее Минц, — я вам предлагаю средство, с помощью которого вы сможете выслеживать своего неверного мужа, не боясь опознания.

— И какое же?

— А вот наденьте эту шапочку, — Минц протянул к Ванде раскрытую пустую ладонь, — и вскоре вы станете невидимкой.

— А что? — задумалась вслух Ванда. — Это выход!

Она была куда сообразительней Савича, потому, может, и достигла в жизни больших успехов.

Не удивившись, Ванда взяла с ладони Минца невидимую ермолку, надела ее на все еще густые и даже буйные волосы и сразу направилась к зеркалу, которое отыскала без подсказки хозяина. Она встала перед зеркалом, уперев сильные руки в крутые бока, и спросила:

— И когда это начнет действовать?

— К вечеру, — ответил Минц.

— Отлично, — сказала Ванда. — Мой как раз намылится... А это не вредно?

— Нет. Невидимость достигается благодаря совершенно безвредному вирусу, которым обрабатывается материя, — пояснил Минц.

— Раньше про СПИД тоже думали, что это безвредный вирус, — сказала Ванда. — Сколько я вам должна, профессор?

— Мне достаточно вашей благодарности.

— Еще лет десять назад я смогла бы вас отблагодарить, — откровенно призналась Ванда. — Сейчас мои прелести упали в цене до нулевой отметки.

В тот день Савичи возвратились домой пораньше. Каждый из них опасался, что начнет становиться невидимым на людях. Дома они были друг с другом необыкновенно вежливы. Ванда даже приготовила суп из американского пакетика и пюре «Анкл Бэнс» с негром на этикетке.

— Ты вечером дома? — спросила она мужа за обедом.

— Не знаю, — искренне ответил Савич. — А ты?

— Тоже еще не знаю, — откликнулась Ванда.

Пока она мыла после обеда посуду, Савич заглянул в ванную и со сладким ужасом увидел, что верхняя часть его головы, там, где располагались пегие волосы, куда-то исчезла.

Начинается...

На глазах происходило его превращение в человека-невидимку. Уже исчез лоб, вот пропадают куда-то глаза... Чем же смотреть теперь?

— Ты еще долго будешь там сидеть? — крикнула из кухни Ванда.

— Одну минутку! — На всякий случай Савич накинул на голову полотенце и стал похож на бедуина в пустыне Сахара. Он метнулся в прихожую и оттуда неубедительно крикнул жене: — Мне надо на полчаса выйти. Я забыл в аптеке книжку.

Хлопнул дверь и кинулся вниз по лестнице. Полотенце он оставил на столике в коридоре, и оно начало постепенно исчезать: вирус пережил период адаптации и теперь принял за работу.

Ванда пожалала плечами. «Пожалуйста, — подумала она, — бегай в свою аптеку. На свидание тебе еще рано. Ты еще вернешься домой надеть галстук и причесать последние перышки. А я пока подготовлюсь...»

Она прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Зрелище оказалось ужасным, и не будь Ванда человеком сильной воли, она упала бы в обморок.

Оказалось, что у нее начисто отсутствует верхняя половина го-

ловы. То есть голова начиналась только с середины носа, а сквозь бывший лоб можно было увидеть заднюю стену ванной и приоткрытую дверь.

«Слава богу, — подумала Ванда, — что мой чудак убежал. Хороша бы я была с половиной головы. Он бы точно решил, что я сошла с ума, вызвал бы «Скорую» — вот тут бы началось!»

Ванда смотрела, как постепенно линия невидимости опускается все ниже. Вирус уже съел щеки, верхнюю губу и зубы... «А ведь даже интересно, — подумала Ванда. — Но не стоять же мне у зеркала! Посмотрю-ка я новости...»

Она уселась у телевизора и, несмотря на то что ее подмывало снова вернуться в ванную, продержалась у экрана десять минут.

И только когда заметила, что лишилась рук, Ванда поспешила к большому зеркалу.

Это было бы смешно, если бы не было странно: Ванда существовала только до талии. Выше талии Ванды не оказалось. Какой молодец этот Минц! Надо будет ему сделать подарок.

Ванда зачарованно следила за постепенным своим исчезновением. И тут услышала, как в двери поворачивается ключ: вернулся Никита.

Нет, нельзя, чтобы он увидел ее ноги без туловища!

Ванда выбежала из ванной, на цыпочках промчалась на кухню и зашла за стол, так, что теперь ее ноги от двери не были видны. Ванде показалось, что Никита уже возится в коридоре. Сейчас он войдет...

Но Савич не вошел.

Вроде кто-то вошел, но Савича не было.

Ванда кинула взгляд вниз. На полу стояли только ее туфли, а ног уже не было. Сняв туфли, она осторожно вышла в коридор. Там никого не было, хотя казалось, что кто-то дышит.

Как ни странно, ни в тот момент, ни впоследствии Ванда не подумала о том, что Никита тоже может стать невидимым. И Савичу не пришло в голову, что его жена тоже бегала к профессору.

Ванда испугалась, что в доме кто-то есть, тогда как там никого не было видно. В одних чулках она выскочила наружу и только там вздохнула с облегчением. Она решила, что добежит до аптеки, там или по дороге домой перехватит мужа и начнет за ним следить.

Тем временем Савич, который, как можно догадаться, стал невидимым на несколько минут раньше Ванды и вернулся в таком виде домой, жены не застал и несколько встревожился. Неужели эта интриганка воспользовалась его отсутствием и убежала по своим развратным делам?

Савич опять вышел на улицу, размышляя, кому из приятель-

ниц или приятелей жена решила нанести визит. Но был так занят своими подозрениями, что не заметил исчезновения столика в прихожей, на который недавно положил полотенце.

Невидимый Никита Савич пошел по улице, разыскивая супругу.

Невидимая Ванда Савич шла к аптеке, разыскивая своего неверного мужа.

В аптеке Савича не оказалось. И Ванда вдруг подумала, что очень забавно подходить к людям, подслушивать их тихие разговоры, следить, как они встречаются и расстаются. И хоть она не нашла Савича, но вскоре настолько увлеклась исследованиями человеческих характеров, что забыла о муже. Вершиной ее приключений было выслеживание собственной заместительницы Раиски, которая побежала на свидание с Колядкиным. Ванда отправилась вслед за возлюбленными к Раиске домой и даже сидела с ними за столом, выслушивая нелестные сплетни о себе самой, но не обижаясь, так как быстро поняла, каким образом теперь возьмет весь магазин в ежовые рукавицы — ни одна сотрудница, ни один бухгалтер не скроются от ее повседневного и поминутного контроля. Даже ночью, даже в постели, даже за семью замками... Тут Колядкин возбудился и стал целовать Раиску, а потом они пошли в спальню, и, что удивительно, Ванда не испытывала никакого стыда, присутствуя при их акте любви, который она рассмотрела во всех деталях.

А Савич тем временем носился по знакомым Ванды. Это оказалось удивительно интересно, поскольку знакомые не подозревали, что находятся под пристальным наблюдением. На это ушло часа три. Ванду Савич не нашел, он был удивлен и встревожен тем, что ни в одном из подозрительных мест, ни с одним из подозреваемых лиц он свою жену не застал. Кого только и за чем только он не застал! А Ванды не было...

Так что часам к девяти он собрался домой.

Усталый, раздосадованный, он плелся по улице.

А с другой стороны к дому приближалась Ванда.

Они сошлись возле своего дома. Дом был собственный, еще крепкий, в три окна на улицу, с палисадником и сараем.

Никита шел с юга, Ванда шла с севера. У дома они и должны были встретиться.

Но тут Никита увидел, что на месте их дома ничего нет.

И Ванда, приблизившись с другой стороны, пришла к такому же заключению.

Разумеется, Савич не вспомнил, что он положил зараженное вирусом полотенце на столик в прихожей.

Он лишь кинулся к дому — в ужасе от того, что дом сгорел или

украден подобно автомобилю, но, налетев на забор, вскрикнул от неожиданности и боли.

Ванда, которая стояла рядом и в ужасе глядела на яму, которая образовалась на месте дома, услышала крик мужа и спросила:

— Это ты, Никита?

И тот ответил:

— Да, кажется, это я...

Через полчаса возмущенные супруги были у профессора Минца.

Они метались по кабинету, сталкивались, отчего на пол падала лабораторная посуда, книги и даже опрокидывалась мебель.

— Что вы с нами сделали?! — кричал Никита. — Кто вас присил лишать нас жилища?

— Не для того мой покойный папа возводил наш дом, чтобы вы его разрушили! — поддерживала мужа Ванда.

Отступивший в угол Минц забыл простую истину: супруги могут злиться, ругаться, даже убивать друг друга, но как только они видят общего врага, они обязательно объединяются и уничтожают противника совместно. Это биологический закон Вселенной.

— Ничего с вашим домом не случилось, — пытался защищаться Минц. — Он в норме.

— Его ваш вирус сожрал!

Возмущенные крики разносились по всему дому, и вскоре, открыв дверь без спроса, в профессорском кабинете появился Удалов.

— А чего плохого? — сказал он. — Невидимые хозяева невидимого дома! Сюжет для небольшого романа.

На это последовал взрыв негодования, но Удалов не смутился.

— Никита, Ванда, — обратился он к супругам-невидимкам, — к сожалению, я в курсе дела. Вы хотели друг другу насолить, вы проявляли недостойную подозрительность. Вы наказаны за ваши собственные грехи, и радуйтесь, что наказание такое мягкое.

— Вот именно, — сказал Минц, но из угла не вышел.

— А если это навсегда? — спросила Ванда.

— О нет! — воскликнул Лев Христофорович. — Клянусь вам, мною проведено множество опытов. Вирус погибает на открытом воздухе на третьи сутки.

На этом бой завершился. Удалов принес большую миску вермишели, чтобы покормить невидимок. Странно было смотреть, как пропадает из миски еда, как двигаются в воздухе вилки... Корнелий вначале думал, что будет видеть, как вермишель спускается по пищеводам, но ничего подобного — она исчезала уже во рту:

вирус набрал силу и научился действовать быстро и энергично. Он был в расцвете своих вирусных сил.

После обеда Ванда решила пойти в ванную. Она, конечно, верила Минцу, но сомнения ее не оставляли, как не оставляла и надежда. В ванной она разделась и принялась отчаянно стирать платье. От такой стирки кое-где платье приобрело частичную видимость, но пока Ванда отмывала свое тело, вирус восстановил утраченные позиции. И все снова стало невидимым. И когда Ванда возвратилась в комнату к мужчинам и со слезами в голосе призналась в провале своих попыток, Минц мудро заметил:

— Вирусы не отстирываются.

Никто, конечно, и не подумал тогда, что вирус ушел во время стирки в городскую канализацию!

С громадным трудом Удалову с профессором удалось уговорить невидимых супругов пойти домой и постараться заснуть. Савичи отказывались, пока виновник их несчастий и Корнелий не согласились проводить пострадавших до родного дома.

Прохожие, возвращавшиеся из кино или из гостей, с удивлением взирали на двух пожилых мужчин, которые, быстро шагая по улице, разговаривали на четыре голоса, причем один из голосов был женским.

Удалов понимал, что сердиться на Савичей не следует, даже если они грубят. Они живут в страхе: а вдруг это уже насовсем? А вдруг вирусы уже никогда не отстираются? Ты идешь рядом с супругом, которого любил или терпел последние сорок лет, а его на самом деле нет, только голос доносится черт знает откуда. Ты спешишь домой, но не уверен, что на самом деле дом существует. Быть невидимым в видимом мире — еще полдела. А попробуйте побыть невидимым в мире невидимых вещей!

Савич по голосу отыскал жену, провел пальцами по ее плечу и схватил за руку. Так они и шли, взявшись за руки, словно испуганные дети. Профессор с Удаловым об этом не догадывались.

Когда дошли до исчезнувшего дома Савичей, оказалось, что положение куда хуже, чем час назад. Не только дома не было, не существовало более и окружающей растительности, а на месте участка зияла черная пропасть, до дна которой не мог достать жалкий свет уличных фонарей. Невидимость подбиралась к соседнему дому, где в освещенных окнах виднелись люди, собравшиеся ужинать. Боковой стены дома уже не существовало, только жилы, сидевшие за столом, об этом пока не догадывались.

Удалов подавил готовый вырваться крик ужаса, но Ванда такого крика подавить не смогла.

— Пошли, — позвал ее Минц. — Не бойтесь. Все это лишь ви-

димось. Перед вами твердая земля, впереди — ваш родной дом. Вперед без страха и упрека.

— Нет! — отказалась Ванда.

— Как только мы войдем внутрь, все станет нормальным, — уговаривал Минц. Он отыскал ее в полутьме и подталкивал в спину. Даже странно, что такая горячая спина могла быть невидима! Ванда не расставалась с мужем и тащила его за руку. Удалов замыкал шествие.

Труднее всего дались первые шаги. Корнелий подумал, что путешествие над пропастью подобно ходьбе по стеклянному полу на высоте трех этажей. Надо привыкнуть, главное — не смотреть под ноги.

И все же он не выдержал и закрыл глаза. Наверное, все закрыли глаза, потому что одновременно ахнули, ударились о забор.

После этого стало полегче. Теперь руки ощущали. Теперь ноги чувствовали под собой дорожку, теперь уже пальцы сами отыскивали невидимый ключ в невидимом кармане, сунули его в невидимую скважину и толкнули, отперев, невидимую дверь. Дверь реалистически заскрипела...

Когда Савичи вошли в дом, где тесно и приятно сдвинулись стены, где можно было расставить локти в коридоре и ощутить обои, стало легче.

— Ложитесь спать пораньше, — посоветовал Минц. — И поговорите наконец откровенно. Ведь вы бы не попали в дурацкое положение, если бы не стремились выслеживать друг друга.

— Как так? — воскликнула Ванда.

— Как так? — ахнул Савич.

Только сейчас они догадались, как глупо себя вели.

— Ах, прости меня... — произнес Савич.

— Извинения потом. Нам с Корнелием пора уходить. Ложитесь спать и обменяйтесь впечатлениями.

— Что вы такое говорите? — вдруг обиделась Ванда. — Не хотите же вы, чтобы я стала раздеваться на глазах у всего города!

— Город вас не видит, и ему вообще не до вас! — сказал Минц. — Спокойной ночи!

Они с Удаловым ошупью покинули дом и ошупью вышли через калитку.

— Но вы уверены, что это пройдет? — крикнула вслед Ванда.

— Послезавтра, — пообещал Минц.

— А нельзя ли пораньше?

— Мы с вами подняли руку на Природу, — ответил Минц. — Это дело не выносит суеты.

Ванда растерялась и замолчала.

Минц потянул Удалова прочь от черного провала, который

был полон перепуганных голосов, так как невидимость сожрала уже половину соседнего дома и жильцы его, спохватившись, старались выяснить, что же происходит.

Минц и Удалов быстро пошли по улице.

— Я не мог говорить при них, — сказал Минц. — Но я крайне встревожен.

— А я просто напуган, — признался Удалов.

— Не сегодня-завтра наш Гусяр может исчезнуть!

— Люди не готовы, начнется паника, будут жертвы...

— Не паникуй, Корнелий. Сейчас придем ко мне, сядем и все обсудим.

К сожалению, сделать этого им не удалось. По очень банальной для Великого Гусяра причине: когда они подошли к дому № 16 по Пушкинской улице, то обнаружили, что дома № 16 нет, а на его месте зияет глубокий провал, захвативший также соседние дома. Более того, Удалов даже не был уверен, куда двигаться, чтобы нащупывать свой дом, на месте которого находилось лишь туманное зарево. Это вначале смутило, хотя потом Корнелий сообщил: ведь от того, что мир стал невидимым, лампы гореть не перестали.

Минц с Удаловым стояли посреди улицы.

— Там моя семья, — обреченно сказал Удалов. — Они ушибиться могут.

— Тогда надо действовать! — принял решение Минц.

Удалов открыл рот, чтобы выслушать внимательнее, что же предложит Минц, какое противоядие он отыщет, но тут с ужасом обнаружил, что перед ним стоит не Минц, а лишь правая половина Минца — левую уже сожрал вирус.

— Ты тоже, — грустно произнес Удалов.

— Не отвлекайся на мелочи, — сказал Минц. — Надо бежать на радио — объяснить народу.

Видимого Удалова пускать на радио не хотел вахтер. Но когда появилась четверть Минца, вахтер потерял сознание, а Удалов пробежал наверх, к диктору. Диктор тоже немного сопротивлялся. Пока не увидел осьмушку Минца. И тогда в эфир пошло спасительное предупреждение.

Сменяя друг друга, Удалов и Минц провели на радио всю ночь. Именно там был организован штаб по ликвидации последствий невидимости. Именно оттуда разлетались сигналы по всей стране, а потом, когда к утру исчез уже не только Гусяр, но и Вологда и невидимость начала подкрадываться к антиподам, то есть к австралийцам, Гусяр на несколько часов был признан столицей мира. Мира, который исчез...

Но главное не в этом.

Ни Удалов, ни Минц, ни правительство России не знали о том, что по странному, но предопределенному Природой стечению обстоятельств через сутки после первого радиосообщения: «Мы невидимы, но мы остаемся людьми!» — к Земле приблизилась на громадной скорости эскадра Черных Владык с неизвестной на Земле, но немало нашкодившей в Галактике Сизой Планеты Немедленной Смерти, которая поставила себе целью уничтожить Землю как будущего лидера Освобожденной Галактики. Однако злодеи не смогли отыскать Землю.

По всем данным, по всем звездным картам, по сведениям шпионов, Земля должна была находиться в определенном компьютерами месте. Но сколько ни вглядывались в темноту космоса капитаны Черных Владык, никакой Земли они не увидели. Тогда, казнив шпионов и осведомителей, сломав лживый компьютер, уничтожив весь запас спиртного и наркотиков, взбешенные негодья взяли курс в открытый космос. Будучи в невменяемом состоянии, они влетели в Солнце и сгорели без следа, открыв дорогу миру и прогрессу в масштабах всей Вселенной.

Об этом Удалову сообщили в Галактическом центре, куда он летал года через два после описанных событий.

Савичи живут в мире и согласии. Минц не испытывает никаких угрызений совести. Он передал пробирку с вирусом в ООН, и теперь войны на Земле невозможны. Ну как могут воевать невидимые враги? На ощупь?

ГОЛОВА НА ГРЕНАДИНЕ

— Корнелий, посмотри в окно! — приказала Ксения. — Вчера этого не было.

Корнелий Иванович Удалов подошел к окну и поглядел во двор.

Двор дома № 16 по Пушкинской улице Великого Гусяра, свидетель стольких событий (некоторые из них мирового значения), смотрелся обыкновенно.

Недавно прошел дождь — обыкновенный майский дождь, столь полезный при посадке овощей, листва на деревьях была еще свежей, сирень только собиралась расцвести, крупные капли, собравшиеся на блестящей поверхности стола для домино, отражали солнечные лучи. Стол был вчера покрашен белой масляной краской, сделал это старик Ложкин, который готовился к своему девяностолетию и думал, что именно за тем столом его будут чест-
вовать.

Поодаль от стола, ближе к сараю, возвышалось неземное растение, напоминавшее небольшой баобаб, с листвою голубого цвета и сиреневыми плодами, схожими с грушами.

— Ну что, это пришелец? — спросила Ксения.

— Вернее всего, пришелец, — согласился Удалов. — Мичурину такого не вывести.

Ксения, которая, как известно, лишена чувства юмора, спросила:

— Это какой Мичурин? Из сельхозуправления?

— Пойду вниз, — сказал Удалов. — Погляжу, зачем они прибыли.

— Странно, что прибыли, — заметила Ксения. — У них же ног нету.

— Все может быть.

— Ты к ним близко не подходи, а то еще какую заразу домой притащишь.

— Скорее всего, они к нам прилетели с добрыми намерениями, — ответил Удалов. — Видишь, на него голубь сел. И хоть бы что.

— А вдруг они, мерзавцы, замедленного действия? Через полчаса подохнет твой голубь.

Удалов не стал спорить с Ксенией. Она ведь женщина неумная, но если начнет спорить, за ней всегда останется последнее слово.

Спустившись на первый этаж, Удалов постучал к профессору Минцу.

Тот уже не спал, занимался зарядкой.

В последние недели Минц решил сгонять вес. Конечно, он мог изобрести радикальное средство: неделя — и пятьдесят килограммов долой! Но Минц как серьезный исследователь предпочел сначала испытать испытанные способы похудения, а потом уж изобрести что-нибудь свое.

Так что когда Удалов постучал к Минцу, тот стоял на голове и читал газету.

— Выходи, Лев Христофорович, — позвал Удалов профессора. — К нам опять пришелец залетел. Надо выйти на контакт, понять, в чем цель ихнего визита.

Минц даже не стал задавать ненужных вопросов. Рухнул всем телом на пол, восстановил дыхание и, запахивая халат, присоединился к Удалову.

Они вышли во двор. Было прохладно, даже зябко.

Странное растение по-жестяному шуршало листьями.

— Как оно тебе? — спросил Удалов.

— А как они прилетели, если ног нет? — спросил Минц.

— Опять двадцать пять! — возмутился Удалов. — Что вы, стоворились, что ли?

Он дотронулся до листика. Листик был холодным и скользким.

— Осторожнее! — крикнула из окна Ксения. — Может, он жжется.

— Нет, не жжется, — возразил Удалов.

И хотел сорвать грушу.

Но груша не сорвалась.

— Корнелий! — предупредил его Минц.

И тут груша рассыпалась в руке Удалова, и из нее прыснуло во все стороны облако микроскопических семян.

Минц отскочил.

А Удалов даже и не пытался отскочить.

Махонькие семечки комариными укусами вонзались в его подбородок, щеки и даже небольшой нос.

— Фу ты! — возмутился Корнелий Иванович. — Это еще что за агрессия? Так себя братья по разуму не ведут.

Он интуицией понял, что имеет дело с братьями по разуму, хоть и в растительной форме.

Растение — назовем его космическим гренадином, потому что его как-то надо назвать, а настоящего названия мы не сможем выговорить, — думало примерно так:

«Как приятно попасть на гостеприимную и теплую Землю, как славно увидеть аборигенов, таких здоровеньких и бойких. Как желательно включить их в собственную суть, сделать их одними из нас, чтобы мы вместе могли радоваться наполненности жизни, мирно философствовать и осваивать во благо местного населения все новые и новые космические тела. Вот этот, лысенький, курносенький, с проседью — он уже пронзен нашими стрелами любви, он скоро станет одним из нас, он присоединится к Мировой Яблоне. И счастье, владеющее нами, станет и его счастьем!»

Из этого внутреннего монолога нетрудно сделать вывод, что на Землю действительно угодили братья по разуму, готовые дружить с нашим населением и ждущие взаимопонимания. Сколько раз в ее истории приходилось сталкиваться с агрессорами, извергами, а то и просто скотами, но вот наконец повезло!

Удалов склонен к идеализации космической дружбы, он потянулся к растению, хоть и рассердился на уколы.

Минц устроен иначе. Он ученый, он ищет сути. Он допускает, что под личиной друга может таиться враг.

Поэтому он вытащил свой большой носовой платок, прикрыл им от летучих семян пришельца, а когда тот истощил весь запас, свернул платок вместе с захваченными орудиями агрессии и понес к себе. В это время во двор вошел новый редактор газеты

«Гуслярское знамя» Михаил Стендаль, сменивший ушедшего на пенсию товарища Малюжкина. Он публиковал с продолжением в своей газете мемуары Корнелия Удалова, Гражданина Вселенной. Писал их он сам — благо жизнь Корнелия Ивановича прошла на глазах горожан, а Удалов лишь уточнял детали.

— Что, — спросил он, — к Корнелию Ивановичу гости из космоса?

— Нет, — сказал Минц, который уже почти ушел со двора, — это, боюсь, агрессия.

— А красивое дерево, — заметил Стендаль.

Минц его не слышал. В дверях он столкнулся с некогда персональным, а теперь обыкновенным пенсионером Ложкиным. Тот и в девяносто лет держал себя орлом и строчил кляузы в центральную печать, на которые никто не отвечал.

— Милицию вызвали? — спросил Ложкин, который прищельцев не терпел и к космической дружбе относился враждебно. — Весь двор загадили. — Он подошел к растению и сказал ему в лоб: — Чего расселся! Тебя звали? А ну, собирай манатки и мчись на свой Альдебаран. Небось оттуда тебя метлой выгнали!

Растение мысленно поежилось.

«Странное существо», — подумало оно.

Оно попыталось мысленно дотянуться до Ложкина и поведать ему о вселенской любви, но не дотянулось, потому что до Ложкина еще никто не смог дотянуться.

Ложкин подобрал с земли камень и кинул его в дерево. Дереву не было больно, и оно отнеслось к поступку Ложкина с пониманием, так как увидело в нем мятушуюся душу одинокого старика.

Ложкин выругался нецензурно и пошел домой вызывать милицию.

Он так спешил, что растение не успело выпустить по нему серию острых стрелок-семян.

Михаил Стендаль наблюдал за этой сценой, не скрывая сардонической усмешки. Он подумывал о том, как напишет фельетон о г. Л., который площадно ругался с не понимающими его инопланетянами.

Улыбаясь, он поднялся на второй этаж, не заметив, что ему в затылок вонзилось несколько стрелочек — семян прищельца.

Инопланетное растение огляделось. Оно впервые попало в земную квартиру и было потрясено, как сложно, неудобно и даже бессмысленно живут люди на этой планете.

Глазами Удалова, ставшего уже фактически частью растения, оно осмотрело мебель, столь ненужную разумному существу, по-

суду, различные вещи и даже жалкие растения на окнах. А одежда — зачем же таскать на себе эти тряпки? Антигигиенично, некрасиво и унижительно!

Ксения спросила:

— Ты чего, Корнелий?

— Думаю, — ответил муж. — Думаю о том, что мы с тобой неправильно прожили жизнь.

— Начинается! Где ты еще этого нахватался?

— Мы мелочились, суетились, куда-то стремились. А зачем?

— А затем, чтобы до зарплаты дотянуть, — разумно ответила Ксения.

— Не опускайся на грязную землю, — попросил Корнелий супругу. — Ничего ты там не найдешь, кроме мелочности. Смотри вдаль.

— Корнелий, не заболел ли?

— Спустись вниз, подойди к посланцу Истины, убедись, насколько ты не права.

— Только этого мне не хватало! А кормить тебя, оболтуса, кто будет, Пушкин?

Удалов вздохнул, но не отчаялся. Как настоящий миссионер, он понимал, что миссии легкими не бывают. Сколько святых людей закончили свои дни на кострах, а то и в желудках каннибалов! Мысль Удалова, хоть и была подсказана растением, частью которого он уже становился, сохранила некоторую земную самобытность, потому что понятия каннибализма среди гренадинов не существовало.

Пришел Стендаль.

Он, конечно, значительно отстал от Удалова в процессе превращения в инопланетное растение, но был на верном пути.

— Будем трудиться? — спросил он.

Удалов посмотрел на него ясным взором и произнес:

— А есть смысл вообще в воспоминаниях? Разве не отвлекают они нас от слияния с Космосом?

— Странно, — ответил Стендаль. — С одной стороны, я положил немало сил для того, чтобы запечатлеть для потомков ваши героические деяния...

— Ах, оставьте! — ответил Корнелий Иванович. — Мне теперь стыдно даже думать о том, на что ушла моя жизнь, вернее, ее первая половина.

— Понимаю вас, понимаю, — согласился Стендаль. — Но жалко, а?

— Нет, не жалко!

Ксения смотрела на мужа и Мишу, не понимая, что с ними случилось. Разумеется, она не связывала это поведение с приле-

том во двор инопланетной штуки. Но была встревожена. Тем более что и Корнелий, и Миша категорически отказались поесть.

Тут со двора донеслись голоса.

Внутренним чутьем — а ведь Корнелий был теперь связан невидимыми нитями с главным деревом — Удалов понял, что шум связан с инопланетным гостем.

Оказывается, пришел милиционер Пилипенко-младший, тут же к нему присоединился Ложкин.

Милиционер был в бронежилете, с дубинкой и автоматом.

Это не означает, что такое вооружение ему было необходимо в мирном Гусяре, но раз такое завели в Москве, то мы ведь не хуже? Мы этого достойны?

Милиционер обследовал дерево, не подходя к нему близко, за ним ходил Ложкин и громко ругался на то, что во двор уже выйти стало нельзя, так все загадили, а спросить надо с Удалова, потому что тот приманивает непрошенных гостей.

Дерево, конечно же, слушало этот разговор и не все понимало, однако ему было неприятно ощущать отрицательные эмоции Ложкина, и потому оно принялось кидать в Ложкина стрелки, не забыв, конечно, и о милиционере.

Ложкин пострадал почти сразу, но не заметил в пылу битвы, а вот сержант Пилипенко-младший устоял, так как был в бронежилете, а его семенами, даже космическими, не пробить.

Вышел Минц.

— Я согласен с Ложкиным в одном, — сказал он милиционеру, — мы не знаем действительных целей этого синего монстра. Хочет ли он нас любить или будет поработать?

— Любить! — крикнул со второго этажа Корнелий.

— Я согласен с мнением предыдущего товарища! — поддержал его редактор газеты.

— В любом случае пускай знает свое место, — сказал Ложкин, который еще не переменялся, а продолжал упорствовать. — Пускай убирается на площадь или к музею, чтобы не создавать угрозы.

— Ну что ты говоришь! — крикнул сверху Удалов. — Ведь оно прилетело к нам, чтобы научить нас любви и покою, а ты говоришь — не создавать угрозы!

— Корнелий! — строго окликнул его профессор. — Что это означает? Ты почему с нами за инопланетянина говоришь?

— Что чувствую, то и говорю, — ответил Корнелий.

— Надо убирать, — согласился Пилипенко.

Растение немного встревожилось и выпустило в него весь запас семян.

А в душе Ложкина шевельнулись сомнения: правильно ли он делает, нападая на это красивое инопланетное создание?

Это значило, что семена пустили корешки и душа Ложкина постепенно прониклась благородными чувствами, свойственными растению гренадин.

Пока сомнения шевелились в Ложкине, приехала пожарная машина, пожарные были одеты в брезентовые робы, растение не смогло обратить их в свою веру, так что пришлось вмешаться Удалову, а уж потом на помощь к нему пришел Стендаль.

Но Пилипенко-младший был неумолим. Ему давно надоели инопланетяне. Они нарушали порядок в городе. В любой момент могло приехать начальство из области, а кому тогда отвечать? Пилипенке!

Так что пожарники для видимости порубили растение топорами, топоры затупились, а результаты были нулевыми.

Приехал бульдозер.

К тому времени в душе Ложкина произошли перемены, и он полностью перешел в стан защитников инопланетянина. Он кричал на пожарников и бульдозериста, а также грозил написать куда следует.

Вернулась с работы Гаврилова, в нее растение пустило несколько стрел, а заодно попало Ксении, которая пошла в магазин за молоком.

Бульдозер опустил лопату и пошел на растение гренадин штурмом. Растение покачнулось, но выдержало удар. Ему было больно и горько сознавать, что в ответ на любовь и ласку люди стараются сделать больно.

Правда, оно не отчаивалось, так как среди людей у него были верные друзья.

С третьей попытки бульдозер сломал лопату, бульдозерист Кравченко вылез из машины, пошел к растению, поддал по нему сапогом и получил свою порцию семян.

Пилипенко пошел звонить в воинскую часть, чтобы прислали танк с огнеметом, а также вертолеты. По наущению Минца он полагал, что Земля подверглась нашествию хуже Батыева.

Смеркалось. В небе над Великим Гусяром прошел военный вертолет, подготавливался штурм.

Удалов и его товарищи расставили стулья вокруг инопланетянина, решив провести так всю ночь и, если нужно, закрыть дерево уже не очень нужными телами.

Они молчали, потому что за последние часы научились передавать на расстояние мысли и читать мысли своих товарищей.

И мыслили они едино.

Удалов, а с ним вместе Стендаль, Ксения, Ложкин, Гаврилова,

бульдозерист Кравченко, дети из второго подъезда, почтальон и еще восемь человек, включая супругов Савичей, которые вовремя пришли в гости к Минцу, но потом раздумали у него пить чай, размышляли: «Насколько наивны потуги личностей, недовольных той внутренней свободой, гармонией и миром, которые принесли на Землю добрые посланцы Вселенной! Ведь они неизбежно потерпят поражение и станут частью всемирного братства духа и благородства. Что такое буддийская нирвана? Это и есть цель освобождения от чувств и, главное, желаний. Цель — быть одним телом и одной душой. И ничего не хотеть, кроме того, чтобы заполнить мир морем благожелательности. Нужны ли привязанности? Нет, конечно! Они нарушают гармонию покоя! Нужна ли сама жизнь? Только постольку, поскольку она не мешает слиянию душ в полном бездействии. Вот, оказывается, к чему должно стремиться человечество! И оно этого достигнет».

Лишь профессор Минц понимал, что терпит поражение, что его друзья и соседи мысленно сдались перед растением и даже готовы отдать ему все, что есть у них дорогого.

Профессор вышел во двор и увидел, как Корнелий Удалов подошел к растению, протянул вперед руки и вошел в его ствол.

— Ах! — воскликнул профессор.

Но ничего не смог поделать. Исчез Удалов. Слово его и не было.

Тут поднялась Ксения Удалова. Она не смотрела по сторонам, да и на нее никто не смотрел. Слово робот, она двинулась следом за мужем.

— Какое счастье, — произнесла она в тот момент, когда ее грудь коснулась ствола растения гренадин.

И так, один за другим, в дерево вошли шестнадцать жителей Великого Гусляра.

Минц ничего не сделал. И не мог ничего сделать. Он понимал, что бессилён победить законы Галактики.

Только немые горькие слезы медленно стекали по его тугим щекам.

Снова затрещал мотор вертолета. Он шел низко, словно собирался пустить ракету.

И тогда, опомнившись, Минц побежал к себе, набрал номер секретного телефона воинской части и потребовал, чтобы приготовления к штурму инопланетного растения были прекращены. Там, в растении, люди.

— Оно их сожгло? — в ужасе спросил дежурный по части.

— Нет, — ответил Минц, глотая слезы, — они сами с ним слились. Теперь мы имеем дело не только — и не столько — с пришельцем, сколько с коллективом, в котором на каждого пришельца приходится больше десятка наших граждан.

Дежурный по части не поверил, и Минцу пришлось дозваниваться до Министерства обороны, благо у него там были друзья.

Бомбардировку Великого Гусляра было решено отложить до утра, а пока выслать квалифицированный десант.

Ах, как сладко и мирно было Удалову в чреве растения. Слово он, прожив на свете больше шести десятков лет, вернулся в утробу матери. Его мысли, слившись с мыслями растения, устремились к совершенству. Он понял, будучи частью Великой Яблони, какова высшая цель овладения Вселенной — всеобщее счастье, лишенное желаний и мелкой житейской суеты.

Удалов знал, что рядом с ним наслаждаются нирваной его соседи и иные жители Гусляра, которые, конечно, уже не жители этого безумного городишки, а атомы, молекулы великого Растения.

Коллективным взором Удалов и прочие молекулы Растения увидели, как с первыми лучами раннего солнца из дома вышел удрученный профессор Минц. Он был в драповом пальто, надвинутой на глаза шляпе и черных очках — ох и трудно добраться до него нашим семенам!

А Минц, в свою очередь, увидел такое, что чуть не рухнул на землю в беспамятстве.

За ночь дерево обзавелось плодами.

На его ветвях росли плоды, имевшие явное сходство с головками известных Минцу людей. Вот висит груша — головка Корнелия Ивановича. А в том, еще зеленом плоде можно угадать черты старика Ложкина. На лицах — сладкая отрешенность. Глаза закрыты. А улыбки! Улыбки у всех были схожи — это были улыбки небызывестной Джоконды.

Минц осторожно постучал костяшкой пальца по щеке Удалова.

— Корнелий, ты меня слышишь? — спросил он.

Плод не реагировал.

Минц подергал за грушу. Удалов крепко висел на черенке, который поднимался из его темечка.

Сильнее дергать Минц не решился — а вдруг повредит старому другу.

Тут над двором снизился вертолет, и из него по веревочной лесенке спустились несколько генералов.

Они долго стояли вокруг растения и качали головами. С одной стороны, они признавали, что гуманность требует оставить растение в покое, с другой — что гуманность требует уничтожить растение огнеметами или направленным ядерным взрывом, чтобы оно не поймало в свои сети других российских граждан.

Решено было перенести обсуждение вопроса на Совет безо-

пасности при президенте, засекретить явление, ввести карантин в пределах домовладения № 16 по Пушкинской улице и подтянуть к Великому Гусляру отдельную парашютную бригаду.

После этого во дворе был накрыт походный стол для генералитета, за который пригласили профессора Минца и замгорпреда Лидию Ли, железную женщину и корейскую мисс Пхеньян, о чем разговор как-нибудь будет особый.

Напившись, генералы попытались сорвать плоды с дерева, но не преуспели, зато (так как гуляли без бронежилетов) к концу пирра три генерал-полковника и генерал армии Гремящий были условно заражены сознанием всеобщего мира и покоя и отказались улететь в Москву. Вместо этого они ринулись к дереву и влились в него.

Дерево склоняло ветви под тяжестью земных плодов, а в Министерстве обороны было решено скрыть от общественности и президента исчезновение ряда руководящих военачальников, благо на их места были желающие.

Генералы, влившиеся в общую песнь счастья, также превратились в плоды Яблони и, покачиваясь под налетевшим ветерком, спокойно и отстраненно размышляли о ненасилии.

Сама же яблоня была преисполнена счастья, потому что еще вчера и мечтать не могла о таком числе и качестве неофитов с Земли.

В этом месте нашего рассказа читатель почти наверняка ждет парадокса. Он понимает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а космические яблони прилетают, чтобы завоевать нас и превратить в безгласных рабов. Вот-вот, понимает читатель, Яблоня проявит свою истинную дьявольскую сущность, и лишь профессор Минц с газовым баллончиком в руке будет противостоять страшному нашествию.

Я должен разочаровать читателя.

В глубинах Вселенной существует не только злобный разум, стремящийся всех завоевать и растоптать. Выше его расположен уровень всеобщего счастья и благоденствия. Разумеется, внедрение счастья проходит не всегда гладко, но уже есть положительные сигналы. И не исключено, что в обозримом будущем вся наша Галактика станет великим садом нирваны.

Яблоня, которая стояла во дворе дома № 16 по Пушкинской улице, желала людям только добра.

И те, кто стал ее плодами, осознав это счастье, ни к чему не стремились, не ждали пенсии, не желали купить путевку в Анталию, не хотели крошки или жениться.

За последующий день в Яблоню влились три кота, собака Жулик, затем ее хозяйка, которая искала Жулика, несколько любо-

пытных прохожих и ворона, севшая нечаянно на голову Ксении Удаловой.

В оцепленном войсками дворе было тихо, на скамеечке сидел последний непревращенный и неэвакуированный жилец — профессор Минц. Ему было жарко в пальто, но осторожность не мешала. И хотя Лев Христофорович уже пришел к тем же выводам, что и мы с вами, его настроение не улучшилось.

Ведь он потерял лучших друзей, он потерял добрых соседей, он был на грани того, чтобы потерять всю нашу планету. Вон они, свежие ростки, что появляются рядом с Яблоней. Ведь ей тоже приходится расширяться, чтобы поглотить население Российской Федерации.

Минц гулял вокруг Яблони, увертываясь от семян, вглядываясь в лица плодов. Нет, они все так же безмятежны. Яблоню можно, наверное, взорвать, выжечь, но это приведет к убийству. И вернее всего, она поглотит человечество раньше, чем оно решится ее уничтожить.

— Детей жалко, — сказал Минц.

Яблоня ответила ему телепатически:

— Вы их не жалейте, радуйтесь за них, профессор. Вместо опостылевшей школы, вместо перспективы унижительных переэкзаменовок в институте, вместо пустых переживаний юных лет они получают покой сразу, без промежуточных ступеней. Они окажутся мудрее вас, Лев Христофорович. Они уже с детства избавятся от желаний и связанных с ними страданий. И человечество не будет знать ни болезней, ни смерти...

— Ни радостей, — вставил Лев Христофорович.

— Каждая радость кончается разочарованием и горем, как каждая любовь завершается разлукой, а жизнь — смертью, — мудро ответила Космическая Яблоня, и все многочисленные плоды на ее ветвях закачались, подтверждая неизбывную мудрость этих слов.

Минц понял, что потерпел поражение.

— А что дальше? — спросил он.

— Дальше — расширение числа счастливых. Добровольное, неспешное, радостное.

— Но начнутся конфликты!

— Мы и это предусмотрели. Ведь ребенок отказывается принимать пилюлю, потому что не понимает, что она принесет избавление от болезни.

— И что же вы придумали?

— Мы думали все вместе, — ответила Яблоня. — И по совету генералитета, что висит на моих ветках, решили принять участие

в парламентских выборах в России. Мы приведем к победе партию Счастья. Партию Безмятежности. Партию Изобилия.

— Какое уж тут изобилие!

— Вы не поняли нас, профессор, — ответила терпеливо Яблоня. — Изобилие определяется не абсолютным количеством вещей, а желанием их иметь. Абсолютное изобилие достигается тогда, когда людям ничего не нужно. Нет у них желаний, и все тут!

— Парламентские выборы... — произнес Минц. — А потом?

— Если они не дадут нам полного охвата счастьем всего населения, выдвинем себя в президенты, — ответила Яблоня.

И тогда Минц махнул рукой и пошел домой.

Он решил присоединиться к друзьям.

Он прошел в свой скромный кабинет, выключил факс, отсоединил компьютер, кинул в корзину неотправленные письма и недописанную статью. Ведь статьи не нужны в мире, где все проблемы решены, а цели достигнуты.

Тут его сморил сон, и он задремал на диване, не снимая драпового пальто.

И он не ведал о том, что происходило во дворе дома № 16.

Если ты находишься в состоянии полного счастья, то тебе не требуются не только крошка и пальто, но и сон.

Так что все плоды находились в состоянии сладкого полусна и могли бесконечно рассуждать о личном счастье и ненужности движений.

Этим занимался и Корнелий Удалов.

Висел и наслаждался.

Потом вдруг — сам не понял, как это произошло, — его посетила совершенно чужая и ненужная мысль: а как там Ксюша, не дует ли ей?

— О нет! — ответила Яблоня, услышав, разумеется, мысль Корнелия Ивановича. — Ваша бывшая супруга, а ныне равноценный плод Ксения наслаждается нирваной, как и вы сами.

Этот ответ, конечно же, порадовал Удалова, но тут до него, как сквозь сугробы и большие расстояния, долетела мысль Ксюши:

— А выключила ли я холодильник? Ведь так до конца месяца счет придется платить. — И тут же мысль перетекла в другую: — Как там сын Максимка, который собирался в Томск?

— А какое нам с тобой дело до Максимки, Томска и холодильника? — мысленно сказал бывшей жене, а ныне яблоку Корнелий. — Никакого!

— Никакого! — согласилась Ксения и обеспокоилась: — Ведь кошка не кормлена.

А тут еще все плоды пронзила мысль генерала армии Гремящего:

— Завтра придут мастера делать туалетную комнату на даче! Кто их встретит?

— Кому нужны твои мастера! — почти закричала Яблоня. — Ты же наконец достиг счастья!

— Так точно, — согласился генерал, зато другой генерал, интендантский, пожилой, подумал, что его молодая любовница как-то дурно и подозрительно улыбается адъютанту Смирнову. Но пока Яблоня гасила эту глупую и ненужную мысль генерала, замешкали мысли нескольких мальчишек, которым почему-то понадобилось лезть на стрельбище за пулями, а тут еще Гаврилова возмутилась поведением сына, который вознамерился снова жениться и разминивать жилплощадь.

— Ну на что тебе жилплощадь, женщина! — закричала, мучаясь, Яблоня.

— И то дело, — согласилась Гаврилова. — А где же я жить буду?

И тут свершилось!

Оказывается, все плоды, насладившись счастьем, принялись думать неправильно. Всю жизнь эти люди стремились к счастью и покою, а вот получили — и на тебе!..

Проснувшись на рассвете, профессор Минц сбросил пальто, костюм и даже ботинки и в одних трусах пошел сдаваться Счастью.

Было зябко, и дул пронзительный ветер.

Яблоня съежилась, почернела и дергалась под порывами ветра.

Последние плоды с глухим стуком падали на землю.

И подобно тем, что упали раньше, превращались в сонных жителей Гусяра и других городов.

Люди поднимались, отряхивали с себя пыль и, не глядя на дерево, уходили прочь.

Даже Минца никто не узнал, кроме Корнелия, который, спеша домой, кинул обнаженному профессору:

— Иди, иди в тепло. Простудишься! Космический эксперимент, к счастью, провалился.

— Ты сорвался с Яблони! — догадался Минц.

— Разумеется! — ответил Удалов. — Ведь завтра с утра на рыбалку!

Космическая Яблоня крикнула телепатически:

— Вы еще об этом пожалеете, дикари!

Она подобрала ветви и, превратившись в маленький космический корабль, ринулась к звездам.

Этого тоже никто не заметил.

Да и кому замечать, если все уже ушли со двора.

Даже профессор Минц.

ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ ВОПРЕКИ

В девятом классе Кристину Чистову оскорбил Трофим Денисов с задней парты. При всех на большой перемене он дернул Кристину за толстую тугую косу и спросил:

— Ну что, крысенок, пойдешь со мной на танцверанду?

Кристине было больно и стыдно. Она развернулась, попыталась вырвать косу из пальцев обидчика и ткнула его кулачком в нос. Денисов отклонился, а все стали смеяться.

Этот инцидент переполнил чашу терпения Кристины и ускориł рост ее самосознания.

Придя домой, она взяла тайком мамины портновские ножницы и одним движением отрезала свою косу — символ девичьей чистоты и скромности.

Мама увидела свою дочку в новом облике, когда вернулась со службы.

— Не волнуйся, мама, — сказала Кристина. — Я нашла свой путь в жизни. Отныне я стану мстительницей за все унижения и обиды, нанесенные женщинам этими... мужчинами.

— Как же ты будешь мстить? — испугалась мама.

— Я превзойду их во всех начинаниях, которые мужчины считают своими, я заставлю мужчин покорно лечь у моих ног.

— Но сила женщины в ее слабости, — сказала разумная мама. — Мужчина готов лечь у ног женщины именно потому, что она слаба и беззащитна.

Но Кристина не приняла этого парадокса. Она уже вышла на тропу войны.

— В жизни женщины всегда найдется место мужскому подвигу, — сказала она и подняла пылившиеся в углу гантели.

С того дня Кристина перестала улыбаться, перестала общаться с мальчиками иначе как на стадионе или за шахматной доской. Она вставала с петухами, бежала три километра по берегу реки, затем, независимо от температуры воды, ныряла в быстрый поток и трижды переплывала реку туда и обратно. Затем прыгала с шестом, решала шахматные задачи, включала тренажеры и на обед съедала полведра овсяной каши. Кристина не избегала стычек и потасовок, и вскоре молодые люди стали избегать ее, чтобы не хо-

дить с расквашенным носом или подбитым глазом. Но больше всех доставалось, конечно же, первому обидчику, из-за которого Кристина лишилась косы. Земля горела у него под ногами, и в результате он убежал наемником в Приднестровье, полагая, что нет горячей точки горячее, чем вторая средняя школа города Великий Гусляр.

Разумеется, у Кристины появились поклонницы и последовательницы, и она ходила, окруженная стройными боевитыми девчатами.

В десятом классе Кристина без труда выиграла первенство города по шахматам, подводному ориентированию, боксу, поднятию гири и карате.

Кристина получила золотую медаль за окончание школы, в городе воцарился порядок, так как мужчины перестали сквернословить, не смели поднять руку на слабого, а иначе через пять минут на месте происшествия появлялся летучий отряд «крестинят», и мужчина вылетал из города, а возвратиться туда он мог только на коленях.

Кристина расцвела, она казалась старше своих семнадцати лет, она стала подумывать о спутнике жизни, но объявила родным, что согласится выйти замуж только за принца — при условии, если принц признает ее в семье главной.

Программа Кристины была убедительной, но в Великом Гусляре принцев не водятся, их даже в области нет.

В ожидании принца Кристина хотела бы совершить еще несколько подвигов, но для этого в Гусляре также не было возможностей.

И тогда Кристина, оставив город на своих учениц, попрощалась с родителями и отправилась в Москву.

В автобусе она оказалась рядом с Корнелием Ивановичем Удаловым, который в детстве качал ее на коленях. Удалов ехал в столицу на конгресс организации «Гринпис», которая занимается охраной экологии от людей. Так что вместе землякам пришлось пробыть более суток.

За это время Кристина немало рассказала о себе, а Удалов внимал ее речам. Другому Кристина и не стала бы рассказывать о своих мечтах, но дядя Корнелий был в Гусляре исключением — он много раз летал на другие планеты, был известен в Галактике, хотя преимуществ из своей уникальной судьбы не извлек.

Ставя себе Корнелия в пример, Кристина говорила:

— Я вижу свое ближайшее будущее как восхождение от подвига к подвигу до тех пор, пока в последнем усилии я не отыщу себе достойного спутника жизни.

— И как же ты себе это конкретно видишь?

— На моем месте сказочный богатырь сначала одолел бы Соловья-разбойника, потом победил в бою Змея Горыныча, наконец убил бы Кощея Бессмертного, чтобы освободить свою суженую. Любой из этих подвигов мне по плечу. Не хватает пустяка — нет драконов, плохо с Кощеями и Соловьями.

— Я так думаю, — сказал Удалов, когда они стояли на платформе станции Дальнебродная в ожидании московского поезда, — что даже в ископаемые времена все эти подвиги совершались в переносном смысле. Иначе нам с тобой пришлось бы верить в сказки. На самом деле богатыри не гонялись за драконами, а сводили счеты между собой.

— Ой, не путайте меня, дядя Корнелий, — рассердилась красавица, — в жизни всегда найдется место подвигу!

— Твой подвиг заключается в том, чтобы успешно поступить в институт, учиться на «отлично» и стать полезным членом общества. Полезнее, кстати, чем любой мужчина.

Пришел поезд, они сели в один вагон и ехали в одном купе.

— Куда же мы решили поступать? — спросил Удалов, когда они проезжали Вологду.

— Есть несколько вариантов, — искренне ответила девушка. — Я еще не решила, где труднее — на боксерском факультете Института физкультуры, в Воздушно-десантной академии или в училище водолазов. Возможны и другие варианты.

Удалов с трудом сдержал улыбку. Он не посмел сказать Кристине, что одно дело — быть первым парнем в Гусляре, а совсем другое — попасть в первую десятку в столице России.

Утром, перед приездом в Москву, девушка проснулась свежая, бодрая, готовая к испытаниям. На каком-то полустанке она сознательно отстала от поезда и затем бежала рядом со своим вагоном шестьдесят километров до следующей станции. И почти не запыхалась.

Вернувшись в вагон и умывшись, Кристина сказала Корнелию Ивановичу:

— Кажется, я придумала сказочный подвиг, до которого не только не додумался, но и не мог додуматься ни один мужчина.

На все вопросы Удалова девушка лишь загадочно улыбалась и отмалчивалась, что, разумеется, вызывало тревогу в Удалове. Все-таки он нес определенную ответственность за девушку и не хотел, чтобы она погибла.

Так что Удалов решил проследить за Кристиной.

Кристина спустилась в метро, Удалов, попрощавшись с ней, тут же вошел в следующую дверь. Кристина сошла на станции «Чистые Пруды», Удалов последовал за ней. Несколько раз Кристина заглядывала в путеводитель и в конце концов добралась до мага-

зина «Инструменты» на Мясницкой улице. В магазине она пробыла минут пять, что-то купила, но Удалов дежурил на другой стороне улицы и не смел приблизиться, чтобы не быть замеченным.

Затем Кристина, сверяясь с путеводителем, спустилась к Лубянке, пересекла площадь по подземному переходу, вышла на Никольскую и оттуда проследовала к ГУМу, куда, к удивлению Удалова, заходить не стала, а пошла через Красную площадь, печатая шаг по брусчатке.

Удалов следовал за ней, отстав метров на сто.

Кристина зашла за Исторический музей и там, как увидел Удалов, заняла очередь в Мавзолей Ленина, который был открыт ежедневно до тринадцати часов.

Удалов, недоумевая, зачем Кристине понадобилось побывать в Мавзолее, тогда как она ранее ничем не выделялась своих политических воззрений, встал в очередь в десятки человек сзади.

Через полчаса они дошли до Мавзолея.

Удалов так и не придумал объяснения нелогичному поступку девушки.

Кристина влилась в Мавзолей, следом за другими туристами.

Удалов, шедший сзади, мог за ней наблюдать.

Оказавшись в замкнутом низком помещении центрального склепа, Кристина неожиданно кинулась к хрустальному гробу, подсвеченному изнутри. Владимир Ильич лежал в гробу, закрыв глаза и мирно сложив на груди желтоватые руки.

Неужели Кристина решила отомстить ему как главному мужчине Страны Советов?

Не успел Удалов сообразить, что к чему, как несколькими сильными ударами молотка, купленного в «Инструментах», девушка разбила высокую крышку саркофага.

Вокруг закричали испуганные туристы.

— Всем стоять! — приказала Кристина.

Ошарашенные туристы и караул замерли.

И тогда девушка Кристина семнадцати лет, мечтавшая о сказочном подвиге, способном уничтожить мужское превосходство на планете, а также искавшая себе настоящего принца, склонилась к голове Ильича и уверенно, смачно, чувственно поцеловала мужчину, спящего вечным сном в хрустальном гробу.

И все увидели, как дрогнули ресницы Владимира Ильича, открылись его карие с припухлой добрые глаза и как шевельнулись его губы, произнеся:

— Это вы меня целовали, товарищ девушка?

— Я, Владимир Ильич, — ответила Кристина.

— Большое спасибо, товарищ...

— Кристина.

— Вот именно, товарищ Кристина! И долго ли я проспал? Вокруг люди принялись хлопать в ладоши. Кричали «ура!».

Кристина остановила крики, подняв вверх руку.

— Знаете ли вы, Владимир Ильич, что отныне вы мой жених? — спросила она.

Со всех сторон надвигались люди в штатском и в белых халатах. У них в руках поблескивало оружие.

— Этого не может быть! — кричал на Ленина бородатый профессор с гранатометом. — Вы же умерли навсегда!

— А вот с этим мы еще поспорим, голубчик! — возразил Ильич, садясь в гробу и опуская ноги в черных ботиночках. — Если вы хотели вечности, то надо было закапывать меня в землю, как человека. Теперь же мы еще посмотрим, кто кого, господ-товарищи!

Охрана и медики хотели стрелять, но они не знали, что имеют дело с чемпионом Великого Гусляра по борьбе и карате. Раскидав противников, Кристина протянула Ильичу руку. Он крепко схватился за девушку, и она повела Ильича наружу. Толпа зрителей становилась все гуще, и многие тянули к Ленину книжки для автографов.

Вышли на улицу.

Кристине пришлось взять Ильича на руки — он был легкий, почти невесомый, видно, все внутри ссохлось, да и ходить отвык.

— К Спасским воротам! — приказал он.

Кристина пронесла его по узкой дорожке вдоль Кремлевской стены, и Ленин сокрушенно качал головой, дивясь тому, как безжалостно обошлось время с его соратниками по борьбе — от них остались только мраморные плитки с датами жизни.

— Товарищ Кристина, — спросил Владимир Ильич, — скончалась ли моя супруга Надежда Константиновна?

— Давно уже, — ответила Кристина. — Я памятник ей видала.

У Спасских ворот Ленин попросил поставить его на ноги.

— Я должен идти сам, — сказал он. — До свидания, товарищ, спасибо за помощь.

— Но ведь я тебя разбудила поцелуем!

— По личным вопросам попрошу ко мне в четверг в приемные часы, — отрезал Ильич.

Пошатываясь под ветром, Ленин поспешил в Кремль. Часовые у входа взяли под козырьки. Кристина опечалилась.

Удалов подошел к ней и положил ладонь на плечо.

— Не грусти, — сказал он. — Ты совершила беспрецедентный поступок.

— Но он даже не заметил... И история человечества пойдет дальше тем же ходом.

— А вот об этом мы узнаем в ближайшие дни, — сказал Удалов.

ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕГО

В последние годы Лев Христофорович Минц, профессор, проживающий в городе Великий Гусляр, сделал несколько бытовых открытий из породы тех, что публикуются в журналах для сельских жителей под рубрикой «Сделай сам». С той лишь разницей, что в журналах помещают плоды деятельности практичного, но банального ума, тогда как ум профессора отличается гениальностью и непрактичностью. Стремление ходить лишь нехоженными тропами не раз приводило гения на край пропасти.

В отличие от иных изобретений и открытий Минца, нижеследующие не нашли житейского применения. Может быть, к счастью для всех нас. Но в истории Великого Гусляра они остались как яркие страницы.

Идеальная крыса

Дело в том, что многие свои гениальные шаги Лев Христофорович совершает во сне, когда ничто не мешает его утомленному дневными делами мозгу творить в свое удовольствие.

Примерно между тремя и четырьмя ночи восемнадцатого октября прошлого года Лев Христофорович сделал одно великое изобретение.

Суть его состояла в следующем: профессор нашел способ изготавить средство, которое излечивает человека от всех болезней. Да-да, вот такой пустячок! Но смеяться может лишь тот, кто не знаком с другими изобретениями профессора и не знает, что профессор давно уже как без пяти минут лауреат Нобелевской премии.

В половине четвертого мозг Льва Христофоровича поставил точку. Теперь осталось лишь запустить средство в серию.

И тогда прозвучал Голос:

— Остановись, профессор!

— Вы кто такой? — спросил профессор.

— Я — сама Судьба. Я Голос вечности и в то же время я — твой внутренний голос.

— Почему я должен остановиться?

Профессор оглянулся. Он отлично понимал, что находится во сне, но тем не менее вокруг расстилался незнакомый пейзаж, а освещение было неярким, без источника. Тело профессора не отбрасывало тени, хотя он пребывал в стоячем положении. Было прохладно, но не дуло.

— Ты намерен завтра утром поделиться со своими друзьями средством от всех болезней? — спросил Голос.

— Да, я собирался так поступить.

— Знаешь ли ты, что обрекаешь этим друзей на смерть?

— Еще чего не хватало! Я же первым отведаю это средство!

— Тогда первым погибнешь ты, а уж потом твои друзья, которыми ты успеешь разлить по восемь капель.

— Но в чем дело? Я все просчитал. Мое средство безошибочно излечивает от всех недугов.

— В этом его главное ужасное свойство! — сообщил Голос и растворился в бледном тумане.

Минц не стал просыпаться сразу, а поспал еще до семи часов, потом поднялся, попил кофе и надолго задумался. Как он ни крутил, получалось, что он прав, а Голос не прав.

И все же профессор не стал рисковать. Он достал из угла клетку с белой подопытной крысой, о существовании которой его внутренний голос, оказывается, знал, и влил ей три капли средства от всех болезней.

Когда утром по просьбе Минца к нему пришли его друзья Удалов и Грубин, Минц сидел за столом, а у его ног на полу лежал лист белой бумаги. На листе покоиласьдохлая крыса.

Удивленным друзьям Минц предложил кофе, а когда они отказались, поведал о своем приключении.

— Как видите, — сказал он, завершив рассказ о Голосе, — я проверил его предупреждение. Крыса умерла.

— Сразу? — спросил Саша Грубин.

— Нет, — ответил Минц. — Сначала крыса совершила несколько бодрых и веселых прыжков, побегала по кругу, попросила у меня пищи, но не приняла ее, а глубоко вздохнула и померла.

— Так что же случилось? — спросил Корнелий Удалов.

— Я усиленно думал и догадался, — ответил Минц. — Ведь раз это был внутренний голос, значит, внутри меня эта догадка уже существовала. Но мне было жаль отказываться от великого изобретения, каждому хочется примерить тогу спасителя человечества...

— Короче! — взмолился Грубин. — Я на автобус опаздываю.

— Крыса подохла потому, что нормальное состояние любого человека, включая крыс, — ненормальное, болезненное! Не может живой организм существовать без аномалий. Ты влюбился —

у тебя началась лихорадка, ты скучаешь — тобой овладевает меланхолия или понос, ты испугался — у тебя страдает мочевой пузырь. Любое действие организма — ненормальность. Потому что для него ненормальны желания, страсти, потери, достижения! Значит, как только я даю вам средство от всего, ваш организм лишается всего ненормального. А сам процесс жизни — это хождение по проволоке, и организму не остается ничего, кроме как умереть от общего счастья и совершенства.

Тут все увидели, что крыса пошевелила головой, повела усами и медленно поползла прочь.

— Чего же она, не померла? — удивился Удалов, который поверил было профессору, а теперь усомнился.

— Она даже помереть толком не может, — сказал профессор, — настолько ей плохо.

— Вспомнил научный термин, — воскликнул Грубин. — Это называется нирвана! Ну, я побежал на автобус!

— Не наступи на крысу, — предупредил его Удалов, — она счастливая, где-то ползает.

Компромисс

Провал смелой попытки изобрести универсальное лекарство поверг профессора во временную депрессию. По выходным он перестал ездить на рыбалку с Корнелием Удаловым, а просиживал часами на любимой лавочке над речкой Гусь. Он глядел, как облетали березы на том берегу, и не чувствовал холодного северного ветра, прилетавшего с реки.

И вот однажды профессор рано возвратился домой и столкнулся в воротах с Корнелием Удаловым. Удалов кутался в плащ, надвинул на нос кепку, а профессор неся, как на свидание, и лысина его блестела от испарины.

— Новая идея? — спросил Удалов.

— Гениальная идея, скажу я тебе! — ответил профессор.

Удалов весь вечер ходил на цыпочках, чтобы не помешать соседу снизу. Ведь там рождается открытие.

Открытие родилось опять же ночью, но на этот раз оно обошлось без внутреннего голоса. В семь утра профессор, плохо разбиравшийся во времени суток, громко постучал к Удаловым, чем всех перебудил.

Удалов смог обогнать рванувшуюся с перепугу к двери Ксеению.

— Удалось? — прошептал он, увидев объемистую фигуру в китайском халате.

— Пошли! — приказал Минц.

— Я буду жаловаться! — заявила из глубины коридора Ксения. — Мне эта научная коммуналка надоела.

Игнорируя ее угрозу, друзья спустились к Минцу, и там торжествующий ученый показал Удалову скромный пузырек, в каких держат валерьянку.

— Я нашел выход, — сообщил Минц. — Бился, бился, но нашел. Дело было в принципе. Лекарство от всего бесполезно и смертельно. Но если разделить универсальность на части?

— Получаются разные лекарства от разных болезней, — сказал сонный Удалов, который еще не осознал величия соседа.

— А если снова обобщить?

— Не томи, признайся! — потребовал Удалов.

— Я обобщил по революционному принципу, — сказал Минц. — Лекарства от отдельных болезней неэкономичны. Я же соединил их по буквам алфавита.

— Не понял.

— Ты сейчас держишь в руке лекарство, которое излечивает от всех болезней на букву «а». Понял? Завтра я примусь за лекарство от всех болезней на букву «б» и так далее.

— Та-ак, — сказал Удалов, стараясь переварить информацию. — А если эта болезнь тебе неизвестна?

— Во-первых, я просмотрел справочники и медицинскую энциклопедию. И сомневаюсь, что пропустил какую-нибудь серьезную болезнь. Но даже если пропустил, лекарство само справится. Не беспокойся, вылечит. Ну, предложи мне какой-нибудь недуг, и мы проверим.

— Ангина...

— А она у тебя есть? Нет? Тогда приходи, когда будет. Не могу же я лечить несуществующую. Еще?

— Артрит... Анестезия...

— Это не болезнь. Давай дальше!

— А у тебя от геморроя нет чего-нибудь?

— Лекарство на «г» будет готово на той неделе, — сообщил Минц.

В тот день Удалов ушел досыпать, так и не вылечившись от аритмии, потому что аритмии у него не обнаружилось. Но в ближайшие дни, пока Минц еще не послал в Москву свое средство на испытания, он не отказывал соседям в помощи. Больше всех повезло Гавриловой, которую одним лекарством вылечили от зубной боли, зуда и запора.

Но в последний день перед отправкой образцов и документации в Главное фармакологическое управление случилась непри-

ятность, которая, следует признаться, в конечном счете загубила открытие Минца.

К Минцу пришел Погосян, который мучился давлением и которому все, от врача до мамы, велели сбросить вес.

И надо же было так случиться, что именно в этот момент Минц бежал через двор, чтобы успеть к междугородному автобусу, которым к нему приезжал господин Арман Сингх, друг и коллега.

— Ты постой, Лев Христофорович! — закричал Погосян. — Ты мой живот видишь? До какого я ожирения дошел — вот-вот рожу, понимаешь? А сегодня меня в гости к директору рынка позвали. Если я пойду, то еще килограмма два ожирения прибавлю. Мое сердце сделает чик-чик — и готов! Весь город говорит, что у тебя лекарство по буквам дают.

— Вот что, — сказал тогда Минц, который не имел времени вернуться домой и снабдить Погосяна нужным пузырьком. — Дверь ко мне открыта, лекарства стоят на полке справа, все под ряд, на каждой бутылочке буква. Ясно? Возьми бутылочку с первой буквой твоей болезни, накапай себе восемь капель и поставь бутылочку на место, понял?

— Все понял, — ответил Погосян. — Спасибо тебе, Лев Христофорович, приходи в гости, всей семьей будем рады.

На этом они и расстались.

На следующее утро, совсем еще рано, Погосян подошел к окну Минца и постучал сурово, как судьба.

Минц, ежась, отворил окно.

— Ты убийца, — сказал Погосян.

Под глазом у него желтело, на виске багровела ссадина, нос был слишком красным.

— Господи! — испугался Минц. — Кто это вас так?

— Ты мне какое вредное лекарство дал! Я за столом хозяина обидел, а хозяйские родственники потом меня коллективно обидели.

— Погодите, погодите, — оборвал стенания Погосяна Лев Христофорович. — Вы в окно можете влезть?

В окно Погосян влез, не прекращая стенать, потому что у него болело все тело.

— Рассказывайте! — велел Минц, а сам тем временем накапал пострадавшему несколько капель лекарства на «у» от ушибов и на букву «п» от царапин.

— Я в гости пришел, костюм надел, — признался Погосян, — сижу за столом, культурно. Никто на меня внимания не обращает. Только в рюмку налили. Потом Джуликадзе, уважаемый человек, тамада, говорит тост за здоровье уважаемого директора рынка то-

варища-господина Попийвода. Все, конечно, выпивают, а я не выпиваю.

— Почему? — спросил Минц, протягивая гостю лекарство.

— Потому что не хочется, — признался Погосян. — Кушать зверски хочется, а пить не хочется. Я покушал немножко, а тут второй тост за хозяйку дома. Я кушать хочу, а пить не могу. Кушаю, а люди на меня смотрят очень подозрительно. А уважаемый товарищ Джуликадзе громко говорит: «Был один французский человек граф Монте-Кристо, он в дом приходил к кровникам, ничего не пил, только кушал. А потом мстил. Скажите мне, почему этот самый Погосян хочет мстить нашему товарищу-господину Попийвода?!»

— И что же?

— Потом меня бить стали, — закончил Погосян.

Лекарство на буквы «у» и «ц» уже помогало. Царапины и ушибы исчезали с кожи.

— Дорогой Погосян, — вежливо сказал Минц. — Вы не будете любезны показать мне на полке, какую бутылочку брали и пили из нее капли?

— Какую сказал, из такой и пил, — ответил Погосян.

Но поднялся, кряхтя, подошел к полке, взял с нее бутылочку и показал профессору.

— Эх, это я виноват! — сказал профессор. — Вкупе с отечественной системой образования. Плохо мы учимся в школе, ой как плохо! Признаться, на какую букву начинается слово «ожирение»?!

— Ясно на какую! — обиделся недоверию Погосян. — На букву «а»!

— Вот именно. — Минц отобрал у Погосяна бутылочку с лекарством от болезней на букву «а». — Тебя мы вылечили от алкоголизма. Ты теперь никогда пить не захочешь.

— Ай-ай-ай! — завопил несчастный Погосян. — А как же презентации? А как же общественная деятельность?

Смерть в зеркале

Третье из неудачных изобретений Минца было связано со стариком Ложкиным, человеком вздорным и пожилым.

Хоть и не хотелось Ложкину идти к Минцу на поклон, ввиду того что Минц был лицом еврейской национальности, почти членом, но склероз замучил. Старуха смеялась и издевалась, пенсионеры не брали в лото играть, да и сам чувствовал, что теряет хватку. А Ложкин занимался общественной и непримиримой политической деятельностью. Ему была нужна память.

Так он и заявил Минцу. Со всей прямоотой.

Минц сказал:

— Любопытно. А вы не пробовали записную книжку завести?

— Пробовал, три раза в автобусе забывал, остальные разы дома или на скамейке.

— Значит, вам нужно такое напоминание, которое нельзя забыть?

— Ну хоть разовое! — взмолился Ложкин. — Чтобы я, из дома когда ухожу, вспомнил, куда ухожу.

— Это можно сделать, — ответил Минц. — Я завтра к вам зайду.

Когда Минц на завтра зашел, Ложкин не сразу вспомнил, зачем это лицо к нему явилось, и сначала решил, что Минц пришел сдаваться. Минц напомнил, Ложкин смутился.

— Покажите, — попросил Лев Христофорович, — как вы покидаете квартиру.

— А просто, — ответил Ложкин. — Галоши надеваю, причешаюсь перед зеркалом...

— Всегда?

— А как же непричесанным на улицу выйдешь?

— Замечательно. На это я и рассчитывал. — Минц достал из кармана тюбик и тряпицу. Выжал из тюбика немного мази.

На голоса вышла Матрена Ложкина. Спросила, чего мужики расшумелись.

— Сейчас я сделаю для вашего супруга антисклерозник, — сказал Минц. — Но нам нужна ваша помощь. Это зеркало будет теперь работать по принципу записной книжки. Вечером или с утра, неважно когда, вы этому зеркалу будете сообщать, куда вашему супругу надо идти, с кем встречаться. А когда он будет перед зеркалом причешиваться на предмет ухода из дома, лицо, к которому он идет, будет появляться в зеркале и сообщать... Впрочем, к чему лишние слова! Смотрите.

Минц смазал из тюбика большое зеркало и сказал:

— Сегодня Ложкин должен пойти в универмаг и купить пасту.

— Зачем мне паста? — рассердился Ложкин.

— Это условность, — сообразила его жена. — Ты иди, иди к зеркалу, проверять будем.

Ложкин подошел к зеркалу, автоматически вынул расческу и стал приводить в порядок редкую седую поросль. И тут же в зеркале возникло, как живое, изображение Ванды Казимировны из универмага, которая сказала: «Ждем, ждем, паста «Сигнал» уже приготовлена».

— Ясно? — спросил Минц. Он спрятал тюбик и ушел.

Два дня жизнь Ложкиных протекала спокойно. По сведениям, сообщенным Матреной, Ложкин стал другим человеком. Никуда

без совета с зеркалом не выходил. Матрена лишь боялась, что мазь кончится, но Минц обещал, что мазь стойкая.

На третий день случилась беда.

Минц возвращался домой и увидел у подъезда «Скорую помощь». Оказалось, она приехала к Ложкину. Ложкина вынесли из дома на носилках, при виде Минца он принялся ругаться, отчего Минц понял, что жизнь Ложкина вне опасности.

Профессор поднялся к Матрене Ложкиной. И первое, что он увидел, — из зеркала на него таранилось страшненькое изображение смерти с косой в руке.

— Что? Почему? Откуда? — накинудся перепуганный Минц на Матрену.

— Сам ее и спрашивай! — гневно ответила Матрена.

Смерть в зеркале повторяла, словно испорченная пластинка:

— Жду тебя в три, Николай Ложкин. Не забудь, Николай Ложкин!

Минц присмотрелся к смерти и крикнул:

— Сними маску, глупец!

Смерть послушно сняла маску. Под маской было молодое, прыщавое, розовое лицо Раечки, воспитательницы детского сада.

— Куда вы его ждете? — грозно спросил Минц.

— На репетицию детского утренника, — ответила Раечка. — По мотивам сказок. Он у нас обещал консультантом быть.

— На репетицию его не ждите, — сказал Минц. — Если Ложкин пробился в больницу, его оттуда не выжить, пока он все лекарства не попробует.

— Так это Раиса! — спохватилась Матрена. — А он-то решил, что его туда, наверх, к трем часам вызывают! Побегу в больницу, разьясню дураку.

ДЕВОЧКА С ЛЕЙКОЙ

Ничего нельзя предсказать.

Поэтому самые лживые люди — футурологи. Они надувают свои умные щеки, морщат свои крутые лбы и сообщают нам, что человечеству грозит гибель от перенаселения. К двухтысячному году на Земле останется мало свободных для жилья мест, люди примутся толкаться локтями, возникнут кровопролитные войны за место в очереди за водкой, и земные ресурсы будут вычерпаны до дна.

Есть и другие прогнозы. Экологические и индустриальные об

увеличении озоновой дыры или о наступлении зимы из-за замутнения атмосферы.

Вы об этом читали? Вы об этом слышали?

Не верьте!

Разумеется, Земля погибнет. И в ближайшем будущем. Но ни один футуролог не догадывается отчего. Потому что действительная угроза Земле сегодня не очевидна. Она, можно сказать, путается под ногами, отчего и разглядеть такую мелочь трудно.

Укус каракурта опаснее, чем укус слона!

Ввиду трудностей, переживаемых городом Великий Гусляр вследствие неразумно проведенной ваучеризации, либерализации и приватизации, властям приходилось искать способы раздобыть денег. Тем более что оставшиеся без зарплаты работники секретного предприятия № 12, о существовании которого в городе стало известно лишь в последние годы, особенно после первой демонстрации его сотрудников, постоянно стоят с красными флагами у Гордома, требуя возвращения старого гимна Советского Союза под названием «Интернационал». Демонстранты даже поют порой первые строки гимна:

Вы жертвою пали в бою роковом

Отмстить неразумным хазарам...

А у окна своего кабинета стоит демократично выбранный новый главгос Леонид Борисович Мошин, патриот, русофил, радикал, глава движения за возвращение Шпицбергена в Великогуслярский район, известный не только в Вологде, но и в Москве.

Денег в городе нет, идеи иссякли, рейтинг падает...

В кабинет вошел пенсионер Ложкин, сохранивший острый критический ум.

— Пора отмечать юбилей, — сказал пенсионер. — Пополним казну, прославимся.

— Ты о чем, хороший мой человечик? — спросил Леонид Борисович.

— Надвигается дата.

— Подскажи какая, старик, — попросил Мошин, указательным пальцем поправляя очки, съехавшие на кончик острого носа.

— Судя по Андриановской летописи, — продолжал Ложкин, отбивая такт своим словам ортопедической тростью, — в 1222 году от Рождества Христова потемкинский князь Гаврила Незлобый «пришех и истребих» непокорных обитателей города Гусляр.

— Так давно? — удивился Мошин.

Он подвинул к себе органайзер и записал в него дату. Потом поинтересовался:

— А он почему потемкинский? Фаворит?

— Это от села Потьма, соседнего района, — ответил Ложкин. — В те времена Потьма была центром небольшого княжества.

— Любопытно, очень любопытно, — сказал Мошин и занес сведения в органайзер. — Продолжайте.

— Сейчас в разгаре какой год?

— Девяносто седьмой.

— Теперь вычитаем!

Мошин долго шевелил губами, нажимал кнопки в своем органайзере и родил интересную идею:

— Нашему городу исполняется 775 лет!

— Это юбилей, — сказал старик Ложкин.

— Какой такой юбилей? Разве это тысяча лет? Разве это сто лет?

— Москве 850 как отпраздновали! Весь Кремль зайками и мишками обставили, — возразил Ложкин. — Нам тоже допустимо. Бейте в набат! Вызывайте главного редактора городской газеты, давайте интервью кому ни попадя. Ищите спонсоров.

Мошин ходил по кабинету, заложив руки за спину и горбясь от мыслей.

— А в какое время года? — спросил Мошин.

— Князь Гаврила Незлобивый в декабре нас штурмом брал, — ответил Ложкин. — Тогда зимой легче было технику подвозить, летом грязь непролазная.

— Это правильно, — похвалил Мошин наших предков. — Собираем актив.

На следующий день газета «Гуслярское знамя» вышла под шапкой:

«ВЕЛИКОМУ ГУСЛЯРУ 775 ЛЕТ! ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ МОСКВУ!»

Корнелий Удалов сказал своему другу Минцу:

— Тоже мне, круглая дата! Через год снова справим, да?

— Народу нужны зрелища, — ответил Минц. — Нужнее хлеба, не считая колбасы.

Мошин совершил ряд дальних и ближних поездок. Собирали деньги на юбилей. Дали многие, но понемногу: Вологодская администрация, Академия вредителей леса, банк «Неустройкредит», Министерство культуры, Ассоциация малых народов Севера и ряд коммерческих структур.

Конечно, если бы Мошин догадался, то денег у Ассоциации не стал бы брать. Гусляру еще национальных проблем не хватало.

Деньги стекались в Гусляр тонкими ручейками. Их было недостаточно.

И тут на прием к Мошину пришел Глеб Неунывных.

Это был небольшого росточка дядечка, в одежде черного цвета на пять размеров больше, чем надо. Галстук ему тоже был велик.

Посетитель уселся на стул и достал визитку, вырезанную из янтаря, с золотыми буквами:

«Глеб Неунывных, генеральный президент ООО «Чистюля-онал».

— Зачем пожаловали? — спросил Мошин.

Посетитель был крутой, денежный и опасный.

— Зима наступает, — сказал генеральный президент. — Снегопады, заносы. Катастрофа! Юбилей придется отменить.

— Зачем же отменять? — усмехнулся Мошин. — Народ съедется. Может, даже из дальнего космоса. Спонсоры есть.

— Спонсоры не помогут, — сказал посетитель. Глазенки у него злобно сверкнули. — Спонсоры в снегу утопнут. У вас в городе уборка не организована.

— Опять же ошибка! — радостно засмеялся Мошин. — У нас в наличии два уборочных комбайна...

— Без запчастей.

— Три грузовика для вывоза.

— Водку возят.

— Целая армия дворников.

— Пьет ваша армия.

— Может, и пьет, но когда город говорит: «Надо!», они отвечают: «Есть!»

— Будем чистить, — сказал генеральный директор. — Поможем. Обеспечу уборку города на период зимы. Почти бесплатно.

Мошин нашелся и ответил пословицей:

— Бесплатный сыр, дорогой мой человек, бывает только в мышеловке.

— Принимаю вашу шутку и отвечаю: моя фирма имеет завод по производству «Розочки». Приходилось слышать? Не приходилось. Безвредно, быстро, ласково. По минимальной отпускной цене, возможны варианты. Закупаете тонну, получаете комиссионные.

— Как так комиссионные? — рассердился Мошин. — Кому какие комиссионные, понимаешь?

— Безвредно, — ответил гость. — Лично в конверте, сто баксов с тонны. Радость всеобщая.

Он положил на стол длинный белый конверт, совершенно

пустой на вид. Конверт загадочным образом скользнул к Мошину, но тот отбивался и попискивал.

— Место! — крикнул Неунывных конверту. Потому что вряд ли он мог так крикнуть городскому главе.

Конверт исчез в кармане Мошина, и тот, как ни выковыривал его, ничего не вышло. Мошин сказал посетителю:

— Вон отсюда! Чтобы вашей ноги здесь не было.

— Поставка завтра, будете благодарить до конца жизни, — ответил Неунывных и исчез. Через пять минут взвизгнула из приемной секретарша, а еще через минуту зашуршал шинами белый «Мерседес». Мошин выбежал в приемную. Валюша была почти растерзана, она сладко стонала.

— Прикройся, — сказал Мошин.

Валюша попыталась прикрыться зелеными купюрами, что лежали стопкой на ее животике.

Через неделю прибыл «КамАЗ», полный пластиковых мешков с изображением роз в натуральных цветах. Мошин подписал накладную и созвал городской актив на полевые испытания.

Как раз прошел снег, площадь Землепроходцев была похожа на степь-да-степь-кругом, заслуженный дворник Рахат Мухитдинов вышел на простор с эмалированным лукошком через плечо и пошел по целине, размахивая правой рукой, как сеятель на агитплакате двадцатых годов. Демонстранты с красными флагами выкрикивали критические замечания. Снег за спиной дворника начал таять, чуть дымаясь. На площади образовалась черная блестящая полоса.

Присутствовавший на демонстрации Глеб Неунывных стал хлопать в ладоши.

— А если тридцать градусов мороза? — спросил Ложкин.

— Будем испаряться! — ответил генеральный директор. — И в сорок не замерзнем! Ваш город спасен.

— Сколько придется платить? — спросил Корнелий Удалов.

— По бартеру, — ответил Мошин. — Все утрясено. Город не потеряет ни копейки.

Неунывных умчался на своем «Мерседесе» на базу благоустройства. Оттуда он взял курс в свои края. За «Мерседесом» следовали два грузовика и три снегоуборочных комбайна, которые он получил по бартеру как предоплату за «Розочку».

В Великом Гусляре началась цивилизованная жизнь. Как в Москве.

При трескучих морозах его жители брели по черным лужам, хлопали по черной жирной грязи, машины разбрызгивали грязь

по стенам домов, вечерами женщины старались отстирать засоленные брюки и ботинки, а шоферы соскребали с машин белый жгучий налет... Было куплено вдоволь кумача на украшение улиц.

Профессор Минц пришел к Мошину в начале декабря, когда до юбилея оставались считанные недели. Мошину не хотелось видеть надоедливую профессора, добра от этой встречи он не ждал, к тому же он спешил: пора было выкупать красный кирпич для завершения строительства замка. Благо Глебушка привез вчера две сотни баксов.

— Ну что у вас, мой дорогой человечик? — спросил Мошин, поправляя очки, которые все сползли на кончик острого носа, удивительно выдававшегося на совершенно круглом и даже пухлом лице.

— Я подсчитал возможные последствия, — сказал Минц. — Это может плохо кончиться для города.

— Лишнее, лишнее, вот это лишнее. Не советую слушать злопыхателей. Наверное, опять Корнелий Иванович Удалов под меня копает?

— Вы хоть состав этой «Розочки» установили?

— Одобрено. Одобрено Ассоциацией фармакологов, мне лично даны гарантии, — сказал Мошин.

— При контакте ног с солью «Розочки» могут начаться процессы деформации, — сказал Минц. — Дыхание сопровождается...

— Ах, спрячьте свою записную книжку, дорогой мой дружище, — сказал Мошин. — И покиньте мой кабинет. Вы хотите возмущения? Народ вас не поддержит. Раньше мы как жили? Ходили и скользили. А теперь где ваши дворники? На заслуженном отдыхе.

— Вы тоже не застрахованы, — сказал Минц. — Ваши поставщики везут в Гусляр отходы завода «Льзифосгенпроект-13 имени Клары Цеткин».

Мошин заткнул уши указательными пальцами и стал топтать ногами, чтобы не слышать проклятого профессора.

Не могут футурологи предсказать главную опасность. Даже Нострадамус им не помощник. Он ведь что написал в шестьсот тридцатом катрене:

В конце рокового столетия
В стране гипербореев

Город от имени крупной птицы
Будет поражен проклятием подобно столице.

Каждому ясно, что страна гипербореев — Российская Федерация, а крупная птица — гусь.

После обеда главгор Мошин велел шоферу ехать на строительство объекта номер один — своей дачи. Он ехал и думал, что дачу надо завершить до юбилея. «Пригласим из Москвы какого-нибудь великого скульптора, чтобы поставил монумент. Все равно какой. А на даче будет большой банкет — руководители области отведают наших осетров».

Машина неслась по улицам, разбрызгивая черную грязь. Прохожие жались к стенам. Стоял глущий мороз, у центрального супермаркета мерзла очередь за резиновыми сапогами. Детей выпускали на улицы только в марлевых повязках. Поперек улицы рабочие растягивали транспарант:

«Слава нашему городу на пути к тысячелетию!»

Второй плакат Мошину попался на выезде из Гусляра:

«Экология должна быть экологичной!»

— Вот именно, — сказал Мошин. — Так держать!

— Вы ко мне? — спросил шофер.

— Я с собой беседовал, — ответил Мошин.

— Это правильно, — согласился шофер. — Всегда лучше с умным человеком поговорить. У меня к вам просьба, Леонид Борисович. Когда будете снова с собой разговаривать, спросите, когда будем новый кар получать?

— А чем тебе наш скромный «Ауди» не подходит, Трофимыч? — удивился Мошин.

— Беспокоит меня состояние его днища, — сказал шофер.

— Отчего же?

— От этой грязи! От «Розочки», блин.

— Не надо бы тебе слушать бабские сплетни, — сказал Мошин.

Машина съехала с шоссе и пошла, слегка подпрыгивая, по дорожке, что вела к стройке века. Пока еще здесь не было покрытия.

Вот и показался впереди возведенный до третьего этажа замок — личная резиденция Леонида Борисовича.

Машина съехала с пригорка, в ней что-то треснуло, и днище ее отвалилось. К счастью, скорость была невелика, и, отваливаясь вместе с днищем, шофер успел тормознуть.

Мошин рассердился на шофера, на машину и на интриги.

Он вылез и пошел дальше пешком по снегу, а шофер вел машину сзади, держась за руль и перебирая ногами.

Дальнейшая судьба главгора складывалась драматично.

Отдав деньги за кирпичи, Мошин оставил шофера с машиной, а сам побрел обратно к шоссе, чтобы там проголосовать и вернуться в город.

Время было к вечеру, пятница, ни одной машины к городу не встретилось, а те, что встретились, не остановились.

Только к шести часам вечера (вы представляете, в каком состоянии?) Леонид Борисович вступил в Гусляр, который уже издали дал о себе знать легким запахом тления, выпускаемого «Розочкой». Над городом царил мир. Кое-где в окнах мерцало голубым — работали телевизоры. По мере продвижения руководителя к центру города глубина грязи увеличивалась. Одно дело ездить по Гусляру на персональной машине, другое — оказаться в положении пошлого пешехода.

Мошин был зол на фирму «Ауди», которая выпускает такие негодные автомобили, на глупого шофера, на черную грязь, на плохое освещение на улицах, на машины, которые, проезжая, отдавали его черной грязью, на молодежь, которая не уступает дороги, на жену, которая не ждет его обедать...

Жена не ждала его обедать. У жены было горе.

Она ждала мужа, чтобы поделиться с ним.

— Герасима Ксюша привезла, — заплакала она, увидев на пороге мокрого, несчастного, осунувшегося мужа. — С утра доктора надо вызывать.

— Что еще? — Мошин уселся на стул в коридоре. Дорогой был стул, из итальянского мебельного гарнитура.

— Сказать нельзя, — ответила жена. — У них в садике эпидемия, но такая страшная, что даже нельзя сообщить.

— Опять бабские сплетни, — сказал Мошин и пошел на кухню, забыв раздеться. — Покормила бы...

— Ты что не разуваешься! — закричала вслед мужу Мошина. — Мне опять за тобой подмывать. По колени промок!

На крики из комнаты выбежал, постукивая копытцами, милый ребенок Герасик.

— Это что еще за мода? — спросил Мошин, стягивая мокрый ботинок. — Сейчас же сними.

Ботинок стягивался с трудом, настолько одеревенела, закостенела от мокрого холода нога.

— А у Нинки из младшей группы копыта зеленые, — сказал Герасик.

Мошин хотел было накричать на внука, и на жену, и на дочку — на всех, кто занимается чепухой, когда человеку так плохо, но тут наконец его ступня выскочила из мокрого ботинка, и оказалось, что она очень похожа на копыто.

— Еще этого не хватало! — сказал Мошин. — Где мои шлепанцы?

Жена кинула ему шлепанцы — она была недовольна.

Мошин решил не говорить жене о своих копытах. Он знал, что она скажет. Поэтому кое-как надел шлепанцы и пошел в туалет, но по дороге один шлепанец потерял, и жена заметила. И крикнула ожидаемое:

— Козел, ну прямо козел!

— Ты на своего внука посмотри, — сказал городской голова. — А потом обзывайся.

Это было несправедливо, и жена начала рыдать. Внучок тоже начал рыдать.

Открылась дверь, пришла дочка.

— Эй, что за лужа! — закричала она с порога.

Все стали смотреть на лужу — оказалось, что это не лужа, а киселеобразная масса ботинок и сапог черного цвета.

Запах от этого шел фосгенный, решила дочь.

— Нет, — сказал Мошин, — пахнет таллием. Его соли.

— Я тебе говорила, оставляй обувь на лестнице! — крикнула жена, хотя она этого говорить не могла — даже в элитном доме все равно бы через две минуты все украли.

— У нас, — сказала дочка, раздевшись, — сегодня первый этаж конторы пополз. Опустился, понимаешь, весь дом на этаж. Кто с первого этажа остался в живых, к нам переселились. Представляешь, какая толкотня началась!

— Почему мне не докладывают? — совсем уж рассердился Мошин. — Сейчас же еду в Гордом. Я им покажу!

Тут зазвенел телефон.

Звонил начальник пожарной команды. Сообщил, что площадь Землепроходцев осела на метр. Что делать?

— Сейчас буду! — крикнул Мошин. — Высылай за мной пожарку!

— Они все без резины стоят, — ответил начальник пожарной охраны. — Резину у них съело.

— Ничего, — упрямо сказал городской начальник. — Пешком дойду. Я им покажу! Я все поставлю на место!

Он попытался натянуть на копыта ботинки, но не получилось.

Дочь посмотрела на потуги отца равнодушно.

— У нас, — сказала она, — есть некоторые — потеряли ноги и ползают.

— Как так ползают? — спросил внучок. — На животиках?

— На санках, — ответила мама.

— А то у нас две девочки в садике на животиках ползали... — Мальчик заплакал.

Но взрослым не было до него дела, потому что потухли лам-

почки и все стали искать свечи. Мошин все грозился уйти на голых копытах, а жена говорила ему:

— Не смей, Леонид, потеряешь ноги, новых не будет. Кости не восстанавливаются, я тебе как учитель начальных классов говорю.

— Папочка, не ходи, — присоединилась к маме дочь. — Мороз двадцать градусов, копыта отморозишь!

Но Мошин не послушался. Он вырвался и побежал, стуча копытами, вниз по лестнице.

К счастью, не он один был сознательным гражданином. У дверей, в черной грязной речушке, покачивалась спасательная надувная лодка желтого цвета. В ней сидел профессор Минц в дождевике.

— Что делать? — крикнул Мошин от дверей.

— Садитесь! Поплывем, будем принимать меры.

Профессор Минц уже не казался Мошину таким отвратительным, как недавно. Приятный профессор, отважный.

— Какие меры? — спросил Мошин.

Надувную лодку понесло вдоль по Пушкинской улице.

— Кружок «Юный химик» имени Петрянова-Соколова, — загадочно ответил Минц, энергично гребя по скользкой дороге.

Но путешествие, начавшееся так славно, чуть не закончилось трагедией.

Лодка попала в поток черной жижи, стремившийся к реке Гусь. Потребовалась вся сила и сноровка немолодого профессора, чтобы не быть смытыми в речку, которая также вскрылась ото льда и несла к Белому морю свои черные непрозрачные воды. Тяжко воняло.

— Постарайтесь не дышать! — приказал Мошину профессор, и тот прижал к носу рукав. Стало немного лучше.

Сквозь ткань Мошин строго крикнул:

— Смесь совершенно безопасная!

— С чем вас и поздравляю, — ответил профессор.

— А скажите, откуда у Герасика копыта? — спросил Мошин.

— Оттуда! Помолчите, вы мне мешаете грести!

От реки Гусь, скользя, падая и отчаянно крича, бежало несколько любителей подледного лова. С ужасом Мошин увидел, что из реки к ним стремятся шупальца непонятных чудовищ, напоминающих персонажи американского фильма ужасов.

Вот одно из шупальцев дотянулось до старика в дохе. Старик отбивался от чудовища удочкой.

— Что это? — закричал Мошин.

— Возьмите пистолет. Он у вас под ногами! — отозвался профессор.

— Но что это? — повторил вопрос Мошин, шаря в ногах в поисках оружия.

— Стреляйте! Это водоросли! — крикнул профессор.

Мошин стал стрелять, и, стреляя, он все более входил в раж. Водоросли не пострадали от его стрельбы, но несколько рыбаков ему поразить удалось.

Патроны кончились. Мошин запустил пистолетом в щупальце, а профессор укоризненно произнес:

— Не по-хозяйски себя ведете. Пистолеты на улице не валяются.

Он вытащил из кармана маленький, но мощный электромагнит и притянул пистолет себе в карман.

Они пересекли грязевой поток и взяли курс выше по склону.

Там, на суше, надувную лодку пришлось бросить, и они побежали задними дворами, где еще лежал снег. Его белизна выгодно отличалась от черной грязи. Даже Мошин наконец проникся этой мыслью и сказал:

— А может, зря мы так чистим, дорогой мой человечисе?

— Поздно раскаиваться. Вас предупреждали, а вы не вняли. Теперь вся надежда на соколовцев-петрянцев.

— На кого?

— Не отставайте!

Они подбежали с тыла к трехэтажному кирпичному зданию. Мошин, который никогда не ходил по дворам, не сразу сообразил, что это — средняя школа № 2.

Задняя железная дверь была закрыта.

Минц постучал в нее три раза, потом — после паузы — еще два.

Дверь приоткрылась. Мошин ожидал увидеть в щели человеческое лицо, но ничего не увидел, потому что, как оказалось, лицо появилось на уровне его пояса. И голос оттуда потребовал:

— Пароль!

— Таблица Менделеева, — послушно ответил Минц. — Отзыв?

— Гафний! — произнес высокий голос.

Железная дверь со скрипом отворилась, и девочка лет десяти в синем халате и респираторе впустила мужчин в темный коридор.

— Следуйте за мной, — сказала девчушка. — Смотрите под ноги. Здесь свет вполне адекватен. На электростанции предохранители летят. Один за другим. Сначала слизью покрываются, а потом летят к чертовой бабушке!

— Девочка, разве можно так выражаться? — удивился Минц, а Мошин спросил:

— Почему они летят к этой бабушке?

— А вы солями гафния пробовали действовать на медные провода, ну?

— Не пробовал.

— Тогда нагнитесь, — сказала девчушка, — а то лбы расшибете, коллеги.

— Я те не коллега, — рассердился Мошин, — я руководитель этого города!

— Кто вас не знает, — вздохнула девочка. — Как говорит моя мама, «скорей бы он по этапу загремел».

Мошин хотел спросить адрес мамы, чтобы принять меры, но остерегся.

Девочка провела их темным коридором до лестницы, затем вверх, мимо школьной раздевалки, в которой в ожидании хозяев смиренно стояли ряды резиновых сапог и резиновых дождевиков. У двери в химический кабинет она остановилась и условно постучала. Из-за двери послышался голос:

— Пароль?

Но вместо отзыва девочка сказала:

— Открывай, нас могут в любую минуту засечь. Я привела людей.

Дверь приоткрылась.

Взрослые вошли.

В химическом кабинете тревожно пахло. Из нескольких детей, ожидавших там, трое или четверо были в противогазах.

— Садитесь, — предложил мальчишка в красном свитере. — Располагайтесь. Вы пришли просить союза?

— Чего просить? — не понял Мошин.

— Да, — сказал Минц. — Мы пришли просить помощи от имени всего города.

— Так не пойдет. — Мошин поправил очки и повишневел щеками. — Все идет путем. Все под контролем.

— Покажите копыта, — приказал мальчик Мошину.

— Попрошу без выпадов! — рассердился глава города. — Кто твои родители? Давно не пороли.

— Оставь его, Руслан, — сказала девочка, которая привела Мошину. — Ему нравится ходить на копытах, ездить на машине без дна и покрышки, а когда он придет домой и увидит, что сделали с его квартирой водопроводные удавы, он будет хохотать!

— Какие удавы? — слабым голосом сказал Мошин. — Где удавы?

— Идите, — сказала девочка, — мы вас не задерживаем.

Мошин, конечно, хотел покончить с безобразием, которое обрушилось на Великий Гусярь, он хотел видеть себя и близких красивыми и здоровыми, но его возмущало то, что за спасение города взялись недоросли, двоечники, детишки.

— Пожалейте самолюбие Леонида Борисовича, — попросил

детей Минц. — Он нервничает и не понимает, что бормочет. Он же не знает, чем все это грозит...

— А чем? — быстро спросил Мошин.

— Гибелью всему живому, — ответила девчушка. — Возьмите элементарный компьютер, и он вам все экстраполирует.

— И можно все вернуть взад? — спросил глава города.

— Можно, но не сразу, — ответил злой мальчик Руслан — видно, главарь этой банды несовершеннолетних химиков.

— Мне надо посоветоваться, — сказал Мошин.

— С кем? — удивился Лев Христофорович.

— С товарищами, — строго ответил глава города, потому что не знал, с кем бы ему посоветоваться. Но знал, что советоваться необходимо, это как бы административный ритуал.

— Пускай идет, — безнадежно сказала девочка.

Она так показала на дверь, что на Мошина, который направился к этой двери, снизошло прозрение.

«Что я делаю? — подумал он. — Я иду к смерти и толкаю к ней мою семью. Я уже стал уродом... и чего я боюсь? Кого я презираю?»

Мошин обернулся к детям, что смотрели внимательно ему вслед, и тихо произнес:

— Простите меня, дети. Давайте спасать наш город вместе. К сожалению, я истратил доллары...

— О деньгах ни слова, — сказал Минц. — Нам все известно. Перейдем к делу.

— Нам нужны ваши гарантии, — сказал Руслан. — Во-первых, прибавить зарплату учителям нашей школы.

— И заплатить ее наконец, — добавила девочка.

— Во-вторых, отремонтировать в школе крышу.

— Сделаю, — сказал Мошин.

— И главное — больше никогда не вступать в сделки с грязными типами.

— Но он же из Москвы приехал! — сказал Мошин.

— В Москве тоже в отдельных случаях иногда встречаются не очень хорошие люди, — заметил Минц.

— Забудьте об этой соли, — сказала девочка, — что бы вам ни предлагали.

— Клянусь! — воскликнул Мошин. — Клянусь здоровьем моего внука!

Потом он понизил голос и спросил:

— А копыта мне вы исправите?

— Пока копыта появились на ногах сорока двух процентов жителей нашего города, — сказал Минц.

— А я и не заметил!

— Вы вообще не очень наблюдательный, — сказал Минц. — Так поклянитесь!

В комнату снаружи ворвался глухой шум.

— Что это? — спросил Мошин.

Руслан ответил:

— Как я и предполагал, под землю ушел памятник землепроходцам.

— Да вы с ума сошли! — закричал Мошин. — Вы забыли, что ли, что это — гордость нашего города!

— Спешите, клянитесь, — сказал Руслан. — Иначе с каждой минутой положение будет ухудшаться.

— Клянусь! — сказал Мошин. — Клянусь, клянусь, клянусь!!!

Руслан стал раздавать детям опрыскиватели, сделанные из садовых лейек. Досталось по лейке и Мошину с Минцем.

— Пошли по улицам, — сказал Руслан. — Чтобы ни одного квадратного метра без обработки не осталось! Экономьте дезинтегратор!

Лейка была тяжелой. Мошин наклонялся, неся ее. Детям тоже было нелегко, но они не жаловались.

— Как же они все это изобрели? — спросил Мошин у Минца.

— Химическую формулу мы определили вместе, — сказал Минц. — Практическую сторону дела осуществляли кружковцы.

— Может, мне на ноги попрыскать? — спросил Мошин.

— Все в свое время, — ответил Минц. — Выздоровеем.

— И у вас тоже? — Мошин показал дрогнувшим указательным пальцем на сапоги Минца.

— Нет, — ответил тот. — Я вовремя спохватился.

Когда все дети и взрослые вышли на улицу, мальчик Руслан указал, кому в какую сторону идти. Мошину достался фабричный район в слободе, а Минцу — набережная. Так их развела судьба.

Мошин пошел к фабричному району, прыская по дороге из лейки на черную мостовую, но на четверти дороги остановился. Тревога за судьбу семьи взяла свое. «Тут этих юных химиков, — подумал он, — больше чем достаточно. Они весь город погубят. А меня ждет семья».

Обхватив лейку руками, Мошин засеменял к родному дому.

Когда он, скользя и спотыкаясь по пустынным улицам, добегал до родного подъезда, там, за дверью, его поджидала отвратительная девчонка, дочь невоспитанной матери.

— Мы так и знали, — сказала она, — что вы не станете заботиться о городе, а побежите в свою нору.

Рассерженный Мошин замахнулся лейкой, но девочка каким-

то китайским приемом положила его в грязь. А сама передала лейку Мошина его внуку, который и поспешил за девочкой спасать население.

Как оплеванный, Мошин побрел к себе и стал ругать жену, что недосмотрела за внуком, а теперь он может погибнуть.

Потом он принялся затыкать все дырки и щели, чтобы не проникли водопроводные змеи.

Тут он устал, и его сморил сон.

Леонид Борисович проснулся на следующее утро.

Светило зимнее скупое солнце и рассыпалось искорками по снежному покрову, который за ночь очистил городские пейзажи.

По улице бегали лыжники и мальчишки с санками.

Мошин потряс головой, как бы отгоняя дурной сон.

Заглянула жена и спросила, будет ли он завтракать.

Мошин был зверски голоден.

Кушая яичницу с салом, он спросил жену:

— Римма, как наш Герасик?

— Я его уже в садик отвела, — сказала жена.

— А его копыта?

— Окстись, старый богохульник! — испугалась жена. — Откуда у Герасика копыта?

— Как и у меня. — Мошин вспомнил о состоянии своих ног и поглядел под скатерть. Его ноги, упрятанные в шлепанцы, были обыкновенными человеческими ногами, правда, с мозолями.

И тогда Мошин понял, что все ему приснилось.

Хотя в прихожей стояла лейка с пульверизатором, а на площади он увидел, как экскаватор и подъемный кран вытаскивали наружу гигантский бронзовый памятник землепроходцам, Мошин решил, что это — галлюцинация и безобразия.

В плохом настроении Мошин пришел к себе на службу и поднялся в кабинет. Поздоровался с Валюшей, потрепал ее по щеке, велел согреть чайку.

Начал было перебирать бумаги, но тут Валюша сунула мордочку в дверь и сказала, что пришел господин Неунывных, Глеб Степанович.

Мошин нахмурился, вспоминая, кто это такой.

Вошел ничтожный человек в обрамлении современного дельца.

— Вижу, у вас весь порошок вышел, — сказал он радостно. — Так у меня с собой новый самосвал. Победим снежный покров к юбилею родного города, а?

— Нет, нет и еще раз нет! — закричал Мошин.

Он все вспомнил. Значит, это не сон. Значит, пришла смерть Великого Гуслияра в человеческом образе.

— Уходи, — сказал Мошин.

— Ты что, старик, как бы охренел? — спросил Неунывных. — Ты же контракт с моей фирмой подписал.

— Нельзя. Город гибнет, — сказал Мошин.

— А блин с ним, с городом.

Неунывных вынул из кармана длинный конверт.

— Здесь пятьсот, на крышу твоего особняка.

— Возьмите их обратно! — сказал Мошин.

— У меня в машине, — сказал на это гость, — два крутых лба. Достойные люди. В городе Котласе демократы чертовы попытались помешать цивилизации. Знаешь они где? В больнице!

И Неунывных принялся пронзительно хохотать.

— Вы не представляете, к чему это приводит! — сказал Мошин.

— Представляю, как не представить, — ухмыльнулся гость. — На месте Москвы уже грязевое озеро. Аромат, скажу тебе, класс. Будем создавать грязевой курорт, блин. Японцы приедут.

— Жалко столицу...

— Ты мне лучше скажи, у тебя продукт кончился или какая-то сволочь формулу разгадала?

— Не скажу! — мужественно ответил Мошин.

Неунывных покачал головой и вынул из внутреннего кармана еще один конверт. Положил его на расстоянии вытянутой руки от главы города и произнес:

— Я пока пряником тебя обрабатываю. Смотри, возьмусь за кнут, будешь бедный и больной.

— Но у меня копыта отросли!

— А что, плохо? Я сам на копытах, понимаешь, хожу, рога только утром спилил. И что? Говори имена моих врагов, блин!

— Нет, я не могу взять на себя ответственность за гибель города и государства в целом.

— Понимаем, — сказал Неунывных и потянул к себе конверт. Другой рукой подхватил второй конверт, который лежал совсем уж близко от Мошина.

— И сколько тут... всего? — спросил глава города хриплым от страха и волнения голосом.

— Всего кусок — тысяча баксов. Считаю, закончишь крышу, и останется на ботинки внуку.

— У него тоже копытца... — Слезы показались в глазах Мошина.

— Цивилизация требует эволюции, — туманно заметил дельц. — У тебя выбора нет. Или ты остаешься без денег, весь в синяках и переломах, или ты сотрудничаешь с цивилизацией. Прове-

дешь отпуск на Канарских островах, отдышишься. Наши все там отдыхают.

Страшно было Мошину. Но он понимал, что не сможет противостоять организованной цивилизованности, у которой телохранители возле «Мерседеса». Бессмысленная борьба с прогрессом.

— Кружок юных химиков, — признался он, — в школе № 2. Петряновцы-соколовцы. Во главе их профессор Минц. Старый, но подлый. Стоит на пути цивилизации. А вы мне переизбрание обеспечите?

— Мы за своих горой стоим, — сказал Неунывных. — Не дрейфь, кореш.

Разумеется, Мошин никому бы не позволил так к себе обращаться, но в тот момент его охватило сладкое чувство принадлежности к могучему миру организованной цивилизованности.

— Если что, то всегда отмою, — нежно закончил Неунывных. — Мы таких вытаскивали... По пять трупов на шее и миллиарды долларов. А в результате — все их уважают.

— Но я не хотел бы, чтобы наши отношения...

— Ну ты и тюфяк, — с добрым юмором ответил гость. — Скажи теперь, как покороше к той школе пройти.

— По Лермонтовской, потом повернете на Советскую... А детям ничего не будет?

— А что им может быть? Не переживай. Ты о себе думай. А Минца мы где возьмем?

— Пушкинская, дом шестнадцать, — быстро сказал Мошин и постарался все сразу забыть.

— Все! — подытожил Неунывных. — Начинай рассыпку! Зови дворников.

Что Мошин и сделал. Хотя ему было душевно тяжело. Он, правда, утешал себя, что с копытами и рогами жить можно, даже интересно.

О приезде в город «Мерседеса» и сопровождающего его самовсала юным химикам было известно.

Они, правда, не могли поверить в то, что Мошин сменит свои позиции, но их предупредил об этом профессор Минц.

Дети не хотели вступать в конфликт с приезжими, но когда в школу с переднего входа вошли два телохранителя с резиновыми дубинками в сильных руках и стали допытываться у гардеробщицы тети Дуси о том, где скрываются юные химики, они поняли, что пути к миру нет.

Тетя Дуся сначала пыталась сопротивляться, но ее ударили ду-

бинкой по щеке и кулаком под дых. Тетя Дуся начала плакать, но детей не выдавала.

Малыши разбежались по классам, преподавательницы заперли двери.

На лестничной площадке над гардеробом неожиданно появились юные химики. Впереди — совсем маленькая, но талантливая девочка, за ней — ее юные друзья во главе с Русланом.

Все держали в руках пульверизаторы, сделанные на основе обычной садовой лейки.

— Отпустите тетю Дусю, — сказала девочка.

— Ага! — закричал Неунывных. — Вот они, юные, блин, химики.

— Последствия будут ужасны, — закричал Руслан, увидев, что вся троица бежит к нему, размахивая дубинками.

Но кто остановит цивилизованного бандита?

Никто, казалось, их не остановит. И даже профессор Минц, который бежал сверху по лестнице, чтобы встать между детьми и нападающими, не успел ничего сделать.

За три шага до юных химиков бандиты остановились.

Не по своей воле.

Из распылителей вырвался нейтрализатор химической опасности.

И на глазах у всех Неунывных и его охранники превратились в грязного цвета жидкость.

— Что вы наделали! — воскликнул Минц. — Вы их убили?

— Нет, — скромно ответила девочка. — Они живые, только жидкие.

И все они наблюдали, как грязная жидкость шустро стекала по ступенькам и стремилась в подвал.

Минц посмотрел на жидкость с сожалением и сказал:

— Главное, что мы спасли наш любимый город.

В ответ на его слова здание школы покачнулось. Оно не упало, не рассыпалось, оно куда-то поехало.

Все выбежали наружу.

Страшно подумать, что творилось с Великим Гусярем!

Как оказалось впоследствии, Леонид Борисович Мошин, возглавив дворников, начал новую кампанию по борьбе со снегом.

Насыщенная жирной слизью земля не выдержала, и весь город, держась за верхний слой почвы, включая асфальт, пополз, набирая скорость, к реке Гусь.

И поплыл по ней, постепенно погружаясь в черную воду.

Жители города успели в основном выбежать из домов и не последовали за строениями.

Они стояли на косогоре, который был раньше набережной,

смотрели, как проплывают мимо памятники архитектуры, плакали и мерзли.

— Как жалко, — сказала девочка с лейкой. — Придется все начинать сначала.

— Ничего, восстановим, — сказал мальчик Руслан. — Главное, мы ликвидировали опасность.

Посреди реки, на крыше Гордома металась человеческая фигурка.

Многие узнавали Мощина.

Мошин просил, требовал, умолял, наконец, чтобы его сняли и переправили на берег.

А из реки поднялись странные жидкие слизняки, оказавшиеся на поверку переродившимися бандитами.

Они тянулись к Мошину.

— Не смотрите, дедушка Минц, — попросил Руслан. — Это зрелище не для пожилых. Вы привыкли жить в мире, где можно договориться. У нас другие законы.

Но Минц не отвернулся, он увидел в толпе Корнелия Удалова, бывшего начальника стройконторы, и крикнул ему:

— Корнелий, пора город поднимать из руин. Ты готов?

— А как же! — ответил Удалов.

ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ СЕРИЯ

Удаловы приходят домой в разное время. Раньше всех Ксения — из магазина, с базара, от соседей — и сразу к плите. Затем появляется их внук, Максимка, школьник, садится за уроки или спешит во двор или играть на соседском компьютере. Последним появляется сам Корнелий Иванович: опять задержался в стройконторе — дела, перемены, борьба за выживание, не то что при победившем социализме. Тогда приходил домой в шесть, если не было партийного собрания.

Удаловы обедают все вместе. Ждут последнего и обедают. Чаще всех опаздывает Корнелий, и тогда все на него сердиты.

После обеда каждый идет смотреть свой сериал.

В Гусляре свои сериалы, не то что в Киеве или Мелитополе.

Корнелий включает свой экран в восемь двадцать — сегодня новая серия. Двухсотая, юбилейная. Сюжет сериала в принципе таков: треугольник. Он — фармацевт, спокойный человек, подумывающий о пенсии. Она — младше его на несколько лет, сохранившая многочисленные следы недавней красоты, женщина полная, но в самом соку, и новый сосед по лестничной клетке — на двенадцать лет младше ее и на двадцать младше, чем он. И конеч-

но же, проблема с племянницей, которую подкинули на лето и до сих пор не могут взять обратно, а также неизвестно, отдавать ли маму в дом для престарелых, если в таком случае освобождается ее комната... «Небогатые тоже плачут», так назвала этот сериал Ксения Удалова. Она предпочитает другой — о молодоженах, которые снимают комнату, а владелец квартиры влюбляется в молодую жену... Но все происходит в пределах порядочности и без эротики.

Максимка должен бы смотреть молодежный сериал, о семье с шестью детьми, которые занимаются гимнастикой, проводят много времени на свежем воздухе, но мальчик вышел на запрещенную старшими программу об одной рок-группе, которая вступила в конфликт с рокерами, тогда как руководитель рок-группы влюблен в Ирэн, которую любит предводитель рокеров. Крутой фильм! С насилием, металлом и сексом — для школьника Максима самый кайф.

Так что в восемь все Удаловы отдельно уходят в мир увлекательных зрелищ.

А когда серии кончаются, Ксения несется в комнату к Максимке и кричит на него диким голосом, потому что застает концовку серии о рок-группе, в финале которой руководитель страстно смотрит на Ирэн, а предводитель рокеров крадется к ним с монтировкой в руке.

— Выключаю! — мрачно говорит Максимка. Он знает, что бабушку не переспоришь.

Еще через час Ксения загоняет внука в постель — завтра контрольная по математике, а голова опять будет несвежая.

Максимка лежит в постели и слышит, как за стенкой дед, как вечернее лекарство, принимает по радио ночной выпуск новостей о политике и экономическом развале. Потом они собачатся с бабушкой. Максимка думает не о контрольной, а о горькой судьбе Ирэн. Он хотел бы узнать, что будет завтра, но как ускорить время! Хотя его — как ребенка, даже еще не подростка — страшно беспокоит, не случилось бы чего ночью: уж очень обострились отношения между рок-группой и бандой рокеров. Ему чудится, что под окном пролетают мотоциклы без глушителей, но может быть, это папин храп... Максимка представляет себе, как он вмешается в конфликт и тогда Ирэн достанется ему. Конечно, целоваться с девчонками глупо и неинтересно, но пройти по Пушкинской за ручку с Ирэн — большая победа. Весь город лопнет от зависти. С этой сладкой мыслью Максимка заснул.

Назавтра в школе он был рассеян. Даже не смог решить ни одного примера на контрольной — да бог с ней. Есть в жизни куда большие проблемы. Судьба Ирэн ему важнее. Потому что если ты

попадешь между двумя такими типами, как руководитель рок-группы и предводитель рокеров, то можешь лишиться жизни.

Весь день Максимка ждал вечера, а следовательно, новой серии.

И вот, дождавшись, пока взрослые уселись у себя в комнате глядеть сериал про «Скорую помощь», Максимка, прикрыв к себе дверь, углубился в события, происходившие в молодежной среде.

То, что должно было произойти, но чего мы боялись, возможно, произошло минувшей ночью, но за кадром. Об этом можно было только догадываться из яростного спора между руководителем рок-группы и Ирэн.

— Я не хотела этого! — кричала Ирэн, заламывая тонкие длинные руки. — Он не смог унизить мое человеческое достоинство на темном пустыре среди сломанных мотоциклов под отдаленный шум магнитофона. Дело ограничилось поцелуями, кем мне быть!

— О нет! — вскричал в ответ руководитель рок-группы. — Не лги, несчастная. Ты добровольно ушла к нему и отдалась этому подонку. Я развоню о твоём позоре на весь мир!

— О, только не маме! Мама не должна знать!

Мольба Ирэн осталась безответной. Всклобоченный и также не спавший всю ночь руководитель группы бросился на нее. Он хотел задушить девушку.

Ирэн ускользнула от его хватки, и они начали бегать вокруг ударных инструментов, расставленных на сцене.

Но Ирэн недалеко убежала. На помощь руководителю рок-группы пришел ударник. Вместе они связали Ирэн и заткнули ей кляп в розовую глотку. Потом они потащили ее за кулисы, там было темно, и зрители остались в неведении, куда ее заточили.

За сценой слышался грохот — прямо в зал въехал на своем «Харлее» вождь рокеров.

— Где она?! Куда вы ее дели, лабухи? — закричал он.

Но пыльный просторный зал молчал — никто не ответил рокеру.

Рокер принялся искать свою возлюбленную, но безуспешно. Он плохо ориентировался на сцене — видно, попал туда впервые в жизни.

И тогда Максим понял, что наступает его звездный час...

Он подошел на цыпочках к двери — из-за нее доносился шум голосов: взрослые заняты. Их не оторвешь от «Скорой помощи». У Максима оставалось примерно полчаса, чтобы выполнить задуманное.

Он накинул куртку и на цыпочках прошел за спинами родителей.

В тот момент жена анестезиолога убеждала молодого медбрата:

— Но вы меня совсем не знаете! Вы не можете понять моих душевных запросов, трепета моей зрелой души.

— Разве это так важно? — страстно шипел в ответ сосед.

Дальнейшее Максима не интересовало.

Кубарем он скатился по лестнице, придержал входную дверь — и вот он уже на улице.

Вечер был прохладным, осенним, только что прошел дождь, пахло палой листвой и мокрыми заборами. Маленькая фигурка Максимки проскакивала освещенные редкими фонарями круги мостовой и исчезала в густой полутьме.

Возле Дома культуры речников Максимка на секунду остановился, рассуждая, как лучше проникнуть внутрь. Заметив у главного входа два мотоцикла с курящими рокерами, он понял, что ему сподручней будет проникнуть сквозь задний ход.

Он пробежал узким проулком между Домом культуры и баней. Вот и задний ход. Он приоткрыт. За ним слабый свет. Сегодня в Доме культуры выходной, никого быть не может — только репетирует рок-группа.

Вот раскатилась дробь ударника, взвыл саксофон... Тишина. Голоса доносятся издали.

Максимка собрал в кулак всю свою волю и скользнул внутрь. Пыльная темнота закулисы охватила его. Далеко впереди горела одинокая лампочка свечей на десять. Теперь главное — не попасться на глаза негодяям. Они из него сделают котлету. Во-первых, потому, что они сильнее его, а во-вторых, потому, что он нарушил главный закон сериала...

Максимка примерно представлял, где должна находиться пленница.

Пришлось долго пробираться среди колосников и свернутых в рулоны занавесов, прежде чем он смог проникнуть в хранилище сундуков, в которых приписанный к Дому культуры народный театр «Анализ» перевозил на гастролях декорации и костюмы. Теперь следовало угадать, в каком из сундуков заперта несчастная девушка.

— Ирина, — негромко позвал Максимка.

Никакого ответа.

— Ирина, я пришел спасти тебя.

— Меня не надо спасать, — прошептала Ирэн. Голос ее доносился из дальнего сундука. — И не смей ко мне приближаться. Иначе я буду кричать.

— Ты думаешь, что я рокер, да?

— А ты кто?

— Я зритель, — ответил Максимка. — Я зритель твоего сериала, и я не могу равнодушно отнестись к твоей судьбе.

— Врешь, — сказала Ирэн. — Ни один зритель не посмеет вмешаться в действие. За такое по головке не погладят.

— А мне — плевать, — сказал Максим.

— Отключат от сериала.

— Мне только спасти тебя — больше ничего не надо.

— Но я не уверена, что хочу, чтобы ты меня спасал, — сказала, подумав, девушка. — Может, мне лучше лежать в сундуке.

— Нет, ты не представляешь, что они задумали! Они не пощадят твоей девичьей чести.

— Кто именно? — деловито спросила Ирэн. — Если Вася — я против, но если Коля, то это еще надо обсудить.

— Тише! — прошептал Максимка.

Скрипели старые доски пола. К ним кто-то приближался. Максимка понимал, что ему бы сейчас спрятаться, залечь, замолчать, испариться, но вместо этого он с отчаянием молодости распахнул крышку сундука, в котором руководитель рок-группы заточил девушку Ирэн, и потянул ее за руку.

— Бежим! Я тебя спасу!

Был бы Максимка сверстником Ирэн, она бы вырвалась от него и снова залегла в сундук, чтобы ожидать решения своей судьбы. Но когда она поняла, что ее спасает парнишка лет на пять ее моложе, она прониклась к нему жалостью. Хотя бы потому, что знала, насколько жестоки бывают рок-музыканты и рокеры.

И она послушно побежала за Максимкой.

— Черт побери! — раздался сзади злобный голос. — Вы куда?! Я вам головы поотрываю!

Громадными шагами руководитель рок-группы кинулся за беглецами.

Максимка знал несколько малоизвестных проходных огородов и дворов, куда он и увлек Ирэн. Правда, и Ирэн знала эти дворы и огороды. И руководитель Вася тоже их знал. Так что бег по задворкам проходил с переменным успехом.

— Ты куда меня тащишь? — спросила на бегу Ирэн.

— К твоим предкам! — ответил Максимка.

— Ты офонарел, что ли? Они же мне косы поотрывают!

Им нужно было пересечь бывшую Базарную, затем Сталинскую, а ныне площадь Землепроходцев. Посреди площади Ирэн стала отчаянно сопротивляться, потому что не хотела домой, а куда хотела — еще не решила. Тут их и настигла рок-группа в полном составе — патлатые, неумытые, расхлуженные романтичные музыканты взяли беглецов в полукольцо, но не смогли взять их в кольцо, потому что с другой стороны площади вырвались, рыча, мотоциклы рокеров, которые также хотели заполучить Ирэн.

Страшная тишина обрушилась на площадь. У рокеров в руках

сверкали начищенные монтировки, у музыкантов — смычки. Враги неумолимо сближались...

— Да, подвел ты меня, — сказала хорошая в принципе девушка Ирэн, перебирая пальцами бант на чудесной русской косе. — Ты оказался слишком откровенен и потому меня лажанул. Видно, пришла наша смерть...

Ирэн нагнулась к Максимке и запечатлела на его щеке невинный, но горячий поцелуй.

— Иеййх! — закричали рокеры.

— Бей уродов! — завопили лабухи.

И в этот момент справа раздался крик:

— А ну, прекратить безобразие!

И слева послышался голос:

— Сейчас я вам покажу!

На площади, кое-как освещенной фонарями, показались новые действующие лица драмы. Справа приближалась мать Ирэн, слева — Корнелий Удалов, дед Максимки.

Грозные, рычащие звуки издавали противники, но тем не менее мотоциклы начали отъезжать и вскоре покинули площадь, а лабухи спрятали в ножны смычки и также растворились во тьме.

— Я те покажу, как по ночам бегать, — произнесла мама Ирины, крепко схватила ее за руку, дала другой рукой подзатыльник Максимке, чем огорчила Корнелия Удалова, который сам собирался дать подзатыльник внуку, да не успел. Поэтому Корнелий тычками погнал Максимку домой. А мама Ирины повела домой свою дочку. Максимка вырывался и кричал на всю площадь:

— Я люблю тебя, Ирэн! Если надо, я завтра освобожу тебя снова.

— Тоже мне освободитель... — начала было Ирина, но осеклась, потому что в глубине души ценила мужскую преданность. И громко крикнула, обернувшись к Максимке: — Спасибо, мальчик!

Больше она ничего не смогла произнести, потому что начала рыдать. И в рыданиях оплакивала свою девичью свободу, стремительность не успевших расцвести чувств, приятное своей неожиданностью сидение в пыльном сундуке и сверканье режущих предметов в руках соперников...

— Хорошо, что соседи прибежали, — говорил между тем Удалов, подгоняя Максимку к дому. — Переключись, говорят, на другую программу, на молодежную. Там твой Максимка в шестьдесят второй серии нелегальное участие принимает. Нет, говорю я им, этого не может быть, потому что Максимка делает уроки в соседней комнате. Но все-таки кинулся я в соседнюю комнату, а ты где? Тебя нет! Кто тебе позволил без спросу в программу лезть?

Ты же знаешь, что нас отключат, и будут правы. Ты забыл, какие неприятности у Ложкина были в прошлом году?

Максимка ничего не забыл, но не очень переживал из-за неприятностей старика Ложкина. Старик Ложкин смотрел сериал из жизни старшины Пилипенко. Ну что может быть более обычного? Детектив как детектив, полицейский роман из провинциальной жизни. Ты зритель, старшина Пилипенко — главный герой. И тут старику Ложкину показалось, что когда Пилипенко искал на городском рынке пропавшие колеса от «Жигулей», один из приезжих торговцев дал ему взятку. Ну, может, и дал, да, вернее всего, Пилипенко не взял. Ведь не мелочный же он, в конце концов! И знает при том, что играет в сериале. А вот Ложкину никто не позволял нарушать правила многосерийной жизни. Никто не разрешал ему писать на Пилипенко письмо в горотдел милиции! С изложением фактов и подозрений. Пилипенку, конечно, сняли и наказали. Но двести сорок семей города Великий Гусляр, которые каждый день смотрели сериал из приключений старшины, остались без зрелища и никогда уже не узнают о том, кто же укатил колеса от «Жигулей» и грабанул пивной ларек. А это немалый удар по культуре.

Так что Ложкина справедливо отключили. Должно же быть наказание — не смешивай зрелище и поганую жизнь!

Все это Удалов на ходу напоминал внуку, а внук выслушивал, мрачно глядя в сторону и спотыкаясь. Плевать ему было на проблемы Ложкина — в нем вспыхнула первая любовь, а взрослые так упорно и неудачно заливали ее упреками и поучениями.

Худшие опасения Удалова начали сбываться, когда они приблизились к своему дому. Под светом одинокого фонаря, горевшего над воротами, стояла тесная темная группа людей.

При приближении Удаловых от группы отделился плотный мужчина в шляпе, надвинутой на уши.

Он загородил Удаловым дорогу и протянул руку ладонью вверх. На ладони лежала черная метка.

— О нет! — воскликнул Корнелий Иванович. — Я буду сам пороть этого бездельника каждый день! Не наказывайте всю нашу семью. Мы не можем остаться без культурного зрелища.

Но человек в шляпе ничего не ответил Удалову. Он повернулся и пошел прочь по улице. За ним — остальные. Улица опустела.

— Ну вот, что ты с нами сделал! Мы теперь неприкасаемые.

Максимка упрямо молчал. Он знал, что даже если бы предвидел все заранее, все равно бы вел себя неразумно. Любовь приходит к человеку неожиданно, как кирпич на голову. И зачастую — лишь раз в жизни.

Когда они вошли во двор, из темноты, из-за сиреневых кустов,

уже частично облетевших, выбежали две девочки — дочери Афиногеевых из соседнего двора. Обе держали в руках по небольшому букету поздних астр.

— Возьми, Максимка, ты настоящий герой, — сказала одна.

А вторая только всхлипнула, чмокнула Максимку в щеку и тоже отдала ему букет.

После этого девочки убежали.

— Это еще что такое? — рассердился Корнелий и хотел было отнять у внука цветы, но тот не дался.

— Это признание, дедушка, — сказал он. — Тебе, может, никогда не дарили цветов. А мне уже в двенадцать лет начали, понял?

— И где ты рос? И когда мы тебя упустили? — закручинился вслух Корнелий Иванович, но внук не ответил ему на эти вопросы.

Когда они поднялись к себе домой, за столом сидел, пил чай их сосед снизу профессор Минц Лев Христофорович. Ксения хлопотала вокруг профессора. Предлагала ему пышки и печенье домашнего изготовления. Но все зря. У Минца не было аппетита.

— Ну вот, — грустно произнес он, увидев вернувшихся Удаловых. — Получается, что добрые намерения приводят в ад. Получили черную метку?

— Вот, — сказал Корнелий и протянул ее Минцу.

На черном кружке размером в ладонь было написано мелом:

«Отстраняйтесь от сериалов сроком на один месяц».

— Месяц, — задумчиво повторил Минц. — Ну и строго они всякие за зрителя.

— За месяц действие так далеко уйдет, что и за год не догонишь, — сказал Удалов.

— А может, они перемрут все, — сказала Ксения.

— Мы будем к ним ходить и смотреть через забор, — сказал Максимка, и все посмотрели на него с осуждением. Это было таким дурным тоном, что впору было отказываться от испорченного ребенка.

Даже добрый Лев Христофорович укоризненно покачал головой.

Он недаром чувствовал себя виновным и пришел к Удаловым, как только прослышал о беде, настигшей это семейство. Ведь именно профессор Минц после того, как в России перестало работать телевидение и вся страна разделилась на шестьсот сорок два независимых государства, предложил великогуслярцам простой и гениальный выход из положения: смотреть друг на друга. С этой целью весь Великий Гусляр был соединен множеством труб и коробов, так что не осталось дома, не подсоединенного к общей телевизионной сети города. Отныне каждый получил возможность смотреть по вечерам события и даже отсутствие таковых в

любом на выбор доме города, в любой семье, в любом общежитии. Но для того чтобы создать материальные стимулы, было решено: тот, кто смотрит на соседскую жизнь, платит по соответствующему адресу. А если ты не хочешь, чтобы за твоей жизнью наблюдали, то имеешь право закрыть заслонки — и живи втайне от окружающих. Но если подписал документ об участии в сериале — терпи, даже когда очень хочется опустить заслонку в своей комнате, потому что жена так несправедливо оскорбляет тебя действием.

Главное было оговорено и постановлено городскими властями: даже если тебе очень не понравилось, как ведет себя главный герой или как страдает его несчастная возлюбленная, ты не имеешь права хватать топор и наводить справедливость. А если кто-то из зрителей позабыл, что смотрит не дешевый спектакль, а наблюдает настоящую гусярскую жизнь, а потому захотел в нее вмешаться и изменить ее течение, пускай пеняет на себя. Наказание одно: тебя встретит у дома Государственная комиссия в черных шляпах и вручит тебе черную метку — а это означает, что на день, два, месяц, год или на всю жизнь у тебя в доме законопачивают входные и выходные смотровые трубы и ты слепнешь. Утром в очереди за хлебом хозяйки будут обсуждать трехсотую серию фильма под условным названием «Семейная драма провизора Савича», а ты, потупившись, будешь обливаться тайными слезами, ибо твоему взору вход в дом Савичей запрещен.

Поначалу все гусярцы радовались и благодарили изобретателя самого дешевого в мире телевидения Льва Христофоровича Минца. Но вскоре начало зреть тайное, а потом и явное недовольство — и главная беда пришла с неожиданной стороны. Называлась она завистью. Обнаружилось, что наибольшую выгоду от сериалов получают не добропорядочные, честные и рассудительные граждане, а лица сомнительной репутации и низкого морального уровня. Поясняю: никому не хочется смотреть в подробностях на жизнь профсоюзных активистов Ивановых и трех их детей. Зато весь город кипит желанием узнать наконец, задушит ли алкаш Сидоренко свою развратную сожительницу Катьку, или она сама пырнет его кухонным ножом и уйдет к Кольке Косому.

Зная об этом интересе и даже пируя на телевизионные гонорары, Сидоренко и его сожительница отлично пользовались славой. Они даже установили дополнительные трубы и дыры возле своей супружеской постели, а ножей разложили по дому несколько десятков. Резать друг дружку они не намеревались, но держали Великий Гусяр в напряжении и каждый вечер пропивали по несколько тысяч рублей.

В этот критический для города момент и случилось чрезвычайное

чайное событие — выходка Максима Удалова и получение его дедом черной метки...

— Даже я, со всеми моими способностями, не смогу вам помочь, — сказал наконец Минц. — Я не могу, пользуясь дружбой, уговорить городской парламент и лично господина Белосельского сделать для нас исключение.

С этими словами Минц распрощался с Удаловыми.

А вечер в их семье закончился тем, что Удалов попытался выпороть наследника, забывши о том, что мальчик занимается боксом. Встреча между дедом и внуком закончилась вничью.

Наутро Удаловы проснулись мрачными, злыми — семья развалилась.

Ксения приготовила мужчинам подгоревшую кашу. Удалов, уходя на службу, забыл дома портфель, Максимка сделал вид, что пошел в школу, а на самом деле убежал в овраг и там прятался, невзирая на дождик. Но что удивительно — именно в овраге его отыскал Гоша Качиев, председатель акционерного общества «Георгий и К^о». Гоша спустился в овраг, раздвинул кусты и спросил:

— Вы не возражаете, господин Удалов-джуниор, если я к вам обратшусь?

Максим удивился, но хамить не стал. И был прав.

Когда вечером Корнелий Удалов возвратился со службы домой, он был удивлен тем, что возле подъезда стоит небольшая толпа соседей, которая при виде Корнелия молча расступилась.

Корнелий внутренне задрожал. Он понял, что в его семье новое несчастье.

Перепрыгивая через две ступеньки, он взлетел наверх и распахнул дверь.

И увидел, что посреди комнаты стоят три японских телевизора — «Панасоник», «Сони» и «Акай». Каждый из телевизоров показывает свою программу — на японском языке, на английском языке и на мексиканском наречии латиноамериканского языка.

И на каждом экране крутится своя программа — одна другой интереснее.

А перед телевизорами сидят Максимка и Ксения и потягивают через соломинки кока-колу.

— Что? — закричал Удалов, подозревая худшее. — Признавайтесь!

— А ты посмотри на балкон, деда, — ответил внук.

Удалов послушно ринулся к балкону.

И увидел на нем две большие, с человека, белые тарелки, которые для знающего человека были принимающими антеннами спутникового телевидения.

— Откуда это? — Удалов снова ворвался в комнату.

— Дедушка, — спросил тогда Максимка, — ты как думаешь, сколько могут заплатить все жители города Великий Гусляр, если они одновременно включают одну и ту же внутреннюю программу?

— Ну, по сотне... — произнес Удалов.

— Вот именно.

— А они, — вмешалась в разговор Ксения Удалова, которая вовсе позабыла об обеде, — все без исключения смотрели вчера вечером шестьдесят вторую серию, где главную роль играл наш мальчик, — и погладила мальчика по головке.

— Понимаешь, Корнелий, — сказал повзрослевший внук, — Гоша Качиев нуждается в наличных средствах — будет строить под площадью Землепроходцев подземный гараж. На миллион, который мне подарил народ, он установил вот эту технику — самолетом из Потьмы после обеда доставили. Так что мы месяц без гуслярского телевидения перебежмся.

— Перебежмся, — улыбнулась Ксения, будто не принимала вчера участия в экзекуции внука.

И Удалов, пока суд да дело, уселся в кресло и стал смотреть настоящий мексиканский сериал.

Постепенно толпа зевак и завистников у подъезда рассосалась, все поспешили по домам смотреть внутренние программы, но тут в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Максимка.

В дверь вошла и робко остановилась у порога светловолосая приятная девушка по имени Ирина, которую Максим спас вчера вечером.

— Максим, — спросила она, — можно я тоже погляжу? Твои старики не возражают?

— Мои старики в таких случаях молчат. Они у меня в строгости: чуть что — отключаю технику, — сказал Максим, как будто ожидал прихода очаровательной гостьи.

Удаловы-старшие смолчали.

Ирэн села на диван рядом с Максимкой.

В тот вечер сериал с ее участием в Великом Гусляре не демонстрировался, а рокеры и лабухи напились на берегу реки Гусь и клялись расчитаться с Удаловым и неверной Иркой. Это им не удалось, о чем будет рассказано в другой истории.

РАЗГОВОР С УВИЙЦЕЙ

По бескрайней степи от самого горизонта волной неся горячий ветер. Со склона холма мне было видно, как, клонясь под ветром, трава показывает изнанку листьев, и от этого вся степь голубела.

Подчиняясь движению ветра, над степью медленно парила большая птица с когтями на концах крыльев. Порой она складывала крылья и бомбой устремлялась к земле, подхватывая выброшенных ветром насекомых.

Ветер взлетел на холм, в лицо пахнуло жаром.

Птица, заметив меня, испуганно взмыла к раскаленному небу.

Я закинул за плечо забарахлившую фотокамеру и решил, что лучше займусь ее починкой вечером, на биваке. Я ведь собирался провести здесь, в верхнем кайнозое, дней восемь. Спешить мне некуда.

Вопрос, который вы можете мне задать и ответ на который у меня готов, очевиден.

Почему я, совершив величайшее открытие в истории человечества, осуществив путешествие во времени, отправился в столь отдаленный период истории нашей планеты? Почему меня не заинтересовали битвы седой старины или эпоха Великих географических открытий? Что потянуло меня в дикие времена, когда разум еще не осчастливил своим появлением эти края?

Отвечаю: меня терзала извечная загадка. Как, когда и почему возник человек?

Умоляю, не надо отсылать меня к пухлым трудам изможденных наукой старцев. У них на все найдется неубедительный ответ. Они знают все закономерности и последовательности. Позвольте же мне им не верить.

А верил бы, никогда не стал бы тратить семнадцать лучших лет жизни на столь сомнительное и рискованное предприятие.

Но в тот момент все труды и сомнения были позади. Я у цели!

Я иду по широкой степи, ожидая встречи с нашим прошлым.

Но что это? Быть того не может!

...Вслед за полосой ветра ко мне приближался человек, такой маленький издали! Он был одет странно, но просто. Сначала я разглядел одежду, непривычный цвет и покрой. Только потом увидел лицо. Лицо было тоже странным.

Оно было шире, чем у обыкновенного человека, и цвет его был куда более, скажу, теплым. Такое впечатление, что вены проходили слишком близко к каждому покрову. Я попытаюсь описать цвет его глаз. Его глаза были темными, почти черными по краю радужки и светлели к центру, где находился маленький, как точка, совершенно черный зрачок.

Потом я взглянул на его руки.

Он раскрыл ладонь, как бы приветствуя меня, и ладонь была испещрена морщинами и полосами, как ладонь обезьяны, а большой палец — куда больше, чем у людей, — отстоял от четырех ос-

тальных. Мне даже показалось, что он не смог бы собрать все пальцы в шепоть.

Через плечо у этого существа висел темный мешок. Простой мешок, если не считать раструба сбоку.

— Здравствуйте! — крикнул он издали. — Как вы сюда попали?

Я подождал, пока он подойдет поближе. Снова поднялся ветер и относил в сторону слова.

— По всему судя, вы не принадлежите нашему миру, — сказал я.

Он остановился неподалеку от меня, снял с плеча мешок и поставил его на траву.

— Естественно, — сказал он. — Я прилетел с другой звезды. А вы? Из будущего?

— Вы правы, — сказал я. — Я изобрел машину времени и потому очутился здесь. А что вас привело на нашу планету?

Следует заметить, что я, зная в принципе о том, что во Вселенной может находиться множество обитаемых миров, в глубине души никогда этому не верил. Уж слишком много случайностей должно было произойти, слишком много объективных факторов соединиться, чтобы возник редкий, хрупкий и, в общем, невероятный в космосе феномен — разумная жизнь.

Но это существо не было плодом моего воображения. В глазах его, выразительных и чужих, светился ум. Холодный и расчетливый.

— Я сожалею, что вы изобрели машину времени, — сказал он. — И сожалею, что вы встретили меня.

— Почему? — Я сразу встревожился. Я понял, что он не шутит. Он искренне сожалеет.

— Я намерен, — сказал он, — изменить будущее этой планеты. И сделаю это. Никто бы не заподозрил. Если бы не ваше прищипанное изобретение.

— Говорите яснее, — сказал я. — Как вы можете изменить будущее, если оно уже свершилось, чему я — доказательство?

— Это выше вашего понимания.

— Вы забываете, что я изобрел машину времени. Следовательно, я не только образован и умен, но и обладаю воображением.

— Мне это ясно, — ответил пришелец. — Иначе бы я не стал с вами разговаривать. Но дело в том, что я намерен изменить ход вашей эволюции. Вы присаживайтесь, здесь сухо.

Мы сели рядом на вершине холма. Со стороны могло бы показаться, что мы — близкие друзья. На самом деле я понимал, что живу перед собой злейшего врага человечества.

— В этом мешке, — сказал пришелец, — семена растений, присущих нашей флоре. Я намерен рассеять их по этому району

вашей планеты. Мои спутники сделают то же самое в других ее областях.

— Зачем?

— Чтобы вытеснить вашу флору.

— Но зачем же?

Пришелец поглядел на меня сверху. Даже сидя, он на голову возвышался надо мной.

— Затем, — сказал он, — чтобы спасти наш род, наше племя.

— Выразитесь яснее, — попросил я. — Мне непонятно, зачем для спасения своего племени прилетать к нам?

— Я буду искренен с вами, хотя моя искренность вам будет неприятна. Приготовьтесь к худшему.

— Вы говорите, как хирург в больнице о неудавшейся операции, — постарался улыбнуться я. Хотя улыбаться мне не хотелось.

— Удача или неудача операции зависит от точки зрения, — ответил пришелец. — Но моя цель заключается в том, чтобы пациент умер, не родившись и потому не догадавшись, что он умирает.

— Не говорите загадками, — попросил я. Мой собеседник был мне неприятен. Груда мяса, волосы, торчащие из щек и даже из ушей, вывернутые ноздри... Господи, и ведь есть на свете какая-то самка, которая полагает его красивым и называет «моя птичка!».

— Я и не собирался говорить загадками. Мы собираемся исправить историческую ошибку. Наша цивилизация, мудрая и древняя, вынуждена дорого платить за ошибки молодости и увлечения зрелости. Иными словами, наша история — это цепь трагических ошибок, что свойственно, впрочем, любой другой цивилизации. Наши леса сведены, почвы истощены, водоемы безнадежно отравлены. Мы вынуждены существовать в искусственной, химической сфере, мы лишены нормального воздуха и даже нормальных пейзажей. Есть опасность вырождения и окончательной гибели...

— Да, — вздохнул я, — подобные проблемы свойственны и для нас. Мы тоже натворили, простите...

— Теперь уже не натворите, — усмехнулся мой собеседник, раздвинув в усмешке тонкие губы. — Мы позаботимся.

— А что? Что вы намерены сделать? — Страшное, неясное еще подозрение когтями схватило меня за грудь.

— Мы намерены исправить наши ошибки. Но, как вы понимаете, это невозможно сделать, не принеся ничего в жертву. Мы намерены принести в жертву вас.

— Как так?

— Мы избрали вашу планету, так как состав атмосферы, температурный режим и инсоляция здесь примерно соответствуют

условиям на нашей планете. И мы решили заселить планету нашими соотечественниками.

— А мы? — глупо спросил я.

— А вас нет.

— Как так нас нет?

— Оглянитесь, мой друг. Можете ли вы найти здесь хоть одного разумного жителя?

— А я?

— Вы — та случайность, которая так замечательно подтверждает правило.

— Но мы потом родимся, я вам это гарантирую!

— Ничего подобного. Вы не родитесь. Мы отправились в прошлое, далекое для вас, но не столь далекое для нас. Мы прилетели на вашу планету. Мы засеем ее семенами наших растений, и через несколько лет они полностью вытеснят ваши травы и кусты.

— Но зачем?

— Чтобы изменить белковый баланс. Наши растения — это пища для наших животных, наши животные станут пищей для наших предков. Мы заново выведем наш род на чистой и пустой планете. Это будут наши потомки, в то же время это будут наши улучшенные варианты.

— А как же мы?

— Господи, ну сколько же нужно повторять! Животные, которые водятся здесь, постепенно вымрут, отравившись нашими растениями. И тогда мы запустим сюда животных, а затем и людей с нашей планеты. Они будут развиваться в естественной атмосфере, они создадут здесь свою цивилизацию. А уж мы позаботимся, чтобы они не совершали ошибок, которые натворили мы сами.

— Нет, я все же не понимаю! А как же мы?

— Но вас не будет! А раз вас не будет, вы не догадаетесь, что вымерли. Так как вы вымрете до того, как появитесь на свет! На этой планете даже предков ваших не появится! Да закройте вы рот, у вас слюна изо рта капает! Стыдно так распускать слюни! Возьмите себя в руки, имейте смелость вымереть достойно!

— Но может, вы просто так привезете своих детишек? Пускай они живут, и мы будем жить? — Я произносил эти слова и понимал, что несу чепуху. Тигр и трепетная лань не могут кушать манную кашу.

А собеседник мне не ответил. Он лишь пожал своими уродливыми плечами.

Более минуты прошло в молчании. Потом пришелец прихлопнул на щеке комара и задумчиво сказал:

— А хорошо, что ваши родственники и не родятся. Наша фло-

ра им так враждебна... Они бы вымерли, и, может быть, в мучениях, потому что не сразу.

— А гуманизм? — спросил я.

— Гуманизм? — повторил он без издевки. — Я слышал это слово. А почему вы считаете себя более гуманными, чем мы? Мы не можем изменить биологических законов. Любой вид старается захватить и расширить свою экологическую нишу. И мы по-своему гуманны, потому что разумны. Мы никого не уничтожаем. Вы же не исчезнете. Вы просто не родитесь. Вас нет, не было и не будет.

— И моей жены не будет?

— Она — лишь плод вашего воображения.

— И дети?

— И дети.

— Что же мне делать?

— Полагаю, что лучше всего вам остаться здесь. Пока размножатся наши травы и кусты, пока изменятся воздух и вода, у вас будет время — несколько лет, — чтобы пожить в свое удовольствие. Если, конечно, вам нравится ходить с дубиной и кушать лягушек.

Он издевался надо мной!

Только этой откровенной издевкой можно объяснить мой поступок.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я вскочил на ноги.

— Не суетитесь, — сказал пришелец. — Я вас сильнее.

— Но я защищаю судьбу планеты!

— Защищайте. А я пока займусь распылением семян.

Он поднялся и взял мешок с семенами.

— Я вас убью! Честно предупреждаю.

— Вряд ли, — ответил пришелец. — Судя по всему, вы недостаточно агрессивны. Вы из тех, кто выходит на шумные демонстрации и думает, что демонстрации что-то меняют. Но зато вам приятно, вы как бы пережили сексуальный климакс и теперь можно спать.

— Я убью вас, — сообщил я. — Затем я отправлюсь в будущее, соберу сознательных людей, мы вернемся сюда и оторвем вам головы.

— Не получится. Встанут новые бойцы. Мое место займут товарищи по борьбе.

Я лихорадочно думал, чем его убить.

Он был прав — я не склонен к насилию. Шансов победить пришельцев у меня ничтожно мало. Но разве это основание, чтобы отказываться от борьбы?

Я вспомнил, что у меня через плечо висит фотокамера, почему-то вышедшая из строя. Тем более ее не жалко.

Камера была тяжелая, с металлическими уголками.

Я поднял ее и замахнулся.

— Ну-ну, — сказал он, — попрошу без шуток. Вы ведь не умеете убивать, так что с непривычки можете натворить черт знает чего.

Я был неумолим. Мною владело отчаяние. Я должен был убить разумное существо, против чего восставала вся моя натура. Я погнался за ним.

Он бросил мешок, чтобы было легче убежать от меня. Я наступил на мягкую округлость мешка и даже наподдал его ногой. Потом помчался следом. Самое странное, что мы на бегу продолжали говорить.

— Вы у нас были? — кричал я. — Вы нас видели? За что вы нас убиваете? Мы, может быть, лучше вас!

— Я у вас не был! — кричал он в ответ. — И не буду. Вас не существует. Вы — исторический нонсенс. Эта планета будет принадлежать моим братьям!

— Постыдитесь! — кричал я, размахивая фотокамерой. — Мы существуем! Ищите себе пустую планету!

— Вы украли у меня мешок! — кричал он. — Эти семена мы собирали по всей планете! У нас экологический кризис!

Я почти догнал его, но тут он, забежав за скалу, скрылся. Когда я последовал за ним, то увидел, как закрывается люк в небольшом летающем блюде. Я колотил камерой по борту его корабля, но без результата. Потом он взлетел.

Тогда я побежал обратно. Я хотел найти мешок с семенами и сжечь его. А потом нестись в будущее, в мое время, чтобы поднять всех на ноги, чтобы привести сюда с собой моих друзей и уничтожить этих пришельцев, всех до последнего, как вредных насекомых.

Но сколько их? Вроде бы он говорил что-то о бригаде сеятелей? А кто поверит мне?

Я шел по степи, в которой были разбросаны камни, и старался вспомнить, где же тот приговор, на котором пришелец оставил смертельный мешок?

Но камни были одинаковыми, пригорки схожими, трава одинаково сгибалась под настойчивыми порывами ветра.

В конце концов я утомился настолько, что мечтал лишь об одном: скорее вернуться домой, отдохнуть, прийти в себя и тогда уж взяться за борьбу с таким странным и безжалостным нашествием.

К счастью, место временного прыжка было отмечено воткнутой в траву шестом с белой тряпкой. Рядом с шестом было углубление, обложенное белыми голышами. Это и есть пункт времени.

Я вступил в центр круга и совершил необходимые действия для начала переборки.

В глазах у меня потемнело.

Я понесся через века и тысячелетия к себе домой.

Вот и мой год.

Я вышел из круга.

Я должен был оказаться в небольшом парке, который окружает мою загородную резиденцию.

Но это был не мой парк!

Я стоял на опушке леса, представлявшего собой нелепую коллекцию странных сине-зеленых растений многометровой высоты с иглами вместо листьев, между ними носились странные насекомые с прозрачными крыльями и длинными тельцами. Воздух прямо и зловеще пахнул чуждыми и ядовитыми ароматами, он буквально источал сладковатый запах смерти.

Если бы я не был уверен в силе своего здравого смысла, если бы я не помнил, к сожалению, разговора с сеятелем-пришельцем, я бы решил, что сошел с ума. Сейчас же я не мог утешить себя забвением или даже сумасшествием.

Безумие, спасительное безумие не было даровано мне небесами!

Но надо что-то делать.

Я пошел по краю леса, отмахиваясь от насекомых. Вместо моего дома появился берег реки, на том берегу высились строения совершенно чуждой для меня архитектуры.

По берегу в мою сторону направлялись два живых существа, происхождение которых не вызвало никаких сомнений в том, что это и есть соотечественники моего недавнего оппонента.

Они победили!

Я трагически опоздал.

Жуткий, жестокий эксперимент, поставленный несколько сотен или миллионов лет назад, удался.

Мой славный мир погиб.

Его не существует.

Нет моей жены, нет моих детей, моих друзей и моей библиотеки!

Два существа подошли ближе.

Одеты они были иначе, чем тот давешний пришелец, но те же жестокие глаза, те же странные кисти конечностей...

Мне от них не убежать. Да и стоит ли бежать?

Я не стал убежать. Куда убежишь в чужом мире?

Один из них был пониже ростом и весьма толст, другой — худой, с густой неопрятной растительностью на голове. словно множество тонких червячков расплодилось над его лбом.

При виде меня эти существа заговорили между собой. Их ротовые отверстия, окруженные отвратительного вида алыми по-

лосками кожи, активно шевелились, но ни единого слова я не разобрал.

Ноги мои подкосились, и я устало рухнул на траву.

Мой путь завершен.

Ну почему я не догнал и не задушил того пришельца? Впрочем, сколько их там было? Сколько надо душить? Десять, сто?

— Что же будем делать? — спросил Корнелий Удалов, опуская на траву корзинку с опятами. — Судя по внешнему виду — инопланетный пришелец. От своих отбил, оголодал. Помрет, пожалуй.

— Не дай бог, Корнелий! — воскликнул Саша Грубин. — Разве можно так говорить о гостях из космоса?

Он склонился к пришельцу — маленькому, худенькому — соломинкой перешибешь, в длинных трусах и свободной рубаше, и произнес:

— Товарищ... Господин хороший, мы вам постараемся помочь. Следуйте за нами.

— Нет, не понимает, — сказал Удалов. — Давай я ему медленно скажу на космолингве, не зря же учил. Дорогой наш брат по разуму, вы находитесь на Земле, в Вологодской области, в городе Великий Гусляр. Вы среди друзей. Мы вас вылечим и отправим обратно.

— Наверное, была катастрофа, — сказал Грубин. — И он выпал из своей тарелочки. Это бывает. Не жилец...

— Плохо одному в чужом мире, — согласился Удалов. — Надо будет его ко Льву Христофоровичу отвести. Пускай сделает ему анализы и накормит. А то еще отравим невзначай.

— Ты прав, — согласился Грубин. — Отдых ему требуется и диетическое питание. А пока он у нас приходит в себя, мы ему покажем наш город, а если нужно, то и в Москву свозим. Ему, наверное, интересно.

Они подошли к пришельцу и склонились над ним.

Они подошли ко мне вплотную.

Они подхватили меня под локти и потащили в плен.

Вернее всего, у них есть приказание уничтожить без следа любого истинного хозяина этой планеты, прежде чем он их разоблачит.

Но мне все равно.

Я последний.

Я покорно иду к своей гибели...

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ!

На закате, сверкнув в косых лучах солнца, во дворе дома № 16 приземлился антрацитовый вертолет с золотым двуглавым орлом на борту — знак президентской связи.

Детишки, что играли во дворе, разбежались, испугавшись, по углам, но двухметровый фельдгегер в форме с галунами заметил их и, улыбнувшись, негромко спросил:

— А ну, кто скажет мне, где проживает профессор Лев Христофорович Минц?

Он вынул из верхнего кармана шоколадную конфетку и показал ее детям. Дети наперебой закричали:

— Во второй квартире!

Фельдгегер кивком поблагодарил детей, спрятал конфету в карман, раскрыл рыжую, давно не крашенную дверь и вошел в дом. На лестнице было темно, потому что опять перегорела лампочка, но фельдгегер был готов к нестандартным ситуациям и включил фонарик, вмонтированный в козырек фуражки. При ярком свете он отыскал квартиру № 2.

Фельдгегер позвонил в дверь. Никакого ответа. Он постучал в дверь кулаком, обутым в стальную перчатку. Наконец дверь распахнулась.

В проеме двери стоял пожилой, тугий телом мужчина, настолько лысый, что об его макушку можно было бы наводить опасную бритву. Взгляд мужчины был гневен.

— Сколько можно повторять, — воскликнул он, — что до шестнадцати часов я ежедневно думаю!

С этими словами он попытался закрыть дверь, но фельдгегер успел вставить обшитый титановым сплавом острый носок сапога в щель, и профессор был вынужден сдать и отступить.

Комната профессора поразила фельдгегера неуютом и бедностью.

В комнате умещались кушетка, окруженная бастиянами книг, и большой стол, уставленный приборами, заваленный научными журналами и грязной посудой. В комнате не было ни одного предмета настоящей профессорской обстановки. А так как фельдгегер книг не любил и печатное слово признавал только запечатанным в специальном конверте, то у него возникли сомнения, туда ли он попал.

— Имя! — приказал он. — Фамилия! Отчество!

— А вам кто нужен? — нагло спросил толстяк. — Не бойтесь, говорите, я не кусаюсь.

Фельдгегер растерялся. Его давно никто не упрекал в трусости. Поэтому он сразу признался:

— У меня конверт для профессора Минца Льва Христофоровича.

— Давайте конверт. — Минц уже уселся за стол, подвинул к себе тарелку с холодной яичницей и принялся пилить ее ножом.

Фельдгегер все еще колебался. Тогда профессор спросил:

— Расписываться где?

Вопрос убедил фельдгегера, и он протянул профессору пакет и потом дал расписаться в специальной книжке.

Профессор неуважительно бросил письмо на кипу журналов, но фельдгегерам не положено давать советы адресатам.

Как только дверь за фельдгегером закрылась, профессор протянул руку за конвертом, ибо не был лишен любопытства, но тут перед его носом в воздухе столкнулись две осы, и Минц занялся подсчетами вероятности такого столкновения. Так что когда через полчаса к Минцу заглянул его сосед Корнелий Иванович Удалов, он застал профессора углубленным в подсчеты, для чего у него был старенький арифмометр «Феникс», которому он доверял больше, чем всем компьютерам Земли.

— Уже шестнадцать двадцать, — сказал Удалов. — Мы с тобой собирались сходить на выставку цветов в парке. Забыл, что ли?

— Я ничего не забываю, — ответил профессор. — Через три минуты я завершу работу над новой теорией столкновений свободно летающих тел и сам буду свободен, как это самое тело.

— Зачем к тебе фельдгегер заходил? — спросил Удалов. — От Президента, что ли?

Иному может показаться странным спокойствие, с которым обитатели дома № 16 относились к мировой славе профессора Минца. Но в этом не было притворства — Удалов, например, и сам славой не обойден, да и весь Великий Гуслиар занимает не последнее место в мировых новостях.

— Давай вскрывай конверт, — сказал Минц, — может, что срочное?

Удалов сломал печать и вытащил лист бумаги.

«Глубокоуважаемый Лев Христофорович! — писал Президент Минцу. — Не откажите в любезности посетить меня в среду, часика в четыре. Заодно и пообедаем, моя жена чудесно готовит котлеты с картошкой. Если соберетесь, возьмите с собой Корнелия Ивановича. Ваш Президент».

— Надо съездить, — сказал Минц, когда Удалов кончил читать письмо. — Не отстанут ведь...

Президент был не один. В кабинете сидели несколько авиационных генералов и академиков. Удалов оробел. Хоть ему пришлось в жизни попадать в разные ситуации, но стесняться он не

перестал — в отличие от Минца, который давно уже ничему не удивлялся. Он пожал руку Президенту, поздоровался с академиками и генералами.

Некоторые академики радовались встрече с Минцем, давно исчезнувшим из их поля зрения, а другие завидовали ему и не скрывали неприязни. У нас редко любят гениев.

— Садитесь, — попросил Президент и сам уселся во главе длинного стола. — Разговор предстоит серьезный. Надо поговорить о дальнейших, понимаешь, космических исследованиях.

В кабинете воцарилась тишина.

— Есть у нас, понимаешь, трудности, — продолжал Президент. — Поломки, неполадки, раздается зарубежная критика, кое-кто ставит под сомнение тот факт, что мы, понимаешь, великая держава.

Эти слова вызвали возмущение среди генералов и академиков. Они принялись высказывать возмущение открыто, чтобы Президент их услышал. Президент поднял руку и произнес:

— Не выступайте, все я слышу, все понимаю. И думаю, что мы найдем способы. Не оскудела наша земля талантами. Есть у нас камни за пазухой.

Президент сделал знак референтам, и тут же открылась дверь и ввели юношу лет пятнадцати — худенького, лохматого, с серьгой в ухе, в футболке, джинсах и грязных кроссовках.

Некоторые из присутствовавших не смогли сдержать своего негодования из-за того, что наша молодежь оставляет желать.

— Погодите вы, — рассердился Президент. — В молодежь верить надо, а не подножки подставлять. Подножки подставлять — это каждый умеет. Иди сюда, Сережа, расскажи нашим корифеям, чего ты открыл и обнаружил, пока они по заграницам ездили.

Юноша оказался не таким робким, как того ожидал Корнелий Иванович.

Он вынул из заднего кармана джинсов какую-то считалочку, начал нажимать кнопки. Шум в кабинете утих. Все ждали.

— Объяснить, как произошло открытие, или вкратце? — спросил юноша у Президента.

— А если подробно, мы поймем?

— Боюсь, что нет еще, — смущенно улыбнулся Сережа. — В общем, мне удалось вычислить, что в нашей Галактике есть обитаемые планеты. К сожалению, они находятся довольно далеко. Но я точно знаю их координаты и, если кто захочет, могу показать расчеты.

Всем захотелось возмутиться, но заявление Сережи было на-

столько неожиданным и наглым, что никто не отыскал нужных слов.

И тут, как назло, поднялся академик Кочубей, ведущий наш астрофизик, и сказал:

— Мальчик занимался в моем кружке при планетарии. Я проверял его расчеты. Ошибки нет.

Вот тогда начались споры и даже крики. Словно Президента не было в комнате. Таким сенсационным было событие.

Пошумели, покричали, потом Президент легонько стукнул ладонью по столу, стол вздрогнул, и академики и генералы вспомнили, где они находятся.

— Хочу заметить, — сказал Президент, — информация совершенно секретная, Сережу мы пока изолировали...

— Вот об этом я и хотел сказать, — вмешался Сережа. — Ну сколько можно! Если б знал, никогда бы такого открытия не делал.

— Эх, юноша, юноша, — заметил академик Беневоленский. — Поработали бы со мной при изобретении водородной бомбы, тогда бы не возмущались.

— Кстати, — добавил генерал-полковник с дьявольской бородкой, — всем присутствующим придется дать подписку о неразглашении.

— Ну это ты, понимаешь, поспешил, — остановил ретивого генерала Президент. — Это мы успеем. А знаешь почему? А вот и не знаешь, раз мигаешь глазами. До нашего брата по разуму еще долететь надо. А ведь не долететь. Сколько у тебя парсеков получается?

— Шесть, — ответил юноша.

— Вот и я говорю, что не долететь. А долететь надо. Я собрал вас, понимаешь, посоветоваться.

С разрешения Президента академики начали допрашивать Сережу с целью унизить его в глазах Президента, тот понимал и посмеивался, генералы тоже стали спрашивать о глупостях вроде военного потенциала наших братьев по разуму, а Удалов крепко задумался.

Он-то отлично знал, что Галактика кишмя кишит разумными цивилизациями, к нам прилетают, Удалова тоже возили на отдаленные планеты. Но это, разумеется, тайна в пределах Великого Гусляра. Сережа до своего открытия дошел самостоятельно. А раз так — скажите, почему Президент вызвал в Москву именно Минца с Удаловым из Великого Гусляра, а не Пупкина с Рабиновичем из Нижнесосенска?

Совещание продолжалось еще часа полтора и не пришло ни к какому результату. Даже если кто и поверил мальчишке, то пред-

ложить космическую экспедицию, чтобы утереть нос всем американцам, не смог, нет у России такой возможности.

По прошествии двух часов Президент поблагодарил всех участников. Когда гости стали подниматься, он сказал Минцу:

— Лев Христофорович, останьтесь, и вы, Корнелий Иванович, задержитесь, пожалуйста.

Ежась под злыми взглядами некоторых академиков, Удалов с Минцем задержались. Вскоре они с Президентом остались одни.

— Нет, — сказал Президент, — с нашим народом каши не сваришь. Я так и думал, что ничего они не придумают. Но чтобы до такой степени, то даже я не предполагал. А вы как думаете?

Профессор Минц поскреб блестящую лысину и произнес:

— Не мое дело судить коллег и генералов. Но ваши мысли мне понятны.

— Вот уже лучше! — обрадовался Президент.

— Достаточно сложить два и два, чтобы получилось два в квадрате.

— Надо запомнить, — сказал Президент и записал слова профессора. — Смешной, понимаешь, парадокс.

— Вам принесли координаты иноземной цивилизации, — продолжал Минц, — и вы как государственный человек сделали вывод...

— Я сделал вывод — надо лететь! — сказал Президент.

— Это сегодня единственный способ обогнать Америку и показать всему миру, что Россия остается великой страной.

— Ну молодец, ты — наш старик! — обрадовался Президент. — Продолжай!

— Но я тоже не представляю, каким образом... — начал было Минц, но тут Удалов его перебил:

— Я думаю, что речь идет о минимизации.

— Об этом неудачном опыте?

— Вот именно! — воскликнул Президент. — Зря вы это изобретение выбросили, Лев Христофорович... Зато сейчас оно нам очень пригодится. Если у нас имеется отдаленная цивилизация и если у нас нет денег, чтобы отправить туда космическую экспедицию, то почему бы не уменьшить космонавтов до миниатюрных размеров, и тогда...

— Запасов воздуха и пищи надо в сто раз меньше, вес корабля в сто раз меньше — всего надо в сто раз меньше! — заявил Удалов. — Вы гений.

— О гениальности — это лишнее. У меня есть семья и другие советчики. В коллективе живу, думаю вместе. А решения приходится принимать, понимаешь, в одиночестве. Устал я, ребята. Пошли, что ли, пообедаем. Супруга ждет.

Все приборы для корабля изготавливались на станции юных техников и в Институте борьбы с вредными насекомыми. Мебель и прочие вещи поручено было изготовить фабрике твердой игрушки. Фабрику оцепили автоматчики, прочие организации тоже охранялись.

В Министерстве обороны об операции «Звезды зовут» знали три человека. Зато очень многие знали о параллельной операции «Галактика». На полигоне в Плесецке готовили к старту настоящий гигантский космический корабль, и хоть цель полета держали в тайне, половина населения Земли о ней знала — готовился полет к дальним звездам.

В США эксперты по русским делам категорически заявили, что русская технология и экономика такого запуска не выдержат, а если корабль и пролетит сколько-то там миллионов километров, то он обязательно рассыплется. Так что к звездам все равно полетят американские астронавты. Только надо погодить.

А пока суд да дело, американские агенты и купленные ими мафиозные кланы вели поиски юноши Сережи. Сбились с ног, но найти не смогли, потому что он сдружился с академиком Минцем и уехал с ним на время подготовки экспедиции в Великий Гусляр, где жил на правах внучатого племянника и вел со Львом Христовичем бесконечные споры о кибернетике. Старый и юный ученые крепко подружились.

Присутствие Минца пока не требовалось. Дела шли и без него под президентским контролем.

Дети во дворе дома № 16 уже привыкли, что в семь вечера там опускается черный вертолет с золотым гербом России на борту и из него выходит дюжий фельдгегерь, у которого всегда найдется для них конфета.

Наконец — уже осенью, когда трава в городском парке пожухла, а клены стали огненными, — подготовка к экспедиции была завершена.

В Гусляр пришло послание от Президента:

«Удалову и Минцу быть в Плесецке к шести вечера».

На том же фельдгегерском вертолете и вылетели.

На космодроме наших знакомых тут же провели в бункер. Там находился Президент. Нет, не инкогнито, а совершенно официально, так как только он мог помахать рукой улетающим космонавтам.

Президент сидел за простым дубовым столом, который остался в наследство от академика Королева. Справа сидел Генеральный, слева генерал с бородкой под Троцкого. Комиссия принимала доклады служб.

Когда выяснилось, что все службы свое дело сделали и ко-

рабль к полету готов, Президент отправился на пресс-конференцию.

Журналистов собралось столько, словно Президент только что взял штурмом Кремль.

В коридоре, в тот момент, когда никого рядом не было, Президент по-товарищески обнял Минца и Удалова и спросил:

— Не передумали?

— Нет, — сказал Минц.

— Средство привезли?

Минц похлопал себя по верхнему карману.

— Инкубационный период проверяли?

— И не раз, вы не волнуйтесь, — сказал Удалов. — Короткий у нас инкубационный период.

Президент поспешил на пресс-конференцию. От двери обернулся и громко прошептал:

— Вся надежда на вас, старики! Если опозоримся, меня скинут, вас на пенсию, если не хуже, а удар по репутации России будет такой, что уже не управиться.

— Не подведем, — заверил Удалов.

В отведенной им комнате они просидели минут двадцать. Работал маленький телевизор. Они смотрели, как Президент отбивается от скептически настроенных журналистов. Настроение было тревожным. Ответственность — громадной.

В дверь заглянула дочь Президента, доверенное лицо.

Она сделала жест рукой. Дочь была вся в черном, на голове черный платок.

Черной монашкой она повела друзей по коридору.

Они вышли на поле. Дул холодный ветер. Удалов пожалел, что не взял плаща.

Впереди возвышалась громадная башня — космическая ракета.

Дочь Президента легко вспрыгнула на небольшую платформу, Минц с Удаловым последовали ее примеру, и тележка покатила к кораблю.

Возле корабля было тихо.

Часовые у башни мирно спали.

— Никто не заметит нашего прихода, — сказала дочь Президента.

— Куда его денут? — спросил Удалов, показывая на корабль.

— В сторонке постоит, — ответила дочь Президента. — Их тут две дюжины, несчитанные. Еще со времен «холодной войны».

Они поднялись на лифте в космический корабль, прикрепленный спереди к ракетоносителю. Ракета была большой, корабль казался маленьким.

— Папа очень на вас рассчитывает, — сказала дочь.

Минц поцеловал молодой женщине руку, а Удалов крепко пожал ей прохладные пальцы.

Минц и Удалов остались одни.

— Что ж, — сказал Удалов. — Может, попросаемя? Мало ли что может произойти?

— Ничего не случится, — отрезал Минц. — Мои открытия абсолютно надежны.

А тем временем пресс-конференция кое-как закончилась. Президенту не удалось убедить иностранных корреспондентов, что миссия к дальней звезде завершится успешно. Оппозиционные журналисты обвинили его в безжалостном отношении к русским людям. В сознательной попытке убить космонавтов по указке западных спецслужб. Репутация страны и лично Президента была поставлена на карту.

На глазах у сотен телекамер Президент пожал руки космонавтам и пожелал им скорейшего возвращения.

Гедике Петр Матвеевич был высок ростом, у него были курчавые черные волосы и нос с горбинкой. Он отличался безумной храбростью и находчивостью. Еще пять лет назад, до окончания летного училища, он был капитаном команды веселых и находчивых Московской консерватории. Петр Иванов — коренастый, светлоглазый, малоподвижный, с пшеничными волосами, которые спадали на лоб, — был слесарным гением. Он собственными руками построил действующий самолет и пытался улететь на нем в Америку. Его поймали в районе Северного полюса и вместо тюрьмы отправили в отряд космонавтов.

Весь мир глядел на то, как космонавты строевым шагом, поблескивая прозрачными круглыми шлемами, прошагали последние метры до ракеты. Петр Гедике отапортовал лично Президенту.

— С богом, — напутствовал Президент.

Патриарх сказал небольшую речь.

Космонавты исчезли внутри космического корабля. Весь мир затаил дыхание.

Начался отсчет времени.

Космонавты не смогли скрыть изумления, увидев в космическом корабле двух пожилых джентльменов — толстого и низенького.

— Вы что здесь делаете?! — воскликнул командир корабля Петр Гедике. — Сейчас же покиньте космический корабль.

— Нет, — твердо сказал Минц. — Мы летим все вместе.

— Как вместе? — удивился Петр Иванов. — У нас каждый кусок хлеба, каждая капля воды на учете.

— Воды и хлеба достаточно! — отрезал Удалов. Он вынул из кармана и протянул космонавту Гедике свой заграничный паспорт с открытой космической визой. Минц также дал космонавтам убедиться в том, что его документы в полном порядке.

— Отныне и до конца полета, — сказал Минц, — я буду научным руководителем экспедиции, а Корнелий Иванович — консультантом по галактическим вопросам.

Космонавты находились в растерянности, и Петр Гедике решил выйти на связь с Центром управления полетами.

— Погоди, — велел ему Удалов. — Сейчас будет связь.

И точно. Вспыхнул экран телевизора, и на нем показалось усталое лицо Президента.

— Вы удивлены, космические соколы, — сказал Президент. — Но попрошу вас не удивляться. Как Верховный главнокомандующий я беру на себя всю ответственность за неожиданные назначения. Я подтверждаю полномочия моих представителей Минца и Удалова. Прошу вас, во всем слушайтесь старших товарищей. Счастливого пути и мягкой посадки!

Экран погас, а Петр Иванов сказал:

— Вот блин!

На что Минц ответил:

— Ругань и ненормативную лексику попрошу из нашей жизни изъять.

Петр Иванов замолчал и молчал с тех пор несколько недель, стараясь придумать фразу без этой лексики.

— А сейчас, — продолжал Минц, — мы с вами сделаем уколы и отправимся в полет.

— Уколы уже делали, — возразил Петр Гедике. Но его возражения не были приняты во внимание. Одно утешение — иголка у профессора была такая длинная и острая, что проколола скафандры — не пришлось раздеваться.

За двенадцать минут до старта космонавты заснули. Еще через минуту они стали уменьшаться и уменьшались до тех пор, пока Минц не положил их в спичечный коробок и не отнес в секретный носовой отсек корабля, где помещался такой же космический корабль, только в семьдесят раз меньше настоящего.

— Ну что ж, — сказал Минц, — ничего не поделаешь. Родина слышит, Родина знает...

— Как в небесах ее сын пролетает, — закончил куплет Удалов.

— На старости лет дома надо сидеть.

— Может, в последний раз, Христофорович, может, в последний раз...

Минц сделал уколы и себе с Удаловым. Только из другой склянки — снотворное спасителям России не требовалось.

Друзья уселись у ступенечек, что вели в махонький кораблик, и стали ждать, пока подействует зелье.

— То-то американцы утрутся, — сказал Удалов. — Со всей их хваленной техникой. Им до звезд никак не добраться.

— Геополитически важно, — развил его мысль Минц, — то, что некоторые страны Восточной Европы, в первую очередь Польша, откажутся от притязаний на членство в НАТО.

— Вот именно, в НАТО, — согласился Удалов и стал уменьшаться.

Вместе с ним уменьшался и Минц. Так как они делали это одновременно, то уменьшение прошло незаметно, лишь отсек корабля быстро увеличивался.

— Под ложечкой щекочет, — признался Удалов. — С непривычки.

Когда уменьшение закончилось, Минц с Удаловым быстро поднялись в миниатюрный кораблик, прикрепленный к носу корабля настоящего. Космонавты спали на полу в гигантском двуспальном гробу. Таким предстал глазам Удалова спичечный коробок.

— Как только мы их вытащим? — удивился он.

— А нам этого не надо делать.

— Как не надо?

— За нас это сделает природа, — загадочно ответил Минц и надел на нос какой-то аппаратик, смысл которого Удалов понял буквально через минуту.

Глухой и чуть взволнованный голос руководителя полетов наполнил отсек.

— Готовы ли вы к полету, друзья? — спросил он.

— Готовы! — ответил Минц голосом Гедике. Вот для чего ему понадобилась насадка на носоглотку! Великий человек велик и в мелочах. Удалову бы никогда не догадаться до такой гениальной детали. А ведь не будь ее — все могло сорваться.

— Помните, за вами наблюдает вся наша страна! — сказал руководитель полетов. — Весь мир. Все цивилизованное человечество. Но и наши недруги, закусив губу, не отрываются от телевизионных экранов в надежде на то, что ваш полет сорвется. Так что...

— Погоди, понимаешь, — послышался другой голос, голос Президента. — Я вам тоже скажу. Заранее приношу вам благодарность от всего народа и от меня лично.

— Начинаем отсчет последних секунд, — произнес руководитель полетов. — Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Минц с Удаловым уселись в кресла и привязали себя ремнями. Только успели это сделать, как невероятная сила прижала их к креслам, взревели двигатели ракеты.

— Поехали! — сказал сакраментальное слово профессор Минц.

Как всегда, профессор Минц оказался прав.

Когда завершился взлет и ракета исчерпала свои возможности, первая ступень отлетела и сгорела, как положено, в атмосфере. То же случилось со второй и третьей ступенями. Но в отличие от остальных носителей звездная ракета имела дополнительную четвертую ступень, при включении которой миниатюрный кораблик отделялся от своего большого брата, а тот оставался на орбите ждать возвращения космонавтов.

Когда это случилось, пришла пора просыпаться Петру Гедике и Петру Иванову. И вот тут снова сказала предусмотрительность Минца. К тому времени на корабле воцарилась невесомость. А это означало, что космонавты сами приподнялись над спичечной коробкой и начали парить в воздухе. Коробок, конечно же, оказался складным, и профессор спрятал его за рояль, который стоял в кают-компании кораблика, чтобы путешественники могли развлекаться долгими космическими вечерами.

Разумеется, космонавты очень удивились тому, что проспали старт, но Минц убедил их, что их наказывать за это не будут, так как стартовый сон входит в программу.

Мастера с фабрики твердой игрушки потрудились на славу. Даже рояль в три сантиметра длиной почти не фальшивил. Разумеется, космонавты и не заподозрили, какую злую шутку сыграл с ними профессор Минц. Так что полет прошел в согласии и спокойствии.

В назначенные моменты начинались сеансы связи, и наши космонавты плавали в воздухе перед телевизионными камерами, рассказывая об опытах над растениями и насекомыми, которые они проводили. В эти минуты Удалов с Минцем сидели в туалете, чтобы случайно не попасть на глаза зрителям.

На восьмой или девятый день полета сеансы связи завершились. Слишком далеко.

Кораблик уже покинул пределы Солнечной системы, серебряным шариком мелькнул за иллюминатором Плутон, и вокруг стало пусто.

Корабль все разгонялся и разгонялся, пока не помчался со скоростью света. И тогда, согласно теории относительности, время на нем существенно замедлилось, и дни, которые мелькали для землян, как огоньки пролетающего навстречу поезда, потянулись на корабле как положено, с трехразовым питанием.

На третий месяц пути Удалов начал узнавать знакомые созвездия и космические маяки. Они влетели в обжитую высокими цивилизациями часть Галактики. Именно оттуда к нам прилетают непознанные космические объекты и всевозможные тарелочки.

Но Удалов помалкивал. Его могли неправильно понять. Да, он

путешествовал по Вселенной, но на чужих кораблях, капитаны которых не подозревают о существовании Альберта Эйнштейна, а пользуются обычным космическим флопом — то есть прыгают через пространство. Эту технологию Земле знать еще рано, слишком нестабильно ее внутреннее положение, слишком много на ней очагов напряженности и взаимной вражды.

А вот и планета, так удачно высчитанная и открытая мальчиком Сережей. Она лежит на краю Космической Федерации, и сюда редко залетают корабли.

Планета медленно вращалась под кораблем.

Наступало время решительных и ответственных действий.

Минцу предстояло возвратить космонавтам их обычные размеры, чтобы они не потерялись среди чужих громадных людей. Ничего себе будет сенсация, если кто-то из космонавтов, не говоря уж об Удалове, попадет под каблук аборигену!

Но сделать это надо было осторожно, уже после посадки. Для этого садиться придется вдаль от местного космопорта, если таковой имеется, потом превращаться в людей нормального размера, а уж потом выходить на контакт.

Корабль вышел на орбиту. В приемнике раздался голос — значит, здесь уже открыто радио!

План Минца заключался в следующем.

Корабль должен был выбрать самое укромное место, спуститься незаметно, затаиться в траве, среди жуков и лягушек.

Дальнейшие действия — по обстановке.

Поведение Минца, который пожелал отыскать безлюдное место, показалось космонавтам бессмысленным. Ну зачем им было лететь через половину Галактики, чтобы прятаться от местных жителей?

Зато Удалов-то все понимал.

— Мальчики, — сказал он, — мне хочется жить, вам хочется жить и приносить пользу Родине. А для этого нужна элементарная осторожность. А вдруг здесь живут вспыльчивые, подозрительные люди, которые откроют зенитный огонь по кораблю пришельцев, пикирующему на столицу их державы? Может, они будут правы?

— Прилетим, отдышимся, сделаем анализы, — подхватил речь Удалова Минц. — Вышлем разведку, пускай она поговорит, объяснит. А там и торжественная встреча.

Подумавши, космонавты согласились.

Несколько раз кораблик облетел планету. И если не считать одного опасного момента, когда попали в грозу, ничто не угрожа-

ло. Видели города и посевы, но цивилизация оказалась не очень развитой.

Отыскиали густой лес в умеренном поясе, чтобы поменьше было тигров и анаконд. Опустились на полянке.

К счастью, лес был невысоким, к тому же темно.

Посадка получилась мягкой, ничто не вызывало тревог.

Настроение было приподнятым.

Распили бутылочку водочки, взятую для этого случая. Удалов в который раз порадовался таланту российских умельцев. Ведь, если говорить объективно, высотой бутылочка едва достигала трех миллиметров, но в ней оказалась пробка, на боку наклейка, а внутри содержимое.

Потом Минц приказал всем спать.

Они с Удаловым тоже заснули — сказало действие напитка.

Когда занялся синий прохладный рассвет и незнакомыми голосами запели чуждые нам инопланетные птицы, Минц растолкал Удалова и сказал:

— Пора.

Удалов с некоторого похмелья помотал головой и спросил:

— Чего пора?

Минц показал на спящих товарищей-космонавтов.

— Вытаскиваем их на улицу, вкалываем им увеличитель и делаем уколы себе самим. Через несколько минут мы все станем обычного размера.

— Ясно, — согласился Удалов. — А корабль?

— Для корабля мне выдали надувную копию. — Минц перекинул через плечо сумку со сложенным кораблем-гигантом. — Поставим ее в отдалении, а сами поведем друзей в другую сторону.

С немалым трудом они вытащили крепко спящих космонавтов на лужок. Минц притащил медицинский ящичек.

Только он собрался сделать уколы для увеличения космонавтов, как кусты неподалеку раздвинулись и незнакомый голос произнес на космолингве, к счастью, знакомой Удалову:

— Добро пожаловать на планету Столоки. Мы есть поисковая партия, наблюдавшая спуск вашего замечательного корабля в наш заповедный лес, да.

Удалов выпрямился и сделал шаг навстречу дружелюбно расположенным аборигенам.

Ну слава богу, подумал он. Они оказались нормального роста. И ничего не надо делать.

Он посмотрел на Минца, который так и остался сидеть на корточках возле спящих на траве космонавтов, и увидел на лице профессора выражение крайнего изумления. Хотя изумляться было нечему.

Он переводил взор с профессора на скромно, по-походному одетых аборигенов, которые мило улыбались...

Удалов пошел к ним, протягивая руку.

Глава поисковой партии тоже сделал шаг навстречу. Рукопожатие получилось теплым, дружеским, настоящим.

— А это профессор Минц, — сказал Удалов, указывая на друга.

Тот стоял со шприцем в руке, и с иглы капал ценный увеличитель...

И только тогда Удалов понял, что местные жители — это не нормальные люди, не большие люди, а очень маленькие люди, почти такие же, как Удалов, Минц и космонавты. И нет нужды никого увеличивать.

Или, как сказал вечером профессор Минц после окончания официального банкета по случаю прилета дружественных инопланетян с Земли:

— А кто тебе сообщил, что все существа во Вселенной должны быть одного роста? Шансов на то, что они будут человеческого размера, не больше, чем на то, что они — карлики. И еще меньше, чем на то, чтобы они оказались осьминогами. Нечего удивляться. Нам просто повезло, как бывает в приключенческих романах или в телевизионных передачах, где в кустах обнаруживается рояль.

— И все-таки это странно и невероятно.

— Не более невероятно, чем зарождение белковой жизни. А это произошло, — сказал Минц.

Удалов задумался.

— Ты не отвлекайся, — сказал Минц, — снимай кино про наше пребывание. С тебя на Земле строго спросят — где доказательство того, что мы утерли нос американскому империализму?

Удалов снимал встречу, и постепенно его настроение улучшалось. Куда хуже было бы, окажись братья по разуму скорпионами или гигантами-циклопами. А ведь и те, и другие в Галактике существуют, занимаются науками и культурой, ходят на свидания и не подозревают о своем страшном уродстве. Может, даже считают нас, людей, не очень красивыми.

— Лев, — сказал он между делом, — а ведь мы можем с их помощью всю Вселенную освоить.

— Не понял, — откликнулся Лев Христофорович, который в этот момент пожимал руки почтенным старцам из встречающей комиссии.

— Они же мелкие, значит, экономичные.

— И как же ты это представляешь?

— А так, что мы им поставляем технику, а они летают. Дешево и сердито.

— А зачем летают? — спросил Лев Христофорович.

— Ну... это самое, чтобы врагам нашим дулю показать.

— Мы уже показали, — заметил профессор. — Пора собираться в обратный путь. Теперь никакой Киссинджер не сможет сказать, что мы здесь не были. Были!

Пять дней пребывания на планете Столоки, как называли ее жители крупнейшего из континентов, пролетели как сон. Космонавты и консультанты питались как на убой, посещали увеселительные заведения, а также школы, фабрики, заводы и сельскохозяйственные фермы. Хозяева были откровенны и доброжелательны. Они предложили установить дипломатические и торговые отношения, обмениваться студентами и попросили оказать им помощь в развитии новой технологии.

Минц с Удаловым взяли на себя формальную сторону общения, а молодые Петры пропадали неизвестно где и даже ночевать на корабль не являлись. Это было грубейшим нарушением дисциплины, Удалов хотел было собрать всю группу и обсудить поведение молодежи, но Минц возразил.

— Зачем, — сказал он, — изображать из себя тоталитаризм? Раз в жизни наши космонавты попали к живым людям, в свободное общество, а ты тут же — собрание!

— Не лежит у меня душа к этим гулянкам. Ох, плохо это кончится.

И вправду, это кончилось неожиданно.

На шестой день космонавт Петр Гедике заявился к ужину с молодой зеленоватой особой (таким был цвет кожи у жителей Столоки) с небольшим третьим глазом во лбу, но в остальном простой девушкой. Девушка смущалась и все порывалась уйти.

— Мы полюбили друг друга, — сказал Петр Гедике.

Девушка потупилась. Петр Иванов нарушил молчание.

— Ну, блин! — сказал он.

— И что же вы предлагаете? — спросил профессор Минц.

— Придется мне жениться, — сказал Гедике.

— Этого еще не хватало! — воскликнул профессор. — Да вы понимаете, что говорите!

— Понимаю, и сам бы не спешил с браком, но Гругена настаивает.

Минц посмотрел на Удалова. Удалов на Минца.

— А ничего в этом плохого нету, — сказал Гедике. — Ну привезем мы с собой представительницу другой планеты — нам же за это спасибо скажут. А американцы уж точно утрусат!

— Молодой человек! — сказал тогда Минц. — Это вы ошибаете-

тесь, когда полагаете, будто наш полет осуществляется в пику Западу. Он осуществляется с научными целями.

— Во блин! — сказал Петр Иванов.

В его голосе Минц уловил справедливое осуждение. Ведь космонавты хотели как лучше...

— А может, мы отложим свадьбу? — спросил Минц. — Вы же даже взаимную генетическую терпимость не выяснили!

— Любовь превозможет, — сообщил Гедике.

Невеста висела на его локте, как спелая груша.

— Так что вас так торопит? — спросил Минц.

— Я ее обесчестил, — признался Гедике.

— Нет, я сама напросилась, — доверчиво возразила девушка.

— Это еще не трагедия, — вмешался Удалов. — Мы с моей женой Ксенией активно встречались до свадьбы — и ничего.

— А мне, по законам нашего общества, придется утопиться.

— Не может быть! — удивился Минц. — У вас такое гуманное общество!

— Для кого гуманное, а для меня сволочное, — ответила девушка. — Живем здесь как в четырех стенах, отстаем в прогрессе, даже кино не изобрели, а чтобы из Галактического центра попросить — ни-ни! И всё эти проклятые старцы!

И она с неприязнью поглядела на Минца.

— Если ее утопят, я тоже утоплюсь, — сказал Гедике.

— И ребенок, который развивается во мне, тоже утонет, — сказала Гругена.

Она зарыдала, Гедике заплакал, и даже Иванов уронил мужественную слезу.

— Приготовьтесь выслушать горькую правду, — сказал Минц. — Вы садитесь, садитесь, в ногах правды нет. Я хочу вас сначала спросить, известно ли вам, что наша страна переживает некоторые временные экономические трудности?

— Читали, — ответил Гедике. — Только при чем тут моя любовь?

— А при том, что в естественном состоянии ты не смог бы поцеловать свою невесту, потому что случайно проглотил бы ее вместе с ее прекрасными тремя глазами.

— Во блин! — Петр Иванов даже зажмурился от отвращения.

Гедике страшно побледнел. Он начал дрожать в предчувствии роковых новостей.

И тогда, понимая, что отступать некуда, Минц рассказал братьям по полету всю горькую правду.

Наступила тишина, прерываемая лишь короткими вздохами невесты.

Потом Гедике сказал:

— Могли бы нам довериться с самого начала. Я ведь успел в комсомоле побыть.

— И в пионерах, — добавил Иванов.

— Правительство полагало, что стресс, вызванный страхом остаться в маленьком виде, будет слишком сильным.

— И мы рехнемся? — спросил Гедике.

— Вроде того.

— Теперь вы понимаете, почему я посоветовал вам повременить с браком? — сказал Минц.

— Теперь мы многое понимаем, — ответил Иванов.

Экспедиция оказалась в страшном положении.

Можно отвезти Гругену домой, на Землю. Кажется даже, что такой выход устраивает всех. Его одобрит и Президент.

Но подумайте: на Земле космонавт просто обязан стать снова большим, иначе всемирный обман будет разоблачен и на нашу страну падет тень, а Президент станет посмешищем в реакционных кругах и среди радикалов. Значит, Гедике будет давать пресс-конференции, выступать по телевизору, писать отчеты о полете, а где будет его жена? В спичечном коробке? А где окажется его ребенок, который родится уже в этом году?

В том же коробке. И их склюет первая же ворона.

Тут невеста зарыдала. И сказала, что лучше потонет на своей родине, чем станет насекомым на родине мужа.

— Есть другой вариант, — сказал Минц. — Гедике остается здесь.

— То есть как я остаюсь здесь? — возмутился космонавт. — Меня товарищи ждут, мне орден должны дать, геройскую звезду, меня за границу, наверное, пошлют... А вместо этого меня придется судить! За дезертирство с космического фронта.

— Миленький, дорогой! — взмолилась невеста. — Неужели эти ордена и воинственные слова важнее, чем наша любовь? Папа дает нам в приданое виллу на берегу моря и яхту. Ты давно хотел иметь яхту, не так ли? Я рожу тебе пять или шесть богатырей...

— Ну, блин, — сказал Петр Иванов.

— Нас ждут, — сказал Минц, который полагал, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. — Вся страна приникла к телевизорам. Ведь пленки, на которых снят наш прилет и встреча, уже получены на Земле. Какие широкие объятия, как всегда, раскроет Родина!

— Придется возвращаться, — печально вздохнул Гедике. — Сначала долг, а потом любовь.

— А мне что, утопиться? — спросила невеста.

— Полетишь с нами, — сказал Гедике. — Обойдемся без яхты. Нам правительство подарит и виллу, и катер, и верхового коня. Лев Христофорович, у вас найдется еще немного средства, чтобы привести Гругену в крупный человеческий размер?

— Ох не знаю, получится ли! — развел руками Минц. — Средство испытано только на людях. А вдруг не получится?

Тут зазвонил телефон. Незнакомый голос с иностранным акцентом спросил:

— Здесь ли находится известный космический путешественник Корнелий Удалов?

— Я у телефона.

— Ты что, не узнаешь старых друзей?

Необычный акцент, певучие интонации вызвали в памяти Удалова образ старого знакомого, с которым он общался на Съезде Обыкновенных Существ Галактики несколько лет назад, когда Удалов удостоился почетного звания Самого среднего обитателя Галактики. Разумеется, на Земле Удалов об этом не распространялся, да и жена Ксения не одобряла той его поездки, но сейчас он искренне обрадовался, услышав голос кузнецика Тори.

— Надо встретиться, — сказал Тори. — Я для этого специально из Центрального разведуправления сюда флопнул. Даже уменьшиться пришлось. Спускайся на улицу, выйдешь в скверик, сядь за розовым кустом на третью скамейку справа. Нас не должны видеть вместе.

Удалов мысленно улыбнулся таинственности, которую так любит напускать на себя кузнецик. Но не стал спорить, оглядел комнату, понял, что никто не обращает на него внимания — все утешают невесту Петра Гедике, — и поспешил вниз, в скверик.

На улице было пасмурно, дул осенний ветер и нес над мостовой желтую листву. Розовый куст, за которым стояла нужная скамейка, уже отцвел, и лишь последняя алая роза осыпала лепестки на жухлую траву. Удалов опечалился.

«И зачем все это? — подумал он. — Зачем суэта, планы, космические полеты, премии и ордена? Наверное, права девушка Гругена, которая призывает космонавта Гедике поселиться на берегу моря и кататься на яхте...»

— Ну, старик, ты совсем не изменился! — раздался пронзительный голос.

К Удалову подбежал, подпрыгивая, зеленый кузнецик, одетый аляповато и ярко. Он уткнулся твердым носом Удалову в живот, всхлипнул от радости. Удалов почувствовал, как внутри его зашевелились пальчики душевного волнения.

— Надо худеть! — заявил кузнецик. — Ты, Удалов, перешел все границы. Посмотри на меня — как огурчик!

Такими грубоватыми словами кузнецик Тори пытался прикрыть свои чувства. Он боялся, что его сочтут сентиментальным.

— Тебе что, — сказал Удалов. — У тебя кожа хитиновая, как стальная. Куда тебе жиреть?

Они уселись на скамейку.

— Я как увидел в сводке нашего разведуправления, что на Столоки прибыл миниатюрный кораблик с Земли, то решил, что не иначе как вы с профессором Минцем что-то придумали! Ведь раньше звездных экспедиций Земля не посылала.

— Ты прав, — сказал Удалов. — А ты почему сводки смотрел?

— Я теперь в разведуправлении Галактического центра консультантом тружусь, специалистом по России.

— Ну какой же ты специалист?

— Не хуже других, — обиделся кузнецик. — После того как я твоим переводчиком работал, мне полное доверие в Центре.

— Ну спасибо, — сказал тогда Удалов. — Искреннее спасибо, что вспомнил меня, прилетел поздороваться...

— Ты дурак, Удалов, — с грубоватой прямоотой возразил ему кузнецик. — Если бы только поздороваться, мы бы с тобой в таверне «Жареный индюк» встретились, я бы тебя напоил в стельку! А если я тебя на секретное randevu вызываю, значит, есть другие основания. Не требующие отлагательства.

— Что же, говори, — вздохнул Удалов. Он-то надеялся посидеть с Тори, поговорить, вспомнить молодость. А тот опять о делах...

— Скажи мне, друг, — спросил кузнецик, — вы уже отослали на Землю кассету с кадрами вашей встречи и пребывания?

— Отослали, — ответил Удалов. — Как получили позавчера телеграмму из Москвы, тут же отправили.

— Плохо, — сказал кузнецик. Он задумчиво водил носком башмачка по песку, вырисовывая на нем загадочный узор.

— А что случилось? — встревожился Удалов.

— Я тебе этого говорить не должен, — сказал кузнецик, поворачиваясь к Удалову и внимательно глядя на него неподвижными выпуклыми глазами. — Это, конечно, государственная тайна. Но раз уж она касается тебя, моего лучшего друга, я не могу молчать!

— Не томи! — взмолился Удалов. — Говори. И без тебя тошно.

— Не секрет, что Земля давно находится под космическим наблюдением, — сказал кузнецик. — Мало ли чего натворят ваши политики или генералы.

— Знаю. Сам, как честный человек, беспокоюсь..

— Так вот, мы получили по своим каналам информацию. На тайном совещании в верхах принято решение вас ликвидировать.

Кузнечик вздохнул, как заскрипел внутри, и поднял к небу выпуклые глаза.

— Зачем нас ликвидировать, если мы — гордость нашей необъятной Родины?

— Минутку, — сказал Тори и большими прыжками умчался следом за большой разноцветной бабочкой.

Минуты через три он возвратился, стирая платочком с углов рта цветную пыльцу.

— Я только поглядел, — сообщил он, — занесена она в Красную книгу или нет? Оказывается, занесена. Вот я и вернулся не солоно хлебавши.

Кузнечик тонко застрекотал, довольный, что вспомнил редкое русское выражение.

Удалов понимал, что существу на таком ответственном посту стыдно жевать бабочек из Красной книги, и потому промолчал, чтобы не смущать приятеля.

— Что ты говорил о секретном совещании? — спросил Удалов.

— Как обычно. Собрались генералы и некоторые секретные академики, а также представители Службы безопасности и решили, что вам придется героически погибнуть на подлете к Земле.

— Но почему же? Мы выполнили задание, встретились, поговорили, даже невесту возьмем — она от нашего космонавта, прости, понесла. Скоро ждем прибавления семейства.

— Фильм ваш на Земле. Весь мир знает, что вы выполнили свой долг. Америка, считай, в позорном трауре. Президент в отставку просится. Польша отказалась в НАТО вступать. Самое время вам героически погибнуть.

— Я все равно ничего не понимаю!

— Скажи, ты иногда выпиваешь? — спросил кузнечик.

— Только за компанию.

— А космонавт Петр Гедике во сне разговаривает?

— Представления не имею.

— А профессор Минц воспоминания не начал писать?

— Вроде что-то такое...

— А инопланетная невеста будет держать язык за зубами?

— К чему ты клонишь?

— Компьютеры подсчитали, что кто-то из вас обязательно проговорится. И довольно скоро. И тогда секрет минимизированного космического полета выплывет наружу. И будет громадный ущерб престижу России. Хуже, чем если бы и не начинали.

— Нет, — заявил Удалов. — Президент этого не допустит!

— Президент уже три дня как в отпуске, — сказал кузнечик. —

Президенту сообщат неприятные новости — через три дня. Тако и так — героически погиб твой друг Удалов. Всплакнет Президент, велит бюсты поставить на родинах героев, а потом подумает — ну так и к лучшему...

— Как нас уничтожат? — Удалов вдруг поверил кузнечнику и ужаснулся.

— На подлете. Ракетой собьют. К тому же должен тебе сказать, что деньги, которые на полномасштабную экспедицию выделили, треть годового бюджета — уже разворовали.

— Куда же они делись?

— В основном они направлены на улучшение жилищных условий администрации Президента и его управления делами... Ну сам понимаешь, каждому хочется квартиру с подземным гаражом и бассейн в Барвихе.

— Нет, я не могу поверить! Я отказываюсь поверить!

— Кое-что ушло в швейцарские банки...

— Нет, нет, нет!

— Можешь послушать на досуге запись переговоров о вашей ликвидации. — Тори протянул Удалову кассету.

Удалов отвел его руку.

— Не надо, — сказал он упавшим голосом. — Только разум мой отказывается поверить...

— Надо верить, — возразил Тори. — Нет ничего невозможного в вашей стране.

Удалов собрал товарищей по полету. Он боялся, что они поднимут его на смех, обвинят в трусости или даже в отсутствии патриотизма.

Но космические путешествия делают людей мудрыми.

Выслушав удаловскую информацию, помолчали.

Петр Гедике крепко сжал руку невесте. Она прильнула к нему, как лиана к дубу.

— А что, блин? — задал риторический вопрос космонавт Иванов.

— Мне грустно признавать такой вариант, — сказал Минц, посчитав в уме вероятность предательства, — но все к этому шло, и только такой доверчивый старый дурак, как я, умудрился не предусмотреть самой простой возможности.

— Звони папе, — обратился Петр Гедике к своей невесте, — скажи старику, что я согласен на яхту.

Невеста Гругена счастливо засмеялась, а потом кинулась к телефону.

Космонавт Иванов, как человек военный, вдруг сказал целую речь:

— Корабль, блин, запускаем в режим автоматического полета. В сторону Земли, но, соответственно, без экипажа.

— А экипаж? — спросил Удалов, который знал ответ, но хотел получить подтверждение.

— А экипаж в составе Петра Гедике и меня остается на постоянное жительство на планете Столоки, учитывая удовлетворительные жилищные условия.

— Правильно, — сказал Минц. — Пускай наше славное космическое ПВО сбивает пустой кораблик. Нам не жалко.

На прощание все вместе пошли в ресторан «Жареный индюк», пели песни, клялись в вечной дружбе, хмельной Тори приставал к официанткам, повар набил ему физиономию.

На следующий день расстались.

Космонавты остались на Столоки, а консультантов, которым так далеко от дома оставаться не хотелось, Тори на своей служебной тарелочке отвез на Землю.

Они успешно миновали космические заслоны и опустили на опушке леса у Великого Гусляра.

— А может, передумаете? — спросил на прощание Тори.

Минц сделал укол себе, Удалову, а Тори пока остался малюткой.

Пока они увеличивались, Тори продолжал:

— Боюсь, что они пронюхают о вашем возвращении и пошлют сюда киндеров.

— Киллеров, — поправил его Удалов.

— Не бойтесь, — возразил Минц. — Не будет никто на нас пулю тратить. Формально мы никуда, кроме как на рыбалку, из города не уезжали. И за пределы Солнечной системы не вылетали. Нас же нет в списке космонавтов — ни живых, ни погибших.

— Мое дело предупредить, — сказал Тори и улетел в Галактический центр. А Минц с Удаловым пошли к автобусной остановке — им еще надо было минут двадцать ехать до Пушкинской улицы.

ШКУРКА ВРЕМЕНИ

Лев Христофорович пригласил к себе Удалова на чашку кофе. Ксения не разрешила Корнелию Ивановичу пить настоящий крепкий кофе, к которому он пристрастился за время своих космических странствий, полагала его вредным для удаловского сердца, а Минц сам был кофейным любителем, умел выбирать, молоть, обжаривать и варить в старинных армянских турках такой

напиток, что его запахом пропитывался весь дом, и жильцы — кто с завистью, а кто с негодованием — нюхали воздух и покачивали головами. Впрочем, любой из обитателей дома № 16 по Пушкинской улице мог заглянуть к Минцу на чашечку, если тот, конечно, не был занят изобретательством или научно-теоретическими размышлениями. Но Минц большую часть суток был занят.

Старые друзья пили кофе маленькими глотками, чтобы лучше прочувствовать, и запивали его из бокалов добрым французским коньяком, присланным профессору из Сорбонны, где он в прошлом году делал доклад, а заодно походя решил проблему протекавших крыш старинного университета, окружив их силовым полем. Вот и благодарили его коллеги, не забывали.

— Странно, — произнес Корнелий Иванович, — я тут под Новый год купил французского коньяку, в такой же почти бутылке, только золота было больше на этикетке. А вкус оказался хуже, чем у трех звездочек мелитопольского розлива.

— Ничего странного в этом нет, — возразил профессор. — Типичный пример несоответствия вывески и содержания.

— Это грустно, — сказал Удалов, — всю жизнь я с этим сталкиваюсь. Еще на пионерской линейке рапортовал, помню, о сборе двух тонн макулатуры, а было ее три кило. Помню, такая была добрая девочка, Ириной звали... — Удалов вздохнул и задумался.

— Ты о ком, Корнелий? — спросил Минц.

— Это во втором классе было. Я ей все фантики отдал. И марки потом тоже. А когда была контрольная по арифметике, она списать не дала.

— Обидно, — согласился Минц. — Очень обидно. Печенья хочешь?

— Нет, не хочу. У меня в школе и другие печальные случаи были.

— Какой период жизни у тебя ярче всего стоит в памяти? — спросил Минц.

— Школьные годы, особенно школьные каникулы, — без колебания ответил Удалов.

— Я так и думал, — согласился Минц. — А вот о себе я этого не скажу. Не знаю, не помню, не участвовал...

Они помолчали. Когда ты сжился с человеком, сблизился с ним, пережил немало приключений, то можно посидеть молча, это не мешает общению.

— Как мы можем разбираться в других людях, — неожиданно для себя сказал Удалов, — если сами себя не знаем.

— Правильно, — ответил Минц. — Потому что наш облик все не отвечает внутреннему содержанию. Об этом писали еще древние. Я старался решить эту задачу, ответить на вызов, который мне бросила природа, но понапрасну. Ты же знаешь...

Удалов кивнул. Он понял, что Минц имеет в виду свое последнее не совсем удачное, хотя и гениальное изобретение. Лев Христофорович изготовил мазь, которой можно было покрыть зеркало. И тогда зеркало отражало не видимость, не зрительный образ человека, а его истинную сущность. Однако это изобретение имело недостаток: ведь состояние человеческой души непрестанно меняется. Сейчас вы дьявол, потому что общаетесь со своим начальником, а через две минуты — вы сущий ангел, так как увидели его секретаршу Ларису.

В зеркале Минца один и тот же человек мог последовательно увидеть десять своих лиц и рож, в зависимости от обстоятельств.

— Ты же знаешь, — повторил Минц, — что нельзя упрощать обыкновенного человека, нашего с тобой современника. Он многообразен.

— Вот я — точно многообразен, — согласился Удалов.

Они еще помолчали.

— Жизнь слишком быстро проходит, — продолжал Удалов. — Если в отпуске или командировке, то еще терпимо. Но если в будние дни, то просто катастрофически несется.

Кофе чуть остыл, но не потерял насыщенности и сочного вкуса. Удалов пил его маленькими глотками, а Минц смотрел на друга и покачивал головой, как китайский болванчик.

— Порой мне легче увидеть то, что было сорок лет назад, тогда как прошлогоднее забывается. И я задаю вопрос небу: «Кто я такой? Сколько прожил на земле? Сколько мне еще суждено прожить?» — размышлял вслух Лев Христофорович.

Пожилый кот Мурзик, который приходил к Минцу через форточку подкрепиться или подремать на коврик у плиты, уставши слушать разговор стариков, стал играть с катушкой ниток.

— И он туда же, — вздохнул Удалов. — Как будто котенок. То же не заметил, как жизнь пролетела мимо. А ты говоришь — люди себя знают.

— Я не говорил такого. Я повторяю, что наблюдаю видимость людей, маски. Мои попытки сорвать маски и увидеть истинные лица моих сограждан пока не приносили результата.

— А ты подумай, Лев, — попросил Удалов. — Изобрети что-нибудь. А то совсем старый станешь, истратишься. — Удалов улыбнулся.

— Сколько тебе лет? — спросил Минц.

— Я уже на пенсии.

— Трудно поверить, — сказал Минц. — Трудно поверить...

И словно отключился, словно забыл, что в гостях у него сидит дорогой друг и давнишний сосед. Но Удалов не обиделся. Он знал момент начала творческого процесса в профессоре Минце. Не раз

его наблюдал. Теперь, пока изобретение не совершится, профессора лучше не трогать. Бесполезно. Он находится в ином мире, в мире буйного воображения и трезвых математических расчетов...

Удалов собрал чашки, вымыл их на кухне, попрощался, на что Минц кивнул головой, словно заметил уход друга.

У Минца был один верный способ внедрять свои изобретения в жизнь. Для этого надо было забраться на колокольню церкви Параскевы Пятницы и, если нужно, опылить или обрызгать город чем следует. И тогда в Великом Гусляре начинались очередные волшебные изменения.

— Пойдем побрызгаем, — говорил Минц в таком случае своему верному Удалову, а Корнелий в ответ спрашивал:

— А жертв среди мирного населения не будет?

— Пока не будет, — заявил Минц. Он отвечал за последствия эксперимента, но никогда не брал на себя ответственность за последствия последствий.

Стоял нежный осенний день, словно мороз-террорист, намеревавшийся совершить революцию в природе, позволил еще несколько дней пожить в квартире милой и робкой старушке, которая нежно опускала на землю золотые листья кленов и тянула, поддерживая дыханием, тонкие осенние паутинки. Небо над колокольней в тот день было сиреневым, чистым и хрупким, гудок речного пароходика от пристани показался Корнелию трубным гласом оленя. Канистра с очередным зельем, снабженная распылителем, стояла на перилах колокольни.

— Так что же мы сегодня сеем? — спросил Корнелий Иванович.

— Помнишь наш вчерашний разговор? — произнес Минц.

Последний разговор между друзьями состоялся больше недели назад, но, как известно, в глазах Минца время — фактор крайне относительный. Видно, неделя показалась ему несколькими часами.

— Помню.

— Ты задел во мне больную струну.

Минц проверил, хорошо ли работает пульверизатор, прозрачное облачко вещества вырвалось из него и улетело вдаль.

— Ты открыл мне глаза, насколько бессмысленно я провел жизнь, если при моих гениальных способностях так и не смог решить главную задачу науки — как открыть истинного человека? Каков он? Не в тот момент, когда поглядел в зеркало, не в тот момент, когда ссорится с женой или подает доллар нищему. Нет! Я хочу, чтобы с человека слезла привычная шкура и мы увидели его голеньким!

С этими словами Минц сильно нажал на рычаг, и вскоре неведомая кисея окутала весь город.

- Надеюсь, ты не в прямом смысле? — спросил Удалов.
- Не понял!
- Надеюсь, не в смысле всех раздеть, как в банный день!
- Одежды спадут сами! — туманно воскликнул Минц.

Опустевшую канистру Удалов донес до дома. По дороге он спросил:

- Уже начало действовать?
- Начнет в ближайшем будущем.

Удалову показалось, что в голове у него что-то стрекочет. Он сообщил профессору о стрекотании, выясняя, не результат ли это опыления.

- Пускай стрекочет, — сказал Минц равнодушно.

По улице шли люди. Все были такими же, как прежде, и в основном знакомыми. Никаких перемен в них не наблюдалось.

— Утром, — пообещал Минц на прощание. — Утром сам поймешь.

Ксения встретила мужа сердито — почему надо ждать его к обеду? Тут пришла Маргарита, невестка, жена Максима. Привела младшего Максимку. Отношения Удалова с невесткой были прохладными, на грани холодной войны. Это происходило оттого, что Маргарита была серьезным образованным человеком, который попал в мещанскую семью. За мещанство сильно попадало Максиму, доставалась толика презрения Корнелию Ивановичу. Только Ксению Маргарита не смела презирать, потому что с Ксенией такие номера не проходили. Тут живо вернешься в общежитие речного техникума, откуда взял себе невесту Максим Удалов, плененный ею на стадионе, где крепкая брюнетка стала призером района по толканию ядра.

Вскоре пришел и Максим, который второй год работал парикмахером, перейдя на заочный. А что будешь делать, если надо воспитывать ребенка в лицее, чтобы он не стал мещанином?

Удалов хотел было поцеловать внука, но тот знал, кто правит домом, и уклонился от поцелуя.

- Твои поцелуи отдают пошлостью, — заметил он.

Удалову стало горько. Он понял, что, несмотря на определенный авторитет в Галактике, он с годами потерял в семье остатки прежнего значения и скоро ему уже будут ставить миску с едой в углу, рядом с кошачьим блюдцем.

- Подучили, — догадался Удалов.

— Я сам, — возразил Максимка. — Я сам подслушал, как мама говорила.

Вошел усталый Максим Корнелиевич. От него пахло одеколоном. Начался обед. Удалов оглядывал свою семью и думал: «Скоро я распознаю вашу истинную сущность. Не ведаю еще, каким образом, но Минц свое дело знает. Он снимет с вас шкуры».

И тут же Удалова охватила жалость. Нельзя вот так, без предупреждения, раздевать родственников. Удалов откашлялся и хрипло произнес:

- Минц проводит опыт.

Маргарита, конечно же, только наморщила крупный нос, свела поближе к переносице черные брови — она Минца знала мало, лишь по рассказам мужа, и ни одному слову в них не верила. Но Максим с Ксенией встревожились.

— Что еще дядя Лева задумал? — спросил Максим, с детства испытывавший пиетет перед Львом Христофоровичем.

— Опять какую-нибудь дрянь? — заранее возмутилась Ксения, которой казалось, что Минц когда-то чуть было не разрушил ее семейное счастье. Она уже не помнила, при каких обстоятельствах это случилось и почему ее семья все же пережила кризис, но Минц для нее был отрицательным раздражителем. Что не мешало ей бегать к нему, когда дома возникали проблемы, которые не решить без нового открытия в физике.

— Лев Христофорович решил показать нас, какие мы есть, — сказал Удалов.

- В каком смысле? — удивилась Ксения.

— Сам не знаю, — признался Корнелий, — только знаю, что опыт уже произведен, препарат рассеян над городом и мы его вдохнули. Так что к утру все будет понятно.

— Что будет? — угрожающим голосом произнесла Маргарита, поднимая над столом массивную фигуру и сдвигая черные брови. — Травить будете?

— Да не бойся, Марго, — вмешался Максим. — Дядя Лева, может, и ошибается, но сознательно еще никого не отравил.

— Ух, сионист татарский! — выдохнула Маргарита придуманное или подслушанное проклятие.

После этого она направилась к телевизору — начинался первый из ее обычных вечерних сериалов.

Удалов пошел спать с тревогой на сердце. Все в жизни непредсказуемо! И стареющий Минц, и толстеющая Марго, и глупейшие приятели. Жизнь пролетела... Где она? И что продемонстрирует она завтра?

Похожее с Удаловым уже было...

Много лет назад. Ему уже приходилось временно превращать-ся в мальчика. Сейчас было иначе.

Удалов проснулся от странного, свежего и счастливого чувства внутренней гармонии. Не открывая глаз, он уже понял, что в нем все прекрасно — и мысли, и дела, и тело.

Удалов потянулся, но не достал ногами до спинки кровати, что раньше всегда ему удавалось. Что-то мешало ему открыть глаза — словно он попал в лесу в большую паутину и теперь должен ее с себя стряхнуть.

С легким шорохом почти невесомая оболочка слезла, разрываясь, с Удалова, он отбросил ее и открыл глаза.

Привычное округлое пятно на протекшем потолке приветствовало его, как каждое утро. Рядом тяжело дышала Ксения. Солнце бросало косые лучи бабьего лета в окно, в лучах плавали пылинки. Жужжала поздняя муха... Солнце лишь всходило.

Ксения спала, отвернувшись от Корнелия, он видел ее округлую спину в ночной рубашке и крашенные волосы с сединой у корней. Собственная рука попала в поле зрения Корнелия Ивановича, и он сначала поразился перемене, происшедшей в ней, а потом решил не удивляться: рука была не очень толстой, мальчишеской, покрытой редким пушком и уж никак не седеющим волосным покровом, как у вчерашнего Корнелия.

Он провел ладонью по животу. Живот, выпуклый все последние десятилетия, оказался впалым.

Осторожно, чтобы не разбудить Ксению, Удалов опустил детские ноги с кровати и ступил в шлепанцы. Пижамные штаны сразу свалились на пол, и пришлось идти в ванную, придерживая их рукой.

Удалов обратил внимание на тонкую, прозрачную шкурку, валявшуюся рядом с кроватью. Каким-то шестым чувством он понял, что это — его собственная шкурка. Сбросив ее подобно змее, он помолодел.

В ванной Удалов стал смотреть в зеркало. Он себя узнал. Справкой на много лет. Сейчас Удалову было лет двенадцать-тринадцать. Скорее отрок, чем подросток. Романтически настроенный, лохматый, голубоглазый, круглолицый Корнюша, добрая душа. Вот мы какой, Корнелий! Добро пожаловать!

Умываясь, Корнелий рассуждал о том, что его превращение, без сомнения, следствие эксперимента — опыления, в котором он сам вчера принимал участие. Неясно только, зачем надо было молодить Корнелия на столько лет, если ты хочешь докопаться до сути людей нашего города. Что-то неладно! Опять Минц ошибся.

Корнелий Иванович натянул брюки, завернул их снизу, зата-

нул ремень на последнюю дырку. Ботинки болтались на ногах, но шнурки, намотанные на шиколотки, держали их. Пришлось закатать рукава рубашки.

Совершая туалет, Корнелий продолжал ломать голову над причинами превращения. Тревоги, правда, не было, потому что он знал: если будет плохо, Минц всегда изобретет антивещество, которое снимет отрицательный эффект. А впрочем, Корнелию и не хотелось пока возвращаться в прежний облик, потому что в нем жило ощущение гармонии.

...Ксения продрала глаза и сидела в постели, пытаясь очистить себя от невесомой шкурки — своего прежнего облика. Сейчас она, хоть и изменилась, скинула с себя лет десять, все равно оставалась узнаваемой. Ну ладно, стала помоложе, покрепче, позлее. А так мы наблюдаем прежнюю жену — несчастье всей жизни. Вот американцы или москвичи, подумал Удалов, умеют же подобрать себе жен из красивых, длинноногих, а главное, покорных и интеллигентных женщин. А вот в Великом Гусляре таких жен почти нет, а если и есть, то давно разобраны иногородними.

— Ты чего! — крикнула Ксения с осуждением. — Ты с ума сошел, что ли? Опять за свои штучки взялся?

— Ксения, — сказал Удалов ломким детским голосом, — возьми себя в руки. Зачем-то нас изменили. И я думаю, что скоро Лев Христофорович зайдет и даст разъяснения.

— Как так изменили? Всех изменили или опять тебя, горемычного, морскую свинку, макак-резуса изменили?

— Ты тоже помолодела, — заметил Удалов, и его жена, как только поняла, что он сказал, опрометью кинулась в ванную — посмотреть в зеркало.

Не успела закрыться за Ксенией дверь, как распахнулась другая — в комнату молодых. И тут Корнелий испытал удивление, которого не испытывал давно. Из комнаты вышли три человека: пожилая женщина грузного вида и брюнетного облика, по бровям которой можно было узнать Маргариту. За ней несмело брели двое: мальчик лет десяти, в котором Удалов узнал сына Максима, и сердце его дрогнуло от отцовских чувств, а также карлик без возраста, но с бородкой — повзрослевший внук Максимка.

— Какой телефон милиции? — басом спросила Марго.

Не успел Удалов ответить, как его сын бросился к нему на грудь.

— Папа! — кричал он. — Папочка! Какое счастье, что мы с тобой теперь одинаковые! Ты меня от нее защитишь!

А внук, который так и не вырос, остановился в дверях, сунул палец в рот и замер в такой позе.

— Что все это значит? — спросила Ксения, выходя из ванной и обозревая преобразившееся семейство.

— Сейчас узнаю! — откликнулся Удалов и прежде, чем его успели остановить, кинулся прочь из квартиры, чуть не сбив по пути старика Ложкина, который в трусах и майке спешил вниз, на улицу, чтобы совершить пробежку. Он каждое утро совершал пробег до набережной и обратно.

— Ты кто такой? — спросил он мальчишку, пробежавшего мимо. — Ты зачем в наш дом залез? Воруешь?

— Не до тебя, Николай Иванович! — откликнулся мальчишка и принялся барабанить в дверь к Минцу.

Изнутри долго не открывали, и раньше открылась соседняя дверь к Саше Грубину. Из нее выглянул подросток Саша с пышной шевелюрой.

Саша все сразу понял и сказал:

— Заходи, Корнелий. Дело серьезнее, чем ты предполагаешь.

Корнелий покорно прошел к Грубину, волоча большие ботинки.

— Я все знаю, — сказал подросток Грубин. — Я тебя узнал, и ты меня тоже?

— Да, Саша, я тебя тоже узнал, но считаю, что пора будить Минца.

— Не надо будить Минца, — ответил Грубин. — Он спит. Он всю ночь со мной проговорил, а потом я его спать уложил.

— Тогда ты мне, может, объяснишь? Как друг!

— Я тебе объясню. Мысль у Минца была простая. Он хотел открыть истинные лица жителей Великого Гусяра. Истинные. Он хотел понять, что же таится за фасадом каждого из нас. Но, как всегда, при гениальности эксперимента имела место непродуманность концепции. Средство Минца действует лишь на физиологическую сторону наших организмов.

— Говори яснее, Саша!

— Куда уж яснее. Каждый человек с возрастом вступает в противоречие с самим собой. Один всю жизнь прожил, состарился, а на самом деле у него сохраняется душа или внутреннее содержание мальчишки. А другой родился уже стариком, хотя на вид он младенец. Из-за противоречия между формальным возрастом человека и возрастом истинным происходят различные внутренние конфликты, и некоторые лица даже сходят с ума.

— Значит, какой тебе возраст задан...

— Генетически задан!

— Какой возраст задан, такое у тебя и поведение?

— Вот именно! Человечество давно уже заметило это противоречие. В народном фольклоре это отмечено, в песнях и послови-

цах осмеяно. Вспомни: «Седина в бороду, бес в ребро», «Маленькая собачка — до старости щенок».

— «Как волка ни корми, он все в лес смотрит!» — дополнил фольклор Корнелий Иванович.

Грубин поднял бровь, но спорить не стал. А Удалов продолжил:

— Значит, пока мы спали, с нас слезла шкурка...

— С тебя тоже?

— Разумеется. А под ней, как под шкурой змеи, оказались мы, в полном соответствии со своим истинным возрастом... — Удалов согнал с лица счастливую улыбку и спросил: — Только все не так просто. Ты знаешь, сколько лет Ксении?

— Могу догадаться, — ответил Грубин. — Она должна быть женщиной пожилой. Она так и родилась пожилой женщиной.

Удалов кивнул.

— Но хуже всего с Марго, — сказал он.

— Маргарита должна быть в вашей семье самой старшей, — сказал наблюдательный Грубин.

— Вот именно.

Дверь распахнулась — в нее влетел удаловский сынишка Максим.

— Папочка! — закричал он. — Меня Марго бьет!

— Это еще почему? — взъярился Удалов, но не успел броситься к двери, как в проеме показалась грузная немолодая Маргарита, держащая на согнутой руке своего старообразного сына.

— Я звонила в милицию! — сообщила она. — Я их всех разгоню!

— И что в милиции?

Марго хотела было игнорировать вопрос незнакомого юноши, но язык помимо ее воли сказал:

— Там черт знает что! К телефону мальчишка подошел и велел мне катиться куда подальше. Мальчишка!

— Не исключено, — заметил Грубин. — Ведь это случилось со всем городом.

— Надо будить Минца и останавливать, — предложил Удалов. — Ты же понимаешь, какие могут быть недоразумения!

— Погоди, — ушел от ответа Грубин. — Может быть, мы того... поглядим, погуляем. Ведь уникальный случай. Когда ты еще своих знакомых встретишь в их истинном возрасте и облике?

Удалов понял, что Саша говорит дело. Проверяет, есть ли у соседа любопытство или уже исчерпалось.

Максимка увязался за взрослыми, в которых никто бы и не признал взрослых, и втроем они отправились в утренний город, пораженный в самое сердце открытием самого себя.

Это был счастливый город, хотя далеко не каждый сообразил бы, что это именно так, потому что некоторые люди передвигались по улицам с проклятиями и сопротивлением судьбе. И это неудивительно: ведь когда вам откроют глаза на вашу истинную суть, это совсем не значит, что вы будете счастливы. С самим собой еще надо сжиться, свыкнуться, а может, и примириться.

Встревоженные происходящими в себе переменами, гусярцы вышли на улицы, словно было Первое мая.

Удалов почему-то думал, что город большей частью постареет, но оказалось наоборот. Можно было подумать, что они попали не на площадь Землепроходцев, а во двор городской школы — столько детей всевозможного возраста, одетых странно и нелепо, в кое-как подобранных одеждах со взрослого плеча, ходили, бегали, перекликались, узнавали друг дружку, как вернувшиеся после каникул сорванцы, хотя каникулы для многих протянулись на десятки лет.

Кое-где валялись шкурки людей.

По улице бежал толстый мальчик, подгоняя перед собой футбольный кожмитовый мяч. «Господи, так этим мячом мы выигрвали у шестого «Б»!» — сообразил Удалов и закричал:

— Савич, пасуй сюда!

А толстый Савич даже завопил от радости, что встретил одноклассника, спутника по самым сладким временам их жизни. Он пасанул Корню, а Корень отбросил мяч Сашке Версте, но тут на площадь вбежала юная, рано расцветшая красotka Ванда, по которой сох весь десятый класс второй школы. Ванда казалась лет на десять старше Савича, но при виде мужа, гоняющего мяч по площади Землепроходцев, она ринулась к нему и схватила за руку.

— Ты с ума сошел! — закричала она с нежностью. — Разве не понимаешь, что на тебя люди смотрят?

Сын и отец Удаловы, а также Грубин продолжали, увлекшись, гонять мяч, забыв, зачем они сюда пришли. Но мало кто обращал на них внимание. А Ванда Казимировна, вчера еще директор универмага, гладила по головке любимого малолетнего мужа.

— Атас! — раздался чей-то детский крик. — Спасайся кто может!

Из-за угла Гостиного двора выскочил мальчонка — от горшка два вершка, в полковничьем кителе, который волочился за ним по земле, стуча карманами по голым ногам. В руках мальчонка держал автомат Калашникова и тратататакал языком, изображая бой. Вдруг мальчишка кинулся к колоннам Гостиного двора, а следом за ним на площадь вбежал другой паренек, чуть постарше. У него тоже был в руках автомат. И он из него стрелял по-настоящему — пули отбивали куски штукатурки.

Народ кинулся с площади, некоторые залегли за колоннами или кустами.

— Кто это? — спросил Удалов.

— Не узнал? — ответил Грубин. — Это же наш полковник Остапюк из ДОСААФ, или как там он теперь называется!

— А другой?

— Другой — полковник Исмаилов, военком. У него автомат с дыркой в стволе, чтобы учащиеся друг дружку не перестреляли. А вот досаафовец настоящую пушку достал.

— Неужто такие ответственные офицеры на деле тоже дети? — ужаснулся Удалов.

— Странно рассуждаешь, — ответил Грубин. — Как раз в армию чаще всего идут те, кто не может никак из детства вылезти, школьные хулиганы.

— А мы с тобой?

— А мы с тобой — школьные романтики.

Стрельба на площади утихла, но спокойствие не вернулось.

Снова пробежал мальчишка с предупреждающим криком.

Издали, из центра города, шло нечто грозное.

Уже видна была черная стена людей, перекрывшая всю улицу. Над толпой реяли красные флаги.

— Коммунисты идут! — закричала Ванда Казимировна и потащила домой Никитку Савича.

Другие жены, которые, как правило, оказались втрое старше своих мужей, тоже поволокли их с площади. Но Грубин и Удаловы остались в числе зрителей — Марго и Ксения их еще не отыскали.

Все ближе подходила колонна. Над ней реяли стяги. Из глоток вырывался Гимн Советского Союза.

Все эти люди были как на подбор семидесятилетние, крепкие, седые мускулистые старики и старухи. Те, кто с портретами Сталина, — постарше, а те, кто с портретами Ленина, — чуть помоложе.

И разновозрастное разрозненное население Великого Гусляра понимало, что настал миг прозрения.

Колонна коммунистов ступила на площадь.

Удалов узнавал среди этих суровых и неподкупных людей своих сверстников из стройуправления, из бывшего райкома комсомола и горкома партии, узнавал пенсионеров городского и даже областного значения, но самое удивительное, что и Максимка узнавал и показывал отцу своих сверстников и даже младших товарищей по речному техникуму. Сейчас все они пребывали в расцвете старческих сил и были едины в суровости — пришел их час! В мире мальчишек и юнцов они хозяева!

— Срочно! — проговорил Грубин. — Срочно домой! Надо сказать Минцу.

— Правильно! — Удалов первым помчался к дому. Грубин с сыном — за ним.

По мере того как они приближались к дому, бег Грубина терял уверенность, ноги все более заплетались, а перед воротами юноша и вовсе остановился.

— Что случилось? — спросил Удалов.

— Понимаете, ребята, — сказал Саша, — вы сейчас только не удивляйтесь... Я совсем забыл... Может быть, положение наше не такое уж и хорошее...

Удалову чудилось, что шаги колонны коммунистов уже настигают его, как какого-то распутника — шаги Командора.

— А что с дядей Левого? — догадался спросить Максимка.

— Сейчас увидишь.

Грубин открыл дверь.

В тот момент, когда решалась судьба демократии в Великом Гусляре, обнаружилось, что попавший под каток собственного эксперимента Минц превратился в пятилетнего карапуза, довольного собой, доедающего остатки килограммового торта, который сам Минц купил на той неделе к приезду своего кузена из Монте-видео, да забыл в морозилке.

Толстый мальчик хрустел замороженным тортом, когда в комнату ворвались юные соседи.

— Лев Христофорович! — крикнул с порога Грубин. — Эксперимент надо отменить.

Лев Христофорович отлично узнал соседей и, несмотря на столь нежный возраст, отдавал себе отчет в происходящем, но ответил решительно:

— Нет, нет и еще раз нет!

— Почему же, Лев Христофорович?

— Почему, дядя Лева? — взмолился Максимка.

— Потому что торт очень вкусный, — ответил гений.

И Минц продолжил вгрызаться в торт.

За окном раздался шум.

Удалов кинулся к окну, потом метнулся обратно, подхватил мальчика Минца, который все хрустел ледяным тортом, поднес к окну и прикрикнул на него:

— Любуйся, что ты наделал!

По Пушкинской шел небольшой — шесть в ряд, три ряда — патруль усаженных седовласых ветеранов. Каждый нес по красному флагу. Перед некоторыми воротами они останавливались, вешали на ворота красное знамя и рисовали красную звезду. Перед

другими домами они флагов не вешали, зато ставили на воротах черный крест.

— Скоро, — сказал Удалов, — начнется красный террор. Вы этого хотели?

— До ночи много времени, — капризничал Минц. — Когда торт доем, тогда поговорим.

Малыш попытался вырваться и вернуться к торту, но Удалов не отпускал его.

— Расколдовывай город! — кричал он на Минца. — С меня хватит!

Неизвестно, чем кончилась бы борьба между обжорой Левочкой и его соседями, но тут в комнату вошли две грузные пожилые женщины.

— А ну по домам! — приказали они своим мужьям.

И после короткой схватки на сцене остались лишь Грубин с Минцем.

— Видишь, — сказал Грубин, — для этих мальчишек достаточно старых жен. А для нашего города достаточно старых ветеранов.

— Откуда их столько? — спросил мальчик, все еще обкусывая торт.

— В сердцах сидели, в душах, — сказал Грубин.

Минц оторвался на секунду от торта и сказал:

— Послушай, Саша, давай уйдем с тобой отсюда! В лес, в Волюгду. Ты меня в детский сад сдашь, и я буду каждый день добавку компота получать.

Грубин смотрел в окно. На дом № 16 флаг не повесили. Зато на воротах поставили крест.

Правда, красный флаг высунулся из открытого окна второго этажа — его вывесил пенсионер Ложкин.

— Когда на ликвидацию придете, — крикнул он старикам, — сначала ко мне постучите. Я вас по нужным квартирам проведу.

— Спасибо, товарищ! — отозвались с улицы.

— Ну теперь вы поняли, что тортов больше не будет? — спросил Грубин у маленького профессора.

За окном послышался шум мотора. Грубин снова выглянул наружу.

На этот раз он был искренне изумлен, потому что на улицу въехал и теперь тормозил перед его домом старый — времен Первой мировой войны — броневик. Броневику остановился и повернул в сторону окон Минца башенку с пулеметом.

С помощью товарищей на броневик взобрался ветеран с бородкой клинышком.

— Друзья! — закричал он. — Соратники! Ни для кого не секрет, товарищи, где свили гнездо наймиты Запада, масоны и демо-

краты всех мастей! Один раз им удалось развалить Советский Союз! Во второй раз мы сами их развалим.

Ветеран упал с броневика, потому что был очень стар. Но башня броневика пришла в движение и со зловещим скрипом принялась поворачиваться в сторону дома № 16.

Этот звук мгновенно развеял детские настроения профессора Минца.

— Эксперимент провалился, — сообщил он. — Подсади меня, Саша.

Лев Христофорович указал на пульверизатор, который стоял на верхней полке.

Грубин кинулся было за стулом, но опоздал.

Броневик выпустил по окнам пулеметную очередь.

Звения и лопааясь, полетели на пол пробирки и склянки. Грубин упал в лужу химикалиев, прикрыв телом малыша Минца. С толка сыпалась штукатурка.

— Демократов на плаху! — радостно кричали с улицы ветераны.

— Что будем делать? — спросил Грубин.

— Ума не приложу, — ответил Минц, выбираясь из-под товарища. — Вся надежда на то, что мое средство скоро выдохнется. А пока, может, укроемся в детском саду?

— Нет ничего глупее, — ответил Саша. — По детским садам они и будут в первую очередь демократов искать.

Шум на улице утихал.

— Слушай, — сказал мальчик Минц, — а что, если нам пойти на площадь погонять в футбол?

— Но власть в городе перейдет в руки ветеранов!

— Им этого хочется, а нам с тобой чего хочется?

— Мне лично... — Грубин вдруг покраснел.

— Не стесняйся, — попросил Минц.

— Мне бы сейчас на улицу! Я бы гильзы собирал!

— А дальше?

— Я бы их в металлолом сдал.

— А дальше?

— Получил бы много денег.

— А дальше?

— Купил бы десять порций мороженого...

Минц помолчал, перебарывая идею. А потом громко сказал:

— Жизнь продолжается! Почему бы нам с тобой не прожить ее еще раз при коммунизме? Когда мороженое было дешевым...

И, пригибаясь, чтобы не попасть под случайную пулю, мальчики побежали на улицу собирать гильзы.

ЛЯЛЬКИ

Когда первая лялька появилась в Великом Гусляре, сказать трудно. Но, видно, привез ее из поездки в Японию сын Савича Аркадий, коммерсант. Ляльки, как известно, неприхотливы — Аркадий привез ее в сумке. Лялька молчала, не шевелилась, словно понимала, что таможенный контроль пройти непросто.

Потом лялька пропутешествовала через пол-России и оказалась в нашем тихом городке.

Аркаша Савич пришел домой и с порога сказал:

— Индивидуальных подарков прошу не требовать. Есть один подарок на всех — надеюсь, будете довольны.

Он раскрыл сумку, и оттуда высунулась очаровательная звериная мордочка. Впрочем, никто не скажет, что у лялек звериные мордочки. Это просто милые мордочки. Мордашки.

Все смотрели на животное, затаив дыхание. Лялька тоже рассматривала новых хозяев, потом высунула мордочку побольше, чтобы оглядеться.

— Вылезай, тут все свои, — сказал Аркаша.

И послушно, как домашний котенок, из дорожной сумки вылезла лялька.

Ляльки ростом побольше кошки, ну, скажем, с бобра, если вам приходилось видеть бобра. А скорее ее можно сравнить с лисичкой. Цвет у ляльки золотистый, отлив шерсти атласный, глазенки голубые, как пуговицы, но живые и сообразительные. Личико — вернее, мордашка — подвижное, передние лапки оканчиваются пальчиками, ручки как у людей, но задние лапки будут посильнее и снабжены коготками. Рот у ляльки узкогубый, чуть загнутый в углах, так что она все время улыбается.

Обычно ляльки бегают на четырех лапках, чуть приподняв зад и поводя, как знаменем, пушистым беличьим хвостом, но порой могут встать на задние лапки и даже ходить на них — зрелище, скажу я вам, уморительное.

Главное их качество — очарование.

Второе главное качество — неприхотливость.

Третье — привязчивость к хозяевам.

Через пять минут после прихода Аркаши с лялькой все Савичи сгрудились вокруг зверька, всем хотелось ее погладить, взять на руки, потискать, почесать ей за ушком — и лялька совершенно не возражала.

— А что она ест? — спросила Ванда Казимировна.

— Что и мы, — сказал Аркаша. — В этом был великий смысл эксперимента. Неужели не читали?

Но его родители не читали. Потому что великое открытие,

приведшее к появлению на свет лялек, совершилось сравнительно недавно — три года назад. И лялек тогда на свете было еще маловато. О них писали, конечно, о них говорили по телевизору. Но вы ведь знаете, сколько в мире новых игрушек и развлечений!

Хотя, конечно же, ляльки не игрушки.

Это — живые существа, но выведенные генными инженерами в Японии.

Задача была поставлена простая: хватит нам искусственных игрушек! Создадим по-настоящему живую игрушку для детей всей планеты. Идеальное домашнее животное, которое не гадит, не капризничает, не царапает хозяйского ребенка, красивое, ласковое и общедоступное.

Конечно, опыт удался не с первого раза. Но какое великое изобретение получается сразу? Это только наивные люди считают, что увидел Ньютон, как яблоко с яблони упало, и тут же придумал свой знаменитый закон. Ничего подобного. Ньютон просидел в том саду два года под дождем, солнцем и даже снегом, ожидая, когда нужное яблоко упадет в нужном месте.

— Как его зовут? — спросил старший Савич. — И вообще, это он или она?

— Это лялька, — сказал Аркаша. И не потому, что ему подсказали, как назвать животное, а так, изнутри, поднялась волна нежности к этому созданию.

— А где она будет спать? — спросила Ванда Казимировна.

Лялька, которая, конечно же, не понимала русского языка, но была, по выражению профессора, эмпатом, почувствовала, чего от нее хотят, и резво побежала на кухню, оттуда — в переднюю. Она отыскала себе место в самом укромном, непрестижном уголке передней, где никому не могла бы помешать. И хотя новые хозяева предпочли бы более удобное место, лялька настояла на своем: легла в уголке напротив вешалки, свернувшись клубочком — будто всю жизнь там провела. Да и прочие свои житейские проблемы лялька решила так же просто — ни одной кошке не догадаться. Сначала она пошла на кухню, остановилась, подняв мордашку, выразительно поглядела на Ванду, и той захотелось поставить там мисочку для животного. Что она и сделала. И налила туда молочка. Лялька вежливо похлебала и тут же пошла в туалет, где на глазах у всех прыгнула на унитаз, показав, что и этот человеческий обычай ей не чужд.

Так началась жизнь ляльки в доме Савичей.

Лялька поднималась первой, но хозяев никогда не будила, а усаживалась в изголовье постели супругов Савичей, которых признала за главных хозяев, и ждала, пока они проявят признаки пробуждения. Тогда лялька поднимала лапку и осторожно глади-

ла мягкими подушечками руку Никиты или Ванды — кто раньше проснется.

Охваченный чувством вины, Савич вскакивал с постели и торопился налить молочка в миску лялечке, а потом — уже за завтраком — делился с ней кусочком омлета, яичком или кексом. Лялька и на самом деле была неприхотлива — что ни давали, она с благодарностью принимала.

Поев и справив нужду, лялька шла гулять. Благо дом Савичей индивидуальный, за забором, по двору и палисаднику можно было гулять, не опасаясь проезжего транспорта или злых прохожих.

Лялька так забавно гонялась за насекомыми, что люди смеялись. Однажды она принесла домой мышью-полевку, и Аркаша, который упустил бразды правления в семье, сказал ляльке:

— Это не в образе, старуха.

«Старуха» склонила набок головку. Она старалась понять, чего же неправильного она сделала, чем вызвала упрек хозяина. Но не поняла. Оставила мышку лежать на полу и, опустив хвост, ушла. Она была сыта. А если лялька ловила птичек, то никогда не приносила их хозяевам, и только увидев в очередной раз перышки на дворе или на подоконнике, Савичи догадывались, что у ляльки снова была удачная охота.

Избрав Ванду Казимировну любимой и главной хозяйкой, она дожидалась ее у дверей, когда та уходила в магазин, и тихо скулила, если хозяйка задерживалась. При виде Ванды лялька принималась забавно кататься по полу — четыре лапки кверху — и мурлыкала, как котенок.

В поведении лялька многое переняла у кошек, но, конечно же, она не была кошкой: по развитию своему она стояла где-то между кошкой и обезьянкой, но преданность хозяевам и умение очаровывать даже самого ярого ненавистника животных были удивительны и вызывали умиление.

Многие приходили посмотреть на зверька, благо он был в диковинку, даже профессор Минц, сам большой ученый, посетил Савичей. Лялька терлась о его ноги, но на колени взбираться не стала, словно почувствовала, насколько Минц предубежден против любых близких контактов как с животными, так и с людьми.

Лялька покрутилась возле гостя — видно, надеялась на какой-нибудь подарок, но не дождалась. Минц присаживался перед ней на корточки, заглядывал в глаза, вздыхал, но был скучен для ляльки, которая даже не пошла провожать его до двери, как обычно провожала гостей. У нее была удивительная память, она знала в лицо и по запаху всех родных и знакомых своего дома, и для каждого у нее были свои ужимки и прыжки, свое мурлыканье или

иной приятный звук, так что визитеров в доме Савичей прибавилось.

Так прошло месяца два, и лялька заскучала. Она стала плохо есть, забывала о своей роли украшения дома, как-то раз даже убежала на улицу, и ее пришлось ловить — правда, она сама нашла дорогу домой раньше, чем ее выловили. Когда Минц об этом узнал, он сказал: «Хорошо, что она не начала размножаться. Добро должно быть дозированным».

Как видите, даже такой крупный ученый не смог предугадать будущего.

Однажды вечером, глядя, как томится, бродит из комнаты в комнату, потягивается, нервно зевает, вздыхает лялька, Никита Савич сказал:

— Я понял.

— Что? — спросила Ванда.

— Ей нужен дружок, — сказал Никита.

При этих словах лялька, которая давно уже научилась понимать человеческую речь, подняла остренькое ушко, удовлетворенно пискнула, а потом бросилась к камину, над которым на полке стояла свадебная фотография Савичей, встала на задние лапки и вытянулась что есть силы, чтобы достать концом мордашки до края фотографии.

Савичи, конечно же, засмеялись догадливости зверька и начали обсуждать, что же теперь делать. Аркаша вроде бы в Японию не собирался, по почте такое ценное животное не выпишешь, в газетах объявлений не видать... И тут, на счастье, пришло письмо из Японии от фирмы «Мицубиси-энималз». Письмо было вежливое, даже дружеское, и в нем говорилось, в частности, следующее:

«Дорогой незнакомый русский друг! Вы приобрели чудесного друга — зверька хонки, выведенного нашей фирмой. Мы не сомневаемся, что зверек вам понравился, стал членом вашего семейства и вы испытываете к нашей фирме законную благодарность. Однако наступает день, когда все живое стремится к любви. Случилось это и с вашим любимцем. Он расстраивает вас, он не столь любезен вашему сердцу, как прежде. Поймите, это не его вина, а его беда. Зная об этой вашей проблеме, мы готовы выслать вам в особой упаковке таблетки для искусственного осеменения вашей хонки, что представляет собой надежное средство нашей фирмы с гарантией положительных результатов. Вы сможете сделать добрый подарок вашим близким или совершить выгодный бизнес. По получении бандероли вы должны будете заплатить небольшую сумму в 98 долларов США, а также подписать петицию о возвращении Японии островов Шикотан и Кунашир».

Письмо вызвало радость в семействе Савичей, однако пробле-

ма Южно-Курильских островов решила не так быстро. В конце концов подписала это письмо только Ванда Казимировна — во-первых, потому, что более всех любила зверька, а во-вторых, потому, что не знала, где эти острова находятся.

Посылка была получена, зверек с жадностью проглотил таблетки и через два месяца произвел на свет четверых чудесных детенышей.

Надо сказать, что у дома Савичей выстроилась невиданная очередь на получение ляльки. Некоторые родственники радели о своих детях, другие желали скрасить одиночество старости, а дальний родственник Пупыкин хотел создать небольшой питомник и торговать ляльками.

В тот день, когда Савичи вне себя носились по дому (одни — помогая ляльке кормить малышей, другие — доставая ей витамины, третьи — отбиваясь от родственников), профессор Минц призвал к себе соседа Удалова и показал ему газету «Сенсации недели», выходящую в Вологде, где его внимание привлекло сообщение из американского штата Калифорния, власти которого запретили ввоз из Японии животных хонки, известных в Штатах под именем «долли», так как они вытесняют из сердца людей всех иных живых тварей, заставляя пренебрегать заботой о собственных детях и, возможно, нарушают экологический баланс в штате.

— Ну, нам это не грозит, — сказал Удалов. — Это как СПИД — пугают, пугают, а эпидемии у нас не получается.

— Ох, не скажи! — вздохнул Минц.

У Родионовых был любимый кот.

Он не полюбил ляльку, которую они выпросили у Савичей. Кот ревновал, шипел и делал вид, будто хочет растерзать японского зверька, но так как уступал ему размером и резвостью, то ограничивался угрозами и попытками сожрать из его мисочки прежде, чем лялька успеет к обеду.

Это было поводом для смеха и шуток в семействе, пока Васька не пропал. Вроде из дома не выходил, был осторожный, кастрированный и умудренный. А вот пропал.

Все расстроивались, и тетя Шура вдруг сказала, что ей не нравится улыбка этой ляльки. Остальные, конечно, накупились на тетю Шуру с упреками, а лялька — подросток, милый и робкий, от обиды спряталась под диван и не выходила до ужина.

Обглоданные кости кота нашли под лестницей. Видно, пошел гулять, да встретился с какой-то собакой.

Профессор Минц вырезал заметки о ляльках, которые все чаще мелькали в газетах, хотя лялек в нашей стране было меньше,

чем в капиталистически развитой Америке или в Швейцарии. И именно профессор Минц вычитал статью в «Нейчур», где с цифрами в руках доказывалось, что, будучи идеальным домашним животным, хонки (они же долли, они же ляльки) не выносят никакой конкуренции со стороны иных животных. И потому генетически запрограммированы на их уничтожение. Фирма «Мицубиси-энималз» подала на «Нейчур» в суд, но, пока суд тянулся, в Великом Гусляре пропал карликовый пудель Бим, проживавший в одной квартире с новой лялькой. А надо сказать, что к тому времени в городе развелось десятка три лялек — третье и четвертое поколения образовались без помощи японских пилюль, естественным путем.

Ну пропал пудель — и пропал, но хозяйка увидела, вставши на рассвете, что ее любимая лялька что-то копает в палисаднике на клумбе с флоксами. Она заинтересовалась и очень удивилась, что лялька при виде нее умчалась.

В ямке, полузасыпанный, лежал обглоданный собачий скелет. Так закончил жизнь пудель Бим.

— Этого следовало ожидать, — сказал профессор Минц и написал статью в газету «Гуслярское знамя», в которой объяснил, что японские ученые добились даже лучших результатов, чем те, к которым стремились. Судя по всему, они достигли идеального «эффекта кукушки» — ради сохранения своего места в семействе (в стае) зверек лялька способен на любое преступление, ибо он не воспринимает свой поступок как преступление. Ведь нападая на гнездо малиновки, кошка не думает, что она убийца.

Статью напечатали под странным заголовком: «Берегите собак», и никто не принял ее всерьез.

Да и как примешь такую статью всерьез, если ты сидишь в кресле, перед тобой журчит телевизор, а на коленях у тебя пригрелось любимое очаровательное существо, чудо, которое позволяет тебе отдохнуть после отвратительного трудового дня и свары в автобусе.

...Это случилось в английском городке Бромли под Лондоном.

Миссис Мэри Вайкаунт беспокоилась о здоровье своего малыша, который перенес сильную простуду. Она проводила у его постельки дни и ночи, отрываясь лишь по крайней необходимости. А надо сказать, по сведениям газеты «Дейли телеграф», Мэри жила одна, муж ее служил на Фолклендских островах.

Домашний долли менял шерсть и на два или три дня стал источником аллергии. Понятно, что миссис Вайкаунт не пускала животное в детскую спальню.

Утром в пятницу Мэри обратила внимание, что долли сердится, отказывается принимать пищу и даже скалится, чего раньше с ней никогда не случалось. А когда, проходя мимо, Мэри рассеянно хотела приласкать животное, долли отпрыгнула в сторону, чем вызвала улыбку хозяйки, которая не придавала событию значения.

Покормив малыша, Мэри отправилась на кухню и взяла там мешок с мусором, чтобы отнести его в палисадник к урне. Отсутствовала она не более двух минут, и когда возвратилась в дом, ее насторожил неясный шум наверху. Движимая материнским инстинктом, Мэри кинулась наверх — и вовремя. Она застала свою любимицу долли, когда та, вспрыгнув на кровать, впилась острыми зубками в горло малышу.

Мэри стала отрывать долли от жертвы, та сопротивлялась, распоролa руки до локтей острыми когтями задних лап, но когда, оторвав ее от малышки, Мэри с отвращением отбросила долли в угол, та вдруг потеряла агрессивность и совсем по-человечески виновато прикрыла лапкой мордашку и залилась неудержимым плачем.

Когда домой приехал вызванный матерью муж, он был в бешенстве.

Он хотел немедленно отдать зверушку в клинику, где бы ее усыпили, но долли как будто поняла, что ей грозит: она легла на спину, подняв кверху лапки, и стонала от горя. Долли лизала пол, пыталась целовать ноги хозяевам, а пришедший ветеринар объяснил поведение зверька ревностью, которая, оказывается, свойственна всем животным, а наиболее ласковым и привязчивым — в наибольшей степени.

Ветеринар согласился увезти с собой несчастную долли, и Мэри, хоть и была согласна с мужем, что нельзя подвергать опасности жизнь ребенка, переживала, наверное, не меньше зверька.

Ветеринар, как стало известно впоследствии из газет, не смог отвезти животное в клинику и, охваченный симпатией к зверьку, решил отвезти долли домой, чтобы усыпить ее там. Но чем ближе он подъезжал к дому, тем более проникался сочувствием к несчастному зверьку. Ведь долли действовала инстинктивно, она старалась сохранить неразделенную любовь к себе. В конце концов, люди поступают хуже.

Привезя долли домой, холостой ветеринар накормил зверька и вместо того, чтобы усыпить, разрешил улечься в ногах, пока смотрел телевизор. Потом они с долли поужинали, долли ластилась, она была благодарна ветеринару, и тот решил оставить зверька у себя.

Ночью долли устроилась в ногах ветеринара, и тому было как никогда уютно и спокойно.

Ветеринар не мог сказать, покидало ли животное свое ложе, но когда он был разбужен звонком полицейского, долли мирно посапывала у него в ногах.

Той ночью кто-то загрыз малыша, ребенка миссис Вайкаунт.

По следам зубов и когтей сомнений не оставалось — это могла сделать только долли. А когда ветеринар сознался в том, что не выполнил обещания и пожалел животное, сомнений ни у кого не осталось.

История, разумеется, попала в газеты и вызвала грандиозный шум, ибо она относится к разряду сенсаций, наиболее близких сердцу альбионца.

Разумеется, всплыли и другие случаи — правда, они были не столь очевидны и доказуемы, как первый. Но отношение к долли изменилось, что выразилось в изгнании некоторого числа животных из домов. Долли были вынуждены скрыться на пустошах и в перелесках и перейти к полудикому существованию.

Кстати, фирма «Мицубиси-энималз» категорически отказалась верить в агрессивность долли (или хонки), ибо генетически такое качество в хонки не закладывалось. Фирма была готова компенсировать любой случай документированного нападения хонки на человека или другое животное, но документированно доказать это оказалось нелегко.

История миссис Вайкаунт докатилась до Великого Гусляра, где к тому времени проживало несколько очаровательных лялек. Но надо сказать, что почти все эти животные достались владельцам недешево, а любовь к ним была беспредельна. Так что лишь пара лялек попала в лес, а остальные жили как и прежде — зачем верить этим англичанам, которые спят и видят, как бы нагадить русскому человеку.

Как-то Минц вывел Удалова вечером погулять на набережную, а потом повлек в слободу за Грязнуху. Дело было весной, ближе к лету, вечер выдался теплым. Они гуляли, обсуждали разные проблемы, потом Минц спросил:

— Тебе ничего не кажется странным?

— Ничего.

— И тишина тебя не смущает?

— Какая тишина?

— Подумай. Обычно сейчас самое время заливать соловьям. Соловьи — гордость гуслярского заречья. Положено котам кричать — у них еще не кончились брачные игры. Положено собакам брехать...

Удалов умен — он сразу сообразил, куда клонит друг.

— Какую связь ты видишь между этими явлениями, — спросил он, — и изобилием наших любимцев — лялек? Неужели и собаки от них могут пострадать?

— Собаки... Не знаю. Пока, наверное, нет. Но собаки чуют неладное, прячутся в будках — зубы наружу. Не веришь, загляни через забор — ни одна собака не носится вдоль забора, пугая прохожих.

— А коты?

— Боюсь, что котов в городе почти не осталось.

— Как же так? Неужели люди этого не заметили?

— Когда ты получишь молодую прекрасную женщину, то, может быть, отнесешься к исчезновению жены с определенным облегчением, — произнес Минц. — По крайней мере меньше будет уходить на питание.

— Но почему? Ведь японцы клянутся, что ляльки безобидны.

— Они безобидны, — ответил Минц, останавливаясь перед большой лужей посреди переулка Текстильщиков. За последние пятьдесят лет лужа обросла по берегам камышом, в котором таились лягушки. — Ляльки безобидны, но их функции — их вывели для этого — любить хозяина и пользоваться его ответной любовью. Это животные для любви и ради любви. Но ведь любовь — самое эгоистичное из чувств.

— Лев Христофорович, — отмахнулся Удалов, — ну при чем тут эти лисички? Это же не люди!

— Любовь — чувство вселенское, — торжественно ответил Минц. — И если крошки-ляльки любят своих хозяев, они не могут делить любовь с другими. И чем дальше, тем больше. Я даже допускаю, что японские творцы не подозревали, что чувства в ляльках будут усиливаться от поколения к поколению. Полгода назад, когда в Гусляре появилась первая лялька, она была робким нежным созданием. А сейчас в каждом третьем доме лялька правит бал, а на улицах и в садах оказались никому не нужные ляльки, которые тем не менее тянутся к человеческой любви и инстинктивно понимают, что не получают ее из-за конкурентов. Знаешь что, Корнелий, я боюсь, что стремление генетиков создать идеальную машинку любви приведет к созданию идеальной машинки смерти.

Удалов не удержался и засмеялся.

Отозвалась лягушка, которая сидела на краю лужи среди камышей. Она заквакала, словно давно молчала и вот нашла компанию.

И тут же нечто быстрое, светлое блеснуло в луче фонаря, плеснула вода — лягушка не успела прыгнуть в воду, как исчезла в ротике ляльки, которая тут же растворилась в камышах.

— Что? — удивился Удалов. — Что случилось?

— Ничего особенного, очередная сцена ревности. Лялька полюбила тебя, а ты стал смотреть на лягушку.

Удалов отмахнулся, не поверил старому другу. И они пошли домой в тишине весеннего вечера, когда даже коты молчат, а попискивают лишь противоугонные сигналы на «Мерседесах» — но тут уж ляльки ни при чем.

Со всех концов света поступали тревожные сигналы.

Человечество разделилось на две части.

Первая часть — владельцы лялек, бескорыстно и нежно привязанные к ним и готовые ради них на любые жертвы, а также их ляльки, готовые на все, чтобы сохранить привязанность любимых хозяев. Вторая же половина человечества полагала, что от этой эпидемии любви исходит опасность для всего человечества.

Разумеется, существовали и переходные группы населения, и особенные слои. Например, число российских граждан, подписавших петиции за возвращение Японии Южно-Курильских островов, приближалось к двадцати процентам населения нашей державы.

Следующее тревожное сообщение пришло из Колумбии.

Наркобарон Эскобар Хуанито развел у себя на вилле шестьдесят хуаниточек, как именovali лялек в тех краях. Они ходили за ним стайкой, глядели в глаза и любили куда больше, чем его подчиненные. И вот однажды на виллу к Эскобару пожаловал прокурор Боготы, чтобы в спокойной обстановке вручить тому ордер на арест.

Произошел обмен репликами между прокурором и Эскобаром, после чего прокурор отправился к своей машине. Но дойти до нее он не успел.

Шестьдесят хуаниточек набросились на него, как стая ос, и в минуту обгрызли прокурора до белых косточек. К несчастью для хозяина виллы, полностью одобившего действия своих крошек, сцену наблюдали шофер прокурора и охранник, которые заперлись в бронированной машине и смогли вырваться с территории виллы под пулеметным огнем.

Вечером виллу штурмовали вертолеты, всех хуаниточек захватили как вещественные доказательства, а сам наркобарон убежал.

К утру он, движимый благодарностью к любимицам, совершил налет на прокуратуру и скрылся в лесах вместе с хуаниточками.

Банда Эскобара, к которой постепенно примыкали все новые отряды головорезов и приبلудных лялек, вскоре превратилась в армию, претендовавшую на то, чтобы установить в Колумбии свою власть.

В Гусляре некоторые верили в эту историю — например, Минц. А некоторые, как семейство Савичей, считали все происками ляльконенавистников. Так что, когда начали раздаваться в прессе голоса о том, что лялек надо ликвидировать, возмущению мирных владельцев этих крошек не было предела. Они готовы были лечь на рельсы.

Потребовались новые драматические события, чтобы общественное мнение мира начало склоняться к враждебной лялькам позиции.

В Болгарии стайка лялек, объединенная нежной любовью к воспитательнице детского сада в Пловдиве, уничтожила младшую группу, потому что дети шумели и не слушались воспитательницу.

На танковых учениях в Южной Корее три ляльки, принадлежащие командиру полка, сожрали экипаж танка во время учений, ибо члены экипажа нелестно отзывались о душевных качествах полковника Ким Сен Ира.

Пробравшись на американский космический корабль «Атлантис», парочка долли — любимиц астронавтов — убила штурмана Блэки Брауна, который по рассеянности занял спальное место хозяина долли, первого лейтенанта Конолли.

Можно не повторять примеры — их тысячи, и с каждым днем они множились. Любовь этих милых созданий была убийственна, как любая идеальная любовь.

И тогда в начале сентября, когда уже не только подмосковные леса, но и джунгли Вьетнама кишели ляльками и их родственниками, не оставившими в лесах ни единого живого существа, ООН большинством голосов при шести воздержавшихся приняла решение о прекращении производства лялек, долли и хонки, а также истреблении тех, что еще живы.

О, какие драматические сцены разыгрывались, когда специальные международные команды проходили по домам, извлекая и увозя зверьков! Происходили и вооруженные схватки. Австралиец Бен Костелло держался против полиции шесть суток, и его пришлось разбомбить с вертолета.

Наконец безумно дорогая операция завершилась.

Удалов заглянул к Минцу и сказал с порога:

— Ну что, пошли в лес, будем слушать птиц?

— Ангел мой, — ответил Минц. — Откуда ты возьмешь птиц?

Они вымерли, как динозавры.

— Разведем, — ответил Удалов.

Они пошли гулять. Всюду было тихо, а люди ходили потерянные, мрачные, обездоленные.

Гуляя, они дошли до огородных участков, что тянулись вдоль леса.

Там увидели Савича. Он как раз подходил к участку. В одной руке он нес лопату, в другой — дорожную сумку.

— Привет, Никита, — сказал Удалов. — Тоскуешь по своей ляльке?

— Ох, тоскую! — ответил Савич и прибавил шагу.

И вдруг Удалов увидел, как сумка в его руке шевельнулась.

— Никита! — закричал он вслед Савичу. — Ну что ты делаешь! Неужели ты не понимаешь, что нельзя оставлять в живых ни одной ляльки?

Никита злобно поднял лопату.

— Если донесете, — сказал этот мирный и робкий провизор, — убью на месте. Мне нужна любовь. Я получаю и дарю ее!

Минц с Удаловым не стали сражаться с Савичем, тем более что именно тогда Минц предположил, что по крайней мере половина лялек осталась у своих хозяев, которые их умело спрятали. А это значит... Ну вы понимаете: или цивилизация, или любовь!

И тогда Минц уселся за изготовление средства против лялек.

Каким-то образом сильно поумневшие и живущие теперь все больше по лесам ляльки прознали про опасность, и дом № 16 трижды подвергался штурму, но, к счастью, устоял. Убили только последнего в городе упорного, могучего мрачного кота Василия, который на своем боевом счету имел штук двадцать лялек.

Наконец Минцу удалось создать средство от лялек.

Как всегда, ход мыслей ученого был необычным.

Он понимал, что травлей или иным способом истреблять лялек не только антигуманно, но и опасно. Исторических примеров тому в России достаточно. Вы только попробуйте раскритиковать политика, уличить его во мздоимстве и воровстве, а еще пуше — посадите в тюрьму за то, что он ограбил приют и убил нескольких бабушек. И вот тогда в сердцах людей поднимается сочувствие, жалость к этому мерзавцу и острое желание избрать его губернатором.

Как только вы напустите на лялек мор, любовь к ним утроится. А к чему это приведет — неизвестно. И не исключено, что через год-два какая-нибудь лялька станет у нас президентом.

Так что Минц придумал способ безболезненный, хоть и очень обидный для ляльководельцев.

Ему удалось создать аэрозоль, безопасно заполнивший околоземное пространство. Люди ничего не почувствовали, а ляльки почувствовали — отвращение к людям. Включая любимых хозяев.

Лялька просыпалась утром, смотрела, как встает, потягиваясь, хозяин и спешит на кухню подогревать молоко для возлюбленной ляльки.

Пока он суетится, лялька вдруг испытывает приступ нелюбви

к хозяину, к его домочадцам и к людям вообще. Такой сильный приступ, что кидается в форточку и несется в густой лес, в пустыню, в горы, только бы не видеть опостылевшие людские морды.

Это была дудочка крысолова, но как бы наоборот. Ляльки шли не за крысоловом, а бежали от него и его друзей.

Это массовое бегство лялек сопровождалось трагедиями, потому что хозяева убегали в леса за своими любимцами, метались по чащобам, взбирались на лавины и кричали:

— Лялька, иди сюда! Лялечка, я тебе морковку принесла! Лялечка, Дашенька и Машенька тоскуют по тебе!

Но никакого ответа. Лишь шуршит сухая листва — ляльки убегают все глубже в чащу, только бы глаза их на людей не смотрели!

Так завершился первый акт драмы, чуть не погубившей человечество.

Но за ним, как оказалось, последовал второй акт, так как фирма «Мицубиси-энималз», закрытая постановлением японского правительства, сменила вывеску и выдумала новую каверзу.

И свидетельством тому — совсем недавняя история в нашем Великом Гусляре.

Коля Гаврилов, недавно разошедшийся с Римкой, сидел у себя дома и думал, то ли спать пойти, то ли про Меченого Бешеного почитать. И вдруг в дверь позвонили.

Коля доплелся до двери и увидел, что за дверью стоит девушка в темных очках, плотно закутанная в платок.

— Николай Гаврилов здесь проживает? — спросила она.

— Это буду я, — признался Гаврилов, которому понравился низкий с хрипотцой голос девушки.

— Холост? — спросила девушка.

— Разведен.

— Тянешься к настоящей любви? — спросила девушка.

— А то! — сказал Гаврилов.

— Тогда вам письмо от фирмы «Мицубиси-лаверс».

Письмо было написано на пишущей машинке, крупным русским шрифтом.

«Дорогой друг! — сообщалось в нем. — Мы узнали о вашей проблеме и решили помочь. Мы посылаем вам на пробу генетически выведенную идеальную любовницу и жену, добрейшее существо, вашу сексуальную мечту Галину Г. Познакомьтесь с ней, поговорите. Если понравится, оставляйте себе. А нам пришлите обратно подписанную вами бумагу о возвращении Японии Южно-Курильских островов. Получение письма будем считать началом нашего доброго сотрудничества».

Пока Гаврилов, шевеля губами, читал письмо, гостя сняла черные очки, сбросила платок и скромно села на стульчик в углу комнаты, прикрыв ладонями колени.

Гаврилов кинул на нее взгляд, потом посмотрел внимательно, опустил перед ней на колени и попросил руки и сердца.

— Я готова быть тебе идеальной любовницей и женой, — сказала Галина на пристойном русском языке. — Но сначала подпиши письмо.

Говорят, что в Гусяре уже появилось около сорока идеальных женщин из Японии.

Они всем хороши, но ходят слухи, что ревнивы.

ШПИОНСКИЙ БУМЕРАНГ

Драматические события, связанные со строительством в Москве нового американского посольства, постепенно уходят в прошлое. А многими уже и забылись.

Так что я их вам напомним.

Ввиду размножения сверх разума посольских чинов США и СССР согласились построить громадные, вместительные посольства на взаимной основе. Мы — в Вашингтоне, они — в Москве.

Чтобы не ввозить каменщиков и штукатуров, обе высокие стороны решили воспользоваться туземной рабочей силой. Трудилась она под наблюдением сотрудников безопасности враждебной стороны.

Когда возвели стены, Советский Союз выступил с пресс-конференцией, на которой были показаны всяческие «жучки», трубочки и лампочки, которые американцы насовали в кладку.

Американцы ответили неадекватно. Они сказали, что из-за обилия подслушивающих устройств в их посольстве даже кирпича почти не видно.

Пошли взаимные оскорбления и обиды, строительство прервалось, американцы решили строить заново, верхние этажи разобрали. А тут у нас власть сменилась, и стали править страной люди откровенные и честные. И новый министр безопасности Бакатин возьми да и отдай американцам все наши планы: где что воткнуто.

Представляете, что после этого началось в Америке! Американцы решили, что Бакатин дьявольски хитер, и принялись разрушать свое посольство активнее прежнего. А наши сочли поведение министра чрезмерно честным и отправили Бакатина на дачу — разводить розы.

Американцы оставили от посольства только фундамент и на нем воздвигли корпус руками проверенных морских пехотинцев.

Это все история.

Но она имеет продолжение.

В кабинете нового министра Федеральной безопасности раздался телефонный звонок. Звонил прямой телефон начальника контрразведки.

Министр спросил:

— Чего тебе?

Начальник контрразведки ответил:

— Это не телефонный разговор. Спускайся к девятому подъезду. Буду ждать тебя снаружи. Узнаешь меня по красной гвоздике в петлице и газете «Слово и дело».

— Добро, — сказал министр, он по тону угадал, что дело предстоит важное. — Только с цветком измени ситуацию. Нас уже во всем мире по красным гвоздикам расшифровывают. Каких людей на этом потеряли!

Через десять минут, спустившись вниз, министр увидел у подъезда начальника контрразведки с журналом «Плейбой» и белой гвоздикой в петлице. Впрочем, он узнал бы его и без этой маскировки.

— Куда идем? — спросил министр, одетый скромно, но со вкусом.

Начальник контрразведки не ответил, перевел шефа по подземному переходу в кафе-стоячок на месте бывшей пионерской организации.

Заказали по капуччино.

— Сегодня, — сказал начальник контрразведки, — в девять часов две перехвачен разговор между резидентом разведки США советником Робертсом и неизвестным пока агентом.

— Молодцы, — сказал министр. — Но капуччино здесь дерьмо.

Они перешли в соседнее кафе. Министр заказал себе эспрессо, а начальник разведки — капуччино.

— Где они беседовали? — спросил министр.

— В центральном корпусе нового посольства.

— Да ты что!

— Вот именно. А капуччино здесь отменный.

— Они здание разобрали по кирпичику? — спросил министр.

— Разобрали.

— Снова построили?

— Построили.

— Бакатин им документацию отдал?

— Отдал.

— Так как подслушали? Неужели Орнитолог?

Начальник контрразведки отрицательно покачал головой.

Орнитологом прозвали одного настырного изобретателя, который разработал метод впаивания микрофонов в головки ворон. Но оказалось, что снабдить передатчиком всех ворон Москвы технически неосуществимо и дорого, а если ограничиться избранными экземплярами, то они летят подслушивать куда угодно, только не к американцам.

— Говори, — попросил министр.

— Они оставили фундамент. Простучали его, прозвенели, сняли все, что можно, но основу оставили.

— От фундамента до кабинета резидента не добраться, — сказал министр. — Звук не дойдет.

Начальник контрразведки кивнул. Он знал это не хуже министра.

— Так в чем же дело, докладывай!

— Грубин, — назвал начальник контрразведки короткую фамилию.

— Неужели?

— Он самый.

— Буди! — приказал министр.

Грубин для министра был агентом спящим, то есть незадействованным. Вроде бы не мертвым, но и не живым.

Впрочем, его трудно было назвать агентом, потому что он сам считал себя патриотом, но никак не агентом.

Но уже через сорок минут после разговора министра с начальником контрразведки скромный «Ауди» начальника городской безопасности Великого Гусляра со страшным скрипом тормозов остановился возле дома № 16 по Пушкинской улице.

Начальник по фамилии Полицеймако, пробегая по двору мимо окна грубинской скромной квартиры, постучал в него условленным стуком: «Спар-так-чем-пи-он».

Шесть лет Грубин не слышал этого стука.

Он вздрогнул.

Собрался с духом и пошел к двери. Открыл дверь. Впустил майора Полицеймако. Поздоровался.

Майор с ним тоже поздоровался.

Городок маленький, все друг друга знают.

— Чай, кофе? — спросил Грубин.

Полицеймако отрицательно покачал головой.

Он смотрел на худого взъерошенного человека средних лет, сутулого и узкогрудого. На Александра Грубина, известного в городе изобретателя и чудака.

Грубин достал из шкафа начатую бутылку «Гуслярского абсолюта».

Они выпили с Полицеймако за встречу, за прошедший Новый год, за День независимости.

— Твоя-то сработала, — сказал Полицеймако.

— Ты откуда знаешь, майор? — спросил Грубин.

— Если я прав, то быть мне генерал-майором, — сказал Полицеймако.

Выпили за это.

Помолчали.

Грубин вспоминал.

Пять или семь лет назад, когда еще строительство посольства только планировалось, профессору Минцу, что проживает в соседней квартире, попалась выпавшая из космоса бактерия. Или, даже вернее, спора.

Профессор по-хорошему заинтересовался пришельцем и стал его изучать.

Что обнаружилось?

Оказалось, эти бактерии носятся в открытом космосе и им трудно отыскать друг дружку. Вот они и научились в процессе эволюции читать мысли, слышать их на диких расстояниях. Иначе как отыскать любимую?

Поделился как-то Минц своим открытием с Грубиным. А Грубин ведь страшный умелец. Еще давно он написал на рисовом зерне «Слово о полку Игореве». Но поэма погибла — кто-то ее склевал.

В Грубине никогда не утихала склонность к блохизму. Блохизм — это качество русского народа, вернее — умение подковать блоху, которая после этого не сможет прыгать. Читали? Типичная русофобия, сочиненная писателем Лесковым.

Когда Грубин увидал у соседа под микроскопом космические бактерии, которые подавали усиками сигналы, а сигналы были такими четкими, что особо чувствительный приемник Минца, переделанный Грубиным из простого «Сони», громко пипикал, откликаясь на призыв минцевских пленников, то у Саши созрел план.

Надо приспособить к бактериям ножки или колесики, чтобы

они могли передвигаться по Вселенной и встречаться с подругами не по воле космических струй, а по собственному намерению.

Работа оказалась сложная, не хватало материалов и опыта. Как-то, уставши, Грубин сидел со своим знакомым чекистом Полицеймако и рассказал ему о проблемах. Полицеймако, хоть и был в стельку, профессионально отложил беседу в мозг и послал отчет о ней в Центр.

В Центре запись попала на глаза светлой голове (она потом убежала к врагам, но в пути была застрелена на границе проводниками-таджиками). Светлая голова Геннадий отвечал за снабжение аппаратурой стройки американского посольства. «Если, — подумал он, направляясь к начальству, — этот чудак Грубин приделает к бактериям ноги, то не исключено их использование в оперативных целях».

Начальство посмеялось, но встретилось на банкете с начальником контрразведки и, чтобы повеселить генерала, рассказало о чуде из Великого Гусляра.

Начальник контрразведки отличался от своих подчиненных. Он знал, что великие изобретения появляются из мест, для них не приспособленных. А шпионы попадают на мелочах.

— Предоставить условия, — приказал начальник контрразведки опешившему полковнику, и на следующий день Грубина взяли прямо в подъезде, привезли в Вологду в «воронке», оттуда — «черным рейсом» в Москву. Там его уже ждали лаборатория и все бактерии, конфискованные у Минца. Минц получил принудительную путевку в ведомственный санаторий Академии наук.

Надо признаться, что к тому времени, когда посольство уже было напичкано достойной аппаратурой, Грубин многого не достиг. Если и сделал он бактериям ботинки, то эти ботинки оказались бактериям как кандалы. Они всё норовили стащить их с ножек или даже сожрать. А сдавшиеся передвигались так медленно, что стыдно их было запускать к американцам.

Грубину срезали смету, потом сделали предупреждение о несоответствии. В штат его даже не пригласили, а он был счастлив. Не хотелось ему в штат.

Чтобы совсем уж не кидать на ветер казенные деньги, отступая из посольства, чекисты кинули весь запас бактерий в щель в подвале.

Вот и вся история.

С тех пор прошло лет пять или семь, все остальные средства подслушки были ликвидированы или разоблачены, а бактерия мало-помалу проползла щелями на пятый этаж и распахнула уши, стараясь услышать, нет ли поблизости самки.

А так как в той организации ничего не выкидывают, даже ваше личное дело с детства там лежит, то сигнал пошел на ленту в Центре. Начальник контрразведки пригласил погулять министра. Полицеймако пошел к Грубину. Они с Грубиным напились.

Уже из Москвы, из автомата, Грубин дозвонился до Минца. В трубке шуршало, попискивало и дышало. Ведомственный санаторий плотно контролировался органами.

— Лев Христофорович, — спросил Грубин, — вы тоже думаете, что бактерия доползла до пятого этажа? По моим расчетам, ей еще ползти и ползти.

— А что предполагаешь? — спросил Минц.

— Может, у нее течка началась, так сказать, брачный период.

— Почему такое мнение?

— Интуиция, — сказал Грубин.

Минц понял, что не только интуиция. Но это не телефонный разговор.

Он вышел в санаторский сад, стал гулять и думать. За ним гуляла служба внешнего наблюдения и все время стреляла у Минца спички: свои кончились, да ведь не побежишь за ними в корпус — а вдруг Минц сорвется?

В тот же вечер Грубина вызвал к себе начальник контрразведки.

— Премию тебе выпишем, — сказал он, — в размере десяти зарплат.

— В долларах? — спросил Грубин.

— Постыдись, — сказал начальник контрразведки. — Даже я не каждый день получаю. Ты лучше скажи мне, чего ты Минцу недоговорил? Я весь день пленку крутил. Чую — замысел, а в чем — не понимаю.

Грубин попытался ускользнуть от ответа:

— А как там у противника?

Так они называли американцев.

— Много интересного. Личные беседы. Служебные разговоры. Просто клад! Так будешь признаваться, что тебя тревожит?

И тут Грубин догадался: начальника контрразведки великой державы, генерала с тремя звездочками на погонах тоже что-то тревожит.

Тогда Грубин махнул рукой и сказал:

— Я с бактериями работал, не думал, заразные они или нет. Минц мне сказал, что у них метаболизм инопланетный, мало шансов, что заразные. Я успокоился. И когда под микроскопом

ножки им привинчивал, перчаток не надевал, воздух вдыхал и не считал их, сами понимаете.

— Не понимаю, — строго сказал начальник контрразведки.

— Забыл я о них. Пока вы не напомнили. И вдруг вчера слышу... Простите, трудно говорить.

— Мы проверили, — сказал генерал. — У тебя есть увлечение, зовут Вероника, работает кассиром в книжном магазине. Есть соперник...

— Не надо, гражданин генерал, — взмолился Грубин. — Не терзайте.

Генерал отошел к окну. За окном была обыкновенная улица, обыкновенные дома, для любопытных глаз — обыкновенная виртуальная реальность.

— Мне ведь тоже нелегко, — сказал он глухо. — У меня жена молодая. Третья. Хорошо еще, что теперь партии нет, а то могли бы исключить за аморалку. Я вчера задержался — знаешь ведь, какая у нас работа: ни графика, ни расписания — и понесся мыслями к Ларисе. Сажу в кабинете, несусь мыслями, вдруг слышу в сознании: «Отстань, старый козел, разве не видишь, кто на мне лежит?» Мне прямо дурно стало. Все прошел — и Корею, и Афганистан, и Анголу. Думаю — померещилось. Вызываю машину, рву домой... А ее нет. Приходит через полчаса. И говорит: «Только не подозревай меня ни в чем, мы играли в дурака у подружки Люси».

— Значит, был контакт? — спросил Грубин.

Генерал молча кивнул и сплюнул на паркет.

— Ты тоже послал своей привет?

— Нет, получил от нее, — сказал Грубин. — Примерно так: «Мой возлюбленный. Если ты еще будешь в своей командировке торчать, не выдержи и отдамся».

— А моя еще намылилась квартиру разменивать, — сказал генерал. — Вчера я ее любовную мысль перехватил.

— Минца вызывать будем? — спросил Грубин.

— А может, сам подтвердишь мои худшие подозрения?

— Могу подтвердить, — сказал Грубин. — Значит, так, эти споры развиваются. К нам они попадают молоденькими, а через пять-семь лет достигают половой зрелости, понимаешь?

— К сожалению, да.

— Потому они и молчали в американском посольстве. Чего им волны посылать, если еще страсть в организме не накопилась?

— А ты, гад, их руками хватал, — сказал генерал.

— Кто их не хватал!

— Значит, они не только в ихнем посольстве?

— Какой там в посольстве! Подозреваю, что в нас с вами — не говоря о спутниках жизни — их десятки.

— Но ты понимаешь, мерзавец, что это значит?

— Не обзывайтесь, генерал, теперь надо лекарство искать.

В дверь без стука заглянул сотрудник особой секретности. Не глядя на Грубина, он сказал шифром: «456328 998776 654432 198878 999976 784787 767777».

— Ладно, — ответил генерал, — иди.

Он обернулся к Грубину и сказал:

— Только что американский посол говорил с ихним президентом. Завтра на рассвете будут снова бомбить Ирак.

— Наверное, надо министру сказать? Орден получите?

— На хрен нам теперь Ирак?

И точно в ответ на его грустные слова в комнату опять же без стука ворвалась секретарша:

— Иван Иеронимыч! — закричала она. — Полковник Вуколов из шестерки кинулся в пролет лестницы с криком: «Я не могу больше слышать, как скрипит твоя койка!»

Генерал вытолкнул секретаршу и сказал Грубину:

— А ты — Ирак, Ирак трахнутый!

Грубин понял, что не прав.

Позвонил старый белый телефон с гербом СССР.

— Сомневаюсь, — ответил на звонок начальник контрразведки. — Очень сомневаюсь.

Он повесил трубку и сказал Грубину:

— Министр звонил. Умный он у нас, чертяка! Спросил, не пригласить ли срочно преподавателей языка глухонемых? Умница, но ограниченный.

— Не поможет, — согласился Грубин.

Внутри его что-то засвербило, засосало под ложечкой, и существо его наполнилось далеким голосом Вероники:

— Я не могу, я бегу, я бегущая по волнам... Он ждет меня после работы... Прости, Грубин.

— Отпусти домой, генерал, — взмолился Грубин. — Срочно отпусти.

— Сначала придумаешь противоядие...

— Но ведь теперь не будет войн. Не будет тайн...

— Ты с ума сошел, Грубин! — рассердился генерал. — При ихнем уровне науки они противоядие через месяц сделают, а мы так и останемся даже без семейных секретов.

Тут генерал замер, прислушиваясь к голосу бактерии.

Прислушиваясь к голосу своей молодой жены...

И не говоря более ни слова, распахнул окно и шагнул в него, как в дверь. С седьмого этажа.

Грубин был спокоен. Он подошел к столу, нашел свой пропуск к генералу. Написал на нем генеральской ручкой время ухода, расписался за генерала, очень похоже. Окно закрывать не стал — снизу уже слышались голоса.

Вышел. Секретарша рыдала — у нее были свои проблемы.

Грубин спустился, вышел, отдав пропуск ошалевшим от тревоги часовым, перебежал площадь, из первого же автомата — слава богу, карточка была — позвонил в Гусляр, на службу Веронике. Сказал ей только:

— Буду дома ночью. Жди и не мечтай!

— Ой, — сказала Вероника. — В самом деле? Ради меня?

— Ради тебя.

— Милый, а то у меня просто страшные мысли...

Второй звонок был в санаторий, Минцу.

— Я заеду за вами на такси, — сказал он. — И сразу к вам в лабораторию.

— Правильно, — сказал Минц, — у меня уже появились кое-какие мысли, как ограничить эти бактерии сферой внутренней политики...

ЧЕГО ДУША ЖЕЛАЕТ

Профессор Минц ждал водопроводчика Кешу, который шел к нему уже вторую неделю. За это время Кешу видели в ресторане «Гусь», где он обмывал новый «Мерседес» бывшего Коляна, а нынче президента фонда «Чистые руки» Николая Тиграновича, встречали Кешу на демонстрации либерал-радикалов, где каждому участнику выдавали по бутылке «Клинского», видали его и в заплыве через реку напротив краеведческого музея, в котором он участвовал и побеждал, потому что приехало вологодское телевидение. Много где встречали Кешу, но не на работе.

Профессор Минц, хоть и добрый, гуманитарный (так теперь принято говорить) человек, замыслил уже страшную месть. Где-то у него хранилась бутылочка со средством «Трудолюбин». Принявшего средство охватывало неудержимое желание трудиться. Двадцать четыре часа без передышки.

Но тут открылась дверь, которая никогда не запиралась, о чем в городе знала любая бродячая кошка, и вошел сантехник — нет, не Кеша, а другой человек. Немолодой, приятный лицом и манерами.

— Вызывали? — спросил он.

— Ох и вызывал! — ответил профессор. — Вы водопроводчик?

— Сантехник, — сдержанно поправил его мужчина. Был он одет в скромный, но чистый комбинезон и кроссовки «Адидас». В руке чемоданчик — потертый, но целенький и чистый. Все в водопроводчике вызывало доверие.

— Заходите, — попросил его Минц.

— Спасибо, Лев Христофорович, — ответил водопроводчик и принялся вытирать ноги о коврик у дверей.

Профессора не удивило то, что сантехник его знает. Великий Гусляр не столь велик, чтобы в нем мог затеряться ученый с мировым именем.

Профессора смущало другое — он этого сантехника уже видел, знал, даже был с ним знаком. Но нечто мешало его узнать.

— На что жалуетесь? — спросил водопроводчик. — Что беспокоит?

Профессор провел сантехника в ванную, где из крана текла вода струей с палец, а на полу стояла лужа.

— Так-с, — сказал сантехник. — Надо менять. И не мешает почистить.

— Только прошу вас, — сказал проникательный Минц, — не говорите мне, что прокладки кончились и их можно достать только за тройную цену, что краны исчезли из продажи...

Сантехник весело рассмеялся и, поставив на пол чемоданчик, присел возле него, раскрыл жестом фокусника, и внутри обнаружили разнообразные запасные части, прокладки и даже краны.

— А вы говорили! — улыбнулся сантехник, подняв лицо к профессору.

— Илья Самуилович! — воскликнул Минц. — Как же я вас сразу не узнал! Вы же наш зубной врач!

— Все в прошлом, — сказал зубной врач.

— Что же случилось? Какая беда?

Илья Самуилович вытащил из чемодана нужные прокладки и самый красивый из кранов. Потом завернул воду и принялся за работу. Все это время Минц задавал вопросы, а Илья Самуилович на них с готовностью отвечал.

— На пенсию вам рановато...

— Не стесняйтесь, — отвечал дантист. — Вы меня не травмируете. И если вы считаете, что я потерпел жизненное фиаско, то, заверяю вас, — ничего подобного. Мне просто сказочно повезло.

— Как так?

— Мне предложили хорошую работу, и я на нее согласился.

— Разве у вас была плохая работа?

— Мне казалось, что она была неплохой, но я ошибался.
 — Но вы недурно зарабатывали?
 — Я не жаловался.
 — К вам записаться было нелегко.
 — Знаю, знаю, но это происходило оттого, что в нашем городе нет хороших дантистов. На фоне остальных я выглядел лебедем.
 — Вы хотите сказать, что добровольно изменили свою... специальность?

— Говорите прямо — судьбу!

Минц смотрел на то, как сантехник трудится. Его руки так и летали над ванной. И весь жизненный опыт Минца говорил ему, что он видит перед собой мастера своего дела, человека талантливого, влюбленного в профессию, пускай скромную и недооцененную современниками, но такую нужную!

— Как же это произошло? — спросил Минц.

— В этом нет секрета, — сказал Илья Самуилович. — Площадь Землепроходцев, дом два.

— И что там?

— В случае если вы сами не поймете, — ответил сантехник, — я буду рад вам все объяснить, но только в нерабочее время. Поймите, меня ждут страдающие люди! И многие из них проклинают сантехников в целом, потому что в нашей среде еще немало таких типов, как некий Кеша.

— О, Кеша! — воскликнул Минц со злодейским английским придыханием. Иначе произнести это имя он был не в состоянии.

Быстро и качественно завершив свой труд, зубной врач покинул Минца, решительно отказавшись взять чаевые. Причем Минц и не настаивал, потому что его не оставляло ощущение какого-то розыгрыша. Будто зубной врач ему почудился. Хотя крапы работали нормально, не пропуская ни капли воды, а лужу на полу Илья Самуилович сам вытер перед уходом.

Когда дверь за сантехником закрылась, профессор Минц уселся в продавленное кресло и принялся размышлять. Как настоящий мыслитель, он не выносил сомнительных ситуаций. Всему должно быть объяснение. Это и есть принцип гностицизма, который исповедовал Лев Христофорович. А если объяснения нет, значит, либо мы его плохо искали, либо оно недоступно на современном примитивном уровне развития нашей науки.

Имеем удачливого, умелого, уверенного в себе зубного врача. Имеем подчеркивающего свое счастье сантехника. Один и тот же человек. А тайна хранится на площади Землепроходцев.

Профессор Минц натянул пиджак и вышел на улицу. Время

было полуденное, теплое, августовское, птицы уже отпели свое и учили птенцов летать.

Послышался рев мотоцикла. Лев Христофорович еле успел отпрыгнуть к воротам, и ему показалось, что в седле мотоцикла сидит плотная пожилая дама, бывший директор универмага Ванда Савич. Это было столь невероятно, что Минц покачал головой и подумал, не возраст ли подкрадывается к нему. И пора, пожалуй, позаботиться о лекарствах от маразма.

Отдышавшись, Минц направился к площади Землепроходцев, но дойти до нее не успел, потому что столкнулся с фармацевтом Савичем, мужем Ванды. И, увидев его, Минц рассмеялся и сказал:

— Ты не поверишь, Савич, если я тебе скажу, что мне сейчас померещилось.

— Поверю, — ответил Савич. — Тебе померещилось, что моя жена Ванда промчалась мимо тебя на гоночном мотоцикле.

— Удивительно! Но это именно так.

— Потому что тебе ничего не мерещилось, а ты видел то, что я наблюдаю с утра. Моя жена Ванда готовится к первенству Вологодской области по спидвею.

— Вот именно, — согласился Минц.

На самом деле он сказал «вот именно» только для того, чтобы утешить тронувшегося умом Савича. Но тот вовсе не расстраивался.

— Мне дешевле, — заявил он.

На удивленный взгляд профессора он ответил:

— У нас было отложено на старость. Чтобы проводить свободное время на берегу острова Кипр. Ну кому нужен остров Кипр? Грязь, суeta, «новые русские», мафия — и, главное, что?

— Что?

— Корысть! Нажива! Разврат! Сексопатология. Вы со мной согласны?

Савич схватил Минца за рукав и дернул к стене, потому что мимо них в обратную сторону промчался дикий мотоциклист, и теперь уж Минц не сомневался — это Ванда Савич. Да и как усомнившись, если, перекрывая рев мотора, она кричит Минцу:

— Физкульт-привет, мальчики!

— Давай, давай, — негромко ответил Савич. — Недолго мы будем топтать одни и те же мостовые. Завтра улетаю.

— Куда?

— В Чандрагупту. На берега Ганга. Там меня ждут в ашраме полного безмолвия, именно там я найду спокойную нишу для достижения нирваны.

— А как же служба? Как же семья?

— Мою семью вы только что видели, так что можем уже сейчас попрощаться. Больше не встретимся.

— А квартира?

Минц понимал, что задаст неправильные вопросы — не в этом дело. У людей случилась беда, но они не расстраиваются и ищут новую жизнь. Почему? Как можно прожить всю жизнь в Великом Гусляре, ни к чему не стремиться и вдруг, в одночасье...

— А я счастлив! — вдруг воскликнул Савич. — И можете всем об этом сказать! Всеми прогрессивному человечеству. Да здравствует Шива и его жена Лакшми!

И громко распевая гимны на каком-то из индийских языков, провизор Савич направился к туристическому агентству «Мей-би». Минц растерянно смотрел ему вслед и старался привести в порядок свои мысли. Заподозрить Савича в склонности к индийской философии было не менее удивительным, чем Льва Толстого в юморе.

Мотоцикл остановился перед Минцем, и Ванда, Вандочка, срок лет назад красotka, откинула на лоб тяжелые очки и прищурилась:

— Ну как, Лева, а ты не думаешь последовать моему примеру?

— Нет, не думаю, — с душевным трепетом ответил Минц.

— Это может каждый, — сказала мотоциклистка. — Скорость, ветер в лицо, смертельные столкновения!

— Я никогда раньше не подозревал в тебе...

— Сходишь на Землепроходцев, два, еще не такое про себя узнаешь.

Вандочка дала газ и умчалась. Минц долго откашливался от пыли.

Тайна усугублялась.

Минц в очередной раз вышел из подворотни и зашагал к площади.

И, наверное, он добрался бы до нее, если бы не кролик.

Обыкновенный кролик, довольно упитанный.

Он свалился на Минца с неба, тяжело подпрыгнул и уселся, глядя на профессора.

— Простите, — сказал профессор. — Чем могу вам помочь?

Кролик вытащил из-за спины черный цилиндр и лихо нахлобучил на голову. Уши прижало полями, и они торчали, как крылья моноплана.

— Он дурак, — ответил Саша Грубин, сосед Минца по дому № 16. — Даже странно, что при таком небольшом уме — такие артистические способности.

Саша Грубин обогнул Минца.

Он присел на четвереньки перед кроликом и положил на асфальт брезентовый мешок.

Кролик послушно прыгнул в мешок, Грубин завязал его бечевкой и перекинул через плечо.

— Что с вами, Саша? — спросил профессор.

— А ничего! Призвание.

Грубин пошел по улице, словно всю жизнь носил кроликов в мешке.

Минц все же старался уговаривать себя: «Ничего особенного не произошло, вчера объявляли — пятна на Солнце, магнитная буря, старайтесь не выходить из дома без головного убора...» Минц потрогал поднятыми пальцами поля своей шляпы. Ну с ним-то все нормально, а вот с другими-то?

Сверху послышался голос:

— Лев Христофорович, прокатить тебя или как?

Господи, этого еще не хватало! Из корзины самодельного воздушного шара свешивалась оживленная физиономия Корнелия Удалова, старого друга и соседа.

— Что с тобой, Корнелий? — крикнул Минц.

— Нашел себя! — откликнулся Корнелий Иванович. — Чего и тебе желаю.

— А куда намылился? — спросил Лев Христофорович.

— Говорят, археологи отыскиали столицу Александра Македонского в долине Вахша, — ответил Корнелий. — Если ветры будут благоприятствовать, слетаю туда.

Порыв ветра подхватил воздушный шар с большой надписью через всю окрестность: «Россия — щедрая душа» — и понес к облакам, что спешили на юго-восток.

И исчез старый друг Удалов.

Минц не сомневался, что центр интриги лежит на площади Землепроходцев, и предчувствие чего-то зловещего терзало чуткую душу ученого.

И он бы продолжал держать себя в руках, давать отчет в каждом своем шаге и вздохе, если бы не встреча на углу Пушкинской и площади.

У Гостиного двора, у магазина «Все для вашей буренки» стояла известная своей суровостью к распущенным нравам гусярок Клара Самойленко, бывшая комсомолка и вожатая, а ныне заведующая сектором борьбы с асоциальным поведением подростков в Гордуме.

Минц сталкивался с ее принципиальностью на заседании Гордумы и даже безуспешно пытался склонить даму к разумному компромиссу. Ведь и в самом деле трудно будет запретить юбки

выше колен и отсутствие лифчиков под блузками — бывает такое, что поделаешь!

И вот — представьте себе — Лев Христофорович увидел госпожу Самойленко, стоящую на углу с белой гвоздикой в лапке, одетую лишь в кожаный передничек, заимствованный у папуаски, с грудью разве что не обнаженной и в золотых туфельках на дециметровой шпильке. А уж что было нарисовано на лице Клары, не поддается переводу на литературный язык.

Но Минц уже смирился с тем, что живет в сумасшедшем доме, и хотя все внутри у него перевернулось, он произнес:

— Здравствуйте, Клара Георгиевна. Вам не холодно?

— Привет, мужчина, — ответила заведующая сектором. — Не желаешь получить удовольствие?

— В каком смысле? — растерялся профессор.

— В сексуальном, — сказала женщина. — Я такие штучки умею делать, что ты до завтра в себя не придешь. От меня некоторых на «Скорой» увозят.

— Простите, — сказал Минц. — Немного попозже. Мне хотелось сначала заглянуть в дом два.

— А что, правильно, — согласилась Самойленко легкого поведения. — Я прошла сквозь это чистилище. Меня изнасиловали шестеро сотрудников. Я думала, что не переживу позора.

— Врет она, — сказала бабушка в белом платочке, проходившая мимо. — Она сама бросалась на наших ребят. Многие устояли.

— А вы там работаете? — спросил Минц.

— Следуйте за мной, молодой человек, — сказала бабушка, — и вы достигнете цели.

В доме два по площади Землепроходцев находилось несколько учреждений. В том числе Гуслиарское отделение ансамбля «Березка», Госприемизвозснаб, салон красоты «Галатея-2», фонд «Малютка и отчим», а сбоку прямо к стене был приклеен лист картона, на котором неровно, но внятно было написано фломастером:

«ТЕПЕРЬ У НАС ОДНО ЖЕЛАНЬЕ».

И никакого объяснения.

Когда Минц вошел в дверь, то увидел черную стрелу, которая указывала вверх по лестнице. А там в коридоре стояли в ряд стулья, и на стульях сидели смирные люди из городских жителей. И хоть освещение в коридоре было невнятным, они узнали Льва Христофоровича, и кто-то в кепке удивился и спросил:

— А тебе, профессор, чего не терпится?

— У профессора тоже проблемы бывают, — откликнулась Гаврилова, несчастная мать неудачного сына.

— Здесь по очереди или по записи? — спросил Минц.

— Живая очередь, — сказал Кепка. — Я с семи часов записывался.

Кепка показал Минцу ладошку с номером «2».

Минц присел на свободный стул рядом с Гавриловой.

— Вы тоже? — спросил он.

— Нет, — сказала Гаврилова. — О сынишке хотела посоветоваться.

Сынишке было под тридцать. Сынишка уже дважды развелся и собирался наняться в какую-нибудь бездействующую армию, чтобы не ранили.

— А как вы узнали об этом?

— Разве вы в «Гуслиарском знамени» не читали?

— Я только Интернет читаю, — сказал профессор. — За остальным следить не успеваю. И что же в нашей газете было написано?

— Ничего. Только два слова: «Ваш шанс» — и адрес. Первым Косолапов пошел. Думал, что угостят. Вы Косолапова не знаете?

— Не встречал.

— А он бомж. По помойкам ходит и бутылки сдает.

— У нас в городе настоящий бомж есть?

— У нас, говорят, даже группировка есть, — прошептала Гаврилова.

Минц кивнул, но не понял, какая группировка. Гаврилова же между тем продолжала:

— Он пришел, а его никто не останавливает, никто не гонит, но и не угощает. Ольга Казимировна спрашивает: «На что жалуетесь?» Смешно, правда?

— А кто такая Ольга Казимировна?

— А вот зайдете и увидите.

Человек в кепке нервничал — то вскакивал, старался заглянуть в щелку белой стандартной двери с бумажкой: «Без вызова не входить», то бегал по коридору, наступая людям на ноги. А когда дверь открылась, оттуда выдвинулась бородатая физиономия и рывкнула:

— Следующий!

Кепка кинулся бежать.

— Кто хочет или никто? — спросила физиономия.

Гражданка Гаврилова широко, как верующий парашютист, перекрестилась и ринулась к двери.

Наступила тишина.

Возвратился человек в кепке и скромно сел на стул.

Открылась другая дверь, напротив, оттуда выглянула очаровательная женщина средних лет и произнесла:

— Лев Христофорович, вас ждет заведованием.

— Мы первые стояли! — закричал было Кепка.

— Вам к другому доктору, — сказала очаровательная женщина.

В кабинете было скромно, тесновато, за белой занавеской стояла койка. Очаровательная женщина средних лет уселась за ученический стол. Ее темные волосы были забраны назад, в тяжелый узел. Одна прядь нарочно или случайно падала на лоб.

— А я все думала, — сказала очаровательная женщина, — неужели вы сознательно игнорируете?

— Я газету не читаю, — ответил Минц. — А как ваше имя-отчество, простите?

— Ольга, называйте меня просто — Ольгой, я вам в племянницы гожусь.

— Польщен, — ответил Минц. — И чем же вы здесь занимаетесь?

— Во-первых, я должна вам сказать, — ответила Ольга, — что мы не шарлатаны, не волшебники, не колдуны и даже не космические пришельцы.

— Последнее меня очень радует, — улыбнулся Минц, сделав вид, будто о космических пришельцах и не думал. Что было неправдой.

— Больше того, — продолжала Ольга, — мы не являемся агентами ЦРУ и даже Моссада.

— Что делать в нашем городке агентам ЦРУ!

— Не лукавьте, — возразила Ольга. — Они рады бы протянуть свои щупальца в каждую российскую деревню. Мы же являемся опытной лабораторией Министерства здравоохранения, которая развернула в Великом Гусляре свой полигон.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил Минц.

— Как будто вы не догадались!

— Объясните. Зачем нам догадки?

— Хорошо. Проблема проста. Чаше всего человек ошибается, потому что у него нет возможностей выбрать тот путь в жизни, ради которого он появился на Земле. Условия жизни, воспитание, материальное положение, случай — все объединяется для того, чтобы отрезать человека от его настоящей судьбы. Только единицам суждено соответствовать предназначению. Может быть, вам, Лев Христофорович?

— Мама хотела, чтобы я играл на скрипке, — признался Минц.

— А вы?

— Я хотел стоять в воротах нашей городской футбольной команды, но я был толстым мальчиком, и меня не брали.

— Представьте себе, что биология добила того, чтобы соединить, казалось бы, несоединимое — человека и его призвание.

— А если поздно?

— Никогда не поздно, — сказала Ольга.

За стеной послышался шум. Кто-то кричал, рычал — мучился.

— Не все так гладко, как хотелось бы, — сказала Ольга.

— Если вы предлагаете человеку выполнить его желание...

— Не совсем так, Лев Христофорович. Мы не можем исполнять желания. Мы можем показать человеку, к чему лежит его душевная склонность. Ведь каждый из нас рожден выполнить какую-то функцию в муравейнике, именуемом человечеством. И когда он выполняет эту роль, он счастлив. Или почти счастлив. Но знает ли человек об этом? И я вам должна сказать, что величайшим изобретением Гургена Симоновича и было проведение черты между тем, что человеку кажется, и тем, к чему он на самом деле предназначен. Вот вы мне сказали, профессор, что хотели стать вратарем. Но разве вы знаете, ради чего вы родились на свет? Да вы можете и не подозревать.

— Значит, — догадался Минц, — если я приду к вам и скажу, что чувствую в себе извечное стремление стать вратарем, вы не обязательно со мной согласитесь?

— В подавляющем большинстве случаев мы с вами не согласимся... Но не будем спорить.

— И на самом деле, — величие и простота идеи поразили Минца, — вы дадите человеку возможность проявить себя не в том, в чем он хочет, а в том, для чего он рожден.

— Гениально! — воскликнула Ольга.

Из-за стены донесся рев.

— Но что это?

— Это ошибка, в жизни всегда есть место ошибкам. В медицине тоже.

— Это человек?

— Почти. — Ольга отвернулась к окну. Ей не хотелось отвечать.

— Ну нет, голубушка! — вспыхнул Минц. — Извольте открыть ваши карты. Что случилось?

— Пойдемте посмотрим, — сказала Ольга. Она поднялась и открыла незаметную дверцу за спиной, что вела в соседний кабинет. Половина того кабинета была отгорожена крепкой железной решеткой, как в полицейском участке Лос-Анджелеса.

За решеткой метался почти обнаженный растрепанный граж-

данин, который надрывно лаял и кидался на медбрата, пытавшегося угостить его бутербродом с красной икрой, нанизанным на конец шампура.

— Он полагал, — шепотом сообщила Ольга, — что всю жизнь мечтал стать дрессировщиком диких животных. А оказалось, что внутри него заложена программа сторожевой собаки. Мы не смогли этого определить заранее. Вот и попались. Теперь придется сложным путем превращать его обратно в воспитателя детского сада.

Человек оскалился и зарычал.

— Но он счастлив? — догадался Минц.

— Счастлив, — сказала Ольга.

— Может, пускай он останется...

— Вы с ума сошли! Он же полгорода перекусает!

Минц с Ольгой вернулись в ее кабинет.

— Ох, и устала я, — призналась женщина. — У нас уже капсул не хватает, мы с ног валимся...

— Каких капсул?

— За ухо каждому пациенту мы вшиваем капсулу в шесть миллиметров длиной. Она дает постоянное безвредное излучение и вскоре рассасывается в организме.

— И в ней?

— В ней освобождение от комплексов и заблуждений, а также элементарный набор навыков и умений в выбранной области поведения.

— Как же вы можете заранее определить?

— Если бы вы знали, как мало у людей вариантов поведения!

Больной за стеной жалобно тывкал.

— Проголодался, бедненький, — вздохнула Ольга.

— А еще бывали неожиданные превращения? — спросил Минц.

— Врачебная тайна, — ответила Ольга.

— Значит, бывали...

Вместо ответа Ольга бросила на Минца пронизывающий взгляд и спросила:

— А не желаете ли, профессор и почтенный член-корреспондент, проверить на себе действие капсулы?

— И окажется, что я на самом деле мечтаю разводить золотых рыбок?

— Может быть, имеет смысл переключиться?

— Я никогда не соглашусь с вами! — резко возразил Минц. — Моя деятельность приносит пользу миллионам людей. Мои изобретения занесены во все реестры. Не исключено, что меня вот-

вот выдвинут на Нобелевскую премию. А из-за какого-то мелкого генетического дефекта вы лишите меня любимого дела, а народ — моих изобретений?

— Вы не правы, — ответила Ольга, — потому что если открытия и изобретения в мире биологии и есть ваше призвание, никуда оно от вас не уйдет.

— Нет, — сказал Минц. — А то еще начну мяукать.

Ольга улыбнулась. Скорее печально, чем жизнерадостно.

— Мне жаль, что вы не стали с нами сотрудничать, — сказала она. — Но по крайней мере обещайте мне, что будете заходить к нам, помогать добрым советом и делиться опытом.

— С удовольствием, — сказал Минц и задумался.

Прошла минута, а он все не уходил.

Ольга подняла вопросительно брови.

— Черт с вами, — сказал Минц. — Дезинфицируйте свою капсулу. Будем пробовать.

Через два с половиной часа Минц вышел на улицу.

За ухом чесалось. Организм еще не растворил чужеродное тело.

Настроение было приподнятое.

Высоко в небе летел воздушный шар. Вдруг от него отделилась черная точка. Затем над ней раскрылся парашют. Удалову надоело летать по небу, он возвращался домой ужинать. Клара взяла Минца под руку.

— Ну как, мальчонка? — спросила она.

Минц кинул на нее взгляд.

Клара присела и на четвереньках побежала за угол.

Навстречу шел новый председатель городской думы, человек властный и нахальный. Он толкнул Минца. Он всегда и всех толкал на улицах.

Минц взял его за пуговицу, повернул к себе и тихо сказал:

— Попрошу ключик от кабинета. Мне твой кабинет будет нужен.

— Разумеется, — оробел председатель. — Конечно, Лев Христофорович. Как прикажете, Лев Христофорович.

Минц пошел дальше, крутя на указательном пальце кольцо с ключами.

И тут он увидел провизора Савича, который уже достал где-то розовую скатерть, завернулся в нее и стал похож на Шиву.

— Савич, — сказал Минц, — беги на полусогнутых ко мне домой, захвати мой любимый ноутбук и ночные туфли. Пошевеливайся, а то я тебе такое ненасилие покажу!

Сжавшись под новым и страшным взглядом Льва Христофоровича, кришнаит помчался исполнять приказание.

Сказав так, Лев Христофорович спохватился и как бы кинул на себя взгляд со стороны.

Взгляд встревожил.

Посреди Пушкинской улицы стоял пожилой лысый мужчина с выдающимся животом и обводил окрестности гневным взглядом. Никогда раньше его эти окрестности не раздражали.

Лысому мужчине почему-то неумолимо хотелось повторить судьбу Наполеона Бонапарта, только без скорбных ошибок завоевателя с Корсики. Лысый мужчина понимал и знал, как следует обходиться с человечеством, чтобы оно жило правильно и плодотворно. Лысому человеку страстно хотелось загнать человечество к счастью железным кулаком, невзирая на жертвы.

Лев Христофорович Минц, человек крайне добрый, даже робкий, мечты которого никогда не распространялись дальше Нобелевской премии, был потрясен происходившими в нем переменами, но оказался бессилем их предотвратить.

— Вот не предполагал, — произнес вслух Минц, и лицо его на мгновение озарилось доброй улыбкой, — что в шкуре такого гуманиста, как я, таился деспот. Но ничего не поделаешь. Генетика — это судьба!

Лукавил великий в прошлом ученый, а ныне — проклятие человечества. Обнаружив в себе страшную язву, он не сделал и малейшей попытки...

Впрочем, нет!

Беру свои слова обратно.

Громадными шагами Минц кинулся на площадь Землепроходцев. Он ворвался в дом, где таилась лаборатория Минздрава, прошел строевым шагом по коридору, и ждущие очереди вскакивали, вытягивались во фронт, ибо чувствовали, кто идет.

Ногой распахнув дверь к очаровательной Ольге, Минц вошел в кабинет.

Ольга мерила давление Кепке.

— Ах! — воскликнула Ольга. — Вы передумали?

— Мне нужен пресс-секретарь, — рявкнул Минц. — Читать-писать-врать умеешь?

— Как вам сказать...

— Снимать сапоги, греть постель, подавать кофий с коньяком...

Ольга поднялась, одним легким ударом послала в нокаут Кепку, сорвала с себя белый халат, провела розовой ладонью по высокой груди и ответила:

— Яволь, майн дженерал!

И Минц пошел наружу, уверенный в том, что верной собакой, гремучей змеей, безвольной и страстной подстилкой за ним следует женщина-врач.

Такова сила внушения великих завоевателей.

Поход на Москву Лев Христофорович запланировал на сентябрь, чтобы не повторять ошибок Наполеона. Надо было взять Кремль до первых заморозков. И навести порядок в нашем государстве...

И все же человек бывает непоследователен.

Порой вечерами, после митинга или заседания реквизиционного комитета, Минц велел шоферу «Мерседеса-600», конфискованного во время рейда в Вологду, вывезти его на высокий берег реки Гусь. Джипы и БТР с охраной полукругом становились сзади, чтобы не пробрался злоумышленник. С тех пор как одна опасная бабуся с петицией от библиотекарей проникла к самому телу Льва Христофоровича и ее пришлось ликвидировать, охрана категорически настаивала, чтобы со спины Минца всегда прикрывала бронетехника.

Завтрашний диктатор Земли опускал стекло в машине, вдыхал свежий, чуть застойный речной воздух, слушал, как за рекой бредут собачки, гладил послушную коленку Ольги, смотрел, как опускается в мирные облака сельское солнце, и тосковал по прежней, добродушной жизни.

Потом закрывал стекло и говорил:

— К сожалению, больше ни секунды...

— Да, милый, — соглашалась женщина-врач, — ты человек долга.

И они мчались на ночные учения служебных собак.

Эпилог

Резиденция будущего диктатора Земли занимала психлечебницу. Преимущества этого места определялись высоким бетонным забором и крепкими решетками на окнах обоих этажей. Резиденция была окружена парком, оставшимся с дореволюционных времен. В парке щебетали воробьи, так как к осени остальные птицы замолкают.

Минцу не спалось. Наступал день «П», что означает: «Поехали!»

С рассветом Лев Христофорович навсегда покинет этот городок, в котором прошел ряд лет его жизни, и вскоре забудет мест-

ных жителей, людей ничтожных, недостойных сожаления, но в чем-то привычных и даже приятных.

Остаток жизни Льву Христофоровичу придется провести на командных пунктах, в походах и бомбоубежищах.

Не в силах сопротивляться сентиментальному душевному порыву, столь опасному для диктаторов, Лев Христофорович тихонько поднялся с кровати, раздвинул бронированные шторы, защищавшие от случайного злоумышленника, натянул галифе, сапоги, китель без знаков различия, перекрестился на портрет Калигулы и спустился в сад по водосточной трубе.

Охрана этого не заметила, потому что смотрела наружу и не ждала опасности изнутри.

Неприступных крепостей не бывает.

Минц поднял с травы забытую малярами стремянку, прислонил ее к забору и перебрался на улицу.

Рассвет только подбирался к Великому Гусляру, и воздушная синева была густой, как в чернильнице минцевского детства.

Звук шагов профессора легко понесся над примолкшими садами и зелеными крышами.

За несколько минут профессор дошел до дома № 16 по Пушкинской улице.

Знакомый двор. Стол для игры в домино под кустом сирени. Куст разросся, стол покосился — увлечение этим видом спорта осталось в прошлом.

У двери в двухэтажный дом сверкала медная доска.

Мемориальная.

На ней были выбиты буквы:

«В ЭТОМ ПОДЪЕЗДЕ В КВАРТИРЕ № 2 ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА ПРОЖИВАЛ ПОКОРИТЕЛЬ
ЗЕМЛИ ЛЕВ ПЕРВЫЙ НЕСГИБАЕМЫЙ»

«Лакеи, челядь, блюдолизы! — с тоской, свойственной великим завоевателям, подумал Минц. — Какая убогая фантазия!»

Минц вошел в общий коридор и остановился перед своей дверью. Он опасался, что они успели соорудить здесь музей, но, на его счастье, руки до этого не дошли. На двери была сургучная печать.

Минц сорвал печать и отворил дверь.

Странное предчувствие опасности охватило его. Настолько, что он замер, протянув руку к выключателю. И лишь сделав над собой усилие, смог на него нажать.

В комнате были гости. Шестеро гостей.

Трое сидели в ряд на постели. Один на стуле, один в кресле за этажеркой, еще один стоял у окна.

Минц потянулся за пистолетом, который был прикреплен под мышкой.

Другая рука потянулась за пазуху, за мобилем.

Гости смотрели на резкие и даже суетливые движения диктатора без страха и удивления.

— Не узнаешь? — спросил один из них.

Единственное знакомое лицо! Корнелий Удалов!

— Что ты здесь делаешь? — строго спросил Минц. И добавил, обведя ледяным взглядом остальных: — И вы все что здесь делаете?

— Лев Христофорович! — Удалов развел руками. Он был в пижаме. Пижамы развела на животе. — Ты ж меня с молодости знаешь. Зачем тебе все это?

— Уходите, а то буду стрелять, — приказал Минц.

— Еще неделю назад ему бы такое и в голову не пришло, — заметил мужчина средних лет с величественным лицом римского императора. — Поднять руку на ближних — нет, настоящий ученый так не поступает!

И тогда Минц хладнокровно навел удар. Спасения нет. Пустое сердце билось ровно, в руке не дрогнул пистолет.

Первая пуля пронзила Удалова, вторая попала в грудь величественному гостю.

Следов на их одежде не обнаружилось.

Минц выпустил остатки обоймы в молодую женщину, стройную, как тополь.

— Щекотно, — сказала она.

— Татьяна! — строго произнесла другая женщина, постарше. — Ты не на вечеринке.

Выпустив все пули, Минц со злобой бросил на стол дефектный пистолет. И стал отступать к двери.

— Погодите, Минц, — сказал величественный мужчина. — Что вам нужно от жизни?

— Это я вас должен спросить — что вам нужно?

— Мы испугались за вас, — ответил величественный мужчина. — Мы испугались за ваш рассудок и за наших читателей. За свою жизнь в науке и Гусляре вы совершили немало добрых дел. Да и люди, прочитавшие о ваших делах, стали лучше и добрее. Неужели вы теперь перечеркнете все усилия, которые вложил в вас автор?

— Кто?

Удалов показал на пожилого, даже старого мужчину с седой бородой и красным лицом гипертоника:

— Ты что, своего автора и создателя не узнаешь? Это же Кир Булычев! Писатель!

— Не имею чести, — сказал Минц. — Пули бы на тебя не пожалел. А эти, остальные, кто?

— Таких людей тоже полезно знать в лицо, — сказал Удалов. — Это редакция журнала фантастики в полном составе, во главе с редактором.

Величественный мужчина склонил благородную голову.

— Бред какой-то! — возмутился Минц. — Мы, простите, находимся в различных измерениях. Вы — жители Земли, я — существо высшего, литературного порядка. И вообще я не понимаю, кто вас сюда пустил.

— Я! — сказал Кир Булычев. — Когда слухи о перемене в нашем характере достигли нас, мы решили с вами связаться. Остановитесь, профессор! Я вас таким не придумывал, читатели вас таким не знают. Прекратите проявлять инициативу, помогайте людям, не вредите им.

— Не могу, — обреченно сказал профессор. — Пока на земле остается хоть один жулик, взяточник, убийца, насильник или демократ, я не прекращу борьбы за счастье моего народа. До последнего олигарха! До последнего масона! Огнем и мечом!

— У вас большое и доброе сердце, — с чувством произнесла женщина постарше, — об этом знают читатели и критики. Неужели вы хотите, чтобы в литературоведении появилась фраза: «В конце жизни профессор Минц переродился в банального злодея»?

— Я не переродился, — ответил Минц. — Я таким родился, только не знал об этом раньше.

— Тогда сделай над собой усилие, — вмешался в разговор Удалов. — Ради людей. Ради читателей, наконец!

— Это выше меня! Слышишь, как танки разогревают двигатели? Слышишь, как режут моторы истребителей? Слышишь, как бьются в унисон сердца смелых борцов за мои идеи?

— Ах, у него и идеи есть! — воскликнул тут человек с грубоватыми, но привлекательными чертами лица по имени Эдуард. — Вы посмотрите на бандита с идеями!

— Да! У меня есть идеи! — прокричал Минц. — Мои идеи — очистить мир от скверны демократии!

— И дальше? — спросил Эдуард.

— А дальше все будут счастливы.

Пока присутствующие, к негодованию профессора Минца, предавали осмеянию его идеи, вошла привлекательная женщина-врач по имени Ольга.

— Лев Христофорович, — сказала она, — войска построены. История ждет у порога.

— Вот видите! — обрадовался подмоге Минц. — А вы говорили!

И тут, когда все, включая автора, поняли, что битва за Минца проиграна, Удалова посетила мысль.

— Простите, доктор Ольга, — произнес он. — Но мне кажется, что вы еще не добрались до истинной сущности Льва Христофоровича. Вижу я в нем некоторую неуверенность и даже внутреннюю слабость...

— Да как ты смеешь! — взревел будущий диктатор.

— А так смею, что ты сюда пришел, на свое моральное пепелище. В свой дом. Значит, осталось в тебе что-то человеческое. И я уверен, что для завершения образа придется тебя еще поглубже копнуть, до самого дна.

Доктор Ольга была человеком строгих логических правил.

— И что вы предлагаете, товарищ Удалов? — спросила она.

— Еще одну капсулу, — ответил Удалов. — И тогда мы посмотрим.

— Ни в коем случае! — закричал Кир Булычев. — Вы нам тогда такого монстра сделаете, что у меня рука не поднимется его описать.

— Ты прав, но истина дороже, — ответил Удалов.

— Истина дороже! — поддержал его Минц. — Хочу быть завершенным, как гранитная плита.

— Что ж, попробуем, — согласилась доктор Ольга и приложила к уху профессора небольшую розовую капсулу.

— Дорогие друзья, — сказал главный редактор. — Я попрошу всех женщин покинуть помещение. Мы не знаем, кто вылупится из бывшего профессора. Даже в людях, нам известных и на вид достойных, таится порой настоящие монстры. Но кто таится в монстре... Уйдите, женщины!

И женщины покорно, но с внутренним трепетом, покинули комнату.

Минц заметно волновался. Он подхватил со стола разряженный пистолет и стал почесывать им за ухом. Кир Булычев взял том энциклопедии и как бы невзначай прикрылся от возможной пули. Даже доктор Ольга отступила к двери.

Минц положил пистолет на место.

Затем обвел странным, почти детским взглядом комнату и шмыгнул носом.

Далеко-далеко прогревали моторы танки и доносились резкие звуки строевых команд. Наступал рассвет.

— Неловко вышло, — произнес Минц. — Людей побеспокоили, шумим, моторы греем. Нехорошо.

— Неужели получилось! — воскликнул Удалов. — Неужели ты к нам вернулся?

Минц сел на свободный стул.

— Твоя идея была верной, — сказал он Удалову. — И в самом деле душа неординарного человека бездонна. Диктаторские замашки были свойственны мне лишь на определенном этапе душевной организации. Теперь я докопался, спасибо тебе, доктор Ольга, до моей истинной сути.

И Минц задумался, как бы прислушиваясь к себе.

Затем в тишине прозвучал его твердый и уверенный голос:

— Никакого насилия. Никаких танков на улицах. Я выставляю свою кандидатуру на пост губернатора, а затем и президента России демократическим путем, в рамках конституции. Мы с вами, друзья, будем строить правовое, дисциплинированное, патристическое общество. Все для человека, все ради человека! Гражданин писатель Кир Булычев, а также остальные мужчины, прошу вас, останьтесь. Вы мне пригодитесь в предвыборном штабе. А ты, Удалов, беги, отпусти танки, пусть возвращаются по полигонам, а охрану вызови сюда. Береженого бог бережет...

Часть II

ГОСПОДА ГУСЛЯРЦЫ

ЦЕНА КРОКОДИЛА

Когда Леве Минцу было шестнадцать, он был худ, лохмат и восторжен. Аллочка Брусилович гуляла его по набережной Москвы-реки. Они шли вечером мимо Кремля, взявшись за руки. По реке плыли редкие льдины. На одной сидела несчастная кошка, и огни с набережной, от гостиницы «Бухарест», отражались в точках ее глаз, превращая их в бриллиантовые крошки. Рука Аллочки была теплой и послушной.

— Бедное животное, — прошептала Аллочка. — Ты мог бы нырнуть, чтобы спасти ее?

— Если бы это была ты, то нырнул бы, — ответил Левушка, и Аллочка сжала пальчиками его ладонь.

«Как я счастлив, — думал Минц. — Надо запомнить это мгновение. Мы стоим у парапета, на той стороне в гостинице «Бухарест» горят два окна на четвертом этаже, по набережной едет черный «ЗИС», у Аллы Брусилович высокая грудь, хотя об этом нельзя думать. Зато можно думать о том, что крутая черная прядь упала на ухо. Ах, как хочется поцеловать Аллочку в ухо!»

— Ты о чем думаешь? — спросила Алла.

Минцу было неловко признаться в том, что он думает о счастье, завитке над ухом и даже высокой груди Аллочки.

— Интересно, кто в «ЗИСе» проехал? — сказал Минц. — Может, Сталин?

— Не пугай меня, — прошептала Аллочка Брусилович. У нее был дядя вейсманист-морганист, и они все ждали ареста.

Но Минц все равно был счастлив, никогда еще он не был так счастлив. И никогда больше он не будет так счастлив.

Что такое счастье?

И через полвека Минц сказал себе: «Счастье — это мгновение, суть и ценность которого можно оценить только по прошествии времени.

Но я же отдавал себе отчет в том, что счастлив?

И благополучно забыл об этом, как забыл и об Аллочке Брусилович, которую не узнал бы на улице.

А можно ли возвратить мгновение? Можно ли повторить его? В чем трагедия Фауста? Он искал мгновение, а находил разочарование. Может быть, будучи великим ученым, он понимал, что счастье — лишь сочетание удачно сложившихся колебаний молекул? Или химическая реакция организма на запах собеседницы?

Так какого же черта нам выдали разум, если мы хотим перво-бытного счастья?

Изобретаешь компьютер и колешь им орехи!»

Но, рассуждая так, Минц не прекращал изобретать соответствующее средство. Потому что он стремился к счастью и, не надеясь на то, что добьется его на пустом месте, пытался восстановить ситуацию, при которой был счастлив.

Для этого следовало заставить мозг заново пережить тот момент. То есть мозг должен поверить, что этот момент возвратился. Притом не сегодняшний, разочарованный и усталый, не верящий в счастье мозг, а тот, юношеский, смятенный и трепетный.

Такая задача может быть по плечу только очевидному гению.

Удалов и сказал:

— Лев Христофорович, такая задача по плечу только настоящему гению.

На что Минц ответил:

— Тогда именно я ее и решу.

В комнате пахло паленым, еще не рассеялся дым от небольшого взрыва, в реторте шумело.

— Это трудно, — сказал Удалов. — Даже тебе.

Удалов имел право так говорить, он прожил вместе с Минцем в одном доме четверть века. То есть как если бы они встретились в эпоху Павла Первого, а сейчас наступает время восстать декабристам. Или, скажем, Минц въехал в дом № 16 по Пушкинской улице города Великий Гусяр в канун Великой Октябрьской социалистической революции, а сегодня кипит битва в Сталинграде. Ничего себе, исторический промежуток!

— По какому пути идешь, сосед? — спросил Удалов.

— Я решил пойти по пути гипнопедии.

— Конкретнее! — строго сказал Удалов, который не знал, что такое гипнопедия.

— Обучение во сне, — пояснил Минц. — Я тебе предлагаю увидеть сон. Но не просто сон, а сон вещей наоборот.

— Послушай, сосед, ты меня совсем затюкал. Сон вещей наоборот уже не может быть вещим. Что я в нем увижу?

— Ты увидишь то, что с тобой было. Поэтому полнокровно переживешь заново какое-то событие.

— Как же ты этого добьешься?

— Когда добьюсь, постучу тебе.

Так как Удалов жил над Минцем, то Минц, когда была нужда в Корнелии, стучал в потолок шеткой, а Удалов стучал по полу каблуком.

Минц постучал через три недели — очень долго шла работа над гормоном сна. С наукой это бывает — казалось бы, открытие так и просится в руки, а нет — проходят недели, а средство от СПИДа еще не придумано.

Минц постучал, когда Удалов как раз пил компот, придя с собрания общественного совета организации «Зеленый дол». Он отставил стакан и кинулся вниз. Ему не терпелось узнать, достигли ли счастья в отдельно взятой стране.

Минц сидел за столом в синем махровом халате и пил кофе.

— Не томи! — крикнул от дверей Удалов.

— Испытал, — ответил Минц. — Это было счастье!

— Говори, говори!

— Я заснул. И снился мне конец сороковых годов и вечер на набережной возле Кремлевской стены. Ты знаешь, с кем рядом я стоял?

— С кем же?

— С Аллочкой Брусилович. Был холодный мартовский вечер. Редкие льдины плыли по Москве-реке. На одной сидела кошка. Глаза ее казались алмазными крошками. А в гостинице «Бухарест» на четвертом этаже горели два или три окна. Рука Аллочки послушно лежала в моей ладони, я смотрел на нее и думал — как я счастлив видеть, что черная тугая прядь падает на ее маленькое розовое ушко.

— Она без шапки была? — спросил Удалов.

— Чего?

— И как ее мать выпустила? Ведь мороз был?

— Мороз. Но дело не в этом.

— А когда можно попользоваться? — спросил Удалов.

— Как так — попользоваться?

— Принять. У каждого свои проблемы.

— А у тебя какие? Со счастьем?

— Может, и со счастьем.

— Но я еще не готов.

— Вот я и думаю — не вообразил ли ты это счастье, Лев Христофорович?

— Обижаешь, — ответил Минц. — А со своей стороны, чтобы унять твой скептицизм, обещаю, что ты будешь первым, кому я дам испытать сон.

— Лев Христофорович, я так понимаю, что ты можешь внушить сон на определенный момент в прошлой жизни. И необязательно, чтобы это был счастливый миг.

— Ты прав, Корнелий, — ответил профессор. — Счастье я обещаю не могу. Но могу обещать: во сне ты снова переживешь такой-то день и час своей жизни.

— И мое дело заказать тебе нужный день?

— И нужный час.

— А если я ошибся?

— Если ошибся, то увидишь, чего не желал.

Но Удалову не нужно было счастье. Другая проблема волновала его беспокойный ум.

Минц догадался, что Удалов что-то утаивает от него.

— Зачем тебе понадобился вещий сон?

— Мне нужен сон вещий, чтобы найти вещи, — ответил Удалов. — Когда сделаешь мне укол?

— Не укол, пилюлю.

— Еще лучше.

Испытания состоялись через две недели.

Утром.

Минц казался усталым.

— Опять не спал? — спросил Удалов.

— Там же был, то же снил.

— Опять Аллочка Брусилович на набережной у Кремля?

— И глазки как алмазная крошка.

— Лев Христофорович, а не становишься ли ты наркоманом? — спросил Удалов. — Если тебе вновь и вновь хочется испытать чувство счастья, то потом тебе не захочется возвращаться в нашу действительность. И ты увеличишь долю и рехнешься!

— А может, мне хочется остаться там навеки, продлить счастье — от мгновения до вечности?

— Ты обещал, — перебил друга Корнелий, — что дашь первую снотворную пилюлю мне по дружбе. Так ли это? Не передумал ли?

— Говори, какое мгновение в прошлом тебе надо мысленно посетить? Что ты хочешь пережить вновь во всей видимости реализма? Первый поцелуй?

— Нет.

— Неужели тот день, когда тебе на шейку повязали красный галстук?

— Нет.

— Последний экзамен в школе?

Удалов отрицательно покачал головой.

Минц пожал плечами.

— Ты извращенец, — сказал он.

Удалов и это отрицал.

— Тогда говори!

— Три часа ночи восьмого октября сего года.

— Что? — Удивлению Минца не было предела. — Два месяца назад?

— Вот именно.

— Но что же могло произойти?

— Не тереби душу. Мы с тобой взрослые люди и не задаем лишних вопросов. Показывай, как работает твой наркотик!

— Очень просто, — ответил Минц.

Он взял со стола большой будильник с календарем тайваньского производства, продается в универмаге за сто десять рублей. Стекло с циферблата было снято. Затем Лев Христофорович вытащил из мензурки оранжевую пилюлю и положил ее на циферблат. Он бормотал вслух:

— Три часа ночи восьмого октября сего года.

Удалов увидел, что циферблат показывал часы, минуты, а также число, день недели и еще — маленькая стрелочка, самодельная — год от Рождества Христова.

Минц набрал нужную дату и время.

— Теперь подождем, — сказал он, — дай прибору зарядиться.

Они сыграли партию в шахматы, потом Минц угостил соседа чаем. Говорили о событиях последних дней, о разгуле бандитов в масштабе области, об оскудении крокодилов в озере Копенгаген, землетрясении в Гватемале, видах на урожай наркотиков в Золотом треугольнике и даже шансах русского человека Сточасова победить на выборах мэра города Паталипутра на планете того же названия.

Время пролетело незаметно.

Будильник шелкнул и сыграл арию Трубадура.

— Все, — сказал Минц, — заряжена твоя пилюля. Перед сном примешь, и спи спокойно, скоро начнет сниться сон совершенно реалистический, повторяя событие в жизни. И ты получишь свое удовольствие, а какое — не скажешь?

— Получу — скажу, — ответил Удалов, с благодарностью забрал оранжевую пилюлю и пошел к себе.

Пилюлю он спрятал среди рыболовных крючков и блесен, не хотел, чтобы ее увидела Ксения, потому что она обязательно подумает что-то неправильное. Может, решит, что Удалов тайком от нее лечится от неприличной болезни, может, что он стал наркоманом.

День тянулся медленно и неинтересно. Удалов даже лег поспать, чтобы убить его. Но когда проснулся, было все так же сумрачно и снежно.

Ксения почуяла неладное, когда кормила мужа обедом.

— Опять пил? — спросила она.

Подозрение было необоснованным, потому что Удалов пил

редко, понемногу и только в хорошей компании. Но ведь надо мужа в чем-то подозревать! Мужья — это опасная категория домашних животных, которые норовят выскочить на лестничную площадку в поисках приключений. Когда-то один итальянский деятель сказал: «Жена Цезаря выше подозрений».

— А что натворил? — спросила Ксения.

— Ничего, — неубедительно ответил Удалов. Подобно любому мужу, Удалов на семейных допросах сразу чувствовал свою вину, даже если ее и не было, и тянуло в чем-нибудь признаться.

— А ты не красней, не бледней, — сказала Ксения. — Вижу по твоему рылу, что оно в пушку.

Удалову захотелось взглянуть в зеркало, хоть он и понимал, что жена говорит в переносном смысле.

Он стал думать о том, как сейчас заснет и тогда сможет решить загадку, которая мучает его уже второй месяц.

Тут по телевизору стали показывать сериал про петербургские тайны, и Ксения отвлеклась. Чужие проблемы казались ей более актуальными.

Удалов же сослался на головную боль, услышал на прощание язвительную реплику супруги: «Знаем-знаем, почему у тебя голова ломит!» — и пошел готовиться ко сну.

И тут случилась беда.

Минц не предупредил, а Удалов не подумал о том, что на человека в нервном ожидательном состоянии духа может навалиться бессонница. Что и случилось.

Удалов лежал в темной комнате, смотрел в потолок, слушал, как рядом похрапывает жена, а сон не шел. Удалов просчитал до десяти тысяч, попытался вспомнить все стихи из школьной программы, но сон не шел. За окном переругивались собаки. Прошли пьяные дети с гитарой. Они нестройно пели песню «Спокойной ночи, малыши». В иной ситуации Удалов бы улыбнулся, но сейчас он только сердился.

Уже скоро рассвет.

И тут зажегся свет. И Удалов вошел в комнату.

Хорошо, что Ксения ушла к Гавриловой. Они просидят до полуночи, мало ли проблем у двух пенсионеров: личная жизнь детей не удалась, а внуки растут и требуют новые ботинки.

Перед Корнелием стояла проблема — и немаловажная: надо было спрятать от Ксении шестьдесят долларов.

Мечта Удалова о покупке голландского спиннинга была наконец-то близка к осуществлению. Тридцать лет он мечтал, а сегодня оказался в шаге от свершения.

И все объяснялось обычным везением.

Был Удалов на рыбалке, на озере Копенгаген. Ловил на червя, погода была дождливая, рыбаков, считай, никого.

Вода взбурлила, на удочку попался небольшой крокодил. Они иногда встречаются на озере Копенгаген, клюют на блесну. Лучше всего крокодила ловить зимой, на подледном лове, потому что зимой крокодил вялый и поконный. А летом он может и канат перекусить.

Крокодилы водятся в озере еще с дореволюционных времен, когда их развел тамошний помещик Гуль, большой либерал и оригинал.

В последнее время крокодилов осталось мало, их все собираются внести в Красную книгу, но специалисты по красным книгам никак до озера не доберутся.

Считай, Удалову повезло.

Конечно, он предпочел бы поймать крокодилицу с яйцами — известный деликатес, но и малыш сгодится. И сгодился. Потому что, как только Удалов сошел с автобуса на окраине города, возле Восточного рынка, его встретили два тибетца. Порой тибетцы заезжают в Гусляр, торгуют печенью яков, высокогорными гобийскими и каракорумскими травами и тантрическими рукописями на пальмовых листьях.

Внимание тибетцев привлек крокодилиный хвост, который свешивался из сумки рыбака, перекинутой через плечо.

— Северный крокодил, однако? — спросил тибетец постарше, одетый в желтую тогу и красную шапку с высоким гребнем.

— Как угадали? — удивился Удалов.

— Давно ищем, — сказал второй тибетец, в полушубке лагерного типа.

— Из хвоста молодого крокодила, выращенного в озере Северной России, добывается крайне редкий препарат, повышающий мужскую потенцию, — сказал старший тибетец.

— Мы присланы сектой Синего Облака в поисках этого снадобья для главы ее, Сапраменг-ламы, однако, — добавил второй тибетец.

— Любые деньги платим, — сказал первый тибетец. И по жадному блеску в глазах тибетцев Удалов понял, что сейчас начинается его звездный час.

— Крокодилы у нас редко встречаются, — произнес он. Старший тибетец, видно человек тертый, сразу сообразил, что начинается серьезный торг.

— Десять долларов, — сказал он, — но в китайских юанях.

— Вы с ума сошли! — вспылал Удалов и пошел прочь.

Крокодилиный хвост покачивался за спиной и ритмично ударял его по бедрам.

Тибетцы бежали вслед и кричали:

— Двадцать пять долларов!

— Тридцать долларов в китайской валюте!

Удалов остановился и произнес:

— Сто долларов, и ни копейкой меньше.

— Пятьдесят!

— Семьдесят, и только в американских баксах.

Они расстались возле дома Удалова. Тибетцы унесли крокодила, а Удалов стал богаче на шестьдесят долларов.

И вот он стоит посреди комнаты, размышляя, куда можно спрятать это богатство, чтоб Ксения с ее интуицией эти баксы не отыскала.

Под комод? Выметет. В книги на полку? А как запомнишь, в какой книжке они лежат? Нет, место должно быть фантастически необычным. В летние сандалии! Вот куда!

Удалов открыл было шкаф, но замер — нет, кошка может залезть.

А может быть, в папку с грамотами? Сколько их получил Корнелий Иванович за долгую трудовую жизнь! И с портретами, и просто с красными знаменами.

Вряд ли Ксения вздумает в этой папке копаться.

Решившись, Удалов вынул шестьдесят долларов, тремя двадцатками, заложил их в грамоту «За победу в социалистическом соревновании в честь XVI съезда КПСС», сунул грамоту в середину папки, положил папку на верхнюю полку книжного шкафа.

Все. Решение принято, теперь можно искать подходящий спиннинг. В жизни снова появился смысл.

И Удалов проснулся.

Было раннее утро, небо начало синеть, облака умчались во свояси, предутренние звезды холодно мерцали на небе. Собаки все еще гавкали под окном. Потом каркнула ворона.

Ксения мирно спала рядом. Она ни о чем не догадалась.

Все проблемы были решены.

Снадобье Минца подействовало.

Во сне Удалов увидел решение загадки. Теперь он знает, куда спрятал заветную записку.

Он спрятал ее. А куда он ее спрятал?

Удалов вскочил с кровати. Ксения заворчала во сне и повернулась на бок.

Но ведь он только что видел во сне и все помнил! Он видел, как вернулся домой, как стоял посреди комнаты и соображал, куда бы спрятать доллары. Сообразил и спрятал.

Куда?

Удалов еле дотерпел до восьми утра, когда сосед снизу загре-

мел сковородкой — значит, готовит себе омлет. Удалов ворвался к Минцу.

— Лев Христофорович! — закричал он с порога. — Мы так не договаривались!

— Что? Неужели не подействовало?

— Я не помню.

— Так был сон или не было сна?

— Был сон, был.

— И число загаданное совпало?

— Но не в этом дело!

— В чем же дело? — Минц не выспался, лысина была потной, халат разошелся на животе, глаза красные, веки припухли.

— Я не запомнил!

— Момент счастья?

— Какой, к черту, момент счастья! Не помню, куда шестьдесят баксов спрятал!

И срывающимся от обиды голосом Удалов признался профессору Минцу в своей мечте о спиннинге и записке от Ксении.

Минц проникся к Удалову сочувствием, потому что с возрастом его изумительная память все чаще давала сбои. И все чаще терялись в кабинете нужные бумаги и вещи. Казалось бы, только вчера положил книгу на видное место, а сегодня на этом месте книги нет и вообще ее нет в пределах видимости. Ты можешь перерыть всю свою небольшую захламленную квартиру и ничего не найдешь, кроме того, что искал в прошлом году. Через два месяца эта книга (уже ненужная) отыщется на самом видном месте, и станет непонятно, кого винить в этой дикой издевке судьбы.

— Странно, — сказал Минц, выслушав эпопею Удалова. — Я, например, помню все, что делал в наведенном сне. Каждое слово помню.

— Но ведь ты ничего и не забывал, — ответил Удалов. — А мне надо было вспомнить. Что я помнил, то я помню, а что забыл, то не помню.

— Мало пилюль осталось, — вздохнул Минц.

— А ты еще сделай.

— Не так просто, — ответил Минц и объяснять, в чем трудность, не стал. Но Удалов знал: если Минц сказал, что непросто, значит, невозможно.

— Хоть одну дай, — попросил Удалов.

— А что изменится? — спросил Минц.

— Может, получится, а? Для меня это вопрос принципиальный.

Минц открыл баночку с пилюлями и стал их считать. Потом вытащил одну и протянул Удалову.

Удалов успел кинуть взгляд в баночку и увидел, что там осталось не меньше полудюжины пилюль. Минц догадался, что Удалов успел кинуть взгляд в баночку, и сказал:

— Приходится быть эгоистом. Надо решить морально-этическую проблему.

— Жениться решил? — не подумав, спросил Удалов, но Минц не рассердился, а отмахнулся от его слов, как от незначущих.

— Нельзя жениться на девушке, которая давно стала бабушкой, — сказал он. — Но можно постараться свести счеты с собственной совестью.

Удалов его не понял, но ушел, сжимая в кулаке заряженную на тот же злосчастный день пилюлю.

Начавшийся день был подобен месяцу — так долго и ненужно он тянулся до сумерек. Потом было сидение у телевизора, пустяковая ссора, визит Савичей, что-то еще, и наконец можно ложиться спать.

На этот раз Удалов решил рискнуть.

Вы скажете, что его решение было антинаучным? Может быть. Я тогда отвечу вам: само открытие Минца антинаучно. А в ненаучной ситуации антинаучные поступки порой дают положительные результаты.

Я не слишком сложно высказываюсь?

В общем, Удалов заснул, сжимая в кулаке штучку — красную метку — пуговицу от пальто первой жены Максима.

Зажегся свет, и Удалов вошел в комнату.

Перед Корнелием стояла проблема — и немаловажная: надо было спрятать от Ксении шестьдесят долларов.

Тридцать лет Удалов мечтал о покупке голландского спиннинга, а сегодня оказался в шаге от свершения.

И вот он стоит посреди комнаты, размышляя, куда можно спрятать свое богатство, чтобы Ксения с ее интуицией эти баксы не отыскала.

Может быть, в папку с грамотами? Сколько их получил Корнелий Иванович за долгую трудовую жизнь! И с портретами, и просто с красными знаменами. Вряд ли Ксения вздумает копать в этой папке.

Решившись, Удалов вынул из кармана шестьдесят долларов, заложил их в грамоту «За победу в социалистическом соревновании в честь XVI съезда КПСС», сунул грамоту в середину папки, положил на среднюю полку книжного шкафа, а на нее — красную пуговицу.

Все.

И Удалов проснулся.

Ксения уже начала уборку и как раз добралась в своих утренних трудах до книжного шкафа.

Что же связано в памяти с этим шкафом? Что-то важное. Может быть, надо новый шкаф купить?

Удалов сел на кровати и сказал скучным голосом:

— Поменьше бы пыль поднимала, пока человек спит.

— А ты не спи, — ответила Ксения. — Я вся в трудах, а ты дрыхнешь.

Она взмахнула рукой, и красная пуговица упала на пол и покати́лась к босым ногам Удалова.

Взор его задержался на секунду на пуговице, затем метнулся к папке с грамотами.

— Не урони! — закричал он и прыгнул к книжной полке.

Ксения от неожиданности отшатнулась. И схватилась за папку, чтобы не упасть.

Удалов вырвал папку из ее рук и побежал с ней на кухню.

— Ты куда? Ты зачем хулиганишь? — кричала вслед Ксения. Но Удалов уже вытащил из грамоты три двадцатидолларовые купюры.

Обошлось, деньги перепрятаны в карман брюк, сегодня же пойдем в «Рыболов-спортсмен». Надо рассказать Минцу об удачном опыте.

Правда, как объяснишь профессору, человеку, не склонному к мистике, что красная метка побывала во сне и помогла отыскать деньги? Как она туда попала?

Минца дома не было.

Удалов вновь поднялся к себе. Позавтракал. Минца все не было.

Удалов сходил в магазин, присмотрел спиннинг, потрогал его, усомнился, вернулся домой, позвал Сашу Грубина, специалиста по всему, они пошли туда вдвоем, но купить спиннинг не решились.

Посидели, приняли по кружке пива.

Решились.

Купили спиннинг, отнесли его к Грубину. Потому что теперь предстояло подготовить Ксению к прибавлению в семействе. Ей будет тяжело это пережить.

Удалов снова постучал к Минцу.

Ответом был хрип.

Встревоженный Удалов вошел к Минцу, благо дверь к нему не запиралась.

Профессор лежал на полу.

Он был мокрый насквозь — от халата до кончика носа — и дрожал, словно провел сутки в холодильнике, он не мог говорить, и лишь невнятный хрип вырывался из его посиневших уст.

— Лев Христофорович, что с тобой! — воскликнул Удалов. — Вызвать «Скорую»?

— Ты с ума сошел, — проскрипел Минц и сделал движение рукой, которое Удалов истолковал положительно. Он открыл лабораторный шкаф и одним махом выхватил оттуда реторту, наполненную спиртом на клюкве. Для особых случаев.

Он налил стакан спирта, пригубил немного, чтобы проверить, не испортился ли напиток от неупотребления, а потом протянул стакан Минцу.

— Может, помочь? — спросил он. Но Минц уже схватил стакан и вылил его в себя.

Постепенно его лицо приобрело розовый цвет. Удалов помог профессору перебраться на диван.

— Будешь спать? — спросил он. Хотя на самом деле его жгло желание поделиться своей радостью. И узнать, конечно, что произошло с Минцем за последние сутки.

— Что у тебя с баксами? — спросил профессор. Даже в тяжелые моменты жизни он помнил о друзьях.

— У меня все в порядке, — сказал Удалов. — Хотя не без мистики. Я во сне метку оставил, она так и осталась там лежать.

— Правильно, — сказал профессор. — Правильно. Я тоже об этом догадался.

— Ты тоже метку оставил?

— Своего рода. — Профессор долго кашлял, потом закричал петушиным голосом: — Да здравствует мистика!

— Ну скажи, не тай!

— Я был счастлив, Удалов, — произнес хрипло Минц. Его глаза закрывались, голова склонялась к валику дивана. — Я был счастлив, потому что открыл секрет счастья.

— В чем же этот секрет? — спросил Удалов и подумал о спиннинге, спрятанном у Грубина.

— В том, чтобы сделать счастливым другого. Того, кого любишь.

— Может быть, — сказал Удалов. Мысли его были далеко.

— Ты не понял! Я сделал счастливой Аллочку Брусилович. И потому я счастлив тоже.

Профессор зашелся от кашля. Удалов насупился.

— Придется доктора вызывать, — сказал он.

Минц отмахнулся.

— Ты ничего не понимаешь! — воскликнул он. — Потому что не задал главного вопроса.

— Какого вопроса?

— «Почему?» Почему Аллочка счастлива? Почему я счастлив?

— Ну почему?

— Потому что я все-таки после неудачных попыток сегодня ночью прыгнул в речку, доплыл до льдины и снял с нее котенка. Почему я не утонул, не знаю. Но я выбрался на берег, отдал котенка плачущей от страха за меня и радости за животное девушке. Я заглянул в ее сияющие глаза... и проснулся, черт побери.

— И хорошо, что проснулся, — сказал Удалов. — А то бы помер в молодости от воспаления легких. Ты лежи, лежи, не вставай, грейся. Если что, постучи мне. А я пошел Ксению подготавливать. Чтобы она меня вместе со спиннингом не выкинула.

Минц допил спирт и тихо засмеялся.

КОСМОГРАФИЯ РЕВНОСТИ

— Нет, — твердо заявила Ксения Удалова, — за маленьким я в садик больше не хожу.

— Ну что за птица вас клюнула в одно место, мама? — сказала ее невестка Маргарита. — Мне за вас даже немного стыдно, если не сказать возмутительно.

Ксения не стала спорить, а пошла на кухню, готовить щи и тихо плакать. Если такие слезы каплют в щи, то они получаются ху-же солянки, каждая слеза на вес чайной ложки рассола.

— Она у нас рехнулась, — сказала Маргарита своему мужу Максиму Корнелиевичу.

— Ты о ком? — спросил Максим, открывая пиво.

Он налил отцу.

Корнелий Иванович отпил и сказал:

— В мое время было только «Жигулевское» — и не больше бутылки в одни руки. Но какой напиток!

— А вчера она на рынок не пошла, — сказала Маргарита. — Я ее прошу по-человечески, вы же знаете, как я маму Ксению уважаю, а она ноль внимания. А она говорит — на рынок не пойду, не могу даже по Краснопартизанской ходить. Как будто всю жизнь по ней не ходила.

— Возраст, — заметил Максим, — сказывается при всем моем уважении.

Корнелий в разговор не вмешивался. Он задумался. Он лучше всех знал свою жену. С ней творилось неладное.

С точки зрения человеческого поведения объяснимое, но человек этот был особенным.

Максим решил наладить мир в семействе и произнес:

— Ладно уж, я сам в садик схожу, а ты, ма, завтра в химчистку мой костюм отнеси, лады?

— Это в какую химчистку? — спросила Ксения.

— На бывшую Серафимовича, — сказала Маргарита. — И мой серый костюм захватите.

— На Серафимовича не могу, — сказала Ксения из кухни.

И все замолчали.

Серафимовича была улицей почти соседской.

— Значит, не хочешь, ма? — спросил Максим.

— Значит, не желаете, мама? — спросила невестка.

— Не могу, видит бог, не могу, честное пионерское, — ответила Ксения с надрывом, без юмора.

— Но ведь вы еще на той неделе ходили, — вспомнила Маргарита.

— На той неделе я, можно сказать, еще на живого человека была похожа, — сообщила Ксения и громко шмыгнула носом.

В этот момент Корнелий поднялся и пошел наружу, на двор.

Никто, кроме Ксении, его ухода не заметил. С тех пор как Удалов вышел на пенсию, его многие перестали замечать. А в семье и подавно.

А Ксения сдвинулась к окну, чтобы наблюдать, как он выйдет из дома и куда завернет.

Но Удалов не появился, значит, он пошел на первый этаж — или к Грубину, или к профессору Минцу.

Ксения слушала голоса сына и невестки, голоса были громкие и даже пронзительные, они произносили грубые и укоризненные слова, но Ксения не вдумывалась в их смысл. Она глядела на улицу, на увядающую, бурую из-за сухого лета, так и не успевшую толком пожелтеть листву. Осень в этом году выдалась некрасивая, не золото, а сплошная грязь. И жизнь у Ксении не удалась. Она вообще-то была несчастной женщиной.

— Вы куда? — спросила Маргарита.

— Тебя не касается, — ответила свекровь.

Ксения спустилась по скрипучей темной лестнице, легко продиравшейся сквозь щели — дом был старый, считай, барак, тридцатых годов, давно пора бы сносить и дать им квартиру в пятиэтажке улучшенного типа. Все, кто предшествовал Корнелию на посту директора стройконторы, и те, кто сменил его на том посту, — все построили себе виллы, коттеджи или хотя бы квартиры в элитном доме на Марксистской. Один Удалов так и остался в покосившемся доме № 16 на Пушкинской улице.

Что-то ей сегодня все было не по душе. Даже запахи на лестнице уловила, застоявшиеся, почти древние, кухонные и другие. И стекло мухами засижено так, что света не видать. Давно пора бы вымыть, а кто возьмет на себя такой труд?

Ксения спустилась на первый этаж, остановилась перед дверью к профессору Минцу. Дверь была стандартная, все слышно,

только Корнелий с Минцем стояли не у двери, а в комнате, и голоса их доносились не очень внятно.

— А ты давал основания? — это Минц говорит.

— Ну какие основания! Ты меня скоро тридцать лет знаешь. Ну какие могут быть основания в нашем городишке, где каждый каждого в лицо знает?

Он засмеялся каким-то невнятным смехом. Минц тоже засмеялся.

— Не преувеличивай, Корнелий... Дыни желаешь? Мне одна женщина вчера принесла. Балует она меня.

Затем голоса отдалились и стали неразборчивыми.

Ксения вздохнула.

— Смеются, — произнесла она вслух. — Ну ладно, досмеются.

Она вышла на Пушкинскую и направилась к центру.

Вышла было к площади Землепроходцев, но тут ее словно плетью по ногам стегнули.

Дальше ни шагу!

Она и замерла.

Впереди был виден Гостиный двор. Прямо перед глазами магазин «Все для сада-огорода».

Вот именно! Этот самый магазин. Зловещая дверь приоткрыта в тягостный полумрак, откуда, как орудия пыток, выглядывают грабли...

Ксения зажмурилась от ужаса и попятилась.

Так она и пятилась метров двести, пока сообразила развернуться. Пускай они смеются над ней и осыпают ее упреками и оскорблениями. Если у женщины нет способов отстоять свою честь на дуэли или в конном строю, может быть, демонстрация слабости окажется более убедительной, чем напор силы?

И Ксения направилась к профессору Минцу.

Перед дверью к нему она остановилась и некоторое время прислушивалась — не хотелось ей встретиться там с мужем.

Внутри царил тишина, а потом послышался негромкий голос профессора. Он напевал известную песню «Мани-мани-мани» о власти денег. Значит, он один.

Ксения стукнула в дверь костяшкой пальца.

— Заходи, Ксения, — откликнулся из-за двери профессор.

— Здравствуй, Лев Христофорович, — сказала Ксения. — Как ты догадался, что это я скребусь?

— Дедукция, мой друг, дедукция, серые клетки моего головного мозга вычислили, что если в семье Удаловых зародилась проблема и побеседовать о ней ко мне пришел Корнелий Иванович, то неизбежно скоро заявится и другая сторона конфликта. Правда, я не думал, что так скоро. Садись, Ксения, рассказывай.

— А ведь он сознался, — ответила Ксения, но села в новое кресло, купленное в Швеции одним из почитателей профессора, который полагал, что Минц в последнее время меньше делает открытий, потому что старое кресло совсем протерлось — пружины наружу! — Если этот мерзавец признался, тогда я молчу.

— Он ни в чем не признался, — возразил Минц. — И боюсь, что Корнелию не в чем признаваться.

— Помолчи, Лев, — отрезала Ксения. — Иначе я и за тебя примусь. Позорно покрывать мужикам друг дружку.

Минц оробел.

Человек — существо многоплановое. Минц — не прост, как хронометр. И потому не всегда последователен в своих поступках. Поставьте Льва Христофоровича на подиум в том зале, где дают Нобелевские премии, и предложите прочесть нобелевскую речь без бумажки. Он это сделает спокойно. Его не смутят даже взгляды членов Шведской академии или улыбка шведского короля. Но перед кассиршей в нашем гастрономе он теряется, как школьник, в домоуправление ходит с душевным трепетом, а Ксения Удалова способна довести его до дрожи в конечностях.

Он знал, что визит Ксении — дело решенное и близкое, он знал, что Ксения потребует от него защиты от мужа, он все предусмотрел и предусмотрел, но ответить отказом, что было единственным разумным действием с его стороны, он не смог.

— Тогда рассказывай о симптомах, — вздохнул он. — Чаю хочешь?

— Я уже ничего не хочу.

— Говори.

— Не знаю, что здесь мой благоверный плел, но я тебе со всей ответственностью заявляю: седина в бороду, бес — в ребро. Ты меня понимаешь?

— Корнелий не производит такого впечатления.

— А ты не девица, чего тебе производить. А вот существо в юбке для него... ах, что тут говорить! Удавлусь!

— Вот это лишнее.

— Знаю, что лишнее. Лучше его удавить, но рука не поднимается.

— Ксения, не отвлекайся.

— Хорошо, не буду. Ты ихнюю бухгалтершу видел?

— В стройконторе?

— Вот именно. Не видел? Я тебе скажу — крокодил с острова Комодо. Сухопутная тварь.

Ксения просмотрела немало познавательных программ по телевизору, и поэтому для нее крокодилы с острова Комодо были существами понятными и не чужими.

— Продолжай, — сказал Минц.

— Дальше — хуже. У нас в молочной продавщица — это раз, а на рынке в магазине «Все для сада-огорода» такая татарка, хоть чадру надевай! Дальше перечислять?

— Это все подозреваемые пассии твоего Корнелия? — спросил Минц, хотя можно бы и не спрашивать — и так все понятно.

— Ты словами не раскидывайся, — попросила Ксения. В ее глазах накапливались слезы — вот-вот покатятся вниз по алым щекам. — Ты пойми мое состояние. Он себе в детском садике одну отыскал. А ей всего-то лет шестнадцать-двадцать! Его же за развращение пора сажать. Хотя теперь эти Лолиты такие пошли, что пенсионера тащат в кровать и еще обкусывают.

— Что делают?

— Зубами по карманам шарят, — сказала Ксения. — Это так печально, чему их в школе обучают? А может быть, этому и обучают...

— Ксения, скажи, а ты не задумывалась: вдруг все эти женщины — плод твоего разгулявшегося воображения?

— Не повторяй его слова. Я покончу с ним и с собой. Лучше давай я тебе дальше перечислять буду. Вот ты думаешь, что Корнелий на рыбалку ездит? Это глупая наивность. Он удочки в лесу под кустом прячет, а сам опушками на слободу несется, к одной молочнице.

— К молочнице?

— Ядреная такая, кровь с молоком, конечно, молочница. Я ее адрес знаю, скоро подожду.

— Только не надо взрывать, — попросил Минц. — Все газеты напишут, что это чеченский терроризм, возьмут тебя и скажут, что ты — белая колготка.

— Окстись! У меня белых колготок и в жизни не бывало!

Ксения чуть приподняла подол юбки, чтобы показать, что ее колготки телесного, нормального цвета.

— А чего ты от меня хочешь? — спросил Минц.

— Спасения.

— Как я могу спасти тебя, Ксения?

— Со мною что-то происходит. Я выхожу на улицу, где детский сад расположен, и ноги у меня отнимаются. Не могу я ходить по Краснопартизанской. Убейте, не могу!

— Дальше, дальше! Это удивительный феномен.

— Ревность меня душит. Представляю, как он, этот старый развратник, шагает с ней в обнимку к детскому саду...

— Зачем?

— Зачем? Чтобы лобзаться в детский мертвый час. Детишки только закрыли глазенки, а он уж ее тискает в утлу.

— Ох!

— Вот именно. Но когда выхожу я на площадь Первопроходцев — а это по нашей улице в другую сторону, то вижу вывеску «Все для сада-огорода» и понимаю — именно там он встречался со своей татаркой. Именно там он обменивался с ней страстными взглядами исподтишка, ты понимаешь?

— Патология, — сказал Минц.

— Для вас, может, и патология, и маммология, а мне умереть в самый раз. Ревность душит меня за это самое место.

— За какое? — удивился Минц.

— За горло, — просто ответила женщина. — Но если пойти мимо церкви Параскевы Пятницы, то там остановка автобуса. Знаешь, зачем ее там устроили?

— Зачем?

— Чтобы моему мерзавцу удобнее было по утрам с бухгалтершей встречаться. Они встречаются, и сразу в автобус! Развратом заниматься.

— В автобусе?

— И в автобусе тоже.

— Сомнительно.

— Значит, ты, Лев Христофорович, недостаточно развратный. Не знаешь, на что способен некоторый самец!

— Ты о Корнелии?

— И черт меня дернул выйти за него замуж! — возопила Ксения так, что Корнелий, который как раз вышел покурить на лестничную площадку, сжался от этих слов, как ежик под лапой медведя.

— И давно это случилось? — спросил Минц не без ехидства.

— Сорок лет живу на краю смерти.

— Чего же раньше не разошлась?

— Раньше, пока демократы не развалили Советский Союз, всегда был партком, куда можно было пойти и прямо сказать: жить с таким извергом я больше не в состоянии. Немедленно разлучите его с этой девкой и верните в семью. А теперь мы все, бабы, сами по себе, без партийной защиты и подмоги! Загибаемся.

Лев Христофорович достал из ящика стола план города Великий Гусляр и разложил его на столе.

— Посмотрим, — рассуждал он вслух. — Если нам надо на рынок и мы не можем ходить по Краснопартизанской, то нетрудно свернуть на Софию Перовскую...

— Ты с ума сошел! Еще двадцать лет назад он на той улице Маруське Эйнштейн подмигивал.

— Не родственница? — вдруг заинтересовался Минц.

— Ее из техникума за неграмотность вышибли. Вот и сидит

она у окна и подмигивает. А мой чуть что — сразу ей в ответ подмигивает.

— Ты видала?

— Люди донесли.

— А может, за давностью лет вычеркнем улицу Софии Перовской?

— А для меня события двадцатилетней давности кажутся совершенно живыми. Как сегодня! Не могу я на ту улицу зайти. Лучше умру.

— А как Зловонный переулочек? — спросил Минц. — Он по краю идет, у реки.

— Нет, ты решил меня в могилу свести! — обиделась Ксения. — Ты что, забыл, что ли, кто там таится?

— А кто там таится?

— Она. Оправительница, Лукреция Борджия, собственного мужа уморил и попала в историю.

— Вроде бы у нас в городе таких не было.

— А Зинка? Знаешь ли ты, наивный профессор, что эта Зинка в восьмидесятом, нет, в восемьдесят седьмом чуть было в Париж с Корнелием не укатила?

— Не может быть!

— А я тоже сначала не поверила, когда мне старуха Ложкина рассказала. Но потом по его глазам все раскусила. Так что и не мечтай — Зловонным переулочком я никогда ходить не стану.

Разговор этот продолжался еще более часа, и Минц по ходу его зачеркивал синим фломастером те улицы, по которым ревнивая Ксения не могла ходить, и те площади, на которых Удалов перекинулся взглядом со своей очередной жертвой. К ужасу Льва Христофоровича, на исходе этого часа обнаружилось, что и в самом деле эмоционально ущемленная Ксения Удалова по городу уже не могла передвигаться, потому что все время наталкивалась на любовниц, знакомых или иных женщин Удалова, и внутреннее отвращение к этим развратницам и к мужу, который им способствовал, было столь велико, что Ксении лучше бы запереться дома и доживать свой век в полной изоляции.

— И что же будем делать, доктор? — спросила Ксения с некоторым удовлетворением и даже гордостью в голосе, потому что картина получилась убийственная и уникальная.

— Может быть... — Профессор надолго задумался.

Через несколько минут его посетила конструктивная мысль.

— А как насчет крыльев? — спросил он. — Есть на это техническая возможность. Сделаем тебе крылья, моторчик на копчик, и полетишь...

— Полечу? И грохнусь? И оставлю внуков без бабушки?

— Риск есть, но небольшой.
 — Нет, — отрезала Ксения. — Потому что с неба я буду видеть все места его разврата, все дома его любовниц и ухажерок. Так я на них сразу и грохнусь!

— Так...

И Минц снова надолго замолчал. Потом сказал так:

— Придется поделиться с тобой, Ксения, великой космической тайной.

— Вот это мне больше нравится, — сказала женщина. — Делись.

— Наука только-только подходит к этому рубежу, — сказал Минц. — Даже многие не верят.

— Меня это устраивает. Если дело верное.

— Дело верное, ты уж поверь моему опыту.

— Выкладывай.

— Земля под нашими ногами с одной стороны — планета, а с другой стороны — пустота, — сказал Минц и дернул себя за ухо, потому что и самому было трудно поверить в свое гениальное открытие. — Любое материальное тело может пройти от точки «а» до точки «б», если оно получит прибор, скажем, ключ, к движению в условных туннелях, которые пронзают всю Вселенную. Это как бы туннели метрополитена, но в то же время они представляют собой совершенно невероятный лабиринт.

— То есть ты хочешь, чтобы я под землю полезла? — спросила Ксения. — Без света, в грязи, а потом из подвалов вылезать, так, что ли?

— Я говорю тебе, женщина, — рассердился Минц, — что подземные ходы — это галактическая условность. Теоретически я тебе докажу это в два счета, но вот путешествовать таким образом я еще не пробовал. И никто не пробовал.

— А я попробую и сгину.

— Ты можешь не углубляться, — сказал Минц. — Постой к краю. Привыкни. Я же тебя ни к чему не принуждаю... в конце концов!

— Не кричи на пожилую женщину. И как я буду ходить?

— Как и снаружи, — ответил Минц. — Расстояния те же, наземные объекты корреспондируют подземным коммуникациям.

— А другими словами? — спросила Ксения.

— Другими словами, от твоего дома до детского сада столько же, как поверху.

— Не понимаю. Что же я, из люка вылезу, да?

— Нет, ты по земле пойдешь. Никто и не заметит.

— Что-то ты дуришь меня, старую, Христофорыч. Как же я под землей буду ходить, а навстречу вылезать незаметно?

— Потому что ты будешь ходить не под землей, а под виртуальной землей. Если Вселенная — это организм, то она пронизана тончайшими сосудами, и нет им числа! Они всегда в движении, всегда в пульсации, и в то же время они статичны и стабильны, именно от их стабильности зависит в большой степени стабильность Вселенной как системы.

— Значит, я влезу...

— И вылезешь где надо. Только никому ни слова — человечество пока не готово, а милитаристские силы сразу постараются использовать мое гениальное открытие для своих корыстных целей.

— Тогда покажи.

— Эй, — вздохнул Минц. — Хотел я сам сначала попутешествовать, чтобы понять, куда смогу проникнуть с помощью ключа... но если другу надо помочь, я себе другой ключ сделаю.

Сначала Ксения, конечно, опасалась и не стала лезть глубоко.

— Я во двор и обратно, — сказала она. — Только бельё сниму.

Ключ был не просто ключом, а коробочкой, которую Минц повесил Ксении на шею на простой цепочке. Верх коробочки был стеклянным, на нем была нанесена карта Великого Гусяря. С помощью кнопки можно было установить стрелочку на нужной точке...

Ксения установила стрелку на улице в десяти метрах от ворот. Потом зажмурилась.

И оказалась во внутренностях Земли.

Это были именно внутренности.

Внутренности Вселенной.

Бесконечные, запутанные сосуды и капилляры, вокруг ощущение влажности, нутряной теплоты и в то же время — сквозняки! Просто ужасно, какие сквозняки дуют в брюхе Вселенной. Освещение в сосудах было тусклым, неверным и непонятно отходящим...

Стенки и пол были упругими и чуть скользкими, не то чтобы мокрыми, но особенными.

А расстояния там были такими же, как снаружи.

До химчистки от дома пять минут хода. Значит, тебе и по подземному ходу надо будет двигаться столько же минут. А это не всегда приятно. Ведь идешь снаружи, мимо домов проходишь, мимо магазинов, птиц видишь, дома и деревья. А внутри Вселенной — только стенки ходов да непонятные звуки, хлюпы, всхлипы, будто за стенкой в другом проходе какое-то земноводное ползет на охоту за человеком.

— Так может быть? — спросила Ксения.

— Невозможно, — ответил Минц. — Ты с любым крокодилом,

который туда невзначай угодил, находишься в другом измерении. Твой сосуд — это твой сосуд, ясно?

С тех пор Ксения ходила на рынок и в магазины по подземельям Вселенной.

Темновато, душновато, как в чреве кашалота. То-то Библия написала про Иону во чреве. Наверное, они знали об этих ходах.

Дошла до места, сразу свет вокруг — стоишь у химчистки, и никто не удивляется. Теперь часто люди исчезают и появляются — кому какое дело!

Зато проклятых домов и мест, где скапливались разлучницы, она теперь и в глаза не видела. Как будто их не существует. Конечно, утешение не окончательное, но существенное.

Дома установился если не мир, то перемирие. Ксения прекратила бунтовать. За первый же день переделала в городе больше дел, чем за неделю раньше. С друзьями встречалась, со знакомыми, рассказывала о семье. И ей рассказывали.

Но человек устроен так, что полного счастья достичь не удастся.

Спешила Ксения по тусклому проходу и, делать нечего, начала переживать, что сейчас делает проклятый изменщик. Пользуется ее отсутствием на этом свете. Гуляет по набережной с какой-нибудь приезжей русалкой. А как его поймашь?

Как бы проделать в этих подземельях дырки, чтобы выглядывать, проверять мужа?

Нет, Минц подтвердил — физически нереально. И опасно — Вселенная может осерчать.

Может, телевизор поставить? Монитор, как в гастрономе, чтобы отбивные не воровали?

Не получится монитор. Нет связи между подземельями и поверхностью.

Ксения как бы смирилась, но все равно переживала. А когда приходила домой, то обнюхивала мужа, не пахнет ли от него чужой сучкой. И белье проверяла на нем — не надето ли наизнанку.

Как вы понимаете, положение изменилось к лучшему, но не принципиально.

Пока останется любовь,
С ней рядом ревность угнездится!

Так сказал японский поэт XII века.

С такими словами топала домой Ксения, несла сумку с рынка.

И тут совсем рядом услышала какой-то смутный звук, будто человеческий голос, чего, по уверению Минца, быть не могло.

Раньше бы, неделю назад, когда Ксения еще только перешла на подземное движение, она бы перепугалась, а теперь уже чувствовала себя в капилярах Вселенной почти как дома, так что лишь

заинтересовалась и стала двигаться на голос, что не сразу удалось — это ведь как по лабиринту путешествовать.

Но добралась до источника звука.

Нет, не крокодил и не привидение.

Существо неизвестного пола и национальности, даже неизвестно, с какой звездной системы, схожее с оранжевым пауком и в то же время напоминающее кенгуру, стояло на цыпочках в подземном сосуде и втыкало в потолок железную палку. С потолка капало и сыпались какие-то крошки.

— Вы что здесь делаете? — спросила Ксения, которая вовсе не испугалась.

Существо оторвалось от своей деятельности и ответило Ксении телепатическим путем:

— Не отвлекайте меня, чудовище!

— Это я — чудовище?

— А кто же еще?

И существо снова принялось долбить потолок.

— Ничего не получится, — сказала Ксения. — Мне Лев Христович сказал, что это виртуальный потолок, его, может, и не существует.

— Мне тоже говорили, — ответило существо. — Но я не могу больше терпеть.

— А что случилось? — спросила Ксения.

— Чует мое сердце, — ответило существо, похожее на кенгуриного паука или паутинового кенгуру, — что мой-то меня все равно обманывает. Пока я здесь передвигаюсь, он на свидания бежит.

— Ты — женщина? — спросила Ксения.

— Еще какая женщина! Даже мученица.

— А сюда как попала?

— Я так ревную, — сказала пауциная кенгуру, — что не могу ходить по районам, в которых мой мерзавец встречался со своими развратницами.

— Неужели?

Ксения посмотрела на существо и нетактично спросила:

— И что он, на тебя похожий?

— Он не похожий, он — мужчина.

— Но в принципе?

— В принципе все люди одинаково устроены — восемь конечностей, одна сумка на животе, шесть пар глаз — обыкновенно.

— Не продолжай, я поняла. Я даже думаю, что его любовницы тоже с восемью конечностями?

— Разумеется.

— Тогда беру свою мысль обратно.

— А какая у тебя была?

— А мысль была — кому такой урод нужен?
 — Мне в первую очередь, — сказала паучинная кенгуру. — Я потому и хотела дырку пробить, чтобы подсматривать.
 — И далеко вы живете?
 — В центре Вселенной, — сказала несчастная паучинная кенгуру. — На Земле. А ты чего здесь оказалась?
 — По той же женской причине, — сказала Ксения. — О, как схожи судьбы жен в нашей Галактике!
 Она вынула фотографию Удалова и показала ее женщине.
 Та вежливо взглянула, но быстро возразила:
 — Уж очень страшный урод.
 — Морально — да, а физически он еще орел. Ты спешишь?
 — Нет. Вот из химчистки шла.
 — И я не спешу. Может, поднимемся ко мне, чайку попьем?
 Ксения уже привыкла к новой знакомой. Уродство — вещь субъективная. Мы тоже кому-то не нравимся. Была бы душа благородная.

Паучинная кенгуру согласилась.

Но стоило им сделать три шага, как навстречу выползла из-за угла червячина длиной четыре метра. Она волокла за собой контейнер с лягушатами.

При виде Ксении и паучиной кенгуру она зашипела. Но несчастных женщин она не испугала. Они уже поднакопили жизненный опыт.

— Простите, — спросила Ксения, — вы случайно не несчастная жена одного развратника?

Червячина громко зарыдала и произнесла:

— Он икру черт знает с кем оплодотворяет. Я этого не вынесу! А паучинная кенгуру тихо сказала:

— Велика Вселенная, а нашей сестре везде плохо.

И женщины пошли пить чай втроем. Им было о чем поговорить.

ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДА

Я никогда не ставлю подзаголовок — «фантастический рассказ».

Дело читателя решать, фантастичен ли рассказ или только притворяется. Но сейчас я сделал это совершенно сознательно. Потому что в рассказе, в сущности, нет ничего фантастического, кроме поведения героев.

Не исключено, что изобретение, кажущееся маловероятным, на самом деле уже выпускается в серии фабрикой в Осаке или Тайпее. Не говоря уж о планете Марс.

Виновата была, как всегда, Ксения Удалова.

Ей хотелось, чтобы ее внук Максимка воспитывался как аристократ. Но так как денег послать его в Оксфорд у нее не было, она принялась осуществлять аристократизм в пределах Великого Гусляра.

Как-то у Удаловых ночевал один пришелец, которого Корнелий Иванович подобрал в лесу в прискорбном состоянии, почти без чувств от голода и страха перед дикими животными.

Особенно его испугал заяц, который прыгал.

Пришелец спрятался под большой подосиновик и там постепенно умирал.

К счастью, Корнелий пошел в то утро по грибы и срезал именно тот подосиновик.

Когда пришелец увидел, как в ничтожном расстоянии от его головы сверкнул громадный нож, он окончательно потерял сознание.

Удалов перевернул гриб и понял, что он уже червивый.

Он размахнулся, чтобы выбросить его, и тогда заметил, что рядом с пеньком грибной ноги лежит без чувств инопланетный пришелец ростом десять сантиметров, похожий на стройного очаровательного розовенького слоника с мохнатыми ушками и хвостиком таким закрученным, что любой поросенок умер бы от зависти.

— Этого еще не хватало, — вздохнул Удалов. — Теперь, считай, вернусь без грибов. Нельзя же оставлять в лесу брата по разуму, которого любой заяц обидеть может.

Удалов положил беспомощного пришельца в корзину, накрыл свежими листьями, чтобы не дуло, и, чертыхаясь, понес домой.

Дома Ксения тоже сначала поворчала немного — ну что за манеры! Ни дня без пришельца!

Но потом пригляделась к несчастному созданию и занялась его обустройством.

Когда дня через три пришелец пришел окончательно в себя и обжился в доме Удаловых, он признался, что прилетел на Землю по ошибке. Собрался на планету Симля в системе Большого Страуса, а компьютер, который работал в Справочной всего вторую неделю, загнал его на дикую Землю, где даже зайцы представляют опасность для материализатора второго класса.

Когда же подошел срок расставаться, гость спросил Ксению, которую почитал вождем стаи Удаловых, что бы ей подарить.

Ксения попросила сроку до завтрашнего дня.

Она страдала комплексом той самой старухи.

Если получала лужу, просила озеро, если давали озеро, требовала море, а вместе с морем требовала и золотую рыбку, чтобы ее поджарить на оливковом масле.

Это свойство характера часто заводило Ксению в дебри житейских неувязок. Зачастую приходилось выкручиваться с помощью соседа, профессора Минца.

Пока все в доме, включая пришельца, спали, Ксения сидела на кухне, хлестала кружками чай и думала, как бы не продешевить. Ведь хотя пришельцев в Гусляре бывает немало, редко кто живет в доме и готов за это платить по межпланетному тарифу.

Притом Ксению нельзя назвать слепой эгоисткой. Она всегда о ком-то заботится.

Утром она спросила Тишу — так любовно звали в доме пришельца, настоящего имени которого Удаловым не удалось произнести:

— А ты только мелкие вещи можешь дарить или размер не играет роли?

— Ах, милая Ксения, — сказал Тиша. — Разве размер играет роли для истинных чувств?

Он сидел на теплых мягких коленях Ксении, а она почесывала его под хоботком.

— Тогда сообрази мне инструмент, — попросила Ксения. — Для внучонка Максимка.

— Интересно, — ответил пришелец. — Инструмент для какой цели, не правда ли? Молоток?

— Не дури мне голову, — огрызнулась Ксения. — Я тебе сейчас покажу молоток!

Она шлепнула пришельца, тот свалился на пол, немного ушибся, но не обиделся, так как решил, что сам виноват.

— Ответь на некоторый вопрос, да? — произнес пришелец. — Для чего есть инструмент твой глупый ребенок-внук?

Я вам говорил, что Тиша — знаменитый у себя на родине филолог?

— Инструмент — это пианино или рояль, только небольшой, — объяснила Ксения. — Чтобы играть на нем. А то в мире продажности и коррупции в наше тяжелое время нам нечего показать товарищам по музыкальной школе, которые понавыписывали себе «Стейнвеев» с Тайваня.

Тиша отнесся к просьбе Ксении внимательно и серьезно. Они сходили с ним в универмаг, в отдел музыкальных инструментов, в библиотеку, где пролистали классический труд фон Браухица «История производства кабинетных роялей в герцогстве Саксен-Веймар в конце XVII века». Правда, труд этот был по-немецки и лишь случайно уцелел, когда крестьяне жгли библиотеку помещика Гулькина, англомана и тевтонофила. Прочсть его смог только слоник Тиша, но страницы за него переворачивала Ксения.

Когда на обратном пути они заглянули к Александру Грубину, недавно собравшему неплохой компьютер из обломков разбившегося в лесу беспилотного космического корабля со Свекарсы, тот позволил полюбившемуся ему Тише проглядеть всю информацию, касающуюся роялей и пианино.

Вечером слоник Тиша спросил Ксению:

— Какова есть цель вашего обучения внука Максимка-джуниора классической музыка, да?

— Ясное дело, люблю мою кровиночку, — призналась Ксения.

— Попрошу не лгать, женщина, — остановил ее пришелец, — говорить истину.

— Ой, Тиша, — вздохнула Ксения, — ну куда деваться ребенку, если вокруг каждый норовит своего сделать или олимпийским чемпионом, или скрипачом Коганом? Мы — общество неравных возможностей. Завтра сын Махмуда с нашего рынка будет с английской принцессой за ручку, а моему придется спину гнуть на макаронной фабрике. Разве такое можно вытерпеть?

— Есть способности у твой внук, да? — спросил прозорливый Тиша.

— Способности у него выдающиеся, — ответила Ксения. — Я по докторам водила, все признались. Но без инструмента разве потянешь? У всех инструменты, а у нас «Красный Октябрь» напрокат, понимаешь разницу?

— Я с тобой морально согласен нет, — сказал Тиша. — Но моя обязательность благодарности заставляет молчать. Твой инструмент должен дать преимущества гениальный заткнутый в угол ребенок.

— Ты совершенно прав, Тиша.

— Инструмент должен быть лучше всех в городе.

— Конечно! Ты только представь, Кругозоровы выписали фортепьяно с Канарских островов. Знаешь почему? Потому что на нем играл писатель Хемингуэй. Ты такого знаешь?

— К сожалению, я не имею счастье.

— Мне тоже не повезло, — сказала Ксения.

— Я пошел, — сказал слоник.

— Куда ты на ночь глядя?

— Буду производить использование возможностей твоего соседа Александр Грубин для материализации.

— Так достанешь инструмент?

— Посмотрим, — сказал пришелец.

Через час посреди гостиной, то есть большой комнаты в квартире Удаловых, стоял скромного вида кабинетный рояль с надписью «Стейнвей» над клавиатурой.

Рояль был таким совершенным в линиях, таким благородно

сверкающим, что ясно было — перед внуком Ксении открывается дорога.

— Вот такой муж, как ты, мне и нужен, — сказала в шутку Ксения пришельцу. — Не возьмешь меня?

Слоник сидел на коленях Ксении, прижавшись хвостиком к ее животу. Он не понимал шутки.

— Ты меня сексуально озадачиваешь, — сказал он низким голосом. — Но есть возможность. Подумай! На одной планете, место не называю, есть нелегальная преступная практика, там превращают людей из рас в расу. Можно сделать из тебя мне пару.

— Из меня? — обиделась Ксения. — Такую, как ты, микроуродину? Да ты озверел, Тиша!

— Не я предлагал, мне есть предлагал женщина себя.

— Помолчи, — остановила его Ксения. — Не забывай, что я замужем, и по нашим земным законам мой муж Корнелий имеет право меня задушить, если найдет у меня не тот платочек.

— Задушить! Оу!

Ксения сказала и испугалась. В жизни Удалов на нее палец не поднял, да и попробовал бы только поднять! Мы бы посмотрели, что от него осталось. Но ведь бывают с людьми мистические перемены.

Она погладила блестящий бок рояля. Он был теплым. Теплее, чем обычно бывают рояли.

Потом Тиша протянул Ксении пачку долларов. Небольшую, конечно, но для пришельца тяжелую. Он сгнулся под ее тяжестью, словно держал матрас.

— Это еще что! — возмутилась неподкупная Ксения. — Я же в прошлом советский человек! Меня не купишь. А сколько здесь?

— Триста сорок, — ответил Тиша. — Во столько независимая оценочная комиссия оценила ваш старый инструмент, который мне пришлось дематериализовать. Чтобы этот материализовать. Надеюсь, вы окажете мне честь и примете от меня эта сумма, да!

— Поняла, — быстро ответила Ксения и вырвала зеленый матрас у жильца, пока тот не передумал.

Но, спрятав деньги, расстроилась.

— Неужели «Красный Октябрь» со знаком качества так дешево идет?

— Где как, — терпеливо ответил пришелец. — Говорят, на Новой Гвинее на них еще есть спрос.

— Так чего ж ты его дематериализовал? Лучше бы туда перенал.

— А новый инструмент вам обойдется... — начал пришелец, но Ксения его не стала слушать.

— Дай-ка я попробую. Мало ли что мне подсунули. — Она села

за рояль, приоткрыла крышку, провела по клавишам толстыми пальцами. Получилось громко. — Уж больно здоровый, — сказала она, — мальчонке не дотянуться.

— Он немного понимает, — сказал пришелец. — Он будет идет навстречу пожеланиям молодежи.

— Это в каком смысле?

Рояль вздохнул, и звук этот донесся до слуха Ксении.

— Вы его не обижайте, — сказал пришелец. — Он есть биологический инструмент.

— Послушай, — сказала Ксения, — если он живой или что такое — то лучше возьми его обратно. А то он в один прекрасный день Максимку задушит.

Рояль вздрогнул. Внутри загудело.

— Даже вещь бывает возмущена, — ответил Тиша. — Даже вещь, да!

И он объяснил Ксении, что живых роялей не бывает, так как это противоречит природе. Но некоторую долю сознательности можно придать любой вещи, выходящей на контакт с человеком, потому что все в природе является сложным единством противоположностей и вещь, как дрессированное животное, может вставать фигурально на задние лапы, только не надо понимать этого буквально.

Ксения не поняла этого буквально, потому что совсем не поняла.

Вместо того чтобы понимать, она гладила рояль и ждала, когда этот пришелец уберется восвояси и отстанет со своими разговорами.

Тут пришел Удалов, он собрался в лес, проводить пришельца до спасательного корабля, увидел рояль и удивился.

— Ничего особенного, — сказал пришелец, — есть некоторый сувенир для вашего маленького гений.

— Пора ребенку настоящий инструмент, — сказала Ксения.

Удалов дома не спорил, знал о бесполезности этого занятия. Взял пришельца за пазуху, и они пошли в лес, разговаривая о пустяках, как добрые знакомые. Пришелец не звал Удалова в гости, потому что Удалову на его планете все будет мало, включая туалет.

А тем временем Ксения привела из школы мальчика. Максимке восемь лет, самое время тренироваться на пианиста.

Мальчик при виде рояля оробел, такого он не ожидал. Пианино «Красный Октябрь» было пределом мечтаний. «Стейнвей» стоял только у Махмудовых, Сеньненков и Кругозадовых. Но ведь их детей в музыкальную школу перевозили из теннисного клуба прямо в «Мерседесах».

— Садись и играй, — сказала Ксения.

Мальчик внешне покорно, но на самом деле внутренне сопротивляясь, как бычок, которого манят на бойню, подошел к инструменту и сел.

— Нравится? — спросила бабушка.

— Чего? — спросил внучек, который думал о том, что Степка Рыжий недостойн того, чтобы быть капитаном футбольной команды, потому что откусил половину мороженого у Верки, все видели.

— Ты не видишь, за кем сидишь? — строго спросила баба Ксения.

Внуку ничего не оставалось, как увидеть и признаться.

— Ты счастлив? — спросила бабушка.

Максимка промолчал, потому что не знал, что выгоднее. Признаешься, что счастлив, заставят играть с утра до вечера, чтобы потом на концерте выступать. Так уже было, только не с Максимкой, а с Гошей Лупманом, его выставили на концерт, он простудился и умер.

Эту легенду рассказывали друг другу первоклассники в музыкальной школе, пугали друг друга, чтобы не учиться изо всех сил.

С другой стороны, скажешь, что несчастлив, накажут за нечуткость.

Максимка развернул ноты надоевшего и непонятного этюда Гедике и принялся тыкать пальцами в клавиши.

Клавиши отзывались нежно и трепетно.

Ксения с любовью смотрела на эти пальчики, не отмытые от варенья, потому что Максимка недавно лазил без ложки в банку, темные от грязи, которую он кидал в проходящую вредную бабку, исцарапанные в драке с Нюркой из соседнего двора, которая слишком много о себе воображает, эти пальчики летали над клавиатурой, как ласточки, отчего этюд становился изящным, как ноктюрн Шопена, о котором Ксения и представления не имела, хотя любила прекрасное.

— Максим, ты с ума посходил! — закричала с порога его мать. — Отойди от пианины, сломаешь к чертовой матери!

Она сразу посмотрела в корень и поняла, что ребенок калечит случайно попавший в дом чужой и ценный инструмент.

Ксения сначала захохотала, а потом волчицей бросилась на защиту внука, благо уже была уверена, что купила рояль на свои, кровные, пенсионные деньги. И разубедить ее было некому.

Мальчик тем временем потихоньку слез со стула и убежал на двор играть в футбол. Несмотря на удивительные условия, созданные ему инопланетянином, играть ему не хотелось. Физические упражнения тянули его к себе куда сильнее.

Но его страдания не закончились.

Когда все в доме поняли, что их рояль обошел по классу все рояли состоятельных гусярских семейств, оказалось, что мальчика надо демонстрировать как чудо.

Ведь не будешь демонстрировать рояль.

В городе говорили так:

— Удаловы-то на все идут. Еще бы, у них Максимка в консерваторию поступает. Прямо из первого класса. Берут. Несмотря на конкурс. Говорят, будет новым Ростроповичем.

— Не дай бог! — отвечали другие. — У него жена такая энергичная!

— Рано, — отвечали первые, — рано ихнему Максимке жениться. Сначала надо образование получить. В армии отслужить, а потом уж на этой женщине жениться.

Такие философские споры никогда не кончаются добром. Гусярцы лезли драться, но это не решало проблем.

Заглядывали некоторые люди, из богатых. Смотрели на рояль, удивлялись и даже предлагали деньги. Максимкины родители продали бы инструмент, но не могли — Ксения не велела.

А потом случилось такое, что и они расхотели с инструментом расставаться.

В школе были экзамены, а у Максимки — свинка.

Болезнь для детей безопасная, но в школу ходить нельзя. И экзамен перенести нельзя.

И тогда было принято решение: ввиду того, что школа имеет дело с редким дарованием, провести экзамен дома.

В музыкальную школу Максимка ходить перестал. Мотивировал это слабым здоровьем. Бабушка, души в сорванце не чаявшая, конечно же, поддержала внука. Родители Максимки в музыке не разбирались, но с нетерпением ждали момента, когда Максимку позвонит к себе американцы и они купят себе дом в Калифорнии.

Однажды Удалов решил понаблюдать за внуком — как он готовит себя к великой участи.

Сел за его спиной, незамеченный.

Оказалось, что ребенок не всегда успевает за музыкой. А бывает, вместо аккорда ткнет по клавише, а рояль издает пышный благородный аккордный звук. А если Максим промахивается по клавише, она сама ужимается и звенит, старается.

Так что играет не внучек, а играет за него сам рояль. А это неправильно. Так великим Шопеном не станешь.

А затем, когда ребенку по незнанию бабушка поставила на пюпитр ноты немецкого композитора Шуберта, к которому первоклассников и не подпускают, чтобы не отбить навсегда стремление к музыке, он так их выбарабанил, что снизу пришел сосед

профессор Минц и спросил, что за пластинку Удаловы поставили. Что играют — он понял, а какой из выдающихся пианистов — не догадался.

После этого мальчонка возгордился, а Удалов встревожился.

Ему не стоило труда сообразить, что успехи Максимки связаны с подарком прищельца. Ведь прищельцы устроены иначе, чем люди. Они и о педагогике думают не по-нашему. Что-то в этом рояле было такое, что помогало Максимке достигать вершин.

А ему что? Он как услышал всякие хвалебные слова, то стал считать себя пианистом, даже в футбол играть прекратил, чтобы почаще стоять рядом с роялем.

Рояль тоже привязался к мальчику. При виде его вздрагивал, сдержанно и гулко гудел всеми струнами и даже немного переступал толстыми деревянными ногами, как трехногий конь в ожидании рыцаря.

В музыкальную школу Максимка перестал ходить, ссылаясь на слабое здоровье, и, как назло, его поддерживала и бабушка, души в нем не чаявшая. Родителям было плевать на музыку, но не плевать на доллары, которые Максимка зарабатывает, когда они все переедут в Штаты.

Удалов как-то проследил, как Максимка тренируется. Он снова увидел, что Максимка не всегда поспевает за музыкой. А когда ему трудно растягивать пальчики, чтобы изобразить аккорд, он просто тыкал одним пальцем в клавишу, а рояль издавал аккордный звук. А если Максимка промахивался по клавише, рояль сам себя ударял!

Удалов сказал мальчику:

— Нехорошо, Максим, старших обманывать.

— Никого я не обманываю! — возразил Максимка лживым голосом.

— Не умеешь ты играть своего Шуберта-Шостаковича.

— Умею.

— Проверим?

Максимка уверенно уселся за инструмент и велел деду открыть ноты. В нотах он немного разобрался, поэтому для начала раза два ударил правильно. А потом — пошла писать губерния! — Максимка барабанил по клавишам как желал, а рояль послушно изображал то, что было написано в нотах, словно у него были дополнительные глаза.

— Ну как, я убедил тебя, дед? — спросил мальчик.

— У меня встречный вопрос: ты намерен всю жизнь со своим роялем выступать?

Мальчик задумался и думал целую минуту. Вы должны простить его, ведь он только начинал творческий путь.

— Пожалуй, я буду выступать со своим роялем, — сказал он. — Я люблю эту машину, и она ко мне тоже неплохо относится.

Рояль покачнулся и притопнул ногой.

— Ох уж эти дары прищельцев! — вздохнул Удалов. — Хочешь, в универмаг сходим?

— А зачем? — спросил мальчик.

— Слышал я, что туда новые автомобильчики из Германии привезли.

Максимка любил автомобильчики куда больше рояля. И конечно же, заспешил в магазин вместе с дедом.

Но деду плевать было на автомобильчики. Он провел мальчика через закуток, где стояли музыкальные инструменты.

— Кстати, — сказал Удалов, — хочешь со мной поспорить на пять автомобильчиков, что на этом вот пианино ты не сыграешь?

— Почему? — Мальчик возгордился, а возгордившийся человек склонен переоценивать свои возможности.

— Потому что за тебя рояль играет, детка, — сказал Удалов. — Я видел, как он это делает.

— Дед, ты жалкий завистник, — сказал мальчик. — Семь автомобильчиков!

— Шесть.

На этом порешили.

Удалов пошел к продавщице, что томила в углу над романом Сидни Шелдона о красивой жизни на Багамах, и она сказала:

— Пробуйте, только чего не отломайте.

Максимка мельком взглянул на ноты и начал бить по клавишам.

Он бил, а они издавали противные звуки. Он бил сильнее, и клавиши вопили все противнее. Даже продавщица отложила роман на самом трагическом месте и сказала:

— А ну, гражданин, хватит издеваться над ценным товаром.

Обратно они шли медленно. Максимка крутил в руках автомобильчик и совсем не переживал.

— Не быть тебе Рихтером, — сказал Удалов ребенку.

— Ну и слава богу, — ответил мальчик. — Меня куда больше волнует карьера Ринальдо или по крайней мере Пеле. Честное слово.

— А как же консерватория?

— Конечно, хорошо, когда тебе хлопают в ладоши тридцать человек, — разумно ответил Максимка. — Но когда сто тысяч кричат «Максим чемпион!» — это звучит!

— Надо будет от рояля отделаться, — сказал Удалов, — иначе это кончится позором. Давай его в музыкальную школу пожертвуем.

— Дед, ты обалдел, — возразил мальчик. — Они же там такую липу начнут качать, что школа на первое место по России по гениям выйдет. А потом все пойдут по этапу.

— Разумно, — согласился Удалов. Он порой удивлялся здравому смыслу малыша.

— Надо олуха найти, — сказал мальчик.

И тут олух к ним подошел сам.

— Какой хороший мальчик, — сказал олух. Был он хорошо одет, причесан-напудрен, а «Мерседес» с голливудскими номерами, которые вводили в восторг местную милицию, ехал в десяти шагах сзади.

Порой Удалову казалось странным, как в Великий Гусляр попадали такие ответственные люди и что они там делали. Никаких минеральных богатств гуслярские окрестности не имели, баобабам похвастаться не могли, крокодилы там уже вывелись... Значит, к чему-то они готовились. То и дело по посредственным улицам Гусляра проносились кавалькады или отдельные джипы. Некоторые даже оседали здесь.

Профессор Минц высказал соображение, что эти люди, стараясь расширить сферу применения своих капиталов, ищут контакты с инопланетянами, которые посещают Гусляр. Но доказательств этому не было, а владельцы джипов ни в чем не сознавались.

— Мальчик играет на фортепьяно? — спросил олух. На вид ему было от двадцати до пятидесяти лет — кожа гладкая, натянутая на лицо, ни морщинки, ни сомнения.

Не дождавшись ответа, пришелец продолжал без обиды:

— У меня тоже мальчик талантливый. Ни дня без Баха, сечешь?

Удалов молчал. Максимка тоже молчал. Оба думали.

— Но с инструментом туго. Говорят, у вас настоящий «Стейнвей», так сказать? А у нас пока дожدهшься, что из Австралии привезут, мальчик вырастет, в футбол играть начнет. Послушай, Удалов, продай мне рояль. Я тебе хорошие деньги дам и «Красный Октябрь» в придачу.

— Сколько? — спросил Удалов.

— Вот это мужской разговор. Получишь «Красный Октябрь» и пятнадцать долларов в придачу.

Олух сделал паузу, а его охранники захихикали из восхищения перед умом работодателя.

Другой бы на месте Удалова возмутился или даже стал бы хотать в лицо наглому олигарху, но Удалов прожил долгую советскую жизнь, и его так просто не запутаешь.

— Значит, так, — сказал он, садясь на лавочку, мимо которой они проходили. — Три тысячи «зеленых» на бочку, и учтите —

наш рояль заколдованный. Он играет не по способностям, а как положено.

— Именно это мне и нужно, — сказал олух. Ему пришлось остановиться и разговаривать с Удаловым стоя, словно перед учителем. Это ему не нравилось, но пришлось терпеть. — Тридцать долларов и «Красный Октябрь».

— Три тысячи долларов и оставь себе «Красный Октябрь».

— Вместо «Октября» импортные ролики моего размера, — добавил Максимка.

Олух смотрел на обывателей сверху и желал им смерти. Но был бессилен.

— Сорок долларов, — сказал он.

— Три тысячи.

Удалов получал удовольствие. Он торговал инопланетной штучкой и притом спасал внука от музыкального образования и наказывал Ксению, которая могла бы попросить у пришельца что-нибудь более полезное в хозяйстве, например путевку на Канарские острова.

— Сорок два.

Удалов подумал: вот мы придумываем анекдоты про «новых русских», и они в этих анекдотах выступают такими наивными и широкими душой. А на самом деле «новый русский» за десять копеек продаст родную маму. Когда-нибудь вы слышали, чтобы за «Стейнвей» в рабочем состоянии предлагали сорок долларов?

— Пошли, внучек, — сказал он, — мороженого покушаем.

Но с места не сдвинулся. Это была психическая атака. И олух, конечно же, не устоял.

— Выпиши ему бабки, — приказал он секретарю в бронежилете, который сидел в «Мерседесе» с ноутбуком на коленях.

Поговорили о деталях.

Рояль решили брать, когда Ксения отлучится на курсы аэробики. Ей хотелось в последнее время выглядеть помоложе, чтобы показать воображаемым молодым любовницам Корнелия Ивановича, насколько они уступают старой гвардии.

Подогнали кран.

В присутствии профессора Минца и Грубина Удалов пересчитал деньги — до конца стороны друг другу не доверяли.

Мальчик Ваня, сынок олуха, уже подъехал на золотом самокате, сделанном по спецзаказу на заводе «Роллс-Ройс».

Он смотрел на Максимку с презрением.

Максимка вообще на него не смотрел. Он думал о роликах.

Родители Максимки были на работе, и хорошо, потому что еще неизвестно, как бы они отнеслись к отказу от музыкальной карьеры единственного сына.

Рояль уехал в зеленом трейлере.

Удалов с мальчиком собрались снова в универмаг, чтобы не откладывать на потом покупку роликов. Деньги могли исчезнуть. Придут остальные члены семейства и все конфискуют. Бывало. А ведь нужны не только ролики, но и новый спиннинг для дедушки.

Удалов с Максимкой, усталые, но довольные, вышли из дома и отправились через двор к улице.

И тут с неба опустилась небольшая летающая тарелочка с двумя дезинтеграторами в носовой части.

Удалов посмотрел, как из корабля выходят пришельцы, и подумал, как хорошо, что он успел доллары припрятать.

— Подарки получили? — спросил первый и самый главный пришелец с двумя хоботками, наверное генерал.

— Вы имеете в виду рояль? — наивно спросил Удалов.

— Не имеем знать название, — сказал генерал.

— Так если вы имеете в виду, то мы поменялись, — сказал Удалов, — потому что у нас был вполне достойный инструмент «Красный Октябрь». Как бы пошли на улучшение.

— Это нельзя, — строго сказал генерал. — Мировой закон нераспространения передовых технологий на отсталые планеты. Могут быть использованы в дурных целях наверняка. Способность инструмента уже отменена.

— Я с вами согласен, — сказал Удалов.

— Тогда дайте адрес для конфискации.

— Не знаем мы адреса.

Разговор зашел в тупик. Летающая тарелочка реяла перед лицом Удалова и не улетаала, потому что генерал с той планеты не выполнил задания своего правительства. Но что делать дальше — никто не знал, не идти же подряд по трехэтажным краснокирпичным коттеджам, что выросли по окраинам Гусляра?

Но невдомек было Удалову и пришельцам, что именно в это время неподалеку от них, в одном из коттеджей разворачивались драматические события.

Все олигархи и предприниматели Гусляра, включая руководство местной мафии, и отцы города собрались в скромно обставленной саксонским фарфором гостиной.

Посреди гостиной стоял рояль.

За роялем сидел отпрыск олуха Ванечка.

Его отец, собственно олух, в белом костюме с золотой цепью, вышел перед аудиторией и сказал, волнуясь:

— Мы давно, понимаешь, готовились. Даже инструмент купили. За бешеные бабки, блин.

Олух перевел дух.

Нанятый специально для этого случая профессор Вологод-

ской консерватории (до 1990 года — музыкального училища имени Гризодубовой) открыл крышку рояля. Поставил ноты.

— Играть, — велел олух сыну.

Все заранее разразились аплодисментами, потому что олух был среди них самым богатым олигархом и контролировал общественные туалеты.

Отпрыск провел пальцами по клавишам.

Он был уже обучен нотам и потому ударял куда нужно.

Но Шопена из него не получалось. И сколько бы ни старался мальчик, рояль смог выдавить из себя лишь популярную некогда песню — «Чижик-пыжик, где ты, блин, был?»

В аудитории начали шептаться, а папа рассердился и немного ругался. Женщины на всякий случай ушли из гостиной. Некоторые вазы саксонского фарфора, что понежнее, падали на пол и разбивались.

«Чижик-пыжик» грозной симфонией гремел по всему дому.

И тогда олух приказал:

— Иван, долой от машины! Профессор, иди проверь, все ли там в порядке.

Олигархи и мафиози, которые на дух не выносили хозяина дома, стали посмеиваться и хихикать в кулаки.

Профессор сел за инструмент и принялся играть, что еще утром опробовал. Тогда получалось.

А сейчас не получилось.

Получился только «чижик-пыжик».

Тогда олух ударил профессора по голове кулаком, дал пинка под зад Ванечке и приказал охране:

— Топор!

Топор принесли в мгновение ока. Гости не расходились в ожидании редкого зрелища. Олух принялся рубить рояль «Стейнвей», гости потихоньку хлопали в ладоши. Профессор плакал. Олух рубил и сквернословил. И говорил, сквернословя, такую речь:

— Я до этого Удалова доберусь! Я из него, блин, котлеты сделаю! Он у меня пыль будет вылизывать в принадлежащих мне общественных сортирах.

Рояль взвизгивал, стонал и отчаянно сопротивлялся, даже пытался отбежать в угол.

Когда рояль уже был основательно покалечен и понял, что смерть его близка, он кинулся прочь из коттеджа и побежал вниз по улице, надеясь получить убежище у Удалова — больше он никого в том городе не знал.

И вы можете себе представить сцену во дворе дома № 16 по Пушкинской улице!

Посреди двора стоят Удаловы.

Перед носом у Корнелия Ивановича медленно летает туда и сюда тарелочка с неведомой планеты, из окон которой выглядывают милые военные слоники. Тут во двор вбегает нога рояля, за ней ползет часть клавиатуры, за которой множеством хвостов тянутся оборванные струны.

За этими жалкими остатками рояля во двор врывается известный нам олух с топором и пытается добить рояль, который прячется за Удаловым.

— Ах вот ты где мне попался! — закричал олух дурным голосом. — Ты мне что, блин, подсунул?

И в этот момент летающая тарелочка влетела в промежуток между лицом перепуганного Удалова и взъеренной рожей олуха.

И голос генерала с двумя хоботами раздался громко и сурово:

— А ну, остановитесь немедленно, неразумный дикарь!

Неразумный дикарь опешил при виде маленького слоника с двумя хоботами, а зрители — то есть гости олуха, которые его догнали, — захохотали, столпившись в воротах.

Но, опомнившись, олух обратил топор против инопланетян, представителей гуманной и развитой цивилизации.

Как обратил, так и окаменел.

И гости его потеряли дар речи на три дня.

— Мне понятно, — сказал двуххоботный генерал, — что жадность доводит местных дикарей до страшных пределов. Поэтому мне придется вынести вердикт, который вы можете опротестовать в высшем апелляционном суде Галактического Центра. Отныне вы никогда не сможете произнести ни одного дурного слова и будете с окружающими предельно вежливы. Понятно?

— Так кто меня уважать будет? — заплакал олух.

— Уважение достигается добрыми делами. Отныне вы будете стремиться совершать добрые бескорыстные поступки.

— Только не это! — зарыдал олух.

— За то, что вы пугали нашего друга Удалова и его внучонка, вы оставите ему свой топор.

— Ой! — завопил олух.

— И с этого момента чувство мести вас покинет и никогда к вам не вернется.

— Конечно, — согласился олух. — Извините.

Он протянул Удалову злополучный топор, а сам вежливо поклонился Корнелию и его внуку, а потом увел замолчавших гостей со двора.

Говорят, что недавно он, продав свой коттедж и оставив семью, уехал в индийский штат Керала, где обитает в ашраме, питается только рисом и кипяченой водой и славит Кришну.

Генерал и его спутники с тарелочки растворили в воздухе остатки рояля, попрощались с Удаловым и улетели.

Удалов поднялся к себе и хотел отнести топор в кладовку.

— Погоди, дедуля, — сказал мальчонка. — Где-то мне по телефону сказку показывали про золотой топор.

— Нет, — сказал Удалов. — Он же белого металла, в крайнем случае серебряный.

— Надкуси, — сказал мальчик.

Удалов надкусил. И подумал: а в самом деле, ему еще не приходилось в руках держать такого тяжелого топора.

Тут к ним поднялся профессор Минц, которому хотелось узнать про историю с роялем.

— Погоди, сосед, — попросил Удалов. — Что за топор?

Минц взвесил его на ладонях и сказал:

— Скорее всего, платина.

Так Удаловы разбогатели. Оказывается, олух хранил все свои несправедливо награбленные капиталы в платиновом топоре.

Летом всей семьей Удаловы поехали отдыхать в Анталию.

Там их на второй день обокрали.

Но это уже другая история.

ГОРИЛЛА В БРОНЕЖИТЕТЕ

1

Лет двадцать назад профессора Минца упекли бы далеко и надолго, если бы он сделал то, что сделал сегодня.

Как-то он прочел в газете «Гуслярское знамя» о печальной судьбе суматранских носорогов. По сообщению агентства Рейтер, их сохранилось не более дюжины, и они не могут размножаться по очень простой причине: самцу никогда не отыскать самку в джунглях острова Суматра и, значит, им никогда не создать семьи. Вот и бродят по горам и долинам полдюжины девиц и столько же молодых носорогов, а построить семью не могут — между ними сотни миль пересеченной местности.

Эта новость потрясла профессора Минца, но тут же она дополнилась еще одним известием: на прошлой неделе в овраге у селения Мачех найдены две гниющие туши молодых носорогов, которые все же перед смертью нашли друг друга. У трупов спилены рога.

Каждому было понятно, что это дело рук браконьеров, которые продают носорожьи рога в богатые дома Гонконга и Сингапура, потому что порошок из рога носорога обладает особым дейст-

вием и поднимает мужскую потенцию. По крайней мере последние две тысячи лет китайцы в это верят.

После обеда, когда удрученный Лев Христофорович Минц, надежда российской науки, временно проживающий в Великом Гусляре, глядел в окно на струи скучного октябрьского дождика, к нему вошел сосед Корнелий Удалов и спросил:

— Ты сегодня в «Аргументах и фактах» читал?

— Что я читал?

— Как на Шереметьевской таможне тюк распаковали, а в нем двести сорок редких бразильских попугаев — все сдохли! И виноватых, как всегда, не нашли.

— Этого я ожидал, — сказал Минц так убежденно, что Корнелий оторопел. И понятно: идешь к человеку с сенсацией на языке, а он, оказывается, уже все знает. Когда-то в детстве Удалов проходил в школе балладу поэта Николая Тихонова о Синем пакете. В ней человек несется через опасности в Кремль, чтобы донести до столицы важное сообщение. Еле живой он добирается до Кремля, там свет горит, потому что «люди в Кремле никогда не спят». Его проводят в кабинет к главному человеку. А тот вскрыл конверт.

Прочел, руки о френч отер,
Скомкал и выбросил на ковер.
Сказал, поднеся трубку к усам:
— Поздно, уж полчаса знаю сам!

Эта сцена отложилась в памяти Удалова. И сейчас он почувствовал себя точно как тот гонец.

Поэтому стоял в дверях и ждал продолжения беседы.

— Скоро, — произнес наконец Минц, — на Земле совсем не останется диких животных, кроме ворон, крыс и воробьев.

— Вот именно! — согласился Удалов. — И людей.

Минц резко обернулся к другу и соседу.

— С этим пора кончать! — заявил он. — А то некому будет кончить.

— А что конкретно? — спросил Корнелий.

— Конкретно поднимай народ, — сказал Минц.

— Кого?

— Кого? — Минц задумался. — Сашу Грубина поднимай, старика Ложкина, если он ко мне пойдет.

— Может и не пойти, он подозревает, что ты демократ, — сказал Удалов.

— Знаю. Кого еще? Савича попробуй позвать. Стендалю позвони на мобильник. А я буду срочно думать. Я уже начал думать.

Удалов по-военному повернулся на сто восемьдесят градусов и отправился выполнять приказание.

Не то чтобы Удалов подчинялся Льву Христофоровичу, но он ценил его ум, талант и бескорыстие, что теперь среди академиков встречается редко.

Через час в кабинете Минца собрались:

Пенсионер Корнелий Иванович Удалов, бывший начальник стройконторы и знаменитый человек в масштабах нашей Галактики.

Заслуженный пенсионер Ложкин Николай. Склочник. Профессиональный правдолюб.

Провизор Никита Савич.

Александр Грубин, сосед снизу, человек сложной судьбы.

Миша Стендал, до сего молодой корреспондент газеты «Гуслярское знамя».

Минц уже соорудил чайник и поставил на столе крекеры и македонское печенье. Из-за этого пришлось потеснить на столе научную литературу, сбросить на пол принтер и часть журналов.

Все расселись, разлили по чашкам чай, и тогда Минц произнес речь:

— Я созвал вас, господа, по делу, не терпящему отлагательств.

— Вот именно! — воскликнул Ложкин. — В наше тяжелое время, когда экономика страны лежит в разрухе, а держава в руинах, пора сказать свое решительное «нет» так называемым демократам, без исключения агентам ЦРУ!

— Если кто-то пришел сюда, чтобы меня перебивать, — заметил Лев Христофорович, — он может покинуть наш зал заседаний. Не держим.

При этом Минц посмотрел на Ложкина, а Ложкин смотрел в угол. Ему хотелось участвовать, но быть в оппозиции.

— Я тут собрал в Интернете и по прессе сумму сведений, — сказал Минц, — и пришел к выводу: если мы немедленно не остановим истребление живого мира, то есть фауны, на Земле, мы останемся вообще без диких животных.

— Может, и к лучшему, — заметил Ложкин. — А то вот-вот всех перекусают, ротвейлеры вонючие!

— Не о них речь, — сказал Савич, владелец афганской борзой.

— Я не раз поднимал свой голос против истребления флоры и фауны на Земле, — продолжал Минц. — Ведь это ведет к гибели всего живого, в первую очередь человека. Но мой голос вопиющего в пустыне не был услышан. Вас это удивляет?

— Нет, — вразнойбой ответили единомышленники.

— Надо защищать, понимаешь, — сказал старик Ложкин. — Детям в школах преподавать. Пускай растут с понятием.

— Когда вырастут, — сказал Грубин, запуская пятерню в поседевшую шевелюру, — нечего будет защищать.

— Средств у нас нет, — сказал Удалов. — Пока бьемся, бьемся, какой-нибудь капиталист сунет на лапу в горсовете — и нет заповедной роши!

Это было горькое воспоминание. Городскую заповедную рошу вырубали в том месяце. Чтобы освободить площадку под казино. А то везде есть казино — и в Вологде, и в Котласе, и в Потьме, а в Гусляре нет казино!

Вырубили, а чины из гордома объявили, что сделано это не за взятку, а для профилактики, чтобы шелкопряд не заводился.

Ни больше ни меньше.

Тут все и заткнулись. Разве против шелкопряда попрешь?

— Займемся фауной, — сказал Минц. — У меня в этом направлении есть глобальная идея.

— Говори, друг, — сказал Удалов.

— Колитесь, Лев Христофорович, — поддержал его Стендаль.

— Подумайте, — сказал Минц, — из-за чего гибнут в первую очередь животные? Да потому, что людям что-то от них понадобится. Жил соболь, да шкурку красивую заимел, топал себе носорог, да какому-то похотливому китайскому старцу вздумалось понежиться в постельке с любовницей. Бегал себе страус, летала райская птица — видите ли, их оперение полюбили дамы света и полусвета. И так далее. Я прав?

— Прав, прав! — прокатилось по комнате.

— Что надо сделать, чтобы спасти животных? Усилить охрану? Да сами охранники их в первую очередь пришьепнут, потому что охотники с ними готовы поделиться, а у работников заповедников никогда не бывает достойной зарплаты.

— Утяжелить, — вмешался Ложкин.

— Что утяжелить?

— Наказание, ясное дело, — уточнил Ложкин. — Как увидел, что шкуру снимает с барана, с самого шкуру снять. Рога срезал, свои отдай!

— А если нет у меня рогов? — спросил Грубин.

— У каждого мужика есть рога, только не у всех видны.

Спорить с Ложкиным не стали. По большому счету, он был прав.

Но к делу это не относилось.

— Ассигнования нужны, — сказал Стендаль. — Об этом многие пишут. Заповедники расширять, машины им давать, компьютеры...

— Разворуют, — не согласился с ним Ложкин.

— Ну ладно, хватит споров, а то мы превратимся в Организа-

цию Объединенных Наций. Ни шагу вперед... — сказал Минц. — Я нашел более простой и эффективный путь.

— Так говори же, друг, говори! — взмолился Удалов.

— Надо отнять у животных то, ради чего их убивают! — воскликнул Лев Христофорович, и никто его не понял.

— Как отнять? — был общий крик.

— Я попрошу конкретнее, — сказал Стендаль. — Мне же отчет в прессе надо выдавать.

— А вот в этом я не уверен, — сказал профессор. — Черт его знает, стоит ли начинать нашу деятельность с пропаганды и рекламы.

— А как же? — удивился Стендаль. — Кто же нас тогда финансировать будет? Откуда потечет спонсорский капитал?

— Спонсорский капитал, — сурово произнес Минц, — потечет из наших пенсий и добровольных взносов.

— Так не пойдет, — сказал Ложкин. — У меня пенсия персональная. А у вас простые.

— Многого я не попрошу, — сказал Минц. — Есть одна идея...

Ложкин с шумом отодвинул стул и тяжело пошел к выходу.

— Я думаю, что мы обойдемся малой кровью, — сказал Минц. — А Ложкина мне хотелось испытать. Испытания он не выдержал.

— А ты думал, выдержит? — спросил Удалов, и все засмеялись.

— Позвольте, тогда я изложу вам свою общую идею. Конкретизировать ее мы будем в ходе эксперимента.

2

Странные, загадочные и зловещие события привлекли к себе внимание Интерпола и национальных служб на разных континентах.

Сегодня уже трудно определить их последовательность, но независимо от этого они сначала казались не связанными между собой, а потом некоторые связи все же обнаружились.

Пожалуй, первым по времени из событий можно считать последствия смелого замысла Федора Ассобакина, который сказал своему другу Прохору:

— Есть идея.

— Клади на стол.

— В Ханты-Мансийске газовики живут, им бабки некуда девать.

— Возьмем, — обрадовался Прохор.

— А они не отдадут.

Прохор растерялся. Не привык, чтобы ему противоречили.

— А чего? — спросил он.

— А того, — ответил Ассобакин.

И друзья отправились за Полярный круг, где вошли в преступный сговор с вертолетчиками и полетели на заповедные гнездовья диких гусей. С помощью пулеметов они отстреляли значительную часть популяции этих редких птиц, загрузили ими машину и вернулись к газовикам, которым и сбыли товар.

В тот же вечер весь Ханты-Мансийск употреблял гусей под водку.

Мясо оказалось странным на вкус, но это неважно, потому что в качестве закуски и невкусное мясо проходит.

Однако, помимо сомнительного вкуса, это мясо обладало странным свойством, которое проявилось только ночью, ибо от похрустывающих гусятины пошел такой запах гнилой рыбы, что находиться с человеком в одном помещении было невозможно.

На глазах распались семьи, даже такие, что создавались десятилетиями, возлюбленные бросали друг друга и удалялись в тайгу, погибали под укусами мошки, но не возвращались. Когда утром остатки трудового населения столицы газового края отправились на службу, то до службы никто не добрался. Вонь, вошедшая вместе с ними в автобусы, заставила водителей покинуть рабочие места.

Говорят, что один из крупных деятелей мансийского бизнеса застрелил свою секретаршу, которая принесла ему чай. Или она, или чай пахли не тем.

К девяти утра у всех, кто питался гусями, начали расти перья из ушей.

Месть газовиков и буровиков настигла Ассобакина и его друга Прохора на краю летного поля, где они делили с вертолетчиком прибыль. Мстители, задыхаясь от рвотных приступов, неправедными купюрами заткнули рты авантюристов.

С тех пор в Ханты-Мансийске не едят не только гусей, но и кур.

Большинство же населения газового края подались в вегетарианцы.

Эта история канула бы в вечность, если бы не сотрудник заповедника Птичьих скалы, на территории которого и резвились покойные авантюристы. Он заявился для дачи показаний в горотдел милиции и в ответ на обвинения в недостатке бдительности сказал, что за несколько дней до налета грабителей на территории заповедника появился человек с мешком, который рассыпал порошок у гнездовий и на все вопросы отвечал, что работает по международной программе «Избавим Север от насекомых». Сохранилась

и фотография пришельца, изображавшая пожилого круглолицего мужчину в кепке. Но ведь таких много!

Следующим тревожным событием стала эпидемия на островах Рюкю в районе Японии. Ее источником был теплоход «Адмирал Колчак» (бывший трофейный лайнер «Матрос Дыбенко»). Этот лайнер вез российских туристов круизом от Мальдивских островов до Гавайских. В пути теплоход проходил сквозь места, где водятся редкие породы китов.

Многие профессиональные туристы-круизеры с интересом и симпатией относились к пожилому туристу из городка Великий Гусляр, оказавшемуся впервые в настоящем океане. Особенно сдружился с Корнелием Ивановичем Юрий Митин, который совершал на этом теплоходе уже сорок второй круиз. Юрий Митин был пенсионером-коллекционером, и ввиду того, что его пенсия была невелика, он собирал монеты, глядя под ноги в зарубежных государствах. Наиболее перспективными ему казались города, в которых были спецфонты, предназначенные для того, чтобы сентиментальные туристы, не сумевшие ухлопать все свои сбережения в данном городе, кидали в них монеты. Корнелий Иванович из Великого Гусляра, как и Митин, томился безденежьем, когда единственным стоящим развлечением была бесплатная сытная кормежка.

— Слушай, Корнелий, — говаривал Митин во время долгих переходов от Мальдив до Маскарен и от Маскарен до Андаман, — что ты все за борт сыпешь? Не хочешь же ты отравить наш последний океан?

— Подрядился для Института правильного питания планктон подкармливать, — с доброй улыбкой отвечал Корнелий Иванович, сдвигая на затылок панамку и вытирая потный лоб.

Особенно активен становился Корнелий Иванович, когда на горизонте показывались фонтаны китов. Тут его даже Митин не мог оторвать от борта. И Удалов сыпал за борт, спал и еще раз сыпал.

Наивный Митин, поверивший сокруизнику, не знал о том, что в районе Гавайских островов проплывающее стадо редчайших полосатиков увидели с китобойного судна «Цусима-мару» и в течение двух часов перебили его, хотя в трюмы они могли вместить не больше четырех китов. Но японские китобои опасались, что если кто-то из китов останется в живых, он доведет до сведения китоохраняющих органов сообщение о зверствах японских китобоев.

С грузом китового мяса «Цусима-мару» вошла в порт на острове Рюкю, и вскоре мясо было выгружено в холодильники.

И не успел «Адмирал Колчак» возвратиться домой в Одессу, как китовое мясо поступило на рынок островов.

Стоило человеку или иному животному съесть кусочек китового мяса, как у него начинались судороги и рвота.

Санитарная инспекция Рюкю запретила употребление мяса полосатиков в пищу, а также приказала выбросить весь улов в море.

Владелец «Пусима-мару», разоренный решением медиков, решил прилюдно разоблачить их как орудие в руках конкурентов. Он велел приготовить котлету из китового мяса и прилюдно, при стечении народа, ее сжевал.

— И что вы на это скажете? — спросил он.

Толпа рукоплескала.

А капитан упал на помост и больше никогда не поднялся.

Нет, он не умер, но превратился в некое подобие кита, выброшенного волной на берег. Теперь он обитает в большом бассейне и занимается тем, что украшает его разнообразными камнями, которые приносят ему посетители, привлеченные чудесной и трагической историей этого достойного человека.

Нельзя обойти вниманием и умопомрачительную историю, связанную с коронацией эрцгерцога Мекленбургского, на которой его мантия, подбитая российским горностаем, осыпалась, как лиственница под осенним ветром. Белый мех покрыл снежным слоем весь паркет.

А невероятная история мистера Вана, главы гонконгской триады Белого можжевельника?

Об этом писали за рубежом, потому что жертвой ее стала известнейшая порномодель Запада Хуанита Маркина.

Мистер Ван заплатил ей за визит сорок тысяч долларов аванса.

Двести тысяч она должна была получить по истечении ночи любви.

Для этого был закуплен отель «Метрополитен», и если шестнадцатый этаж занимал лично мистер Ван и его гостя, то на остальных пили, гуляли и любили друг дружку его гости. И были среди них Мадонна, Майкл Джексон, Иосиф Кобзон, и обещал приехать, но не приехал Михаил Жванецкий.

Утром мистер Ван принял первую порцию снадобья из свежего рога недавно убитого суматранского носорога.

Вторую ампулу он раздавил, общаясь с друзьями.

— Сможешь? — спросил его Кеннет Ли.

— Я как зверь! — ответил мистер Ван.

И он так блеснул узкими глазами на свою будущую возлюбленную, что та ощутила желание бежать в постель немедленно, а не ждать приезда бывшего британского губернатора.

В двенадцать ноль-три она поднялась в королевские апарта-

менты. Музыку убавили, чтобы не беспокоила, трудился лишь большой барабан, задавая по просьбе мистера Вана нужный ему темп.

Через час двадцать минут двери апартаментов отворились и оттуда выскочила растрепанная, в расстегнутом халатике, усталая порномодель.

— Я больше не могу! — закричала она.

— Вот видишь, — сказал мистер Кеннет Ли мистеру Говарду Ли. — Он ее изнурил.

— Он меня изнурил! — кричала девица. — Сколько можно ждать, пока он совершит?

— Прошу немедленно арестовать и кинуть в подвалы китайского ЧК продавцов носорожьей приправы, — заявил Ван. — Они меня обманули, и я буду сурово мстить.

Когда охранники возмущенного мистера Вана добрались до магазина доктора Чжоу Ли, их глазам предстало страшное зрелище: толпа возмущенных мужчин уничтожала содержимое магазина, уже охваченного трепещущим пламенем. Сам доктор, кастрированный и истекающий кровью, был распят над вывеской, гласившей в нескольких каллиграфически исполненных иероглифах: «Сила и молодость настоящего мужчины».

Оказалось, что все без исключения мужчины, которые пользовались настоеккой из рога суматранского носорога, полностью лишились потенции.

3

— Каковы наши достижения? — спросил профессор Минц, окидывая своих соратников орлиным взором.

За прошедший год соратники изменились. Помолодели, поухдели, поздоровели. Немало стран пришлось им проехать, немало дорог пройти.

Главное — следы их деятельности были очевидны.

— Докладывай ты первый, Корнелий, — попросил Лев Христофорович.

Бронзовый, стройный, забывший о пузе Корнелий Иванович начал так:

— На той неделе чуть не попался. В заповеднике Черенгети на склонах Килиманджаро у водопада травил...

— Ой, Корнелий, ну как ты выражаешься! — возмутился провизор Савич. — Можно подумать, что ты и в самом деле чем-то ужасным занимался.

— С точки зрения закона, — заметил Саша Грубин, — Удалов

стал международным преступником, и его должен разыскивать Интерпол.

Все засмеялись, пуще всех сам Удалов.

Хотя именно в те минуты в штаб-квартире Интерпола в Брюсселе началось совещание по делу «Зеленый шум», как условно называлась операция против загадочной банды, что орудовала в разных странах, подрывая важные отрасли промышленности и досуга, нанося колоссальный ущерб меховому бизнесу, китобоям, охотникам и рыболовам. На совещании впервые появился седой моложавый полковник из русской ФСБ, подтянутый, строгий, в контактных линзах бирюзового цвета, что придавало его лицу странный английский оттенок. А звали его Кимом. Господин Ким. И ни слова больше. А еще лучше — полковник Ким.

Ему и слово.

— Под видом дагестанского браконьера, — сообщил полковник, — я проник в банду Исмаилова, который держит осетровый промысел на Каспии. Именно его банда ответственна за взрыв дома пограничников в поселке Приморский, именно его люди зверски расстреляли в открытом море сотрудников нашего управления, когда мы застали их за перегрузкой черной икры в танкер «Дербент», отправлявшийся в Иран.

— Как же, — заметил вице-маршал Роджерс-Джоунс, представлявший в организации Уэллс. — Нам известен этот негодяй. Именно его икра идет на питание Ирландской освободительной армии.

— Мы вышли в море, — продолжал русский полковник, — в темную августовскую ночь. Осетры послушно шли на приманку. Им тут же вспарывали животы. Если была икра — складывали в бочки, если икры не было — осетры отправлялись за борт.

— И они тонули? — удивился представитель Люксембурга и задумал тут же кампанию по вылову дохлых осетров в Каспийском море.

Но его мечты одним ударом убил полковник Ким.

— Осетров подбирали рыбаки государственного предприятия «Дагрыба», которое контролируется племянником Исмаилова Гамлетом. Тут же их солили и везли в Москву. А в зашитых внутренних нахождении автоматы для ваххабитов.

— Ну уж это слишком! — воскликнул генерал Андан Ашрафи, представляющий в Интерполе Таджикистан, небольшую страну в центре Азии. — Откуда в Москве ваххабиты! Вот у нас ваххабиты...

— Господа, господа! — остановил дискуссию заместитель председателя сессии, скромный французский генерал де Труа Катр. — Мы отвлеклись. Наша задача — восстановить пошатнувшийся

экологический баланс. Планета в опасности. Полковник Ким, продолжайте!

Ким продолжил свою речь, а тем временем в Великом Гусляре Корнелий Удалов заканчивал свой отчет.

Эти два события происходили на расстоянии трех тысяч километров одно от другого и на первый взгляд никак не были связаны.

Но с каждой секундой они сближались, ибо посвящены были одной и той же проблеме, только докладчики находились по разные стороны баррикад.

— Конечно, как вы понимаете, — продолжал Удалов, — водопой я травил без ущерба для животного мира. Меня интересовали редкие породы антилоп, которым угрожает исчезновение. Как я это сделал? На остановке автобуса я потерялся. Пошел в кусты как бы по нужде, и тут меня якобы похитил лев.

— Ну ты, Корнелий, даешь! — воскликнул Грубин. — Ну и шутишь.

— Я не шутил. Все происходило так на самом деле, если не считать льва. В три минуты я достиг водопоя и высыпал туда содержимое пакетов «С-К» и «ПОРСА-4».

— Ясно. — Минц сверился со списком химикалиев и пояснил вслух: — «С-К» вызывает неистребимую чесотку рук у каждого, кто попытается снять шкуру с антилопы, а «ПОРСА-4» делает шкуру крокодила такой мягкой, что из нее не только сумки не сделаешь, но даже паутинны.

— Так и было, — сказал Удалов. — Но сразу с того места я не ушел. Я о чем подумал? Не всегда наши усилия успешны. Вот мы с вами знаем, что кожа крокодилов мягчает, мы уверены, что у браконьера чесотка начнется. Но ведь это происходит постфактум!

— Ах, Корнелий, — возразил Минц. — Мы не можем заранее заразить всех браконьеров чесоткой. Зато мы уверены, что в следующий раз они в лес не сунутся.

Удалов не согласился с Минцем:

— Все-таки мы много теряем. Может получиться, что суматранского носорога мы не спасем. Не успеем. Даже если все китайцы станут импотентами.

— И что же ты предлагаешь? — В голосе Минца звучало раздражение. Не в первый раз они вели этот спор. И самое обидное — Удалов в нем постепенно побеждал. Хотя истребление животных замедлилось, но далеко не теми темпами, как хотелось.

— Предупреждение! Система предупреждения, вот что нам нужно. Браконьер должен быть заранее оповещен.

— А это значит, что заранее будет оповещена милиция. А она уж нас с тобой не пощадит.

— Пока она приподнимет зад, — ответил Удалов, — экологи-

ческая обстановка на планете изменится, и редкие звери будут спасены все как один.

Удалов глубоко заблуждался, о чем можно судить по выступлению полковника ФСБ из Российской Федерации. Мы с вами застаем его в тот момент, когда он говорит следующее:

— Я обратил внимание на одного российского путешественника. Назовем его туристом. Человек он, как выяснилось, некрупных доходов, накоплений, помимо пенсии, у него мало. Раньше он был у нас на контроле, так как без санкции органов выходил на контакты с инопланетными цивилизациями. Однако, когда мы доложили на самый верх, нам было приказано этого человека не трогать, так как КПСС и правительство планировали выход на межгалактическую арену с запуском ряда космических станций и превращение Галактики в большой лагерь социализма.

— Не может быть! — ахнул представитель Андорры, единственный в той стране подполковник.

— Может, — жестко ответил представитель Польши. — Еще как может.

— К счастью, большевикам не удалось выйти на галактические контакты. Именно этого человека, назовем его Корнелием Удаловым, нашей организации удалось засечь за странным занятием. Неожиданно для всех, включая собственную семью, он ударился в морские круизы и сухопутные туры. Это было похоже... как если бы мать шестерых детей вышла на панель, ничего не сказав мужу.

В зале раздалась редкие смешки. Они катились от кресла к креслу по мере того, как синхронные переводчики справлялись с переводом этой незамысловатой шутки.

— Именно этот субъект был замечен и в районе города Ханты-Мансийска, — продолжал полковник Ким.

Участники совещания принялись жать на кнопки своих ноутбук, чтобы понять, в какой Африке скрывается этот Ханты-Мансийск. Нашли и подивились тому, как близко к полюсу заблудятся люди, не будучи чукчами и эскимосами.

— Он рассыпал на гнездовых гусей порошок, который делал их мясо совершенно несъедобным. В результате все гуси в заповеднике приобрели это качество.

— А почему в заповеднике? Ведь их там никто не посмел бы есть, — задумчиво произнес англичанин.

— Именно в заповеднике легче всего работать браконьеру, — объяснил глупому англичанину полковник Ким. — К тому же за пределами заповедников их давно уже истребили.

— И что же случилось?

— Гусей перебили, отвезли в Ханты-Мансийск, а переварить

их никто не смог. Произошло массовое отравление горожан. Браконьеры погибли.

— Может быть, птиц лучше охранять? — спросил представитель Андорры. — Тогда бы никто не отравился, а гуси несли бы яйца.

— Вы не знаете российской специфики, — сухо заметил полковник Ким. — У нас проблемы.

— Продолжайте, коллега, — поторопил Кима председатель.

— Человек, который сыпал порошки в Ханты-Мансийске, и тот тип, который попался мне на глаза в заповеднике Черенгети, где он отравлял водопой, — тот же самый Корнелий Удалов. Двадцать лет назад мы его пожалели и пощадили. Но сегодня будем беспощадны. Он губит нашу родную Землю. Я кончил, потому что меня душат слезы.

Ким уселся на свое место и прикрыл глаза ладонью, из-под которой стал оглядывать зал беспощадным соколиным взором.

В зале поднялся шум. Говорили разное. Но в конце концов сошлись в одном: почему до сих пор Служба безопасности Российской Федерации не арестовала и не допросила такого страшного преступника?

— Очень просто, — ответил Ким, не поднимаясь с места. — Мы ищем его сообщников. Не верю я, что некий пенсионер из северного городка один ездит по земному шару и занимается террором. Нет, за его спиной стоит беспощадная организация. Вот до ее сердца мы намерены добраться и задушить беспощадно!

— И где же, вы думаете, таится это сердце? — спросил вице-маршал авиации.

— Думаю, что в Великом Гусляре.

И тогда все участники совещания принялись жать кнопки на ноутбуках, чтобы отыскать город Великий Гусляр, но далеко не всем это удалось. В отличие от Ханты-Мансийска, Великий Гусляр известен больше в литературе и искусстве, чем в географии.

И тогда самый важный вопрос задала госпожа Моника Эстергази, представляющая Венгрию:

— Но зачем, зачем ему это понадобилось?

Ким пришел в себя и ответил:

— Все не так просто. Есть и другие примеры. Я могу поведать страшную историю о том, как амбра, полученная из кашалотов Тихого океана, издавала такой запах, что парфюмерная промышленность Франции уже полгода не может прийти в себя. В Париже вынуждены были пойти на беспрецедентный шаг — закупить в Российской Федерации несколько сот ящиков духов «Красная Москва», при изготовлении которых никакая амбра не употреб-

ляется. Только попробуйте выйти вечером на Елисейские Поля. Только попробуйте!

— Десятки, сотни примеров! — поддержал Кима председатель собрания. — И далеко не сразу мы поняли, чьих это рук дело. Но постепенно нам становилось ясно: отчаянная банда уничтожает то ценное, дорогое, что радует глаза, слух и зрение элиты нашего общества. Даже черная икра Каспийского моря превратилась в мазут на второй день после вылова! Бои, которые возникли между рыбаками Исмаилова и переработчиками, были так ужасны, что осетры на ближайшие недели могут чувствовать себя в безопасности.

— Но зачем, зачем? — повторила венгерка.

— Я отвечу, — сказал председатель, человек умудренный и близкий поэтому к пенсии. — За этим заговором стоят изготовители синтетического меха.

— Я рад бы согласиться с вами, коллега, — возразил вице-маршал, — но как быть с рогом суматранского носорога?

— Фармацевтические фирмы! — воскликнула Моника Эстергази. — Это так очевидно!

— Проклятая «виагра», — поддержал ее испанец. — Кому помогает, а кому наоборот. Как я понимаю китайцев!

В этот момент загорелись экраны всех компьютеров.

«Срочное сообщение по секретной сети!»

«В Конго поймана горная горилла в бронежилете!»

— Это они? — спросил андоррец.

— Чувствую, что они, — ответил полковник Ким. — И попытаюсь найти ответ на этот вопрос...

4

— Ответом на твои сомнения, Удалов, станет отчет Миши Стендаля, — сказал профессор Минц. — И ты поймешь, что мы не только отвращаем от жертв, но и защищаем их при жизни. Говори, Михаил!

Миша Стендаль, хоть и перевалил за половину жизни, хоть и поредели его седеющие кудри, остался именно худеньким Мишей. И видно, суждено ему будет остаться щенком до старости.

Загорелый Миша поднялся, опираясь на туземное копье.

— Простите, — сказал он, — еще не зажили раны.

Все деликатно промолчали. Захочет человек объяснить, что за раны, — его воля.

— На восьмой день в джунглях тропического леса мне удалось выйти на небольшое стадо горных горилл. Носильщики, которые

несли бронежилеты для несчастных животных, отказались идти дальше, и я был обречен на провал, если бы не сами гориллы. Когда я проснулся дождливым туманным утром, один в палатке, без еды, денег и паспорта, я услышал сдержанное бормотание. Гориллы обскивали багаж моей экспедиции. Когда я вышел из палатки, они не испугались и не убежали, а приветствовали меня ударами кулаков по груди. Тогда я вынул из ящика бронежилет и сказал: «Это вас спасет». Обезьяны поняли меня не сразу. Пришлось надеть бронежилет и показать, как им пользоваться. Тогда со сдержанным криком радости гориллы разобрали бронежилеты и даже вывели меня потом на тропу, чтобы я мог вернуться к людям. По договоренности с Большим вожаком стаи мы должны доставить туда еще шестьдесят бронежилетов по окончании сезона дождей.

Все захлопали в ладоши. Стендаль выполнил задание.

— Разумеется, возникнут проблемы, — сказал профессор Минц, — с закупкой бронежилетов, но мы постараемся...

Корнелий Удалов смотрел на друга недоверчиво. Никогда профессор Минц не был богат. А уж чтобы распоряжаться сотнями тысяч долларов — об этом и мечтать не приходилось. А тут — командировки, поездки, не говоря уж о бронежилетах.

— А теперь давайте поговорим, — сказал Минц, — о ближайших поездках. Во всей Америке осталось лишь несколько королевских кондоров. Не пройдет и десятилетия, как символ Америки, изображенный на ее гербе, канет в небытие! Появилась возможность замаскировать оставшихся кондоров под крупных ворон. Кто этим займется?

Вызвался провизор Савич. Он давно уж собирался в Штаты, да мешало безденежье.

— Следующая проблема касается речной выдры в озерах Швеции...

Удалов поднялся и вышел на улицу.

Он страшно устал за последние месяцы. Но, как говорит Минц, рано еще складывать оружие, потому что реальные результаты борьбы скажутся лишь через год-два, тогда и подсчитаем достижения. Если так дело пойдет и дальше, то его, Удалова, на этот срок не хватит. Пора подключать молодежь.

И в этот момент он услышал гул моторов.

Гул все усиливался, а потом появились вертолеты. Один пассажирский и два боевых, сопровождающих.

Пассажирский опустил в посреди двора и сломал столь любимый Удаловым сиреневый куст.

«Акулы» остались барражировать на высоте пятидесяти метров, готовые в любой момент прийти на помощь.

Открылся люк, офицер в неизвестной униформе выбросил наружу лесенку. По ней не спеша спустились разного рода господа, большинство в штатском, но с военной выправкой.

Человек в наиболее пышной и яркой униформе, подполковник из Андорры, родившийся некогда в Одессе, первым подошел к Удалову и спросил:

— Не откажите в любезности, молодой человек, сказать, где здесь находится квартира профессора Минца?

— А зачем он вам?

— А затем, — сказал подтянутый, мрачного вида человек с бирюзовыми глазами, по всему судя, наш, отечественный, чекист, — что мы должны арестовать его от имени Интерпола за подрывную деятельность против человечества.

— Вот это лишнее, — отозвался Удалов. — Не знаете о гуманизме нашего профессора, не лезьте.

— Кстати, — произнес подполковник из Андорры, — случайно не вас ли мы видели на снятых секретно фильмах?

— Меня, меня, — не дал ему договорить Удалов. Он понимал, что лучше самому принять залп, подставить свою грудь, только бы оставался на свободе профессор Минц, без которого благородное начинание тут же лопнет.

Но наш чекист уже поспешил к двери дома № 16.

Остальные толпой побежали за ним.

Боевые вертолеты опустились пониже, и дульца их пулеметов следили за Удаловым, который на всякий случай не вынимал рук из карманов.

В кабинете профессора Минца сотрудники Интерпола поставили участников совещания к стене, а тем временем начался обыск, который ничего не дал, потому что все документы хранились в голове у Льва Христофоровича.

— Что вам хочется узнать? — спросил профессор Минц. — Никаких секретов мы от общественности не имеем, никому зла не желаем.

— Так ли это? — спросил полковник Ким.

Беседа шла на английском языке, которым все, кроме Удалова, владели. Впрочем, Удалова в комнате пока не было. Он гулял под прицелом боевых вертолетов.

— Зачем же вы тогда сменили потенцию на импотенцию в роге суматранского носорога, ободрали горностаев, раздали бронежилеты гориллам, отравили мясо китов и совершили еще немало подобных преступлений?

— Если вы позволите мне сесть, — ответил профессор Минц, — то я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Вы тоже можете садиться, только сидячих мест на всех не хватит.

В его голосе была такая внутренняя сила, такая убежденность в своей правоте, что посетители покорно расселись, кто как мог.

— Мне надоело видеть, — сказал Минц, — как погибает наша природа.

— Экология плохая, — заметил прибежавший на шум старик Ложкин, который еще не решил, то ли присоединиться к Минцу, то ли откреститься от него с суровой критикой.

— И мы, в основном немолодые и законопослушные люди, решили, что если не остановить этот злодейский процесс, то на Земле никого не останется, кроме крыс, ворон и людей. А это скучно, не так ли?

Вице-маршал авиации вздохнул и понурился. Он не хотел оставаться в обществе ворон и крыс, не говоря уж о себе подобных.

— Мне пришла в голову светлая идея, — сказал Минц. — А что, если лишить исчезающих несчастных тварей тех качеств, из-за которых на них охотятся? Суматранский носорог гарантирует сексуальную силу — лишим его рог этого свойства! Редкие киты — лакомство, перелетные гуси — объедение! Пускай они станут невкусными и даже вредными! Ведь самим-то животным плевать на то, вкусные они или нет. Ведь вам, девушка, не столь важно, сладкая ли вы на вкус для людоеда?

Моника Эстергази хлопнулась в обморок. У нее было живое воображение, и ей представилось, как ее кушают.

— Невероятно! — заявил председатель. — Я не верю! И при чем тут шкурки горностаев?

— Как только газеты и телевидение разнесут слух о том, что мех горностаев так непрочен, что мантия облысела за несколько минут, желающих пристрелить горностаев убавится.

— А бронежилеты для горилл? — спросил испанец. — Ведь их никто не ест.

— Но убивают. Еще не перевелись горе-туристы и просто бандиты. Пускай у горилл будет возможность защититься.

— Кстати, — добавил Александр Грубин, — мы тут разработали систему защиты для шимпанзе. Хотим раздать им газовые пистолеты...

— Или огнеметы, — заметил Савич.

— Вы с ума сошли! Вы тоже арестованы! — крикнул вице-маршал.

— Я? — удивился Савич. — Арестован? Вы не скажете, за что?

— Разумеется! За превышение пределов необходимой обороны животного мира.

— Попрошу пригласить адвоката, — сказал Савич. — И немедленно. Пока вы не докажете, что я в корыстных целях нанес вред человечеству, я останусь на свободе и буду бороться. К тому же

учтите, что наша беседа транслируется на весь мир с помощью экологических организаций и партий «зеленых». Только попробуйте меня арестовать...

Председатель удивленно обернулся к полковнику Киму. Все же этот конфликт происходил на территории его ведомства.

Ким был в растерянности.

— Даже и не знаю... — вздохнул он. — Может быть, мы немного погодим и наладим над этими общественниками постоянное наблюдение? Будем собирать факты и контролировать их деятельность.

— А что! Неплохая мысль! — обрадовался председатель. Как любой руководитель, он всегда предпочитал, чтобы ответственность взял на себя кто-то другой. — Но учтите, коллега, что вам придется этим заняться вплотную. Вот именно — вплотную!

Полковник Ким покорно опустил лысеющую голову со слишком прямым пробормом, что выдавало его скрытое тщеславие — по утрам он проводил полчаса с расческой в руке, чтобы добиться геометрической точности пробора.

Уходя, председатель поманил Кима в коридор и там жестко и требовательно произнес:

— Не спускать глаз! Я им еще не до конца поверил! В случае чего — спросим с вас строжайшим образом!

5

Сначала улетели на большом вертолете в сопровождении «акул» члены коллегии Интерпола.

Затем Корнелий Удалов вернулся в кабинет к Минцу.

Минц был задумчив.

Корнелий подумал, что причиной задумчивости был полковник ФСБ в штатском, что сидел на диване в углу кабинета и молчал.

При полковнике заседать не было возможности.

Так что постепенно все участники операции «Зеленый шум» разошлись по домам, чтобы собраться завтра поутру.

Последним уходил Удалов.

Минц вышел его проводить.

— Лев Христофорович, — попросил его на прощание Корнелий Иванович, — главное, не выдавай ему источников финансирования. Они об этом знать не должны.

— Я постараюсь, Корнелий, — сказал Минц.

Он знал, что Удалов не имеет представления о финансировании грандиозной операции.

Дверь за Удаловым закрылась.

— Чем он так обеспокоен? — сверкнул бирюзовыми глазами полковник.

— Беспокоится, откуда у меня деньги на спасение фауны.

— Ох и копает твой Удалов! Может, ликвидировать его?

— Ким Никитич! — возмутился Минц. Даже лысина вспотела. — Попрошу не лезть в наши дела!

— Кто платит, — ответил полковник, — тот и заказывает музыку.

— Но ведь я к вам не обращался. Вы сами предложили!

— Без наших денег ваша глупая затея рухнула бы в первый день, — сказал полковник.

— Вы оказались первыми...

— У нас всюду свои люди. И неглупые люди. Они знали, куда доложить, а мы, наверху, знали, что перспективно. Вот и вызнал в нас свойственный чекистам гуманизм.

— Мы не беспризорники, — сказал Минц. — А вы не Макаренко! Если наша программа по спасению фауны закроется, вы первый вылетите с работы. Я вам это гарантирую.

Наглый полковник несколько сбавил обороты.

— Мы оба, — сказал он, — заинтересованы, чтобы все осталось шито-крыто. Вы думаете, вас друзья погладят по головке, если узнают, на чьи деньги вы спасаете своих носорогов?

— На народные!

— Без демагогии, профессор! Эти деньги народ отдал нам, его защитникам.

— А вы их пожертвовали нам, чтобы с нашей помощью проникнуть в чужие страны. Чтобы прикрепить микрофоны к китам-полосатикам, американским кондорам, суматранским носорогам и даже герцогу Мекленбургскому. Вам нужно было залезть в швейцарскую форель, пометить французских соловьев и тайских певчих сверчков!

— Вы возражаете?

— Я не возражаю, — сказал Минц, — до тех пор, пока вы не мешаете нам спасать редких животных! Я хочу, чтобы гориллы отстреливались, а носороги совокуплялись. А вы подслушивайте, только Удалова не трогайте!

— Ну и рискуете же вы, профессор, — вздохнул полковник.

— Лучше скажите, как вы проникли в Интерпол? — спросил Минц.

— Как только мы узнали, что Интерпол вами заинтересовался, мы сразу стали добиваться, чтобы меня включили в коллегию, а потом подвели этих чинуш к мысли о том, чтобы наблюдение за

вами поручили именно мне. Так что пока спасайте, выручайте своих носорогов. Сколько вам нужно на текущий квартал?

— Вот вам список, — ответил Минц.

Бывает же так — все есть, и деньги, и помощники, а на сердце неладно...

Полковник пробежал глазами список и сказал:

— Впишите еще пингинов, акул и чего-нибудь глубоководного.

— Почему? — удивился Минц. — Мы не планировали пингинов.

— А я планировал, — сказал полковник Ким. — Мне нужно, чтобы вы получили у нас в кассе три миллиона долларов. Из них на руки два с половиной.

Минц тоже был не промах.

— Тогда я пишу заявку на три с половиной миллиона!

— Ох, уж и не знаю, удастся ли мне вам помочь!

— Постарайтесь.

6

Они мне дадут три миллиона, думал Минц. Из них два с половиной я кину на продолжение операции «Зеленый шум», а на полмиллиона построим новое здание для городской библиотеки.

Полковник Ким в то же время думал так: дадут не больше трех миллионов, из них я профессору отдам два с половиной, двести тысяч — генералу Петрову, а триста... триста придется перевести на мой английский счет, скоро Ваське в Оксфорд поступать, декану придется сто тысяч фунтов на лапу дать, не говоря уж о попечителях. Ну ничего, образование важнее.

Корнелий Удалов устраивался на ночь и думал: если я отстегну от пенсии рублей сто, заметит Ксения или не заметит? Но не отстегнуть нельзя. Ведь Лев Христофорович каждую копейку считает, недоедает, только бы спасти горилл и носорогов...

Вскоре все они заснули.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Природа мудро распорядилась отношениями между различными существами на Земле. Она позволяет получать потомство от различных пород собак или людей. Но вот уже осла с лошастью скрестить полноценно не удастся, потому что получается бесплодное создание мул. А кошку с собакой вам никогда не скрестить. Впрочем, это и к лучшему. Представляете себе помесь бульдога и

нашей Машки? Нет, лучше не представлять — спать не будете. А если наш дворовый Васька полюбит афганскую борзую?

Так что есть закон. Внутри вида скрещиваться можно, а за его пределами — ни-ни!

И если тебе удалось с кем-то скреститься и от этого возникли дети, значит, вы с вашей возлюбленной относитесь к одному и тому же виду.

Поэтому я бы отнес к области слухов и сплетен историю, случившуюся на острове Крит больше трех тысяч лет назад. Якобы тамошняя царица полюбила белого жертвенного быка, но не духовно, а вполне плотски. То есть возжелала. Но никак она не могла войти с быком в сексуальный контакт — анатомия не позволяла. Она обратилась к изобретателю Дедалу, который скрывался на Крите, изгнанный из Афин за нехорошие дела. Тот проблему позы решил элементарно. Сколотил из дерева корову, обтянул каркас шкурой, а внутри соорудил ложе, на которое царица встала как собачка. Бык увлекся деревянной коровой, оседлал ее, и царице тоже досталось. Родился Минотавр — мальчонка с головой теленка. И почему-то хищник.

Я уверяю со всей ответственностью, что ничего подобного произойти не могло, потому что подавляющее большинство ученых относят быков и женщин к разным видам и даже отрядам млечопитающих. И если Минотавр все же получился, значит, его мать была настоящая корова. А если он достоверно родился у царицы, значит, его папой был царь Минос или кто-то из охраны.

Так что, прежде чем начать рассказ, я хочу повторить: потомство может получиться только от особей, относящихся к одному и тому же виду. Люди и русалки — две породы одного вида. Вывод ясен.

Все началось с обычного несчастья.

Снова прорвало очистные сооружения Фабрики акварельных красок имени XIII партсъезда. Видно, их не ремонтировали со дня того самого партсъезда.

Река Гусь пошла цветными полосами, и от нее начало дурно пахнуть. Сотни рыб поплыли по ней брюхом вверх. Среди них плыла трехметровая щука, которую даже Иван Грозный поймать не сумел. А к берегу прибило русалку. Русалка чуть шевелила жабрами, которые у русалок располагаются за ушами, и почти не дышала.

Мальчишки, которые бежали из школы в противогазах, увидели почти подошную русалку, немного покидали в нее камнями, а потом пошли домой. Но тут встретили профессора Минца, который шел гулять на набережную.

— Дядя, дядя! — закричали они. — Наши сети притащили мертвеца.

Профессор Минц не понял детской шутки, побежал к берегу и увидел русалку на последнем издыхании.

Профессор хотел было вызвать «Скорую», чтобы девушку, в которой он не сразу угадал речную жительницу, отвезли в больницу, но на его крики о помощи, разумеется, никто не отозвался, и поэтому профессору пришлось взвалить русалку на плечо и потащить наверх.

К счастью, русалка была некрупной и легкой.

Наверху запыхавшегося Минца встретил его друг Корнелий Удалов.

Он стоял над откосом и с горечью наблюдал экологическую катастрофу.

Зрение Удалова в последнее время стало его подводить, и потому он крикнул Минцу:

— Брось рыбу! Нельзя ее жарить! Она химически отравлена.

— Лучше бы помог, — отозвался Минц.

Удалов понял свою ошибку и помог Минцу поднять русалку на откос, а там положить на лавочку.

На набережной было пустынно, потому что от реки сильно волило.

— А я думал, сом, — признался Удалов.

— Нет, туристка, — отозвался Лев Христофорович.

— Если туристка, почему голая? — спросил Удалов.

Минц только что сообразил, что волочил наверх голую девушку.

— Какой ужас! — сказал он.

— И волосы зеленоватого оттенка, — сказал Удалов, который неплохо разбирается в экологии. — И жабры за ушами.

Минц принялся снимать пиджак, чтобы накрыть тело.

— Ты еще не догадался? — спросил Корнелий.

— О чем я должен догадаться?

— Ты русалку вытащил.

— Не может быть!

— И что же ты намерен с ней дальше делать?

— В больницу, — сказал Минц, — девушке плохо.

— Не возьмут ее в больницу, — сказал Удалов.

— Но она же может погибнуть!

— Нет у нас ветеринарной лечебницы в городе. Ты же знаешь!

Из этого следует, что Удалов рассматривал русалок как некий вид пресноводных животных. Но, будучи человеком отзывчивым и добрым, он добавил:

— Давай ее домой отнесем, пускай в ванне полежит до окончания экологического бедствия.

Минц тоже понимал, что времени терять нельзя.

Они подхватили обнаженную девушку за плечи и ноги и понесли по Пушкинской улице к своему дому.

Прохожих было немного, а те, которые попадались, понимали, что Минц с Удаловым спасли купальщицу и лучше им не мешать. Спасут — считай, что купальщице повезло, а помрет — меня здесь не было.

Нести было тяжело.

Минц с трудом произнес:

— А я думал, что их больше не водится.

— Редко, — ответил Удалов, — туда, к Архангельску, еще попадают. А в наши края только случайно заплывают, к озеру Копенгаген.

Тут, к счастью для Минца, который совсем запыхался, русалка открыла зеленые с поволокой туманные глаза и сказала низким голосом:

— Пить! Чистой воды!

— Какое счастье! Она оживает, — сказал Минц. Он боялся, что девушка не переживет этого приключения, а он себе никогда такого не простит.

— А ты идти можешь? — спросил Удалов. — Ножками идти сможешь?

— Я задыхаюсь, — ответила русалка.

— Тут всего сто метров идти, — сказал Удалов. — Потерпи, будь другом.

— Нет, — капризно ответила русалка, — лучше я умру.

Удалов отпустил ноги русалки, но она не хотела идти, поэтому обняла Минца за шею и громко прошептала:

— Дядечка, не оставляйте меня на верную гибель!

— Не бойтесь, — сказал Минц, стараясь не смотреть на высокую и обнаженную девичью грудь. — Мы вас не покинем.

— Я пошел, — сказал Удалов. — Хочешь купаться, дойдешь!

Минц попытался нести русалку один, но к тому времени он уже так выбился из сил, что не смог сделать и трех шагов.

Навстречу им шла старуха Ложкина, блюстительница нравов.

— Вот до чего ваша демократия довела! — завопила старуха. — Развратник на развратнике едет и развратником потакает.

— Не знаете, молчали бы, — огрызнулся Удалов, но он понял, что встреча с Ложкиной может оказаться для него роковой.

Он оставил Минца с русалкой, которая покорно, хоть и неуверенно, шагала к дому № 16, а сам поспешил домой, прежде чем слухи о том, что он гуляет по улице с голой девкой, достигнут ушей супруги.

А Минц, никого более не встретив, провел девушку к себе в

квартиру, где она сразу же отыскала ванну и уселась в нее, ожидая, пока Минц откроет кран. Затем она принялась командовать, какой должна быть температура воды, прохладной, но не ледяной, причем ей не нравилось, как горела и шумела газовая колонка.

Наконец воды стало достаточно, чтобы покрыть тело русалки, и ей сразу стало лучше. Но Минца она не отпускала, и его попытки накрыть ее тело простыней или купить для нее купальник были встречены вспышкой негодования.

— Дядечка! — кричала она, и Минц боялся, что прибегут соседи. — Дядечка, ты что, в моей красоте сомневаешься? Я на конкурсе фотомоделей Северной Двины второе место заняла.

Минц слабо отмахнулся от этих слов. Какие еще фотомодели? Какая Северная Двина?

— Русалок не бывает, это научный факт, — сказал он.

— Тогда дай мне полотенце, — ответила русалка. — И согрей мне кофейку. Должна признаться, что меня трясет, как город Спитак.

Каждая новая фраза все глубже загоняла ученого с мировым именем в трясину бессмыслицы.

Он протянул банное полотенце своей гостье и пошел на кухню готовить кофе. Прошло от силы полчаса, ну, может, час с того момента, как он увидел на берегу реки умирающую от отравления акварельными красками девушку неземной, нездешней красоты. И вот она уже лежит у него в ванне и говорит глупости.

Минц привык прислушиваться к здравому мнению Корнелия Удалова, но тот слишком быстро убежал, и загадка русалки не имела объяснения.

Позвать Удалова?

Не надо, сам придет.

Русалка вошла в комнату, кутаясь в махровый халат Льва Христовича. Он сразу почувствовал себя спокойнее.

— Ну, где твое кофе? — спросила девушка.

Зеленоватые густые волосы обрамляли низкий лоб.

Ярко-зеленые глаза поблескивали из-под густых бровей, нос был чуть приплюснутым, дикарским, губы были тоже дикарскими, зовущими.

— Не твое, а твой, — поправил русалку Минц.

— Чего?

Ее образование оставляло желать лучшего.

— Кофе мужского рода, — сказал Минц.

— Еще чего не хватало!

Она уселась за стол, открыв сильные ноги пловчихи, подула в чашку с кофе так сильно, что плеснула на скатерть, и даже выругалась так крепко, как Минц никогда себе не позволял.

Минц все еще не мог до конца поверить, что в его захлавленной холостяцкой квартире сидит настоящая русалка, но в этой девушке горел некий яркий плотский огонь, чего нельзя бы ожидать от обитательницы подводной прохлады.

— Полегчало, — сказала русалка. — А ведь думала, что на этот раз не выкарабкаюсь. В который раз попадаю в экологическое бедствие, но чтобы сознание терять — такого еще не было.

— А сколько вам лет? — спросил профессор. Если в этом вопросе и содержалась задняя мысль, то такая махонькая, что на нее не стоило обращать внимания.

Но русалка обратила.

— Ах ты, старый налим! — воскликнула она без обиды, но громко. — Испугался, что несовершеннолетняя тебе попалась?

— Как вам не стыдно!

— Это мне, беззащитной водяной девушке, стыдно? Жертве домогательств некоторых старикашек?

— Может быть, вам лучше уйти? — совсем уж обиделся Минц.

— Не отделаться тебе от меня, — ответила русалка. — Река еще грязная, отравленная, и гнать меня в реку — все равно что убить собственными руками беззащитного ребенка. Кстати, я могу и общественность поднять — общественность ох как обожает вступаться за поруганных крошек!

Тут русалка расхохоталась, потому что ей понравилось смотреть на пунцовые щеки профессора.

— Спокойно, — сказала она, отсмеявшись, — подождем темноты, тогда уйду. Ты мне пока расскажи, чем занимаешься, какие у тебя успехи? Я ведь редко в гостях у интеллигентных людей бываю. Мне все, дядечка, интересно.

Минц смягчился.

Девица была наивна и избалованна, но вполне мила и дружелюбна.

— Я тут наукой занимаюсь, — смущенно сказал он. Хотя обычно не робел и готов был рассказывать о своих успехах безостановочно. Да и было чем похвастаться. Он уже несколько лет находился в двух шагах от Нобелевской премии, и лишь интриги завистников и недоброжелателей лишали его заслуженной награды.

— А как тебя зовут? — спросила русалка.

— Львом Христофоровичем.

— Ух! Я тебя будуевой звать. А то не выговоришь. А меня, кстати, зовут Нинелей. Красивое имя, правда? Моя мама утопить хотела из-за одного мужика, кстати, моего папаша. Да вот русалки ее поймали, откачали, она и живет до сих пор.

— Где?

— Тут секрета нет. В Штатах, на Аляске. Там экология нор-

мальная. Она снова замуж вышла. Я так думаю, что не сегодня-завтра сама туда подамся. Невозможно здесь от аварии до аварии крутиться. Чуть зазеваешься, уже отравили.

Сверху послышался грохот.

Русалка задрала голову.

— Не провалятся? — спросила она.

— Не должны, — сказал Минц. Но с тревогой прислушивался к звукам из верхней квартиры.

Шум исходил от Удаловых.

Случилось то, чего Корнелий Иванович больше всего опасался.

Когда он пришел домой, сначала все было тихо. А потом заявила старуха Ложкина. Может, соли одолжить, может, маслица. Ложкины никогда бакалею не покупают, всегда можно к соседям заскочить — дело житейское. А на самом деле у Ложкина на стене висит график, разлинованный в сорок две позиции, когда, у кого и сколько занимать до субботы.

Так что сидел Удалов у телевизора, но сериалом не интересовался, а читал оттиск статьи известного ихтиоветеринара Ивана Шлотфельдта из Ганновера о физиологических особенностях русских русалок, которых он имел счастье изучать в позапрошлом году в озере Копенгаген в окрестностях русского города Гросс Гусляр.

Что-то смушало Корнелия Ивановича. Он никак не мог сформулировать беспокойства и продолжал читать так внимательно, что не услышал прихода старухи Ложкиной.

Зато, когда Ксения ворвалась в комнату, потрясая поварешкой, он сразу догадался, в чем тревога. Благо уже по дороге, встретив Ложкину, начал предчувствовать.

— Где ты эту голую прячешь? — кричала Ксения. — А ну покажи!

С криками и неправомерными действиями Ксения обыскала Удалова, залезла в чулан, под кровать, а когда не нашла, вместо того чтобы выслушать мужа, стала рыдать и собирать вещи, чтобы отъехать к покойной маме, раз жизнь с садистом и развратником не удалась.

Только когда весь завод в Ксении кончился, Удалов решил рассказать жене о находке Минца, но не посмел. Может, и к лучшему. А то бы она помчалась к Минцу с проверкой и вступила бы с русалкой в рукопашную.

Так что никто не потревожил более профессора Минца, который остался один на один с девушкой из реки.

И чем дольше он с ней оставался, тем тревожнее ему было на душе.

Девушка приклеилась к телевизору и даже взвизгивала, когда в американском боевике бились автомобили до последнего пассажира.

Но обратно в реку она не просилась, к тому же бесчеловечно было бы ее туда отправить.

Ближе к ночи, когда, поужинав, русалка задремала на диване, красиво согнув ножки в коленях и подтянув коленки к подбородку, позвонил междугородный.

— Герр Минц? — спросил голос с легким немецким акцентом. — Я вас беспокою по просьбе моего друга Корнелия. В Германии стало известно, что вы поймали русалку. Как вы относитесь к передаче этой редкой особи на исследование в институт Генетикфишвизеншафт имени Готфрида Ленца?

— Мне это не приходило в голову, — ответил Минц, непроизвольно любуясь чертами милого лица незнакомки.

— Я имею намерение вас официально предупредить, что в 1872 году в деревне Реберсдорф в герцогстве Ангальт-Цербст некая русалка по имени Маргарита выиграла процесс о поддержании незаконных детей у местного пастора Шлага. По двести талеров в год на ребенка.

— Это справедливо... Кстати, а сколько это будет в рублях?

— Послушайте, сумасшедший старик! Неужели ваш друг Корнелий Удалов не поставил вас в известность о том, что средняя русалка несет одновременно от пятидесяти до шестисот сорока икринок, из каждой икринки выводится прожорливый и подвижный малек женского пола, точно повторяющий черты своего сухопутного отца?

— О нет!

— Неужели вы не слышали про мальков Миши Стендаля, который имел неосторожность полюбить русалку в озере Копенгаген и до сих пор половину зарплаты отдает на алименты?

— О нет! — воскликнул Минц еще громче.

— Не кричи, пожалуйста, — откликнулась русалка. — Если ты спать не хочешь, то подумай о других. Я же небось отравленная!

— Простите, — сказал Минц.

— Вы отдаете нам русалку? — настаивал немецкий ихтиолог.

— Только попробуй, — сказала русалка, которая, оказывается, все слышала.

— Перезвоните мне завтра, — попросил Минц. Теперь ему стало все ясно.

Положив трубку, он подошел к дивану. Русалка смотрела на него спокойно, но призывно и часто дышала.

— Пожалуйста, — сказал Минц. — У меня возраст не тот.

— Как излагаешь, дядечка! — издевательски откликнулась русалка.

— Поэтому я буду спать на кухне. Для твоего же блага.

— Ты что, храпишь, что ли?

— Почему храплю?

— А почему ты в другую комнату убегаешь для моего блага?

— У тебя есть девичья честь?

— Ах вот ты о чем заговорил! А я-то думала, что не будешь ко мне приставать со своими старческими ласками!

Нет, она над ним издевалась!

Русалка потеряла в глазах Минца свою девичью привлекательность. Он достал из шкафа комплект белья и кинул ей на диван, а сам отправился на кухню соорудить себе ночлег на раскладушке.

— Никуда ты от меня не денешься, — сказала из комнаты девица.

Но Минц знал, как спасется от возможных поползновений. Как чужих, так и своих — ведь он не был уверен, сможет ли устоять от соблазна, когда погаснет свет.

Память и находчивость выручили Льва Христофоровича. Пока русалка плескалась в ванне, он залез на антресоли, где лежали ненужные вещи, которые было жалко выкинуть.

Подобно сумасшедшему кроту, он закопался в переплетении лыжных палок, елочных игрушек, помятых самоваров, дырявых кастрюль, портативных центрифуг, манометров и анемометров, рваных пакетов из-под реактивов и прочих отбросов гусярского гения.

И вот — о везение! — рука Минца натолкнулась на странную вещь — подарок археолога Янина. Несколько лет назад в Новгороде был раскопан склад поясов верности, завезенных ганзейскими купцами, которые полагали, что склонные к домострою русские люди тут же облачат в эту гадость жен на время своих деловых отлучек. Но не тут-то было. Русские бабы оказались выше подозрений, и пояса верности — изобретение европейского ума, порождение культа Прекрасной дамы и Крестовых походов — остались ржаветь в сарае, пока о них вовсе не забыли.

С поясом в руке Минц спустился в комнату, вытер его тряпкой, смазал на кухне оливковым маслом. Пояс верности был схож со спинным панцирем гигантского муравья, в узкой перемычке были дырочки для естественных потребностей.

Не думайте, что Минц намеревался украсить этим варварским изобретением мужского шовинизма свою гостью. Нет, он сам пошел на жертву.

Прекрасная дама имела талию, а Минц давно уже ее лишился. С натугой Минц застегнул пояс и, втянув живот, замкнул его

ключиком. Потом выкинул ключик за окно, в крапиву, полагая, что если его ночью прихватит желание, ключика в крапиве ему не отыскать. Так что он спасет русалку от бесчестия, а себя — от разорения.

Подойдя на цыпочках к двери в комнату, он заглянул внутрь.

Русалка спала на диване, а может быть, делала вид, что спит.

Плед обрисовывал округлости ее тела, и девушка выглядела даже более соблазнительной, чем в обнаженном виде, ибо человеческому глазу интереснее догадываться, чем лицезреть. А излишняя открытость и обнаженность способны отвратить мужчину.

Потушив свет, Минц на цыпочках вернулся на кухню. Пояс верности жал и резал во всех местах.

Улегшись на раскладушку, Минц принялся мучиться, он ворочался, закрывал глаза, задремывал, снова просыпался... это был не сон, а забытье.

Потом вдруг появилась учительница Марья Степановна из второго класса.

— Лев, — сказала она, — я ухожу из школы. Так работать невозможно. По твоей милости я получила класс из тридцати идентичных девочек, которым самое место в колонии для малолетних преступниц. Знаешь ли ты, что лишь одна из них готовит домашнее задание и затем они размножают его на ксероксе в тридцати экземплярах! Лишь одна из них выучивает урок, и сколько бы я ни вызвала учениц к доске, выходит та же самая, переползая предварительно под партами с места на место! А уж на контрольной страшно подумать... — и добрая учительница зарыдала.

Минц проснулся. И вспомнил, что Марья Степановна учила его пятьдесят лет назад и уже тогда была женщиной в годах.

Он понял, что это был сон всего-навсего... И тут явился представитель мафиозной структуры. Он вытащил из кармана пачку долларов.

— Больше вам никто не даст, — сказал он. — Отдай мальков, мне братки нужны!

— С дороги! — возмущенно крикнул полковник из военкомата. — Не получишь ты наших русских ребят! Мы соберем из них отдельный стрелковый батальон. Чечня ждет квалифицированного пополнения...

И опять Минц проснулся.

Просыпаясь, сказал полковнику и мафиози:

— Мне говорили, что у нас вывелись только девочки.

Было темно. За окном надрылся соловей. Пятый час. Как там русалка?

— Нет, я не встану. — Минц ощупал чресла. Они были закованы в металл.

И тут образ нежного девичьего тела, прикрытого клетчатым одеялом, с такой силой ударил в сердце Минца, что он понял: надо искать золотой ключик от пояса.

Он проиграл борьбу.

«Хотя что сделал праведник у Толстого, когда к нему стала женщина приставать? Кажется, отрубил палец? Может, и мне отрубить палец?

Но нет, палец мы сбережем».

Минц поднялся. Он старался не шуметь. Даже если русалка откажет ему в любви, он хоть снимет этот проклятый пояс!

Минц вывалился в палисадник через открытое окно. Шлепанцы остались в комнате. Густая крапива обожгла его, как десяток плетей!

Казалось, что с него содрали кожу.

Или он уже взошел на костер, как Джордано Бруно.

Темно хоть глаз выколи.

Минц шарил руками по земле и чувствовал, как его тело краснеет и раздувается от ожогов.

А ведь повезло!

В тот момент, когда, отчаявшись, Лев Христофорович был готов оставить поиски, пальцы сомкнулись на кусочке металла!

Еще мгновение, и пояс верности глухо стукнулся о землю.

И Прекрасная дама мужского рода испустила шепотом клич свободы и любви.

Расчесывая обожженную кожу, Минц ввалился обратно в дом.

Теперь десять шагов — и наступит момент счастья!

И пускай пойдут дети! Пускай будут сложности, пускай его не поймут соседи и друзья. Зов плоти сильнее.

От вождения даже зудеть перестало. Минц вспомнил о классической сцене: Нехлюдов соблазняет служанку Катюшу.

«А может, это моя лебединая песнь?»

Минц вошел в комнату. Его колотила дрожь.

Он нащупал путь к дивану.

Его рука протянулась к тому месту, где должно было находиться плечо русалки.

Плеча на месте не оказалось.

И вообще никакой русалки на диване не оказалось.

— Милая, — прошептал Минц, — я сдаюсь. Я больше не могу оставаться морально устойчивым.

Никто не ответил Минцу. Только настенные часы громко, как сердце испуганного зайца, отсчитывали секунды.

Минц зажег свет. Свет был слишком ярко.

Смятое одеяло лежало на диване.

Минц кинулся к туалету. Может быть, она там?

Но и в туалете ее не было.

Минц подошел к письменному столу и тяжело уселся возле него.

— Ну что ж, — сказал он, — судьба меня спасла. Она избавила меня от соблазна.

Наверное, так же говорил монах, увидев, как скрывается в пыли бричка с развратной помещицей.

Потом Минцем овладела жалость.

А что, если она так испугалась за свою девичью честь, что предпочла погибнуть в загрязненных водах реки Гусь, только не отдавать тело старику Минцу?

«Ну что ж, и в этом случае я остаюсь, к сожалению, в выигрыше».

Взгляд Минца упал на белый лист бумаги, лежащий посреди стола.

Это была записка, адресованная ему:

Дорогой Лев Христофорович!

Спасибо за гостеприимство. Наш расчет оказался верен. Мне удалось возбудить в вас обычную мужскую похоть. И вы забыли об осторожности. Вы ворочались на своей раскладушке, натянув на нижнюю часть живота какое-то ржавое сооружение. Когда-нибудь вы нам расскажете, что это такое.

Пока вы мучились, я изъела у вас все рабочие тетради с расчетами, а также выгребла из компьютера все, что было возможно. Мы давно охотились за вашими изобретениями. Без них у нас возникли трудности с завоеванием мирных планет Галактики. Наши шпионы и генералы заранее благодарны вам за помощь в наших разбойничьих войнах.

Еще раз спасибо. Надеюсь, вы снова все изобретете.

На всякий случай, чтобы вы не мучились от нашей разлуки, я отправляю вам свою истинную фотографию, без камуфляжа. Посмотрите на нее, когда вас снова посетит страстное желание прижать меня к груди.

Ваша НГ № X238-98.

Можете по старой памяти звать меня Нинелью.

Минц посмотрел на фотографию. Объемную, цветную, видно, очень похожую на оригинал.

Страшнее твари Минцу еще не приходилось видеть. Единственный глаз злобно таращился из-за шипов и бородавок.

Чтобы не видеть больше эту шпионку, Минц перевернул фотографию. На обороте было написано:

Пусть на память тебе останется
 Несказанная личность моя.
 Если нравится — храни, а не нравится — порви.

Минцу хотелось порвать фотографию. Но он был настоящим ученым. Он сделал над собой усилие и положил фотографию в стол.

А потом принялся подсчитывать убытки и потери и жалеть обитателей планет, пострадавших от его запоздалой чувственности.

ПОЙМИ ТОВАРИЩА!

В последние дни в Великом Гусяре много говорили о том, что местная футбольная команда «Лесообработчик» имеет шансы попасть во вторую лигу. Со времен создания футбольной игры в Великобритании, когда рыцари играли черепами врагов на поле под Гастингсом, такого в Великом Гусяре еще не случалось.

Некоторые полагали, что причина успехов гусярской команды кроется в том, что она перестала опираться на варягов, а привлекла в свои ряды талантливую местную молодежь, другие уверяли, что заслуга в том нового тренера Храброевеева, выпускника областных курсов, патриота родного края, который сам вырос на Пушкинской улице над рекой Гусь, здесь играл на травяной лужайке, отсюда сделал шаг в большой спорт, что выразилось в том, что он играл два сезона в первой лиге в составе костромской команды.

По мере того как «Лесообработчик» совершал медленное, но уверенное восхождение по ступенькам турнирной таблицы, разгромив тотемскую «Стрелу», смешав с пылью (окончательный счет встречи 7:0) «Восход» из Лесного Бора и добившись почетной ничьей с вологодским «Водником», трибуны гусярского стадиона все теснее наполнялись болельщиками. Сборы были столь велики, что всей команде заказали импортную форму. Даже те горожане, кто и не подозревал ранее, что футбол уже добрался и до Великого Гусяра, стали останавливать на улице знакомых вопросом:

- Как травма у Ниткина?
- Или еще проще, фамильярнее:
- Ножка у Володи выпрямляется?

Ниткин был нужен, очень нужен в решающих боях. Настолько нужен, что когда из Котласа приехал охотник до чужих талантов тренер-администратор Вец, его выследили, вываляли в смоле и

перьях и с позором вынесли из города. Правда, Ниткин был выше подозрений.

Даже профессор Минц, равнодушный к футболу, что неудивительно, так как знаменитый изобретатель был поглощен глубокими проблемами и ему было трудно выкроить время для посещения стадиона, заинтересовался успехами гусярской команды. Это не означает, что Лев Христофорович ничего в футболе не понимал. Он разбирался в нем не хуже нормального болельщика, так как, работая и размышляя, любил включать телевизор и краем глаза наблюдать за кипением страстей на зеленом ковре стадиона. А если учесть, что у Льва Христофоровича фотографическая память, можно понять, почему он знал по фамилиям всех игроков высшей лиги, всех звезд итальянского футбола и даже всех игроков швейцарской команды «Грассхопперс».

Так вот, в пятницу вечером, день был серенький, близкий к дождю, прохладный, к Минцу зашли его соседи Корнелий Удалов и Саша Грубин. Они собирались на стадион и предложили Льву Христофоровичу разделить с ними компанию. Лев Христофорович вздохнул, с некоторым сожалением отложил стенограмму конференции в Касабланке по вопросу о контактах с иноземными цивилизациями, выключил компьютер, пригласил свою блестящую лысину, натянул замшевый пиджак, застегнул его на тугом животе и сказал:

— В путь, друзья!

Чем ближе они подходили к стадиону, тем гуще становилась толпа. Дорожки парка, на краю которого стоял стадион «Лесные дали», были залиты сплошным потоком людей, в основном мужчин, которые отказались от телевизора, рыбалки, охоты, домино, чтения ради того, чтобы поддержать земляков.

Пришлось минут двадцать стоять в очереди к кассе, но так как наплыв зрителей был невиданным, а кассирша одна, за три минуты до начала матча директор стадиона махнул рукой и велел пускать всех без билетов. Место нашлось с трудом, в последнем ряду, но так как рядов на стадионе двенадцать, места можно было считать приличными.

Команда «Солевар» из Мыльников уже разминалась на поле. Поле в Гусяре хорошее, ровное, зеленое, вытопанное лишь у ворот. За воротами «Солевара» уже устроился Миша Стендаль, корреспондент «Гусярского знамени», с фотоаппаратом, а его коллега из мыльниковской районной газеты маялся за воротами «Лесообработчика». И такой расклад понятен, так как фотокорреспондентов интересуют лишь голы, забитые в чужие ворота.

Вскоре под неумолчный гул трибун, под аплодисменты и приветственные крики на поле выбежала команда «Лесообработчик».

Зрители знали всех игроков в лицо, и появление Ниткина, как всегда бодрого и подтянутого, очень обрадовало гусярцев. Тренер Храбродеев, а также запасные игроки, начальник команды и два мецената с лесокомбината уселись на лавочку недалеко от кромки зеленого поля. Судила матч бригада судей из Архангельска, люди строгие, неподкупные.

Свисток судьи возвестил о начале футбольного матча.

С первых же минут игры команда «Лесообработчик» начала давление на ворота соперника. Проходы крайних нападающих гусярской команды Ниткина и Ефимова Семена были острыми и опасными для ворот соперника, и если бы не неточность завершающих ударов, счет был бы открыт на первых же минутах. По всему было видно, что «Солевар» избрал выездную, защитную модель игры, рассчитывая на контратаки. Однако защита «Лесообработчика», в первую очередь Ефимов Сергей, свободный защитник и капитан команды, умело прерывала навесные передачи соперников, и усилия мыльницких футболистов выдыхались на дальних подступах к штрафной площадке соперника.

На восемнадцатой минуте первого тайма за снос Ниткина судья назначил штрафной в трех-четырех метрах от штрафной площадки «Солеvara». Пробил сам пострадавший. Мяч был направлен в левый верхний угол ворот, однако пролетел рядом со штангой. Болельщики горячо поддерживали непрекращающиеся усилия «Лесообработчика», стадион неоднократно взрывался аплодисментами, и порой слышались ободряющие крики. В общем гуле тонули выкрики группы болельщиков из Мыльниц, которые приехали на матч на специальном автобусе и привезли большой транспарант «Солевар» — победа». Понятно, каким взрывом возмущения был встречен прозвучавший в момент относительной тишины нетактичный возглас одного из болельщиков «Солеvara»: «Насыпем соли на хвост бревну!» Неумное прозвище Бревно было придумано болельщиками из Мыльниц.

Если бы дело ограничивалось лишь выкриками и свистом, об этом не стоило бы писать художественное произведение. Однако в действительности вскоре начала складываться драматическая ситуация. Дело в том, что команда из Мыльниц также сохраняла теоретические шансы на переход во вторую лигу, и как бы ни ничтожны были эти шансы по сравнению с вполне оправданными надеждами гусярских болельщиков, «Солевар» не намерен был уступать. А так как реальных шансов победить в честной борьбе у команды не было, противники «Лесообработчика» прибегали к запрещенным приемам.

Особенно доставалось неутомимому, бесстрашному Ниткину, и без того лишь недавно оправившемуся после тяжелой травмы.

По крайней мере трижды в течение первого тайма защитники гостей валили его с ног, грубо толкали и норовили пробить шитки носками бутс. Ниткин, будучи настоящим, мужественным спортсменом, поднимался с земли, бил очередной штрафной и вновь занимал место в боевых порядках команды. Ниткин терпел.

Иное дело болельщик. Болельщики громко требовали, чтобы судья проявил наконец решительность и суровость по отношению к злостным нарушителям спортивной этики. Судья дважды сделал предупреждение защитникам «Солеvara», но такие меры их никак не останавливали.

Среди разгневанных гусярцев не последним был Лев Христофорович. Он даже покраснел от возмущения.

— Таким не место на поле! — кричал он. — Мне стыдно за поселок Мыльницы!

Многие его понимали и поддерживали. Но положение изменилось после того, как защитник «Лесообработчика» Ефимов Семен, движимый как заботой о безопасности своих ворот, так и гневом против неспортивного поведения соперников, снес у самой штрафной площадки нападающего гостей.

Сначала стадион взорвался аплодисментами, так как увидел в действиях Семена справедливое отмщение. Затем загредел оглушительным свистом. Потому что неумолимый судья, ничего не понимавший в вопросах возмездия, показал желтую карточку и Ефимову Семену, пригрозив, что в случае повторения он удалит его с поля.

Удалов, Грубин и прочие соседи Льва Христофоровича громко осудили решение судьи — и их можно понять. Но Лев Христофорович вдруг поднял свой голос, притом крайне неудачно.

— Грязный футбол, — заявил он, оглядываясь, чтобы как можно большее число людей услышало его филиппику, — всегда грязный футбол! Независимо от того, кто прибегает к таким махинациям. Я как честный человек категорически протестую против того, чтобы превращать красивую, артистичную игру в костоломание. Разве нам интересен результат встречи, если мы узнаем, что моллоду, полному сил человеку сломали ноги или повредили мениск?

— Помолчи, лысый, — сказал сосед сверху.

Может быть, дело так и закончилось бы, но тут, как назло, Ефимов Сергей, возмущенный очередным грубым приемом защитника гостей, свалил того с ног ударом локтя, за что был призван к судье.

Когда Ефимов Сергей, понутив золотую шевелюру, медленно брел к судье, уже запустившему руку в нагрудный карман, на ста-

дионе воцарилась страшная, удручающая тишина. Нет, никто не хотел верить в самое страшное.

Но самое страшное произошло.

Красная карточка появилась из судейского кармана, и, не смотря на стенания и свист стадиона, несмотря на то, что гусларские футболисты тесной толпой окружили судью, молили его, просили, уговаривали, Ефимов Сергей был вынужден покинуть поле.

Судьи тоже люди. И очень разные. Бывают судьи обыкновенные. Эти всегда вежливее ведут себя по отношению к хозяевам стадиона. Они понимают, что на стороне команды еще несколько сот, а то и тысяч взволнованных мужчин, которые не всегда могут совладать с чувствами. К тому же судья не лишен тщеславия. Ему приятнее, когда его действиям (удаление с поля гостя или назначение пенальти в ворота гостей) бурно аплодируют, когда он кажется зрителям молодым и красивым, нежели наоборот. Но бывает и иная категория судей, к которой, к сожалению, принадлежал и судья того матча. Их принципиальность порой докатывается до мазохизма. И чем более яростно их освистывают трибуны, тем отчаяннее они проводят в жизнь свою принципиальность, обрушивая всю тяжесть наказаний на хозяев площадки. Порой кажется, стадион бросится с мест и растерзает такого жестокого судью, а судья будто бы ждет именно этого, чтобы потом засудить весь город. Но такого в нашей стране не бывает. Более того, если подобное поведение допустит иностранный судья в международном матче, спортивная газета пожурит его, обвинив в предвзятости и сомнительном социальном происхождении. А местная газета в отчете о матче никогда не заденет несправедливого судью, так как может обидеться весь судейский корпус, который выше подозрений.

Так вот, когда судья изгнал с поля Ефимова, гнев трибун, не могуши излиться на поле, обрушился на Льва Христофоровича, которого соседи сочли как бы представителем судьи в своих рядах.

Тут как раз наступил перерыв, посмотреть было не на что. Минц мог бы, конечно, сбежать, но он, человек гордый и большой ученый, остался сидеть на месте, отдав себя на растерзание противникам.

— Значит, если нас, то да? — спрашивал Удалов, забыв о былой дружбе и респекте. — А если их, то пожалуйста.

— Нас и по ногам, нас и с поля? — наседал Саша Грубин.

И, надо сказать, это были наиболее мягкие, сдержанные обвинения.

В гуле страстей Минц сохранял относительное спокойствие.

Порой, пользуясь паузой, он пытался вновь и вновь доказать свою мысль.

— Футбол! — кричал он. — Игра! Как шахматы! В шахматах под столом друг друга ногами не бьют!

После этого поднималась новая волна гнева, кто-то даже угодил Льву Христофоровичу по лысине огрызком яблока. Это, конечно, неприятный факт, но он говорит о накале страстей.

В сущности, все спорщики придерживались, как это бывает в спорах, почти идентичных позиций. Просто момент был неудачен для спокойного обсуждения этих позиций. Все были против грубости в спорте, но гусларцев возмущал пацифизм профессора, а его — их патриотическая слепота.

Второй тайм матча прошел при подавляющем преимуществе «Лесообработчика», хотя гусларцы играли вдесятером, однако это преимущество не смогло реализоваться в голы. Ниткин заметно хромал и бил по мячу неуверенно, а остальные форварды за отсутствием Ефимова как-то сникли.

Нулевая ничья — результат этого матча — устраивала гостей из Мыльниц, но расстроила гусларцев, так как теперь шансы на выход во вторую лигу уменьшились, а впереди предстоял последний и самый решительный матч с «Метеором» из Новостальска, основным соперником за выход во вторую лигу, который подошел к решающему матчу с тем же числом очков.

Домой возвращались молча. Было какое-то отчуждение. Словно, не проявив патриотизма, Лев Христофорович потерял моральное право именоваться гусларцем. Раньше они об этом как-то не задумывались. Живет человек, трудится, уважаемый человек, не молодой. Скорее свой, чем чужой. И вдруг на стадионе словно заглянули к нему в анкету, а там написано «марсианин». И сразу увидели, что он зеленый, на трех ногах и с антеннами на затылке. Разумеется, никто не увидел в Минце марсианина, но в переносном смысле — увидели.

А Минц не навязывал своего общества. Он думал.

Надо сказать, что чем сложнее задача, поставленная жизнью перед великим ученым, тем энергичнее он мобилизует резервы мозга, тем глубже уходит в себя, чтобы решить эту загадку и принести очередную пользу человечеству.

На этот раз Минц думал о том, как вернуть футболу чистоту и непосредственность игры, как снять с него налет делячества, цинизма, ведущего к грубости.

Он заперся у себя в кабинете, пил только кефир, ничего не ел, похудел за неделю на десять килограммов, но задача ускользала от решения. Она оказалась потруднее, чем создание антигравитации

или путешествия во времени. Моральные проблемы всегда труднее чисто научных.

В чем, рассуждал Лев Христофорович, корень зла? В том, что футболист, бьющий товарища по ногам, совсем не думает о том, как тому больно. Зато когда его самого бьют по ногам, он обижается.

— Ага! — воскликнул профессор на восьмой день. — Эврика!

И профессор Минц углубился в свои записи, а потом принял ся доставать с полок банки, пакетики, колбы, коробки, стараясь отыскать некоторые редчайшие ингредиенты, которые в сумме должны дать нужный психотерапевтический эффект.

Работа над новым средством, а также опыты над окрестными собаками и соседской кошкой, давшие положительный эффект, были завершены как раз накануне решающего матча с «Метеором» из Новостальска.

Так как Лев Христофорович, помимо прочих ученых степеней, был еще и доктором медицинских наук, единственным в Великом Гусляре и даже во всем районе, то к нему с глубоким уважением относились в райздраве и городской больнице. И когда знаменитый профессор заглянул в райздрав и сказал, что хотел бы осмотреть перед матчем футболистов, так как получил по своим каналам сообщение о том, что из Европы надвигается новая волна вирусного гриппа, а потому намерен провести профилактический осмотр игроков, то его коллеги в райздраве, разумеется, на это согласились.

Тем же вечером, накануне матча, Корнелий Удалов постучал к профессору.

— Лев Христофорович, — сказал он, — завтра на футбол не пойдешь?

Корнелий был уверен, что профессор на футбол больше никогда в жизни не пойдет, да и лучше бы не ходил, так как его лицо запомнилось некоторым болельщикам и может вызвать раздражение. К удивлению Удалова, профессор ответил:

— Встретимся на трибуне.

— Значит, заходить за вами? — без энтузиазма спросил Удалов.

— Не надо, я раньше пойду, — сказал профессор. Удалов приоткрыл рот, демонстрируя удивление, но так как профессор хранил молчание, ему пришлось уйти ни с чем, если не считать недоброго предчувствия. Вроде бы и не могло случиться ничего дурного, но давний опыт общения с непредсказуемым профессором научил Удалова осторожности. Не раз уже светлые на первый взгляд и прогрессивные идеи Льва Христофоровича, призванные облагодетельствовать человечество, вели к обратным результатам.

Так уж устроен мир. Все в нем взаимосвязано. Один человек решает оросить пустыню и проводит в нее воду из какого-нибудь заболоченного места. В результате вместо богатых урожаев хлопка в пустыне образуются соленые болота, а там, где были болота, богатые клюквой, образуются пыльные пустыни. Всегда, если хочешь принести добро человечеству, хорошенько подумай о побочных эффектах. Наполеон рассчитывал покорить весь мир во славу Франции, в результате разорил Францию и перебил множество людей. Мир же не покорился, потому что Наполеон не учитывал побочных эффектов в виде русских партизан.

С такими мыслями Удалов шел на стадион, проталкиваясь сквозь толпу сограждан. Втуне он рыскал глазами по сторонам, разыскивая Минца.

И неудивительно. В эти минуты Минц уже находился в раздевалке футболистов. На гуслярском стадионе есть только одна раздевалка, общая комната, где игроки обеих команд оставляют свои вещи.

Минц был представлен игрокам, которые как раз завершали свой туалет, и обратился к ним с краткой речью, касательно опасности вирусной инфекции. Он вкратце рассказал футболистам, как надо бороться с вирусом, а затем предложил всем принять профилактические пилюли.

Если уважаемый читатель заподозрил Льва Христофоровича в подлоге, в том, что он под видом профилактики всучил игрокам плоды своих изобретений, то он глубоко заблуждается. Пилюли на четыре пятых состояли именно из целебного профилактического препарата «Антигриппина-М». И лишь четверть объема занимало изобретение Льва Христофоровича. Учтите, что Лев Христофорович — кристально честный человек и принципы медицины блюдет превыше всего. В настоящее время вакцина «Антигриппин-М» (М — означает Минц) уже принята к промышленному производству, и вскоре с гриппом будет покончено. А что касается футболистов, то за последние три года ни один из них не заболел гриппом, а также чумой, водянойкой, бронхитом, подагрой и коклюшем.

Раздавал Минц таблетки странно. То есть странно для человека, который бы захотел понаблюдать за его действиями. Но единственный потенциальный наблюдатель — Корнелий Удалов был еще за пределами стадиона, а все остальные в раздевалке были слишком заняты своими проблемами, чтобы обращать внимание на то, что делает толстый доктор. Читает лекцию — значит, надо, раздает профилактические таблетки от гриппа — значит, надо. И дело с концом.

Затем Лев Христофорович попрощался и покинул раздевалку, пошел на трибуну, где Корнелий Удалов занял ему место.

— Ну и что? — осторожно спросил Корнелий.

— Команды готовы к бою, — нарочито бодрым голосом ответил профессор Минц. Глаза его лукаво вспыхнули, и озноб пробежал по коже Удалова. Он стал смотреть на поле, ожидая подвоха, хотя никакого подвоха сначала не было видно.

Как и положено, прозвучал судейский свисток, как и положено, гуслярская команда большими силами бросилась в наступление, а команда гостей начала строить эшелонированную оборону. Внешне все выглядело как обычно.

На самом же деле все происходило необычно.

Но для того, чтобы ощутить эту необычность, следовало бы заглянуть в души футболистов.

Защитник «Лесообработчика» Ефимов Сергей должен был строго опекать нападающего Судковского из команды «Метеор». Защитник Ефимов Сергей отыскивал глазами своего подопечного и двинулся ему навстречу, вспоминая на ходу, что Судковский не любит, если ему наступают на носок бутсы, и не выносит, когда его толкают локтем в бок. Об этом защитнику следовало помнить. Ведь вывести из себя центрального нападающего противника — его спортивная задача.

Как раз в эту минуту Судковский получил мяч от своего полузащитника и быстро пошел по краю. Ефимов Сергей вырос у него на пути, как дубовый ствол, и, борясь за мяч, незаметно для судьи резко наступил гостю на носок.

Судковский сразу остановился и потерял мяч.

Ефимов ударил по мячу, посылая его в центр поля Ниткину, но удар получился неубедительным, мяч до Ниткина не долетел, потому что странное, незнакомое чувство охватило Ефимова Сергея. Он не только ощутил острую боль в носке правой ноги, но и чувство горя, беспомощности и возмущения в адрес людей, которые позволяют себе столь грубо обращаться со своими товарищами. Он понял, что его долг — немедленно принести свои извинения ни в чем не повинному Судковскому, и он тут же побежал поперек поля к прихрамывающему Судковскому, но добежать не успел, так как рядом с ним катился мяч и инстинкт защитника заставил Ефимова Сергея подхватить мяч и броситься вперед.

И Ефимов Сергей забыл об ощущениях, которые ему не принадлежали, а принадлежали вовсе Судковскому. Он мчался к чужим воротам. С замиранием сердца он увидел, как навстречу ему выдвигается защитник «Метеора» с решительным выражением на лице. «Будет валить», — мелькнула мысль в мозгу Ефимова Сергея.

Но вдруг странная гримаса исказила грубое, но выразительное лицо защитника, и тот, как бы сжавшись, уступил дорогу Ефимову Сергею. А Ефимов Сергей, продолжая нестись к воротам, успел ощутить то глубокое человеческое понимание, что владело защитником, и даже успел крикнуть ему, проходя мимо: «Спасибо, друг!»

На трибунах, гремящих криками, никто не услышал этих добрых слов. Лишь профессор Минц, внимательно следивший за мельчайшими деталями поведения футболистов, удовлетворенно наклонил голову.

Ничто не могло уже остановить Ефимова Сергея. Он был в пределах штрафной площадки.

Лишь вратарь, наклонившись вперед и широко расставив ноги, готовился кинуться ему под ноги.

«Сейчас вколотит! — послышалась в мозгу Ефимова мысль. Она принадлежала вратарю гостей, но Ефимов не знал, кому она принадлежала. — Какое несчастье! — продолжалась мысль. — У меня же сегодня день рождения, и он будет безнадежно испорчен!»

Но, не поняв, кому принадлежит мысль, Ефимов Сергей тем не менее глубоко опечалился. Он видел перед собой не ворота, а приятное, доброе лицо вратаря, видел печаль и даже отчаяние в его больших карих глазах, и он понял, что такое лишний гол. Лишний гол — это житейская мелочь, ничто по сравнению с человеческими отношениями. И потому Ефимов ударил по мячу таким образом, чтобы не попасть в ворота и не испортить дня рождения вратарю. И он утвердился в своем интуитивном предположении, потому что увидел, каким горячим светом благодарности загорелись глаза вратаря.

И поэтому, пока мальчик за воротами бегал за мячом, он подошел к вратарю гостей и сдержанно, по-мужски похлопал его по плечу.

— Поздравляю, — сказал он.

— Спасибо, дружище, — тихо ответил вратарь.

На трибунах не разобрались в смысле этой встречи, зрители свистели, не одобряя плохого удара.

— Что делается! — печалился Удалов. — Ну что же делается!

Он тоже ничего еще не понял.

Если бы в таблетках, которые создал неумный гений Льва Христофоровича, содержалось бы лишь средство, делающее людей чуть добрее и отзывчивее, этим, может быть, удалось снизить число травм. Но Лев Христофорович — сторонник кардинальных методов. Он пошел на шаг дальше. И на какой шаг! Каждый из футболистов ощущал травмы, нанесенные им своему сопернику, как свои собственные, осознал его страдания, как свои. Его разоча-

рование, как свое. Именно таким образом Лев Христофорович хотел вернуть футболу очарование доброй и интересной игры. Лишить его малейшего налета жестокости и грубости.

Возвращаясь трусцой на свое место в защите, Ефимов Сергей увидел, что мяч, выбитый далеко в поле вратарем гостей, опустился в центре, и к нему бросились нападающий «Лесообработчика» Ниткин и нападающий «Метеора» Судковский. Судковский промахнулся по мячу и попал по ноге Ниткина. Ниткин свалился на траву. Стадион возмущенно загудел. И тем более стадион загудел, когда увидел, что Судковский упал рядом с Ниткиным. Это была явная симуляция, направленная на то, чтобы разжалобить судью.

В самом же деле происходило иное.

Судковский и Ниткин лежали рядом на траве. И Судковский испытывал ту же боль и негодование, что и Ниткин. Но к боли и негодованию примешивалось сильное чувство собственной вины перед товарищем. Держась за ногу, испытывая боль, Судковский в то же время отлично понимал, что его нога невредима. Что это не его боль, а боль Ниткина. И потому, подползая к травмированному сопернику, Судковский жарко шептал:

— Прости, Ниткин, я никогда больше не буду.

Ниткин же, в свою очередь, удивлялся. Он должен был бы высказать этому грубияну Судковскому все, что о нем думает. Кратко и выразительно. Но вместо этого он был во власти понимания, что Судковский искренне раскаивается и в самом деле страдает не меньше, чем Ниткин. Поэтому, все еще не поднимаясь с травы, он ответил:

— С кем не бывает!

Тут Судковский преодолел боль, поднялся и сам, прихрамывая, подошел к судье.

— Прошу, — сказал он, — удалить меня с поля. Я недостойн того, чтобы представлять здесь честь новостальского футбола. Гнать надо таких, как я.

— Вот это, — ответил крайне удивленный судья, так как в его практике такого еще не случалось, — решаю здесь я. И больше чем на предупреждение ваш проступок не тянет.

— Нет, тянет! — закричал Судковский.

Стадион гремел и свистел. Стадион был убежден, что Судковский вымаливает у судьи прощение. Тем более что те игроки «Метеора», что были поблизости, тоже подбежали к судье и стали требовать, чтобы Судковского за нетоварищеское поведение удалили. А те игроки «Лесообработчика», что оказались неподалеку, встали на защиту Судковского, потому что понимали, что он больше никогда не будет бить по ногам своих товарищей.

С трибун стадиона вся эта сцена выглядела, разумеется, иначе. Мы ведь часто видим не то, что происходит в действительности, а то, к чему привыкли наши глаза. И трактуем события ложно, потому что ложен бывает наш жизненный опыт. Если футболисты окружают судью и что-то доказывают ему, то мы знаем, что они отстаивают свои интересы. Но чтобы футболисты отстаивали интересы соперника — это явление редкое.

В конце концов футболисты разошлись, так и не уговорив судью. Ведь у судьи есть собственный гонор. Если он решил не удалять игрока с поля, то сам виновник инцидента никогда его на это не уговорит.

Игра продолжалась и далее. Но постепенно даже самые невнимательные из зрителей начали понимать: происходит что-то неладное. Во-первых, уже с середины первого тайма полностью прекратились грубости, подножки и толчки. А так как футболисту порой трудно избежать резких движений, то темп игры постепенно спал, игроки старались не приближаться друг к другу, а если и приближались, то лишь затем, чтобы пожать руку или похлопать по плечу, а то и пригласить в гости на чашку чая. Удары по воротам также почти прекратились. Если кому-то удавалось добраться до штрафной площадки противника, несмотря на явное нежелание это делать, то он обязательно бил таким образом, чтобы в ворота не попасть либо подкатить мяч к рукам вратаря. В какой-то степени матч начал напоминать пресловутую встречу команд Австрии и ФРГ на первенстве мира в Испании в 1982 году, когда обе команды, к разочарованию многомиллионной телевизионной аудитории, демонстрировали игру, целью которой было не забить ничего лишнего, так как иначе Австрия не попадала в финал.

Зрители на гусярском стадионе заподозрили команды в сговоре. И свистом выражали неодобрение этому сговору. Хотя в этом таилась загадка. Ведь в случае ничьей ни одна из команд не попадала во вторую лигу. А вместо них проходила вологодская команда.

В перерыве между таймами оба тренера устроили своим игрокам суровый разнос. Они требовали активности, волевого настроя и желания победить любой ценой. Игроки были задумчивы. Они не спорили с тренерами, но думали в этот момент о своих соперниках, понимая, что именно они самые близкие им, самые родные люди.

Так что после перерыва игра продолжалась в еще более медленном, куртуазном темпе. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы оба тренера не решили в середине второго тайма заменить своих нападающих. Вместо Ниткина вышел на поле Полянкин, а вместо Судковского — Шве́ц. И тут произошло нечто совершенно невообразимое. Ведь ни Полянкин, ни Шве́ц пилюли

не употребляли и настоящих добрых чувств к противникам не испытывали. Поэтому Швец, подхватив мяч, кинулся к воротам противника, а Полянкин — за отсутствием других желающих — навстречу Швецу. Встретились они где-то в центре поля, и так как оба стремились отличиться, то Швец оттолкнул Полянкина, а Полянкин подставил ножку Швецу. Оба упали и, рассерженные, кинулись друг к другу.

В этот момент, прежде даже, чем успел среагировать судья, Ефимов Сергей решительным жестом остановил Полянкина — своего Полянкина — и сказал:

— Полянкин, нашей команде за тебя стыдно.

В тот же момент вратарь «Метеора» выбежал к Швецу и сказал ему:

— Швец, ты грубишь.

Швец и Полянкин ничего не поняли. Они пытались оправдать свои действия интересами родных команд, но чем больше они горячились, тем резче выговаривали им свои же товарищи. И это понятно: ведь не мог же игрок «Метеора», полный сочувствия и понимания по отношению ко всем футболистам «Лесообработчика», поднять голос за Полянкина. И наоборот.

Тут уже не помог и судья. Несмотря на его возражения, команда «Лесообработчика» вывела с поля сопротивлявшегося Полянкина, а команда «Метеора» удалила Швеца.

Но когда команды вернулись на поле — а стадион, надо сказать, в полном обалдении замолк, — они уже поняли, что сам принцип футбола ложен. Он направлен на то, чтобы выиграть у хороших людей, то есть доставить им неудовольствие. А этого допустить было нельзя. Так что игроки встали в круг посреди поля и стали аккуратно пасовать мяч друг другу, отрабатывая технические приемы.

Вот тогда-то Корнелий Удалов обернулся к своему соседу профессору Минцу и строго спросил:

— Вы чего им давали, Лев Христофорович?

— Средство против грубости, — честно признался Минц. — Но я не предполагал, что оно настолько эффективно.

И Минц шепотом рассказал о принципе действия пилюль.

Тогда Удалов поднялся со своего места и сказал профессору:

— Пойдем отсюда.

И в самом деле, игра фактически кончилась. Ни судья, ни тренеры не могли заставить футболистов нападать на своих соперников. Вот-вот под неумолчный свист трибун встреча будет прервана.

Удалов вывел несколько растерянного Минца со стадиона и, когда они уже были в парке, прервал молчание вопросом:

— Запасные пилюли остались?

— Штук десять, — сказал Лев Христофорович.

— Давайте сюда. Не бойтесь, не выброшу.

— А зачем вам?

— Покажу, где и как их надо было использовать. Наивный вы человек.

Держа на ладони таблетки, Удалов вошел в гастроном.

В магазине шла обычная, даже не самая насыщенная жизнь. Кассирша вяло спорила с пожилой покупательницей, а очередь более или менее покорно ожидала исхода этого спора. Одна из продавщиц гляделась в зеркальце, другая выясняла отношения с рабочим, который только что принес ящик с крупой. Остальных продавщиц не было видно, зато в магазине был слышен ропот покупателей.

— Сюда, — сказал Удалов, проходя за прилавков.

— Зачем, — попробовал возразить Минц. — Туда же не положено.

— Нам положено, — ответил Удалов, открывая дверь в кабинет директорши. — Мы комиссия!

Ванда Казимировна оторвалась от ведомостей и обернула к посетителям полное суровое лицо.

— Здравствуй, Ванда, — сказал Удалов быстро.

— Чего нужно?

— Ничего, — ответил Удалов. — Надвигается грипп. Новая разновидность. Мозамбикский.

Он обернулся к Льву Христофоровичу, и тот покорно кивнул.

— Вот наш профессор получил из-за рубежа профилактические пилюли. Большой дефицит. Я ему и говорю — в первую очередь надо обслужить торговлю. Если свалитесь от гриппа, кто будет нас кормить и поить?

— Дефицит, говоришь? — с некоторым недоверием сказала Ванда Казимировна, которая не всегда доверяла ближним.

— Вот. — Удалов осторожно высыпал пилюли на чистый лист бумаги. — По одной на душу. Не больше. Вызывай персонал.

Ванда Казимировна сдалась и вызвала персонал, который, узнав, что выдают дефицитную профилактику, быстро выстроился в очередь, не обращая внимания на нетерпеливый гул торгового зала.

Сама Ванда Казимировна тоже приняла пилюлю.

— Если что надо, — сказала она, и взгляд ее начал смягчаться, — вы заходите. Прямо ко мне.

Но тут начала совершаться странная метаморфоза с ее подчиненными.

— Зачем же, — сказала продавщица из молочного отдела. — Я тоже всегда готова. Вы уж лучше не отвлекайте Ванду от ее дел. Занятая она, трудно ей, ревизия на носу.

— Девочки! — вдруг воскликнула кассирша. — И чего же мы здесь стоим, прохлаждаемся! Там же люди ждут! Неужели мы будем их заставлять маяться, а сами будем здесь прохлаждаться?

Продавщицы даже застонали от стыда и, сшибая друг друга, бросились к выходу в торговый зал.

Минц и Удалов, чтобы избавиться от изъявления благодарности со стороны Ванды Казимировны, поспешили за продавщицами.

Зал сиял улыбками.

В зале воцарялась атмосфера взаимного расположения.

Минц и Удалов вышли из магазина.

— Понял? — спросил Удалов.

— Понял, — тихо улыбнулся великий изобретатель.

— Пошли домой, надо Ксению в магазин послать. Пускай порадуется.

ХАРИЗМА

Спустившись к своему соседу Льву Христофоровичу, Удалов увидел, что на стене, напротив двери, висит нечто новенькое: портрет молодой женщины с крупными, резкими чертами лица, белой улыбкой, слишком большими глазами и заостренным носом.

— Нравится? — спросил Лев Христофорович, перехватив взгляд Удалова.

— Нет, — честно признался Удалов.

Удалов, конечно, рисковал. Молодая женщина могла оказаться заморской пассией профессора Минца или, того хуже, его кузиной, живущей в Израиле. Но как можно сказать о женщине лестно, если она тебе не показалась?

— Мне тоже не нравится, — ответил Минц, чем снял с Удалова напряжение. — Мне даже странно, что результат оказался именно таким. Я ждал иного. Ты чего пришел?

— Ах да! — Удалов не сразу вспомнил о цели своего визита. — Скотч у меня кончился, а котенок библиотечную книжку порвал.

Минц достал с полки катушку скотча и продолжал развивать свою мысль:

— Коллективное творчество опасно тем, что за основу свою берет идею отрицания.

— Что за портрет? — спросил Удалов.

— Я и говорю, — продолжал Минц. — Принцип, положенный в основу, неверен.

— Ну скажи, не томи!

— Ничего интересного, хотя предмет для размышлений, — от-

ветил Лев Христофорович. — Журнальчик «TV-парк» предложил читателям составить идеальный образ телевизионной ведущей, взяв у нескольких, наиболее популярных, самую привлекательную часть лица. Вот и стали читатели присылать порезанные фотографии, изображения лбов и носов, лица, склеенные из кусочков, или просто перечисления любимых черт любимых лиц.

Шестьсот семьдесят восемь писем просмотрели сотрудники редакции и собрали лицо, сочетающее в себе лоб Петковой, нос Митковой, подбородок Котковой, уши Ветковой и так далее.

Вот и получилось.

— Уродство получилось! — тверже, чем прежде, заявил Удалов.

— Не скажи, — ответил Минц. — Ты пугаешься, а поглядываешь в ту сторону. Я ведь не просто вырезку из журнала к стене прикнутил, а изучаю реакцию населения на это странное и вроде бы непривлекательное лицо. Грубин на эту дикторшу шесть раз поглядел, ты уже четыре, даже старик Ложкин в его восемьдесят с лишним три раза взор поднял. Эта же статистика касается женщин. Тоже смотрят.

Удалов не согласился, но, когда выходил из комнаты, непроизвольно оглянулся, встретился взглядом с синтетическим портретом, чуть было не сплюнул, настолько неприятной показалась ему эта женщина, и ушел домой. Ночью он просыпался раза четыре. Потому что эта женщина являлась к нему во сне, нашептывала совершенно неприличные для его возраста предложения, и Удалов совершенно неожиданно на них соглашался. Просыпался и обнаруживал, что спит с Ксенией, а не с портретом.

Утром, прогнав сны, Удалов посмеялся над собственной старческой дуростью, пошел в стройконтору, а по дороге купил в киоске номер «TV-парка» с портретом той самой отвратительной женщины.

Над кроватью дома он, конечно, повесить ее не посмел — зато сложил и спрятал в бумажник. Чтобы в укромных местах вынимать и смотреть.

Об этом он не стал рассказывать даже Минцу, но Минц и без Удалова проводил наблюдения над людьми, и реакция населения Великого Гусляра на скомбинированную дамочку навела его на мысль, которой он далеко не сразу поделился с друзьями.

Поделился он ею с ними лишь весной, когда распускались почки и появились первые перелетные птицы, а многочисленные политические партии стали выдвигать кандидатов в президенты.

Тогда Лев Христофорович лично пришел в городскую газету, сохранившую старое название «Гуслярское знамя», правда, сменившую, может временно, это знамя, и предложил жаждающему

хорошей отечественной сенсации новому главному редактору Михаилу Юрьевичу Стендалю соблазнительный план.

Через неделю, после тщательной подготовки, план начал осуществляться.

На первой полосе газеты были опубликованы портреты всех известных нам кандидатов в президенты, на второй странице — знаменитых политиков, на третьей — киноартистов и деятелей культуры. На четвертой странице читателю предлагалось выбрать из всех ста шестидесяти портретов самый приятный на вид лоб, самые лучшие губы, самые выразительные глаза и даже самые мужественные уши.

Редакция обещала опубликовать получившийся портрет под названием «идеальный президент».

— Ничего не выйдет, — сказал Удалов, который сидел у Минца за столом и аккуратно орудовал ножницами, порой задумываясь, порой удивляя Минца вопросами: — А одно ухо взять можно?

— Неужели настолько разные уши...

— В ухе тоже есть характер.

— Делай как знаешь.

— А что любопытно, — сказал Удалов, — что моя Ксения в комнате сидит, режет, а Максимка с женой в спальне режут.

— Весь город участвует, — ответил Минц.

Сам он не резал. Он наблюдал за экспериментом и готовил к завтрашнему дню свой весьма особенный компьютер, подаренный ему королем Таиланда за «оказанные услуги». Какие услуги — и король, и Минц молчат.

Минц шептался с компьютером, а Удалов резал, резал, оставался и вдруг услышал, как над городом несется тысячекратный шум разрезаемых газетных листов.

Население в Гусляре приблизилось к двадцати тысячам человек.

Тираж «Гуслярского знамени» достигал двух тысяч, он распространяется также и в районе. Специально для эксперимента было напечатано десять тысяч номеров, и их, надо сказать, не хватило.

Если бы не подарок тайландского короля, обработать письма с синтетическими портретами было бы невозможно.

А так на двух машинах письма свезли к дому № 16 по Пушкинской улице, где проживает инициатор эксперимента профессор Минц.

Трое суток Минц с помощью и соседей, и приходящих добровольцев вскрывал конверты и показывал портреты компьютеру.

В шесть тридцать вечера четвертого дня компьютер издал характерный звук свершения, который отозвался в любопытных сердцах многочисленных зрителей, которые собрались во дворе.

А еще через десять минут Минц вынес получившийся портрет во двор и показал народу так, как некогда палач показывал голову казненного самозванца или повитуха — новорожденного наследника престола.

— Вот он, идеальный лидер нашего государства, — сказал с крыльца Минц, держа листок перед собой и выглядывая из-под него. — Вот он — ваша воплощенная мечта, составленный вашей волей из кусков лиц самых знаменитых людей.

И тяжкий вздох разочарования прокатился по двору, вылетел на улицу и понесся к лесу.

Вечерело, лужи подмерзли, снег еще таился в тени домов и под елями.

— Провал, — сказал Удалов.

Люди уходили, унося свое разочарование.

— Мне их не жалко, — сказал Минц. — Ведь тьма всегда сгущается перед рассветом, как говорят революционеры.

— А мне жалко, — сказал Удалов. Он взял запасной лист и всмотрелся в лицо, одновременно самоуверенное и жалкое, решительное и робкое. — Такой вождь нам не нужен.

— Ты мне жалок, Корнелий, — сказал Минц. — Ты не умеешь заглядывать в будущее и пробиваться неначертанymi путями. Пошли ко мне, а то простудимся.

Они вошли в кабинет к Минцу.

Минц стал варить свой фирменный желудевый кофе, который ему присылал бразильский президент, обязанный Минцу деликатным советом.

В кабинете было тепло. И светло.

Портрет идеального президента лежал на столе.

Портрет был Удалову неприятен. Но он с трудом смог оторвать от него взор и посмотрел на портрет идеальной ведущей. И тоже не получил удовольствия.

— Ох, как ты ошибаешься, Лев, — сказал Удалов.

— Операция не кончилась, — ответил Минц. — Как мы ее с тобой назовем?

— Смотря в чем она будет заключаться.

— Она будет заключаться в разноске туфелек по квартирам Золушек, — сказал Минц.

— Понял! Значит, операция называется «Золушка»!

Прежде чем начать операцию «Золушка», Минц дал городу две недели, чтобы все привыкли к жизни с новым портретом.

Удалову было трудно поверить в это, но, куда бы он ни зашел, он встречал глазами газетную страницу с портретом не известного

никому синтетического человека. Никому он не нравился, никто его не любил, но отделаться от него было невозможно.

— Это называется харизмой, — объяснил Минц Удалову. — Слово это иностранное, не надо путать с химерой. Значит оно — дар божий. А дар божий или есть, или его нет. Среднего не бывает. Как в музыке. Мы с тобой что ищем в нашей Золушке? Мы ищем в ней дар божий национального лидера. А его с первого взгляда не увидишь — это область чувственная. Ты походи по домам, увидишь, что никому наш с тобой...

— Не наш с тобой. Я тут ни при чем!

— Пускай будет только мой! Мой портрет никому не мил, а вот выкинуть его никто не решается. Так что пошли.

— Куда?

— По домам. Сегодня десять бригад отправляются по домам Великого Гусляра, чтобы отыскать человека, который схож с портретом.

— А если такого нет?

— Тогда будем искать в районе.

— А если и там...

— Не беспокойся. Отправимся в область. У нас же теперь есть хрустальная туфелька.

— В каком смысле?

— В смысле обыкновенном. Будем обходить, сравнивать. Сравнить и обходить.

Удалов посмеялся над другом.

На следующий день с утра Минц его разбудил. Была суббота, день свободный, но не очень солнечный, а так, дождь со снегом. Никак весна не разойдется.

Несмотря на воркотню Удалова, Минц, одетый надежно, тепло, но торжественно, как на зимние похороны, повел друга на площадь Землепроходцев. Там уже собрались добровольцы-поисковики «Золушки». Некоторых Удалов знал. Например, супругов Савичей, редактора Стендаля. Стендаль раздавал всем схемы участков, которые им выделялись. Минцу с Удаловым достался участок вдоль речки, от пристани до музея. А также трехэтажка-полухрущоба, построенная на месте устаревшей по дизайну церкви Николая Чудотворца XIV века.

Теперь люди стали осторожны, агитатором не назовешься, не пустят. Приходилось говорить все задание в замочные скважины. Иногда двери открывались, иногда нет. Но чаще открывались, потому что Минц с Удаловым — люди пожилые и многим лично знакомые.

Затем наступал самый ответственный момент.

Минц доставал заветное изображение и задавал собравшимся вопрос, есть ли среди домочадцев человек подобной внешности.

— Нет, — отвечали ему домочадцы. — На что нам такой?

— Нет, — говорили в другом месте. — Неужели его разыскивает милиция?

— Этот человек, — терпеливо объяснял Минц, — обладает харизмой. Он — ваш политический идеал. Только вы сами за вашей тупостью и отсталостью об этом не догадываетесь.

Но люди лишь разводили руками.

И, кинув взгляд на портрет этого самого человека, как правило, висевший на стенке в большой комнате, а порой и в туалете, Минц с Удаловым покидали квартиру, чтобы постучаться в следующую.

Надо сказать, что во всем этом мероприятии был некоторый элемент игры, правила которой были выдуманы заранее, но не объяснялись, хотя соблюдались обеими сторонами.

Жильцы дома или квартиры знали, зачем к ним стучится Минц.

Они уже друг дружку осмотрели, изучили и убедились в том, что, к сожалению, харизмы в доме не наблюдается. Но все равно следовало пройти процедуру попытки узнавания. Процедура заканчивалась ничем, и все расстраивались, уверенные в том, что такого человека в нашем городе нет. Может быть, он таится где-нибудь в Сочи или Воркуте, но не в нашем тихом Гусляре.

— А почему бы и нет? — спрашивал Минц. — Почему бы и нет, черт побери! Отсюда многие пришли на Русь. Рюрик был из наших краев, Александр Невский, Сталин здесь отбывал ссылку... Найдем, Корнелий, не грусти!

И они шли в следующий дом. И снова впустую.

В одном небольшом частном доме на набережной отец — ветеран внутренних войск — вывел на встречу с комиссией своих двоих сыновей. Были они хорошо одеты, от них пахло мужским одеколоном и похмелем. Рожи у них были толстые. Суровые. Вызывающие, но без харизмы. Минц уже собирался уходить, но тут внимание Удалова привлек стук, доносившийся со двора. Кто-то там колот дрова.

— Кто это там у вас трудится? — спросил Корнелий Иванович.

— Да так, случайный человек, — отмахнулся хозяин дома.

— Даже без прописки, — крикнул один из сыновей.

— Родственник? — спросил Минц.

— Так... — Хозяин дома мялся, не желая сказать правду, потому что находился под киллерским прицелом сыновних глаз.

— Короче! — рявкнул Удалов.

— Пасынок он наш, — вздохнул хозяин дома. — Внебрачный.

Минц сделал движение пальцами, подсмотренное им в мафиозном фильме, и семья покорила.

Через три минуты вошел пасынок без прописки.

Сравнительно молодой человек невысокого роста, заросший редкой бородкой и длинными патлами.

Не было в нем ничего общего с харизматическим портретом.

— Вот видите! — Хозяин дома заметил разочарование визитеров. — А вы угрожали!

Но Минц не ушел.

Он уловил странный, неочевидный, мерцающий свет, исходящий из небольших невыразительных глаз пасынка.

— Как зовут? — потребовал Минц.

— Иванов, — ответил за пасынка хозяин. — Иванов Семен. А меня Эдуардом зовут, следовательно, Семен Эдуардович. Мой сын!

Хозяин вдруг почувствовал, что эти люди хотят чего-то такого, чем можно поживиться.

Иванов Семен молчал, опустив взор долу.

Но сыновья хозяина не отличались интуицией и, когда Минц сказал, что Иванов Семен должен пройти с ним, принялись кричать, что не допустят этого, так как дрова еще не поколоты, горох не перебран, помойная яма не выкопана, а в сарае протекает крыша.

Минц с Удаловым повели пасынка в редакцию газеты.

Пасынок с интересом смотрел по сторонам. Оказывается, родственники его не выпускали на улицу, пугали милицией и эксплуатировали нещадно.

По дороге встречались осведомленные люди и говорили:

— Нет, не похож!

— Это не харизма.

— У него голова полна вшей.

Сначала Иванова Семена привели в парикмахерскую.

Хотели было помыть и постричь, но от этой мысли пришлось отказаться. Оказалось проще и гигиеничнее побрить его, а уж потом отправить в баню.

К бане, привлеченные слухами, стали собираться господа гусларцы.

И когда наконец в дверях показались наши герои, уже основательная группа зевак встретила их шепотом и ропотом.

— Нет! — кричали люди. — Это не он!

Но не расходились, а ждали, что скажет Иванов Семен.

Конечно, лицо Иванова Семена по прозвищу Золушка отличалось от коллективного портрета, но все же основные черты его были сохранены. Высокий лоб с залысинами был отделен от водя-

нистых глаз жидкими бровушками. Нос был скорее утиным, нежели орлиным, подбородочек слабо очерчен, и общее выражение лица оказалось крайне печальным, даже удрученным. Весь он был стертый, неясный, ускользающий от критического взора.

Несмотря на критическое отношение к Золушке гусларских зрителей, Минц был доволен. Жизненный опыт подсказывал ему, что выбрано правильное направление и, возможно, происходит прорыв в политике.

На беседе с Золушкой в редакции присутствовали как лично Михаил Стендаль в очках и с бородкой, похожий на Чехова средних лет, так и провизор Савич от Союза правых сил и пенсионер Николай Ложкин, представлявший левые силы.

Сначала все сидели и молчали.

Потом небольшое слово произнес профессор Минц.

— Человечество, — сообщил он, — на уровне подсознания и очень редко с помощью разума выбирает себе политических кумиров. Меня давно интересовала проблема полного несовпадения вкусов народных масс и отдельного индивидуума. Отдельный индивидуум отлично понимает, что кумир его страны никак не соответствует общечеловеческим нормам красоты или поведения. Обратимся к историческим примерам. Тамерлан был хромым и некрасивым человеком небольшого роста, Иван Грозный — толстым бородатым уродом...

— Ну какие они кумиры! — возразил Миша Стендаль. — Они же по праву престолонаследия. Их бог дал.

— Не спеши! — воскликнул Минц. — Обратимся к кумирам, которые поднялись из грязи в князи. Неужели вы думаете, что в двадцатые годы в Германии не было красивых, умных и даже порядочных политиков? Но ведь поднялся Гитлер!

И тут впервые подал голос Иванов Семен.

— Порядочных политиков не бывает, — сказал он. — А то бы они в политики не полезли.

Эта фраза заставила всех поглядеть на Иванова Семена с некоторым удивлением. Никто не ожидал такой политически отточенной фразы от пасынка без прописки.

— Мы сейчас говорим о другом! — продолжал Минц. — Лучше вы мне объясните, почему усатенький заморыш, истерик, сухоручка...

— Это Сталин был сухоручкой, — пояснил Савич.

— Нашего вождя не трожь! — обиделся на него представитель левых сил пенсионер Ложкин. — У товарища Сталина руки были на месте. Он ими любую шею мог свернуть.

— Вот именно! — подхватил Минц. — Вот они, рудименты культа личности! А чем Сталин его привлекал?

— Я думаю, что такие, как Ложкин, — заметил Стендаль, — любили Сталина, как женщины в высказывании Пушкина — то есть ушами!

— Погодите-погодите! — вмешался в спор Удалов. — Но ведь мы смотрели на фотографию и думали — какой он некрасивый!

— А он и есть некрасивый, — заметил Ложкин.

— Независимо от позиции наших левых сил, — сказал Минц, — я полагаю, что моя точка зрения вам понятна. Общественное мнение, пропаганда и прочее работают на многих кандидатов в кумиры. А кумирами становятся единицы, и ничего в них, казалось бы, нет...

— А харизма? — спросил Золушка, который за последние два часа кое-чего наслышался и кое-чем проникся.

— А что такое харизма? — задумчиво произнес Стендаль. — Этого же никто так и не сформулировал.

— Как только мы найдем харизматическую личность... — начал было Минц, но Удалов перебил его:

— У нас каждый президент — харизматический. Даже действующий.

— Не спорю. Но теперь у нас появилась возможность поставить эксперимент. Если путь, избранный нами, правилен, то мы сможем сделать из Семена Эдуардовича фигуру всероссийского масштаба. Надеюсь, что сам Семен Эдуардович не возражает.

— Может быть, псевдоним взят? — спросил на это Золушка.

— Он уже согласен, — проворчал провизор Савич. Как представитель правых сил и демократ, он подозревал, что за харизмой всегда скрывается диктатор.

— Зачем вам псевдоним? — удивился Стендаль. — У вас же хорошая русская фамилия!

— Вот именно, — заметил бывший пасынок. — Но если мы обратимся к истории, понимаешь, что все себе выбирали псевдонимы погромче.

— Кто это — все? — спросил Удалов.

— Наши.

— Не понял?

— Ну, другие харизмы. Гитлер был Шикельгрубером, Сталин — Джугашвили, а Троцкий — Канцельсоном.

— Бронштейном, — поправил Иванова Минц. Эксперимент шел слишком хорошо. У Минца даже закололо под ложечкой.

Решили пока обойтись без псевдонима.

Золушку приглашали в дома. И Савич, и Ложкин.

Но остальная общественность сразу спохватилась. Потому что Минц и газета желали провести чистый эксперимент, а не отдавать Иванова Семена на откуп какой-то партии.

Иванов согласился, и даже согласился переночевать в кабинете редактора газеты на диване периода первых пятилеток, и попросил дать ему зеркало, чтобы привыкнуть к самому себе.

Мише Стендалю было неловко оставлять Иванова Семена на ночь в кабинете, но Иванов, который все более осваивался в своей роли, произнес с доброй улыбкой, широко раздвинувшей тонкие губы, отчего он еще более стал походить на лягушку:

— А мне надо о многом подумать. Так что ночь у меня пройдет с пользой.

Попрошались и покинули пасынка.

Как ни странно, мысли, владевшие гусярцами в ту ночь, были схожими.

Первая очередь мыслей овладевала по дороге домой: и какого черта мы ухлопали вечер? Неужели опять попались на удочку этому сумасшедшему изобретателю?

Так же, кстати, думал и профессор Минц. С одним отличием. Вместо «сумасшедшего изобретателя» в его мыслях фигурировал этот идиот Ложкин, который, впрочем, был ни при чем.

Вторая мысль была ответом на вопрос жены, дочери или любовницы:

— Где ты весь вечер шлялся?

— Встречались на политическом собрании с одним человеком.

Третья мысль приходила в три часа ночи, когда они просыпались и долго лежали в темноте, глядя на полную луну за окном и думая: и что мне сдалась эта лягушка? Не видел никогда противнее рожи... хотя в ней что-то есть.

И наличие чего-то еще более раздражало.

Утром, независимо друг от друга, все вчерашние собеседники встали пораньше, тихонько почистили зубы и поспешили к редакции «Гусярского знамени».

Но таинственность не помогла.

Город невелик, и шаги на рассветных мостовых разносятся по всей округе.

Уже на площади Землепроходцев пути их сошлись.

Некоторые улыбались и здоровались, а другие, как Ложкин, взявший с собой двух соратниц по движению и красный флаг, сделали вид, что никого не узнают.

Как вам известно, редакция выходит на узкую Советскую площадь, отороченную Гостиным двором и бывшим зданием горкома — горисполкома.

Перед горкомом стоит деревянная трибуна, покрашенная синей краской. На нее при коммунистах восходили отцы города и передовики, чтобы махать демонстрантам.

С тех пор трибуна пустовала. Иногда кто-нибудь организует санкционированный митинг, да никто на них у нас не ходит.

Но сейчас у трибуны стояли люди.

А с трибуны выступал харизматик, Золушка Иванов.

И он говорил:

— Хватит! Хватит нам топтаться на месте, совершенно не развивая экономику и топчась на месте. Нашему обществу, пережившему тяжелые времена развала Союза и предательства интересов, в частности, я должен обратить ваше внимание на порочное поведение моего так называемого отца Иванова Эдуарда, который с моими сводными братьями, не побоюсь этого слова — предателями интересов нашего Отечества и, возможно, лицами кавказской национальности, кормил меня только кроличьей тушенкой, от которой получается несварение желудка.

Небольшая толпа слушателей Иванова Семена глухо зашумела.

— Когда мы с вами пойдем к светлому будущему нашего города, не забывайте, кто стоял у нас на пути!

Харизматик поднял к небу кулак, и все его слушатели послушно подняли к небу кулаки.

— А пока попрошу вас вкладывать добровольные взносы на дело нашей партии. Членские билеты получите послезавтра!

Он щелкнул пальцами, и из-за его спины вышла хорошенькая девушка, которую Удалов отлично знал, потому что она торговала канарейками на городском рынке.

Хорошенькую девушку звали Тамаркой. Иванов Семен, обращаясь к толпе, заявил:

— Каждый, кто внесет десять рублей, получает звание рядового необученного. Водораздел лежит за пятью баксами. Это значит функционер-активист. За двадцать баксов принимаем в Центральный комитет.

— А что за партия? — крикнул из толпы Минц.

— Партия народного освобождения, Лев Христофорович, — ответил Иванов Семен. — Мы идем на выборы губернатора единым списком. Вас я приглашаю в консультанты бесплатно.

— То есть ты мне не будешь платить? — удивился Минц.

— Ни копейки с тебя, профессора, не возьму! Помогай, строй наше движение, рука об руку, полным ходом, поспешай, не болей!

— Я знаю, кто он, — тихо сказал Корнелий Иванович. — Он органчик.

— Из города Глупова? — спросил Грубин.

— Оттуда, брат, оттуда.

— А мы хотели еще кое о чем посоветоваться, — промямлил Минц.

— И не мечтай, Христофорович! Время советов безвозвратно кануло в Лету. Можно сказать, в зиму.

— В яму! — сказали хором его сводные братья, которые уже влезли за его спиной на трибуну.

Толпа, подросшая за последние минуты, дружно ахнула, умиляясь сообразительности и мудрости харизматика.

Удалов поежился. Он прожил долгую жизнь и многого навиделся.

— А интересно, — тихо произнес он, — все эти харизматики хотят порядка и дисциплины?

Ему не ответили.

Минц уже пошел обратно.

Савич шагал рядом и размышлял:

— Но ведь он не красивый, не милый, не обаятельный и, может, даже не очень умный. Почему же?

— Это и есть харизма, — ответил Минц.

— И что будем делать? — спросил Грубин.

— Ничего, — сказал Минц. — Мы его породили, не нам его убивать.

Когда они вошли во двор, сверху из окна свесилась Ксения Удалова.

— Мужики, — сообщила она, — по радио передавали, что Иванова Семена утвердили кандидатом в вологодскую Думу.

— Быстро, — вздохнул Грубин.

— Бери выше, — сказал жене Удалов. — Не сегодня-завтра быть ему губернатором. Стоит ему только в телевизоре появиться.

— Уже появлялся, — сказала Ксения. — Не произвел впечатления.

— Это только первая реакция, — сказал Минц. — Будет и вторая.

Вторая реакция случилась во время обеда. Ксения занесла половник над тарелкой мужа, замерла, пошлепала губами и произнесла:

— Кого-то он мне напоминает.

— Кого же? — заинтересовался Удалов.

— Или покойную тетю Симу... либо горностаю. Вот именно — горностаю!

Удалов горько улыбнулся. Любовь толпы принимает странные формы.

Ему-то самому, неподвластному влиянию харизмы, Иванов Семен представлялся, правда, чем-то похожим на полководца Суворова в деревенской ссылке, готовым сейчас же ринуться на Чертов мост...

«Чепуха мерещится», — оборвал себя Удалов.

Вечером они вышли во двор, уселись за стол для домино, но, конечно же, в домино не играли, а беседовали.

Понимали, что старая жизнь окончилась, а что сулит новая — догадаться было нелегко.

Над городом прошел вертолет без опознавательных знаков.

— Не время вертолетам летать, — сказал Грубин.

— Ох и не нравится мне это... — Удалов вскочил и кинулся прочь со двора. За ним побежал Миша Стендаль.

Бежать пришлось недалеко.

Вертолет опустился на площади Землепроходцев, рядом с бетонной ладьей.

Из него выпрыгивали омововцы в соответствующих чулках на головах.

За омововцами вышли трое в штатском.

Удалова такими демонстрациями не запугаешь.

— Добрый вечер, — сказал он вежливо, но строго. — По какому поводу несанкционированный митинг?

Противника следует ошеломить. Ведь если ты станешь о причинах рассуждать или возражать, они тебе врежут прикладом по заднице и даже в больницу не отнесут.

А грозный, хоть и бессмысленный, окрик действует.

Трое в штатском сразу почувствовали в Удалове родную душу и ответили нестройным хором:

— Имеем указание об изъятии гражданина Иванова Семена Эдуардовича.

— С какой целью? — рассердился товарищ Удалов.

— Обнаружились нарушения в регистрации в качестве кандидата.

— Ясно, — сказал хитроумный Удалов. — Выполняйте.

Но тут-то и наступила пауза. Чтобы выполнить, следовало найти.

— А где его избирательный штаб, не подскажете? — В голосе у захватчика звякнула неуверенность.

— А вреда не нанесете? — спросил Удалов.

— Владислав Борисович никому не приносит зла, — ответили штатские.

Все стало на свои места. Это были люди другого кандидата в губернаторы, богатого, но без харизмы.

Значит, зашевелились.

«А может, сдать им Иванова Семена? — подумал Удалов. — И жизнь у нас наступит нормальная, как прежде».

«Нет, так не пойдет, — ответил внутренний голос Удалова. — Мы же сами его нашли и мобилизовали. Он же не подозревал — а теперь заподозрил, а его увезут с неизвестными последствиями».

И неизвестно, чем бы окончилась внутренняя борьба в организации Удалова, если бы на том конце площади не послышалась музыка.

К ним направлялась процессия странного свойства.

Впереди шагал пасынок Иванов.

По сторонам шли братья и отец, лица их светились родственной любовью. Затем шагали десятки женщин, большей частью молодых и привлекательных. Они пели и смеялись, как дети.

Увидев издали вертолет и омововцев возле него, Иванов Семен тут же изменил направление движения и направился к незваным гостям. Те стояли в недоумении, разглядывая Иванова, но еще не догадываясь, кого они видят.

Суть настоящего харизматика заключается в том, что он очевиден далеко не сразу. Вы должны невзлюбить его, потом приглядеться к нему, послушать его, и только потом у вас на сердце взывает радость от встречи с избранником.

— Вы за мной? — спросил он, раздвинув в улыбке тонкие губы.

— Проходи, — рявкнул начальник омововцев.

Но их штатский руководитель остановил коллегу.

— Погоди, погоди, — сказал он, приглядываясь к невыразительному лицу Иванова Семена. — Вы, гражданин, не намеревались баллотироваться на губернаторский пост?

— Я тебе скажу по секрету, — ответил пасынок, — я намереваюсь в президенты избираться. Такая у меня благоприятная аура.

Из толпы женщин выделилась толстая красавица восточного вида.

— Миленок ты мой, голубчик, — запела она в лицо штатскому. — Как сказал Нострадамус, быть Семену свет Эдуардычу президентом нашей Родины! У него харизма выросла до ушей!

Тут поднялся всеобщий хохот, девушки начали сестриться и брататься с омововцами, а штатские переглянулись, и Удалов услышал такой разговор:

— Ну как, Сидоров?

— А ты как, Петровский?

— А тоже остаюсь, Семеняка!

Они перекинулись такими словами и подозвали к себе начальника омововцев, пошептали ему что-то, и он ответил вслух:

— Я и сам хотел остаться с Ивановым Семеном. Ему нужна защита.

И он как в воду глядел.

В то же мгновение на площадь ворвались четыре тачанки, в них сидели у пулеметов парни в комиссарских шлемах-буденновках.

На середине площади тачанки развернулись, и буденновки приникли к пулеметам.

Но все впустую.

Омоновцы от бедра выпустили по тачанкам несколько гранат.

Когда дым рассеялся, подошедший Грубин спросил Удалова:

— А кто они были?

— Подозреваю... — начал было Удалов, но штатский поднялся, отряхивая пыль с брюк.

— Не надо подозревать. Я их лидера в лицо узнал. Областная ячейка партии России для русских. Им только что сообщили, что рейтинг их лидера уже пошел вниз и уступает двадцать пунктов рейтингу Иванова. Неудивительно, что решено было убрать конкурента.

— А в области тоже решили?

— И в области решили. Ждите десант из Москвы. У вас бомбоубежище есть?

— Подземный гараж горсовета.

— Сойдет. Бежим туда.

Но Иванов Семен бежать не желал. И его дамы бежать не желали. Он уже уверовал в свою харизму.

Пришлось вождя унести в подземный гараж и держать его там до рассвета, пока не кончились игольчатые, точечные и квадратно-кустовые бомбежки города.

Сначала шли самолеты из Москвы, к полуночи разорвались две бомбы из США — там уже тоже прочли результаты опросов.

Перекрытия шатались, но выдержали. Добровольцы приносили в гараж выпивку, пищу и сигареты.

На рассвете все замолкло.

Иванов Семен поднялся на площадь. Добровольцы, а их число за ночь в Великом Гусляре превысило три тысячи, уже восстановили трибуну. На трибуну и поднялся Иванов, чтобы принимать делегации из разных городов. Харизма его так окрепла, что Иванов забыл о страхе, а от пришедших на помощь танков на площади было тесно.

Делегации и отдельные люди с подарками шли вереницей.

Люди замирали, широко распахнув глаза.

Впитывая в себя образ будущего властителя Вселенной.

На площадь въехал автобус, из которого, держась за руки, цепочкой полезли слепцы.

— Это трогательно, — сказал в микрофон Золушка.

— Стой! — закричал Минц, увидев, что харизматик двинулся к первому слепцу.

Слепцы громко спрашивали:

— Где этот человек? Покажите нам этого человека!

— Семен! — призывал Минц. — Спрячься!

— Почему?

— Потому что слепцы не видят, кто харизматик, а кто просто так! Их подослали!

Но поздно!

Первый слепец уже поднял пистолет. Он не дрогнул.

Но прежде чем пуля успела достичь сердца Золушки, с неба спустилась длинная металлическая рука.

В мгновение ока Иванов Семен взлетел к редким перистым облакам.

А ошарашенные гусярцы, включая слепцов-террористов и омоновцев, услышали потусторонний голос:

— Такой человек нужен в Галактическом Центре! Вы еще не доросли до него, земляне! Земляне... земляне...

Минц с Удаловым пошли домой.

— Может, нам повезло? — спросил Удалов.

— Ну почему — повезло? Мы с тобой сделали великое открытие. Его, боюсь, не повторить.

— И отлично!

— Почему?

— А эти самые... харизматики, они обязательно войну начинают. А так хочется мира!

ОБЫСК

Нас окружают тайны.

Нам хочется от них избавиться.

Для этого существуют специальные категории людей.

Например, сыщики пытаются понять, кто убил бабушку и кому она мешала своим храпом. Доктор допытывается, чем болен пациент и почему он помирает вовсе не от того, от чего лечился. Некоторые ученые ищут ключи к тайнам мироздания, молекуле ДНК или почерку автора «Слова о полку Игореве».

Не только детективы, но и научно-популярная литература посвящена разгадке тайн. В победе над тайной заключается исторический оптимизм и урок для преступников.

В жизни тайны раскрываются куда реже, чем наоборот.

Вы когда-нибудь видели доказательство теоремы Ферма? Вы знаете, кем был Джек-потрошитель, который убил нескольких уличных женщин в Лондоне в конце XIX века? Простите, а кто разгадал тайну Атлантиды? Кто прочел письма этрусков?

Наконец, отыскал ли кто-то смысл жизни?

И загадку нашего посмертного существования?

Не знаете? Я тоже не знаю.

Как повезло Шерлоку Холмсу! Рядом с ним под именем Ватсона находился английский писатель Конан Дойл, который постоянно нуждался в деньгах на любовниц и карты. Любой провал Холмса в его рассказах обретал форму великого достижения. На этих обманах выросла ложная репутация Холмса и наше убеждение в том, что он — великий сыщик.

Ничего подобного.

В наши дни также происходят загадочные явления. Природа и человек бросают нам вызовы.

Например, вы слышали, что случилось в прошлом году в городе Великий Гусляр?

Событие было спланировано и тщательно подготовлено.

Иначе как объяснить объявление по местному радио, которое передавалось тридцать первого декабря, под Новый год, Новый век и Новый миллениум, простите за латынь.

Объявление звучало примерно так:

«Дорогие гусярцы и гости нашего города! Приглашаем вас сегодня, в новогоднюю ночь, посетить удивительное, сказочное событие, волшебство на площади Землепроходцев. Вы не пожалеете, если в час ночи оставите на полчаса праздничный стол и, тепло одевшись, выйдете на улицу, где вспыхивают ракеты и горят шутихи. Подарки и бесплатное пиво гарантированы. Не забудьте захватить детей, для них особые подарки. Оргкомитет».

Возможно, были и другие варианты объявления, но в большинстве своем гусярцы услышали именно приглашение на площадь и, главное, на раздачу подарков.

Сколько раз твердили нашему миру, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но все равно мы стоим под деревом и ждем, когда эта дура-ворона разинет свою пасть.

А она уже сжевала жалкий кусочек сыра.

Если кто из жителей города не слышал объявления, соседи и родственники обязательно подсказывали. Казалось бы, услышал про подарки, молчи, рта не раскрывай, жди новогодней ночи. Чем меньше народа на площадь придет, тем больше тебе достанется.

Но не таковы жители Великого Гусляра.

Пускай, думал каждый, мне достанется только половина подарка и полкружки пива, но соседа Удалова я обязательно позову. Пойдем вместе, вместе веселее.

Такой народ живет в нашем городе.

Погода стояла приятная, даже лучше обычной. Без особой оттепели, морозец как по Гоголю, снег по колено, кроме как на центральных улицах, где с утра прибрали.

А ночью высыпали на небо звезды и месяц — только и смотри, не полетит ли черт этот месяц украсть.

Сказал добрые обещающие слова товарищ президент, сыграли привычный старшему поколению советский гимн, помахали флагом перед Спасской башней, и с боем часов жители Великого Гусляра подняли бокалы и стали друг дружку поздравлять с удивительным праздником, миллениумом. Сколько лет фантасты писали о третьем тысячелетии. Где теперь эти фантасты? А миллениум наступает тяжелой ногой времен и твердит нам: все уже померли, а мы еще живы!

Ура!

Начали есть, выпивать, разговаривать, шуметь, но во всех домах поглядывали на часы.

Многие не могли дождаться, когда же наступит час ночи.

Некоторые спешили съесть все пораньше, а другие, наоборот, тянули время, полагая, что самый главный пир развернется после получасового перерыва.

И вот ровно в час во всех домах погас свет.

На секунду.

Загорелся и снова погас.

Само собой включилось радио и сказало сладким голосом:

— Скорее, не будем тратить времени даром! Нас ждут на площади!

Телевизоры, которые показывали «голубые огоньки» по числу программ, на секунду погасли, и тут же на экранах появилось лицо пожилой дикторши Леонтьевой.

— С Новым годом, малыши! — сказала она. — Побежали на улицу, в снежки играть, подарки получать.

Этого гусярцы не выдержали.

И принялись одеваться. А некоторые брали с собой сумки.

Выйдя на улицу, на легкий трескучий морозец, под звездное небо, по которому изредка проплывали небольшие, подсвеченные луной облака, гусярцы слышали отдаленную музыку и как будто звуки хорового пения. Ноги сами несли их на площадь, по мере приближения к которой все громче слышались голоса и смех.

Люди спешили, чтобы им хватило подарков, дети бежали впереди, потому что ими владело нетерпение.

И вот широкий простор площади, ограниченной торговыми рядами и украшенной памятником землепроходцам, некогда удивившим отсюда на покорение Сибири и Аляски...

Всех без исключения, кто вступал на площадь — от малых детей до профессора Минца и руководителей городской администрации, охватывало чувство причастности к общему празднику и

общей сладостной судьбы. Возникало желание веселиться долго и обязательно в коллективе.

Все население города, от младенцев до стариков, еще час назад немощных, а сейчас готовых отбросить палки и костыли, выскочить из инвалидных колясок и пуститься в пляс, скопилось на площади, просторной, но в обычное время, конечно же, недостаточной для такого количества народа. Но никто не толкался и не страдал от тесноты, всем хватило места.

Более того, кто-то успел за первый час нового тысячелетия украсить площадь павильонами и эстрадами, расставить по ней высокие новогодние елки, увешанные гирляндами цветных лампочек, даже водрузить колеса обозрения, комнаты смеха, зверинцы и небольшой музей восковых фигур, интересный тем, что, помимо изображений бывшего президента Ельцина, обезглавленной Марии Стюарт, Ивана Грозного, убивающего своего сына, космонавта Гагарина, там стояли также жители Великого Гусляра, и даже дети, узнав их, весело кричали:

— Мама, мама, смотри, Удалов стоит! Я про него в книжке читал.

— А это старик Ложкин, только он не старик.

— Мама, а как этого лысого зовут? Ну вот этого, который рядом с Кошечем Бессмертным?

— Это профессор Минц, — отвечала мама и невольно краснела, потому что Лев Христофорович, сопровождаемый Авдюшечкой, как раз в этот момент проходил рядом и остановился, не менее детей пораженный сходством себя и восковой фигуры.

На эстраде совместно танцевали Алла Пугачева и Плисецкая, кому кто нравится, а фокусник Дэвид Копперфилд, загримированный под Чарльза Диккенса, доставал из цилиндра живых кроликов, но не прятал их куда-то за кулисы, как делают его собратья, а кидал в толпу, чтобы каждый мог взять кролика себе, ощипать и поджарить.

Кролики не давались в руки и прыгали в толпе, что придавало празднику дополнительную суматоху и крикливость.

Желающие могли встать в любую очередь — кто за продуктовым набором, кто за конфетами или даже детскими игрушками, но для детей Дед Мороз раздавал подарки отдельно, и не надо было стоять в очереди, так как дедушка ловко кидал мешки с подарками подходящим к нему детям и никому ни разу не попал по голове.

Для молодежи был выделен участок площади под танцы, и молодежь этой возможностью громко пользовалась. А старики могли порадоваться передвижной аптеке и концерту, который давало привидение Клавдии Шульженко.

Час или два пролетели незаметно.

Усталые, но довольные гусярцы расходились по домам, неся пакеты с подарками и волооча за уши кроликов.

За их спиной гасли огни ярмарки.

Артисты собирали инструменты, Алла Пугачева стирала грим, а Дэвид Копперфилд пересчитывал цилиндры и ворчал, что опять у него что-то украли.

После сияния площади улицы Гусляра казались слабо освещенными, темными и плохо расчищенными от снега.

Да и фонарей было даже меньше, чем обычно.

— Все познается в сравнении, — заметил Лев Христофорович Удалову, когда они свернули к себе на Пушкинскую.

— Странно, — начал было Удалов, но фраза осталась незавершенной, потому что он громко взвыл, провалившись ногой в яму и вытянувшись во весь рост.

— Ты куда? — спросил Минц.

— Здесь не было ямы! — ответил Удалов, когда друг помог ему встать.

Наблюдательный Минц согласился с Удаловым. Этой ямы не было час назад — они ведь шли по улице на площадь...

— Смотри-ка, — сказал старик Ложкин, догнавший соседей. — Яму выкопали. Кто это сделал?

Яма была небольшой, но свежей. Еще одна, тоже недавно выкопанная, была видна у края дороги.

— Как будто животное завелось, — сказал Ложкин. — Крупного размера.

— Это динозавр! — воскликнул Максимка-младший, внук Удалова. — Пока мы за подарками ходили, на нас динозавры напали.

Такая перспектива ему понравилась. У Максимки были счеты с некоторыми учителями, и он надеялся, что динозавры расправятся с ними в первую очередь. Хотя почему бы динозаврам бросаться именно на учителей, он не знал.

Дальше фонарей не было. Они не перегорели, а были разбиты. Осколки стекла поблескивали под луной, один из столбов упал, другой пошатнулся и торчал под острым углом.

Удалов ускорил шаги.

— А мы не слышали, — сказал он.

— Громче музыка играла, — заметил Ложкин. Он остановился, чтобы подождать жену. Жена взяла побольше подарков, и тащить их было тяжело, вот и отставала.

Они вошли во двор. Благо недалеко от площади. Самое удивительное — увидеть стол для домино, выкорчеванный подобно старому дубу о четырех стволах. Под ним земля была разворочена. Там искали. Когда? Кто?

— Искали, пока нас не было, — сказал Минц, и все с ним согласились. — И я во всем виноват. Я не имел права не предупредить вас, сограждане, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И я не удивлюсь, что подарки, полученные вами на площади, с наступлением утра развеются как дым.

Ложкин, услышав эти слова, воскликнул:

— Нет, только не это!

И потащил жену с подарками к себе, на второй этаж.

— Кстати, — спросил сам себя Корнелий Иванович, — а кто финансировал мероприятие?

— Никто не сознается, — сказал Минц. — К тому же я давно хотел заметить, что мой восковой портрет является не более как злобной карикатурой.

— А мне показалось — похоже, — засмеялся Грубин и пошел к себе.

И почти тут же окно в его комнате на первом этаже распахнулось, и Грубин, высунувшись во двор, закричал:

— Они за это ответят!

Крик его стал понятен каждому, кто вошел в свою квартиру.

Все, буквально все было перевернуто вверх дном: посуда частично перебита, мебель частично переломана, одеяла и подушки валялись на полу, их животы были изрезаны, и пух медленно кружил по комнатам.

В кабинете Минца взломщики устроили побоище. Трудно поверить, на сколько частей, клочьев и обломков были разорваны, разбиты, расколоты, раздавлены приборы, сосуды, банки с химикалиями и ценными биологическими отварами.

Но Минц не рыдал и не звал на помощь.

Он принял случившееся за печальную аксиому: кто-то желал покопаться в вещах всех жителей города Великий Гусляр.

Даже американцам такое не по их синтетическим зубам. Впрочем, за последние двести лет в Гусляре не было ни единой американской дивизии, если не считать шотландского стрелкового батальона, посланного в 1918 году из Архангельска генералом Айронсайдом (Железный Бок) в Вологду для реквизиции велосипедов и закупки каргопольских глиняных игрушек. Но это особая историческая тайна, о ней я расскажу как-нибудь особо.

Может быть, это плачевная затея какого-то олигарха? Они ведь известны своими безобразиями. Беда, правда, в том, что в Великом Гусляре пока еще нет ни одного олигарха, даже приезжего.

Минц опустился на колени и стал сквозь лупу рассматривать осколки приборов, в надежде обнаружить на них отпечатки пальцев или иные следы преступников.

А вдруг это были пришельцы?..

— ...А вдруг это были пришельцы? — спросила Авдюшечка, внучатая племянница Минца, приехавшая в Гусляр на зимние каникулы из Кинешмы, где она проживает со своей тетушкой.

Авдюшечка ходила пускать ракеты на музейный спуск и потому припозднилась.

Так как Лев Христофорович находился на полу, он поглядел на родственницу снизу и спросил:

— Что за дикие подошвы ты носишь? Девять сантиметров!

— Обычные прикольные бутсы, — ответила девица. — Ты знаешь, что теперь только ленивый так не носит.

Минц сдался. Он умел сражаться с двадцатью научными оппонентами зараз. Он мог отстаивать свою точку зрения в кабинете министра или даже бывшего секретаря обкома, но с Авдюшечкой он терялся. И сейчас, не в силах скрыть раздражения, старый ученый воскликнул:

— Какого черта они тебя Авдотьей называли? Что, человеческого имени не было?

— Дед, что ты сечешь в социальной мимикрии? — ответила Авдюшечка и закурила сигару. — Интеллигенция, чувствуя свою социальную неполноценность и стараясь примазаться к трудовому народу, принялась называть младенцев сермяжными именами. Ты знаешь, в нашей тусовке уже есть два Пантелеймона, Тимофей Натанович, твоя верная слуга Авдотья Владиленовна и, что меня, дед, поражает, Акакий!

— Его папаша проходил в школе Гоголя, — ответил Минц, поднимаясь с пола. — Это единственное имя, которое он запомнил из школьной программы. Кстати, как тебе показался наш городок в новогоднюю ночь?

— Славный городишко, — ответила Авдюшка и пошла к зеркалу приводить в беспорядок подкрашенный желтым размашистый гребень на хорошенькой головке. — А что за проблемы, дед?

— Тебя ничего сейчас не удивило?

— Не.

— Совсем не удивило?

— Ну что ты вяжешься, старик! У меня в ухе рэп был воткнул. Я ничего не видала.

Эта логика сразила Минца.

Он лишь спросил:

— А в доме ничего странного?

— Надо будет завтра подмести, запустила я твою квартирку, дед.

— А тебе не кажется, что в доме и во всем городе кто-то провел тщательный и беспощадный обыск?

Авдюшка задумалась.

— А что, не исключено, — сказала девица. — Бардак царит страшный, больше, чем обычно.

Наконец-то она сконцентрировала внимание настолько, что присмотрелась к разгрому в кабинете дедушки.

— Впрочем, — добавила она, — если бы ты когда-нибудь у нас побывал, то буквально бы озверел. Моя тетка весь месяц сгребает пыль и сор в угол, а первого числа выметает, сечешь?

— Странно, я видел твою тетушку сорок лет назад, в ее детстве, и она производила впечатление аккуратного ребенка.

— Люди меняются, — сказала склонная к философии Авдюшка.

— Как ты думаешь, кто бы это мог сделать? — спросил Минц у внучатой племянницы.

— А мы их видали, — ответила девушка.

— Как так видали?! — Минц был потрясен.

— Мы дворами шли, а они навстречу, — сказала Авдюшка.

— Кто они?

— Они нас увидели, погрозили нам мелким стрелковым оружием и пропустили.

— А вы?

— А мы обхохотались! Мужики здоровые...

— Но кто они были?

Авдюшка задумалась.

— Мы их всерьез не приняли, — сказала она наконец. — Пижоны как пижоны. У нас такие в Кинешме в райотделе работают.

— В каком райотделе?

Авдюшка сделала большие глаза и прошептала:

— Чекисты! Неужели тебе объяснять надо?

— Ты хочешь сказать, что это они перевернули весь наш город?

— А кому еще это нужно? — удивилась Авдюшка. — Может, у них практика на природе?

— И куда они пошли? — Минц выпрямился. Справедливое возмущение этой карательной организацией, которая и сегодня не устает вмешиваться в дела простых гусярских тружеников, овладело им. — Я должен их допросить.

— Ну и дела! — ахнула девушка. — Да тебя, дедуля, они сами допросят. Это их специальность.

— А вот мы посмотрим!

Минц схватил в углу половую щетку и принялся стучать ее ручкой в потолок, вызывая Корнелия Удалова. Уже десятки, а то и сотни раз в своей жизни Корнелий Иванович спускался к Минцу по такому зову.

— А ты, ребенок, — сказал Минц, — идешь с нами и показываешь, где они укрылись.

— Может, не стоит, дедуля? — сказала Авдюшка. — Ты подумай, во всей стране Новый год, люди прыгают и танцуют, водку принимают, а ты будешь чекистов гонять. Знаешь, что они сделали с Паулем Валленбергом?

— Я им не шведский гуманист, понимаешь! — совсем другим, властным, решительным голосом заговорил профессор. — Я здесь родился и вырос во дворе и в коммуналке. Я у них добыюсь правды!

Спустился Удалов. Он был расстроен и несобран.

— Ты чего? — спросил он. — А я уже ко сну начал отходить.

— И не мечтай! — оборвал его Минц.

— Что случилось?

— Много случилось. В том числе в истории человечества и нашей личной истории. Авдюшка с друзьями их видела.

— Кого?

— Разбойников, которые перевернули вверх дном наш тихий городок.

— И где они?

— Отступают огородами в сторону реки. Там и будем их брать.

— Народ поднимать? — спросил Удалов. Он был человеком конкретного действия и быстрых решений, отчего не раз бывал бит (в переносном смысле).

— Нет, — ответил Минц. — Идем в разведку. — Он обернулся к Авдюшке: — У тебя есть верные тинейджеры?

— Они все верные.

— В случае чего сможешь поднять?

— Даже на байках.

— Добро, — сказал Минц.

— Какие еще байки? — спросил Удалов.

— Мотоциклы с приамбасами, — ответил Минц.

— Тогда пошли, — сказал Удалов. — Куда?

— Я покажу, — сказала Авдюшка.

Они шли по разоренному опрокинутому городу. Среди мусора встречались растерянные, подавленные гусярцы, из домов доносились скорбные крики.

— Вообще-то дело безнадежное, — говорила по пути Авдюшка. — Пришьют они нас. Но я с тобой, дедуля, иду, потому что в твоих действиях есть справедливость. Хватит делать из нас безмолвных скотов! Хоть погибну со смыслом.

— Ну это ты перестань, — возразил Удалов. — Мы женщинами и детьми в бою не прикрываемся. Останешься в тылу.

Но сделать этого они не успели, потому что у замерзшей реки, под обрывом, где дном катаются на санках самые смелые из го-

родских детей, они увидели колонну боевых машин пехоты и защитного цвета джипы командования. Колонна готовилась к отходу.

— Вот они где, голубчики, — сказал Удалов. — Как же мы их раньше не заметили?

— Не заметили, потому что мы этого не желали, — слышался голос за спиной Удалова. — Попрошу предъявить документы.

— Хорошо, блин! — произнесла с вызовом Авдюшка. — Мы по своему городу документов не берем.

— А с тобой никто не разговаривает! — прикрикнул на нее солидный мужчина в штатском, которое сидело на нем как военное.

— Ребенка не трожь, — сказал Удалов. — Ребенок ни при чем.

— Как так ни при чем! — обиделась Авдюшка. — А унижение? А то, что мой си-ди-плеер разломали?

— Спокойно. Соблюдать тишину и порядок, — произнес военный мужчина в штатском. — Попрошу не привлекать к нам излишнего внимания.

— Вот именно в этом и состоит наша цель, — возразил Минц. — Привлечь и разоблачить.

— Нельзя!

— Можно!

— Мы вас уничтожим! Разве не видите, на какую силу вы пытаетесь поднять свои лапки?

— Но зачем? — не выдержал Удалов. — Зачем вы это сделали?

— Ради справедливости и всеобщего согласия.

Тут военный мужчина в штатском вытащил из внутреннего кармана запечатленную в пластике коричневую книжечку с гербом СССР.

— Вам ясно? — спросил он.

Минц принялся открывать книжечку, но пластик был заварен прочно, без кинжала книжечку не раскрыть.

— Вы не прошли проверки на секретность, — мягко остановил Минца военный в штатском. — Так что не ломайте ногти, стараясь раскрыть государственную тайну. Разрешите представиться: генерал-майор ФАПСИ Перепелица Максим Янович.

— ФАПСИ?

— А нас как ни называй, только в печку не суй! — засмеялся генерал.

Машины внизу прогревали моторы. Над городом взлетела одинокая ракета.

— Это не к нам, — сказал генерал. — Это дети шутят.

— Так чего искали? — спросил Удалов.

— Если бы все так просто, заранее объявили бы в газете и купили. А то пришлось видишь какую операцию проводить!

— И безрезультатно? — спросила Авдюшка.

— А ты, существо немытое, заткнись, — мягко попросил генерал.

— Ах, как грубо, — сказала девушка.

— Он расстроен, — заметил Минц. — Не обижайся на него. Сотрудники органов не любят терпеть поражений. И все же меня смущает, почему они даже сейчас охраняют тайну?

— А может, и нет тайны? — сказала Авдюшка. — Деньги получили на операцию, устроили третью чеченскую войну, а теперь надо отчитываться.

— Ах, перестаньте! — возмутился генерал Перепелица. — Все куда сложнее... и проще.

Он щелкнул пальцами, и за его спиной из снежной пыли материализовался адъютант в форме с открытой папкой в руках.

— Придется вам расписаться, — сказал генерал. — Подходите по очереди.

И он сказал это так, что все прониклись важностью момента. Даже циничная Авдюшка поставила свою каракулю внизу листа — обязательства о неразглашении.

— А теперь, — сказал генерал, отослав адъютанта, — вы знаете, что, если проговоритесь, будете отвечать по всей строгости закона.

— Мы-то расписались, — сказал Удалов, — да вот вашей тайны не слышали.

— Как вы знаете, — начал генерал Перепелица, приставив ладонь к козырьку штатской фуражки и глядя в снежную крутоверть, скрывающую от глаз колонну чекистских машин, которая уже двинулась по берегу. — Как вы знаете, для нашего общества главное сегодня — согласие, память о славном прошлом, чистота нравов. Россия должна стать единым дружным коллективом. Так что сегодня становятся очень опасными попытки наших недругов внести раскол и опорочить. Вы меня понимаете?

— Пока нет, — сказал Минц.

— Я и не надеялся, — заметил генерал. — Потому что действительность превосходит самые невероятные предвкушения фантастов. Но я могу дать вам слово офицера и чекиста в том, что в город Великий Гусляр проникла кассета, на которой изображен человек, похожий на нашего президента, в обнаженном виде, находящийся в интимной связи с двумя девицами непристойного поведения, которые обучались до ареста в речном техникуме города Великий Гусляр, но успели кассету спрятать. И если мы не сумеем изъять эту клеветническую кассету в течение этой ночи, то мы можем лишиться кредитов Международного валютного фонда. Подумайте, как разумный человек, заслуживает ли государство

получить миллиардные кредиты, если человек, похожий на его президента, попал в такой переплет?

— Вы не шутите? — спросил Минц.

— Он не шутит, — пискнула замерзшая Авдюшка. — Я отсюда вижу!

Она показала рукой вниз, к реке.

В конце колонны боевых машин пехоты двигался открытый «КамАЗ», в котором, как песок, были навалены видеокассеты.

— Да, — признался генерал Перепелица. — Это мы изъяли. И до утра, когда наш министр будет докладывать президенту, среди этих кассет мы должны найти нужную. Как иголку в куче елок...

Авдюшка отошла на несколько шагов назад.

— Внимание! — сказала она. — Улыбаемся!

Ослепительно блеснула вспышка.

— Ты с ума сошла! — рассердился генерал Перепелица. — Я же при исполнении! Я же фигура секретная! Ты же подписку о неразглашении давала!

Генерал кинулся за Авдюшкой. Его адъютант, выскочивший неизвестно откуда, тоже кинулся за Авдюшкой...

И вдруг закричал петух.

— Скорее! — воскликнул генерал, забыв об Авдюшке.

Сопровождаемый адъютантом, он стремглав кинулся вниз, к колонне.

Грозно, но негромко урчали моторы.

Набирая скорость, колонна из органов ринулась вдоль берега и исчезла в снежной круговерти.

Остальные пошли домой.

...Под слоем снега город стал не таким страшным и растерзанным. В домах тушили свет и отходили ко сну.

Новогодние торжества прошли неудачно. Но по крайней мере они остались в прошлом.

— Ты ему поверил? — спросил Удалов.

— По крайней мере переживал он искренне, — сказал Минц. — Но как-то не похоже это на нашего президента.

— Может, они что-то другое искали? — спросил Удалов.

— Другое, — подтвердила Авдюшка.

— А ты тоже хороша, — сделал ей выговор Лев Христофорович. — Разве можно без предупреждения генералов госбезопасности фотографировать?! Твое счастье, что ему было пора уезжать, а ты бы тебе досталось!

— Может быть, — согласилась Авдюшка.

Некоторое время они шли молча, каждый думал о своем.

На подходе к дому Авдюшечка неожиданно спросила:

— А хотите узнать, чего они на самом деле искали?

— Ты знала и молчала? — грозно спросил ее двоюродный дедушка.

— Я не была уверена.

— А теперь?

— А теперь почти уверена.

Они вошли в дом, разделись.

Авдюшка велела потушить в комнате свет и направила луч из своей странного вида фотокамеры на белую стену.

— Глядите внимательно, — сказала она.

Это была групповая фотография.

Справа стоял профессор Минц. Слева — Корнелий Иванович Удалов.

Посередине — черт знает кто в штатском костюме. Костюм сидел на нем как военный мундир.

Рожа его лица была нечеловеческая, цвет кожи темно-зеленый в изморозь, глаз несколько и все разных цветов.

— Та-а-ак, — произнес профессор. — Вот, значит, какая у нас теперь госбезопасность.

— Инопланетянин! — ахнул Удалов.

— Вот именно, — сказала Авдюшечка.

— Но как ты увидела, а мы не увидели?

— Проще простого. — Авдюшка указала на фотокамеру обычного вида, лежавшую на столе между початой бутылкой шампанского, миской с салатом и разбитым микроскопом. — Это не фотокамера, а то, за чем они гонялись. Почитайте, главная ценность во Вселенной.

— Но что же это? — Минц был искренне встревожен.

Авдюшка заговорила серьезно, такой ее профессор еще никогда не видал. Не беспутная девчонка, а взрослый человек.

— Что нужнее всего для любой службы безопасности, для любого правоохранительного органа? Нужнее всего знать истинное лицо оппонента. Если бы появился аппарат, который позволяет разглядеть истинное лицо любого существа под скрывающей его личиной, который может сорвать маски, несмотря на совершеннейшие системы маскировки? Тогда бы межпланетный шпионаж и космические диверсии сошли бы на нет. И вот такой аппарат был изобретен. Не будем уточнять где, но изобретен. И когда об этом стало известно различным спецслужбам, они просто взбесились в соревновании: кто первый его раздобудет. Наконец одной из могущественнейших служб удалось узнать — аппарат спрятан свободолобивыми силами в Великом Гусляре, на Земле. И тогда они организовали экспедицию по обыску Великого Гусляра, не

считаясь с жертвами и расходами. Но нам удалось их перехитрить...

— Авдотьюшка... — простонал Минц. — Ты настоящая?

— Как тебе сказать... — улыбнулась девушка.

Тогда Удалов ловким движением схватил со стола камеру и навел ее на улыбающуюся Авдотьюшку.

Вспышка!

— Ах! — сказала Авдотьюшка.

Удалов направил луч из камеры на стену.

В одежде и башмаках Авдотьюшки стояло существо приятного розового, но абсолютно нечеловеческого облика с одним лучащимся глазом на лбу.

— Ах, зачем вам нужно было это делать! — вздохнуло существо. — Только дедушку расстраиваете.

— А где Авдотья?! — взревел Минц. — Где моя внучатая племянница?

— Не беспокойся, дедуля! Авдюшка отдыхает на Кипре за счет нашей свободолюбивой планеты. И как только я покину вас, она займет мое место.

— Когда? — Минц старался перекричать треск мотоцикла.

— А вот этого вы никогда не узнаете. — Авдюшка рассмеялась хрустальным смехом. — Мы с ней так похожи!

— Эй, Авдо! — послышалось под окном. — Давай мотай к нам!

— Я побежала! — сказала Авдюшка. — Меня ребята ждут!

— Стой! — крикнул ей вслед Удалов. — А как же президент?

— Что?

— Как же человек, похожий на президента? С двумя студентами из речного?

— Ах, как вы наивны, — крикнула Авдюшка. — Он же любит свою жену! А генерал Перепелица в самом-то деле бригадир Пулю-бах!

Хлопнула дверь.

И через минуту под окном взревел мотоцикл. Новогодняя ночь продолжалась.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Когда собрание пенсионеров, посвященное плачевной судьбе северных рек, и реки Гусь в частности, закончилось, Удалов одним из первых вышел на улицу и замер, глубоко вдыхая морозный воздух, чтобы очистить легкие от табачной скверны. Удалов сам не курил, но, когда дымили вокруг, отравлялся не хуже курильщиков.

Постояв минут пять и попрощавшись со знакомыми, что вышли следом, Удалов не спеша побрел к дому, любуясь блеском чистого молодого снега, четкостью зимних красок и ощущая щеками благодать декабрьского морозца. Удалову стало грустно, потому что человек предназначен ежедневно наслаждаться природой, которая дарит столько чувств и картин, а ведь в сутолоке жизни ты этой природы не замечаешь, торопишь, гонишь месяц за месяцем, квартал за кварталом, словно впереди вечность. А впереди лишь пенсия за декабрь. Сказал же японский поэт:

Как жизнь несется!

Завтра уж четверг.

— Корнелий Иванович, — послышался сзади ласковый голос.

Удалов резко обернулся, недовольный вмешательством в мир его личных мыслей.

Его догнали мужчина в дубленке и шляпе и женщина в дубленке и без головного убора. Лица у них были приятные, но какие-то стертые, как у агентов внешнего наблюдения.

— Я вас слушаю, — сухо произнес Удалов.

— Уделите нам три минуты, — сказал мужчина, а женщина улыбнулась, но ее большие карие глаза остались печальными.

Удалов посмотрел на часы.

— Может, присядем? — предложил мужчина, указывая на пустую скамеечку у церкви Параскевы Пятницы.

Скамейка была очищена от снега.

— Корнелий Иванович, — сказал мужчина, когда они уселись, — разрешите обратиться к вам с необычной просьбой почти детективного свойства.

— Ошиблись адресом! — отрезал Удалов, глядя на женщину. Ее высокая изысканная прическа, как у королевы Марии-Антуанетты, кончившей жизнь под ножом гильотины, не гармонировала с простым, грустным обликом.

— Это парик, — усмехнулась женщина, угадав мысли Удалова. — Не обращайтесь к нам с необычной просьбой почти детективного свойства.

— Не буду, — пообещал Удалов. — Ну ладно, что у вас, граждане?

События последних лет поставили Удалова, как и многих иных немолодых жителей Великого Гусляра, в сложное положение. Обращение к посторонним со словом «товарищ» указывало на твой леворадикальный консерватизм, слово «господин» далеко не всем нравилось, южане смело именовали всех «мужчинами» и «женщинами»... Удалов предпочитал нейтральное — «гражданин».

— Мы родом не с Земли, — сказал мужчина.

— Пришельцы из космоса?

— Вы очень прозорливый человек, Корнелий Иванович, — похвалила его женщина в парике.

— А мы никого в городе не знаем, — добавил мужчина.

— Вы, Корнелий Иванович, — продолжала женщина, — известны далеко за пределами Земли своими деяниями и выступлениями в пользу галактического сотрудничества.

— На моем месте...

— Ах, оставьте, Корнелий Иванович! — рассердилась женщина. — На вашем месте почти каждый убежал бы от нас за десять кварталов.

— Мы вам заранее благодарны, — сказал мужчина. — За то, что вы забыли о своих делах и заботах ради галактической дружбы.

Удалову было приятно слушать такие слова.

Солнце искрилось в снежинках. На снегу лежали синие тени.

— Не будем терять время, — строго сказал Удалов.

Пришельцы переглянулись, мужчина едва заметно кивнул. Женщина опустила веки.

— Несколько месяцев назад, — начал мужчина, — в районе Великого Гусляра потерпел аварию космический корабль. На борту этого корабля находился один человек — исследователь, ученый, большой талант...

— И близкий мне мужчина, — добавила грустная женщина.

Удалову захотелось сказать женщине что-нибудь сочувственное.

— Зачем в парике ходите? — спросил он. — Вам без парика значительно больше идет.

— Вы уж нас извините, — вздохнула женщина, — но у нас волосы не растут.

Мужчина приподнял шляпу и показал Удалову голый череп. По сравнению с мужчиной Удалов мог считаться кудрявым молодцем.

Удалов ничего не сказал — у каждого народа свои проблемы. Не исключено, что у них это считается красивым.

— Сапион пропал без вести, — сказал мужчина.

— Но не погиб! — добавила женщина.

— Нет, не погиб. Он успел дать сигнал, что опустился в лесу, сообщил координаты посадки, законсервировал корабль и принял решение укрыться в ожидании помощи. Затем связь прервалась.

— Это произошло в марте, — пояснила женщина. — По нашим расчетам, здесь стояла минусовая температура, а Сапион был практически раздет. Ведь мы живем в тропическом климате.

— Может, замерз? — предположил Удалов.

Женщина нервно всхлипнула. Мужчина возразил:

— Вы ошибаетесь, землянин! Сапион в одиночку прошел метановые болота Арктура, опускался без скафандра в жерло вулкана, победил в рукопашной схватке бродячего дракона Цао...

— Бывает, — сказал Удалов. — У нас был водолаз, Семенов Павел Порфирьевич. Все моря прошел, в Тускароре побывал, «Черного принца» поднял. А вот полез в пьяном виде в реку Гусь купаться и потонул, честное слово.

Женщина снова всхлипнула.

— Откачали, — добавил Удалов. — Он потом своей смертью помер.

— Сапион в жизни не выпил ни глотка, — сказала женщина.

— Погоди, — перебил мужчина. — Гражданин Удалов не понимает, о чем речь. А речь о том, что лишь Сапион знает универсальную формулу подогрева нашей атмосферы, которую сам и вывел.

— Он не довел до конца формулу общей теории относительности, не подстриг газон перед нашей виллой, — сказала женщина.

— Если он такой редкий и бесценный специалист, зачем вы его одного в космос отпустили?

— А как же свобода личности? — спросил мужчина.

Но женщина объяснила понятнее:

— Мы повздорили. Нельзя так безответственно относиться к семье. И он улетел успокоить нервы. Это уже не в первый раз.

— Сесилия, гражданину Удалову совсем ни к чему знать о мелочах твоего быта.

— Я лучше знаю, что надо и чего не надо знать Удалову!

Надвигалась ссора между пришельцами. Удалову не хотелось быть ее свидетелем. Нежелательных свидетелей иногда ликвидируют. Это зависит от нравов на той или иной планете.

— Что же будем делать? — спросил Удалов.

— Мы в свободном поиске, — пояснил мужчина. — Столько времени прошло...

— Времени прошло немало, — согласился Удалов. — Даже непонятно, чего вы так долго собирались.

— С финансированием плохо, — ответил мужчина. — На науку всегда деньги находят в последнюю очередь.

Удалов с ним согласился. Всеобщая беда!

— Давно в наших краях? — спросил он.

— Третий день, — сказала Сесилия.

— И результатов никаких?

— Отыскивали закопанный и законсервированный корабль, — ответил мужчина.

Он вынул из кармана дубленки крупный, с грушу, синий кристалл.

— Это корабль? Быть не может!

— Не старайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле, — упрекнул Удалова пришелец. — Корабль спрессован до предела.

Пришелец дал Удалову посмотреть сквозь кристалл на солнце — зрелище было незабываемым.

Затем мужчина вытащил из другого кармана еще один кристалл.

— Мы и наш корабль с собой носим, — заметил он.

Он легонько стукнул кристаллом о кристалл, и над сквером разнесся тонкий хрустальный звон.

— И что же вы теперь делаете?

— Ходим, — сказал мужчина. — Присматриваемся. Вот вас отыскали.

— Следы Сапиона привели нас к городу и оборвались, — сказала Сесилия. — Слишком много тут чужих следов.

— Он где-то здесь, — сказал мужчина. — У нас теперь только одна надежда — на вас, Корнелий Иванович. Вы же в городе всех знаете как собак облупленных.

— За расходами мы не постоим, — вмешалась женщина.

— В разумных пределах, — поправил ее мужчина, и Удалов понял: лучше и не надеяться, тогда не будет поводов для разочарования.

— Если вашей супруге что-нибудь из косметики надо, — застенчиво произнесла женщина, — можем достать.

— Лишнее, — улыбнулся Удалов. — Материальные блага — это все суета.

Мужчина кивнул. Продвинутая цивилизация была согласна с Удаловым.

— А мысли читать умеете? — спросил Удалов.

— Только у близких людей, с их разрешения, — быстро ответила женщина, словно вопрос был ей не очень приятен.

— Разрешение — дело десятое, — признался мужчина. — Но расстояние должно быть короткое. Голова к голове.

Да, подумал Удалов. Цивилизация у них передовая, мысли читают, превращают корабли в кристаллы, а вот женские страдания остаются.

— А вы...

— Мы совершенно не отличаемся от вас, — понял его мужчина. — Что вы перед собой видите, то мы собой и представляем. Молекула в молекулу. Панепермия.

— А бывают пришельцы другого вида, — сообщил Удалов.

Никто не стал ему возражать. Бывают так бывают.

— Значит, поможете? — Женщина дотронулась до его рукава тонкими пальцами без маникюра.

— Ради галактических отношений и просто по-человечески, — ответил Удалов, — не пожалеем усилий.

— Ах, как нам вас благодарить!

— Не спешите, — отрезал Удалов. Он хотел быть объективным. — Не исключено, что ваш друг лежит на дне реки в соседнем районе, простите за откровенность.

— О нет! — ахнула женщина.

— Ну, Удалов, не ожидал я от вас, — вздохнул мужчина, а женщине он пояснил: — Он имеет в виду худший вариант.

Женщина потянулась к Удалову, словно хотела поцеловать его в щеку, но Удалов смутился, отодвинулся и сказал:

— Значит, встречаемся завтра на этом месте в шестнадцать ноль-ноль...

Он чуть было не предложил пароль, но потом сообразил, что знает пришельцев в лицо.

Мужчина и женщина долго смотрели вслед пожилому человеку с круглым невыразительным лицом; в его руках находилась судьба их друга и большого ученого, возвращения которого с нетерпением ожидала вся планета.

* * *

Сначала Удалов пошел к себе в стройконтору. Несмотря на пенсионный возраст, он часто заходил сюда, помогал советом, а то и делом. Даже имел должность — консультант. На общественных началах, конечно. Стол Удалову поставили в бухгалтерии.

Именно отсюда, со своей стройконторы, Удалов решил начать поиски. А что, не хуже любого другого начала.

Правда, в конторе спрятать пришельца нелегко, потому что Удалов там со всеми знаком, многим давал путевку в жизнь. Но следует искать то, чего раньше не было, а теперь есть, и весьма странное...

Удалов вошел в дверь, которую открывал много тысяч раз. Только теперь она была покрашена и сбоку висела новая вывеска:

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ОО «ГУСЛЯРКИРПИЧ»

Два нуля относились не к сантехнике, как полагали шутники, а указывали на ограниченную ответственность нового директора Баламутяна. Но об этом — особый разговор, в другое время и в другом месте.

— Корнелий Иванович, — сказала Даша из планового отдела, — Новый год на носу.

Даша была женщина сочная, упругая, многие из молодых со-

трудников и прорабов пытались ее щипать, да пальцы обламывали. Ее упругость была сродни резиновой дубинке.

Удалов согласился.

— Тогда я вас, Корнелий Иванович, немного отвлеку от мыслей.

Может ли она скрывать в себе пришельца, задал себе вопрос Удалов. И сам себе ответил отказом, потому что учился с ее отцом в одном классе.

Даша постучала в стенку, оттуда послышались шевеление и голоса.

Затем дверь распахнулась, и вошел Дед Мороз в синем сатиновом халате, ватной бороде до пояса и в зимней шапке с красным верхом, под цвет картонного носа. Под его рукой в комнату проскользнула Снегурочка в маске, в серебристом платье, отороченном ватой, и с гитарой. Сняв варежки, Снегурочка стала играть и петь песню про Арлекино. Дед Мороз сунул руку в мешок, пошуровал там и вытащил два пакета.

— Дорогой вы наш человек, Корнелий Иванович, — произнес он знакомым, но искаженным ватными усами голосом. — Ответственность и лично все сотрудники родной вам и даже созданной вами стройконторы, а ныне организации «Гусляркирпич» горячо поздравляют вас и ваше семейство с наступающим Новым годом, Рождеством, а заодно новым веком и даже тысячелетием. Примите подарки для вашей супруги Ксении и внука Максимки.

Оказывается, в бухгалтерию уже набилось человек двадцать — весь состав ОО. Все стали хлопать в ладоши.

Потом замолчали, потому что Корнелию Ивановичу было положено принять подарки и ответить краткой речью.

Хоть до Нового года оставалось еще две недели, но сотрудники понимали, что Удалов — пенсионер: захочет — придет, а захочет — отправится на Канары или на Сатурн. Как-никак городская знаменитость.

Но Удалов молчал, тянул время.

Его одолевали подозрения.

Чем дольше он смотрел на ряженных, тем больше екало сердце и сосало под ложечкой.

Кто она, эта Снегурочка? Кто этот Дед Мороз? Зачем они пришли в масках?

Подавись вперед, словно для того, чтобы взять подарки, Удалов быстрым движением рванул на себя маску Снегурочки. Завязки лопнули, маска оказалась в руке Корнелия Ивановича. Снегурочка воскликнула:

— Ах, тебя!

Удалов узнал плановика Сикоморскую, которая в будущем го-

ду должна уйти на пенсию. Смутившись, но не в силах остановить движение, Удалов потянул за нос Деда Мороза. Нос хрустнул и сплюснулся. Под ним обнаружился другой нос, поменьше и покраснее. Веденеевский нос, Александра Семеновича, зама по кадрам.

Сослуживцы смешались, церемония была скомкана. Удалов сердился на себя за невыдержанность. Вместо того чтобы думать головой, он обратился к физическим действиям. Так пришельца не найдешь...

Потом, когда все помирились и обратили инцидент в недоразумение, Удалов вышел в коридор, где курили Веденеев с Темой.

— Жаль, я тебе нос сломал, — сказал Удалов.

А Тема между тем продолжал свой рассказ:

— Работает этот мастер у моего тестя. Утром пришел, бутылку кефира принял, днем булочку и пакет ряженки. Вечером — стакан молока.

Веденеев посмеялся и спросил:

— Беженец?

— Нет, воронежский. А как красит! Будто иностранец. Качество — Южная Корея или даже Австрия!

«Тик-так!» — шелкнуло в удаловской голове. Станный маляр, из Воронежа, не пьет ничего, кроме молочных продуктов.

— Какой он из себя? — спросил Удалов. — В парике?

— Лысый, — согласился Тема. — Вроде вас, Корнелий Иванович.

— Как его увидеть?

— Легче легкого. Завтра у него с моей сестрой свадьба. Три года ухаживал...

— Три года?

— И два месяца. Она все сомневалась, ее ли он любит или ее трехкомнатную квартиру.

— Нет, — сказал Удалов. — Если три года, то не пришелец.

— Нет, не пришелец, — согласились сослуживцы.

И Корнелий ушел. А вслед ему донеслось:

— Старее наш Удалов. Заговариваться начал, руки распускает.

Корнелий Иванович брел по улице. Стемнело рано, в синих сумерках окна желтыми квадратами лежали на снегу.

У входа в гастроном приезжий из южных краев нищий в ватнике просил денег для срочной операции на сердце.

Подавали редко, в основном молодежь.

Удалов зашел в магазин, купил две бутылки кефира по указа-

нию Ксении, а когда выходил, его осенило: вот так может скрываться пришелец!

Он остановился и стал смотреть на нищего.

Нищий тоже смотрел на Удалова, даже перестал просить на сердце.

— Чего тебе, папаша? — спросил он.

— Сними парик! — приказал Удалов.

Тут пришелец и попался.

— Не сниму, — сказал он.

Свободной рукой Удалов схватил мужичка за шапку.

Но ничего не вышло. Хоть шапка и слетела, волосы не поддались. Зато нищий как следует врезал Удалову. Так, что тот отлетел в сугроб. И, как назло, не было свидетелей.

Удалов лежал в сугробе.

Кто-то вышел из гастронома, и нищий принялся громко просить денег на срочную операцию.

Удалов поднялся и собрал со снега бутылки, которые не разбились.

Ему не везло.

Пришельцы ускользали. Но ведь где-то таится тот самый, единственный, такой необходимый родной планете и родной супруге.

Удалов шел по улице медленно, снежок поскрипывал под сапогами фирмы «Саламандер». На стене дома была приклеена бу-мажка:

ЦЕЛИТЕЛЬ БЕЛОЙ И ЧЕРНОЙ МАГИИ
ШАХ-АББАС ПЕТРЕНКО.
ПРИВОРОТЫ И ОТВОРОТЫ
НА ДВЕСТИ ПРОЦЕНТОВ

«Вот он!» — сказал себе Удалов. Он прибыл в наш город, встретил женщину, влюбился в нее, а так как без документов не может устроиться на работу, то занимается всякой ерундой, а домой не хочет.

Удалов пошел по указанному адресу.

Загадка разрешилась проще простого.

Приемная целителя находилась на первом этаже барачного типа двухэтажки.

— Кто последний? — спросил Удалов.

В коридоре стояло три стула. Два пустых, на третьем сидела заплаканная девушка подросткового возраста.

— Я без очереди, — сказал Удалов. — Мне по личному вопросу.

— У вас приворот или отворот? — спросила девушка.

— А в чем дело?

— Привороты до двух часов, а сейчас остались только отвороты. Там моя мама папу от алкоголизма отвращает.

Удалов распахнул дверь.

По одну сторону школьного письменного стола сидела милостивая женщина в пуховом платке, по другую — старый знакомый Удалова провизор Савич.

— Это ты! — воскликнул Удалов.

— А ты мог бы прожить на мою зарплату? — агрессивно откликнулся Савич.

— Не отвлекайтесь, мужчина, — потребовала женщина. — А то опять не подействует.

За Удаловым захлопнулась дверь. Не везет.

На площади возле гостиницы переминались с ноги на ногу знакомые Удалову пришельцы.

Он развел руками.

Они поняли и пригорюнились.

Удалов предложил им по бутылке кефира, может, с валютой плохо?

Нет, с валютой у них оказалось хорошо, но кефир они взяли, побаловаться перед сном.

— Вы не печальтесь, — сказал Удалов. — Не сегодня-завтра мы его выследим. Если он в Гусляре, то выследим.

— Он здесь, — сказал мужчина. — Приборы показывают, что здесь. Только конкретнее определить не могут.

Они зашли в вестибюль гостиницы. Там стоял столик, за которым желающие могли выпить пива. Удалов угостил пришельцев. Пришельцы дали ему описание пропавшего без вести гения. А то трудно без примет. И даже жалко, что раньше не дали.

Итак, изобретатель был лысым мужчиной средних лет, с карими глазами и рыжими усами. На правой руке у него большая черная родинка, как раз выше локтя. На ноге шрам в виде полумесяца, полученный при катании на горных лыжах. Бровь рассечена во время ответственного эксперимента.

Удалов стал расспрашивать пришельцев об их политической жизни, выпили еще по пиву...

Домой Удалов пришел в двенадцатом часу, навеселе и очень обиженный на пришельцев. Пить-то они пили, но ни в одном глазу и даже не улыбнулись ни разу. Все их мысли были заняты выполнением задачи. Даже жена пропавшего ученого все больше рассуждала о дисциплине.

Когда Ксения стала помогать пьяненькому мужу раздеться, он жаловался:

— Ты представляешь, они мне сказали, что этого самого пришельца тут же отправят в лабораторию, потому что только работа может обрадовать человека. А пиво за мои деньги пили.

— Тебе бы только выпить, — отвечала злая Ксения. — За свои, за чужие, пусть мы с голоду все подохнем, только бы полялякать.

— Они считают, что смысл жизни в труде на благо родины, — сказал Удалов, не сопротивляясь. — А лучший отдых — это перемена занятия. Сами они, понимаешь, переживают, что недостаточно трудятся. Вот я спать пошел, а они сейчас будут очередные теоремы разгадывать. А она, понимаешь, такая привлекательная женщина, но совершенно не думает о себе, даже губы не красит.

— Так я и знала! — Ксения всплеснула руками. — Никакие это не пришельцы, а одна пришелка! А ну, дай мне номер ее апартаментов, я ей глаза инопланетные выпарапаю.

— Этого не рекомендуется... — вяло произнес Удалов и задремал.

Когда Удалов проснулся на следующий день, было уже ближе к полудню, чем к рассвету. Но низкие сизые тучи мчались с Северного полюса к Южному, и потому сумерки сохранялись.

В голове шумело и позвякивало.

Удалов побрел на кухню.

На столе стояла тарелка с остывшей кашей и записка от Ксении:

Питайся по ресторанам, туда тебе и дорога.

«И как ты с такой грамотностью восемь классов закончила?» — вздохнул Удалов и попытался припомнить события прошедшего дня.

Вспомнил и поморщился.

Так вот, помогаешь космической дружбе, ведешь себя бескорыстно, а дома сердятся.

Ну что ж, пора идти на поиски пришельца.

На улице сыпал сухой снежок, ветер забирался внутрь дубленки. Куда идти? Где искать?

Ноги привели Удалова в парк.

В парке, конечно, никого не было. Только вороны делили старый ботинок, таская его за шнурки, где-то тявкали собаки да божь тащил сумку с пустыми бутылками.

Удалов пригляделся было к божу, но узнал его — он уже лет десять бутылки собирает, дачу построил.

Серый помоечный кот промчался по дорожке, за ним пробежал пес, тоже бездомный, но веселый. Рыжий, кареглазый, на пе-

редней лапе черное пятно, на задней — длинный шрам в виде полумесяца.

О чем это говорило?

Ни о чем.

Нет, говорило!

Удалов пошел за собакой.

— Песик! — закричал он. — Пойди сюда!

Но пес уже умчался.

Удалов свистнул ему вслед.

Да ну, просто глупое совпадение.

Собаку Удалов догнал у реки. Пес сидел на берегу и смотрел на заснеженные дали.

— Любуетесь? — спросил Удалов.

Не оборачиваясь, пес кивнул.

— Чего же вы так, — сказал Удалов. — Люди из-за вас оторвались от созидательных дел, на вас рассчитывают, родина ждет. Разве можно так деградировать? Даже не понимаю, как вам удалось? Неужели вы и это изобрели?

Пес смотрел на Удалова, склонив направо голову, и улыбался.

— Будем возвращаться или как? — спросил Удалов.

Пес не ответил.

— Супруга ваша беспокоится, через всю Галактику примчалась, чтобы вас вернуть в лоно.

Пес подошел к Удалову, запрокинул голову и тявкнул. Так весело и просто, что Удалов все понял.

А пес увидел кота и с залиvistым лаем помчался вслед.

Удалов не стал рассказывать пришельцам о встрече в парке.

«ТВОЯ РАШЕЛЬ...»

1

Обычно рассказы пишут для того, чтобы читатель мог наслаждаться образами персонажей и пейзажами, а в конце задуматься над смыслом прочитанной истории. Иначе бы рассказы не включали в хрестоматии и не мучили бы ими невинных детей.

В рассказе должна быть мораль. Даже не очень видная снаружи.

Вы завершаете последнюю фразу и понимаете: так жить нельзя!

Небольшое произведение литературы, к чтению которого вы сейчас приступаете, относится именно к этому роду литературы. И мораль его сводится к истине: «Подслушивать нехорошо».

...Все началось шестого июля. Если вы помните, день тот выдался в Великом Гусляре жарким, томительным, но не беспощад-

ным. И если ты обнажен до тусов, искупался в озере Копенгаген, улегся в тени векового дуба на редкую зеленую траву, шуришься, глядя сквозь листву на сверкающее солнце, и, отмахиваясь веткой от оводов, испытываешь редкое ощущение счастья, то поймешь, почему Минц с Удаловым лениво перебрасывались осколками фраз, не утруждая себя грамматикой.

— А на Кипре... — начал было Корнелий Иванович.

— Там другая широта, — ответил Лев Христофорович.

Помолчали.

Минц шлепнул себя по голому пузу. С озера неслись крики купальщиц, которые изображали танец русалок при луне.

Одна из русалок с грубым хохотом выскочила из воды и понеслась к кустам, преследуемая сатиром. Она ланью перескочила через Удалова.

— Ноги, — сказал Корнелий Иванович.

— Длинные, — ответил Минц.

— Акселерация, — сказал Удалов.

— Питание, гимнастика и желание выбиться в модели, — одолел длинную фразу профессор.

— Значит, не генетика? — спросил Удалов.

— Еще какая генетика, — возразил Минц.

Они лежали головами к метровому стволу дуба, который остался напоминанием о дубраве, посаженной здесь помещиком Гулем в XIX веке. По ту сторону ствола, разложив на траве махровое полотенце с уточками, аккуратно улегся относительно молодой человек, который приехал в Гусяр, чтобы войти в наследство теткойной комнатой, продать ее подороже и покинуть эту глухую провинцию. А пока не вступил в наследство, он скрывался от жары на берегу лесного озера, подобно аборигенам.

Звали молодого человека, которому суждено будет сыграть значительную роль в этой истории, Никитой Борисовичем Блещищим. Фамилия была по паспорту, но не исконная. Когда-то его дедушка приехал с юга, принес с собой неблагозвучную харьковскую фамилию Прохановский. Он выучился на партийного публициста, борца с генетикой и кибернетикой, стал лидером гонений на вейсманизм-морганизм и прочие бесчеловечные исчадия американской реакционной науки и членом-корреспондентом Тимирязевской Академии наук.

Никита Борисович улегся под дубом, стал смотреть на небо и отгонять веточкой оводов. До него доносились визги и вопли купальщиц, и он тоже оценил длинные и стройные ножки местной нимфы.

Два старика, один толстый и лысый, другой потоньше, помельче, но тоже лысый, что лежали по ту сторону ствола, его не инте-

ресовали, и их разговор поначалу был для него пустым. Так что он постепенно задремал.

А Минц с Удаловым продолжали беседу.

— Почему? — спросил Удалов. — Природа распорядилась?

— С раннего детства, — согласился Минц.

— Иногда вижу — в коляске, а уже руководит, — улыбнулся

Удалов.

— Если наблюдать, то увидишь, — сказал Минц.

— С какого же возраста?

Минц ответил не сразу.

Удалов взял бутылку с газированной водой «Гуслярский источник». Отпил из горла, дал другу.

Длинноногая нимфа верещала в кустах, видно, ее шекотали.

— Ты затронул важную тему, Корнелий, — произнес задумчиво Лев Христофорович. — Я тоже об этом думал.

— Вот именно, — согласился Удалов. Пока он еще не понял, о чем говорит Минц, но привык не противиться другу, потому что со временем из рассуждений Минца вырастали великие изобретения и открытия, а Удалову было приятно чувствовать себя причастным к таким делам.

— С какого момента дитя становится полководцем, развратницей или многодетной мамашей? Когда это открывается?

— Когда?

— Когда оно начинает пользоваться речью и свободно передвигаться, — сказал Минц. — Я проводил наблюдения в яслях, детских садах и школах. Это потребовало не один месяц полевых исследований.

— Чего же мне не сказал? — упрекнул его Удалов. — Мы бы с тобой вместе полевые исследования проводили.

— Скучное для непосвященного дело, — возразил Минц. — Но со временем дало свои плоды. У меня есть несколько дисков с обобщениями.

— Публиковать будешь?

— Рано, — ответил Минц. — И, можно сказать, опасно для человечества. Если мое открытие попадет в руки нечистоплотного мошенника, а еще хуже, политика, могут произойти совершенно неисправимые катаклизмы. Дай еще «Гуслярского».

— Может, искупаемся? — спросил Удалов.

Он делал вид, что очередное открытие Минца его никоим образом не интересует. Потому что заинтересованность всегда охлаждала профессора, и он мог прекратить рассказ.

— А тебе что, неинтересно? — обиделся Минц. — Ведь это не хухры-мухры!

— Интересно, Левушка, — поспешил с ответом Удалов. — Но если не хочешь, не рассказывай.

— Почему же это я не буду рассказывать?

— А может, ты подписку дал.

— Где еще я подписку дал! — совсем уж осерчал профессор. — Кого я боюсь?

— Прокуратуру, — невинно ответил Удалов.

И тут Минц взревел так, что лежавший за деревом Никита Борисович поджал ноги.

Минц глубоко вздохнул, помолчал, переживая гневный пароксизм, а потом заговорил:

— Я задумался о том, насколько непроизводительно работает природа. Наблюдая у ребенка, вижу — вот вам генетически обусловленный военный, офицер, а может, и генерал. Потом гляжу на малыша, лепящего пирожки из песка, — он же готовый труженик! Я вижу будущее любого малыша по его обычному поведению в детском садике.

— Ты гений, Лев Христофорович, — искренне заметил Удалов.

— Да не о гениальности речь! — возразил Минц. — А о том, какие это беды или радости может принести человечеству.

За стволом дерева Блестящий внимательно слушал. Конечно, не исключено, что старики несут чушь — на то они и старики. Но ведь дедушка Никиты Борисовича до позднего девятидесятилетнего возраста сохранял ясный ум и даже говорил: «Не доведет вас до светлых высот демократия. Насмотрелся я ее в годы Гражданской войны. Народу она не нужна!» С этими словами и помер, перед смертью позвав в дом жреца зороастринской религии, так как все Прохановские в Харькове исконно придерживаются зороастризма.

— А какие беды? — донесся до Никиты Борисовича голос курносенького собеседника.

— Эх, не хотел я забивать тебе голову научной чепухой, — вздохнул второй старик, тоже лысый, но толстый и нахальный. — Но придется.

Глядя в небо, он продолжал:

— Природа действует расточительно и неумно. Заданность детеныша определена. Но природа растягивает взросление человеческого существа на полтора десятка, а то и более лет. Расточительно?

— Организму сложиться надо! — сказал Удалов.

— Ошибка. На деле получается наоборот. Внешние факторы не помогают природе, а нарушают ее начинания. Ну, посмотри. Мы имеем дело с талантливым скрипачом. А у родителей нет денег ему на скрипку, к тому же его папа всю жизнь играет на гар-

мошке. И вместо нового Ойстраха мы получаем еще одного пьяненького гармониста.

— Ну, это исключение, — возразил Корнелий. — Настоящий талант превозможет.

— Ты уверен?

— Еще как!

— И какой же талант был у тебя, Корнелий, в три года от роду?

— Нормальный талант, — не нашелся что ответить Удалов. —

И если что, я его сам загубил.

— Правильно. Природа не могла угадать, что ты станешь послом доброй воли, известным в Галактике борцом за мир и, главное, самым средним из всех жителей Млечного Пути. А вообще-то говоря, я тебя проанализировал...

— Так ты любого человека можешь проанализировать?

— Задним числом.

— И без ошибки?

— Без ошибки, но с разочарованием. Природа зря отпускает людей взрослеть самостоятельно.

— Так скажи обо мне, не томи!

— В машинисты паровоза готовила тебя природа.

— Не может быть! — воскликнул Удалов и вдруг закручинился.

Минц заметил это и спросил:

— Что с тобой?

— Ты не поверишь... Я у внука паровозик украл и всю ночь с ним в коридоре играл.

— Почему не поверить? Конечно, поверю, — улыбнулся Лев Христофорович. — И я задумался, — продолжал Минц, глядя в небо, не слыша и не видя ничего вокруг. — Я задумался, нельзя ли помочь природе. Тогда люди будут счастливее. Они же будут заниматься тем делом, к которому их произвела природа.

— Не понял, — сказал Удалов и почувствовал, как ему хочется гуднуть.

— Мы должны сократить до минимума тот непроизводительный период, в ходе которого человек взрослеет, в то время как увеличиваются шансы, что он станет вовсе не тем, кем ему следовало бы стать.

Минц сорвал травинку и принялся ее грызть.

Никита Блестящий был сам слух.

— Почему надо взрослеть много лет? — задал сам себе вопрос профессор. — Надо взрослеть за три года.

— И кто же получится? Генерал мне по пояс?

— Я не так наивен, — возразил Минц. — Нам нужно, чтобы человек стал совершенно нормальным, двадцатилетним, работоспособным и даже готовым жениться.

— В пять лет жениться? Ну, тебе покажет наша милиция!

— Какая еще милиция, — заметил Минц. — Никому не нужна твоя милиция, когда все будут заниматься своим делом.

— Неужели ты уже испытал это средство? — испугался Удалов.

Беда великого ученого заключалась в том, что его изобретения и открытия далеко не всегда выполняли задуманную роль. Порой они становились катастрофически опасны для окружающих. И приходилось переизобретать изобретенное.

Удалов как представил себе шестилетних генералов, ему чуть дурно не стало.

— Все проще, — сказал профессор. — Я изготовил совершенно безвредное средство, которое ускоряет физическое развитие организма. Если дать мои порошки пятилетке, то еще через три года, а то и менее, он станет взрослым и займется своим любимым делом.

— И останется внутри дурак дураком? — предположил Удалов.

— Тебе дается три года. Так вот, за эти три года научи ребенка всему необходимому. Мы с тобой такие школы ускоренного профиля организуем, японцы будут приезжать за опытом!

— Ты меня не убедил, — сказал Удалов и закрыл глаза. Солнце пекло, но милосердно.

2

Никита Борисович уже не ощущал жары и томления духа. Он почувствовал, что наткнулся на большое, настоящее дело.

Стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания, он немало оделся и отошел к другому дереву, под которым сидела мирная выпившая компания и говорила о футболе.

Никита Борисович незаметно присоединился к компании, а потом, познакомившись с женщиной средних лет, на которую произвел положительное впечатление, спросил у нее, показывая пальцем на двух лысых друзей, заснувших под дубом:

— Это местные?

— Как же не местные? — удивилась женщина. — Разве вы их не знаете?

— А я недавно приехал, — признался Никита Борисович. — Не успел всех узнать. Да оказался рядом с вашими земляками, и чем-то они возбудили во мне подозрение. Не жулики ли они?

Вопрос был провокационный. Разумеется, Удалов с Минцем не могли произвести впечатление жуликов. Но раздраженная женщина всегда выдает на-гора куда больше информации, чем женщина, находящаяся в состоянии покоя.

— Ах! — воскликнула женщина, которую звали Вандой Савич,

и была она директором универмага на пенсии, а также женой фармацевта Савича, человека в Гусяре не последнего. С Удаловым она прожила бок о бок интересную жизнь, а к Минцу, как и все старожилы Великого Гусяря, испытывала благоговение.

— Ах! — воскликнула Ванда Савич. — Как вы посмели заподозрить Минца и Корнелия Ивановича! Вы или сумасшедший, или дурак.

— Спасибо, — вежливо ответил Никита Борисович. Он был человеком воспитанным и миловидным, женщины его любили иногда платонически, а некоторые страстно, хотя он им взаимностью не отвечал. Но успех у женщин обычно воспитывает в мужчине умение владеть собой. — Спасибо, я не дурак и не сумасшедший. Но один из ваших земляков нес какую-то псевдонаучную чушь.

— Это кто из них?

Никита показал на профессора Минца.

— Вы, молодой человек, — усмехнулась тогда Ванда, — на самом деле дурак. Потому что профессор Лев Христофорович Минц не только законная гордость нашего города, но и гордость мировой науки. Он не в состоянии нести псевдонаучную чушь, потому что его кандидатура сейчас в третий раз рассматривается Нобелевским комитетом и лишь интриги завистников не дали ему получить заслуженную премию в позапрошлом году.

— Чего же он здесь обитает? — ухмыльнулся Никита Борисович.

— Это особый разговор, — ответила Ванда. — Могу только сказать, что и весь наш город настолько же уникальное явление в Галактике, как и Лев Христофорович.

— Разумеется, — вежливо улыбнулся Никита Борисович, не скрывая некоторого, очень легкого и простому человеку незаметного презрения и к городу, и к Минцу, и лично к Ванде Казимировне.

А зря он это сделал! Не заслужили они такого к себе отношения. И если бы Никита Борисович, милый человек, смог поглядеть в свое будущее, то от язвительных взглядов он бы наверняка отказался.

— Как хотите, — заметила Ванда Казимировна, которая поведение собеседника оценила на два с минусом, и пошла к друзьям, чтобы откусать шашлыка.

Постепенно солнце ушло за вершины деревьев, жара спала и превратилась в парное молоко, облака порозовели, купальщики стали собираться по домам.

Неудивительно, что заинтересованный Никита пошел за Минцем и таким образом попал во двор скромного двухэтажного дере-

вянного дома № 16 на Пушкинской улице. Он выяснил, что Удалов поднялся к себе на второй этаж, а профессор Минц пошел в квартиру на первом этаже.

Так как в глубине души молодой человек уже замыслил некоторое преступление, он не стал светиться, не подошел к столу, за которым соседи Удалова играли в домино. Лишь подвинулся тому, что игроки сидят на таких низких скамейках, что коленки до носов достают. Он решил, что это, наверное, национальный обычай гуслярцев, а то был не обычай, а необходимость. За много лет могучие ноги домино-стола постепенно углубились в землю по крайней мере на метр, с такой силой били по ним игроки. Вот пришлось вколотить в землю и скамейки, а то играть неудобно.

Никита пришел домой, то есть в теткин у еще не проданную комнату, и уселся в углу, даже телевизор не стал включать.

Он был внутренне напряжен, как тигр, который выслеживает трепетную лань, или охотник Дерсу Узала, который выслеживает тигра.

Он дожидался темноты и лихорадочно думал. Если старик профессор и в самом деле нашел средство, как определять завтрашние наклонности людей, а потом выращивать их до нужного состояния за три года, то для умного человека открываются перспективы. Но чтобы их открыть, нужно получить от толстого старикашки две вещи: во-первых, способ определять в детишках будущие специальности, а во-вторых, средство, чтобы выращивать их быстрее в нужном направлении.

Но что для этого следует сделать?

Конечно, первым побуждением Никиты Борисовича был грабеж. «Я забираюсь к нему в кабинет, благо и решетки этот тип установить не удосужился — видно, ждет, что ему через окно Нобелевку вручат, — и вытаскиваю все записки, а потом привязываю профессора к стулу и колочу его стамеской по челюсти, пока он не скажет, где средство лежит».

Но по здравом размышлении Блестящий отказался от первоначального плана.

Слабым местом в нем было то, что он мог легко провалиться.

Тем более что стамеской наш герой пользовался только в вооружении, а так был вполне цивилизованным и даже робким негодяем.

Надежнее всего пойти по пути наименьшего сопротивления со стороны Минца. То есть заставить его расстаться с тайной так, чтобы он сам не сообразил, что расстался.

Придя к такому решению, Никита Борисович немного поспал, а потом отправился в хорошую по нашим временам гусляр-

скую городскую библиотеку, где выписал все нужные книги по генетике, психологии детского возраста и биологии.

Он отложил первую встречу с ученым на неделю, за которую, будучи человеком неглупым и кое-как образованным, прочел немало чужих трудов и выучил множество иностранных слов.

В следующую пятницу он с раннего утра следил за профессором Минцем.

Сначала пошел за ним в булочную, потом на почту, постоял в очереди в сберкассе и окончательно настиг Льва Христофоровича, когда тот со свежими газетами в руках уселся на лавочке над рекой Гусь и принялся за чтение.

Никита Борисович сел на ту же лавочку и тоже стал читать газету.

Подходящий момент наступил, когда мимо них пробежала небольшая стайка воспитанников детского сада, которых руководительница почему-то привела на тот обрыв.

Глядя на спины детишек, на белые панамки, Никита Борисович как бы случайно, как бы бесконтрольно произнес:

— Странно наблюдать это невооруженным глазом.

Минц не обратил внимания. Он читал о событиях в Афганистане.

— Дети, дети, — громко вздохнул Никита. — Какие они разные!

Минц кивнул, но не ответил.

— А вы как думаете? — Никита перешел в наступление. Минцу было некуда деваться.

— Угу, — сказал он. — Разные.

— И чем это объясняется?

Минц понял, что от навязчивого молодого человека уткуаньем не отделаешься. Поэтому он сказал:

— Генетикой.

— Ах, как точно! — обрадовался молодой человек. — Как это славно и целенаправленно. Я вот смотрю на детей и замечаю, что они в пять лет уже готовые характеры. Не так ли?

У Никиты эти слова прозвучали со странным английским акцентом, но профессор этого не заметил. Он вдруг услышал слова единомышленника. Как славно — такой молодой, а уже думает!

— Вы совершенно правы, — сказал Минц. — Я тоже об этом размышлял и пришел к некоторым выводам.

— К каким же, если это не засекречено?

— Еще чего не хватало! Так бы я и позволил им секретить!

Случайно Никита Борисович нажал на самую чувствительную клавишу в клавиатуре минцевского сердца.

Минц не выносил секретов. И секретности. Иначе бы он, а не

другие академики, изобрел водородную бомбу и получил бюст на родине героя. И жил бы он не в захудалом Великом Гусляре, а в престижной Черноголовке. Или даже в Пушкине.

Но у Минца всегда был тезис: «Вы хотите меня засекретить? Скорее вы засекретите Северный полюс!» — «Уже засекретили!» — лгали соответствующие товарищи.

— Любый любознательный человек, — продолжал Минц, яростно сверкая очками на своего молодого собеседника, — может ознакомиться с результатами моих последних опытов. Было бы желание.

— У меня есть желание! — поспешил откликнуться Никита Блестящий. — Больше того, я хотел бы вам помогать, Лев Христофорович, помог бы получить наконец Нобелевскую премию!

— Вот это лишнее, — отмахнулся Минц.

Потом насторожился.

Все-таки он был проницательным человеком.

— Откуда вам известно про Нобелевскую премию, мой дорогой коллега? — спросил он.

— Ниоткуда, — нашелся Никита. — Я подумал, что вы достойны этой награды.

— Почему?

— Таковы масштабы! Человеческие и научные. Даже не зная о ваших трудах, даже не погружаясь в глубины вашего научного поиска, я всей шкурой ощущаю, что нахожусь рядом с гением. Простите меня за прямоту, Лев Христофорович.

— Лукавишь, ах лукавишь! — заявил Минц, но утешился. Любому из нас приятно, когда его именуют гением, даже если к этому нет никаких оснований. А ведь у Минца такие основания есть.

Так Никита Борисович вошел в дом доверчивого Минца и даже фактически стал его доверенным лицом в программе «Генерал за три года!». Из чего вы можете сделать вывод, что на армию так же распространились революционные идеи Минца.

Никита Борисович не спешил, тем более что передача комнаты по наследству затягивалась. Теперь он полностью уверовал в значение открытия Льва Христофоровича, даже осунулся, стал быстрее в движениях и стройнее в талии. У него мелькали порой мысли остаться на всю жизнь рядом с Минцем, питаясь значительными ломтями с его интеллектуального стола, но потом он понял: нельзя, жизнь не ждет, она стремится вперед, самостоятельное плавание сулит собственные премии, власть и сказочное богатство.

Днем Минц со своим спутником, к ревнивой озабоченности Удалова, частенько наведывались в ближайшие детские сады или

даже ясли. И проводили часы, наблюдая за детишками и записывая их игры и забавы на видеопленку.

Посторонний наблюдатель наверняка решил бы, что имеет дело с двумя сумасшедшими, в лучшем случае сумасшедшими педофилами.

— Смотри на Дарьюшку, — шептал из укрытия Минц, — сейчас она пойдет к Васе. Ведь он отобрал конфету у Венечки и намерен сам ее сожрать. Но не тут-то было...

Никита, убрав со лба мягкую черную прядь, прищуривал капризный глаз и включал камеру.

Как всегда, профессор был прав.

Пятилетняя Дашенька уже подбиралась к силачу и задире Ваське.

Подслушивающее устройство на коленях у Минца запищало его голоском:

— Васенька, ты хочешь меня стукнуть?

— Не хочу, — пробурчал Васька, который начал было разворачивать конфету, поглядывая краем глаза на дверь, куда минуту назад убежал ревущий Венечка, чтобы пожаловаться воспитательнице, но не просто воспитательнице Верочке и не Марии Павловне, а Серафиме Игнатьевне, тете Симе, которая вчера пила чай у его мамы.

В то же время Никита Борисович не спускал глаз с ловкого Ахметика, который уже забрался на дерево, нависшее над местом действия, и было видно, как ловко он смастерил арканчик, который незаметно спускал к руке Васьки.

— А за косичку хочешь дернуть? Изо всей силы? — спросила пятилетняя красотка.

— Ты реветь будешь.

— Васечка, когда ты меня бьешь или дергаешь, я только смеюсь, — ответила маленькая девочка. — Ты ведь такой сильный.

— А что тебе надо?

— А конфета шоколадная?

— Не знаю, не пробовал.

— А давай вместе попробуем? Я тебе помогу.

— Не надо мне помогать!

Дашенька уже подобралась к Ваське и погладила его по руке, в которой он сжимал конфету.

Арканчик повис над его рукой.

— Ну ударь меня, ударь, — проворковала девочка.

— Ладно, — сказал Васька, — я тебе и так дам откусить. Держи. Только сильно не кусай.

В этот момент дверь в детский сад распахнулась и оттуда выле-

тел склонный к полноте Венечка, а за ним разъяренная, как Сцилла и Харибда, воспитательница тетя Сима.

— Я те покажу, как маленьких обижать!

Многие дети на всякий случай разбежались кто куда, арканчик на веревочке, свисавший с дерева, схватил конфету, которую успел отпустить Васька, но не успела как следует схватить Дашенька.

Конфета исчезла.

Васька крутил головой, стараясь сообразить, что же случилось. Венечка прыгал вокруг и кричал:

— У него в кармане, у него в кармане!

А тем временем истинный центр события сместился чуть в сторону, потому что с дерева, держа в кулаке конфету, спустился Ахметка, и зоркая Дашенька засемила за ним, приговаривая на ходу:

— Ахметик-махметик, хочешь меня ударить?

— Выключаем камеру, — сказал Минц. — Эпизод зафиксирован. Давайте обсудим, какие генетические характеры мы видим на этой картинке...

А еще через три недели, так и не оформив комнату тети, Никита Блестящий покинул Великий Гусяр.

Сделал он это под утро, поймав на шоссе попутку до Вологды. Всего-то багажа у него был один чемодан, но чемодан был незаметно прикован к запястью тонкой стальной цепочкой, как у сверхсекретного дипкурьера. В этом чемодане к неизвестности неслась судьба Никиты, Великого Гусяра и всего человечества.

3

— Это трагедия? — спросил Удалов.

— Это больше, чем трагедия. Это глупейшая ошибка. Я позволю себе расслабиться, поверить какому-то проходивцу, который, как мне теперь понятно, выслеживал меня и сидел с удочкой, покачивая крючком с наживкой перед моим носом.

— Что он у тебя похитил?

— Методику — раз, методику — два, методику — три.

— А что — четыре? — спросил Удалов.

— Четыре, к сожалению, средство... назовем его, как обычно, эликсиром. Эликсир роста. Он ускоряет созревание организма в несколько раз. Так что мое открытие состоит из двуединства. Сначала ты можешь найти нужную тебе склонность или даже талант, а затем вырастить его в полевых условиях. Господин Блестящий знает теперь, по каким параметрам можно определить тот

или иной талант, и имеет возможность вырастить его у себя на ферме. Или продать его мистеру Смиту.

— Или эмиру Кувейтскому, — добавил Удалов.

— Вот именно.

Друзья помолчали. Потом допили чай.

— Как его искать? — спросил Удалов.

— Найти его нелегко. Если он сам себя не выдаст.

— Начнем с милиции?

— В чем мы его обвиним?

— В краже. Многие люди видели вас вместе. Тебя в городе знают. Милиция поможет.

— Чепуха, — сказал Минц. — Он, наверное, уже принял меры.

Все-таки они подали заявление в милицию, но без пользы. Ни по старому московскому, ни по какому иному адресу Блестящего не обнаружили. Милиция предположила, что мошенник покинул пределы нашей Родины и скрывается в каком-нибудь офшорном государстве.

— Придется ждать, — сказал Минц.

— Чего будем ждать? — спросил Удалов.

— Сейчас рано говорить об этом, — сказал Лев Христофорович. — Но в моем открытии было одно слабое место, которое я не успел ликвидировать и совершенно не представляю, как это может получиться у Никитушки.

Назвав своего недавнего помощника ласковым именем, Минц вложил в это слово определенную иронию.

А Удалов не стал расспрашивать. Если профессор чего-нибудь не желает рассказывать, то из него это никакими клещами не вытянешь.

«Где Никита? — думал Удалов. — Может быть, несется по волнам вечности, потонул вместе с чужим чемоданчиком, а может быть, связался с международной мафией...»

Наверное, Удалову приятнее было сознавать, что обманщик плохо кончил.

Но Удалов ошибался. В то время у Никиты все было в полном порядке.

4

Сила Никиты Блестящего заключалась в том, что он умел ждать. Было в нем что-то от кота, застывшего у мышиной норы.

Общение с мафией его пугало. Заграница пока не прельщала, потому что он не был учен иностранным языкам, а там все говорят по-иностранному. Но и в нашем государстве можно найти нужных детей в свое полное распоряжение.

Поэтому для начала Никитушка переехал в областной центр Владивосток, лежащий как бы за пределами нашей страны. А там он женился на Жанне, воспитательнице детского дома имени комиссара Левинсона.

Воспитательница была умеренно привлекательна, но дьявольски умна.

Ей можно было открыться.

И Никита ей открылся.

Он рассказал, как они будут воспитывать будущих гениев на продажу. Такая вот у него получилась плодотворная идея.

Пользуясь методикой профессора Минца, Никита за какие-нибудь три месяца с помощью жены, имевшей связи в других детских домах, отобрал для себя нескольких кандидатов на усыновление и удочерение. Ведь если растишь гения, то лучше это делать дома, под контролем.

Никита Блестящий, выступавший под дедушкиной фамилией Прохановский, на пару с женой объявили себя на местном телевидении семьей будущего. Они взяли на воспитание девятерых малышей, за что растроганный город, а также некоторые общественные организации их сильно субсидировали, что позволило им купить дом с большим участком и обнести его высоким забором.

Так прошел год, в ходе которого супруги делились с печатью соображениями о прогрессивном воспитании и давали интервью, показывая быстро растущих и очень талантливых детей. Среди них Никита Борисович называл балерину, фотомодель, актрису, генерала, а может, и маршала авиации, футболиста для сборной России, чудо-баскетболиста, депутата от радикальной партии, шпиона экстра-класса и кого-то еще.

Никита внимательно следил за прессой, полагая, что Минц тоже трудится в этом направлении. Он не догадался, что Минц в сердцах отказался от своего открытия, решив, что человечеству рано еще с ним сталкиваться, шишек не оберешься.

Через год он полностью прекратил интервью и встречи с корреспондентами, а принялся за поиски контактов с заинтересованными лицами.

Как вы знаете, спорт у нас сильно коммерциализирован. Так что со спортивными деятелями можно было договориться проще других. На продажу у Никиты были три подростка со спортивным уклоном. Будущий чемпион мира по шахматам, футболист Вова и универсальный бегун.

В двух случаях Никите повезло.

Удалось заключить выгодные контракты.

Вову отдали в футбольную школу при швейцарском клубе «Грасхопперс» с языковым уклоном. И хоть ему было всего шесть

лет, на вид он был пятнадцатилетним. Он плохо читал, но в остальном его натаскали «папа» с «мамой», недаром супруга Никиты была воспитательницей. Гесман — бегун — сразу начал выступать за марафонцев Дальнего Востока, а вот с Витей — шахматистом — вышел сбой, потому что его талант еще толком не открылся, на краевом турнире по шахматам для малолеток он занял лишь четвертое место. За такого много не дадут.

Двоих Никита отдал в армию. Правда, только на следующий год, когда они вымахали как надо и многому научились на приусадебном полигоне, который Никита устроил для малышей.

Будущее представлялось не очень ясным, но стоило рискнуть. Один из мальчиков пошел в интендантскую академию на факультет строительства коттеджей для штаб-офицеров, второй же проявил себя в особой военной науке шагистике, и равных ему в строю не было. Так что прямо из детсада его определили в Кремлевский полк, в ту роту, что встречает на аэродроме почетных иностранных гостей.

Жену свою, Жанну Львовну, Никита отправил в Пермь, чтобы она пребывала рядом с их дочкой, будущей примой Лондонского балета, а сам углубился в подготовку фотомодели Раечки, которую, как только она достигла роста сто восемьдесят восемь сантиметров, переименовали в Рашель. Не надо думать, что подготовка модели — простое дело. Моделей много, а супермодель — одна. Для того чтобы получить с нее, как с оранжерейной грядки, миллион долларов, тысяч сто требуется в нее всадить. Собрав почти все деньги, полученные за спортсменов, шпиона экстра-класса и программиста Виталика, практически развед Либерально-демократическую партию, нуждавшуюся в молодом ярком лидере, Никита Борисович рванул в Рим, чтобы там дорастить и отшлифовать Рашель-Раису. Тут и танцы, и хождение по струнке, и улыбки, и сексуальные движения, и взгляд зовущий, а также взгляд сверкающий, двенадцать микроопераций на крыльях носа и переносице, над ушами и под подбородком... впрочем, вам и не надо знать таких мелочей. Красота, а тем более элегантность требуют не только выдающихся генетических данных, выявленных по методу профессора Минца, но и шлифовки.

Тем временем Никита Борисович и его жена Жанна не переставали заниматься селекцией. В детдоме в Перми Жанна отыскала дрессировщика ядовитых змей, которого она увидела, когда он, сидя в кроватке за сеткой, поймал кобру, сбжавшую из живого уголка, и задушил неокрепшими ручонками. За что детсад заплатил компенсацию в 560 фунтов стерлингов бангладешскому посольству, потому что оказалось, что кобра была получена по культурному обмену. Детсад спасло от разорения лишь то, что бе-

лый медведь Умка, отправленный в Дакку из Мурманска, околел и был съеден бедными тамиллами.

Время несется быстро. Не успели супруги сдать мальчика-шахматиста в сборную Казахстана и прикарманить его суточные, как созрела на продажу фотомодел ь Раечка. Она была скромна и послушна, а если роптала от голода, то в номере гостиницы Никита Борисович ее больно порол. Он велел ей называть себя дядей и не позволял играть с итальянскими детьми или фотомодел ьями, чтобы не научилась дурному поведению.

И вот однажды случилось то, что должно было случиться.

Рашель совершила грубейшую ошибку.

Никита Борисович привел ее на окончательные переговоры с агентством «Универсаль» в Венеции. Рашель заставили шагать по подиуму, крутить попкой, приседать, раздеваться и одеваться, и все это время шла торговля.

А надо сказать, что представители агентства герцог Марьяни, его заместительница сеньора Пупкина-Пукинетти из Мариуполя, а также Никита Борисович сидели за круглым столиком, выпивали и закусывали, что принято при сделках такого рода. Ведь речь шла о выплате русскому сеньору тридцати миллионов лир.

По истечении пятого часа переговоров, которые уже подходили к завершению, несчастный ребенок (а мы не должны забывать, что по земным обычным часам Раечке не было и семи годиков), проходя мимо столика, ловко наклонился и стащил с тарелки герцога Марьяни большого отварного омара. И побежал к кулисе, чтобы там быстренько этого омара скушать.

Вы бы видели, что тут поднялось!

Особо сердилась сеньора Пупкина-Пукинетти. Словно омара отняли у нее.

— Вам, Никита Борисович, — кричала она с итальянским акцентом, — таких девок привозить только на тротуари!

— Простите, извините... — Никита испугался, что куш пройдет мимо его рук, но спас положение герцог, который мило улыбнулся и, взяв изящно пальцами с тарелки второго омара, сказал по-итальянски (а Никита догадался):

— Отнеси, голубчик, своей девочке.

Никита кинулся за кулисы и отыскал свою девочку, которая доедала омара и рыдала, потому что знала, как ей достанется.

Вместо того чтобы лупить манекенщицу, Никита дал ей второго омара и сказал:

— Жри! В гостинице поговорим.

Тем вечером Никита подписал нужный контракт, остались только формальности. Он привез девицу на речном такси в гостиницу туристического типа.

В номере он достал свой старый ремень и приказал девочке:

— Снимай штаны!

— Дядечка Никита, — зарыдала манекенщица, — только не бейте меня. Я больше никогда не буду омаров лямзить! Я же с голодухи, дядечка Никита.

Но Никита был неумолим.

Он смотрел, как трясущимися длинными худыми руками почти двухметровая красавица снимает штанишки и ложится на кровать лицом в подушку, чтобы не кричать от боли.

Никита Борисович подошел к постели и занес ремень над попкой.

...Сквозь подушку Рашель промычала:

— Только шрамов не оставляйте!

— Что я, не знаю, что ли? Что, в первый раз...

И тут голос его осекся.

По очень простой причине.

За всю свою почти сорокалетнюю жизнь Никита Блестящий не видел такой совершенной, круглой, красивой попки.

Его любовь к Рашель началась именно с этого взгляда.

Из частей ее тела он сначала полюбил попку, потом ноги, а лишь затем лицо и живот.

Нет, он не ударил ремнем по попке, хотя раньше безжалостно совершал это наказание многократно. Он понял, что больше никогда в жизни не сможет этого сделать.

Некоторое время он стоял с поднятым ремнем, а потом сообразил, что с мечтой о контракте, богатстве и вилле на Женевском озере придется повременить.

— Ну что вы, дядечка? — тихо спросила девушка ростом около двух метров и возрастом семи лет. — Будете бить или как?

— Или как, — сказал Никита. — Одевайся, надо думать.

5

Действие нашей печальной истории началось в 1998 году.

С тех пор прошло пять лет.

Наступил год 2003-й.

Великий Гуслер жил вместе со всей страной.

Профессор Минц совершил еще несколько открытий и сделал шесть или семь выдающихся изобретений.

Но наученный горьким опытом Лев Христофорович к экспериментам по определению генетических склонностей детишек и воспитанию из них гениев в соответствующих областях не возвра-

шался. И надеялся, что и Никите Блестящему этого сделать не удалось.

Постепенно обида, нанесенная Никитой, забылась.

И его появление возле дома Минца в ноябре профессора по меньшей мере удивило.

Начисто пропала наглая посадка туловища и разворот плеч, даже полубаки парикмахерского типа исчезли, смененные запущенной кривой бородкой.

И одежда на Никите была хоть и иностранная, но не новая, поношенная, из благотворительного магазина в пользу жертв церебрального паралича.

— Лев Христофорович!

Фонарь светил согбенной фигуре в спину, голос дрожал, шел дождь со снегом. Минц не узнавал Никитушку.

— Я к вам, Лев Христофорович. — Передних зубов у Никитушки не было, и говорил он невнятно.

Никита шагнул на свет, и Минц узнал его.

Как бывает с людьми незлопамятными, а главное, деликатными, Минц вдруг испытал чувство вины перед молодым человеком. Он осознал, что сыграл в его жизни роковую роль, сам того не ведая, толкнул его на преступную стезю...

— Заходите, — быстро заговорил Минц. — Ну чего вы стоите на дожде, голубчик, ну как так можно, я вас чаем угощу, у меня чай славный, «Ахмад», не пробовали?

— Нет, я тут постою, — униженно бубнил Блестящий.

Лев Христофорович буквально втащил его к себе в кабинет, заставил раздеться, разуться, отдал ему свои мягкие туфли из шерсти гуанако, заварил свежий чай, и пока гость не отведал этого чая, и слушать его не желал.

А потом сам сказал:

— Рассказывайте, батенька, начинайте, я весь горю нетерпением узнать, чего же вы, пакостник такой, натворили?

— Виноват, — ответил Никита. — Во всем виноват, но должен признать, что был подвигнут на этот проступок заботой о человечестве.

И надо вам сказать, что в тот момент Никита был искренне убежден, что руководствовался благими порывами. Хотел, оказывается, реформировать систему образования и выращивать гениев в каждой сельской школе. Но когда поставил эксперимент на поточную ленту, оказалось, что профессор его подвел.

Удивительное дело! Еще полчаса назад, замерзая перед суровой темной коричневой дверью в дом, Никита был готов пасть в ноги и просить о помощи. И вот — полюбуйтесь! Он согрелся, напился чаю, понял, что профессор не собирается вызывать мили-

цию или кидать в него гранату, и его настроение начало меняться, а наверх всплыла маленькая подлая мысль: виноват во всем этот профессор Минц, который подsunул ему черт знает что.

А по мере того как справедливый гнев против профессора усиливался и поднимался штормовой волной, до Льва Христофоровича доходил весь трагикомизм ситуации. Он давно подозревал, что так может кончиться, но одно дело подозревать, а другое — услышать и увидеть.

— Рассказывайте, дружок, рассказывайте, — попросил профессор. — Мы не сможем вам помочь, пока не поймем, что произошло.

Никита немного успокоился и начал свой рассказ.

Группа подопытных детей росла как на дрожжах. Они с Жанной еле успевали их кормить, переодевать, прятать от инспекторов средних школ и даже военруков. Пятилетние крепыши-малыши через два с половиной — три года превратились в двадцатилетних громил или березок. Готовых к тому, чтобы их продавать и использовать. Все это — проза жизни. Этим занималась Жанна, потому что с Никитой случилось несчастье. Он влюбился в девушку так, что не смог заставить себя вернуться в Пермь.

Дядечка Никита даже собирался жениться на Раечке, но потом представил, как им придется стоять рядом в храме или в ЗАГСе, и решил отложить свадьбу до лучших времен, благо Рашель была рада, что ее теперь не бьют ремнем, а наоборот, целуют каждый вечер.

Больше того, со временем, через полгода или год, она и сама полюбила своего бывшего мучителя и хозяина.

На родину они не возвращались. Жанна порой пересылала мужу деньги, предпочитая верить, что он занят сложной селекционной работой.

Никита был умеренно счастлив, потому что находился в постоянном напряжении нервов. Слишком хороша, слишком сногшибательна и соблазнительна была его дорогая Рашель. И не только ему, но и несколькими миллионам других мужчин хотелось дотронуться до ее округлостей. Он подумывал уже о том, не родить ли им ребеночка — тогда, находясь в декретном отпуске, Рашель всегда будет рядом и покорна, без этих самых вздрызгов характера международной красавицы!

Но потом Никита спохватился — все-таки его возлюбленной формально исполнилось лишь восемь лет, и хоть она на вид кажется совсем взрослой дамой, время есть время, а Уголовный кодекс — это кодекс.

Так что они остались бездетными и неоформленными, что очень удручало Раечку — ей хотелось семьи. Ведь она росла без отца-ма-

тери, а теперь вроде появился дядечка, которого можно считать папой, а он отказывается от формальностей.

Рашель в отличие от Никитушки легко выучила иностранные языки с помощью телевизора, так что поползновения Никиты изолировать ее от внешнего мира ничего не дали. С девичьей изворотливостью, не боясь ремня, Рашель спускалась по водосточной трубе с пятого этажа венецианского палаццо, переплывала Большой канал ради того, чтобы потанцевать в ночном клубе для речников. Вот и бегал Никита по заведениям, искал возлюбленную и подвергался обидам от ее поклонников.

Так прошел еще год.

А потом поступило паническое письмо из Перми о том, что швейцарский клуб «Грассхопперс» разрывает контракт с их сыночком, а шахматное объединение Казахстана вычеркивает из своих рядов гроссмейстера-вундеркинда. Из армии также поступили неутешительные известия.

Но хуже всего чувствовал себя сам Никита.

— По какой же конкретно причине? — спросил Лев Христофорович, который, конечно же, догадывался о причине. Понимание неизбежности трагедии, в которую суждено угодить Никите Блестящему, пришло к нему два с лишним года назад, но ввиду поспешного бегства Никиты Минц не успел ему о ней рассказать.

— По причине скорости, — сознался Никита.

— А далеко ли твоя возлюбленная модель?

— Супермодель! — воскликнул Никита. — Рашель де Грие. Она в гостинице.

Минц оделся, и они пошли в гостиницу «Гусь», благо идти до нее было недалеко.

Никита нанял себе номер полулюкс, лучше там не нашлось. Он открыл дверь и крикнул внутрь:

— Ты одета, крошка?

Никакого ответа.

Свет не горел. Никита нервно нащупал выключатель. От его мокрых грязных пальцев на обоях остались следы.

Постель была не убрана, на полу валялась кожа банана, женские колготки и всякие вещи.

— Пошли вниз, — убитым голосом сказал Никита.

Они спустились в ресторан.

Рашель они отыскивали в баре.

Она сидела за стойкой. Рядом с ней взгромоздился небритый и сильно волосатый громила, настолько пьяный, что все время промахивался рюмкой мимо рта.

Разумеется, Минцу не приходилось видеть супермодель Раечку ни в действительном детстве, ни в расцвете красоты.

Но сейчас она находилась далеко за ее пределами.

Грузная, даже громоздкая дама средних лет, сильно накрашенная и кое-как завитая, покачивалась на высоком стульчике и говорила пьяному громиле:

— Вот он и сгубил мою молодость и карьеру. Понимаешь?

— Выпьем, — отвечал ей громила.

— Мне нельзя, я всегда за рулем, — возражала Рашель.

Льву Христофоровичу достаточно было одного взгляда, чтобы поставить правильный роковой диагноз.

— Пошли в номер, — печально попросил Никита.

— А бутылку возьмешь?

— Возьму.

— А Эрнеста возьмешь? — Она показала на громилу.

— Нет, не возьму. У нас другой гость.

Минц вышел вперед.

— Такой старикашка? — огорчилась модель. — Тогда две бутылки.

Наконец они поднялись в номер.

— Ваш диагноз? — спросил Никита, пока Рашель откупоривала бутылку.

— Диагноз? А никакого диагноза, — возразил Минц. — Все идет своим чередом.

— Объяснись, дедуля, — попросила Рашель.

Она двигалась с трудом. В ней было два метра роста и полторы сотни килограммов веса.

Минц обернулся к Блестящему.

— Ваша дама в курсе эксперимента?

— Только в общих чертах. Так что говорите, чтобы я понял, а больше никто.

— Тогда вернемся в прошлое, — сказал Минц. — Несколько лет назад вы забрали из детского садика...

— Из детского дома.

— Неважно. Главное, что вы забрали пятилетнего ребенка. Потому что вычислили в нем гениального футболиста.

— Я не футболист! — обиделась Рашель.

— И дали ему мой эликсир, чтобы формирование таланта шло как можно быстрее. Скажем, в десять раз.

— В пять, — поправил профессора Никита.

— Развитие идет с ускорением, — сказал Минц. — Организм привыкает к средству и спешит ему помочь. Итак, через три года все ваши подопечные стали двадцатилетними по физическому развитию. Их у вас было много?

— Девять.

— И вы их распродали?

— Это не совсем так.
 — Вы их с выгодой распределили? — уточнил Минц.
 — Вот именно.
 — А в девушку влюбились?
 — Он в мой зад влюбился, — заявила Рашель, вытаскивая зубами пробку. — А я его за муки полюбила, представляете?
 Женщина годилась Никите в матери, тем более что такой громадине ничего не стоило поднять его и носить на руках.
 — Какие перспективы? — спросил Никита. — Это кончится?
 — Это кончится, — сурово заявил Минц, — как кончается любая жизнь. Смертью от старости.
 — Когда?
 — При таких темпах... через несколько лет. Ускорение постоянно.
 — Вы обо мне или о ком еще? — спросила Рашель.
 Никита только отмахнулся от нее.
 — Ну как я не сообразил! — воскликнул он, скрывая голову в ладонях.
 — Я не мог вас предупредить, — заметил Минц. — Вы мне адреса не оставили.
 — Но сделайте что-нибудь, профессор! — умолял Никита. — Верните мне любовь.
 — И он снова над ней надругается, — сказала Рашель.
 Она увидела на полке плюшевого медвежонка.
 Рашель сняла медвежонка, посадила его на диван, рядом поставила стакан и стала поить медвежонка водкой. Так она играла в куклы.
 — Да, — вздохнул Минц. — Процесс с ускорением.
 Он принялся подсчитывать, загибая пальцы:
 — Вы ее взяли из детского садика, когда ей было...
 — Ей было пять лет. Через три года ей стало двадцать.
 — Ах ты, мой ребенок, — ворковала тетя Рашель, глядя на медвежонка.
 — Дальше процесс пошел еще быстрее, — вздохнул Минц. — Два с половиной года она набирала лет по десять в год. Ей не так еще много...
 — Но мне всего тридцать пять! — рассердился Никита. — К тому же она совершенно не соблюдала диету. А я не могу ее разлюбить... верните нам счастье!
 — Это липовое счастье, — заявил Минц. — Это ворованное счастье. Это наказание, а не счастье. Вы вели себя как старый сластолюбец, который в семьдесят лет соблазняет двадцатилетнюю девушку.
 — Мне было тридцать! В самом расцвете!

— Ах, не говорите! А ей было семь или восемь. Педофил проклятый!

Последние слова вырвались у Минца нечаянно. Он себе никогда раньше ничего подобного не позволял.

— Но она же не виновата! — вдруг нашел аргумент сластолюбец.

— Вот именно, — сказал Минц.

Он задумался.

Рашель напевала колыбельную мишке, а Никита тем временем принялся излагать иные беды своего преступного семейства. Оказывается, через два года успешных выступлений в команде «Грассхопперс» его сынок-футболист достиг сорокалетнего возраста и потерял скорость бега и умение бить по воротам с лету. Шахматист-вундеркинд перестал быть вундеркиндом, а старший лейтенант по интендантской части, великий пройдоха по части строительства коттеджей для командования, за два года докатился до пенсии, хотя по документам ему было чуть больше двадцати. А в армии с этим строго. Не сдал зачета по физкультуре — уходи в запас.

Что стало с балериной в Пермском театре — страшно подумывать!

И все это, захлебываясь скупой слезой, Никита рассказал упрямо молчавшему Минцу.

Ему казалось даже, что за время разговора на лице у Рашели прибавилось морщин. Ужас сковал его внутренности.

— Ложитесь спать, — сказал он. — Я разделяю с вами вину. Недаром я прекратил разработки в этом направлении. Мы с вами чуть не погубили человечество.

— А выпить? — спросила Рашель.

— А выпить не будет, — сказал Минц. — Из-за выпить у вас процесс ускоряется.

— Вы вернете ей молодость? — спросил Никита.

— В какой, простите, возраст? — удивился Минц.

— Желательно, чтобы ей стало лет шестнадцать-семнадцать.

— Таких, как вы, только могила исправит, — заметил Минц. — Я могу лишь вернуть организм в нужное русло. Отныне Раиса будет стареть обычными темпами.

— А вот так дело не пойдет! — рассердился Никита. — Я буду жаловаться.

— Кому и на что?

— Найдем, кому и на что, — пригрозил Никита. — У нас тоже не без крыши.

— Эх, дитя порока! — сказал Минц. — Завтра увидимся.

Больше они не увиделись.

Назавтра в номере полулюкс, который Никита Блестящий за-

нимал вместе с девушкой по имени Рашель де Грие, был обнаружен его холодный труп со смертельными следами женских ногтей на свернутой шее.

Самой гражданки де Грие так и не отыскивали, хотя дело взял на контроль начальник городской милиции.

Минц тоже не нашел девушку, хотя ему было интересно ее отыскать, чтобы спасти от скорой старости.

Своего друга Сашу Грубина Лев Христофорович отправил в Пермь. В Перми тот отыскал безутешную вдову Жанну Блестящую и вручил ей заветный пузырек, который превращал ее подопечных вундеркиндов в нормальных людей, хотя и с опозданием. Ведь всем им было уже за сорок, и были они старше своей приемной мамы.

Даже в таком виде они отыскивали в жизни пристойные уголки, потому что все были людьми талантливыми или способными. Весь день они трудятся, а вечерами порой играют в кубики или куклы и плачут по маме и папе.

Говорят (а это дело будущего), в 2005 году на могиле Никиты Блестящего найдут иссохшее тело высокой старухи без документов. Почему она пришла помирать на забытую могилу, никто не догадается.

На могильной плите, поставленной совестливым Львом Христофоровичем за собственные деньги, под выбитой надписью «Н.Б. Блестящий» кто-то напишет мелом, неровно и крупно:

ТВОЯ РАШЕЛЬ...

ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ

1

Порой мне представляется, что ты, читатель, уже знаком со всеми обитателями города Великий Гусляр, хотя этого быть не может. Там живет несколько тысяч различных людей, и даже в ЗАГСе нет ветерана, который всех бы упомянул. Другое дело — обыденное существование. Сколько раз нам приходилось слышать: «Да меня там любая собака знает!» Либо: «Да я там любую собаку знаю!»

Это элементарное преувеличение. Просто человек обычно идет на службу или в школу по одной и той же дороге, встречается на ней одних и тех же соседей и сослуживцев, да и на службе ему показывают те же самые лица. Вот ему и кажется, что он каждую собаку знает.

Хотя что касается Лукерьи Маратовны, оснований для подобного заявления у нее было больше, чем у иных. Она была сестрой по уходу. Ставила банки, делала уколы, наблюдала завершение жизни достойных людей и просто граждан. Ей приходилось принимать последний вздох, а раза три — и первый, если роженица опорожнялась, не добравшись до роддома.

Лукерья Маратовна — женщина средних лет, склонная к полноте, но именно склонная, не более. То есть многим мужчинам хочется ушипнуть ее за выпуклости. Но лицо ее не является предметом красоты — обыкновенное лицо с полными розовыми щеками, небольшим пухлым ртом, крутым подбородком, а глаза у нее небольшие, карие и настойчивые.

Лукерья Маратовна недовольна своим именем-отчеством, потому что она — жертва эпохи. Дедушка ее был членом партии во рошиловского призыва. Когда жена родила ему первенца, он как раз изучал в сети партпросвещения трагическую гибель трибуна Французской революции прогрессивного журналиста Марата, которого увидела в ванной одна аристократка, и это зрелище так повлияло на ее неуравновешенную психику, что она выхватила кинжал (аристократки редко ходят без кинжалов) и вонзила в Марата, отчего он умер. Папа Лукерьи получил имя французского журналиста, а Лукерье теперь никуда не деться от такого отчества.

Имя Лукерье тоже не нравилось. Но оно явилось следствием папиного разочарования в дедушкиных идеалах и его стремления вернуться к народу. Вернулся он к нему через доченьку Лушку.

Лукерью в школе дразнили, в детском саду дразнили, в мединституте дразнили, и даже будущий муж Ромочка — гвоздь ему в поясницу! — так умел произнести это имя, что хотелось под землю провалиться.

Теперь же, по прошествии двадцати лет брака, этот самый муж Ромочка хоть и сохранил видимость сорокалетнего мужика, стал внутри совершенным пустотелом. Ни желаний, ни стремлений, а уж о мужских достоинствах давайте не будем говорить.

Он пребывал на небольшом чиновничьем месте, что-то куда-то перекладывал. Ему даже взятки не давали, потому что он был бессилен не только поспособствовать, но и помешать.

Лукерья трудилась — и уколы делала, и по домам ходила, и массажировала, только иголки втыкать не научилась — пальцы на концах толстоваты.

К тому же Ромочка любил посидеть в пивной, балакая с такими же, как он, недоделками, все больше о футболе и иногда о политике, если надо было конструктивно покритиковать евреев или американских империалистов, которые чуть что — сразу бомбить! Мы бы и сами рады, да не всегда выходит.

Лукерья пробовала завести любовника, ей удавалось это на раз, если на загородном пикнике или дачной вылазке, но ничего постоянного. И сама не красавица, а вокруг слишком много знакомых, огласки, шума, сплетен. К этому она была не готова. И у Лукерьи была мечта — найти любовника постоянного, с мужскими достоинствами, одинокого, с квартирой и нуждающегося в каких-нибудь не очень серьезных уколах каждый день. Она бы ему и постирать могла, и погладить, и приготовить чего-нибудь вкусенького, как мама учила. Но нет в Гусляре такого идеала!

А жизнь пробегала мимо, не останавливаясь.

И злость брала, потому что у других женщин были и любовь, и волнения, и измены — настоящая жизнь, а не существование.

Так все тянулось до того октябрьского дня, когда Лукерья Маратовна была с визитом у Березкиных.

Помирал Матвей Тимофеевич, человек еще не старый, но настолько отягощенный болезнями, что сам удивлялся — другие так долго не живут!

Родным, хоть и немногочисленным и не очень близким, его умирание уже надоело — они все пытались столкнуть старика в больницу, но больница уже подержала его раза два и теперь вернула, потому что на таких умирающих хроников палат не напа-сешься.

Лукерья была в комнате одна.

Сделала укол.

Потом Матвей Тимофеевич сказал:

— Не помогут твои иголки, Луша. Конец мой приближается.

— Поживешь еще, — равнодушно ответила Лукерья и стала собирать свой чемоданчик.

Тут по комнате прошел незнакомый человек.

Лукерья хотела спросить: «А вы что здесь делаете? Сюда нельзя».

Но мужчина был какой-то полупрозрачный, бесшумный, как во сне или как привидение. Даже очертаний не разобрать.

Он склонился на секунду над стариком и прислушался.

А Матвей захрипел и принялся что-то бормотать.

Лукерье это не понравилось, она подошла к кровати и уловила последний вздох. Она пощупала пульс: чего спешить и звать родных — надо сначала убедиться, что жизнь покинула это немощное тело.

Убедилась.

Покинула.

Но Лукерью не оставляло неладное ощущение чужого присутствия.

Она даже спросила:

— Кто тут есть?

Никто не ответил, но кто-то улыбнулся.

Понимаете, совершенно беззвучно, а Лукерья почувствовала.

И этот призрак как бы влился в тело Матвея Тимофеевича.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Лукерья Маратовна. — Пошел отсюда!

Так как никто не откликнулся и она понимала умом, что ей все это почудилось, Лукерья пошла в другую комнату, где племянница покойника сидела за компьютером и раскладывала пасьянс.

— Ну чего еще? — спросила эта пожилая, неустроенная и бедная женщина. — Чего он еще хочет?

— Он уже ничего больше не хочет, — сказала Лукерья. — Отмучился.

— Не очень-то он мучился, больше нас мучил, — ответила племянница и сразу пошла в спальню. Словно с утра ждала этого освобождения от обязанностей и горестей. — Теперь хоть комната отдельная будет...

Лукерья не слушала ее. Она как медсестра ко всякому привыкла. Не ее собачье дело вмешиваться.

Племянница первой открыла дверь, Лукерья все видела через ее плечо.

Матвей Тимофеевич сидел на койке с несколько растерянным и злым видом.

— Сколько можно! — воскликнул он. — Трое суток одним физиологическим раствором кормят. Так и подохнуть недолго.

Цвет лица у покойника был розовым. Глаза злобно блеснули.

— Ты чего же? — обернулась к Лукерье племянница, готовая ее растерзать. Ее больше всего возмутило даже не воскрешение дяди, а подлость медсестры, которая нарочно ввела ее в заблуждение, может, даже в сговоре с дяечкой.

Дяечка тем временем спустил с кровати костлявые голубые ноги и приказал Лукерье:

— Иди сюда, помоги до сортира добраться. Не на горшок же садиться.

Лукерья, как в тумане, подошла к покойнику. Она же у него отсутствие пульса проверила, зрачок посмотрела, профессиональных сомнений не оставалось. А он вместо этого в сортир собрался. И в самом деле, как теперь в глаза родственникам смотреть? Ведь они надеялись, что жилплощадь освободилась, лекарства не надо покупать, запахи выветрятся, поверили медсестре, а она их так подвела.

Виновато рассуждая, она вела покойника к уборной, а тот наваливался на нее, обнял костлявой рукой за шею и вдруг прошептал на ухо:

— А ты еще баба хоть куда, мягкая.

— Чего? — Лукерья решила, что ослышалась.

— А чего слышала, — ответил Матвей Тимофеевич и подмигнул ей странным потусторонним глазом.

И тут она чуть не вскрикнула — испугалась, что сочтут психованной, и потому сдержалась, — но мертвец больно ушибнул ее за бок.

Когда пришла домой, то обнаружила там синяк.

Но это было, когда пришла домой, а до этого были крики, упреки и отказ семьи оплатить ее медицинские услуги.

2

Лукерья забыла бы об этой истории, но через шесть или семь дней она дежурила в больнице ночью, когда принялся помирать один молодой человек, который упал с водокачки от несчастной любви. Всем в городе Великий Гусляр была известна его приговорная история. Был этот Василий юношей не очень от мира сего. Много читал, умел умножать тридцатизначные числа, любил маму, школу окончил в пятнадцать лет, университет оканчивал экстерном, на девочек не смотрел, а влюбился возвышенно и робко в некую беженку из Средней Азии по имени Пальмира, черноволосую, наглую, по национальности цыганку, которая отличалась необузданным и непостоянным нравом, особенно в отношениях с мужчинами. Эта Пальмира соблазнила Василия в пригородном лесу, встретив его за решением теоремы Ферма, когда сама собирала пустые бутылки.

Ах, как он полюбил ее!

А она смеялась и отдавалась сержанту милиции Никодимову на глазах у Василия, потому что ей нравилось дразнить беззащитного юношу.

Он худел, он бледнел, он забросил теоретическую геометрию, родная мать его не узнавала и долго не пускала в квартиру.

И когда он застал Пальмиру в объятиях дальнотойщика, то пытался наброситься на нее, но Пальмира поколотила его, а дальнотойщик с трудом вырвал Василия из ее бешеных объятий и спас ему жизнь.

— А зря, простите, спасли! — сказал ему Василий.

С трудом волоча ноги, поднялся на водокачку и бросился вниз. Так смертельно был ранен талантливый молодой ученый, может быть, надежда отечественной науки.

Его отвезли в больницу, где он умирал, изредка приходя в сознание и производя математические исчисления, а в промежутках шептал имя Пальмира окровавленными распухшими губами.

Лукерья находилась на дежурстве, когда Василий скончался.

Она услышала, как звякнул звонок вызова из шестой палаты.

Она отложила роман Донцовой о богатой и смелой женщине и пошла в палату. По полутемному коридору не спеша шагала неизвестный мужчина, так и не надевший халата.

— Вы к кому? — спросила Лукерья, но мужчина не ответил и как раз перед ней свернул в палату № 6.

Лукерья рассердилась и кинулась вперед, чтобы схватить мужчину за рукав, но ее пальцы прошли сквозь материю.

Мужчина был нереальным.

Лукерья чертыхнулась, потому что не выносила никакой мистики и привидений, и решила, что перетрудилась.

Она вошла в палату и увидела, что Василий только что отдал богу душу.

Ей достаточно было взгляда, чтобы это понять.

Но мужчина-призрак обогнал ее и на секунду как бы слился с телом несчастного юноши.

Лукерья вытерла глаза, которые вдруг стали слезиться, и подошла к койке.

Василий был мертв. Безнадежно.

Она взяла его за руку — пульса нет.

Она тронула веко...

И тут Василий потянулся, поморщился от боли и сказал ясным голосом:

— Ох и надоело мне здесь лежать!

Лукерья отпустила его руку. Пульс крепчал.

— Ты что людей пугаешь? — спросила она.

— Так надо, — сказал на это молодой человек. И голос его был железным.

— Ты не вставай, — сказала Лукерья, — ты весь переломан. Забыл, что ли?

— Помню! — отрезал юноша. — Проведи меня в ординаторскую. Там ведь компьютер стоит, надо кое-что проверить.

И настолько Лукерья была растеряна от этого превращения, что собственноручно проводила Василия в ординаторскую.

3

А третий случай был совсем странный.

Байсуридзе был так стар, что английская королева Елизавета ко дню рождения присылала ему телеграммы.

Потому что в Лондоне полагали, что ему уже более ста десяти лет, хотя на самом деле ему еще не исполнилось и ста восьми.

В доме престарелых им гордились, показывали филантропическим делегациям, получали под него кредиты на развитие геронтологии в Гусляре, но затем средства исчезали, хотя об этом — особый разговор.

Когда Байсуридзе Тимур Георгиевич из рода владетельных князей Колхиды впервые в жизни занемог, ухаживать за ним позволяли Лукерью. Болезнь князя приключилась от сильного ветра. Во время приема южнокорейской делегации неожиданный порыв ветра вырвал легкого старичка из кресла-каталки и вознес к вершине одинокой сосны. Оттуда его доставали с помощью пожарной команды, и старик простудился, пока висел на ветке, вцепившись в нее ногтями и развеваясь, как вымпел в шторм.

Обязанности Лукерьи заключались не только в том, чтобы давать ему вливания глюкозы и кормить через пипетку, но и служить потенциальным якорем. Она, как женщина массивная и весомая, обязана была цепляться при ветре или сквозняке за ноги старика и держать его, чтобы он снова не улетел.

Лукерья шла в дом престарелых с утра, ее там ждали и хоть не платили, но порой снимали кино или телепередачи. Разок ей позвонил принц Уильям из Лондона, передал привет от бабушки и просил не терять бдительности. Так что Лукерья сознательно шла на материальные потери, зато получала долю славы.

В четверг она шла в дом, как обычно, к завтраку, в восемь двадцать.

И тут ее окликнули.

Догонял Матвей Тимофеевич.

Он сильно изменился, окреп, распрямился в плечах, а в глазах появился блеск. И шагал он уверенно.

Зря надеялись родственники. Такой, как поняла Лукерья, еще всех их похоронит.

— Привет, Лушка, — сказал он. — Сходим в кино?

— Да вы чего, — ахнула Лукерья. — Как можно? Завтра наш город от злобных сплетен лопнет. А я женщина беззащитная.

— Тогда сегодня дверь не закрывай, я к тебе явлюсь с шампанским!

И притопнул, словно жеребец какой-то.

Лукерью охватило отвращение, потому что она это бодрящее тело замечательно знала на ощупь, столько его колола и массировала, утку подкладывала, ваткой протирала. Не в кино же с ним теперь ходить?

Она отмахнулась от выздоровевшего мертвеца и поспешила к своему дедушке.

Но мысли остались. Все-таки она была медиком, а не обывательницей.

Само существование этого мужчины было нарушением законов природы. Как и возрождение к жизни юноши Василия. Лукерья знала, что недавно произошла другая драма. Неверная возлюбленная Пальмира встретила его на улице, когда он нес домой новый компьютер, полученный им в награду на Втором международном конкурсе имени Винера, и вдруг поняла, насколько была не права, изменяя такому гению. Она кинулась к нему с уговорами, но ничего из этого не вышло. Василий ее даже не заметил. Тогда Пальмира стала осаждать его дом и даже ходить за ним в вычислительный центр, где он работал до переезда в Гарвардский университет, о чем Пальмира тоже прознала. Штурмовала она юношу, штурмовала, но безрезультатно. А потом всем в городе сказала, что ночью в три часа покончит с собой. Многие смеялись, другие отмахивались. Пальмира пришла к себе в комнату, высыпала на тумбочку жменьку снотворных таблеток, легла и стала смотреть в потолок и представлять свои завтрашние похороны, на которых она будет лежать, такая красивая и уже недоступная. Смотрела, смотрела и заснула. А некоторые поверили и в три часа ночи побежали к ее общежитию при табачной фабрике, вломались в комнату, увидели таблетки на тумбочке и, вместо того чтобы разбудить девушку тихим словом, стали промывать ей желудок. Чуть на тот свет не отправили. А Василий тем временем проводил вечера и ночи с тихой и воспитанной красавицей Евдокимовой, хранительницей навигационных приборов речного техникума.

Был он решителен, весел и всегда при деле.

И совсем не похож на бывшего Василия. И эта перемена тоже смущала Лукерью.

С такими мыслями она пришла в дом престарелых к Тимур Байсуридзе. Там царила суматоха, почти переполох, потому что пришло очередное послание от английской королевы, букет роз и двухгаллоновая, то есть очень большая, бутылка шампанского.

Все собрались вокруг бутылки, позвали механика Федю, он вскрыл шампанское, и пробкой размером с кулак Тимура Георгиевича зашибло.

Он потерял сознание и стал тихо утасать.

Лукерья сидела у его девичьей постельки и напевала колыбельную. Ей было жалко старичка и жалко город, куда английская королева не будет больше посылать телеграмм и бутылок.

Старичок приближался к последнему вздоху, когда в палату вошел почти бесплотный неузнаваемый мужчина.

Когда он приблизился к телу старика и стал всасываться в него, Лукерья воскликнула:

— Ну это слишком! Я народ позову.

Но было поздно.

Байсуридзе тихо вздохнул и отдал богу душу.

А полупрозрачный мужчина скрылся внутри старичка.

Тут старичок окончательно умер, и его смерть — а Лукерья смогла зафиксировать это — продолжалась ровно минуту. После этого Тимур Георгиевич вздохнул, открыл глаза и тихо спросил:

— Никто не заметил?

— Чего не заметил?

— Как я мертвым был.

— А вы мертвым были? — У Лукерьи в голове будто роились тараканы. Они щекотали череп изнутри.

Старичок только что был мертв, а теперь разговаривал.

— Не притворяйся, красotka, — сказал покойник без грузинского акцента.

К счастью, Лукерья не была приучена падать в обморок, так что только пошатнулась.

— Ты третий, — сказала она, взяв себя в руки.

— Это с какой колокольни глядеть, — ответил старичок, потянувшись с громким скрипом и добавил: — Сосуды никуда не годятся, мышцы как бумага. Чистить и чистить... Не могли бы уж подыскать чего-то помоложе.

— Зачем? — Лукерья ничего не понимала, и поэтому ее вопросы могли показаться глупыми.

Старичок попытался сесть, но руки-ноги не повиновались.

Лукерья ему помогала, а тут вошел директор дома и принес телеграмму от английской королевы с выражением сочувствия по поводу кончины такого древнего долгожителя. Видно, начальство в суете поспешило информировать королевский дом о потере, не заглянув в палату.

Старичок сначала рассердился, потом сказал:

— Черт с ними, пускай вычеркивают.

Но благородно помог Лукерье вывести из обморока несчастного директора.

— Я бы, конечно, пошел тебя проводить, — сказал Тимур Георгиевич. — Но не могу вызывать излишних подозрений. Я буду постепенно в себя приходить под наблюдением врачей, пускай наблюдают, медики-педики.

И вот в этот момент в Лукерье зародилось подозрение, не подменили ли Байсуридзе, а также остальных покойников. Что-то общее чудилось ей в судьбе всех этих людей.

Но сформулировать свои подозрения она не могла. Ума не хватило.

Какие-то кубики-рубики не складывались, потому что она наблюдала явление, которому на земном языке еще нет названия.

Прошло еще несколько дней. И каждый приносил Лукерье тревожные подтверждения: что-то тут не так.

Во-первых, все покойники уже совсем выздоровели и часто встречались на улицах, а вот в поликлинику ходить не желали.

Удивительно, но Лукерье приходилось встречать пациентов и в сопровождении женщин. Ну ладно, юноша Василий — у него возраст такой. А что вы скажете о Тимуре Байсуридзе, которого Лукерья застала вечером в городском парке, через который порой ходила, чтобы сократить расстояние до дома. Он сидел на лавочке, обняв одной рукой за плечи ту самую Пальмиру, простите за выражение, а в другой держал письмо от английской королевы и читал его с грузинским акцентом.

Лукерья даже замерла от изумления. Ну ведь человеку сто лет или сто двадцать! А он красотку за ухо кусает!

— Что? — спросил Матвей Тимофеевич. — Удивляешься?

Лукерья отшатнулась от него — испугалась. Подошел незаметно.

От Тимофеевича пахло мужским одеколоном «Арамис» и мужскими гормонами.

— Пошли по пиву дернем? — спросил он.

И Лукерья согласилась.

Сколько лет не соглашалась ни с одним мужчиной, а тут согласилась. Может быть, любопытство одолело, а может быть, от Матвея так несло самцом во цвете лет, что в ней дрогнуло что-то женское, нежное, податливое.

Они уселись за столик над самой рекой. Оркестр играл нечто возвышенное, быстрое, как сердце на свидании.

— Я, можно сказать, терзаюсь, — сказала Лукерья Маратовна. — Ты мне прямо в тело заглядываешь, а я твой последний вздох на днях приняла.

— Не может быть, — расхохотался Тимофеевич и в один глоток опрокинул в себя пол-литровую кружку.

— А ведь чудес не бывает, — сказала Лукерья, как ее когда-то научил Аркадий Борисович, ее наставник в гигиене и любви. — Это медицинский факт.

Матвей долго хохотал и спросил:

— А можно тебя без отчества называть, просто Лушей?

Словно до этого величал по отчеству. Смешные люди — эти мужчины.

Но когда он в ответ на согласие крепко схватил ее за коленку, Лукерья вырвалась и заявила:

— В принципе я другому отдана и буду век ему...

Слово «верна» изо рта не вылезло, не захотело. Лукерья как бы забыла Пушкина и зарделась, но в темноте не было заметно.

— Я же дурного не желаю, — сказал Матвей. — Я хочу одарить тебя любовью.

Нет, вы только подумайте! Покойный Матвей Тимофеевич таких слов и не подозревал.

И тут в мозгу Лукерьи получилось короткое замыкание.

— Ты не Матвей Тимофеевич! — твердо сказала она. И в памяти ее встал тот бестелесный мужчина, который как бы вошел в тело свежего покойника.

— А кто же я? — Матвей даже не обиделся, но глаза стали внимательные и серьезные, даже прискорбные. — Кто же я такой, если не Матвей Тимофеевич, которого ты в попу колола шприцем? Может, мне раздеться и ты тогда узнаешь?

— Ты не думай, — сказала Лукерья, — в милицию я не пойду.

— А тебе и не поверят.

— И не поверят...

Тут из кустов вышел Тимур Георгиевич, подтянутый и бодрый, несмотря на возраст. В руке была кружка пива.

— Я присоединюсь? — спросил он.

— Не помешаешь, — ответил ему Матвей. — Мы тут о мертвецах разговариваем, может, поможешь Лушке разобраться.

— Чего же не помочь, Лукерья Маратовна, если не ошибаюсь.

Он прихлебывал пиво маленькими глоточками, как гоголь-моголь. Редкие седые волосы от малейшего ветерка поднимались над головой. В остальном он был мужчина что надо.

— Мы ведь с Матвеем как братья.

— Ага, — кивнула Лукерья. Матвей подвинул ей непочатую кружку, в голове немного шумело, и там гнездилась непривычная смелость. — Как братья. И с Васей тоже.

— Не только с ним. Нас уже много, в одном Гусляре...

Байсуридце замолчал и оглянулся, будто ждал подсказки. И в самом деле из темных кустов тонкий голос подсказал:

— Тридцать два человека.

— Видишь — тридцать два. И скоро будет еще больше.

— И зачем это?

— Внедряемся, — вмешался Матвей. — Окультуриваем Землю. Будем изменять генетический материал. Пора вам втягиваться в общую жизнь цивилизованной Галактики.

— А как вы это... окультуриваете?

— Мы никому не делаем зла, — сказал Тимур Георгиевич. — Ждем, пока кого-то схватит смерть. Неизбежная гибель. И в момент смерти наш человек входит в погибшее тело, оживляет его и существует. Ты же ведь уже догадалась?

— Догадалась, — согласилась Лукерья, допивая вторую кружку. — Как увидела, так и догадалась.

Медсестра врала, потому что даже в тот момент она не совсем догадалась. В нарушение медицинского факта кто-то в кого-то вторгался.

— А потом что будет? — спросила Лукерья.

— А потом нас станет много, мы женимся на вас, земных женщинах, вы родите хороших культурных детей, и постепенно жизнь на Земле станет все лучше и лучше.

С этими словами Матвей нежно, но крепко взялся за коленку Лукерьи, а за вторую, куда нежнее и мягче, ухватился Байсуридце.

Ах, какая волна желания и страсти накрыла Лукерью с головой!

— Пошли к тебе, — прошептал Матвей.

— Нельзя, — прошептала Лукерья, — мой там пришел, пьяный спит. Как всегда, никакой пользы.

— Знаем, — вздохнул Байсуридце. — Еще как знаем. Городок наш небольшой, все слухи, сплетни, как лягушки, по луже прыгают.

— Хоть бы его черт прибрал! — в сердцах промолвила Лукерья и осеклась, потому что до сих пор была равнодушна к своему непутевому.

Провожал ее домой Матвей. Байсуридце побегал на какое-то другое свидание.

— А тебя дома не хватает? — спросила Лукерья.

— Они меня с утра отравить пытались, — ответил с кривой усмешкой Матвей, — я их всех из дома выгоню. Не хочется жить с людьми, которые желают твоей смерти. Да ты их знаешь как облупленных, одна племянница чего стоит!

Лукерья вздохнула. Она их знала.

Матвей проводил Лукерью до самой двери. Жила она в двухэтажном доме коридорной системы, бывшем бараке. Они вошли в прихожую нижнего этажа, голая лампочка в пять свечей горела под потолком.

— Один поцелуй, — прошептал Матвей, — и я уйду, как будто меня и не было.

— Нет, — одними губами ответила Лукерья, но больше звуков не издала, потому что ее губы были прижаты к зубам инопланетного мужика.

Он притиснул ее к стенке, стал хватать руками, и Лукерья чувствовала себя куском мороженого на солнцепеке — стала почти жидкой и сливочной.

Он ее лобзал, а она лобзалась в ответ.

И он все приближался и приближался к укромности ее горячего тела и оставался уже один момент, может, два, не больше...

Но тут перед внутренним взором Лукерьи встал образ ее несчастного, никуда не годного, опостылевшего мужа. Где-то в глубинах крупного тела Лукерьи сидел органический запрет делать с другими мужчинами то, что она когда-то так сладко делала со своим супругом и чего ей так давно не хватало.

— О нет, не соблазний меня, искуситель! — закричала Лукерья, словно была на оперной сцене.

Она изо всех сил оттолкнула от себя вошедшего в раж Матвея Тимофеевича и, перескакивая через ступеньки, помчалась к себе на второй этаж. Матвей ринулся было следом, но тут двери комнат стали открываться, и злые лица жильцов принялись искать в полумраке виновника их беспокойства.

Так что при первых же воплях Матвей убежал из дома.

Он шел по улице понурившись, словно побитый пес, и понимал, что не может злиться на эту женщину.

Впервые в жизни Матвей, или как там его кличут по-инопланетному, ощутил всепоглощающее чувство любви. А может быть, желание обладать земной женщиной.

Но что делать?

Он не знал ответа. Ему надо было посоветоваться со старшим группы, причем не раскрывая ему своего сердца, не то старший мог, под горячую руку, вообще разлучить его с Лукерьей.

А Лукерья поднялась к себе.

Ее Ромочка, как и положено, гудел, переливался пьяным храпом, свесив с дивана обутые ноги. Насосался.

Он приоткрыл глаз и сказал почти трезво:

— Обед на плите.

Словно сам его готовил.

Но Лукерье не нужен был обед. Лукерье нужна была любовь. Она готова была простить Ромочке все, только обними, приглубь!

Она нагнулась к нему.

От Ромочки несло перегаром от дешевой водки.

Лукерья преодолела отвращение и стала целовать его щеки и губы, но Ромочка отмахнулся от нее, как от большого слепня, и тем же тоном произнес:

— Насилие, а тем более педофилия, преследуются по закону.

— О, Роман! — бормотала Лукерья, стараясь возбудить в нем мужчину.

— Сорок два года как Роман, — ответил ее муж и ловким движением сбросил супругу на пол. — Мы не бабники, мы алкоголики.

Лукерья лежала на полу, сил не было подняться.

И не замечала, как за этой сценой через окно наблюдает некий

маленький аппаратик, вроде кинокамеры, управляемый на расстоянии.

— Хоть бы подох! — воскликнула она сквозь слезы.

— Почему? — заинтересовался Ромочка.

— Я из-за тебя хорошему человеку в любви отказала!

Ромочка немного подумал и сказал:

— Наверное, не очень он к тебе стремился.

— Очень! — И Лукерья заплакала.

— Значит, ты не очень горела.

— Горела.

— А зря отказала. Может быть, прилично заплатил бы, и мы бы с тобой мотоцикл купили, за грибами ездить.

Это была не шутка. Это была мечта ее мужа.

Лукерья пошла плакать на кухню.

Жизнь не удалась.

И никогда Земле не стать цивилизованной планетой.

Зря добрые инопланетяне стараются.

И Ромочка в той комнате заснул, захрапел.

5

Русские женщины могут быть умом не быстры, но зато если они включатся в размышление, то могут прийти к неожиданным и парадоксальным результатам.

Лукерья всю ночь не спала, а думала.

И надумала.

Она заглянула в поликлинику, взяла направление на уколы для одной женщины, а сама пошла к Матвею Тимофеевичу домой, посоветоваться. Матвея Тимофеевича дома не было, а его племянница, раздосадованная тем, что тот не помер, как положено, стала сердиться и гнать Лукерью со двора, потому что полагала, что медсестра неправильно его лечила, раз он остался живой.

— Чему вас там учат! — кричала она, а соседи высовывались из окон и некоторые сочувствовали. — На что народные деньги идут!

Лукерья спорить не стала, потому что не знала, на что идут народные деньги. А пошла искать Матвея по интуиции.

Нашла недалеко, на Пушкинской, где он во дворе шестнадцатого дома играл в домино, забивал рыбу в компании со стариком Ложкиным, а также Удаловым и Грубиным — старые люди вспоминали далекое прошлое, когда и народ был добрее, и космос отзывчивее.

Лукерья остановилась в сторонке, сердце забилося, в глазах

пошли круги — что-то с ней творилось, разыгрались гормоны, это она, как медицинский работник, понимала.

Матвей вздрогнул. У него было звериное чутье.

Он резко обратил к ней свой пронзительный взор.

Разве подумаешь, что такой мог умирать, безвольно лежа в койке?

— Ты чего? — спросил он.

— Ты играй, играй, отдыхай, — ответила, зардевшись, Лукерья. — А потом поговорим.

— Ну зачем ты так, — мягко возразил мужчина. — Ребята подождут.

Его товарищи и в самом деле готовы были подождать. Лукерья вышла с Матвеем на улицу, там было два шага до скверика у Параскевы Пятницы.

— Посидим? — спросила Лукерья.

— Не томи, — сказал Матвей. — Я ведь терпеливый, терпеливый, а могу и не дотерпеть.

— А вы, значит, можете в человека внедриться? — спросила Лукерья.

— При условии последнего вдоха, — ответил Матвей.

Лукерья глубоко вздохнула, как пловец перед прыжком с вышки, и спросила:

— А в моего мужа?

— А разве он у тебя болеет?

— Болеет, — поспешила с ответом Лукерья, — часто болеет, хроник он безнадежный.

— А что за болезнь?

— Ну что у них бывает за болезнь? Алкоголизм, конечно, — сказала Лукерья.

— Алкоголизм — это не болезнь, — возразил Матвей, — а времяпрепровождение. А ты-то чего желаешь?

— Любви, — призналась Лукерья, — ласки желаю. Во мне пропадает жена и возлюбленная, потому что он мерзопакостный бездельник, профукивает жизнь, вместо того чтобы идти по ней со мной рука об руку.

— Красиво излагаешь, — сказал Матвей. — А я тут при чем? Могу только оказать тебе мужскую услугу — подарить тебе несколько ночей любви.

— Не понял ты меня, — вздохнула Лукерья. — Не в тебе дело. Не хочу я мужу своему изменять. Я его себе выбрала, и я его желаю.

— А я-то тут при чем? — Матвей буквально закричал.

— Но ты же мне говорил, что вы все как братья и как кто помрет, в него входите, а потом человек возрождается к жизни и любви.

— Ой ли?

— А ты на Байсуридзе погляди, — сказала Лукерья. — Английская королева ему письма из жалости писала, а сейчас он чего?

— Сейчас он себе дачу строит, — ответил Матвей.

— Я хочу, чтобы мой Ромочка тоже возродился к жизни и любви, пускай он тоже дачу построят.

— А я...

— Не кричи. Я хочу, чтобы один из ваших товарищей, которые хотят помочь нам, своим братьям и сестрам по разуму, внедрился в тело моего покойного мужа, я буду любить его и окультурировать, сколько необходимо. Ой, как я буду его любить!

— Остался пустяк, — вздохнул Матвей, — чтобы твой муж помер.

— Но ведь это на самом деле пустяк... в свете современной медицины.

До Матвея дошла мысль Лукерьи и испугала его. Видно, недостаточно крепкие нервы оказались у пришельца.

— Ты что, убить его хочешь? — спросил он.

И голос Матвея дрожал.

— Я не убийца и не намерена поднимать руку на законного супруга. С кем же я жить буду тогда? Нет, сделайте так, чтобы я и не заметила. То есть заметила, но только на следующий день.

— А если мы не поможем тебе, коварная женщина, — спросил Матвей. — Ты откажешься от своей затеи?

— Если не поможете, — Лукерья потянулась, запрокинув руки за голову, и ее груди поднялись к солнцу, смутив взор Матвея Тимофеевича, — если откажетесь, то будете иметь дело с нашей доблестной милицией. Потому что я заготовлю заявление, как вы уничтожаете людей и в них вторгаетесь.

— И никто тебе не поверит!

— А вот это мы проверим. Посмотрим.

Лукерья поднялась.

— Мне пора, — произнесла она.

— А может, все же мной обойдемся? — сказал Матвей, но без особой уверенности.

— Я другому отдана, — классически ответила медсестра, — и буду век ему верна, понял?

Матвей подавил злобный блеск своих чужеземных глаз, а из кустов раздался негромкий начальственный голос, который не столько звучал в воздухе, как проникал в мозги:

— Предложение следует обдумать и, возможно, принять. Однако ты, женщина, тоже будешь оказывать нам некоторые услуги.

— По окультуриванию, — хихикнула Лукерья. — Пионер всегда готов!

Она пошла на уколы и в воображении строила абстрактные картины, в которых ее Ромочка с помощью культурных пришельцев сначала немножко помирает, а потом становится молодым и красивым, как Иван-дурак в русской сказке, окунувшийся в соответствующий котел.

Так и день прошел.

6

К дому она подходила неуверенно, даже с робостью.

А вдруг Ромочка уже приболел?

Нет, лучше пускай они его завтра обработают.

И чем ближе она подходила к дому, тем более страдала от вины перед Ромочкой. И в подъезде уже искренне возмечтала, пускай Ромочка как мужчина пользы не представляет, но, главное, он должен остаться жив и здоров. Что она, изуверка, что ли?

Она открыла дверь своим ключом и прислушалась.

Ни звука.

Может, что случилось?

Она кинулась в спальный закуток. Пусто.

Она кинулась на кухню.

На кухне сидел Ромочка и пил чай из самовара — приданое Лукерьи.

Он был нормальным, обыкновенным, если не считать забинтованной головы.

— Явилась не запылилась, — заявил он. — Я тут без тебя и помереть мог, а ты бы и не заметила.

— Что случилось? — И все было забыто. И злодейство, и намерения. Ее крохотулечка приболел.

— А на меня кирпич упал, — сообщил Ромочка не без гордости. — Мало на кого падает, а на меня грохнулся.

— Как? Где?

— Ты не поверишь, прямо на кухне.

— Откуда на кухне кирпич взялся? — Лукерья начала сердиться. Она сочувствует, переживает, а он ёрничает.

— А кто банку с квашеной капустой кирпичом придавил? И на верхнюю полку поставил?

— Ну уж...

А ведь было это, три дня просила Ромочку кирпич принести для этой цели. Пришлось, как всегда, самой кирпич тащить.

— Как ты умудрился, урод?

— Как, как? Качнуло меня, о стенку задел, а ты этот кирпич криво положила — а за ним и банка трехлитровая с капустой.

Он указал пальцем вниз, как памятник Юрию Долгорукому в городе Москве, который таким жестом велел закладывать столицу.

А на полу расплывшейся стаей червяков воняла кислая капуста. Блестели осколки банки. Валялся кирпич с отбитым краем.

— И что? — Лукерья старалась не смотреть на сцену крушения — ей же убирать придется.

— И все. Погиб я и умер безвозвратно. Еще держусь, но скоро кончусь...

Тут Ромочка побледнел и стал оседать. Лукерья подхватила его, дотащила до постели.

Вызвала «Скорую». Пока она мчалась с соседней улицы, Роман скончался. Кровоизлияние в мозг от ушиба.

В первый миг его смерти Лукерья с внутренним содроганием увидела бесплотную тень мужчины, который как бы вошел в бездыханного Ромочку.

— О нет! — закричала она, как трагическая гречанка. — Не смейте!

Никто ее, конечно, не послушался.

Потом приехала «Скорая». Доктор Матвеев — сколько раз они у покойников встречались! — констатировал кровоизлияние и сказал:

— Крепкий он у тебя. Другой бы очурился.

— Другой бы очурился, — повторила Лукерья, глядя на воскресшего мужа.

И показалось ей, что он ей подмигивает, что было невероятно.

7

Той же ночью Ромочка напал на Лукерью. Как зверь, истосковавшийся по самке в джунглях. Лукерья трепетала и повторяла:

— Ты не очень, я же отвыкшая!

А он отвечал ей:

— Голову не задевай, голову! У него же сквозная рана до мозга.

Потом спохватывался и поправлялся:

— То есть у меня эта рана. Так сказать, если раны — то мгновенной, если смерти — небольшой.

Лукерья не поправляла оправдывающегося супруга, потому что понимала, что он инопланетянин, прибывший насаждать культуру.

Утром она накормила его блинами. Бывший Ромочка любил блины, а новый, оказывается, их тоже любил. И даже пояснил Луше:

— Ведь тело-то у меня прошлое, а запросы у него прежние, тебе понятно, ласточка?

Так они и жили. Ночи были бурные, днем Лукерья буквально засыпала на ходу, иглу старикам не туда совала.

И надо сказать, что тот, кто из кустов вечером давал указание помочь несчастной женщине, правильно сообразил, что более полезного друга в Великом Гусляре им не отыскать. Лукерья точно указывала им адреса и симптомы безнадежных больных, чтобы можно было погибшего человека сразу спасти, то есть заменить в его мертвом теле жизнь на инопланетную, которая волеет в него силы.

Как-то недели через две после наступления в жизни Лукерьи простого женского счастья, когда оказывается, что муж — это Муж, а не растение в горшке, она готовила на кухне большую яичницу с колбасой из двадцати яиц. И неспроста, потому что в гости к Ромочке пришли Матвей, Тимур и еще один из их начальства.

Они уже привыкли к Лукерье.

И она смирилась с ними — пускай помогают людям, улучшают.

Говорили они по-русски, порой переходили на телепатию, но Лукерья и телепатию теперь понимала.

Занимались они бухгалтерией.

— По Тотемскому району как у нас дела? — спрашивал Матвей.

Ромочка рапортовал:

— Внедрено шестьдесят два, на подходе еще шесть.

Говорил он четко, по-военному, и Лукерье приятно было слушать, какой у нее бравый муж.

Но Матвей был недоволен. Ему было трудно угодить.

— На тридцать процентов плететесь позади графика. Мне страшно в штаб такие цифры посылать. Что они со мной сделают, а?

— Ну, тебя не тронут, — сказал Ромочка. — Ты заслуженный штаб-офицер, шесть походов прошел, две аннигиляции, весь в шрамах и медалях.

— Ну ладно, ладно, — подобрел Матвей.

Лукерья принесла им большую сковородку, они стали есть ложками, нахваливали, а Лукерья спросила:

— А ты, Ромочка, тоже весь в медалях, да?

— Он у нас еще молодой, — засмеялся Тимур.

У него морщины разгладились, волосы потемнели, приходилось красить себя в седой цвет и рисовать морщины фломастером, чтобы люди не подозревали колдовства.

— А аннигиляции проходил?

— Шла бы ты, женщина, отдыхала, чай нам завари, — рассердился почему-то Ромочка.

А Тимур сказал:

— Аннигилируем мы планету только в случае неудачи мирных способов. Или если очень сильное сопротивление. А так обычно обходимся мирным путем.

— Вот и правильно, — согласилась Лукерья и пошла ставить самовар.

Вслед ей послышался тихий смех гостей.

Пускай смеются, подумала Лукерья, с мужиков чего спросишь? Ведь эта порода человечества далеко уступает женщинам по способностям.

А из комнаты слышалось:

— По Пьяному Бору картина положительная. Шестнадцать и три.

— Не скажи, в штабе могут не одобрить. Энергичнее надо работать.

— Как, прости, энергичнее? Куда уж? Ведь люди чаще помирать не стали.

— Надо им помогать, — твердо сказал Тимур.

— Нет! — возразил Матвей. — Только в крайнем случае. И с санкции вышестоящих органов. Так мы можем все дело завалить.

— Ты нелогичен, — сказал Тимур. — Здесь присутствует наш товарищ, который получил тело, потому что мы помогли его предшественнику кирпичом по темечку...

— Ш-ш-ш! — вскинулся Ромочка. — Зачем ты так громко?

— А я думаю, что она отлично знает или хотя бы догадывается, — сказал незнакомый пришелец. — Она сама просила.

Лукерья так и замерла у самовара. Хотела его взять и в комнату нести, но руки онемели.

Одно дело нутром чуют или даже что-то подозревать. Но ведь она на самом-то деле не желала смерти настоящему Ромочке, а получается, что она соучаствовала?.. А может, шутят они? Мужики, бывает, соберутся и травят всякие байки. Надо бы пойти и прямо вопрос поставить: убили Ромочку или случайность с кирпичом вышла?

Но никуда она, конечно, не шла. Как ты пойдешь к бандитам, хоть и с культурными целями, а они тебе скажут: да, убили, по твоей просьбе, и ты молчала, потому что твой Ромочка тебе наслаждение доставлял.

— Интересно, — услышала она голос Тимура, — как там у наших в Москве дела? Там ведь две или три дивизии работают...

— Там трупиков хватает! — ответил Ромочка. Слышно было, как он отодвинул стул и пошел на кухню.

Как увидел Лукерью, сразу понял, что она все слышала.

— Это была шутка, — сказал он. — Мы пошутили. Я сам погиб.

Но Лукерья ему уже не верила.

В глазах у нее стояли слезы.

И смотрела она на Ромочку с любовью.

Как ее понять? Да, она знала уже, не сомневалась, что смерть ее мужа — дело рук пришельцев. И неизвестно еще, сделали ли они это из сочувствия к ней или потому, что выполняли план по трупам с непонятной для Лукерьи целью.

На кухню вошел Тимур.

— Я думаю, что тебе не стоит строить иллюзии, — сказал он. — Никакие мы не культуртрегеры и не филантропы. В политике таких не бывает. Нам нужно жизненное пространство, и мы с этой целью вторгаемся на удобные для нас планеты, внедряемся в жителей, а потом, когда нас уже много и мы получаем доступ к важным объектам, то оставшихся в живых аборигенов мы уничтожаем или в лучшем случае порабощаем. Третьего не дано.

— А я? — пискнула Лукерья.

— В каждой войне есть предатели, — сказал Тимур. — Одни предадут за деньги, а другие — за идею.

— А я? — Лукерья как-то сразу смирилась со своей предательской сущностью.

— Ты, будем считать, идейная, — сказал Тимур.

— Спасибо. Вы меня убьете?

— Мы тебя уже поработили, — засмеялся Матвей. — Со временем я тоже на тебе женюсь.

Все они захохотали. Но Лукерье показалось, что Ромочка смеется не так нагло, как Матвей.

8

Днем Лукерья на службу не пошла. Пускай сами помирают, все равно человечеству жить осталось немного.

Она пошла на почту.

Попросила там лист бумаги и конверт.

Написала сверху листа:

«Президенту Российской Федерации в собственные руки».

— Должен же кто-то мне поверить, — прошептала она. В милицию она не пошла, не доверяла. Может, там уже пять пришельцев с погонами ходят. А вот президент вроде свой, высказывается против террора.

Она сидела и думала, как начать письмо, чтобы президент поверил.

Но додумать не успела.

Тонкая юношеская рука протянулась через ее голову. Василий взял листок и скомкал его.

— Не надо, Лукерья Маратовна, — сказал он. — Никуда вам не деться.

Лукерья вскочила, сначала испугалась, но потом взяла себя в руки и зашипела, как змея, источая яд:

— А ну мчись отсюда, физик недоделанный! Сейчас такой крик подниму, что народ вас на вилы возьмет! А ну!

— Не надо, Лукерья, — прошептал юноша. — Ну зачем так! Вы же наша союзница, вы же одна из нас!

— Неужели не убьете?

— Да что вы! Как можно!

Лукерья с размаху шлепнула ладонью Василия по щеке и пошла на улицу.

Василий трусил сзади, но подойти боялся.

Тут Лукерье встретился Михаил Стендаль, редактор газеты «Гусларское знамя», человек неподкупный и старожил. Шел он рука об руку с Корнелием Удаловым.

— Миша! — воскликнула Лукерья. — Ты знаешь, что нас не сегодня-завтра инопланетяне покорят и истребят, как крыс?

— Не исключено, — сказал Стендаль.

— И что вы будете делать? — спросила Лукерья.

— Уйдем в партизаны, — сказал Удалов. И почему-то подмигнул.

— Вот именно, — согласился Стендаль.

А к Лукерье уже спешили Ромочка с Матвеем. Видно, Василий поднял тревогу.

— Луша, — пропел Ромочка, — ну куда ты с такой высокой температурой на улицу выбегаешь?

— Нет у меня температуры, пришелец проклятый.

И видно, этот возглас звучал забавно, все мужчины стали смеяться, а Ромочка повел домой рыдающую жену.

— Грипп наступает, — заметил Удалов. — Как дела в Европе?

— В Европу вирус уже проник, — сказал Стендаль.

— Выздоровливай, Лукерья! — крикнул Удалов.

9

Ночью Лукерья лежала рядом с Ромочкой. Тело у него было горячее, страстное. Но он сдерживался.

— Пойми, — говорил Ромочка. — Так устроена Вселенная. Кто сильнее, тот и скушал. Завтра придет новый сатана и всех нас

сожрет. Так вы, люди, истребили тасманийцев, птицу додо и морскую корову Стеллера, которые не были виноваты в том, что живут на одной с вами планете. Мы — санитары леса. Ваша цивилизация зашла в тупик и не сегодня-завтра сама себя задушит. А мы ей помогаем.

— А дальше что? — Лукерья сглотнула слезы.

— Если нас не раскусят и сопротивления не будет, то через два-три года ты будешь жить в новом, упорядоченном и счастливом мире.

— Меня кирпичом по затылку, да?

— Ты моя жена! — рассердился Ромочка. — Можно сказать, любимая туземка, наше доверенное лицо. Ты что думаешь, нам запрещают с туземками жить? Да я имею право себе хоть десяток таких, как ты, взять!

— И намерен?

Ромочка спохватился.

— На деле я не намерен, потому что люблю тебя как настоящую жену.

— А если я поеду в Вологду?

— А там что?

— А там в милицию или армейскую часть — не знаю куда! Может, к Жириновскому в партию?

— Только не в партию, — сказал Ромочка. — Там уже все наши.

— А если я все же найду...

— Будет война, — вздохнул Ромочка. — Многие погибнут. Может, мы даже потерпим поражение и нам придется аннигилировать твою планету. А жаль. Столько усилий мы потратили.

Он положил руку ей на плечо, провел пальцами по шее.

— В конце концов, — прошептал он, — какая тебе, простой женщине, разница, кто правит Россией, если у тебя есть здоровый любимый мужик? Ты чего добьешься? И мужика лишишься, и, возможно, жизни. А уж счастья тебе не видать.

— Ах, — вздохнула женщина. — Какая мне разница! Пришельцы-мришельцы, оккупанты, шпионы, завоеватели, поработители... а ты, Ромочка, меня не оставишь?

— Если не будет приказа...

— Обними меня, любимый!

10

Профессор Минц с Корнелием Удаловым подкрались поближе к погасшему окну на втором этаже. Они затаились за кустом орешника. Минц направил на окно невидимый обыкновенным глазом лучик зомбификсатора.

На махоньком дисплее задрожала алая искорка.

Рядом, впритык к ней, горела искорка изумрудная.

— Как славно, — сказал Удалов. — На таком расстоянии различает. Ты гений, Лев Христофорович.

Минц наклонил талантливую голову. Он привык к похвалам.

— Не будем себя тешить. Это лишь начало пути. Создать зомбификсатор могли бы по крайней мере три лаборатории на земном шаре. А вот внедрить его, заставить руководителей различных государств поверить в страшную опасность, которой подвергается Земля, — это куда труднее.

Алая искорка слилась с изумрудной.

Удалов вздохнул:

— А ведь хорошая была женщина... А теперь? Немецкая овчарка!

— Не клейми ты Лукерью, — ответил Минц. — Я почти убежден, что она и не подозревает, что находится в объятиях инопланетянина. Она верна своему мужу.

А там, на втором этаже, Лукерья воскликнула:

— Любовь ведет меня к подвигам! Ради нее я готова на многое.

— Не торопись, — ответил пришелец. — Будут тебе задания, будет тебе работа...

Минц спросил:

— Когда последний автобус на Вологду?

— Через двадцать минут.

— Тогда пошли.

— Лев, побойся бога! Мне домой надо забежать. Ксению предупредить.

— Мы позвоним ей из Вологды.

— Что за спешка?

— У нас нет ни минуты, — сказал Минц, спрятав зомбификсатор в карман и быстро пошел по улице.

Удалов махнул рукой и припустил за другом.

Их путешествие будет непростым, и результаты его еще неясны.

А Лукерью жалко...

ЖИЗНЬ ЗА ТРИЦЕРАТОПСА

Глава 1

Мне хочется внести ясность в историю, которая прогремела по всему миру и отозвалась (как всегда, лживо) в средствах массовой информации, что значительно повредило безукоризненной репутации города Великий Гусяр.

Верно сказал Корнелий Иванович Удалов:

— Лучше бы этих проклятых динозавров не было!

Но раз динозавры были, о них надо говорить правду и только правду.

Во-первых, не существует дикого горного хребта, на котором водятся белые медведи, как уверяла газета «Вашингтон пост». В окрестностях Великого Гусляра нет никаких горных хребтов, если не считать небольшого вулкана, который большую часть времени спит, а если и просыпается, то его извержения не представляют опасности для горожан.

Во-вторых, заявление газеты «Монд», что крупнейший из динозавров достигал сорока метров в длину, — наглая газетная утка. Известный по публикациям в «Огоньке» бронтозавр был молодой особью, вряд ли достигавшей тридцати метров.

Также являются ложью утверждения о том, что русские ученые уже выводят динозавров из генетического материала, найденного в Великом Гусляре.

Наконец, совсем уж беззастенчивой ложью пронизан репортаж английской коммунистической газеты «Морнинг стар»: некий динозавр напал на школьников, возвращавшихся домой по главной улице.

Во-первых, как известно, никогда ни один динозавр не ходил по главной, иначе Советской, улице Гусляра. Во-вторых, некому там было ходить.

Теперь, когда автору удалось дать отпор некоторым наиболее нахальным заявлениям средств массовой информации, он хотел бы перейти к правдивому и последовательному изложению событий.

Итак, на окраине города Великий Гусляр существует поросший соснами холм под названием Боярская Могила. Никакого боярина там не хоронили, но есть сведения, что у местного помещика Гулькина был любимый конь Боярин, которого возили на скачки в Вологду, там напоили портвейном, а на обратном пути он простудился и пал. Гулькин, который связывал с конем большие надежды, был в расстройстве и построил мавзолей на холме, возвышавшемся аккуратно за его курятником. Мавзолей со временем провалился или обвалился — никто толком не помнит, тем более что произошла революция и с Гулькиными покончили.

В холме есть пещеры, куда иногда пробираются ребята, но вообще-то лазить туда не положено, потому что своды пещеры могут рухнуть.

На этот раз в пещеру попали совсем не ребята.

К Синицкому приехал погостить племянник и влюбился в де-

вушку, которая продавала мороженое возле рынка. Продавала она мороженое, чтобы заработать себе на высшее образование, в котором очень нуждалась, так как еще в школе побеждала на областных биологических олимпиадах. А один раз ее даже возили в Казань — в школу юного химика.

При этом Марина обладала отличной фигурой, ладными ножками и прочими девичьими атрибутами, включая буйную копну рыжих косичек. Пройти мимо нее равнодушно мог только слепец.

Но жила она в Гусляре без родителей, снимала угол у гражданки Свинохиной и почти голодала.

Когда племянник Синицкого Аркадий увидел Марину, торгующую мороженым, что-то в его груди перевернулось. Он даже не посмел приблизиться к ней, а пошел, расстроенный своей нерешительностью, домой и поведал о своей душевной боли тетке. Тетка предупредила его, что Марина — «девушка не нашего круга».

Сама тетка когда-то приехала в Гусляр из Козлятина, где ее папа работал в милиции в чине сержанта.

На следующий день Аркадий снова пошел на площадь Землепроходцев и купил поочередно шестнадцать порций мороженого. Семнадцатую Марина ему не продала, а сказала:

— Вы обязательно простудитесь и будете меня проклинать.

— Никогда!

— Кроме того, вы не производите впечатление богатого человека.

Аркадий не знал, обижаться на эти слова или нет, но Марина разрешила все его сомнения, сообщив:

— Я через полчаса закончу.

— И что? — осторожно спросил Аркадий.

— Думайте, — предложила Марина и повернулась к следующему покупателю.

В тот день Аркадий проводил Марину до дома, и они обнаружили много общего во вкусах, настроениях и даже отношении к жизни.

На следующий день, не сказав тетке, что он встречается с «девушкой не нашего круга», Аркадий повел Марину в кино. Когда молодые люди сидели на набережной и говорили о жизни, оказалось, что их взгляды совпадают. Наверное, не было в истории таких похожих людей, хотя они и принадлежали к разным социальным кругам.

В среду они пошли в лес. Благо у Марины выдался выходной, а Аркадий был готов отменить все дела и заботы ради того, чтобы поговорить о ботанике и литературе.

Далеко они не ушли, а поднялись на холм Боярская Могила,

чтобы с его вершины сквозь сосновые ветви полюбоваться видом города и реки Гусь, протекающей мимо.

Потом они немного посидели под сосной, и тут им захотелось целоваться, причем обоим, в чем они друг другу не посмели признаться.

На их счастье, пошел дождь.

Надо было прятаться от дождя, и Аркадий вспомнил о том, что поблизости есть пещера, куда он лазил в детстве.

Конечно, Марина очень боялась пещер, потому что в них бывает темно, но дождик был холодным, а под таким дождем целоваться совершенно невозможно.

Аркадий не сразу нашел вход в пещеру — растительность вокруг изменилась, да и сам он вырос.

Вход был похож на дыру, ведущую в берлогу, и Марина даже спросила:

— А медведя там нет?

— Наивный вопрос, — сказал Аркадий. — Медведей в наших местах давно уже нет. — И он первым полез в пещеру.

Марина нагнулась, влезла в дыру, и ее подхватили сильные и нежные руки Аркадия.

— Иди сюда, садись, — сказал он.

— А змей здесь нет? — спросила Марина.

— Уползли.

— Я все равно боюсь, — прошептала девушка.

— Я с тобой! — ответил Аркадий. — Дай мне руку.

Ее пальцы нащупали в темноте его ладонь и замерли, потому что Марину ударило током.

— Ой, — сказала девушка.

Аркадий потянул ее за руку и привлек к себе. Раз было темно, то Марина не могла должным образом сопротивляться: она же не видела, с кем борется.

— Только не целоваться, — прошептала она, как бы подсказывая Аркадию, что надо делать.

— Конечно, — сказал он.

Его губы совершенно нечаянно наткнулись на ее губы.

И они целовались, пока шел дождь. Но так как они не видели, кончился дождик или нет, то целовались почти до вечера.

Иногда, борясь больше с собой, чем с Аркадием, Марина шептала:

— Только не это! Ты же все испортишь!

Аркадий не совсем понимал, что он может испортить, но недостаток жизненного опыта и опасение обидеть девушку заставляли его остановиться. Однако ненадолго. Так что их отношения были похожи на морской берег. Ты видишь, как волна поднимает

ется, несется к галечной полосе, но прибрежные камни останавливают, дробят ее и заставляют уползти обратно, поджав пенный хвост.

Наконец Марина устала от борьбы, в которой ее поражение было неминуемым. Поэтому она нащупала на полу пещеры камень и шутливо сказала Аркадию:

— Если мы сейчас не уйдем отсюда, я тебе нос разобью.

К этому времени их глаза настолько привыкли к темноте, что молодой человек отлично разглядел камень в тонкой руке продавщицы мороженого.

Он натужно засмеялся, но подчинился, потому что в извечной борьбе полов верх всегда берет мужчина, но женщина решает, когда ему предстоит победить.

Держась за руки, они вылезли из пещеры и зажмурились.

Заходящее солнце окрасило оранжевым светом стволы сосен, небо было почти белым, как десятикратно простиранный голубая рубашка, птицы уже ужомонились.

Под ногами мягко пружинило одеяло сосновых иголок. Раздвинув иголки, кое-где торчали скользкие шапки маслят.

Молодые люди стали спускаться с холма. Чтобы отвлечь Аркадия от охвативших его печальных мыслей, Марина показала ему камень, который забыла выкинуть, и сказала:

— Обрати внимание, что это такое?

— Камень, — ответил Аркадий, все еще докипающий несбывшимися порывами.

— Не просто камень, — сказала Марина, в круг интересов которой входила и минералогия. — Некогда в этой местности бушевали вулканы.

— Где только они не бушевали...

Они вышли на дорожку, Аркадий хотел было еще раз поцеловать свою возлюбленную, но навстречу, разумеется, шла тетка с пустыми ведрами. Скажите, что делать тетке с пустыми ведрами на окраине Великого Гусяра на рубеже тысячелетий?

— Но я не знала, что Великий Гусяр входил в зону вулканической активности, — сказала Марина. — Я полагала, что весь этот регион покрыт толстым слоем осадочных пород.

— Вот именно, — согласился Аркадий, проклиная тетку.

Чуткая Марина заметила его душевное неудобство и правильно истолковала:

— Ты меня совсем не слушаешь, Аркаша. Я не подозревала, что в твоём сердце есть место суевериям.

— В моём сердце все есть, — ответил Аркаша.

— Надо будет посоветоваться со Львом Христофоровичем, — сказала девушка. — Он наверняка знает.

— Это еще кто такой? — спросил юноша.
 — Профессор Минц, — сказала Марина. — Без пяти минут лауреат Нобелевки. Живет у нас уже много лет.
 — Что делать в этой дыре без пяти минут лауреату?
 — В этой дыре ты меня встретил, — сказала Марина, обидевшись за Великий Гусляр.
 — Лучше бы я тебя в Москве встретил.
 — Разве в Москве ты отыскал бы такую пещеру? — рассмеялась Марина.

Аркадий не ответил. Подобно всем влюбленным на раннем этапе этой болезни, он был подозрителен и склонен к пессимизму.

На углу Пушкинской Марина попрощалась с Аркадием, и ему показалось, что она сделала это очень холодно.

Глава 2

Расставшись с Аркадием, Марина отправилась к профессору Минцу и застала его во дворе. Новое поколение доминошников вбивало в землю крепкий старый стол, а профессор с Корнелием Удаловым смотрели на отчаянную схватку глазами знатоков и с трудом удерживались от советов.

— Что за манера, — сказал Минц, увидев Марину и поцеловав ее в лобик, — заплетать негритянские косички. Неужели тебя из-за этого больше любят мальчишки?

— Они меня не любят, — ответила Марина. — Они ко мне пристают.

Марина отошла с пенсионерами к лавочке под кустом сирени и показала Минцу камень, подобранный в пещере.

— Откуда это? — удивился Минц.

— Так Маринка с Аркашкой Синицким в пещере от дождя пряталась, — ответил за нее Удалов. — Мне старуха Ложкина говорила.

— Вот это лишнее, Корнелий, — оборвал его профессор. — Не превращайся в старую сплетницу.

Он покрутил камень в руках, понюхал его, поцарапал ногтем и сказал:

— Примерно семьдесят миллионов лет назад этот камешек был лавой. Но так как я не знаю о выходах лавы в нашем районе... Где ты его нашла?

— Я думаю, — ответил за девушку Удалов, — что там в пещере и отколупнула.

— Если вы, дядя Корнелий, будете вмешиваться! — рассердилась Марина и взмахнула головой так резко, что косички взлетели нимбом вокруг нее, как лучи солнышка.

Марина давно уже раскаивалась в легкомысленном поступке — косички общим числом сорок три она заплела на спор с Эммой Кошкиной, своей злейшей подругой. Теперь Эмма носила прически от Кардена, а Марина, выиграв кассету Майкла Джексона, никак не могла решиться остричь косички, не имеющие ровным счетом никакого отношения к сюжету этой повести.

Жизнь в маленьком городке имеет свои преимущества, но и не лишена недостатков. Человеку кажется, что он незаметно встретился с одной гражданкой, а оказывается, несколько пенсионерок разнесли об этом весть раньше, чем человек возвратился домой.

— Когда-то, — задумчиво произнес профессор Минц, держа в руке камень, как принц Гамлет держал череп Йорика, — потоки расплавленной лавы неслись по улицам нашего городка, пожирая тела беспомощных динозавров.

— Ну ты перебрал, — откликнулся Удалов. — Только нашего городка не было, хотя я не отрицаю его исторических заслуг.

— Ты приземленный и скучный человек, — сказал Минц.

Марина промолчала, но в душе согласилась с профессором.

— Слово по улицам Помпеи, — продолжал Лев Христофорович. — Не оставляя на своем пути ни одной живой души. Даже ко-мариной... Ты что, Мариша, хочешь, чтобы я отправил образец на анализ?

— Зачем? Вы же с первого взгляда определили возраст образца и его происхождение.

— Все же оставь камешек у меня, — сказал Минц. — Я займусь им на досуге. Каждому Гусляру нужны свои Помпеи.

Марина двинулась домой, а Минц сказал ей вслед:

— Сегодня его умиляют твои косички. Завтра, когда ваше чувство будет подвергнуто испытаниям, лучше показаться ему коротко, но элегантно постриженной.

— Ничего вы не понимаете, дядя Лева, — сказала Марина.

Глава 3

На следующий день они не смогли встретиться, потому что Марина сначала поехала на базу за товаром, а там была налоговая инспекция, так что ей пришлось задержаться до обеда. Аркадий три раза приходил к ее месту, а оно оказывалось пустым. Беда влюбленных заключалась в том, что они не знали друг друг-овых адресов и телефонов. Им казалось, что в Гусляре потеряться невозможно.

Аркадий переживал больше, потому что бездельничал, а Марина переживала меньше, потому что сначала была занята на ба-

зе, а потом побежала в парикмахерскую и еще уговорила Алену постричь ее без записи. Марине хотелось сохранить хоть немножко волос, отделавшись от проклятых косичек. Ее беспокоило высказывание профессора об испытаниях, которым должно подвергнуться чувство.

Когда Марина вышла из парикмахерской, то была не уверена в себе и готова приклеить косички обратно — ведь Аркаша полюбил ее с косичками! Она сомневалась, будет ли его чувство прежним без косичек. Ведь теперь она походила на мальчика.

Она остановилась в нерешительности. Вечер еще не начался, день был влажным, предгрозовым. Сейчас бы в пещеру, спрятаться от грозы, подумала Марина и испугалась такой мысли. Ну что делать — порой мы думаем совсем не то, что надо думать.

Мимо пробегал Максимка Удалов, внук Корнелия Ивановича.

— Тебя Минц обыскался, — сообщил мальчик. — Что ты с собой сделала?

— А что?

— Сама на себя не похожа. Родная собака не узнает.

— Нет у меня собаки! — огрызнулась девушка.

Мальчик убежал, а она осталась посреди улицы, потому что если даже маленькие мальчики тебя осуждают, значит, Аркаша наверняка отвернется.

Вот в таком настроении Марина отправилась к профессору.

Профессор близоруко пригляделся к ней и сказал:

— Хоть ты и не похожа сама на себя, но эффект скорее положительный, чем отрицательный.

Этим он, конечно, ее не утешил.

— Ты не спешишь? — спросил Минц.

— Никуда я не спешу, — отозвалась скорбным голосом Марина.

— Тогда взгляди на свой камень под умеренным увеличением.

Марина, которой совсем не хотелось глядеть на камни, все же склонилась к микроскопу. И увидела, что поверхность камня прорезана длинными редкими канавками и бугорками.

— Видишь?

— Вижу, — ответила Марина.

И подумала: «А что, если купить парик? Поеду завтра с утра в Вологду, куплю парик, а если меня выгонят с работы, то бог с ней, с работой».

— И что ты видишь?

— Парик, — нечаянно ответила Марина. — Как вы думаете, в Вологде можно купить приличный парик?

— Мода на них прошла уже в восемнадцатом веке, — ответил профессор. — Но сохранились некоторые лысые женщины, которые идут на такие ухищрения.

— Я и есть такая женщина.

— Ты глупый ребенок, — сказал профессор. — Смотри в микроскоп и докладывай мне, что ты видишь. А если твой молодой человек не дурак, он только обрадуется твоему возвращению в человеческий облик... Итак, что же мы видим на этой картинке?

— Не знаю.

— А попробуй представить, что это органика.

— Не представляю.

— Тогда я тебе скажу, — не выдержал Минц. — Мы с тобой видим отпечаток шкуры какого-то животного, оставленный в пещере много миллионов лет назад.

— Так не бывает.

— Конечно, малый клочок шкуры... а почему тебе это кажется невозможным?

— Потому что глупо, — сказала Марина, имея в виду, конечно же, парик.

— Если мы отыскали кусок породы с отпечатком шкуры динозавра, то наше открытие может оказаться эпохальным. Мы сейчас же идем с тобой к пещере. Ты не боишься?

— Пойдемте, — сказала девушка равнодушно.

Удалов в это время как раз вышел во двор поскучать, потому что у Ксении было дурное настроение. Он с удовольствием присоединился к экспедиции.

— В истории палеонтологии открытия, подобные нашему, — рассуждал по дороге Лев Христофорович, — уже встречались. Однако чаще всего отпечатки живых организмов сохранялись в известняковых отложениях, и такая судьба ожидала животных, которые погибли, утонув в море. Вулканический туф, с которым мы имеем дело, не лучший материал для сохранения отпечатков такого рода, как, например, известный всем нам отпечаток археоптерикса. Он имеет совершенно иную кристаллическую решетку...

Марина несколько раз порывалась повернуть назад, но Минц брал ее за руку и стыдил. Гроза громыхала совсем близко и обрушилась на путников в тот момент, когда они стояли перед входом в пещеру.

Минц, крихтя, полез в пещеру, за ним последовала Марина, затем в пещеру влез и Корнелий.

— Тесно, — сказал Удалов.

Минц включил фонарь, и всем стало ясно, почему тут так тесно. В пещере оказался еще один человек. Аркадий Синицкий.

— Ты чего тут делаешь? — удивился Удалов.

Марина попыталась выбраться под дождь, но Удалов ее удержал.

Молодой человек закрывал глаза от света фонаря и ничего не видел.

— Вы кто? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Известные вам лица, — сухо ответил Удалов. — Я, Лев Христович Минц и одна девушка.

— Какая девушка? — Голос Аркадия снова дрогнул.

Марина не откликнулась. Ей хотелось спрятать голову между коленками. Но она не успела, потому что профессор Минц резко развернул фонарь и яркий луч его уперся в остриженную голову девушки.

— О! — воскликнул Аркадий.

— Не узнал? — спросил Минц.

— Не то слово, — отозвался Аркадий. — Сами понимаете, она же изменилась... Стала еще лучше.

— Ты в самом деле так думаешь? — с дрожью в голосе спросила Марина.

Аркадий истоиво закивал.

После перекрестного допроса выяснилось, что Аркадий сидит в пещере уже третий час, потому что решил, что если Марина не знает, где его встретить, то должна вспомнить, где они уже встречались.

Минц направил луч фонаря на потолок и стены пещеры. Он возил лучом по неровным стенам, молодые люди молчали, затаив дыхание, а Удалов громко дышал. Ему хотелось дать совет, но он еще не знал какой.

— Смотри! — строго приказал Минц своему другу.

Удалов стал смотреть на стену. И ничего не увидел.

Молодые люди начали шептаться. Они выясняли отношения.

Минц сказал:

— Боюсь, что это открытие мирового значения, но мы к нему еще не готовы.

— Объясни, — попросил Удалов.

— Ты внимательно смотри, — сказал Минц. — Вся эта стена покрыта канавками, царапинками и неровными бугорками. Что это такое?

— Что же это такое?

— Гигантский отпечаток вымершего животного, — провозгласил Минц. — Смотрите!

Он провел лучом фонаря по стене и затем пошел вдоль нее по сужающемуся ходу. До тех пор пока ширина позволяла ему продвигаться вперед, луч света выхватывал ту же структуру — все тот же отпечаток шкуры.

— А теперь смотрите! — воскликнул профессор и обратил луч себе под ноги. — Видите?

— Видим, — сказал Удалов. — Другая картинка, но похожая.

— А теперь вперед и чуть правее.

Все посмотрели вперед и чуть правее.

И увидели круглую яму. Неглубокую.

Минц посветил внутрь ямы, а Удалов вытащил оттуда пивную банку — видно, кто-то не очень давно посещал пещеру.

— Это не мы, — сказала Марина.

— Знаю, — сказал Минц. — Смотрите налево.

Слева тоже было отверстие. Тоже яма.

— Вы все еще не догадываетесь? — спросил Минц.

Они еще не догадались. Они ждали, что скажет профессор.

— Много лет назад, — начал Минц, — в Помпее стали находить странные полости в окаменевшем пепле, который когда-то засыпал этот город шестиметровым слоем и погубил все живое. Одному из археологов пришла в голову мысль: а что будет, если заполнить такую полость гипсом? Принесли гипс, залили полость, а когда окаменевший пепел убрали, оказалось, что это был полный и точный отпечаток погибшего человека. Пеплу не удалось заполнить отпечаток, потому что телу потребовалось время, чтобы сгореть. Человек сгорел, а пепел затвердел. И получился как бы негатив человека — пустота на том месте, где он был. Таких негативов в Помпее десятки: люди и животные.

Минц замолчал. Луч фонарика уткнулся в стену и замер.

Все смотрели на круг света.

Неужели много миллионов лет назад на этом самом месте живо сгорел динозавр? Громадное и добродушное существо, которое совсем не собиралось вымирать. Ему бы жить и жить, яйца откладывать, жевать папоротники — а тут вулкан, землетрясение, наводнение...

— Так что же получается? — спросил Аркадий, который первым пришел в себя. — Выходит, мы сидим в динозавре?

— Не исключено, — ответил Минц. — Вопрос лишь в том, как проверить нашу теорию.

— Проще простого, — сказал Удалов. — Надо налить в пещеру гипса, потом раздолбать холм, а что останется, то и будет динозавром!

— Ой... — прошептала Марина. — Это же первый в мире динозавр, которого человечество увидит воочию.

— Вам нравится такой вариант? — спросил Минц у Аркадия, а может быть, у самого себя. — Мне он категорически не нравится. Мы с вами совершенно не знаем, что скрывает в себе этот холм. А вдруг динозавр не одинок? А вдруг тут, за стенкой, скрывается другой динозавр? Мне кажется, что я когда-то слышал, что в холме есть пещеры. Не пещера, а пещеры.

— Ты прав, Лев, — согласился с ним Удалов. — Я в детстве даже лазил сюда, только не в эту пещеру, а в другую.

— Значит, первым делом мы должны обеспечить изучение пустот. Изучение, а не уничтожение.

Глава 4

Возвращались в город двумя парами.

Первыми шли Удалов и Минц. Они обменивались идеями, которые рождались в их беспокойных головах.

Позади следовали Аркадий с Мариной.

Они не говорили о динозаврах, как будто не понимали значения этой находки. Их разговор состоял из вопросов. Ответы понимались.

— Ты в самом деле из-за меня сюда пришел?

— А зачем ты постриглась?

— Ты меня искал?

— Как ты догадалась?

А тем временем темнота опускалась на город, но посетить Лебедянского никогда не поздно.

Лебедянский стал мэром города совсем недавно, победив в отчаянной борьбе шестерых кандидатов, потому что был честным и обещал таковым оставаться навечно.

Еще подростком он возглавил организацию «Орленок», которая совершала походы по местам боевой славы. Правда, боевая слава давно уже обходила Великий Гусляр, но именно Толе Лебедянскому принадлежит честь открытия в гуслярских лесах братской могилы польских интервентов, замороженных там с помощью гуслярских проводников в начале XVII века. Еще в десятом классе средней школы Толя Лебедянский добился приезда в Гусляр делегации из Зеленой Гуры, откуда и были родом те самые ляхи.

Затем шустрый подросток пытался добиться слияния Велико-го Гусляра и Зеленой Гуры в один город-побратим, трижды ездил с этой целью в Польшу и один раз в Москву, где дошел до Андропова, но вся эта эпопея рухнула, когда в пылу общественной деятельности Толя завалил экзамены за восьмой класс и был оставлен на второй год, несмотря на то что за парнишку вступилась «Эмнести интернешнл», баварская партия «зеленых» и пионерская организация в Москве. После порки, ставшей известной всему городу, отец увез подростка в деревню, чтобы там он готовился к переэкзаменовке. Трижды Толя бежал из деревни, но тщетно. Его выслеживали с собаками и снова пороли. А тем временем от небрежения и раздоров в гуслярской организации «Орленок»

польская могила была потеряна, город Зеленая Гура побратался с Франкфуртом-на-Одере, а о смелом подростке все позабыли.

Школу он все-таки окончил и поступил в Вологодский институт культуры.

Здесь не место рассказывать о дальнейших приключениях Толи Лебедянского. Главное проявилось уже в истории с поляками: стремительное восхождение на Олимп и обязательное падение с него в долину. В чем-то Лебедянский был схож с античным героем Сизифом. Всю свою жизнь он вкатывал в гору камень своего жизненного успеха, но в последний момент тот срывался вниз, увлекая его за собой.

В год окончания института, когда уже пороть Толю было не за что, так как комсомольская работа выручала на любом экзамене, Толя влюбился в самую известную девушку на курсе, дочку второго секретаря Вологодского горкома. Оленька тоже влюбилась, и студенты решили пожениться. Но за две недели до свадьбы, когда все другие юные карьеристы умерли от белой зависти, курс отправился в туристический поход. В ночь с субботы на воскресенье студенты пели у костров, выпивали, веселились, купались при луне. Толя не был приучен к алкоголю и потому потерял над собой контроль. Он пошел в кусты обсудить с лучшей подругой Оленьки некоторые детали приближающейся свадьбы. Неожиданно для самих себя Толя и Катерина кинулись друг другу в объятия. А Оленька в поисках жениха услышала стоны и вздохи в кустах и на всякий случай туда заглянула.

Так Толя остался без невесты, квартиры в Вологде и хорошего места.

К тому же, чтобы не вылететь из комсомола, он был вынужден жениться на Катерине, потому что та ждала ребенка. Не могла, коварная, дотерпеть до диплома.

У Катерины жилой площади в Вологде не было, пришлось молодым приехать к отцу в Великий Гусляр. Толя трудился в школе, преподавал обществоведение, ненавидел детей, но учился на них управлять массами.

Дети его тоже не любили, так что возвращался из школы он с газовым пистолетом и дубинкой. После нападения третьеклассников Катерина купила мужу бронежилет.

Бронежилет она купила у своего дяди — нашелся родственник в городе! Был он сначала лейтенантом милиции. Потом стал охранником у одного бизнесмена. Когда бизнесмена убили, дядя унаследовал его дело. Катерину дядя Веня любил, купил ей джип, чтобы возить детей и бультерьера на прогулку.

Как-то он сказал Толе:

— Пора брать город в руки. А то развелось жулья — не перебить.

Толя согласился с родственником.

— Я на тебя надеюсь, — сказал дядя. — Придумай программу, понравься народу, будем толкать тебя в Думу, а то и выше.

Так Толя стал сначала членом, потом замом, а вот теперь — мэром города. Честным и бедным мужем богатой и нечестной жены Катерины.

Уже в выборных чинах он ездил в Вологду на поклон.

И надо же — встретил свою бывшую невесту. Оленька временно работала уборщицей в детдоме, который спонсировал дядя Вени. А Толя привез туда подарки — старый компьютер, телевизор и мягкие игрушки.

Оленька постаралась скрыться в коридоре, но зоркий взгляд Толи ее настиг.

— Что с предком? — спросил он первым делом.

— На нищенской пенсии, — ответила Оленька.

Во взгляде ее было что-то собачье, будто не она когда-то застукала Толю, а он ее застал за нехорошим делом.

Когда мэр Лебединский вернулся в Гусяр, его вызвал к себе дядя Вени и сказал, что намерен построить небольшой, скромный дворец на холме, поросшем соснами, который именуется почему-то Боярской Могилой.

— Сделаем, — легко согласился мэр. — Протолкнем участок через инстанции. Только придется платить.

Он проводил дядю до дверей кабинета и стал думать, как вернуть желание дяди к своей выгоде. Строительство предстоит большое, от пирога недурно бы откусить, но так, чтобы электорат продолжал считать его бескорыстным борцом за народное счастье. Недаром ведь в прошлом месяце был введен бесплатный проезд в автобусе для ветеранов Финской войны и боев на озере Хасан в 1938 году. Такой нашелся, и его фотографировали для газеты.

В шесть часов пятьдесят минут Толя Лебединский пошел домой. Машину он отпустил — пускай люди почаще видят, как он один, без охраны шагает по улицам города. Каждый может подойти, пожаловаться. Правда, чтобы не было провокаций, в трех шагах сзади шли два парня из ближнего окружения дяди Вени и дубинками отгоняли лишних просителей.

С шутками и улыбками.

Вечер выдался чудесный. Бывают в августе такие детские, теплые, безветренные вечера, когда даже сама природа купается в лучах заходящего солнца, а руководителям хочется быть добрыми и делать людям только хорошее.

Никто к главгору не подходил, потому что люди не очень любили, когда парни дяди Вени пускали в ход дубинки.

Идти до дома было всего минут десять, но мэр не спешил.

Он вышел на берег реки и сел на скамейку. Скамейки были недавно покрашены, и мэр гордился этим небольшим, но важным достижением.

Река спокойно несла свои воды, над ней летали стрижи, и когда из воды появлялось рыло щуки или сома, по воде расходились круги. Сейчас бы удочку, подумал мэр, хотя еще ни разу не ловил рыбу. Все дела, дела...

В последнее время Анатолий Борисович думал вперед.

Ведь пост мэра в маленьком Гусяре — это не цель жизни. Нет. Надо стремиться к большему. Значит, будем брать Вологду, а потом займемся Москвой. Может, снова поискать польскую могилу и выйти на международный уровень?

Не надо думать, что Лебединский не любил денег. Он любил деньги, но еще больше любил власть и себя во власти. Он старался не смотреть в сторону Катерины, которая с благословения своего дяди распоясалась и даже в магазине отоваривалась бесплатно. Но она не знала, что верная старая лошадь — секретарша Лебединского Марфута — обходила к вечеру точки, ограбленные Катериной, и возвращала ее долги. Об этом было известно гусярским обывателям, и это вызывало у них добрые улыбки.

Мэр глубоко ушел в свои думы.

Охранники уныло курили в сторонке и отбивались от комаров.

Над рекой поднимался вечерний туман.

В восемь тридцать, когда начало темнеть, к скамейке подошли четыре человека.

Охранники оживились. Вытащили дубинки. Зарычали.

— Анатолий Борисович, — сказал профессор Минц, — нам надо срочно поговорить.

Охранники придвинулись и хотели отогнать Минца, который слишком приблизился к мэру.

— Отставить! — сказал Лебединский. Он хотел поговорить. Неважно о чем.

Вперед выступил Удалов.

— Толик, — сказал он, — ты помнишь дядю Корнелия? Ты же с моим сыном в одном классе учился.

Это было правдой, хотя, впрочем, все в городе с кем-то учились в одном классе.

— А как же! — Толик улыбнулся загадочно, почти робко, он такую улыбку репетировал перед зеркалом. — Дядя Корнелий!.. А товарищи — с вами?

— Со мной. Дело серьезное, международное, — сказал Удалов.

— Тогда завтра, после одиннадцати. В десять у меня совещание по подготовке к отопительному сезону.

— Пять минут! — сказал Минц. — Дело в том, что мы нашли динозавра.

— Неужели? — спросил Толя. Он не улыбнулся. Потому что эти четверо не были похожи на умалишенных и в то же время очень волновались.

— Мы нашли первого в мире целого динозавра, — повторил Минц. — И вернее всего, наш город прославится на весь мир, если мы найдем способ их восстановить.

— А что с ними случилось? — спросил Толик. — Вы кости нашли, что ли?

— Представьте себе город Помпеи, — вмешался в разговор Аркадий, — и вам все станет ясно.

На счастье просителей, Анатолий Борисович две недели как вернулся из Неаполя, где участвовал в Европейской конференции мэров малых городов. В Неаполе ему не понравилось, потому что было жарко и дорого, а итальянки, как на подбор, черные или крашенные, как в Румынии, где Анатолий Борисович тоже бывал на симпозиумах по проблемам малых городов.

— Помпеи представляю, — откликнулся мэр. — И если вы имеете в виду лупанарий, то я его посетил в составе экскурсии. Никакого впечатления он на меня не произвел.

— Ну при чем тут лупанарий! — воскликнул Минц, который в Неаполе не бывал, но знал латынь, как и все прочие языки нашей планеты. — Речь идет о трупах в пепле.

И Минц рассказал Лебедянскому о находке.

Живое воображение мэра тут же начало рисовать картины динозавров, заточенных в горе. Решили побывать в пещерах с утра. Встретиться в девять, и сразу — к горе.

Лебедянский попрощался с Минцем и Удаловым за руку, с остальными кивком и, собрав своих мрачных телохранителей, отправился домой.

Набегая одна на другую, в его голове носились мысли и образы.

Он понимал, что Минц с Удаловым не солгали. Оттиски живых динозавров ждали своего звездного часа на окраине вверенного Лебедянскому города.

Дома он велел дочке достать атлас ископаемых животных и принялся листать его, выбирая себе самых достойных динозавров. Будто можно было заказать, каких надо. Анатолию Борисовичу захотелось иметь диплодока тридцати метров длиной и тиранозавра-рекса — страшного хищника мезозойской эры.

— Ты чего это увлекся, Толик? — спросила жена Катерина, раздавленная в бедрах и щеках и не любившая причисляться.

Иногда Толик с ужасом думал о том часе, когда он станет президентом Российской Федерации и будет вынужден стоять на церемонии инаугурации вместе с супругой. Страшно подумать! Может, пока не поздно, отказаться от поста президента?

— Тетя Римма звонила, — сообщила Катерина. Тетя Римма была женой дяди Вени. — Спрашивала, когда начнется строительство.

— Какое строительство? — спросил мэр, любуясь стегозавром. Надо будет раскопать стегозавра. Славный зверюга!

— Ну, коттедж на холме Боярская Могила, — напомнила Катерина. — Нам бы тоже присоединиться...

— Да ты с ума сошла! Я перед народом — как под увеличительным стеклом! Я должен быть хрустальным!

— Тогда сделай банк и запиши на мое имя, — посоветовала Катерина.

— Я тут подумал, — сказал мэр, — и решил: не лучше ли нам на холме детский городок устроить? Как у Диснея.

— Ты мне зубы не заговаривай, — предупредила мужа Катерина. — Ты что, кому-то еще холм решил продать? Сознавайся.

— Тут все в другом масштабе, — ответил муж, сдвигая брови, как на портрете Чапаева, который висел в его кабинете. — Тут пахнет всемирной сенсацией. Если Минц прав — твой дядя будет лизать пыль с моих ног.

Последняя фраза несказанно испугала Катерину. И она поняла, что мужа надо спасать, опередив его легкомысленный поступок докладом дяде.

— Чувствую, — громко шептала она в телефонную трубку глубокой ночью, когда Толик заснул (ему, конечно же, снились динозавры в шляпах и под зонтиками), — кто-то его шантажирует. Подсовывает ему разную дребедень, чтобы разрушить его светлый образ.

Дядя приглушенно рычал по ту сторону трубки.

Глава 5

Утром Лебедянский разбудил Минца и сам примчался за рулем своего скромного «ниссанчика». Дал такой сигнал перед домом № 16, что проснулись все, включая старика Ложкина, который не сообразил, что происходит, но, подчиняясь безусловному рефлексу, бросился к письменному столу и принялся строчить донос на некоторых лиц, которые позволяют себе будить тружеников.

— Эй! — крикнул мэр города. — Вставайте! Наука не прощает бездействия.

Удалов не смог проснуться, но Минц через пять минут уже сидел в машине.

— Показывай путь, профессор! — приказал мэр.

По дороге к холму он допрашивал Минца:

— Как будем доставать?

— Пока не знаю. Думаю над этой проблемой.

— Надеюсь, никому об этом еще не известно.

— Никому. Если не считать академика Буерака.

— Это еще кто такой? — удивился Лебединский.

— Открыватель олигозавра, крупнейший специалист по «мелу» в Восточной Европе. Я не мог оставить его в неведении.

— Мог! — возразил мэр. — Этим ты погубил все наше дело! Он сейчас уже носится по Москве и кричит, чтобы посылали экспедицию.

— Вряд ли, — усомнился Минц. — Во-первых, Буераку девяносто шесть лет и он уже второй год не выезжает в Гоби в экспедицию. Во-вторых, он живет в Израиле и не может бегать по Москве. В-третьих, Буерак глухой и я не уверен, что он понял, о чем речь.

Слова Минца немного успокоили Лебединского. Но, конечно же, не до конца. Все-таки нельзя выпускать из виду, что Минц в какой-то степени лицо еврейской национальности. Такие, как он, нападают на незащищенных палестинцев.

Занятый размышлениями Лебединский не обратил внимания на то, что за ним, не отставая и не приближаясь, едет джип «Чероки» с гранатометом на крыше.

Оставив машину у обочины, мэр с Минцем поднялись на холм.

Пробравшись в пещеру, профессор зажег фонарь.

Мэр был разочарован.

— Я думал... — сказал он, но не сообразил, как продолжить фразу.

Видимо, он думал, что обнаружит почти живое чудовище, а увидел обычную пещеру не лучше других.

— Подойдите к стене, — предложил профессор, — проведите по ней пальцем... Что вы чувствуете?

— Шершавая, — признался мэр.

— Правильно, это отпечаток кожи. Уже одного этого достаточно, чтобы наши имена были вписаны золотыми буквами в историю науки.

Даже если у Лебединского и были сомнения по поводу динозавров, после слов профессора они пропали. Золотыми буквами! В историю! Науки!

— Это эпохальное открытие, — строго продолжал Минц, — имело место на территории, которая находится под вашей ответственностью.

Мэр кивал. Он слушал покорно и с пониманием, которое росло в нем с каждой минутой.

— Человечество ждет, как вы сохраните народное достояние. В наше сложное и трудное время сразу найдутся люди с грязными руками, которым захочется извлечь из сенсационной находки своекорыстный интерес...

— Понимаю, — вздохнул Анатолий Борисович.

У входа в пещеру глухо выругался дядя Веня. Он бесстыдно подслушивал разговор Минца с Лебединским. Про динозавров он ничего не понял, зато уразумел, что его названный зять и протеже намерен передать драгоценный холм под застройку кому-то другому, и вернее всего, этому плешивому профессору. Спелись! Продали! Никому нельзя верить! И если бы Катя не позвонила и не предупредила, считай, что он лишился бы дачного участка. А ведь в этой жизни не деньги важны, а важен престиж. Вот он, Веня, уже пригласил заранее братву на новоселье. Из Тулы, из Питера, даже из Москвы!

— В тот момент, когда первое из чудовищ, — продолжал Минц, — восстановленное по помпейскому принципу, встанет на площади Гусляра, все самолеты мира полетят в нашу сторону. Спилберг заплатит любые деньги, только чтобы прикоснуться к нашему с вами открытию.

Мэр зажмурился.

Минц продолжал разливатьсЯ соловьем, потому что понимал: без поддержки Лебединского динозавров могут погубить, уничтожить или украсть.

Веня не слышал и не хотел слушать продолжения разговора. Так и не узнав, о чем идет на самом деле беседа, он указал пальцем охраннику Ральфу то место над входом в пещеру, где порода нависала козырьком. Ральф, идеальный охранник, тихо зарычал. Он любил стрелять из гранатомета.

Тщательно прицелившись в козырек, он выпустил гранату.

Граната вонзилась куда надо, и козырек рухнул вниз, увлекая за собой тонны породы.

Через секунду вход в пещеру перестал существовать. Клубилась лишь черная, дурно пахнущая пыль.

— К ноге! — приказал Веня охраннику.

Ральф пошел за ним к машине.

Веня не оглядывался. Он знал: не стоит оглядываться на прошлое. Даже в Библии написано, что жена Лота обернулась (погладеть не то на Содом, не то на Иерихон) и превратилась в соляной столп.

Веня не хотел ни в кого превращаться. Ему и так было хорошо.

Глава 6

Внутри взрыв гранаты ударил по ушам. Минцу показалось, что кто-то шлепнул его по голове тяжелым холодным мешком, полным овсяной каши. Фонарик вылетел из руки и исчез. Пещера наполнилась пылью, воздух в ней стал такой сплюснутый, что даже чихнуть удалось не сразу.

Абсолютная темнота. Абсолютная тишина. Именно так чувствует себя человек после смерти, подумал Лев Христофорович и тут же уловил слабый стон, которого сразу после смерти не услышишь.

— Кто это? — хотел спросить Минц, но вместо этого промычал неразборчиво, потому что во рту пересохло.

— Это я, — откликнулся знакомый голос, — Анатолий Лебединский, можешь звать меня Толиком. Я здесь руковожу.

Голос в темноте дрожал и срывался. Будто бы Анатолий Лебединский уже не был ни в чем уверен.

— Наверное, обвал, — подумал вслух Минц. — Надо же, простоять тридцать миллионов лет и рухнуть именно сейчас.

— Таких случайностей не бывает, — откликнулся мэр. — Вижу в этом злой умысел.

— Ну кому это нужно?

— Тому, кто хочет возвести чертоги на наших костях, — патетически возвестил Анатолий Борисович.

Наступила тягостная тишина. Потом ее нарушил слабый голос Лебединского:

— Мы обречены? Что вы думаете, профессор?

Как странно мы устроены, подумал Минц. Вот и изменился тон нашего мэра. Он уже не руководит с высоты, он согласен снова стать обыкновенным человеком, отягощенным слабостями и сомнениями.

— Давайте искать фонарь, — ответил Минц. — Он упал где-то рядом, но мог откатиться. Ползите по полу и водите вокруг руками, поняли?

— Начал исполнять, — отозвался Анатолий Борисович. — Уже ползу.

Минц тоже пополз — навстречу Лебединскому. Правда, ползать было трудно, так как в темноте они двигались зигзагами и никак не могли исследовать всю подозреваемую поверхность.

Фонаря не было.

Воздух в подземелье становился все более спертым. Возможно, им грозит удушье, о чем Минц не стал говорить Лебединскому, чтобы тот не удурился в панику.

И когда силы и надежды уже оставляли Минца, его пальцы натолкнулись на толстую ручку фонарика.

«Теперь зажгись, — колдовал Минц, уговаривая фонарь, — только зажгись! Без тебя мы пропали!»

И фонарик зажегся. Как ни в чем не бывало. Словно лежал на полке в шкафу и ждал момента поработать.

«Спасибо», — сказал фонарю Минц.

— Теперь мы выберемся отсюда? — спросил Лебединский. — Скажите мне правду!

— Посмотрим, — ответил Минц и принялся водить лучом фонаря по стенам.

Стены были на месте, за исключением той, в которой недавно зияла дыра наружу. Эта стена сдвинулась, сплюснулась под давлением потолка. Именно потолок и претерпел самые большие изменения. Он опустился, лишенный поддержки, косо лег, упершись углом в пол, и потому пещера уменьшилась втрое, а высота ее — в несколько раз. Теперь в ней даже выпрямиться толком было нельзя.

Минц подобрался к бывшему выходу. Он был завален настолько сильно, что и не стоило пробовать разобрать осыпь.

Лебединский догадался, что диагноз неблагоприятен, и сразу начал канючить:

— Что же прикажете, до смерти здесь оставаться? Нет, вы мне ответьте, вы меня сюда завлекли, вы несете ответственность за мою безопасность!

— Помолчите!

— А знаете ли вы, что я вхожу в элиту области и даже всей России? Знаете ли вы... у меня же семья есть! Любимая жена, дети, теща! Неужели вы хотите оставить их сиротами? Нет, признайтесь, вы этого хотите?

Минц игнорировал стенания, водя лучом фонарика по стенам и питая слабую надежду на то, что найдет какое-нибудь другое отверстие. Ничего не обнаружив, он принялся выстукивать стены рукояткой фонарика. А вдруг где-то рядом есть другая пещера?

Но стены отзывались одинаковым глухим звуком, показывая, что за ними нет никакой пустоты.

Минц устал и уселся у стены, вытянув вперед ноги. Фонарь он выключил.

— Зачем вы потушили свет? — рассердился Лебединский. — Неужели не понимаете, что мне страшно?

— Мне тоже, — сказал Минц. — И к тому же обидно.

— Обидно?

— Отыскать целого динозавра, и на твоих глазах он гибнет!

— Какой еще динозавр? Куда он гибнет?

— Так нет его больше! Разрушили!

— Как вы можете думать о пустяках! Немедленно продолжайте искать выход. О динозаврах мы поговорим после.

— Боюсь, что никакого «после» не будет.

И Минц произнес эти слова таким тоном, что мэр ударился в жалкий плач.

Так прошло еще несколько минут. Дышать становилось все труднее.

Всхлипывания Лебедянского звучали все тише.

И тогда в почти полной тишине, далекий и слабый, словно шуршание кузнечика, ползущего по скатерти, сороконожки, бегущей по палой листве, послышался звук.

Тук-тук.

Минц кинулся к стене и постучал в ответ. Пауза.

Снова стук снаружи.

Вернее, не снаружи, как сообразил Минц, а изнутри холма. То есть кто-то заточен так же, как и они?

— Что? Кто там? — спросил Лебедянский. — Меня нет!

Минц снова постучал.

И тут товарищи по несчастью поняли его. Они обрушили на стену мощную серию ударов. Минц отвечал им короткими очередями, постепенно приближаясь к тому месту, где перегородка или перемычка между камерами была самой тонкой.

Минц лихорадочно старался вспомнить азбуку Морзе, которую изучил, когда в молодости служил на флоте коком. Но, кроме сигнала «SOS», ничего вспомнить не смог — память уже подводила гения.

Видно, собеседники не знали даже такого простого сигнала. Они колотили бессистемно.

Лебедянский лишь вяло стонал, а потом сообщил Минцу, что умирает, но стонать не перестал. Минц ничем не мог помочь главе города и поэтому поднял с пола осколок камня и принялся царапать им по стене, надеясь когда-нибудь процарапать в ней отверстие.

Но люди по ту сторону стенки были лучше вооружены. По крайней мере после недолгого молчания они вернулись к стене, и послышались ритмичные уверенные удары.

Это продолжалось не меньше получаса. К тому времени воздуха в пещере почти не осталось, и Минц, чтобы не тратить его напрасну, улегся на пол и закрыл глаза.

Из забытья его вывела струя свежего воздуха.

Минц с трудом открыл глаза.

В пещере горели свечи — несколько свечей, отчего казалось, что профессор попал на елку, тем более что вокруг стоял такой су-

матошный и оживленный шум, будто окружающие намеревались пуститься в пляс.

— Объясните! — попытался перекричать окружающих Минц.

И тут в сиянии свечей и фонарей к нему склонилось очаровательное лицо Марины:

— Только не волнуйтесь, Лев Христофорович, все будет в порядке. Мы вас нашли.

— Как? Как вы нашли?

— Все просто, Христофорыч, — отозвался оказавшийся рядом Корнелий Удалов. — Эти голубки меня разбудили...

— Мы с Аркашей беседовали о палеонтологии, — вмешалась Марина. — А когда он меня домой провожал, то увидели, что вы с товарищем Лебедянским на машине в лес поехали, а за вами черного вида джип промчался и в нем известный бандит нашего города...

— Благотетель, — иронически пояснил Удалов.

— Мы — к Корнелию Ивановичу. Корнелий Иванович — пешком в лес.

— Мы пробег совершили, — сказал Удалов. — Для моего пенсионного возраста нечто невероятное! До сих пор отдышаться не могу.

— А навстречу нам джип катит...

— Когда подбежали к пещере, видим, что машина Лебедянского пустая. И это бы еще ничего, но входа в пещеру нет! Вход в пещеру завален. И никаких сомнений — дело рук Вениамина, — закончила Марина.

— Повторите! — послышался слабый голос.

Все обернулись. Анатолий Борисович приподнялся на локте, и глаза его отчаянно сверкали.

— Повторите! — взмолился он. — Вы уверены, что не клеветаете на предпринимателя, основателя благотворительного фонда помощи детям матерей-одиночек?

— Что видели, о том и говорим, — грубо сказал Удалов.

— Подлец! — прошептал Толик и лег на пол, чтобы умереть. Жить ему больше не хотелось. Вернее, хотелось бы, придумай он достойную месть дяде Вене. Но пока ничего не придумывалось.

— Мы потыркались со стороны входа, — сказал Аркадий, — но безрезультатно. Здесь без трех бульдозеров ничего не сделаешь. И тогда Корнелий Иванович сообразил, что в этом холме есть другие пещеры.

— То есть другие динозавры, — пояснила Марина.

— Я их повел в соседнюю пещеру, которую с детства помню, — пояснил Удалов.

— Очень интересно, — сказал Минц. — И там тоже помпейский динозавр?

— Без сомнения, — ответил Удалов. — Рассказывать дальше?

— Конечно!

— Мы сообразили, что стенку между пещерами нам никогда не прошибить. Что делать будешь? В город бежать за ломами? А что, если вы за это время задохнетесь?

— Мы были к этому близки, — признался Минц.

— И тут мы слышим — народ шагает, — сказала Марина.

— Притом многочисленный и хорошо снабженный для раскопок.

Народ, о котором шла речь, между тем начал собираться в дорогу. Люди, спасшие Минца, подходили к нему по очереди, жали руку, желали здоровья и счастья в работе и личной жизни.

— Ну, мы пошли, — говорили они, — работа не ждет. Человек должен сам ковать свое счастье.

Один за другим люди потянулись к дырке в стене и исчезли в темноте.

— Кто же они? — спросил Минц.

— Кладоискатели, — ответил Удалов. — Отсюда километрах в десяти проходит симпозиум кладоискателей. Со всей России съехались.

— Но почему у нас? — удивился Минц.

— С каждой находки — поступление в городскую казну, — раздался голос Лебедянского. — У нас здесь открытая кладоискательская зона. Привлекаем капитал.

— Но их-то что влечет?

— Ох, Лев Христофорыч, — вздохнул Удалов. — Забыл, что ли, про разбойника Крутояра, который зарыл под обрывом реки Гусь у Гавриловой займки по-над Ксенькиным омутом свой сундук с драгоценностями во второй половине восемнадцатого века?

— Но это же легенда!

— Для кого легенда, а для других — трезвая реальность, — ответил Удалов. — Не читал ты в газете «Гуслярский триколор» о находке по-над Ксенькиным омутом кольца со смарагдом? Крупнейшие специалисты исследовали кольцо и постановили, что оно принадлежало поэту Гавриле Державину, которого крутояровцы ограбили в мае 1768 года, оставив ему только шапку, чтобы не застудил своего главного дарования.

— Нам повезло, что мы столкнулись с кладоискателями в лесу, — добавила Марина. — К счастью, на симпозиуме будут проходить практические занятия, и каждый, кто прибыл сюда, нес ледоруб или кирку. Так что спасли вас в мгновение ока.

Аркадий помог подняться Лебедянскому, который чувствовал себя слабым и подавленным.

Минц в последний раз кинул взгляд на пещеру, придавленную рухнувшим потолком...

— Десять негрятят пошли купаться в море, один из них утонул, — пробормотал профессор.

В следующей пещере Минц остановился и стал с помощью воображения представлять себе, каким же был динозавр, испарившийся здесь пятьдесят миллионов лет назад.

Он оказался крупнее предыдущего, на спине у него был гребень — можно было угадать это по щелям, протянувшимся веревницей на потолке.

— Наверное, стегозавр, — предположил Минц. — Надо нам будет сегодня же обследовать все пещеры холма и снять его план. Как вы думаете, Анатолий Борисович, вы сможете выделить нам для этого специалистов?

— Если буду жив, — ответил мэр.

И с ним никто не стал спорить, потому что вспомнили об опасности, поджидающей всех в городе.

Потом Минц произнес:

— И все-таки интересы науки должны стоять на первом месте.

Вскоре они выбрались наружу. Минц зажмурился от света, показавшегося ему ослепительным. Лебедянский вообще потерял равновесие и чуть было не рухнул на землю.

Потом они побрели к дороге.

Но далеко уйти не смогли.

Посреди тропинки, опираясь на алюминиевые палки, стоял ветхий горбатый старик в сильных очках.

— Э... — произнес он, — молодые люди... вы не скажете, как можно пройти к динозаврам?

— Академик Буерак! — воскликнул Минц. — Какими судьбами?

Пришлось возвратиться в пещеру, потому что стыдно было сказать уставшим, когда древний старец добрался до Гусляра, чтобы ознакомиться с открытием.

С неожиданной резвостью старик-палеонтолог полез по пещерам. Даже при слабом свете фонаря, даже в очках в шестнадцать диоптрий он умудрился сделать несколько важных открытий касательно шерсти, пластин, когтей и даже зубов помпейской породы ящеров.

В город он идти не хотел — предпочел ночевать в пещере, чтобы не отвлекаться от работы. И когда Минц стал уговаривать его отдохнуть, он ответил решительно:

— Отдых нам только снится. В моем возрасте приходится ценить каждую минуту.

Они ушли в город; академик Буерак махал им сморщенной рукой.

Глава 7

Лебедянский не отставал от Минца. Он полагал, что, пока рядом Лев Христофорович, жизнь его почти в безопасности. Хотя угадать, на какие шаги решится дядя Веня, было трудно.

А город кипел.

Многие уже знали о покушении на Минца и Лебедянского, некоторые, особенно демократы, выражали сочувствие. Другие отводили глаза, полагая, что теперь дни мэра сочтены — раз его крыша поехала в другую сторону.

Как ни странно, хотя о подробностях покушения судачил весь Великий Гусляр, сам дядя Веня не знал, что его враг остался в живых, а жена Анатолия Борисовича Катерина не догадывалась о провале покушения, ею же и спровоцированного.

Лебедянский дошел с Минцем почти до его дома, а потом двоюродными, огородами и аллеями городского парка пробрался к себе. Там он отсиживался в кустах, наблюдая за входом.

Через час он перебежками добрался до подъезда и стремглав через три ступеньки вознесся на третий этаж.

Он открыл дверь своим ключом.

Дочь, светоч родительских глаз, была дома и закричала с порога:

— Ну как, откопал динозавра?

— Динозавр скоро будет, — ответил папа и, отстранив девочку, пробежал на носках в большую комнату, где Катерина сидела перед телевизором — крепкие ноги во весь диван, сигарета в зубах, стакан с джином в руке. Она всю пользовалась тем, что муж уже убит и больше не придется скрывать свои пагубные привычки.

— Ральфуша? — спросила она, не отрывая взгляда от телевизионного экрана. — Ты заставляешь себя ждать, кобель паршивый. Ну иди сюда, животное.

Катерина протянула могучую руку в сторону двери, и Лебедянский еле удержался, чтобы не плюнуть в нее.

Вместо этого он сделал еще шаг и перекрыл собой экран телевизора.

Нетрезвый взгляд жены медленно пополз по его некрупному телу, и судорога недовольства исказила лицо супруги мэра.

— Как же так? — спокойно спросила она. — Мне же слово дали, что с тобой покончено.

— Со мной не покончено, — так же спокойно ответил Анатолий Борисович, — как не покончено со свободолюбивым и трудолюбивым русским народом. Не выйдет!.. А с такими, как ты и твой так называемый дядя, мы поступим не только по закону, но и по справедливости.

Тут нервы Катерины не выдержали. Женщиной она была подлой, но эмоциональной, то есть склонной к слезам.

— Не убивай! — закричала она и поползла на коленях к Лебедянскому.

— Не дождешься, не убью! — воскликнул мэр. — Только признайся, что вы вместе с дядей всю эту подлость спланировали.

— Ну какое тут может быть планирование, — возразила Катерина, продолжая ползть. — Нервная женщина пожаловалась близкому родственнику на невнимание мужа — всего делов-то.

Катерина лгала, но Лебедянский узнал все, что хотел. Сомнений в том, что его убийство было организовано дядей Веней, не осталось.

Он замер, размышляя, каким должен быть его следующий ход.

Но тут дверь отворилась, и вошел охранник дяди Вени по имени Ральф. Мать его была женщиной, а отец ротвейлером. Поэтому и внешность, и хватка у него были соответствующие. Говорил он редко и с трудом.

Ральф изумленно зарычал, увидев живого Лебедянского. Сам ведь взрывал.

Мэр понял, что второе покушение на его жизнь окажется удачным, и поэтому ринулся в открытое окно третьего этажа. От травм его спасло только то, что он упал на крышу джипа, в котором приехал Ральф. Крыша прогнулась и приняла в себя Лебедянского, как в колыбель. Мэр вылез из колыбели и, прихрамывая, побегал со двора. Ральф высунулся в окно и звонко лаял ему вслед.

В несколько минут Лебедянский добегал до мэрии.

Рабочий день кончался, и в коридорах было пусто.

Задержавшиеся чиновники с удивлением глядели на главу города, который несся к своему кабинету. Ходили слухи, что его убили наемные киллеры, да вот, оказывается, слухи оказались ложными.

Миновав секретаршу, Лебедянский вбежал в кабинет и кинулся к телефону.

Он набрал прямой номер губернатора.

Номер не отвечал. Губернатор уехал на примерку костюма, который шился к приезду в область Филадельфийского симфонического оркестра.

Лебедянский раскрыл спецкнижечку и нашел телефон Кремля.

— Ждите ответа, — попросили Лебедянского. Потом музыка проиграла несколько тактов мелодии Гимна России, и другой приятный голос сообщил: — Президент Российской Федерации не может сейчас ответить на ваш звонок. После третьего гудка прошу оставить ваше послание.

Лебедянский выпрямился — все-таки разговариваешь с президентом — и доложил:

— У аппарата Лебедянский. У меня сообщение государственной важности. В окрестностях Великого Гусляра найдены динозавры. Повторяю: не скелеты и не останки, а точные отпечатки динозавров в полный рост, что является мировой сенсацией и принесет нам с вами славу и бессмертие. Однако черные силы олигархии уже тянут свои руки к народному достоянию. Прошу вас немедленно прислать в Великий Гусляр надежные воинские части, а также охрану для меня лично. — Лебедянский задумался, все ли сказал. Он уже готов был повесить трубку, но вспомнил и закричал: — Главное — устроить заповедник. Сохранить все для потомков! Вы меня понимаете?

Но автоответчик на это ничего не ответил.

Лебедянский опустил трубку.

И тут же телефон зазвонил.

Неужели президент так быстро вернулся?

Лебедянский схватил трубку.

— Это ты, Толик? — раздался голос дяди Вени.

— Я.

— Ты чего же меня обманываешь?

— В каком смысле?

— Мы тебя уничтожили как класс, а ты снова жужишь? Моя станция подслушивания перехватила твой звонок президенту. Ну как тебе не стыдно такого человека, как наш уважаемый президент, всякой чепухой беспокоить? Какие еще динозавры?

— В том холме на самом деле таятся динозавры, — решительно ответил Лебедянский. — И вы, дядя Вени, одного из них взорвали! Несмотря на то что я отменил решение о выделении холма под строительство.

— Документ у меня на руках. И учти, до президента твой голосок не долетел.

— Пути назад нет, — отрезал Лебедянский. — Ты меня убил, а я тебя посажу.

— Ха-ха, — сказал Вени голосом голливудского гангстера. — Мертвый хватает живого.

Лебедянский бросил трубку и ринулся к двери.

За столом секретарши сидел Ральф и скалил большие желтые клыки. Он поднял пистолет с глушителем.

Мэр бросился обратно в кабинет и, повалив на бок книжный шкаф, забаррикадировал дверь. После чего кинулся к окну.

Под окном стоял Вени с мобильником у плоского боксерского уха. За его спиной высились два автоматчика.

Лебедянский заметался по кабинету, как заяц.

Дверь большого шкафа, в котором хранились архив и посуда для банкетов, приоткрылась.

— Заходи, Толик, — сказал Удалов.

Лебедянский в отчаянии залез в шкаф.

Удалов закрыл дверь. В полу шкафа обнаружился люк, сквозь который пробивался слабый свет.

— Еще во времена Екатерины Великой соратники Пугачева уходили этим подземным ходом в слободу.

— Это здание такое старое?

— Дом перестраивался много раз по вкусу эпохи. Но туннель не трогали. Каждый последующий градоначальник понимал, что ход может понадобиться.

Они спускались под косым углом. Воздух становился все более затхлым, приходилось на каждом шагу прорывать головами толстую упругую паутину, ступеньки под ногами были скользкими.

К Лебедянскому возвращалась сила духа.

— Надо будет выходить на связь с Кремлем, — сказал он.

— Мы подключаем мировую общественность, — ответил Удалов. — Тише!

Они остановились. Сзади далеко, но явственно доносились шаги и голоса.

— Черт побери! — выругался Удалов. — Они нас выследили.

Пришлось бежать быстрее, потом ползти на четвереньках. Сверху срывались тяжелые холодные капли и норовили попасть за шиворот. Мэр оскользнулся и поехал считать мокрые ступеньки. Набил шишек, но терпел.

Они выскочили наружу в густых кустах возле моста через Грязнушку — речка пропала лет триста назад, но мост сохранился. Ломая кусты, побежали на дорожку и припустили на Пушкинскую.

Как назло, погоня не отставала и видела, куда они направляются.

— Давай к Минцу! — приказал Удалов. — Я буду отвлекать. Как птица от гнезда.

Он побежал по улице, махая руками, а Лебедянский отступал задами.

Через шесть минут он влетел в полуоткрытую дверь квартирки великого ученого.

Глава 8

— Меня надо спасать! Срочно! — крикнул мэр с порога.

Минц спокойно запер дверь.

— У нас есть три-четыре минуты, — сказал он.

— Куда бежать?

— Куда скажу, — ответил Минц и вынул из ящика письменного стола небольшой рюкзачок, сделанный из серого металла.

— Это мне?

— Надевайте. Осталось две минуты.

Мэр понял, что время шуток прошло.

Он начал натягивать рюкзачок, с какими ходят по миру европейские длинноволосые туристы.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Минц. — На вас машина времени. Портативный вариант. Не ахайте — некогда. Машина еще не изобретена и не запатентована. Ее привез со звезд наш друг Удалов. Действие ограничено, и вообще в таком виде она не имеет практического применения. Но вам она пригодится. Вы нажмете вот эту кнопку, видите?

— Вижу.

— Стоп! Не нажимайте раньше времени. Я еще не настроил.

К стеклу снаружи прижался нос Ральфа. Он вынюхивал жертву.

— Вы сейчас переместитесь на неделю вперед.

— А это не опасно?

— Опаснее оставаться здесь. Вас наверняка убьют.

— Я понимаю. Но я имею в виду здоровье — перемещение не повредит моему здоровью?

— Любому руководителю низшего звена, как, впрочем, и руководителю столичного звена, несвойственно чувство благодарности... Жмите на кнопку. Вы окажетесь здесь через неделю. Время — лучшее убежище.

Руки Лебедянского дрожали. Он никак не мог попасть пальцем в кнопку.

Ральф высадил плечом стекло и прицелился.

Профессор сам нажал кнопку.

Лебедянский тихо ахнул и растворился в воздухе. Пули охранника прошли пустое пространство, в котором только что находился руководящий работник.

Ральф ввалился в окно. Он рычал. За ним последовал сам дядя Веня.

— Где он? — спросил дядя Веня. — Найду — всех перестреляю.

— Простите, но всех вы не перестреляете, — ответил профессор Минц.

Ральф кинулся было опрокидывать приборы и реторты, но Минц успел предупредить:

— Половина реактивов крайне ядовита. Некоторые могут погубить все живое в пределах трех километров, а в одной из пробирок хранится средство страшнее атомной бомбы. Если вы мне не верите, можете продолжать разгром.

Дядя Веня обладал интуицией.

— Его здесь нет, — сказал он. — Я нутром чую. Сбежал.

Ральф твякнул, соглашаясь с начальником.

И они ушли, оставив разбитое окно да выбоины от пуль.

Глава 9

Удалов и Минц отправились на холм. По дороге их догнали Аркаша с Мариной. Аркаша влюбленно смотрел на спутницу и сбивался с шага.

На выезде из города их обогнал джип: в нем сидел сам дядя Веня, а также Ральф и две женщины на заднем сиденье. Потолще — супруга дяди Вени, потоньше — Катерина. Теперь, когда все поняли, что Катерина окончательно осиротела, семейство дяди Вени приютило ее.

Ральф высунул из окошка морду и оскалился.

— На дорогу смотри! — крикнула жена дяди Вени Розочка, в девичестве Аймухамедова.

— Не обращайтесь внимания, — сказал профессор Минц. — Они ищут мэра. Пускай разыскивают.

— У нас много проблем, Лев Христофорович, — сказал Аркадий.

— И одна — главная, которую я при всей своей гениальности пока не смог решить.

— Как проявить динозавров, — сказала Марина. Она была умной девушкой.

— Вот именно.

— Надо как итальянцы, — подсказал Удалов. — Залить в пещеру гипса, обколоть его со всех сторон — и получится динозавр в полный рост.

— Боюсь, — заметил Минц, — что эта идиотская идея придет в голову кому-нибудь еще.

Удалов замолчал, обидевшись.

— Пойми, — обратился к нему профессор, — ведь как только ты разрушишь пещеру, то тем самым уничтожишь негатив динозавра... В чем прелесть фотографического негатива?

— В чем? — спросил Аркаша.

— В том, что с него можно напечатать два или больше снимков. А как только мы разрушим пещеру, у нас останется лишь гипсовая отливка. Снимок в единственном экземпляре.

Мысль Минца дошла до его спутников и огорчила их.

Только что все казалось простым. Отделаемся от разбойников, наладим охрану, объявим район заповедным, а потом по примеру

итальянцев зальем дыру гипсом. И никому, кроме Минца, не пришло в голову, что главную ценность представляет даже не гипсовая отливка, а сами стены пещеры, на которых сохранился отпечаток шкуры ящера.

— Пилим горы пополам, — подал голос Аркаша. — Половинку динозавра отливаем в одной части горы, половинку — в другой, вытаскиваем их, не разрушая породы, составляем, как две половинки шара, — и динозавр готов.

— Идея разумная, — согласился Минц. — Но представьте себе, коллеги, во что она обойдется городу и Академии наук? Кто и откуда достанет такие деньги?

— Пускай американцы раскошелятся, — предложила Марина. — А то как войска туда-сюда посылать, они молодцы, а вот динозаврам помочь — их нету.

— Нельзя, — вдруг произнес Удалов, который молчал так давно, что все о нем забыли, — они тогда за долги всех динозавров к себе увезут. На сохранение. Я слышал, что они даже статую Свободы из Франции увезли за долги.

— Думайте! — призвал друзей Минц. — Думайте и еще раз думайте. Должен быть выход из этой ситуации.

Некоторое время они шагали молча, потом выступила со своей идеей Марина:

— А если отыскать резину, которую можно было бы вытащить из пещеры через вход? Мягкую резину.

— Проверим, — сказал Удалов. — Но пока я о такой резине не слышал.

Утренний лес помалкивал, приближалась осень. Пора птичьей влюбленности давно прошла, из яиц вывелось потомство, которое надо кормить, учить летать и защищать от хищников. Тут уж не до песен. А некоторые из птиц, может быть, уже раскаивались, что слишком много пели.

Когда друзья вышли на поляну перед холмом, где стоял джип, они увидели четыре враждебные фигуры наверху, на вершине холма, под соснами. Те стояли, подобно витязям, которые всматриваются в даль — не приближаются ли хазары.

У входа в пещеру на складном стульчике дремал академик Буюрак.

Пришедшие стали ступать на цыпочках, чтобы не разбудить великого палеонтолога, но тот открыл глаза, надел очки и произнес:

— Я описал там, в горе, великолепный экземпляр трицератопса. Чудесный экземпляр. Кстати, коллеги, как вы намерены поступить дальше? Хорошо бы сделать слепки.

Голос академика почти не дрожал.

— И еще мне хотелось бы узнать, какой варвар взорвал одну из пещер? Это преступление совершено совсем недавно.

— Вы правы, Аристарх Семенович, — виновато ответил Минц, который понимал, что, не будь в пещере его и мэра, динозавр остался бы цел. — Я несу ответственность.

— Ответственность — не штаны, — сказал академик. — Ее не носят, а тащат, как тяжкий крест.

Минц стоял, покорно склонив лысую голову.

— Еще один погубленный динозавр, и я вас отлучу от большой науки! — предупредил Буюрак. — Где у вас здесь диетическая столовая?

От помощи он отказался и поковылял, опираясь на алюминиевые палки, к столовой номер один.

В тот день Минц с Удаловым и молодыми людьми решили обследовать по мере возможности весь холм и выяснить, сколько в нем пещер и динозавров, хотя это не означало, что динозавров ровно столько же, сколько пещер.

Когда Аркаша полез на холм, чтобы посмотреть, что за дыра виднеется за стволом нависшей над крутизной сосны, сверху раздался грозный оклик:

— Ты куда прешься, блин?

Кричал дядя Веня. Он был недоволен.

— А вам какое дело? — крикнул в ответ Удалов.

— Это мой дачный участок, — объяснил дядя Веня. — У меня сегодня строительство начинается.

— Пока не началось! — крикнула Марина.

— К тому же вы не имеете права, — сказал Удалов.

— Право сильного — его мускулы! — ответила Розочка, жена Вени.

— Вот мой Толик поперся против силы, и кранты! — добавила Катерина.

— Ваш супруг, Катерина Павловна, — крикнул Удалов, — находится в безопасности и вне пределов досягаемости криминальных элементов. Он вернется со щитом и отрядом ОМОНа, поверьте моему слову.

— Чепуха! — откликнулся Веня. — Я его лично испарил.

Пока шла дискуссия, исследование холма продолжалось.

Аркаша отыскал небольшую дыру, Марина залезла к нему и передала фонарь. Удалов, как бывший строитель, сел на пень и разложил на коленях лист картона, на который начал наносить план холма и пещер с ископаемыми.

Действие этого спектакля проходило как бы в трех уровнях.

На вершине холма суетился Веня со своими спутниками. Они мерили площадку вдоль и поперек, рассуждая, в какую сторону

развернуть веранду и где поставить каменную стенку, чтобы при нужде из-за нее отстреливаться.

Этажом ниже Аркаша с Мариной ползали по пещерам и ходам внутри холма, поражаясь тому, как же люди за столько веков не сообразили, что пещеры — это внутренности исчезнувших динозавров.

Наконец, у подножия холма Минц с Удаловым вели исследовательскую работу, стараясь представить, сколько же всего ящеров таится в холме.

Между «этажами» царило временное перемирие. Тем более что детали занятий соперников соседнему «этажу» не были ясны. К примеру, Минц не подозревал о том, что Аркаша с Мариной, вместо того чтобы лезть в хвост очередного динозавра, страстно целуются в крошечной тьме, и Марине, оказывается, совсем не страшно. В то же время дядя Веня не понимал, что там рисуют на картонке пенсионеры. Вернее всего, донос на него. Но к доносам он привык. Донос — это не более чем лишний расход. Заплати — и донос ликвидируют. Сейчас не сталинские страшные годы, сейчас все гумантарно.

Нацеловавшись, молодые люди высовывались из очередной пещеры или расщелины и сообщали в устной форме, куда и как ведут подземные ходы. Они уже научились угадывать в причудливости ходов биологические формы вымерших чудовищ. Минц с Удаловым делали выводы, заносили их на рисунки, а дядя Веня думал о том, что холм надо будет укреплять. Это усложняло работы, но Розочка была категорически настроена — коттедж должен возвышаться именно здесь, и нигде кроме. Иначе не удастся подняться над Смушкой, Тер-Ахтиняном и авторитетом, известным под кличкой Спиртзавод.

В рабочих проблемах дядя Веня всегда брал верх, но дела хозяйственные и семейные решала Роза. У нее была цепкая житейская хватка. Недаром она в свое время засадила папу в тюрьму, потому что он не давал маме денег на мясо и масло для четверых детишек.

Веня решил залить ходы и пустоты цементом, чтобы коттедж стоял как вкопанный.

Все три группы исследователей закончили работу примерно в одно время.

Дядя Веня с семьей, безутешной, охваченной различными подозрениями Катериной и проголодавшимся Ральфом, который, правда, сумел поймать ворону и сожрал ее с перьями, умчались на джипе. Компания Минца пошла домой пешком. Они были взволнованы. Действительность превзошла все ожидания.

Хоть дядя Веня и убеждал всех, что испепелил мэра метким выстрелом из спецоружия, уверенности в том он не испытывал.

Так что, добравшись до дома, спустил с цепи Ральфа искать Лебедянского по городу. Где-то тот скрывается. И намекнул Ральфу — как найдешь, сразу загрызи! И чтобы ничего гуманитарного.

Катерина попрощалась и пошла домой пешком. Только до дома не дошла, а присела поплакать на набережной, на одной из скамеек, покрашенных по приказу ее мужа. О, как она раскаивалась в своем легкомысленном поступке!

Академик съел первое и половину второго в диетической столовой номер один, после чего его отвезли в реанимацию. Слава богу, обошлось. Он лежал в коридоре, ждал очереди на капельницу и размышлял о том, как достать трицератопса.

Глава 10

Все крепко спали.

Кроме дяди Вени и Катерины.

Катерина тихо плакала — ей было неудобно и холодно в постели. К тому же Ральф не обращал на нее внимания, он так и не пришел на ночь.

Веня привез на вершину холма бетономешалку. Ее пришлось поднимать туда спецкраном, доставленным за два часа из Котласа специальным дирижаблем.

Бетономешалка твердо встала на вершине холма.

Веня хотел начать строительство на рассвете, потому что боялся враждебной бумаги. Но понимал, что если первый этаж к обеду будет возведен, никакой враг не посмеет выселить хозяина.

К тому времени, когда бетономешалку подняли на холм, бригада буровиков, присланная из Юрги, начала бурение штольни для заливки пустот.

Веня стоял рядом.

Он любовался собой.

Луна светила ему в затылок, периодически закрываемая несущимися облаками. Разбуженная грохотом кукушка начала предсказывать дяде Вене долгую жизнь.

Она не успела досчитать до пяти, как бетономешалка, которая весила несколько тонн, проломила потолок верхней пещеры и медленно ухнула внутрь холма. Только радиатор и передние колеса торчали наружу.

Дирижабль уже улетел, и некому было вытащить монстра из недр холма.

Дядя Веня кинулся на землю и принялся колотить кулаками по траве и сосновым иголкам. Такого поражения он еще не знал.

Из земли вылез перепуганный, весь в грязи и серой почве шо-

фер и принялся костерить заказчика. Как назло, рядом не было Ральфа, который должен был разыскивать Лебедянского, а сам сидел на берегу реки Гусь возле краеведческого музея и выл на луну.

Профессору Минцу снился страшный сон. Человек, похожий на дядю Веню, вооруженный небольшой пушкой, стоял на гулярской улице и ждал, когда из-за угла появится динозавр. Динозавр шел мирно, читал на ходу книжку, а если наступал на кого из прохожих, то просил прощения, да прохожие и не сердились — свой динозавр, замиренный.

И тут дядя Веня поднял пушку и выпустил в динозавра ядро.

Динозавр упал, уронив книжку, и тут на инвалидной коляске появился академик Буерак, светило отечественной палеонтологии, личный друг Кювье. Светило вопило: «Какого брахиозавра погубили, мерзавцы!» На что Минц ответил: «И их осталось восемь!»

В ужасе Минц проснулся. За окном лишь начало светать. Вороны беспокойной, крикливой стаей летели к лесу. От реки несся басовитый собачий вой. По улице шел разоренный дядя Веня и рыдал.

Профессор Минц пытался заснуть, но сон не приходил. Минц понимал, что ночной кошмар — явление пророческое. Что-то случилось с очередным динозавром.

Когда тем же утром Лев Христофорович добрался до холма и увидел торчащий из пропасти радиатор бетономешалки, то готов был рвать на себе волосы. Только волос уже давно не осталось.

Вскоре подошли Марина с Аркашей. Они не выпалились, но не потому, что вы думаете, а из-за научного рвения. На рассвете они протиснулись между бетономешалкой и стенкой пещеры и выяснили, что машина раздробила голову и шею крупнейшей из живших на Земле рептилий. Урон был непоправимый.

— Сколько у нас осталось динозавров? — мрачно спросил профессор.

— Шесть, — ответила Марина. — Но один без хвоста.

— Меньше, чем негрятят, — заметил профессор. Он имел в виду известное произведение Агаты Кристи, в котором все негрятят по очереди погибают от руки убийцы.

— А у меня все еще нет идеи, — вздохнул Минц. — Я стар и никуда не гоюсь. На свалку меня, на свалку!

Низко, чуть не касаясь вершин деревьев, в сторону города пролетел американский космический корабль многоцветного использования «Челленджер».

— И чего им у нас надо? — спросил Аркаша. — Кто ему позволил?

Но разрешение у «Челленджера» было. Потому что из реани-

мации академик Буерак связался с американским президентом. Президент уже знал о динозаврах, но США пока не вмешивались во внутренние дела России. Буерак сказал, что ему срочно нужна инвалидная коляска с автоматическим управлением. Президент позвонил известному парализованному физики Хоукинсу и спросил, нет ли у него ненужной коляски. Хоукинс тут же согласился помочь коллеге. Чтобы не тратить времени понапрасну, коляску сразу погрузили на «Челленджер», который готовился к совместному полету с российско-китайским экипажем. Российские ВВС дали добро — у них не оставалось выхода, и «Челленджер» повез коляску академику. В момент снижения Минц со спутниками его и увидели.

К сожалению, в памяти компьютера «Челленджера», который знает все, не оказалось плана Великого Гусяра. Поэтому, спуская на парашюте коляску, американцы промахнулись, и упакованная в жаропрочную оболочку коляска опустилась на территории дачного кооператива «Земляничка». Обитатели его как раз собирали урожай картофеля.

В небе кружил американский корабль, и с него повторяли громкую просьбу: нашедшего коляску немедленно отвезти ее в реанимацию первой больницы.

Огородники развернули оболочку и полюбовались иностранной коляской, а потом откликнулись на просьбу. Услышав их приближение, академик выпрыгнул навстречу кооператорам из окна.

Кооператоры исчезли, и оказалось, что у коляски нет колес. Кто-то успел их снять, пока ее везли в больницу.

К счастью, как раз в это время в Великий Гусяр прибыли ученики академика Буерака, студенты и аспиранты, во главе с его семнадцатой женой Машенькой Буерак, подружкой правнучки старшего сына Буерака от четвертого брака.

Жена и ученики подняли кресло с учителем и понесли к холму. Пока они несли коляску, снабженную небольшим атомным двигателем и автоматической рукой, которая непрерывно записывала мысли пассажира, в доме дяди Вени шло совещание основных авторитетов Вологодской области и Ямало-Ненецкого автономного округа. Для преступного мира возведение коттеджа на вершине холма стало делом чести, доблести и славы.

Никогда еще противостояние Зла и Добра в Великом Гусяре не достигало такого накала.

Цель профессора Минца состояла в том, чтобы любой ценой прекратить уничтожение отпечатков ящеров и извлечь из пещеры

хотя бы несколько чудовищ. Решение было где-то близко, вертелось возле уха, мелькало в глазах...

Цель академика Буерака, который как раз приближался к холму, была несколько иной. Он понимал, что ему осталось недолго жить на земле. Вся медицина мира, поставленная на службу его дряхлеющему организму, не сможет удержать его на этом свете. Образ трицератопса, созданный многочисленными исследованиями и реконструкциями академика и вызывавший столько возражений со стороны завистливой научной общественности, не имел до сих пор настоящего вещественного подтверждения. И оставался открытым вопрос, лакал ли он воду из водоемов, опускаясь на колени, или просто вытягивал шею. Академика Буерака охватывал ужас при мысли о том, что сделают завистники с его научным наследием. Судьба Чарлза Дарвина, беззащитного после смерти перед лицом юных генетиков, заставляла его цепляться за жизнь. А как хотелось порой умереть и отдохнуть!

Вы можете понять великого ученого — его не столь интересовала судьба ящеров вообще, негативы которых были закованы в холме. Его интересовал именно трицератопс. Именно его желал увидеть академик Буерак и насладиться своей научной прозорливостью.

Цель Аркаши заключалась в том, чтобы завоевать сердце прекрасной Марины и, может быть, немножко прославиться в качестве первооткрывателя помпейской породы динозавров. Впрочем, благосклонность Марины была важнее славы.

Цель Марины заключалась в том, чтобы отрастить волосы. Ей казалось, что девушка с такой прической, вернее, отсутствием ее, не может завоевать сердце Аркадия.

У Анатолия Лебедеванского цели не было, потому что он мчался сквозь время. Может быть, к счастью и для себя, и для окружающих.

А вот его жена Катерина металась от одиночества, оставленная всеми и ненавидящая своего дядю Веню, который все подстроил. О своей роли в этих событиях она предпочитала не вспоминать.

У Корнелия Удалова была своя цель: в очередной раз прославить родной городок и Землю вообще, что ему раньше не раз удавалось.

Можете себе представить, сколько различных и противоречивых целей было у действующих лиц нашей драмы!

Ближе всех к осуществлению своей задачи был, конечно же, академик Буерак.

Несмотря на то что материально преступный мир его подавлял, Буерак пользовался поддержкой мировой общественности, не знавшей, что престарелого академика обуял вирус тщеславия.

И пока Минц с Удаловым обсуждали, как бы вытащить динозавров, не повредив пещер, пока Аркадий с Мариной думали о взаимности, пока авторитеты искали пути в Кремль, чтобы нейтрализовать действия исчезнувшего Лебедеванского, академик, окруженный толпой учеников и влекомый супругой, уже приблизился к холму.

Его интуиция говорила: «Вход к трицератопсу справа, под корнями вон той сосны».

— Крошка, — сказал академик, обращаясь к молодой жене.

— Я тоже по тебе истосковалась! — ответила жена, ложно истолковав слова мужа и потянувшись к нему для поцелуя.

Академик мягко отстранил тоскующую женщину и сказал:

— Не здесь и не сейчас. Сначала сделаем динозавра.

— А потом — ребеночка! — взмолилась молодая жена, которая боялась, что предыдущие жены и дети отсудят у нее дачу и квартиру, если брак не будет подкреплён младенцем.

Ученики зашикали на молодую жену.

— Несите гипс! — приказал академик.

Одни из студентов образовали живую цепочку до мастерской скульптора Разгуляй-Гуслярского, у которого академик прикупил весь запас гипса, другие, тоже цепочкой, протянулись до ручья, из которого черпали воду и передавали друг другу.

А третьи, самые приближенные, заливали жидкий гипс в отверстие пещеры. Делали это быстро, потому что гипс не должен был затвердеть раньше, чем заполнит всю полость.

Наконец молодая жена закричала:

— Есть заполнение!

Она начинала жизнь как ассистентка богатого дантиста, который не смог на ней жениться, потому что ему не позволила мама. Но некоторые слова запомнила и знала, как проходят канал зуба. Поэтому вся операция с динозавром казалась ей похожей на пломбирование.

— А вот теперь, — сказал академик Буерак, — начинается самое трудное. Вам предстоит разрушить каменную оболочку, в которой заточен наш птенчик. Сейчас моя супруга раздаст вам портивные отбойные молотки. Приступайте!

Над холмом, над лесом поднялся такой грохот, что встревожил профессора Минца, который вскочил и побежал, забыв о возрасте и болезнях, Марина и Аркадий с разных сторон кинулись к холму, а главные уголовные авторитеты расселись по своим джипам и тоже взяли курс на заповедник мертвых динозавров.

И все они опоздали.

Бодрые и шустрые ученики академика Буерака успели превратить в пыль западную часть холма. И из этой темной пыли, подоб-

но белому Фениксу, поднимался могучий трицератопс, одно из самых причудливых созданий, порожденных фантазией небесных сфер.

Прибежавшие и приехавшие оппоненты академика толпились на краю поляны, опасаясь подойти ближе, потому что ученики Буерака продолжали обкусывать и обсверливать камень. Превращать в порошок то, что природа надежно и нежно хранила более пятидесяти миллионов лет.

— «Один из них утоп», — произнес профессор Минц, — осталось, осталось...

Он обернулся к Марине.

— Пять динозавров, — сказала девушка. — Пять пещер.

— Я опять просчитался, — сказал Минц.

Он не мог даже укорить академика, потому что тот не услышал бы его за шумом отбойных молотков.

Глаза Буерака сверкали.

— Именно — вставал на колени! — кричал он.

— Кто вставал на колени? — крикнул Минц.

— Трицератопс! Смотрите! Смотрите все — вы видите мозоли на коленях! Мое гениальное предвидение оправдывается! Он часто опускался на колени во время водопооя.

Именно в этот момент научного триумфа академика Буерака на площадку перед холмом выехали тринадцать джипов вологодских и ненецких авторитетов.

Из переднего выскочил нервный дядя Веня и увидел трицератопса белого цвета. Громадное чудовище нависало над группой людей, столпившихся у холма.

Можно понять дядю Веню, который решил, что ящера сделали специально для того, чтобы не дать ему построить себе скромную виллу на вершине.

— Ральф! — закричал дядя Веня. — Огонь!

Не теряя ни секунды, Ральф оскалился и начал палить по динозавру — уникальному экземпляру мезозойской фауны — из всего имевшегося у него оружия. А оружия у него оказалось много и разного.

Надо сказать, что пальба в среде уголовников считается заразительным занятием. Вологодские и ненецкие братки дяди Вени тут же включились в пальбу. Куски гипса отлетали от динозавра. Нескольким пуль попало в мозоли на его коленях.

— О нет! — закричал академик Буерак.

Движимый лишь силой духа, так как колеса его инвалидной коляски были украдены кооператорами, он взвился в воздух и с некоторым опозданием заслонил своим тщедушным телом несчастного трицератопса.

Разумеется, стрельба прекратилась.

Но не сразу.

Академик Буерак упал на землю возле останков динозавра.

Его лицо разгладилось и приобрело выражение торжественное и умиротворенное. Академик умер, завершив свой многолетний жизненный путь последним научным подвигом. Он не только разрешил все споры касательно анатомических особенностей трицератопсов, но и спас (по крайней мере так ему казалось) ископаемое животное от рук вандалов.

— Вы убили, — кричала супруга академика, склоняясь над безжизненным телом гения, — лауреата Нобелевской премии! Нет вам прощения!

Вся атмосфера этой древнегреческой трагедии была настолько впечатляющей, что ужас охватил криминальных авторитетов.

Они задрожали и начали отступать к джипам.

Но не успели дойти до машин, потому что прозвучал голос сверху, где на бреющем полете пролетал корабль «Челленджер»:

— Ты будешь отомщен, академик Буерак! Нет пощады убийцам!

Бандиты, домушники, грабители, насильники и убийцы кинулись в разные стороны, но не тут-то было!

«Челленджер» спустился почти к самой земле, из него выпала тонкая и прочная сеть, которая накрыла сходку, и в мгновение ока все визжащие, ревушие, угрожающие карами бандиты были связаны, спеленаты и отправлены в недра корабля.

После этого «Челленджер» вышел на высокую орбиту и с нее взял курс на малоизвестную науке десятую планету. Слышали о ней?

Может быть, вы, уважаемый читатель, не очень хорошо разбираетесь в теоретической астрономии, так что я открою вам глаза.

Вас морочат!

В Солнечной системе планетой больше, чем учат в школе. Так называемая десятая планета находится на том же расстоянии от Солнца, что и наша Земля. Увидеть ее с Земли невозможно, так как не только расстояние от светила одинаково, но и скорость обращения вокруг Солнца точно совпадает с земной. Но есть любопытная деталь: десятая планета всегда находится на той стороне нашего светила. Прячется за его лучами. Достичь ее нетрудно: поднимись с Земли и подожди, пока она к тебе прилетит.

О существовании десятой планеты известно давно, но правящие круги как в СССР, так и в США скрывали правду от народов, надеясь использовать ее в своих целях. И если кого-нибудь посещала крамольная мысль: а нет ли чего по ту сторону Солнца? — его немедленно ликвидировали. В частности, это случилось с со-

ветским писателем-фантастом Беляевым, который опубликовал, ничего не подозревая, повесть «Десятая планета». Вскоре после этого он был найден мертвым от неизвестных причин. За ним скончались редактор книги, корректор, а еще через шесть лет — директор типографии, что говорит о многом.

На сегодняшний день стоит проблема заселения десятой планеты, что делается в страшном секрете. Туда и были отправлены бандиты из Великого Гусляра. Об их судьбе и судьбе десятой планеты мы расскажем особо.

Единственный, кто не пострадал, был охранник Ральф, который в той эмоциональной суматохе исполнил свою давнишнюю мечту и окончательно превратился в собаку.

Большой рыжий пес, задрав хвост, побежал к Гусляру. В лесу собаке делать нечего.

Минц и Удалов обнажили головы.

И Минц, думая о своем, произнес:

— Один из негритят пошел гулять по саду... осталось... Сколько у нас осталось динозавров?

— Немного, — ответила Марина, — и если не принять мер, их будет еще меньше.

И тогда тревожную тишину разорвал голос профессора Минца:

— Эврика!

Глава 11

Лев Христофорович пригласил всех к себе в кабинет.

Он был похож на знаменитого сыщика Пуаро, который сбрил усы, но не оставил привычки собирать свидетелей и подозреваемых, чтобы поведать им о работе своих серых клеточек.

Сначала он открыл дверцу холодильника и вытащил оттуда литровую бутылку воды.

— Мое открытие, в сущности, не является таковым, — сказал он. — Надо было просто вспомнить.

Он поболтал бутылкой. Все смотрели на нее как замороженные, потому что не знали, что намерен рассказать профессор. А вдруг бутылка взорвется у него в руке или из нее ползет конфетти?

— Может быть, вам приходилось читать или слышать, — продолжал он, — что вода обладает свойством, близким к памяти?

— Ну да! — быстрее всех ответила отличница Марина. — Но я всегда думала, что это даже не фантастика, а спекуляция. На наших слабостях всегда наживаются шарлатаны.

— Вот именно, — согласился Минц. — Тем не менее вода обладает способностью запоминать чуждые ей вкрапления. Проверено, что по мере уменьшения процента содержания в ней, ска-

жем, духов «Шанель» вода все равно сохраняет этот аромат. Даже когда в литре воды остается лишь один атом духов. Впрочем, это сложная проблема, и вам она не по зубам. И, кстати, никакого отношения к нашим заботам она не имеет.

Минц поставил бутылку на стол. Удалов сразу взял бутылку и посмотрел на свет. Он привык все проверять.

— Важно то, что вода запоминает.

— Даже если мы в это не верим? — спросила Марина.

— Милая девочка, — сказал профессор Минц, — ученые по своей сути люди неверующие. Они стараются проверить все, что говорят им фанатики, сплетники, жулики или бывшие математики. Понятие «опыт» как критерий истины для нас всего дороже. Если я вам докажу на опыте, что вода может помнить, это предположение перейдет в область фактов.

— Я вас поняла, Лев Христофорович, — откликнулась Марина.

— Память воды — вот ключ к воссозданию динозавров. Но одно дело — запомнить запах. А способна ли вода запомнить форму?

— Чепуха! — сказал Удалов.

— Совершенно с тобой согласен, — откликнулся Минц. — Обычная вода формы не запомнит. Надо ей помочь. И вот тогда я синтезировал формалгидрозол-компакт. Как вам идея?

Все согласились, что идея отличная, хоть ничего и не поняли.

— Если к ста объемам воды прибавить ноль целых две сотых объема формалгидрозол-компакта, то вода приобретет свойство вспоминать и воспроизводить форму сосуда, в котором она находилась прежде... Проверим эту гипотезу.

Минц достал из спичечного коробка комочек прозрачного пластика, развернул его в пакетик и велел Удалову перелить в него воду из бутылки. Затем ловко перехватил пакет сверху и завязал узелком. Получился прозрачный пакет, полный воды.

— Смотрите, друзья! — воскликнул Минц.

Друзья смотрели, не отводя глаз.

Подумав минуты две, пакет с водой вдруг начал менять форму, задрожал, задергался, мало-помалу принялся вытягиваться кверху, становясь все более похожим на грушу. На этом он не остановился и все тянулся, пока не превратился в точную копию бутылки.

В комнате раздались аплодисменты.

На глазах у свидетелей родилось очередное великое изобретение профессора Минца.

Лев Христофорович был несколько смущен.

— Ну полно, — произнес он, — это все пустяки.

Однако было видно, что он польщен признанием.

— Итак, что мы делаем дальше? — спросил профессор.

— Если наполнить памятной водой пещеру, — сказала до-

гадливая Марина, — а затем воду слить и наполнить ею некий подвижный и пластичный мешок, то он примет форму динозавра.

— Ну и что? — спросил Аркадий. — Так и будем держать животное в мешке?

— Нет! — возгласил профессор. — После обработки мешок теряет мягкость, станет твердым и прочным, то есть пустотелым динозавром! Подобный химический процесс мною тоже разработан.

С этими словами профессор побрызгал из маленького пульверизатора на мягкую бутылку с памятной водой. Через две минуты оболочка бутылки помутнела. Минц шелкнул по ней ногтем. Оболочка отозвалась звоном, словно тонкое стекло.

Затем Минц взял с полки кусачки и одним ловким движением срезал верх горлышка.

Он опрокинул бутылку над стоявшим на рабочем столе оцинкованным тазом, и вода полилась в таз с легким приятным журчанием.

Убедившись в том, что бутылка пуста, Лев Христофорович пустил ее по кругу.

Бутылка оказалась легкой, словно была сделана из бумаги. Скорее, как подумал Удалов, материал напоминал оболочку осинового гнезда.

— Осторожнее, коллеги, — попросил Минц. — Не раздавите ее. Пока эта бутылка — единственное доказательство моей правоты.

— Нелегко будет, — сказал практичный Удалов. — Это ж сколько воды надо привезти к холму.

— Надо будет с пожарными поговорить, — предложил Аркадий. — Патриоты они или так просто в городе живут?

— Тогда не трать даром время! — сказал Минц. — Иди к пожарным.

Глава 12

К пожарным все-таки послали Марину.

Марина побаивалась этих строгих и мужественных людей.

Когда она вошла, пожарные играли в карты, а некоторые отдыхали в ожидании вызова.

— Друзья мои, — произнесла красивая девушка Марина, — от ваших действий зависит честь и слава нашего города.

Пожарные бросили играть в карты, перестали отдыхать и обернулись к Марине.

— В холме Боярская Могила заключены изображения динозавров, которых нет больше нигде в мире. Их надо спасти.

И далее Марина изложила суть дела, включая открытие профессора Минца.

Пожарные смотрели на Марину доверчиво и внимательно. Бывают девушки, которым хочется верить.

Особенно неизгладимое впечатление произвела девушка на лейтенанта Попова Владимира, того самого, кто получил благодарность по области за умелые действия по организации тушения коровника в Тютюкове.

А когда Марина, чтобы подкрепить свое выступление, стала показывать альбом академика Буерака «Палеонтология не для всех» и репродукцию картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», лейтенант Попов приблизился к ней на расстояние локтя и стал пожирать глазами. Он не очень прислушивался к содержанию ее слов, но был готов потушить ради нее вулкан Ключевская сопка или даже зажечь что-нибудь совершенно негорючее.

После исполнения миссии в пожарной команде Марина пошла на набережную гулять с Аркадием, где она призналась в том, что ей понравился один пожарный лейтенант, но не в смысле любви, а в смысле уважения.

И тогда Аркадию этот лейтенант не понравился. И он был прав.

Потому что именно в эти минуты второй расчет лейтенанта Попова мчался по дороге к известному нам холму.

Лейтенант Попов приказал остановиться у холма и послал сержанта Чилингарова, из горных магометан, обследовать крутые склоны с целью найти вход в пещеру, где таится оболочка динозавра. Тем временем другие сотрудники пожарной команды разматывали шланги, устанавливали насос и налаживали связь с ручьем, который протекал неподалеку от холма.

Лейтенант спешил, надеясь, что, совершив подвиг и наполнив водой пещеру-динозавра, он добьется благосклонности Марины.

Весь вечер пожарный расчет качал воду из ручья в пещеру № 3, которая представляла собой внутренность уникального тираннозавра. Вода текла, но не заполняла пещеру, потому что в пещере были отверстия.

Когда стемнело, расчет потребовал соблюдения Кодекса о труде, раз уж нет загорания и опасности для жизни населения.

— Слушай, лейтенант, — от имени расчета сказал Чилингаров. — Завтра с утра приедем и еще накачаем.

Несмотря на возражения лейтенанта, пожарная машина уехала.

Все пошли по домам. А холостой лейтенант Попов пошел гулять по улицам в надежде встретить Марину.

И надо же — встретил!

Холодно расставшись с Аркадием, она как раз возвращалась домой в прискорбном настроении. В конце концов, Аркадий не имел никакого морального права ревновать ее к совершенно безвинному лейтенанту!

И тут лейтенант встретил ее на тихой вечерней улице.

Был он невелик ростом, без фуражки, отчего его светлый хохолок взметнулся к небу, как протуберанец.

— Марина, — сказал лейтенант, — временные неудачи нас не остановят. Как говорится, я сделал все, что мог.

— Что вы сделали? — вдруг испугалась Марина. Она ведь ни о чем лейтенанта не просила.

— Как и было задумано, — ответил лейтенант, — расчет номер два выехал на объект «Боярская Могила», где произвел учебные работы по заливанню водой существующих в холме пещер. Однако на настоящее время пещеры удалось затопить не полностью. Так что ваш профессор, о котором вы так увлекательно рассказывали, может добавлять в воду свои средства для ее затвердения.

«Господи, — поняла Марина. — Как же плохо я им все объяснила!»

— Что вы наделали! — воскликнула девушка. — Вы все погубили!

— Ничего подобного, — обиделся лейтенант. — Все, как вы объяснили!

Оставив огорченного лейтенанта на улице, Марина побежала к Льву Христофоровичу.

— Одно плохо, — заметил пребывавший там же Удалов, — вода в ручье протекает сквозь кожаные мастерские.

— Дубильные стоки? — вздохнул Минц.

— Если бы только! — вздохнул в ответ Удалов.

Решено было идти к холму на рассвете.

Глава 13

Утром подтвердились наихудшие подозрения профессора Минца. Оказывается, едкая вода из ручья, которую накачивали в пещеры пожарные, сожрала, смыла, стерла нежные детали шкур динозавров. Остались лишь приблизительные формы.

— Четыре негритенка пошли купаться в море, — заметил профессор Минц. — Четыре негритенка резвились на просторе... Сколько пещер погубили наши старательные помощники?

— Три нижних.

— И сколько осталось?

— Подозреваю, — сказал Аркадий, — что они не тронули верхнюю. Последнюю.

— Что ж, — сказал Минц. — Я проиграл битву с современностью. Пятьдесят миллионов лет отпечатки динозавров спокойно ждали своего часа в этих пещерах. И вот за три дня мы коллективно умудрились погубить почти все пещеры. Заслуживаем ли мы снисхождения в виде последнего динозавра?

— Вряд ли, — откликнулся Аркадий.

— Будем считать, что их и не было, — добавил Удалов.

Но Марина не согласилась.

— В то же время, — сказала она, — Лев Христофорович совершил по крайней мере одно великое открытие и несколько небольших... А наш город избавился на время от преступного мира.

— Спасибо за комплимент, — отозвался Лев Христофорович. — Но, к сожалению, путь в пожарную команду нам закрыт. Второй раз они туда не поедут. Впрочем, я и сам их туда не пушу.

— Что же делать? — испуганно спросила Марина, которая чувствовала себя виноватой. Ну что бы этому лейтенанту влюбиться в профессора Минца, а не в нее!

— Нам поможет тот, — ответил загадочно Минц, — кого с нами нет и быть не может, кого нет ни на Земле, ни в Космосе.

Сказав эту туманную фразу, Минц поспешил к городу по излученной за эти дни, протоптанной, грубо изъезженной и разбитой различными колесами лесной дороге.

— Вы что-нибудь поняли? — спросила Марина.

— Кажется, я понял, — ответил Удалов. — Оставайтесь здесь и берегите последнего динозавра пуше своего ока. И чтобы потом не оправдываться: простите, нам было некогда, мы отвлеклись, мы целовались!

— Как вам не стыдно! — воскликнула Марина.

— Если я буду не прав, — отозвался Удалов, — то вы кинете в меня камень, как только я вернусь.

Удалов оказался не прав.

Они не стали целоваться. Их любовь подверглась в тот день первому серьезному испытанию. Аркаша не мог простить Марине лейтенанта Попова, а Марина не смогла простить Аркаше подозрений, связанных с лейтенантом.

Так что они берегли пещеру, а тем временем старшее поколение — Минц с Удаловым — добежало до своего дома, где Минц включил компьютер, чтобы вычислить, каким образом удобнее всего прервать полет во времени мэра Великого Гусляра Анатолия Лебежанского.

Через сорок минут Анатолий Борисович сидел на полу посреди кабинета, по его лицу гуляла блаженная улыбка.

— Как славно! — с облегчением вздохнул Удалов. — С этими путешествиями во времени у меня всегда переживания. Боюсь, что вместо человека явится его нога или правое ухо.

— Удалов, оставь свои глупые шутки, — оборвал его Минц и обратился к Лебедянскому: — Вы должны помочь вверенному вам городу.

— Городу... да, городу! — И тут Лебедянский все вспомнил. — О нет! — закричал он. — Только не это! Где гангстеры? Где убийцы? Я хочу снова в прошлое или будущее...

— Молчать! — прикрикнул на мэра Минц. — Судьба города в ваших руках.

— А дядя Веня?

— Да отстаньте вы с вашим дядей Веней! — озлился Лев Христович. — Нет больше дяди Вени!

— А где он?

— На десятой планете.

— Это далеко?

— Около миллиона километров.

— Отлично! — обрадовался Лебедянский.

— Но динозавры в опасности, — заметил Минц.

— Какие еще динозавры? — И тут Лебедянский вспомнил историю с отпечатками динозавров, из-за которой он и загремел в рюкзачок времени.

Как человек опытный, получивший пионерскую и комсомольскую закалку, он быстро приходил в себя.

— Доложите обстановку, — потребовал Лебедянский. — Каким образом удалось обезвредить преступную группу? Каково состояние первобытных ящеров на настоящий момент? Есть ли связь с Москвой? Настроение общественности? Кстати, меня никто не успел подсадить?

Минц с Удаловым доложили обстановку, включая ситуацию с памятной водой.

Лебедянский был огорчен. Он предполагал, что ящеров окажется так много, что в городе удастся открыть специальный музей, куда будут приезжать со всего мира. Он осознал, что надо спасать последнего динозавра. Иначе все, включая его путешествие во времени, окажется пустой затеей.

— Что ж, спасибо, товарищи, — сказал он. — Будете сопровождать меня в мэрию на предмет организации работ. Жаль, что меня в эти дни не было в городе — к несчастью, вы напортачили... Нет, нельзя вам доверять такие ответственные задачи.

Лебедянский продолжал выговаривать Минцу за плохую работу, пока они шли до мэрии.

Секретарша Лебедянского, уже украсившая его портрет черным бантом, и сотрудники, успевшие украсть из кабинета Лебедянского все авторучки, блокноты и даже настольный календарь, в ужасе разбежались по углам, понимая, что гнев начальника будет справедлив и ужасен.

Лебедянский сразу сообразил, в чем дело, и с внутренней улыбкой подумал о том, что судьба подsunула испытание его сотрудникам. Без лишних слов он прошел к себе в кабинет, мысленно подсчитал урон и принялся созваниваться с городскими службами, где также оказалось немало виноватых.

Когда через сорок минут Минц и Удалов, сопровождавшие Лебедянского, в его машине подъехали к холму Боярская Могила, туда уже подтягивалась техника. Сначала — две красные пожарные машины со шлангами и насосами, такого же цвета большая цистерна с водопроводной водой, открытая сверху и оттого похожая на кастрюлю без крышки, грузовик со штукатурками, чтобы заделать в пещере все щели и дырки, через которые могла вытечь памятливая вода. Ну и, конечно же, «Скорая».

Ведомые Удаловым и лично Лебедянским водопроводчики и штукатурки скоро заложили щели, пожарные принялись качать в пещеру воду из цистерны, для чего протянули наверх шланги и установили насосы. Когда воду из цистерны перекачали наверх, Минц устлал кастрюлю тончайшей пленкой и дал сигнал, чтобы воду выпустили из пещеры наружу. Через те же шланги вода полилась обратно в кастрюлю.

И тут началось сказочное зрелище.

Вода наполнила кастрюлю, после чего Аркаша с Мариной стянули сверху края пленки и заклеили ее скотчем. Вода осталась в ней, как колбаса в оболочке. И тут же начала шевелиться, пучиться, лезть кверху, будто внутри пленки двигался некто невидимый, желавший встать и распрямиться. Пленка приняла форму груши стебельком кверху и продолжала вытягиваться.

Превращение растянулось минут на пятнадцать, но никто за это время даже не пошевелился.

Вот он стоит в открытой цистерне, свесив хвостик и подняв голову на длинной шее, прозрачный, сверкающий, дрожащий, туго схваченный тончайшей радужной пленкой.

Профессор Минц, побледневший от торжественности момента, вытащил из кармана небольшой цилиндр. В нем хранился порошок, способный превратить гибкую пленку в твердую оболочку.

ку. После этого можно вылить воду, а пленку заполнить чем-то более прочным.

— Давай! — приказал Лебедянский. Он наконец-то убедился в том, что заслужил Нобелевскую премию как член небольшого коллектива открывателей суперпленки.

В то время как мысли Минца, Удалова и их юных друзей были заняты динозавром и мечтой сохранить его для потомства, Лебедянский, истинный руководитель, о динозавре не думал. Динозавр — это прошлое, тогда как настоящий вождь всегда смотрит вперед.

«Оборонка» отвалит миллиарды. Проблема камуфляжа отпадет сама собой. Налил в пленку жидкий танк, отвердил его, покрасил — и вот стоит сто танков. Настоящие же танки спрятаны в лесочке.

А транспорт! Налил памятной воды в бочку, привез на место назначения, окутал пленкой Минца—Лебедянского — и получай башню электропередачи, которую иначе пришлось бы тащить на трех трейлерах.

А шпионаж? Увозишь из вражеской страны бутылку лимонада. А это не лимонад! Нет, это важнейший и секретный прибор, который скопирован тайком. Домой вернулся, залил воду в пленку — вот тебе и украденный прибор...

Вот вам и метод Лебедянского — Минца!

Мэр поднял руку, чтобы дать приказ Минцу.

Но не успел.

Грохот моторов заполнил воздух.

Шесть, а может быть, семь зеленых вертолетов зависли над поляной.

— Всем стоять! — раздался мегафонный крик сверху. — Ни с места! Проводится федеральная операция!

Из вертолетов начали выпрыгивать люди в камуфляжной одежде и шерстяных чулках на головах.

И тогда Удалов понял: эти сначала будут действовать, а потом уж разбираться.

«Дошли мои сигналы до Москвы, — подумал Лебедянский. — Но лучше бы не доходили».

«У нас всего один динозавр, — подумал Минц. — И неизвестно, что сейчас предпримут сотрудники госбезопасности».

«Надо что-то делать, — подумал Аркадий. — И на все про все есть несколько секунд».

А Марина мгновенно вытащила из косметички маникюрные ножницы и легким движением полоснула по тонкой пленке.

— Ты что! — ахнул Аркадий. — Ты все погубила.

— Молчи! — приказал Лев Христофорович. — Может быть, это единственный выход!

Не успели «камуфляжи» окружить и положить на траву всех присутствующих, как вода вытекла из пленки и мирно заполнила цистерну.

Майор крупного роста с мышцами Шварценеггера спросил:

— Кто здесь старший?

Лебедянский попытался встать.

— Лежать! — крикнул майор. — Где ваши динозавры?

— А на что вам они? — спросила Марина.

— Молчать! Мы должны вывезти динозавров в безопасное место.

— Их уже нет, — сказал Минц. — Их уничтожили.

— Кто уничтожил?

— Это долгая история, — сказал Минц.

— Расскажите. Загружайтесь в вертолет.

Героев нашей истории загрузили в вертолет. Включая Лебедянского, на которого никто не обращал особого внимания.

Водитель цистерны спросил:

— А нам что делать?

И водители других машин, а также пожарные, врачи и строители — все стали спрашивать, а им что делать, раз они только исполняли приказы.

— А вы давайте отсюда! — приказал майор. — Чтобы не мешать работам.

И тогда все уехали — и пожарные машины, и «Скорая помощь», и цистерна с жидким динозавром.

Глава 14

Минца и его друзей выпустили на следующее утро.

Впрочем, их и не допрашивали, ждали сигнала из Москвы.

Вместо сигнала из Москвы приехали специалисты. Правда, не совсем по динозаврам, а по целебным ваннам, потому что в компьютере произошел ошибка, и запрос на консультантов пошел не в Институт палеонтологии, как можно было ожидать, а в Институт бальнеологии.

Тем временем спецчасть обследовала пещеры, но, к счастью, большого вреда не нанесла.

Народу на холме и возле него скопилось множество, и до выяснения обстоятельств доступ в пещеры был закрыт.

К сожалению, профессор Чукин из Института бальнеологии

отыскал все же небольшой целебный родничок как раз в той пещере, где находился отпечаток последнего динозавра. Там специалисты разместили оборудование. Говорят, что со следующего года в этой пещере будет открыт небольшой курорт.

Но это все дела грядущие. Нас же интересует, что делал профессор Минц, как только его отпустили.

Он отправился напрямик в пожарную команду, откуда привозили цистерну.

— Слушай, отец, — сказал ему водитель, — я эту воду сразу слил. Чего ей зря плескаться.

— Простите, — произнес Минц, — а цистерну вы помыли?

— Чего ее мыть, не кастрюля небось, — ухмыльнулся водитель.

— Можно взглянуть?

— Гляди, отец, чего не поглядеть...

Минц провел ладонью по внутренней стенке цистерны и потянул на себя тонкую пленку — ту самую, в которой содержалась вчерашняя вода. Пленка была такой тонкой, что поместилась у профессора в кулаке.

Он тяжело слез и пошел домой.

Вскоре туда же пришли и остальные, за исключением Лебедянского. Его перехватила жена Катерина, которая искала прощения.

Все были в траурном настроении, убежденные, что погиб и последний динозавр.

Минц положил на стол блестящий комок.

— Удалов, неси автомобильный насос, — приказал он.

Пленку надули во дворе, заклеив порез скотчем.

Получился динозавр.

Минц посыпал пленку порошком.

И пленка затвердела, как будто бумажная оболочка осинового гнезда.

Все стояли вокруг и наслаждались видом динозавра.

— Мы его покрасим, — сказал Удалов. — И поставим на площади.

— Нет, — возразил Аркадий, — сначала мы его наполним гипсом.

— А еще копию можно сделать? — спросила Марина.

— Хоть десять, — улыбнулся Лев Христофорович, любуясь чудовищем.

И в этот момент налетел ветер.

Его оказалось достаточно, чтобы поднять динозавра в воздух.

— Ах! — воскликнули хором все присутствующие.

В общем крике звучало отчаяние.

Динозавр, все еще полупрозрачный, плыл над городом Великий Гусляр, подобно аэростату воздушного заграждения во время войны.

Глядя вслед динозавру, Аркадий подумал вслух:

— Сейчас с аэродрома в Грязнухе-14 поднимут перехватчики.

— А могут просто ракетой, — ответил Удалов.

Так погибла великая находка.

Хотелось плакать.

Вытянув вперед шею, динозавр скрылся за деревьями.

— И кто нам поверит? — вздохнула Марина.

— Останутся первые сообщения академика Буерака, — сказал Минц. — Насколько я понимаю, он успел дать информацию о нашем открытии.

Они побрели домой. Начался дождик. В колесах быстро накапливалась вода. Под ногами хлюпало.

Дождь шел все сильнее.

Молчали.

О чем тут будешь говорить? Слишком велика была потеря энергии. Как моральной, так и физической.

На площади, у остановки автобуса, стояли под зонтиками люди.

Вместо автобуса с неба медленно опустился промокший и потому потяжелевший ящер, крупнейший из известных науке бронтозавров.

Автобус, который стремился к остановке, вынужден был затормозить. Люди в очереди начали сердиться.

— Чья скотина? — кричали одни.

— Уберите ваше чудовище! — голосили другие.

— Мы будем жаловаться! — вопили третьи.

У нас ведь принято сначала кричать, а потом думать.

Марина опомнилась первой.

Остальные стояли как вкопанные, не в силах поверить своему счастью.

В мгновение ока Марина сняла поясok, которым была подвязана ее французская кофта, и, сделав на нем петлю, закинула на шею динозавра. И повела его за собой.

— Осторожнее! — кричал вслед Минц.

Дождь разошелся не на шутку, и на улицах людей почти не было.

Незамеченными они пришли во двор городского музея. Там было достаточно места для динозавра.

Из окна выглянул директор.

— Уберите его! — крикнул он. — У меня нет на него ассигнований.

— Будут! — ответил Удалов.

Пока они препирались, Марина обошла ящера вокруг. Он был чудесен.

В боку его она увидела странную впадину, совершенно квадратную, глубиной двадцать сантиметров.

— Глядите! — крикнула она. — Что это может быть?

— Если достанете мне дополнительные ассигнования на ремонт и навес, приму животное, а нет — ведите в цирк! — кричал директор.

Минц подошел к углублению. На пленке были видны полосы и круглые шляпки гвоздей.

— Будут вам ассигнования, — сказал он. — Пошли обратно в лес.

Его спутники начали было сопротивляться, но Марина не сомневалась в мудрости профессора. В конце концов Аркаша пошел за Мариной, а Удалов за Минцем.

Дождь хлестал, как на гравюре великого японского художника Хokusая, который рисовал его струи, словно толстые неразрывные линии или стрелы, пронзающие путников.

Путники брели, наклонившись вперед и покорно принимая телом удары ливня.

Казалось, дорога никогда не кончится.

В лесу было еще хуже, потому что деревья подгадывали момент, когда под ними проходили люди, чтобы опрокинуть на них ведра холодной воды.

Минца тревожила мысль — что сказать сотрудникам госбезопасности, как объяснить свое появление. Ведь бросаясь в неожиданный поход, он совсем забыл о присутствии там людей в черных чулках на физиономиях.

Поляна открылась неожиданно.

Стало светлее.

Ни вертолетов, ни чекистов там не было.

Не найдя ничего, достойного государственного интереса, они улетели в Москву заниматься более серьезными делами.

Помогая старшим, молодые люди первыми проникли в пещеру.

Здесь бойцы отдыхали и ожидали дальнейших указаний.

На стенах и даже на потолке при свете фонаря можно было увидеть росписи и всевозможные граффити. На земле были обнаружены следы горячего супа.

— Впрочем, — сказал Минц, — нашего бронтозавра можно будет восстановить. И это радует.

Он подошел к четырехугольному выступу в стене, где находилось подбрюшие бронтозавра. Сундук, наполовину ушедший в стену, был покрыт вековой пылью. И отличать его от прочих выступов было нелегко.

Вытащить сундук из стены оказалось делом нелегким, но в конце концов друзья справились.

Марина вспомнила, как в детстве боялась читать о похождениях Тома Сойера в пещере, где таился страшный индеец. Сейчас все повторилось, только без индейца.

Замок, которым был закрыт сундук, за века заржавел и без труда бухнул на пол.

Внутри сундук был набит рухлядью, которую давно уже сожрала моль. Чихая и откашливаясь, они вывалили рухлядь на пол.

Боялись разочарования. Ведь не исключено, что разбойник Крутойяр хранил в сундуке только дорогие одежды ограбленных современников.

К счастью, в глубине сундука отыскались ветхие мешочки, полные серебряных монеток невзрачного вида.

— Копейки, полушки и грошики, — сообщил Лев Христофорович. — Для музея представляют большую ценность, хоть навес на них не построишь.

А на самом дне обнаружили небольшие слитки золота. Аккуратные — как из-под станка.

— Из-под станка, — сказал Минц.

— Откуда? — удивилась Марина.

— Такие выдают путешественникам в Институте темпоральных исследований. Видно, один из них попал к разбойникам в лапы. Надо осторожнее путешествовать. Спасибо тебе, наш неведомый коллега из будущих времен, который пожертвовал жизнью ради науки. Твое золото, полученное на путевые издержки, поможет нам построить навес для динозавра.

Они сдали золото и серебряные монетки в музей и разошлись по домам. У всех начиналась ангина.

С тех пор прошло полгода.

Бронтозавр стоит во дворе музея. Над ним построили стеклянный купол. В Гусляре теперь немало японских туристов. А недавно приезжал Спилберг.

Лебединский более или менее примирился с женой, потому что развод неблагоприятно сказывается на имидже, а он собира-

ется баллотироваться на вологодского губернатора. Раз в неделю Толик штурмует Минца, чтобы тот поделился с ним секретом пленки и памятной воды. ФСБ он к этому не подключает, потому что боится: в таком случае никаких надежд на Нобелевку у него не останется.

Минц уверяет, что тема еще не доработана.

Остальные живут по-старому, если не считать того, что на будущей неделе Марина выходит замуж за Аркадия.

НОСТАЛЬДЖИ

Старые слова вытесняются постепенно из русского языка. Оказывается, они уже не так красивы, как прежде. Подобно старой жене. Когда-то мы ею любовались, даже гладили и холили, а потом мимо прошла некая Матильда или Изольда, неся перед собой грудь как рыцарский щит. И обнаруживается, что жена вас никогда не понимала и была камнем на вашей толстой шее. А вот Матильда — она вас понимает. Матичка, ты меня понимаешь? Как важно, чтобы тебя понимали!

Был благодетель, потом — меценат, теперь — спонсор. Смена поколений. Была контора, стал офис, был шик, а стал — не догадаться! — гламур. Сам видел.

Еще несколько лет, и старое поколение будет разговаривать с новым через переводчиков, конечно же, электронных. А все равно взаимопонимания не добьется.

К тому времени толковой молодежи и зажиточных старцев в России не останется. Разлетятся. Одни за квалифицированным медицинским обслуживанием, другие за научными перспективами, третьи в поисках личного счастья.

Некоторые полагают, что проблема утечки умов и красивых тел — это столичная боль. Ничего подобного. Просто этот процесс не всегда идет напрямик. Известно немало случаев, когда молодой программист Н. или победительница конкурса «Грудь-Гусляр-2002» уползает в Вологду или в Москву. А уж оттуда, не найдя счастья или работы по плечу, вылетают в Израиль или США. И там оседают. Мало кто находит, что искал. Но так устроена жизнь.

А Великому Гусляру плохо.

Ох как плохо.

В школе № 2 не осталось учителей математики, а в третьей школе исчез физкультурник. Ночной клуб «Гусиные лапки» лишился стриптизерши, в речном техникуме некому преподавать

двигатели внутреннего сгорания, а фармацевту Савичу пришлось возвратиться с заслуженного отдыха, чтобы выдавать пенсионерам валидол и престариум в таблетках.

Этот список можно продолжать почти до бесконечности, и ужас его не в конкретных проявлениях невозвращенчества, а в повсеместности явления. И если в Гусляре, вместо того чтобы получить очередное звание, старшина Пилипенко ушел в отставку и теперь разводит сахарную свеклу под городом Веллингтоном в Новой Зеландии, то из близкой к Гусляру Тотьмы сержант милиции Великанов работает вышибалой в Лас-Вегасе.

Профессор Минц редко берется за свои великие и зловещие изыскания сам по себе. Его толкает к этому большое отзывчивое сердце. То соседка по дому попросит мужа обуздать, то президенту Российской Федерации понадобится успокоить Кавказ или внедрить доброту в спортивных состязаниях — главное, чтобы был заказ. И тогда Минц включает свой могучий мозг, во всем городе падает напряжение в сети, грозы стекаются к Гусляру, беспокоятся еноты и барсуки, наблюдается колошение озимой ржи, Ходжа Эскалибур упускает нить прорицания, Даша теряет интерес к Паше, и происходит еще многое другое.

Профессор запирается в своем кабинете, забывает о времени и пространстве и только думает и думает.

В случае, о котором я спешу рассказать, толчком к деятельности ума послужило слезливое обращение Миши Стендаля.

Миша Стендаль — пожилой мальчик, корреспондент газеты «Гуслярское знамя», холостяк по необходимости, потому что в мире не отыщешь человека, более невезучего в любви. С Минцем они знакомы уже много лет и пользуются взаимной симпатией.

Миша Стендаль сидел на лавочке в сквере у церкви Параскевы Пятницы и чертил на песке сердце, пронзенное стрелой.

За этим занятием его и застал Лев Христофорович, который возвращался с рынка, купив целую сумку синеньких, то есть баклажанов. Лев Христофорович привык жить один и не тяготился одиночеством. Баклажаны некогда готовила его покойная мама, и потому всю жизнь Лев Христофорович по случаю покупал баклажаны и пытался потушить их точно так же, как это делала Эсфирь Соломоновна. И безуспешно. Хотя это его не останавливало.

— Миша! — воскликнул Лев Христофорович. — Что вас огорчило? Неужели опять неприятности по службе?

Неприятности по службе у Миши были всегда, потому что Миша не вписывался в систему ни при каком правительстве, тогда как бессменный главный редактор городской газеты Малюжкин всегда вписывался в существующую систему.

— На этот раз никаких препятствий. Все беды у меня внутри, в душе.

— Вы не больны?

— Нет, я вспомнил, как мы сидели с Алиной на этой лавочке. Луна была на исходе, Кассиопея вон там, слева, а правее ковш Большой Медведицы. И еще я помню пояс Ориона — три звезды...

— Миша, опомнитесь, почему вы так говорите?

— А потому, — ответил Стендаль, — что Алина была астрономом-любителем. Она мечтала о большом телескопе, о том, чтобы открыть астероид и назвать его моим именем... Она очень нежно ко мне относилась.

— Когда это случилось?

— Между нами стояли неодолимые препятствия, — продолжал Стендаль. — Во-первых, разница в возрасте — почти тридцать лет. Во-вторых, деньги. Ни у нее, ни у меня не было денег, чтобы всерьез заняться астрономией. В-третьих — ее несказанная красота. Мальчишки из речного техникума провожали ее до дома и просили пойти с ними в кино. Нет, наша любовь была обречена с самого начала. Хотя в тот вечер именно на этой лавочке мы с ней целовались. Честное слово! И она сказала мне, что готова пожертвовать астрономией ради моего счастья, а я сказал ей, что готов пожертвовать своим счастьем ради ее астрономии.

— А потом?

— Потом начался учебный год в пединституте, и ей пришлось уехать. Из Вологды она не вернулась. Подвернулась стипендия в Штатах, и моя Алина, светлая голова, надежда российской науки, улетела в Пенсильванию. С тех пор прошло уже четыре года. И ни весточки, ни слова... Как мне вернуть ее?

— А почему вы намерены ее возвратить?

— Я сегодня понял, что я потерял. А потерял, потому что не был настойчив. Ведь человека воспитывают не только родители и школа, не только окружающая действительность...

Руки Стендаля дрожали, хотя человек он непьющий, только нервный.

— Что ж вы раньше-то думали? — спросил Минц. — Столько времени прошло. Я бы на вашем месте давно письмо ей написал...

— А она сама мне недавно прислала, — ответил Стендаль. — К Новому году поздравление. Странное такое: «Я счастлива, за была о тебе, а ты?» Это что-нибудь означает?

— Ничего не означает, — сказал Минц, — кроме женского каприза. Она замужем?

— Я не знаю. А сегодня я брал интервью у Ходжи Эскалибура. Он деньги заплатил за интервью как за рекламу, мы отказать не

могли, хотя я категорически возражаю против мистических жуликов.

— Я полностью разделяю, — согласился Минц.

— Пришел я к Ходже, а он сидит в окружении неофиток и гладит их щеки. Такое у него воспитательное действо. И когда наконец его вымажут в дегте, вываляют в перьях и изгонят из нашего города?

— Некому гнать, — сказал Минц.

Ходжа Эскалибур, вернее всего в прошлом Вася Пупкин из Тотмы, возник в Великом Гусляре года полтора назад и стал уже одним из самых популярных персонажей в городе. Он объявил себя волшебником и прорицателем, основателем новой синтетической религии, обладателем приворотного и отворотного зелий, а также интрасенсом и экстрателепатом. В общем, что пожелаете!

Очевидно, думал Минц, этот Ходжа Эскалибур, даже имя укравший из легенд о короле Артуре, ибо так звался его заколдованный меч, стал наказанием Великому Гусляру за беспечность. Не было раньше такого жулья, образовалась пустая экологическая ниша, вот в нее и влез таракан.

Этот Ходжа Эскалибур относился к Льву Христофоровичу с подчеркнутым почтением, раскланивался на рынке и стадионе «Водник», куда оба ходили на футбол, и даже делал вид, что понимает нечто в Большой Науке. Как-то, еще до того, как поклонницы купили ему «Ауди», в автобусе он заговорил с Минцем на неожиданную тему. «Я полагаю, — сказал он, — что клонирование человека в ближайшие полвека обречено на неудачу. Слишком много факторов влияет на беременную женщину, чтоб учесть их экспериментатору. Вернее всего, получится урод, а вы как полагаете?»

Минц вежливо кивал, но в беседе не участвовал, а Ходжа Эскалибур на такую реакцию не обиделся. Такой был человек, любитель жизни и женщин.

Вот к этому Ходже Стендаль пошел брать интервью и взревновал.

И вспомнил о бросившей его ради высокой цели Алине.

— У них там, в Штатах, — говорил Миша и рисовал на песке профиль Алины, — колоссальные возможности для астронома. Один телескоп в Паломаре чего стоит!

Видно было, что Мишу интересовало положение с астрономией в США. Значит, интересовала и жизнь молодых астрономов.

— Знаете, что мне сообщил этот Ходжа с тусклыми глазами и масляными губами? Он сказал, что астрономия — вчерашний день

науки. Наступает эра обратной связи астрологии. Теперь не только звезды будут влиять на жизнь людей, но и люди научатся определять изменения в движениях звезд и целых созвездий.

— Этот идиот думает, — сказал Минц, — что созвездия — это такие корзиночки, в которых собраны по шесть звезд.

— Чудесно сказано! — обрадовался Миша. — Разрешите я включу это в интервью как комментарий нобелевского лауреата?

— Нет, — ответил Минц. — Про нобелевского лауреата мы с вами вычеркиваем, потому что опять, насколько мне сообщили, секции передрались за право дать мне Нобелевку. Физики требуют, химики просят, а биологи настаивают. Сами понимаете, три премии сразу мне не получить, а Нобелевский комитет боится скандалов.

Минц закручинился. Ему давно хотелось получить Нобелевку, тем более что достоин.

— Мне бы так завершить свою жизнь, — вздохнул Миша.

Этим он еще больше расстроил Минца, потому что тот совсем не собирался завершать свою жизнь.

— Но у нас, — через некоторое время Миша вернулся к волновавшей его теме, — за последние годы много сделано для развития астрономии. Например, вы слышали о Зеленчукском центре?

— Я о многом слышал, — сказал Минц. — Ну, я буду собираться, раз уж вам помочь не в силах.

— Неужели не в силах? — горько произнес Стендаль. — А я думал, что вам это по плечу.

— Что по плечу?

— Вернуть мне мою любовь!

— Но как?

— Если бы я был изобретателем, то я бы вам подсказал. Но я просто репортер. Могу только сказать — душа моя страдает, а сердце стонет. Как в песне. И, кроме вас, некому пролить бальзам на мои раны и царапины.

Стендаль горько усмехнулся.

Минц усмехнулся ему в ответ.

У Минца на душе остался горький осадок.

И не только из-за страданий Стендаля.

Минц почувствовал за ними страдания великого народа, замечательной страны России, которую судьба ограбила, лишила миллионов лучших сынов и дочерей, покинувших ее навсегда. Вспомнился разговор, который Лев Христофорович в прошлом году имел с премьером Федерации. Тот тогда произнес: «Ох и беспокоит меня проблема миграции. Сагдеев как-то сказал, что од-

них наших академиков в Гарварде более двух десятков, а уж докторов — каждый третий. А на дружественную ли мельницу они льют воду?»

Тогда стоявший рядом генерал предложил: «Надо бы закрыть Запад». — «А вот этого мы не сделаем! — ответил в сердцах премьер. — Рано...»

Как наполняется сосуд?

Сначала он полон до половины, потом почти совсем полон, потом достаточно капли, чтобы жидкость хлынула через край. Так бывает и с мыслителями.

Разговор с премьером заставил задуматься.

Беседа со Стендалем послужила последней каплей.

К тому же чисто по-человечески было жалко пожилого человека, который полюбил и лишился.

И тогда Минц, вернувшись домой, принялся мыслить.

То есть сначала он помыл и порезал баклажаны.

Затем заложил их в сотейник.

Поставил сотейник на плиту.

Добавил нужные специи.

Понюхал.

Зажег газ.

Потушил газ.

Мозг Минца начал трудиться.

Своеобразие мозга Льва Христофоровича заключается в том, что он не способен искать решения на проторенных дорожках. Ему подавай научную целину, чащобы и тупики, и чем неразрешимее задача, тем она кажется Минцу интереснее.

Итак, Лев Христофорович уселся за письменный стол и, поворошив бумаги, отыскал под их гнетом старенький, но верный компьютер. Затем он стал раскладывать на нем пасьянс. А зачем еще может пригодиться компьютер великому человеку.

Раскладывая пасьянс, Минц думал.

Ломал себе голову.

Трое суток он не покидал квартиру.

Правда, уже через несколько часов добровольного заточения сосед и друг Минца Удалов догадался, что процесс пошел, и принес Льву Христофоровичу миску Ксеньино борща, до которого Минц был большой охотник.

Он съел борщ и не заметил.

На исходе третьего дня Минц поднял телефонную трубку и вызвал потерявшего всякую надежду Мишу Стендаля.

— Пиши письмо своей звездочке, — сказал он. Лукавая

улыбка блуждала на челе ученого. Наверное, так смотрится лев, только что скушавший антилопу.

— Какое письмо?

— Поздравь ее с Новым годом!

— Какой Новый год в июле?

— Ну поздравь ее с наступающим учебным годом.

— И что будет?

— Сначала, — Минц не мог не улыбаться, — ничего не будет, а потом будет результат.

И, повесив трубку, Минц отправился гулять. Ведь решение проблемы с эмигрантами не входило в число основных работ профессора.

Скинув тяжкий труд и оцепенение последних дней, повеселевший Лев Христофорович постучал половой щеткой в потолок и таким образом вызвал Корнелия Ивановича на прогулку.

Вскоре к ним присоединился Гаврилов, заядлый охотник и любитель побеседовать на вольные темы.

И вместо душевной беседы близких друзей получилась общая дискуссия. Гаврилов все норовил похвастаться новой «тулкой» и перспективами истребления пернатых. Минц же животных и птиц жалел и полагал, что охота — занятие аморальное.

— Вот на Партикапое, — заметил Удалов, — убийство любого теплокровного существа карается тюремным заключением на срок до трехсот лет. Они там живут подолгу.

— А хладнокровных как, можно истреблять?

— На них и охотятся, — признался Удалов.

— А у нас нет выбора, — заявил Гаврилов. — Так что грянет сейчас первое августа, попрошу гусей и прочих съедобных птиц в пределах моего зрения не возникать.

— Варвар, — заметил Ходжа Эскалибур, подошедший бесшумно.

Все выдавало в нем проходимца.

Что было не столь ясно одураченным им гражданам.

Тем более что некоторые из его предсказаний странным образом материализовались, приворотное средство оказывало приворотное действие, а отворотное — тем более.

Но в то же время достаточно было внимательно поглядеть на его белоснежную бороду, вызывающую мысли о рекламе стирального порошка, на его выцветшие голубые глаза педофила, его слюнявые губы и тугой животик, как некоторым хотелось бежать от него подальше, а другим угодить в его сладкую паутину.

Ходжа шел с заседания инициативной группы, которая намеревалась воздвигать молебенный дом, а может, стриптиз-клуб син-

тетического вероучения. Это, как честно и игриво заявил Великий Ходжа, будет зависеть от настроения пророка на тот самый момент.

— Птицы — это души наших предков, — заявил Ходжа Эскалибур, — я с некоторыми из них поддерживаю связь.

— И как, — язвительно спросил Гаврилов, — получается?

— Ваша бабушка рассказала мне много интересного о бурной юности твоей мамочки, — ответил Ходжа, и Гаврилов не нашелся, как бы нахамить в ответ.

— Я пошел, — заявил Гаврилов. — Пора ружье чистить.

И он ушел.

Остальные укоризненно смотрели ему вслед.

— Вот эти люди будут определять судьбы нашей планеты в ближайшие полвека, — сказал Ходжа, и никто не смог ему возразить.

Удалову скучно было гулять с прорицателем. Ему хотелось поговорить с Минцем наедине, откровенно.

— Ухожу, — догадался прорицатель. — Не буду вам мешать. Но химия не может решить проблем социальных.

Он легко пошел прочь, пристроившись за девицами из речного техникума. Он был еще ой-ой-ой!

— А ведь тебе не терпится узнать, — произнес Лев Христофорович, любясь закатом, — чем я занимался эти дни, что изобрел и каково от этого будет человечеству.

— В некотором роде...

— Не прибедайся. Ты сгораешь от любопытства. Но я тебе не могу ответить ничего конкретного. Успех или провал моей затеи зависит в значительной степени от того, насколько плохо работает наша почта.

— Плохо работает, — сказал Удалов. — Впятеро хуже, чем до революции.

— И нужна была вам эта революция! — в сердцах воскликнул Лев Христофорович.

— Нам не нужна, — признался Удалов. — А вы преодолели черту оседлости.

Минц надулся, впрочем несправедливо, друг не хотел обидеть его лично и еврейский народ в частности.

В любом случае через три недели — так плохо работает у нас почта — Миша Стендаль получил странную телеграмму от своей возлюбленной Алины:

ТОСКУЮ. ИЗНЫВАЮ. ПО РОДИНЕ. ЖДИ ПРИЕДУ.

Миша кинулся к Минцу.

— Что происходит? — У него руки тряслись. — Что это значит?

— Телеграмма, — ответил Минц, ознакомившись с посланием. — Ностальджи оказался эффективным.

— Какой такой ностальджи?

Через несколько дней Минца удивил Давидян, директор гостиницы «Гусь».

— Удивительное дело, — сказал он, — я получил несколько заказов на места в гостинице, желательны полулюксы, а их у меня всего два, в концах коридора.

— А ты объяви полулюксами все номера первой категории, — посоветовал Минц. — И откуда туристы?

— Из Америки.

— А конференции не намечается? Может, съезд ветеранов-ихтиологов по проблемам пресных вод?

— Да нет, Лев Христофорович. Нет у нас таких проблем. Экология-макология замучила.

— Покажи список, — попросил Минц.

— Какой список?

— Гостей.

— Не могу, дорогой ты мой человек, его в ГУСЛЯР-ФСБ требовали.

— Я их понимаю, — согласился Минц. — Но хоть устно скажи.

— Все из Нью-Йорка! Понимаешь?

— Я этого ожидал, — сказал Минц.

Он ушел, а Давидян сказал ему вслед:

— Какой человек! Ты ему что скажешь, а он уже ожидает.

Ходжа Эскалибур ждал его у ворот дома № 16.

— Я тут шел мимо, — сказал он, помаргивая выцветшими глазками педофила, — и решил, поздравлю Льва Христофоровича с неожиданным сенсационным успехом. Вы — находка для нашей церкви. Мы с вами станем богатейшими гуру на планете!

— Что вы имеете в виду? — спросил раздосадованный встречей Минц.

— Ностальджи, — лаконично ответил прорицатель.

— Что вы знаете о ностальджи?

— Только то, что подсказала мне интуиция и список заказов на номера в нашей городской гостинице.

— Конкретнее! — Этот псевдоволшебник вызывал у Минца, как у настоящего ученого, своего рода гадливость.

— Не морщитесь, Минц, — произнес Ходжа. — Нам все равно выгоднее сотрудничать, чем ссориться. Вы представляете, сколь-

ко неофитов я смогу привлечь в ряды моей синтетической веры с помощью вашего вируса?

— Уйдите! Я все понял, — сказал Минц.

— До встречи! — Ходжа помахал толстой ручкой и, подпрыгивая, напевая какой-то игривый псалом, пошел прочь.

А из-за угла вышел Миша Стендаль.

— Я вас дождался, Лев Христофорович, — произнес он. — Но после услышанного я не совсем понимаю.

— И не надо.

— Надо. Эксперимент начался из-за меня и для моего счастья.

— Эксперимент начинался как куриное яйцо, — заявил профессор Минц. — Я надеюсь, он вырастет в настоящего страуса.

— Страус — это моя Алина?

— Страус — это судьба нашего государства.

— Но ведь я писал моей девушке?

— Ты писал начинающему астроному, — поправил его Минц, — одному из ученых, которые покинули нас и трудятся на благо заморской державы. В то время как мне и в голову не приходит покинуть Гусляр ради гарвардских плюшек. Патриотизм должен быть действенным.

— Поэтому к вам этот интриган Ходжа приходил?

— Поэтому.

— Не скрывайте, скажите мне, что это значит?

— Ждем самолета.

— Какого?

— Рейса из США и далее сюда.

— Когда?

— Послезавтра.

— Больше ничего не скажете?

— Потерпите, Миша. И встречайте автобус из Вологды.

Попрошавшись с журналистом, Минц прошел к себе. Он был озабочен. Ведь произошла утечка информации. Так называемый прорицатель пронюхал о ностальджи. Как это могло произойти? Где предатель? А так как предателя быть не могло, следовало искать иррациональное объяснение иррациональному событию. С этими мыслями Минц улегся спать.

Основные события разыгрались через день.

Минц ожидал их и поэтому вышел встретить рейсовый автобус из Вологды.

Автобус был полон.

Публика, которая вылезла из него на площади Землепроходцев, оказалась весьма пестрой.

В первую очередь это были местные, что ездили в область по

делам, затем появились торговки с полосатыми сумками, которые привезли из Вологды и из Турции промтовары, импорт. Наконец из автобуса выбрались настоящие иностранцы.

Первой вышла женщина ослепительной красоты с грудным ребенком на руках, а второго ребенка годиком постарше держал на руках толстый, добродушного вида негр.

Молодая красавица крутила завитой головкой в поисках кого-то и, выискивая в группе встречающих пожилую женщину в платке, которую Стендаль предупредил о приезде дочери, закричала:

— Мамо, моя мамо! Слезинка моя! Погляди на своих внучат!

Пожилая женщина в платке кинулась к красавице, красавица сначала отдала младенца негру, а сама потискалась в объятиях женщины в платке, а потом отобрала ревущих детишек у негра и стала их совать матери, чтобы та любовалась внуками.

Миша Стендаль совершал робкие круги и пытался что-то крикнуть, но его никто не слушал.

Сам же профессор Минц обратил внимание на прочих пассажиров автобуса.

Одного из них он встречал в Гусяре лет десять назад, прежде чем математик Квадрант уехал в Штаты к своему брату. Затем, как кто-то рассказывал Минцу, математик сделал там неплохую карьеру и даже основал фирму по производству бильярдных шаров повышенной округлости.

Выйдя из автобуса, математик опустился на колени прямо посреди площади и принялся целовать асфальт, повторяя:

— О святая гусярская земля! О, прими обратно своего блудного сына.

Два могучих ливрейных лакея вывели из автобуса под руки престарелую графиню фон Мейендорф, ту самую, которой до революции принадлежал дворец, а ныне Дом культуры речников, приватизированный кутюрье Плюшкинайтисом под стрип-салон.

— Оу, — с тяжелым английским акцентом произнесла старушка. — Пахнет сеном и тетеревайма.

Сеном в центре Гусяра не пахло уже полвека, но кто станет спорить с наследницей миллионов ее последнего мужа Ци Байвана, босса гонконгской триады?

Семейство Мазайбергеновых, которые некогда владели большим коммунальным хозяйством в пригороде Гусяра, а ныне стали украшением Брайтон-Бич как этнографический ансамбль чукотской песни, спустились на родную землю шумно и весело, играя на бубнах и гитарах.

— Где наш олешка, где наш маральчик? — кричал Ахмет, наследник аттракциона.

Прочих возвращенцев в Гусяр Минц разглядеть не успел ввиду общего шума и суматохи, а также конфликта, имевшего место между Мишей Стендалем и семейством Алины.

Мише, полагавшему, что именно он — причина приезда «новых американцев» в Гусяр, надоело ждать, пока Алина наговорится с мамашей и нацелуется с подбежавшими на шум подружками.

— Алина! — воскликнул он. — Ты помнишь наши клятвы?

— Ах, — сказала Алина, — стоило ли помнить юношеские увлечения? У меня их столько было после тебя, Маратик!

Это было выше сил!

— Не Маратик я, а Михаил, и стыдно мне перед девочкой какой-то унижаться.

— Я — девочка? — удивилась Алина. — Мама, скажи, я девочка?

— Для меня ты всегда девочка, — ответила пожилая женщина в платке. — Мишенька прав. Он так ждал тебя, так ждал, телескоп купил!

— Чего купил? — удивилась красавица.

— Телескоп, чтобы на звезды посматривать в твою честь.

— Не понимаю.

— Но ведь ты астроном! — возопил Миша.

— Я? Астроном? Ну ты даешь! С моей фигурой пропадать в астрономах?

— А как же...

— В Штатах я нашла свое счастье в элитарном эстетическом стриптизе, — гордо ответила Алина.

— Значит, наука... и значит, ты вернулась не ради науки? — Миша был потрясен.

— Нет.

— Значит, любовь ко мне...

— Любовь к тебе — а дети у меня мулатики! — рассмеялась Алина.

Она широким жестом указала на большого толстого негра, который прижимал детишек к своей широкой груди и добродушно улыбался, потому что совершенно не понимал, куда он попал и с какой целью.

— Он... он вместо меня? — Миша никак не мог понять, что же происходит. — И ты с ним это делала?

— Если ты имеешь в виду астрономию, то я этого с ним не делала, — цинично ответила Алина и стала из-за этого еще красивее.

Раздались аплодисменты. Собравшиеся вокруг, за исключением пожилых женщин, были настолько заворожены ее красотой, что готовы были простить любой цинизм.

— Я его убью! — закричал Миша.

— Он тебя сейчас убьет, — со смехом сообщила негру Алина на пристойном английском языке.

Негр поднял черные брови и отдал детей поддержать своей местной теще, потом показал Мише Стендалю свой кулак.

— Это кулак чемпиона Олимпийских игр в полутяжелом весе, — объяснила собравшимся Алина. — Притом он не понимает по-русски и будет действовать в пределах допустимой самообороны.

— Остановитесь! — закричал Лев Христофорович. — Не лучше ли нам развеять недоразумение? Скажите собравшимся, что же вас привело в Великий Гуслар? Что заставило вас прилететь сюда? Любовь к Мише Стендалю?

— Только не это! — возразила красавица.

— Может, любовь к маме?

— Немножко да, а немножко нет, — сказала Алина.

— Тогда что же?

— На родину захотелось! — ответила молодая женщина. — Такая на меня ностальджи напала — мочи нет! Спать не могу, пищу принимать не могу, любовью заниматься не могу, да?

— На родину захотелось! — заявил математик Квадрант. — Я и не подозревал, что может существовать такое дикое чувство.

— И я пожелала перед смертью прикоснуться к земле моих предков, — проскрипела графиня Мейендорф на старинном, но неправильном русском языке.

Нестройно, но искренне и громко эти слова были поддержаны криками остальных пассажиров автобуса.

— Что и требовалось доказать, — сказал профессор Минц. Он был доволен, как бывал доволен академик Павлов, когда у его любимой собаки отовсюду начинала капать слюна.

...Словно Эркюль Пуаро, знаменитый сыщик, который обязательно собирал всех подозреваемых в одной комнате и вел их за собой по глухим извилинам преступного ума, Лев Христофорович Минц пригласил в тот же вечер своих друзей, а также иных заинтересованных лиц во двор своего дома. Они уселись вокруг стола, за которым уже третье поколение жильцов рубилось в домино.

Там сидели сам Минц, его ближайший друг Корнелий Удалов, репортер Миша Стендаль, а также никем не званные старик Ложкин и Ходжа Эскалибур, претендующий на звание волшебника и прорицателя.

Правда, от Ходжи была и польза: он принес с собой ящик пива и поставил его посреди стола. А за стаканами сбегал Корнелий.

Вечер был теплый, даже не дуло. Пели птицы.

— Получив просьбу Миши Стендаля о возможном возвращении на родину девушки Алины, которая уехала в Штаты изучать астрономию, я подумал: а как это сделать? Ведь невозможно изобрести приворотное зелье!

— Хотя в истории такие случаи отмечены, — вмешался наглый Ходжа Эскалибур. — Пресловутая Клеопатра широко использовала некий состав, разработанный в ее лаборатории.

— А доказательства? — воскликнул Минц, не выносивший прорицателя.

— Какие нужны доказательства, если сохранились ее портреты?

Минц замолчал, потому что аргумент сразил его наповал.

Только через минуту он собрался с духом, чтобы продолжить свой рассказ:

— Внушить любовь к определенному молодому человеку я не мог по причинам в первую очередь этическим. Ведь это было бы насилием над человеческой природой. Любовь или есть, или ее нет. Кому нужна любовь навязанная? Как ты думаешь, Миша?

— Не знаю, — промямлил Стендаль, потому что не был уверен в правоте профессора.

— Но можно обратиться к другим чувствам, свойственным каждому человеку, но дремлющим под слоем повседневности. Например, присмотримся к любви к родине. Она генетически заложена в любом человеке. Обстоятельства могут заставить его с этой родины сбежать. Но тоска по родине останется. Даже если он сам об этом не подозревает. И я подумал: если я разбужу в девушке Алине тоску по родине, скажем — ностальгию, то она захочет вернуться домой, в Великий Гуслар, и оглядеться. Дальше она — вольный человек. Вспомнит Стендалю, захочет к нему приблизиться — ее воля. Мы эту волю уважаем. А если предпочтет другого — то бог ей судья.

— Но она же замужем! — закричал Стендаль. — Она вышла замуж за боксера, представляете?

— Не представляем, — сказал Удалов. — Никогда не были боксерами.

— Я ничего дурного с этой девушкой не сделал. Она повидается с мамой, поглядит на закаты над нашей рекой, встретится с подругами и побеседует с Мишей.

— Она не хочет со мной беседовать! — расстраивался Стендаль. — Она была стриптизершей! Может, даже порнозвездой.

— У нее чудесные детишки, шоколадные, — заметил Корнелий Иванович.

— Она предала астрономию!

— Но полюбила домашнее хозяйство.

— Но когда я ставил эксперимент, — продолжал Минц, — я не мог ограничить себя одним частным случаем. Он ведь ничего не доказывал и ничего не давал народу в целом. А ведь проблема России, как и проблема Турции, а также Бангладеш — утечка мозгов и тел. Только подрастет аспирант, а его уже в Колумбийский университет приглашают, а то и на фирму. Только округлится попка у нашей красотики, как ее уже вызывают к американскому фотопарату или, того хуже, к похотливым американским лапам.

— Вот именно! — согласился Миша Стендаль.

— А мы испытываем недостаток.

— Еще какой! — добавил старик Ложкин, которого никто не приглашал. — Раньше всего у нас хватало, и хлеба по шестнадцать копеек, и ширпотреб, и свободы. В доме отдыха по профсоюзной путевке я каждый год отдыхал, море в ста метрах, в комнате четыре товарища, обед в две смены, чистое белье. Где все это?

— Меня уж премьер просил подумать, — сказал Минц. — С государственной точки зрения.

— И вы подумали? — спросил Стендаль. В нем проснулся журналист.

— Еще как подумал. И пришел к выводу, что надо создавать вирус, выборочно действующий на генетически трудноуловимый центр ностальгии. Если он есть и предположение мое верно, то, получив письмо, страница которого смочена слабым раствором, содержащим вирус «ностальджи», Алина станет восприимчивой к мыслям о родине, о родном городе, о людях этого города.

— Она-то приехала, — сказал Миша, — но почему другие приехали?

— Ты ключевое слово пропустил, — вмешался Удалов. — Слово «вирус». Ты только копни...

— Я уже копнул, — улыбнулся Минц. — Я провел экспресс-опросы всех приехавших. Оказывается, графиня Мейендорф — соседка Алины слева, и та часто у нее занимает соль или спички. А сосед справа — любовник математика Квадранта, который сам по себе в России никогда не был, потому что он новозеландец, и потому на него мой вирус подействовать не мог. Но он стал носителем вируса, и тот дождался своей жертвы — выходца из России.

— И все они связаны?

— Были в контакте, — сказал Минц. — Все, кто приехал. Мы

можем проследить цепочки. Вирус оказался чрезвычайно вирулентным и абсолютно безвредным.

Наступила тишина, только пиво булькало в глотках и стаканах.

Слушатели переваривали сенсационную информацию.

— В завтрашний номер газеты можно? — спросил Стендаль.

Ложкин засмеялся дрожащим смехом:

— Репортер — всегда репортер. У него невесту увели, а он о статье рассуждает. Нет у них сердца, у современных журналистов, писак, извините за выражение. Развалили Союз и радуются. Вирусы им подавай!

Выступление Ложкина было бурным, но бессмысленным.

Минц попросил Стендаля не спешить. Подождать еще день-два.

— Тогда «Известия» перехватят, — расстроился Стендаль. — Ну что за жизнь! Можно сказать, я ради этой статьи пожертвовал собственным счастьем, а даже написать нельзя... — Он чуть подумал и спросил: — Лев Христофорович, нельзя ли этого негра обратно отправить? А Алина пока у своей мамы поживет?

— Он может не захотеть, — сказал Минц, и все согласились: может и не захотеть. Уедешь от такой — спохватишься, а ты уже холостяк.

Допили пиво.

Вопросы еще остались.

И главный задал Корнелий Удалов:

— А этот вирус уже весь сюда прилетел или еще по Америке шастает?

Разные люди сидели за столом, одни умнее, а другие так себе. Но все подумали об одном и том же: если так быстро вирус заразил соседей Алины, то, значит, он сейчас разбегается по Америке и внедряется в кровеносную систему многих наших бывших сограждан.

Минц ответил не сразу.

Но совершенно серьезно.

— Если на той неделе прилеты продолжатся, будем рапортовать в Москву. Сами понимаете...

На том и разошлись.

Миша Стендаль пошел поближе к дому Алининой мамы. Там он стоял у забора и заглядывал в окна. Но ничего не увидел, потому что главное окно перекрывала спина боксера.

«Господи, — страдал Стендаль. — Мне было тяжело сознавать, что Алина живет в Штатах и учит астрономию. Но оставалась на-

дежда. Теперь же оказалось, что астрономия ни при чем, а Алина возвратилась. И это еще хуже».

На следующий день из Вологды пришел автобус, полный американскими гусярцами, включая тех, чьи предки покинули городок в XIX веке.

А во второй половине дня повадились такси. Ведь среди возвращенцев оказалось немало богачей.

Под предлогом обязательного медицинского освидетельствования Минц смог сделать анализ крови большинству репатриантов. У всех в крови активно передвигался вирус «ностальджи» и симптомы были одинаковыми — тоска по родине и несказанная радость от встречи с ней. Как сказал Василий Голодай, писатель из Пенсильвании, а прежде механик на автобазе: «Я даже удивляюсь, чего я там торчал, бабки зарабатывал. Лучше бы коттедж на речке построил».

Потом он подумал и добавил:

— А что! Еще не поздно.

В первые дни в Гусяр приезжали компатриоты, которые жили в Нью-Йорке, на третий день появились деятели из Вашингтона и Бостона, на пятый прилетел некто Самойленко из Нью-Мехико, а на восьмой — Джонни Пукерман из Лос-Анджелеса.

Разумеется, гостиница уже в первые дни была переполнена, спали в кабинете директора и бельевой, селились у дальних родственников и забытых знакомых. Доллар в Великом Гусяре быстро потерял привлекательность и шел ниже, чем в других пунктах державы... впрочем, недолго, потому что процесс распространения вируса «ностальджи» захватывал эмиграцию и вширь и вглубь. Например, в Гусяре за старухой фон Мейендорф появились несколько кадетов, покинувших Россию в конце Гражданской, и воспитанницы Ксенинского приюта десятых годов. Многие приезжали с родными — мужьями, женами, детьми, внуками, любовниками и любовницами, а то и просто с близкими друзьями. Город шумел, город забыл о сне, восстанавливались связи полувековой давности и выяснялись обиды периода военного коммунизма.

А в палаточном городке за музеем, у памятника землепроходцам обитали уже три сотни приезжих, которые не нашли родных и близких в Гусяре.

А вот следующий шаг вируса Минц не предугадал.

Его гениальность имела ограничения, и социальные последствия его открытий бывали трагичными.

Он полагал, что вирус будет поражать лишь выходцев из Великого Гусяра. Вирус же, начав с гусярцев и исчерпав пищевые ресурсы, стал искать, шалун, в кого бы еще внедриться. И сообра-

зил, что самая достойная среда обитания — эмигранты из Вологодской и Архангельской областей.

Так что через две недели началось нашествие бывших русских в тихую Вологду.

А там уже и до Котласа рукой подать...

Пока дело ограничивалось Великим Гусярем, это событие не привлекало внимания зарубежной и отечественной прессы.

Но на четвертый день в выпусках новостей проскользнуло сообщение о буме в авиасообщениях США — Россия. Билеты на самолеты достать невозможно, некоторые летят через Японию, зафрахтованы два океанских лайнера...

С каждым днем число сообщений росло, и тревога начала охватывать весь мир.

Но только к исходу второй недели человечество смогло осознать масштабы события, которое быстро приобретало форму всемирной катастрофы.

За три недели США покинули один миллион триста двадцать одна тысяча выходцев из России. Причем журналистам удалось установить эпицентр события: небольшой город Великий Гусяр Вологодской области в северной России, где обитает менее двадцати тысяч человек и куда заявились из США около семисот бывших эмигрантов, родственников этих эмигрантов и внуков эмигрантов.

Радостно отреагировали на возвращение русских в Россию все газеты и телестудии России. Они подсчитывали, сколько программистов, инженеров, врачей и спортсменов примчались по неизвестной причине обратно на родину. Они брали интервью у трапа самолета у всемирно известных куртизанок, порнозвезд, певиц, кутюрье, кинорежиссеров-анималистов и альпинистов, политических деятелей и неуловимых бандитов.

И что удивительно: каждый из них рассказывал одно и то же.

Якобы он проснулся среди ночи от неумолимого желания вернуться на родину, которой приходится переживать трудные времена.

Он не мог ни о чем другом думать. Он бросил все дела, машину и виллу в Майами-Бич, не попрощался с директором студии или фирмы и встал в очередь за билетом до России.

Вскоре громадные пространства Соединенных Штатов обезлюдели.

В игорных домах и на военных предприятиях, в вычислительных центрах и на авиационных заводах остановилась работа. Со скандалом закрылось несколько публичных домов.

А по истечении месяца поветрие перекинулось через океан и принялось безумствовать в Германии и Великобритании.

Мир охватила тревожная уверенность в том, что переманивание миллионов людей происходит по приказу из Кремля. Кремлю был объявлен бойкот, и самолеты в Москву перестали летать.

Тем временем ученые в США обнаружили в крови людей русского происхождения, которых удалось перехватить на границе, неизвестный вирус, и стало ясно, что эти люди больны. Они больны ностальгией. Они хотят домой.

Государства мира обменивались с Москвой грозными нотами, но притом следует признать, что Кремль был растерян не менее, чем Вашингтон. Ведь одно дело стенать по поводу утечки умов и тел, но совсем другое — получить их обратно в большом избытке. Ведь всех надо кормить и трудоустраивать.

А где найдешь на всех институты, заводы и ночные клубы?

* * *

Эта правдивая и жуткая история идет к своему банальному завершению. И чтобы понять, почему конец ее будет банальным, следует вспомнить повесть известного советского писателя Михаила Булгакова «Роковые яйца». Вы ее еще не читали? Там по ошибке из яиц выводятся гигантские пресмыкающиеся, и ничто не может остановить их продвижения к Москве. Читатель живет в напряжении: какой же выход отыщет писатель Булгаков? А он говорит: тут на Москву навалился мороз, очень ранний в том году, и все рептилии и прочие гады на подползе к Москве замерзли.

Правда, потом Булгаков сам признавал, что финал повести неудачен.

Но слово было сказано, пример будущим поколениям писателей преподан.

И если вы ожидаете какого-то парадоксального решения, веселой или трагической авторской находки, я должен предупредить, что вы ее не дожидаетесь.

Все в жизни бывает проще, чем ожидаешь.

В тот самый день, когда нашествие единоплеменников на Россию было в полном разгаре, профессор Минц стоял в хвосте длинной очереди за молоком. Ведь магазины Гусляра, как вы сами понимаете, не справлялись, и в городе начались случаи нападения на огороды, хотя до дистрофии дело пока не дошло.

Минц в те дни, не обращая внимания на прибавление числа жителей в городе, занимался уже другой, вполне специальной ма-

тематической проблемой, когда к нему, протиснувшись по улице, наполненной народом, приблизился Миша Стендаль.

— Лев Христофорович, — сказал он, — народ в ужасе. Из Москвы идут факсы. Что будем делать?

— Я сделал все, что положено сделать патриоту, — отрезал Минц. — Потерянные соотечественники возвратились. Теперь дайте им смысл в новой жизни, а то уедут.

— Как так уедут? — всполошился Стендаль. — Я ведь завтра в кино иду с Алиной и Энди.

— Кто такой еще Энди?

— Первый муж Алины, — ответил Миша. — Темнокожий боксер. Алина подает на развод, чтобы соединить свою судьбу с моей. Она уже провела последнюю ночь у моего небольшого телескопа.

— Ничего не выйдет, — сказал Минц. — Разве вы не знаете, что жизненный цикл у всей колонии популяции вируса — сорок дней? А потом он исчезает. Полностью.

— И что же?

— А то, что у тебя четыре дня, чтобы завоевать сердце твоей Алины. А то улетит.

Минц отвернулся от Стендаля, потому что мысленно вновь погрузился в свои вычисления, а Стендаль, узнав, что у него осталось всего четыре дня, забыл о своем журналистском долге. Ну что бы заранее предупредить общественность. Он свое сделал, невесту для Стендаля вытребовал, а побочные эффекты... на то они и побочные эффекты, чтобы о них забыть. Великим людям свойственна рассеянность.

Совершенно неожиданно, утром в пятницу, миллионы вернувшихся на родину граждан пробудились ото сна и от наваждения.

Они посмотрели вокруг и на окружающих.

Они сказали себе и окружающим:

— А какого черта я здесь делаю, если мой бизнес в Детройте без меня погиб, а на мое место в вертепе Лас-Вегаса уже взяли Ханку из Катовиц!

И все эти люди, за малым исключением, ринулись к автобусной станции. Но тут же выяснилось, что все они в знак примирения с Россией порвали в клочья свои американские паспорта и внесли свои наличные доллары в Фонд защиты матерей-одиночек.

Несчастные эмигранты стояли толпами на автобусной остановке, и многие рыдали. А коренные жители Гусляра, которые туда-сюда через океан не шастают, стояли вокруг и сочувствовали.

— Допрыгались, — с добрыми улыбками говорили они.

- Ни себе, ни людям...
- Привет звездно-полосатому флагу!
- И прочие фразы.

В этот момент мимо проходил Ходжа Эскалибур. А может, он проходил не случайно.

Он остановился на краю толпы, от которой исходило напряженное гудение взрослых голосов и писк детских, и стал смотреть на людей любовно, как и положено основателю секты.

- Домой хотите, болезные? — спросил он.
- Разве не видишь? — послышался в ответ общий крик.
- Значит, так, — сказал прорицатель. — Желающие улететь

бесплатно в Соединенные Штаты сдадут мне по обручальному колечку либо по бранзулетке соответствующей стоимости.

И оказалось, что у каждого нашлось что-то ценное.

Помощники Ходжи Эскалибура стояли за ним и собирали подношения в корзины.

И надо сказать, что во всех других российских городах, где скопились эмигранты, голограммы Ходжи Эскалибура повторяли его слова и жесты.

Ровно в двенадцать часов Ходжа Эскалибур взмахнул руками, и все россияне, живущие в Америке, превратились в больших морских птиц типа альбатрос.

Ходжа махнул им, и птицы косяками, стаями, а то и полчищами поднялись в небо и взяли курс на Запад.

А в это время Гаврилов с товарищами возвращались с неудачной утренней охоты.

Шум сотен тысяч крыльев как ураган несся над ними.

— Гуси! — закричал Гаврилов и принялся палить по птицам.

К счастью, Ходжа издали увидел, как он поднимает ружье, и навел на него временную слепоту.

Американцы улетели. Без потерь.

Минц этого почти не заметил, потому что был углублен в новую проблему.

«Почти» не означает — «совсем».

Все же Минц спросил у Корнелия:

- Куда все американцы делись?
- Их Ходжа в птиц превратил, — сказал Удалов.
- Ну вот! — рассердился Минц. — Это же совершенно анти-

научно. А потому импоссибл. Гнать таких жуликов!

Ходжа Эскалибур все слышал и загадочно улыбался.

Пока неизвестно, волшебник он или инопланетянин. А может, и то и другое. Но людей любит и человечеству помогает.

ХРОНОСПАЙ

Максим Максимович, внук Корнелия Удалова, школьник десяти лет от роду, был недоволен содержанием учебника истории. Об этом он сообщил профессору Минцу.

— Дедушка Лева, — сказал он, — у меня масса сомнений. А у Валентины Семеновны — ни одного.

— Объясни, друг мой, — попросил профессор Минц, гениальный ученый, давно уже проживающий в достойном уединении городка Великий Гусляр.

— Я ее спрашиваю, а правда Иван Сусанин завел в лес целый польский полк интервентов? Она говорит — нет сомнений. А я думаю, чего ж это поляки по собственным следам обратно не вернулись? Тайна? Историческая загадка?

— А в самом деле... — произнес Лев Христофорович. — Что им помешало?

— Ничего!

— Может, вечер наступил? — сказал Минц. — В темноте они и погибли.

— Хорошо, — сказал юный скептик, — но сомнения остаются?

— Остаются.

— Другой пример, — сообщил Максимка. — Татаро-монгольские захватчики завоевали Русь. А Новгород не завоевали. Тоже в лесу заблудились?

— Ну, тому много причин, — сказал неуверенно Лев Христофорович.

— Вечер наступил? — Глаз у школьника был хитрый и даже насмешливый. И ясно — детям порой надоедает, что взрослые имеют право их учить, хотя сами учились паршиво. Каждый взрослый дурак выпячивает пузо и начинает вещать, как телевизор.

— И много у тебя сомнений? — спросил Минц. Он был поумнее многих взрослых, иначе Максимка и не стал бы с ним советоваться.

— Миллион, — сказал Максимка. — И не знаю, что делать.

— Что же у тебя намечается в четверти по истории? — догадался спросить Лев Христофорович.

— Не исключено, что нятану на трешку, — ответил Максимка. — Но я ни в чем не виноват. Я даже книги исторические читаю. И если бы не было у меня сомнений, мог бы рассчитывать на четыре-плюс.

— И чего ты от меня хочешь?

— Говорят, что вы большой ученый.

— Я с этим не спору.

— Вам даже Нобелевскую премию обещали.

— Но, к сожалению, не решили, по какому разряду мне ее дать. Физики, химики и биологи передрались за право выдвинуть меня на эту премию.

Лев Христофорович не лукавил. И в самом деле слухи о таких спорах и разногласиях до него докатывались.

— Так помогите. А то мне роликов не видать как своих ушей. Даже тройков в четверти предки не позволяют. Издевательство над честным человеком.

— А как я тебе помогу?

— Сделайте приборчик, чтобы можно было заглянуть в прошлое. Одним глазком. И посмотреть, как все это случилось на самом деле. А в случае необходимости ткнуть носом в правду истории нашу Валентину.

— Во-первых, тыкать носом любимую учительницу — грех, — сказал Минц. — Во-вторых, машина времени в принципе невозможна. И если тебе скажут, что ее уже изобрели, можешь плюнуть в рожу тому человеку.

Тогда будущий историк топнул ножкой и сильно осерчал на профессора Минца, потому что решил, что старик притворяется. Нельзя придумать? А ты постарайся. Так он и сказал профессору:

— Не можете придумать, запрещено, а вы через запрещено!

Минц только усмехнулся.

Но сам крепко задумался.

Если Лев Христофорович крепко задумывался, то миру лучше всего замереть в ужасе или в предвкушении близкого счастья.

Каких только гениальных открытий или роковых изобретений не рождалось в такие моменты в гениальной голове профессора. И если природа ставит на пути Минца препоны в виде физических запретов, он просто сметает эти запреты.

Разумеется, мы с вами знаем, что путешествие во времени невозможно. И, за редкими исключениями, оно не происходит. Профессор это знает куда лучше нас с вами. Поэтому он ищет и находит обходный маневр. Нельзя путешествовать — значит, можно подглядывать.

Нельзя подглядывать, можно принюхиваться, нельзя нюхать, можно слушать... и так далее.

Не будем углубляться в теорию и практику темпоральных перемещений и псевдоперемещений, просто представьте себе небольшой спутник Земли, который кружится с невероятной скоростью в направлении, противоположном вращению нашей планеты. Через какое-то время он исчезнет с экранов слежения, потому

что вкрутится в прошлое. Прибавим скорость — спутник вообще исчезнет.

Должен вам сказать, что профессор Минц в работе над хроноспаем погубил шесть ценнейших спутников и разорил трех или четырех своих спонсоров. Но это не страшно, у него всегда найдутся новые спонсоры, которые отлично понимают, что любое изобретение Льва Христофоровича при определенной смекалке можно поставить на службу своему кошельку и общему прогрессу. Помните, как Минц изобрел краску для стен и потолка, которая ничем не отличается от обычной краски, но ее высохшая поверхность настолько скользкая, что комары не могут удержаться на стене, устают летать и покидают помещение?

Спонсор Пилигримов наладил выпуск этой краски в промышленных масштабах. Ею теперь покрывают высокие заборы кирпичных коттеджей. А в Москве уже красят деревянные поля искусственных катков. И наживают бешеные деньги.

Шесть спутников погубил профессор, но смог заглянуть в недалекое прошлое.

И сильно задумался. Вновь.

Ему бы испугаться, предусмотреть возможности своего изобретения. А он вел себя как любопытный мальчишка. Он встал утром и подумал: что важнее — убедиться в истинности прошлого или заглядывать в будущее? Ведь наша жизнь определяется ключевыми моментами вчерашнего дня. Мы верим или не верим в их истинность, и это — наша жизнь. Будущего не может быть без истинного или ложного прошлого.

Ну ладно, с Иваном Сусаниным все ясно — независимо от результатов его подвига поляки все равно потерпят поражение и прах Лжедмитрия будет развеян из пушки. Но что касается других, может, не столь широко известных событий, то их истинность по крайней мере попортит кому-то кровь. Например... например, скажите, кто поджег берлинский рейхстаг в 1933 году, что позволило Гитлеру обвинить в поджоге коммунистов и захватить власть с последующими грустными результатами?

Конечно, изображение с микроспутника не идеальное и многое приходится домысливать, но давайте заглянем в ту самую ночь 27 февраля. В центр Берлина. Кто там крадется к рейхстагу с канистрой бензина? Неужели сам Геринг? Ну, теперь защитникам фашизма не отвертеться!

Радость Минца по поводу возможностей его открытия росла с каждой минутой.

Что нам неизвестно, но требуется узнать? Посмотрим, своей ли смертью умер Александр Македонский? А Юлий Цезарь?

Нет, куда интереснее узнать, укусила Клеопатра себя за руку ядовитой змеей или это легенда.

Значит, отправляемся в Древний Египет. Но дайте мне дату! Не дают даты. А что нам подскажет энциклопедия? Господи, в ней по крайней мере семь разных Клеопатр! И нужная нам, седьмая, — уродливее всех. Это надо же быть такой некрасивой красавицей!

Минц разочаровался в Клеопатре по прозвищу Филопатра и увлекся Клеопатрой Теа — его поразил на снимке чувственный и капризный рот царицы Египта. Затем ему захотелось узнать побольше о хорошенькой Клеопатре Первой, которая, как стало известно, приходилась женой Птолемею V.

Так и день прошел.

Минц немало узнал о нравах в Египте и Сирии на рубеже нашей эры, но ничуть не продвинулся в своих исторических открытиях.

На следующее утро Минца посетила Лика Пилигримова, предыдущая жена спонсора. Она нуждалась в деньгах, потому что после развода Пилигримов перестал ей платить алименты и даже раза два посылал к ней киллеров. Но нужно знать Лику, чтобы понять — эти киллеры кончили свои дни в канавах, а сам Пилигримов, собрав что успел из своих миллионов, рванул на Капри.

— Привет, дедушка! — воскликнула Лика. Она вошла в кабинет великого ученого и повела плечами мастера спорта по плаванию брассом. Потом сбросила туфли с ног женщины-штангистки и прижала Минца руками акробатки к груди кормящей неандерталки. Притом следует признать, что Лика не лишена скромной женской прелести, недаром она ведет прогноз погоды на местном телевидении.

— Чего изобрел, Лева? — спросила Лика, отпустив Минца на волю и закуривая сигару. — Мне бабки нужны до полного капута. Дай нажить миллион.

— Нет, — сказал Минц, глядя коленку своей любимой Лики. — Мое новое изобретение некоммерческое. Оно должно помочь школьникам одолеть историю.

— Поведай, не стесняйся! — взмолилась Лика. — А вдруг я чего смогу из него высосать?

— На этом экранчике, — сказал Минц, — ты можешь увидеть то, что наблюдает в данный момент мой хроноспай.

— Это еще что за чувак?

— Хроно означает на древнегреческом — время. Хронос. А спай — по-английски — шпион. То есть все вместе — временной шпион.

— Ага. И на разных языках, чтобы никто не догадался. И кончай меня щипать, старый греховодник!

— Я не щипал, я гладил, — поправил женщину Минц.

— И что же ты смотришь ради несчастных школьников?

— Я могу проверить любой момент прошлого, — пояснил Минц. — Стоит только настроить хроноспай на нужный объект, и мы все увидим. А знаешь, Лика, порой это даже важнее, чем заглядывать в будущее.

— Ну не скажи. В прошлом я уже все купила и всем отдалась. А в будущем меня ждет принц в волшебном замке. Две большие разницы.

— А я полагаю, — сказал Минц, — что некоторым людям хочется узнать прошлое, а другие заинтересованы в том, чтобы его утаить.

— Это какие же люди?

— Во-первых, историки, — сказал Минц.

И тут его посетила великолепная мысль.

— А во-вторых, следователи и сыщики! И не надо будет теперь разгадывать преступления. Достаточно взглянуть на преступление с птичьего полета — и дело сделано. Можешь передавать убийцу в суд.

— Что-то ты глупое несешь, — произнесла Лика. — Кто тебе поверит?

— А верить и не надо. Пленка с этого экрана будет признана судебной уликой. В конце концов, всегда можно повторить подсматривание прямо в зале суда.

— Ловко, — сказала Лика. — Может, это поважнее, чем детские уроки истории.

— А представь себе, — все более распалялся Лев Христофорович, — что теперь будут упрощены поиски кладов! Допустим, зарыл Степан Разин сокровища персидской княжны под своим одноименным утесом. Мы с тобой заглядываем в тот момент прошлого и видим — ага, вот они, под тем лежащим камнем! И сокровища наши.

— Славно, — согласилась с Минцем Лика. — Но не очень интересно.

Хоть Лика и была на редкость корыстной женщиной, но в ней жила и другая натура — а именно романтическая.

— Что же неинтересного? — удивился Минц. — Что может быть интереснее подвигов капитана Кидда или сокровищ Александра Македонского?

— Жизнь, — ответила Лика. — Любовь.

Она шумно вздохнула. Поднявшийся вихрь смел со стола бу маги профессора.

— Конкретнее, — потребовал Минц.

— Можно и конкретнее. Хочу проверить, была ли на самом деле та персидская княжна и правда ли, что дружки-гомосексуалисты из ближайшего окружения народного героя заставили его выбросить девушку за борт.

Минц почесал лысину.

— Главная проблема, с которой мы сталкиваемся, — сообщил он, — это определение места и времени события. Для этого мною создана поисковая система. Был бы известен год и страна — остальное микроспутник сам вычислит. Год нам известен — о нем поведал парусный мастер голландец Ян Стрейсс, попавший в Астрахань именно в те дни и слышавший эту легенду из уст самого Степана Разина... Так что набираем...

— Вы осторожнее, Лев Христофорович! — Лика почему-то обробела перед лицом всевластия науки.

— Чего вы боитесь?

— А звук будет? — ушла от ответа Лика.

— Спутник считывает текст по губам, так что он не может передать интонацию или тембр голоса, но смысл — пожалуйста.

Вдруг небольшой дисплей загорелся зеленым сиянием, и по нему побежали полосы.

— Есть тонкая настройка! — воскликнул Минц.

Весь экран заняла ладья, обычная ладья, на каковых любил ходить в походы Степан Разин, казак и народный повстанец.

В центре сидел, подпершись могучей рукой и склонив голову, с печалью во взоре народный вождь.

У его ног, глядя преданно и любовно, примостилась неслезанной красоты восточная девушка в синих шальварах и белом бюстгальтере. Ее воронные волосы волнами ниспадали из-под круглой, расшитой жемчугом шляпки.

За спиной атамана и по бокам от влюбленной пары сидели казаки дикого вида. Некоторые гребли, другие чистили оружие или бездельничали. Со стороны последних и слышался ропот. Камера как бы прошла по их лицам, отмеченным печатями различных пороков.

— Ой, — прошептала Лика. — Какая романтика.

Тем временем включился звук, и ровный бесстрастный голос машины стал озвучивать высказывания спутников Разина, тогда как Лев Христофорович и Лика имели возможность наблюдать за говорившими.

— Ох и не прав ты, атаман!

— Нас на бабу променял.

— Вчера детский приют пожалел, не ограбил, куда это годится?

— Нас на бабу променял! Забыл обо всем!

— Вот именно, забыл о ночах любви со старыми товарищами!

— Сам наутро бабой стал.

Тут не выдержал и Степан Разин.

— Последнее высказывание меня возмущает, — сказал он. — Этого со мной не будет никогда!

— И слава богу, — поддержала возлюбленного персидская княжна. — У нас со Степаном Тимофеевичем любовь!

— Этого еще не хватало!

— А кто будет холопов из неволи освобождать?

— А кто возглавит сопротивление царским сатрапам?

— И не исключено, что эта княжна — агент иноземного влияния.

Степан Разин еще более закручинился.

— Что же мне делать, братья? Возлюбленные мои?

Раздались разрозненные голоса:

— За борт ее!

— В набежавшую волну!

— И тут же — в поход на Москву!

Разин сопротивлялся.

— Во-первых, — сказал он, — княжна хороший товарищ и сладкая женщина. Во-вторых, нам дороги добрососедские отношения с Персией.

— Надо, Степа! — был ответом хоровой крик.

— Ну, если надо, — глубоко вздохнул Степан Разин, — то делать нечего. Ты хоть плавать умеешь?

— Откуда мне в гареме плавать научиться? — удивилась княжна. — Для меня фонтан был крупнейшим водоемом.

— Так ты потонуть можешь, — сказал Разин.

— Вот именно! Пускай тонет! — закричали товарищи-казаки.

— Ну, не поминай лихом, — сказал Разин и обхватил княжну обеими руками.

Княжна приникла к его губам в прощальном поцелуе. Степан стал подталкивать девушку к борту. И когда борт был близок, он толкнул девушку, но при этом он не прекращал рыдать и мучиться.

— Ах ты, гяур вонючий! — возопила княжна и дала Степану Разину тяжелую пощечину.

В этом месте показа женщина Лика закричала:

— Так его! Всем им так будет!

Степан Разин схватился за щеку и отпрянул.

Другие казаки кинулись на девушку, желая ее утопить.

Ох и отбивалась княжна! Руками, ногами, когтями, зубами!

В конце концов казаки отступили и принялись вытаскивать пистолы и пищали.

Не ожидая расправы, персидская княжна кинулась в воду.

Она гребла одной рукой и кричала:

— Да умею я плавать, умею! Каспийское море туда и обратно переплывала. А вы поглядите, не пропало ли чего на борту, кроме чести?

Казаки сразу поверили княжне, хоть она оказалась обманщицей. Ее топили, а она не потонула.

Пока искали и друг дружке мешали, княжна вылезла на берег под высокий обрыв утеса имени Стеньки Разина. Она подняла левую руку. В ней был зажат небольшой мешочек.

— Вот, — крикнула она, — вот она, ваша разбойничья казна, ваши драгоценные камешки, отнятые у свободолюбивого и трудолюбивого персидского народа!

— Держи ее! — Казаки стали грести к берегу. Но княжна пропала.

И над голосами, стонами и ругательствами казаков поднялся голос, очевидно, принадлежавший Степану Разину:

— Чтобы никому об инциденте ни слова! Утопили, и дело с концом. Пускай о нас песни слагают. Иначе позора не оберешься.

Экран погас.

— Убедительно? — спросил профессор Минц.

— Убедительно, — вздохнула Лика. — А Непорочное зачатие показать сможете?

— Ты с ума сошла! Это же ночью было, в темноте.

И Лика согласилась со Львом Христофоровичем. Они принялись думать, на какой бы еще спорный момент истории им взглянуть. Может, на Финляндский вокзал, когда Ильич с броневика призывал к революции. Или посмотреть, своей ли смертью умер Иосиф Виссарионович Сталин.

Они так увлеклись забавной беседой, что не заметили, как вошла Ксения Удалова. Она искала своего мужа Корнелия, но ее заинтересовала беседа.

— А ну-ка, — сказала она, — шутки ради погляди, чем занимался мой Корнелий в четверг в восемь часов утра.

— Пожалуйста, — пошутил в ответ Минц. Он понимал, что ничего предосудительного в восемь утра Удалов делать не мог.

Нашли Удалова.

Оказывается, состав преступления был налицо и Минц предал лучшего друга!

Экранчик показал, что Удалов сидит на толчке и, достав из-за

сливного бачка конверт, пересчитывает заначку, отложенную на новый спиннинг.

— Именно так! — сказала Немезида-Ксения и удалилась. На ходу она с отвращением повторяла: — Отнять у семьи, ограбить внуочка! Нет такому пощады!

— Ничего, — сказала Лика, — отбредется твой Корнелий. А вот мне куда важнее узнать — мой петушок в самом деле на стрелку ездил на той неделе или с Маргошкой забавлялся?

— Все, — произнес тогда Минц. — Сеанс окончен, дети идут по кроваткам. Я не намерен потакать вздорным женским слабостям.

Лика ушла оскорбленная.

Со второго этажа доносились крики и звуки падения мебели — Удаловы выясняли отношения.

Изобретение профессора Минца уже начало давать горькие и даже бесполезные плоды.

Перед сном Минц еще побаловался немного в одиночестве. Ему обязательно захотелось узнать, кто поджег в прошлом году на выборах мэра детскую библиотеку. За что демократа Дудкина сняли с выборной гонки. Ведь у него дома нашли спички и книжку «Приключения Травки», которую сочли пропагандой наркомании.

Видимость была ночная, неясная, поджигали на экране библиотеку совсем иные люди во главе с известным детским поэтом-песенником Мишкой Сорокиным и председателем фонда «Счастливое детство» Марфой Сорокиной. За их спинами с канистрой в руках маячил нынешний мэр Гусляра...

— Нет, — не поверил своим глазам Минц. — Даже наша система может давать сбой.

Пока он смеялся, оскорбленная Лика сидела в ночном клубе «Пуля Дантеса», пила кампари в компании Мишки Сорокина и ругала Минца последними словами. Мишка, как вы, может, знаете, и был петушком Лики, но нередко изменял ей, выполняя общественный долг.

Потом Минц пошел спать, думая, что завтра собственными глазами увидит последнего неандертальца, а Лика перешла в казино «Последний рейс старого фрегата», стала там пить martini в обществе Соли Шустера и спрашивать его:

— Нет, ты скажи, интересно будет еврейскому народу увидеть, что делал ваш Моисей на Синайских горах и как он ходил вброд через Суэцкий канал? Вот обхохочешься!

Минц видел себя во сне выдирающим гадюку из слабой руки Клеопатры, очень похожей на его первую любовь Верочку Н., а Лика тем временем встречала рассвет на веранде ночной закусоч-

ной «Вокзал на троих», где исповедалась бывшему члену бюро горкома, а ныне хозяину магазина «Только для взрослых» Варамееву Г.Ф., уверяя, что завтра уже можно будет поприсутствовать на заседании Политбюро ЦК КПСС, принимавшего решение о вводе в Афганистан ограниченного контингента.

Так прошла ночь у главных героев этой смешной истории.

Минц проснулся рано.

И подумал: что же я такой счастливый?

Потом вспомнил — я принес человечеству историческую правду!

Человечество утыкает памятниками мне все населенные пункты.

С чего начнем день? — спросил сам себя профессор Минц.

И тут услышал над головой, на втором этаже глухой тяжелый удар. Старенький деревянный дом барачного типа содрогнулся.

Что бы это могло быть? — подумал Минц.

А это упал на пол Корнелий Удалов, который пытался повеситься, не в силах выдерживать скандалов с женой. Но веревка была слаба для такого плотного тела и оборвалась.

А Минц догадался: это Ксения во сне с кровати бухнулась.

И засмеялся своей догадке.

Он помылся, почистил зубы и все думал о том, какую радость он несет людям.

Потом вспомнил: надо за молоком сходить.

Минц открыл дверь и вышел, но в дверях развязался шнурок, и Минц присел на карточки, чтобы его завязать.

Это Минца и спасло.

Потому что очередь из автомата, направленная ему в сердце, просвистела как раз над головой.

Это вела прицельный огонь охрана благотворительного фонда «Счастливое детство».

Рядом с ухом в косяк двери вонзились пистолетные пули, направленные рукой владельца ночного клуба «Пуля Дантеса» Мишки Сорокина, который когда-то украл ноты всех своих песен у композитора Шаинского.

Бутылка соляной кислоты разбилась чуть в стороне. Прицел Соли Шустера был неверен.

И тут взорвалась граната, брошенная лично мэром города, известным борцом с терроризмом, имя которого вам и без меня известно.

Так что делегации от бывшей Компартии, пришедшей водрузить красное знамя над руинами рейхстага, пришлось пролежать некоторое время в пыли рядом с Минцем, потому что их всех накрыло взрывной волной.

Разумеется, от изобретения Льва Христофоровича остались лишь рожки. Даже ножек не нашли.

Самого Минца Лика вынесла с поля боя и утешала в своей одноконкатной горенке.

Минц буквально плакал.

— Я же хотел открыть им всем глаза! — повторял он.

— А ты в следующий раз раскрывай глаза родственникам Клеопатры, но в наши дела не лезь.

— Неужели людям не нужна правда?

— Нам нужна правда про соседа, — ответила Лика. — Но уже про собственного мужа никто из нас не желает знать всей правды. А правду о себе не решится опубликовать ни один человек.

— Но я готов! — закричал Минц.

Может, он закричал оттого, что Лика мазала йодом его спину.

— Значит, не быть тебе политиком или просто великим человеком, — сказала Лика. — Жизнь у тебя была скучной и нетворческой. Ты даже не украл ничего толком.

— Может, и украл, — вяло ответил Лев Христофорович.

И только тогда он понял, к краю какой бездонной пропасти он подвел вчера человечество.

— Знать бы, кто гранату метнул, — сказал он, — сказал бы ему спасибо.

Часть III

ГУСЛЯР НАВЕКИ

СРЕДСТВО ОТ ДАВЛЕНИЯ

Космический гость жил некоторое время в крайнем доме, у Свириных. Был он покалечен, сильно страдал, но с врачами или учеными встречаться отказывался, уверял, что пользы это не принесет. Кроме того, подчиняясь своим правилам, полагал, что время для контактов с человечеством еще не наступило.

— И что случится, — отвечал он на настойчивые уговоры старика Свирина, — что случится, если я приду в город и начну всех убеждать, что я есть пришелец с иной планеты? Ни доказательств, ни внешнего вида. Мне суждена жалкая судьба Дмитрия-самозванца.

Дед Свирин смотрел на гостя с сочувствием, брал под руку, уходил с ним на берег речки, посидеть в тени под вязом и послушать рассказы о прелестьях дальних планет.

К осени пришелец, так и не дождавшись вестей или помощи от братьев, помер. Похоронили его под именем свиринского племянника. От пришельца остались какие-то склянки, порошки и ломаные схемы, как от транзисторного приемника. Он, бывало, колдовал над ними, но к чему стремился — непонятно.

Дед Свирин, единственный близкий пришельцу человек, разобрал баночки и на некоторые приклеил этикетки, чтобы не перепутать при продолжении опытов. А потом и сам в декабре, под Новый год, скончался. В доме осталась Мария, его вторая жена, грузная добрая женщина, недавно вышедшая на пенсию, ростом и осанкой схожая с императрицей Анной Иоанновной, как ее описывал историк Соловьев. А в комнате направо от сеней жила Аида — ей Свирины сдавали жилплощадь, и Аида, женщина одинокая, озлобленная неудачной личной жизнью, просиживала вечера у телевизора, часто шелкая с программы на программу, чтобы не упустить увлекательной передачи.

Мария Свирина телевизор не жаловала, предпочитала кино, хотя туда ходила редко, мучилась от жестокой гипертонии, вязала носки и шарфы, отсылала их детям от первого брака, живущим в Боровке и Касимове.

ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ

В воскресенье с утра Мария с Аидой решили устроить генеральную уборку. Надвигалась Пасха, за ней вплотную Первой, весна пришла в Великий Гусляр, и ветки вербы, срезанные Аидой у реки, давно уже распушились.

Мария передвигалась по дому медленно, не нагибалась, — вчера докторша прописала постельный режим, грозились забрать в больницу. Аида быстро носилась по комнатам, взмахивала тряпкой как знаменем, гремела ведрами, пергаментное лицо ее раскраснелось, пошло пятнами, серые гладкие волосы разметались космами, а нос еще более заострился и побелел.

— Мария! — кричала она из сеней. — Здесь валенки твоего старика. Рваные совсем. Выбросим или как?

Мария медленно разворачивалась, проплывала в сени, мяла обмякшие, латанные валенки, чуяла в них родной запах, капала слезами и упраскивала квартирантку:

— Может, в сундук их положим? Пригодятся.

— Куда они пригодятся? Рыбу ловить? — сердилась Аида. — Ты бы рада все барахло в доме беречь. Старик на тот свет не взял, а ты берешь. Я уж с татариним договорилась. Завтра придет, забрет, обещал хорошо за старье заплатить. Вот, гляди, тут и склянки стоят. Я их тоже выкину.

Склянки стояли на полочке, прикрытые сверху газетой.

— Это от гостя остались, — сказала Мария. — Старик с ними колдовал. Может, пригодятся.

— И все тебе пригодится! — кипятилась Аида. — Я их сейчас в мешок...

Мария собрала склянки в подол и отнесла их в комнату. Там осторожно высыпала на стол, покрытый протертой скатертью с осклабившимися мордами тигров по углам. Склянки и коробки были разные — из-под майонеза, простокваши, валерьянки и комплексного витамина. Мария расставила склянки по росту, вспомнила, как совсем еще недавно этим же делом занимался старик, как он надевал новые, в темной оправе очки, вздыхал и повторял:

— Какие знания! Какие знания утеряны. Он же все это из подручных средств составлял и очень надеялся, если за ним не прилетят, принести большую пользу людям. А теперь как?

Склянки и коробочки стояли в ряд на столе, армия эта была невзрачная, и трудно было поверить, что в таких оболочках могут скрываться чудесные неземные знания. Старик, правда, кое-что знал. Перед смертью пришелец успел открыться. Вот, к примеру, на этой баночке наклеена бумажка и написано знакомым почерком, как в кроссвордах, разгаданных стариком в «Огоньке»: «Средство от давления».

— Чего в склянках нашла? Ничего не нашла? Давай я их во двор снесу.

— Смотри. Старик мой писал. «Средство от давления».

— Мало чего он писал? Может, это для кошек или для хромых предназначено. Я бы на твоём месте выбросила, и дело с концом.

— Нет, — сказала Мария. — Может, я сама воспользуюсь. Все равно мне от врачей пользы почти никакой.

— Пользуйся, если желаешь, — сказала Аида. — Только книжку сберегательную мне оставь.

— Какую книжку? Нет у меня книжки.

— Может, и нет, но оставь, а то на какие шиши-барыши буду тебе гроб покупать?

Мария подняла медленно свое большое мягкое тело, возвысилась, как гора, над квартиранткой и сказала, хоть тихо, но с угрозой:

— Тебя, Аида, я, во всяком случае, переживу и на гроб тебе не поскуплюсь. И не тебе, божья овца, меня учить.

В последних словах скрывалось неодобрение Марии Аидиной набожностью, смирением, ибо смирение было ложным и зачастую злобным.

— Ой, чего ты говоришь, старуха! — ответила Аида, отступая к двери. — Пей свои порошки, живи, сколько тебе желается, я зла не держу на тебя. Только уволь меня от нареканий. При моем одиночестве и тихой жизни такие слова слушать неприятно.

— И выпью, — сказала Мария. — А ты мне воды принеси. На запивку. стакан вымой сперва.

— Сделаю, сделаю, — ответила Аида.

Мария снова села на стул, дожидаясь, пока вернется квартирантка, и на душе было горько и скорбно от предчувствий и скрытого раздражения на саму себя. Мария уже знала, что сомнительное лекарство она выпьет, потому что отступать от своих слов при Аиде никак нельзя. Сегодня отступишь, а потом Аида, сильная своим смирением, сядет на шею, заграбит власть в доме, а то и сам дом.

Косые лучи солнца пробивались сквозь сережки вербы, ложились узором на старую скатерть и поблескивали на боках склянок. Ломило в затылке, и хотелось прилечь.

— Вот стакан, — сказала Аида. — Я на кухне разбираться буду. Там барахла набралось — страшное дело. Для тараканов раздолье.

Мария дождалась, пока квартирантка выйдет из комнаты, сама взяла из буфета столовую ложку и насыпала ее до половины. Больше сыпать не стала — хоть и доверяла покойнику-мужу, что на банке с ядом не написал бы: «Средство от давления». Решила, что хватит.

Порошок был горек, вязал рот, и пришлось выпить стакан воды до дна, прежде чем смыла с языка гадкий привкус.

Потом она просидела еще с полминуты, ожидая действия порошка, но не дождалась и пошла на кухню, чтобы приглядеть за Аидой. Та под шумок могла нужные вещи выкинуть, польститься на малую корысть от завтрашнего посещения дома старьевщиком.

— Ну как? — спросила Аида, стоявшая на табуретке, лицом к полкам с посудой.

— Лучше стало, — ответила Мария. И ей в самом деле показалось, что стало лучше, появилась легкость в голове и всем теле.

— Ну и слава богу, — сказала Аида, не простившая Марии вспышку гнева.

— Ты пол вымой, — сказала Мария, — а я пыль с полок сотру.

— Куда уж тебе, — не согласилась Аида. — Ты небось на табуретку в последние годы не вставала.

— Ничего, встану, — сказала Мария. — Порошок на меня хорошо действует.

— Как желаете, — сказала Аида и легко спрыгнула на пол. — Тряпку возьми.

Мария забрала у нее тряпку и поглядела на табуретку с недоверием. Табуретка была хлипкая и старая. Муж все собирался починить ее, но за беседами с прищельцем да за неожиданной болезнью не успел.

Мария встала на табуретку коленом, чтобы легче забраться, и Аида поддержала ее, улыбаясь одними губами.

— Ну вот, — сказала Мария, распрямляясь. — А ты говоришь.

Аида отошла на несколько шагов и ответила:

— Ой, раздавишь ты табуретку, Мария, ей-богу, раздавишь.

— Не каркай, — ответила Мария, вытянула вперед руку с тряпкой, чтобы вытереть пыль с верхней полки, но тут пошатнулась, потеряла равновесие, уцепилась за край полки, хоть знала, успела подумать, что хвататься за полку было никак нельзя.

— Ай! — закричала Аида, отпрыгивая в сторону от покотившейся табуретки. И на помощь не пришла — а это понятно было, как ей удержать женщину, втрое превосходящую ее размером?

Прошло самое страшное мгновение, и Мария раскрыла сожмуренные глаза. Удивление ее было велико, потому что она обнаружила, что висит на кончиках пальцев, а пол был довольно далеко внизу. Это же вредно, думала Мария, так можно и руки оторвать. И потому она отпустила пальцы и сжалась вся, чтобы падение было не очень болезненным.

Опять она зажмурилась, опять раскрыла глаза, и теперь положение ее потеряло всякий смысл, всякую разумность. На пол она

так и не упала; а мягко реяла в воздухе над самым полом, поджав ноги.

— Изыди! — крикнула на нее Аида из-за двери. — Изыди, нечистая сила!

Аида крестилась, плевалась, а Мария тем временем распрямила ноги, чтобы встать, но, встретившись с полом, ноги оттолкнули ее наверх и отбросили к потолку, к которому ее, легонько ударив, прижало, будто приклеило.

Было тихо. Лишь дышала в сенях Аида и за окном чирикали воробы.

— Аида! — позвала Мария. — Аидушка, добрая душа. Что же это со мной творится?

— Чур меня, — отозвалась Аида. — За милицией сейчас побегу.

— Не надо за милицией, — сказала Мария, чуть не плача, — позору с милицией не оберешься. Ты к доктору сходи. Это ведь порошки виноваты, не иначе.

Аида заглянула в дверь, и ее лицо, перекошенное страхом и тем ракурсом, под которым его рассматривала Мария, было страшным и жалким.

— Порошки, говоришь? — спросила она. — Порошки?

— Порошки. Больше я, кроме чаю, ничего сегодня не ела.

— А я предупреждала, — сказала Аида. — Я тебе говорила, что добра от этих порошков не будет. Не иначе, как сам сатана его образ принял и Егора Акимовича на тот свет отправил, а тебе большое наказание определил.

— Помолчала бы, — ответила Мария, которая уже пришла в себя. — Не при царской власти живешь. Сильное средство оказалось. Все давление с меня сняло, вот я в воздух и поднялась. Надо было мне, старой дуре, вдвое меньше того порошка употребить. Беги за доктором.

Аида невнятно всхлипнула и убежала, лишь слышно было, как хлопнула дверь, а потом ее худая нескладная фигура мелькнула за окном.

Мария чувствовала себя хорошо. Отлично чувствовала. Только неудобно было под потолком висеть. Мария попробовала оттолкнуться от потолка, полетала немного по кухне, измазалась вся в извеске и после третьей попытки уцепилась за край плиты и приняла стоячее положение.

За те десять минут, пока Аиды не было, Мария научилась медленно передвигаться по кухне и подумала даже, что зря растерялась, отпустила квартирантку, потому что средство скоро перестанет действовать, и тогда уж никакой врач не будет нужен. Только бы дотерпеть.

За дверью были голоса. Мария чуть отряхнулась от извески. Мужской голос, не медицинский, другой, спросил:

— Можно к вам, Мария Павловна?

— Заходите, — сказала Мария и подумала, что Аида все-таки побежала в милицию.

На кухню вошел молодой человек в длинном пальто и новой черной фетровой шляпе. Человек был не из милиции, а звали его отец Иоанн, и Мария его видала раза два на улице. Он был назначен в местную церковь недавно, по окончании духовной академии, и Аида часто отзывалась о нем с теплотой, как о человеке вежливом и бескорыстном.

— День добрый, — сказала ему Мария, кидая сердитые взгляды на Аиду. — А где врач?

— Врач потом, — быстро ответил священнослужитель. — Врачу вам, очевидно, не понадобится. Разве вы больны чем-нибудь?

— Нет, здорова.

— Зачем же врача вызывали?

— А ваше какое дело?

— Мое дело помогать людям, — ответил отец Иоанн. — Но помогать им в болезнях духа, а не тела. И когда соседка и сожительница ваша прибежала ко мне, я счел своим долгом поспешить к вам.

— Не сожительница она мне, а квартирантка, — ответила Мария со смыслом. — Может, даже бывшая квартирантка. Что же она вам наплела?

— Я и сам, сознаюсь, не поверил, а теперь верю и того менее, — ответил батюшка, снял шляпу и обнаружил прямые приглаженные светлые волосы, расчесанные на косой пробор и собранные сзади в косичку.

— Так что же она вам сказала? — наслаждалась торжеством Мария, крепко держась за угол плиты, чтобы не улететь невзначай.

— А то сказала, что ты летаешь под потолком, — ответила с обидой Аида. — Что сатана тебя обуюл.

— И вы видите, что врет она? — вежливо спросила батюшку Мария.

— Вижу, — укоризненно посмотрел на Аиду батюшка. — Вы простите меня, я хотел как лучше.

— Идите, идите, — ответила Мария. — Я вас не звала. Я доктора звала.

— До свидания, — сказал вежливо батюшка и протянул руку. Он был городской, московский, из интеллигентной семьи, и в нем еще оставалось много светских замашек.

Мария, не подумав, протянула батюшке руку и лишилась связи с землей.

В мгновение ока кухня перевернулась у нее перед глазами. Чуть коснувшись пальцами священника, Мария взмыла к потолку и больно ударилась о него затылком.

— А я что говорила! — крикнула снизу Аида. — Я и говорила, что она притворяется.

— Врача! — слабым голосом сказала Мария. — Неотложку мне вызовите.

— Это невероятно, — сказал тихо отец Иоанн. — Вы поборолите силы гравитации.

— Лекарство это, — сказала Мария. — Слишком много лекарства от давления я съела. Скоро пройдет.

— Да... — сказал отец Иоанн. — Жалко будет, если пройдет. А как вы себя чувствуете?

— Сейчас спущусь, — сказала Мария. — Вы только отойдите в сторонку, чтобы не зашибить вас.

— Я вам руку дам, — сказал отец Иоанн.

— Сама. Неотложку надо вызвать.

И Мария оттолкнулась от потолка и вновь приняла позицию у плиты.

— К врачам вам обращаться опасно, — сказал Иоанн. — Представьте, что вашими способностями заинтересуется медицина. Или, что еще хуже, радиационная физика.

— Радиационная? — спросила Мария.

— Как минимум, — ответил батюшка. — Вас начнут исследовать, брать кровь на анализ, делать уколы и даже пункции. Не говоря уже о желудочном соке. И никакого морального и материального вознаграждения.

Мария цепко держалась за плиту и пыталась понять, к чему клонит поп, чего ему надо, зачем пугает медициной и радиацией, понимала, что верить ему до конца не стоит, но прислушаться надо, так как у батюшки хоть и духовное, но все-таки высшее образование. Кроме того, слова Иоанна, хоть и не всегда понятные, были внушительны и таили некий смысл.

— Когда они убедятся, что наука полностью бессильна, то отпустят вас обратно ни с чем. А может, и не отпустят.

— Почему это не отпустят?

— Да потому, что это ясно как дважды два, — ответил решительно отец Иоанн.

— Конечно, ясно, — пришла на помощь Аида. — Если ты сможешь, то и другие смогут, а там все будут летать куда хотят без билетов и пропусков.

— Частично правильно, — сказал отец Иоанн. — Вы будете то-

гда представлять большой интерес для иностранной разведки, которая захочет использовать вас для разведывательных полетов.

Тут Марии явственно представились иностранные шпионы, наводняющие тихий городок, шурующие по углам, подстерегающие ее в погребке, на берегу, в колодце, все в серых шляпах и черных очках...

— Вас могут украсть, — закончил Иоанн и в ужасе закрыл глаза.

— Господи, — сказала Мария. И не нашла больше слов. — Я... — повторяла она... — Я...

— С нами крестная сила, — вторила ей Аида.

— Но! — крикнул вдруг Иоанн, прервав стенания. — Но! То, что произошло с вами, не имеет отношения к науке!

Была гробовая тишина. От гласа Иоанна пресеклось дыхание Марии, замерла в ужасе Аида.

— Это чудо, явленное творцом, чтобы вернуть на путь истинный и вас персонально, и других отступивших от веры граждан!

— Ну уж, — сказала тихо Мария. — Давление у меня...

— Погодите, — прервал ее вошедший в сладостный экстаз Иоанн. — Слушайте меня! Я изложу свою гипотезу по пунктам. Пункт первый: вы — хороший, добрый, но заблудший в неведении человек, так?

Взметнувшийся перст Иоанна уперся в грудь Марии, та отшатнулась и чуть было не взлетела к потолку вместе с табуреткой.

— Так? — требовал Иоанн.

— Так! Так! — закричала от двери сообразившая, что к чему, Аида. — Она хороший человек. Только темная.

— Я и говорю. — Иоанн вскочил с табуретки, задрал ряску, сунил руки в карманы брюк, ибо это помогало ему собраться с мыслями. — Разве Мария не идеальный объект для того, чтобы через посредство ее явить благую волю? Сам отвечаю — идеальный!

Далее Иоанн говорил отчетливо, медленно, ставя точки после каждого слова:

— И. Потому. Господь. Дал. Тебе. Грешнице. Способность. Летать. Явил. — Далее скороговоркой: — Весь мир содрогнется, узнав о тебе, все газеты мира, все люди мира...

Иоанн поперхнулся, и, пока откашливался тонким, негрозным голосом, Мария пришла несколько в себя и спросила осторожно:

— А вот пенсия...

Мария еще не приняла никакого решения и внутренне не отказывалась от свидания с врачом, но подумала, что если ее новая способность может заключать в себе выгоды, то нужно узнать, что за это предлагает церковь.

— Пенсия! — в голосе Иоанна звучал сарказм. — Истинно верующие люди не оставят вас! Деньги... да я сейчас же посылаю в

Москву телеграмму. Через два часа прилетит самолет с деньгами, которых вам хватит и на новый дом, и на новый сад... Аида, останьтесь здесь. Следите за входом! Никого не впускать! Отвечаете головой и бессмертной душой. Ясно?

— Ясно, — ответила Аида голосом старослужащего капрала, затворила за Иоанном дверь, уселась напротив Марии, не спуская с нее глаз.

Уже полчаса как Мария была невесомой. Она несколько привыкла к новому своему положению, научилась держаться за предметы, и если неожиданное появление Иоанна смутило ее, речи его привели в растерянность, то уже через пять минут после его ухода Мария обрела способность трезво размышлять, и чем больше она размышляла, тем больше крепло в ней желание посоветоваться с представителями науки, по крайней мере с лечащим врачом Раисой Семеновной. Правда, деньги бы не помешали — зять собрался строить кооперативную квартиру, и дочь уже не раз спрашивала в письмах, не сможет ли Мария помочь чем-нибудь, да и не грех было бы объехать перед смертью родственников, а ехать без подарков, на иждивение, не хотелось. Но надо подумать о том, что и зятя, и дети занимают положение, и не весьма удобно им будет узнать, что их мать и теща возносятся в небеса.

Аида сидела по стойке «смирно», глядела строгим глазом, и было Марии очень неприятно. Мария отвернулась от нее, посмотрела в окно, на свежую весну. Да, если в ее новой способности есть смысл, то не на одном отце Иоанне свет клином сошелся.

Надо было действовать, причем пока не вернулся голубоглазый попик. Но сначала надо было обмануть Аиду и незаметно взять остатки порошка. Если он попадет к Аиде и батюшке в руки, то они и без нее отлично обойдутся, сами примутся летать по воздуху, и тогда, даже в крайнем случае, Мария от них ничего не получит и не услышит.

— Я пойду к себе, полежу, — сказала Мария. — Что-то голову ломит.

— Да что ты, — вскинулась Аида. — Ты не беспокойся. Я тебе помогу, я тебя сама на кроватку уложу, одеяльцем прикрою. Ты отдыхай.

Аида помогла Марии перебраться в комнату, но дальше дверей Мария квартирантку не пустила — послала обратно на кухню за водой, а сама кинулась к столу, пузырек сунула за пазуху и перелетела к кровати так, чтобы не промахнуться мимо стального шара на спинке.

Аида обнаружила хозяйку смиренной, лежащей поверх одеяла: рукой вцепилась в металлическую сетку, глаза закрыты и на губах неземная улыбка. Именно эта улыбка более всего смутила охран-

ницу. Некоторая работа мысли привела ее к выводу, что бог несправедлив, так как предложил средство от давления не ей, верной и обиженной людьми Аиде, а Марии, которая никогда благообразием не отличалась и от бога была далека. Правда, Аида в присутствии отца Иоанна вынуждена была признать, что Мария — хороший человек, но на самом деле у нее были большие в этом сомнения.

— Где баночка-то? — спросила Аида, не скрывая неудовольствия.

— Баночка пропала, — ответила готовая к вопросу Мария. — Баночку твой господь дал и потом взял.

— Спрятала?

— Ну как ты со мной говоришь, Аида? — елеинным голосом ответила ей Мария. — Узнает батюшка Иоанн, что он тебе скажет на такие сомнения?

— Спрятала, — убежденно сказала Аида. — Спрятала, чтобы мне не досталось. А может, мне это вознесение куда больше твоего нужно.

— Не мели чепухи, — сказала Мария. — Я на двор пойду.

— И не думай. И не помышляй. Лежи и жди батюшку.

— А ты меня не гневи, — сказала Мария, чуть взлетая над одеялом.

— Баночку дашь, выпущу на двор, — сказала Аида.

— Нету никакой баночки. И не было. Видно, твой дьявол тебя попутал.

— Врешь!

Как и большинство религиозных людей, Аида отличалась трезвым, не замутненным мистическими видениями разумом. Вера ее концентрировалась вокруг очевидных, вещественных, осязаемых предметов — пышнотелого храма с высокопарной колокольной при нем, позолоченного иконостаса, уютного свечного запаха, голубых глаз и неухоженности отца Иоанна. Зрелище летающей хозяйки в первый момент ее испугало, но потом ее ум отверг вмешательство потусторонних сил и вернулся к версии с лекарьством от давления.

— Отдай порошок, — упорствовала Аида, все более входя в гнев. И в ослеплении не заметила, как Мария оттолкнулась от кровати и, подобно пушечному ядру, пролетела со свистом мимо, загрохотала, охнула громко в сених и звякнула французским замком.

— Стой! — бросилась за ней Аида. — Батюшка не велел. — Аида успела ухватиться за край юбки, но Мария лягнула ее, оставила в кулаке противницы клочок материи и свободно взлетела в свежий, прохладный весенний воздух.

Лягая Аиду, Мария получила дополнительный толчок, который вознес ее выше берез и крыш, и там она медленно воспаряла, — во все стороны разлетались вороны и прочие птицы, которые каркали и верещали от страха. Аида уменьшилась, крики ее заглохли в птичьей гаме, она махала ручками, метаясь по двору, как флагом размахивая клоком юбки.

В небе было холодно, ветрено и боязно. Летательная сила могла закончиться в любой момент, и не успеешь достать из-за пазухи пузырек и подкрепиться. Тогда, зависнув в воздухе, Мария решила употребить еще порошка, для страховки.

Доставать пузырек было несподручно, руки плохо слушались — нигде не было никакой опоры, страх сковывал и путал движения. И нет ничего удивительного в том, что Мария лишь успела раскрыть склянку, как та выпала у нее из руки и полетела к земле, рассыпая веером белый порошок. И скрылась в колодце одного из окраинных домиков.

Мария попыталась было спикировать вслед за пузырьком, но ничего из этого не вышло.

Коченели ноги. Где-то внизу бежала, спотыкаясь и вскрикивая, Аида, люди задирали головы, удивляясь и переговариваясь. Некоторые показывали пальцами вверх, но высота уже была значительной, и Марию можно было принять за крупную птицу.

«К поликлинике, — подумала Мария. — Скорее». Но прошло еще некоторое время, прежде чем ей удалось найти нужный воздушный поток и приноровиться летать, пользуясь руками и юбкой вместо крыльев. Потом дело пошло на лад, и через десять минут Мария уже реяла над красной железной крышей поликлиники.

С громадным трудом она спустилась до сосны, росшей у входа, а там отломала от вершины сук, с помощью которого совершила плавное приземление.

Не было даже времени привести себя в порядок. В любую минуту могли появиться преследователи. Мария обменяла сук на половинку кирпича, валявшуюся под деревом, и проследовала к двери.

Посетители, сидевшие в очереди к терапевту, с удивлением разглядывали странную женщину с кирпичом в руке, растрепанного и взволнованного вида, которая объявила им:

— Я без очереди.

— Как же так, — сказал кто-то несмело. — Ведь мы тут уже час ждем.

Раиса Семеновна отпускала пациента, выписывала ему лекарства и, не оборачиваясь к двери, сказала:

— Я вас не вызывала. Подождите.

— Не могу ждать, — ответила Мария. — Ни минуты не могу ждать.

Пациент первым увидел Марию, испугался, подобрал рецепт и подался к двери. Мария пошла к Раисе Семеновне, стараясь наступать тверже. Села на стул.

— Что с вами? — спросила с волнением врачаха. — У вас странный вид.

— Еще бы, — согласилась Мария.

— Вы себя плохо чувствуете?

— Лучше некуда.

— Так чего же вы ко мне пришли? Я же не назначала.

— А я не пришла, — сказала Мария. — Я прилетела. По воздуху.

— Конечно, — согласилась Раиса Семеновна. — По воздуху. Вы кирпичик бы положили.

— Да не могу же! — воскликнула Свирина. — Не могу я его положить, потому что вознесусь тогда немедленно.

Тут уж Раиса Семеновна не выдержала. А не выдержав, она сказала как можно тише:

— Посидите здесь, спокойно посидите, ничего не делайте. Я сейчас.

— Нет, — отрезала Мария. — Никуда ты, голубушка, не уйдешь, пока с моей болезнью не разберешься. Я тебе покажу.

И, сунув кирпич в руку врачахе, Мария привычно вознеслась к потолку, но так, чтобы заново не измазаться известкой.

— Ну, что скажешь, доктор? — спросила она у Раисы Семеновны сверху. — Как вам это нравится?

— Ой, не нравится, — созналась врачаха.

За тридцать четыре года своей врачебной деятельности Раиса Семеновна не видела летающих людей, кроме как во сне. Она даже сняла толстые очки, превращавшие ее, в сущности, обыкновенные карие глаза в громадные темные озера. Но пациентка, хоть и потеряла точность очертаний, с потолка не спустилась.

Дело было плохо, никуда не годилось. Однако Раиса Семеновна несколько успокоилась. Она более всего опасалась душевного расстройства, буйства и резких выражений. Теперь же появление Свириной с кирпичом в руке получило разумное объяснение. А раз такое объяснение есть, то надо принимать разумные меры.

— Садитесь, — сказала Раиса Семеновна. — И рассказывайте, как все это произошло.

С улицы к окну прижались два лица. Лица передвигались, вглядывались, искали чего-то в глубине кабинета. Одно из лиц принадлежало длинноносой женщине средних лет, другое — молодому человеку в черной шляпе.

— Не спущусь, — сказала Мария, — меня преследуют.

Она проплыла под потолком в дальний угол комнаты, так, чтобы ее с улицы не было видно. Но люди за окном ее заметили и начали производить движения руками, елозить ладошками по стеклу, вызывая Марию к себе.

— Гоните их, — сказала Мария.

Раиса Семеновна послушалась и сделала суровое лицо, приказывая зрителям удалиться. Те не удалились. Тогда Раиса Семеновна догадалась сделать решительное движение к телефону, стоявшему на столике, и фигуры исчезли.

— Теперь слезайте, — сказала Раиса Семеновна.

В этот момент дверь в кабинет открылась, и старушка медсестра заглянула внутрь.

— Доктор, — сказала она. — Вы сегодня еще два вызова можете взять? У Спиридоновой грипп...

Старушка подняла взор вверх, заметила летающую женщину и ахнула.

Остановить ее никто не успел. Старушка выскочила в коридор, запричитала, побежала к регистратуре, расталкивая пациентов. А навстречу ей, еле разминувшись в дверях, спешили Аида с отцом Иоанном.

— Что там случилось? — спрашивали больные.

— Упал кто-то?

— Шкаф упал.

— Нет, там психичка на врача напала!

А по коридору, со стороны регистратуры, где лежала в обмороке медсестра, катился слух о летающей женщине. И люди, не веря этому странному слуху, стекались к входу в кабинет Раисы Семеновны, создавая там страшную давку и беспокойство.

— Мария! — сказал отец Иоанн. — Срочно следуйте за мной. Финансовые проблемы решены! Деньги летят телеграфом!

Слова Иоанна заключали в себе ложь. Телефонный разговор с Центром разочаровал священника, ибо в Центре никто не поверил в чудо — мало кто из священнослужителей способен поверить в чудо в век космических достижений. Денег не обещали. Обещали прислать комиссию. Предполагаемый приезд комиссии усугублял ситуацию. Если окажется, что чуда не было, карьера Иоанна завершена. Следовательно, Мария стала важным вещественным доказательством и ее надо было продемонстрировать народу. Победителей не судят.

— Граждане, покиньте кабинет, — сказала Раиса Семеновна. — У меня прием больных.

— Не больная она, симулирует, — резко возразила Аида. — Я за ней гонялась, чуть в небеса не улетела, только вот что осталось.

Аида показала клок юбки.

— Разве вы не видите, что налицо чудо? — спросил Иоанн у Раисы Семеновны. — Разве вы как врач можете утверждать, что люди летают?

— Надо разобраться, — сказала Раиса Семеновна. — Тропическое животное окапи было открыто учеными лишь в начале этого века. И если бы до этого кто-то сказал, что оно существует, биологи подняли бы такого человека на смех.

— А снежный человек? — спросил Иоанн. — Он существует?

— Возможно.

— А космические пришельцы?

— Науке это пока неизвестно. Пока.

— Существуют, — подала с потолка голос Мария. — Из-за них я и страдаю. От такого мой покойник-муж и получил это средство. Аида подтвердить может.

— Ничего не знаю, — ответила Аида.

— Не волнуйтесь, — сказал Аиде Иоанн. — Если даже и существуют космические пришельцы, то только в виде посланца неба, ибо оно всемогуще и может придать посланцу любой облик.

— Если так, — продолжила дискуссию Раиса Семеновна, — то и дьявол ваш также может любой образ принять. И смутить вашу бессмертную душу.

— Да какой он дьявол, — обиделась Мария. — Тихий был, спокойный, думал о принесении добра людям, но не мог по соображениям секрета.

— Это уж позвольте мне разбираться, кто дьявол, а кто добрый посланец, — сказал отец Иоанн, — это моя специальность. Всему, что произошло, есть рациональное, но не научное объяснение. Эта добрая женщина за долгую и благочестивую жизнь была удостоена чести стать избранницей божьей. Господь дозволил ей вознестись. Лишил ее веса.

— Послушайте, молодой человек, — возмутилась Раиса Семеновна. — Вы же учились в школе, ходили в кино и так далее. Как же можно лишить человека веса?

— Тут вы меня не понимаете. Именно невозможность сделать это и указывает на промысел божий. Провидение может управлять силами гравитации. В нарушение закона Ньютона.

Отец Иоанн раскраснелся. Вспомнилось давно забытое — уроки физики, дававшиеся с трудом, переэкзаменовка в седьмом классе и тогдашнее неисполненное желание — уйти в пожарники.

— Удивительно, как это ваш бог нашел именно Свирину. А не, например, вас же. Или кого-нибудь из ваших прихожан.

— Захотел и явил, — ответил Иоанн, чувствуя, что берет верх в споре. — Избрал как честно заблуждающуюся, но близкую к вере.

— Она верующая, верующая, — подсказала Аида. — Только в церковь не ходит.

За окном нарастал неясный, зловещий шум.

— Пора идти! — сказал отец Иоанн. — Народ ждет. Народ предупрежден и верит. Мария, нас ждут!

Отец Иоанн взял Марию за руку и повлек ее к выходу. Сделать это ему было нетрудно, потому что Мария не могла сопротивляться за отсутствием веса. Раиса Семеновна двигалась сзади, надеясь на то, что разум восторжествует.

На улице перед больницей уже стояла толпа. В первых рядах ее преобладали бабушки в черном, далее стояли их родственники и соседи, еще далее — любопытные, и все вместе являли собой внушительное зрелище народа, пришедшего увидеть чудо.

— Ведут, — раздался голоса, — ведут. Блаженную ведут.

Иоанн подтолкнул Марию вперед, крепко держа ее за руку. Аида оттирала спиной медицинских работников, и те являли собой чудо белый торжественный фон и оттого чувствовали себя не ловко.

— Граждане верующие! — провозгласил Иоанн. — Марию Свирину, праведницу, господь наградил чудесным даром. Он явился к ней и сказал: лети! И полетела она! Вознеслась!

— Ты покажи! — крикнули из задних рядов. — Чего агитацию разводить.

— Тут есть сомневающиеся! — продолжал отец Иоанн. — Всегда в добром деле есть сомневающиеся. Но будут посрамлены они! Только истинным сынам и дочерям божьим даются преимущества и блага. Разве не понятно?

— Так, значит, если я в бога не верю, то мне уж не летать?

— Покупайте билет и летите за деньги Аэрофлотом, — отрезал отец Иоанн. — Повторяю — лишь верующие полетят!

Отец Иоанн обратился к Марии, отпустил хватку и сказал ей:

— Лети!

Он подтолкнул ее, и от этого толчка Мария взлетела в воздух.

Народ ахнул. Даже скептики.

— Пади! — кричал Иоанн. — На колени! Немедленно!

Некоторые падали на колени, другие глядели на летающую Марию. А та с высоты, поддерживая юбку, чтобы сохранить приличие, разглядывала сборище, очень пугалась и горевала. Взор ее обратился к родному дому, так отдаленному ныне печальными событиями. Ей показалось, что она видит его крышу. И уж совсем явственно Мария разглядела тот колодец, в который упал пузырек.

У колодца, на земле, стояло пустое ведро и рядом с ним круж-

ка. Последний из участников межрайонного слета туристов, что протекал в палатках неподалеку, отходил от ведра.

А те из туристов, что напились ранее, уже поднимались в воздух. И загорелые, насмешливые, распевające туристские громкие песни и машущие гитарами, они летели на сближение с запуганной и усталой Марией Свириной, на пути перестраиваясь в стройную колонну.

Вскоре они достигли центра города и разглядели медленно плывущую Марию Свирину. Слово эсминцы дредноут, они окружили ее, крича: «Бабушка, нас с тобой зовут солнечные просторы!», и всей стаей снизились над охваченной сомнением толпой.

А внизу восторжествовавшая Раиса Семеновна спрашивала отца Иоанна:

— Где теперь избранная господом? Различите ли ее среди этих веселых молодых людей? Разве не ясно, что все это никакое не чудо, а обыкновенная загадка природы?

Понурившись, сопровождаемый насмешками и верной Аидой, отец Иоанн последовал к своему дому. Черные старушки шли в отдалении и ворчали. Карьера Иоанна была загублена.

Действие препарата кончилось через два дня. Мария и туристы обрели прежний вес. Но за эти два дня они все вместе успели долететь до Вологды, спускаясь на ночь в поля и разбивая оранжевые палатки среди прошлогодних стогов на свежей молодой траве.

ГУСЛЯР — НЕАПОЛЬ

Серый рассвет застал Корнелия Удалова на поросшем кустами берегу речки Чурмени, впадающей в озеро Копенгаген. Удалов сложил на траве удочки и осмотрелся. Пусто. Никого нет.

Погода стояла мерзкая, гриппозная, сырая, и, видно, все рыбаки решили отсидеться дома. Тем лучше. Больше достанется ему.

Удалов размотал леску, наживил крючок и закинул первую удочку. От поплавок пошли по воде круги, неподалеку тяжело плеснула рыба. Настроение было хорошее, деловитое.

И тут Удалов увидел дым. Дым поднимался над лесом в полукилометре от рыболова. Видно, кто-то, приехавший еще с вечера, жег костер.

Через час, поймав небольшого подлещика, Удалов снова взглянул в сторону чужого костра. Тот все горел. Столб густого дыма вырастал до низких облаков, и там его разгонял мокрый ветер.

— Как бы он лес не поджег, — сказал Удалов тихо, чтобы не спугнуть рыбу.

Прошел еще час. Костер горел по-прежнему, столб дыма вроде бы даже подрос.

К одиннадцати часам Удалов смотал удочки, взял ведро с уловом, к сожалению, не таким богатым, как хотелось бы, и пошел в сторону дыма, хоть к шоссе идти было совсем в другую сторону. Дым его беспокоил своим постоянством.

Идти было трудно. Удилища задевали за ветви орешника, сапоги скользили по мокрой траве. Скопища лисичек и отдельно стоявшие мухоморы оживляли общую унылую картину, но Удалов шел не по грибы и этих ярких пятен почти не замечал.

Он прошел больше километра, а дым почти не приблизился. Это его очень удивило.

Река осталась далеко позади. Приходилось перескакивать с кочки на кочку, и Удалов пожалел, что не оставил удочки у воды. «Пройду еще сто шагов, — сказал он себе, — и, если не дойду, вернусь».

И тут с неба посыпался пепел.

Удалов не сразу догадался, что это — пепел. Сначала он обратил внимание на то, что дождь — грязный. Капли оставляли на руках и одежде серые следы, словно с неба капал птичий помет. Собразив, что грязь происходит от дыма, Удалов понял, что это — лесной пожар и лучше бы уйти подобра-поздорову, пока не поздно, а из города пускай пришлют вертолет. Он и разберется.

Удалов остановился и кинул последний взгляд на дым. Дым закрыл полнеба.

Разрываемый между любопытством и опасением, Удалов сделал еще несколько шагов вперед.

Перед ним открылась большая, болотистая, в кочках поляна, поросшая по краям черникой. В центре ее поднимался к небу столб дыма. Но костром тут и не пахло. Это было иное явление природы.

Посреди поляны возвышался небольшой вулкан. Он не достиг еще вершин деревьев, но внешним видом напоминал громадные и страшные вулканы Явы и Камчатки. Струйки лавы стекали по его ребристым бокам, и над кратером бушевало небольшое устойчивое пламя, как будто там горел примус.

Вид вулкана не испугал Корнелия. Ему уже приходилось видеть немало чудесного. Однако сердце Удалова наполнилось уважением к всемогуществу природы. Он присел на ствол поваленной сосны и стал смотреть.

Раньше вулканов в Великом Гусляре и его окрестностях не наблюдали. И вообще считалось, что этот район не подвержен землетрясениям и извержениям. Но в конце концов, и там, где теперь

высятся огнедышащие горы, когда-то расстилались безобидные равнины.

Удалов, наделенный живым воображением, представил себе, как вулкан растет, увеличивается до размеров Кавказских гор, погребает Великий Гусляр под слоем вулканического пепла, как убегают из города его жители, неся на руках пожитки и детей и стараясь прикрыться плащами и полотенцами, подобно несчастным на картине художника Брюллова «Гибель Помпеи». Впрочем, ему стало жалко не столько город, сколько себя, руководителя стройконторы, ибо, зная он заранее о гибели Великого Гусляра, не было бы нужды перевыполнять план по асфальтированию. Но с другой стороны, Удалов понимал, что наличие вулкана на центрально-русской низменности — замечательная возможность для науки и экономии государственных средств, потому что не надо будет направлять специалистов на отдаленную Камчатку, когда настоящий вулкан находится под боком.

Вулкан ухнул, и из него вылетел фонтан оранжевых искр. Удалов почувствовал, как в лицо ему пахнуло нутряным жаром Земли. Он приподнялся, чтобы вовремя отступить. Вулкан выкатил на вершину большой округлый камень и пустил его по откосу. Камень ухнул в болото, и вода зашипела, окутывая его паром.

Сколько хозяйственных возможностей лежит в использовании вулканического тепла, думал потрясенный зрелищем Удалов. Например, в стирке белья.

Вулкан выплюнул еще несколько каменных глыб. Оранжевое пламя крутилось над его вершиной. Скоро он достигнет верхней кромки леса, а там, гляди, его обнаружат и из города.

Нет, вулкан не был ужасен. Работал он довольно лениво, хоть и красиво. Пепел, смешанный с дождем, оседал грязью на плащ Удалова, и он подумал о тех неприятных словах, которые ему придется выслушать дома. Ксению мало волнуют вулканы и другие объективные причины.

Пламя над вулканом разгоралось, переливаясь зеленоватыми и белыми всплесками, и Удалову чудилось, что в сполохах его играют огненные ящеры. Вот так, думал Удалов, первобытные люди смотрели на огонь и придумали чертей... В лицо дышало жаром, спереди плащ обсох.

Порой из жерла вулкана вылетали камни, но Удалову они пока не угрожали. Где-то внутри, под ногами, слышался злобный гул, и земля едва заметно тряслась, словно крупный зверь просился на свободу.

Удалов все откладывал свое отступление. За время его отсутствия кто-нибудь другой увидит вулкан и станет первооткрывателем. Это было бы несправедливо. «Лучше уж я подожду, — угова-

ривал себя Удалов, — пока из города прилетит вертолет, послезу, чтобы не загорелся лес».

Огненные сполохи крутились и мельтешили над вершиной вулкана, словно живые. И Удалов представил себе, глядя на них, что где-то в глубине раскаленной Земли живут странные огненные существа. Когда-то они были хозяевами Земли и носились, как искры, по ее расплавленной поверхности, но потом, после того как Земля остыла, были вынуждены отступить вглубь. А почему нет? Ведь жизнь так многообразна. Вот бы установить с ними контакт, поговорить, как и что, обменяться сведениями. Ведь для этих внутренних жителей Земли вулканы — окошки в мир. Они, может, и не подозревают, что снаружи существует жизнь. А может, они считают, что люди — узурпаторы, что вся Земля принадлежит вулканическим жителям по древнему праву. И они, как только им представится возможность, высказывают изнутри на потоках лавы и жгут людей почем зря, чтобы доказать свои права.

Белые огоньки все метались и метались над вершиной вулкана. И Удалов, уже признавший их за вулканических жителей, сказал вслух:

— Это еще неизвестно, кто первый на Земле поселился. Может быть, Земля сначала была холодная, а потом только разгорелась. Есть такая теория.

Белых огневику стало больше. Удалов насчитал их с десятком. Форму их угадать было трудно — ну какая может быть форма у языков пламени?

— Чего же вы? — спросил Удалов. — Хотя бы сигнал подали!

И тут ему показалось, что огневики подают сигнал. Они выстроились в кольцо. И тут же кольцо распалось.

Чтобы подтвердить, что понял, Удалов нарисовал пальцем в воздухе кольцо.

Тогда огневики показали ему крест.

Удалов нарисовал в воздухе крест.

Контакт налаживался. Вулкан ухал и разгорался.

Огневики, чтобы у Удалова не оставалось никаких сомнений, соорудили на мгновение равнобедренный треугольник, что никак не могло быть игрой природы, а говорило об их разуме и сообразительности.

— А дальше что? — спросил Удалов. — Прямой контакт невозможен. Я, честно говоря, не выдержу его без асбестового костюма. А в общем, хотел бы пожать вам руку по причине всеобщего братства.

Тут огневики, с помощью своих товарищей, подоспевших из раскаленных глубин вулкана, сложились в надпись «SOS». И Удалов понял.

— Спасите наши души, — сказал он. — Всемирно известный сигнал бедствия. Ну что же, ко мне многие обращались, и я никогда не отказывал.

И он уселся поудобнее, дожидаясь, что еще придумают огневики в плане общения с человечеством.

В мельтешении огневику мелькнуло что-то темное. Темное вылетело из вулкана и приземлилось неподалеку от Удалова. Это был шар, сантиметров десять в диаметре. Сверкающий. Раскаленный. Шар шипел и крутился.

— Не взорвется? — спросил Удалов.

Но огневику уже не было видно. Пламя над вершиной вулкана постепенно тускнело, уменьшалось, и Удалов понял, что его опасения, будто рядом с Великим Гусяром вырастет гора ростом с Казбек, необоснованны.

Вулкан смирялся. Гул и дрожание земли прекратились. Дождь принялся с новой силой. Удалов собрался с духом и подошел к шару. Шар быстро остывал. Минут через десять его уже можно было взять в руки, перекачивая с ладони на ладонь, как горячую картофелину.

Поперек шара шла черная полоска. Когда шар остыл, Удалов попытался его развинтить, полагая, что он внутри полый. Но тут над головой послышался легкий треск, и вскоре в пелене дождя образовался вертолет, прилетевший из города по тревожному сигналу.

Исследованием шара Удалов занялся дома. Он с трудом дотерпел, пока жена его Ксения, ничуть не взволнованная рассказом о настоящем вулкане в окрестностях города, но очень сердитая за испачканный пеплом плащ, улеглась спать. Удалов вышел на кухню, зажег там свет и на кухонном столе развинтил шар. Из шара выскочила, изрядно напугав Удалова, пружинка, сделанная из узкой упругой полоски какого-то металла. Пружинка развернулась и легла на кухонный стол. Вслед за ней выкатился шарик поменьше. На пружине была надпись на русском языке: «Просьба. Передать содержимое шара в кратер вулкана Везувий (Италия). Страдаем от недогрева. Есть жертвы».

Удалов перечитал послание. Потом спрятал шарик поменьше в карман накинутаго поверх майки пиджака.

Да, несладко им приходится, подумал он. Наблюдается недогрев. Может быть, всего и осталось тепла две-три тысячи градусов. Удалов не смог сдерживать улыбки, подумав, что огневики от такой смертельной температуры зябнут и страдают.

Ну что ж, надо людям помочь. А как помочь? Вот старались ог-

невики, нашли Удалова, может, последнее тепло на вулкан ухlopали. А как теперь переправить шарик в Италию? Послать его почтой на имя Итальянской академии наук? Попросить их, чтобы кинули письмо итальянским вулканическим жителям от советских вулканических жителей? Но что сделают в ответ итальянские академики? Вернее всего, решат, что и в Советском Союзе есть свои сумасшедшие. По крайней мере, на их месте Удалов подумал бы именно так. Нет, ничего не остается иного, как самому съездить в Италию.

Утром Удалов, не выспавшийся после полной раздумий ночи, сказал Ксении:

— Слушай, Ксюша, как ты относишься к моей поездке за границу?

— Пил вчера? — спросила Ксения.

— Я серьезно говорю.

— И я серьезно.

Ксения Удалова планировала на воскресное утро большую стирку, и идеи Удалова, от которых дома один вред, ее раздражали.

— Например, в Италию, — сказал Удалов. — В город Рим и даже Неаполь. В город миллионеров.

— Поезжай, если сам миллионер, — ответила Ксения. — Максимумке брюки купить нужно. На нем все горит.

Удалов только вздохнул. Иного он и не ждал. Но сдаваться было нельзя. И он спустился этажом ниже к своему старому другу Александру Грубину.

— Здравствуй, Саша, — сказал он Грубину, который в свободное время вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». — Ты как относишься к идее жизни внутри Земли?

Грубин, не отрываясь от окуляра микроскопа, сказал коротко:

— Положительно.

Грубин относился положительно к любой жизни. Будь она внутри Земли, на Марсе или во впадинах Тихого океана.

— Вчера я рыбу ловил, — сказал Удалов, — на Чурмени. И вдруг увидел, что рядом извергается вулкан.

— Этого быть не может, потому что наш район не вулканический.

— Не спорь, — ответил твердо Удалов. — Если я говорю вулкан, значит, вулкан. Его уже обнаружили. Не сегодня-завтра здесь будет экспедиция. С Камчатки вызывают.

— Действующий?

— Конечно, действующий. А то как бы я его нашел? — удивился Удалов. — Только, когда я уходил, он уже погас.

— И ты мне ни слова?

— Не до тебя было. Извини, но не до тебя.

— Почему?

— Да потому, что огневики меня просили одну вещь для них сделать, а я никак не придумаю.

— Огневики?

Грубин поднялся во весь свой внушительный рост. Он казался еще выше, чем был на самом деле, по причине заметной худобы и за счет косматой шевелюры.

— Это я их так называю. Тех, кто в вулкане живет.

— В вулкане никто жить не может.

Грубин еще сопротивлялся. Здравый смысл в нем восставал против слов Удалова. Хотя ему очень хотелось бы, чтобы в вулкане кто-нибудь жил.

— Живут они в вулкане. И страшно мерзнут, — настаивал Удалов. — Что-то там с обогревом неладно. И они просили меня, чтобы я сгонял в Италию. Там возле города Неаполя стоит вулкан Везувий. Слыхал? Надо, чтобы те, из Италии, подбросили нашим угольку.

— Стой! А какие они из себя, огневики?

— Огневики? Ну как тебе сказать? Как будто белое пламя. Бегают быстро. И форму меняют.

— А может, их и не было?

И тогда Удалов достал блестящий шар.

— Это видел?

Удалов развинул шар, и, когда оттуда выскочила пружина, Грубин вздрогнул. Удалов улыбнулся, потому что уже забыл, что и сам ночью испугался этой пружины.

— Читай, — сказал он Грубину.

Когда наконец Грубин убедился, что внутри Земли живут разумные существа, они вдвоем сели сочинять просьбу дать им как передовым труженикам за наличный расчет туристские путевки в Италию. Написав такие заявления, снабдив их соответствующими печатями, характеристиками и даже просьбами о скидке за счет профсоюза, они отправили бумаги в область и стали ждать.

Ответ пришел через три месяца. Все эти три месяца Удалов с Грубиным очень волновались, ходили в лес смотреть, не пробудился ли вулкан, но вулкан уже давно превратился в холм посреди болота, и даже странно было представить, что в его раскаленном жерле металась огневика.

Ответ был положителен для Удалова. Что касается Грубина, то ему предложили подождать еще год, так как число путевок ограничено. Так что Грубин, буквально иссыхая от горя, обратился в последний день перед отъездом к Удалову с такими словами:

— Послушай, Корнелий, — сказал он. — Я, конечно, понимаю, что путевка именная и вместо тебя мне поехать нельзя, хотя, конечно, я бы поручение огневику выполнил лучше.

— Это почему? — удивился Удалов. — Ты их даже в глаза не видел. Тебе они, может быть, и не доверяют. Ведь меня избрали.

— Ты оказался рядом, вот и избрали, — отмахнулся Грубин, который хотел говорить совсем об ином.

— Нет, не скажи, — ответил Удалов. — Я весьма подозреваю, что они приурочили это извержение к моей рыбалке.

— Я не о том, — сказал Грубин. — Я думаю, что мы плохо выполняем долг перед наукой.

— Это почему?

— Мы с тобой обязаны сообщить о встрече с огневику в Академию наук.

Удалов сел на чемодан, чтобы закрыть, и лукаво прищурился.

— Если бы они хотели, то и это поручили бы мне. Наверное, они считают, что рано. И я думаю, что, если выполню их главное поручение достойно, продолжение последует. Они проникнутся доверием к человечеству в моем лице.

— И что?

— А ты представляешь, сколько внутри Земли полезных ископаемых? Они нам их покажут. И еще они смогут работать для людей в самых раскаленных местах.

...К тому времени, когда туристская группа достигла города Неаполя, Удалов сознательно сблизился с гидом — итальянским студентом Карло, юношей маленького роста и тонкого сложения, который учил русский язык в университете, а на каникулах подрабатывал с туристами. Восхождение на вулкан Везувий в программу поездки не входило, и гид мог пригодиться Удалову для выполнения плана.

До обеда группа в полном составе осмотрела сверху Неаполитанский залив. Над Везувием поднималась струйка дыма. Говорили о судьбе Помпеи, а Удалов видел не Везувий, а свой небольшой вулкан, над которым поднималась такая же струйка дыма. На вечер были билеты в театр на одного неаполитанского певца, а между обедом и певцом оставалось некоторое время. Удалов, охваченный страшным нетерпением оттого, что желанный Везувий был виден из окна его номера, подстерег в коридоре студента Карло и сказал ему:

— Пошли выпьем, буржуазия.

Студент всплеснул руками и ответил:

— Нельзя. Еще день. Мы с тобой это будет сделать после театра.

— После театра само собой, — сказал Удалов. — Заходи.

И в голосе его была такая необычная твердость, что студент только поглядел на плотного русского туриста и последовал в номер.

— На, — сказал Удалов, наливая ему полный стакан из привезенной бутылки. — Пей.

— А ты?

— А я тоже выпью.

Удалов решил, что и ему не мешает выпить.

— У меня к тебе просьба, — сказал он Карло, наливая себе во второй стакан. — Сгоняем на Везувий.

— Что? — удивился Карло.

— Ты пей, пей, здесь еще осталось.

Карло послушно выпил стакан до дна, поглотил воздух открытым ртом и сказал по-итальянски что-то непонятное. Потом добавил по-русски:

— Нельзя на Везувий.

— Почему?

— Есть опасно.

— Ты внизу останешься. Я только взгляну.

— Нет, нельзя.

— Почему?

— Нет время.

— На такси поедem.

— Советский турист немного небогатый, — сказал прозорливый Карло.

— Ты знаешь, студент, что я ничего не покупал. Даже жене не везу подарка. Хочу удовлетворить мечту своей жизни, посмотреть на вулкан вблизи. Все деньги, что от такси останутся, — твои.

— О, нет, — сказал Карло, который был, в принципе, добрым парнем.

— Пей, — сказал Удалов, доливая из бутылки остатки водки.

— Не надо мне деньги, — сказал студент.

— Мир и дружба, — согласился с ним Удалов. — Поехали быстро.

Карло допил, и они поехали на такси к вулкану Везувий, и Удалов не отрываясь смотрел на счетчик и умолял его не спешить.

Такси, естественно, до вершины не доехало. Пришлось вылезти. Удалов поспешил вверх по протоптанной тропинке.

Карло шел сзади и уверял, что дальше идти опасно, но в походе Удалова была такая целеустремленность, что Карло лишь восклицал что-то про Деву Марию и карабкался вслед, удивляясь, какие странные люди приезжают из советской России.

Было знойно. Воздух был тяжелым, словно перед грозой. Не

доходя до вершины шагов триста, Карло умирился и присел на камень. Может, он опасался извержения. Но Удалов на него и не глядел. Вершина была близка. Он ощупал в кармане маленький шарик.

На вершину в этот момент наплыло сизое облачко, и Удалов последние шаги перед кратером прошел на ощупь. Но страха он не испытывал, потому что очень спешил закончить дело.

Карло сидел под самым облаком, несколько беспокоился за русского и глядел на прекрасный Неаполитанский залив. Он думал о том, как полезно ходить пешком и заниматься физическим трудом. В вулкане что-то тихо урчало, и Карло решил, что извержения, слава Мадонне, сегодня не будет.

Русский не возвращался.

— Эй! — крикнул Карло. — Ты есть где?

Удалов не отвечал.

В эти мгновения он сквозь просвет в сыром облаке увидел кратер и метнул туда шарик. Тяжелый шарик провалился в озеро лавы и исчез. Удалов решил подождать, не появятся ли какие-нибудь указания.

Указаний не было. Пахло серой.

— Получили? — спросил Удалов громко, надеясь, что местные огневики его услышат.

Никакого ответа.

— Что передать нашим? — крикнул Удалов.

Но вулкан ему не ответил.

И тут Удалов понял, что итальянские огневики не понимают по-русски. Тогда он крикнул в другую сторону:

— Карло! Ты здесь?

Услышав голос из облака, далекий, но отчетливый, студент откликнулся:

— Я здесь.

— Спроси по-итальянски, не будет ли ответа. Я жду.

— Кому спроси? — удивился студент.

— Им скажи. В вулкан. Да где ты, в конце концов? Иди сюда.

Тогда студент в самом деле встревожился. Он быстро взобрался к Удалову.

— Пойдем вниз, — сказал он мягко.

— Нет, ты сначала спроси.

И студент понял, что с таким человеком на краю кратера Везувия спорить не следует. И он что-то спросил.

— Не так, — сказал ему Удалов. — Громче. Чтобы они слышали.

Карло совсем оробел, однако спросил громко по-итальянски у кратера: не будет ли ответа.

Но ответа не дождался.

Обратный путь они проделали молча. Удалов был разочарован и думал, что лучше бы купил жене модные туфли. Карло тоже молчал и клялся себе, что никогда не будет водить на вершину Везувия русских туристов...

На аэродроме в Гусляре Ксения, которая еще не знала, что муж не привез никаких подарков, встретила Корнелия тепло, с объятиями. А потом к Удалову подошел Грубин и, пожав руку, спросил тихо:

— Ну как, удалось?

— Я выполнил свой долг, — ответил Удалов.

Вечером, спасаясь от упреков Ксении, решившей, что муж пропил всю валюту с прекрасными итальянскими киноактрисами, Удалов спустился к изнывавшему от нетерпения Грубину.

— Странная она у меня женщина, — сказал он Грубину. — Ну какие могут быть киноактрисы в туристской поездке?

— Правильно, — согласился бесхитростно Грубин. — Зачем им на тебя смотреть?

— Не в этом дело, — поправил друга Удалов. — Они бы, может, и посмотрели, но мне было некогда. Я все деньги на такси прокатал, к Везувию ездил.

— Значит, все в порядке?

— Боюсь, что нет. Не получил ответа. Только зря путевку покупал. А Максимке брюки покупать надо.

Грубин выслушал грустную историю о похождениях Удалова. Тут под окном раздался голос общественника Ложкина:

— Грубин, Удалов у тебя?

— А что? — спросил Грубин.

— Товарищи собрались. В домоуправлении. Слушать будем, как наш представитель Италию посетил...

— Еще чего не хватало, — мрачно сказал другу Удалов. — Я же на Италию и не смотрел даже. Сначала волновался, как бы Везувий не пропустить, а потом расстраивался, как все вышло.

Он вздохнул и пошел читать лекцию об Италии. Хорошо еще помнил кое-что из написанного о ней в энциклопедии. Только трудно пришлось, когда стали задавать вопросы о политическом положении.

Два дня Удалов ходил мрачный, с женой не разговаривал, выступил с беседой в стройконторе, потом в школе № 1. На третий день стал привыкать к роли специалиста по итальянским проблемам. Грубин сопровождал его на все беседы и тоже уже много знал

об Италии. Он пытался рассеять грусть Корнелия и в субботу заговорил о рыбалке.

Удалов сначала отказался. Но тут пришли из детского сада и с фабрики-кухни. Требовали, чтобы выступил. И Корнелий решил, что лучше уж рыбалка, чем новые доклады.

С рассветом двинулись на старые места.

И только они размотали удочки, как Корнелий выпрямился, принялся к воздуху, прислушался к зарождавшемуся в глубине земли дрожанию и сказал тихо:

— Начинается.

Грубин поднял голову, проследил за взглядом Удалова.

За деревьями поднимался столб дыма.

— Извержение, — с торжеством сказал Грубин. Слово сам его устроил.

На этот раз вулкан поднялся в низине, у самой реки, так что добраться до него не стоило трудов.

— Что я говорил! — воскликнул Грубин. — Показывай теперь, где твои друзья.

— Да вот они, — сказал Удалов.

И в самом деле, над вершиной вулканчика в оранжевом пламени радостно суетились белые сполохи. При виде вышедшего на открытое место Удалова они, не тратя времени даром, сложились на секунду в полукольцо, напоминающее букву «с».

Потом не без труда образовали угловатую фигуру — две вертикальные палочки и над ними перекладина. Это было похоже на букву «п». Буква «а» у них вышла очень похожей на настоящую.

Удалов шевелил губами. Грубин произносил буквы вслух:

— Эс... и... б...

Огневики собрались в кучку, вздрагивали, словно вспоминали, какая еще буква им нужна.

— О, — подсказал им Грубин.

Огневики сложились в колечко.

«СПАСИБО».

— Не стоит благодарности, — тихо сказал Удалов.

Вулкан постепенно погас.

ВОСПИТАНИЕ ГАВРИЛОВА

Гаврилов рос без отца.

Отец где-то существовал и присылал телеграммы к праздникам.

Мать боялась, что Гаврилов вырастет бездельником, и потому

была к нему строга. В то же время отказывала себе во всем, чтобы ребенок был счастлив.

Бездельника из Гаврилова не получилось, но и трудиться он не любил, и в классе не был первым учеником. А любил он читать, слушать очень громкую музыку, купаться, играть в волейбол, спать после обеда, а также утром, когда надо вставать в школу.

По мнению жильцов дома № 16 по Пушкинской улице, Гаврилов был плохо воспитан и груб.

Вот с этими его качествами связана история, которую помнит старик Ложкин.

Гаврилову тогда было пятнадцать лет.

Он сидел на подоконнике и, включив на полную мощность систему, из которой несся голос певца Хампердинка, радовался июньскому солнцу.

В этот момент во двор вошел старик Ложкин, который с грустью взирал на юное поколение, представители которого не уступали ему места в автобусе и не хотели слушать его рассказов о славном трудовом прошлом. На Гаврилова Ложкин посмотрел с негодованием и крикнул ему, чтобы тот немедленно прекратил шум. Но Гаврилов не услышал.

Тогда Ложкин прошел на первый этаж к известному самоучке Александру Грубину и сказал:

— С этим надо кончать.

Так как Грубин был согласен, что с этим надо кончать, он согласился принять от Ложкина рабочее задание на изобретение.

Вечером Ложкин принес ему такое задание:

«Среди нашей молодежи еще часто встречаются случаи хулиганства, баловства, неуважительного отношения к старикам и девушкам. Существующие воспитательные меры эффекта не дают. Полагаю, что надо бороться на уровне условных рефлексов (по академику Павлову).

Требуется создать легкий, не стесняющий движений прибор, который крепится к подростку. Этот прибор должен реагировать в общественном транспорте на приближение старика или беременной женщины и заставлять подростка уступать место. Он должен улавливать неуважительные слова и выражения и производить наказание. Наконец, желательно, чтобы прибор вызывал в носителя желание трудиться».

Грубин долго читал задание, размышлял, ворошил шевелюру, а потом сказал:

— Зайди через недельку.

Через неделю Грубин показал Ложкину прибор.

Он представлял собой две небольшие плоские пластиковые

подушки, которые крепились к телу жертвы подобно жилету. От подушек тянулись датчики.

— И будет работать? — спросил недоверчиво Ложкин.

— Питается от батарейки карманного фонарика, — сказал Грубин.

Сомнений, к кому прикрепить воспитательный прибор, не было.

— Коля, ты нам нужен! — крикнул Ложкин.

— Зачем? — откликнулся Гаврилов из окна.

— Ты примешь участие в испытаниях прибора, — сказал Грубин.

— На какую тему прибор?

— Для перевоспитания молодого поколения.

— Мне ни к чему, — сказал Гаврилов. — Меня с утра до вечера перевоспитывают. Мать, учителя и кому не лень.

— А результат? — спросил Грубин.

— К счастью, нулевой, — ответил трудный подросток.

— Значит, не хочешь? — Ложкин был огорчен. Он понимал, что силой прибор на Гаврилова не навесить.

Но Грубин знал, что отрицательные натуры склонны к коррупции.

— Мороженого хочешь? — спросил он.

Гаврилов снисходительно улыбнулся. Мороженое он уже перерос, и Грубин это понял.

— А что нужно? — спросил Грубин.

— Кассеты, — ответил Гаврилов.

— Сколько?

— Пять.

— Ты с ума сошел!

— Две.

— По рукам. Заходи ко мне, установим аппаратуру.

Когда процедура окончилась, Грубин поставил условия:

— Датчики не срывать. Прибор носишь сутки, несмотря на все неудобства. Стараешься перевоспитаться.

— Если будешь себя вести достойно, — сказал Ложкин, — никаких неудобств прибор тебе не причинит.

— Потерпим, — сказал Гаврилов. — Гонорар приличный. Следить за мной будете?

— Ненавязчиво, — сказал Грубин.

— Тогда три кассеты.

— Грабитель! — закричал Ложкин. Но пришлось согласиться.

Гаврилов сообщил, что намерен отправиться в парк на автобусе.

В автобусе он сразу бросился вперед и занял свободное место.

Тут в проходе возникла старушка с сумкой и медленно пошла

вперед, поглядывая, где сесть. Когда она поравнялась с подростком, тот вдруг подскочил и замер в неудобной позе.

Бабушка сказала «спасибо» и села, а Коля глазами отыскал наблюдателей, и губы его сложились в обиженной гримасе. Грубин ободряюще улыбнулся подростку, а Ложкин спросил Грубина:

— По какому принципу?

— Когда бабуся приблизилась на критическое расстояние, фотозлемент включил цепь, и Гаврилов получил легкий удар током в нижнюю часть спины.

Гаврилов уже протолкался к испытателям.

— Вы чего? — спросил он. — Издеваетесь?

— Нет, — сказал Грубин. — Воспитываем.

— За что током били?

— Место в автобусе надо старшим уступать. Не слышал?

— Не буду я воспитываться.

— И не надо. Кассет не получишь.

Гаврилов взвесил все «за» и «против». Тут как раз автобус остановился у парка, он выпрыгнул из него и побежал по аллее, возможно, надеясь, что наблюдатели его потеряют.

Но спешка его подвела. Он на бегу врезался в крепкого пожилого мужчину, открыл рот, чтобы произнести неуважительное слово, но так и замер с выражением крайнего отчаяния на лице.

— В чем дело? — спросил Ложкин Грубина.

— Уловив специфическое сокращение гортани, — разъяснил Грубин, — включилась парализующая система. Сейчас отпустит...

— Что же делается? — крикнул Гаврилов наблюдателям. — За что?

— Ты что хотел тому мужчине сказать?

— Но ведь не успел!

— Отказываешься от опыта?

— Потерплю, — махнул рукой Гаврилов, перед которым маячили три кассеты, и понуро побрел по аллее.

Навстречу шла Люся Сахарова, девочка из Колиного класса, тоненькая рыжеватая блондинка, нос и щеки которой украшали изящные веснушки.

— Коля! — воскликнула она. — Ты на меня не обиделся?

— Нет, — Коля проглотил слюну и кинул взгляд через плечо. В самом деле он был смертельно обижен.

— Меня вчера мама в кино не пустила, — сказала Люся. — Они в гости пошли, а меня с Петькой оставили.

Гаврилов Люсе не поверил, потому что из его разведанных следовало, что Люся была в кино, но с неким Матвеем Пикулой. В иной ситуации он сказал бы все, что думает об этом предательстве. Но на этот раз он лишь выдавил:

— К сожалению, я не могу принять ваших извинений, так как они не соответствуют действительности.

— Дурак, — обиделась Люся, которой очень хотелось сцены ревности.

Она застучала каблучками по дорожке, убежала, а Гаврилов грустно улыбнулся, глядя ей вслед.

Вся сцена свидетельствует о том, что Гаврилов сделал выводы воспитательного порядка.

— Что сейчас там происходит? — спросил Ложкин, выглядывая из-за куста.

— Учитывая тот факт, что Гаврилов смог овладеть собой, наша система переключилась на поощрение. Она его гладит.

Гаврилов не заметил поощрения. Он думал.

Потом, не глядя на наблюдателей, пошел домой.

В пути пришлось задержаться, так как в сквере у церкви Параскевы Пятницы пионеры сажали молодые деревца. Прибор заставил Гаврилова ринуться к пионерам и в течение часа копать ямы и носить воду, помогая им. Пионеры удивлялись, но не возражали. А Гаврилов думал.

Грубин с Ложкиным были довольны экспериментом. Они устали следить за Гавриловым и, когда тот вернулся домой, хотели прибор снять. Но, к их удивлению, подросток наотрез от этого отказался.

— Уговор был, — сказал он, — до завтрашнего утра.

— Как действует! — Ложкин был поражен.

— Перевоспитываюсь, — коротко ответил Гаврилов.

Вечером он был вежлив с матерью, убрал и вымыл за собой посуду, подмел комнату, вымыл окна. Мать была убеждена, что он заболел, и еле сдерживала слезы.

А Гаврилов думал.

В тот день он впервые воочию столкнулся с принципом изобретательства. Он заключается в том, что изобретение обязательно палка о двух концах: оно рассчитано на благо, но от этого блага кто-то страдает. От новой сети страдает рыба, от новой плотины страдает рыба, от замечательной фабрики, построенной на берегу реки, страдает рыба, от волшебных удобрений, что выливаются на поля, а потом с дождевой водой попадают в озеро, страдает рыба. Всегда найдется какая-нибудь рыба, которая пострадает от могучего прогресса.

Гаврилов не хотел быть рыбой. Даже за кассеты.

Ночью он разобрал прибор и тщательно исследовал его.

Ранее его не тянуло к изобретательству, потому что лично его это не касалось. Испытание, которому его подвергли соседи, дало толчок его творческой энергии.

Разумеется, сообразительному подростку ничего не стоило поменять в приборе полюса и получать поощрения за грубость или отлынивание от работы. Но Гаврилов сделал шаг вперед, потому что был талантлив.

За ночь он разобрал на детали ценный магнитофон «Сони» и телевизор «Рубин».

К утру новый вариант прибора был готов и отлично уместился в дедушкином серебряном портсигаре. И Гаврилов лег спать.

Разбудил его голос Грубина.

— Коля! — кричал Грубин со двора. — Сутки прошли. Держи деньги на кассеты. Отдавай машину.

— Сейчас приду, — отозвался Гаврилов.

Грубин и Ложкин стояли посреди двора.

Гаврилов вынес им прибор. Свой лежал у него в кармане.

— Давайте кассеты, — сказал он.

— Вот деньги. — Грубин полез в карман. Грубин держал слово.

— Не нужны ему деньги, — отчеканил Ложкин. — Деньги развращают молодежь. Пускай скажет «спасибо», что мы его добру учили.

— Вы обещали, — кротко сказал Гаврилов.

— Вот сейчас твоей матери скажу, как ты взрослых шантажируешь! — возмутился Ложкин. — Да я... Да как ты...

И Ложкин замер с открытым ртом.

— Что такое? — удивился Грубин. — Что случилось?

Ложкин хлопал глазами и молчал.

— Уловив специфическое сокращение гортани, — спокойно ответил подросток, — включилась парализующая система.

— Да как же? — Грубин был потрясен. — Ведь Ложкин к прибору не подключен!

Гаврилов ничего не ответил.

В отличие от первобытной, примитивной модели Грубина прибор Гаврилова действовал на расстоянии.

БЕРЕГИСЬ КОЛДУНА!

В наши дни никто в колдунов не верит. Создается впечатление, что они вымерли даже в литературе. Изредка мелькнет там волшебник. Но волшебник — это не колдун, а куда более воспитанный пришелец с Запада. Пока наши деды не начитались в детстве сказок братьев Гримм и Андерсена, они о волшебниках и не подозревали, а теперь вот какой-нибудь гном нам ближе и понятнее, чем простой колдун.

Этим феноменом и объясняется то, что когда колдун вышел из леса и направился к Удалову, тот даже не заподозрил дурного.

Колдун был одет неопрятно и притом претенциозно. На нем был драный тулуп, заячья шапка и хромовые сапожки со шпорами и пряжками, какие бывают на дамских сумочках.

— Ловится? — спросил колдун.

Удалов кинул взгляд на колдуна, затем снова уставился на удочку. Ловилось неплохо, хотя и стояла поздняя осень, с утра примораживало, и опавшие листья похрустывали под ногами, как вафли.

Колдун наклонился над ведром, в котором лежали, порой вздрагивая, подлещики, и сказал:

— Половину отдашь мне.

— Еще чего, — улыбнулся Удалов и подсек. На этот раз попалась плотвичка. Она прыгала по жухлой траве, стараясь нырнуть обратно в озеро.

— Поделись, — сказал колдун. — Я здесь хозяин. Со мной делиться надо.

— Какой год сюда приезжаю рыбачить, — сказал Удалов, кидая плотвичку в ведро, — хозяев не видал. У нас все равны.

— Я здесь недавно, — сказал колдун, присаживаясь на корточках и болтая пальцем в ведре. — Пришел из других мест. Мирный я, понимаешь?

Тогда-то Удалов впервые пригляделся к колдуну и остался недоволен его внешним видом.

— Вы что, — спросил он, — на маскарад собрались или из больницы сбежали?

— Как грубо, — вздохнул колдун. — Ниоткуда я не сбежал. Какую половину отдашь? Здесь у тебя шесть подлещиков, три ерша и плотвичка. Как делить?

Удалов понял, что этот человек не шутит. И, как назло, на всем озере ни одного рыбака. Хоть шаром покати. Кричи не кричи, не дозовешься. А до шоссе километра три, и все лесом.

— А вы где живете? — спросил Удалов почти вежливо.

— Под корягой, — сказал колдун. — Холодно будет, чью-нибудь пустую дачу оккупирую. Я без претензий.

— А что, своего дома нету?

Рыбалка была испорчена. Ладно, все равно домой пора. Удалов поднялся, вытащил из воды вторую удочку и начал сматывать рыболовные орудия.

— Дома своего мне не положено, потому что я колдун, вольное существо, — начал было колдун, но, заметив, что Удалов уходит, возмущен: — Ты что, уйти хочешь? Перечить вздумал? А ведь

мне никто не перечит. В старые времена от единого моего вида на землю падали, умоляли, чтобы я чего добровольно взял, не губил.

— Колдунов не бывает. Это суеверие.

— Кому и суеверие, а кому и грустная реальность.

— Так чего же вас бояться?

Удочки были смотаны. Удалов попрыгал, чтобы размять ноги. Холодно. Поднимается ветер. Из-за леса ползет туча — то ли дождь будет, то ли снег.

— Ясное дело, почему боялись, — сказал колдун. — Потому что порчу могу навести.

— Это в каком смысле?

Глаза колдуна Удалову не нравились. Наглые глаза, страшноватые.

— В самом прямом, — сказал колдун. — И на тебя порчу могу навести. И на корову твою, и на козу, и на домашнюю птицу.

— Нет у меня скота и домашней птицы, — сказал Удалов, поднимая ведро и забрасывая на плечо удочки. — Откуда им быть, если я живу в городе. Так что прощайте.

Удалов быстро шел по лесной тропинке, но колдун не отставал. Вился, как слепень, исчезал за деревьями, снова возникал на пути и все говорил. В ином случае Удалов поделился бы с человеком рыбой, не жадный, но тут уж дело принципа. Если тебе угрожают, сдаваться нельзя. И так много бездельников развелось.

— Значит, отказываешься? Значит, не уважаешь? — канючил колдун.

— Значит, так.

— Значит, мне надо меры принимать?

— Значит, принимай.

— Так я же на тебя порчу напущу. Последний раз предупреждаю.

— Какую же?

— Чесотку могу. И лихорадку могу.

— Противно слушать. От этого всего лекарства изобретены.

— Ну хоть двух подлещиков дай.

— И не проси.

— Стой! — Колдун забежал вперед и преградил путь. — В последний раз предупредил!

— Не препятствуй. Я из-за тебя на автобус опоздаю, домой поздно приеду, завтра на службе буду невыспавшийся. Понимаешь?

— На службу ходишь? — удивился колдун. — И еще рыбкуловишь?

— А как же? — Удалов отстранил колдуна и проследовал дальше. — Как в жизни без разнообразия? Так и помереть можно. Если бы я только на службу ходил да с женой общался, без всякого

хобби, наверное, помер бы с тоски. Человеку в жизни необходимо разнообразие. Без этого он не человек, а существо.

Колдун шел рядом и соглашался. Удалову даже показалось, что колдун сейчас сознается, что и у него есть тайное хобби, к примеру, собирание бабочек или жуков. Но вместо этого колдун вдруг захихикал, и было в этом хихиканье что-то тревожное.

— Понял, — сказал колдун. — Смерть тебе пришла, Корнелий Удалов. Знаю я, какую на тебя напустить порчу.

— Говори, — Удалов совсем осмелел.

— Смотри же.

Колдун выхватил клочок из серой бороды, сорвал с дерева желтый лист, подобрал земли комочек, стал все это мять, причитая по-старославянски, и притом приплясывать. Зрелище было неприятным и тягостным, но Удалов ждал, словно не мог оставить в лесу припадочного человека. Но ждать надоело, и Удалов махнул рукой, оставаясь, мол, и пошел дальше. Вслед неслись вопли, а потом наступила тишина. Удалов решил было, что колдун отвязался, но тут же сзади раздались частые глухие шаги.

— Все! — задышал в спину колдун. — Заколдованный ты, товарищ Удалов. Не будет в твоей жизни разнообразия. Такая на тебя напущена порча. Будет твоя жизнь идти по однообразному кругу, день за днем, неделя за неделей. И будет она повторяться точь-в-точь. И не вырвешься ты из этого порочного круга до самой смерти и еще будешь меня молить, чтобы выпустил я тебя из страшного плена, но я только захохочу тебе в лицо и спрошу: «А про рыбку помнишь?»

И сгинул колдун в темнеющем воздухе. Словно слился со стволами осин. Только гнетущая влажная тяжесть опустилась на лес. Удалов помотал головой, чтобы отогнать воспоминание о колдуне, и поспешил к автобусной остановке. Там уже, стоя под козырьком и слушая, как стучат по нему мелкие капли дождя, подивился, что колдун откуда-то догадался о его фамилии. Ведь Удалов колдуну, естественно, не представлялся.

Еще в автобусе Удалов о колдуне помнил, а домой пришел — совсем забыл.

Утром Удалова растолкала жена.

— Корнелий, ты до обеда спать намерен?

Потом подошла к кровати сына Максимки и спросила:

— Максим, ты в школу опоздать хочешь?

И тут же: плюх-плюх — на сковородку яйца, жжик-жжик — нож по батону, буль-буль — молоко из бутылки, ууу-ууу-иии — чайник закипел.

Удалов поднялся с трудом, голова тяжелая, вчера перебрал свежего воздуха. С утра сегодня заседание. Опять план горит...

— Максим, — спросил он, — ты скоро из уборной вылезешь?

В автобусе, пока ехал на службу, заметил знакомые лица. В конторе была видимость деловитости. Удалов раскланялся с кем надо, прошел к себе, сел за свой стол и с подозрением оглядел его поверхность, словно там мог таиться скорпион. Скорпиона не было. Удалов вздохнул, и начался рабочий день.

Когда Удалов вернулся домой, на плите кипел суп. Ксения стирала, а Максимка готовил уроки. За окном стояла осенняя мразь, темно, как в омуте. Стол, за которым еще летом играли в домино, поблескивал под фонарем, а с голых кустов на него сыпались ледяные брызги. Осень. Пустое время.

Незаметно прошла неделя. День за днем. В воскресенье Удалов на рыбалку не поехал, какой уж там клев, сходили в гости к Антонине, Ксеньиной родственнице, посидели, посмотрели телевизор, попили чаю, вернулись домой. Утром в понедельник Удалов проснулся от голоса жены:

— Корнелий, ты что, до обеда спать собрался?

Потом жена подошла к кровати Максимки и спросила:

— Максим, ты намерен в школу опоздать?

И тут же: плюх-плюх — о сковородку яйца, жжик-жжик — нож по батону, буль-буль — молоко из бутылки, ууу-ууу-иии — чайник закипел.

Удалов с трудом поднялся, голова тяжелая, а сегодня с утра совещание. А потом дела, дела.

— Максим! — крикнул он. — Ты долго будешь в уборной прохладжаться?

Как будто перед мысленным слухом Удалова прокрутили магнитофонную пленку. Где он все это слышал?

В конторе сустились, спорили в коридоре. Удалов прошел к себе, сел и с подозрением оглядел поверхность стола, словно там мог таиться скорпион. Скорпиона не было. Удалов вздохнул и принялся готовить бумаги к совещанию.

В воскресенье Удалов хотел съездить на рыбалку, да погода не позволила, снег с дождем. Так что после обеда он спустил-ся к соседу, побеседовали, посмотрели телевизор.

В понедельник Удалов проснулся от странного ожидания. Лежал с закрытыми глазами и ждал. Дождя не было.

— Корнелий, ты до обеда спать собираешься?

— Стой! — Удалов вскопчил и с размаху босыми пятками в пол. — Кто тебя научил? Других слов не знаешь?

Но жена будто не слышала. Она подошла к кровати сына и сказала:

— Максим, ты намерен в школу сегодня идти?

И тут же: плюх-плюх — о сковородку яйца...

Удалов стал совать ноги в брюки, спешил вырваться из дома. Но не получилось. Поймал себя на нервном взгласе:

— Максим, ты скоро из уборной... — осекся.

Опомнился только на улице. Куда он едет? На службу едет. Зачем?

А в конторе была суматоха. Готовились к совещанию по итогам месяца... Но стоило Удалову поглядеть на потертую поверхность своего стола, как неведомая сила подхватила его и вынесла вновь на улицу. Почему-то побежал он к рыбному магазину и, отстояв большую очередь, купил шуку, килограмма три весом. Завернул шуку в газету и с этим свертком появился на автобусной остановке.

...Сыпал мокрый снежок, таял на земле и корнях деревьев. Лес был молчалив. Внимательно прислушивался к тому, что произойдет.

— Эй, — сказал Удалов несмело.

Из-за дерева вышел колдун и сказал:

— Шуку принес? В шуке костей много.

— Откуда же в шуке костям быть? — возмутился Удалов. — Это же не лещ.

— Лещ-то лучше, — сказал колдун. Пошупал рукой висящий из газеты шучий хвост. — Морожена?

— Но свежая, — сказал Удалов.

— А что, допекло? — Колдун принял шуку, как молодой отец ребенка у роддома.

— Сил больше нет, — признался Удалов, — плюх-плюх, пшик-пшик...

— Быстро, — сказал колдун. — Всего две недели прошло.

— Я больше не могу, — сказал Удалов.

Колдун поглядел на серое небо, сказал задумчиво:

— Что-то я сегодня добрый. А казалось бы, чего тебя жалеть? Ведь заслужил наказание?

— Я вам шуку принес. Три кило двести.

— Ну ладно, поддержи.

Колдун вернул шуку Удалову и принялся совершать руками пасы. На душе у Корнелия было гадко. А вдруг это шутка?

— Все, — сказал колдун, протягивая руку за рыбой. — Свободен ты, Удалов. Летом будешь мне каждого второго подлещика отдавать.

— Обязательно, — сказал Удалов, понимая уже, что его провели.

Колдун закинул шуку за плечо, как винтовку, и зашагал в кусты.

— Пойдите, — сказал Удалов вслед. — А если...

Но слова его запутались в мокрых ветвях, и он понял, что в лесу никого нет.

Удалов вяло добрался до автобусной остановки. Он покачивал головой и убеждал себя, что хоть колдун — отвратительная личность, шантажист, вымогатель... Пока Удалов добрался до дому, он так измучился и постарел, что какая-то девушка попыталась уступить ему место в автобусе.

В страхе он улегся спать и со страхом ждал утра, во сне ведя бесцельные и озлобленные беседы с колдуном. И чем ближе утро, тем меньше он верил в избавление...

Но обошлось.

На следующее утро Ксения сварила манную кашу, Максимка заболел свинкой и не пошел в школу, а самому Удалову пришлось уехать в командировку в Вологду, сроком на десять дней.

УПРЯМЫЙ МАРСИЙ

Как-то профессор Лев Христофорович Минц спустился на первый этаж к Саше Грубину за солью. Великий ученый, отдыхающий в Гусляре от тревог и стрессов большого города, и талантливый самоучка-изобретатель Грубин были холостяками с несложившейся личной жизнью. Это, а также их преданность Науке, стремление раскрыть тайны Природы сблизило столь непохожих людей. Задуманные беседы, которые они вели в свободные минуты, отличались искренностью и бескорыстием.

Пока Грубин отсыпал в кулечек соль, Минц присел на шатунный стул и прислушался к ровному, заунывному постаныванию сложной конструкции, колеса и колесики которой медленно вертелись в углу комнаты, помогая друг дружке.

— Надо бы смазать, — сказал Минц. — Скрипит твой вечный двигатель.

— Его шум меня успокаивает, — возразил Грубин. — Держите соль.

— Плов собрался сделать, — сказал Минц. — Как ни странно, я лучший в мире специалист по плову. Я позову тебя, часов в шесть.

— Спасибо, приду, — сказал Грубин. — Вот вы предупреждали меня, что вечный двигатель бесперспективен, что работать он не будет. А ведь работает. Вторую неделю. Даже без смазки.

— Это ничего не доказывает, коллега, — сказал Минц, проведя ладонью по блестящей лысине. — Есть сведения, что в Аргентине в лаборатории Айя де Торре двигатель крутится уже восемнадцатый год. Из этого следует только, что это двигатель долговременный, но никак не вечный. Может быть, лет через сто он остановится.

— Ста лет достаточно, — сказал Грубин, упрямо склонив локматую голову. — А к славе я не стремлюсь. Главное — принцип.

— К славе тебя и не подпустят, — сказал Минц. — И правильно сделают. Наука делается на Олимпе. Ею занимаются люди, отмеченные печатью Вечности. Талантливый дилетант только нарушает поступательное движение прогресса. И наука отвергает вечные двигатели, рожденные в частных квартирах. Вечный двигатель должен создаваться в соответствующей лаборатории соответствующего Института проблем и перспектив продленного движения.

— Почему продленного? Ведь это вечный двигатель.

— Всем известно, что вечных двигателей не бывает. Поэтому, если наука когда-нибудь всерьез возьмется за вечные двигатели, придется придумать для него приличное название, не скомпрометированное за последние столетия шарлатанами и самоучками.

— Значит, мое положение безнадежно?

— Да, мой дорогой. У тебя даже нет диплома о высшем образовании. Ты в положении упрямого Марсия.

— Это еще кто такой?

— Сатир. Провинциальный сатир из Фригии, который имел несчастье подобрать свирель, брошенную Афиной. И знаешь почему?

— Откуда мне знать? Я из древних греков только Геркулеса знаю и Прометея.

— Так вот, Марсий отлично играл на свирели и решил соревноваться с Аполлоном. Ну, как если бы ты принес свою машинку на ученый совет Института проблем и перспектив продленного движения.

— Марсий проиграл?

— Жюри единогласно присудило победу действительному члену Олимпа богу Аполлону.

— Ничего страшного, — сказал Грубин. — Главное — участвовать. Победа не так важна.

— Для кого как, — вздохнул профессор, глядя на скрипучий вечный двигатель Грубина. — С Марсия живьем содрали кожу.

— За что? — Грубин буквально пошатнулся от неожиданности. — Ведь Аполлон все равно победил?

— Боюсь, что в этой победе не все было чисто. Да и сам факт соревнования на равных богам не всегда приятен. Сегодня Марсий вылезет, завтра Иванов, послезавтра Грубин... Я пошел, спасибо за соль.

Профессор поднялся и направился к двери.

— У вас тоже были неприятности? — спросил вслед ему Грубин.

— Я не изобретал вечных двигателей, — ответил Лев Христофорович, не оборачиваясь.

Грубин метнулся к двери. Спина профессора, мерно покачиваясь, удалялась к лестнице.

— Лев Христофорович! — закричал Грубин. — Вы не правы! Марсии имеют право на существование. Общественность не даст сдирать шкуры! Мы с вами тоже сделаем свое скромное дело.

Лев Христофорович обернулся, улыбнулся, но ничего не ответил.

— В конце концов, — добавил Грубин, — в Великом Гусляре тоже пульсирует творческая жизнь. И если нам труднее добиться признания, чем в областном центре, это нас только закаляет. Кстати, вы над чем сейчас работаете?

— Мальков развожу, — ответил Минц.

Черная икра

Несмотря на относительно дешевизну продукта, консервативные гуслярыц яло покупали эффектные баночки с изображением осетра и надписью: «Икра осетровая». Острое зрение покупателей не пропустило и вторую, мелкими буквами, надпись: «Синтетическая».

Профессор Лев Христофорович когда-то читал об успешных опытах по получению синтетической черной икры, знал, что по вкусовым качествам она практически не отличается от настоящей, по питательности почти превосходит ее и притом абсолютно безвредна. Но попробовать раньше ему икру не удалось. Поэтому профессор оказался одним из тех гуслярцев, которые соблазнились новым продуктом.

Вечером за чаем Лев Христофорович вскрыл банку, намазал икрой бутерброд, осторожно откусил, прожевал и признал, что икра обладает вкусовыми качествами, очевидно, питательностью и безвредностью. Но чего-то в ней не хватало. Поэтому Минц отложил надкусанный бутерброд и задумался, как бы улучшить ее. Потом решил, что заниматься этим не будет, — наверняка икру создавал целый институт, люди не глупее его. И дошли в своих попытках до разумного предела.

— Нет, — сказал он вслух. — Конкурировать мы не можем... Но!

Тут он поднялся из-за стола, взял пинцетом одну икринку, положил ее на предметное стекло и отнес к микроскопу. Разглядев икринку, препарировав ее, он продолжал рассуждать вслух — эта привычка выработалась у него за годы личного одиночества.

— Рутинеры, — бормотал он. — Тупиковые мыслители. Икру

изобрели. Завтра изобретем куриное яйцо. Что за манера копировать природу и останавливаться на полпути.

На следующий день профессор Минц купил в зоомагазине небольшой аквариум, налил в него воды с добавками некоторых веществ, поставил рядом рефлектор, приспособил над аквариумом родоновую лампу и источник ультрафиолетового излучения, подключил датчики и термометры и перешел к другим делам и заботам.

Через две недели смелая идея профессора дала первые плоды.

Икринки, правда, не все, заметно прибавили в росте, и внутри их, сквозь синтетическую пленку, с которой смылась безвредная черная краска, можно было уже угадать скрученных колечком зародышей.

Еще через неделю, когда, разорвав оболочки, махонькие, с сантиметр, стрелки мальков засуетились в аквариуме, сдержанно-радостный профессор отправился к мелкому, почти пересыхающему к осени пруду в сквере за церковью Параскевы Пятницы и выплеснул туда содержимое аквариума.

Стоял светлый ветреный весенний день. Молодые листочки лишь распускались на березках, лягушечья икра виноградными гроздьями покачивалась у берега. Лягушечью икру Минц из пруда выгреб, потом, прижимая аквариум к груди, вышел на дорогу и остановил самосвал.

— Чего? — спросил мрачный шофер, высовываясь из кабины.

— Отлейте бензина, — вежливо сказал профессор. — Немного. Литра два.

— Чего?

Шофер изумленно смотрел сверху на толстого пожилого мужчину в замшевом пиджаке, обтягивающем упругий живот. Мужчина протягивал к кабине пустой аквариум и требовал бензина.

— У меня садик, — сказал лысый. — Вредители одолели. Травлю. Дайте бензинчику.

Полученный бензин (за бешеные деньги, словно это был не бензин, а духи «Красная Москва») профессор тут же вылил в прудик. Он понимал, что совершает варварский поступок, но значение эксперимента было так велико, что пруду пришлось потерпеть.

Профессор подкармливал синтетических осетрят не только бензином. Как-то местный старожила Удалов встретил Минца на окраине города, где с территории шелкоткацкой фабрики к реке Гусь текла значительная струйка мутной воды. Профессор на глазах Удалова зачерпнул из струйки полное ведро и потащил к городу.

— Вы что, Лев Христофорович! — удивился Удалов. — Это же грязь!

— И замечательно! — ответил, совсем не смутившись, профессор. — Чем хуже, тем лучше.

Вещества, залитые тихими ночами в прудик за церковью профессором Минцем, были многообразны и в основном неприятны на вид, отвратительны запахом. Люди, привыкшие ходить мимо прудика на работу, удивлялись тому, что творится с этим маленьким водоемом, и начали обходить его стороной. Лягушки тоже покинули его.

В один жаркий июньский день, когда отдаленные раскаты надвигающейся грозы покачивали замерший, душистый от сирени воздух, профессор привел к пруду своего друга Сашу Грубина. Профессор нес большой сачок и ведро, Грубин — второе ведро.

Прудик произвел на Грубина жалкое впечатление. Трава по его берегам пожухла, вода имела мутный, бурый вид, и от нее исходило ощущение безжизненности.

— Что-то происходит с природой, — сказал Саша, ставя ведро на траву. — Экологическое бедствие. И вроде бы промышленности рядом нет, а вот погибает пруд. И запах от него неприятный.

— Вы бы побывали здесь вчера вечером, — сказал, улыбаясь, профессор. — Я сюда вылил вчера литр азотной кислоты, ведро мазута и всыпал мешок асбестовой крошки.

— Зачем? — удивился Грубин. — Ведь вы же сами всегда расстраивались, что природа в опасности.

— Расстраивался — не то слово, — ответил Минц. — Для меня это трагедия.

— Тогда не понимаю.

— Поймете, — сказал Минц. Он извлек из кармана пакет, от которого исходил отвратительный гнилостный запах. — С большим трудом достал, — сообщил он Грубину. — Не хотели давать...

— Это еще что?

— Ах, пустяки, — сказал Минц и кинул содержимое пакета в прудик.

И в то же мгновение вода в нем вскипела, словно Минц ткнул в нее раскаленным стержнем. Среднего размера рыбыны, само существование которых в таком пруду было немислимым, отчаянно дрались за несъедобную пищу. Грубин отступил на шаг.

— Давайте ведро! — крикнул Минц, подбирая с земли сачок. — Держите крепче.

Он принялся подхватывать рыб сачком и кидать их в ведро. Через три минуты ведра были полны. В них толклись, пуча глаза, молодые осетры.

— Несколько штук оставим здесь, — сказал Минц, когда операция была закончена. — Для контроля и очистки.

Пока друзья шли от прудика к реке Гусь, Лев Христофорович поделился с Грубиным сутью смелого эксперимента.

— Я жевал эту синтетическую черную икру, — рассказывал он, — и думал: до чего стандартно мыслят наши Аполлоны. Есть икра дорогая и вкусная. Они создали икру подешевле и похуже. В результате — никакого прогресса. Прогресс возможен только при парадоксальности, смелости мышления. Что свойственно мне, провинциальному Марсию. Если есть синтетическая осетровая икра, как насчет синтетических осетров?

— Бессмысленно, — сказал Грубин.

— Правильно. Бессмысленно. Если не заглядывать в ведра, которые мы с вами несем... Ладно, подумал я. Может, при моем исключительном таланте я смогу вывести из синтетической икры синтетических рыб. Но зачем?... И тут я понял — для дела!

— Для какого? Пруды губить?

— Мысль твоя, Грубин, движется правильно, но скудно, — ответил профессор. — Не губить, а спасать! Если я выведу синтетического осетра, то он будет нуждаться именно в синтетической пище. То есть в том, что ни прудам, ни речкам, ни настоящим рыбам не нужно. Основа синтетической икры — отходы нефти. Чего-чего, а этого добра, к сожалению, в наших водоемах уже достаточно. Значит, коллега, если получится синтетический осетр, он будет жрать отходы нефти и прочее безобразие, которые мы в реки спускаем... После этой гениальной догадки все встало на свои места. Осталось подтвердить мое открытие на практике. И все, скажу тебе, подтвердилось! Я не только вывел из икринок мальков, но и вырастил их, они не только с удовольствием жрут мазут и кислоту, но я приучил их к самой отвратительной органике и неорганике, которую можно встретить в водоемах. Да, я погубил временно прудик у церкви. Но через месяц вода в нем станет хрустальной. Как хрустальной станет наша река...

Они вышли на берег. Неподалеку от мебельной фабрики и шелкоткацкого предприятия, от которых к реке тянулись полосы нечистой воды, сливаясь с редкими пятнами радужного цвета, попавшими сюда с автобазы, Грубин, потрясенный гениальностью профессора, снял ботинки, зашел в воду по колено и выпростал ведро с осетрами.

— Эй! — кричали мальчишки с моста. — Рыбаки наоборот! Кто так делает?

Грубин принял из рук Минца второе ведро и также выпустил в воду подрастающих монстров. И видно было, как проголодавшиеся рыбы бросились к мазутным пятнам, поплыли к грязным струйкам...

Когда друзья шли обратно, Грубин спросил:

— А есть-то осетров этих можно?

— Ни в коем случае! — сказал профессор. — Вот когда очистим наши реки, появятся там в изобилии настоящие осетры, тогда и наедемся с тобой вволю настоящей черной икры.

— Надо бы поделиться опытом, сообщить в Москву.

— Не поверят, — отрезал профессор. — Мне редко верят. Пускай сначала наши осетры себя покажут.

Грубин, как человек куда более практичный, чем профессор, все-таки сходил на следующий день в редакцию газеты «Гуслярское знамя» и побеседовал со своим приятелем Мишей Стендалем. Тот посетил заметно очистившийся за сутки прудик у Параскевы Пятницы, поглядел, как молодые осетры жрут дизельное топливо, которое Грубин капал в воду у берега, пришел в восторг и добился у редактора, пока суд да дело, разрешения опубликовать заметку-предупреждение:

«ВНИМАНИЮ РЫБОЛОВОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ!»

В порядке эксперимента в реку Гусь выпущены специальные устройства для очистки воды от нефтяных и прочих отходов. Этим устройствам в практических целях придан вид осетровых рыб, которые в естественном виде в наших краях не водятся. При попадании подобного устройства в сеть или на удочку просим немедленно отпускать их обратно в воду. Употребление устройств в пищу ведет к тяжелому отравлению. Характерный признак устройств, помимо их внешнего вида, — стойкий кислотно-бензиновый запах».

Когда профессор прочел эту заметку, он сказал только:

— Наивный! Чтобы мой осетр пошел на удочку? Для него червяк — отравы!

Вскоре жители Гусляра привыкли видеть у фабрики или автобазы выросших за лето могучих рыбин. Осетрам, которые остались в прудике, пришлось тоже переключаться на реку — уж очень накладно стало их кормить. Да и прудик давно стал им тесен.

К осени приехала из области комиссия по проверке эффективности очистки водоемов с помощью осетров. Комиссия была настроена скептически. Минц, ожидавший этого, выпилил из камышины простую свирель и, вызывая недоуменные улыбки коллег, пошел к реке, насвистывая незатейливую мелодию. Лишь Грубин догадался, что профессор изображает несчастного Марсия.

Река Гусь текла между зеленых берегов, поражая хрустальной чистотой воды. Тому способствовали не только осетры. Уже месяц, как руководители гуслярских предприятий, пораженные сказочными результатами эксперимента, перестали сбрасывать в реку нечистую воду и прочие отходы.

Директор автобазы, ранее главный враг чистоты, а ныне почетный председатель общества охраны природы, встретил комиссию у реки. Он на глазах у всех зачерпнул стаканом воды и поднял к солнцу. Искры засверкали в стакане.

— На пять процентов чище, чем в Байкале, — сказал директор автобазы. — Можете проверить лабораторно.

— Хорошо, — сказал председатель комиссии. — Отлично. А где же ваши так называемые осетры?

На лице директора отразилась растерянность, но он был правдивым человеком, поэтому честно ответил:

— Осетры вас не дождались. Уплыли.

Профессор Минц грустно засвистел на свирели.

— Значит, раньше были, а теперь уплыли? — сказал председатель комиссии.

— Позавчера последнего видели, — сказал директор автобазы. — Понятное дело.

— Непонятное.

— Им же жрать нечего! Чего им тут делать? Скоро настоящих запустим.

— Так, — сказал председатель комиссии, глядя в голубую даль. — Были, и нет...

— Их надо теперь в Северной Двине искать, — сказал директор автобазы. — Мы туда уже предупреждение послали, чтобы не вылавливали.

— А с Марсия содрали шкуру, — непонятно для всех, кроме Грубина, сказал профессор Минц.

— Значит, мы ехали, теряли время... — в голосе председателя комиссии послышалась угроза. — И что увидели?

— Результаты успешного эксперимента, — сказал Минц. — Настолько успешного, что кажется, будто его и не было...

— Но вода-то чистая! — воскликнул директор автобазы.

— За это вам спасибо!

Наступила пауза. Все поняли, что надо прощаться... Что тут докажешь?

И в этот момент послышался приближающийся грохот лодочного мотора. Директор автобазы нахмурился. В Великом Гусляре недавно было принято постановление о недопустимости пользования моторами на чистой реке.

С моторки увидели людей на берегу, и лодка круто завернула к ним. Нос ее уперся в берег.

— Доктора! — закричал с лодки приезжий турист в панаме и джинсах. — Мой друг отравился!

— Чем отравился? — спросил Минц.

— Мы вчера рыбку поймали. С утра поджарили...

— Большую рыбку? — спросил Минц у туриста.

— Да так... небольшую... На удочку.

— Осетра?

— А вы откуда знаете? — Турист вдруг оробел и двинулся к носу лодки, намереваясь, видно, оттолкнуться от берега.

— Длина полтора метра? — спросил сообразительный директор автобазы. — Динамитом глушили?

— Ах, разве дело в частностях! Человеку плохо!

— Чтобы не почувствовать бензино-кислотного запаха, — задумчиво сказал Минц, — следовало принять значительное количество алкоголя.

— Да мы немного...

— Так вот, уважаемая комиссия, — сказал тогда директор автобазы. — Я приглашаю вас совершить путешествие к месту стоянки этих браконьеров и ознакомиться на месте с образцом синтетического осетра, который, к сожалению, не успел далеко отплыть от родных мест. По дороге мы захватим доктора и милиционера...

— Там только голова осталась, — в растерянности пролепетал турист. — Мы ее в землю закопали.

— Головы достаточно, — оборвал его директор автобазы.

Члены комиссии колебались.

Марсий спокойно играл на свирели.

— Не надо туда всем ехать, — сказал Саша Грубин. — Не надо.

Он показал пальцем на расплывшееся бензиновое пятно за кормой лодки.

И тут все увидели, как огромная рыбина с длинным, чуть курносым рылом, широко раскрывая рот, забирает с воды бензин. Радужное пятно уменьшалось на глазах...

— Ну что? — спросил Грубин, зайдя вечером к профессору. — Не содрали шкуру?

— В следующий раз снимут, — философски ответил Минц.

Два вида телепортации

Духовой оркестр — слабость Льва Христофоровича Минца. Духовой оркестр в Великом Гусляре отличный, он получил диплом на конкурсе в Вологде.

По субботам, когда оркестр выступает на открытой эстраде в парке, профессор Минц откладывает все дела, идет в парк и слушает музыку, которая напоминает ему времена молодости. Порой к нему присоединяется Саша Грубин или старик Ложкин, тоже поклонники солидных вальсов и танго об утомленном солнце.

В ту субботу Минцу с Грубиным не повезло. В городе была не-большая эпидемия гриппа, из-за чего оркестр временно лишился барабанщика и кларнетиста. Этих специалистов пришлось позаимствовать в джазовом ансамбле, игравшем обычно в ресторане «Великий Гуслиар». Молодые люди, вторгшиеся в оркестр, нарушили консервативную традицию, они спешили, сбивали с толку тубу и литавры, отчего вальс «На сопках Маньчжурии» приобрел оттенок синкопированного легкомыслия.

Разочарованные ценители отошли от эстрады и присели на голубую скамейку неподалеку от пивного ларька. Высокие столики для пивохлебов, как неуважительно называл их старик Ложкин, отделялись от скамейки кустами сирени.

Минц и Грубин молчали, думали о науке, о смысле жизни и других проблемах, когда за кустами послышались голоса.

Басовитый, значительный голос произнес:

— Ты пей, Тюпкин, не стесняйся. Сегодня у меня большой день.

— А что, Эдуард, мысль есть или удача пришла?

— Мысль.

За кустами помолчали. Видно, тянули пиво.

— И какая? — раздалось через полминуты. Голос у Тюпкина был негромок и деликатен.

— Радикальная, — ответил Эдуард. — Задумал я переправлять материю на расстояние. Скажем, в Саратов.

— Ого, — тихо произнес Грубин.

— Я вас всегда уважал, Эдуард, — сказал Тюпкин, — но такие мысли почти невероятны.

— Нет преград для смелого полета ума, — ответил скромно Эдуард.

— И собираетесь внедрять? — спросил Тюпкин.

— Дай мне месяц, — ответил Эдуард. — Через месяц я эту проблему расколю, как грецкий орех. А пока — никому ни слова. Сам понимаешь, вокруг завистники, недоброжелатели.

— Разумеется, Эдуард, разумеется, — согласился Тюпкин.

Звякнули кружки о столик. Раздались шаги, и уже издалека донесся вопрос Тюпкина:

— А как я узнаю об успехе вашей идеи?

— Через месяц, на этом же месте, — ответил Эдуард. — В это же время. И я скажу — удалось или ошибка.

Некоторое время профессор Минц и Грубин сидели в полной растерянности. Первым пришел в себя Грубин.

— Нет, — сказал он. — Для нашего маленького городка напор гениев невероятен. Нарушение статистики. И я его не знаю.

— Я тоже не знаю, — сказал Минц. — Не слышал раньше тако-

го голоса. Но дело не в напоре гениев. Дело в том, что передача материи на расстояние невозможна.

— Почему? — спросил Грубин.

— Потому что в ином случае я давно бы это изобрел.

Это был аргумент, спорить с которым Грубину было нелегко. Да и не хотел он спорить. Он глубоко уважал профессора Минца как человека и как мыслителя.

— Но если... — начал он неуверенно.

— Если это возможно, то я изобрету. Хотя бы для того, чтобы доказать самому себе, что как профессионал в науке я сильнее любого дилетанта. Я владею методом...

— Но допустим, у него, у Эдуарда, талант?

— Допускаю, — сдержанно сказал профессор и поспешил к дому.

В последующие дни Лев Христофорович буквально пропал. Выбегит утром в магазин за кефиром и на почту, куда на его имя поступали из Москвы редкие приборы и транзисторы, и сразу обратно, в кабинет-лабораторию. Если пройти по коридору, то услышите, как он ворчит, беседует сам с собой и с невидимыми соперниками.

Так прошло двадцать четыре дня. Все жильцы дома № 16 по улице Пушкинской давно уже знали о причине затворничества профессора — Грубин рассказал. Все с нетерпением ждали исхода заочной борьбы двух титанов — неведомого Эдуарда и любимого Льва Христофоровича. Несколько раз Грубин с Удаловым ходили к пивному ларьку в парке, проводили там вечера, но никого, похожего с Тюпкиным или Эдуардом, там не встретили. Предположили, что Эдуард тоже не покидает своей лаборатории.

На двадцать пятый день профессор вышел из кабинета, спустился во двор, где его соседи играли в домино в лучах заходящего солнца. Игроки замерли при виде Льва Христофоровича, вглядываясь в его умное усталое лицо.

— Ну и как? — нарушил тишину Удалов.

— Передача предметов на расстояние возможна, — сказал Минц. — Теоретически возможна.

— А практически?

Профессор вздохнул. Он был самолюбив.

— Еще придется поработать? — спросил Грубин.

— Придется, — сказал профессор. — Пошли ко мне.

Непонятного вида установка стояла посреди комнаты. По обе стороны вертикальной стойки, опутанной приборами и начерно прикрепленными печатными схемами, располагались две небольшие платформы.

— Вот, — сказал профессор. — Вот то максимальное расстояние, на которое я могу передать материю. На сегодняшний день...

Он взял со стола бутылку кефира, поставил на одну платформу, включил ток, нажал несколько кнопок. Раздалось низкое жужжание, и бутылка исчезла с платформы, тут же возникнув на другой.

Раздались аплодисменты. Грубин и Удалов горячо поздравили профессора с принципиальным открытием.

— Сегодня метр, — сказал Удалов. — Завтра — на Луну.

— Конечно, так, — согласился Минц. — Но до Саратова нам далеко. Вы, друзья, не представляете, сколько нужно для этого энергии.

— Значит, и у Эдуарда не получится, — сказал Грубин. — Ведь в данной ситуации вы, Лев Христофорович, как Аполлон.

— А он Марсий? — Лев Христофорович кинул взгляд на пыльную свирель, лежавшую на подоконнике. — Нет, я никогда не буду снимать шкуру с человека, посвятившего себя науке. Даже если он ошибается, даже если он переоценил свои силы. Пускай дерзает и дальше.

— Я попробую? — спросил Удалов.

— Можно, — сказал профессор. — Вот этот рычаг до нулевой отметки, эту клавишу не до конца. Ясно?

Удалов подошел к телепортирующей установке, но не удержался, перевел рычаг за нулевую отметку, а клавишу выжал до отказа.

Бутылка исчезла, но на другую платформочку не выскочила. Вместо этого послышался глухой удар и возмущенный крик со двора.

Там, облитый кефиром, стоял старик Ложкин и был разгневан.

Пришлось просить прощения, а потом разрешить ему телепортировать свои часы.

— Сделаем рычаг побольше, — сказал Удалов, — уже завтра добьемся ста метров.

Он не был удивлен и не чувствовал себя виноватым. Он был участником. А добрый Саша Грубин между тем сбежал за кефиром, чтобы Минцу было что пить утром.

Напряжение росло. Приближался день, когда к пивному ларьку придет соперник. Как у него? Саратов или не Саратов? А может, провал?

С одной стороны, хотелось провала, потому что человек слаб, и патриоты из дома № 16 хотели приоритета для своего профессора. С другой стороны, врожденное чувство справедливости желало успеха неизвестному самоучке и славы городу в целом.

Ровно через месяц после того, как случайно был подслушан разговор в парке, Удалов, Грубин и Минц пошли туда вечером. Иг-

рал духовой оркестр, играл хорошо, солидно, барабан и кларнет вышли с бюллетеня. Вечер был теплым, славным, за пивом стояла очередь. Соседи подошли к крайнему столику. Возле него нашли небольшого сутулого человечка, который в одиночестве пил пиво.

— Тюпкин? — спросил Удалов.

— Я — Тюпкин, — сказал тот испуганно. — Но я ни при чем.

— Эдуард придет?

Тюпкин захлопал глазами, но ничего не ответил.

— Не беспокойтесь, — сказал Грубин. — Мы к вам претензий не имеем. Нам нужен Эдуард. И не столько он, сколько его открытие.

— Не знаю, — пискнул Тюпкин. — Не в курсе.

— Неправда, — сказал Удалов. — Вы ждете Эдуарда, потому что он назначил вам здесь свидание по поводу его мысли о передаче материи на расстояние. В частности, в Саратов. А нам любопытно узнать, удалось ли...

И вдруг маленький Тюпкин пригнулся и бросился кустами к эстраде.

Вообще-то не к лицу серьезным людям гоняться по парку за всяким Тюпкиным, но на этот раз речь шла об открытии мирового значения. Поэтому пришлось догонять.

Тюпкина настигли на берегу реки, где он пытался спрятаться под скамейку.

— Зря ты так, — сказал Удалов, извлекая человечка. — Ты сойди и иди себе на здоровье. Мы зла не имеем.

— Имеете, — возразил Тюпкин, дрожа, словно выкупался в проруби. — Только я ни при чем. Я так с ним разговаривал. Я вообще его почти не знаю...

— Не так, не так... — поморщился Грубин. — Все по порядку.

— По порядку в милиции спрашивайте, — сказал Тюпкин. — Взяли его сегодня. Сразу после обеда.

— Как? Такого ученого? — Профессора Минца охватили гнев и жалость к коллеге. — Где его содержат? Это ошибка! Мы сейчас же освободим!

— Не освободить, — сказал Тюпкин. — Его с личным взяли. Он как раз со своего склада материю в Саратов отправлял.

— Со склада... — Удалов нахмурился, потому что начал догадываться о том, что произошла трагикомическая ошибка.

— Откуда же еще, — сказал Тюпкин. — Он складом заведовал, материю воровал и на сторону сбывал. Плохой человек, недостойный, но с размахом.

Когда соседи возвращались к дому, оживленно обсуждая события, Грубин сказал:

— Если с этого Марсия снимут шкуру, я не возражаю. Но свою положительную роль в науке он сыграл.

— Это точно, — согласился Удалов. — Без подсказки Льву Христофоровичу на эксперимент не пойти бы.

— Почему? — вдруг обиделся профессор. — Идея витала в воздухе. Из воздуха я ее изъял и материализовал. Если бы подсознательно не думал о телепортации, сразу бы понял, что жулики разговаривают.

В этот момент с неба на мостовую упал котенок, мяукнул и бросился бежать.

— Немедленно домой! — крикнул Удалов. — Подросток Гаврилов забрался к вам в кабинет. Если его не остановить, он перетелепортирует все, что есть в комнате!

И соседи побежали домой.

Дар данайца

Часов в пять вечера, в пятницу, в середине сентября, пошел дождь. Похолодало. Удалов возвращался домой с работы и жалел, что не взял зонтика. Но дождь был таким занудным, мелким, осенним, что переждать его не было никакого смысла — лучше было потерпеть и добежать поскорее до Пушкинской улицы.

Когда Удалов перебежал площадь, то услышал над головой какой-то гул, поднял голову и таким образом стал первым гусярцем, который увидел, как на город опускается Конструкция.

Космического корабля за облаками не было видно. Так и осталось неизвестным, приближался он к Великому Гусяру или обронил Конструкцию из космоса.

Удалов еле успел метнуться в сторону, к зданию музея, а Конструкция тяжело ухнула на асфальт, продавив его. В стороны побежали узкие трещины.

Удалов перевел дух и пригляделся к Конструкции.

Вид ее был неприятен. Под острыми углами из центрального столба вырастали оси и стержни, частично снабженные колесами и шариками, которые, как только Конструкция как следует встала, начали вращаться с различными скоростями. Господствующий цвет Конструкции был черным, кое-где поблескивал металл. Высотой она достигала метров пяти и производила чуть заметный, но неприятный скрежещающий звук.

Удалов, забыв о дожде, раздумывал, чем бы могла оказаться Конструкция и насколько она опасна для населения, но ничего придумать не мог, потому что ничего подобного еще не видел.

Из задумчивости его вывели удивленные голоса горожан, сбе-

гавшихся на площадь. Вскоре народу накопилось немало, и пришедший старшина милиции Перепелкин с помощью пожарных обнес центр площади канатом на столбиках, чтобы никто не приближался к Конструкции до приезда ученых.

Ученые прилетели на вертолетах тем же вечером, а к утру подоспели другие, менее оперативные, на автобусах и служебных машинах. С этого дня площадь кипела толпой специалистов самых различных областей знания, к тому же приходилось как-то защищать Конструкцию от туристов и зевак. Но несмотря на суровую охрану и принятые меры, к утру третьего дня на металле Конструкции появились две надписи. Одна говорила о личных отношениях какой-то Любы и какого-то Пети, а вторая была еще лаконичнее: «Были: Коля, Ира, Шляпиков из Сызрани». Так как ни одно сверло, ни один бур не смогли оставить на Конструкции ни единой царапины, осталось тайной, каким образом Шляпиков с друзьями и Петя запечатлели себя. Поиски Шляпикова продолжаются.

Пока ученые осматривали, обмеряли и зарисовывали Конструкцию, в доме № 16 по Пушкинской улице шли горячие дебаты, зачем и почему из космоса забросили Конструкцию и чем это грозит Земле в целом и Великому Гусяру в частности.

Романтически настроенный Удалов энергично мерил короткими шагами захламленный кабинет профессора Минца и рассуждал:

— Основное чувство в космосе — сотрудничество, дружба. Мне приходилось с некоторыми встречаться, редко кто настроен к нам отрицательно.

— Это еще не значит, — возразил известный скептик старик Ложкин.

— Должна быть цель... — задумчиво произнес профессор Минц, рассматривая фотографию Конструкции. Наяву ее уже нельзя было увидеть, потому что, спасая от туристов, ученые прикрыли ее брезентовым куполом, который раньше употреблялся для цирка шапито.

— Зачем они бросают на Землю эту отвратительную, на наш непосвященный взгляд, Конструкцию? — продолжал Удалов. — С одной только целью. Приобщить.

— Приобщить? — спросил Грубин. — Если приобщить, то к чему?

— К космическому прогрессу.

— Чепуха, — сказал профессор Минц. — Когда я приобщаю кого-то, я прилагаю к прибору объяснительную записку. На понятном языке. На что нам приобщение, если мы не знаем, к чему нас приобщают?

— Вот! — воскликнул Удалов радостно. — Именно так! Казалось бы, чепуха, а на самом деле все продумано! Представьте себе, сидят сейчас на своей планете наши продвинутые братья по разуму. И думают: доросла ли Земля до уровня космических цивилизаций? Можно ли принять ее в галактическое содружество? Ну, как им решить этот вопрос?

— Приехать и спросить, — сказал Ложкин.

— Тебя спросишь, — возразил Удалов, — а ты необъективный. Всю картину изобразишь.

— Я не лжец!

— Ты путаник. Любой из нас путаник. И неосведомленный. Я вот, например, не в курсе последних успехов теоретической механики. Может, только Лев Христофорович все науки знает. Да и то... Попробуй-ка найди объективного.

— Ага, — сказал Минц. — Найти нелегко.

— И вот присылают они нам Конструкцию. Такой мы раньше не видали. И эту Конструкцию нам надо расшифровать и пустить в дело. Не знаю уж, чем она должна заниматься — может, сады сажать, может, землю копать. Следят за нами и думают — справимся или не справимся? Справимся — получим все блага экономической и научной помощи и прогресса. Не справимся — антракт еще на сто лет.

Все задумались. Идея Удалова звучала соблазнительно. Был в ней смысл. Только упрямый Ложкин возразил:

— Так зачем они к нам ее спустили? Тогда бы в Москву или в Париж. Там специалисты, там общественности больше.

— А вот ты и не прав, Ложкин, — сказал Удалов. — Выбирали они по жребию. Самый обыкновенный город, самых обыкновенных людей. От того, что не в Москве, — что изменилось? Ты погляди, вся гостиница забита академиками, по три человека на койке спят.

— Я знаю, — тихо сказал профессор Минц. — Я все понял.

Он поднялся, подошел к окну, взял с подоконника самодельную свирель, сунул ее в верхний карман замшевого пиджака, обвел задумчивым взглядом соседей и разъяснил:

— Конструкцию опустили именно сюда, потому что там знают, что в этом городке живу я. И задача эта — лично для меня. Для скромного Марсия. К сожалению, все сбежавшиеся сюда Аполлоны — бессильны.

С этими словами профессор покинул комнату, а Удалов спросил:

— Кто этот Марсий?

— Бог войны, — сказал Ложкин. — Только он себя переоценивает. Они ведь академики, а он простой профессор.

— Марсий был всего-навсего сатиром и играл на свирели, — сказал Грубин. — Аполлон содрал с него за это шкуру.

— Так плохо? — расстроился Удалов. — Неужели так плохо?

Академики обмерили, освоили, исследовали Конструкцию еще несколько раз и не смогли прийти к единому мнению. Минц с ними почти не общался, хотя со многими учился на одном курсе в университете. Он думал.

Конструкция мирно поскрипывала на площади под брезентовым куполом, старик Ложкин обходил площадь стороной, потому что не верил данайцам, а Лев Христофорович незаметно для окружающих построил двадцать разного размера моделей Конструкции и бессонными ночами вертел их в руках, размышляя, куда бы их можно было определить.

И вот когда через месяц, узнав о Конструкции все, что было возможно, и не сделав никаких практических выводов, кроме того, что Конструкция является предметом неизвестного происхождения и назначения, академики собрались на последнее заседание под куполом шапито, туда вошел профессор Минц с большим чемоданом в руке. Пока академики обменивались заключительными мнениями, он сидел в стороне и крутил в пальцах свирель. Потом попросил слова.

— Уважаемые коллеги, — сказал он. — Отдавая дань вашей эрудиции и упорству, я хочу обратить ваше внимание на методологический просчет, который вы коллективно допустили. Вы априори признали Конструкцию неведомой, загадочной и не подлежащей утилизации. Я же решил, что Конструкция — ни более ни менее как испытание нашему интеллекту, нашей изобретательности, нашему разуму. Раз она сброшена к нам не случайно, следовательно, мы должны выдержать испытание. Вы уклонились от этого. Пришлось всю тяжесть мышления мне взять на себя.

После этого профессор Минц открыл чемодан, а академики сдержанно выразили свое недовольство слишком самонадеянным тоном и манерами своего провинциального коллеги.

Из чемодана Лев Христофорович извлек множество Конструкций, от трех сантиметров до полуметра размером, и разложил их на асфальте рядом с их громадным прототипом.

— Коллеги, — продолжал он. — Мне удалось обнаружить, что наши космические испытатели оказались даже хитрее, чем я подозревал с самого начала. Конструкция имеет не одно утилитарное решение, а по крайней мере двадцать.

Профессор поднял самую маленькую модель, ловко вытащил из кармана нитку с иглой, вставил в модель и на глазах изумленных академиков в мгновение ока заштопал с помощью этого уст-

ройства разорванный занавес, у которого когда-то выстраивались униформисты.

— Это, — сказал он, — революция в швейном деле. Благодарите не меня. Благодарите наших друзей из космоса.

С этими словами он поднял другую модель.

— Показываю вам, — произнес он, — прогрессивные ножницы для стрижки овец.

Он быстро подошел к одному из академиков, обладавшему буйной шевелюрой, и провел моделью Конструкции над головой коллеги. Коллега оказался наголо обрит, чем весьма возмущился.

— Далее, — сказал Минц, отбрасывая вторую и берясь за третью модель, — мы видим машинку для прокладывания подземных трасс для трубопроводов.

Лев Христофорович опустил модель на пол, нажал на нее, и она тут же вгрызлась в асфальт, пропала с глаз, чтобы через пятнадцать секунд вынырнуть на поверхность в трех метрах от Минца.

— Далее... — сказал Минц, подхватывая четвертую модель.

Академики замолкли перед таким невероятным напором изобретательской мысли. Тишина под куполом стояла гробовая. И все слышали, как сверху приближается утробный рев. Минц замер. Академики вскочили на ноги. Старшина милиции Перепелкин вбежал под купол и закрылся.

— Космический корабль неизвестной конструкции!

— Все ясно! — голос Минца перекрыл рев гравитонных двигателей. — Они увидели, как я раскусил эту загадку. Нас примут сейчас в галактическое содружество.

Все высыпали наружу, глядя, как схожий с волчком, ярко расписанный космический корабль осторожно опускается на площадь.

Минц вышел вперед. Никто не посмел остановить его в час галактического торжества. Загадочно улыбаясь, профессор крутил в пальцах простенькую свирель.

Открылся люк. Из корабля вышел инопланетянин, одетый небрежно, притом босой. Он вежливо кивнул собравшимся, огляделся и спросил:

— Где?

— Там, — сказал Минц, указывая на купол шашито.

— Ах, да! — сказал пришелец и совершил короткое движение указательным пальцем, отчего купол мгновенно испарился и зонтик вновь в сложенном состоянии метрах в ста от Конструкции. — Лишнее это, — продолжал пришелец. — Она не боится дождя и холода. Вечная вещь. Но в любом случае спасибо.

Пришелец наклонил голову, разглядывая Конструкцию. Потом взгляд его упал на профессора Минца, который вытащил из

кармана маленькую модель Конструкции, что должна было совершить переворот в швейном деле.

— Ах, молодец, — сказал пришелец, улыбаясь. — Похоже, похоже... Копиист?

— Нет, — улыбнулся в ответ Минц. — Своего рода рационализатор.

— Ну-ну, — сказал пришелец. — Я-то думал, что заберу ее у вас. Ошибка вышла, везли на Сперлекиду, а почтари сбросили в другом секторе. Ну, думаю, заберу и поставлю где надо. А вам, оказывается, понравилась. Копии делаете, на площади под брезентом держите. Ну, спасибо!

— Мы же понимаем, — сказал Минц.

— Понимание искусства — великий дар космоса, — согласился пришелец. — Я отдал созданию этой скульптуры два года жизни!

Минц незаметно спрятал в карман маленькую модель Конструкции. Кто-то из академиков хмыкнул. Инопланетный скульптор обвел глазами площадь и сказал:

— Правда, мыслить категориями большого пейзажа вы не научились. Это мы исправим.

Движением пальца он перенес на другой берег реки Гусь церковь Параскевы Пятницы, другим — отодвинул с площади старинное здание музея, третьим убрал гостиный двор. Теперь ничто не мешало гусярцам со всех концов города видеть жуткую черную Конструкцию.

И улетел.

А Конструкция стоит на площади и по сей день. Мало кто любит ее в городе, но неловко как-то выбрасывать космический дар.

Зато профессор Минц выкинул в речку свою самодельную свирель.

КОВАРНЫЙ ПЛАН

Новые веяния в спорте порой определяются капризами моды, порой истинной логикой его развития. Погляньте на старые фотографии: пловцы в полосатых купальных костюмах по колено, фигуристки в длинных платьях и шляпах — зрелище странное для нашего взора, но объяснимое. Времена меняются. Меняются нравы и моды, и не всегда к худшему. Но длина футбольных трусов на качество паса не влияет. А вот, к примеру, фибергласовый шест для прыжков или тартановая дорожка — это уже следствие прогресса, а не моды. Но вообще-то говоря, спорт — явление консервативное. Что принципиально нового появилось в нем за последние десятилетия? Стиль плавания «дельфин»? Дельтапланы? Ну

еще два-три события... Так что в этом направлении творческой мысли есть где разгуляться. Скорее всего с помощью науки и техники. А что, если оглянуться в прошлое? Может, и там можно заимствовать что-нибудь полезное?

Надо сказать, что мыслители, ломающие себе голову над подобными проблемами, живут не только в столицах. Например, в городке Великий Гусляр, что затерялся в северных лесах, есть такой интересный человек — Стропилов из местного отделения общества «Труд». Сам он бывший борец, силач, активист, всегда куда-то спешит и что-нибудь изобретает. Не ради славы, а ради максимального охвата физкультурой и спортом жителей Великого Гусляра.

И вот именно с ним случилась трагедия, о которой надо рассказать. И случилась в момент осуществления его заветной мечты.

Стропилову давно хотелось возродить некоторые российские традиции.

И он придумал вот что.

Еще тысячу лет назад в русских поселениях было принято собираться по праздникам большими компаниями и идти «стенка на стенку». Деревня на деревню, улица на улицу.

Такие кулачные бои были неоднократно описаны в художественной литературе.

Сначала соперничающие группы выстраивались одна против другой. Они начинали дразнить соперников, обидно шутить над их физическими недостатками и моральным уровнем. Тем временем из рядов бойцов выбегали мальчишки и затевали быстрые схватки. Затем, когда атмосфера накалялась, в дело вступали взрослые, и бой шел до тех пор, пока одна из сторон не пускалась в бегство. В таких боях бывало немало синяков, ссадин, а то и поломанных ребер. И естественно, что с развитием более цивилизованных видов спорта эти бои канули в историю.

Стропилов, одержимый желанием обогатить спорт, решил возродить древнюю традицию, но на новом уровне. Первым делом он решил назвать кулачные компании командами, что сразу придает драке спортивный характер. Затем он предложил снабдить членов команд защитными жилетами и боксерскими перчатками во избежание травм и, что самое главное, придумал название спорту: «колбокс», то есть коллективный бокс, а самих спортсменов предложил называть колбоксистами.

Первые письма, которые он рассылал на эту тему по спортивным клубам, большого впечатления не произвели. Клубы и федерации были заняты распространением бадминтона, тенниса и метания диска. Но, как известно, капля камень точит. А Стропилову нельзя отказать в определенных дипломатических данных.

Однажды, когда в городе проходила школьная эстафета и на нее приехали спортивные деятели из области, Стропилов у самого финиша, куда подбегали школьники, выстроил разделенную на две партии городскую боксерскую секцию, одетую в русскую одежду шестнадцатого века, но в боксерских перчатках. Две нестройные линии бояр, помахивая черными толстыми перчатками, пересекали площадь. По знаку Стропилова между линиями появились воспитанники городского детского сада, которые начали дразнить взрослых по написанному и заверенному в горно сценарию. Затем, когда Стропилов махнул белым платком, молодые талантливые боксеры двинулись вперед. Бой получился нешуточным, веселым, чему способствовали длинные одежды участников и их неумение выступать в коллективе.

Сначала спортивное начальство стояло, широко открыв глаза и ничего не понимая, но по ходу боя оно увлеклось, и товарищ Плетнев из Вологды лично бросился в гущу схватки, забыв, что у него нет перчаток, и был нечаянно нокаутирован, но не обиделся.

После первого удачно проведенного боя Стропилов решил, что путь новому виду спорта открыт и скоро его включат в программу Олимпийских игр. Гуслярская боксерская секция выезжала в полном составе в поселок Пьяный Бор, где сражалась на городской площади с местными боксерами и победила по очкам. Постепенно увлечение колбоксом распространилось далеко за пределы района, и наступило время созвать в Великом Гусляре первые областные соревнования.

Соревнования должны были начаться в пятницу 6 июля.

Но они не начались.

Нет, колбоксисты из других городов и сел не игнорировали соревнований. Все они приехали. Их разместили в общежитии речного техникума. Но в назначенный час на площадь, окруженную народом, пришли лишь колбоксисты Великого Гусляра.

Они шумно разминались на площади, притопывая сафьяновыми сапожками и сдвинув лихо на затылок высокие шапки.

Их соперники не пришли.

Тогда встревоженный Стропилов послал гонцов в общежитие. Гонцы не вернулись.

Стропилов послал других, более ответственных гонцов.

Гонцы не вернулись.

Зрители возмущались и постепенно расходились с площади.

Так как у Стропилова не оставалось более гонцов, он отправил за гостями своих колбоксистов.

Ни один из них не вернулся на площадь.

Отчаявшийся Стропилов закрыл соревнования и сам пошел искать пропавших.

Чувствуя неладное, он в общежитие не вошел, а принялся кричать с улицы.

Через несколько минут из окна высунулся его заместитель Бегунков и сказал:

— Стропилов, не отвлекай.

После этого окно закрылось.

Стропилов предпринял попытку проникнуть в общежитие. Но дверь была заперта.

Тогда Стропилов, отличавшийся силой воли и тела, забрался в окно второго этажа и проник в комнату, где скопились колбоксисты.

Все они были заняты странным делом.

Каждый держал в руках шар размером с помидор. Шары казались перламутровыми — они переливались и меняли цвет. Молодые люди задумчиво крутили шары. Вид у них был отстраненный.

— Что происходит? — спросил Стропилов, пытаясь владеть собой.

Один из гостей города протянул ему лишний шар и сказал:

— Создай узор.

Стропилов пригляделся и понял, что колбоксисты решают какую-то головоломку. Надо было ухватить смысл переливчатости красок, направить по нужному пути, чтобы получился узор, необъяснимый, но несказанно приятный для взора.

Стропилов попробовал... Когда спохватился, обнаружил, что провел за этим занятием более двух часов. Осознав, сунул шар в карман и попытался привлечь внимание колбоксистов. Он соблазнял спортсменов ужином, грозил порицанием, пытался отобрать шары. Последнее было ошибкой, потому что боксеры умели сопротивляться.

С синяком под глазом, возмущенный и подавленный, Стропилов покинул общежитие, борясь с желанием вынуть из кармана шарик. Чувство долга позволило ему отказаться от этой мысли и добежать до дома № 16 по Пушкинской улице.

— Где профессор? — спросил он у жильцов дома, игравших во дворе в домино.

— Дома, — сказал начальник стройконторы Корнелий Удалов. — Что случилось?

Не ответив, Стропилов взбежал по лестнице и оказался в кабинете профессора Льва Христофоровича Минца, великого изобретателя и ученого, временно проживающего в Великом Гусляре.

Корнелий Удалов бросил домино и поднялся вслед за Стропиловым к профессору. Он был встревожен: Стропилов не такой человек, чтобы из-за пустяков носиться по городу.

Сбиваясь, запинаясь, Стропилов изложил как мог профессору Минцу свою беду.

— Поглядим, — сказал Лев Христофорович, взяв шар и подойдя поближе к свету. Соседи тоже двинулись к окну.

— Только осторожнее, — сказал Стропилов. — Не заразитесь.

Минц снисходительно усмехнулся: заразиться он не боялся.

— Значит, — сказал он, — принцип такой: создать композицию, чтобы зеленый был за красным, а синий переливался в оранжевый.

Профессор со свойственной ему проницательностью сразу ухватил принцип игры.

Руки его начали нежно и уверенно покачивать и вертеть шарик, краски внутри которого пришли в движение, завораживая зрителей. Прошло две минуты, три, пять...

— Нет, — сказал Корнелий Удалов, который глядел профессору через плечо. — Левее качай. Левее, говорю!

— Отстань, — сказал Минц.

Удалов ломал пальцы от желания участвовать в игре.

Стропилов глубоко вздохнул и насутился. Он понял, что и здесь ему помощи не дожидаться.

Прошло еще полчаса. Профессор Минц уже был близок к завершению игры, но в этот момент Удалов не выдержал, вырвал у него шарик и принялся покачивать его, закрывая от прочих спиной.

Минц потряс головой, словно пытаясь избавиться от воды, попавшей в уши, потом неуверенно улыбнулся и сказал:

— Кажется, я увлекся.

— Знал бы я, — сказал Стропилов печально, — принес бы вам десяток. У них в общежитии этих шариков целая коробка.

— Но я не увлекся, — сказал Минц. — Разумный человек может устоять.

— А знаете, сколько времени прошло с тех пор, как я вам этот шарик всучил? — спросил Стропилов.

— Минута... может, две.

— Полчаса, — ответил Стропилов. Он не обвинял, не корил, он уже смирился с тем, что колбоксу не жить на свете.

Минц не сразу поверил в собственный промах. Но потом поглядел на часы и, как человек объективный, должен был признать, что не заметил, как пронеслось полчаса. И это его ужаснуло.

— Что плохо, — сказал между тем Стропилов, пытаясь отнять шарик у Удалова, — мои спортсмены не едят. Никто на обед не пошел.

Ему удалось пересилить Корнелия, и он спрятал шарик в карман.

— Эффект почти гипнотический, — сказал Минц. — Очень опасный эффект. А откуда эти шарики появились?

— Сам не представляю. Вчера их не было. Вчера мы гостей встречали, они обыкновенные были, перчатки примеряли, площадку изучали. Цветы от пионеров принимали. Все как положено.

— А утром исчезли?

— Утром исчезли. И все, кого я за ними посылал, тоже исчезли. То есть не совсем исчезли — сидят по комнатам, но для человечества они потерянные люди.

Удалов уже пришел в себя. Ему было стыдно.

— Я вам вот что скажу, товарищи, — заметил он. — Вчера по телевизору показывали первенство мира по кубику Рубика. Но шарик, скажу я вам, куда опаснее.

— И кому это нужно! — воскликнул Стропилов. — Кому это нужно!

— Вот именно, — подхватил Минц. — Об этом я и думаю. Хорошо, когда такие забавы возникают в мире капитализма. Там некоторым торговцам и магнатам выгодно, чтобы трудящиеся отвлекались от насущных проблем. Но кому это нужно в городе Великий Гусляр?

— Я сначала подумал на Мхитаряна, — сознался Стропилов.

— Это кто?

— Один человек. Он на межрайонном совещании заявил, что колбокс — его изобретение. Может, из зависти... а?

— Дайте сюда шарик.

Стропилов отдал шарик профессору. Удалов задрожал от желания отнять игрушку и убежать на чердак. И это было странно, так как Удалову уже исполнилось сорок восемь лет.

— Где же, позвольте вас спросить, — рассуждал Минц вслух, — ваш друг Мхитарян мог изготовить такой шарик? Он где обитает?

— В Потье.

— Это крупный индустриальный центр?

— Ну что вы, Лев Христофорович!

— Я пошутил. Всем ясно, что в Потье эти шарики не делают. Значит, будем искать дальше.

— Может, это... шпионы империализма? — спросил Удалов неуверенно.

— Конечно, колбокс — угроза серьезная, — сказал Минц. — Но вроде бы шпионов у нас в последние годы не бывало. Так, Удалов?

— Шпионов-то не бывало, — ответил Корнелий. — Но есть у меня одно подозрение.

Он подошел к открытому окну и громко, на весь двор, спросил:

— Эй, соседи, что подозрительного и необыкновенного случилось за последние дни в нашем городе?

Из различных окон выглянули головы соседей.

— Вроде ничего, — сказала Гаврилова.

— Золотых рыбок в зоомагазин привозили, — сказал Василь Васильевич, который по приказу супруги развешивал во дворе белье. — Они желания исполняли.

— Это давно, это в прошлом году, — отрезал Удалов. — Еще что было? Думайте, думайте!

— Крокодила в озере Копенгаген видели, — сказал кто-то.

— Крокодил нас сейчас не интересует.

— Вулкан на Грязнухе! — крикнул снизу Саша Грубин.

— Нет, не годится!

— Дядя Корнелий, — сказал подросток Гаврилов, выключая магнитофон. — Мне ребята говорили, что за слободой вчера утром космический корабль приземлился. Инопланетный.

— Тоже невидаль! — рассердилась мама подростка. — Корнелий же спрашивает: что необычайного? А ты — космический корабль. Да мало ли их у нас приземляется! На весь мир этим прославились.

— Вчера, говоришь? — спросил Удалов. — А пришельцы из него вылезали?

— Ребята видали. Говорят, один обыкновенный, на трех ногах, зеленый.

— Корнелий Иванович, — Минц крепко обнял Удалова. — Я преклоняюсь перед вашей логикой. Пошли немедленно.

— Куда? — не понял Стропилов.

— К космическому кораблю. Девяносто процентов за то, что шарики привезены к нам из космического пространства.

— Зачем же? — Стропилов все еще не мог понять. — Пришельцы, как известно, прилетают на Землю по поводу братской дружбы и обмена опытом. Зачем пришелец с какой-нибудь отдаленной звезды будет нам подсовывать шарики?

— А если он наивный? — спросил Удалов. — А если он думает, что он нас развлекает? Ты же знаешь, какие отсталые бывают гости из космоса...

И они все вчетвером отправились в лес за слободу, где мальчишки видели космический корабль.

Корабль стоял на полянке. Был он обыкновенный, в форме летающей тарелочки.

На стук из люка выглянул пришелец. Он был и в самом деле зеленым, худеньким, сутулым, на трех ногах. Что-то в его лице, скрытом за черными очками, было зловещее. Другими словами,

он отличался от прочих, мирных, добрых, по-братски настроенных пришельцев, которые чаще всего прилетали на Землю.

— Зачем побеспокоили? — спросил пришелец недружелюбно.

— Здравствуйте, как вам у нас нравится? — сказал в ответ Удалов, считавший, что независимо от обстоятельств следует проявлять вежливость к гостям.

— Пока не нравится, — сказал пришелец. — Надеюсь, скоро будет лучше.

Наступила пауза. Пели птички, в черных очках пришельца отражались кучевые облака.

— Зачем пожаловали? — спросил Удалов. — С культурными целями или просто из любопытства?

— Просто мы не летаем, — сказал пришелец. — Готовлю завоевание Земли.

Цинизм пришельца объяснялся, видимо, тем, что он ощущал себя высшим существом, а людей — туземцами.

Стропилов осознал это и потому решил обойтись без околичностей. Он достал из кармана переливающийся шарик и спросил:

— Это вы сюда привезли?

— Мой шарик, — признался пришелец.

— Зачем? — спросил Минц.

— Знаете и без меня, — ответил пришелец. — С целью покорения Земли.

— А ведомо ли вам, — рассердился Стропилов, — что вы сорвали межрайонные соревнования по колбоксу?

— Ведомо, — сказал пришелец.

— Но если вы готовите завоевание Земли, что само по себе аморально, — сказал Лев Христофорович, — зачем же вам было направлять первый удар против спортсменов-колбоксистов?

— Проще простого, — сказал пришелец, прыгивая на траву. — Для того чтобы подорвать боевой дух землян, мы должны в первую очередь ликвидировать их интерес к спорту, к подвижной многогранной физической деятельности. Нам нужны безвольные, малоподвижные, слабые духом и телом туземцы. В таких мы и хотим вас превратить.

— Так завоевывали бы просто, — заметил Удалов. — Честно. Мы бы сразились с вами один на один.

— Ничего не выйдет, — сказал пришелец. — Тогда вы наше вторжение наверняка отразите. А вот если в момент вторжения все жители Земли будут раскладывать кубики или вертеть в руках шарики, они просто не заметят завоевания.

— Это, простите, бесчеловечно! — воскликнул Удалов.

— Может быть, — согласился пришелец. — Но, во-первых, мы не люди, а во-вторых, если человечество так легко может поддаться

ся на нашу провокацию, то оно недостойно быть свободным. Соревнования колбоксистов мне показались идеальным полигоном для испытания нового способа нейтрализации человечества...

— Так, — произнес Минц, почесывая кончик носа. — Следует ли из всего вышесказанного сделать вывод, что история с перламутровым шариком не первая ваша попытка оболванить человечество?

— Не первая, — ответил пришелец, и зловещая улыбка растянула его тонкие синие губы.

— Например, кубик Рубика... — подсказал Минц.

— Правильно. Во сне гипнотическим путем мы подсказали такое решение венгерскому изобретателю. К сожалению, значительная часть населения вашей планеты не захотела крутить кубик. Тогда мы нашли новый наркотик такого рода. Считайте, что завоевание уже началось. Как только я доложу о нашем успехе, тысячи кораблей привезут сюда запасы шариков, и человечество спокойно вымрет. Люди перестанут пить, есть и размножаться. Они будут с утра до вечера крутить шарики...

— Я вас убью! — сказал тогда Стропилов.

— Я защищен силовым полем, — ответил пришелец. — К тому же на мое место придут другие. Встанут новые диверсанты.

— Мы сообщим в Москву! — сказал Удалов. — Вас выгонят с Земли.

— Попробуйте, — ответил пришелец. — Я знаю ваши обычаи. Приедет комиссия ученых, которая первым делом сделает вам выговор за то, что вы стоите на пути космического братства. Я же заявлю, что прилетел по программе культурного обмена, что я намерен внедрить на Земле новый вид спорта — шарик-тумарик — с целью организовать межзвездные соревнования...

— Какой же это спорт, если люди будут вымирать от него?

— Пока комиссия разберется, — цинично ответил пришелец, — она сама вся вымрет. Я ведь каждому члену комиссии в подарок дам по шарiku. У меня их на корабле около тысячи. Как только я погублю город Великий Гусляр, я займусь другими населенными пунктами, а также опубликую в журналах, как сделать этот шарик самому. Нет, простите, дорогие земляне, но вы обречены.

Стропилов вскочил, размахнулся и совершил поступок, совершенно неприемлемый с точки зрения космической дружбы. Он ударил своим кулачищем по лицу пришельца.

Ударил так, что разбил в кровь костяшки пальцев о силовое поле, которое даже не прогнулось.

— Кулаками делу не поможешь, — печально сказал профессор Минц.

— Не поможешь, — согласился Удалов. — Надо поднимать общественность.

— Поднимайте, — ответил пришелец. — Я всей общественности дам по шарiku — и нет общественности.

С этими словами пришелец поднялся, исчез в корабле, а через несколько секунд возник снова в люке и кинул на траву несколько переливающихся шариков.

— Берите, пользуйтесь! — сказал он, усмехаясь.

Удалов потянулся было к шарiku — уж очень он соблазнительно переливался. Но Минц схватил его за руку, а Стропилов подошел к шарикам и методично, один за другим раздавил их тяжелым башмаком. Шарик с треском лопался, и находившаяся в них неприятно пахнущая жидкость быстро впитывалась в землю.

— Безобразие! — кричал из люка пришелец. — Где же ваше хваленое русское гостеприимство? Вы не имеете права!

Никто ему не ответил. Люди понуро и подавленно побрели к городу.

Общезнание речного техникума, обиталище пятой колонны, было заперто. Изнутри не доносилось ни звука. Еще недавно от-важные и сильные колбоксисты таились по углам и, забыв о еде и отдыхе, крутили шарик-тумарики.

— Это хуже алкоголя и наркотиков, — сказал Удалов.

— А за руку его не схватишь, — вздохнул профессор Минц.

— Это же зараза!

— Докажи, что зараза. Игрушка. Понимаешь, нам подарили игрушку.

— Товарищи, мы не можем опускать руки. Гибнут спортсмены. Славные ребята! — воскликнул Стропилов.

— Не знаю, просто не представляю. Очевидно, это первый случай в моей жизни, которому я не нашел противоядия, — вздохнул Минц.

— Тогда последний, — сказал Удалов. — Боюсь, что вам, Лев Христофорович, нового не представится, потому что человеческая цивилизация погибнет.

— Но возможны компромиссы, — сказал профессор. — В определенном смысле этот пришелец — цивилизованное существо. Значит, можно договориться...

— Договориться можно и с крокодилом, — сказал Стропилов. — Но сначала он вас скушает.

На этом и расстались.

Удалов не стал рассказывать о страшных событиях своей супруге — пожалел ее. Если настанет тяжкая година, Ксюша все равно узнает. Он был грустен, погладил по голове сына Максимку, а

когда тот, почувствовав в отце слабость, попросил купить двухколесный велосипед, тихо сказал:

— Не быть тебе, сынок, спортсменом.

Ночью Удалов не спал. Думал, искал пути. Путь не было. Даже если удастся как-то выгнать пришельца, то он перелетит в другое место и продолжит свое черное дело. Или опубликует в популярном журнале статью «Сделай сам!». Люди слабы и любопытны.

Часов в пять утра он услышал за стеной шаги: профессор тоже не спал. Робкая надежда посетила Удалова. Может, Минц что-нибудь придумал? Тогда Великий Гусляр и человечество спасены.

В абсолютной тишине Удалов услышал, как дверь в соседнюю квартиру открывается.

Удалов быстро спустил ноги с кровати, побежал на цыпочках к двери, отворил ее и выглянул в щель. Он увидел спину профессора. Что-то заставило Удалова промолчать. Он всей кожей ощутил, что Минц не хочет, чтобы его окликали.

Удалов вернулся в комнату, сунул ноги в ботинки и как есть, в пижаме выбежал во двор. Минц уже был на улице. Он шел крадучись, что-то зловещее ощущалось в его походке. Минц пошел к лесу.

Раза два он останавливался, оглядывался, прислушивался, но Удалов успевал отпрыгнуть в глухую тень заборов.

Небо уже начало голубеть, на опушке леса запела первая птица, но под деревьями было еще совсем темно. Роса промочила пижамные штаны почти до колен, ботинки промокли и хлопали. Удалов старался не чертыхаться, когда ударялся о торчащий корень или когда по лицу стегала еловая ветка.

Поляна, на которой находился корабль, была покрыта туманом. Минц постучался в люк корабля. Удалов замер в кустах. Трудно передать чувства, владевшие им. Всегда горько разочаровываться в людях. В друге — горько стократ.

Удары минцевского кулака далеко разносились по лесу.

Люк медленно открылся.

Заспанный пришелец, прилаживая на нос темные очки, выглянул в щель.

— Чего надо? — спросил он сварливо.

— Доброе утро, — произнес Минц заискивающим голосом. — Простите, что я побеспокоил вас так рано. Но мне не хотелось, чтобы меня увидели.

— Почему? — нагло спросил пришелец, шире приоткрывая люк и шаря глазами по поляне, видно, в опасении подвоха.

— Потому, что настоящий ученый и цивилизованный человек должен уметь смиряться с неизбежным.

— Вам что, шарик дать? — спросил пришелец.

— Нет, — ответил Минц. — Я пришел вам помочь.

— Я не нуждаюсь в помощи. Я один справлюсь с вашей планетой.

— Я не сомневаюсь... — Удалову был отвратителен вид профессора Минца, трепещущего перед жалким диверсантом.

— Я не сомневаюсь, — промурлыкал Лев Христофорович. — Но есть возможность ускорить процесс покорения Земли.

«Сейчас я выйду и скажу ему: «Мерзавец! Предатель! Иуда!» — думал Удалов. Но здравый смысл уговаривал его остаться на месте.

Чем больше он услышит сейчас, тем лучше он будет подготовлен к последующей борьбе.

— Сомневаюсь, — сказал пришелец. — Какой из тебя толк? Сегодня ты предашь свою планету, завтра меня. Чего ты желаешь в обмен на помощь?

— Благодарности, — ответил Минц. — Нет, не сегодня, потом, когда Земля будет благополучно завоевана.

— Уж очень ты скор, — сказал пришелец.

— Я вам открою еще одну тайну, — быстро сказал Минц. — Я ученый. Мне нужна тишина для того, чтобы сосредоточиться. Я ненавижу шум и быстрое движение. Утром я включаю радио и слышу: «На зарядку становись!» Я выглядываю в окно и вижу, как с дикими криками молодые люди несутся по улице и называют это хулиганство эстафетой. Главная площадь запружена народом — все спешат на так называемый футбол... И тут еще это отвратительное изобретение Стропилова — колбокс! Представляете, насколько увеличится уровень шума и суеты в моем тихом городке?

Минц говорил страстно, голос его срывался, пришелец даже снял черные очки и внимательно пригляделся к гладкому большелобому лицу профессора. А Удалов думал: «Нет, вы только подумайте, какое лицемерие! Еще вчера он доказывал мне, что движение «бегом от инфаркта» — величайшее изобретение этого века. Не он ли на той неделе призывал к созданию секции моржей, предлагая соседям с наступлением зимы купаться в проруби? И вот, поглядите, какое гнусное перерождение!»

— В чем же твое предложение, ренегат? — спросил пришелец.

— Это тайна, — сказал Минц.

— Какие могут быть тайны от благодетеля?

— Мы должны договориться о гонораре.

— Ничтожный пораженец! — захохотал пришелец.

«Правильно охарактеризовал», — подумал Удалов.

— Ну что ж... — Минц повернулся и пошел прочь от корабля.

Пришелец смотрел ему вслед, ожидая, что тот обернется. Но Минц не оборачивался. Тогда пришелец крикнул:

— Ладно уж, заходи в корабль, посекретничаем!

Удалов только прицелился, чтобы перехватить Минца, но тот с неожиданной для его возраста и комплекции резвостью кинулся обратно к кораблю и исчез внутри.

Люк захлопнулся.

Было очень холодно и мокро. В носу свербело.

Удалов раздумывал, что делать дальше. То ли бежать звать Стропилова, то ли обратиться в милицию? Но что скажешь дежурному? Что уважаемый профессор Минц проданся инопланетным пришельцам, которые с помощью головоломок стараются отвратить население планеты от спорта и труда? Да и бежать сейчас в город — значит вообще упустить последний шанс. Минц может скрыться...

В этих тяжелых мыслях Удалов провел несколько минут. Может, полчаса. Он думал так напряженно, что не замечал течения времени.

Совсем рассвело. Птицы пели, и летали насекомые. Комары кусали Удалова за мокрые ноги.

Наконец он принял решение. Он надумал взять корабль штурмом.

Удалов уверенно подошел к кораблю. Остановился. Сейчас он скажет: «Выходи, подлый изменник. Ты разоблачен. Следуй за мной...» Вроде звучит убедительно. Злодеи должны будут испугаться. Правда, они могут и пристрелить разоблачителя. Но Удалов готов был даже и на это. Если его труп будет обнаружен возле корабля, милиция выполнит свой долг, и заговорщикам несдобровать.

Удалов прислушался. Внутри корабля было тихо.

Удалов поднял кулак, размахнулся, потом сообразил, что он не дикарь, потому удержался и осторожно постучал в люк костяшками пальцев.

Никакого ответа.

Удалов еще раз постучал, громче.

Никакого ответа.

Тогда Удалов бухнул кулаком по люку так, что корабль содрогнулся и котельный гул покатился по лесу.

Люк распахнулся. В люке возник Минц.

— Выходи, подлый изменник! — воскликнул Удалов. — Ты разоблачен!

— Тиш-ш-ше! — Минц прижал палец к губам. — Не отвлекай.

— Следуй за мной! — сказал Удалов.

— Одну минутку, — сказал тогда Минц. — Я иду. Не шуми, весь город перебудит.

С этими словами Минц вновь исчез в корабле и, пока Удалов

раздумывал, что ему делать дальше, вытащил к люку большой металлический контейнер и высыпал из него на мокрую траву тысячи шариков.

— Топчи, — сказал он. — Я тебе сейчас помогу.

Минц спрыгнул на землю, закрыл за собой люк и принялся топтать шары, которые лопались с легким треском.

— Ты чего, — спросил Удалов, топча шары и поглядывая с опаской на закрытый люк, — не боишься?

— Чего бояться? — спросил Минц, топча шары. — Борьба есть борьба.

— Сначала нас продал, потом его продал, а потом что?

— О военной хитрости слыхал когда-нибудь? — спросил Минц.

— Что-то я не видел военной хитрости в твоём поведении, Христофорыч.

— А чего же видел?

— Трусость, низкую подлость. Желание поторговаться.

— Видишь, как хорошо я сыграл роль. Даже ты не догадался. Значит, хитрость удалась. Ну ладно, вроде все шарики потоптали. Пошли домой, ты уже носом шмыгаешь. Не хватало еще, чтобы ты простудился.

Удалов вынужден был признать, что Лев Христофорович прав. Они пошли домой.

Встало солнце. Парило, но было еще прохладно.

— А как он хватится? — спросил Удалов, которому хотелось верить в то, что профессор не предатель.

— Надеюсь, не хватится, — сказал Минц.

— Так расскажи же!

— Все гениальное просто. Нужна наблюдательность и острый, ясный ум. Такой, как у меня.

— Короче, Христофорыч!

— Куда уж короче. В общем, я при первой же встрече обнаружил, что пришелец — существо хилое, незакаленное. Сплошной сидячий образ жизни.

— Допускаю, — сказал Удалов. — И что же?

— Чего мы больше всего боимся? — задал Минц риторический вопрос. — Каждый на этот счет имеет свою точку зрения.

— Правильно, — сказал Удалов.

— Допустим, ты боишься кошек.

— Я пауков боюсь.

— И если ты боишься пауков, ты думаешь, что все должны бояться пауков.

— Нет, я так не думаю.

— Не перебивай, я упрощаю. Я хочу сказать, что мы всегда

стараясь подсознательно или сознательно навязать окружающим свои проблемы. Я подумал, почему они нам предложили головоломку, да еще не одну, а с упорством, достойным лучшего применения, все время подсовывают нам то кубики, то шарики. Не оттого ли, что сами подвержены такой болезни?

— Ты думаешь, они сами...

— Только гипотеза, мой друг, только гипотеза. Но подумай, есть враждебная агрессивная инопланетная цивилизация. Хочет она покорить Землю. Другая бы цивилизация избрала для этого каких-нибудь микробов или лучи смерти. А эта — головоломки. Моя гипотеза потребовала проверки.

— Какой?

— Экспериментальной. Я нашел оружие против пришельца, но, для того чтобы его испытать, я должен был втереться к нему в доверие. А для этого мне нужно было проникнуть на корабль. В качестве кого?

— В качестве ренегата, — сказал Удалов.

— Правильно, мой друг. Как только придешь домой, немедленно переоденься.

— Дальше, Лев Христофорович!

— А дальше что? Дальше надо будить Стропилова, брать штурмом общежитие речного техникума и уничтожить те шарики, что еще находятся в руках неопытных и доверчивых спортсменов.

— Что за оружие? Скажи.

— Скажу, обязательно скажу. В свое время. Когда победим.

Тут начались первые дома города, на Удалова напал необоримый приступ насморка, и он страдал от него так, что даже в штурме речного техникума принимал лишь пассивное участие.

Минц выбрал для штурма раннее утро по двум причинам. Во-первых, город еще спал и не будет любопытных; во-вторых, большинство обессиленных спортсменов дремало, не выпуская из рук шариков.

Высадили дверь. Сломали вялое сопротивление тех, кто так и не заснул, уничтожили заразу. Потом Стропилов принялся кормить подростков глюкозой и отпаивать сливками.

Соревнования пришлось отложить на три дня, но тем не менее они прошли успешно. При большом стечении народа команды — по двадцать колбоксистов с каждой стороны — сходились, размахивая перчатками. Играли оркестры. Гуслирцы, конечно, победили.

И лишь после окончания соревнований Минц согласился открыть последнюю страницу тайны. Он пригласил Стропилова и Удалова посетить поляну с кораблем.

На поляне было тихо. Люк был закрыт.

Минц первым вошел в корабль, потом позвал друзей.

В кабине корабля пахло пылью и запустением. Пришелец сидел, уронив голову на стол. Вокруг были разбросаны игральные карты.

Минц пощупал у него пульс и сказал:

— Наш враг обессилел.

После этого он подошел к приборам, пощелкал выключателями и нажал на соответствующие кнопки. Приготовил корабль к автоматическому взлету.

Они вышли на поляну.

Корабль стал медленно подниматься в небо.

— Что это было? — спросил Удалов, хотя уже знал ответ на вопрос.

— Пасьянс моей бабушки, — сказал Минц. — Она — единственная на Земле, у кого он складывался. Бабушка потратила на это шестьдесят лет. Я, при всей моей гениальности, решить его не смог. Я предложил его пришельцу как дополнительное средство одурманивания человечества, но умолчал о том, насколько сложно решить задачу. Через три минуты после моего прихода он уже не видел ничего, кроме пасьянса. И, видно, болезненный, не отрываясь от него последующие четыре дня.

— А если он вернется? — спросил Удалов.

— Ну, во-первых, он, как только отоспится, снова примется за пасьянс. Хорошо еще, если долетит живым до своей планеты. Думаю, при желании мы могли бы теперь взять их голыми руками.

Они посмотрели в небо. Небо было чистым.

— Пускай только попробуют вернуться, — сказал мрачно Стропилов. — Я ему такую шахматную задачку подготворю, что вся их армия не разгадает.

ВАС МНОГО — Я ОДНА...

По сути своей эта история забавна — в такие обычно и попадает Корнелий Иванович Удалов. Но для действующих лиц она смешной не показалась...

Смирясь со своей участью, Удалов все же считал, что стыдно и обидно помирать в такой тесной и маленькой камере смертников, какой ему казалась спасательная капсула. А капсула эта уже выработала свой ресурс и намеревалась отключить систему жизнеобеспечения, о чем откровенно сообщила искалеченному Удалову. Однако тот не услышал угрозы, так как впал в беспамятство. Потом он спохватился и попросил капсулу отложить казнь, потому что не успел завершить некоторые ценные мысли, касав-

шиеся жизни города Великий Гусляр. Словно додумав, он мог зафиксировать их на золотых скрижалях в память потомкам... Затем Удалов вновь потерял сознание, что неудивительно. А пока он находился в забытии, капсула, к собственному удивлению, зафиксировала материальный объект, который вдруг очутился в пределах ее досягаемости. Оказалось, что он не только реален, но и снабжен сигнальной системой, которая сообщала: «Добро пожаловать. Мы поможем». Капсула сообщила Удалову, которому и дела уже не было до сигналов, что происхождение объекта неизвестно, конструкция полая, внутри положительная температура...

Из последних сил капсула долетела до объекта и отключилась. Но прежде чем ей пришлось рассыпаться, она сумела передать погибающего Удалова длинным манипулятором встреченного объекта. Манипуляторы бережно перенесли Удалова внутрь. Капсула взорвалась безопасным, но ярким фонтаном титановых искр. Объект, который мы будем далее называть Избушкой, продолжил свой полет.

Удалов узнавал об Избушке постепенно, по мере того как выздоравливал, хотя, как утверждала сама Избушка, бывшая разумным кораблем, шансов на выздоровление у него не было. И это было не столько последствием катастрофы, постигшей лайнер «Окружность», сколько результатом длительного путешествия в спасательной капсуле, которая рассчитана лишь на перенос человеческого тела с погибшего корабля на какой-нибудь соседний.

Придя в себя, Удалов был несколько удручен стерильной чистотой и пустотой Избушки. Серебристые, матовые стены были лишены украшений, светильники были круглыми, мебель почти отсутствовала, а если надо, то выдвигалась из стен или пола, там же пропадала за ненадобностью. Еда, хотя Удалов далеко не сразу почувствовал в ней потребность, возникала в углублениях стола, а сами углубления появлялись как раз перед обедом. Впрочем, Удалов, когда стал передвигаться, освоил лишь центральную, главную комнату Избушки, двери в остальные помещения не открывались.

— Почему? — спросил Корнелий Иванович.

— Вам туда не нужно, — ответила Избушка.

Голос у нее был негромкий, увесистый и солидный — учительский, но звучал он не снаружи, а внутри удаловской головы.

— Я горжусь вами, — сказала как-то Избушка. — В моей практике еще не встречалось такого сложного, безнадежного случая. Поздравляю вас, Корнелий Иванович.

— А шрамов не останется?

— Смешной вопрос, — заметила Избушка. — Какое вам дело до шрамов, если вам давно уже пора на пенсию.

— Вы не представляете, — улыбнулся Удалов, — какой скандал мне закатит Ксения, когда увидит неучтенные шрамы.

— Ах, как это смешно! — засмеялась Избушка. — Она их считает?

— Не сами шрамы интересуют Ксению, а личность, которая их мне нанесла.

— Я могу вам дать справку, — сказала Избушка.

Они летели к Бете Кита, возле которой Удалову можно было пересечь на рейсовый корабль, идущий к Солнечной системе.

— А вы не можете свет немного прибавить? — сказал Удалов. — Живем в полумраке, даже зеркала нет.

— Такого слова в словаре не имеется, — сказала Избушка.

Разумеется, зеркала самой Избушке не нужны. Но на ней же бывают пассажиры!

— Пассажиры бывают редко, — призналась Избушка. — Нас раскидали по космическим трассам несколько лет назад, но спасти некого. Потому что почти всегда при космических крушениях никого не остается в живых. Спасти же человека и еще вернуть его в приемлемое состояние — замечательная тема для диссертации.

— Ах, вы еще и диссертации пишете! — воскликнул Удалов, которого начало тяготить пребывание в утробе. Выздоровливая, он обнаружил, что принципиальной разницы между спасательной капсулой и Избушкой нет, к тому же капсула была родная, земная, хоть и умственно неполноценная. А здесь ты сидишь в утробе вполне сознательного существа, а психология его — космически чуждая!

— Я ишу аналоги в вашей лексике, — ответила Избушка. — Для того чтобы спасти попавшего ко мне человека, я должна в совершенстве изучить его язык. Так что, пока вы были еще в бессознательном состоянии, я проникла к вам в мозг и изъела из него всю информацию.

— А не повредила?

— Наш лозунг — не навреди. Ассоциация домов спасения еще не покалечила ни одного пациента. Впрочем, в вашем мозгу не обнаружилось ничего, достойного изучения или зависти.

— Обидно, — признался Удалов. Хотя хвала или хула Избушки его мало трогала. У них здесь совсем другие правила жизни.

Ему хотелось почитать или, по крайней мере, посмотреть телевизор. Ему желательно было попробовать нормальной пищи, картошечки, например, а не сиропов неясного вкуса или протертых медуз в башлыке из цветной капусты, которая вовсе не капуста, а гребешок пахотки восковой... Ему хотелось снять наконец липу-

чие перчатки оттенка лягушачьего живота, которые защищали от вредных воздействий недавно восстановленную кожу.

— Хотите, я усыплю вас? — спросила Избушка. — Чтобы путешествие к родным пенатам не казалось вам таким долгим и утомительным.

— Не исключено, — отвечал Удалов. — Гуманизм ваш просто трогает до слез...

— К сожалению, не все в моих силах, — отвечала Избушка. — Ведь я в первую очередь дом, я место, куда стремится каждый человек, и лишь затем я целитель, утешитель и искатель смысла жизни.

— Тогда я посплю, пока не доберемся до Беты Кита, — согласился Удалов.

— А я тем временем завершу терапию, — сказала Избушка.

— А вам не бывает скучно? — спросил Удалов.

— Как можно скучать, если ты на работе? — удивилась Избушка. — Ведь я буду занята. Надо привести ваше тело в точное соответствие со стандартами красоты и здоровья.

И Удалов заснул. И спал, пока они не приблизились к нужной звезде...

Удалов очнулся от ощущения счастья, которое бывает, если ваше тело абсолютно здорово и молодо и ни одна, даже мелкая болезнь его еще не коснулась. Такого с Удаловым не было уже лет двадцать.

Свет в Избушке горел ярче, чем обычно. В стенах каюты образовались иллюминаторы, за которыми поблескивали звезды, а это означало, что скорость Избушки снизилась настолько, что можно пользоваться невооруженным глазом. Что Удалов и сделал, принявшись любоваться видами цивилизованных миров. Потом собрался привести себя в порядок перед посадкой, вычистить восстановленные зубы, причесаться, помыться, побриться... Ничего подобного он не сделал. Потому что в туалете, над умывальником висело зеркало. Лгал, оказывается, домик! И ясно почему.

Удалов себя не узнал, потому что на него глазело существо... отдаленно похожее на человека, может, даже разумное, но, конечно же, таких на Земле не водилось. Начнем с того, что лицо и руки Удалова были покрыты не кожей, а голубоватой чешуей, глаза были подобны стрекозиным, над голой головой возвышался роговой гребень, вместо носа была дырка, а рот был подобен отверстию в почтовом ящике. Кстати, пальцев было шесть. На правой руке. Четыре — на левой...

Наверное, можно было бы увидеть еще немало любопытного, но Удалов так завопил, так забил синим хвостом, что непрочное зеркало лопнуло и осыпалось на пол крупными льдинками.

— Что случилось? — лицемерным голосом спросила Избушка. — Вы чем-то смущены? — Удалов безуспешно пытался содрать с себя чешую. — У меня не было выхода, — сказала Избушка.

— Почему ты не сказала! Лучше смерть, чем этот маскарад!

— Постыдитесь, спасенный! Смерть всегда хуже.

— Но за что?

— Валерьянка на столике справа от вас, — сказала Избушка, — там же стакан коньяка.

— Анестезия? — мрачно спросил Удалов.

— Как можно путать амнезию и анестезию! — упрекнул Удалова домик. — Коньяк подают для забвения.

Но Удалов все равно не мог прийти в себя, даже после приема стакана коньяка — ведь стакан-то он держал в голубой лапе, а вливал жидкость в почтовый ящик.

— За что? — тупо повторял он. — Как это могло случиться?

— Странно, что внешний вид, который настолько отличается к лучшему от вашего предыдущего облика, — сказала Избушка, — вас не устраивает. Видно, вы извращенец.

— Внешний вид? — разозлился Удалов. — Хуже, чем в зоопарке. Почему вы не могли мне оставить то, что было раньше?

— Там немного оставалось...

— Пускай немного... Но ведь осталось!

Стакан незаметно для Удалова вновь наполнился коньяком, но Корнелий Иванович отбросил выпивку в сторону и сказал:

— Голова должна быть незамутненной.

Этим он огорчил Избушку. Видно, ей было выгодней беседовать с пьяным Удаловым.

— Прошу объяснений, — сказала голубое, покрытое чешуей существо ростом по пояс нормальному человеку. — Иначе я вас по судам затаскаю. Вы проклянете тот день, компрачкосы, когда подняли руку на земного представителя! Знаете ли вы, что в случае угрозы любому землянину вся наша планета от мала до велика встает на его защиту?

— Послушайте, не горячитесь, — сказала Избушка. — Уже много лет назад правительство Варанелецкой федерации разослало в разные концы нашего сектора Галактики Избушки вроде меня. В случае если кто-то из варанелцев потерпит бедствие или попадет в беду — мы ждем, мы готовы, мы всегда окажем помощь.

— Но я же не ваш... варанелец!

— Этого я не знала. И мои конструкторы этого предусмотреть не могли. Известно ли вам, уважаемый Корнелий Иванович, что в нашей Галактике насчитывается чуть больше шести тысяч раз-

личных цивилизаций? И почти все их представители устроены различно. Что нам делать?

— Что делать? — повторил вопрос Удалов. Он не знал, что делать.

— Я дом. Моя функция — защита и спасение. Я не могу никому отказать в помощи, — продолжала Избушка. — Но как я могу помочь жидкому фаримстоуну или личинке прафутеля? Как, если про эту личинку известно только, что она — фукает? Фукающий прафутель! Это же неприлично! Учтите, Удалов, я никогда в жизни не видела землянина. Я не знала, где у землянина сердце — в груди или в правом бедре.

— Ну, скажете такое! Разумеется, в груди!

— Для меня это не разумелось. Для меня было совершенным открытием, что «квас» пишется слитно, а «к вам» — раздельно... Конечно, мы могли бы отказывать в помощи чуждым существам. Но тогда мы должны отказаться от слова «гуманизм», мы должны отказаться от слова «дом», «убежище», «избушка»... И мы говорили себе: попал к нам под крышу, мы вернем тебя к жизни. Но раз вас так много, а я, Избушка, одна, то по мере лечения я превращаю вас в чудесного, красивого варанелеца! И лечу уже не уродливого землянина, а представителя высшей расы...

— А почему бы теперь меня обратно не превратить в человека?

— Я дом! Я убежище. Я тебя спасла и сделала лучше, чем прежде, но я не представляю себе, каким ты был до катастрофы. Принцип любого дома: я сделаю тебя таким, чтобы тебе было приятно и уютно находиться внутри меня.

Это заявление, хоть и несло в себе претензии на философское обобщение, Удалова не удовлетворило. Он почуял в голосе Избушки некую отстраненность, словно дому, спасшему и выхотившему его, и дела не было до его дальнейшей судьбы. Хотя бы потому, что Избушка, воспитанная на фотографиях варанелецких кинозвезд, была уверена, что Удалов должен быть счастлив... Как Иван-дурак из русской сказки, прошедший кипящие воды и ставший царевичем.

— Кто поможет, кто поможет? — повторял уныло Удалов, уткнувшись чешуйчатой рожей в холодное стекло иллюминатора. А там, на полете к межпланетному космопорту, уже вспыхивали и таяли в черном небе огни реклам и бежали строчки новостей.

— Ваши врачи и помогут, — буркнула Избушка. — Мне грустно, что вы не осознали высокую абстракцию моих тезисов: настоящий дом призван не только сохранять и беречь человека, но и совершенствовать его, улучшать...

Тут Избушка качнулась, ударившись о причал. Путешествие

закончилось. Удалов был тих и задумчив. Он послушно написал благодарственные слова в Книге отзывов, жалоб и предложений Избушки, оставил адрес районного Сбербанка на случай возникновения имущественных проблем и, закутавшись в плащ, подаренный его спасителем и мучителем, пошел на пограничный контроль.

К счастью, при виде него трехметровые рогатые пограничники вытянулись по стойке «смирно» и хором сказали:

— Паспорта варанелцев принципиально не проверяем...

Из чего Удалов заключил, что принадлежит отныне к могущественной, но не очень приятной расе.

Из космопорта Удалов сразу кинулся в земное посольство. Свои поймут и помогут. Посольство располагалось на тихой, запыленной ранним снегом горбатой улице. Неба в этом районе не было видно из-за реклам. Когда он подошел к лестнице, ведущей к парадной двери, навстречу спускались два обыкновенных, милых на вид человека, из командированных. Земляне.

При виде Удалова они замедлили шаги, а тот, забыв о собственном облике, воскликнул:

— Привет, земляки!

Его возглас прозвучал невнятно и приглушенно, потому что речевой аппарат варанелца для наших звуков не приспособлен. Земляне замерли, а потом быстро побежали — так, чтобы между ними и чешуйчатым коротышкой оставалось не меньше двух метров.

Робот-швейцар распахнул дверь и склонился в поклоне:

— Добро пожаловать!

Внутри было прохладно и просторно. Скупое поблескивали мраморные полы и стены... Некогда это строение принадлежало местному князю Бору-Бару, который влюбился в нашу балеринку Настю и подарил особняк ей. Бору-Бару разорился и повесился, Настя решила вернуться домой, в деревню, к маме, но ей было сказано, что придется сделать дар родине — особняк. Может возникнуть вопрос: когда же это все было, если Удалов — наш с вами современник? Но ведь время движется по кривым, и от этого оно различно течет в разных местах космоса. Таким образом, оказалось, что посольство было укомплектовано торгпредами и стуками задолго до войны Веллингтона с Наполеоном. А на некоторых других планетах, может быть, думают, что Земля еще не покинула каменный век...

Удалов, имевший некоторый опыт путешествий между звезд, знаком с этим коварным обычаем времени и потому, несмотря на то, что он живет на рубеже XXI земного века, всегда ищет на чужих планетах земляков-дипломатов. Правда, говорят, в этом та-

ится и опасность для министерства. Ведь иногда бумагам приходится отлеживаться по сто лет, а иногда, наоборот, они оказываются безнадежно устаревшими еще до того, как их кто-нибудь умудрится прочесть или даже написать.

Удалов спросил у робота:

— Как пройти к консулу?

— К какому консулу, ваше благородие! — удивился робот. — Вас уже посол ожидает.

И на самом деле, посол бежал по коридору навстречу Удалову, застегивая на ходу синий мидовский мундир.

— Какое счастье! — воскликнул он. — Лично! К нам! Господин варанелец собственной персоной!

Удалову не понравился посол — перед кем заискивать захотел! Роняет достоинство нашей планеты. Поэтому он сказал прямо:

— Никакой я не варанелец, а жертва ихнего заговора. Под предлогом спасения моего тела они пошли на его подмену!

— Ах, не надо шутить, — ответил посол и, подхватив Удалова под мышку, повлек к себе в кабинет, где уже стол стоял, яствами накрыт.

— Да погодите вы! — сердился Удалов, чем все более ввергал посла в тревожное состояние. — Мне нужна клиника и материальная помощь.

— Ах, помощь! — Посол втащил в комнату свою элегантную, схожую с анакондой супругу, которая возвышалась над Корнелием, как Пизанская башня над землянкой. — Ах, помощь!..

Из-за пазухи мундира посол вытащил пачку кредиток. Не считая, протянул Удалову и спросил:

— Устроит?

— Спасибо.

Удалов положил деньги себе в карман и спросил:

— А что вы так суетитесь? Чем эти варанелцы вам страшны?

— Ах, оставьте ваши шутки, — сказала посольская анаконда. — Вся Галактика трепещет при одном упоминании о вашем имени, самые гордые выи склоняются униженно в поклонах, когда слышат о вашем приближении. Покоренные вами миры спешат принести вам дань — невинных девушек и белых быков, сартиний и минский фарфор... Любая девушка нашей несчастной небогатой Земли рада была бы провести хотя бы десять минут у ваших ног...

— Только не это! — Удалов принялся поднимать анаконду с пола, но в этом не преуспел, потому что анаконда подниматься не желала. Он сам в результате упал, деньги высыпались из кармана, а посол ни ему, ни жене не помогал, потому что был рад тому, что между ними установились какие-то связи.

Удалову так и не удалось доказать посланцам нашей планеты, что он скромный пенсионер из Великого Гусляра. Потому что посол с послницей глядели на него, а видели перед собой представителя самой лучшей, нахальной и агрессивной цивилизации во Вселенной, которая настолько запугала ближних и дальних соседей, что все были готовы сдать ей в плен, хотя варанелецы никого в плен не брали. Ну, хоть бы у него какой-нибудь документ был, с печатью!

Больше того, пришлось смириться с тем, что посол устроил обед. Ведь Удалов оказался первым варанелецем, посетившим земное посольство с неофициальным визитом. Неудивительно, что пригласили повара из ресторана «Только для чистых», и Удалов ел пышных крафний и соленых дрезит. Хорошо еще, что при перделке организма Избушка и пищеварительную систему сотворила как надо. Ихнюю.

По ходу обеда посол все пытался выяснить, будут нас завоевывать варанелецы или погодят. В конце концов Удалов сдался и пригрозил вскорости завоевать Землю.

— Ну вот, — взмахнула дрожащим пальчиком анаконда, — а вы притворялись каким-то Удаловым! Я сразу догадалась — ни один землянин не смог бы жрать эту отраву, которую вы уплетаете за обе щеки.

— Марфа! — возопил посол.

Но анаконда уже не слышала его.

— Я разговариваю с повелителем, — сказала она Удалову. — И это меня волнует.

После обеда анаконда пошла показывать Удалову место его отдыха.

Ему была выделена спальня для государственных персон. Анаконда пожелала разделить ложе с гостем — она ласкала его чешуйки, повизгивала и все пыталась, как и принято у анаконд, задущить Удалова в своих объятиях. Но варанелеца так просто не задущишь — шкура у них покрепче, чем у людей, так что анаконда только оцарапала себе руки о голубые щеки Удалова.

Когда сраженная своим поражением жена посла удалилась, а ее муж уселся писать отчет о достигнутой дипломатической победе, Удалов тихонько поднялся с кровати, сделал несколько шагов к двери и замер в ужасе.

Попался!

На него смотрело ужасное существо, хуже любой жабы или варана. К тому же голубое. И тут до Удалова дошло, что дверь попала зеркальная и он увидел в ней самого себя. Удалов принялся смеяться, а потом стал рассуждать, в какую сторону двигаться, чтобы снова не угодить в лапы единоплеменников.

Он шел на цыпочках. Навстречу ему попала миловидная девушка.

— Не бойтесь! — сказал негромко Удалов. — Я не кусаюсь...

Но девушка не дала ему возможности объяснить, что он стремится отыскать больницу, чтобы вернуться в первоначальный вид, потому что она негромко завопила:

— Керриу Фигер! О, Керриу Фигер!

Она протянула Удалову блокнот с гербом ООН на обложке и, открыв на чистой странице, прошептала:

— Автограф, короткий автограф и ни слова больше.

— Я не Керриу, — сказал Удалов.

— Мне лучше знать, кумир! — девушка была непреклонна. — Я собираю твой открытки!

— Ну с чего вы так решили? Я вообще не имею отношения к талантам, будучи человеком средним даже в масштабах моего родного города.

Девушка выскочила следом за Удаловым на темнеющую улицу.

— Где здесь больница? — спросил ее Удалов.

— Какая больница?

— Чтобы мне вернули свой облик.

— О, мой кумир! Твой облик — само совершенство.

— Да что вы все, с ума, что ли, посходили! Хожу как мымра си- незадая, а вы мне глупости говорите!

— Я не притворяюсь, господин моего сердца, повелитель моего взора! Вы и есть — идеал моей красоты. Как я мечтала бы обладать таким прекрасным телом!

Удалов прислонился к стене дома — такого он не мог пережить. Милая российская девчушка — ладная фигурка, серые глазки, русые косы — и хочет такого!

— Клянусь тебе, — прошептал Удалов, пока встревоженная девчушка из посольства помогала ему выпрямиться, искательно заглядывая в лягушачьи глазки, — клянусь, что я подобен тебе и даже превосхожу тебя ростом. Я жертва недоразумения и, может, даже преступления. Я мечтаю об одном — вернуться в мой город, в мой дом, в мою комнату, лечь на диван и посмотреть бразильский сериал про любовь.

— Ах, оставьте! — отмахнулась от него девчушка. — Вы меня не убедили. Не может быть на свете человека, который хотел бы носить оболочку, подобную моей. Фу! Какая безобразно тонкая и гладкая кожа меня покрывает!

И она показала Удалову тонкую изящную руку.

— Я бы хотел! Я бы желал поменяться!

— Но почему? Почему?

Девушка посадила Удалова на скамеечку, села рядом и поведе-

ла ему о своих бедах... Родителей она не знает, раннего детства не помнит... Ее обнаружили пятилетним ребенком в желтой кожаной сумке из украиновой кожи возле справочного бюро товарного терминала космопорта на планете Астергази. Если вы думаете, что девочку отдали на воспитание в семью или в детский дом, то ошибаетесь — последующие годы она провела в зоопарке. Причем на клетке была надпись: «Чудовище неизвестного вида. Не кормить, не дразнить. Возможно, плюется ядом». Это и понятно — аборигены Астергази похожи на комариков с размахом крыльев в полметра.

Девчушка озверела, одичала, в самом деле начала плевать ядом и, конечно же, не получила никакого образования. Так прошло лет десять, и тут зоопарк с Астергази отправил на Бету Кита передвижную выставку самых удивительных уродцев. И эту выставку посетила известная Удалову анаконда, жена земного посла.

— Ах, — воскликнула она, глядя на дикую девушку в клетке. — Это же человек! Как она попала в такие унижительные условия?

В тот же день между правительствами начался обмен нотами, чуть было не произошла война. Астергазийцы стояли на своем: «Чудовище, и все тут!» Земляне грозили: «Если хоть один волос упадет с головы нашей гражданки, вам несдобровать!» В результате девчушку освободили из клетки, и последующие годы она провела в посольстве, но ни ее родителей, ни места рождения найти не удалось. Так она жила, учила иностранные языки и хорошие манеры за столом, но тосковала. По непонятной причине. Никто, даже она сама, не мог понять причин ее тоски.

Она чувствовала себя чужой среди окруживших ее лаской и заботой землян, она собирала открытки с ящерицами и лягушками, а однажды ей попался старый журнал «Варанелецкие культурные новости». И, увидев портреты тамошних певцов и танцоров, девчушка просто зашлась от счастья. К удивлению и даже насмешкам всего посольства, девчушка заявила, что на самом деле она не землянка, а самая настоящая варанелецка, что ее подменили в детстве и вообще ей облик землянки отвратителен.

Но до последнего дня ни один варанелец не почтил своим визитом земное посольство, да и на планете они встречались крайне редко. Опасаясь грязи и микробов, столь свойственных низкоорганизованным мирам, они пронеслись над поверхностью планеты в своих аэрокарах и военных бульдолетах. И тут — родная душа! Пришел, голубчик! И отказывается от своего счастья!

Чем дальше Удалов слушал этот скорбный рассказ девчушки, тем более он проникался к ней сочувствием. Он понимал, что

столкнулся с родственной душой. Что горе у них общее и даже неизвестно, кому из них хуже.

Девушка тоже поверила Удалову, и они пошли дальше по улице, в чем-то сблизившиеся и почти родные, хоть она и была вдвое выше и втрое тоньше Корнелия Ивановича. Она решила проводить нового знакомого до больницы, хотя никакой реальной надежды на излечение Удалова у них не было. Вдруг Удалов остановился.

— Стой! — воскликнул он. — Есть идея. И ее можно опробовать.

— Какая идея?

— Бери такси, поехали в космопорт.

По дороге Удалов сообщил девчушке, что Избушка, его благодетель, спаситель и мучитель, возможно, еще не улетела. Она ведь говорила на прощание, что должна заправиться и получить медикаменты. А вдруг она еще здесь? Тогда с ней можно посоветоваться о судьбе несчастной девчушки...

И в самом деле Избушка стояла на летном поле. Люк был открыт. Избушка издали увидела Удалова и воскликнула на все летное поле:

— Чего вернулся, неблагодарный?

— Я привел человека, — ответил Удалов.

— Ну, давай, вводи внутрь меня и выкладывай, — сказал умный дом.

Они вошли, и девчушка сразу заявила:

— Я не человек. Я жертва, хотя не знаю чего.

— Садитесь, — предложила Избушка. — Сейчас я чайку вам сделаю.

Удалов поморщился — знал он эти варанелецкие чаи — век бы их не пробовать! Но когда он увидел, с каким наслаждением девчушка всасывает кислотоватую жидкость оттенка дряхлых водорослей, он окончательно убедился в том, что она не лжет.

Убедилась в том и Избушка.

— Рассказывай, дитя, — оказала она.

И девчушка повторила свой грустный рассказ.

Избушка перебивала девчушку навоящими вопросами, вздыхала...

Потом все они замолчали. Задумались. Удалов даже жалел, что пришел, — время так дорого, а он прохлаждается в чужой шкуре. Так она прирастет к нему навсегда! А как же дом, семья, Ксения? Кому он такой нужен?

— Не знаю, — сказала Избушка, — почему ты, существо по всем данным высшего порядка, варанелецкая особь, попала в земную шкуру? Не знаю. Наверное, в этом есть происки врагов. И пус-

кай ими занимаются компетентные органы. Но я должна сообщить вам, мои друзья, что если бы ко мне пришла девушка с просьбой вернуть ей прежний первоначальный облик, я бы ответила отказом. Удалову я тоже уже ответила отказом. Создание нового тела — ох какое сложное дело!.. Но, на ваше счастье, каждый из вас хочет получить то, что есть у другого. А это облегчает мне задачу. У меня уже есть два тела, и если бы вы согласились поменяться ими, то положительное решение в пределах моей компетенции...

— Конечно! — закричала девушка.

— Ни в коем случае! — твердо ответил Удалов, окинув взглядом девичье тело.

— Тогда пускай все остается как есть, — сказала Избушка.

Девчушка бросилась в ноги к Удалову и стала целовать его сильные шиколотки.

Избушка сказала:

— Я дом! Я спаситель, целитель и модификатор. Соглашайся, Удалов, может быть, на Земле тебе все же легче будет жить в девичьем теле. Пусть это будет моим последним благодеянием.

— Лучше, — сказала девушка, проявив завидную мудрость, — цапля в руках, чем воробей в небе.

Через шестнадцать часов из космической Избушки вышли те же два человека, что вошли в нее. Только внутри миловидной девушки заключался Корнелий Иванович Удалов. А внутри голубого ящероподобного варанелеца — девушка из посольства. Они попрощались у стойки космопорта. Каждый полетел в свою сторону.

Эта история имеет продолжение. Даже два. Оба драматические, но я оставляю возможность домыслить их воображению читателя.

Представьте себе, как Удалов в образе девушки входит к себе домой и говорит супруге Ксении: «А вот и я!»

И представьте себе, как космический корабль выгружает пассажирку в порту ее родной столицы, а у трапа идет сражение с применением стрелкового атомного оружия... Потому что девушка эта оказывается ни больше ни меньше как принцем Сказаль-Василием, законным претендентом на престол, которого много лет назад, превратив в земного ребенка, тайком вывезли с планеты враги и заговорщики...

А теперь принц Сказаль-Василий с лазерной шпагой в руке ведет своих сторонников на штурм дворца...

А Удалов прячется в туалете, чтобы Ксения его (то есть ее) не пришибла скалкой.

Такова жизнь...

ТУФЛИ ИЗ КОЖИ ИГУАНОДОНЫ

1. Время калечит

— Время не только лечит, но и калечит, — произнес Корнелий Иванович Удалов, пенсионер городского значения, глядя на подломившуюся ножку массивного стола во дворе дома № 16 по Пушкинской улице города Великий Гусляр.

Более полувека на памяти Корнелия Ивановича за этим столом сражались в домино жильцы дома. Стол казался вечным, как советская власть. Он только оседал под грузом лет.

И вот ножка подломилась.

А ведь давно уже не собираются за столом любители домино. Здесь пьют пиво. А ножка подломилась. Будто в знак протеста.

Вот в такой обстановке начинается третье тысячелетие.

Шел июнь, птиц стало меньше, а воробьев больше. Постаревший Удалов стоял посреди двора и не знал, куда ему деваться.

Обеда не намечалось, потому что Ксении позвонила Ираида из Гордома, которая по совместительству заведовала культурой, и вызвала ее с какой-то целью. Удалову не сказали, какая такая цель, его забыли, как старика Фирса.

По двору шел незнакомый кот наглого вида: хвост трубой, глаз подбит. При виде Удалова произнес «мяу», причем так фамильярно, что Корнелия Ивановича даже покорило.

— Мы с тобой водку не распивали, — строго сказал он коту.

Саша Грубин выглянул из окна на первом этаже и сказал:

— Минц мне сказал, что, по его расчетам, Земля проходит сквозь космическое облако, которое резко повышает интеллектуальный уровень всех живых существ, кроме человека.

— А почему человека не повышает?

— А мы уже на пределе, — ответил Грубин. — И не исключено, что профессор прав. Я порой чувствую, что мне уже некуда уметь.

— Это опасно, — заметил Удалов. — Они захотят взять над нами верх. И, может, даже поработить.

— Ну что ты думаешь так тревожно! — возразил Грубин. — Я не вижу ничего дурного в том, что кошки или собаки станут поумнее. С умным котом мне всегда легче договориться, чтобы он не кричал под окном.

— Умные люди не могут договориться, — сказал Удалов.

Во двор вошел молодой человек, Гаврилов, меломан без определенных занятий, несчастье его матери-одиночки. Она любила повторять: «Счастья было — одна ночь, и на всю жизнь я мать-одиночка».

Был Гаврилов навеселе.

Он нес сетку с батонами. Штук пять батонов.

За Гавриловым шагали три кошки.

Словно ждали, что он им отрежет по ломтю белого хлеба.

Завидев Удалова, Гаврилов усмехнулся мягкой физиономией и изобразил радость.

— Светлый день наступил! — заявил он.

— Насосался, — заметил Грубин.

— Попрошу без намеков, — сказал Гаврилов. — Жизнь подарила мне смысл. Сколько я тебе должен, дядя Корнелий?

Фамильярность не покорила Удалова — вся непутевая жизнь Гаврилова прошла у него на виду.

— Около семидесяти рублей, — ответил Корнелий Иванович. Он знал цифру долга, потому что не терял надежды когда-нибудь долг получить. И старался, чтобы сумма не перевалила за сто рублей. После ста долг становится безнадежным.

— Девяносто рублей, — сказал Гаврилов. — Я проценты добавлял. А теперь держи. Подставляй свои трудовые ладони.

Растерянный невероятной щедростью Гаврилова, который никому никогда еще не отдал долга, Удалов протянул сложенные лодочкой ладони. Гаврилов забрался свободной рукой в оттопыренный карман брюк и вытащил оттуда жмению стальных рублей. Высыпал деньги в ладони Удалову и произнес:

— Это еще не все, дядя Корнелий.

Он повторил жест. Монеты были тяжелыми, груз оттягивал руки.

— Не тяжело? — спросил Гаврилов.

От него разлило дорогим виски.

Икнув, Гаврилов пошел к себе.

— Пора работать, — загадочно произнес он. — Работодатели ждут в нетерпении.

Он побрел к своим дверям, кошки — на три шага сзади.

Удалов высыпал монеты на покосившийся стол.

— Явное противоречие, — заметил Грубин. — Он же не на перти стоял. Почему отдает не бумажками, а металлом?

Удалов принялся считать монеты, двигая их по столешнице.

— Ты заметил, что кошки зашли за ним в дверь? — спросил Грубин.

Он запустил костлявые пальцы в седеющую шевелюру. Он всегда так делает, когда думает. Говорит, что это помогает.

— Пятьдесят восемь, — сказал Удалов. — Я и на это не надеялся. У тебя пожевать чего-нибудь найдется?

— Пиво есть, — сказал Грубин. — Холодное.

— А чем закусываешь?

— Заходи, — предложил Грубин. — А где Ксения?

— Ее в гордом попросили. Какие-то женские дела, общественность.

— Что-то она с возрастом активной стала, — заметил Грубин.

Удалов зашел к нему, сел за стол, отодвинул неработающую модель вечного двигателя — у каждого из нас есть маленькие слабости!

— Экологией интересуется, — сказал о своей жене Удалов. — Живыми существами.

— Голубей и кошек она всегда подкармливала.

— Она и сейчас подкармливает. Ксения ведь только кажется суровой. У нее суровости на меня и хватает. К остальным она добрая.

Выпили пива.

— Хорошо, что теперь стоять за ним не надо, очередей нет, — сказал Удалов.

— А мне грустно, — ответил Грубин. — Может, немцу это и приятно, а для меня любая очередь была клубом и последними известиями. Какие отношения завязывались! Какая дружба! Какие конфликты. Это как коммуналка, в ней люди сближались.

— Ага, — согласился Удалов, которому пришлось много лет прожить в коммунальной квартире. — Особенно сближались утром в очереди в туалет. Или когда конфорки на плите делили.

— Нет, с тобой каши не сваришь, — сказал Грубин. — Ты видишь в прошлом только плохое. А это неверно. Ты многое забыл. Пионерские костры, утреннюю линейку, первомайскую демонстрацию...

— Самокритику на комсомольском собрании, очередь за вонючей колбасой...

Тут подошла очередь Грубина махнуть рукой.

Наша беда в том, что воспоминания, которые должны бы быть общими — ведь вместе прожили эту жизнь, — на самом деле совершенно разные. Хотя памяти и не прикажешь, организм желает различных милостей от прошлого. Одному запомнилось дурное, потому что хорошее досталось уже в наши дни, а другой высыпал из памяти под обрыв все неприятности и видит там, позади, лишь розовую лужайку в лиловеньких цветах.

— Ты мог бы хоть в мечтах попасть на Канарские острова? — кричал Удалов.

— А я ездил в Сочи по профсоюзной путевке за тридцать процентов!

— Четыре человека в палате, гуляш на обед...

Споря, Удалов увидел, как отворилось окно комнаты Гаврилова и оттуда выскочили две кошки. Они бежали странно, рядом, как лошади в упряжке, и что-то несли между собой, сжав это пушистыми боками.

— И что могло понадобиться честным кошкам от такого бездельника? — спросил Грубин.

— Он ничего не делает бескорыстно, — заметил Удалов.

— Может, зайдём, спросим?

— Сам расскажет. Со временем. Как протратится, придет заимать, тут мы его и спросим.

— Жизнь не перестает меня удивлять, — сказал Грубин. — Казалось бы, столько прожито и столько пережито. А ты пей, у меня еще пиво есть, целый ящик.

Из открытого окна комнаты Гаврилова доносилась нежная песня о любви. Пока что Гаврилов был богат и счастлив.

Тут Удалов не выдержал.

Он через весь двор — из окна в окно — крикнул:

— Гаврилов, ты на чем разбогател?

Гаврилов высунулся из окна. Он жевал. Держал в руке батон, а сам жевал.

Ответить Удалову он не смог. Рот был занят.

Потом отвернулся от окна и принялся заталкивать в рот батон. Странное поведение для молодого человека.

Не добившись ничего от Гаврилова, Удалов решил встретить Ксению.

Не то чтобы он тосковал без жены или сильно проголодался, но он не выносил нерешенных загадок.

Размышляя, Удалов вышел за ворота.

Атмосфера была душной, тяжелой, чреватой грозным ливнем.

На сердце было одиноко.

Поднялась пыль. Давно пора заасфальтировать Пушкинскую. В Голландии или Японии даже в последней деревне пластик на улицах, а нам перед Галактикой стыдно.

Мимо Удалова медленно и чинно проследовала в скромном «Запорожце» кубическая женщина Аня Бермудская в дорогой причёске, которая в парижских салонах именуется «Продолжай меня насиловать, шалун!».

Рядом с Аней сидел ее восьмидесятилетний поклонник Ю.К. Зритель с бокалом джин-тоника, который Аня употребляла на ходу.

Они ехали к центру. Видно, там чего-то плохо лежало.

2. Ведная Раиса Лаубазанц

На улице Советской, которую в свое время не переименовали, а теперь уж никогда не переименуют, у входа в бутик «Шахерезад» стояла Раиса Лаубазанц, в девичестве Райка Верижкина, с протянутой рукой.

— Граждане, — бормотала она, — подайте, кто сколько может, мне не хватает категорически двадцать две у. е. на приобретение сапог из кожи игуанодона. Большое спасибо, Ванда Казимировна, дай вам бог любовника неутомимого, ой, спасибочки, Корнелий Иванович, от вас я такого не ожидала, а ты, Гаврилов, можешь идти со своим железным рублем сам знаешь куда; гражданин Ложкин, не приставайте к женщинам со своими лекциями, своей жене давайте советы, где валенки приобретать...

Раисе оставалось набрать всего шесть долларов, когда возле нее тормознул чернооконый десятиместный вседорожник «Альфа-шерман-студебеккер», совместное производство, на котором разезжал Армен Лаубазанц с охраной. Под ним в Великом Гусляре — все химчистки.

— Только не проговорись Гамлету! — закричала, увидев родственника, Райка.

Армен зашипел на нее из вседорожника:

— Почему?

Армен никогда не вылезал из джипа, кушал в нем и спал, потому что не доверял никому, даже подругам.

— Ты же знаешь наше положение, — сказала Раиса.

— Надо было мне раньше сказать, — заметил Армен, — я бы тебе отстегнул.

— Не надо мне твоих грязных денег! — ответила Раиса. — У тебя проценты бесчеловечные. Не успеешь взять, на всю жизнь у тебя в кабале останешься.

— А разве моя кабала не греет?

Он давно подбирался к полногрудой жене младшего брата, но Раиса не продавалась.

Неожиданно хлынул июньский ливень, посыпался град, молнии прошли воздух, гром разорвал облака в клочья.

Армен захлопнул дверцу и умчался.

Над мокрой головой Раисы раскрылся голубой зонт.

Его держал в руке красивый черный Иван Иванов из Питера. Он служил агентом ФСБ по Вологодской области и расследовал убийство последнего игуанодона в зоопарке колумбийского города Картагена на реке Магдалина. Следы вели в Великий Гусляр, к мастерской по пошиву модельной обуви, принадлежавшей Армену Лаубазанцу.

— Спасибо, Иван Иванович, — сказала Раиса. — А то я бы простудилась.

Ливень бил по зонту так, что он прогибался, и дождевые струи рикошетом отскакивали в стену дома.

Иван Иванов был злобным и подлым человеком. Душа у него

была такая темная, что цвет ее проникал сквозь кожу, и многие принимали Иванова за негра.

— Называй меня Ваней, — сказал агент.

И тут случилось непоправимое.

Из старенького «Запорожца», в который был втиснут двигатель «Мерседес-700», вылезла похожая на бегемотика в черных кудряшках Аня Бермудская, директор сберкасс, живущая, по слухам, на зарплату. К ней даже детский сад водили на экскурсию по теме «Так жить можно».

Райка не обратила внимания на Бермудскую.

А зря.

Аня вошла в магазин, а за ней семенил ее покровитель Юлий К. Зритель.

Стоя под зонтиком Ивана Иванова, Раиса возобновила просьбы.

— Граждане, пожертвуйте мне несколько баксов. Нуждаюсь в вашей помощи. У меня муж ученый, в дерьме моченый, не может содержать молодую жену.

— Я могу принять участие, — прошептал негр Иванов.

— Обойдемся, — резко ответила Раиса.

И тут из бутика «Шахэрезад» вышла Аня Бермудская, неся в руках, без коробки, чтобы весь город мог наблюдать, пару туфель из кожи игуанодона.

Никогда вы не видели такого сказочного золотистого, чуть розоватого, переливающегося утренней дымкой цвета и подобной бархатистой фактуры. Раиса упала в обморок и, как спелая груша, угодила в жадные лапы негра Иванова.

Негр Иванов разрывался между любовью и долгом.

Любовь требовала, чтобы он тут же отнес к себе на явочную квартиру бесчувственную красавицу Райку, а долг призывал кинуть Раису как есть и бежать следом за Бермудской, чтобы конфисковать туфли из шкуры обитателя Красной книги.

— Не теряй времени, — прошептала бесчувственная Раиса, которая не скрывала своего презрения к мужчинам, самцам ублюдочным. Лишь в редчайших случаях она сама решала, кого из них допустить к своему телу, и мужчины могли утешать себя близостью с красивой молодой женщиной. — Не теряй времени, уноси меня, пока я без чувств, а Бермудскую мы с тобой достанем.

Может, она сказала эти слова, а может, произнесла их беззвучно, про себя, но Иван Иванов их почти не слышал. Он был оглушен стуком собственного сердца и пульсацией крови в ушах.

И он побежал по Советской улице, неся на руках Раису Лаубазанц.

Многие встречные наблюдатели и просто зеваки принялись звонить по сотовым Армену и Гамлету Лаубазанцам, чтобы те на-

вели порядок, но у Армена было занято, а Гамлет не отвечал, так как оголтело изобретал нечто совершенно невероятное. Раиса предпочла остаться без сознания, решив, что пускай судьба за нее все решает. Пришла в себя она только на явочной квартире Ивана Ивановича, под портретом Майка Тайсона, и принялась шептать:

— Ты — мой бык, а я — твоя Европа, понимаешь?

Иван не понимал. В школе он почти не учился, а перешел по оргнабору в училище.

В Иване Иванове начали скрестись добрые чувства любви к этой коварной аморальной женщине. Он долго наслаждался ею и после актов любви по наущению Раисы направил стопы к Ане Бермудской, чтобы конфисковать в пользу государства туфли из кожи игуанодона, но в последний момент Аня выбросила туфли в окно, под которым как раз пел серенаду Ю.К. Зритель. Зритель скрыл туфли под лестницей в детском садике, а Иван Иванов принялся допрашивать Аню Бермудскую. Аня тоже оказалась страстной женщиной, но местонахождения туфель не выдала.

В те дни над Иваном Ивановым постепенно сгушались мрачные тучи. Сам виноват.

Его ведь уже три года готовили на роль злобного диктатора-социалиста в Одной африканской республике. Ее название еще не было раскредитовано. Была разработана легенда, в которой фигурировала романтическая любовь под лестницей в Университете Лумумбы, истрачены колоссальные государственные средства на подъемные, подкупные и прочие целевые расходы. Целый институт вел досье на всех диктаторов Одной африканской страны. И вдруг выяснилось, что душа Иванова под влиянием нахлынувшей любви начинает светлеть и принимает нежный цвет, который влияет на цвет кожи. И применение ваксы для компенсации результатов не давало.

Вот что сделала с сотрудником простая гусярская женщина Раиса Лаубазанц.

Однако в период, который мы описываем, любовь только наревала, как опасный фурункул, и даже сам Иванов об этом не подозревал.

Он искал туфли и заговоры.

3. Маленький лорд Блянский

Ксения возвратилась домой через полчаса.

Накрапывал дождь, но она его не замечала. Вид у этой пожилой женщины был возвышенный и взволнованный, словно она шла с удачного свидания.

— Ты где гуляла? — строго спросил Удалов, который скрывался под навесом у ворот.

— Позировала, — ответила Ксения и прошла мимо мужа, как мимо фонарного столба.

— Как так «позировала»? — поразился Удалов. — Кому может быть интересна рожа твоего лица?

Он не хотел обидеть жену, но так уж вышло.

Ксения вздрогнула, как от удара кнутом, но не обернулась.

Она уже достигла двери в дом.

Корнелий метнулся за ней и закричал:

— Отвечай немедленно!.. Пожалуйста.

— А я не лицом позировала, — сказала Ксения, взявшись за ручку двери. — Я всем телом позировала. — И улыбка Джоконды проползла по ее лицу. — Всем моим обнаженным телом.

И тут же дверью — хлоп!

Чуть нос Удалову не прищемила.

А когда он пробился к себе в квартиру, Ксения не пожелала с ним объясняться.

Так что, побродив по комнатам и ничего не добившись, Удалов спустился к профессору Минцу.

К тому самому, который говорил: «Лучше быть первым парнем в Гусяре, чем третьим академиком в Москве».

Удалов его понимал.

Понимал он и величие его интеллекта, и его человеческие слабости. К примеру, он отлично знал, что Минц никогда не признает поражений.

По одной простой причине. Он их никогда не терпит.

В конце концов не мытьем, так катаньем Минц побеждает природу, человечество, неблагоприятные обстоятельства и даже, если повезет, Ксению, жену Удалова.

Но в случае с Васей Блянским Минц чуть не проиграл.

И сказал знаменательные слова:

— Если что — уйду на пенсию.

— А как же наука? — спросил Корнелий Удалов.

— Встанут новые бойцы, — туманно ответил Лев Христофорович.

Вернее всего, Минц имел в виду Гамлета Лаубазанца, который многого достиг и еще большего достигнет в будущем.

Но Минц был охвачен грустью.

Первое поражение за первые шестьдесят лет жизни!

И главное — кто выиграл? Вот именно ребенок, мальчишка, несмышленыш. Правда, Вася был не виноват, а виновата природа, которая создала уникального ребенка.

Способности Васи проявились далеко не сразу. Его жизнь бы-

ла схожа с жизнью маленького лорда Фаунтлероя. Помните, который до пяти лет не сказал ни слова. А потом вдруг за обедом на хорошем английском языке произнес: «Бифштекс недосолен». Все засуетились, понесли бифштекс на кухню, выпороли повара, а потом кто-то догадался спросить мальчика: «Почему ты молчал пять лет и вдруг сегодня заговорил?» — «Раньше бифштекс был посолен правильно».

Понимаете, на что я намекаю? На то, что любая ненормальность не кажется таковой, пока себя не проявит. Вода не течет под камень, но если вы сдвинете его хоть чуть-чуть, то она сразу потечет именно под лежащий камень.

Вася Блянский рос как положено, ходить начал, как все, зубки у него прорезались, как у остальных детей нашего городка.

Мама Васи, Тамара Блянская, которая растила сына без отца, Григория Блянского, оставившего ее ради одной шлюхи из Потьмы, мерзопакостной дрянни, работала экскурсоводом в музее и водила туристов по гусярским памятникам старины, которые большевики не успели взорвать. Порой она брала мальчика с собой, так как его не с кем было оставить. Бедность, безысходность...

Мальчик хотел помочь маме, но он был несмышленышем и фактически помочь ничем не мог.

Тамара отдала Васю в садик продленного дня, но на пятидневку отдавать не стала, потому что скучала без сынишки и ее однокомнатная квартира без сына казалась ей пустынной.

Тамара готовила скромную пищу, а Вася баловался с игрушками.

В последнее время он полюбил играть в оловянных солдатиков, которых теперь делают из пластика.

Бульончик был уже готов, Тамара накрыла стол на кухне и позвала мальчика:

— Вась!

Никакого ответа. Только слышно, как что-то пощелкивает, постукивает и даже позвякивает.

— Ну, что ты там закопался! — раздраженно воскликнула Тамарка. — Суп остывает.

На самом-то деле ее беспокоила не температура бульона, а шестнадцатая серия «Семейных трагедий» с актером Гуськовым — кумиром некоторых провинциальных женщин.

Серия начиналась через десять минут, а сына не так легко накормить, если ты спешишь.

Вновь не дождавшись ответа, Тамара прошла в комнату и увидела, что ее сынишка сидит, ничего не касаясь и даже не двигая ручками. Перед ним на полу расставлены игрушечные армии. Солдатики, как живые, движутся по полу, причем некоторые, самые отважные, выдвигаются вперед, другие отстают, норовят де-

зертровать и спрятаться под диваном. Отдельные части и подразделения совершают обходные маневры, другие попадают в окружение и гибнут, не сдаваясь в плен...

Но более всего Тамару взволновали выстрелы и даже взрывчики, которые раздавались на поле боя и рвали на части военнослужащих.

Тамара, женщина трезвая и земная, постояла, замерев от ужаса, минут шесть, пока не убили одного из знаменосцев, что вызвало панику во всей дивизии, и дивизия обратилась в бегство.

Мальчик встал, пошел к двери, забыв о драматическом сражении, рассеянно врзаясь в мамин живот и спросил:

— Обедать когда?

— Что же ты, бездельник, с игрушками делаешь? Пожар решил устроить, террорист? — строго спросила мать и хотела было шлепнуть ребенка, но спохватилась, что он вырос и шлепками его не перевоспитаешь. Пришлось достать из шкафа ремешок от синей юбки и выпороть сынишку как следует.

Мальчик не плакал, не просил пощады, потому что понимал, что растет без отца и должен слушаться маму.

Буквально на следующий день его пришлось пороть снова, потому что он набезобразничал во дворе.

Мать отпустила его поиграть в песочнице.

Там уже возилась Маруська из шестого подъезда и тихий татарский мальчик, имени которого никто не запомнил.

Маруську вы, может, знаете — вся в дедушку Ю.К. Зрителя, избалована до крайности. Унаследовала от дедушки страсть к блестящим металлическим вещам, в пять лет уже различает платину и палладий.

Дети играли, а тут у татарского мальчика пропал амулетик, маленький, блестящий, на тонкой цепочке. Произошло это потому, что цепочка невзначай порвалась и амулетик упал в песок. Был он золотой, как кирпичик, размером с ноготь взрослого мужчины, и на нем была вырезана львиная морда.

Тонкая ручка Маруськи мелькнула как молния, и амулетик под названием «пайцза», подаренный Чингисханом пращуру татарского мальчика, пропал с глаз — оказался надежно спрятан под сарафанчиком.

Татарский мальчик спохватился, но не был уверен, а только заподозрил Маруську и стал тыкать в нее пальцем и восклицать:

— Отдай, отдай, это семейная реликвия, она двери Сезама открывает!

А Маруська лишь хохотала, заливалась, как Шемаханская царица, даром ребенку пять лет!

— Отдай, — сказал Вася.

А Маруська заливалась еще сильнее.

Тогда Вася нахмурился, глядя на ребенка, и вдруг сарафанчик соскользнул с девочки и упал у ее ног, как подбитая птица. Следом за ним на песке оказались ее трусики, подобные убитой летучей мышке.

— Ах! — воскликнула Маруся.

Золотая пайцза тоже упала на песок, и татарский мальчик, как коршуненок, кинулся к реликвии.

— Ай! — завопила Маруська и побежала домой. Следом за ней из-под земли вырывались огоньки взрывов. Навстречу двигался дедушка Юлий Зритель, который зашел пообедать и вдруг видит — дитя, совершенно обнаженное, несется к дому.

Юлий подхватил ребенка на руки и спросил:

— Тебя обесчестили, дитя мое?

— Они мое золото отобрали!

— Кто тебя обесчестил?

Маруська показала на мальчиков, но татарский мальчик к этому моменту уже убежал, а вот Вася остался стоять с лопаткой в руке.

— Это он! — сказала Маруська, ловко соскочила с дедовских рук и побежала к песочнице, чтобы забрать свою одежду.

— Это ты сделал? — спросил Юлий К. Зритель.

— Она пайцзу Чингисхана украла, — ответил Вася.

— Ты срывал с девушки одежды? — Надо сказать, что Юлий К. Зритель был несколько смущен, потому что не ожидал, что насильник так молод. — Ты как ее раздел? — спросил Зритель.

— Захотел и раздел, — сказал мальчик.

Ю.К. рассмеялся — он еще не встречал таких наглых мальчиков.

— А ну, покажи, — попросил он добродушно.

Хотя знал заранее, что сейчас мальчишка будет разоблачен и он с наслаждением возьмет его за ухо, повернет ухо между пальцами и сделает мальчишке так больно, что тот завизжит на весь двор.

— Что показать?

— Раздень.

— Кого, дяденька?

И тут Зритель увидел Райку Лаубазанц, которая в тот момент в отвратительном настроении и состоянии смятенных чувств возвращалась от негра Иванова и думала о том, что жизнь не удалась, потому что туфли из кожи игуанодона достались Ане Бермудской.

Она заметила, что у песочницы стоит лысый Зритель, виновник всех ее несчастий, потому что именно он снабжал Аньку Бермудскую несправедливыми бабками, клейма на ней ставить негде, и по его наводке она купила заветные туфли, хотя Раиса пошла на

такие унижения, что трудно представить. Но ведь Раиса молодая и красивая, а кто эта Аня? Тумба непричесанная, попрыгунчик резиновый, и что в ней некоторые мужики находят?

А лысый Зритель смотрел на Раису взглядом городского козла и мечтал о ее теле.

— А ну, покажи, — приказал Ю.К. мальчику Васе. — А ну, покажи, как ты девочек обнажаешь, ты меня понял?

— Как не понять? — отозвался мальчик и нахмурился.

И в этот момент, прямо на ходу, легкое и недлинное платье соскочило с пышного Раискиного плеча и прислонилось к земле. А затем за платьем последовал бюстгальтер телесного цвета с блестками, кружевные трусики-невидимки и наконец колготки — последнее было совсем невероятно.

Раиска сразу догадалась, чья это грязная работа!

— Держи развратника! — завопила она по-кухонному.

И тут же осеклась, потому что ослепительно сияло солнышко, пели воробьи, бабушки гуляли с внучатами, а на фоне этого великолетия Раиса Лаубазанц стояла посреди двора абсолютно нагишом.

Ноги понесли Зрителя вперед, но Раису этот старый козел, конечно, не догнал, только успел полюбоваться ею с тыла. А Вася побежал домой, где и подвергся справедливому наказанию.

Мама выпорола Васю ремешком от синей юбки.

А потом посоветовалась с соседкой Мартой Ильиничной и повела его к доктору.

Но, конечно же, не в районную поликлинику, где отсидишь в очереди, а потом даже лекарств хороших не посоветуют, а к знакомому доктору, которого ей посоветовала Ксения Удалова, к профессору с ихнего двора, Льву Христофоровичу.

Тамара вымыла сыну уши — вдруг доктор туда заглянет, а там безобразие. Потом ногти подстригла, причесала, напугала ребенка до полусмерти, он уже чувствовал, что от доктора живыми не уходят.

В новых штанишках и начищенных ботинках Вася был похож на ребенка из хорошей семьи.

Льва Христофоровича предупредили, что приведут ребенка с редкой болезнью. Он, конечно же, не практиковал и не собирался этого делать, но соседи просят — разве откажешься посмотреть мальчишку?

Мальчик робел, мамаша краснела, потому что подозревала у своего малыша некую неприличную болезнь, с которой из нормальной поликлиники тут же отправят в какой-нибудь лепрозорий.

Конечно, Ксения Удалова была тут как тут. Всех подбадривала

и устраивала счастье, хотя толком не понимала, в чем провинился мальчик.

— Сделай чего-нибудь, — велела Тамара.

Сын робел, прятал взгляд и переминался с ножки на ножку. Не знал он за собой никаких прегрешений.

— И в чем же выражаются симптомы? — спросил Минц у матери.

— Он ее раздел... и в солдатики играл.

— Точнее.

— Вася, покажи дяде доктору, — взмолилась Тамара. — Покажи, как ты в солдатики играешь.

— Но тут нет солдатиков, — разумно ответил ребенок.

— Тогда раздень тетю Ксению.

— Нельзя, — сказал мальчик. — Такой скандал будет, ты не представляешь.

— Но ведь для доктора надо! Не стесняйся, Васенька!

Тон Тамары был таким лживым, что Ксения на всякий случай продвинулась к выходу из комнаты, а Минц быстро сказал:

— Может, сыграем в шахматы?

— Я не умею, — ответил мальчик.

— А мама с тетей Ксенией во дворе погуляют.

Такая мысль мальчику понравилась.

— Пускай погуляют, — сказал он.

Пока женщины, сопротивляясь, покидали дом Минца, тот вытащил из-под стола шахматную доску и принялся расставлять на ней фигуры.

Мальчик заинтересовался, потому что никогда раньше шахмат не видал.

— Это очень интересная игра, — сказал профессор Минц. — В нее еще в Древней Индии играли. Хочешь, расскажу тебе правила?

— А какие правила?

— Выигрывает тот, у которого фигуры остались, а у противника не осталось.

Как вы понимаете, Минц отлично играл в шахматы, на уровне кандидата в мастера, хотя нигде не учился. Мальчика он провоцировал на действия. А мальчику стало скучно.

Он фыркнул, как разозленный кот, махнул ручонкой, шахматные фигуры послушно упали и покатались с доски на пол.

— Ясно, — сказал Минц. — Суд удаляется на совещание.

— Куда-куда? — спросил мальчишка.

— Ты как это делаешь? — спросил Минц.

— Не знаю, — ответил Вася. — Так получается.

— Это очень любопытно.

— А мама меня ремешком стегает, — сказал мальчик. — Знаете, от синей юбки.

— Допускаю, — сказал Минц. — Людям трудно мириться с непонятным. А если непонятное рядом, они просто звереют.

— А мама звереет?

— Ты меня не слышал, — испугался Минц. — И я ничего подобного не произносил.

— А ты, дядя, смешной, — сказал мальчик.

— Конфету хочешь? — спросил Минц.

— Хочу.

— А коробку сможешь на расстоянии открыть?

— Нет проблем! — ответил Вася словами, услышанными с экрана телевизора.

Пока мальчик ел три конфеты, которые оставались в коробке, и радовался от убежденности в том, что здесь его бить не будут, Тамара подробно рассказывала о беде своего мальчика Ксении Удаловой, а Ю.К. Зритель метался по холостяцкой квартире, лихорадочно размышляя, как украсть мальчика и использовать его дар в корыстных целях.

Если до этого момента речь здесь шла о смешном курьезе, о мальчике, глазки которого обладали даром телепортации, то есть передвижения предметов, причем в изысканной форме — разве вы слышали где-нибудь о мальчонке, который может взором раздеть на улице женщину? — то с этого момента жизнь ребенка стала предметом интереса могучих и зловещих сил. Если вам последующие события покажутся забавными, значит, вы и сами дитя и жертва нашего общества, потерявшего ориентиры морали. И противостоять этим силам не смог даже великий профессор Минц.

Почти одновременно произошло вот что.

Зритель дозволился до Жоры-Китайчика, который давно уже искал подходы к квартире Беневоленского-Доливо.

Раиса Лаубазанц позвонила брату мужа Армену Лаубазанцу, который мечтал взять под контроль казино «Лев Толстой».

Но более всех переполошился один цыган Мыкола, который хотел дружить с чеченцем Магометовым, который не был чеченцем, но которому было выгоднее, чтобы все вокруг считали его чеченцем и немного опасались. А цыган Мыкола, который всюду совал свой перебитый нос, видел на дворе, как ребенок изгалался над Райкой Лаубазанц. А затем поговорил с татарским мальчиком.

Но главное — некий Иван Иванов черного цвета (к тому времени он еще не успел порозоветь, а продолжал делать черные дела) проводил внешнее наблюдение за квартирой Минца Л.Х., подзреваемого в связях с так называемым Нобелевским комитетом

за рубежом на предмет получения оттуда иудинных денег в сумме полумиллиона шведских крон под видом так называемой премии. Так вот, этот Иван Иванов понял, что с помощью мальчишки, которого увидел, подглядывая по долгу службы в окно к Минцу, он далеко пойдет в органах, только надо воздействовать на патристические чувства ребенка или на чувства его матери.

Все эти силы готовы были разорвать мальчика на части, потому что каждая желала утянуть его к себе и использовать в своих корыстных интересах.

Мальчик кушал конфеты и был счастлив.

А Минц думал, как излечить мальчика, так как понимал, что иначе его судьба будет ужасна.

Профессор Минц сказал Тамаре, матери Васи Блянского:

— У мальчика не болезнь, а свойство организма. В каких-то обстоятельствах благоприятное, а в каких-то тревожное. Пока он сам особенно не понимает своих способностей и не может их контролировать. И не только в нем самом кроется опасность, но и в тех силах, которые захотят его использовать.

Миловидная, но грубоватая характером и внешностью Тамара страдала в тот день насморком, но платок забыла дома. Она старалась не шмыгать носом, хотя хотелось сморкнуться в угол неприбранного профессорского кабинета. Поэтому она не могла придать должного значения словам Льва Христофоровича. Даже его заключительным фразам.

— Многое зависит, мамаша, от вас, — произнес он. — Главное — не поддаваться возможным соблазнам. Ведь вас, вероятно, будут соблазнять недобрые силы.

— Пусть попробуют, — бросила Тамара, не понимая, что силам от нее может понадобиться, кроме ее прекрасного тела.

— Чем я могу быть вам полезен? — задумчиво продолжал Минц, положив добрую мягкую ладонь на затылок доверчиво прижавшегося к нему мальчика. — Пожалуй, в моих возможностях спроектировать и с помощью моего соседа Грубина изготовить очки-фильтр. Фильтр желаний. Они не пропустят излучений из глаз Васеньки. Подумайте, хотите ли вы этого? Я бы вам настойчиво посоветовал.

— Значит, не заразный? — спросила Тамара.

Не надо представлять себе эту женщину умственно отсталой или глупой. Нет, просто она шла к доктору с конкретной внутренней задачей. Задача была выполнена, болезнь оказалась даже не болезнью.

— Будем делать очки? — спросил Минц, хотя внутренне он уже решил их изобрести, потому что, во-первых, изобретение эмоциональных очков было вызовом интеллекту ученого, а во-вто-

рых, мальчику надо было помочь, раз его мать не могла осознать опасности, что таила для него окружающая жизнь.

Выйдя на улицу, Тамара велела мальчику идти вперед, а сама на мгновение отвернулась к стенке дома, чтобы сморкнуться. Когда она снова поглядела вперед, то увидела, что рядом с Васенькой остановился БТР, раскрашенный под тигра. Люк в нем открылся, оттуда высунулась волосатая рука и втянула внутрь мальчика прежде, чем он успел пикнуть.

Если вы подумали, что это Жора-Китайчик собрался брать квартиру Беневоленского-Доливо, то вы ошиблись. Это был цыган Мыкола, мучимый желанием угодить Магометовым. А БТР он употреблял для развозки по точкам цыганок легкого поведения, гадалок и наперсточниц из Молдавии.

Тамара не успела и подумать, кто же похитил мальчика, как мощный удар отбросил ее с тротуара и ударил о ствол осины, растущей на обочине.

Это негр Иван Иванов, сотрудник органов, кинулся вслед машине, вытаскивая на бегу гранатомет.

Внутри БТРа цыган Мыкола гладил мальчика по головке и быстро говорил:

— Ты должен мне помочь, ты обязан, романо! Скажешь чеченцу, что я твой друг!

Мальчику стало страшно, потому что в боевой машине громыhalo, было душно, тесно и пахло гарью.

Но его плен продолжался недолго, потому что поперек улицы лежала баррикада, за которой залегли молодцы Жоры-Китайчика. Они открыли по БТРу беглый огонь. Очень уж был нужен Жоре молодой талант Блянского.

Сзади по БТРу пулял из гранатомета Иван Иванов.

Никто из них, кроме рыдавшей в отдалении Тамары, не понимал, какому риску они подвергают жизнь Васи.

Мальчику было страшно, он нахмурился, и люк боевой машины пехоты распахнулся на ходу.

Вася выпрыгнул из люка и побежал по улице к детскому саду. Ведь именно там он чувствовал себя в безопасности, там его кормили и устраивали ему «мертвый» час.

Порой гению так хочется спрятаться в толпе обыкновенных людей!

До детского сада мальчику добежать не удалось. Да и не знал он, куда бежать. Просто бежал и плакал. Если ему попадалось на пути препятствие, он его сметал взглядом, в том числе сдвинул с места грузовик, сломал забор и своротил афишную тумбу.

Следом за ним гнался вседорожник Армена Лаубазанца.

Армен кричал в матюгальник:

— Мальчик, конфетку хочешь? Мальчик, три коробки «Мишек в лесу» дам, если один небольшой сейф взломаешь! Четыре коробки! Шесть коробок!

Армену было невдомек, что мальчик не умеет считать, а конфеты «Мишки в лесу» были слишком дорогими для его мамы. Никогда их Вася не пробовал. А как нам желать того, что не пробовали?

Конечно, мальчику убежать не удалось, и охранники Армена схватили его, а затем на вседорожнике скрылись в пригороде Гусляра, в лесу, где за последние годы появился рассадник коттеджей. Коттедж — это загородная избушка, которая в нашей действительности принимает форму крепостного сооружения, имеющего генетические связи с оборонной архитектурой горной Сванетии — именно в таких коттеджах сваны испокон веков скрывались от турецких завоевателей и отстреливались из луков, пока не приходила помощь из Абхазии.

Как-то Корнелий Удалов, уже пенсионер, был приглашен прорабом на строительство такого краснокирпичного трехэтажного коттеджа и спросил у хозяина, нет ли у него особых пожеланий. «Есть, — ответил хозяин, — сделай мне подземный ход из сауны в лес».

В один из коттеджей Армен привез мальчика, чтобы дожидаться ночи. Мальчику дали гамбургер, привезенный из Вологды, поставили на видике мафиозную сказку «Тайна третьей планеты» и стали готовиться к налету на казино «Лев Толстой», которое не желало признавать крышу Лаубазанца.

А тем временем город бурлил. Вернее, в нем кипели страсти. Мальчика с неэффективной помощью милиции разыскивали по всем укромным углам, но только не там, где его можно было бы найти. Сами понимаете, у милиции свои интересы, она знает, с кем ссориться.

Мать Тамара металась по улицам в растрепанном виде, только Минц не покидал своего кабинета. С помощью друзей он готовил противоядие.

На город опустился мягкий июньский вечер, напоенный запахом сирени и липового меда.

Сонного Васю люди Армена Лаубазанца вынесли из коттеджа и уложили на сиденье вседорожника.

Подъехали к зданию казино, где прежде находилась детская библиотека.

— А ну, иди, — сказал Армен, — ломай сейф. Мальчики покажут.

Был Армен самоуверен, потому что считал себя первым в городке.

Он подтолкнул мальчика к дверце, но слишком сильно, маль-

чику стало больно. Мальчик Вася уже знал, что, если тебе делают больно, сделай еще большее обидчику.

Он обернулся, взглянул на Армена, и тот — чудо какое-то! — вылетел через окно наружу, весь оцарапался и сильно ушибся.

А мальчик вышел на улицу и хотел было пойти домой.

И тут подъехала черная машина «Волга» из городского управления ФСБ. Иван Иванов подхватил мальчика и сказал:

— Не беспокойся, маме мы компенсируем.

— Я хочу домой, — сказал мальчик.

— Домой нельзя, — ответил черный, как ночь, но местами розовеющий Иван Иванов. — Сейчас мы с тобой полетим в Москву. Ты должен будешь взять в посольстве США новый шифр. Ты меня понимаешь?

— Я домой хочу, — сказал мальчик.

— Поехали на аэродром, — приказал Иван Иванов шоферу.

— Не могу, — ответил шофер. — Препятствие.

И, посмотрев вперед, Иван Иванов увидел, что дорогу перегородила общественность, включая профессора Минца и Тамару Блянскую.

Он приказал гудеть, чтобы общественность ушла.

У нас времена демократические, и во всем должен быть порядок. Иван Иванов не мог давить общественность. Он высунулся из машины и стал уговаривать людей, объясняя свои поступки заботой о родине.

Тем временем мальчик, которому надоела бродячая жизнь, закричал:

— Дядя Лев Христофорович! Возьмите меня! Мы будем в шахматы играть.

— Вот именно, — смело ответил Минц и пошел к черной «Волге».

И наконец, вся эта история закончилась бы благополучно, если бы не темная тень, упавшая с неба.

Оттуда, от самых облаков, медленно опустился черный-черный вертолет. Из него вышли люди в черных костюмах и черных масках. С черными-черными автоматами и гранатометами в руках. Ботинки у них были черные-черные и начищенные до блеска.

Они выстроились в два ряда, а между ними к мальчику медленно подошел высокий мужчина с задумчивым лицом и длинной бородой. Одет он был в черный-черный халат, а на голове у него была белая-белая чалма.

— Здравствуй, мальчик, — сказал он.

Остальные замолкли, потому что испугались. Даже Иван Иванов оробел.

— Здравствуй, дядя, — сказал Вася.

— Правду ли говорят, что ты глазами можешь поджечь или взорвать что угодно?

— Да, — сказал мальчик. — Когда я играю в оловянных солдатиков, то я стреляю из оловянных пушек. Ба-бах — и нет солдатики!

— Очень хорошо, — сказал бородач. — Я хочу тебя проверить. Ты не возражаешь?

— Попробуем, — сказал малыш.

— Старик, — обернулся бородач к Удалову, — что у тебя в сумке?

— Картошка, — сказал Удалов.

— Кинь сумку вон туда.

— Зачем?

— Я не люблю повторять просьбы, — сказал бородач.

И Удалов понял, что бородач не повторяет просьб, а все люди в черном наставили на Удалова черные дула черных пистолетов и автоматов.

Удалов кинул сумку с картошкой в сторону.

— Взрывай! — приказал бородач.

Мальчик послушался бородача и нахмурился.

Раздался взрыв, не очень громкий и не очень яркий, но на месте сумки осталось черное пятно.

— Хорошо, — сказал бородач. — Отлично. Если в сумке будет тротил, страна дьявола содрогнется.

— Вах! — сказали люди в черном.

— Что ты хочешь, маленький джигит? — спросил бородач.

Мальчик прищурился.

Все на улице затаили дыхание. Мальчик был не по летам разумен.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик.

— Обычно меня называют Усама бен Ладен, — ответил бородач. — Но что в имени тебе моем?

— У меня нет отца, — сказал мальчик. — Наш папа Гриша нас бросил.

— Как нехорошо! А ну, позови своего папу, мы ему скажем, чтобы он тебя отныне не бросал.

— Но мне не нужен такой папа, — сказал мальчик. — Я хочу, чтобы ты стал моим папой.

Бородач бен Ладен начал смеяться. Он долго громко смеялся и так заразительно, что многие на улице, несмотря на ужас, тоже засмеялись.

— Зачем тебе такой папа? — спросил бен Ладен. — За мной охотятся все армии христианского мира.

— Ты настоящий мужчина, — сказал мальчик.

— Это правильно, — подтвердил бен Ладен.

— Я буду для тебя взрывать, что прикажешь, — сказал мальчик.

Бен Ладен задумался.

— Хорошо, ты будешь у нас сын бандформирования.

— Нет, — сказал мальчик, — сначала ты женишься на моей маме.

Бен Ладен взревел от негодования, а потом спохватился и спросил:

— Кто здесь мать этого джигита?

— Я. — Тамара, смущенная, грубовато красивая, сделала неслесный шаг вперед.

Бен Ладен оглядел ее и произнес:

— А что... мне нравится.

— Я не хочу! — сказала Тамара, но по знаку бен Ладена его черные люди напялили на Тамару черную одежду, накиннули черную-черную чадру и отнесли в вертолет.

— Теперь ты доволен? — спросил бен Ладен и добавил: — ...сынок.

— Полетели, — сказал малыш.

И тут из толпы вышел лысый толстый пожилой мужчина с семитской фамилией Минц, о чем бен Ладен, к счастью, не знал.

— Одну минутку, — сказал Минц. — Мальчик забыл дома очки. Они помогают ему видеть.

Минц подошел к Васеньке и надел на него очки, стекла которых испускали странное сияние. Профессор как следует застегнул ремешок на затылке ребенка.

Мальчик не возражал. Он полностью доверял профессору.

— Ну, полетели, — поторопил своих людей бен Ладен. — Нас ждут большие взрывы.

Минц смело подошел к террористу и прошептал ему на ухо несколько фраз.

Сначала бен Ладен было возмутился, потом кивнул. Подхватил на руки своего нового сына и исчез в вертолете.

Вертолет взмыл в воздух. Городок Великий Гусляр в ужасе наблюдал за его полетом.

— Гражданин Иванов, — сказал Минц, — террорист бен Ладен намерен совершить посадку у станции Пьяный Бор. Свяжитесь с вашими сотрудниками и попросите их вернуть мальчика с Тамарой.

— Как? В чем дело? Объяснись! — слышались крики.

Минц улыбнулся.

— Очень просто. В этих изобретенных мною очках Васенька становится самым обыкновенным ребенком, и очки, скажу вам, не снимутся до совершеннолетия. А бен Ладен у сказал, что Вася может взрывать только картошку. И предложил ему проверить

мальчика. А после проверки — пусть бен Ладен посадит свою новую жену и сына возле станции Пьяный Бор.

— И вы думаете, что он выполнит вашу просьбу?

— А почему бы и нет? Он ведь тоже сомневается...

Иван Иванов связался с постом ФСБ в Пьяном Бору. Он велел им следить за появлением черного вертолета, но ничего не предпринимать.

Через десять минут оттуда сообщили, что вертолет без опознавательных знаков опустился возле станции и оттуда высочил мальчик в очках.

— Должна быть женщина, — сказал Иван Иванов.

— Женщины нет, — сказал сотрудник из Пьяного Бора.

И тут послышался голос мальчика:

— Мама сказала, что немножко поживет с новым мужем Беником. Но я скучать не буду. Дядя Усама дал мне чековую книжку, чтобы я меньше скучал по маме и приемному папе. А пока я поживу у дяди Минца. Мы будем играть с ним в шахматы.

— Черт побери! — воскликнул Иван Иванов. — Ведь не сбьешь этот чертов вертолет, там русская гражданка на борту.

— Пускай его кто надо сбивает, — сказал Удалов.

— А ведь я мог Звездочку Героя получить, — тоскливо произнес Иван Иванов.

Тамара вернулась только через три месяца.

Она была довольна и в положении.

Эти три месяца стали трагикомедией профессора Минца. У него никогда не было детей. И уж тем более никогда не было извращенного вундеркинда, который научился подглядывать изпод очков.

Чего только он не переломал в доме и вокруг, кого только не настроил против профессора... Но все-таки терроризм потерял свое главное оружие.

4. Скелет в подвале

— Я так больше не могу, — взвыл Корнелий Удалов, когда уже в третий раз Ксения таинственным образом ушла из дома как раз перед обедом. Что, опять идти к Грубину, у которого только пиво на обед, или к Минцу, который угостит тебя овсянкой из пакетика, но не от жадности, а потому что сам не обращает внимания на то, что жует и переваривает его организм?

И голодный Удалов решил проследить, что за таинственная сила увлекает из дома его ленивую жену. Неужели она на старости лет все же решила наверстать беспечно прожитые (с точки зре-

ния романтики) годы и завела себе любовника? Но где найдешь чистого и порядочного любовника для пожилой женщины в таком небольшом городке?

А если соседи подсмотрят?

Весь Гусляр будет хохотать!

У Корнелия был ориентир. Он знал, что посредницей в этом темном деле выступает некая Ираида из гордома — влиятельная взяточница.

К ней в кабинет и направил Удалов свои стопы.

Перед кабинетом сидела секретарша со странным прозвищем Безделушка. Женщина грузная, в летах, цербер по призванию. Безделушка не верила, что у нее есть прозвище, так как полагала себя красавицей.

— Здравствуй, Эльвира, — сказал Удалов. — Моя жена не заходила?

— Вам к кому, гражданин? — спросила Безделушка, которая еще недели две назад на девяностолетии Ложкина уговаривала Корнелия написать воспоминания, которые в Москве произведут фурор.

— А мне, Эльвира, не к кому! — обиделся Удалов.

Он повернулся и пошел прочь.

Безделушка растерялась. Она ведь не на личной постели сидела, а за государственным столом. Разве можно задавать ей неофициальные вопросы? Нельзя.

— Постойте, гражданин! — закричала она вслед.

Удалов уже был у двери, и она крикнула еще громче:

— Да нет ее, нету! Христом богом клянусь, за реку уехала!

И кричала она так громко, что дверь в кабинет отворилась, оттуда высунулась Ираида Тихоновна, которая, конечно же, ни за какую реку и в жизни не собиралась, и спросила:

— Что за пожар? Ты нам творческую работу срываешь.

— Да ходят тут всякие, — сказала церберша.

— Вот и не шуми.

Удалов издали, с лестницы, крикнул:

— Ираида, признавайся, где моя жена! А то я не знаю, что с тобой сделаю.

Тут только Ираида угадала, кто пришел, и певучим голоском ответила:

— А ты, Корнюша, нам не грози, грозилки выцарапаю.

Из-под ее ног вышла кошка и облизнулась.

В голове Удалова сформировалось подозрение: почему-то все тайны, связанные с Ксенией, сопровождались кошками. Мало того, что Ксения всю жизнь с ними возится — то подберет котен-

ка, то пищу им носит, то к ветеринару заблудшего кота отвезет, то от собак защищает, — а теперь кошки вокруг так и снуют.

Интуиция подсказывала Корнелию Ивановичу, что даже если его жена спрятана в кабинете Ираиды, ему туда не пробиться. Но в этом здании должны быть другие следы Ксении.

Поэтому Удалов стал крутить головой, надеясь увидеть кошку.

Вот какая у него была интуиция.

Кошек было сразу две.

Они спустились в подвал, дверь в который была приоткрыта. Шли они деловито, так не кошки ходят, а солдаты.

Лестница в подвал была освещена слабо. Впереди показалась железная дверь, покрашенная грязной бирюзовой краской, которой обычно красят линкоры.

Кошки шагнули туда. Удалов проследовал за ними. И удивительное зрелище предстало его глазам.

Нет, не Ксения, украденная бандитами и подвергаемая пыткам.

И не сборище бомжей.

На кубическом постаменте из кирпича стоял скелет человека в естественный размер.

Правда, скелет был еще не готов или, наоборот, уже рассыпался, потому что череп существовал только наполовину — кончался переносицей.

Вокруг скелета, цветом желтого, подобно старой слоновой кости, сидели и лежали кошки различных оттенков.

Они с интересом наблюдали за тем, как известный Удалову скульптор и оформитель к праздникам Овидий Гроза (Овидий — псевдоним), человек мелкий, с бороденкой пегого цвета, которая была кусочками приклеена к щекам и подбородку, прикладывал к скелету маленькие кусочки глины или какого иного скульптурного материала, чтобы завершить произведение, покрыв скелет мышцами и кожей.

Но самое удивительное и даже зловещее заключалось в том, что его любимая жена Ксения сидела в углу подвала на табуретке, совершенно обнаженная, если не считать купального костюма, в котором она ездила в том году на Канары. И не считала это позором или ужасом.

— О! — произнес Удалов, хотя никогда раньше так не выражался.

Тут одна из кошек высоко подпрыгнула и носом вырубил выключатель; свет погас, и остальные кошки так страшно зашипели и замыкали, что Удалов кинулся со всех ног оттуда, повторяя на бегу:

— Ксюша, ты за мной следуешь? Ксюша, зачем ты это делаешь?

Но никто, кроме кошек, ему не ответил.

А на улице моросил осенний дождик, лето уже миновало.

Мимо проехал джип старшего Лаубазанца.

На перекрестке он встретился с таким же точно джипом, в котором сидел цыган Мыкола.

Лаубазанц с нелюбовью смотрел на Мыколу через бронированное стекло.

Мыкола широко улыбнулся и громко сказал:

— Джип у тебя паршивый, никуда не годный.

Удалов переводил взгляд с джипа на джип — они были одинаковые.

— Обивка у тебя синтетическая, а у меня натуральная кожа!

Мыкола помчался дальше, а Лаубазанц начал переживать и колотить кулаком изнутри по бронированному стеклу.

Рядом с Корнелием остановился человек в черных очках.

— Любые деньги, — прошептал он, — плачу любые деньги, чтобы моя возлюбленная меня не покинула.

По голосу Корнелий узнал Ю.К. Зрителя.

— Обращайся к Минцу, Юлиан, — ответил Удалов. — Я сам, боюсь, потерял свою Ксению. Не уберег.

Голова гудела, как стадион во время футбольного матча.

Может быть, посоветоваться с Минцем?

А он высмеет. Потому что есть предел человеческой фантазии. И за этим пределом находится картинка: «В подвале гордома Ксения Удалова в обнаженном виде позирует для Грозы, который лепит скелет без головы».

А кошки?..

Ксения ждала его дома.

Как ни в чем не бывало.

— Я тебя видел! — закричал Удалов с порога. — Ты позировала.

— Разве я когда-нибудь отрицала этот факт? — спросила Ксения.

— Но ты позировала для скелета!

— А ты подглядывал. Вот не ожидала от тебя!

— И буду подглядывать!

— И подглядывай.

На этом спор и закончился.

Тайна осталась неразрешенной. Надо было задать прямой вопрос и настоять на ответе. Последнее было труднее всего. Когда-то в молодости у Корнелия была начальница, которую всегда выпускали на пресс-конференцию или встречу с недовольными избирателями. Эта женщина выслушивала с улыбкой любой вопрос,

и желательно шесть вопросов сразу, а потом отвечала на тот из них, который ей нравился. Если же вы зададите ей один вопрос и выбирать не из чего, то она вообще умудрялась ответить совсем на другой вопрос, который никто не задавал. И оставалась победительницей. И вот уже несколько раз Удалов подбирался к Ксении с решительным вопросом, но ответа не получил.

— У тебя любовник! — воскликнул он наконец.

— Не говори глупостей, — ответила Ксения.

— И что же?

— А ничего.

5. Запрет для вредителей

Примерно в это время домой возвратилась Раиса Лаубазанц.

Она была злой, как пыльная туча.

Посудите сами: туфель она не достала.

Иванов оказался никуда не годным насильником. Уж лучше бы ей достался настоящий негр.

Проблема: как убить Анну Бермудскую и завладеть ее туфлями?

Ведь перекупить не удастся. Аня заломит такую цену, что не только игуанодоны, но и мамонты сдохнут.

Ну почему некоторые люди рождаются бедными и умирают в позорной нищете?

— Это ты? — глупо спросил Гамлет. — Ты меня покормить пришла?

Бывают же такие заблуждения!

Гамлет зарос трехдневной щетиной — лица не видно. У него волосы отрастают, как сорная трава.

— Я тебя покормлю, — пригрозила Раиса, — цианистым калием. И не смейся. Может, это будет твой последний смех.

— Смешно, — ответил Гамлет. — А я тут кое-что изобрел. Думаю, в мэрии должны хорошо заплатить.

— Тебе? Заплатить? — Раиса недобро рассмеялась. — Я сегодня без туфель осталась.

— Купим завтра другие.

— Идиот! Других таких не будет. Они были из кожи игуанодона.

— Игуанодоны вымерли шестьдесят миллионов лет назад, — сказал Гамлет, который был начитан и образован.

— Один остался. Его поймали и разделали.

— Ах, чепуха! — не поверил Гамлет.

Он собрал с рабочего стола несколько небольших пластиковых табличек.

— Я решил проблему грызунов и вредителей, — сказал он. — Хочешь посмотреть?

— Нет! — сказала Раиса, но подошла к столу поближе.

При всем презрении к мужу она в глубине души понимала, что ее муж — гений, под стать самому Льву Христофоровичу Минцу, который уже объявил Гамлета своим наследником в науке. Но ей не терпелось стать богатой, жить на вилле, иметь дворецкого и домработницу, нигде не работать и ездить на «мерсе» с шофером, который будет притом неприхотливым и послушным любовником.

— Читай вслух, — попросил Гамлет.

В отличие от классического датского принца, Гамлет Лаубазанц был брюнетом с крупным костистым носом и черными выпуклыми глазами. Датчанином его не назовешь. Но он был высоким и строен, а в студенческие годы играл на гитаре и умел петь. Потом увлекся Раисой и перестал петь и улыбаться, затем ушел с головой в науку и забыл о гитаре.

На табличке была нарисована мышь. Очень натурально и в масштабе один к одному.

Под мышью было написано: «Вход воспрещен».

И две маленькие скрещенные косточки.

— Это что за гадость? — спросила Раиса.

— Новое направление в науке. Мы с тобой разбогатеем.

— Кто нам заплатит?

— Ты не представляешь.

— Тогда иди и торгуй. Я буду ждать.

— Приготовь мне к приходу долму и чахохбили, — попросил Гамлет.

— Надо худеть, — ответила Раиса. — Я после обеда ничего не ем.

— А я сегодня еще не обедал.

Ответа он не дождался.

И поспешил в мэрию.

Там его знали. А Ираида Тихоновна даже питала к нему небольшие чувства.

— Хороший мальчик, — отзывалась она о Гамлете. — Он не виноват, что чернозадый родился.

Ираида Тихоновна была полной доброй женщиной, она любила кошек и даже подкармливала их семейство, что жило на помойке. Евреев она тоже критиковала за плохое отношение к Христу, хотя, как бывшая коммунистка, не смогла заставить себя верить в бога. Даже, как руководитель отдела благоустройства, три раза ходила в церковь и держала там свечку, потому что вся городская элита там стояла. Но не прониклась.

Ираида приняла Гамлета сразу. С утра было пусто и скучно.

— Ираида Тарасовна, — сказал Гамлет, который плохо запо-

минал некрасивые русские имена, — вы в газете жаловались и вообще умоляли покончить с мышами и прочими вредителями, которые распустились так, что многие склады опустели. Мне вот удалось решить эту проблему.

— А ты присаживайся, в ногах правды нет, и скажи мне, как у тебя вид на жительство, не истекает?

— Надо у Раисы спросить, — наивно ответил Гамлет, который доверял людям и никогда не чувствовал подвоха. Его даже на улицах редко били. Ты его колотишь, а он спрашивает: «Я вам чем-то помешал?»

— Спросим, — улыбнулась Ираида.

— Скажите, а нельзя ли заключить договор с мэрией на мое средство?

— Разве с мышами можно справиться? — удивилась Ираида.

— Мыши нас с тобой переживут.

— А вы попробуйте, — сказал Гамлет. — И не будет больше грызунов на вверенных вам складах.

— То есть совсем не будет?

— Гарантирую.

Ираида Тихоновна задумалась. Кровь прилила к полным щекам и ушам.

Она заподозрила провокацию.

— А куда они денутся? — спросила она.

— Уйдут куда-нибудь.

— Ну вот, — произнесла она с облегчением. — Значит, гонишь ты мышей, пугаешь, чтобы они напали на наши детские сады и все там уничтожили. Хорош гусь! У вас на Кавказе все небось такие?

Гамлет смутился. Он не мог понять, чем ожесточил эту достойную руководящую женщину.

— Давно подозреваю, — продолжила добрая женщина, — что вы там у себя пьете кровь христианских младенцев по приказу Аллаха.

— Простите, — сказал Гамлет, — я принадлежу к христианской религии.

— Так что иди, твори, выдумывай, пробуй, но только не подрывай нашу экономику.

— А можно я в порядке эксперимента у складов мои таблички повешу?

— Какие еще таблички?

Гамлет показал табличку Ираиде Тихоновне. Та прочла: «Вход воспрещен». Рядом — изображение мышки и две скрещенные косточки.

— Это и есть твое средство?

— Я его еще не испытывал в боевых условиях.

Ираида начала смеяться, потому что в самом деле ей было

смешно. Она уж испугалась, что мыши не смогут навешать склады и тогда не будет оправдания исчезновению со складов дефицитных продуктов.

— А разве мыши читать умеют? — засмеялась Ираида Тихоновна.

— А им не нужно читать. Они это почувствуют.

И тут Ираида Тихоновна совсем успокоилась.

Следует сказать, что по склонности души и по должности она была чрезвычайной взяточницей, и остальные взяточники смотрели на нее с завистью и нелюбовью. Предложение Гамлета, у которого уже создалась репутация выдающегося изобретателя, ее смутило. Вчера еще можно было списать недостачу на мышей и тараканов, а если их не станет? Тогда бдительные взоры могут обратиться к несчастной вдове!

Когда же она увидела эту идиотскую табличку, на ее душу снизошло абсолютное спокойствие.

— Иди, — сказала Ираида, — устанавливай, вешай свои цидулы у любого складского помещения — есть тебе на это моя полная индульгенция.

Ираида даже послала с Гамлетом своего референта Поликарпыча, существо бессловесное, поэтическое и доверчивое.

По дороге к складу они обсудили с Гамлетом особенности его метода борьбы с грызунами.

— Я размышлял следующим образом, — рассказывал Гамлет. — Ведь главное в рекламе или в любом публичном деле — удивить зрителя, заставить его задуматься.

— Но ведь мыши неграмотные.

— Ты посмотришь, что произойдет. Схема у меня проста. Мышь увидит, что над складом, в который она намеревалась войти, висит табличка, на которой она изображена рядом с костями. Она, конечно, прочесть не сможет, но встревожится, потому что сообразит: автор таблички угрожает именно ей.

— Ну, и пойдет она дальше.

— Ничего подобного. Она примет меры, чтобы разгадать надпись.

— Странно ты рассуждаешь.

— Странно — не странно, сейчас увидишь.

6. Мышинный выкуп

Они повесили таблички на склад. По одной у входа, у окон и у дыры сзади.

Потом отошли в укромный угол у забора, откуда все видно, уселись на траву и стали ждать.

А у складов кипела работа. Приезжали и отъезжали грузовики с ящиками и кулями, заходили и выбегали работники склада. Мельтешили мелкие жулики. Но мышей не было видно.

И лишь когда люди ушли на обеденный перерыв, появились первые грызуны.

Две мышки выбрались из-под автопогрузчика и побежали к входу.

Но не вбежали в склад, а остановились, глядя на незнакомую табличку.

Они вертели головками, стараясь сообразить, что это могло означать.

Сейчас бы им задать кому-то вопрос, но на освещенной площадке, при десятках занятых людей это сделать трудно.

Гамлет и его спутник ждали.

Что предпримут мыши?

Мыши ничего не предпринимали.

И вдруг Поликарпыч услышал. Тихий голосок, совсем рядом:

— Простите, вы умеете читать?

— А как же! — ответил Поликарпыч, который неоднократно учился в школе.

— Вы не прочтете для нас вон ту табличку?

Господи, сообразил Поликарпыч. Это же мыши мысленно интересуются! Как был прав Гамлет!

Стараясь не удивляться, не шуметь и не звать на помощь Гамлета, Поликарпыч прочел вслух:

— «Вход воспрещен».

— И это все?

— Это все.

— А почему? — спросил мышинный голос.

— Чтобы народное добро не транжирили.

— А как же мы будем питаться?

— В другом месте.

— Странно, — сказала мышь, — а мы думали, что люди куда больше нашего уничтожают.

— Не исключено, — ответил Поликарпыч. — Но с ними тоже будет вестись борьба.

— Табличками?

— В том числе и табличками.

— А разве люди на таблички обращают внимание?

Поликарпыч не ответил, только плечами пожал. Мышам нельзя было отказать в наблюдательности.

— Мы согласны штраф платить, — произнес мышинный голос. — Зачем нас костями пугать?

— Не я пугаю, — ответил Поликарпыч. — Я бы и на штраф согласился.

— Так вы поговорите с начальством, — попросила мышь.

И тут Поликарпыч почувствовал, что его мозг очистился от мышиного присутствия.

Он обернулся к Гамлету, но Гамлет развел руками и произнес:

— Я все слышал. Внутренним слухом.

— И что будем делать?

— Я человек деловой, — сказал Гамлет. — Я работаю не для славы, мне семью кормить надо. Знаешь, что Раиса придумала? Туфли из кожи игуанодона.

— Игуанодоны вымерли. Может, это просто ящерица игуана?

— Мне большие деньги нужны, иначе она меня оставит ради любого культуриста. Так что у меня только на Ираиду Тихоновну надежда. Договор с ней заключу.

— Не заключишь, — возразил Поликарпыч. — У меня есть задание — проверить твоё средство в работе и, если оно эффективное, отобрать у тебя и уничтожить. А при необходимости и тебя ликвидировать. Ты меня уж прости, но такие у нас в мэрии нравы царят.

— Тогда уйду я от вас, — сказал Гамлет. — Подарю мое средство кому-нибудь.

— Можно дружеский совет дам? — спросил Поликарпыч.

— От советов никогда не отказываюсь.

— Продай его мышам. Хоть что-нибудь получишь.

— Нечестно это — деньги от вредителей получать.

И тут мышь произнесла в мозг Гамлета следующие слова:

— У нас есть дети и старики, нам тоже хочется жить в мире со всеми людьми. Мы лучше Ираиды Тихоновны, потому что берем только то, что необходимо для поддержания нашего рода. Мы не строим виллу на Кипре.

— А она строит? — не удержался Поликарпыч.

— Нам доложили, — сказала мышь.

— Соглашайся, — посоветовал Поликарпыч. — Бери зелеными.

— Даем дарами Земли, — ответила мышь. — Зеленых не держим, мы их грызем.

— И правильно, — сказал Поликарпыч. — А какие дары?

— Можем выдать крупой, включая горох.

— Не хитрите, — сказал Поликарпыч. — Некогда нам с вами прохлаждаться. Сейчас же прибываем таблички на всех складах, и тогда вы у нас попляшете.

В головах у Гамлета и его спутника зашуршало — мыши вели совещание.

— Потерпи, — сказал Поликарпыч Гамлету. — Некуда им деваться.

— А ты уверен, что это честно? — спросил Гамлет.

— По крайней мере, гуманитарно, — ответил Поликарпыч. — У мышей тоже дети имеются.

— Есть жемчуг, — прошептал мышиный голос. — Но ограниченное количество.

— Искусственный? — спросил Поликарпыч.

Гамлет мялся рядом, мучился, как Буриданов осел.

— Китайский, — сказала мышь, — из одного ожерелья.

— Гамлет, прибывай таблички. С этим народом договориться невозможно. Так и норовят тебя облапошить.

И снова зашуршало в головах. Возобновилось совещание.

— Есть у нас заветная шкатулка, — сказала мышь. — В нее мы складываем все драгоценности, что случайно обнаружились по подполам, дырам, склепам и подземельям, а также трещинам в асфальте.

— Несите, — вздохнул Поликарпыч. — Не хотелось нам вторичное добро у вас брать, но иного не дано.

Гамлет с Поликарпычем уселись на моток электрокабеля и стали ждать.

— Чем ты эти таблички пропитываешь? — спросил Поликарпыч.

— Научная тайна, — сказал Гамлет. — Плод долгих месяцев работы.

— Но без мистики? — уточнил Поликарпыч.

— Мистики здесь нету, — ответил Гамлет. — Спросите у Минца. Он в курсе и меня консультировал.

— По логике вещей должны быть таблички и для других объектов?

Поликарпыч когда-то учился в институте, бросил, пошел в чиновники, но живость ума сохранил.

— Есть для тараканов, — сказал Гамлет, — но результаты нестабильные, потому что тараканы плохо мысли передают.

— А как же?

— У меня от табличек идет моральное излучение, — сказал Гамлет. — Думаете, почему мыши разволновались? Они ведь в коллективе неглупы, ох и неглупы.

— А еще против кого?

— Ну, против крыс, сами понимаете.

— Покажи, Гамлет, в чем разница?

Гамлет протянул руку к сумке, в которой лежали таблички, но сумки не оказалось.

— Это еще что такое?

Поликарпыч сразу догадался, в чем дело, и кинулся по следу. След был виден — сумку тащили по пыльному двору.

А вот и сумка!

Она дергалась и дрожала, разве что не стонала у стены склада, потому что некто старался втащить ее в небольшую дыру, а она не втаскивалась.

Гамлет с Поликарпычем догнали сумку и после недолгой борьбы вырвали ее из зубов стаи крыс, которые намеревались спрятать сумку с табличками в своих подземельях.

— Теперь я поверил, — произнес Поликарпыч.

— Они подслушали, — сказал Гамлет, — как мы с мышами говорили. А может, мыши проговорились. Паника царит в мире вредителей. Что-то мыши медлят...

Но мыши не медлили. Просто им нелегко было доставить шкатулку.

Когда же Гамлет с Поликарпычем вернулись к мотку кабеля, они увидели возле него несколько мышей, которые с натугой притащили на шпагатах небольшую картонную шкатулку неприятельского вида.

— Снимайте таблички, — сказал мышинный голос.

— Погоди, — ответил Поликарпыч. — Сначала проверим.

— Без обмана, — ответила мышь. — Побрякушки, которые находятся внутри, мы и наши предки собирали много лет. И вот пригодились...

Поликарпыч открыл шкатулку и присвистнул. Она была буквально набита кольцами, серьгами, кулончиками, браслетиками и даже тонкими ожерельями. Некоторые были совсем грязные, но от всех исходило сдержанное благородное сияние золота и драгоценных камней.

— Здесь нет подделок, — сказал мышинный голос.

— Посмотрим, — ответил Поликарпыч, закрыл шкатулку и спрятал в боковой карман пиджака.

— Вы чего? — удивился Гамлет.

— Не здесь же делить, — ответил Поликарпыч.

— А где?

— Пойдем ко мне, — предложил Поликарпыч, и глаза его загорелись недобрым блеском, чего Гамлет, конечно же, не заметил.

— Зачем?

— У меня отдельная квартира, живу один, никто не заметит. К тебе ведь нельзя. Твоя Раиса если увидит, такой шум поднимет, что приедет милиция и на всякий случай у нас все отберет.

Гамлет согласился, что Поликарпыч прав. Так надежнее.

— Ты не беспокойся, — говорил Поликарпыч по дороге, — я

половину возьму, а на больше не претендую. На что мне больше? Мы с тобой поровну трудились, поровну жизнью рисковали.

— Нет, я ничего, — возражал Гамлет, — я жизнью не рисковал.

Дошли до нового дома на Коминтерновской. Его еще в том году сдали, сразу строили, сразу евроремонт в нем проводили. Хороший дом получился, во весь первый этаж решетки.

— Стой здесь, — приказал Гамлету Поликарпыч. — Ни с места. Я проверю обстановку.

Он открыл подъезд спецключом, тихо закрыл за собой дверь.

Гамлет стал ждать.

Он обдумывал новое изобретение, которое денег не даст, но теоретически представляет интерес...

Потом посмотрел на часы.

Прошло сорок минут.

Может, Поликарпычу плохо стало? Или он забыл? Ведь бывает же с людьми — забывают. Гамлет проклинал свою рассеянность. Как же он забыл номер квартиры спросить? Теперь он не сможет прийти человеку на помощь.

Он еще подождал. И прежде чем уйти и спросить телефон Поликарпыча у него на службе, Гамлет нажал на кнопку «вызов».

Он угадал.

Дверь приоткрылась. В ней стоял крупного телосложения мужчина — лысый, хмурый, недобрый.

— Тебе чего? — спросил он.

— Мне к гражданину Поликарпову, — обрадовался Гамлет. — Он меня ждет.

— Ах, вот ты какой, шантажист? — спросил человек. — Мне один товарищ просил тебе сказать: его здесь нет, и он не проживает. А если ты думаешь наоборот, то лучше не соваться, потому что милиция о тебе, ваххабитская морда, уже предупреждена. Я тебя покалечу, мне ничего не будет, так как я нахожусь в пределах допустимой самообороны.

Дверь закрылась.

Гамлет понял, что проиграл.

Причем проиграл неоднократно.

Проиграл вредителям, потому что как человек чести он не имеет права пользоваться табличками от мышей.

Проиграл Поликарпычу, потому что никогда и никому не докажет, что отдал ему сказочную шкатулку со сказочными драгоценностями.

Проиграл Ираиде, потому что никогда уже она не заключит с ним никакого договора.

Проиграл собственной жене Раисе, потому что она убедится в

очередной раз, какой он никчемный пустобрех. Дома жрать нечего, а он пустыми изобретениями увлекается.

И проиграл своему брату Армену, который сколько раз говорил: бросай науку, занимайся делом!

С такими печальными мыслями Гамлет пошел домой.

Но он отошел не очень далеко.

В проходном дворе от Коминтерновской к Пушкинской дороге ему преградила большая, наглого вида крыса.

— Гамлет, — сказала она. — Положи таблички против крыс на землю. Сколько их у тебя?

— Три.

— Положи все три. Под кирпичом справа от тебя лежит выкуп. Мы не мыши, мы по мелочам не торгуемся.

Интуиция подсказала Гамлету, что крыса не лжет.

Он вынул из сумки три таблички. Потом подумал и достал все остальные — от грызунов и вредителей. Включая лис и волков.

— Берите все, я больше в это не играю.

— И правильно, — ответила крыса, — все хотят жить и кушать. Займись лучше людьми, они куда вреднее любого зверя.

Гамлет кивнул.

Несколько крыс выскочили из-под дома и утащили таблички. Слышно было, как они грызут их в подвале.

Большая крыса убежала.

Гамлет отодвинул кирпич. Под ним лежала стопка долларов. Там были разные банкноты, но большей частью стодолларовые.

— Интересно, — подумал Гамлет вслух. — И откуда они их берут?

— В казино, — ответил голос.

Гамлет пошел в пункт обмена валюты проверить, не провели ли его грызуны. Оказалось, что доллары настоящие. На десятку он купил цветов.

Раиса долго не открывала.

Гамлет решил было, что она убежала на свидание или вообще собрала чемодан.

Но тут дверь широко распахнулась.

Раиса выскочила на лестничную площадку.

Выхватила из руки Гамлета букет и звонко поцеловала его в кончик носа.

— Заходи, чего стоишь, мой герой!

В полной растерянности Гамлет вошел в квартиру.

Раиса кинулась в комнату. Там на диване валялась небольшая картонная шкатулка, а возле — кучка всевозможных драгоценностей.

— Откуда это? — воскликнул Гамлет.

— А ты не знаешь?

— Скажи, любимая!

— Мыши принесли. Я от них даже и не ожидала, а они, оказывается, у тебя дрессированные! Чего от меня тайлся?

— Но почему же ты решила, что от меня?

— Шутки в сторону, — рассмеялась Раиса. — Они же тебе записку оставили.

Записка была маленькой, да и вряд ли мышам было бы удобно писать на большом листе.

«Спасибо, Гамлет, — было изображено на ней мелкими буквами. — Долой несправедливость! Добро торжествует, порок наказан. Теперь мы знаем, глядя на тебя, что и среди людей встречаются порядочные мыши».

— Ну и дела, — вздохнул Гамлет. — Я был убежден, что мыши не умеют писать.

Никто ему не ответил.

Раиса сидела у зеркала и примеряла бриллиантовые серьги, которые Лидия Авскентьевна, вдова действительного тайного советника Малашевского, спрятала под половицу в день, когда в Великий Гусляр пришли большевики.

7. Поражение Поликарпыча

В дверь позвонили.

Там стоял плохой человек, Поликарпыч, в жалком виде.

— Ты зачем у меня шкатулку забрал? — кричал он на весь подъезд. — Ты не имел права у меня в квартире шуровать!

Гамлет хотел закрыть дверь, но Поликарпыч вставил ногу в щель и не отступал.

— Я ничего не знаю, — повторил Гамлет.

— Еще как знаешь. Гони половину!

— Уйдите, пожалуйста, — сказал Гамлет. — Вы вели себя со мной несправедливо.

— Да что ты понимаешь! — закричал Поликарпыч. — Я же тебе чай поставил, побежал в ванную отмывать наши находки, а ты забрался ко мне...

— Я не забирался.

— Значит, мышей подослал. А у меня мать на одну пенсию в Саратове живет. У тебя совесть есть, дитя Кавказа?

И такие крупные слезы полились по щекам Поликарпыча, что нечто жалкое и мягкое шевельнулось в душе Гамлета.

— Ну ладно, — сказал он, — подожди здесь. Я что-нибудь вынесу.

— Я с тобой пойду, сам отберу.
 — Как хочешь, только учти, что Раиса дома.
 Это остановило Поликарпыча на лестничной площадке.
 Гамлет зашел в комнату и присел на корточки рядом с Раисой.
 — И как тебе эти бранзулетки? — спросил он.
 — Не отвлекай! — прикрикнула на него Раиса. — Интеллигентный ты мой, иди чаю поставь, сосиски в холодильнике.
 — Ты позволишь три-четыре колечка у тебя забрать?
 — Это почему? — удивилась Раиса. — Ты что, в казино намылился?

В жизни Гамлет не заходил в казино и даже в мыслях этого не держал, но Раисе давно хотелось, вот ей и показалось, что мужу тоже хочется.

— Надо, — сказал Гамлет, — это не моя часть.

Он схватил с пола несколько колечек и браслет. Он спешил, обливаясь кровью, потому что Райка успела полоснуть его по руке острыми когтями.

Он выскочил на лестницу.

Поликарпыч стоял, прислушиваясь к голосам внутри квартиры, и трепетал, потому что понимал: если Гамлет его не пожалеет, кто его пожалеет?

Гамлет выбежал на лестницу.

В жмене у него были зажаты драгоценности.

— Держи и беги, — прошептал он.

Но вы ведь знаете, как устроен русский человек, на примере одной рыбацкой старухи?

Как только Поликарпыч увидел мерцание золота, в нем взыграла обида.

— Ты что мне суешь, что за ничтожную подачку в морду тычешь?

— Бери, услышит! — умолял его Гамлет.

— Неси еще!

— Бери и уходи! — Гамлет умолял Поликарпыча.

И тут, конечно же, на сцене появилось новое действующее лицо. А именно Раиса Лаубазанц.

Нет, не появилось, а вылетело, как пробка из шампанского.

Она врезалась в Поликарпыча в тот самый момент, когда тот решил все же для начала взять то, что дают.

Ах, как бежал Поликарпыч. С криками о милиции и гражданской совести. Как угрожал он именем Ираиды Тихоновны!

И с этими криками он выбежал из подъезда и влетел в открытую дверь вседорожника, в котором Армен приехал навестить своего брата и узнать, что еще у него плохого. Почему его жена побирается у магазина-бутика?

Что за человек — брат! Не может заработать на туфли из кожи этого самого бронтозавра?

Телохранитель выставил кулаки, и Поликарпыч свалился направо. Раиса метнула вслед Поликарпычу горшок с цветами. Горшок влетел в открытую дверь вседорожника и разбился.

Армен не почувствовал удара. Не первый удар, не последний.

— Раиса, зайди ко мне, — приказал он. — Гамлет, постоишь в дверях.

Раиса не посмела противоречить.

Влезла в джип. Внутри была каюта три на три, с диваном, столом и телевизором.

— Быстро! — приказал Армен, пока телохранители убирали осколки горшка. — Что происходит?

— Сам принес, — сказала Раиса, — а сам отдал.

Армену пришлось потратить полчаса, прежде чем он получил признания Гамлета и показания Раисы.

Поликарпыча уже не смогли догнать, хотя Армен хотел его наказать.

А потом раздумал.

Знаете почему? Потому что решил, что Поликарпыч вел себя нормально. Хотел получить максимум.

А с Гамлетом надо было что-то делать. Нельзя так вот отдавать. Нельзя. Надо постоять за себя. Даже крысы умнее и решительнее, даже мыши сражаются в стае. Что за занятие для мужчины — наука? Наукой должны заниматься старики, инвалиды или евреи.

Один из последних в Великом Гусляре живет.

Это Лев Христофорович Минц.

Говорят, выдающийся ученый, химик-мимик.

— Поехали, — приказал Армен. — А ты, Раиса, береги дом, как крепость. И цапки чтобы по счету каждый вечер мужу сдавала, даже если он тюфяк. Но мы из него человека сделаем, понимаешь?

— Не понимаю, — сказала Раиса.

Она Армену шкатулку не показала. Отнял бы. Хоть брата он любил, но деньги любил больше.

Гамлет покорно поехал на вседорожнике к профессору Минцу, и чувство у него было двойственное. С одной стороны, он радовался скорой встрече со своим кумиром, с другой — трепетал от предчувствия профессорского гнева. Ведь наверняка Армен будет вести себя нетактично, предлагать деньги и, может, даже угрожать, что немислимо.

Вот и дом № 16 по Пушкинской улице.

Двухэтажный, деревянный, полубарачного типа, памятник сталинской эпохи.

Армен послал охранника постучать в профессорское окно на первом этаже.

Окно само открылось, это должно было насторожить Армена, но тот привык к тому, что все двери ему подчинялись, и не обратил внимания на окно.

В окне появилась довольная физиономия профессора Минца. В ней все было гладкое — голова как мяч, без единого волоска, очки круглые и глаза круглые.

— Какие гости! — произнес профессор. — Заходите, отдыхайте.

— Слушай, старик, — сказал из глубины машины Армен, — у меня братан не в форме. Характер ему нужен, железный, как у Феликса.

— Очень любопытно, — сказал Минц. — А кто будет ваш братан?

Гамлет смущенно вылез из вседорожника и подошел к раскрытому окну.

— Гамлет, принц! — воскликнул Лев Христофорович. — Какими судьбами!

— Они мною недовольны, — признался Гамлет. — И Арменчик, и Раиса, моя супруга.

— Что же ты натворил, мой юный коллега?

— Погоди, не встревай, — произнес из глубины машины Армен. — Я моего братца Гамлетика как родного люблю. Он у меня грамотный, в институте-минституте учился.

— Я знаю об этом, — согласился Минц. — И чем же я могу быть вам полезен?

— Не человек — тряпка. Если так будет продолжаться, я у него жену отберу. И он знаешь что сделает? Извините, скажет. Стыдно всему семейству Лаубазанцев.

— Характер дается с рождением, — защитил Минц.

— Значит, будем менять, — сказал Армен.

— Но Гамлет — природный талант.

— Меня это не колышет, — возразил Армен. — Мне нужен человек с характером.

— Надо подумать, — произнес Минц. — Должен признаться, что я люблю трудные и даже невыполнимые задачи. Приходите ко мне на той неделе.

— И не мечтай, старик, — сказал Армен. — Времени нету. Над ним даже мыши смеются, сам слышал. Пускай он будет железный джигит, жестокий, как главный налоговый инспектор, суровый, как памятник Гоголю, умный, как мама товарища Ленина. А если ты не добьешься всего этого к завтрашнему утру, я тебя не пощажу.

— Простите, Лев Христофорович, — попросил за брата Гамлет. — Я, честное слово, не имею отношения к этой выходке. Но должен

признаться, что уважаю и даже люблю моего брата Армена, хотя он и занимается преступным бизнесом. Но такова наша судьба. Мы росли в бедной армянской семье, которая мыкалась в Краснодарском крае на положении незаконных беженцев. Это прошлое воспитало в нем умение противостоять судьбе-индейке.

— Добро, добро, — ответил Минц, — идите, гуляйте, молодые люди.

Он помахал им из окна, и окно само закрылось.

Гамлет постучал в стекло, стал знаками предлагать свою помощь, но Минц только отрицательно покачал головой.

— Завтра будем у него в девять часов утра, — сказал Армен, закрыв дверцу машины. — И я ему не позавидую, если он не сделает тебя железным Тамерланом.

Гамлет вернулся домой, его жена Раиса была любезна, но строга. Она показала ему четыре колечка и одну подвеску из опустевшей шкатулки и сказала:

— Вот что осталось после того, как я отдала все самые срочные долги зеленщику и булочнику. А также тете Матильде.

Слова Раисы были лживыми, и Гамлет, конечно же, понимал, что она просто припрятала драгоценности, чтобы часть из них послать родственникам в Заклепкино, а на другую часть купить долларов, такая она была жадная. Но вместо того чтобы показать свою осведомленность, Гамлет покраснел за свою нечестную жену, потому что испугался, что люди могут подслушать и лишить Раису уважения. Поэтому он поспешил сказать:

— Конечно, конечно, всегда надо платить зеленщику и булочнику и профсоюзные взносы.

Он не шутил и не издевался над женой, а только растерялся, а Раиса почувала в его словах издевку и стала вопить:

— Какие еще такие профсоюзы!

Вдруг послышался громкий шорох, и из-под двуспального ложа показались мыши, несколько мышей. Они с трудом тащили в маленьких ротиках колечки и другие драгоценности, которые там обнаружили.

Они принялись кидать добычу к ногам Гамлета, поскольку полагали, что именно Гамлет владелец этих ценностей.

Райка не столько перепугалась, сколько рассердилась и стала кидаться на мышей, чтобы растоптать их ногами, а Гамлет защищал мышей и не пускал жену к грызунам.

Потом мыши благополучно убежали, а Гамлет с женой собрали с пола ценности, причем Райка все повторяла:

— Ума не приложу, как они туда закатились! Их же дома не было.

И Гамлет снова не стал возражать.

8. Обмен качествами

К Минцу поехали с утра. Райка увязалась с братьями. Ей было любопытно, как этот профессор будет ставить опыты. Может быть, и ей что-нибудь перепадет.

Гамлет натянул свежую рубашку, причесался. Остальные поспеивались, а Гамлет не сомневался, потому что верил в научную силу профессора. К тому же следует признать, что в глубине души Гамлет себя не любил именно за покладистость, безволие, соглашательство. Он видел себя изнутри и со стороны одновременно, и зрелище было не из приятных.

Он понимал, что ничего с таким характером ему в жизни не добиться и в конце концов любимая Раиска от него уйдет к любому идиоту, который сумеет приказывать, давать подзатыльники и даже время от времени ее пороть.

Профессор еще завтракал, не был готов к началу опытов, но Армен, как всегда, спешил и не любил тратить своего времени даром. Так что он велел охранникам вытащить профессора из-за стола и забросить в джип. Гамлет умолял брата вести себя сдержаннее, но тот и слышать о сдержанности не желал.

— Давай, старик, — приказал он, — быстро! Где твои капли-мапли, уколы-муколы, таблетки-маблетки?

Раиска засмеялась. Ей показалось очень забавным видеть толстого лысого профессора, зажатого между охранниками.

— Только не сердитесь, пожалуйста, — умолял его Гамлет.

— А я и не сержусь, — сказал Лев Христофорович. — Горбатого могила исправит. Или жизнь.

— Без намеков, — рассердился Армен. Он не понял, чем его пугает этот профессор, но сообразил, что пугает.

Минц только улыбнулся. Тихо, загадочно, но вежливо.

— Передо мной, — сказал он, — была поставлена трудная и невыполнимая задача: в одночасье изменить характер взрослого, сформировавшегося человека. Внедрить в него качества, которые, на взгляд его близких, ему необходимы. Начнем с вопросов. Уважаемый господин Армен, какое качество в первую очередь необходимо вашему брату?

— Это самое! — сразу откликнулся Армен.

Все замерли, глядя на Армена.

— Решительность! Настоящий мужчина должен быть решительный. Сказал — тут же пошел и сделал. И ни одна сволочь тебя не отговорит, даже мама родная.

— А вы решительный? — спросил Минц.

— Каждый собака от Москвы до Еревана скажет: Армен — самый решительный человек в Вологодской области.

Минц вытащил из верхнего кармана брюк небольшой раструб, похожий на вороночки, которые вставляют в ухо человеку врачи ухо-горло-нос, чтобы поглядеть, нет ли мухи или муравья в твоей барабанной перепонке.

Вот это он и сделал с Гамлетом.

Гамлет замер и терпел.

Из другого кармана брюк Минц достал пульт, такой маленький пульт с экранчиком, как сотовый телефон, только еще меньше. И стал внимательно глядеть на него.

Иногда он приказывал молодому человеку:

— Правее, а теперь чуть левее... не так сильно! Вот-вот, именно так! Отлично!

Раиска склонилась, чтобы получше рассмотреть, что там, на экранчике, написано. Но не поняла — слишком мелко и нерусскими буквами.

— Вы приобретаете решительность, столь свойственную вашему брату Армену, — приговаривал Минц. — Ваше сознание наполняется умением принимать быстрые и окончательные решения. Вы это ощущаете?

— Простите, нет! — ответил Гамлет.

— И правильно, — согласился с ним профессор. — Вы почувствуете это завтра утром.

Что-то шелкнуло в приборчике профессора, и тот удовлетворенно произнес:

— Эксперимент удался. Переходим к следующему качеству. Что нам еще понадобилось?

— Чтобы виноватым не был, — сказала Раиска. — Не выношу, когда он все время извиняется. Что за бред такой! Пускай он ни в чем не будет себя винить!

— Как вы? — спросил Минц.

— Я всегда знаю, кто на самом деле виноват! — согласилась Раиска. На этот раз профессор Минц вставил воронку в другое ухо Гамлета, в то, которое было обращено к Раисе.

— Понимаю, — сказал Армен. — Это — как уловитель будет, да? Какие волны от меня идут, он себе ловит.

— Примерно так, — согласился Минц и принялся снова глядеть на свой приборчик.

Жужжало, но негромко, Раиска поехала, словно в салон вседорожника залетел порыв холодного ветра.

— Все, — сказал профессор. — Зафиксировано. Теперь продолжим набор качеств, необходимых, на ваш взгляд, настоящему мужчине.

— Жестокость, — сказала Раиса. — Никого жалеть не надо. А то нюни распускает.

— И кто же у нас самый жестокий? — спросил профессор.

— Грицко, — хором ответили охранники, все шестеро.

— А что, — подтвердил самый жилистый из них, с птичьим взглядом коршуна. — Жалеть — только мучения тянуть, лучше сразу — и контрольный выстрел.

— Нормально, — сказал Армен. — Поделись с моим братцем, подсажи ему, что это такое.

— Я не хочу кошек мучить, — взмолился Гамлет.

— Этого от тебя не потребуется, — заметил Минц. — Качество натуры различно проявляется в той или иной личности. Я тебе даю эти качества в пределах нормы.

— И точно, — согласился Грицко, — а то иногда на меня найдёт, я со своей жестокостью просто справиться не могу. Так и кричу: «Дайте мне этого бен Ладена! Я из него котлету по-киевски сделаю!»

На этот раз воронку пришлось держать в ухе подольше — качество проникало в Гамлета с трудом. Но в конце концов справились — внедрилось.

Все вздохнули с облегчением.

— Какие еще качества нам понадобятся? — спросил Минц с легкой улыбкой.

— Деньги надо экономить, — сказала Раиса — А то у него как что появится...

— Добро бы играл или на баб тратил, — добавил Армен. — Он может папану дать на «Лего» или нищему подарить; один раз для детского дома целый книжный магазин купил.

— Значит, я буду жадный? — с испугом спросил Гамлет, который до того в опыт не вмешивался. Только головой вертел, когда приказывали.

— Не жадный, а бережливый, — поправила мужа Раиса. — Как я.

— Ты жаба, а не человек, — сказал Гамлет. — Такого я себе не желаю.

— А можно, чтобы немножко? — спросил Армен. — Чуть-чуть бережливый, а не так, чтобы как Райка.

— Постараемся, — усмехнулся Минц. Он все время улыбался, некоторые даже чувствовали себя неловко. Над чем он посмеивается? Может, над ними?

Минц провел еще один сеанс по поводу бережливости, и тут Армен закричал:

— Хватит! А то слишком хороший получится, люди будут нас путать!

Никто не засмеялся.

И понятно. Для такого небольшого города, как Великий Гусляр, одного Армена Лаубазанца достаточно. Даже охранникам стало страшновато, когда они своим неразвитым воображением представили, что по улицам будут в двух вседорожниках разезжать два таких человека.

— Результат когда? — строго спросил Армен.

— Вы мне должны восемьсот долларов, — произнес Минц. — Я с вас беру только за исходные материалы и прибор.

— Ты с ума сошел, старик, — возмутился Армен. — Ничего ты не получишь, раз такой невежливый. Надо ждать, пока тебе дадут, а сам никогда не проси. Стыдно за твой почтительный возраст!

— Извините, — произнес тогда Гамлет. — Мне тут крысы дали, но, боюсь, что восьмисот не наберется.

— Давай что есть, — сказал Минц.

Когда Райка увидела, что ее муж достает из кармана пачку долларов, она буквально взвыла от бешенства и кинулась зубами к руке мужа, чтобы его остановить.

Но Минц, хоть и старый человек, так ловко выхватил доллары да так быстро выскочил из вседорожника, что Раиса осталась ни с чем и принялась сверлить своего мужа, да так и сверлила до самого дома, а Армен не вмешивался, он думу думал — как бы использовать Минца с пользой для теневого бизнеса. Но понимал, что сейчас не время для деловых предложений, потому что этот Минц оскорблен и унижен, с трудом держит себя в руках, и то только потому, что боится арменовских киллеров. Пускай отдохнет, придет в себя. То, что Гамлет ему бабок дал, — это даже хорошо. Ученых надо прикармливать, иначе все убегут за бугор.

— А теперь, — сказал Армен, — мы поедem ко мне домой и выпьем по маленькой.

Он обернулся к Раисе и Гамлету.

Но Гамлет сказал:

— Прости, брат, голова болит... Можно я домой поеду?

— Какой ты был, такой ты и остался, — обиделся Армен, но настаивать не стал, сам тоже устал. Трудно целый город держать в руках, когда столько завистников.

Раиса сунулась было с предложением взять ее с собой и пообедать где-нибудь в ресторане, но Армен сказал:

— Лучше за мужем посмотри. Его, наверное, ломать будет.

— Может, оставишь мне Грицка? — попросила Раиса. — Боюсь, что, когда Гамлетик в себя придет, начнет буйствовать.

— Знаем мы, зачем тебе Грицко нужен. Не получишь. А с завтрашнего дня, если этот еврей-профессор не обманул, он сам тебе за мужа будет.

Так что Раису с Гамлетом высадили возле их дома, и вседорожник, поднимая пыль, усакал вдаль.

— Иди, что ли, перерожденец, — сказала Райка и подтолкнула мужа.

Он послушно пошел домой.

9. Наука торжествует

На следующее утро первым поднялся профессор Минц. Он постучал палкой половой щетки в потолок, и вскоре со второго этажа спустился его сосед Корнелий Иванович Удалов.

— Чего так рано? — спросил Корнелий.

— Сегодня хочу посмотреть, как сработала система.

— Это которую вчера Лаубазанцы пробовали?

Удалов обычно в курсе дела, чем занимается Лев Христофорович. А уж когда речь идет о таком перспективном приборе, он понимает, что его можно использовать в деле исправления человечества, особенно если речь идет о несовершеннолетних преступлениях или о неблагополучных семьях.

— Пошли, — предложил Минц, — погуляем.

— Опасаешься в одиночестве оказаться в их районе? — улыбнулся Корнелий Иванович.

— Разумеется, всяческие выбросы энергии возможны, — сказал Минц, — но, думаю, скандалов не будет. А если так, то использование моей системы будет делом сложным и деликатным.

Он больше ничего не стал разъяснять другу. Они оделись и пошли гулять по городу с таким расчетом, чтобы часам к десяти оказаться в районе дома Гамлета Лаубазанца.

Минц даже захватил сотовый телефончик, чтобы позвонить Гамлету.

А вдруг понадобится участие?

Минц мог только догадываться о том, что происходит в утренней тиши на квартире Гамлета, и, догадываясь, он рассказывал об этом Удалову, а тот слушал внимательно и верил каждому слову.

Сегодня мы знаем, что Минц в своих предположениях не ошибся...

Первым проснулся Гамлет. Но вставать не хотелось, хоть в теле ощущались бодрость и желание вмешаться в покойное течение жизни.

Он взглянул на Раису. Во сне ее лицо несло на себе выражение красивой безмятежности и доверчивости.

«Странно, — подумал Гамлет. — Я ведь знаю, что Раиса нехороший человек, и единственный выход для меня — выгнать ее из

дома, расплеваться с родным братом, отправиться в Петербург, затеряться там и заняться чистой наукой. Что мне нужно? Рубашка, белье, подушка, кусок хлеба и компьютер».

Тут, правда, Гамлету пришлось прервать поток сознания, так как он вспомнил, что с его внешностью в Петербурге не так легко пройти регистрацию. Может, он нужнее в Швейцарии?

Раиса открыла глаза и потянулась.

Увидела рядом с собой Гамлета и улыбнулась ему, как не улыбалась со дня свадьбы.

— Погоди, Гамлетик, — сказала она, — я завтрак приготовлю. Ты ведь у меня гренки уважаешь с омлетом.

Гамлет беззвучно ахнул.

Раиса ланью, молодой пантерой, спрыгнула с кровати, и Гамлет залюбовался ее прекрасным сочным телом.

— Ах, — сказала она от двери, — ты меня смущаешь взглядом, буквально раздеваешь, шалунишка!

Раздевать ее и не надо было, потому что Раиса обычно спала обнаженной.

Гамлету хотелось попросить прощения за то, что он неделями смотрит на жену, за то, что еще не вскочил и не побежал жарить Раечке яичницу, и за то, что до сих пор не попросил у нее прощения.

Но вместо этого его язык произнес следующее:

— Раиса, кофе покрепче, мне надоело пить по утрам всякую бурду.

Это заявление привело Гамлета в ужас, хотя произнес его собственный язык. Дело в том, что бурду по утрам варил он сам, а кофе при этом экономили именно по инициативе Раисы. Готовил кофе он так: чашечку «Нестле» для Раечки и стакан напитка «Севрное кофейное» для себя.

В голове у Гамлета зашуршало.

Он понял, что главный мыш залез к нему в сознание и намерен поговорить.

И вправду. Мышиный голос произнес:

— Мы тут посоветовались и решили. Будем просить вас, Гамлет Суренович, занять пустующее место мышино короля. Нам нужен гуманный и решительный защитник интересов нашего многочисленного, свободолюбивого, но гонимого народа. Тем более что вы теперь прославитесь твердым характером, решительностью и иными королевскими качествами.

Конечно, Гамлету хотелось попросить прощения у мышей, потому что он совершенно недостоин носить такой высокий титул, но вместо этого он мысленно произнес:

— Я подумаю. Не исключено, что и приму ваше предложение.

Но и вам, мои дорогие, придется кое в чем изменить свое поведение. Сократить вредительство до минимума.

— Ура! — закричал мышинный голос и исчез.

Раиса заглянула в комнату, она уже надела красивый фартук в пионах прямо на обнаженное тело, и это ей шло.

— Любимый, — произнесла она слово, которое ее язык отказывался выговорить уже два года, со дня свадьбы. — Любимый, завтрак на столе. Или ты хочешь... — тут лукавая улыбка коснулась ее полных губ, — чтобы я принесла его в постель?

И оба они засмеялись.

Потом они сели завтракать.

Гренки были изумительные, омлет нежный. Он был приготовлен любящими руками. Гамлет это понимал и глядел на жену ласково.

— Я подумала, — сказала Раиса, — что нам этой мышинной шкатунки много. Чего мы будем беречь чужие колечки? Может, продадим и купим квартиру попросторнее?

— погоди, — отрезал Гамлет. — Не исключено, что мы с тобой покинем этот город. Мне пора двигаться дальше, расти как ученому. Ты как полагаешь?

— Я — как ты, милый, — ответила Раиса. — Хотя жаль покидать родимый край. Он нам дал все...

И тут до них донесся тонкий многоголосый стон.

— Что это? — удивилась женщина.

— Я думаю, это мыши. Они выбрали меня королем, а я хочу уехать.

— Вот видишь, — сказала Раиса. — Мыши тоже переживают. Зазвенел телефон.

— Ах, ну кто нарушает наш покой! — воскликнула Раиса. — Мне так хотелось побыть с тобой наедине.

— Нам предстоит еще множество счастливых дней, — сказал Гамлет. — Может быть, у человека к нам дело...

Он взял трубку.

Звонил профессор Минц.

— Доброе утро, — сказал он. — Простите за беспокойство, но мне, как вашему коллеге, хотелось бы узнать, есть ли результаты.

— Честно говоря, — ответил Гамлет, — результатов пока нет, нулевые результаты. Но я был бы рад видеть вас сейчас у себя дома. И вот Раиса улыбается, ждет вас.

Раиса кивнула. Она все поняла и не возражала. Ей профессор понравился. Солидный мужчина. Если бы не такой добрый, сильный, решительный муж, она бы соблазнила лысенького старичка.

А Минц внизу, на улице, отключил телефон и сказал Удалову:

— Корнелий, кажется, опыт удался, и тебе сейчас предстоит узнать его результаты.

Они направились к подъезду панельной пятиэтажки. Минц протянул руку к двери в подъезд, и тут сзади раздался оглушительный визг тормозов.

Рядом замер, покачиваясь, вседорожник.

Дверца открылась, и из него выскочил на мостовую сам Армен Лаубазанц. Охранники выползли за ним, старались построить вокруг шефа живую стену, но Армен их мягко оттолкнул и спросил:

— Ну как, профессор, навестим нашего брата?

— Я вот как раз собираюсь этим заняться, — ответил профессор, внимательно глядя на Армена, ну точно как энтомолог на только что открытого жука, которого хочется занести в Красную книгу, где и без него тесно.

Минц хотел пропустить бандита вперед, но бандит на это не попался, он стал проталкивать Льва Христофоровича в подъезд и при этом, к ужасу охраны, говорил:

— Я тут... понимаешь, хотел как бы извиниться за вчерашнее поведение. Переоценил я себя, блин. Понимаешь, я тут всю ночь базарил, ни в одном глазу. И размышлял, а правильно ли я жизнь свою выстроил? А не надо ли ее переиграть, пока не поздно?

В конце концов они втиснулись в подъезд, и разговор продолжился на лестнице.

— Это у вас с утра такое настроение? — спросил Минц.

— С утра, блин. Ты меня понимаешь?

— Попрошу не тыкать! — вдруг рявкнул профессор, к вящему удивлению Удалова и замерших внизу охранников. Даже Удалов не догадался, что слова Минца — часть эксперимента. Он испытывал характер Армена Лаубазанца.

— Простите, Лев Христофорович, — спохватился Армен. — Знаете, как нелегко выдавливать из себя хама! Еще Чехов, простите, этим занимался, но не знаю, удалось ли это нашему великому композитору?

— К концу жизни, — ответил Минц. — К концу жизни наш великий писатель Чехов по капле выдавил из себя раба.

Они подошли к двери в квартиру Гамлета. Но звонить не пришлось. Дверь гостеприимно распахнулась навстречу им. В дверях стояла Раиса — улыбка до ушей, за ней улыбался Гамлет.

— Какие гости! — пропела Раиса. — Как мы рады! Мы рады, Гамлетушка?

Гамлет поцеловал жену в висок, легонько приподняв, отставил ее от двери и прошептал:

— А ну-ка, лапушка, на кухню! Мечи, что есть, на стол.

Раиса довольно пискнула и исчезла.

Остальные вошли в единственную бедную комнату Гамлета. Тот мгновенно сбросил за диван белье и жестом пригласил гостей садиться.

— Впервые вижу тебя, братан, — сказал Гамлет, — вне джипа. Что случилось? Сломалась машина? Враги уехали?

— А черт с ними — с врагами! — ответил Армен. — У меня возникли серьезные сомнения по части смысла жизни. Скажи, хорошо ли угнетать и поработать других людей, даже если они бандиты? Ведь не даром человечество поклоняется таким людям, которые себя не жалели. Месроп Маштоц, знаешь? Какие красивые буквы придумал, все людям отдал. А скажи, мой брат, ты хороший человек? А? Талантливый! Так зачем мы с Раиской над тобой издеваемся? Смеемся, понимаешь! Ведь мы пальца твоей ноги не стоим!

В голосе Армена кипели слезы, и вокруг все тоже начали плакать, исключая Гамлета. Бывают такие трогательные обращения к народу, которые лучше звучат не на лестнице панельного дома, а с церковного амвона или с трибуны Съезда народных депутатов.

— Спокойно, братец, — сказал Гамлет. — А вы все рассаживайтесь, сейчас Раиса вас чайком побалуует, она у меня хозяйственная и добрая, даром что кажется хамоватой.

— Это я только кажусь! — откликнулась Раиса из кухни. — Извините меня.

— Я подумал, — сказал брат Армен, — что слишком долго за сиделся на своем посту. Хватит. Пора заняться чем-то созидательным. Может быть, чеканкой по металлу? Помнишь, брат, как я в Доме пионеров трудился?

— Ты талант, Армен, — согласился Гамлет. — Но я не буду руководить бандой. Пустое дело.

— Но ведь у тебя теперь характер есть? — спросил Армен.

— Ой, у него такой характер! — закричала из кухни Раиса. — Я его железную руку во всем чувствую. Вот он меня сейчас коснулся, когда мимо проходил, и я поняла — меня тронул герой. Настоящий мужчина.

— Настоящий мужчина, — твердым голосом произнес Гамлет, — никогда не опустится до пошлости и угнетения.

— Как я тебя понимаю, брат! — ответил Армен.

— Нам пора, — сказал Лев Христофорович.

Гамлет проводил их с Удаловым до дверей и тихо спросил:

— Не вышел ваш эксперимент? А жаль.

— А почему ты так решил? — удивился Минц.

— Как вы видите, я не стал ни жестоким, ни решительным, ни бережливым.

— Мы с тобой себя не видим, — заметил Минц. — Нас видят окружающие.

Не оборачиваясь, Гамлет тихо произнес:

— Раиса, сейчас же поставь бутылку в шкаф. Ты пить не будешь...

— Ой, я же для гостей!

— Гости за рулем.

— Прости, Гамлет, — прошептала Раиса. В комнате звякнуло — бутылку поставили на место.

Гамлет обернулся к Минцу:

— Так на чем мы остановились?

— Давайте завтра вечером посидим, обсудим перспективы научных исследований. Не возражаете?

— Принято! — согласился Гамлет. — И все же...

— Завтра поговорим, — заметил Минц, и они с Удаловым спустились на улицу.

У опустевшего вседорожника стояли охранники. Шесть душ. В полной растерянности, как цепные псы, которых хозяин снял с цепей, но ни на кого не натравил.

— Где тут Грицко? — спросил Удалов.

— Вон там, отошел, — сказал охранник.

Грицко, самый жестокий из охранников, отошел, потому что гладил бродячего щенка, который улегся на траву, белым мохнатым пузом кверху. Он повизгивал от счастья — так нежно почесывал его Грицко.

Грицко весело подмигнул проходившим мимо друзьям.

Минц шел впереди, Удалов на полшага сзади. Он все старался решить логическую задачу, но не выходило.

Поэтому он сдался и спросил Льва Христофоровича:

— Что же произошло?

— Сдаешься?

— Сдаюсь.

— Природа не терпит пустоты, — улыбнулся Минц. — В задачке о водоемах по трубе в бассейн Б вливается столько же воды, сколько утекло из бассейна А. Помнишь?

— Помню.

— Когда я настраивал мозг Гамлета на мозг донора, чтобы добыть оттуда жестокости или решительности, то, получая это качество от бандита, Гамлет тут же отдавал ему избыток своей доброты или щедрости. Он получал решительность, а отдавал Армену сомнения. Взял у Грицко жестокость, а подарил доброту. Взамен бережливости внедрил в Раису бескорыстие. Но не целиком, не полностью... В каждом осталось что-то от прежнего.

— А ты не боялся, Христофорыч, что Гамлет станет садистом или скрягой?

— Качества еще ничего не значат. Жестокость зависит от сути человека. А по сути своей Гамлет человек хороший. Ну, впитал он в себя чужую жестокость, а в его мозгу она стала разумностью, сдержанностью...

— А другие получили от Гамлета...

— Армен впервые в жизни усомнился в том, чем он занимается, а Грицко пригрел щенка. Раиса станет неплохой подружкой гению. Я надеюсь...

— Погляди! — ахнул Удалов, на минуту забывший о Гамлете и его брате. — Смотри на «Мерседес»!

Они как раз проходили мимо «мерса», принадлежавшего Ираиде Тихоновне и купленного на ее скромную зарплату. Умеет же человек экономить!

И увидели, как шустрые крысы повесили на ручку дверцы маленькую белую табличку.

На табличке был череп, скрещенные кости, портрет Ираиды, вполне узнаваемый — с паспортной фотографии, — и было написано: «Вход воспрещен».

— Очень перспективное направление в борьбе с грызунами, — сказал Минц Удалову. — Гамлет показывал мне опытные образцы. Одного не понимаю: почему крысы сами занимаются развеской?

— Погоди, — остановил его рассуждения Удалов.

Из гордома, завершив рабочий день, вышла дама с начесом на голове, в строгом деловом английском костюме.

— Ираида, — прошептал Удалов. — Страшная фигура. Скоро ее посадят или изберут в Думу.

Невзрачная на вид женщина подошла к машине.

За ней, чуть пригнувшись, семенил чиновник Поликарпыч, молодой да ранний предатель. Он на ходу наушничал.

Ираида Тихоновна отмахнулась от осведомителя и протянула руку к дверце машины, такого скромного «Мерседеса».

И тут увидела табличку.

Она очень рассердилась и попыталась табличку сорвать, но нечто невидимое остановило ее руку. Пальцы замерли в сантиметре от таблички.

Женщина стала быстро дышать и притоптывать правой ногой.

А табличка висела. Ничто ее не брало.

Поликарпыч изогнулся, принялся царапать дверцу машины, чтобы помочь начальнице. И хоть бы что!

Ираида достала из сумочки сотовый и принялась кричать в него:

— Милиция! Срочно наряд к гордому! Нападение на мое лицо при исполнении спецзадания.

— Пошли отсюда, — сказал Минц. — А то наряд приедет, стрелять начнут, нас с тобой ранят.

Конечно же, Лев Христофорович, как всегда, шутил, но Удалов не стал спорить и поспешил домой.

10. У нас героем становится любой

У ворот стоял Ю.К. Зритель и смотрел на Минца затравленным взором.

— Лев Христофорович, — взмолился он. — Я чувствую, что она меня покинет. Спасите.

Настроение у Минца было боевое. Ему надо было обязательно удивить мир научным подвигом, чтобы забыть об истории с мальчиком, не подвластным законам науки.

— Заходите, — сказал Минц, — и вкратце рассказывайте.

Удалов последовал за пожилым Зрителем.

— Я был убежден, — произнес Зритель, — что, когда оплачу ей итуанодоновые туфли, она проникнется. А знаете, что она сказала?

— Что же?

— Чтобы я не надеялся на ее милости. Что такой больной старик, как я, который мечтает о том, чтобы залезть под юбку юной красавице, не имеет права приближаться к женщине своей мечты.

— А вы приблизились? — спросил Минц.

— Я попытался. Но она, простите, женщина крепкая, плаванием занималась, на лошади катается каждое воскресенье. Она врзала мне под дых мощным коленом.

— А вы?

— Я попросил прощения, — вздохнул Зритель.

Его лысина, через которую поперек были поштучно протянуты седые волосы, покраснела и покрылась каплями пота.

— Значит, она уверена в своей красоте? — спросил Минц. И в голосе профессора прозвучало нечто подозрительное. Для тех, кто его знал. А для тех, кто не знал, ничего не прозвучало.

Задача была невыполнимой. Удалов понимал, что она невыполнима. Не давать же опытной женщине приворотное зелье!

И, как бы угадав мысли Удалова, Лев Христофорович произнес:

— Приворотное зелье в вашем случае не поможет.

— Почему? — вскинулся в надежде Ю.К. Зритель.

— Потому что это пустое суеверие.

Минц выдержал паузу и добавил:

— К тому же в вашем случае никакое зелье не сработает. Физиономия вашего лица не вызовет женской симпатии.

— А если я материально компенсирую? — спросил Зритель.

— Даже если компенсируете.

— И ничего нельзя поделаться?

Тут в разговор вмешался Удалов:

— Неужели ты не понимаешь, Юлиан, что это невыполнимая задача! Нет ей решения.

— Вот именно, — задумчиво произнес Минц. — Вот именно...

Мысли его витали где-то вдали.

Ну что стоило Удалову сказать другую фразу! Но он заявил в лицо Минцу, что проблема неразрешима... Это был вызов, не принять который Минц не мог!

Наступила зловещая пауза.

Зритель переминался с ноги на ногу. Давно уже неухоженный, голодный Удалов залез в холодильник Минца и искал там съестные припасы.

По истечении двадцати минут Зритель робко спросил:

— Мне уйти?

— Ничего подобного! — ответил Минц. — Средство я выдам вам сейчас. Я давно его разработал, но не было стимула закончить. Теперь же стимул есть!

Он схватил с полки неприглядную бутылку, оттолкнув Удалова, вытащил из холодильника вторую, смешал их содержимое в миске и сунул в микровейв.

В печке зашуршало, закипело. Запахло миндалем.

— Нормально, — сказал Минц.

Обжигаясь, он вытащил миску и поставил на стол.

— Остынет — перельем в пузырек, — сказал он. — Это средство — условно назовем его пессимизатором — воздействует на зрительный ряд объекта.

— Чего-чего? — спросил Зритель.

— Шестьсот долларов, — ответил Минц.

— Чего-чего?

— Триста сейчас, триста за вторую порцию, когда вы убедитесь в том, что средство подействовало.

— У меня с собой денег нет, — отрезал Зритель.

Он был богат именно потому, что у него никогда не было с собой денег.

— Идите, — предложил ему Минц. — Вы свободны.

— А если пятьдесят? — спросил Зритель.

Минц его не слышал.

Минц — человек, по большому счету, бескорыстный. Но в случае со Зрителем он был беспощаден. Он отлично знал, что свое

громадное подпольное состояние этот немолодой жулик нажил нечестным путем. Так что пощипать его — дело святое. У Минца центрифуга шалит, электронный микроскоп молекул не различает, да и ботинки пора новые покупать.

— Семьдесят пять, — сказал Зритель.

Минц уселся за стол и сказал Удалову:

— На второй полке целая банка лечо и безалкогольное пиво.

— Пиво ты выпил, — сказал Корнелий. — Ксении опять дома нет. Это хорошо не кончится. Моего смирения не хватает.

— Это у тебя смирение? Ты ведь человек беспощадный.

— Сто пятьдесят, — произнес Зритель. Не так уж уверенно, как раньше.

— Удалов, выведи буяна. Он мне надоел.

И тогда Зритель выдохнул фразу из американского фильма:

— Принимаю ваши условия, полковник.

Он находился в расстроенном состоянии чувств, потому что сам от себя не ожидал, что сможет так дорого оценить любовь.

— А гарантии? — спросил Зритель.

— Кто может гарантировать любовь? — вздохнул Минц. — Но я надеюсь, что эффект будет положительным.

Зритель расстался с тремястами долларами, получил склянку и объяснения, пошел на квартиру, которую снимал для Ани Бермудской, а там все сделал, как велели.

Аня Бермудская вернулась поздно, глаза у нее пьяно поблещивали, и она говорила о совещании с участием товарищей из Белоруссии. Голос ее сочился томлением.

— Завтра, — сказала она, любясь новыми туфлями, — везем белорусских гостей в лесопарк. Все глубже в лес с прекрасной незнакомкой!

— С прекрасной ли? — спросил Зритель.

Аня вздрогнула. Никогда в истории их дружбы Зрителю не приходило в голову сомневаться в ее бессмертной и несравнимой красоте.

— Ты что, слурел, что ли? — спросила она.

— Это я так, кисочка, — оробел Ю.К. Зритель. — Проверка слуха.

Аня укоризненно покачала головой.

В ее жизни все мужчины были разложены по полочкам.

Например, где-то в Вологде существовал, но не появлялся прежний друг, нужный только, чтобы присылать открытки к праздникам. Был у нее Зритель. Зрителю было позволено восхищаться и материально способствовать. За пределами восхищения ему мало чего дозволялось. Иногда «чмок» — поцелуй на прощание. Порой робкий и страстный взгляд. Зритель был нужен, но

Аня отлично понимала, что он хорош и предан, пока обращаются с ним не то чтобы презрительно, но пренебрежительно. Был у нее поклонник помоложе, друг Мыколы, гусярский чеченец. Для романтики. «Ах, — восклицала Аня, — какой он хам! Он такой дикий. Вы не представляете, как больно он меня укусил!»

Никто не представлял.

Кроме этого, существовали молодые люди на природе. Аня любила пикники с коньяками и шашлыки в чаше над обрывом.

Молодые люди увлекали опьяневшую и хохочущую Аню в кусты, где наслаждались ее ласками, что делалось быстро, кое-как, а назавтра случайный союз не возобновлялся.

Утром Аня казалась старше своих лет и ненавидела человечество. Даже собственная красота оказывалась под сомнением. Лучшей подруге Елизавете Аня не раз говорила: «Какие они все сволочи! Как они наслаждаются моей красотой, как они обещают мне золотые горы! Но потом оказывается, что ни один не желает покинуть идиотку-жену и своих вонючих отпрысков».

Вот такая сложная персона скрывалась за неподвижным змеиным взглядом серых глаз госпожи Бермудской.

Аня пошла в ванную.

Она взглянула на себя в зеркало.

Что-то ее смутило.

Нет, в зеркале отразилась она, конечно же, она. Но это была не совсем она, хуже, чем она.

Человек в таких случаях проводит рукой по лицу. Аня так и сделала.

Лицо как лицо.

Приятное на ощупь.

Аня вгляделась в зеркало. Зеркало врало. Но врало так умело, что Аня усомнилась, ложь ли это.

Нет, такую женщину полюбить нельзя. Такую женщину можно разлюбить. И следует разлюбить.

— Юлиан! — решила она. — Юлиан, ты ничего во мне не находишь?

Юлиан встретил ее в коридоре. Вид у него был обыкновенный. Вот уж кого не назовешь красавцем. И ничего, живет — не расстраивается, словно так и надо. Сам говорит: «Полюбите меня черненьким. Беленьким меня любая полюбит».

— Что произошло? — спросил он.

— Приглядишься ко мне, — попросила несчастная женщина. — Я ли это?

— Как тебе сказать, — промямлил Зритель. — Все вроде на месте. И глаза твои, и родинка на подбородке.

— И это приятно?

— Странно, — отозвался Юлиан. — Вроде все на месте, но ты немного изменилась.

— К лучшему?

— Не сказал бы.

— Что произошло? — грозно спросила Аня Бермудская. — Как ты это допустил?

— А чего я допустил? — спросил Зритель, мысленно торжествуя.

— Не знаю! — возопила Аня. — Дай мне другое зеркало!

А сама уже бежала в прихожую, где тоже зеркало висит.

Но результат встречи с зеркалом в прихожей, а потом и с зеркальцем из сумочки был удручающе однообразен. Из зеркала на Аню смотрела она же, но весьма некрасивая и даже неприятная.

Аня впала в истерику, а Зритель ей посоветовал:

— Ты сходи к своим подругам, поглядишь там, поговори, спроси совета. Они же всю правду тебе скажут!

Удар был рассчитан и жесток. Не было и не могло быть у Ани подруг, а если бы они были, то ничего, кроме радости, ухудшение облика Ани Бермудской им бы не доставило.

Вечером заплаканная, растрепанная и униженная Аня все же решила выйти на улицу, поглядеться в витрину универмага и в гладь воды пруда у церкви Параскевы Пятницы.

Но что там ночью увидишь!

А Зритель, видя, что изобретение Минца дает себя знать, трудился, бегал по городу, чтобы ни одного необработанного зеркала в Гусляре не осталось.

Ночью Аня изменила свое отношение к Зрителю, потому что поняла, что при такой личной трагедии во всем мире остался лишь один мужчина, способный ее верно любить и платить за ее забавы: Юлиан К. Зритель.

Через три дня умиротворенный Зритель сам пришел к профессору Минцу за второй порцией снадобья и с тремясками долларами в кармане.

— Ну как? — встретил его Минц.

Там сидели Минц с Грубиным, и для Саши Грубина Зритель поведал о своей победе над спесивой красоткой.

— Лев Христофорович мне сказал, что его средство изменяет отражательную способность зеркала при встрече с ним женского взгляда. Что, кстати, доказывает различие между женским и мужским взглядом. Мы, как учит Минц, требуем от своего отражения различных свойств. Женщина — красоты, а мужчина — ума и решительности. Вы меня понимаете? — Тут Зритель отвесил элегантный поклон в адрес Льва Христофоровича, хоть ему и мешало тугое пузо. И вел он себя, как неопит, то есть новообращенный, в

храме Юноны или Цереры. — Моя возлюбленная привыкла к тому, что зеркало ей говорит: «Ты на свете всех прекрасней и милее». А тут зеркало ей сказала совсем иное: «Ты не очень привлекательна и совсем не молода». Крушение идеалов! Нельзя же заподозрить зеркало в измене? В сознательном безобразии?

— Кстати, именно эта сказка натолкнула меня на великолепное открытие, — признался Минц, а Зритель продолжал:

— Я намазал средством все зеркала дома. А потом побегал по городу и капнул на все зеркала, которые могли попасться ей на пути. В поликлинике, парикмахерской и женском туалете, что было труднее всего. Хотя я был почти убежден в том, что она туда долго не заглянет. Теперь Аня изменила отношение ко мне и стала куда добрее. О, как она ласкает меня!

Минц забрал у Зрителя деньги и выдал ему второй пузырек.

Зритель быстро убежал.

А Грубин сказал:

— Минц, ты — соратник в преступлении.

— В каком?

— Ты подумал об остальных женщинах города? Женщина, красивая, идет в парикмахерскую и видит, как она деградировала. Она смотрит в зеркало в туалете, а навстречу ей — страшная рожа!

— Ну уж не страшная! — возразил Минц. — Просто похуже, чем вчера.

— Ты испортил жизнь и настроение сотням женщин! Нет тебе прощения. И еще деньги за это берешь!

И тогда пристыженный Минц побегал по парикмахерским, чтобы собственноручно смывать пессимизатор.

Кое-где удалось, но в женский туалет его не пустили.

И говорят, что, пока средство не стерлось, женщины старались в туалет не заходить. Держатель его Армен Лаубазанц чуть не убил смотрительницу, заподозрив ее в воровстве входной платы.

11. Тайна Ксении Удаловой

Удалов вошел к себе.

Ксения стояла посреди комнаты, одетая как на торжественный вечер, посвященный годовщине Октября.

— С ума сойти, — сказала она. — Уже без десяти, а ты еще без галстука.

И тогда Удалов понял, что кто-то сошел с ума. Может быть, и лично он.

— Какой галстук?

— На торжественное открытие, — ответила Ксения.

Она протянула мужу галстук.

Снизу гуднула машина.

— Вот и Максимка приехал, — сказала Ксения. — Наш семейный праздник.

Удалов был возмущен:

— Нет сегодня никакого семейного праздника. Я с утра в календарь глядел.

— Тогда пошли, нельзя заставлять себя ждать.

— Ксения!

— Шестой десяток как Ксения!

Снизу снова загудела машина.

Удалов сдался. Он всегда сдавался Ксении в решительные минуты.

Они спустились вниз. Вышли на улицу.

У дома стояла «девятка». В ней был Максимка, недавно отселившийся с семьей от родителей, а сзади — черная гордомовская «Волга».

Странно, но вдоль тротуара сидели кошки. Они принялись мяукать.

Ласково горели кошачьи глаза.

Ксения помахала животным полной рукой.

Из своей квартиры вышел профессор Минц.

Ему тоже нашлось место в черной «Волге».

Ехать пришлось недалеко. В бывший сквер Юных Пионеров за церковью Параскевы Пятницы.

Посреди сквера всегда стояла гипсовая статуя пионера и пионерки, она — со знаменем, он — с горном. У пионеров давно уже осыпались руки и частично другие части тела, вместо них обнаружались черные прутья арматуры.

Сейчас пионеров не было, вместо них на квадратном постаменте стояло нечто высокое, покрытое брезентом.

Рядом возвышалась трибуна, окруженная народом.

На трибуне располагались в ряд руководители города. И лично Ираида Тихоновна. Ксению пригласили на трибуну, она стеснялась и краснела. Ираида начала свою речь. Неожиданную для Удалова, но трогательно построенную. Ведь руководители нового поколения умеют говорить без бумажки как по бумажке.

Ираида окинула взглядом внушительную толпу жителей Великого Гусляра, что пришли в сквер на торжественную церемонию.

— Нас собрала сегодня знаменательная причина, — произнесла Ираида. — Мы желаем отдать должное одному из лучших граждан нашего города, посвятившему лучшие годы своей жизни...

Ираида рассыпала по площади кругленькие прыгающие слова, связанные в цепочки фраз. Эхо неслось над головами зевак.

Вокруг площади, в листе деревьев, даже на откосе церковной крыши маячили спокойные безмятежные морды сотен и сотен кошек. «Неужели их столько в нашем городе?» — подумал Удалов.

Ксения стояла совсем близко к Ираиде.

Сейчас Ксения тоже начнет говорить. Славить какую-то передовицу производства, хотя в наши дни передовиц производства не бывает.

— Экология, — трепетала горлом Ираида, — воспроизводство, рост экономики, забота о своем ближнем, козни окружающих нас империалистов...

Удалов потерял нить Ираидиных рассуждений.

Скорей бы все кончилось.

В толпе зевая он увидел братьев Лаубазанцев. Они скромно стояли бок о бок, как отличники на лекции.

Ираида дала знак, и вперед выступил Поликарпыч.

— Нами получено послание от наших уважаемых спонсоров, — произнесла Ираида Тихоновна. — Его зачитает мой сотрудник.

Она похлопала в ладоши, на площади тоже похлопали в ладоши, а кто-то свистнул, как на рок-концерте.

— «Дорогие жители Великого Гусляра, — прочитал Поликарпыч. — Мы в течение веков живем рядом с вами, питаемся из соседних мисок, помогаем вам и терпим обычные человеческие издевательства».

По площади прокатился возмущенный гул. Удалов подумал, что всем известен секрет, а муж узнает последним.

— «Но среди вас, людей, есть счастливые исключения, которые не ограничиваются тем, что готовы погладить нас по голове или почесать живот, чтобы потом наподдать ногой. Такие, не боимся сказать, святые люди рождаются на Земле для того, чтобы уменьшить сумму ее прегрешений и улучшить карму для последующих рождений».

— Во дают! Про карму знают, — сказал незнакомый юнец с заповоржским оселедцем, а его подруга отвечала:

— А чего не знать? По телевизору бормочут.

— «Благородство человека определяется не единственным поступком при стрессовых обстоятельствах. В конце концов, каждый под влиянием момента может закрыть амбразуру. Но настоящий подвиг — это подвиг жизни. Это ежедневный самоотверженный труд. Именно этим людям мы так обязаны».

Удалов увидел, что сквозь толпу, как маленький ледакол, к нему движется профессор Минц.

— О чем он говорит? — трагическим шепотом встретил его Корнелий Иванович.

Минц улыбнулся, а Поликарпыч продолжал:

— «Мы долго думали, можем ли мы отблагодарить персону, которая сделала для нашего племени больше всех людей на Земле, для человека, которая, как помнят старожилы, уже маленькой девочкой подбирала на улице голодных котят, перевязывала нашим старикам ушибленные ножки, зашивала порванные уши».

«Это кошки! — догадался Удалов. — Это от их имени Поликарпыч речь толкает! Ведь кошки не разговаривают!»

— «Шли годы, — продолжал Поликарпыч. И сам был так расстроган текстом, что прослезился. — Эта особа, несмотря на личную жизнь, на учебу и работу, никогда не забывала о наших бедах и невзгодах. Ей в жизни не повезло. Ее отдали замуж за недостойного дикаря, который мог вышвырнуть из дома котенка и согнать беременную кошечку с дивана».

«Нет, — понял Удалов, — это не о Ксении. Уж чего-чего, но на такого мужа я не похож».

— «Долгая жизнь этой персоны протянулась через несколько поколений домашних животных. Рождались, росли, спаривались, старели, дрались и дохли наши современники. И каждый мог быть уверен, что придет в дом номер 16 по Пушкинской улице и найдет там заботу и внимание».

«А может, все-таки Ксения? — думал Удалов. — Адрес совпадает. Но ведь я не такой звероненавистник».

— «И пускай не все удалось в жизни сделать Ксении Удаловой... — Голос Поликарпыча заметно дрожал. — Но слава и память о ней должны пережить века. Подпись: кошки города Великий Гусляр». И дальше отпечатки лап числом две тысячи сорок четыре.

Под аплодисменты зрителей Поликарпыч сложил лист.

Ираида протянула Ксении большие ножницы.

Ксения стесненно замахала руками.

— Правильно, — сказала Ираида. — Мы поддержали инициативу, создали фонд, получили средства и приняли участие, нам и открывать.

Она подняла ножницы, как дуэлянт шпагу, и, спустившись с трибуны, шагнула к статуе, покрытой брезентом.

Площадь замерла в томительном ожидании.

Ираида разрезала красную ленточку, брезент медленно сполз со статуи и улегся, покрыв постамент.

По площади прокатился шум. Радости и восторга.

Скульптор Овидий Гроза, который, оказывается, тайлся под брезентом, чтобы удачнее сорвать его, распахнул руки, как статуя Юрия Гагарина на одноименной площади в Москве. Оркестр грянул что-то радостное из Паганини.

И в самом деле, Гроза превзошел себя и, возможно, самого Церетели.

Статуя изображала просто одетую в купальник полную женщину, отдаленно похожую на Ксению Удалову. В одной руке она держала котенка, в другой — мисочку, к которой котенок тянулся. Это была сама доброта, сама забота.

Пока гремели аплодисменты, Удалов, смущенный более, чем его жена, потому что ему теперь до конца дней придется ходить по городу мимо статуи Ксении, обернулся к Минцу.

— Кто это придумал?

— Кошки, — сказал Минц.

— Конкретнее.

— Они накопили денег, они вышли на Ираиду, они дали ей на лапу и помогли создать бесприоритетный фонд благотворительной котиологии.

— Ты знал, но молчал. Почему?

— А весь город знал, хотели сделать тебе сюрприз.

Ираида снова заговорила:

— От имени кошачьей общественности, — сказала она, — мне хотелось бы выразить благодарность гражданину Гаврилову.

Молодой Гаврилов сделал шаг вперед и поклонился.

Кошки замыкали, как ненастроенный симфонический оркестр.

— А он что? — спросил Удалов.

— У него оказалась особенная слюна, — признался Минц. — Он хлеб жевал три месяца без перерыва, за скромную плату. Из пережеванного мякиша статую и сделали. Вечный материал. Она переживет египетские пирамиды.

«Господи, а я ее подозревал...»

Удалов в сопровождении Минца пошел вокруг памятника, чтобы полюбоваться женой с тыла.

Там было пусто, потому что публика шумела перед памятником и возле трибуны, а некоторые уже начали танцевать под оркестр. И тут Удалов в ужасе замер.

Скульптор Овидий Гроза, который рядышком щипал себе бородку, угадал причину испуга пожилого лысенького толстяка.

— Я не виноват, — произнес он. — Это было их специальное желание. Как бы доказательство, что она им родня по духу. А ва-ша супруга не возражала, а Ираида Тихоновна лично была за.

— В конце концов, все мы когда-то были такими, — улыбнулся профессор Минц.

Но чувства внутри Удалова сопротивлялись увиденному. На банкет Удалов идти отказался. Договорился с Максимкой, что тот потом подвезет мать домой.

Сам вышел на высокий берег реки Гусь и стал думать о смысле жизни.

Далеко, в сквере, играл оркестр.

«Ох, и давно же мы спим раздельно, — подумал Корнелий, — Ксения на кровати, а я на диване.

Современная наука на многое способна.

Надо будет сегодня ночью деликатно проверить, не появился ли в самом деле у Ксении пушистый кошачий хвост...»

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ СНОВА В ПРОДАЖЕ

Умные люди говорят: никогда не возвращайся на место, где ты испытал счастье или встретил любовь. Ибо в таком случае тебя постигнет горькое разочарование.

Как-то лет двадцать назад Удалов поехал в Дальние Зубрилки на озеро Кочевое. Была у него с собой одна удочка и крючок, простите за выражение, хлипкий, как мышцы у шахматиста. И что вы думаете — клевало, словно началось великое переселение рыб или крючок был смазан рыбьим героинном. За час, пока гигантская щука не откусила крючок вместе с поплавком, Удалов вытащил около шести килограммов различных рыб, включая трех подлещиков, налима, пескарей, карася в две ладони шириной и угря, а угрей в Кочевом отродясь не водилось. Мало кто из друзей в Гусляре поверил в такое везение, впрочем, Удалов и не настаивал, потому что и сам не до конца поверил своему счастью. Тут бы Удалову и почтить на лаврах, но захотелось еще раз испытать удачу.

Через три недели он снова отправился на озеро Кочевое, взяв с собой три удочки, набор крючков вплоть до спецкрюка, позавидованного у коллекционера крючков Ю.К. Зрителя и рассчитанного на крокодилов (спецзаказ, колумбийский вариант), изысканную наживку и сапоги до чресел. Занял то же самое место, напрягся и подвинул к себе поближе ведро для добычи. Он провел там целый день. Подходили местные жители и уговаривали гостя не тратить времени даром, потому что в этом месте рыба не клюет. Удалов посмеивался, но не уходил.

Ушел он, только когда стемнело, ведро оставил, забыл. Да и на что человеку пустое пластиковое ведро?

Хоть бы головастик попался!

Я привожу здесь этот пример, чтобы показать: любая принципиальная мысль отлично иллюстрируется на конкретном житейском уровне. Не столь важно, принес Удалов угря или пескаря, — главное: не возвращайтесь на место счастья!

Некогда, лет тридцать назад, когда все мы были молодыми, а

обуреваемые тщеславием чиновники не объявили еще Великий Гусляр родиной Снегурочки со всеми далеко идущими последствиями, в городе произошло фантастическое событие, о котором много писали и даже сняли кинофильм. В зоомагазин завезли, вернее всего по недосмотру, партию золотых рыбок. Жители Гусляра довольно быстро раскусили, что к чему, и шустро разобрали товар.

Золотые рыбки родом из Китая оказались классическими обитателями сказок и анекдотов. Они могли в умеренных пределах говорить, и каждая была способна выполнить три желания.

Неожиданное сочетание сказочных возможностей и житейских потребностей гуслярцев привело к ряду комических и трагических ситуаций. Но, к счастью, в конце концов все обошлось, потому что владельцы рыбок не обладали разнузданным воображением и их запросы находились в пределах допустимого. В те годы, должен вам сказать, жители районного центра Вологодской области за границей не бывали, американских фильмов не выдавали, об иностранной валюте читали только в фельетонах и верили в бессмертие советской власти. Так что их желания находили выражение в образах дозволенных и приемлемых. И чаще всего гуслярцам хотелось получить доступ к водке в больших количествах, потому что дефицит колбасы пережить было можно, а острую нехватку водки, характерную для эпохи строительства социализма в одной отдельно взятой у кого-то стране, переживали с трудом. Так что уже через полчаса после появления рыбок в Гусляре в его водопроводе вместо воды текла водка, и пока сознательные граждане не пожелали обратного, можно было набирать водку из крапа ведрами, что и успели сделать самые сообразительные из жителей нашего города.

Когда рыбки, выполнив просьбы и мольбы своих временных владельцев, уплыли метать икру в Саргассово море, гуслярцы схватились за непутевые головы: что мы наделали! Мы же не то просили! Мы же остались без автомобилей и квартир, без роялей и прекрасных невест. Новое корыто — это не предел мечтаний.

Гуслярцы ощущали себя, как знатные посетители петербургского салона, спешившие на встречу с молодым и модным поэтом Мишелем Лермонтовым, который объявил заранее, что только для избранных прочтет свою новую поэму.

В назначенный час Лермонтов явился в зал, держа под мышкой тяжелый фолиант, переплетенный в кожу. Он уселся на почетное место, раскрыл фолиант, долго откашливался, а затем прочел четыре строчки:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,

И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Трудно описать разочарование, охватившее слушателей. Лермонтов в тот вечер набрал еще две дюжины неумолимых врагов.

Но в Гусляре, как и в том салоне, пришлось смириться с событиями, сделав вид, что иного и не ожидали.

Рыбки сделали свое дело, а люди этим воспользовались.

Лермонтов прочел новую поэму, хоть и коротенькую, но ведь мы были в числе тех избранных, которым он доверил первое знакомство со своим опусом.

И Великий Гусляр погрузился в ожидание.

Тем более что фильм, посвященный этому событию, на широкий экран тогда не был выпущен, потому что как раз в то время началась отчаянная и безнадежная борьба с алкоголизмом, а фильм был признан пропагандой этой пагубной привычки.

Итак, прошло тридцать лет со дня появления рыбок и пятнадцать с начала той, уже забытой, антиалкогольной кампании.

Как и в первый раз, золотые рыбки попали в Великий Гусляр по ошибке. Есть различные мнения, кому и для чего они предназначались. Эту загадку можно решить, если выяснить, каков потолок рыбьих возможностей. К примеру, может ли золотая рыбка установить мир на Ближнем Востоке или хотя бы указать местонахождение Усамы бен Ладена? И второй важный вопрос: если в Гусляр привезли целый аквариум золотых рыбок, значит, где-то существует питомник рыбок и лежит их икра?

Когда тридцать лет назад гуслярцы загадывали свои скромные желания, силы зла не успели спохватиться...

Растянутое вступление к интересной истории понадобилось мне, чтобы подготовить читателя к тому, что приключения не повторяются, и если один раз вам что-то сойдет с рук, то вторично на милость судьбы лучше не рассчитывать.

Зоомагазин в Великом Гусляре, как и много лет назад, делит небольшое помещение с кантоварами. Но теперь куда выгоднее торговать продуктами, чем животными. Правый угол занимают полки с кошачьим и собачьим кормом, который часто показывают по телевизору, где породистые собаки хвастаются перед обыкновенными своей блестящей шерстью и гладкостью морд, потому что предпочитают катышки, подобные козым орешкам, обыкновенной еде.

Магазин этот приватизированный, как бы принадлежит народу в лице Оксаны Косых, проживающей на Кипре, а работают в нем сестры Трофимовы, Алена и Оля, очень похожие внешне, ибо они близнецы. Отличить их чужому человеку невозможно, но мать отличает по родинке, которая у одной из них — на правой щеке, а у другой — на левой. Впрочем, есть еще одно отличие: одна из них, Лена, беременная на шестом месяце, а вторая еще девушка.

В тот июньский день, когда все началось, возле Оли в канцтоварах стоял Мирослав Галкин, ее воздыхатель. У Лены, которая на шестом месяце, воздыхателя не было, потому что он уехал в Котлас заработать денег к свадьбе. Там и сгинул.

У дверей остановилась машина «Газель», заглянул известный девушкам шофер Никодим в кожу и заклепках и от двери крикнул:

— Товар принимать будем?

Мирослав, бритый, плечистый, но не заработавший еще золотой цепи, пошел помогать. Они вдвоем занесли сначала десятилитровый бидон с мотылем, а потом большой ящик, в щелях между досок которого вырисовывались стружки и поблескивало стекло. Ящик был тяжел. На нем было немало наклеек.

— Что там? — спросила Ольга.

Алена, которая была в положении, торговала авторучками и клеевыми палочками, предположила:

— Что-нибудь межпланетное?

Как вы знаете, особенность Великого Гусяря заключается в том, что он стоит на возвышенности, не видной с Земли, но совершенно очевидной при взгляде из космоса. Это и привлекает к Гусярю инопланетян, которые совершают посадки в окрестностях города и порой общаются с наиболее любопытными, на их взгляд, туземцами. А из туземцев им более других приглянулся Корнелий Удалов, он даже неоднократно бывал за пределами Солнечной системы. Поэтому неудивительно, что если в любом другом русском городе слова Лены были бы встречены хохотом и восприняты как глупая шутка, то в Гусяре никто не удивился. Только разумная Ольга спросила:

— А накладные в порядке?

— Держи, — сказал Никодим, который, кстати, был засланным с Два-икс шпионом и тайлся в Гусяре в ожидании сигнала к началу вторжения. Но пока сигнала не поступало, он оставался обыкновенным простым человеком и никому вреда не делал. Когда сигнал поступит, Никодим, конечно же, станет страшен, но может быть, это случится не скоро.

Накладная была в норме.

В накладной значилось:

«Двадцать три золотые рыбки. Конфискат. Поступили с Хабаровской таможни 24 мая с.г.».

Там еще многое было написано, в том числе цена за штуку, постановление санитарного карантина и даже незаметная печать ФСБ.

В общем, дело обыкновенное, товар тоже нормальный. Хотя и любопытный. Уже много лет в магазин золотых рыбок не поступало. Может, в Архангельске они и были, или в Вологде. Но Великий Гусярь — слишком малый и тонкий периферийный сосуд в системе государственного кровоснабжения. Сюда и попугаев не завозят.

— Конфискат, — сказал Никодим. — Значит, по низкой цене. Так всегда бывает.

Посмотрели в ценник. Рыбки были оценены по шестьдесят рублей с копейками. Недорого.

— А шо, — сказал Мирослав по прозвищу Слава Шкет, — если их на ши пустить, не разоримся.

И громко рассмеялся.

За его смехом не слышен был гул негодования, что донесся из ящика.

Тем временем Никодим принес молоток и клещи, не спеша и осторожно, так как был человеком обстоятельным, иначе бы его в шпионы не взяли, отодрал доски. В груди стружек стояла колоссальная пятидесятилитровая бутылка темно-зеленого стекла. В ней поблескивали золотые искорки-рыбки.

— У тебя аквариум был, — сказала Лена. — В кладовке.

— И точно, — согласилась Ольга и послала мужиков в кладовку за аквариумом. Аквариум был велик, из него выскочили семьей обиженные пауки. Лена принесла мокрую тряпку. У нее уже появилась округлость и солидность в движениях, свойственная будущей матери, хотя при том возникла и угрюмость, характерная для девушек, которые вовсе не собирались становиться матерями в ближайшие лет пять-шесть.

Ольга протерла аквариум, а Мирослав с Никодимом натаскали воды. Никодиму пора было ехать дальше, но что-то его задержало в магазине. А он, как опытный разведчик, не стал спорить со своим внутренним голосом.

Наконец подготовка аквариума была закончена.

К этому времени в магазине появились кое-какие покупатели.

Пришел старик Ложкин. Он был один из немногих гусярцев, кто тридцать лет назад, будучи уже пожилым человеком, ветераном труда, приобрел говорящую золотую рыбку. С тех пор он ждал, не привезут ли снова золотых рыбок, но ни с кем своей надеждой не делился. Засмеют или станут дежурить у магазина, чтобы его

опередить. Заглянул Корнелий Удалов, ему нужен был мотыль. Он тоже не спешил. Гражданка Гаврилова подсмотрела, какая бутылка появилась в магазине, — это была бутылка ее мечты, несколько ведер огурцов можно было в ней засолить. Так что вокруг стояли свидетели.

Оля зачерпывала рыбок из бутылки сачком на длинной ручке и перекладывала их в аквариум. Рыбки сами подплывали к сачку, видно, им не терпелось очутиться в нормальных условиях существования.

И все же в то время еще никто из зрителей не подозревал, что в Гусляр вновь пожаловало чудо, которое несет в себе испытание и даже кое для кого трагедию.

Чтобы предвосхитить события, я позволю себе напомнить, что состояние дел в городе, стране и на всей планете за тридцать лет кардинально изменилось. Некоторые события и явления, которые казались чрезвычайно важными, никого уже не пугали, зато некие пустяковые тридцать лет назад ситуации приобрели первостепенное значение. И еще ничего не случилось, но в воздухе произошло нагнетание напряжения. Мгновенно вымерли почти все комары, у одной женщины в тупике за речным техникумом чуть не случился выкидыш. Слава богу, обошлось, потому что беременность у нее была ложной. Тучи набегали со всех сторон: стемнело, и едва не пошел град.

Вперед вышла Гаврилова и спросила:

— Бутылка сколько стоит?

— Бутылка, — ответил Никодим, — надо возвращать. Это государственное имущество.

— А если не возвращать?

Лена и Ольга одинаково развели руками.

Гаврилова обиделась.

И тогда Ложкин сказал:

— Парочку заверните.

— Сто двадцать один рубль, — сразу посчитала Ольга.

Ложкин принялся копаться в бумажнике. И все понимали, что даже если у него наберется рублей пятьдесят, он их постарается не отдавать. Он копался и говорил:

— Цена явно завышенная. Мне вчера по почте предлагали пять штук по двадцать два рубля.

Удалов купил одну рыбку, и Ольга дала ему банку.

— Корнелий Иванович, — сказал Ложкин. — Одолжи сотню до пенсии.

— Нет у меня сотни, — честно признался Удалов.

Он понес рыбку к выходу.

Он глядел на рыбку и вспоминал другую, которая исполнила ему три желания...

И неудивительно, что у выхода он спросил:

— Ты случайно не говорящая?

Хотя понимал, что вторично в ту же реку человек не войдет. Это еще Демокрит говорил в древнегреческие времена.

Рыбка поднялась к поверхности воды и негромко произнесла:

— Сперва надо меня покормить.

Другой на месте Удалова мог рухнуть в обморок или впасть в истерику, но жизненный опыт Корнелия Ивановича таков, что говорящие рыбы ему не в диковинку. Поэтому он спокойно ответил:

— Сейчас домой придем, покормлю.

Именно эти слова и услышал старик Ложкин, который шел сзади в надежде выпросить сто рублей у соседа. И он все понял.

Вы думаете, что Ложкин упал перед Удаловым на колени и стал просить в долг? Или вы полагаете, что он кинулся со всех своих старческих ног домой, чтобы выпросить денег у жены?

Да ничего подобного!

Ложкин развернулся и строевым шагом направился к магазину.

Там он вытащил сотню, запятанную в правый носок, не обувшись, проскакал на одной ноге к прилавку и крикнул:

— Мне две штуки, пенсионерам скидка!

— У нас скидок нет, — заметил Мирослав.

И тут одна из рыбок в аквариуме поднялась к поверхности воды и сказала четко, так что на весь магазин было слышно:

— Нет смысла покупать две рыбки в одни руки. Три желания на владельца, хоть всех нас приобрести.

— В пакет ее! В пластиковый пакет! — сообразил Ложкин.

Ольга подчинилась, рыбка перекочевала в пластиковый пакет, и Ложкин строго сказал продавщице:

— Сейчас жену пришлю!

— Ничего не выйдет, — ответила ему рыбка, — хитрый ты больно.

Эти разговоры не прошли незамеченными. Рыбки сами провоцировали людей. Ведь в их интересах было поскорее разделаться с желаниями и уплыть в Саргассово море метать икру.

В мгновение ока выстроилась очередь, и начался общий галдеж. Ведь у нас так просто золотых рыбок не продают.

Конечно, золотую рыбку купил Саша Грубин, одна досталась корреспонденту «Гуслярского знамени» Михаилу Стендалю. Забывшая на шум Ванда Казимировна тоже взяла — к счастью, Гаврилова ей очередь заняла; Лена, сестра Ольги, отлила одну рыбку с водой в стакан для карандашей. Мирослав, схватив одну, помчался на улицу сообщать кому следует, а Никодим сделал шаг в

сторону и нажал себе на ноготь правого мизинца, где таился межпланетный сотовый, и вышел на резидента в системе. Тот велел взять сколько можно и постараться отравить остальных рыбок, чтобы не достались врагам.

Постепенно новость прокатилась по городу и вызвала к жизни круги по воде городского существования. Миша Стендаль как раз вышел из шумящего магазинчика, когда у дверей его, столкнувшись бамперами, тормознули джип Армена Лаубазанца и джип цыгана Мыколы, совершенно одинаковые, потому что эти бандиты соперничали даже в мелочах, хотя держали совсем разные крыши. И тут же, растолкав их, затормозила черная «Волга» Ираиды Тихоновны из гордома. Ей кто-то уже успел сообщить. Обитатели автомобилей полагали, что золотых рыбок им вынесут из магазина на подносиках, но ничего такого не произошло, потому что там как раз шел дележ последних экземпляров.

И тогда, не выдержав ожидания, Армен Лаубазанц, Мыкола и Ираида Тихоновна, посражавшись в дверях, ворвались в магазин. Первым к прилавку, всех растолкав, пробился Армен Лаубазанц и строго приказал:

— Всех мне завернуть! Слышь, что говорю?

— А ты его не слушай, — отозвался Мыкола. — Ведро неси. Я всех беру, баксами плачу.

Это была ложь, так как Мыкола контролировал всех нищих в районе, и доходы у него были в металлических рублях.

За спиной Ираиды Тихоновны стоял старшина Пилипенко-младший.

— Где товар? — спросила Ираида.

Именно в этот момент Марта Викторовна Посольская, библиотечарша из детского дома, пробиравась к выходу, прижимая к животу банку с золотой рыбкой.

— Гражданка! — приказала Ираида. — Немедленно верните товар! Есть основания подозревать, что товар продается без сертификата качества. А ну-ка, старшина, примите меры!

Старшина Пилипенко выхватил банку из рук библиотечарши, но тут произошло колебание воздуха, и банка в руках старшины опустела, а золотая рыбка тихо сказала из сумочки Марты Викторовны:

— Бежим до ближайшего крана, смочишь носовой платок и завернешь меня, чтобы не померла, ясно?

— Ясно, — пискнула библиотечарша и побежала к водопроводной колонке.

Хуже всего пришлось Лене и Оле, потому что бандиты, а также Ираида устроили в магазине обыск, хорошо еще рыбка была спрятана в стакане для карандашей и ее не нашли.

К тому же обиженные правители Гусляра мешали друг другу и старшине Пилипенко.

Ничего не найдя, они стали требовать от девушек список покупателей, но списка Оля дать не смогла, потому что сама не заметила в толкучке и суете, кто и что купил. Да и не хотела она признаваться, подводить людей.

Так что вскоре автомобили разлетелись от магазина и помчались по улицам — Лаубазанц, Мыкола и Ираида искали покупателей, а вдруг удастся кого-нибудь поймать.

Но не удалось.

Первым загадал желание Мирослав.

Он был человеком простым, но с запросами.

— Слушай, а ты в натуре исполняешь? — спросил этот любознательный молодой человек, отойдя в сквер и усевшись там на лавочку.

— А ты испытай, — предложила рыбка.

— А шо? Испытаю.

И Мирослав принялся думать. И очень скоро придумал, потому что у него, как и у каждого молодого человека наших дней, была мечта.

— Цепь желаю, — сказал он. — Как у Мыколы.

— А кто такой Мыкола? — спросила рыбка.

— Не проблема, — ответил Мирослав. — Я про цепь.

— Металл?

— Золото, а то как.

— А вес какой?

— От пуза, — сказал Мирослав. — В кулак.

Воображение у него было развито примитивно. Но было оно бурным.

— Длина? — Рыбка Мирославу попалась серьезная, с конкретным мышлением.

Мирослав развел руками.

Рыбка была при этом недоверчивая.

— А отпустишь? — спросила она.

— Куда тебя отпустить?

— В реку.

— А сколько желаний?

— Давай так договоримся, — сказала хитрая рыбка. — Желание будет одно, но тройное. Такой цепи ни у одного крутого не найдется.

— В натуре?

— Спрашиваешь!

— Тогда давай!

— На берегу реки.

Мирослав раскинул мозгами и решил — пока не появится цепь, в воду ее не кинет.

До реки было недалеко.

Мирослав зажал рыбку в кулак и сказал:

— Давай цепь!

И тут же неумолимая сила потянула его к земле.

— Кидай! — пискнула рыбка.

Рука Мирослава разжалась, и рыбка по дуге полетела в реку, легонько и мелодично смеясь на лету.

А Мирослав уселся на берегу и больше подняться не сумел.

Золотая цепь, точно повторяющая якорную по размеру звеньев и длине, обвилась вокруг шеи молодого человека, ниспадая на живот и чресла. Мирослав попытался подняться, но его зад не смог оторваться от земли, и цепь опрокинула его на траву.

В таком положении его увидела Лика Пилигримова, могучая красавица, наездница и пловчиха брассом, существо циничное и находчивое. Ей рыбки не досталось, впрочем, она до того момента и не подозревала о существовании таких крошек.

— Это что за бутафория? — спросила женщина. — Ты что думаешь, если у тебя цепь из папье-маше или детского пластика, то тебя за крутого будут держать? Бросай выкобениваться, парень, вставай!

И со всей своей недюжинной силой Лика рванула на себя золотую цепь.

К счастью для Мирослава, цепь была настолько тяжелой, что Лика не смогла ее поднять и задушить юношу. Наоборот — она, Лика, сама взлетела в воздух и брякнулась рядом с Мирославом.

— Ты что, — ахнула она, переводя дух, — приковал ее, что ли?

И тут только Мирослав смог настолько собраться с духом, что произнес:

— Кем мне быть, пруха полезла!

На своем простом языке он поведал Лике о том, как исполнилось его желание.

Лика была женщиной неглупой, поэтому она сразу задала главный вопрос:

— А еще два желания, где они?

— Тю-тю, — сказал Мирослав, поглаживая цепь, как мать гладит по головке красивого ребеночка. — Я ее отпустил.

— Ты что, кретин, что ли?

— А шо? — Мирослав не мог понять, чем он прогневил женщину, к которой питал самые добрые чувства, то есть хотел лежать с ней на сеновале. — Я — ей, она — мне.

— А еще два желания! Господи, мне столько всего не хватает!

— А ты попроси, — сказал Мирослав. — Может, она еще не успела?

Лика бросилась к берегу.

— Эй, — сказала она негромко. — Рыбка, ты где?

Никакого ответа.

— Слушай, — продолжала Лика уже погромче. — Отзовись. Если тебе чего надо, я тебе обеспечу, я в этом городишке не последний человек. Говори, что тебе надо.

Молчание.

Как будто Лика с рыбой разговаривает, а та молчит как рыба.

— Ты думаешь, я верю, что ты меня не слышишь? Никуда ты не делась. Ты своих товаров поджидаешь. Думаешь, сачканула — и с концами? Фига с два! Я тебя из-под воды достану! А ну, отзвись — и сразу за работу!

Молчание.

Но потом раздался долгий глубокий вздох, будто вздохнула колова, а не золотая рыбка.

— Стыдно? — спросила Лика.

Недалеко от берега по воде пошли круги, появился небольшой рыбий ротик, что-то золотое сверкнуло сквозь водоросли.

— Как договаривались, — сказала рыбка.

— С кретином договаривайся, не договаривайся — сделка значения не имеет. Тебе любой психиатр скажет.

— Ну я же не могу на тебя работать, — сказала рыбка. — Мой хозяин сидит под гнетом золота.

И тут рыбка замолкла, и надолго, потому что по реке промчался катерок, загрохотал, завонял, надымил.

Лика обернулась к Мирославу, который покорно сидел, опутанный золотой цепью.

— Ну, давай, мыслитель, — торопила Лика. — Загадывай для меня два желания.

— А мне? — спросил мыслитель.

— А ты уже получил в валюте, — ответила Лика.

— Я лучше сам еще загадаю.

— Я те загадаю!

— А в натуре! — Мирослав как мог поднялся и крикнул в сторону реки: — Эй ты, золотая, блин! Давай мне второе желание.

Лика поняла, что ее могут ограбить.

Она пантерой кинулась на Мирослава и стала сильными пальцами сжимать ему челюсть. Мирослав, конечно же, сопротивлялся, хоть и был прикован, как Прометей.

— Желаю! — вопил он. — Желаю, понимаешь, желаю... — И тут его охватила тупость. Ведь человеку надо за секунду, в пылу борь-

бы с красивой и сильной бабой придумать такое желание, чтобы все офигели. И вот — сформулировалось! Из рта выскочили слова: — Желаю еще одну цепь, длиннее первой. Вот!

А так как цепь возникла и шлепнулась на его голову, то Мирослав исчез под грудой золота.

Но в эту грудку проникла правая рука Лики, которая твердо держала молодого человека за глотку.

— Придушу, — убедительно сказала она, — если сейчас не скажешь.

— Больно!

— Повторяй.

Голос Мирослава из-под золотых цепей доносился тускло и хрипло. Он повторял за Ликой:

— Желаю подарить гражданке Леокадии Семеновне Пилигриновой «шестисотый» «Мерседес» серебряного цвета, дарственная прилагается...

«Мерседес» возник из небытия, как запрошено, серебряного цвета, а Лика принялась разглядывать дарственную, потому что верила в силу официальной бумаги.

— Спасибо, — сказала она груде золота.

Николай Ложкин, бодрый ветеран восьмидесяти шести лет, ворвался домой, пробежал на кухню и вывалил рыбку в большой медный таз для варенья. Залил ее водой и стал любоваться.

Зрелище было впечатляющим: золотая рыбка в золотом тазу, освещенном через раскрытое окно золотыми лучами солнца.

— Ну прямо картина Шишкина, — сказал старик.

Его жена смотрела на рыбку с печалью, потому что была лишена эстетического чувства, к тому же обладала хорошей памятью и не ждала от рыбки ничего хорошего.

Столько лет ее муж ждал возвращения золотых рыбок в Гусляр, каждый день посещал зоомагазин, писал на бумажках списки желаний, сжигал бумажки в пепельнице, жевал пепел, чтобы никто никогда не догадался, а рыбок все не привозили. И жена Ложкина надеялась, что удастся дожить благополучно, не дождавшись новых рыбок и новых переживаний.

Наверное, ее мысли вызовут у вас недоумение. В конце концов, ничего дурного предыдущие рыбки Ложкиным не сделали. Но с тех пор изменилась не только страна, изменился старик Ложкин. Если всю жизнь он был политически активным человеком, то теперь, в глубокой старости, превратился в борца за идеалы прошлого. Программой-минимум для Ложкина стала публикация его собрания сочинений, начиная с заметок в стенгазету

«По бухаринскому пути», переименованную вскоре в боевой листок «Смерть наймитам!», до характеристик на соседей и даже детских сказок с измененным классовым содержанием, которые Ложкин писал по поручению домкома.

— Желания заказывать будешь? — спросила жена.

— У меня все уже разложено по полкам, — ответил муж.

Он выпрямился, приподнял острый подбородок, седая прядь косо опустилась на лоб — некогда она именовалась чубом, — грудь вылезла вперед колесом, в глазах появилось яростное выражение. Всю жизнь Ложкин провел на переднем крае обороны социализма от многочисленных недругов, но сохранил главное — жизнь, здоровье и преданность идеалам.

— Первое желание, — произнес Ложкин, — собрание сочинений. В однотомнике.

— И зачем тебе, Коля, такая слава? — вздохнула его супруга.

— Народ должен знать своих героев, — пояснил Ложкин. — А вот про два других желания тебе знать не положено.

— Может, что по хозяйству? — спросила супруга. — У нас корыто прохудилось.

— Без намеков! — взвился Ложкин. — Как мы знаем из исторического опыта, желаний всего три, а пожеланий десятки. Не зря я всю сознательную жизнь отдал идеалам.

Он обнял медный таз и понес в комнату, там поставил на подоконник, чтобы не спускать глаз с драгоценной рыбки, которая поняла, с какой целью ее будут использовать, и молчала, рта не смела открыть.

А Ложкин принялся доставать из ящика стола и раскладывать перед собой тетради, листы, листки и бумажки, письма и квитанции, из которых и складывалась его сознательная жизнь.

Еще в детском саду Ложкина научили ябедничать. Считалось, что это главная обязанность ребенка Страны Советов. И первым героем этой страны был ябеда Павлик Морозов, который так на ябедничал на родного папу, что папу расстреляли без всякой пощады.

В старшей группе детского садика Коля Ложкин уже так хорошо усвоил эту истину, что, когда воспитательница Клава Селезнева оставила его без компота за то, что баловался и щипал девочек, он в самый разгар «мертвого» часа оставил свою постельку, выбрался через дыру в заборе на улицу и добежал до редакции газеты «Гуслярское знамя». А там рассказал дяде редактору, что воспитательница тетя Клава вредитель, потому что морит голодом пролетарских детей. А когда Плохиши нападут на нашу страну, наши Мальчиши-Кибальчиши будут такие слабенькие, что не смогут дать им отпор.

В иной ситуации редактор посмеялся бы и отвел мальчика обратно в садик, но как раз за день до этого в газете был арестован главный редактор за то, что подсыпал иголки в корм скоту. Неудивительно, что молодой редактор Малюжкин догадался: мальчонка не случайно пришел именно к нему. Он понял — это и есть Главное испытание. От того, как он его вынесет, выполнит, выдюжит, зависит его судьба и жизнь.

— Молодец, хлопчик, — сказал Малюжкин. — Так держать.

Он дал ему ириску и позвонил в органы.

Когда руководство детского садика сменили, встал вопрос, принимать ли мальчика Ложкина в пионеры сейчас или погодить до положенного возраста. Приняли, написали о том в журнале «Пионер», и так возникло движение ложкинцев под лозунгом «Скажи суровую правду!».

Когда все ложкинцы сказали друг о друге суровую правду, движение истошилось.

Потом Ложкин пошел в школу.

Ходил он туда редко, потому что искал шпионов и вредителей. Их тогда в стране развелось немало.

Репутация у Ложкина была такая боевая, что когда он приходил в школу, школа пустела. Кто не успел уйти через дверь, выбрасывались через задние окна.

Порой и улицы пустели, когда по ним проходил пионер Ложкин.

Особенно когда коммунист Эрнст Тельман прислал ему барабан и палочки.

Учиться дальше Ложкин не смог, потому что трудился на выборных должностях. Но и там он большой карьеры не сделал, так как им руководила страсть к совершенству, выражавшаяся в графоманском зуде. Каждый день он писал очередной опус — клеветническое жизнеописание того или иного своего коллеги или соседа. Ему долгое время верили, придуманные заговоры пресекали, заговорщиков карали и, может быть, покарали бы весь город, если бы в один прекрасный день Ложкин не написал совершенно обоснованный донос на самого себя, в конце которого призвал всех сотрудников правоохранительных органов заняться собственными преступлениями.

Заключать под стражу Ложкина не стали, но перевели на творческую работу. Его назначили детским писателем.

Так в Великом Гусляре появился первый сказочник.

В конце тридцатых годов Ложкин выпустил первый сборник переосмысленных в духе марксизма и современной политической обстановки народных и волшебных сказок. Тираж сборника был невелик и весь вскоре исчез, но одна из сказок затерялась в пись-

менном столе писателя, и вот теперь, готовя к изданию собрание своих сочинений, Ложкин эту сказку обнаружил.

И перечитал.

Сказка называлась...

Подвиг красной косынки

Мама сказала Карине Пионеровой, ученице седьмого класса, отличнице и общественнице:

— Отправляйся на шестой перегон и отнеси бабушке Лукерье Сидоровне пирожок с капустой и последний номер газеты «Гуслярское знамя» со стенографическим отчетом о чистке рядов партийной организации нашего района.

— Как только я завершу приготовление уроков, — ответила Карина, — я немедленно выполняю твою просьбу, мама моя.

— Не задерживайся и возвращайся домой до темноты, — предупредила мама. — Есть сведения, что в наших краях появились вражеские диверсанты.

— Разумеется, мама моя, — ответила Карина.

— Если бабушке понадобятся лекарства или неотложная медицинская помощь, запиши все подробно и по возвращении домой предоставь мне подробный отчет, — попросила мама.

И она повязала на голову любимой дочке красную пионерскую косынку.

Повторяя мысленно мамино товарищеское напутствие, Карина пошла через колхозные поля гречихи, миновала свиноферму имени XI партсъезда и углубилась в лес.

В лесу было мрачновато, но Карина преодолела пессимистические настроения и запела пионерскую песню «По долинам и по взгорьям».

Дверь в будку стрелочницы Лукерьи Сидоровны была подозрительно приоткрыта.

На койке вместо больной бабушки лежал здоровый диверсант, умело замаскированный под стрелочницу. Но Карина сразу разгадала маскировку и начала задавать вопросы.

— Бабушка-бабушка, — спросила она, — а почему у тебя такие большие уши?

— Пирожки принесла? — спросил диверсант Ганс Мессершмидт, который проголодался, пробираясь в наш тыл.

— А почему у тебя, бабушка, — спросила пионерка, — такой большой нос?

— Чтоб вынюхивать измену и строчить на всех донос, вот зачем шпиону нос, — ответил диверсант. — Принесла ли ты мне свежий

номер газеты «Гуслярское знамя» с отчетом о партийном собрании нашего района?

Диверсант, конечно же, выдал себя. Откуда ему было известно о партийном собрании?

Пионерку так просто не проведешь.

— Почему у тебя такие большие стальные зубы? — спросила она.

И тут диверсант проговорился.

— Чтобы перекусывать проволоку на границе, — прошептал он.

— Нам все ясно, — сказала девочка. — А зачем тебе, бабушка, такие большие очки?

— Это не очки, а фотоаппараты, — признался диверсант, — чтобы делать снимки секретных предприятий и оборонных заводов.

— Ты разоблачена, бабушка, — сказала пионерка Красная Косынка. — Признавайся, где у тебя пистолет — под одеялом или под подушкой?

— Ну уж нет! — зарычал диверсант. — Не жить тебе на свете, как и твоей покойной бабушке, которую мне не удалось завербовать, несмотря на то что я предлагал ей крупные суммы денег, а также отдельную квартиру в областном центре.

— Ты замучил бабушку? — ахнула Карина.

— Это было бы слишком гуманно, — расхохотался диверсант. — Я привязал твою бабушку к рельсам на перегоне. И уже слышно мне, как стучат по рельсам колеса скорого поезда, который везет на Дальний Восток комсомольцев сталинского призыва, чтобы воевать на озере Хасан и защищать наши дальневосточные рубежи от фашистских союзников — японских милитаристов. Бабушку разрежет пополам, а поезд сойдет с рельсов. Ха-ха-ха!

Зловещий хохот матерого преступника, бывшего белогвардейца и помещика, потряс сторожку.

— Этому не бывать! — воскликнула Красная Косынка и бросилась прочь.

Она выскочила на насыпь и побежала по шпалам навстречу скорому поезду, который шел на Восток.

Вот она уже поравнялась с бабушкой, которая была привязана к рельсам.

— Не отвязывай меня, Кариночка, — из последних сил прошептала бабушка. — Пускай я погибну, а ты маши, маши красной косынкой, зови на помощь краснокрылые самолеты и броневые машины танков. И пусть из моего старого погибшего тела вырастут алые маки и красные гвоздики.

Но тут к Карине подбежал комсомолец Миша Каганович, вырвал из ее руки красную косынку и стал махать ею, привлекая внимание машиниста. Карина же развязала бабушку и стащила ее с насыпи.

Они были спасены.

А вот Миша Каганович спастись не успел.

Его разрезало пополам колесами скорого поезда.

Погибшего комсомольца посмертно приняли в почетные пионеры первой гуслярской неполной средней школы.

Когда Миша Каганович испустил последний вздох, сзади донесся страшный вой. Это советские чекисты взяли с поличным диверсанта в бабушкиной шкуре.

Не удалась империалистическая провокация!

Карина помогла бабушке дойти до сторожки стрелочницы. Там она передала ей пирожок с капустой и свежий номер газеты «Гуслярское знамя» с отчетом о чистке партийных рядов. Бабушка сразу начала читать газету, а Кариночка поспешила домой.

Назавтра она получила «хорошо» по русскому языку.

Так поступают пионеры.

Собкор Николай Ложкин.

Вырезано из газеты «Гуслярское знамя»
от 18 октября 1938 года.

Из последующих сочинений Николая Ложкина, который прожил долгую и бессмысленную жизнь, пристрастился к игре в домино и стал получать персональную пенсию, в отечественной литературе остались письма в различные редакции, чаще всего в журнал «Знание — сила» и «Блокнот агитатора», и сообщения о различных сторонах жизни города Великий Гусляр. Случалось, его корреспонденции вызывали живейший читательский отклик.

Но это все в прошлом. А нынче Ложкин стоял посреди комнаты, положив ладонь на кипу своих произведений, и откашливался, готовясь к тому, чтобы озвучить свое первое желание. Взгляд его был прикован к маленькой золотой рыбке, которая медленно кружилась в медном тазу, ожидая его велеаний, как робкая девушка ожидает слов от юноши, который вот-вот намеревается сделать ей предложение руки и сердца.

— Желаю! — громко произнес Ложкин. — Желаю иметь однотомное собрание сочинений в кожаном переплете на мелованной бумаге. С золотыми буквами на переплете. Поняла?

— Чего ж непонятного? — сказала рыбка.

Раздалась нежная мелодия, и кипа бумажек исчезла со стола. Вместо нее на столе лежал аккуратный томик с золотым обрезом и золотыми буквами на корешке. Очаровательное произведение переплетного искусства.

Подобно жадному гурману, накинувшемуся на жареного рябчика, Ложкин схватил томик и принялся его листать.

По мере перелистывания он бледнел, краснел и на его лице вырисовывались бурные, обычно скрытые чувства.

Ложкину хотелось показать эту книгу жене, но сперва ее надо было подарить некоторым нужным и приятным людям.

Он кинул взгляд на стол и только тут сообразил, что больше книг нет.

— Ах, — сказал он. — Где книжки?

— Какие книжки? — спросила рыбка.

— Остальные.

— Мне была велена одна книга, — жестко возразила рыбка. — Я ее изготовила. Надеюсь, претензий нет.

— Какая одна! — возмутился Ложкин. — Мечи остальные.

— Какой тираж нужен?

— Такой тираж, чтобы в каждом книжном магазине нашего государства мой одномомник стоял. Где Толстой, там и я, где Шолохов, там и Ложкин!

— Большой тираж, — вздохнула рыбка. — Нелегкое поручение.

— Сделаешь или нет?

— Придется сделать.

— Так давай!

— Все!

— Что — все?

— Сделано.

— Где книги?

— В магазинах. Как просил. Во всех книжных магазинах государства, рядом с произведениями Льва Толстого.

— А почему не вижу?

— Так они же в магазинах!

— А мои где? Где моя доля?

— Можете пойти в магазин и купить.

— Не говори глупостей. Что же, я должен собственные книги по магазинам покупать? А ну, чтобы сейчас же на столе было десять моих книг!

— Сейчас, — ответила рыбка.

Она вздохнула.

На столе появилась стопка книг в кожаных переплетах.

— Ну то-то, — утешился Ложкин. — А теперь переходим к следующим желаниям.

— Каким желаниям? — спросила рыбка.

— Моим.

— Любопытно, — сказала рыбка. — И какие же в тебе кипят желания?

— Я намерен вернуть обратно великий могучий Советский

Союз не только в гимне, как уже сделано, но и в остальных аспектах.

— Аспектах, — поправила Ложкина рыбка.

— Неважно. Главное, чтобы ликвидировать эту самую демократию и порнографию на экранах телевизоров. Чтобы всех пидарасов в тюрьму упечь, чтобы воспевали, а не злобно критиковали, чтобы восславить партию, которая ведет к горизонтам, чтобы всюду колбаса была по два двадцать и никаких тебе Канарских островов, чтобы...

— Все ясно, Ложкин, — сказала рыбка. — Придется тебе подождать следующего раза.

— Не понял! — прогремел Ложкин.

— А чего тут непонятного, если ты все желания уже заказал и исполнил.

— Ничего подобного! Не жуль, а то задущу! Я у тебя только одномомное сочинение попросил, а все остальное еще впереди.

— Первое желание было — изготовить одномомник.

— Правильно.

— Второе желание — изготовить массовый тираж, чтобы твоя книжка в любом книжном магазине рядом со Львом Толстым стояла.

— Ну уж нет — это то же самое первое желание.

— Обращайтесь в суд, — сказала рыбка. — Даже в Страсбургский по правам человека. Желаний было два.

— Я тебя затаскаю по судам!

— А третьим желанием ты попросил десять книг на этом столе тебе выдать. Вот ты и получил...

— Ни в коем случае! Это было одно желание! Я тебя никуда не выпущу, пока не исполнишь! Какая мерзавка! И я знаю, в чем дело, — тебя купили!

— Чего шумишь? — крикнула из кухни жена. — Опять не то пожелал?

— Враги! — откликнулся Ложкин. — Всюду враги. Обманули, ввели в заблуждение. И не удалось мне возродить нашу славную державу!

— Ну вот, а корыто худое, — сказала жена.

— В следующий раз, — откликнулся Ложкин. — Еще не вечер. Он был историческим оптимистом.

Сунул руку в медный таз, чтобы придушить рыбку, но его опередила большая черная ворона, которая успела снизиться на подоконник, выхватить рыбку клювом и унести в небеса.

— Туда тебе и дорога, провокатор! — крикнул вслед Ложкин.

И уселся листать свой одномомник. Все-таки кое-чего мы до-

бились. А ворона несла рыбку к себе в гнездо, и путь ее лежал через речку. И в тот момент внутренний голос подсказал ей:

— Раскрой клюв, раскрой клюв, раскрой клюв, тебе говорят!

Ворона раскрыла клюв, и рыбка, немного помятая, но здоровая, упала в воду.

Зоомагазин опустел.

Владельцы рыбок поспешили загадывать желания, а Лена с Олей остались одни. Даже Никодим уехал, а верный Мирослав скрылся с рыбкой.

— Может, Слава будет просить у рыбки моей руки? — спросила Оля.

— Глупости, — возразила Лена. — Зачем ему через рыбку это делать, когда ты ждешь не дожدهшься, чтобы он напрямки тебя попросил.

— Но ведь не просит, стесняется.

— А может, не хочет?

По этому обмену репликами вы можете понять, что Оля еще наивна и оптимистична, а Лена ни в жизнь, ни в мужчин не верит. Ее молодость миновала, так толком и не начавшись.

— Ты его не знаешь, — сказала Оля. — Он совсем не такой плохой, как тебе кажется.

— Мне не кажется, я знаю, — отозвалась Алена. — Он на Армена пашет. А Армен — нашего магазина крыша. Вот твой Славик и следит, чтобы мы не заработали больше, чем положено.

Это был не первый разговор на эту тему. И развивался он по стандарту.

— Прежде чем Славика обвинять, ты бы о своем Бореньке вспомнила! Сделал тебе ребеночка — и с концами! В восемнадцать будешь ты матерью-одиночкой.

Бывает же такое в жизни: Лена детей терпеть не могла, даже в детстве со сверстниками не играла в песочек. И надо же — стала жертвой нескольких ночей любви. И решила: бог с ним, с Борькой, рожу ребеночка, Борька от меня никуда не денется — женится как миленький, испугается общественного мнения. Алена никому не сказала, что подзалетела, даже от сестры скрыла. И когда уже никаких сомнений не оставалось, то сообщила радостную весть Бореньке, в которого была влюблена, как дикая кошка. Вы не поверите, но Боренька вовсе не обрадовался. И не поспешил жениться на юной возлюбленной. А сказал примерно следующее:

— Учти, денег на аборт у меня нет и не будет. Проси у своей мамы.

Это был непереносимый удар, потому что и у самой Лены де-

нег не было ни копейки, у нее все Боренька отнимал, чтобы прилично одеться. И у Оли не было, она только что туфли купила фирмы «Габор», а у мамы просить — проще сразу повеситься.

Лена проплакала всю ночь, а потом что сделала? Вы думаете, взяла денег в кассе магазина? Заняла их у друга детства? Ничего подобного. Она пришла к твердому выводу, что Боренька так среагировал на ее слова от свойственного мужикам чувства робости, нерешительности и стеснительности, хотя в том Бореньку обвинить было невозможно. И она стала ждать, когда Боренька придет к ней со словами: «Я все понял! Побежали в ЗАГС. Как мы назовем нашего малыша?» Через два месяца пустого ожидания, когда ни о каком аборте и речи быть не могло, Боренька уехал из Великого Гусляра. На заработки и поиски счастья.

А животик Алены принял такие очертания, что даже мама догадалась: это не избыточный вес.

Пороть Алenu было поздно и негигиенично. Дом был залит маминими слезами, которая всю жизнь пахла как проклятая, выращая двух дочек без отца-беглеца, и лишь сестра Оля оставалась спокойной. И знаете почему? Оля обожает и маленьких, и больших детей. Она мечтала даже пойти после восьмого класса работать уборщицей в детский садик, но там так мало платят, что о туфлях фирмы «Габор», которые Оля тоже любила, нельзя было и подумать. Вот и работали сестрички рядом до этого знаменательного дня и опомнились в пустом магазине с одной рыбкой на двоих.

— У нас три желания, — сказала Оля. — Как будем делить? Я предлагаю по одному желанию личному, а одно общее. Не возмущаешься?

— Не верю я в сказки, — ответила Алена.

— А может, тебе загадать колясочку для маленького? — спросила Оля.

Лена отрицательно покачала головой. Она была куда мудрее сестры и понимала, что загадывать колясочку — все равно что колоть паровозом орехи.

— Я подумаю, — сказала Лена, хотя в ее сознании желание уже начало материализоваться.

Вы догадываетесь?

Я тоже догадался с самого начала. Лена решила вернуть себе Бореньку. А почему бы и нет? Но она не спешила говорить об этом вслух. Надо бить наверняка.

— И я пока подумаю, — сказала Оля, но вместо того, чтобы просто думать, она достала листок бумаги и принялась записывать в столбик приходящие в голову желания. Как значительные, так и пустяковые.

Столбик у нее получился примерно такой:
 Чтобы Мирослав вел себя прилично и не приставал.
 Дубленка.
 Поступить в техникум.
 Встретить такого парня, чтобы все лопнули от зависти, а он бы ей цветы покупал.
 Чтобы Мирослав не матерился.
 Чтобы с Ленкой было по отдельной комнате.
 Чтобы у Ленки родился ребеночек и они его вместе воспитывали, без мужиков, от которых никакой пользы.
 Чтобы в третьем квартале не было недостачи.
 Новый стильный купальник, чтобы ничего не закрывал.
 ...У Ольги все возникали новые желания, но ни одно из них не было главным или страстным. Если бы все исполнить, это был бы кайф, а если выбирать, то неизвестно какое.
 Но Алена была готова к первому и единственному желанию, которое свойственно будущим матерям.
 — Я загадаю, хорошо? — спросила она.
 — Давай, сестра, — произнесла Ольга.
 И Алена, зажмурившись, произнесла. Тихо и внушительно, словно колдовала:
 — Пускай Борис немедленно вернется ко мне!
 Ольга только ахнуть успела.
 И посреди магазина стоял Боренька, эгоистичная душонка, отец нашего ребенка, ни дна ему, ни покрывши.
 Несмотря на то что день был в полном разгаре, Боренька был одет лишь в трусы в цветочек и шлепанцы — на плечах полотенце, щеки в алой губной помаде, взгляд утомленный и обалдевший.
 — Это что происходит? — спросил он грозно, вместо того чтобы броситься на шею своей возлюбленной.
 — Боря, — ахнула Алена, которая глазам своим не верила. — Ты почему пришел в таком виде?
 — Я пришел? — удивился Боря. — Я пришел? Я попал в ловушку! Мне это снится.
 Если вы думаете, что соблазнитель Боря был героем, молодец вроде купца Калашникова, то вы ошибаетесь. Боря был невысок ростом, склонен к полноте, но руки и ноги у него оставались тонкими и голубоватыми, несмотря на все попытки загореть.
 — Что творится, где Римма? — кричал он. — Кто посмел вырвать ее из моих объятий?
 — Ты дома, — сказала Алена. — Ты вернулся ко мне и своему будущему ребенку. Успокойся и иди одеваться.
 — Какой дом? — возмутился Боренька. — Мой дом в Вологде,

я пребываю сейчас на берегу в оздоровительном комплексе «Северное сияние».
 — И рядом с тобой новая возлюбленная? — строго спросила Ольга, которая поняла, какую глупую ошибку совершила ее сестра.
 — Какого черта! — Боря топнул ногой. — Как ты меня затанула в омут мещанской жизни?
 — Это золотая рыбка, — призналась Алена, — как в сказке. Я ей загадала желание, чтобы ты вернулся. Я думала, что ты будешь рад...
 Голос ее колебался, словно оборванная скрипичная струна. Она уже поняла, что совершила глупую ошибку.
 И свидетельством тому стали ее слова:
 — И аборт уже поздно делать.
 — Какие рыбки? — спросил Боря. — Повторите, какие рыбки? Где они? Кто выдает желания?
 Вялой рукой Алена показала ему на банку, в которую они с сестрой пересадили рыбку из карандашного стакана.
 Боря резко обернулся к рыбке.
 — Понятно, — сказал он плотоядным голосом. — Сколько у нас осталось желаний?
 — Два, — скучно бросила Алена.
 — А ну, — приказал Боря. — Прошу вас, девочки, отойти и не мешать мужчине.
 — Это наши общие желания! — воскликнула Оля.
 Боря уже не видел ее.
 Он бормотал зачарованно:
 — Сначала надо... надо квартиру и машину... нет, сначала надо виллу на Кипре. Нет, сначала надо дворец в Баварии... начнем с дворца в Баварии...
 Если бы кричать сразу, может быть, рыбка не сообразила бы и выполнила его преступную волю, но, пока он бормотал, пришла в себя Ольга и поняла, что нельзя терять ни секунды. Она закричала страшным голосом:
 — Рыбка, у меня срочное желание! Чтобы этот тип, чтобы Борис Глебкин исчез навсегда с наших глаз, чтобы мы его никогда не видели и он бы никогда не вернулся в Гусляр. Пускай он живет... в Патагонии или на острове Пасхи, но чтобы даже не помнил наших имен...
 — С удовольствием, — произнесла золотая рыбка.
 На месте Бори возникло завихрение воздуха и шуршание, словно в отдаленной галактике столкнулись две звездочки.
 И нет Бори. Отправился в Патагонию.
 Будто не было никогда.

— Ну что ты наделала! — зарыдала Алена. — Я же никогда теперь его не увижу!

— А ты хочешь его видеть?

— Не знаю.

— Ты что, не поняла, в каком он виде и с какими желаниями?

— Я все понимаю, — прошептала Алена. — Но все же он — отец ребенка. Мне без отца этот ребенок и вовсе не нужен. Жизнь они мне на пару поломали! С обрыва, что ли, сброситься?

— Не стоит он того, чтобы бросаться, — сказала Ольга, имея в виду Бориса.

— Я знаю! — диким голосом возопила Алена. — Отдай мне последнее желание! Оля, Оленька, ты же меня любишь! Отдай мне желание!

Оля не успела ответить, как послышался голосок рыбки, которая уже близко к сердцу принимала страдания девушек.

— Если она снова будет своего Бореньку возвращать, я отказываюсь.

— Нет, — сказала сквозь слезы Алена, — не буду я его возвращать.

— Тогда скажи, чего хочешь, а я не буду спешить с исполнением, — сказала рыбка, — если твое решение разумно, я его выполню. Ольга кивнула.

— Я хочу, чтобы я больше не была беременной, — сказала Алена. — Пускай я снова стану девушкой.

— Ой! — воскликнула Ольга. — Но ведь ребеночек уже есть!

— Вот именно, — сказала рыбка. — Я могу сделать тебя снова девушкой, но совершенно не представляю, куда денется младенец из твоего живота.

— На помойку! — крикнула Алена.

— Это жестоко, — сказала рыбка. — У меня, например, рождается около тысячи икринок, и я ни одну из них не подумаю выбросить на помойку.

— Тогда я утоплюсь.

— Не следует этого делать, — сказала рыбка.

— Я все равно утоплюсь!

— Но куда мы денем младенца?

— Ой, — вмешалась в их нервную беседу Оля, — а нельзя мне этого ребеночка взять?

— Как так взять?

— Перенеси его в меня, — попросила Ольга. — Я его уже заранее люблю. Я всегда его любила, я всех маленьких детей люблю, я его рожу, я его кормить буду, я его в школу отведу, ну пожалуйста!

— Но если у тебя свои будут?

— А он что, разве будет не мой?

— В какой-то степени твой.

— Никто не догадается, — сказала Оля, — мы же с Аленой на одно лицо!

Рыбка спросила у Алены:

— А ты как к этому относишься?

— Мне до лампочки, — отозвалась Алена. — Пускай в приюте поживет.

— Приют — это мой живот, — сообщила Ольга. — Выполняйте желание!

Произошло помутнение атмосферы, шуршание звездных скоплений, возникла космическая мелодия, Алена мгновенно похудела и настолько потеряла в весе, что ей пришлось схватиться за угол прилавка, чтобы не упасть, зато ее сестра качнулась вперед и уперлась руками в стену, ибо у нее мгновенно вырос живот.

— Какое счастье, — сказала Ольга, придя в себя.

— Какое счастье, — сказала Алена, придя в себя.

Когда сестры отдышались, они понесли банку с рыбкой к реке, а по дороге рыбка их предупредила:

— Вам надо подготовиться к тому, что даже дома Ольгу теперь будут называть Аленой и наоборот.

— Я понимаю, — сказала Алена.

Она не могла сдерживать жестокой улыбки. Теперь у нее на всю жизнь будет жестокая улыбка.

— И Ольге придется пережить все моральные неприятности, связанные со статусом матери-одиночки, — сказала рыбка.

— Первые шесть месяцев Алена за меня отработала, — сказала Ольга и поцеловала сестру в щеку.

Алена посмотрела на сестру и в первый, но далеко не в последний раз позавидовала ей.

Забегая далеко вперед, надо сказать, что когда через три месяца Ольга родила маленького Сережу, врачи, что обследовали ее, констатировали редчайший случай непорочного зачатия. И когда через болтливых медсестер эта новость распространилась в Гусляре, у Ольги появились поклонницы, которые полагали, что она — святая женщина. Но это уже другая история.

Если задуматься, то ситуация возникла глупая. Невероятная и даже не фантастическая, потому что любая фантастика ищет объяснений, а тут — сплошные нелепости. И когда впоследствии компетентные лица старались разобраться в накладных и понять, как могло случиться, что в торговую сеть вторично попали говорящие золотые рыбки, то выяснилось: накладные составлены непрофессионально, неразборчиво и просто неграмотно. Всегда у

нас так — большое дело делаем, а простую бумажку составить не умеем.

Неудивительно, что в поступках затронутых событиями людей также прослеживались нелепости.

Возьмем Армена Лаубазанца.

Он, как голодный кот, ходил вокруг банки с рыбкой, но, будучи опытным бандитом, не спешил высказывать желания. И после часа раздумий позвонил по межгороду в село Санаин, где живет его дедушка Ашот, мудрый человек.

Армен объяснил дедушке, в чем проблема.

— Желания клубятся в моей голове, — сообщил он, — но не могу выбрать принципиальное.

— Буду думать, — ответил дедушка.

Он перезвонил внуку через двадцать минут и сказал:

— Самое важное — вернуть Арарат в Армению. Добром турки нам эту великую гору не отдадут. Значит, не зря господь послал тебе золотую рыбку. Требуй от нее возвращения Арарата. А уж потом будем думать о семейном благополучии.

— Я хочу тогда, — заглянул в будущее Армен, — организовать экспедицию на Арарат, чтобы найти там Ноев ковчег.

— Молодец, — сказал дедушка. — Но сначала верни его в Армению.

Счастье — это уверенность в себе. Так учил Заратустра. Счастье снизошло на Армена. Он выпил квасу и сообщил рыбке:

— Мое первое желание: пусть Арарат вернется из Турции на родину.

— Слушаюсь, — проговорила золотая рыбка, махнула хвостиком и ушла в глубину банки.

В следующий момент посреди комнаты образовался склонный к полноте мужчина средних лет. Был он лыс, но над ушами колосились черные кудри. Взгляд у него был яростный, сверкающий, в одной руке он держал шампур с недоеденным шашлыком, в другой — шелковую салфетку.

— Это что за безобразие! — воскликнул мужчина. — Ты хочешь, чтобы я шашлыком подавился? Я же тебя по судам затаскаю...

И только тут человек сообразил, что его куда-то перенесло.

— Где я? — спросил он.

— А ты кто такой? — спросил Армен.

— Кто такой? Ты что, не знаешь меня? Меня весь Конотоп знает. Я Арарат Мкртчян! А ты — ничтожный похититель моего времени!

— А ты где? — упавшим голосом спросил Армен.

— Как — где? На курорте Анталия, в гостинице пятизвездочной «Ататюрк», тебе что, не сказали?

— Значит, ты в Турции?

— Слушай, — Мкртчян стал нервно осматриваться. — Мне все это не нравится. Где гостиница? Где моя девушка Ксения? Кто меня похитил?

— Тебя не похитили, — сказал Армен. — Тебе хотели как лучше сделать. Тебя хотели из Турции вернуть... — Тут Армен обернулся к банке с рыбкой и зашипел: — Ты что, посмела издеваться, да? Ты зачем товарища от обеда оторвала? Какое ты право имела?

— Я точно выполнила желание, — сказала рыбка. — Ты просил вернуть Арарата из Турции, просил, да?

— Я гору просил! Я просил границу передвинуть, а не человека от обеда отрывать.

— Ты сказал, что имеешь в виду гору, а не конкретного человека? — спросила рыбка.

— Я сказал, что каждый нормальный человек знает! А этого самого Арарата кто знает?

— Меня мама знает, — обиделся Мкртчян, — меня Ксения знает, меня сотрудники по предприятию знают. Не обижай меня и немедленно отправь обратно! А то я милицию вызываю.

— Этот вызовет, — сказала рыбка. — Я в людях разбираюсь.

Мкртчян превышал Армена размерами и надвигался на него, как слон на зайца, намереваясь проткнуть насквозь шампуром.

Конечно, тут бы самое время позвать охрану, но охрана уехала на обед, Армен сам ее отправил, чтобы не было лишних свидетелей.

— Стой! — закричал испуганный Армен. — Все нормально! Рыбка, слушай мою команду! Немедленно верни Арарата в Турцию на то место, откуда он сюда приперся!

И в последнее мгновение Мкртчян успел протянуть Армену шампур с остывшим шашлыком. Может быть, пошутил, а может быть, в самом деле догадался, что Армен искренне переживает свою ошибку.

Было пусто и тихо.

«Какой же я был идиот, что стал слушаться деда. Дед давно из ума вышел, а я, как дурак, его всерьез принял. Какой еще Арарат? А что, если бы гора к нам переехала или граница подвинулась? Только один международный скандал и никакой человеческой радости. Ах, какой я идиот!»

И тут зазвонил телефон.

И конечно же, звонил дедушка из Санаина, выживший из ума националист, тоскующий по былой славе армянского государст-

ва. Тот самый, который заставил молодого человека добывать из Турции Мкртчяна. «Ну, сейчас я ему все объясню!»

И Армен все объяснил старому деду. Все высказал и даже собственное отношение к некоторым выжившим из ума старикашкам.

И выслушав его, мудрый старик переспросил:

— Значит, ты этого туриста Арарата вновь в Турцию отослал?

— Разумеется, охота мне было по судам отдуваться!

— Грустно, — сказал дедушка.

— А мне как грустно! Два желания истратил и как был на исходной позиции, так на ней и стою.

— А кто виноват?

— Ты, дед, виноват! — не выдержал Армен. — Глупый совет дал, а теперь мне расхлебывать.

— Нет, — сказал дедушка. — Не я глупый совет дал, а ты две непростительные глупости совершил.

— Ну уж!

— Почему ты рыбку задание не конкретизировал, а? Почему ты не подумал, что она разбирается в географии, как моя третья жена? Мог же сказать, что гора такая существует?

— А кто мог предположить, что в Турции отдыхает армянин с таким дурацким именем?

— Это не дурацкое имя, это патриотическое имя. Его отец мечтал о горе, как твой отец мечтал о романтике, когда твоего брата Гамлетом назвал. Разве Гамлет — это дурацкое имя?

— Гамлет — это другое дело, — возразил Армен, но прозвучало это неубедительно.

— А про твою вторую глупую ошибку сказать? — спросил дедушка.

— Как хочешь.

— Сколько путевка в Турцию стоит?

— Пятьсот долларов, — сразу ответил Армен.

— Что тебе помешало попросить у рыбки миллион долларов, а тысячу из них отдать этому Арарату, чтобы он снова в Турцию полетел и еще в выгоде остался?

Наступила долгая пауза. Армен молчал, молчал, а потом бросил трубку.

— Эй, наивный мальчик, что ты не отвечаешь? — спросил дедушка.

В трубке зазвучали короткие гудки.

— Интересно, — сказал сам себе дедушка, — как этот идиот забывает последнее желание?

Еще не успело рассеяться помутнение воздуха, вызванное же-

ланиями Армена Лаубазанца, как наступила пора следующего неудачного желания.

На этот раз жертвой его стал сам Никодим, инопланетный шпион, опытный человек, законченный негодяй. Вот уж от кого ошибок нельзя было ожидать.

Но именно черная инопланетная душа Никодима и вызвала к жизни последующие события.

Сперва Никодим, затолкав золотую рыбку в водонепроницаемый карман кожаной куртки и наполнив его водой из-под крана, снова вышел на связь с начальством. Там, в пункте Два-икс созвездия Кита, шло секретное совещание.

— Ну и как? Получил? Отравил? Уничтожил? — загалдели акулы космических злодейств.

— Рыбка получена, — ответил Никодим. — И готова к употреблению.

Пункт Два-икс включил все компьютеры, чтобы решить, как лучше всего использовать неожиданное везение в интересах межзвездной вражды.

А Никодим стал ждать.

И думать, может, и ему что-нибудь обломится от этого счастья?

Резиденту на Земле бывает тоскливо и одиноко. Годами приходится таиться в чужом облике, вдали от семьи и друзей. И далеко не всегда материально он может компенсировать потери в бесцельно прожитых годах. И вот сейчас у Никодима (настоящего его имени вам никогда не выговорить) появилась возможность натянуть нос спецслужбам, скрыть от них дополнительные возможности...

— Сколько всего желаний? — спросил Центр.

Никодим готов был сказать — одно. И тут же испугался, что голос его выдаст. Но и лишить себя возможности короткого счастья он не желал.

— Два, — выговорил он.

— Два... — понеслось через пространство... — Два! Два! Два! Два!

Величайшие злобные умы Черных галактик мечтают об удушении всех свободолюбивых цивилизаций. Землю они, к сожалению, относят именно к их числу. Значит, намереваются ее истребить. Но не сразу и так, что Верховный совет галактики, который пресекает все случаи геноцида, ни о чем не должен догадаться.

Они ждут своего часа...

И вот, дождавшись, они велют Никодиму подготовиться к исполнению желания злобных сил.

А он, выслушивая приказ, думает совсем о другом.

И загадывает основное и страшное вселенское желание между делом, не задумываясь.

— Пусть отныне, — говорит он золотой рыбке, у которой от ужаса начинают осыпаться чешуйки, — жители Земли перестанут размножаться, пускай они потеряют интерес друг к другу — девушки к юношам, а мужчины к женщинам. Пускай они с удивлением будут читать о Ромео и Джульетте и хохотать над проблемами Отелло. Пускай Лейла и Меджнун, Тинагин и Тэриел станут для них пустым звуком. Пускай с сегодняшнего дня не будет больше зачато ни одного человеческого ребенка. И пускай через девять месяцев из роддома № 1 выйдет последняя мать с новорожденным младенцем. Далее — пустота.

— О нет! — воскликнула рыбка.

Но что она может поделать! Ведь рыбка не более чем исполнитель.

— А второе мое желание заключается в том, чтобы уже рожденные дети потеряли желание учиться и способности к обучению. Чтобы человеческий род пресекся в ближайшие десятилетия, и последние представители его будут неучами, не способными сидеть у компьютера или подниматься в небо. Это будет раса ничтожеств!

— О нет! — закричала рыбка.

Но что она могла поделать.

А Никодим даже не заметил, что он совершил, как он погубил земную цивилизацию. Он думал лишь о себе. О третьем личном пожелании.

— Пускай сюда прибудет моя супруга, — произнес Никодим, — со всеми нашими детишками. Пускай они побудут со мной хоть немного, я так о них тоскую!

Никодим искренне полагал, что он сделал так много для своей родины, что даже если там узнают о его инициативе, то строго наказывать не станут.

Беда заключалась вот в чем.

За годы работы на Земле Никодим постепенно забыл, что внешне он теперь отличается от своей жены и детей. Ведь государство пошло на невероятные расходы, чтобы превратить его физиологически в человека. Конечно, Никодим мог бы попросить рыбку придать жене человеческий облик, но ведь у него осталось лишь одно желание. Превратишь — а как обратно превращать? Не станет же он мириться с тем, что жена станет уродливой, как все земные женщины. О нет, только не это! Достаточно того, что он сам невероятен и отвратителен для иксового глаза.

И вот легкомыслие инопланетного агента привело к тому, что земля на площади Землепроходцев вскипела, вспучилась, подня-

лась холмом, и наружу медленно выполз червь, вернее червиха, длиной в шестнадцать метров и диаметром в три. По всем меркам она была первой красавицей на Два-икс, и когда вышедший навстречу Никодим увидел ее, у него дыхание перехватило от эстетического благоговения. Как же он смог прожить все эти годы в окружении уродов!

Никодим побежал через всю площадь к червихе, к прекрасному инопланетному насекомому с криком:

— Наша лапонька приехала!

И все их детишки, что извивались на спине матери, подобно живым волосам горгоны Медузы, в ужасе от необычного зрелища — бегущего к ним человека — заметались и стали скручиваться в кольца.

Но мать всегда мать.

Она распахнула свою желтую пасть, в которую хоть и с трудом, но мог бы уместиться рейсовый автобус, смела с площади оранжевым языком бегущего к ней Никодима, включая его кожаный костюм и сапоги, и проглотила резидента целиком, практически не пережевывая, как она делала обычно с пролетающими мимо стрекозами.

Никодим пролетел внутрь жены, скользнул вниз по пищеводу и окунулся непутевой головой в кипящий желудочный сок.

Вот и пришел конец агенту.

Хотя черное дело он успел совершить.

Хотя, вернее сказать, он совершил по одному черному делу во всех трех желаниях.

Во-первых, лишил Землю стремления размножаться.

Во-вторых, отнял у молодых землян страсть к знаниям.

В-третьих, не только сам погиб, но и оставил после себя неутешную ядовитую вдову длиной в шестнадцать метров, которая в ярости и растерянности свивала и развивала кольца на площади и никак не могла сообразить, кто и почему ее сюда приволок.

Именно об этом шел разговор вокруг чуть покосившегося могучего стола для игры в домино во дворе дома № 16 по Пушкинской.

Сидели там Корнелий Удалов, который сберег свою золотую рыбку и не спешил реализовать ее возможности, потому что, как опытный космический путешественник, межпланетный психолог и просто поживший на свете человек, знал, что вскоре ему придется пожертвовать своими желаниями, чтобы спасти город от последствий чужих необдуманных порывов.

Напротив него, опершись локтем о стол, находился великий

ученый профессор Минц, который также понимал, что ничего хорошего от рыбок ждать не приходится. Не созрела еще Россия для того, чтобы пользоваться золотыми рыбками.

Третьим в этой интеллигентной компании оказался недавно поселившийся в Великом Гусляре жулик, пройдоха, религиозный мракобес, но в то же время веселый озорной человек и неплохой волшебник Ходжа Эскалибур. Его только в последнее время стали принимать в порядочном обществе, и он нередко приходил в него в сопровождении юных неофиток, то есть девиц, которые презрели учебу, родительскую ласку и прочие достижения цивилизации ради того, чтобы сидеть у ног волшебника и пророка и глядеть на него бездумными телячьими глазами.

На этот раз он пришел в одиночестве.

Слишком серьезным было дело.

И никто, кроме этих трех джентльменов, не отдавал себе отчета в том, чем история с золотыми рыбками может аукнуться для города и всей нашей планеты.

Тридцать лет назад желания были локальными, потому что сама цивилизация Советского Союза была замкнутым явлением.

Теперь же все изменилось.

Распахнулись психологические ворота.

Мир стал единым.

— Ничего доброго я не жду, — сказал Минц. — Потому что народ у нас эгоистичный и каждый тянет одеяло на себя.

— И не понимает, — подхватил Удалов, — того, что мир — это сплошной сообщающийся сосуд. Где в одном месте убыло, в другом прильется. И если ты пожелал отхватить двойной дачный участок, это означает, что у твоих соседей станет меньше соток.

— Пример наивный, — сказал Минц, — но верно передает суть человеческих отношений. Тем более если ты станешь этому захватчику объяснять, что нельзя отнимать сотки у соседа, он ответит: «Это ваши проблемы», что стало самым популярным высказыванием в мешанской среде.

— Наша обязанность быть монитором, — заметил волшебник Эскалибур. — И как только мы заметим тревожные тенденции, немедленно принимать меры.

Его черные, блестящие, выпуклые глаза сверкали при этом так зазывно и лукаво, что казалось, будто он рассуждает о веселой выпивке или танцульках. А не о судьбах нашей планеты.

Он материализовал несколько бутылок пива «Сибирская симфония», и Удалов подумал: ну зачем такому пройдохе золотые рыбки, он же сам почище их может колдовать.

— А вот и не так, — перехватил его мысли волшебник. — Я мо-

гу решать проблемы житейские, бытовые, но никого мне не делать владычицей морскою или даже сватьей бабой Бабарихой.

— Вот именно, — подтвердил профессор Минц, занятый своими мыслями.

И тут внимание мудрецов Великого Гусляра привлекла Тася.

Тася живет через два дома, ей семнадцать лет, она не то чтобы красива, но чертовски мила, всегда лохмата, всегда курноса и губаста. Куда она идет — не столь важно, но если сказать правду, то к своей тетке, чтобы та сшила ей нечто рискованное. Если у тебя нет денег, чтобы одеваться в парижских бутиках, да, впрочем, и бутиков в Гусляре еще не завелось, то всегда остается надежда на тетушку современных взглядов.

Тася была девушкой воспитанной, и она вежливо поздоровалась с дедушками и дяденькой, которые сидели за столом и пили пиво.

Дедушки и дядя тоже с ней поздоровались.

Пройдя несколько шагов, Тася замедлила шаги и потом приостановилась.

Что-то было неладно.

Мужчины на нее неправильно смотрели.

В семнадцать лет хорошенькая девушка отлично знает, как мужчинам полагается на нее смотреть. И она, хоть, может быть, вслух возражает против таких наглых взглядов, понимает, что они — своего рода комплименты. И пока взгляды несутся к ней со стороны половозрелых мужчин, у нее еще все впереди.

А Тася, миновав мужчин за столом, вдруг поняла, что они на нее смотрят не так. Равнодушно смотрят. Как Лидия Семеновна в поликлинике на профилактике.

Она обернулась.

Никакой реакции. Флюиды до нее не долетели.

Тася пожалала плечами и быстро пошла дальше, подчеркнуто раскачивая бедрами.

Никаких взглядов.

А через минуту и мужчины сообразили, что происходит нечто неладное.

— Видно, я совсем старым стал, — сказал Минц. — Гляжу на это лолитское создание, и ничто во мне не трепещет.

— Это пиво виновато, — сказал Удалов.

— Пиво ли? — произнес Ходжа Эскалибур. — Мне на возраст жаловаться рано. Еще второй тысячи лет не разменял.

— Климат, — сказал Минц. — Совершенно испортился климат.

За воротами заиграла музыка.

Они повернули головы.

У дома напротив остановилась кавалькада в составе двух ино-марок и туристической пролетки. Именно в ней сидели жених с невестой.

Жених спрыгнул с пролетки.

Гости стали хлопать в ладоши.

Жених протянул руки к невесте.

— Ты что? — строго спросила невеста. — Платье помнешь.

— И то правда, — сказал жених и первым пошел в дом.

— Невесту забыл! — крикнули из толпы родственников.

— Да ладно, — отмахнулся жених. — Выпить хочется.

— Как выпить, так без меня! — возмутилась невеста, спрыгнула с пролетки и, подобрав подол, ринулась в дом.

За ней потянулись зрители и свидетели.

Минц нахмурился.

— Неладно, — сказал он. — Не нравится мне это.

Со стороны площади Землепроходцев послышался страшный рев, земля вздрогнула. Именно в этот момент самка с планеты Два-икс заглотнула своего любимого мужа.

— Разгул желаний, — произнес Ходжа Эскалибур. — Мы стоим на краю пропасти.

Во двор вошел Максимка-младший, внук Удалова.

— Вас отпустили на каникулы? — спросил дедушка.

— Отпустили, — ответил Максимка, вынул из ранца учебник «Родная речь» и принялся на ходу вырывать из него страницы. Страницы летели позади него, как стая чаек.

— Ты что делаешь? — испугался Удалов.

— Так ведь нас отпустили! — сказал Максимка.

— Это не означает, что вас не призовут в школу в будущем учебном году, — сказал дедушка.

— Черта с два! — ответил внучек. — Не видать им меня больше там, как своих ушей.

Он продолжал рвать учебник, и Удалов не выдержал, вскочил, выхватил остатки книжки у ребенка, дал ему подзатыльник. Не успел еще Максимка зареветь, как профессор Минц спросил:

— И чем ты намерен отныне заниматься?

— В спецназ пойду, — ответил ребенок. — Буду террористов мочить.

— Славный мальчик, — заметил Ходжа. — Наверное, он будет решать национальный вопрос.

— Мальчик переутомился, — сказал Удалов и потащил сорванца домой.

Переутомился крошка, ничего страшного. С другими что-то происходит, но с нашими отпрысками дурного быть не может.

По детским воплям и мужскому крику было понятно, как они взбираются по лестнице на второй этаж.

Минц отпил из горлышка.

— Не может ли поведение ребенка, — сказал он, — быть связано с преступными или легкомысленными желаниями наших сограждан?

— Я вас не понимаю, коллега, — ответил Ходжа Эскалибур.

Минц слегка поморщился. В устах Ходжи Эскалибура слово «коллега» несло несколько издевательский оттенок. Минц был естественником, трезвым профессором и скептиком. Ходжа Эскалибур, появившись в Великом Гусляре, начал создавать какую-то языческую секту, соблазнять своих юных жриц, строить трехэтажный коттедж из вишневого датского кирпича, давать объявления в городскую газету о сеансах черной и белой магии и печатать гороскопы, которые совершенно не сбывались, но в которые верил весь город. Может быть, Ходжа Эскалибур был жуликом, а может быть, ловким фокусником, а может быть, там что-то было нечисто, но он так ловко умел втереться в доверие к достойным людям, что отделаться от него было невозможно. Даже Минца он смог обаять, причем совершенно нестандартным образом. Он стал ходить на стадион «Речник» и болеть за местную футбольную команду, причем всегда оказывался на соседнем с Минцем месте. А вы не представляете себе, как сближает совместное лицемерие спортивных состязаний. Люди высокого ранга смотрят теннис или даже делают вид, что играют в теннис, а вот демократы духа всегда идут на стадион болеть за футболистов.

Кстати, с Удаловым Эскалибур сблизился еще проще, потому что когда в том месяце Удалов приехал на озеро Копенгаген порыбачить, то увидел на своем любимом и постоянном месте черноглазого мошенника. При виде Удалова он освободил место и уселся неподалеку. И надо вам сказать, что у Удалова, как всегда, не клевало, а у Эскалибура клевало сказочно. Настолько, что Удалову захотелось поднырнуть под его поплавок и поглядеть, нет ли там, на дне, большого ведра со стерлядью, судачатами, подлещиками и иными редкими обитателями озера.

— Если желаете, — сказал Эскалибур, — могу уступить место. По-моему, мне незаслуженно везет.

Конечно же, Удалов стал отказываться, но потом дал себя уговорить и перешел на пригорок Эскалибура.

И знаете, что произошло? Удалову стало везти.

Если бы у Корнелия Ивановича и на новом месте не клевало, то никаких добрых чувств в его сердце не возникло бы. Но когда он легко вытащил налима длиной в сорок шесть сантиметров, то в его душе шевельнулось что-то хорошее. Можете ли вы поверить:

не успел Корнелий Иванович насадить нового червя и забросить крючок в воду, как поплавок нырнул, словно клоннул крокодил, а ведь существует легенда, что некогда они в озере водились и даже не боялись морозов, а зимой дышали через лунки.

Но это был не крокодил.

Это был небольшой поджарый осетр. А уж эта рыба встречается в наших водоемах куда реже крокодилов.

— Удалов, ты гений рыболовства! — искренне воскликнул Эскалибур.

И Удалов предпочел ему поверить...

— Мне хотелось бы провести дополнительную проверку, — сказал Минц.

— Я бы предпочел подождать, пока обстоятельства станут яснее, — не согласился Ходжа.

— Почему? — спросил вернувшийся Удалов.

— Желания, — сказал волшебник, — в любом случае ведут к неприятностям. Не бывает безвредных желаний. Но их последствия не всегда очевидны.

— Не все желания вредные, — возразил Удалов. — Если ты желаешь хорошего для других, это ничего, кроме хорошего, не дает.

— Минц, объясните дяде Корнелию, насколько он наивен, — посоветовал волшебник.

— Мы столкнулись здесь с двумя школами мысли. Удалов представляет собой христианскую мораль. Воздаяние, самопожертвование, доброе дело и грех...

— Сейчас меня определяют в кришнаиты, — улыбнулся волшебник.

— Скорее я назову вас буддистом, — сказал Минц. — Любое желание опасно, любое ведет к беде, и цель человеческого существования — достичь отсутствия желаний, то есть нирваны.

— Какой еще ванны, — обиделся Удалов, который решил, что волшебник над ним смеется. — Я хочу людям помочь.

— А людям нельзя помогать, — сказал волшебник. — Люди от этой помощи обязательно погибнут.

Удалов в отчаянии развел руками.

— Это садизм какой-то!

— Это жизнь, — возразил волшебник. — Мы можем проверить исполнение всех желаний, какие были загаданы в этом городке. И я вам гарантирую, что в конечном счете ни одно из них до добра не доведет.

— Спорю! — вскинулся Удалов. — Спорю на миллион долларов.

— Хотите их попросить у золотой рыбки? — спросил волшебник.

— Неважно!

— Важно. Потому что тогда вы становитесь в стройные ряды просителей. Не ожидал я этого от вас, Корнелий Иванович.

— Но ведь я же ради правды и даже справедливости!

— Не спешите расставаться с чужим миллионом, — остановил его волшебник, — ведь я его у вас еще не потребовал. Я бесплатно докажу вам свою правоту.

— Сейчас? Немедленно? — спросил Минц.

— Пожалуй, спешить не стоит, — откликнулся Эскалибур. — Ведь последствия могут проявляться не сразу. Но в любом случае я могу их предсказать. Это моя специальность.

— Начинайте, — потребовал Удалов.

— Я уже окинул наш город мысленным взором и понял, что в нем исчезла любовь. Я имею в виду любовь плотскую, которая всегда ведет к поддержанию вида. Отменены все свадьбы и свидания, разорваны все фотографии, и отправились на помойку эротические издания. В городе творится нечто несусветное, хотя никто толком не сообразил, что надвигается гибель земной цивилизации. В то же время дети и подростки потеряли тягу к знаниям, вскоре полностью опустеют школы и техникумы, и репетиторы останутся без работы. Затем остановятся институты и заводы, люди начнут забывать достижения науки и техники, хотя бы потому, что они им не понадобятся.

— Чье это желание? — спросил Минц.

— Это желание неизвестного мне пока инопланетянина, который выполняет задание своего злодейского центра. Он таится среди нас и тихо посмеивается.

— Надо его немедленно найти и изболтать! — воскликнул Удалов.

— Пока он этого не захочет, ничего у вас, Корнелий Иванович, не выйдет.

— Но это же опасно!

— Еще как опасно. Из всех опасных желаний это, пожалуй, самое опасное.

— Это желание — исключение, — сказал Удалов. — Мы постараемся вывести его на чистую воду.

— Тогда пойдемте по городу, — предложил Ходжа Эскалибур. — Проведем блиц-опрос граждан. И я в каждом конкретном случае докажу вам, что исполнение желаний приведет к беде. И правы буддисты, которые учат, что чем меньше мы будем желать, тем дольше проживем на белом свете.

На первый взгляд Великий Гусляр выглядел как обычно.

Город как город. Ездят машины, снуют торговцы, бегут купаться дети, мамы с колясками стоят у фруктовых киосков... Владельцы золотых рыбок не спешат со своими достижениями, но если знаешь, что искать, и если у тебя развита интуиция, то сможешь отличить вчерашний город от Места исполнения желаний.

Друзья вышли на высокий берег реки Гусь.

Впереди поблескивало нечто массивное.

Вокруг происходило движение людей.

Обнаружилось, что там лежит задавленный до полусмерти золотыми цепями будущий бандит Мирослав, а возле, пользуясь его неподвижностью, трое или четверо жителей из соседних домов пытаются ножовками отпилить куски золота, чем причиняют Мирославу неудобство и даже боль.

Мародеры стали огрызаться при приближении зрителей, потому что решили, что Минц с товарищами включатся в грабеж.

— Уйди! — кричали они.

— Убьем!

— Долой!

— Спокойно, — ответил им волшебник Эскалибур.

Мародеры захохотали.

Мирослав устало плакал.

— Пойдем отсюда, — прошептал Удалов. Он давно жил в городе и был уверен, что не надо злить плохих мальчиков, потому что они могут тебя побить.

Но Эскалибур не боялся бандитов.

— Замри! — приказал он.

Бандиты замерли, как в детской игре.

— Спасибо, — прошепестел губами Мирослав.

— Сейчас мы освободим вас от цепей, — сказал волшебник.

— Век буду бога молить, — откликнулся на это предложение молодой человек.

С помощью легких пасов волшебник освободил шею и грудь Мирослава от невероятного груза и сказал, обращаясь к Удалову:

— Как вы видите, это пример горьких последствий неверно загаданных желаний.

— Я не хотел, — ответил Мирослав. — Я думал, как красивше, понимаешь? Я хотел цепь носить.

— Бросай ее, — сказал волшебник, — иди в народ, работай, будь у тебя честно заработанные цепи.

— Не цепи, — резонно возразил Мирослав, — а цепочки.

— И что ты будешь делать? — спросил Минц.

— Вы, граждане, пока посторожите золотишко, — ответил Мирослав, — а я за тачкой сбегаю. У нас в сарае где-то стояла.

И он, прихрамывая и клоня голову набок, умчался.

— Вот видите, — произнес Ходжа Эскалибур, — последствия ужасны и необратимы.

— Разрешите сказать фаталисту, — попросил профессор Минц. — Я убежден, что в споре не правы обе стороны. За исключением нескольких особых желаний, порожденных, вернее всего, иноземным мозгом, все остальные ничего не меняют. Да, молодой человек возжелал золотую цепь особого размера. Не случись золотой рыбки, он все равно со временем купил бы или отнял у кого-то свою золотую безделушку. Рыбки — это лишь ускоритель, катализатор естественных процессов.

— Точка зрения не хуже других ложных точек зрения, — заметил волшебник. — Обратите свои взоры на Коровий спуск.

На Коровьем спуске, не справившись с управлением дорогой и быстросходной машиной, врезалась в дерево Лика, могучая красавица, ограбившая Мирослава.

Лика вылезла из автомобиля и, глядясь в зеркальце, вытирала кровь с царапины на щеке, притом грубо высказывалась, подобно современным писателям, полагающим почему-то, что некоторые мысли без помощи мата выразить невозможно. А ведь это не так. Без помощи мата нельзя выразить лишь катастрофическое отсутствие мыслей.

— Вот еще одно желание, которое привело к дурному результату. Приобретая автомобиль, эта прелестная женщина не подумала, что им еще надо научиться управлять, — сказал волшебник.

— Но не было бы желания... — начал свое возражение Удалов.

— Не было бы — завела бы нового любовника, и все точно так же повторилось бы через две недели.

У зоомагазина, куда они попали после всех приключений, наши друзья встретили старика Ложкина. По слабости зрения и от большого волнения Ложкин оттолкнул Удалова, ворвался в магазин и принялся кричать:

— Прошу, требую, настаиваю, наконец, на том, чтобы мне, как ветерану войны и труда, немедленно выдали новую запасную рыбку, потому что выданный мне экземпляр оказался провокатором! Вы меня слышите?

Оля с Леной, которые как раз пили чай за прилавком, стали улыбаться, и беременная Оля сказала:

— Да их в десять минут не осталось, Николай Иванович. Даже если вы партизанским отрядом в войну командовали, все равно для вас рыбки не найдется.

— Тогда закажите в области, пускай со склада пришлют.

— Прости, сосед, — спросил Удалов, — а ты все желания испробовал?

— Кто мне позволит! — взъярился Ложкин. — Провокаторы! Все было подстроено.

— Да, — вздохнул Удалов. — Даже самый главный наш революционер остался без кардинального желания. А я на него так надеялся!

Ходжа Эскалибур, пока шел обмен репликами с Ложкиным, внимательно приглядывался к сестрам.

В отличие от их собственной матери, он точно знал, у кого из них на какой щеке есть родинка.

— А ну-ка, — сказал он, — какими желаниями вы воспользовались?

— Ах, это неважно! — отмахнулась Лена.

— А мне кажется, что это пока самое важное, с чем мне пришлось здесь столкнуться, — сказал Ходжа так, что его друзья насторожились, а Ложкин, видя, что на него не обращают внимания, кинулся прочь, чтобы побывать в мэрии и поговорить с начальством. Он был искренне убежден, что начальство наверняка обеспечило себя резервом и ему, как почетному ветерану, должны запасную рыбку выдать. Ведь цель у него совершенно благородная: вернуть к жизни Советский Союз.

— И я тоже так думаю, — сказал Минц.

Ведь мать или мужа всегда можно провести, но провести чужого дядю Минца слишком сложно.

И, немножко поплакивая, девицы рассказали о том, что поместились нерожденным младенцем.

Это сообщение прибавило остроты к спору Удалова с Эскалибуром.

— Девушки сами уладили все свои проблемы, — сказал Удалов. — Раньше был нежеланный младенец, а теперь у него будет любящая мать. И Боря улетел в Патагонию. Может быть, там его исправит тяжелый труд на ферме.

— Чепуха, — отмахнулся Эскалибур. — Когда младенец родится, обездоленная мать захочет вернуть его себе обратно, а мать приемная, разумеется, этого не захочет — она же мучилась, рожала! В семье возникнет неразрешимый конфликт... А еще хуже будет, если Ольга расскажет и скажет себе: «И зачем мне этот чужой ребенок?»

На этот спор Минц ответил так:

— А ничего не изменилось и не изменится. Потому что кто из сестер даст жизнь ребенку — не столь важно. Он все равно родится. И в той же самой семье. От перемены мест слагаемых, как учит элементарная арифметика, сумма не меняется.

Как и положено в интеллигентных спорах в нашей стране, до истины никто еще ни разу не докопался, ибо суть российского спора состоит не в достижении истины, а в доказательстве своей правоты. Помните, как на заре Средневековья монах Тертуллиан произнес: «Верую, ибо нелепо»? Подобно этому, у нас сейчас говорят: «А пошел ты со своими аргументами!» Менталитет разнится, но словосочетания близки.

И тут позиции спорщиков подверглись неожиданному испытанию.

Они как раз поравнялись со скромным зданием детского дома № 1, который размещался в бывших амбарах купцов Косорыловых. Оказалось, что амбары только что отремонтированы, покрашены в нежные цвета, а крыша совсем новая и зеленая.

— Что скажешь? — воскликнул Удалов голосом победителя при Марафоне. — Это сделала рыбка, которую перехватила библиотечка! Эта Марта себе ни копейки из желаний не возьмет. Есть женщины в русских селеньях. Их лозунг — твори добро! А ты, Эскалибур, проси прощения за то, что оклеветал русских людей.

— Ох, не уверен я в благополучном исходе этой затеи, — вздохнул волшебник.

И как в воду глядел, мерзавец!

Черная «Волга» выползла из-за угла и приостановилась у ворот детдома. За ней подъехала «Газель», и из машины высыпали человек шесть блюстителей порядка в камуфляже и черных масках. Все они ринулись в детский дом.

— Что это? — ахнул Минц, который, хоть и прожил семьдесят лет в нашей державе, не всегда понимал действия властей.

Из черной «Волги» вылезла Ираида Тихоновна, за ней — верный Поликарпыч.

Удалов хотел было ринуться в дом, чтобы помочь слабым, но волшебник придержал его за локоть.

— Наше время не наступило, — проговорил он.

Ираида не видела мужчин, отделенных от нее вековым дубом, на котором Косорылов, основатель рода купцов, вешал за ноги должников из ясачного племени кожухов и почти все это племя истребил.

Люди в черных масках вытащили из детского дома пожилого сутулого мужчину в очках — директора, а также слабую хрупкую библиотекаршу.

За ними из дверей высыпали детишки — все в новых костюмчиках и крепкой красивой обуви. Возможно, это и было второе желание Марты Викторовны.

Молодцы в масках кинули работников детдома к ногам Ираиды.

— Ну как, — спросила она, — будете признаваться или пойдем по этапу?

— Я не понимаю, в чем нас обвиняют? — спросил директор.

— А ты обернись, жулик, обернись! — прогремела Ираида. — Что ты сделал с нашим детским домом?

И она широким жестом указала на отремонтированный фасад.

— А что? — пискнула Марта Викторовна. — Разве это не красиво? Мы же пять лет у вас денег просили...

— И я вам их не дала, — ответила Ираида. — Так признавайся, на какие такие шиши-барыши вы провели капитальный ремонт здания?

— Но вы же знаете, — прошептала библиотекарша. — Это золотая рыбка... А на второе желание мы детишкам обновки сообразили.

— А третье? — рявкнула Ираида.

— Третье мы обдумываем.

— Пожалуй, мы проведем компьютеризацию старших классов, — предложил директор. Он уже не замечал, что стоит перед городским начальством на коленях. Он надеялся, что теперь-то недоразумение рассеется.

— Сначала вы пойдете под суд, — сказала Ираида. — Потому что у вас нет документов, финансовой отчетности и даже планов проведения работ. Вы будете о своих якобы золотых рыбках нашему народному суду очки втирать. Золотых рыбок не бывает.

— Но вы же знаете, — сказала библиотекарша, — вы сами у меня рыбку просили.

— Молчать!

— А средства уже три раза выделялись, но куда-то делись, — сказал директор.

— Клевета! Увести арестованных!

Но даже могучим молодцам это сразу не удалось, потому что воспитанники детдома преградили дорогу власти и начали кричать, плакать и даже угрожать.

Волшебник с трудом удерживал Удалова.

Ираида подняла руку, призывая к молчанию.

— Поступило предложение от моего помощника господина Поликарпова, — произнесла она. — Пускай он его озвучит. Мы ведь гуманисты!

— По предложению Ираиды Тихоновны вы немедленно передаете в ее личное пользование так называемую золотую рыбку, а мы с ней соглашаемся забыть о ваших преступлениях.

Тут дети принялись кричать, что им обещаны компьютеры и без компьютеров им не на чем играть и раскладывать пасьянс.

— Дети хотят учиться, — сказал директор.

Но, к его изумлению, дети закричали, что они вовсе не хотят учиться и никогда не будут больше учиться, что нет у них к этому охоты...

— Вот именно, — произнес Минц, которому такие детские крики весьма не нравились. — Дети нашей страны потеряли страсть к знаниям!

— Нет, — отрезала библиотекарша, — никакой рыбки вы не получите!

— Тогда вы отправитесь прямоком в тюрьму, которая давно по вас плачет, — заявила Ираида. — В вашем распоряжении три минуты, чтобы принять решение.

— Можно потрачу желание? — спросил Удалов. — Так хочется!

— Не жалко? — блеснул черным глазом волшебник.

— Не все вам, волшебникам, побеждать в спорах.

— Давай, — сказал Минц, у которого рыбки не было, но равнодушным к событиям он, конечно же, не оставался. — Дерзай, Корнелий!

Удалов приоткрыл клапан верхнего кармана, в котором таилась баночка с заветной рыбкой, и быстро пошептался с ней.

— Будет сделано, — ответила рыбка и захихикала. Ведь у рыбок есть элементы свободы воли и своеобразное чувство юмора.

Близко поднеся часы к глазам, Ираида уставилась на циферблат.

Она не заметила, как рядом тормознула машина на воздушной подушке. Из машины вышел стройный офицер Фельдьегерской службы, красавец мужчина, он помог встать на ноги библиотекарше и директору, отряхнул им колени белой перчаткой и вручил директору пакет с сургучной печатью.

— Это еще что такое! — не разобравшись, рявкнула Ираида. — Да я вас!..

И осеклась, напоровшись на официальный взгляд фельдьегера.

И фельдьегер сказал:

— Во исполнение государственной программы заботы о сиротках Президент Федерации выделил ассигнования на капитальный ремонт гуслярского детского дома № 1. И лично просит вас, Ираида Тихоновна, не мешать этому благородному делу.

После этого фельдьегер протянул Ираиде другой пакет и добавил:

— Вам же вручается повестка в суд ввиду возбуждения против вас уголовного дела по разбазариванию средств на ремонт детского дома.

Дети кричали и прыгали, потому что поняли: им купят компьютеры для детских игр.

Фельдьегер уехал, и куда-то исчезла Ираида Тихоновна.

На что волшебник сказал:

— Ничего хорошего из этого не получится.

— Почему? — возмутился Удалов.

— Потому что Ираида Тихоновна, как и положено, фигура непотопляемая. Ей и три президента не страшны. Отбрешется, откупится, оправдается, но детскому дому этого не простит. Подберется к нему и сменит нелюбимых сотрудников.

— Ну, это мы еще посмотрим! — возразил Удалов. — Пока что ремонт есть, компьютеры будут, справедливость восторжествовала!

— Ну, что это за справедливость, — вздохнул волшебник, — если для ее торжества нужны золотые рыбки?

— А я полагаю, — завершил очередную порцию споров Минц, — что ничего от этого не изменилось. В конце концов, все равно ремонт бы сделали и компьютеры купили. А Ираида как была на своем сытном месте, так и осталась...

И они отправились дальше, завершая путешествие по городу, в котором ажиотаж по поводу золотых рыбок уже утихал.

Посреди сквера у Параскевы Пятницы бил фонтан. Только не водяной, а пивной. Кто хотел, подходил и черпал ведрами. Вокруг фонтана ходила чья-то невеста в белом платье и спрашивала, не видел ли кто Васю. А Васю не видели. Он ушел играть в футбол.

Громадный, страшного вида червь, лежавший в кустах, открывал и закрывал пасть, словно ему нечем было дышать.

— Пришелец? — предположил Удалов. — В Бреме такого нету.

Из пасти чудовища с трудом вывалился Никодим в кожаном костюме, попорченном желудочным соком чудовища. Он прильнул губами к морде червя.

— Ах, вот кто во всем виноват! — закричал Удалов. — Вы — инопланетянин?

— Отстаньте, — попросил Никодим, — я еще переживаю сладость свидания с супругой и детьми.

— Вы резидент? — еще строже спросил Удалов.

— Да отстаньте, туземец!

— Вы решили погубить Землю? Планету, которая дала вам хлеб и кров?

— Она все равно погибнет, — отмахнулся Никодим. — Население ее настолько примитивно и эгоистично, что ему и жить не следует. И чем скорее это случится, тем скорее я вернусь домой.

— А зачем этот червяк вас кушал? — спросил волшебник.

— Это не червяк, — откликнулся Никодим. — Это моя жена. Я ее вызвал сюда на свидание.

— Личное желание? — спросил Удалов.

— Да!

— И ваше начальство об этом предупреждено?

— Это вас не касается.

— Зато вас касается. Если вы сейчас же не отмените те безобразные желания, которые приказали выполнить золотым рыбкам, мы будем вынуждены информировать ваш Центр.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Никодим, но не очень уверенно.

— Боюсь, что там у вас строгие правила для предателей.

— Я не предатель. Я вашу Землю лишил чувства плотской любви, я лишил подрастающее поколение стремления учиться! Я выполнил задание на все триста процентов.

— Может быть, вы нас и погубите, — заметил волшебник, — но мне кажется, что все три желания у вас истрачены. А как вы намерены возвращать домой супругу?

— Как? — растерялся Никодим.

Оказывается, даже крупные агенты могут совершать ошибки.

— И ваша жена останется здесь в качестве вещественного доказательства вашего преступления! — сказал профессор Минц.

Никодим только тряс головой и ничего не мог придумать в ответ.

А Минц продолжал:

— К тому же вреден ей воздух нашей планеты. Вам это известно?

— Это так? — обернулся Никодим к жене.

— Я задыхаюсь, — ответила она на одном из космических языков.

— Что делать? — заплакал Никодим. — Помогите мне! Я улечу и никогда больше не вернусь сюда.

— Что делать? — волшебник обернулся к Удалову.

— Но у меня только два желания осталось, — сказал Удалов.

— Решай. Твои желания или судьба планеты, — заметил Ходжа Эскалибур.

И Удалов сказал рыбке:

— Чтобы и следа от Никодима и всей его вредной деятельности на нашей планете не осталось.

Лопнул пузырь воздуха.

Исчез агент, и его семья исчезла.

А девушка в белом, которая бегала вокруг пивного фонтана, закричала:

— О, мой возлюбленный! Груды мои полны страсти! Пальцы ждут прикосновения!

С другой стороны площади, так и не переодевшись снова в черный костюм, в футбольной форме мчался с распростертыми руками ее жених Вася.

— И дети наши будут учить теорию относительности, — заметил Удалов.

Они пошли обратно, на Пушкинскую.

Когда вошли во двор, Минц спросил:

— Корнелий, а что ты будешь делать с последним своим желанием?

— Надо будет какой-нибудь пустячок завести, — улыбнулся Корнелий Иванович.

— Отдай желание Ксении, — посоветовал Минц.

— Вряд ли это приведет к добру, — заметил волшебник. — Если надо что-нибудь купить или сделать, то лучше за свои деньги, в крайнем случае меня попросишь. Но к рыбкам, умоляю, не обращайся, пойми: себе дороже.

Удалов отмахнулся от слов волшебника, но не пропустил их мимо ушей. Он и сам побаивался возможных последствий. Мало ли что пожелает Ксения — чувства ее бывают необузданны.

— Лучше потратить желание на себя, — предложил Минц. — Все равно это не изменит твоей жизни.

Удалов пожал плечами. Он не мог придумать ничего достойного.

— Может, пройтись по экологии? — спросил он. — Экология у нас паршивая.

— Экология не может быть паршивой, как не может быть паршивой история или математика. Экология — это наука, а ты имеешь в виду природу.

— Хотя и природа паршивой быть не должна, — добавил волшебник.

— Ну, я имел в виду рыб в озере Копенгаген и в речке Гусь. Совсем мало осталось. Пусть вернутся крокодилы в наши водоемы.

— Вот и представь себе, — сказал волшебник, — что появятся в озере крокодилы. И первым делом сожрут всех рыб.

— Ну, уж не всех!

— Затем примутся за рыбаков.

— Устроим там заповедник. Никаких рыбаков...

— Значит, крокодилы возьмутся за купальщиков, и, когда погибнут первые дети из оздоровительного лагеря, тебя, Удалов, выловит милиция.

— А потом, — добавил Минц, — твои крокодилы выберутся на берег и начнут охотиться на грибников.

— Кончайте пугать! — Удалов уже не настаивал на крокодилах.

— Найди что-нибудь безвредное, — сказал Минц.

— Знаю! Кассету с кинофильмом «Волга-Волга». Ее давно в торговой сети нет.

— Надо подумать, — сказал волшебник. — Какой может быть вред от нарушения пространства и времени... с помощью одной кассеты.

— Масса вариантов, — сказал Минц. — Неограниченное поле для локальных возмущений.

— Придумал! — воскликнул Удалов. — Я желаю, чтобы вы, рыбки, исполнили самое ценное для себя желание и немедленно отправились метать икру в Саргассово море.

— Ты отдаешь желание нам? — послышался рыбий голос.

— Этого ведь еще никто не делал? — спросил Удалов.

— Ну, вы гений! — сказал волшебник. — Даже я до такого догадаться не смог.

— И это не принесет вреда? — хитро спросил Удалов.

— Принесет, но не нам, а вернее всего, рыбьему племени.

— Помолчите, люди, — попросила рыбка. — Мы проводим теплатическое селекторное совещание.

— Ох, чего мы сейчас увидим, — с некоторым страхом в голосе прошептал Лев Христофорович.

Удалов хлопнул себя по карману.

— Ушла, — сказал он, — вместе с баночкой.

— Значит, все они ушли.

— А что же они загадали? — спросил Минц.

— Справки получите у Нептуна, — ответил Ходжа Эскалибур.

...Они еще постояли на дворе.

Город удовлетворенно затихал.

Все желания, которые можно было выполнить, уже были выполнены. Если кто чего и не успел спросить, то уже никогда и не спросит.

Некоторые пожилые люди полагают, что Великий Гуслер, как и вся Россия, стал хуже, и народ в нем испортился, и нравы никуда не годятся.

Чепуха все это!

Тридцать лет назад водки не хватало, сейчас — долларов.

Как тридцать лет назад посещение города золотыми рыбками в его жизни ничего не изменило, так и завтра ничего не изменится. Прав, пожалуй, Лев Христофорович.

Даже новый писатель Ложкин не прославится и не разбогатеет.

А вот космического шпиона Никодима с треском уволят со службы. Не ставь личное выше служебного долга!

Но это не наши проблемы.

Главное я вам забыл сказать!

Ведь Удалов пожелал золотым рыбкам самим загадать себе желание.

Вот этого делать не следовало!

Представляете, что эти мерзавки загадали?..

На этом рукопись обрывается.

ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА

Таланты, независимо от названия и масштаба, не имеют никакой связи с человеческими качествами и уж тем более с умом. Мы же заблуждаемся, полагая, что если человек талантлив в перестановке с места на место шахматных фигурок, то он уже вправе судить об истории, хотя никогда ее прежде не изучал, зато отлично умеет складывать два и два в любой степени. Но мы должны верить его предположению, что Гомера не существовало, потому что в то время русский князь Навуходоносор завоевывал столицу государства ацтеков в северной Антарктиде. У меня был знакомый трубач, который так и не смог одолеть средней школы, отчето ни ему, ни школе хуже не стало.

Мой школьный товарищ как-то сказал мне доверительно: ты у нас талантливый, но не умный. Сначала я хотел обидеться, полагая, что эти явления как-то связаны между собой, как некие сосуды, и я оказался рабом неизбежности: если в сосуде ума прибавляется, то в сосуде таланта убавляется. А потом пожил еще немного и догадался, что в высказывании товарища есть лишнее противопоставление. Можно быть талантливым и умным, что случается, а можно стать умным, но бесталанным. Или талантливым и глупым (именно этого мне и хотелось).

Если продолжить мое открытие дальше, то нетрудно прийти к выводу, что гений и злодейство совместимы. Еще как! И гений в теле злодея — это явление опасное для всего человечества. Впрочем, не надо замахиваться на Ленина или Сальери. Достаточно представить себе талантливого, но бессовестного художника, который, допустим, полагает, что может скупить на корню столичную элиту и она ему даст бесплатное право уставить город своими чугунными и бетонными чудовищами.

Всеобщая совместимость несовместимых, казалось бы, качеств дает возможность гениям, которые не наделены другими выдающимися качествами, вести незаметный образ жизни и делать свои дела или делишки совершенно незаметно для окружающего мира.

Так случилось с Алешей Куплингом, существом совершенно бесцветным и даже робким. Подобно покорителю австралийской пустыни Людвигу Лейхардту, он был близорук, страдал запущенной формой дислексии, то есть путал трамвай с троллейбусом, правое и левое, мужчин и женщин. В школе он учился средне, потому что все время думал. Учителя в школе, как вы знаете, не приносят работу мысли. Им кажется, что если ребенок думает, значит, катится в моральную пропасть. О хорошем думать не будешь. То есть, опять же, в поисках несуществующих связей между

явлениями они сочетали мышление с обязательным развратом. Сами не мыслили и в других не допускали.

А Леша изобретал. Не то чтобы сознательно изобретал, но мысленно ставил вещи рядом и смотрел, как они функционируют.

Порой Леша изобретал что-нибудь особенное и сам того пу-гался, так как у него была развита интуиция, а интуиция ему говорила: не спеши высовываться, у тебя отнимут твою игрушку. Будут думать, как на тебе заработать. Люди завистливы и жестоки.

Это ему, кстати, всегда говорила мать, женщина простая, оди-нокая и некрасивая, но многодетная.

Все мужики сволочи, говорила она, но бабы не лучше, потому что на каждого паршивого мужика найдется баба еще паршивее. Мужик еще на человека похож, может пропить что ни попадя, а баба экономит, в копилку прячет, ни с кем не делится. Я сама та-кая, вот и мучаюсь. Мужики со мной на все идут, но не до конца, не до честного гражданского брака.

Когда Леша окончил техникум, он стал работать водопровод-чиком, неплохим, скажу вам, был специалистом. Потом легко пе-решел на починку телевизоров. И хоть изобретательская фанта-зия в нем была ключом, житейски он был совершенно лишен во-ображения. Поэтому он был очень популярен среди клиентов. Понимаете почему? Верно. Если он знал, что цена сломавшейся детали четырнадцать копеек, то никогда не говорил клиенту не-правду.

— Как же так! — удивлялся клиент. — Вчера у меня был настоя-щий мастер из ателье и сказал, что полетел координатор тонкой настройки и его можно достать только за тридцать два доллара.

— Ваш мастер дурак или подлец, — отвечал Леша.

Постепенно среди его коллег накапливались гроздь гнева. Они выразились в жестоком нападении на Лешу как-то поздним вечером, когда он возвращался очень довольный собой, потому что был у старухи Монаковой и не только починил ей безнадеж-ный «Рекорд», но и сделал его цветным, так, между делом, бес-платно. Старуха осталась благодарно плакать, а Леша шел переул-ком Ильича, когда из-за угла выросли мастера телевизионных дел числом четыре человека и сделали из Лешы распухшую котлету.

Леша лежал дней пять, не велел тетке, с которой тогда жил, вызывать врача, потому что это помешало бы ему думать. А при-думал он нужную для избитых больных вещь — антигравитацию. Так что, если бы ему удалось достать двуокись селена и желчь дев-ственной зайчихи, он бы в домашних условиях этой антигравита-ции, конечно, добился. А так она осталась лишь в расчетах и в го-лове Леша.

Такое не раз случалось в Лешиной биографии.

Леша лежал, размышлял и никак не мог понять, почему ему приходят в голову такие очевидные вещи, а другим они не приходят. И потом сам догадался, что виной тому его бедность и лень. Два качества, которые, с одной стороны, не давали ему продвигаться в жизни, а с другой — побуждали к активным мыслям.

Получался замкнутый круг, или, если хотите, тупик.

«Как жаль, что я не талантливый и не очень умный, — рассуждал несчастный Алексей. — К тому же слабый, трусливый, подслеповатый и совсем некрасивый. С этим надо что-то делать».

Он понимал, что женская любовь — это сексуальное стремление обеспечить надежного и генетически достойного отца своим будущим детям. Он мог бы воздействовать на воображение любой гусярки, но полагал это стыдным. «Она должна сама меня полюбить!»

Но как полюбишь, если он и на людях не бывает, а все думает или ходит на службу. И он придумал такую штуку: надо купить автомобиль.

Сами понимаете, откуда у такого человека, который вынужден перейти из мастеров в разнорабочие, чтобы его больше не били коллеги, могут быть деньги на машину?

Пришлось Леше снова сесть и снова думать.

Мысли его крутились вокруг ржавой оболочки «Москвича», которая второй год гнила на соседнем дворе и из которой ребята вытащили уже все, что могло быть вытащено.

Потом, кое-что придумав, Леша пошел на тот двор, чтобы договориться с владельцем о продаже. И тут ему сказали, что владелец Смирнов на той неделе помер. А наследником у него числится государство.

Тут и государство подоспело. В лице сержанта Пилипенко.

— Посоветуйте, Серафим Дмитрич, — взмолился Леша, испугавшись, что добыча ускользнет из его цепких рук.

— Чего грустишь? — спросил сержант.

— Да вот, хотел машину купить.

— Зачем она тебе?

— Чтобы ездить на ней по городу.

— Не получится, — возразил Пилипенко. — Там внутри пусто, торичеллиева. Проходил в школе?

— Ничего я не проходил в школе, — осторожно пошутил Леша. — Я всегда мимо школы проходил, а зайти забывал.

Пилипенко над шуткой посмеялся. Голос у него был добродушный. Тогда Леша пошел дальше. Он спросил:

— Значит, есть надежда получить этот кусок металла?

— Почему не помочь молодому человеку, — отозвался Пилипенко.

— Просто так хотите помочь?

— Просто так у нас не бывает. А вот получать выговоры за то, что на моем участке металлолом валяется, мне надоело. Бери и увози с глаз долой.

— А справку дадите? — совсем уж осмелел Леша.

— Справка немалых денег стоит, — ответил Пилипенко, не спросив, правда, какая справка понадобилась Леше.

— Сколько?

— Сто.

— После получи.

— Да ты с ума сошел!

— Я вас на ней месяц катать буду.

Пилипенко скептически поглядел на автомобиль и произнес:

— Лучше полсотни сейчас. — Пилипенко был убежден, что машина никогда не поедет.

И еще он спросил:

— Ты ее на металл, да?

— «Мерседес» знаешь? — спросил Леша. — Моя тачка его обставит.

Они посмеялись немного, и Леша нашел сорок рублей. А справку дали о передаче автомобиля номер такой-то по доверенности гражданину такому-то на девяносто девять лет.

Леша позвал двух товарищей по техникуму, они перетащили металлолом к нему в сарай, благо дом у него был барачного типа и у каждой квартиры свой сарай. Повезло.

И Леша пошел в сарай думать.

Не думайте, что он думал без отрыва. Нет, он ходил на работу и успевал еще на свидание с учительницей Вероникой Павловной, которая раньше работала в библиотеке, но там очень мало платили. Лешу она не стеснялась и все время делала ему замечания. И внешне и внутренне она была похожа на библиотечаршу, то есть на кролика в очках. Именно эту Веронику Павловну, которая, несмотря на свои двадцать лет, категорически требовала, чтобы ее величали по отчеству, Леша обещал катать на машине, когда он ее починит.

— Ах, — ответила в лучших традициях дворянской жизни Вероника Павловна, — неужели вы думаете, что мое отношение к вам изменится в лучшую сторону, если вы станете автовладельцем, тем более что вам наверняка придется пожертвовать добрым именем.

— Я не буду ничем жертвовать, — парировал Леша. — Мне даже интересно.

— Что вам интересно? — спросила Вероника Павловна, которая была заинтересована в дружбе с Лешей, потому что понимала,

что ее жизнь прошла впустую и она не сделала ничего великого и даже не посадила дерева и не родила сына. Хотя ей никто не мешал сажать деревья.

— Мне интересно побеждать, — признался Леша. — Только никому об этом не рассказывай.

— Почему? — Вероника Павловна была польщена доверием Леша, и ей хотелось поддержать беседу.

Она придержала указательным пальчиком дужку очков — такая у нее была привычка.

— Отнимут, — ответил ущербный сын одинокой матери.

Больше он ничего не сказал; они пошли в кино и стали там смотреть фильм, который уже давно продавали на кассетах. Им это было неважно, потому что их радовала сама физическая приближенность.

А Леша между тем уединялся с машиной в сарае и что-то с ней совершал, к усмешкам окружающих. Правда, окружающие машину не видели и поэтому преувеличивали ее плачевное состояние.

Сначала, где-то к концу октября, Леша признался сам себе, что никакие антикоррозийные смеси и средства ему не помогут. А если что эффективное изобрели в Японии, то нам оно не по карману.

Значит, пришлось самому изобрести восстановитель для металла.

В принципе, как потом признавался изобретатель, идея была не нова и исполнение тоже не отличалось особой сложностью. Но, к сожалению, смесь, которой покрывали ржавчину, была страшно вонючей, и хоть Леша закрывал дверь в сарай и терпел внутри, миазмы вылезали во двор, что приводило к скандалам.

Вероника не смогла с ним больше встречаться, потому что не выносила чесночной вони, а именно она и отличала восстановитель Куплинга. Назовем его так, не ошибемся.

Может, вам интересно узнать, как рассуждал Леша, изобретая восстановитель для металлов? Он попросту воспользовался памятью молекул. Любое вещество, включая металлы, помнит свою форму в тот момент, когда его изготовили.

Надо только напомнить молекулам, заставить их шевелиться.

Сами понимаете, для такой задачи духами «Ландыш» не обойдется.

Леша и сам не ожидал такого эффекта. Когда восстановитель завершил свое действие, перед изобретателем стоял кузов автомобиля со всеми прочими металлическими частями, новенький, будто только что с завода.

Краску изготовить было еще легче; понадобилось, правда, сходить пару раз в хозяйственный магазин. Главное — добиться, чтобы краска на машине, как только она вспомнит, какого была цвета и пожелает восстановиться, имела бы из чего восстанавливаться.

Итак, еще через два дня и уже без первоначального зловония в сарае стояла совершенно новенькая, только что покрашенная машина, правда, пока без колес и, уж конечно, без электроники и других необходимых для автомобиля штучек.

К каждой штучке требовался самостоятельный подход. И вот Леша достал у строителей тачку, которую давно уже не использовали, и перевез на ней шесть старых шин со свалки.

Знаете почему?

Правильно. Здесь действует общий закон филологии, о котором вы не слышали, потому что я его только что сформулировал, отчего он не стал хуже других общепризнанных законов.

Сначала человек учит, скажем, английский язык. И он дается человеку с трудом. Второй язык выучить чуть легче, потому что хоть что-то, но останется из предыдущего.

Третий язык выучить — как семечки пощелкать.

Шестой можно освоить за обедом. И так далее...

Так и в случае с Лешей. Первый восстановитель был сложен, и изобретать его пришлось больше двух недель. Эйнштейн столько времени не потратил на специальную теорию относительности! Зато восстановитель эмалевой краски получился у Леша через четыре дня. А восстановитель для погубленных временем и дорогами автомобильных шин изобрелся сам собой, между обедом в городской столовой и рассветом. Ночь, правда, была бессонной, зато проблема, волновавшая всех автомобилистов и защитников окружающей среды, была решена. Любая шина имеет молекулярную память и помнит, какой она вышла из ворот завода. Пошечкочите эту память, и шина начнет превращаться обратно в новенькую резину. Только подавай сырье! А уж сырью у нас сколько угодно.

После того как с кузовом было покончено, пришлось браться за движок и решать сложные задачи. Но ведь вы читаете этот правдивый рассказ не потому, что сами хотите придумать велосипед или даже автомашину (вы предпочли ее купить), а для рассуждения о человеческих характерах и судьбах.

Главное, что двигатель внешне выглядел как самый обычный. На самом деле в нем было много движущихся частей, там был компьютер как компьютер, который, впрочем, нельзя было называть компьютером, потому что компьютер был Леше не по карману. Назовем его двигателем внутреннего потребления. Бензин

в нем, понятное дело, участвовал — без бензина что у нас поедет? Но карбюратор был только нарисован.

Сделав машину, Леша поехал на ней по городу. Машин в Гусляре не очень много, и люди знают, кто на чем и кто на ком ездит. Не успеешь ты верблюда завести, как завтра об этом уже весь город будет судачить. А попробуй купить верблюда в Москве, никто даже вопроса не задаст, правда, на стоянке вас обдерут как липку.

Леша заехал за Вероникой Павловной, гуднул под окном, и когда она выбежала, протирая очки, на улицу, он приоткрыл дверь с ее стороны и крикнул:

— Тачка подана!

— Ты с ума сошел! — сказала Вероника Павловна, словно бы осуждая милого друга, а на самом деле радуясь его достижению, потому что она знала, что в основном машина состоит из изобретений и придумок Лешы.

— Мое доброе имя в безопасности, — сообщил Леша.

Она засмеялась, и машина поехала по разным улицам, потому что хоть Леша и привык таиться и не высовываться, но когда тебе двадцать пять лет и ты везешь по городу любимую девушку, трудно не гордиться собой.

— Тр-р-р-р-р! — затарабанил милицейский свисток.

Сержант Пилипенко остановил машину.

— Позвольте ваши документы, — сказал он водителю.

Леша достал его справку — других документов у него не было.

— Это не подойдет, — сказал сквозь усы сержант Пилипенко. — Это на право распоряжения, а мне нужно на право вождения, понимаешь?

— Но вы же справку дали!

— А если ты задавишь старушку? А если ты искалечишь собаку? А ну, давай домой, и чтобы без прав больше не выезжать!

— Я же умею, — сказал Леша. — Она мне как своя.

— Вижу, что своя! И чтобы техосмотр прошел. Справку мне принесешь.

Видя, что молодой человек достаточно расстроен и готов уже отдать машину сержанту, чтобы только не позориться на глазах у своей девушки, Пилипенко смиростивился.

— Хорошо ты ее в порядок привел, — сказал он. — Никогда бы не поверил. Много сменил?

— Практически все сменил, — признался Леша.

— А краску где достал?

— Ребята дали.

— А ты знаешь, что у твоей машины раньше под капотом ничего не оставалось?

— Я заменил.

— А где украл?

— Я не позволю оскорблять Алексея! — взвилась вдруг Вероника Павловна. — Как вы смеете! Я буду жаловаться на вас Василию Борисовичу!

Василий Борисович был завотделом в горно, и вряд ли сержант его очень боялся, но ведь в нашей жизни порой не так важно, что ты сказал, а КАК ты это сказал.

Сержант хотел засмеяться, но слотнул слюну и смеяться не стал. Потому что глаза Вероники Павловны, увеличенные линзами, были похожи на глаза тигрицы, готовой к прыжку.

— Значит, так, — сказал он, — чтобы были права и все прочее, а то примем меры.

Он даже козырнул на прощание, но не Леше, а его спутнице.

— Поехали, — сказала Вероника Павловна, когда сержант ушел. — Ты чего стоишь посреди дороги? Не переживай, он твоего пальца не стоит.

А Леша ответил невпопад. Он спросил:

— Какого пальца?

Вероника Павловна, сама конкретный человек, думала около минуты, какой из пальцев ее Лешеньки ей менее других жалко потерять.

— Обойдется, — сказала она наконец.

Лешенька не знал, хорошо ли поступила Вероника Павловна. Но она его защитила, не испугалась. И это было приятно. Но сделала это без разрешения и помимо воли, как всегда делала мама и делает тетка. Это настораживало, потому что Леше не хотелось попасть в новую неволю. Он жаждал свободы.

И, как назло, тетка Эльвира стояла с сумками у входа на рынок.

Ах, как хотелось Леше зажмуриться и потерять тетку из вида. Но воспитание не позволило.

— Тетя, — сказал он, — садись, подвезем.

— Ай! — воскликнула тетя, которая еще не видела машину в действии. — Это она?

Вероника Павловна решила, что это о ней, а не о машине Лешенька рассказывал нечто трогательное своей тете. Поэтому она покраснела и, опустив очи долу, ответила:

— Да, это я.

Тут тетя растерялась и только тогда заметила, что Леша не один.

— А это что еще за самозванство? — спросила она.

— Это Вероника Павловна. Моя знакомая.

«Ах, знакомая! — подумала Вероника. — Ты у меня попляшешь! Я уже готова отдаться тебе душой и телом, а ты проводишь

свободное время со знакомыми женщинами легкого поведения! Я для тебя лишь одна «знакомая»!»

Ничего этого, разумеется, не было. И слово «знакомая» не было в устах Леша оскорбительным. А выводы Вероники Павловны были ошибочными и неожиданными — такое ведь сублильное существо! Все детство читала книжки под одеялом с фонариком, а с плохими детьми не водилась. И вот Леша, сам того не замечая, попался этой девушке тогда, когда она созрела для настоящей любви, даже, скажем, страсти. А значит, и для ревности.

Вероника Павловна резким и неловким движением вывалилась из машины и с трудом удержалась за край дверцы. Но сделала вид, что движение было сознательным и гордым.

— Добро пожаловать, — сказала она тете Эльвире, будто приглашала ее войти в пылающую топку и разделить участь революционера Лазо. — Садитесь, катайтесь, место свободно!

Может показаться, что случайное слово тетки — не основание для того, чтобы разорвать зарождающееся чувство. Но Вероника Павловна не имела никакого сексуального опыта, хотя знакомые девушки неоднократно говорили ей, что все мужики сволочи. А это запоминается.

Вероника Павловна, понурившись, пошла прочь, а тетка этого не заметила, потому что была женщиной бедной, жадной и эгоистичной. Из таких женщин никогда и не получают богатые женщины, они вечно хватают через край. А тетя Эльвира всю жизнь хватала через край.

— На бензине разоришься, — заметила тетка.

— Не разорюсь.

— Знаешь, сколько он теперь стоит?

— А мне это до лампочки, — ответил Леша. Он думал, не сделать ли машине воздушную подушку, потому что дороги в Великом Гусляре по сей день остаются посредственными. Когда-то давно, именно не доходя ста верст до Великого Гусляра, татаро-монгольские орды сказали хану Батю: «Дальше не пойдем, однако. Все ноги коням переломает, а сами в лужах потопнем».

Лужи тогда и в самом деле были бездонными, в одной из них когда-то скрылся град Китеж со всеми обитателями. Потом лужи немного подсохли. Экология ухудшилась, и лужи измельчали — так люди говорят. Когда костромской мещанин Иван Сусанин зашел в северные леса полк поляков, как раз стояла оттепель и лужи открылись ото льда. Поляки сделали плоты из деревьев и перебрались дальше, на север. Сгинули они в районе Северного полюса, который с тех пор и именуется полюсом. Там поляки шли юзом.

— А запчасти? — спросила тетка.

— Запчасти не понадобятся.

Тут Леша заметил, что Вероники Павловны в машине нет, и спросил тетку:

— А Вероника Павловна здесь сидела?

Великие люди бывают рассеянными. Но рассеянность происходит не от недостатка ума, а от его избытка. Он настолько плотно забивает мозги талантливого человека, что изгоняет впечатления от простых вещей.

— Здесь ее не сидело, — ответила тетка. — У тебя прав нет.

Тетка разрывалась. Душевно. С одной стороны, приятно, когда дома есть автомобиль: и подбросят тебя куда надо, и перед соседями гордость поднимается.

С другой стороны, тетка боялась всего, чего надо бояться и чего бояться не следует.

— Украдут, — сказала она.

— Зачем? — удивился Леша. — Она же не ценная.

— А на вид ценная. Да, впрочем, голубчик, сейчас все воруют, что непрочно стоит. Надо на нее замок поставить. Только денег нет.

— Замок, — задумчиво повторил Леша. Но оказалось, что они приехали домой, и развить эту мысль ни тетке, ни ему не удалось.

Лешенька захлопнул машину и потом оглянулся. Он только теперь сообразил, что, восстанавливая автомобиль, не подумал о ключах и запорах.

И может быть, он ушел бы домой, но, оглянувшись, увидел, что неподалеку стоит и смотрит на него молодой человек из воинственного клана Лаубазанцев. В клане были разные люди, в том числе талантливый ученый Гамлет Лаубазанц и раскаявшийся глава семьи, который держал все общественные туалеты в городе. Но встречались и темные люди.

Адика Лаубазанца недавно исключили из школы, потому что он прогулял четыре месяца подряд и отказался представить справку из поликлиники или хотя бы записку от мамы. Впрочем, мама так и не догадалась, что сын уже беспризорник. Школа его больше не привлекала, но Адик Лаубазанц часто приходил в школу, потому что влюбился в Веронику Павловну, которая была некогда его учительницей-мучительницей, без жалости и снисхождения. Вероника Павловна полагала, что любое снисхождение к ученикам в конечном счете отрицательно сказывается на их академических достижениях. В последнее время Вероника Павловна обращала излишнее внимание на Лешу Куплинга, и Адик хотел его побить. Но он еще не решил, бить или не бить, когда увидел, что Леша вывел из сарая совершенно новую машину, пусть «Москвич», но в полном порядке. Это было неправильно и несправедливо. Конечно, Адик понимал, что через какое-то время он заработает

на настоящий «мерс», но пока у него и велосипеда не было. И вдруг сосед по двору, ничтожный и тихий, совершает сразу два преступления против Адика. Во-первых, он претендует на его любимую женщину, а во-вторых, на машину, которой у Адика нет.

Вот под взглядом этого молодого человека Леша и почувствовал, что машину придется охранять.

Поэтому он сделал что-то под щитком управления, но что — нам неизвестно.

После чего он пошел домой, а Адик — к своей подруге Эсти.

И хоть мне некогда отвлекаться от основного рассказа, придется потратить несколько минут на эту персону, потому что она будет играть некую роль в дальнейших событиях. Эсти — это сокращение. В самом деле у этой девушки нет имени, а есть только прозвище, сокращенно СТ, а развернуто — Саблезубая Тигрица. Вот именно. Причем прозвище приклеилось к ней еще в детском возрасте, когда она пришла в Великий Гусляр из леса и сообщила нашедшим и пригrevшим ее людям, что она воспитана тиграми и потому за себя не отвечает. То есть сначала семейство тигров убежало из передвижного цирка и обнаружило, прижившись в здешних лесах, что у них не будет детей. Чтобы не умереть бездетными, тигры украли девочку, причем проявили определенный гуманизм — младенца они утащили из дома ребенка, того самого места, где матери-развратницы бросают своих детей, чтобы не искать настоящего отца. Утащив из дома ребенка в Вологде несчастную крошку, они ее выкормили тигриным молоком, а потом научили бесстрашно охотиться на кур и глухарей. Леса за Вологдой пока еще дикие, а тигры были уссурийские, которые морозов не боятся.

Вот и вся история.

Когда девочке пришла пора идти в школу, тигры поняли, что им самим, за неграмотностью, ребенка на аттестат зрелости не вытнуть и университетского образования девочке не дать. А хотелось. И порой, долгими зимними вечерами, тигры высказывали надежды на то, как выучится их дочка и станет защищать диких животных.

Девочка, как дитя природы, придя в Гусляр, честно рассказала о своем прошлом. И ей почти никто не поверил. Даже когда она стала доказывать делом свои способности. Например, лазала на деревья, совершала прыжки и зубами перекусывала глотку свирепым собакам.

Девочка прижилась в цыганском таборе, что надолго застрял на окраинах Гусляра, и стала настолько цыганкой, что люди, желающие все на свете упростить и разложить по полочкам, уверились в том, что она и первоначально была цыганкой и врунишкой. И это было заблуждением.

Эсти попала в тот же класс, что и Адик. И училась у той же Вероники Павловны. Только у Эсти было одно качество — она училась лучше всех. Оставаясь притом совершенно неукротимым и даже злобным существом. А когда ей приходилось плохо, например, перед дракой с пятью мальчишками возле клуба речников, она обещала привести своих родителей.

Ах, вы бы видели, как хохотали над ней эти глупые подростки, как тянули к ней свои наглые лапы! А нужны-то им были только ее золотые сережки и колечки.

Двоих Эсти одолела, четверо ее скрутили, и тут Адик Лаубазанц, который случайно проходил мимо, увидел, как измываются над ребенком, кинулся в драку, и ему тоже пришлось туго.

Тогда Эсти свистнула в два пальца.

А через три минуты на кое-как освещенную площадку перед клубом, откуда все посторонние отошли, чтобы не ввязываться, прыгнули два уссурийских тигра. Не больше и не меньше.

— Только не калечить! — крикнула Эсти, увидев папу и маму.

И тогда тигры стали поспешно разбрасывать подростков во все стороны, закидывать их на деревья и окунать в канаву. И кому пришлось хуже всех? Конечно же, Адик Лаубазанцу.

И было ей тогда тринадцать лет, ростом она была невелика, кудри курчавые, черные, взгляд ожесточенный. Смелый поступок Адика она запомнила на всю жизнь. И какой бы плохой он ни был, какие бы преступления и гнусности ни совершал, она всегда найдет ему оправдание и выручит, как может, из беды. Пока суть да дело, она писала за него контрольные. Но он сдуру влюбился во взрослую тетку, Веронику Павловну, и перестал ходить в школу.

Вот и вся история.

Свистеть Эсти умела бесподобно. Она могла передразнить любую птицу или даже насекомое, но могла и испугать прохожего до судорог.

Поэтому она и в других уважала умение свистеть. Как-то Вероника Павловна позвала ее на переменке, а Эсти спросила:

— Вы что, свистнуть не могли?

— Я не умею свистеть, — ответила Вероника Павловна. Никто, кроме нее, не умел так отвечать. После такого ответа хотелось одного: спрятать голову под кустом и долго плакать. Если она говорила, что не умеет свистеть, это означало, что любой свистун недостоин того, чтобы дышать чистым воздухом. Правда, на Эсти это не подействовало, и она продолжала дышать и свистеть.

В этот день Адик вышел на улицу и свистнул.

Эсти, которая играла в шахматы с профессором Минцем, сделала ему мат на шестом ходу и, не прощаясь, ушла к Адик.

— Какие дети! — сказал Минц своему другу Корнелию Удалову.

— Мало их пороли, — ответил за Удалова старик Ложкин, который сам в шахматы играл плохо, но любил, чтобы хорошие шахматисты проигрывали.

— Тебе чего? — спросила Эсти.

— Леша Куплинг тачку починил.

— Я видела, — сказала Эсти.

— Пошли, я тебя покатаю, — сказал Адик.

— Не попадешься? — спросила Эсти.

— В случае чего твоих предков позовем.

— А вот это видал?

— Чего я только не видал.

Был осенний зябкий неуютный день. Тетка Эльвира стала варить суп, вегетарианский, невкусный, смертельно надоевший. А Леша пошел к себе в комнатку подумать. Ему хотелось поговорить с Вероникой Павловной или даже ее увидеть. Но денег не только на видеофон-мобиль, а даже на простой сотовый у него, конечно, не было. Тогда Леша включил свою интуицию, и она ему подсказала, что биополе все же существует и потому телепатия практически достижима. Но как ее включить, пока он не знал.

Он лежал с закрытыми глазами, и если бы сейчас во дворе разорвалась полутонная фугасная бомба, он бы не услышал.

А на дворе Адик смело прошел к машине, которая стояла незапертая, потому что Леша забыл сделать для нее ключи.

Адик открыл ее и сел за руль.

Эсти села с другой стороны.

— Поехали кататься? — спросил Адик.

— Поехали, — ответила девушка.

Машина заурчала, зажигание схватило безупречно. Двигатель работал бесшумно, фары работали как часы. Все работало.

Они выехали на Пушкинскую.

— Как «мерс»! — сказал Адик. — Поедем к твоим?

— По лесу она не проедет, — сказала Эсти. — Может, вернем машину?

Это не значит, что она чего-нибудь боялась, но Эсти знала, что машину сделал Леша, а к Леше равнодушна Вероника Павловна. Эсти же была влюблена в Веронику Павловну чистой подростковой любовью.

— Сейчас мимо дядино дома проедем, — сказал юноша, — пускай посмотрит, пускай голову поломают, где я машину достал.

— Или украл, — заметила Эсти.

Другой за такие слова досталось бы по затылку, но Эсти Адик тронуть не смел. Ее давно уже в городе никто тронуть не смел.

Адик хотел повернуть в переулок Космодемьянских, ныне улицу Косьмы и Демьяна, но руль не повернулся, и машина промчалась мимо поворота. Тогда Адик решил свернуть в следующий переулок, но машина, вместо того чтобы повернуть налево, круто взяла направо, прямо на площадь Землепроходцев.

Адик хотел уйти с той площади — слишком людное место, — но руль сам повернул так, чтобы машина наехала прямо на сержанта Пилипенко, который еле успел отскочить.

Машина замерла.

— А ну, вылезать! — по-отечески строго сказал сержant. — Воуем автомашины? Я же твоего дядю предупреждал: если кто из вашего семейства пойдет в бандиты — всех выпишу из города!

— Он только покатайся, — сказала Эсти. — Христом богом клянусь. Только меня покатай и на место поставить. Дядя Леша сам разрешил.

Тогда Пилипенко включил свой милицейский мобиль и позвонил Леше, на его обыкновенный телефон. И сказал:

— Приходи, примешь машину. Акт составим.

— Адик Лаубазанц катается? — спросил уверенно Леша.

— Плохо он кончит.

— Пускай обратно едет, — сказал Леша.

— Я тебе машину отыскал и вернул. Будем акт составлять, и штраф с его дяди возьму.

И тут нервы Адика не выдержали. Он представил себе, как его дядя делает из него свинячью отбивную.

— Пустите, дяденька! — завопил он и выскочил из машины.

А свою подружку Эсти он забыл в машине.

Тогда сержant Пилипенко вытащил ее за шиворот и поставил у своей ноги.

— С тебя, конечно, взятки гладки, — произнес он. — Но будешь проходить у меня свидетелем.

Дело в том, что слово «взятка» недаром соскочило с языка сержанта Пилипенко-младшего, сына покойного старшины Пилипенко-старшего. Он был взяточником и надеялся недурно поживиться, припугнув семейство Лаубазанцев.

Но тут автомашина Леши сделала круг по площади и не спеша покатила к себе домой, так сказать, на конюшню. Без водителя.

Пилипенко побежал было за пустой машиной, не догнав ее и отпустил Эсти, потому что у него не осталось вещественных доказательств.

А машина, останавливаясь на красный свет, не задавив ни одного пешехода, ни разу ни с кем не столкнувшись, добралась до дома Куплинга, который уже ждал ее у подъезда.

— Добро пожаловать, глупышка, — приветствовал ее Леша.

Он забрался под щиток управления и достал оттуда фотографию сержанта Пилипенко, которую тот когда-то подарил тетке Эльвиры в знак ухаживания.

Оставив машину у подъезда, Леша включил человекоискатель, и когда Адик повел ее по улицам города, она пользовалась любой возможностью, чтобы отыскать в городе сержанта Пилипенко — такое ей дал задание ее хозяин.

Вот она его и отыскала.

А потом сама вернулась домой, потому что в ней включилась другая программа — возвращения.

Леша погладил машину, и ей это было приятно.

Некоторые люди в городе видели, как Пилипенко поймал на площади малолетних хулиганов, и по Гусляру покатались дикие слухи о том, что Куплинг сделал себе машину из ворованных частей, а Лаубазанцы ее украли, потому что это их специальность.

Слухи об этом дошли до дяди Претория Лаубазанца, и он чуть было не выпорол юношу.

Но перед тем как выпороть, дотошно его допросил.

И узнал, что машина у дяди Леша странная — совсем новая, скорости не переключаются, как в «Мерседесе», движок бесшумный, сама перед милицией останавливается.

И тогда дядя Лаубазанц бить племянника не стал, а велел обеспечить постоянное наблюдение за машиной и Куплингом.

Преторий Лаубазанц был человеком мудрым и знал, что рано или поздно любой преступник расколется и чем-нибудь себя выдаст. А так как Адик с мамашей жили в одном дворе с Лешей, обеспечить наблюдение оказалось нетрудно.

Впрочем, события разворачивались так быстро, что мучиться не пришлось. Три дня Адик смотрел за тем, как машина выезжает со двора. Дальше наблюдение подхватывала Эсти.

Именно ей принадлежало странное наблюдение или даже открытие.

— Адик, — сказала она, когда друзья сидели на земле, спиной к навесу автобусной остановки, и курили. — Адик, он не заправляется.

— Как так не заправляется? — удивился Адик.

— За три дня он ни разу не подъехал к заправке. Я своим глазам сначала не поверила, а потом пошла к Кольке на заправку, и он подтвердил: ни разу Леша твой на заправку не заезжал.

— Значит, у него дома цистерна стоит?

— Скажи лучше — нефтяная скважина.

— А что? Без нефтяной скважины теперь редко кто обходится.

Особенно в нашем государстве. Пошли поглядим, что у нее внутри, — сказал Адик.

Это была хорошая идея, но осуществить ее удалось только ночью.

Адику даже свистеть не пришлось. Эсти уже ждала его на улице.

Машина Куплинга стояла под фонарем, так настояла тетя Эльвира. Она обещала всю ночь выглядывать наружу. Но сама крепко спала.

Адик отвинтил крышку от бака.

Понюхал. Потом взял веточку с земли и сунул ее внутрь. Вытащил. Еще раз понюхал.

— Нет, не бензин, — сказал он.

Девочка тоже понюхала веточку, потерла ее пальцами, снова понюхала.

— У меня нюх звериный, — сказала она. — Никакого бензина.

А палочка мокрая. Значит, бак полон воды.

— Вот гад! — возмутился Адик. Он теперь сильно не любил Лешу. По разным причинам. Унижение занимало среди них не последнее место.

— А чего ты сердишься? — спросила Эсти.

— На воде ездит! Это же надо!

— А разве можно на воде ездить?

— Изобретатель!

В это единое слово Адик вложил все презрение простого человека к выкрутасам интеллигента.

— Большие деньги можно зарабатывать, — озвучила Эсти мысли Адика.

— А может, это не просто вода, — произнес Адик, — а спецвода. Она только кажется водой.

— Где же он ее берет? — спросила Эсти.

— Наверное, скважину прорыл. Выкопал и качает. А никто ее от воды отличить не может. И мы в дураках, а он в Москве секрет продает.

Эсти отрицательно покачала головой.

— Так не бывает, — сказала она.

Наверху открылось окно, и тетка Эльвира, которая вдруг проснулась от предчувствий, высунулась и завопила на весь двор:

— Ты у меня только поугоняй, поугоняй!

Пришлось бежать.

Эсти пошла в лес, она ночами порой ходила повидаться с родителями, иногда и поохотиться с ними, а Адик решил, что пора отдать свой секрет старшим. Он все же был членом семьи и понимал, что, если утаишь, а потом все откроется, наказывать будут его.

Дядя Преторий Лаубазанц принимал ванну, но племянника, который сказал, что у него срочные новости, к дяде пропустили.

Дядя считал, что с подопечными надо быть строгим, но нельзя доводить детей до отчаяния. Пускай на что-нибудь надеются. Весь город знал, что Леша собрал машину из консервной банки, а это было неправильно, это нарушало порядок. У человека должна быть машина соответственно его положению и бабкам, в смысле деньгам. А Леша был бедный. Лешу надо было поставить на место.

И вы можете себе представить, какая буря поднялась в справедливой душе дяди Претория, когда Адик заявил, что машина — обманка. Никакой машины нет, а есть детская игрушка, которая ездит на воде. Ха-ха, как говорят французы!

Эти презрительные слова не означали, что дядя Преторий не заинтересовался. Еще как заинтересовался. Он всегда гордился тем, что его нюх не подводит. Почуял — значит, было что чуют. И нет ничего удивительного в том, что он на следующее утро лично явился к сараю Леши Куплинга, который там кое-что изобретал, чтобы сгонять на машине к озеру Копенгаген. Машины надо испытывать в сложных условиях.

— Значит, ездим? — спросил дядя Преторий, не поздоровавшись.

Его живот навис над Лешей, который сидел на корточках рядом с машиной, и закрыл солнце и небо.

— Ездим, — вякнул из-под дяди Леша.

Ему бы сейчас сказать, как Диоген римскому солдату: «Отойдите, вы мне солнце загораживаете». Но Лешенька из школьной программы помнил, как печально закончилось все для Архимеда.

— Слухи ходят, — сказал дядя, — что машина у тебя неполноценная.

— Неполноценная, — согласился Леша.

— Шутки с водой позволяешь.

— Разве это шутки? — ответил Леша.

— Специальная вода, говоришь?

— Кому как.

— Замена бензину?

— Это вам Адик сказал?

— Какой Адик? Какой такой Адик? Ты мне мою семью не задевай. Мой Адик в школу ходит, ученым-мученым будет, не то что мы с тобой, необразованные...

Дядя Преторий задумался, не слишком ли он нажал на необразованность Леши. И принял решение.

— О присутствующих не говорят, понимаешь?

Леша понял, что Архимеда из него не получится. Поэтому поднялся и отошел шага на два.

Как же, подумал он, этот Адик догадался, что у меня в баке вода налита? Ведь никто об этом не знал... А может, это Эсти? Эсти ему давно нравилась, то есть занимала его. Не зря ведь Миша Стендаль о ней статью написал «Взращенная свободной». Правда, центральные органы ее не заметили. Может, это и к лучшему. Если бы Эсти не понравилось, что ее изучают, могла получиться трагикомедия.

— Покатаемся? — спросил дядя Преторий.

— Я за вами заеду, — ответил Леша.

— И не обманешь?

— Вас разве обманешь?

— Ты прав, юноша. Старого Лаубазанца еще никто не обманул. Я у себя на дворе буду в шахматы играть. Старость не радость, ходы стал забывать, понимаешь?

Туша дяди Претория ушла, а Леша занялся машиной дальше. Многое еще в ней надо и хотелось улучшить и подтянуть. Жаль, что с деньгами плохо. И бедным человеком быть плохо.

Когда он выехал со двора, то увидел Веронику Павловну. Вероника Павловна шла из школы, усталая, хоть и провела всего два урока. Вероника Павловна была преподавательницей, потому что ее мама была преподавательницей, и бабушка была учительницей, а тетя Зоя воспитательницей в яслях. Но эту работу Вероника Павловна не выносила, учеников боялась, а коллег не жаловала. Да и они ей платили тем же. Все время приходилось о них думать, переживать и беспокоиться. Ведь нелюбовь тоже требует нервного напряжения, и кровь Вероники Павловны всегда была накачена адреналином, как у спринтера или домушника.

Вот и сейчас Вероника Павловна шла к Адик Лаубазанцу, чтобы поговорить с его родительницей. Растила Адика мать-одиночка Вилена Макбетовна, но ей помогали все остальные Лаубазанцы. Помощи не хватало, потому что Вилена, женщина крупозада и вялая, все ждала, что к ней возвратится неверный и легкомысленный Хачик. А Хачик уже жил в Аргентине и преподавал там танго в ночных кабаре. Он был сказочно красив, женщины вешались ему на шею, но он не верил в бесплатную любовь. Поэтому уже построил себе небольшую гасиенду и проводил фиесту на кондиционированной веранде.

Вам может показаться, что в этой истории слишком много действующих, но задействованных лиц. Я говорю о них больше, чем надо, а потом забуду.

Так вот, обещаю вам, что никого из них не забуду. Я не уверен, что всем найдется место на этих страницах.

Леша кратко гуднул, чтобы Вероника Павловна поняла, что это именно он. Вероника поняла это задолго до того, как он гуд-

нул, и сердце ее странно замолотилось. С трудом она сделала вид, что ничего стоящего ее внимания не происходит. Мало ли кто ездит по нашим улицам? Честной девушке прохода нет!

— Подвезти? — спросил Леша, хотя ехал навстречу Веронике Павловне.

— Дойду сама.

— Может, скажешь, что ты на меня рассердилась? Или мне это показалось?

— Вам ничего не показалось, лицемер! — отрезала Вероника Павловна. — Я не желаю быть членом вашего гарема. Я думала... я ждала каждый день встречи с вами. Я думала, что я одна в вашем сердце, но вы сами признались в том, что я для вас не больше чем одна из знакомых, которых вы меняете, как загрязненные перчатки.

К этому времени машина остановилась и поехала задом, чтобы не отставать от Вероники Павловны.

— Я ничего не понимаю, — взмолился Леша. — Но у меня нет гарема. Вы можете проверить у меня в комнате.

— Гаремы у себя в комнате не держат, — сказала Вероника Павловна. — И не надо издеваться надо мной. Какой еще гарем в комнате!

Обиделась Вероника Павловна несусветно и принялась, окончательно разминувшись с Лешей, рассуждать, как честная девушка может отомстить такому донжуану и гаремному типу.

А когда такая целеустремленная девица, которая в унижении черпает высокое достоинство и потому должна быть унижена, стремится к мести, считай, что месть уже случилась, и ужасная.

Расстроенный Леша подъехал ко двору, в котором играл в шахматы дядя Преторий.

Он смотрел на доску, а за его спиной полукругом стояли клеветы, которые при каждом его ходе начинали цокать языками и восхищаться, что такой умный человек почтил своим присутствием их ничтожный двор. А напротив дяди Претория сидел совсем ничтожный человек Игнат Матвеевич, кандидат в мастера по шашкам, и совершал зевком за зевком. Дело в том, что он был должен дяде Преторию шестьсот долларов и не мог расплатиться иначе, как проигрывая ему по десять партий на дню. Уговор был обратный обычному. Награждался десятью долларами не выигравший, а проигравший, так что дядя Преторий был уверен, что на ближайшие дни у него будет постоянный достойный соперник, который всегда будет повержен после отчаянной борьбы.

Лешенька сказал машине:

— Подожди, дорогая.

Машина тихо ответила:

— Только недолго, дорогой.

И хоть мы с вами знаем, как работает магнитофон, впечатление было оглушительное. Сам Леша поддавался очарованию мягкого голоса. Поэтому ответил:

— Не беспокойся.

— Ах, кто к нам пожаловал, — обрадовался дядя Преторий. — Ты, оказывается, слово умеешь держать?

— Вы хотели покататься, — сказал Леша.

— Подожди, успеешь. Давай сначала в шахматы сыграем.

— А мне хотелось...

— А ну, Игнат, вали отсюда, не мешай.

Игнат встал и тихо сказал:

— Минус восемьдесят.

— Нет, семьдесят, в восьмой партии ты чуть было ничью не сделал, а ты ведь знаешь, как я этого не люблю.

Игнат был чуть горбат, податлив и азартен.

Леша смотрел на него и думал: «Неужели я тоже таким же буду? И сходство есть».

— На что играем? — спросил кто-то из клеветов, желая угодить патрону.

— Да, кстати! — Дядя Преторий был сама невинность. — Так просто даже Каспарян не играет. Он тоже деньги берет. Сколько хочешь с меня взять?

— А вы, если выиграете, машину отнимете? — спросил Леша.

— Слово нехорошее: отнимете! Я еще ни у кого ничего не отнял.

— А если я выиграю?

Толпа клеветов покатила от хохота, поднимая тучи осенней пыли. Сухая осень выдалась в этом году.

— Если выиграешь, спрашивай что хочешь, любое желание.

— Нормально, — сказал Леша.

Он сел на еще теплый стул, оставшийся от Игната Матвеевича.

— Один из спорщиков, — произнес он, — всегда дурак, а другой подлец.

— Кто подлец? — удивился дядя Преторий.

— Это поэт Лермонтов сказал. В книге «Герой нашего времени».

— Про вас, Преторий Иваныч! — воскликнул кто-то из клеветов.

— Почему подлец? — настаивал дядя Преторий, покачиваясь на крепком стуле.

— Потому что знает, но спорит. А дурак не знает, а спорит.

— Лермонтов в шахматы играл? — догадался дядя Преторий.

— Играл.

И тут дядя Преторий хитро улыбнулся и заметил:

— Плохо играл, если Мартынов его пристрелил. Не надо было жульничать.

«Ой-ой-ой! — подумал Леша. — Придется быть осторожным!»

Не думайте, что Леша наивный и рассеянный гений. Ничего подобного. Тверже всего он усвоил жизненные уроки мамы, куда тверже, чем заветы Эйнштейна. Он отлично знал, что его заманили сюда, чтобы отобрать машину. Он даже мог угадать и воспроизвести ход мыслей своего оппонента. Одно дело — подослать Адика, который сам необразованный и учиться не желает. Другое дело — поставить машину, вызвать нужных людей, которые, конечно, не будут кричать, что машина на воде ходить не будет. Такие люди и в Христа камнями бросали, знаем мы таких недоверчивых. Настоящий большой, умный и богатый человек должен ходить, расставив локти и уши. Чтобы больно толкаться и внимательно слушать. Если два ребенка догадались, что этот Леша сделал машину, которая ходит на воде, как на бензине, если люди, с которыми он посоветовался, сообщили, что этот Леша уже ходил — и не раз — к пресловутому профессору Минцу, который в нашем городе главный ученый с мировым именем, если отбившийся от рук член семьи Гамлет Лаубазанц сказал про Лешу: «Куплинг далеко пойдет, меня обойдет, всех нас еще научит», значит, машину надо отбирать по возможности тихо, скромно, без драки и обид. Если захочет, этот Леша себе новую машину построят.

Леша все понимал, но понимал также, что такого противника, как Преторий Лаубазанц, лучше обезоружить. То есть использовать против него его же оружие. Он хочет обыграть Лешу в шахматы, он даже свидетелей собрал, хоть и послушных, но все же свидетелей, чтобы много людей видели, как он машину у Лешки выигрывает. А надо сделать так, чтобы эти свидетели увидели, как он Леше желание проиграл.

Поэтому Леша сел напротив грузного, одновременно лысого и черно-курчавого бандита и стал ждать его хода. Потому что такие люди, как Преторий, всегда берут себе белые фигуры. Они где-то прослышали, что у белых всегда преимущество, как у футболистов на своем заводском поле. Преторий пошел королевской пешкой. Просто.

Но никогда не надо недооценивать противника.

Смотри, ему уже подсовывают записочки со следующими ходами. А пишет их несчастный Игнат Матвеевич, что стоит в заднем ряду клеветов.

Конечно, Преторий Лаубазанц и его клеветы не подозревали, что у Лешки, как особого изобретателя, память тоже особенная, да еще Леша ее себе улучшил, начертив мнемоническую суперсхему.

Что это означает? Ничего особенного. Это принцип узелка на платке, который завязывает себе дедушка, чтобы вспомнить, что надо купить зубной порошок. Это запоминание телефона с помощью схожих цифр. Например, этот номер состоит из года рождения папы плюс номер квартиры Зойки...

Мнемоническая схема — это способ сразу находить связи между цифрами и номерами. Мозг находит им, пустым загогулинам, объяснения и связывает в систему. Данная суперсхема была нужна Леше позарез. Ведь ему теперь приходилось столько запоминать самому, что иначе бы голова лопнула. Хорошо богачам, у них есть компьютеры. Но ведь, как мы знаем, Леша Куплинг страшно бедный человек, и тетя у него бедная, и даже девушка, которая ему нравится, тоже бедная.

Как только дядя Преторий сделал свой третий ход, партия, сыгранная Лилиенталем на турнире в Вологде в 1925 году, а затем неудачно повторенная Анандом в Тепловицах много лет спустя, потому что вспыльчивому Ананду захотелось обязательно завершить ее на тридцать втором ходу, легла в мозгу Лешки как на ладони. И как бы Преторий ни суеился, ему не уйти от потери качества.

Качество Преторий потерял, как и предсказано, а в безнадежном уже положении Игнат Матвеевич принялся падать в обморок, но клеветы не дали ему этого сделать, потому что начали его бестолково бить, чтобы дядя Преторий сам их не побил.

— Ничья? — спросил Преторий жалким голосом.

— Ничего подобного, — ответил Леша. — Как только у меня появится желание, я немедленно позвоню.

— А разве ты у меня выиграл?

— Спросите у своих друзей.

— Они промолчат.

— Кто-нибудь проговорится. Если вы их смогли купить, то я их куплю и подавно.

Преторий смирился.

Поник, стал старше, проводил Лешу до ворот и спросил:

— А она у тебя и в самом деле на воде ходит?

— В самом деле.

— Ну, тогда до свидания, — сказал Преторий и не заметил сам, что у него в голосе звучит угроза.

Но Леша это заметил, учел и пошел со двора осторожно, оглядываясь.

Оттуда он поехал за город.

Сначала по шоссе, потом свернул на проселок, тот самый, что вел когда-то к усадьбе помещика Гулькина, то есть адмирала Гуля, который и назвал озеро словом «Копенгаген».

Когда проселок пересек заросшую мелким ельничком просе-

ку, Леша резким движением повернул туда машину, и она начала было прыгать по пням и бурелому, что ей не нравилось.

— Больно! — сказала она.

— Знаю, что больно, — сказал Леша. — А ты попробуй полетай.

Машине нелегко было взлететь. Ничего ее к этому не влекло, кроме боли в днище, по которому молотили ветви и тыкались пни.

Так что через несколько метров машина подобрала колеса, благо Леша снабдил колеса рычагами для уборания, и полетела в полуметре над поверхностью земли.

— Молодец, — сказал Леша, — умничка.

— Знаю, — ответила машина. — Слышали. Не повторяйся.

Леша усмехнулся.

— Ох, и разбогатеем, — сказала машина.

При всех своих достоинствах машина оставалась совершенно неразумным существом и несла околесицу. На уровне среднего обывателя. Проблема обогащения волновала ее куда больше, чем ее создателя, хотя деньги ей были не нужны и даже вредны. Если Леша разбогатеет на самом деле, он, конечно же, сменит «Москвич» на «Кадилак».

Пока же машина послушно понесла нашего героя в лес, практически без дорог, не касаясь колесами неровной земли, к озеру Копенгаген.

Леша развеселился от исполненного желания, даже принялся петь песни недалекого детства и покрикивать на машину. В тот момент ему тоже стало казаться, что он скоро разбогатеет, что жизнь не такая уж дурная и неблагоприятная скотина, что среди людей встречаются приличные, что Вероника Павловна перестанет сердиться на Лешу неизвестно из-за чего. И такое настроение происходило от уверенности в своих силах. Он не заметил даже, как спугнул с лежки двух мирно дремавших уссурийских тигров, родителей Эсти, которые были убеждены, что уж на чем, на чем, но на автомобиле никто к ним в чащобу не заберется.

В изумлении тигры глядели на автомобиль на воздушном матрасе и на его пассажира, знакомого им по рассказам Эсти, юношу Куплинга.

Так как скорость автомобиля была относительно невелика, то движимые любопытством тигры последовали за автомобилем и увидели, как он остановился на берегу чистого ручья, что впадает в озеро Копенгаген.

Машина опустила на колеса, Леша выскочил из нее на траву и сказал:

— Пришла пора подзаправиться.

Он вытащил небольшое ведро и поставил его под хрустальную ледяную струю воды.

Потом отвинтил крышку бака и осторожно залил в него воду, чем очень удивил тигров: им приходилось видеть, как заправляют машины, но всегда на это шел бензин. А тут — вода...

При этом Леша напевал, поглядывая на небо, кашлял и всякими способами привлекал к себе внимание.

Простодушным кошкам было невдомек, что на самом деле Леша не был уверен, что его действия видны окружающим животным, в первую очередь тиграм. А в его расчеты это входило. Если тигры увидят, как он заливает бак водой, они сообщат об этом Эсти, как, впрочем, и о его полете на машине над просекой.

Наконец машина была заправлена.

Леша дал газ — впрочем, точнее будет сказать: «Леша дал пар» — и полетел над просекой дальше от города, в сторону Пьяного Бора — небольшой станции на железной дороге в Вологду.

Глубокой ночью страшный тигриный рык пронесся над окраиной города Великий Гусляр. Но никто из его жителей не испугался, потому что человек ко всему привыкает — и к хорошему, и к дурному. Лишь к холоду, как утверждал великий полярник Амундсен, привыкнуть нельзя, хотя можно научиться терпеть его. Вот это был мудрец! Погиб по-глупому, кинулся на маленьком самолете к Северному полюсу в поисках пропавшего без вести итальянского дирижабля, командиром которого был адмирал Нобиле, посланный в полет самим Муссолини. В общем, разбился, пропал Амундсен, известный, в частности, тем, что открыл Южный полюс нашей планеты.

На тигриный рык откликнулась небольшого роста худенькая девочка-подросток, которая, как была в трусиках и майке с надписью «I LOVE FREEDOM», высочила в окошко и побежала по мокрой холодной траве к лесу.

Там ее ждала приемная мать.

Она выругала девочку за то, что та бежит босиком — ты что, простудиться хочешь? — потом подставила свою широкую теплую спину и понесла ее в чашу, где была лежка. Осеннее убежище.

Мать рассказала Эсти о странном поведении автомобилиста Куплинга.

— А что это за родничок такой? — спросила Эсти.

На рассвете мама отвезла ее на себе в самую чашу.

— Как же он на машине сюда попал?

— А он по воздуху летел, — ответила мать. Тигры не очень раз-

бираются в типах машин. Даже самые умные из них не отличат «Феррари» от «Хонды». Это их национальная трагедия.

Эсти вздохнула. Спорить с матерью было опасно, поэтому Эсти научилась терпеть, если тигры несли чепуху.

Эсти посмотрела на родник, отпила, попробовала, понюхала — вода как вода, даже не газированная. О чем она и сообщила тигрице.

Та страшно зарычала. И понятно почему. Как-то Эсти принесла им газированной воды — лимонада, думала побаловать стариков. Мать чуть не померла из-за этих пузырьков: оказывается, тигровая душа газа не принимает.

— А откуда он куда полетел?

— В ту сторону.

— А в той стороне у нас...

— Пьяный Бор, — уверенно сказала тигрица. — Я там была. Вывеску читала.

Мамаша лукавила. Читать она, конечно, не умела. Это прерогатива разумных существ, то есть людей. Видно, затаилась под каким-нибудь вагоном и подслушала разговоры.

Хорошо еще, что ее не заметили и не подстрелили. Ведь люди и тигры — враги еще со времен каменного века.

Когда Эсти днем вернулась в город, она увидела Веронику Павловну, которая сидела в сквере у церкви Параскевы Пятницы и писала в блокнот печальные стихи.

— Вам может быть интересно, — сказала тигриная воспитанница, — что ваш Леша ездит в лес на машине и заправляет ее водой из родника.

— Из какого родника? — Вероника Павловна так подпрыгнула, что полностью себя выдала. Но Эсти и виду не подавала, что знает о любви Вероники Павловны к Леше Куплингу.

— Он на просеке, у озера Копенгаген, — ответила Эсти, — вам не найти.

— Почему ты решила, что я собираюсь его искать? — возмутилась Вероника Павловна. Она и на самом деле не собиралась искать ничего, связанного с этим недостойным человеком, Лешей Куплингом.

Беда в том, что к тому времени Вероника Павловна полностью забыла о том, почему она возненавидела Лешу. И это понятно: потому что причина ненависти была ничтожна. Причина забылась, а ненависть осталась и продолжала зреть.

— Почему ты одна зашла так далеко в лес? — провела отвлекающий маневр Вероника Павловна. — Ты же знаешь, что в твоём возрасте опасно гулять одной по лесу. Мало ли кто там водится... или туда заходит.

— Я с мамой встречалась, — сказала девушка.

— Ага. — Вероника Павловна наморщила свой круглый лобик. Что она слышала о судьбе этой девочки? О ее нелегкой судьбе? Дочь леса...

Впрочем, это сейчас неважно.

Вероника теперь поняла, что ее бывший возлюбленный затеял какую-то авантюру. И ей стало страшно за него. Ведь он такой беззащитный! Его чистотой и непорочностью могут воспользоваться плохие люди...

Но другая сторона мозга Вероники пустилась в спор: «Еще чего не хватало! Беззащитный! Да он защищеннее любого тигра! Он сам его растерзает... Но при чем тут тигры? Это же родители Эсти!»

Вероника Павловна шла по Пушкинской. Она уже забыла о встрече с Эсти, настолько была эмоционально взбаламучена.

И именно в таком состоянии ее встретил дядя Преторий, который также был удручен, ибо не смог раскусить Куплинга. Он не привык к поражениям. Даже министры шелкали и лопались орешками на его крупных желтых зубах.

— Ах, моя несравненная! — пропел дядя Преторий, завидев Веронику Павловну. И все в нем дрогнуло и поплыло при виде этого создания. Остренький носик между больших кругляков очков, прикрывавших половину личика, казался ему точеным, светлые водянистые глазки, увеличенные диоптриями, виднелись ему голубыми очами, не очень густые и чуть подкрученные на бигуди волосы представлялись ему золотыми кудрями, а заячий прикус маленького рта был в его воображении зовущими устами Клеопатры.

Вероника Павловна замерла как кролик перед медведем. Она боялась больших и тяжелых мужчин, инстинктом она трепетала при мысли, что можно попасть под такого мужчину, как под троллейбус.

— Как у нас дела на ниве просвещения? — спросил дядя Преторий, лаская ее шоколадным взором.

— Спасибо.

— Как успехи моего племянника Адика?

— Кстати, я давно хотела с вами поговорить, так как его мама не очень любезна.

— Говори, ангел, говори, я буду любезный, — заверил ее Преторий Лаубазанц.

— Не сейчас, — ответила Вероника Павловна, отступая на шаг перед Преторием. — Сейчас мои мысли заняты совсем другим, и я должна уйти.

— Ни в коем случае! Я по глазам вижу, что вам плохо, что вы

находитесь в переживаниях. Так поделитесь со старым больным человеком!

И тут Веронику Павловну прорвало. Искреннее желание толстого громады помочь ей открыло шлюзы ее чувств.

— Среди нас живут люди, которые недостойны этого! — воскликнула она, и слезы, брызнув из глаз, полились изнутри по стеклам очком и стали капать со стекол на щеки и на ворот.

— Вы об Алексее Куплинге? — сразу догадался проникательный Лаубазанц. — Именно он заставил скорбеть ваше чувствительное сердце?

— Как вы догадались? — ахнула Вероника Павловна.

— Такие люди встречаются нечасто, — признался дядя Преторий. — Мне о нем рассказывал племянник. Они, понимаешь, в одном дворе живут. Рассказывай, что еще натворил наш Куплинг?

— Он ездит в машине, которая работает на воде, а не на бензине. Причем катает на ней своих любовниц. Я знаю наверняка, не возражайте.

— Зачем возражать, если весь город знает, что Куплинг катает на своей машине любовниц.

— Вы об этом знаете?

— Как дважды два четыре.

— Я так и думала, — сказала Вероника Павловна поникшим голосом.

Бывает же так: она сама выдумала дикую историю о девушках, которых Леша якобы катает на машине, и, оказывается, это правда! Достойный доверия пожилой человек подтвердил эту догадку. Какой ужас!

— Это надо прекращать, — сказала она.

Дядя Преторий нежно взял ее ручку в свою мягкую потную ладонь и легонько сжал.

— Я вам сочувствую, — сказал он. — Такое чувство, такое чувство, и такая утрата! А что мы еще знаем о его машине?

— Он только что на ней в лес уехал, — поведала Вероника Павловна. — Там заправил ее водой из ручья, из родника, и полетел дальше.

— Как так «полетел»?

— Эсти, тигриная дочка, от своей матери узнала.

— Тигры не разговаривают, — заметил Лаубазанц.

— Смотря с кем.

— Они ни с кем не разговаривают.

— Но она же ее дочка.

— Приемная не считается.

— Если вы мне не верите, то давайте разойдемся. — Веронике

Павловне эта сцена показалась вдруг нелепой. Ну, зачем она обсуждает своего любимого Лешеньку с этим «троллейбусом»?

— Я тебе верю, крошка, — сказал Лаубазанц. — Где этот родник? Где этот источник?

— А зачем вам? — вдруг заподозрила неладное Вероника Павловна.

— Очень просто, — ответил Лаубазанц. — Ты что, не понимаешь, как это опасно? Ты разве не понимаешь, какой может быть пожар?

— Какой пожар? Там же вода!

— Ах, вода! Обыкновенная вода! Неужели ты веришь, что обыкновенная вода может в карбюраторе нагреваться? Это спец-вода, понимаешь? Это такая опасная жидкость, что уже многие леса погублены на нашей несчастной планете! А твой Леша не понимает, какой опасности он подвергается сам и подвергает своих близких. Ты белочек любишь?

— Люблю.

— Все белочки сгорят от этой так называемой воды. Мы должны немедленно поставить ограждение. Как родник называется?

И он навис над Вероникой Павловной так угрожающе близко, что она поняла: если она не вспомнит сейчас названия родника, то он ее все же задавит. Дыхания не хватало. В глазах потемнело...

— На просеке... у озера Копенгаген...

— Точнее! — рявкнул Лаубазанц.

Но голос Адика донесся из-под его локтя.

— Я знаю. Там один родник, из него потом ручей получается и течет прямо в озеро Копенгаген. По просеке.

— Тогда действуем, — сказал дядя Преторий.

И он потопал толстыми ногами к своему дому, где стоял его джип.

Специальный джип с большим сиденьем для водителя.

Раньше этот джип принадлежал одному премьеру небольшой африканской державы. Но после того как его восемьдесят жен растерзали его за неверность с французской гувернанткой, они продали джип на аукционе, и дядя Преторий полюбил свой автомобиль.

Он первым подбежал к нему и сказал:

— Скоро на воду перейдешь.

Джип зарычал. В отличие от машины Лешы Куплинга, джип умел только рычать и пускать вонючие газы, которыми некогда африканский диктатор подавлял демократические демонстрации.

Негодование джипа объясняется просто: среди автомобилей существует суеверие, что со временем люди изобретут новое топливо, пить которое для порядочной машины и противно, и унизи-

тельно. Разумеется, среди таких подозреваемых на первом месте стоит водопроводная вода.

— Поехали! — приказал дядя Преторий Веронике Павловне.

— Еще чего не хватало! — откликнулась она и залезла в джип. На заднее сиденье. Там она скорчилась и думала пересидеть, но оказалось, что на полу дремлет небольшой крокодил — в наморднике, правда, и на цепочке.

— Это от мальчишек, — сказал Лаубазанц. — Лезут и лезут. В прошлом году приемник украли, представляешь?

Вероника Павловна пискнула, но ответить не смогла. Язык онемел, как будто она его отлежала.

Адик сидел рядом с дядей и указывал дорогу.

Крокодил храпел.

Вероника Павловна думала о судьбе предателей. Потому что судьба превратила ее в предательницу. Теперь эти люди убьют Лешеньку, и она останется невенчанной вдовой. Но тут она вспомнила, что Леша тоже изменник, потому что катает на своей машине неизвестных развратных девиц. И об этом знает уже весь город.

Даже всепроходящий джунглевый джип не смог добраться до родника.

Последние несколько сот метров прошли по просеке пешком.

Крокодил вырвался из машины, ему захотелось на свежий воздух, и он добежал до родника первым. Потом он старался залезть в него, но вода оказалась холодной. Крокодил бегал кругами по лужайке, а Адик прыгал через него, как ребенок через скакалку. Но никто, кроме него, не смеялся.

Дядя Преторий стоял на коленях над родником, с трудом склонялся вперед и зачерпывал хрустальную воду. Закидывал в раскрытый рот пригоршни воды и кривился от холода и счастья.

— Вы заплатите Леше много денег? — спросила Вероника.

— Сколько попросит. Хочет тысячу, получит тысячу...

Удивившись выражению лица девушки, дядя Преторий поправился:

— Я баксы имел в виду. Богатым человеком станет.

Из кустов за каждым движением дяди Претория наблюдали строгие узкие глаза. И когда он произнес последнюю фразу, на полянку у родника вышли три человека скромного восточного вида.

— Разрешите представиться, — сказал первый из них. — Мы представители мятежной республики Негри Симбала, расположенной на территории Индонезии. В нашей борьбе за независи-

мость мы испытывали недостаток дешевого топлива. И как только нам стало известно, что в городе Великий Гусляр научились ездить на воде вместо бензина, мы приехали, чтобы купить или отнять у вас этот секрет.

— Не выйдет! — рассердился дядя Преторий. — Не те времена, чтобы ездить с угрозами по моей родине. Крока, куси! — И он снял с крокодила намордник.

Крокодил кинулся на пришельцев, те вытащили автоматы и стали стрелять по крокодилу. Из него лилась кровь, но он не сдавался и рвал их зубами. Брюки — в клочья!

Не прошло и двух минут, как представители мятежной республики побежали прочь, а Адик сказал:

— Знаю я их, вьетнамцы это, на рынке у нас кроссовками торгуют. Дрянь кроссовки.

— Адик, беги за ветеринаром, — приказал дядя. — Не переживу, если животное, которое рисковало жизнью ради меня, погибнет от потери крови.

— На джипе? — с надеждой спросил Адик.

— Обойдешься, — ответил дядя.

До джипа дошли пешком. Дядя сел в машину, посмотрел на Веронику Павловну и спросил:

— А тебе что, особое приглашение?

Вероника залезла в джип, на этот раз на переднее сиденье, потому что не знала, нет ли там, сзади, еще какого-нибудь удава.

Далеко гнаться за Лешей не пришлось. Как только вылезли на дорогу, что вела к Пьяному Бору, увидели, что навстречу не спеша катит Леша Куплинг в своем блестящем «Москвиче».

В этот момент сердце Вероники Павловны чуть не разорвалось от двух противоречивых желаний. Ей захотелось предупредительно закричать: «Берегись, Леша!» И в то же время она торжествовала, потому что этот мерзавец наконец-то попался. И получит то, что заслужил. Хотя неясно было, что же он заслужил.

Но все проблемы решил за нее дядя Преторий.

Совместно со своим джипом, который понял, кого надо хватать, и развернулся поперек дороги.

Леша покорно вылез из машины.

Вероника Павловна готова была и расцеловать, и облить его слезами, и разорвать на части — такова реакция женщины на бедного человека, причем бедного не только карманом, но и духовно.

Преторий подождал его. Сам он остался сидеть за рулем, лишь живот вывалился наружу.

— Значит, ездим, воду тратим? — спросил он ласково.

— А вы уже знаете? — спросил Леша.

— Мы все знаем.

— И что вы предлагаете?

— Как — что? Совместное предприятие, — ответил добрый дядя Преторий. — Ведь если тебя придушить, унесешь с собой в могилу секрет этого топлива. Что, вода особенная, да?

— Желательно чистая, — сказал Леша.

— Тоже правильно, — согласился дядя Преторий. — И что у нас главнее — двигатель или топливо?

— Двигатель, — честно ответил изобретатель.

— А водопроводную воду можно?

— Нежелательно, — сказал Леша.

— Ты как желаешь — в долю войти или отступного получить?

— Я бедный человек, — сказал Леша. — Я готов получить наличные.

— Сколько?

— Это не телефонный разговор, — криво усмехнулся Леша.

Дядя Преторий не понял иронии и спросил:

— Где ты тут видишь телефон?

— Я не вижу телефона.

Они помолчали.

В лесу было тихо. Так тихо, что они услышали отдаленное мычание раненого крокодила, которого Адик тащил к ветеринару.

Притом никто не знал, что по кровавым следам крокодила идут два уссурийских тигра.

— Сколько? — спросил дядя Преторий, отведя Лешу в сторону.

Леша еще не видел Веронику Павловну и не подозревал, что она принимает участие. А Вероника боялась высунуться из джипа, сидела скорчившись, лишь краем глаза выглядывала в окошко.

— А сколько предложите?

Разговор принимал циклическую форму.

В Лешину задачу входило вырваться из заколдованного круга.

— Пять миллионов, — сказал он.

— Пять миллионов чего?

— Пять миллионов евро, — ответил Леша.

— Это сколько будет?

— Это будет много, — сказал Леша.

— А может, две тысячи баксов, а?

Леша пошел обратно к своей машине.

— Я тебя убью, — сказал дядя Преторий.

— И останешься с пустыми руками, как некий царь Додон. Его в темечко клюнули.

— Попрошу без этого, — рассердился дядя Преторий.

Сердился он впустую, потому что, даже если бы он предложил миллиард долларов, сделка бы ему не удалась.

Из кустов вышли еще два человека, в галстуках из Парижа, в итальянской обуви и костюмах, сшитых на заказ в Панаме у того самого портного.

Никакого оружия у них не было, да и не могло быть, потому что первым делом они показали Леше ладони, как показывает хороший мальчик ладошки маме перед обедом: «Видишь, как я их чисто вымыл, с мылом».

— Рады познакомиться, — сказали они одновременно Леше. Претория они игнорировали и, судя по всему, умели обращаться с людьми разного полета.

— Вы нас не узнаете? — спросил тот, кто был в синем костюме.

— Мы из Газпрома, — сказал второй — тот, кто был в коричневом костюме.

Издали донесся жуткий предсмертный вой крокодила.

— Нам стало известно, — сказал первый, — что вы, молодой человек, решили одурачить научную общественность.

— И не исключено, что в корыстных целях, — сказал второй.

— Провести за нос!

Оба засмеялись.

Они вообще чувствовали себя легко и непринужденно, словно за их спинами в кустах таилось с полдюжины телохранителей.

Впрочем, так оно и было.

— Как всем известно, на воде без подогрева машины не ездят. Так что мы намерены вас разоблачить.

— Не надо, — сказал Леша, — пожалуйста, не надо!

— Придется, — вздохнул первый.

— Начнем с бака, — сказал второй.

Он вытащил из чемоданчика большой шприц с длинной иглой и, пока его спутник отвинчивал пробку, подготовил шприц к работе.

Затем запустил иглу шприца в бензобак и набрал в шприц жидкости. Его спутник раскрыв свой чемоданчик, и в нем оказалось множество пробирок. Первый человек из Газпрома стал брызгать из шприца по пробиркам, и вода в них принимала различный цвет. Это было даже красиво.

Остальные стояли или сидели вокруг и в основном молчали, потому что понимали серьезность дела, которым занимались представители крупнейшей нефтяной компании.

Даже дядя Преторий осознал, что открытие Леша Куплинга в первую очередь задевает интересы нефтяных и газовых монополий, что именно это открытие может начать или кончить мировую войну, вызвать или погасить волну терроризма. Его интересы оказались сразу третьестепенными, хотя он и корил себя за то, что сначала пожадничал и не дал Леше хотя бы долларов пятьсот, на-

ивно полагая, что такой бедный человек, как Куплинг, тут же поддастся на уловку. У него даже ботинок хороших нет. И пока представители Газпрома измеряли параметры воды, он шепнул на ухо Леше:

— С меня хоть тысячу баксов мог получить, а они с тобой договор подпишут и ничего не дадут. Вот увидишь, что ничего не дадут.

Леша только пожал плечами. Он с интересом следил за действиями газовщиков.

— Вода, — произнес наконец первый газовщик.

— Течет вода обыкновенная, — засмеялся второй. — Что и требовалось доказать.

— Но ведь ездит! — завопил дядя Преторий. Казалось бы, в его интересах молчать, ждать, пока проверяльщики уедут, и взять свое. Но вот не смог, не удержался.

— А как она ездит, мы проверим, — сказал первый газовщик, тот, что был в синем костюме. — А где ключи?

Леша покорно — видно, смирился перед силой бедный человек — достал ключи зажигания и протянул газовщику.

Газовщик в коричневом костюме уселся на место водителя.

Включил зажигание.

Машина заурчала.

Потом поехала по проселочной дороге, что вела в Пьяный Бор.

Проехала метров сто, развернулась и вернулась к удрученной группе людей, что ожидали ее.

По сигналу газовщика в коричневом костюме его товарищ в синем костюме достал мобильник и набрал номер.

— Пост ГАИ на въезде в Пьяный Бор? — спросил он. — Мимо вас час назад проезжал «Москвич» желтого цвета с номерами Вологодской области. Проезжал? Куда направился? Ясно.

Газовщик сказал товарищу:

— Как мы и ожидали.

— Продолжай, — посоветовал его товарищ.

Коричневый костюм набрал другой номер.

Сначала сказали пароль:

— «Шеф-эрджент без очереди». У вас был час назад «Москвич» желтого цвета с вологодскими номерами? ...Ясно, крошка.

Он спрятал мобильник, и его товарищ за него сказал:

— Что и требовалось доказать. Купил канистру бензина.

Затем он обернулся к робко стоявшему у дороги Леше Куплингу.

— А ведь старших обманывать плохо. Денежек захотелось?

— Захотелось, — хрипло сказал Леша и сглотнул слюну.

— С этого моржа хотел взять? — Газовщик показал на дядю

Претория, который пока ничего не понимал, но чутьем чуял, что его морочат.

Леша кивнул.

Газовщик открыл радиатор и стал смотреть внутрь.

— Есть! — воскликнул он через две минуты.

И заливисто захохотал.

Его товарищ тоже посмотрел туда и тоже засмеялся, затем пригласил к смотрину всех остальных.

Свидетели столпились вокруг машины, даже Адик подошел, потому что теперь, когда крокодила сожрали, ему некого было вести к ветеринару.

— Смотрите и запоминайте, больше такого фокуса вам в жизни не увидеть. Из бензобака никуда вода не поступает, а при движении по капельке выливается на дорогу. А тут вот спрятан гениально простой и специально выкованный бензиновый бак сложной формы, чтобы вписывался среди иных деталей мотора или их заменял. Из него обычный бензин поступает в двигатель. Видите?

— Разве тут догадаться? — обиделся дядя Преторий. — Разве нормальному человеку в голову придет? Нормальный человек думает — гениальное изобретение, а оказывается, жулик, да?

— Машину заберете? — обреченно спросил Леша.

— Не только не заберем, — ответил газовщик, — а пожелаем тебе дальнейших творческих успехов, но желательно на честном поприще. А вот перед тобой наши ворота открыты. Если захочешь поработать в настоящем конструкторском бюро, приходи, Алексей! Такой бак придумать, сделать двойное снабжение, так что самих нас временно ввел в заблуждение! Но любой шпион делает маленькую ошибку, и его ловят.

— А какую ошибку я сделал? — спросил Леша.

— Зачем ездил заправляться в Пьяный Бор? Мы тебя заподозрили и сразу с ними связались.

— Я слышал. — Алеша почесал затылок, а дядя Преторий громко фыркнул, выразив этим свое презрение.

— Надо было заправляться где-нибудь далеко...

— Но у меня бензиновый бак небольшой, — ответил Леша, — далеко не поедешь.

— А в общем, тебя, конечно, пороть надо, — сказал синий костюм, — но голова у тебя работает. Катай девушек на своей машине.

— Нет у меня больше девушек, — вздохнул Леша.

Остальные стали собираться.

Сначала ушли в кусты газовщики, оттуда донеслось басовитое жужжание, и над вершинами деревьев поднялся вертолет без опознавательных знаков.

Затем Адик с дядей забрались в джип, джип страшно зарычал,

призывая к мести за крокодила, и они уехали. И сквозь шум мотора доносились крики дяди Лаубазанца:

— Кого обманывал! Меня обманывал! Через час весь город будет над тобой смеяться. Нет тебе пощады! Всю жизнь быть тебе нищим!

И наступила тишина.

Вероника Павловна вышла из кустов, куда она спрыгнула перед тем, как дядя Преторий, совсем забыв о своем увлечении, умчался к своим важным делам в городе.

— Спасибо, — просто сказал ей Лешенька.

— А я так боялась, так трусила, ты не представляешь!

— Но ты все сделала гениально, — похвалил ее Леша. — Этот боров так и не догадался, как ты ловко им управляла и привезла его сюда. Молодец! Порошок у тебя?

— Конечно.

— Я рисковал, — сказал Леша, — но я не мог оставить его при себе. Они могли меня обыскать.

— А меня?

— Тебя вряд ли.

— Правильно, я бы их хуже тигров испарала.

Тонкими пальчиками учительница достала спрятанный за лифчик пластиковый пакет.

— Зубной порошок? — спросила она.

— Пойми... — начал виновато Леша.

— Только не надо оправдываться. Самое трудное позади.

— А что было самым трудным?

— Самым трудным было ревновать тебя. Временами я начинала в самом деле верить в твои измены.

Лешенька отвинтил пробку бака с водой и засыпал туда зубной порошок.

— Прости за беспокойство, — произнес он, словно оправдываясь перед возлюбленной, которой пришлось ради него пойти на такие жертвы.

Правда, Лешенька не учитывал простой и древней истины — ничего нет приятней для любящей женщины, чем идти на риск и жертвы ради любимого. Вспомните, например, Клеопатру или Надежду Крупскую. В груди Вероники Павловны бушевала радость и даже гордыня. Она смогла спасти гениального Лешеньку! Без нее он бы погиб.

— Без тебя я бы погиб, — сказал Лешенька. — Сколько бы я ни объяснял, ни оправдывался — они бы мне не поверили, они бы разломали машину, чтобы добраться до истины, они бы мне голову оторвали. Слишком большие деньги стоят за этим. А мы с тобой небогаты.

— Разве это так важно? — проворковала Вероника Павловна. — Мне сладок с тобой и рай в шалаше.

— Это Пушкин?

— Нет, это я сама сочинила, — покраснела Вероника Павловна. — Но первую строчку я забыла.

Лешенька засыпал порошок в бак с водой и сказал:

— Теперь у нас с тобой полный бак топлива. Причем такого, что стакана хватит на сто километров. На воде ездить нельзя, но превратить воду в бензин нетрудно.

— Нетрудно, если ты гений, — сказала Вероника Павловна.

— Но уже сегодня надо мной, над моей неудавшейся хитростью, над моим липовым изобретением будет хохотать весь город. Ты переживешь такое унижение?

— Я буду хохотать вместе со всеми, — ответила Вероника Павловна, — но потом ты будешь катать меня в Сочи и обратно. На стакане бензина.

— Пускай смеются, — повторил Леша. — Это был единственный выход. Коль меня осмеивают, то не подозревают в способности что-нибудь изобрести. И я в безопасности.

Они поехали в Гусляр, а по дороге Вероника Павловна думала, как жаль, что они небогаты. Как бы Лешеньке сейчас пошел кожаный пиджак. И ей тоже... Зато бензин у них бесплатный и машина как новенькая.

Чета уссурийских тигров, облизываясь, смотрела на них с пригорка.

— Ты чего-нибудь поняла? — спросил тигр у тигрицы.

— Когда высший дух решил посмеяться, он придумал людей, — ответила тигрица. — Представляешь, люди будут хохотать над Лешей, а он намерен по этому поводу радоваться.

— А почему они будут хохотать, ты поняла?

— Потому что кто-то из них дурак, — прямодушно ответила тигрица.

КСЕНИЯ БЕЗ ГОЛОВЫ

Ксения Удалова поехала на дачу к Малютке Скуратовой, школьной подруге.

Москвичу или человеку из иного мегаполиса может показаться смешным, что гусляры, жители такого небольшого городка, заводят дачи.

А ведь еще лет сорок назад на баржеремонтном предприятии и

в горсовете стали выделять садовые участки. В то время дачи были ничтожными, мелкими, а садовые участки давали никакие урожаи.

В наши дни все изменилось.

Садовые участки — шесть соток — украсили могучие яблони и сливы, а домики большей частью покосились. Зато ближе к Великому Гусляру новые гуслярыц построили себе ряд коттеджей. Для неосведомленных: коттедж — это трехэтажная крепость из красного кирпича с бойницами на первых двух, с соляриями на третьем, гаражом и сауной в подвалах и подземным ходом в лес.

У Малютки, женщины крупной, за что ее еще во втором классе прозвали так уменьшительно, дача была первого поколения — то есть финский домик из отходов производства. Зато поспели в большом количестве яблоки, мелкие и кислые, на базар не отвезешь — никто не купит, но друзьям и родственникам можно подарить.

Сначала ее дочка с зятем собирали-собирали — не собрали, потом жена первого мужа с детьми собирала — не собрала, вот и наступила очередь Ксении Удаловой. Потому что если не собрать, то пойдут яблоки под снег.

Ксения чувствовала себя обязанной Малютке, привезла с собой колбасы, кекса, пива в бутылках — по стоимости куда больше, чем все яблоки скуратовского сада.

Сам сбор фруктов разочаровал: яблоки были червивыми, побитыми (те, которые упали) и поклеванными птицами (которые остались).

Но потом подружки славно посидели, употребили пиво, поболтали о болезнях и внуках, провели время до самой темноты, и тут Ксения спохватилась: последний автобус до Великого Гусляра отходит в двадцать пятьдесят! Не успеешь на него — другого пути в город уже нет. Корнелий сойдет с ума, если жена пропадет на всю ночь, и не столько от ревности, сколько от страха, что ее растерзали какие-нибудь звери. Хотя со зверями вокруг Гусляра туго. Истребили.

Тут еще дождик зарядил — все-таки конец августа, начинают осенние непогоды.

Малютка делала вид, что готова проводить Ксению до остановки, а Ксения, хоть и хотела бы идти до автобуса не одна, отказалась от проводов, потому что понимала: ей-то потом ехать в автобусе, в тепле и на свету, в коллективе пассажиров, а вот Малютке топтать в десятом часу в опасном одиночестве по пустому поселку.

Поцеловались, Малютка проводила подругу до калитки, Ксения уравнивала сумки — обе были килограммов по восемь. Но русской женщине таскать сумки привычно, даже по глинистой

дорожке, даже под дождем, даже два километра. Ведь яблоки хоть и дрянь, но бесплатные, можно и на варенье пустить, и на сок, и на компот.

Ксения шла под дождем и жалела, что не взяла с собой зонтик. Но в какой руке зонтик нести? В третьей?.. Она все надеялась на попутку, однако до самой шоссе попутки не появилось — разъехались уже дачники.

Идти было утомительно, и Ксения несколько раз останавливалась, чтобы перевести дух, тем более руки оттянула.

Половину пути она прошла. Повернула за угол — теперь оставалась одна улица, но длинная, и почти все фонари побиты. И зачем люди бьют фонари?

Сзади слышались шаги.

Это были шаги как во сне, в кошмаре. Будто чувствуешь, что кто-то тебя догоняет, чтобы задушить, и хочется верить, что это лишь твое воображение... а шаги все ближе!

Ксения пошла быстрее. Под ногами скользило, хлюпало, когда сапог попадал в лужу.

Надо бы обернуться и увидеть, что следом семенит всего лишь беззаботная старушка, но повернуть голову — выше твоих сил.

Ксения ускорила шаги, а шаги сзади, как привязанные, тоже застучали чаще. Только бы не сбиться на бег, подумала, но дыхание уже рвалось из груди так, что стало ясно: стоит побежать, и сердце разорвется.

Шаги приближались. Неотвратно.

Ксения потеряла равновесие, схватилась за острую верхушку штакетника, и калитка на заросший участок, над которой тяжело нависали грозди спелой рябины, растворилась, приглашая Ксению спрятаться там, как яблоня из сказки.

Ксения послушалась.

Усыпанная листьями тропинка, что вела к даче, отражала свет одинокого фонаря, светившего над верандой.

«Сейчас подожду здесь, — сказала себе Ксения, — он пройдет мимо, и я пойду себе спокойно...»

Ах, как устроен человек! В нем существует не одна, нет, не одна, а по крайней мере три-четыре успокоительные системы. Надо только отыскать зацепку для успокоения. А для этого человеку дано воображение. Оно выстроит схему или нарисует картину, куда более убедительную, чем сама жизнь...

И когда, уже дойдя до чужой веранды, Ксения услышала, как скрипнула калитка (это входящий человек толкнул ее, полукрытую, плечом), у нее подкосились ноги. От полной неожиданности.

Не могло этого быть! Ведь самый худший вариант мы не рассматриваем — у нас есть целый ряд утешительных картин!

Он обозначился темным силуэтом. И в этом силуэте, в движениях, в постановке плеч, наклоне кепки, прижавшей голову, в хромоте, как у бродячей собаки, была такая слепая, безжалостная угроза, что Ксении захотелось одного: сжаться в комочек, уползти в кусты орешника за углом домика и проснуться только утром, под солнцем, проснуться от детских голосов и птичьего щебета.

Ксения кинулась в кусты. А преследователь не стал ломиться за ней следом. Словно бывал здесь не раз, он взял правее и пошел узкой тропинкой так, чтобы перехватить Ксению.

К счастью — а то бы умерла от страха, — Ксения не знала, что в руке у преследователя тяжелая палка.

Чуть не столкнувшись с ним, Ксения увидела слева приоткрытое окно — кажется, жильцы еще не покинули свой дом и в этот вечер, возможно, пошли в гости к соседям.

Пожилая, грузная, малоподвижная Ксения ни за что бы не смогла влезть в окно, открытое на уровне груди. Но это в обыденной жизни. А тут — нога на кирпичную завалинку, животом о подоконник и головой вниз. Так — через окно — и ввалилась в комнату, ударившись о ножку кровати.

Тут было темно, но сразу стало еще темнее: силуэт преследователя закрыл просвет окна.

На четвереньках (чтобы подняться, уже нет ни сил, ни времени) Ксения двинулась к двери в соседнюю комнату. Глаза уже совсем привыкли к темноте, и она все видела, как кошка.

Бух! Это преследователь влез в окно и направился следом за Ксенией. Он явно не спешил: знал, видно, что из следующей комнаты выхода нет. Тут Ксения вскочила на ноги и кинулась к окну, но оно оказалось заперто.

Вот он стоит в двери и лениво поводит головой, высматривая Ксению. И еще бормочет себе под нос:

— Ну где этот долбанный выключатель — что я, шарить должен?

И тут Ксения поняла: жизнь ее кончилась. По его голосу поняла: кончилась.

Вспыхнул свет (лампочка под бумажным абажуром) — такой яркий, что Ксения зажмурилась. А потом встретилась взглядом с тяжелыми тупыми глазами убийцы.

Он глядел на Ксению, но, казалось, ее не видел. Или действительно не видел. Посмотрел в угол комнаты, затем, пройдясь пару метров, за шкаф... И Ксения инстинктивно поняла: случилось чудо! И чтобы оно продержалось еще немного времени, не лопнув, как воздушный шарик, ей надо быть неподвижной и неслышной.

— Где ты, зараза?... Куда... — он шагнул к окну и стал дергать шпингалет, — куда проскочила?

Он дошел до двери, потом одним прыжком развернулся. Ксения уже успела разглядеть его: плотная, приземистая скотина, бритая голова, низкий лоб. И глаза — будто пробуравленные, чтобы стрелять из них, как из пистолетов.

Точно разочарованный лев, упустивший антилопу, он стал шуровать по комнатам, открывал ящики комода, отодвигал кровати. Но жертвы нигде не было.

Ксения стояла почти не дыша. Она ждала. Потому что затеплилась необъяснимая надежда: он скоро уйдет. Он ее не видит.

Словно она и вправду стала невидимая.

Проклиная Ксению, будто она его жестоко обидела, и поколотив на кухне посуду, бандит наконец ушел. Всё, тишина!

Вскоре Ксения потушила свет, села на продавленный диван и стала дрожать — из нее все тепло вышло. Потом, даже не думая, что делает, взяла плед, лежавший рядом, развернула его, накрылась им, подобрав ноги в сапогах, задремала. И сколько длилось забытие, она не знала.

Потом ее как ударило! За дверью послышался шум.

Ксения присела и так оставалась, будто завороченная.

— У нас гости были, — пропел детский голос.

— Кто не запер, когда уходили? — возмутился мужской голос.

— Ты же и не запер! — ответил женский голос.

В передней комнате зажегся свет. Потом ребенок зажег свет в комнате, где на диване, как истукан, сидела Ксения.

— Смотри, мама! — крикнул ребенок. — Яблоки!

Ксения проследила за его взглядом и увидела, что одна из ее сумок с яблоками лежит посреди комнаты. Часть яблок высыпалась на пол.

— Не только гости, но и подарки, — засмеялся отец.

— Яблоки плохие, — сказала мать, — у нас лучше.

Они говорили, спорили. Они стояли в двух метрах от Ксении и нарочно ее не замечали. Словно хитрили.

Тут уж ей стало совсем неловко. Она поднялась с дивана. Диван заскрипел. Хозяева, как по команде, повернулись к нему.

— Что это? — насторожилась мать.

Ей не ответили.

Теперь Ксения выпрямилась. Сразу скрипнули половицы.

— Кто здесь? — спросил отец.

Ксения устала трепетать. Как только она заметила просвет между членами семейства, тут же кинулась вперед.

Конечно, они почувствовали движение воздуха и в удивлении обернулись. Но почему-то Ксению не увидели.

Она выбежала наружу, под дождь, в темноту. Никто ее не последовал.

Зря, подумала, не взяла сумку! Не столько яблок жалко, как сумки, почти новой... И, переваливаясь как утка, побежала. А шаг через двадцать натолкнулась на свою вторую сумку с яблоками, совсем плохонькую.

При страшном невезении, бывает, и везет.

Ксения подняла сумку и торопливо засеменила к автобусной остановке. Сеял дождь, и она промокла как цуцик.

Последний автобус, если верить расписанию, уже ушел. Но — опять везение: как раз тут он и появился, сверкая теплыми огнями, уютный и большой. Номер 45, «Пьяный Бор — Великий Гусляр».

Автобус притормозил, но тут же снова стал набирать скорость. Ксения кинулась за ним и на бегу замолотила в дверь. Видно, водитель Ксению не заметил, однако на стук среагировал.

Она поднялась по ступенькам, втащила за собой сумку.

— Спасибо! — крикнула водителю.

В автобусе — только парочка целующихся подростков. Сначала они на Ксению и не посмотрели, но потом парень сказал:

— Ну и дела! Тетка без головы.

Ксения уселась, а парочка вновь принялась целоваться...

Такое стечение обстоятельств — дождь, темнота, почти пустой автобус — и привело к тому, что Ксения до самого дома не догадывалась, что стала невидимой. Представляете: раза три за дорогу она посмотрела на часы, часы были на невидимой руке, но Ксения их видела, а отсутствия руки не замечала. Так и доехала до Гусляра.

Невидимая Ксения спокойно дошла по ночному Гусляру до своего дома, и если ей встретились два-три обывателя, то они не удивились ее внешнему виду — начисто отсутствовала лишь голова. Но когда она подходила к своему подъезду, к нему же подходил сварливый старик Ложкин, который гулял с собачкой Пуш-ком, беспородным истериком.

Именно эта собачонка и подняла страшный шум, когда увидела, что Ксения явилась домой без головы.

Ложкин не стал собаку одергивать, так как считал ее умной и сторожевой, а сторожить, по его понятию, означало «подавать сигналы по инстанциям».

Сам же он видел плохо, поскольку страдал редкой в наши дни болезнью — куриной слепотой.

Он решил было, что это, верно, не Ксения, а кто-то воровской специальности. Лезет, замаскировавшись.

— Ты куда! — начал кричать. — Ты чего по нашим сараям лазишь?

На шум открылось окно на втором этаже. У этого окна уже давно сидел Корнелий Иванович Удалов, супруг Ксении, который сильно переживал, куда делась благоверная.

— Чего там? — подал голос сверху. — Это ты, Ксюша?

Ответить Ксения не смогла, потому что Ложкин стал отеснять ее от дома, защищая собственность. Собачка продолжала истерично лаять. Удалов пытался понять, что там, внизу, происходит. И тут из подъезда выскочил профессор Лев Христофорович Минц — в атласном халате, подарке магараджи Вайсурбада, которого Минц избавил от тараканов. Профессор уже давно временно поселился в Великом Гусляре, чтобы в тишине и покое ставить опыты и совершать гениальные открытия. Хотя надо сказать, что ни покоя, ни тишины он тут не нашел.

Итак, выскочив из подъезда на крики и лай, Лев Христофорович увидел Ксению Удалову без головы и кистей рук, Ложкина с собачонкой и Удалова, пытающегося спрыгнуть со второго этажа.

— Спокойно! — сразу оценил ситуацию профессор, которому приходилось наблюдать людей в самых различных обликах. — Ксения, советую вам немедленно идти домой и лечь спать.

— Я только сначала душ приму, — ответила Ксения, — а то простужусь. Окоченела вся.

Даже испытанному жизнью Льву Христофоровичу было нелегко слышать голос, который возникал из некой глубины — то есть там, где кончалось тело Ксении Удаловой.

— А ты, Корнелий, — приказал профессор ее мужу, — немедленно, не глядя на Ксению, спускайся ко мне, поговорить надо.

— Ну я пошла? — спросила Ксения.

— Завтра в восемь утра быть у меня! — велел Минц.

А Ложкин тем временем крикнул:

— Так дело не пойдет! Я сейчас милицию вызову.

— Не вызовешь, — спокойно возразил Минц. — Тебе спать пора: врачи прописали.

И тогда во дворе воцарился покой.

Но вскоре, уже дома, вскрикнул Корнелий Иванович: на плохо освещенной лестнице он увидел свою жену без головы. Однако усталая Ксения на то не прореагировала — мало ли из-за чего кричит ее муж! Он уж скоро пятьдесят лет кричит. И прошла в квартиру.

— Что с ней случилось? — спросил Удалов Минца. — Ей оторвало голову? Это не опасно?

— Голова на месте. Но невидимая! — прошептал профессор. — Теперь так: остороженько, чтобы не травмировать жену, загляни в ванную, проверь, вся ли Ксения невидимая или только частями. Понял?

— Как не понять!

— Кажется, она в каком-то шоке и потому сама не понимает, в чем ее беда... Если к утру не придет в себя, будем искать пути к излечению.

— Думаешь, опасно?

— Я тебе не отвечу, друг, пока не догадаюсь, чем же вызвано это заболевание. Иди домой, загляни в ванную, а потом тихонько ложись спать и делай вид, что ничего не произошло.

И в этот момент страшный, пронзительный, подобный воплю смертельно раненной серны, крик потряс ночной Великий Гусляр. Замолк оркестр на эстраде городского парка, перестали целоваться влюбленные, взлетели стаи заснувших было ворон, заверещали, будто в икоте, сторожевые сигналки иномарок. Это Ксения Удалова, войдя к себе домой, мимоходом посмотрела в зеркало и ужаснулась: головы на привычном месте не было!

Нет, не удалось дотянуть до утра.

Удалов подхватил рыдающую жену и увлек ее в квартиру Минца, в его кабинет.

— Значит, он шел за тобой? — повторил Минц за соседкой.

— Шел и молчал.

— И если ты быстрее, то и он быстрее?

— А еще дождь ледяной, буквально ледяной.

— И что ты испытывала?

— Как что? Ужас испытывала.

— Как во сне? Как кошмар?

— Во сне — это еще детские штучки. Хуже! Я думала, что умираю. Что уже умерла, безвозвратно.

— А когда увидела...

— Он был такой... как я и боялась! Именно такой. Человек-смерть.

— И ты поняла...

— В тот момент мне некуда было бежать: ни шелочки, ни окошечка, ни дырочки — ничего. Дверь одна, а он на меня от двери идет. Свет зажег и идет.

Удалов всхлипнул — он переживал за жену. Но Минц вел себя совсем иначе:

— Великолепно! Исключительно! О таком можно только мечтать! Я всегда утверждал и пытался вколотить эту свою мысль в го-

ловы оксфордских так называемых мудрецов, что организм при достижении определенного уровня страха уходит в мир эскапизма.

— Чего-чего? — не поняла Ксения. Она была напугана, подавлена и очень хотела спать.

Минц продолжал:

— Психологически затравленный индивидуум убегает от действительности. Чтобы спастись. Он может перелететь в другую точку времени или пространства, он может, оказывается, стать невидимым. Это же открытие века! Мы с тобой, Ксения, наверное, прославимся.

— А можно мне вернуться обратно в свой прежний вид? — робко спросила Ксения.

— Зачем это тебе?

— Завтра у внука в детском садике День примирения и согласия.

— Обойдутся, — сказал Минц. — Несовместимые по важности события. И прошу тебя, Ксения, не выступать!

— Слушай, Лев, — подал голос Удалов, — а когда это пройдет?

— Пройдет, пройдет, не беспокойся. Но в наших интересах сделать так, чтобы прошло не очень скоро.

— Ой, почему? — испугалась Ксения.

— Потому что мы должны тебя замерить, все вычислить и, главное, понять, что же такое невидимость.

— И что это такое?

— Вот это нам и нужно выяснить. А если повезет и природа подарит нам день-другой, то надо будет выделить в тебе чистое вещество. Скажем, «невидимый».

— Во мне нечистых вещей не бывает! — горячо откликнулась Ксения. И потом поинтересовалась: — А можно без анализов обойтись? Уж очень я утомилась.

— Можно, но не нужно, — ответил профессор. — Мы несем ответственность перед наукой. Сейчас сделаем анализ крови, и пойдем баиньки.

Ксения вздохнула и позволила Льву Христофоровичу взять кровь из вены и из трех пальцев по очереди. Потом она побрела спать, а Минц, конечно же, остался у центрифуги и электронного микроскопа. И не сомкнул глаз до самого утра.

Супруги поднялись к себе в квартиру, Ксения стала раздеваться перед сном, и тут Корнелий возблагодарил судьбу за то, что остальные члены семьи уже спят. Зрелище было не для слабонервных.

Рубашка гуляла при свете ночника до тех пор, пока Ксения со-

свойственным женщинам легкомыслием не уселась на табуреточку у трюмо, чтобы перед сном помазать себя увлажняющим кремом. Уселась, глянула в зеркало, и тут пальцы ее ослабли. Она переползла к постели и на ходу тихо завывала:

— Гаси свет, гаси свет, негодяй! Прекрати издеваться над женщиной.

В темноте стало полегче. А когда зашла луна, то стало совсем хорошо. И спали они подобно небесным созданиям, пока их не разбудили утренние птицы. Тут все началось снова.

За ночь Ксения забыла о своем недостатке. Спокойно отправилась в ванную, из которой в этот момент выходил ее внук, Максимка-младший.

Внук увидел бабушкин халат в розочках, который плыл по воздуху сам по себе и напевал песню из бабушкиного детства:

Нас утро встречает прохладой,
Нас блеском встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

— Мама! — крикнул внук и зарыдал. — Бабуся голову потеряла! И ноги тоже!

— Голову твоя бабуся давно потеряла, — откликнулась из своей комнаты невестка. — Забыла, что обещала с утра в домовую кухню за кефирчиком сбегать!

Но мальчик продолжал рыдать, поэтому невестке пришлось выйти в коридор, где она и лишилась чувств. В общем, когда Ксения явилась к профессору Минцу лечиться от невидимости, в ее доме царила полная разруха.

Вся закутанная и очкастая, она являла собой зрелище утраченное.

— Профессор! — заголосила прямо с порога. — Признавайся, я теперь обречена?

— Против каждого яда есть противоядие, — сказал Минц.

Тихонько вошел Удалов и присел на стул в углу.

— Я убежден, — продолжал Минц, подготавливая документацию, — что мы победим эту болезнь.

— Все-таки болезнь? — спросил Удалов.

— Любое ненормальное состояние организма мы зовем болезнью, хотя на самом деле тут вовсе не болезнь. Это защитная реакция. Я убежден, что в отдаленном прошлом, в конце кайнозоя, когда наши еще примитивные предки были беззащитны перед страшными хищниками, эволюция сделала человеку подарок: в момент смертельной опасности он становился невидимым!

— Так чего же он потом снова видимым стал? — спросил Корнелий. — Гулял бы себе!

— Невидимость имеет недостатки, — возразил Лев Христофорович.

— Имеет, — согласилась Ксения. Невидимость ей уже надоела, тем более что пока оставалось неясным, как ее использовать в хозяйстве.

Минц продолжал:

— Мне удалось выделить несколько молекул активного компонента. Сейчас мы поместим его в питательный раствор, и надеюсь, что через несколько дней получим достаточно вещества, чтобы начать работу над антидотом, то есть лекарством от невидимости.

— Ты с ума сошел, Лев Христофорович! — воскликнул Удалов. — На что ты обрекаешь нашу семью?

— Можно подумать, что это я запугал твою жену чуть не до смерти! — обиделся Лев Христофорович. — Если ты мне не доверяешь, то можешь отправить Ксюшу в Москву или даже в Токио.

— А помогут?

— Кто знает! Наука с этим еще не сталкивалась... Но скорее всего, вокруг этого дела, то есть Ксении, столкнутся интересы крупных финансовых и политических группировок. Ее разберут на атомы и забудут собрать обратно.

— Шантаж! — подвел итог дискуссии Удалов. — Пошли, Ксения, домой. Нет в мире правды!

Минц пожал плечами и крикнул им вслед:

— Вернетесь ко мне — куда вам еще деваться, бедные вы мои!

Но Удаловы его уже не слушали...

Когда в дом приходит горе, то семья, как мелкая человеческая ячейка, зачастую заकुливается, отгораживается от внешнего мира и старается пережить беду в изоляции. Так и Удаловы. Даже Минц, считавший себя другом Удалова, не мог понять, что семья ищет спасения в самой себе. Поэтому, проводив взглядом несчастных соседей, он принялся рассуждать далее.

Возможно ли, чтобы всемогущая природа ограничилась только изобретением невидимости для своих беззащитных фаворитов? Или природа придумала что-то еще? Например: жертва, спасаясь от хищника, мгновенно перемещается в пространстве. Скажем, так: пещерный лев или саблезубый тигр кидается на человека, который прижался к стене пещеры, но вдруг жертва исчезает, и когти смыкаются в пустоте! А жертва в этот момент уже вкушает дику редику в двух километрах от пещеры.

Забавно? Но почему бы природе не пойти и на такой эксперимент?

Теперь стоит задуматься над тем, почему впоследствии человек утерять такие чудесные способности. Пропали ли они совсем или...

Поток плодотворных размышлений профессора был прерван стуком в дверь. Минц давно собирался починить звонок, но руки никак не доходили, потому и крикнул привычно:

— Заходите, всегда открыто!

Корреспондент «Гусярского знамени» Михаил Стендаль, очкастый, сутулый, теперь уже поседевший, но, как всегда, рассеянный, начал с упрека:

— Лев Христофорович! Весь город шумит, а вы — молчок.

— Михаил, я тебя не понимаю! — удивился профессор.

— Страдания Ксении Удаловой — ваша работа?

— Это работа матушки-природы.

— Без шуток, Лев Христофорович! Правда ли, что Ксения Удалова стала невидимой вся или... или только частями тела?

— Спрашивай у нее.

— Она не отвечает.

— М-да, вопрос деликатный, — заметил Минц. А потом понял, что в любом случае феномен Удаловой уже не утаить. И тогда пусть выгоду извлечет Миша Стендаль, а не какие-то приезжие писаки. Эти тут же налетят!

И он доступно разъяснил сотруднику «Гусярского знамени» теорию эволюции человека, с поправками на то, что удалось понять прошедшей ночью:

— Именно способность становиться невидимым позволила неандертальцу или кроманьонцу выжить в тех тяжелых условиях!

Но Мишу Стендаля так легко не проведешь.

— Лев Христофорович, а что же Ксения все ходит и ходит невидимой? — спросил он. — Если так будет продолжаться, то это приведет к трагедии. У нее же нервная система не выдержит. Вот у древних, кажется, было проще: исчез — появился, исчез — появился, и без проблем. А Ксения?

— Может быть... Может быть, тело нашей Ксении не приспособлено к таким превращениям?

Стендаль ушел, торопясь передать в редакцию сенсационный материал, а Минц глубоко задумался.

Минц сидел дома и думал, а Ксения, закутанная и в черных очках, сходила в магазин.

Но по городу уже поползли слухи о случившемся с ней несча-

стье. Люди подходили, пытались заглянуть под очки, тыкали пальцами в ее одежду. И в конце концов внимание народа Ксении надоело. Когда в очереди за детским кефиром какая-то незнакомая старуха принялась уговаривать: «Покажи личико!» — Ксения одним движением сорвала с себя черные очки, платок, развязала шарф и обернула к старухе черный провал вместо головы.

— Убивают! — завопила старуха и кинулась прочь.

В мигом собравшейся толпе сначала посмеялись, а потом стали смотреть на Ксению-без-головы с подозрением: не заразная ли она, а может, это влияние радиации?

— Ну что, нагляделись? — спросила у народа Ксения.

Корнелий Удалов, отправившийся следом за женой в магазин, подошел к Ксении, но не для того, чтобы вмешиваться, а лишь подстраховывать ее. Ибо взволнованная Ксения опасна в первую очередь самой себе.

А старуха, которая убежала с криками, Удалову не понравилась. Он полагал, что всех старух в городе знает в лицо. Поэтому и пошел за ней сразу.

Тем временем к Ксении протиснулась Ванда Казимировна Савич и сказала:

— А я тебя буквально не узнала. Только потом узнала — по пальто. Я всегда считала, что сидит оно на тебе, как на корове седло. Но теперь лица нет — и проблемы с одеждой у тебя тоже нет.

— Давай не будем суетиться, Ванда, — ответила Ксения. — Завидуешь мне, так бы и сказала.

— Это почему я должна завидовать несчастному уроду? — удивилась Ванда Казимировна.

Ксения усмехнулась, обозначив на невидимом лице невидимую улыбку:

— Уроду не уроду, но теперь я в любую заграничную группу могу внедриться. В любой поезд или автобус, даже на любой самолет. Ты денежки выкладываешь, в очереди за визой мучаешься, на пограничном контроле унижаешься, а я, как тень невидимая, проскользну на любые Гавайские острова, поняла?

— Тебя определяют! — возмутилась Ванда Казимировна, но как-то смущенно, потому что Ксения задела чувствительную струну в ее сердце.

С тех пор как рухнула Советская империя и наступила демократия, супруги Савичи открыли для себя иностранный мир. Они побывали в ряде круизов и съездили на автобусе по странам Бенилюкса. В наступающем году планировали Таиланд. Ванде удалось в жизни кое-чего поднакопить, но она слишком верила в незыб-

лемость советских рублей, и когда рубли растворились в реке истории, положение Савичей пошатнулось. Теперь круизы давались ой как нелегко!

Ванда Казимировна почувствовала, что идея Ксении, рожденная в ходе их сегодняшней дискуссии, вполне плодотворна. Но теперь плоды достанутся не Савичам, а Ксении, которую раньше даже в Париж пряником нельзя было выманить!

— Поймают, разоблачат! — продолжала свое Ванда Казимировна, шагая рядом с товаркой.

А Ксения, нанеся сокрушительный удар по самолюбию Ванды, успокоилась и сказала вполне добро:

— Ты не расстраивайся. Лев Христофорович у меня анализ крови взял, хочет вывести невидимое вещество, и тогда его будут в аптеках продавать.

— Чепуха! — откликнулась Ванда. — Такого вещества быть не может.

— Почему это?

— Потому, что тогда каждый террорист, любой бен Ладен сможет невидимость в аптеке купить, и наступит гибель всему человечеству.

— Это как?

— А так! Он в Кремль войдет, как к себе домой, дверь в кабинет президента ногой откроет.

— Ты что такое несешь? Замолчи сейчас же! — Ксения даже перепугалась, будто это она подвергла опасности жизнь президента нашей державы.

— То-то! — Ванда почувствовала, что взяла реванш. — Отказываешься от своих слов?

— Конечно, конечно!

Ксения была готова даже все покупки отдать Ванде. Ведь в ней жила неистребимая боязливость и нежелание связываться с властью. Но как отказаться от обсуждения самого события — ее невидимости? Тем более когда уже весь город об этом трезвонит.

Но трезвонил не только город.

Затрезвонил телефон в кабинете директора ЦРУ, то есть американского разведывательного управления, которое так гордится тем, что ему известно все — ну, может быть, за исключением того, что еще не успело случиться.

Незнакомая нам старуха, которую даже Удалов не знал в лицо, нырнула в глубокий овраг за речным техникумом и вытащила из кармана мобильник.

Движения ее стали резкими, уже сугубо мужскими, но осто-

рожными. Слова же, тем более сказанные на английском языке, еле-еле долетали до слуха Корнелия Удалова. Но он был горд: все же выследил подозрительную старуху!

«Как обидно устроена жизнь, — подумал Удалов. — Раньше, в годы молодости, мы все верили в шпионов, отслеживали их и подозревали всех вокруг. Но тогда, как теперь стало понятно, шпионы жили только в нашем воображении, а военные тайны мы берегли для того, чтобы холодные враги не догадались, как мы от них отстали.

Теперь же, — продолжал размышлять Удалов, — я вижу настоящего американского шпиона, и он докладывает своему начальству о настоящем секрете. Что делать? Бежать в районную милицию, раз наш отдел ФСБ до конца месяца закрыт на учет? В милиции ведь сочувствия не дождешься! В лучшем случае отыщется шустрик, который постарается внедриться в американскую сеть, чтобы и ему что-то от щедрот противника перепало».

Но Удалов был не из тех, кто капитулирует.

— Эй! — крикнул он с обрыва. — Прекратите связи!

— Экскьюз ми, — быстро проговорил шпион в трубку, — дзерииз интерфиренс. — Потом он посмотрел на Удалова и спокойно спросил: — Вы ко мне?

Удалов кивнул:

— Именно! Не вмешивайтесь в наши внутренние дела! Отстаньте наконец!

— Это не ваше внутреннее дело, — почти без акцента ответил шпион. — Это проблема всего человечества, и вы, Корнелий Семенович, отлично об этом осведомлены.

— Я — Иванович.

— Простите, компьютер ошибся.

Шпион вскарабкался на верхушку обрыва и присел рядом с Удаловым на поваленное дерево.

— Войдите в мое положение, — начал он. — Я готовлюсь к зимней сессии в Академии языка и литературы восемнадцатого века, и вдруг — вот буквально час назад — мне приказывают из Вашингтона лететь сюда. В богом забытый городишко на краю северной тайги! Зачем? Мне сообщают: там открыли невидимость. Проверь и пресеки, но, конечно, лучше бы купить. Много не обещаю — русские так мало зарабатывают, что у них каждый доллар на счету... Конечно, я не поверил про невидимость, но вертолет, зафрахтованный совершенно официально, уже ждал меня у дверей общежития. Закурить не найдется?

Шпион снял маску старухи, и под ней оказалось милое интеллигентное лицо литературоведа в очках.

— Невидимость — это моя жена, — сказал Удалов.

— Сочувствую, — вздохнул шпион. — Потому что спокойная жизнь у вас кончилась. Мы работаем оперативно, но это не значит, что ваше ФСБ не спохватится и через полчаса не увезет вашу жену в концлагерь.

— Времена не те.

— Времена всегда те. Когда речь идет о безопасности государства. Я бы на вашем месте эвакуировал жену подальше.

— У меня вся надежда на профессора Минца, — честно признал Удалов. — Это мой друг.

— Как же, как же, он у меня есть в разработке. Гений вчерашних дней, опасности для мира уже не представляет.

— Это как сказать.

— У нас свежие данные.

Удалов уже был готов сказать шпиону о том, что не сегодня-завтра Минц выделит чистое вещество невидимости и заодно вернет Ксению в вещественное состояние, но тут спохватился. Все-таки чужой человек, еще сделает Ксюше какую-нибудь гадость! Понятно: какое им там, в США, дело до переживаний простого русского человека?

— И что вам еще сообщили из Вашингтона? — спросил Удалов, чтобы переменить тему беседы.

— Там встревожены. В любой момент этот секрет может попасть в руки террористов. Тревога в Вашингтоне была бы не так велика, если бы невидимость открыли в Швейцарии или Чехии, где существуют нормы морали.

— А у нас что, морали не существует?

— У отдельных лиц она есть, но лишь по отношению к близким. За пределами семьи мораль продается и покупается.

— Ну, это вы слишком! — обиделся Удалов. — Русский народ издавна известен своим бескорыстием, открытостью натуры, честностью и отзывчивостью.

Шпион смотрел на Удалова так странно, что тому расхотелось продолжать, и он замолчал. А шпион заговорил:

— Ну, Удалов, даешь! Как будто из советских времен вывалился без перемен... Я помню, как в мои юные годы, на закате Советской империи, наши таможенники обычно не досматривали вашего брата, потому что знали: русские ничего дурного провезти не посмеют. Вы гордились своей невинностью, потому что с детской колыбели до гроба были перманентно напуганы. Вы отлично умели воровать внутри страны, но вовне оказывались как бы

во враждебном вакууме, под микроскопом. Вы ждали провокаций и старались остаться хрустально чистыми, чтобы вас снова удостоили права съездить за рубеж и привезти оттуда шмотки или проигрыватель. Когда же удерживающие инстанции приказали долго жить, к нам кинулся непуганый народ. А непуганый русский хуже гунна. Он может пройти по миру с саблей и при этом еще посмеет кричать, что он честный, благородный и готов отдать последнюю рубашку.

Не то чтобы Удалов внутренне возражал шпиону, но слушать такое от чужестранца неприятно. В своем кругу, среди друзей-соотечественников, Корнелий Иванович мог бы выступить куда категоричнее и суровее.

А шпион все продолжал:

— Я могу предположить, как будут развиваться события дальше. Сначала на это неожиданное открытие постарается наложить лапу мелкая доморошенная мафия. Воришки, которым захочется безнаказанно лазить по квартирам. Затем появятся акулы покрупнее, а за их спинами будут маячить организации вроде моей. И тогда произойдет крушение обыденных законов жизни. Окажется, что никакой интимности в человеческих отношениях уже нет. Разве будет не любопытно попристутствовать — за умеренное вознаграждение, конечно, — при первой брачной ночи топ-модели или какой-нибудь вашей подружки?

— Можно и запереться, — неуверенно возразил Удалов. — На задвижку.

— Кто сможет, а кто и нет. Зато выследить неверную жену станет проще простого. И возникнет могучий бизнес — бизнес подглядывания.

— Зато появятся и средства обороны, — опять возразил Удалов. — Например, спреи. Ты заподозрил неладное — сразу нажимаешь на кнопку, и под слоем краски невидимость оказывается фикцией.

— Надо еще заподозрить! — усмехнулся шпион. — А то забрызгаешь весь гостиничный номер — вовек не расплатишься!

Удалов с печалью поглядел на молодого человека в очках и произнес голосом умудренного жизнью пенсионера:

— А ведь мы с вами обсуждаем пустяки, частности. Главное — приведет ли это открытие к войне? Или, наоборот, подтолкнет человечество к миру?

— С одной стороны... — промолвил шпион. Помолчал и добавил: — Но с другой...

— А я думаю так, — заговорил Удалов твердо, — в общем и целом добра ждать не приходится. Ведь любое великое изобретение,

которое вроде бы должно было облагодетельствовать человечество, превращалось в бедствие, по крайней мере поначалу.

— Смотри в чьих руках, — покачал головой шпион. — Ну я пошел, надо докладывать в ЦРУ, а то еще, не дай бог, выследят меня ваши контрразведчики, и не видать мне магистерской... э, по-вашему, кандидатской диссертации.

Он раскланялся и пошел прочь.

Удалов глядел ему вслед, и было ему грустно. Все угрожает человечеству!

Тут над обрывом появились два человека в серых пальто. Один из них показал шпиону красную книжечку. Шпион принялся нервно протирать очки.

«Попался, голубчик!» — сказал про себя Удалов, поднялся и пошел в другую сторону. Ему не хотелось выступать свидетелем.

В тот момент Удалов не знал, что Лев Христофорович Минц, движимый тревожными мыслями, решил на кардинальный шаг.

Он объявил по Интернету (а тем, у кого не было компьютера, — голосом через окно), что намерен провести срочное заседание Гуслярской академии наук.

Пусть читателя не смущает существование Академии наук в скромном районном центре Вологодской области. Везде есть свои академии и академики. Везде есть свои университеты. Был бы техникум, а уж название университету мы придумаем.

Но учтите, что Великий Гусляр — не самый обыкновенный райцентр. События, которые там происходят, отзываются эхом в различных уголках Галактики, а некоторые персонажи нашей эпопеи, в первую очередь Корнелий Удалов, известны даже на Альдебарановых планетах.

А уж о профессоре Минце говорить не приходится! Он до сих пор не получил Нобелевской премии только потому, что различные нобелевские комитеты никак не могут решить, в какой из наук ему эту премию присуждать.

Однако даже такие бескорыстные и талантливые люди, как Минц, имеют слабости. И Льву Христофоровичу не хватало человеческого внимания. Раньше, то есть до распада державы, Минца регулярно звали на семинары и конференции и даже приглашали в страны народной демократии, а вот теперь напрочь о нем забыли. Правда, остались иностранные коллеги, но для них адрес Минца всегда был за семью печатями, а нынче стал вовсе неизвестен. Понятно, что в таком вакууме Минц существовать не мог.

И тогда он создал свою собственную Академию наук.

На заседания собирались крайне редко, раз в квартал, для перевыборов и довыборов. А если к тому моменту созревало какое-нибудь открытие или подрастал местный гений, всё обсуждали открыто.

Президентом академии был сам Минц Лев Христофорович. Подрастали вице-президенты и действительные члены. Один из братьев Лаубазанцев, например.

И была у Льва Христофоровича мечта: выпестовать в Великом Гусляре новый мозговой центр, который сможет вывести Землю из опасного кризиса...

Когда Корнелий Удалов прибежал к Минцу и рассказал ему о сцене в магазине, где Ксения подверглась разоблачению, и о своем споре с американским шпионом, Минц задумчиво произнес:

— В воздухе сгушается туман опасности. И на самом деле, если я не приму меры, человечество может погибнуть.

— Ты лучше скажи, — поинтересовался Удалов, — как у тебя дела с концентратом невидимости? Смог ли ты отыскать и выделить это вещество?

— Вот именно это меня и огорчает, — ответил Минц.

— Почему же?

— Если какой-то захудалый американский агент уже рассуждает о конце света, значит, опасность близка. Американцы всегда первыми успевают к концу света.

— И что же ты им противопоставишь?

— Надо вернуть средства производства народу, как учил Карл Маркс.

— Объяснись.

— Невидимость — народу! Вот каким должен быть наш лозунг.

— Ты думаешь, народу это надо?

— Народу многое надо, невидимость в том числе.

— Миллион лет прожили без этого...

— Ты забыл, что случилось с твоей женой?

И Удалову пришлось замолчать.

Минц с помощью Удалова обзвонил, оповестил других академиков (числом девятнадцать) и велел им без опоздания явиться в помещение кружка «Юный алхимик» при аптеке номер один. Руководил кружком провизор Савич, потому и ключи хранились у него.

Минц наказал Удалову проверить, в каком состоянии его жена, а потом бежать на заседание.

Лев Христофорович обладал удивительной интуицией. Он догадался, что подходы к аптеке могут быть перекрыты, и не хотел рисковать здоровьем и жизнью Корнелия Ивановича.

Сам же Минц перебежками вышел к служебному входу в аптеку и затаился за какой-то кучей хлама.

Сумерки выдавали засаду, вернее, несколько засад.

Они, засадчики, не обращали внимания на прочих академиков — им нужен был Минц, потому что у него с собой должен быть секрет невидимости и даже, очевидно, сама жидкость. А ведь на международном криминальном рынке уже установилась цена: грамм концентрата невидимости — джип «широкий».

Академики, оживленно переговариваясь, заняли места в комнате. Минц не появлялся. Удалов, как и было договорено, подошел к окну и опустил штору.

Ответом ему был разочарованный вопль бандитов, сбежавшихся в Гусляр с разных сторон света. А Минц ползком кинулся к служебному входу и через минуту уже стоял на трибуне.

Его появление встретили сдержанными аплодисментами: гуслярские академики — народ серьезный и похвалами не разбрасывается.

— Времени у нас в обрез, — начал профессор. От его потной лысины поднималось легкое сияние. — По моим расчетам, они придут в себя и начнут штурм через две с половиной минуты.

По залу прокатилось шуршание — шуршали авторучки, мозговые извилины, блокноты и мелкая компьютерная техника.

— Как вы все знаете, — продолжил Минц, — наша соотечественница Ксения Удалова в результате сильного испуга стала невидимой. С этим диагнозом она обратилась ко мне, и я немедленно приступил к работе. Мне удалось выделить чистое вещество — агент, вызывающий невидимость в человеческом организме. Однако мало кто догадался, что невидимость — явление временное. Да и трудно представить себе иную ситуацию. Будь так, за время человеческой эволюции невидимые люди растеряли бы друг друга... Но представители бандитских, государственных и иностранных структур, которые изготовились сейчас, чтобы пойти на штурм нашего здания, не могут поверить в эфемерность невидимости... Теперь вот что. Мой концентрат будет действовать от часа до двух часов, это зависит от особенностей организма. Однако, прежде чем осаждающие убедятся в том, что их усилия тщетны, они могут наломать дров и перебить нас как кроликов. Есть лишь один выход. Передо мной девятнадцать пилюль — по числу членов нашей академии. Каждый из вас немедленно — повторяю, немедленно! — проглатывает одну пилюлю. И становится невидимым на ближайший час. Невидимым он выйдет из этого дома...

Со звоном разлетелось стекло — кто-то с улицы кинул в него булыжником.

— ...И невидимым вернется домой. Понятно?... А ну, быстро ко мне! Быстро принимаем пилюли! Запивать не надо! Удалов, ты — первый, чтобы пропали сомнения.

Удалов проглотил пилюлю.

Разлетелось еще одно окно. В нем появилась рожа местного авторитета.

Провизор Савич кинул пилюлю в рот и протянул еще одну своей жене Ванде... Последним был Минц. И вовремя! Потому что в разбитые окна и взломанную дверь ворвались журналисты, бандиты и разведчики.

На их глазах последний человек из тех, кто находился в зале, а именно профессор Минц, растворился в воздухе. А ворвавшиеся стали шарить по комнате, под столами и стульями и страшно ругаться, употребляя неподобающую лексику.

Тем временем невидимыми тенями, на цыпочках, избегая столкновений с противником, гуслярские академики выбрались на улицу. Им бы постоять, посудачить, тем более что в умах царил полное смятение. Ведь даже если вы настоящий академик и семи пядей во лбу, с подобной ситуацией вам еще не приходилось сталкиваться. Впереди целый час. Иди куда хочешь. Ты невидим. Придумывай любую проказу, любой розыгрыш, даже месть или преступление — все, что угодно. У тебя час в запасе...

Но невидимый Минц, который стоял неподалеку от группы невидимых академиков, тихим, но настойчивым голосом сказал:

— Это было единственное спасение для вещества — ведь мы не можем отправить его в Москву, чтобы его там исследовали как положено. Я даже и не знаю, хорошо это или плохо. Ибо все исследования обычно кончаются тем, что приходят трехзвездные генералы, забирают материалы, взрывают лабораторию и начинают разработку невидимых танков... До встречи, друзья!

И тут наступило отчуждение.

У каждого внутри стали отстукивать часы — собственные часики. И каждый направился, куда его влекли ноги. Одни медленно, размышляя на ходу, другие — набирая скорость и переходя на бег.

Бежали по улицам невидимые академики.

Поставьте, уважаемый читатель, себя на место академиков. Как использовать дар?

Я убежден, что почти каждый из вас растерялся бы и даже побрел домой, как то сделал Корнелий Удалов. Его куда более беспокоила судьба Ксении, чем собственные способности.

Что возникает в человеке в тот момент, когда ему предложили свободу выбора? Желание облагодетельствовать мир или свести с ним счеты?

Обычно в человеке сосуществуют обе тенденции. Но следует отметить, что среди бандитов, агентов, резидентов и киллеров, которые окружили Гусярскую академию, а теперь носились по улицам, еще надеясь поймать невидимок, благодетелей не встретилось. Их хозяев влекла нажива и жажда власти...

Провизор Савич, прихрамывающий грузный старик, всегда jovialный и улыбчивый, мирно проводящий в круизах свои пенсионные годы совместно с супругой Вандой, устремил шаги к дому для престарелых, где в комнате номер 32 на первом этаже проживала Шурочка, некогда хохотушка и школьная звездочка. Жизнь у Шурочки не сложилась, она ее прокоротала в одиночестве, так и не вышла замуж, хотя люди ее поколения шептались, что ей делал предложение руки и сердца сам Семиструнов, впоследствии достигший в Москве великих высот (в чине генерал-майора он до самой смерти управлял центральным оркестром Дома железнодорожных войск). Но это все сплетни. И в этих сплетнях имя Савича не встречалось.

Савич прошел сквозь приоткрытые ворота, которые никто не охранял, миновал тополиную аллею и вошел в главный корпус.

Тут Савичу не приходилось бывать лет двадцать, но он знал, в какой комнате живет Шурочка. Благо она, здешняя старожилка, считалась ветеранкой-комсомолкой, за что ей и полагалась отдельная комната.

Комната номер тридцать два. Окно в сад. У окна Шурочка и просиживала целыми днями. Она сочиняла стихи и думала о прошлом.

Савич подозревал, что состоял частью этих воспоминаний, и сейчас, пользуясь невидимостью, хотел в этом по крайней мере убедиться.

Дверь в комнату, крашенная белой масляной краской, открылась легко и почти без скрипа, будто от дуновения сквозняка. Шурочка даже не обернулась.

Савич остановился, прижавшись спиной к скользкой поверхности голландской печки. Ему казалось, его сердце бьется так громко, что сейчас сбегутся нянечки. Но все было тихо, только где-то далеко в конце коридора загрели посудой.

Савич осмотрелся. Небольшая комнатка была обставлена скудно. Справа — комод с четырьмя выдвигающимися ящиками. Слева — деревянная кровать, рядом тумбочка. Кресло, хоть и не новое, но еще, видать, крепкое. Вот, пожалуй, и все. Если не считать не-

большого стола, вроде ломберного, прислоненного к дальней стенке у окна. На нем граненый графин, в который вставлена бумажная роза.

К комоду Савич и направил свои осторожные шаги.

Он правильно рассудил, что бумаги должны быть в верхнем ящике, так как старой женщине труднее было бы доставать их снизу. Она только накрыла их полотенцами и салфетками.

Нет, ничем она их не накрыла. Видно, недавно доставала. И тот конверт, ради которого Савич и пришел сюда, лежал поверх остальных бумаг. Почти не пожелтел...

Шурочка, старушка с лицом как печеное яблочко, обернулась к нему. Савич замер. Он слышал, как грохочет сердце. Неужели она не услышит этого грохота?

Шурочка нахмурилась. Потом равнодушно возвратилась к лицезрению осеннего пейзажа.

Двумя пальцами Савич приподнял конверт. Вытащил из него листок, истертый прикосновениями. Ему не надо было разворачивать и читать его. До последнего дня на этом свете Никита Савич будет знать, что там написано, до последней буквы!

Он пришел унести, украсть этот листок. Он не должен оставаться в этой богадельне, в этой нишей комнате. Ничто не должно напоминать...

— Никита, — вдруг произнесла Шурочка. И потом: —

Я совсем ослепла,
Волосы как из пепла,
Душа у меня седая,
Я всех по шагам гадаю.

Она улыбнулась туманно и даже загадочно.

Савич стоял, замерев в неудобной позе, будто аист, собравшийся покинуть гнездо.

— Забирай письмо, забирай, — сказала Шурочка. — Тени прошлого собирай.

Только тут Савич сообразил, что Шурочка говорит стихами. Когда он учился в мединституте, то проходил по психиатрии, что есть такое нарушение психики. То есть больной говорит в рифму.

Неужели она и на самом деле ослепла? А он и не знал. Тогда Шурочке действительно не нужно это письмо.

Но она спросила:

И что ж ты, грешил и грешил,
А теперь нас ограбить решил?

— Я стал невидимым, — признался Савич, — поэтому и пришел. Иначе бы не решился.

Шурочка рассмеялась:

Ах, судьба у тебя такая!
Не знал, что я стала слепая.
И видна ли твоя личина,
Для меня теперь не причина.

Савичу было неприятно слышать эти странные стихи. Но письмо он взял. А потом услышал:

Погоди, прежде чем ты его разорвешь,
Может, ты его вслух прочтешь?

Савич кивнул. Он уж хотел прочесть строчки, которые помнил наизусть, но тут в полуоткрытую дверь заглянула немолодая толстая санитарка и спросила:

— Ты опять сама с собой, батьковна, лясы точишь? Поосторожнее. Так можно и рехнуться.

Савича она, конечно, не видела и, к счастью, не заметила письма, которое витало в воздухе возле комода.

Шурочка поторопила:

Читай, мой бывший дорогой.
Женился вовсе на другой.

— «Дорогая Шурочка, — начал читать Никита Савич, но осекся. — Дорогая Шурочка, — продолжил после паузы. — Мои чувства к тебе остаются неизменными, и обещания я рад бы выполнить всем сердцем...»

«Господи, — подумал Никита, — каким же я был мерзавцем! Нет, не мерзавцем, а запутавшимся несчастным юношей, который не имел жизненного опыта и пошел на поводу...»

Шурочка произнесла громко, с пафосом:

Завершается наша жизнь.
Говори, не таись!

— «Мои родители категорически высказываются за мою женитьбу на Ванде, потому что они уже дали обещание. А я не могу пойти против их воли... Но свадьба лишь только формальность. Как только она произойдет, я тут же начну с тобой встречаться снова, и мы будем неразлучны. Считаю, что я вынужден жизнью на временное отступление, и, пожалуйста, говори всем, что это про-

изошло по твоей инициативе. Потому что брошенная девушка может оказаться позорным явлением в небольшом городке. И еще лучше, если о наших отношениях временно забудут».

Савич замолчал. А Шурочка посоветовала со смехом:

Пока ты возмущен и разозлен,
Прожуй записку, словно ты шпион!

Очень противным был ее смех.

— Я сам знаю! — сердито сказал Савич. — Но каждый имеет право на ошибку!

Твоим ошибкам оправдания нет,
Ведь я ждала тебя почти что сорок лет.

Выслушав это, Савич буркнул:

— Не стоит идти на преувеличения ради рифмы. — И сунул записку в карман. Он не думал как-то раньше, что эта дурочка могла заподозрить его в корысти.

— Иди, Никитушка, жаль мне, что я тебя не вижу даже.

— Помолчи! — прошептал Савич, потому что за спиной послышался голос санитарки:

— Так! У нас посетителей быть не должно... Ох, это вы?..

Савич обернулся и по глазам этой толстухи понял, что он уже не невидимка, а бывший директор аптеки.

— Вы что у нас делаете, Никита Николаевич? — узнала его санитарка.

Савич нелепо принялся хлопывать себя ладонями, проверяя, видим он или невидим. Но тут вполне разглядел собственную руку. Все! И стал проталкиваться к двери. А Шурочка вслед ему продекламировала:

Я вам не спутница и не подруга,
А просто девка из чужого круга.
Со мною ты по кустикам гулял,
А ихний папа кафедру марксизма возглавлял...

Савич бежал по коридору, и ему казалось, что из всех дверей этой юдоли скорби несутся слова: «Он вернулся, он пришел, он письмо унес!»

Совсем иной целью задался Миша Стендаль. Ничего он не намечался красть, а наоборот — хотел дать.

Давно хотел дать, но не хватало смелости.

И если не удастся использовать такой уникальный момент, то грош ему, Стендалю, цена.

Бывает, в прошлом у человека случилась некая мелочь, будто бы и не стоящая внимания, однако врезавшаяся в память, как топор в мокрое полено — не вытащишь и трактором.

Стендаль старался не думать о Сеньке Косом и месяцами о нем не вспоминал. Но вдруг увидит его краем глаза на улице, услышит где-то его пронзительный голос — и все возвращается. В памяти.

Стендаль почти бегом пересек площадь Землепроходцев, ныне снова ставшую Базарной, и остановился перед входом в Гуслярпромстройбанк.

Редкие посетители поднимались по широкой, подвергшейся евроремонту лестнице и, миновав охранников в синих мундирах, проходили в дверь за темным стеклом.

Стендаль замер. А если его спросят, кто он и куда?.. И рассмеялся: он же невидимый!

Он смело поднялся по лестнице, в дверях столкнулся с незнакомым толстяком в блестящем плаще, какие носили разведчики в фильмах про войну, и проскользнул внутрь. И ощутил спокойствие, потому что уверился в своей невидимости.

Чтобы пройти за длинную стойку, надо было поднять доску на краю этой стойки, рядом с девицей в роговых очках, дядя которой раньше работал в Сельхозуправлении. А вот как его, того дядю, звали и как эту девицу зовут? Странно: ведь за тридцать лет работы в городской газете Стендаль худо-бедно познакомился с половиной жителей города.

Впрочем, узнал в конце концов, вспомнил! Кажется, ее Викторией зовут. Да, Виктория Королькова!.. Эта Виктория оторвала взгляд от компьютера и поглядела на Стендаля. Вернее, сквозь него. Но что-то ее смутило. Почудилось, будто кто-то замер рядом. Колыхание воздуха, запах...

— Господин! Э?.. — окликнула Виктория невидимку и растерянно улыбнулась.

«Не надо было на ланч копченую колбасу есть!» — обругал себя Стендаль, когда уже за спиной Виктории миновал стойку с досочкой и оказался во внутренних помещениях банка.

Вот и дверь с табличкой: «Вице-президент Косых Семен Аркадьевич». Он самый.

Стендаль прижался спиной к стене, пропуская молодого человека с бритым затылком, который толкнул эту дверь картонной коробкой, прижатой к животу. Стендаль последовал за ним.

Они прошли мимо секретарши, не обратившей на них никакого внимания, и оказались в обширном кабинете Сеньки Косого.

Молодой человек бухнул картонный ящик на длинный полированный стол.

Сенька Косой, когда-то курчавый и поджарый, а теперь лысый и грузный, громко заявил:

— Вываливай!

Кроме него, в комнате были еще трое — чем-то на него похожие, при галстуках и одеколонном запахе.

Бритый вывалил из ящика на стол кучу пачек. Пачки были зелеными. Доллары. Как в кино.

— Начнем считать! — приказал Сеня. — У нас двадцать минут. Чтобы найти недостачу. Пока не приехал инкассатор, иначе нам всем хана!

И началось. Пальцы шевелились так быстро и согласно, что, конечно же, Миша Стендаль не мог уследить за их движениями. Только громкое шуршание.

«Что же я? Чего смотрю! — подумал Миша. — Сейчас — вот еще несколько минут, и я стану видимым! Охрана меня пристрелит. Нужно все сделать немедленно! Одна минута! Пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Я его ненавижу?»

Пожилой, лысый Сеня был занят пересчетом денег.

«Нет! — решил Стендаль. — Этого я так ему не оставлю!»

Решительным движением он рванулся к вице-президенту, но по пути сшиб бритоголового сотрудника. Тот матюгнулся, сочтя виноватым своего соседа справа. А Стендаль не счел возможным ударить в лицо ничего не подозревавшего человека и крикнул:

— Иду на вы!

Все замерли. Так и застыли с долларами в лапках.

Стендаль ударил кулаком Сеньку по носу.

— Ты что! — заорал Сенька. — Больно же!

Он прижал к носу обе ладони, и на них показалась кровь. Далее она заструилась на подбородок, на манишку и к тому же запачкала сверкающую поверхность стола.

Никогда еще Стендаль не бил человека по лицу. Впрочем, еще никогда ему не приходилось быть невидимым. Но торжества он не испытывал, хотя и знал, что поступил правильно. Поэтому сказал:

— С дороги!

Звуку его голоса безропотно подчинились все.

Стендаль пошел прочь из кабинета, и затем ему повезло: он вновь обрел свой облик, когда уже проходил мимо Виктории.

Девица ахнула, потому что человек возник совсем рядом —

внезапно, из воздуха. Спокойно вышел из-за стойки, пересек полупустой зал и скрылся за входной дверью.

Тут же к Виктории подбежал начальник охраны и завопил:

— Он тут проходил?

А Стендаль уже шагнул через площадь...

...Сорок лет назад Сенька Косой бил кулаками Верочку из второго подъезда, а два его помощника стояли рядом и хохотали. И тогда Миша Стендаль, сжимаясь от страха, подбежал к ним и сказал:

— Сенья, не надо, а?

Верочка плакала. Сенька оттолкнул ее, оттолкнул специально так, чтобы она упала на битый кирпич. Потом повернулся к Стендалю:

— Тебе больше всех нужно? — И как следует врезал ему по лицу.

Он расквасил Мише нос, а помощнички довершили дело. Стендаль не ходил в школу два дня, а маме сказал, что сам упал. Ну а Верочка? Верочка убежала, но с тех пор обходила Стендаля стороной. Через несколько лет она сказала ему: «Я так боялась, что ты снова будешь за меня заступаться! Мне тогда не жить, и тебе не жить!»

Вот с тех самых пор Стендаль лелеял месть...

Теперь он уселся на скамейку на противоположной стороне площади и с удовольствием наблюдал, как к банку подкатила «Скорая». Через несколько минут вывели Сеньку с забинтованным лицом.

И Мише Стендалю вдруг стало грустно. Потому что да, справедливость восторжествовала, но восторжествовала лишь наполовину. Ведь никто не видел, как он, Миша Стендаль, через сорок лет отомстил гаду. Никто не видел!

Гаврилов, мужчина в расцвете лет, выскользнул из здания Гуслярской академии и, миновав бандитов и кордоны прессы, невидимо остановился под облетевшим ясенем, посаженным еще последним городским головой, который возжелал было превратить Великий Гусляр в цветущий рай заморских деревьев. Теперь Гаврилов размышлял, как ему использовать этот временный дар, и мысли его были об одном — вернее, об одной: невесте Татьяне, девушке вдвое его моложе, однако серьезной, завершившей образование в речном техникуме и желавшей, по ее словам, создать семейную ячейку. Гаврилов же, ранее претерпевший узы неудачного брака, теперь к жизни относился с опаской. Вот и не торо-

пился с оформлением отношений, в ответ на что Татьяна не соглашалась на интимную связь.

В общем, стоя под опавшим ясенем, Гаврилов вытащил мобильник и набрал номер Татьяны.

Та откликнулась сразу.

— Как ваше заседание? — спросила она.

— Ну... уже закончилось.

— И что решили?

— Решили?... — И тут Гаврилову пришла в голову идея. Она, эта идея, и заставила его на время замолчать.

— Ну так что? — заторопила Татьяна. — Что случилось?

— Да нет, ничего, — ответил Гаврилов, быстро соображая.

— Ты ко мне придешь?

— Ты одна?

— У меня Дарьюшка.

Ох! Дарьюшкой звалась та нежелательная подруга, которая не оставала твердить, что Татьяна заслуживает куда лучшей участи, чем сорокалетний, без перспектив и достатка, жених Гаврилов. Сама Дарьюшка уже два раза неудачно вила семейное гнездо, но вылетала из него без морального удовлетворения. И хоть она твердила, что заботится об устройстве Татьянинного счастья, однако, по сути, делала все, чтобы Татьяна осталась ее истинной подругой, то есть одинокой женщиной.

— Тогда я потом зайду, — сказал Гаврилов, узнав, что у Татьяны сейчас эта самая Дарьюшка.

Как-то нехорошо, лживо он это сказал, поэтому Татьяна заподозрила неладное.

— А как Академия заседала? Что решили с женщиной без головы?

Татьяна имела в виду Ксению.

— А, все чепуха! — как отрезал Гаврилов и повесил трубку.

Дарьюшка спросила спокойно:

— Чем-то он недоволен?

В полной руке она держала чашку с чаем. Мизинец же был отставлен далеко в сторону, для изящества.

— Нет, — промолвила Татьяна. — Он лукавит. И дело чести догадаться, почему мужчина лукавит.

Татьяна была разумной и рассудительной не по летам. А Гаврилов тем временем спешил именно к ней.

Он взбежал на второй этаж и минуты две восстанавливал дыхание. Отдышался, достал ключ (у него был ключ от квартиры возлюбленной) и осторожно, беззвучно открыл дверь. Женские

голоса, доносившиеся из комнаты, смолкли. Неужели его услышали?... Но нет, разговор возобновился.

Так же осторожно Гаврилов вошел в комнату и остановился у притоки.

Вот они, подружки! Справа на диване сидит белокурая, в аккуртно завитых локонах, пай-девочка. Это Танечка, голубоглазое чудо. Напротив, на единственном стуле, ее злая подружка — курносая, склонная к пышноте брюнетка. Это Дарьюшка.

Гаврилов застыл в дверях, стараясь никак не выдать себя. А женщины вновь заговорили.

— Меня смутил этот телефонный звонок, — сказала Татьяна. — Как бы ему не повредили.

— Ничего с твоим сокровищем не случится! — отмахнулась Дарьюшка. — Они, наверное, все пошли пиво хлестать. Ты же знаешь этих мужиков!

— Коля не такой, — тихо возразила Татьяна и мелко дунула на кончик локона. Локон закачался, как елочная игрушка. — Коля никогда пиво не хлещет.

— Значит, в карты режется.

— Нет! — с намеком на раздражение ответила Татьяна. — Мой Гаврилов — счастливое исключение среди мужчин.

— Еще бы! — вздохнула Дарьюшка, и это вышло у нее так противно, что Гаврилов еле удержался, чтобы не запустить в нее вазой, которая стояла на столе. — Он свою жизнь уже прожил в разврате и беспутстве, а теперь ему, конечно, хочется чего-то свежежкого, нежного. Вот как ты, моя подруга. Учти, он надругается над тобой, а потом бросит.

— Как ты только смеешь, Дарья! Что ты о нем знаешь!

— А что ты знаешь? Может, он за твоей квартирой охотится?

— У него квартира получше моей. Мы уже договорились, что будем жить у его мамы.

— И ты в это поверила?

— Я верю каждому слову, каждому вздоху моего Гаврилова. Он хрустальный человек.

— Неужели ты так полюбила этого недостойного типа?

— Не смей называть его типом!

И тут уж не выдержали нервы у Гаврилова. Он набрал горлом воздуха и крикнул, вторя Татьяне:

— Не смей называть меня типом!

— Ах! — дуэтом воскликнули женщины. И увидели: в проеме двери образовался, словно из небытия, сам Гаврилов, поскольку именно в этот момент к нему вернулось его обличье.

Шок прошел, и Татьяна гневно сказала:

— Ты подслушивал! Да?

— Нет, честное слово, я только что вошел! — отвечал Гаврилов и уже сам был готов поверить в свои слова.

— Ну тогда я пошла! — вскочила Дарьюшка.

Поднялась и Татьяна.

— Я провожу тебя, — обратилась она к подружке. А потом кивнула Гаврилову: — Ты подождешь? Я вернусь через пять минут и напою тебя чаем.

— Конечно...

Гаврилов присел на диван. Кажется, все хорошо? Ведь Татьяна, его невеста, все говорила добровольно?

А Татьяна вывела подругу на лестницу и зашептала горячо:

— Спасибо, Дашка! Ты отлично мне подыграла.

— Теперь он меня возненавидит!

— На полчаса. Мужчины непостоянны и забывчивы. Это мы, женщины, помним даже то, что следует забыть.

— Ну как же ты догадалась, что он заявится к тебе невидимкой? Нет, ты гений, Танька!

— Не надо быть гением. Слушай! Ксения Удалова разгуливает по Гусярю без головы — это раз. Гаврилов еще вчера мне проговорился, что ихний президент, то есть президент самозванной Академии, Минц, уже выделил невидимый концентрат, а наши городские бандиты носятся по городу на джипах и перестреливаются, чтобы заполучить это средство. Это два. Три: даже из Америки приехали шпионы. И четыре: тут звонит Гаврилов и начинает крутить хвостом по телефону. Это при его-то подозрительности, при его ревности! Значит, умной женщине ничего не стоит догадаться, что Гаврилов получил эту невидимость и намерен меня, его любимую, с помощью невидимости проверить на вшивость.

— И ты угадала!

— Не угадала, а вычислила. Это две большие разницы.

— И что?

— А то! Теперь он, страдалец, полюбит меня втрое больше. По крайней мере, сейчас он готов кефир из моих туфель лакать.

Женщины рассмеялись, и Татьяна поспешила наверх, к жениху.

Можно рассказать еще несколько историй из жизни местных невидимок. Некоторые истории забавны, другие скучны, но они ничего не изменили в жизни гусярцев. Тем более что невидимость вышла кратковременной — час, не более. Негаданное счастье? Поэтому и поспешные решения вышли непродуманными.

В общем, оказалось, что и не нужно было становиться невидимкой: пользы немного.

Помимо случаев, о которых поведано выше, некоторые гуслярские академики вели себя еще банальнее. А почему? Их подвела фантазия.

Супруги Синявские сразу, не сговариваясь, отправились выслеживать собственную дочку, ушедшую на свидание. Выслежили. И стали видимыми как раз в тот момент, когда оказались всего в двух шагах от дочки, жарко целовавшейся с неким Николаем. Представляете состояние дочки-подростка: справа возмущенный папа, а слева возмущенная мама! И вопят они так, будто она, дочка, украла у Николая что-то драгоценное или сама ему нечто драгоценное отдала. Но ведь она ничего не украла и отдавать тоже ничего не собиралась!..

Далее. Погосян-младший увидел американского шпиона и сразу предложил себя для опытов. За наличные. Шпион повел его, держа за невидимый локоть, к оперативному вертолету, и возле него капрал Скудетски стал отсчитывать Погосяну фальшивые доллары, которые изготавливаются специально для африканских операций — в местах, где дикари различают цвета, но не знают цифр... На тридцатой пачке двадцатидолларовых купюр к Погосяну вернулся видимый облик, и американские шпионы тут же с криками стали отнимать у него доллары. Но наконец-то набежали бандиты из бригады Костолома, доллары забрали себе, шпионам накостыляли, а вертолет конфисковали. Тяжба ЦРУ с Костоломом — особая история.

Тем временем Ксения Удалова тоже пришла в себя.

Известно, что женщины быстро забывают неприятности, если у них есть другие заботы. Вот Ксения и собралась на пасеку к Трофимычу, пока он лучший мед не распродал местным богачам.

Удалов ее одну ни за что бы не отпустил, но его сморил сон: уж очень он перевозмужался за последние часы.

Ксения не стала беспокоить мужа. Она вышла на окраину слободы, туда, где совхозный сад и кооперативные пасеки. По осени тут все пустовало. Но Трофимыч оставался на пасеке до первых морозов, потому что ценил свежий воздух...

Когда с трехлитровой банкой в сумке она вышла от Трофимыча, уже стало темнеть. И только закрылась калитка, сзади послышались мягкие шаги и сопение.

Ксения обернулась и увидела: за ней спокойно идет большой бурый медведь. Мед!

Ксения кинулась бежать. Медведь побежал за ней. Он рычал и был явно недоволен.

Ксении кинуть бы этот чертов мед, но она не догадалась. А когда медведь ее настиг — взмыла к низким лиловым облакам. То есть освоила спонтанную левитацию.

Потом она опустилась во дворе своего дома, где из окна второго этажа на нее глядел пораженный муж, а из окна первого этажа — профессор Минц.

— Ах! — воскликнул Удалов.

— Ничего особенного! — сказал Минц, глядя, как Ксения неловко опустилась на землю, стараясь не разбить банку с медом. — Лишь только в твоей жене пробудились атавистические способности — например, обретать невидимость при встрече со смертельной опасностью, — ее организм стал и дальше вспоминать, какими же еще способностями обладали его далекие предки. Если первое — невидимость, то второе — левитация.

— Это пройдет? — спросил Корнелий Иванович.

— И довольно быстро. Но мы с тобой не знаем, какие еще способности запрятаны в этой скромной оболочке.

Так сказал Минц. А Ксения покуда пребывала в трансе. Вместо того чтобы войти в дверь, она медленно взлетела ко второму этажу и решительным жестом отодвинула от открытого окна своего супруга. Потом ступила на подоконник.

И двор опустел.

Часть IV

ПИСЬМА ЛОЖКИНА

БРАТЬЯ В ОПАСНОСТИ!

Уважаемая редакция!

Находясь в последние годы на заслуженном отдыхе, я много размышлял о смысле жизни и важных явлениях. Меня посетила мысль, что наши беды проистекают от отсутствия веры в бога или высшее существо, включая светлое будущее коммунизма. Народ наш мало во что верит, а все равно каждый боится. Боится заболеть, помереть, атомной войны, экологического бедствия, повышения цен и так далее. Отсюда получается желание верить черт знает во что, потому что лучше верить черт знает во что, чем не верить ни во что. Раньше у людей был бог, и все надеялись, что если случится плохое, он не оставит в беде, хотя бы на том свете. У нас же тот свет совсем отменили, а на этом — неблагоприятные климатические условия. Поэтому люди наши стали крутить головами и искать, во что бы им поверить. Некоторые стали верить в экстрасенсов, некоторые в пищу без нитратов, а другие в индийского бога, имя которого я забыл. Но больше всего верят в пришельцев с другой планеты. А почему?

Потому что каждый советский человек ощущает за отсутствием бога жуткое одиночество и даже беззащитность. И любой Минводхоз или исполком могут сделать с ним, советским человеком, любую каверзу без всякой ответственности. А ведь как хочется, чтобы кто-то был за нас, — а то все против нас!

Вот и получается: простому человеку необходим брат по разуму.

Такой, чтобы приземлился, если мы уж совсем распустимся, вышел из своей тарелочки, погрозил нам зеленым пальчиком и сказал бы: «Ни-ни! Нишкни!», «Прекрати безобразие и начинай разоружаться!» И мы тогда с удовольствием!

А стоит ли, говорю я вам, закидывать головы к небу или заниматься йогой, не лучше ли внимательно поглядеть вокруг и поискать настоящих братьев, только на Земле?

Я заявляю с полной ответственностью, что рядом с нами проживают настоящие братья по разуму, которых мы безжалостно уничтожаем себе на потребу, а они даже не внесены в Красную

книгу. Об этом отлично известно в некоторых научных кругах, но эти круги из эгоистических соображений закрывают глаза, а не бьют тревогу.

Теперь перейдем к сути вопроса: какое существо на Земле обладает самым большим мозгом по отношению к весу тела? Какое существо в процессе эволюции построило самую крепкую семью, какое существо не убивает себе подобных, не кусается, не дерется и не портит экологию? У кого нам надо учиться жить, забыв о пришельцах из космоса? Кто, наконец, разделит с нами одиночество?

Надеюсь, что самые умные из читателей уже догадались.

Правильно! Наш брат по разуму и сосед по Земле — грецкий орех!

Я убежден, что, разбивая молотком или раскалывая щипцами твердый череп нашего несчастного брата по разуму, вы не раз поражались совершенству его внутреннего строения. Твоему взору предстают два полноценных мозга, занимающих все пространство черепа.

Но как это случилось? Как орехи стали орехами? Какими они были раньше? Вопрос не такой простой, как может показаться. Уже давно прогрессивные ученые разных стран подозревали, что грецкие орехи не всегда были только орехами. Но решающим толчком к раскрытию тайны грецких орехов послужила заметка французского археолога Гастона Валуа, выходя из крестьянской семьи, в журнале «Сьянс и палеонтолоджик» за 1908 год о находке в Среднем Плейстоцене Нижней Нормандии крупного архаичного черепа грецкого ореха без нижней челюсти, с ярко выраженными ручками и ножками. Последние сомнения были рассеяны открытием в Танзании двух коренных зубов молодой самки грецкого ореха. Рядом с челюстью обнаружены были каменные скребки, наконечники стрел и бедренная кость мамонта.

Деятельность ученых (в нашей стране исследование грецких орехов началось лишь после революции и связано с именем туркменского археолога Абдусалимова, нашедшего стоянку грецкого ореха в районе г. Сочи) позволяет уже сегодня с уверенностью поведать неискнутому читателю о ходе эволюции наших братьев.

Покинув в Верхнем Палеозое солоноватое море, далекие предки грецкого ореха вышли на берег и в краткий срок освоили пляжи и прибрежные заросли. Динозавры не преследовали их ввиду малого размера, а быстрота ножек спасла праорехи от прочих хищников.

Еще и речи не шло о появлении человека, а грецкие орехи уже покорили сушу и перешли к древесному образу жизни. Многочисленными оживленными колониями они собирались на опре-

деленных видах деревьев, отпечатки листьев которых всегда сопутствуют находкам ореховых скелетов. Там они охотились на вредных насекомых, а благородные деревья опекали их, прикрывая листьями от ливней и прямых лучей первобытного солнца.

Когда неуклюжий волосатый предок человека взял в руки первую палку, грецкие орехи, далеко обогнавшие его в своем развитии, сознательно избрали другой путь. Первым шагом на этом пути было объединение мужского и женского начала под одной скорлупой. Выбрав себе спутника жизни, самка грецкого ореха обволакивала его не только заботой и вниманием, но и скорлупой, буквально привязывая к себе до конца дней. Крепкая семья грецкого ореха — добрый пример подрастающему поколению — стала настолько стабильна, что с течением времени грецкие орехи начали жениться еще до рождения. Этот шаг эволюции, одновременно разумный и трагический, имел место шестьдесят тысяч лет назад.

Ранние браки грецких орехов завершили поступь эволюционного развития. Объединившись с близким существом под одной скорлупой (именно поэтому мы всегда находим в грецком орехе два мозга), орехи потеряли стимул к передвижениям, охоту к перемене мест, отказались от соперничества и тревог. Нет нужды искать общества себе подобных, если один из них обязательно присутствует в тебе самом.

Сравнительно недавно, с точки зрения истории, это привело к атрофированию конечностей. И если Платон в своих «Диалогах об Атлантиде» еще пишет о том, как грецкие орехи спасались от сборщиков, переползая на слабых ножках с ветки на ветку, то позднейшие исследователи об этой способности орехов умалчивают.

Эволюция зашла в тупик. Грецкий орех повис на дереве, не жась под солнцем, получая соки от дерева через единственную руку-плодоножку и обмениваясь мыслями со своей половиной. Очевидно, сегодня орехи лишились дара речи, заменив ее телепатическим общением. Хотя существуют исключения. Известный исследователь Востока Пржевальский рассказывает, что в отдаленных районах пустыни Гоби орехи, срываемые с деревьев в недозрелом состоянии, пищат и плачут. Автор этих строк пытался наладить контакт с орехом, выстукивая различные фразы с помощью азбуки Морзе по скорлупе. Ответа я, к сожалению, не дождался.

Встает вопрос: почему мы пожираем братьев по разуму? В чем причина нашего варварства?

Причина в классовом эгоизме человечества. Как всем известно, уже в Древнем Вавилоне жрецы запрещали простым людям

питаться грецкими орехами, пожирая их мозги в отрыве от народных масс (Геродот, кн. 16, гл. 24). Впоследствии привилегия есть орехи перешла к феодалам и эксплуататорам, включая буржуев и капиталистов.

Наконец, с XVII века эстафету убийства подхватило мировое масонство. Именно масоны стали употреблять грецкие орехи на своих тайных сборищах, укрепляя этим свои темные силы.

Подумайте, дорогой читатель: много ли было шансов у русского крестьянина в Рязани или Архангельске встретиться с грецким орехом, взглянуть в него и заподозрить неладное? Нет, отвечу я, такого шанса русский крестьянин не имел.

Грецкие же орехи, способные на прямой контакт еще тысячу лет назад, за последние тысячелетия полностью разочаровались в людях, которых прозвали каннибалами, и предпочитают с презрением умирать молча.

Да, среди нас есть узкие специалисты, палеонтологи, археологи, для которых не секрет, что грецкие орехи — настоящие законные властители Земли и наши братья.

Но археологи молчат. Некоторые боятся масонов, другие — сами масоны, третьи, признавая в частных беседах преступность наших коллективных действий, не могут отказаться от привычного лакомства. Их любовь к пирогам с орехами стоит высокой плотной на пути к спасению братьев по разуму.

Две проблемы стоят перед человечеством. Еще не поздно установить контакт с грецкими орехами с помощью телепатии, радиосвязи и азбуки Морзе. Сделать это надо немедленно, ибо замкнувшиеся в гордой изоляции грецкие орехи теряют память о прошлом, и иссякает их древняя мудрость, которая столько могла бы дать нам поучительного.

Вторая проблема — гуманитарная.

Я приказываю: люди, опомнитесь! Внушите каждому ребенку, что рвать с деревьев живые орехи безнравственно, а пожирать трупы упавших грецких орехов постыдно! Товарищи, неустанно разоблачайте мировой масонский заговор, остановите руку палачей! Торопитесь, люди, еще не поздно!

Ложкин Н.В., пенсионер, г. Великий Гусляр

АГЕНТ ЦАРЯ

Уважаемая редакция!

Вы меня, надеюсь, хорошо знаете, несмотря на мою личную скромность. Я имел честь неоднократно вам писать, и хотя большинство моих писем, к сожалению, остались без ответа, я отношу

это не к личным отрицательным качествам сотрудников редакции, а к отсутствию достаточной гражданской смелости и научно-го предвидения с вашей стороны. Разрешите напомнить вам, что к числу безответных писем относились мои предложения по переводу комаров, бича наших лесов, в разряд перелетных насекомых, которые, перезимовав в нашей зоне, с наступлением тепла откочевывали бы в просторы Ледовитого океана. Разрешите также освежить вашу память напоминанием о моем письме с идеей ввести приливы и отливы на протекающей возле нашего города реке Гусь с последующим использованием дешевой энергии для нужд городского хозяйства.

Однако в настоящем письме я обращаюсь к вам не с очередной идеей или открытием. Я бью тревогу!

В вашем журнале мне попало на глаза в целом любопытное исследование о загадочных обстоятельствах, сопровождавших трагическую смерть царевича Дмитрия. В ином случае я не стал бы обращаться на это исследование специального внимания, потому что не чувствую себя компетентным в этой области. Но неожиданная встреча в городе-курорте Ялте заставила меня изменить моим принципам.

Напоминаю, что в вашей статье говорилось, будто смерть юного царевича произошла от естественных причин (под таковой подразумевается ножик) и в том не было злого умысла со стороны тогдашнего правительства, возглавлявшегося Борисом Годуновым. То есть историческое высказывание А.С. Пушкина, указывающее на наличие умысла, опровергается с помощью привлеченных для этой цели документов следствия, которые якобы велись объективно.

Итак, находясь на отдыхе в городе-курорте Ялте и наслаждаясь природой и климатом, мне попался в руки журнал «Знание — сила» номер семь за текущий год. Я отдыхал душой и телом, когда ко мне подошел незнакомый мне человек в белой сорочке-водолазке и брюках-джинс. Этот человек был немолод и имел бороду клиновидного типа.

Человек присел рядом со мной и обратился ко мне с незначительным вопросом о погоде и очереди в столовую, а затем разговор перешел на другие темы, и мой собеседник показал себя компетентным в истории России отдаленных эпох. Когда отношения между нами приняли характер приятельских, этот человек обратился ко мне с просьбой оказать ему финансовое содействие, так как ему задерживают высылку командировочных. Не обладая нужной суммой денег и не считая себя вправе делиться трудовой копеей с малознакомыми людьми, я спросил его, что же это за уч-

реждение направляет человека к Черному морю и при этом не обеспечивает его содержанием?

Человек тогда заплакал и признался, что уже три дня ничего не ел. Увидев слезы на его глазах, я отвел человека в кафе на открытом воздухе, где купил ему тарелку супа и порцию шашлыка. Насытив свой аппетит, человек проникся ко мне благодарностью и потому рассказал удивительную историю своей жизни, которую подкрепил соответствующими документами и удостоверением личности.

Вкратце эта история заключается в следующем.

Известный в истории царь Иван Васильич Грозный однажды вызвал к себе своих ученых и техников, в том числе заграничного происхождения, и потребовал от них создания не чего иного, как машины времени. Оказывается, в последние годы жизни царя мучили опасения о том, как его потомки воспримут память о нем. Для того чтобы быть уверенным, что ученые и техники все-таки изобретут нужную машину и не станут отговариваться низким уровнем современной им науки, Иван IV (Грозный) указал, что в случае неудачи их ждет смертная казнь. И все мольбы ученых и беспокойство их о том, как будет развиваться наука в случае их четвертования, Иван Грозный отверг как не имеющие принципиального значения.

В таких условиях ученые и техники были вынуждены изобрести машину времени, хотя к моменту завершения работы примерно 80 процентов их поплатилось жизнью или убежало в Запорожскую Сечь.

Оставшихся в живых ученых, а также ряд дипломатов царь направил в будущее на полном казенном довольствии, снабдив документами и выписками из столбцов для того, чтобы они создавали благоприятное представление о деятельности этого монарха.

Однако результат этого начинания оказался сравнительно незначительным, так как ученые и дипломаты предпочитали не возвращаться за премиями и наградами, а оставались на месте командировки.

Со смертью Ивана Грозного деятельность дезинформаторов не прекратилась. Перемена правительства не влечет отказа от научных достижений. Борис Годунов захватил не только трон, но и идеи.

Мой собеседник приступил к работе уже после смерти Ивана Грозного, с воцарением Бориса Годунова. В его задачу входило убеждать потомков в том, что царь Борис не причастен к гибели царевича Дмитрия. Для этой цели посланец Бориса Годунова получил диплом архивного института, защитил кандидатскую диссертацию по знакомому ему периоду и теперь неустанно выступа-

ет на научных дискуссиях и в популярных журналах, обеливая жестокого монарха. Он был бы рад остаться у нас и преподавать в каком-нибудь техникуме, но привязанность к семье, детям, престарелым родителям, оставшимся заложниками в суровом XVII веке, заставляет его выполнять надоевшие и неприятные обязанности.

В Ялте лжекандидат оказался ввиду того, что должен был встретить там своего сообщника, доставляющего его командировочные и нужные (большой частью изготовленные в Пыточном приказе) документы, которые лжекандидат «открывает» в наших архивах.

После удовлетворения голода мой случайный знакомый показал мне удостоверение личности, подписанное лично Борисом Годуновым, и под видом посещения туалета скрылся от меня.

Дорогая редакция, я ни в коем случае не намерен утверждать, что опубликованная вами статья принадлежит перу этого лазутчика. Однако чувствую своим долгом обратить ваше внимание на возможность подобных инцидентов в будущем. К сожалению, мне неизвестно имя этого человека. Не знаю я, и где они скрывают машину времени.

На всякий случай сообщаю вам приметы агента царя Бориса Годунова. На вид он среднего возраста, скорее пожилого, нервный в манерах, в белой водолазке, в брюках-джинс и с бородой.

В случае, если кто-то отвечает этому описанию, берегитесь!

*С уважением, Николай Ложкин,
пенсионер, г. Великий Гусляр*

ЭДИСОН И ГРУБИН

Уважаемая редакция!

Не хочу быть назойливым, но обстоятельства заставляют меня беспокоить вас вновь. Считаю своим долгом сигнализировать о новом случае неправильного использования так называемой машины времени.

Мой сосед по дому и близкий знакомый Александр Евдокимович Грубин не имеет специального технического образования, но является талантливым изобретателем, о чем вам, возможно, уже сообщали. Разработанная им модель вечного двигателя работает без видимых причин уже третий месяц, а изобретенный А. Грубиным комбайн для сбора сирени пользуется заслуженной популярностью среди садоводов г. Великий Гусляр.

Последним увлечением Грубина стало решение проблемы пу-

тешества во времени. Для этого он соорудил установку на основе списанной будки от телефона-автомата, двигателя от автомобиля «ГАЗ-69» и других деталей. А. Грубин посвятил этому изобретению несколько месяцев упорного труда, отказывая себе в выходных и праздничных днях.

Возможно, достижения А. Грубина были бы более внушительными, если бы не существование в нашем дворе молодого человека по имени Николай Гаврилов, учащегося речного техникума, шестнадцати лет. Этот Н. Гаврилов является обладателем проигрывателя и коллекции пластинок джазового содержания. Несмотря на воспитательные беседы с его матерью и лично Н. Гавриловым, которые проводили я как представитель общественности и другие лица, Н. Гаврилов каждый вечер начиная с 18.00 часов и до полуночи проигрывает свои пластинки на полную громкость.

Ввиду того, что мой друг А. Грубин по ходу изнурительного умственного труда был доведен до состояния нервного раздражения, он переживал необходимость слушать каждый вечер джазовые и эстрадные мелодии, которые мешали ему сосредоточиться. По врожденной деликатности А. Грубин ограничивался отдельными высказываниями в адрес Н. Гаврилова, полагая, что тот не более как жертва проигрывателя. «Если на стене в пьесе висит ружье, — говорил он, — то оно должно выстрелить в четвертом действии. Мы не можем винить курильщиков, потому что они лишь жертвы открытия Америки Колумбом, который привез оттуда табак. Если изобретен патефон, то кто-то должен стать его жертвой и слушать пластинки. Мы обязаны глядеть в корень. Скажи мне, кто изобрел патефон?»

На следующий день я довел до сведения А. Грубина, что, согласно научным источникам, изобретателем фонографа, то есть первобытного патефона, является американский изобретатель Томас А. Эдисон, прославившийся также другими открытиями. На это Грубин, пытаясь перекричать звуки музыки, ответил: «Вот он во всем и виноват!»

Я указал А. Грубину, что винить Т. Эдисона в поведении Н. Гаврилова неразумно. Но А. Грубин настаивал на своем и заявил: «Все равно, все началось с Эдисона. Если нейтрализовать Эдисона, наступит тишина». В качестве аргумента я возразил А. Грубину следующим образом. «Александр, — сказал я. — Не думаешь ли ты, что если нейтрализовать Колумба, то прекратится курение?»

«Не думаю, — ответил мой друг, затягиваясь папиросой. — Это слишком рискованно. Я не имею права взять на себя ответственность за судьбу миллионов жителей Соединенных Штатов и других стран этого континента. Куда они денутся, если Америка не будет открыта?»

И тогда я кинул опрометчивую фразу. «Эдисон, — сказал я, — не подвластен тебе, Александр, потому что он сделал свое дело и умер естественной смертью».

Грубин посмотрел на меня и удалился к себе в комнату.

По истечении трех дней после этого разговора я вышел на двор подышать воздухом. Стояла ветреная осенняя погода, и двор был усыпан желтыми и оранжевыми листьями, облетевшими с деревьев, гремела музыка.

— Я готов! — крикнул мне А. Грубин из своего окна.

— К чему готов? — спросил я.

— Навести порядок! — крикнул Грубин.

— Я тебя не понимаю, Александр! — крикнул я. — Ты завершил опытный образец?

— Завершил! — крикнул Грубин. — Ну, Эдисон, погоди!

После этого из комнаты донеслись гудение, звон и грохот. Когда я взглянул в комнату через окно, стекла в телефонной будке были выбиты, Грубина не было видно.

Дорогая редакция! Вот уже третий день, как Грубин не возвращается. Я глубоко убежден, что он проник в прошедшее время и, весьма возможно, разыскивает Т. Эдисона, чтобы его нейтрализовать.

Дорогая редакция! Прошу вас срочно принять меры для возвращения А. Грубина в настоящее время и по охране здоровья и жизни покойного американского изобретателя Т. Эдисона. В данный момент я с тревогой прислушиваюсь к звукам музыки, доносящимся из окна Н. Гаврилова, опасаясь, что в любой момент времени они могут прерваться.

*С уважением и тревогой, Николай Ложкин,
натуралист-любитель, г. Великий Гусляр*

От редакции: Публикуя без изменений письмо нашего постоянного читателя, мы считаем своим долгом напомнить, что первый звукозаписывающий аппарат «хрипограф» был изобретен тифлисским изобретателем Автандилом Кикнадзе в конце XIX века. Имени американского изобретателя Т. Эдисона нам не удалось обнаружить ни в одном справочнике или энциклопедии.

КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД

Уважаемая редакция!

У меня с вами, как вижу, наладилось здоровое деловое сотрудничество, и поэтому я обращаюсь сегодня к вам, хотя, быть может, следовало обратиться в милицию.

Но не спешите отбрасывать в сторону мое письмо, как заведомо не имеющее литературной ценности; никто не знает, как повернется завтра его жизнь и к каким переживаниям приведет такой поворот.

Нижеуказанное несчастье случилось не непосредственно со мной, а с моим старым знакомым и соседом по дому Корнелием Ивановичем Удаловым, о котором вам, должно быть, известно. На днях он постучался ко мне в дверь, и вид его был взволнованным.

— Слушай, сосед, — произнес он. — Получается переплет с загадкой.

И с этими словами Корнелий поставил на пол посреди моей комнаты обыкновенного вида дорожную сумку, каковые продаются в нашем универмаге из расчета приблизительно в пределах 10—12 рублей. Ввиду того, что я выразил непонимание, Корнелий Удалов рассказал мне историю, связанную с этой сумкой.

Корнелий Удалов находился в служебной командировке в области и в зале ожидания аэропорта провел несколько часов ввиду плохой погоды на скамье. С ним находилась дорожная сумка, в которой были разные предметы гигиенического значения, а также некоторые подарки, купленные им в области для его супруги Ксении и сына. Рядом с Удаловым сидели и уходили различные люди, которые улетали во все концы нашей Родины по мере подготовки самолетов. Поэтому Удалов не может установить момента, когда его сумку случайно подменили. Причину этому я усматриваю в том, что наша местная промышленность выпускает ограниченный ассортимент дорожных сумок, мало различающихся по внешнему виду и оформлению.

Прилетев в г. Великий Гусляр, Удалов решил дойти от аэропорта до дома пешком, потому что была хорошая, правда, несколько пыльная погода.

Удалов шел по дороге в течение нескольких минут, когда ощутил, что сумка в его руках стала значительно тяжелее, чем первоначально. Он отнес этот эффект за счет своей личной усталости, вызванной трудной командировкой и длительным пребыванием в аэропорту. Однако с каждым шагом сумка становилась более увесистой, и в результате Удалову пришлось остановиться, чтобы передохнуть. По словам Корнелия Ивановича, к этому моменту сумка, весившая ранее менее пяти килограммов, обрела вес около полутора пудов. Передохнув, Удалов с трудом поднял сумку и не успел сделать нескольких шагов, как почувствовал облегчение. Он не понял, что тому причиной, а сзади раздался голос:

— Гражданин, кирпич потеряли!

Удалов оглянулся и увидел незнакомого человека, указывающего пальцем на лежащий в пыли серый кирпич.

— Я? — спросил Корнелий Иванович.

— Вы, — сказал незнакомый человек и, подойдя к кирпичу, нагнулся, с трудом оторвал кирпич от земли и добавил: — Золотой он, что ли?

Так как в голосе человека звучала подозрительность, Удалов поспешил успокоить его словами:

— Нет, это самый простой кирпич.

— А зачем с собой носишь? — поинтересовался незнакомец.

— Для дела, — сказал Удалов. — Птичник строю.

Эти его слова были ложью, но примите во внимание растерянность, овладевшую товарищем Удаловым в этот момент. Он решительно отобрал кирпич у незнакомца и только тогда задумался, каким образом кирпич мог выпасть из застегнутой на «молнию» сумки.

Подождав, пока незнакомец скроется, Корнелий Удалов, решивший уже, что происшедшее с ним не более как глупая шутка прохожего, положил кирпич на землю и проследовал далее, радуясь легкости своей ноши.

На подходе к центру города Корнелий Иванович вновь ощутил, что сумка в его руках тяжелеет. Но процесс тяжеления был постепенным, и опомнился Корнелий Удалов только в тот момент, когда услышал за своей спиной женский голос:

— Гражданин, вы кирпич обрели.

Этот возглас заставил Удалова вздрогнуть и даже замереть. Как он мне впоследствии признался, он не сразу осмелился обернуться. Но когда обернулся, то увидел, что на тротуаре позади него лежит серый кирпич, а незнакомая ему миловидная девушка указывает на кирпич пальцем.

— Я не ронял кирпича, — сказал Удалов, подозревая, что девушка тоже состоит в заговоре против него. — Я не ронял кирпича, потому что не ношу с собой кирпичей и, кроме того, у меня сумка застегнута.

— Простите, гражданин, — сказала девушка, — но я собственными глазами видела, как из вашей сумки упал кирпич.

Удалов на всякий случай осмотрел сумку, но никаких следов выпадения из нее кирпичей не обнаружил.

Встревоженный и несколько смущенный, Удалов проследовал дальше и при входе во двор нашего дома услышал, как что-то шлепнулось на землю сзади. Удалов кинул взгляд назад и увидел в воротах дома серый кирпич.

По приходе домой К. Удалова ожидали новые неприятности.

Когда он вошел в свою квартиру и раскрыл сумку для того, чтобы извлечь из нее гостинцы, он обнаружил, что в сумке нет никаких гостинцев, а также гигиенических приспособлений в виде зубной щетки. В сумке находился ящик, схожий с трансформатором, только размером 50×30×22 см. Когда Удалов попытался вынуть трансформатор из сумки, тот оказался прикрепленным к ее дну и не извлекался наружу. На этом этапе Корнелию Ивановичу пришлось отказаться от дальнейшего исследования аппарата, так как супруга и дети потребовали подарков, которых у него в наличии не оказалось, и Удалову пришлось долго оправдываться, что сумку ему подменили в аэропорту.

На вопрос своей супруги, что же Корнелий получил взамен гостинцев и гигиенических принадлежностей, он неожиданно для самого себя ответил:

— Кирпичный завод.

Его супруга Ксения решила, что он издевается над ней, и огласила дом гневными возгласами, которые заставили Удалова удалиться из дома и искать защиты и убежища у соседей, что с ним происходило и раньше.

Так как ближайшего друга Корнелия, которого зовут А. Грубин, дома не оказалось по причине отъезда в отпуск, то К. Удалов обратился с просьбой об убежище ко мне, как к человеку в летах и уважаемому.

При совместном исследовании нами сумки, содержащей прибор «КИУЛ» (Кирпичный Изготовитель Удалова — Ложкина — название условное), нами было обнаружено отверстие в дне сумки размером 20×12 см, закрытое кожмитовым клапаном, плотно примыкающим к остальной плоскости дна, с таким, очевидно, расчетом, что он открывается лишь в момент готовности кирпича. В торцевых сторонах сумки нами обнаружены небольшие отверстия общим числом 47 (диаметр отверстия 4 мм), назначение которых нам не удалось установить.

По окончании исследования прибора «КИУЛ» мы с товарищем Удаловым сошлись на том, что нам следует отнести прибор в газету либо в милицию для нахождения его законного владельца. Для этой цели мы взяли сумку и вышли с ней на улицу. Наш путь лежал к редакции газеты, так как там работает известный своей любовью ко всему новому корреспондент М. Стендаль.

Примерно через сто шагов Корнелий Иванович, несший сумку, обратился ко мне со словами:

— Слушай, Ложкин, сумка опять тяжелее стала.

Я взял сумку из рук К. Удалова и вынужден был согласиться с его мнением. На этом мы с тов. Удаловым решили вернуться до-

мой, движимые естественной любознательностью, для того чтобы взять с собой безмен и контролировать возрастающий вес сумки. До дому мы дойти не успели, так как неожиданно сумка стала легкой и мы услышали возглас:

— Товарищи, зачем кирпичами швыряетесь?

Мы немедленно обернулись и увидели, что в трех шагах позади нас на мостовой лежит серый кирпич, на который нам указывает прохожий, а именно, что важно для дальнейшего изложения, Никифоренко Семен, счетовод конторы «Заготлось» (по заготовлению рыбы лососевых пород), личность неприятная, с которым нам приходилось сталкиваться в товарищеском суде ввиду отторжения им части участка его соседки.

Мы сразу вернулись к кирпичу, и, когда я попытался поднять его с земли, оказалось, что кирпич очень тяжел. Он был тяжелее обычного кирпича по крайней мере втрое.

— Ясно, — сказал я, к сожалению, не обратив внимания на присутствие рядом Семена Никифоренко, — машина работает только на ходу. У меня сумка полчаса лежала, и ничего не произошло.

— Машина? — спросил Никифоренко.

— Ничего особенного, она чужая, — попытался отвязаться от него К. Удалов, но Никифоренко, как известно, весьма настырен. В результате мы вернулись домой, сопровождаемые этим человеком, и по дороге он выпытал у нас все обстоятельства появления машины у Корнелия Ивановича.

Наши попытки расколоть или разрубить кирпич, произведенный в сумке неизвестно из чего, не привели к желаемому эффекту. Именно тогда мы поняли, что в наших руках оказалась случайно ценная и передовая строительная машина, о пропаже которой может беспокоиться целый научно-исследовательский институт. Но нас продолжала мучить загадка: откуда сумка берет сырье для столь исключительных кирпичей?

Для выяснения этого обстоятельства мы возобновили путешествие к редакции газеты, пользуясь через каждые пять шагов безменом и наблюдая за сумкой визуально. В конце концов нам удалось составить график утяжеления аппарата, который дал наибольший привес во время прохода мимо строительной площадки у памятника Землепроходцам, однако привес по отношению к пройденному расстоянию упал во время перехода через недавно вымытую поливочной машиной площадь Дружбы.

Открытие пришло в тот момент, когда мимо нас проехала машина (а мы в этот миг проходили по незамощенной Пятиугольной улице) и подняла облако пыли.

— Смотрите! — воскликнул тогда Удалов. — Она втягивает пыль!

И в самом деле. Мы увидели, как пыль тонкими струйками втягивалась в отверстия на торцевых сторонах сумки.

— Это революция в строительном деле! — сказал тогда Удалов.

— Вот дела! — сказал на это Семен Никифоренко, который от нас не отставал. — А я для фундамента стоящего кирпича достать не могу.

К сожалению, в азарте открытия мы не обратили должного внимания на слова этого недостойного человека, и последовавшие вслед за тем драматические события выветрили эти слова из нашей памяти.

Моя супруга, гр. Ложкина, женщина тихая и скромная, догнала нас у самых подходов к редакции газеты и сказала, что пришли маляры ремонтировать наш этаж, — этого события мы ждали давно. Она также сказала, что переговоры с малярами должны вести мы, и если мы не вступим в переговоры немедленно, маляры уйдут красить соседний дом, чем они уже угрожали и моей жене, и супруге Удалова. Мы хотели было занести сначала сумку в редакцию газеты, но моя супруга была очень настойчива, и нам пришлось последовать за ней.

В этот момент коварный Никифоренко предложил нам свою помощь в передаче сумки тов. М. Стендалю, и мы последовали за моей супругой.

Вы можете, дорогая редакция, представить наше изумление и негодование, когда мы, придя через час в редакцию, узнали от Михаила Стендаля, что сумка в его распоряжение не поступала и Семена Никифоренко он в глаза не видел.

Когда мы все трое прибежали к Никифоренко, этот ничтожный собственник нагло заявил, что сумку оставил редакционному курьеру. На справедливое возражение М. Стендаля, что в редакции в настоящее время нет курьера, С. Никифоренко ответил, что за неимением курьера он передал сумку сторожу с бородой (а такого в редакции тоже нет). Все наши уговоры и даже угрозы результата не дали.

Так как это событие имело место позавчера, то весь вчерашний день мы провели в негласном наблюдении за С. Никифоренко. Наблюдение позволило нам выяснить следующее: в 10.20 утра С. Никифоренко был замечен гуляющим возле ювелирной мастерской с сумкой в руке, замаскированной под авоську с апельсинами. Подозреваем, что Никифоренко надеялся собрать золотую пыль, вылетающую через форточку мастерской, и создать себе зо-

лотой кирпичик. При виде нас С. Никифоренко обратился в бегство.

В 11.30, по сообщению общих знакомых, С. Никифоренко замечен в окрестностях цементного склада в момент разгрузки там вагонов с цементом. Через плечо у него был мешок, в который он складывал цементные кирпичи. В 13.45 человек, отвечающий описанию С. Никифоренко, с сумкой и мешком, шел за колхозным стадом по пыльной дорожке в окрестностях Великого Гусляра. Можно только удивляться выносливости и упорству этого стяжателя.

Понимая, какое значение имеет пропавший прибор для промышленного строительства, мы намерены продолжать наблюдение и устроить ночную засаду у дома С. Никифоренко. Со своей стороны просим вас немедленно принять меры и запросить Академию наук, какой из институтов утерял опытную установку по производству кирпича.

*С уважением и нетерпением
Николай Ложкин,
натуралист-любитель
г. Великий Гусляр*

*Показания Н. Ложкина подтверждаю:
Корнелий Удалов,
директор стройконторы
г. Великий Гусляр*

От редакции:

В результате принятых нами мер был обнаружен владелец утерянной сумки и в гор. Великий Гусляр направлена авторитетная группа, изъявшая с помощью тт. Ложкина и Удалова сумку у гр. Никифоренко С.С. Нам представилась возможность ознакомиться с благодарственным письмом, направленным на имя тт. Ложкина и Удалова, которое мы, с их разрешения, публикуем на страницах нашего журнала.

Дорогие товарищи Ложкин и Удалов!

Коллектив пылесосного завода и лично изобретатель пылесоса «Мальстрем» Г.К. Заварухин выражают вам искреннюю благодарность за находку и пылевые испытания нашей новой модели.

Наша новая модель портативного пылесоса повышенной всасываемости была разработана для приходящих домработниц, многодетных бабушек и сотрудников фирмы добрых услуг «Заря». Для чего пылесос был помещен в неприязнительного вида недорогую упаковку на основе хозяйственной сумки. Однако внедрение

пылесоса «Мальстрем» в производство тормозилось нерешенной проблемой избавления от спрессованных брикетов пыли, которые оставались на местах работы пылесоса и мешали дальнейшему функционированию обеспыленной территории.

Производственная идея использования пылевых брикетов для нужд строительства, предложенная тт. Ложкиным и Удаловым, решает проблему серийного производства пылесоса «Мальстрем». В знак признательности просим вас, уважаемые товарищи, принять от нас в подарок два пылесоса системы «Мальстрем» для использования дома с передачей отходов в виде пылевых брикетов на нужды жилищного строительства в гор. Великий Гусляр. Напоминаем, что срок годности батареи — 2 месяца, но пылесос может работать и от сети переменного тока.

С уважением и пожеланием успехов в работе и личной жизни, от имени сотрудников пылесосного завода

Г.К. Заварухин.

ХРОНОФАГИ

Дорогая редакция!

Следя за новинками художественной литературы, я прочел одно произведение французского буржуазного писателя Андре Моура. В нем мне встретились следующие знаменательные слова:

«Хронофаг — это чаще всего человек, который, не имея серьезных занятий и не зная, что делать с собственным временем, принимается пожирать ваше... С хронофагами надлежит быть суровым и безжалостно их уничтожать».

Должен признаться, что раньше я такого слова — хронофаг — не встречал, хотя как биолог-любитель знаком со многими терминами и научными выражениями. В словаре я нашел слово «хронометр», что означает — «точные часы». Ну а слово «фаг» известно каждому мало-мальски культурному человеку. Получилось в переводе выражение «времяжор».

И пришла мне в голову мысль, что мы наряду с пьянством еще не покончили с хронофагами. Мало того, даже выявлять их не умеем. А надо.

Потому, дорогая редакция, предлагаю вам плоды моих скромных трудов.

Я много думал, размышляя даже ночами. Потом ко мне пришло озарение, подобно яблоку с общеизвестной яблони. Ведь мистики не существует. Даже телепатию со временем обнаружат, когда найдутся подходящие приборы. Значит, для хронофагов то-

же нужно найти подходящий прибор. А где, спрашивается, должны оставлять свои следы хронофаги? Полагаю, что они больше всего наследили во времени. А каким образом мы измеряем время? Часами.

Для проведения опыта я приобрел два экземпляра часов-будильников и поставил один в комнате для проведения опыта, а второй, контрольный, — в соседней. Затем позвал я к себе гражданина Ф., который часто проводил со мной совершенно бесполезные беседы на пустые темы. Гражданин Ф., как я и ожидал, немедленно откликнулся на мое приглашение и проследовал вслед за мной в мою квартиру. В тот момент, когда мы проходили через внешнюю комнату, я обратил внимание на то, что будильник в ней (контрольный прибор) показывал 15 час. 46 мин. Будильник в задней комнате (основной прибор) показывал тоже 15 час. 46 мин.

Для звукового контроля оба будильника были поставлены в положение «звонок» на 16 час. 00 мин.

Последующие четырнадцать минут я провел в волнении и плохо слушал, о чем говорит мой гость. Точно в 16.00 зазвонил будильник в нашей комнате. Звонок контрольного будильника прозвенел с запозданием на минуту.

Эксперимент № 2 был проведен мною с тем же объектом, однако условия эксперимента были усложнены. Помимо двух будильников, в нем участвовали мои наручные часы, а также должны были участвовать часы «Хронофага-1», так я далее буду условно именовать гражданина Ф. Крайне порадовав гражданина Ф. (и крайне огорчив мою супругу) новым приглашением, я поставил с возможной точностью оба будильника и мои часы, а затем под благовидным предлогом попросил «Хронофага-1» показать мне его наручные часы. На что последовал ответ, который меня очень заинтересовал.

— Не ношу, — ответил «Хронофаг-1», — то спешат, то отстают. Я вообще часов не наблюдаю.

После этого гражданин Ф. пустился в длительные рассуждения о низком качестве отечественных часов и своих планах раздобыть где-нибудь часы импортные, желательно японские либо швейцарские фирмы «Омега».

«Не надейся, голубчик, — мысленно произнес я. — Тебе и швейцарские часы откажут время показывать».

На этот раз я позволил нашей бесцельной беседе продолжаться более часа, и результат превзошел все мои ожидания. Полагаю, что покойный физик Эйнштейн искренне порадовался бы вместе со мной, насколько все в мире относительно. Будильник в моей

комнате зазвонил с опережением в восемь минут по сравнению с контрольным будильником. Что касается моих наручных часов, то они убежали за этот час почти на пятнадцать минут. Разницу в показаниях будильника и моих наручных часов я отношу на счет того, что мои часы находились в непосредственной близости от хронофага и потому подверглись сильному воздействию его хроножорного поля.

Мне удалось выявить суперхроножора гражданина Бз., «Хронофага-2», что явилось результатом моей настойчивой деятельности по выявлению хронофагов.

В течение года я посетил ряд организаций и частных квартир, в которых побывал гражданин Бз., и могу с полной уверенностью утверждать, что, по неполным данным, этот хроножор уничтожил за год более 2367 часов чужого времени.

Несмотря на преданность науке, я не посмел пригласить к себе хроножора Бз. и ограничился беседой с его бывшей женой.

— Скажите, Марья Степановна, — спросил я ее, — не приходилось ли вам наблюдать дома в прошлом каких-либо инцидентов, связанных с неправильным поведением часов? Может быть, они часто спешили либо отставали?

— И не говорите! — воскликнула истица, к моему научному удивлению. — Ломались, как пустые яйца. Все больше спешили. А однажды я удивительную вещь видела. Он сидит, пишет что-то, бормочет и все при этом ко мне обращается. А я гляжу на часы и вижу, как стрелка часов довольно быстро по кругу идет. Вроде бы он минут пять бормотал, а стрелка часовой круг обошла. Но это уж я отношу к своей напряженной психике.

Я не стал разубеждать добрую женщину. Но следующую историю, также рассказанную ею, отношу к области ее воображения. По словам Марии Степановны, она видела, как во время празднования дня рождения ее тети, на котором присутствовал и хроножор, настольные часы, стоявшие на буфете, сделали попытку покинуть помещение в самый разгар длительной речи гражданина Бз. Для этой цели они якобы упали с буфета на пол и поползли к выходу из комнаты.

Передается ли хронофагия (хроножория) по наследству, пока неизвестно. Малолетний сын гражданина Ф., «Хронофага-1», в возрасте четырех лет сжевал будильник, к счастью, без вреда для здоровья. Я подозреваю, что это происшествие — тревожный симптом, и прошу наладить медицинское наблюдение за ребенком, для чего прислать из области хронометриста.

Полагаю, в будущем удивительные способности хронофагов

можно будет использовать для развития теории относительно-сти.

Вопрос уничтожения хронофагов оставляю пока открытым, так как среди них встречаются люди, не осознающие своей опасности для окружающих.

*С уважением, Николай Ложкин,
натуралист-любитель, г. Великий Гусляр*

ГЛАВНАЯ ТАЙНА ТОЛСТОГО

Уважаемая редакция, обращаюсь к вам, потому что мне не до шуток. Я же понимаю, что теперь серьезнее всего люди читают те места, где раньше полагалось смеяться.

Раньше я думал, что великие люди большей частью помирали, как написано в хрестоматии. Если простудился, то от чахотки, если ученый — то от яблочки по голове, а если от дуэльной пули — значит, не женись на молодой.

Но теперь, какую газету ни откроешь, какой журнал ни прочтешь, все перевернулось. Уже тысяча газет написали, что поэта Есенина повесили враги. Верно, из-за того, что женился на иностранке. Причем заставили сначала руку разрезать, кровью своей печальное стихотворение написать, потом подарить его своим друзьям-товарищам, с которыми немножко выпивал, а уж потом снова порезать себя, видно, хотел внести исправления в текст... Жалко мне поэта Есенина, ползают по нему исследователи и сплетники, как клопы.

Ну ладно, какой у нас еще поэт был? Маяковский. Вы не слышали? Во всех журналах уже написали. Оказывается, влюбила его в себя одна женщина еврейской национальности, а он возьми да втемяшись в женщину арийской национальности, и только она от него из комнаты шашь — соседи по квартире неизвестной национальности его прихлопнули. И еще приписали ему лозунг, что в этой жизни умирать нетрудно, понимаете! Поэт Солоухин сначала сделал открытие, что Блока отравили коммунисты, а потом — мало стало такой кровожадности — написал, что Пушкин был сам масоном, да ненадежным, вот они и направили в него пулю этого Дантеса.

В некотором понятном ужасе я открываю теперь газеты и журналы — не хочется во многое верить, но приходится. Все время лезут свидетели. И не стал бы я беспокоить столичное издание, если бы не новые и совершенно достоверные документы, откры-

тые на днях в городском архиве великогуслярского музея. Мне нужен срочный квалифицированный совет вашей редакции.

Я позволю себе напомнить ситуацию, сложившуюся вокруг знаменитого писателя Льва Толстого к середине 1910 года. Он ощущал завершение своей жизни и решил написать завещание. К сожалению, он не написал завещания в пользу своей семьи, потому что некоторые злопыхатели подсказали классику, что девичья фамилия его жены Берс, а отчество, возможно, Абрамовна. Завещание в пользу нее передавало тогда все средства в руки масонов, что было неправдой, но как мог разобраться в этом больной и немощный старик?

Окружившие Льва Толстого так называемые друзья, а именно некий выдававший себя за пианиста Гольденвейзер, доктор Соломон Маковицкий и английский шпион Мойше Чертков, смогли убедить Льва Толстого, что если он отпишет все свое состояние им, то они его пустят на развитие «толстовских» организаций. Чтобы подтвердить свое намерение действием, они, как можно убедиться из любой официальной биографии писателя, увезли его в лес, где бандит и громила Гольденвейзер вынул пистолет, и под дулом этого оружия Толстой был вынужден составить завещание.

Однако заговорщикам не удалось полностью скрыть свой замысел от семьи Толстого, за которой стояла германская разведка. Завещание было выкрадено из голенища толстовского сапога оберстом Шматке, служившим в доме под видом лакея Васьки.

Разумеется, Гольденвейзер и его сионистская компания готовы были расправиться с писателем в Ясной Поляне. Оружие было готово, ножи наточены. Но старик Порфирий, который когда-то учился в яснополянской школе, успел шепнуть засыпавшему уже Толстому в окно, что жить ему осталось считанные минуты.

Несмотря на почтенный восьмидесятишестилетний возраст, писатель схватил завещание, вылез в окно, вскочил на подведенного к окну Порфирием резвого коня Делира, натянул на голову серую шляпу и, несмотря на отвратительную погоду, которая царил в пять утра 28 октября 1910 года, поскакал к станции.

Теперь я должен открыть главную тайну, известную лишь узкому кругу толстоведов и скрываемую от простых людей. На самом деле Лев Толстой всю жизнь любил лишь одну женщину — Аксинью Бузыкину и детей от Аксиньи. Несмотря на то что, находясь под семейной и масонской цензурой, Лев Толстой не мог поддерживать связей с Аксиньей, он не оставлял надежды когда-то возобновить с ней если не сексуальные, то духовные связи. И вот однажды к нему пришло письмо из нашего города Великий

Гусляр, в котором, откликаясь на молчаливый призыв Льва Толстого, их с Аксиньей дочь Стеша кинула в почтовый ящик открытку — жива, мол, папа, маму похоронила, состоим в Союзе русского народа. Тут же Толстой откликнулся на скромный привет Стеши, и между ними завязалась оживленная переписка, пролежавшая без движения, к счастью, никому не известная, до наших дней.

В последнем из своих писем Лев Николаевич сообщил Стеше, что застал ночью Софью Андреевну за обыском в его кабинете (в поисках завещания) и решил бежать, о чем мы уже знаем. Бежать он будет в направлении Великого Гусляра, чтобы встретиться с дочерью в пути и составить новое завещание, которое передавало бы немалые средства Льва Толстого на нужды русского народа.

Но ни Стеша, ни Лев Николаевич не подозревали, что все письма и записки, полученные в пути, тут же попадали в руки одного из членов масонской банды — доктора Гирша Маковицкого, который уже успел вызвать на станцию Астапово своих сообщников. Сионистское лобби захватило комнату, в которой лежал с воспалением легких писатель, а германские и английские шпионы во главе с Софьей Андреевной осадили дом и установили на водокачке пулемет, рассчитывая прикрыть огнем штурм станции.

Как раз той ночью подоспели наши земляки во главе со Стешей и подъесаулом великогуслярского казачьего войска Владленом Пупицей. И тут наступила трагическая развязка.

Группа сионистов, которая контролировала внутренности станции с помощью сионистски настроенных журналистов, поняла, что с минуты на минуту начнется штурм станции как силами Софьи Андреевны, так и великогуслярскими казаками. Свидетели говорят, что в этот момент великий писатель тревожно спросил: который час? Не приехала ли еще Стеша?

Давид Маковицкий и Гольденвейзер в четыре руки тут же протянули классика стакан цианистого калия.

И когда с одной стороны в помещение начальника станции ворвались наши, а с другой стороны — ихние, все было конечно — сионистская группа уходила через заднее окно и оттуда, огородами к ожидавшей дрезине...

В начавшейся ночной перестрелке погибло еще несколько человек, в том числе супруга писателя Софья Андреевна и большинство его детей. Однако сионистское лобби, войдя во владение Ясной Поляной и всеми авторскими правами Льва Толстого, наняло на роли вдовы и детей классика нужных им людей, а следователи были, разумеется, все куплены. И эта тайна остается неоконча-

тельно разгаданной по сей день, хотя документы, которыми я располагаю, совершенно бесповоротны.

Разумеется, среди читателей вашей газеты найдутся какие-нибудь чистоплюи, которые заявят, что строить фантастические и бредовые измышления о великих людях неэтично и даже грубо. Но нельзя забывать и о том, что для масонов все средства хороши. Так что лучше горькая и сомнительная на первый взгляд гипотеза, чем деликатное умолчание.

В настоящее время, продолжая раскопки в нашем городском архиве, я обнаружил еще несколько сенсационных и отлично документированных папок. Достаточно назвать их вам, уважаемый читатель, чтобы вы с нетерпением открывали нашу газету в ожидании подробностей исторической правды.

Вот они, ожидающие исследователя дела:

«Дело о коллективном убийстве герцога гр. Синяя Борода его восемью женами, произведенном с особым цинизмом».

«Дело о каннибализме, выразившемся в пожирании гр. Колбком гражданки Лисы».

«Дело о словесном оскорблении гр. Красной Шапочкой гр. Хасбулатова при исполнении последним служебных обязанностей».

Дальнейшие раскопки продолжаются.

*С уважением,
Николай Ложкин, пенсионер,
г. Великий Гусляр*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. ГУСЛЯР-2000

...Но странною любовью. <i>Рассказ</i>	5
Перерожденец. <i>Рассказ</i>	10
Роковая свадьба. <i>Рассказ</i>	28
Мечта заочника. <i>Рассказ</i>	71
Скандал. <i>Рассказ</i>	91
Клин клином. <i>Рассказ</i>	102
Вирусы не отстирываются. <i>Рассказ</i>	112
Голова на гrenaдине. <i>Рассказ</i>	125
Женской доле вопреки. <i>Рассказ</i>	138
Лекарство от всего. <i>Рассказ</i>	143
Девочка с лейкой. <i>Рассказ</i>	150
Шестьдесят вторая серия. <i>Рассказ</i>	168
Разговор с убийцей. <i>Рассказ</i>	178
Звезды зовут! <i>Рассказ</i>	187
Шкурка времени. <i>Рассказ</i>	208
Ляльки. <i>Рассказ</i>	223
Шпионский бумеранг. <i>Рассказ</i>	236
Чего душа желает. <i>Рассказ</i>	244

Часть II. ГОСПОДА ГУСЛЯРЦЫ

Цена крокодила. <i>Рассказ</i>	263
Космография ревности. <i>Рассказ</i>	275
Инструмент для вундеркинда. <i>Рассказ</i>	286
Горилла в бронежилете. <i>Рассказ</i>	301
Из огня да в полымя. <i>Рассказ</i>	320
Пойми товарища! <i>Рассказ</i>	332
Харизма. <i>Рассказ</i>	346
Обыск. <i>Рассказ</i>	361
Пропавший без вести. <i>Рассказ</i>	374

«Твоя Рашель...» <i>Рассказ</i>	385
Жертва вторжения. <i>Рассказ</i>	408
Жизнь за трицератопса. <i>Повесть</i>	431
Ностальджи. <i>Рассказ</i>	486
Хроноспай. <i>Рассказ</i>	507

Часть III. ГУСЛЯР НАВЕКИ

Средство от давления. <i>Рассказ</i>	518
Гусляр — Неаполь. <i>Рассказ</i>	533
Воспитание Гаврилова. <i>Рассказ</i>	544
Берегись колдуна! <i>Рассказ</i>	549
Упрямый Марсий. <i>Рассказ</i>	555
Коварный план. <i>Рассказ</i>	573
Вас много — я одна... <i>Рассказ</i>	588
Туфли из кожи игуанодона. <i>Повесть</i>	601
Золотые рыбки снова в продаже. <i>Рассказ</i>	661
Гений из Гусляра. <i>Рассказ</i>	708
Ксения без головы. <i>Рассказ</i>	743

Часть IV. ПИСЬМА ЛОЖКИНА

Братья в опасности! <i>Рассказ</i>	776
Агент царя. <i>Рассказ</i>	779
Эдисон и Грубин. <i>Рассказ</i>	782
Кирпичный завод. <i>Рассказ</i>	784
Хронофаги. <i>Рассказ</i>	791
Главная тайна Толстого. <i>Рассказ</i>	794